

Н. П. Тимофѣевъ.

СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ

ВЪ

РОССІИ.

СУДЕБНЫЕ ОЧЕРКИ.

Москва.

Типографія А. И. Мамонтова и К^о, Леонтьевскій переулочъ, № 5.

1881.

Дозволено цензурою, Москва, 27 сентября 1881 года.

По поводу настоящаго изданія.

Со дня введенія у насъ суда присяжныхъ, прошло уже болѣе пятнадцати лѣтъ.

Столь значительный промежутокъ времени, представляетъ собою достаточный періодъ для того, чтобы составить характеристику нашего новаго суда, и сдѣлать ему болѣе или менѣе вѣрную оцѣнку, не на основаніи какихъ либо общихъ и теоретическихъ соображеній о достоинствахъ суда присяжныхъ вообще, а по тѣмъ результатамъ его дѣятельности, которые мы имѣемъ возможность наблюдать, какъ въ судѣ, такъ и въ обыденномъ теченіи нашей жизни.

Такого рода характеристика, можетъ быть сдѣлана, только на основаніи тщательнаго изученія дѣятельности у насъ суда присяжныхъ, и полного ознакомленія съ его бытовыми и мѣстными особенностями, а это достигается тѣмъ взаимнымъ соотношеніемъ между обществомъ и судомъ, которое является послѣдствіемъ его гласности.

Масса публики посѣщающей постоянно судебныя засѣданія, множество отдѣльныхъ представителей суда, въ лицѣ судей, прокуроровъ, защитниковъ и самихъ присяжныхъ засѣдателей, ежедневно, путемъ своихъ личныхъ наблюденій и выносимыхъ изъ судебныхъ засѣданій впечатлѣній, имѣютъ возможность обстоятельно и разносторонне, изучать всѣ функціи отправленія у насъ суда присяжныхъ.

Но дѣло въ томъ, что всѣ эти отдѣльныя впечатлѣнія, съ пристрастіемъ изъ нихъ выводами, составляя результатъ наблюденій каждаго отдѣльнаго лица, въ тоже время проходятъ для другихъ совершенно безслѣдно, не дѣлаясь общественнымъ достояніемъ.

Между тѣмъ нельзя отвергать, что всѣ подобнаго рода отдѣльныя выводы, замѣчанія, и наблюденія, надъ жизнію и дѣятельностію нашего суда присяжныхъ, представляютъ собою общій для всѣхъ интересъ, и будучи предметомъ взаимнаго обмѣна мыслей, между людьми, принад-

лежащими къ развитой части общества, могутъ въ своемъ цѣломъ, представить обильный матеріалъ, для всесторонней оцѣнки на нашей отечественной почвѣ суда присяжныхъ, для изученія того вліянія, которое онъ оказалъ на нашу народную жизнь.

Результаты такого рода личныхъ наблюденій, представляютъ собою ту еще существенную важность, что они констатируютъ факты, взятые прямо изъ жизни, затрогиваютъ вопросъ о дѣятельности присяжныхъ засѣдателей въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, и касаются этой дѣятельности ихъ, со всѣхъ доступныхъ для наблюденія сторонъ.

Все это даетъ возможность, установить общую характеристику учрежденія у насъ суда присяжныхъ, и изъ данныхъ, основанныхъ на несомнѣнныхъ фактахъ, на живыхъ наблюденіяхъ людей, соприкасавшихся въ судахъ съ дѣятельностію присяжныхъ засѣдателей, дать ему ту справедливую и серьезную оцѣнку, которую онъ вполне заслуживаетъ, представить въ наглядной формѣ общую картину того, какимъ явился у насъ въ Россіи этотъ совершеннѣйшій изъ всѣхъ идеаловъ суда—судъ непринужденной человѣческой совѣсти.

И вотъ, не смотря на то, что въ судахъ нашихъ, уже относительно большой промежутокъ времени, раздается рѣшающій голосъ свободной непринужденной совѣсти присяжныхъ засѣдателей, попытки обрисовать общую дѣятельность ихъ, въ той или другой литературной формѣ, у насъ до сихъ поръ почти еще не было.

Продолжительное служеніе мое въ вѣдомствѣ судебныхъ установленій, образованныхъ по уставамъ 20 ноября 1864 года, дало мнѣ возможность, изъ личныхъ моихъ наблюденій, собрать достаточный матеріалъ, для нѣкоторой характеристики нашего суда присяжныхъ и разработки связанныхъ съ нимъ вопросовъ.

Эти наблюденія мои слагались изъ всего того, что могли мнѣ дать, многочисленныя судебныя засѣданія съ присяжными засѣдателями, въ которыхъ я принималъ участіе, при самыхъ разнообразныхъ составахъ присяжныхъ, въ столицахъ, въ губѣрнскихъ городахъ и уѣздныхъ центрахъ, изъ ознакомленія моего съ приемами, употребляемыми присяжными засѣдателями на судѣ, для уясненія себѣ обстоятельствъ дѣла, способами нравственной оцѣнки ими личностей подсудимыхъ и многими другими подобными обстоятельствами.

Кромѣ того, интересуясь всегда внутреннею стороною жизни суда присяжныхъ, я не упустилъ никогда случая, подмѣтить или уловить

въ ихъ рѣшеніяхъ, тотъ или другой руководившій ихъ совѣстью мотивъ, а путемъ личныхъ моихъ съ ними собесѣдованій, весьма часто, приобрѣталъ такіа свѣдѣнія, наталкивался на столь трезвыя и здравыя сужденія ихъ, которыя обличали въ присяжныхъ способность, разрѣшать просто но ясно, иногда самыя запутанныя обстоятельства, и ориентироваться въ своемъ положеніи судей, строго опредѣленнымъ тактомъ, безпристрастіемъ и главное, осторожностію.

Въ другихъ случаяхъ, обмѣнъ мыслей съ присяжными засѣдателями, раскрывалъ передо мною, глубокій нравственный смыслъ постановляемыхъ ими рѣшеній, обнаруживалъ крайнюю сдержанность ихъ, при обсужденіи предлагавшихся на разрѣшеніе ихъ вопросовъ, указывалъ на разумное направленіе воли и совѣсти ихъ, къ достиженію возможно справедливаго приговора.

Наконецъ, не рѣдко путемъ такого обмѣна, объяснялись передо мною весьма просто и далеко незамысловато, тѣ недоумѣнія и сомнѣнія, которыя возникали иногда невольно, послѣ провозглашенія нѣкоторыхъ оправдательныхъ и обвинительныхъ вердиктовъ, казавшихся на первый по крайней мѣрѣ разъ, подъ первымъ впечатлѣніемъ, трудно объяснимыми, если не непостижимыми.

Само собою разумѣется, что иногда мнѣ приходилось наблюдать и неудовлетворительныя стороны дѣятельности нашихъ присяжныхъ засѣдателей, подмѣчать ошибки и упущенія ихъ, неизбѣжныя впрочемъ въ каждомъ человѣческомъ дѣлѣ; но такіе случаи были рѣдки, и являлись какъ исключенія изъ общаго правила.

Значительный запасъ, находящагося въ моемъ распоряженіи указаннаго выше матеріала, о дѣятельности суда присяжныхъ, навелъ меня на мысль, о систематической обработкѣ его, для составленія и изданія въ свѣтъ сборника, подъ заглавіемъ «Судъ Присяжныхъ въ Россіи.» Но, не надѣясь на возможность осуществленія этого предположенія своего, только при посредствѣ собственныхъ своихъ силъ, съ другой же стороны, не посягая на право дѣлать какіе-либо выводы о судѣ присяжныхъ, на основаніи личныхъ только своихъ наблюденій, взглядовъ и убѣжденій, я рѣшился обратиться съ просьбою о содѣйствіи мнѣ въ осуществленіи моей цѣли, ко всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, лицамъ и учрежденіямъ, которыя по свойству своихъ обязанностей, занятій и профессій, могли бы оказать мнѣ въ этомъ дѣлѣ свою помощь.

Въ этихъ видахъ, я въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1879 года, составилъ и

издалъ небольшую брошюру, въ которой изложилъ, какъ будущій характеръ моего сборника, такъ равно и имѣющіяся въ виду при составленіи его цѣли, а въ Іюнѣ мѣсяцѣ того-же года, въ дополненіе къ этой брошюрѣ, выпустилъ въ свѣтъ подробную программу, включивъ въ нее около тысячи разнаго рода вопросовъ, тезисовъ и положеній, которые въ разработанномъ видѣ должны были составить, содержаніе предположеннаго мною сборника.

Какъ брошюра, такъ равно и программа, въ значительномъ числѣ экземпляровъ, были мною бесплатно разсланы, весьма многимъ представителямъ судебного вѣдомства, прокуратуры, адвокатуры, членамъ судебно-мировыхъ и земскихъ учрежденій, и многимъ другимъ мѣстамъ и лицамъ, на содѣйствіе которыхъ по доставленію мнѣ матеріала для сборника, я имѣлъ основаніе болѣе или менѣе рассчитывать.

Для приданія большей гласности предпринимаемому мною изданію, экземпляры брошюры разсланы были, во всея наиболѣе распространенные столичные и провинціальныя періодическіе журналы и газеты, а также въ бібліотеки и кабинеты для чтенія. Кроме того, нѣкоторое количество брошюры и программы, пущено было въ продажу для всѣхъ желающихъ.

Наконецъ, въ теченіи болѣе двухъ лѣтъ, я не переставалъ дѣлать публикаціи, о предпринимаемомъ мною трудѣ, вызывая постоянно желающихъ, оказать мнѣ свое посильное сотрудничество, по доставленію необходимаго для составленія сборника матеріала.

На призывъ мой откликнулись весьма многія лица, и изъ разныхъ мѣстностей Россіи, я получилъ не мало самыхъ разнообразныхъ сообщеній и характеристическихъ указаній, относительно жизни и дѣятельности нашего суда присяжныхъ.

Издаваемые мною нынѣ въ свѣтъ настоящіе очерки, составляютъ въ разработанномъ видѣ, результаты того матеріала, который я до сего времени получилъ и которымъ могъ располагать, включая сюда и свою личную судебную практику.

Добавлю еще, что пособіемъ въ настоящемъ трудѣ моемъ, иногда служила мнѣ, и текущая литература послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, поскольку она касалась, разлічнаго рода разбираемыхъ мною вопросовъ.

Н. Тимофѣевъ.

Товарищъ Прокурора Московскаго Округнаго Оуда.

СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ ВЪ РОССИИ.

СУДЕБНЫЕ ОЧЕРКИ.

I.

Введение въ Россіи Суда Присяжныхъ.

Судебные Уставы 20 Ноября 1864 года, въ исторіи развитія и совершенствованія нашей общественной жизни, представляютъ собою одно изъ наиболѣе крупныхъ явленій.

Ни одна изъ реформъ настоящаго царствованія, послѣ освобожденія крестьянъ, не была встрѣчена съ тѣмъ живымъ сочувствіемъ, съ тѣмъ неподдѣльнымъ восторгомъ, съ которыми наше общество, встрѣтило судебную реформу.

Это и понятно.

Интересы праваго суда — интересы слишкомъ существенные для того, чтобы общество могло относиться къ нимъ безучастно, а въ этомъ отношеніи, наши прежніе суды, съ ихъ теоріею формальныхъ доказательствъ, съ ихъ признанными несовершенствами и весьма многими существенными недостатками, отзывались слишкомъ тяжело на нравственной жизни общества.

Уставы 20 Ноября въ полномъ ихъ составѣ, введены были впервые, какъ извѣстно, въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, и намъ доселѣ памятно то общественное возбужденіе, которое овладѣло всѣми въ то время, когда ставшія на очереди уголовныя дѣла, заключились первыми провозглашенными приговорами присяжныхъ засѣдателей.

Дни 17 и 23 Апрѣля 1866 года, такъ достойно чтимые и по настоящее время, всѣми представителями судебного міра, никогда не изгладятся изъ памяти русскаго народа, какъ первые провозвѣстники открытія новаго гласнаго суда — суда милостиваго, суда правды и справедливости.

Первыя засѣданія суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, походили на какія-то священно-дѣйствія.

Присяжные засѣдатели со страхомъ и трепетомъ, приступали къ отпра-

ленію своихъ обязанностей, священнослужители продолжительными и исполненными глубокаго религіознаго чувства увѣщаніями, внушали присяжнымъ, на первыхъ же порахъ своей судейской дѣятельности, явить собою примѣръ вполне доблестныхъ судей. Сами судьи, на долю которыхъ выпалъ счастливый жребій, быть первыми представителями новаго гласнаго суда, съ понятнымъ чувствомъ достоинства и сознанія высокаго своего значенія, выступали въ публичныхъ засѣданіяхъ суда, въ обстановкѣ невиданнаго еще у насъ, торжественнаго судебного разбирательства.

Отъ новаго гласнаго суда и развитое общество наше, ждало чего-то необычайнаго.

Убѣжденіе, что первенствующимъ элементомъ въ новомъ судѣ, будетъ свобода непринужденной совѣсти присяжныхъ, внушало то довѣріе къ суду, которое сдѣлалось теперь, общественнымъ достоиніемъ почти уже всей Россіи. Но еще большимъ впечатлѣніемъ, отражалось введеніе суда присяжныхъ въ средѣ менѣе развитой, въ глухой провинціи на примѣръ, гдѣ масса простаго народа, на неизвѣстныя еще ей обязанности присяжныхъ засѣдателей, смотрѣла какъ на нѣчто для нея недосыгаемое.

Въ то время, когда судъ присяжныхъ, только что вводился еще у насъ, можно было подмѣтить въ средѣ простолюдиновъ, одно нелишнее интереса явленіе.

Не зная еще, въ чемъ заключается сущность этого новаго суда, и какими правами могутъ располагать присяжные засѣдатели, призываемые въ составъ суда, простолюдины однакоже отлично понимали, что въ этихъ судейскихъ обязанностяхъ присяжныхъ, главную роль будетъ играть совѣсть ихъ.

И вотъ, ограждая достоинство этого суда совѣсти, относясь къ нему съ тѣмъ высокимъ уваженіемъ, которое имъ внушало понятіе о судѣ, простолюдины-присяжные, на первыхъ же порахъ своей дѣятельности, выказывали извѣстное умѣніе, ограждать свою среду присяжныхъ, отъ соучастія въ ней элементовъ неблагонадежныхъ.

Въ одномъ изъ окружныхъ судовъ, вскорѣ послѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, на уѣздной сессіи, присяжные засѣдатели полнаго уже состава, выбранные для рѣшенія дѣла, заявили предсѣдателю, что въ средѣ ихъ находится одинъ крестьянинъ, съ которымъ они «судить не могутъ», потому что «совѣсти у него нѣтъ».

Судъ былъ крайне озадаченъ такимъ заявленіемъ присяжныхъ и тѣмъ еще болѣе, что опозоренный своими сотоварищами присяжный засѣдатель крестьянинъ, ничего не возразилъ противу такого заявленія, а напротивъ, какъ бы въ подтвержденіе его, потупилъ глаза и отошелъ въ сторону.

— Какъ же это такъ, у него, говорите вы, нѣтъ совѣсти, обратился предсѣдательствующій къ прочимъ присяжнымъ засѣдателямъ.

— Потому, отвѣчалъ одинъ изъ его односельцевъ, что когда онъ волостнымъ судьей былъ, на волости значить, у насъ судилъ, даже водкой онъ бралъ за судейство свое, за тое его и ссадили съ волостныхъ судьевъ.

По заключенію товарища прокурора, судъ, въ виду коллективнаго заявленія односельцевъ этого присяжнаго, о его судейской неблагонадежности, вычеркнулъ его совѣтъ изъ списка присяжныхъ.

Нѣсколько похожій на этотъ случай, былъ въ другомъ окружномъ судѣ, гдѣ тоже простоядины-присяжные засѣдатели, зарекомендовали себя со стороны крайне строгаго отношенія къ своимъ судейскимъ обязанностямъ.

Дѣло въ томъ, что еще передъ открытіемъ судебного засѣданія, составивъ изъ себя нѣсколько отдѣльныхъ группъ, они объ чемъ-то между собою горячо переговаривались, какъ будто спорили.

Оказалось, что они предположили сдѣлать суду заявленіе о томъ, что въ средѣ ихъ находится одинъ присяжный—баринъ, который, по ихъ словамъ «хоща и дворяниномъ прозывается, одначе дѣла не дворянскія дѣлаеть».

На распросы судебного пристава, присяжные засѣдатели объяснили, что они «этого барина хорошо знаютъ, потому, какъ онъ на весь уѣздъ огласку имѣеть, съ Теренинской Горы у солдатки Павлушихиной дочку обидѣлъ, такимъ значить дѣломъ непотребнымъ, и жалилась на него солдатка тая, да деньгами откупилса онъ, а потому не можно ему судить другихъ, когды онъ самъ не по закону дѣлаеть».

Эти пересуды присяжныхъ, дошли конечно, и до барина-присяжнаго; вѣроятно, ему не особенно интересно было, выслушать публично такую аттестацію о своей особѣ, а потому онъ призналъ за лучшее, уйдти изъ состава присяжныхъ по собственному почину, и отретировался домой.

Судъ по открытіи засѣданія, оштрафовалъ его за неявку въ засѣданіе тремя рублями, тѣмъ дѣло и кончилось.

Подобные случаи имѣють свое значеніе.

Они наглядно показываютъ, какъ присяжные засѣдатели, даже изъ простоядиновъ, въ первое же время, по введеніи новаго суда, поставили высоко обязанности своего призванія, сзумѣли проникнуться сознаниемъ, что только чистые, незапятнанные элементы, должны войти въ составъ суда совѣсти, и что въ этомъ судѣ, не могутъ быть терпимы такіе общественные представители, съ личностями которыхъ, несовмѣстимы понятія, о людяхъ достойныхъ и совѣстливыхъ.

Газеты и журналы временъ введенія суда присяжныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, полны самыхъ разнообразныхъ указаній на то, какъ въ каждой отдѣльной мѣстности, населеніе встрѣчало учрежденіе института присяжныхъ, въ чемъ народъ видѣлъ главное достоинство этого рода судебного представительства, и съ какими понятіями и убѣжденіями, выступали на судейскую дѣятельность наши первые присяжные.

Вотъ нѣсколько сообщеній, полученныхъ лично нами по тому же поводу изъ разныхъ мѣсть.

Въ одну изъ уѣздныхъ комиссій, по составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей, трое крестьянъ, получившихъ извѣщенія, объ избраніи ихъ въ присяжные, явились съ заявленіемъ, прося освободить ихъ «на первый

разъ отъ обязанности судей «поколь присмотрятся», какъ народъ по умѣ ихъ будетъ судить, «потому тоже судъ дѣло Божье, великое, такъ зря, не вѣдавши, несуразно идти».

Ходатайство крестьянъ было уважено, они изъ первой очереди присяжныхъ, были перенесены въ третью, а въ теченіи первой сессіи, несмотря на то, что она шла лѣтомъ, прибывъ нарочито въ городъ, неуклонно высидѣли въ судѣ во все время сессіи, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за тѣмъ, какъ присяжные судили и рѣшали дѣла.

Въ нѣсколькихъ случаяхъ представители сельскаго и городскаго населенія, попавшіе въ списки присяжныхъ, для предварительнаго ознакомленія своего съ сущностью суда присяжныхъ, обращались съ просьбою о томъ, къ участковымъ мировымъ судьямъ, и вообще къ лицамъ компетентнымъ въ дѣлѣ новаго суда.

Наконецъ, нельзя не указать и на одинъ еще случай, когда по назначеніи сессіи въ одномъ уѣздномъ городѣ, городскіе представители, получившіе повѣстки о явкѣ ихъ въ судъ въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей, командировали изъ среды себя, трехъ присяжныхъ въ губернской городъ, въ окружный судъ, съ тѣмъ, чтобы они тамъ ознакомились съ новыми распорядами «какъ на счетъ присяжныхъ тамъ дѣла разбирать, чтобы всячески не обухами передъ судомъ явиться, и на себя конфузу и страмоты не наложить».

Подобные примѣры служатъ доказательствомъ того, съ какою осторожностью, первые присяжные засѣдатели, приступали къ своимъ обязанностямъ, и кромѣ того свидѣтельствуютъ, о крайне строгомъ отношеніи къ самимъ себѣ тѣхъ лицъ, которыя впервые являлись на судъ, въ новой и мало извѣстной еще имъ роли судей совѣсти.

По этому же предмету, приводимъ въ подлинникѣ письмо одного сельскаго священника, въ которомъ онъ описываетъ личныя свои и нѣкоторыя изъ его прихожанъ впечатлѣнія, по поводу назначенія въ ихъ мѣстности «перваго суда съ присяжными».

«Прошелъ знаете это у насъ слухъ на приходѣ, и въ волости объявленіе отъ гражданской власти—пишетъ священникъ въ письмѣ своемъ—что наѣздъ въ городъ къ намъ будетъ, губернскаго окружнаго суда, для судбища преступниковъ, и нашего села тремъ мужичкамъ, прихожанамъ моимъ, еще задолго до того повѣстки пришли, быть, по удостоенію начальства, присяжными засѣдателями».

«Пришли они ко мнѣ съ лицами озабоченными, сугубо серьезными, такъ молъ и такъ, батюшка, говорятъ, какъ таперя быть намъ, по судейскому дѣлу требуютъ насъ на окружный въ городъ, народъ разный за провинности сказываютъ, судить; ну, какъ ты ёво сказываютъ, судить будешь, когда ничего того невидано, не знаешь какъ, а передъ Богомъ, чтобы сумлѣнія за свою ошибку не взять, и тоже всякое такое, чтобы дѣло по душѣ сдѣлать?»

«Стали это просить они меня—пишетъ даѣе священникъ—разсказать имъ,

какимъ порядкомъ судъ будетъ, какое т. е. ихъ положеніе на судѣ выйдетъ, какъ, да что имъ дѣлать. Ну, рассказалъ я имъ, какъ зналъ, по уставу судебному прочелъ про ихъ обязанности; будетъ говорю вамъ, кромѣ того на самомъ судѣ объясненіе, отъ предсѣдателя суда, и по пастырскому долгу напомнилъ имъ, чтобы совѣсть свою они помнили, по правдѣ судили бы, потому присягать будутъ. Вотъ они: страшно батюшка горазъ говорятъ, ну, какъ не потрафишь сказываютъ, осудишь, да не такъ. Очень посторожились, и по совѣту моему, что на такое великое дѣло, безъ Божьяго благословенія идти не подобаетъ, пожелали на судбище съ молитвой отправиться».

«На утро, какъ собрались уже въ дорогу, пришли они ко мнѣ; сельчане многіе провожали ихъ, отрядили имъ отъ общества подводу; въ храмъ Божій пошли мы, молебень имъ отслужилъ я, чтобы Господь ихъ на судейское дѣло мудростью наставилъ; добрымъ словомъ понапутствовалъ—уѣхали. Черезъ недѣлю наши выборщики-присяжные назадъ, прямо съ дороги ко мнѣ; узнали про это односельцы, нашло народу цѣлая ярмарка: «Расскажи, молъ, дядя Егоръ, какъ судили»; Панкрата-старика просто затеребили; ну и какъ пошли они это говорить, уже безъ опаски, а такъ съ спокойной души, какъ они присягу принимали, какъ дѣла слушали, и какъ тамъ весь этотъ порядокъ былъ—заслушались всѣ. Вотъ говорятъ батюшка, когда судъ настоящий пришелъ, настоящий значить, по совѣсти, отъ милостивца; одинъ, говорятъ, человѣкъ ошибется, два ошибутся, а тутотва было насъ на каждомъ дѣлѣ съ запасомъ-то четырнадцать человѣкъ; значить, говорятъ, коли всѣ ужъ скажутъ кому—виновать, такъ ужъ доподлинно тотъ виновать; ну и все же виноватому строгаго принужденія нѣтъ, а коли что онъ повинился, можно суду сказать, значить—молъ жалостно его, это-то есть по нашему—снисхожденія заслуживаетъ».

«Великое дѣло въ нашей сельской жизни судъ присяжныхъ—такъ заканчиваетъ свое письмо нашъ корреспондентъ іерей—онъ обновилъ въ понятіи народа многія такія вѣрованія, которыя въ немъ почти перестали уже существовать».

Правительствующій сенатъ, въ журналѣ своемъ отъ 19 февраля 1880 года, по поводу празднованія двадцатипятилѣтія царствованія, въ Божѣ почившаго Государя Императора, обозрѣвая реформы, возвеличившія Россію за это двадцатипятилѣтіе, между прочимъ, относительно дѣятельности суда присяжныхъ выразился, что введеніе этого суда, способствовало распространенію въ массѣ народа чувства законности.

И это нельзя не признать совершенно справедливымъ.

Масса народа, говоритъ тотъ же журналъ, имѣвшая въ прежнее время весьма смутное понятіе о значеніи суда, и способахъ его отправленія, по невѣжеству своему, весьма часто не знала даже того, что наказуемо и что дозволено, что по закону составляетъ преступленіе, и что не воспрещается подъ страхомъ наказанія. Присяжные засѣдатели, ставшіе изъ рядовъ массы народа въ положеніе судей, подъ просвѣщающимъ руководствомъ коронаго

суда, освоились весьма скоро съ тѣми нравственными понятіями и взглядами, которые присущи всякому развитому обществу; прислушиваясь къ рѣчамъ обвинителей и защитниковъ, они научились и въ обыденной обстановкѣ своей житейской прозы, отличать бѣлое отъ чернаго, сознательно понимать тѣ идеальные интересы, которые преслѣдуетъ уголовный судъ; они научились уважать личность своего ближняго, и своими знаніями и опытностію, явились свѣточами темной до того среды своей, которая въ области права не знала никакихъ другихъ элементовъ, кромѣ силы и богатства.

Равенство передъ судомъ, столь рельефно проведенное въ судѣ присяжныхъ, произвело на общество, самое живое впечатлѣніе; совѣсть двѣнадцати избранныхъ судей, сразу явила себя непоколебимымъ оплотомъ правды, милости и справедливости, равенство для всѣхъ стало яснымъ.

И дѣйствительно, на первыхъ же порахъ своей дѣятельности, присяжные засѣдатели всевозможныхъ оттѣнковъ, выказали весьма много замѣчательнаго такта, а въ приговорахъ ихъ яркими красками, отразилась настоящая общественная совѣсть; они научились въ короткое время держать себя съ тѣмъ достоинствомъ, которое присуще положенію и званію судьи.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ о дѣятельности новыхъ судебныхъ установленій, за время съ 17 мая по 17 ноября 1866 года, министръ юстиціи между прочимъ указывалъ, что участіе присяжныхъ засѣдателей въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, и сопряженная съ нимъ торжественность отправленія правосудія, возвысили общее уваженіе къ судебнымъ установленіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сблизили взаимнымъ довѣріемъ составъ суда со всѣми слоями общества. Отчетъ съ большою похвалою отзывается объ уѣздныхъ присяжныхъ засѣдателяхъ, состоявшихъ по большей части изъ крестьянъ.

Они оправдали вполнѣ, говорится въ этомъ отчетѣ, возложенныя на нихъ надежды, разрѣшая правильно и удовлетворительно, въ наибольшей части случаевъ самые трудные вопросы.

Наравнѣ съ словами этого отчета, пресса и печать съ замѣчательнымъ единодушіемъ относились къ институту присяжныхъ, сознавая, что дѣло новаго суда стало у насъ на вполнѣ подготовленную почву.

По этому же поводу, одинъ изъ провинціальныхъ земскихъ дѣятелей, касаясь присяжныхъ изъ крестьянъ, пишетъ намъ слѣдующее: «Мы помнимъ какъ передъ введеніемъ у насъ суда присяжныхъ, въ обществѣ нашемъ выражались опасенія за то, можно-ли ввѣрить дѣло суда, а съ нимъ и судьбу нерѣдко цѣлыхъ семействъ, необразованной, неразвитой и грубой массѣ присяжныхъ изъ крестьянъ».

«Время прошло, судебные уставы ввелись у насъ, наши присяжные стали дѣйствовать... и преждевременныя опасенія за умѣлость ихъ рушились».

«Грубый необразованный мужикъ, на судѣ дѣлался человѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова, обстановка суда, боязнь отвѣта передъ своею совѣстью, и присяга предъ Богомъ, лучше всякой западно-европейской дрессировки, вліяли на нашъ простой людъ, и выводили на служеніе дѣлу правосудія, его чистые инстинкты, его доброе отношеніе къ ближнему».

«Мы разомъ перестали бояться крестьянъ-присяжныхъ, мало того, теперь въ составахъ суда мы ихъ даже ищемъ, мы вѣримъ имъ, и безбоязненно отдаемъ ихъ совѣсти».

До какой степени введеніе суда присяжныхъ, являло собою благодѣяніе для общества, какъ сильна была вѣра въ правдивость и милость этого суда, могутъ служить тѣ многочисленные примѣры изъ практики нашихъ прежнихъ судовъ, когда подсудимые и лица, заинтересованныя въ дѣлахъ, въ ожиданіи введенія судебной реформы, нерѣдко умышленно затягивали свои дѣла, принимали мѣры къ тому, чтобы производимыя объ нихъ и по жалобамъ ихъ слѣдствія, поступили бы уже на разсмотрѣніе новыхъ судовъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, а не въ старые, закрывающіеся суды.

Инстинктъ человѣческой совѣсти, въ этихъ стремленіяхъ сказался крайне наглядно.

Завязтые преступники, у которыхъ повидимому была уже потеряна всякая совѣсть, тяготѣли однако же къ тому суду, въ которомъ эту совѣсть они осуществляли въ своемъ понятіи, въ видѣ правды и милости.

Намъ извѣстны весьма многіе случаи, когда до введенія еще судебной реформы, арестанты, прослышавъ о преимуществахъ новаго суда, обращались къ различнымъ властямъ съ просьбами и ходатайствами о томъ, чтобы судъ надъ ними приостановить до тѣхъ поръ, пока „не найдутъ новые суды“, и когда эти ходатайства арестантовъ, не были уважаемы, по неимѣнію къ тому законныхъ поводовъ, то многіе изъ нихъ умышленно затягивали свои дѣла, новыми на себя извѣтами въ фиктивныхъ преступленіяхъ, лишь бы какъ нибудь, затянуть время, и подвести себя подъ новый судъ.

Желаніе имѣть дѣло съ новымъ судомъ, обуславливалось иногда и другими мотивами.

Такъ, на примѣръ, по дѣлу, производившемуся въ старомъ порядкѣ, вдова капитана, по жалобѣ которой начато было у судебного слѣдователя дѣло, объ изнасилованіи ея дочери — обратилась къ слѣдователю съ просьбой о томъ, чтобы онъ замедлил въ окончаніи это слѣдствіе возникшее по ея ходатайству.

«Для васъ, господинъ судебный слѣдователь, писала она въ своемъ прошеніи, это не можетъ составить никакого препятствія или расчета, а для меня это составитъ предметъ очень важный».

«Я не надѣюсь, продолжала она, на старый судъ, потому что прямыхъ доказательствъ въ обидѣ моей дочери не имѣю и представить не могу, и къ тому же вы знаете, что обидчикъ ея, со связями и съ вѣсомъ. Мнѣ мудрено съ нимъ судиться, когда за него, конечно, пойдетъ судебное мнѣніе, и бѣдной дѣвушкѣ, гувернанткѣ его, не дадутъ вѣры противу его рѣчей; а на новый судъ, я съ Божіей помощью надѣюсь, что сиротскія слезы моей обиженной дочери, дойдутъ до совѣсти присяжныхъ».

Къ сожалѣнію и это сокровенное ходатайство старушки просительницы, осталось безъ послѣдствій; ожиданія ея оправдались, «судебное мнѣніе»,

какъ она выразилась, сказалось не за ея дочь, и репутація бѣдной оскорбленной дѣвушки, осталась невозстановленною.

Еще случай въ нѣсколько иномъ родѣ.

Находившійся на свободѣ подсудимый чиновникъ, обвинявшійся своимъ начальствомъ въ подмогахъ и растратѣ, передъ самымъ поступленіемъ его дѣла въ судебное установленіе стараго порядка, не понадѣясь, вѣроятно, тоже на его судебное мнѣніе, чтобы задержать рѣшеніе своей участи — скрылся съ мѣста своего жительства, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ бѣжалъ даже за границу, и затѣмъ явился самъ собою съ повинною только тогда, когда въ той мѣстности были открыты новые суды съ присяжными засѣдателями.

Этому подсудимому угрожало строгое наказаніе, а нерасположеніе къ нему начальства его, не предвѣщало ему благопріятнаго исхода. Между тѣмъ, присяжные его оправдали потому, что раскрывъ передъ ихъ свободною совѣстью свои небольшіе грѣшки, онъ въ то же время разоблачилъ болѣе крупныя прегрѣшенія тѣхъ властей, которыя отдали его подъ судъ, оставшись сами въ сторонѣ.

И такихъ случаевъ, въ періодъ «переходнаго состоянія нашихъ судовъ», было не мало.

«По нашему дѣлу желательно намъ, чтобы примѣрно судили насъ новымъ судомъ, писалъ одинъ арестантъ убійца въ слезномъ прошеніи своемъ на имя уѣзнаго стряпчачаго, потому, какъ осудить человѣка, мало какъ есть знать, кто убилъ, и шабашъ, а доподлинно по Божецкой совѣсти, разобрать слѣдуетъ за что, и изъ какихъ дѣловъ убилъ, потому и мы сами себѣ понимаемъ, что убивство наше и грѣхъ нашъ, одначе совѣсти мы не потеряли и кому если по сердцу нашу дѣль рассказать, всякъ за насъ слезы утретъ, какъ много мы горя видали, и сами себѣ не хоча такой грѣхъ взяли».

Эта выписка изъ арестантскаго прошенія указываетъ, какъ тонко и вѣрно, понималъ и опредѣлялъ простой народъ, суть и главное достоинство суда присяжныхъ, такъ сказать, заслугу его даже передъ тяжкими преступниками.

Въ настоящее время, присяжные засѣдатели, провозглашаютъ свои совѣстливые, справедливые и милостивые приговоры, на пространствѣ почти уже всей Россіи, и нужно ли указывать на то, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ того же тѣ мѣстности, гдѣ по разнымъ причинамъ, судъ присяжныхъ до сихъ поръ не могъ еще быть введенъ.

II.

Вліаніе суда присяжныхъ на общество.

Правильно устроенный, достойно и справедливо отправляемый судъ, играетъ важную роль, въ нравственной и соціальной жизни народа. Онъ служитъ огражденіемъ правъ и неприкосновенности личности гражданъ, онъ охраняетъ

ихъ имущественные интересы, въ немъ заключается защита ихъ противъ всякаго произвола, неправды и несправедливости.

Но не въ этомъ одномъ только, заключается вся задача суда, по современнымъ взглядамъ науки права, и понятіямъ, всякаго развитаго и образованнаго общества.

Уголовный судъ, карая преступника за совершенное имъ противозаконное дѣяніе, возстановляя приговоромъ своимъ, то или другое нарушенное право, въ то же самое время, и что всего важнѣе, преподаетъ урокъ обществу, указывая ему на послѣдствія всякаго правонарушенія.

Говоря словами юристовъ, этимъ опредѣляется воспитательное значеніе приговоровъ суда для общества, и конечно, чѣмъ общество менѣе развито, чѣмъ ничтожнѣе распространены въ немъ здравыя понятія и сужденія, о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ, чѣмъ наконецъ ниже, уровень умственнаго развитія этого общества, тѣмъ это воспитательное значеніе, не только самихъ приговоровъ, но даже и судебного процесса, приобретаетъ большее значеніе и выражается въ болѣе наглядной формѣ.

Публичность суда въ такихъ случаяхъ, играетъ самое существенное значеніе, такъ какъ путемъ гласнаго судебного разбирательства, при массѣ слушающаго народа, всѣ функціи отправленія правосудія, могутъ вполнѣ достигать до общества.

Весьма важное значеніе, въ дѣлѣ вліянія суда присяжныхъ на общество, играетъ и его авторитетность, его нравственный режимъ.

Только то можетъ съ пользою вліять, на здравые взгляды и честныя убѣжденія людей, что по ихъ понятіямъ само чисто, свято и справедливо.

Въ этомъ наиримѣръ отношеніи, нельзя сказать, чтобы наши прежніе суды, производили-бы какое-либо доброе впечатлѣніе на общество. Они дѣйствительно имѣли, устрашающее значеніе, но только не въ его желаемомъ смыслѣ, а въ совершенно обратномъ. Прежняго суда, боялись не столько сами подсудимые, сколько другія прикосновенныя къ дѣлу лица. Неправда, подкупы, право сильнаго и богатаго, такъ полноправно царившіе, въ нашихъ судахъ добраго стараго времени, отучали народъ отъ суда, заставляли обѣгать его, а не искать у него защиты, внушали народу понятія не о справедливости, а о томъ, что правъ будетъ тотъ, кто больше дастъ; отъ судебного произвола, волокитства и крючкотворства разныхъ канцелярскихъ лиходѣевъ и вампировъ, народъ по возможности сторонился, не искалъ за свою обиду, забывалъ про нее, лишь бы не знаться съ судомъ, въ которомъ не совѣсть и не долгъ, а деньги, играли нерѣдко самую солидную роль. Не даромъ потому, и болѣе чѣмъ вѣрно, было какъ-то проведено въ нашей современной печати, сравненіе нашего прежняго суда съ паутиной, въ которой вязли только мелкія мушки и букашки, а крупныя мухи прорывали эту паутину, и проскальзывали невредимо для себя.

Такой судъ конечно, былъ далекъ отъ того, чтобы внушить къ себѣ какое-либо уваженіе; достаточно уже того, что авторитетъ его держался

только благодаря понятію о правѣ начальства карать и миловать, а потому онъ и не имѣлъ въ народѣ никакого нравственнаго значенія.

Но вотъ, благодаря реформѣ 20 ноября 1864 года, совершеннѣйшій судъ всего образованнаго человѣчества, судъ свободной, ничѣмъ, кромѣ присяги, не связанной человѣческой совѣсти, сдѣлался и нашимъ достояніемъ.

Представители нашего суда, наши присяжные, вышли изъ среды народа, лучше выборные граждане общества, изъ всѣхъ сословій, явились нашими фактическими судьями, а потому и всякія сомнѣнія относительно достоинства судей, и ихъ нравственныхъ качествъ, устранились сами собою.

Вопросъ о вліяніи суда на общество, стоять въ самой тѣсной зависимости отъ того, въ какой степени, органы этого суда, соприкасаются съ народомъ, или даже и прямо выходятъ изъ него, какъ въ учрежденіи суда присяжныхъ.

Въ этомъ отношеніи, судъ присяжныхъ, имѣетъ совершеннѣйшее и исключительное преимущество, передъ всякими другими формами суда, такъ какъ главными непосредственными въ немъ дѣятелями, являются присяжные, какъ люди, выходящіе изъ среды общества.

Присяжные—это лучшіе достовѣрнѣйшіе и достойнѣйшіе граждане общества.

Никакое другое представительство, какъ представительство самыхъ благонадежныхъ гражданъ, не можетъ совмѣщать въ себѣ лучшихъ для отправленія суда гарантій, въ правдѣ и справедливости.

А если составъ суда, въ такомъ случаѣ, является выразителемъ общественной правды и справедливости, лучшаго мнѣнія общества, о каждомъ данномъ дѣлѣ, то и приговоръ такого суда, конечно долженъ быть признанъ, въ смыслѣ глубокаго авторитетнаго для общества значенія.

Данныя, выработавшіяся судебной практикой, и наблюденія надъ дѣятельностію суда присяжныхъ, указываютъ, что вліяніе приговоровъ присяжныхъ въ общественной жизни, между прочимъ выражается:

- а). Въ уменьшеніи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вообще числа преступленій;
- б) въ таковомъ же пониженіи въ иныхъ мѣстностяхъ, цифры такого рода преступленій, на которыя, въ силу мѣстныхъ обычаевъ и существующихъ понятій, присяжные засѣдатели смотрятъ по преимуществу строго;
- в) въ повсемѣстно замѣчаемомъ увеличеніи количества сознающихся въ преступленіяхъ подсудимыхъ, и г) въ нравственномъ подчиненіи общества авторитетности приговоровъ присяжныхъ.

Кромѣ того, приговоры присяжныхъ, являютъ собою отъ времени до времени, выраженіе общественнаго мнѣнія, публичнаго порицанія и энергичнаго протеста, направляемыхъ противу отдѣльныхъ лицъ, корпорацій и учреждений, которымъ ничего подобнаго, въ другой какой-либо формѣ, выражено никогда быть не можетъ.

А это тоже одна изъ заслугъ суда присяжныхъ.

Цифры судебной статистики, указываютъ намъ, что во многихъ мѣстностяхъ, послѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, число преступленій,

значительно уменьшилось. Это уменьшение, по отзывамъ многихъ судебныхъ дѣателей, можетъ быть объяснено именно тѣми особенностями, которыми обставлена рѣшающая дѣятельность суда присяжныхъ.

Прежняя система судопроизводства, представляла всѣ данныя для того, чтобы выйти изъ преступленія безнаказаннымъ.

Неудовлетворительность предварительныхъ слѣдствій, медленность въ теченіи дѣлъ, система формальныхъ доказательствъ, масса разнаго рода злоупотребленій, и наконецъ возможность, избѣгая прямыхъ отвѣтовъ предъ лицомъ суда, затягивать дѣло до безконечности—дѣлали то, что при прежнемъ порядкѣ судопроизводства, вѣроятная возможность уличить преступника, была затруднена во многихъ случаяхъ до нельзя.

Отъ этого происходила увѣренность въ безнаказанности, которая само собою поощряла порочныхъ людей на дальнѣйшія преступленія.

Эта печальная обстановка сразу перемѣнилась по введеніи въ дѣйствіе суда присяжныхъ.

Быстрое энергичное слѣдствіе, хотя и не безъ нѣкоторыхъ иногда исключеній, невозможность затемнять дѣло бесполезными изворотами, и наконецъ необходимость гласнаго личнаго предствательства каждаго подсудимаго, передъ судомъ совѣсти своихъ согражданъ, круто измѣнили порядокъ отправленія правосудія.

Убѣжденіе въ неподкупности и нелицепріятіи суда, наряду съ прискорбнымъ иногда для подсудимыхъ сознаніемъ, о невозможности обмануть совѣсть двѣнадцати человекъ, наконецъ, эта невольна навязывающаяся каждому подсудимому мысль, что для присяжныхъ важнѣе всего заглянуть въ душу его, а не разбирать формальныя доказательства его виновности—остановили конечно, весьма многихъ людей съ зачатками порочныхъ инстинктовъ, отъ преступныхъ поползновеній.

Не всѣ люди съ преступными склонностями, непременно бываютъ люди, утратившіе уже всякое чувство стыда и нравственной опрятности, и если многіе изъ нихъ, при томъ или другомъ искушеніи, бываютъ неспособны внять голосу своей совѣсти, то для многихъ изъ такихъ лицъ, одна перспектива появленія на скамьѣ подсудимыхъ, передъ лицомъ общественной совѣсти, представляетъ собою достаточный мотивъ для того, чтобы хотя и подъ вліяніемъ этой причины, остаться чистымъ, назапятнаннымъ человекомъ.

А что публичность суда, необходимость дать гласное объясненіе о своей винѣ, для всякой неиспорченной еще вполне человѣческой личности, являются необходимостью крайне тяжелою, объ этомъ, мнѣ кажется, нечего и говорить.

Положимъ, практика нашихъ прежнихъ судовъ, не даетъ намъ примѣровъ того, чтобы лица, обвинявшіяся въ преступленіяхъ, изнемогали бы отъ нравственнаго сознанія своей преступности, но за то наши новые суды, весьма часто даютъ намъ возможность, наблюдать то отрадное явленіе, что подчасъ и люди, заматерѣлые въ преступленіяхъ, подъ напоромъ совѣсти и глазъ судившихъ ихъ присяжныхъ, по крайней мѣрѣ въ эти переживаемые ими мо-

менты, дѣлались людьми въ строгомъ смыслѣ слова и приближались къ своему честному прошлому.

А такое явленіе—явленіе достойное вниманія.

Оно въ глазахъ общества разоблачаетъ во всемъ проявленіи, могущество человеческой совѣсти, заставляя весьма многихъ своевременно вспоминать объ ней, приурочивать къ ней свои дѣянія, поступки и прегрѣшенія.

— Ужь очень, господа, на этомъ судѣ присяжныхъ страмота беретъ, объяснялъ намъ однажды подсудимый изъ весьма порядочныхъ людей, но случайно, въ нетрезвомъ видѣ, совершившій кражу, чистосердечно сознавшійся въ ней и оправданный присяжными. Ничего, кажись, не возьмешь, жисти не радъ будешь, какъ это зачнуть про тебя всякія такія дѣла разбирать, продолжалъ онъ, какъ примѣрно воровалъ, тое да сѣе, да съ какихъ дѣловъ самое это себѣ въ голову взялъ; и стыдъ это тебя передъ людьми беретъ и самому на себя злобостно, какъ значить судъ этотъ поглядѣвши, да самихъ присяжныхъ, ужъ не отъ суда боязно становится, а думаешь какъ бы въ такомъ дѣлѣ, супротивъ совѣсти господамъ присяжнымъ, не пришлось въ глаза глядѣть.

Въ одной изъ южныхъ губерній, въ двухъ, трехъ уѣздахъ, вслѣдствіе-ли мѣстной нравственной распущенности, или же взглядовъ и понятій довольно не развитой крестьянской среды, преступления противъ чести и цѣломудрія женщинъ, имѣли, такъ сказать, чуть не повальный характеръ.

Встрѣтить дѣвушку или женщину и изнасиловать ее, даже гдѣ-нибудь не въ уединенномъ мѣстѣ, а публично, напримѣръ, на покосѣ, въ присутствіи другихъ мужчинъ, на жнитвѣ, въ присутствіи другихъ женщинъ, которыя при этомъ не только что не вступались за обижаемую, но, напротивъ, въ той или другой формѣ поощряли еще ловкость и удалство молодца—считалось дѣломъ чуть-чуть не обыденнымъ.

Въ крайнихъ только случаяхъ, ближайшіе родственники потерпѣвшей, требовали иногда отъ обидчика матеріальнаго вознагражденія «за свою кровь», деньгами, хлѣбомъ, всякой домашней всячиной или скотомъ, а самый фактъ насилія, не признавался ими въ смыслѣ преступления, въ силу того общераспространеннаго въ этой мѣстности убѣжденія, «что значить, мальцу попочувать, когда она не сама».

При существованіи такихъ взглядовъ, понятія о женской чести въ этихъ уѣздахъ, доходили до минимума, матери выводили своихъ дочерей чуть не на базарь, оцѣнка дѣвственности доходила до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ, и въ одномъ случаѣ, за изнасилованіе 17 лѣтней дѣвушки, обвиняемый крестьянскій пастухъ заплатилъ ей отцу на мировую, 2 пары изготовленныхъ имъ лаптей и пару подмѣтогъ, потому что никакого другаго имущества у него въ то время не было.

До суда въ прежнее время, такія дѣла не доходили потому, что крестьяне не считали это за обиды и своихъ жалобъ никому не заносили. Но вотъ два, три подобныхъ дѣла, совершенно случайно, благодаря только тому, что

между потерпѣвшими и обидчиками не произошло мировой, перешли въ «новый судъ», и обвиняемые предстали предъ судомъ присяжныхъ.

Товарищъ прокурора, знакомый съ мѣстными обычаями и взглядами, воспользовавшись своимъ правомъ отвода, съумѣлъ составить присутствія присяжныхъ по этимъ дѣламъ настолько удачно, что въ нихъ вошли исключительно лишь лица интеллигентныя, представителей же отъ крестьянъ присяжныхъ, на первомъ дѣлѣ совсѣмъ не было, а въ составъ присутствій по второму и третьему дѣлу, ихъ вошло очень немного, отъ 2 до 4 человекъ.

Въ тщательно обработанной рѣчи, товарищъ прокурора обрисовалъ вполне всю безразличность и тяжелыя послѣдствія для потерпѣвшихъ отъ этого рода преступленій. Основательными доводами своими, представитель обвинительной власти убѣдилъ присяжныхъ, взглянуть на дѣло съ должною строгостью, и они дѣйствительно вынесли всѣмъ тремъ подсудимымъ обвинительные приговоры. несмотря даже на то, что во второмъ случаѣ, судебное слѣдствіе открыло обстоятельства, служившія къ косвенному извиненію поступка подсудимаго.

Присутствовавшая въ засѣданіяхъ суда, масса простаго народа, не поняла даже сразу настоящаго значенія приговоровъ присяжныхъ, и тогда только родичи всѣхъ троихъ обвиняемыхъ, пришли къ сознанию о значеніи этихъ вердиктовъ, когда судъ провозгласилъ приговоры, о присужденіи обвиненныхъ къ ссылкѣ на разныя сроки въ каторжныя работы.

Тутъ только завыли матушки и бабушки, тутъ только вся слушавшая эти дѣла малоразвитая масса, пришла къ заключенію, что «се діло богацкое».

По удостовѣренію участвовавшаго въ засѣданіяхъ этихъ, товарища прокурора, приговоры эти произвели сильное впечатлѣніе на слушателей изъ крестьянъ и конечно, послужили многимъ, весьма внушительнымъ урокомъ въ будущемъ—урокомъ, къ сожалѣнію, потребовавшимъ искупительныхъ жертвъ въ лицѣ троихъ паробковъ.

Случаи, подобные описаннымъ, представляютъ собою не единичныя явленія, ихъ можно указать весьма много, и они подтверждаютъ то общее, высказываемое весьма многими провинціальными и преимущественно сельскими жителями убѣжденіе, что гласный публичный судъ присяжныхъ, способствуетъ во многомъ къ уменьшенію въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ числа преступленій.

Но на ряду съ такими выводами, слѣдуетъ остановиться однако же и на другомъ явленіи, подмѣченномъ многими нашими судебными дѣятелями и даже административными властями.

Явленіе это, находящее себя подтвержденіе и въ цифрахъ судебно-уголовной статистики, заключается въ томъ, что во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде совершалось весьма мало преступленій, со введеніемъ суда присяжныхъ, число таковыхъ вдругъ значительно возросло, и увеличилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ два и даже три раза противу прежняго.

Это фактъ, констатированный цифровыми отчетами, многихъ изъ окружающихъ судовъ.

Что означает этот несомненный фактъ, идущій въ совершенный разрѣзъ, съ указаннымъ нами выше общимъ явленіемъ, объ уменьшеніи вообще числа преступленій въ мѣстностяхъ, гдѣ введены уже судебные уставы 20 ноября 1864 года?

Противники нашего суда присяжныхъ, недостатка въ которыхъ у насъ не было и нѣтъ, не преминули указать на это увеличеніе преступленій, какъ на послѣдствіи безнаказанности, связавъ эту безнаказанность, какъ слѣдствіе съ причиной, со значительнымъ количествомъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ.

Такимъ образомъ и это явленіе, объясняемое гораздо проще и разумнѣе, послужило поводомъ недоброжелателямъ нашего новаго суда, кинуть въ него незаслуженнымъ упрекомъ въ непригодности, все на основаніи одного и того же излюбленнаго повода—значительнаго числа оправдательныхъ вердиктовъ.

Въ сущности же это далеко не такъ, и значительное количество возникающихъ въ иныхъ мѣстностяхъ уголовныхъ дѣлъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, должно быть отнесено также къ явленіямъ, указывающимъ на достоинства и преимущества новаго суда, и главнымъ образомъ, къ тому довѣрію, которое онъ возбудилъ въ обществѣ.

Отчеты судебныхъ мѣстъ и наблюденія многихъ лицъ судебного вѣдомства указываютъ, что если въ иныхъ мѣстностяхъ, количество дѣлъ о преступленіяхъ, по введеніи суда присяжныхъ, значительно увеличилось, то это не отъ того, что въ массѣ народа, вслѣдствіе судебной распушенности и безнаказанности, развилось и возникло болѣе безнравственныхъ началъ, а потому, что въ прежнее время, весьма многія преступленія, по недовѣрію и антипатіи потерпѣвшихъ къ старымъ судамъ, оставались безгласными, не будучи возбуждаемы потерпѣвшими и доводимы ими до свѣдѣнія надлежащихъ властей.

Наша личная судебная дѣятельность, въ теченіи около восемнадцати лѣтъ, распределяется почти поровну между старыми и новыми судебными установленіями. Но намъ мало приходилось наблюдать такихъ случаевъ, чтобы за исключеніемъ дѣлъ казенныхъ управленій, въ прежніе уѣздные суды, магистраты, ратуши и уголовныя палаты, поступали бы какія-либо дѣла по заявленіямъ и жалобамъ частныхъ лицъ, о кражахъ на ничтожныя копѣечныя суммы.

И преступленія болѣе серьезныя, нерѣдко оставались потерпѣвшими при прежнемъ порядкѣ судопроизводства безъ огласки и обжалованія, почти всегда того только ради, чтобы не имѣть непроизводительной волокиты по недобрымъ народомъ судамъ, съ ихъ канцеляріями подъяческаго характера и крючкотвѣйскаго направленія. А если въ глазахъ закона матеріальная ничтожность кражи, какъ одинъ изъ элементовъ преступнаго дѣянія, не должна имѣть болѣе или менѣе важнаго значенія, то съ этой точки зрѣнія, обильное возникновеніе въ новыхъ судахъ дѣлъ о самыхъ ничтожныхъ даже кражахъ, должно быть отнесено къ прямымъ достоинствамъ, а не недостаткамъ суда.

Въ этомъ случаѣ въ вѣдомствѣ нашихъ общихъ судовъ произошло тоже

самое явленіе, которое повсемѣстно было замѣчено при введеніи мировыхъ судебныхъ установленій, а именно, что доступность, простота и увѣренность въ справедливую защиту закона, сразу породили массу такого рода ничтожныхъ дѣлъ, возбуждать которыя въ прежнее время, никому не пришло бы даже и въ голову.

Какъ въ прежнее время мудро было встрѣтиться въ низшихъ судахъ съ жалобами, напримѣръ, за незначительное личное оскорбленіе, такъ равно среднія и высшія инстанціи суда, не были обременены, какъ теперь, разборомъ ничтожныхъ дѣлъ о кражахъ со взломомъ, какого-нибудь горшка молока, десятка огурцовъ или нѣсколькихъ полѣнъ дровъ.

А такого рода дѣла, возникающія повсемѣстно въ значительномъ количествѣ, до того наводняютъ наши окружные суды, что въ послѣднее время не разъ высказывались даже предположенія, объ изыятіи такихъ дѣлъ изъ юридической подсудности присяжныхъ засѣдателей и объ отнесеніи ихъ къ вѣдомству мировыхъ судей.

Несомнѣнно, что столь значительное количество ничтожныхъ дѣлъ, появляющихся на судѣ присяжныхъ, не составляетъ особенно утѣшительнаго явленія, и можно желать объ отнесеніи къ обязанностямъ присяжныхъ, въ устраненіе чрезмѣрнаго обремененія ихъ, только дѣлъ болѣе серьезныхъ; по это желаніе должно проистекать изъ совершенно иныхъ, — такъ сказать, стороннихъ причинъ; съ точки же зрѣнія науки права и отвлеченныхъ понятій объ отрицательныхъ и положительныхъ достоинствахъ суда, такое обиліе ничтожныхъ дѣлъ, возникающихъ въ вѣдомствѣ общихъ судебныхъ установленій, указываетъ лишь на тотъ авторитетъ, который установился въ обществѣ во взглядахъ на судъ совѣсти, на то довѣріе, которое этотъ судъ внушилъ къ себѣ, всѣмъ ищущимъ въ немъ защиты и огражденія своихъ даже ничтожнѣйшихъ правъ.

Двери суда въ интересахъ строгой правды, должны быть открыты и доступны для всякаго, ищущаго правосудія, какъ бы не была ничтожна иногда его обида, и будь предметомъ такой обиды какая-нибудь неважная жалоба за украденую курицу, или же требованіе судебной защиты по одному изъ наиболѣе тяжкихъ преступленій, судъ въ равной степени вниманія долженъ выполнить свои обязанности и въ томъ и въ другомъ случаѣ.

И вотъ, это-то правдивое правило, достойно проведено во всей дѣятельности нашего суда присяжныхъ.

Одинъ изъ провинціальныхъ судебныхъ слѣдователей пишетъ намъ между прочимъ слѣдующее: «число дѣлъ по моему участку послѣ введенія у насъ въ дѣйствіе суда присяжныхъ, понизилось на очень незначительную цифру, несмотря на то, что всѣ маловажныя дѣла перешли отъ меня и стали поступать уже къ двумъ мировымъ судьямъ. Объясняю я это тѣмъ, что народъ, видя передъ собою доступность суда, быстроту его и увѣренный всегда въ справедливой защитѣ, сталъ относиться гораздо ревнивѣе къ огражденію своихъ интересовъ».

«У насъ въ уѣздѣ, пишетъ тотъ же судебный слѣдователь—издавна извѣстенъ былъ за отъявленнаго конокрада, нѣкто отставной солдатъ, по прозванію Жмурка. Много лошадей перевелъ онъ на своемъ вѣку, многихъ крестьянъ обидѣлъ, многихъ и совсѣмъ разорилъ, сидѣлъ и въ тюрьмѣ, раза три былъ судимъ даже уголовной палатой, но почти всегда выходилъ изъ суда безнаказаннымъ, такъ какъ оставленіе его въ постоянномъ подозрѣніи онъ не считалъ для себя за что-либо. Всѣ крестьяне знали его за вора, но уличить никогда вполнѣ не могли, потому что многіе изъ боязни его мщенія совсѣмъ на него не жаловались, а иные, что знали про него, по той же причинѣ не говорили. Я напримѣръ, знаю, что одна деревня въ числѣ семи дворовъ, положительно платила ему контрибуцію въ размѣрѣ до 4 руб. въ годъ съ лошади, лишь бы онъ ихъ не воровалъ, но ни одинъ изъ этихъ крестьянъ, несмотря на мои распросы, никогда не рѣшался мнѣ прежде объ этомъ сказать».

«Отчего вы рѣдко на него жалуетесь, вѣдь онъ у васъ почти въ каждой деревнѣ лошадей воровалъ? случалось мнѣ иногда спрашивать тѣхъ или другихъ крестьянъ, приходившихъ ко мнѣ по дѣламъ въ камеру, пишетъ судебный слѣдователь въ письмѣ своемъ».

«На него, ваше благородіе, жалиться, ладу не будетъ отвѣчали мнѣ крестьяне, съ судомъ дѣло затѣнешь, оны (подразумѣваются писцы уѣзднаго суда) всю мощну вытрясутъ; лучше такъ: пропала коняка, ну и Богъ съ ней, а то судиться... судомъ только себѣ хлопотовъ не оберешься, а Жмурка потолъ коня далече уведеть».

«Таковы были мнѣнія и сужденія крестьянъ до введенія судебной реформы».

«Но вотъ картина мѣняется».

«Во второй половинѣ 1878 года и въ нашей мѣстности былъ введенъ судъ присяжныхъ. Не посчастливилось отъ него на первыхъ же порахъ многимъ проходимцамъ, не ушелъ отъ него далеко и Жмурка».

«Наши крестьяне присяжные сразу узнали всю силу и право новаго суда. Сельское населеніе востепенулось, и по первому же почину одного крестьянина, противу Жмурки возбуждено было въ одномъ только моемъ участкѣ около 20 дѣлъ о разныхъ кражахъ лошадей, совершенныхъ имъ за два и за три года тому назадъ, и до того остававшихся не обжалованными».

«Жмурка не уцѣлѣлъ».

«Крестьяне припомнили ему на судѣ, всѣ его прежніе грѣхи, а присяжные крестьяне обвинили его, и онъ скоро былъ высланъ въ Сибирь».

На личностяхъ подсудимыхъ, доброе вліяніе суда присяжныхъ сказывается между прочимъ въ томъ, что при настоящемъ порядкѣ уголовного процесса, добровольное сознаніе на судѣ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ становится все чаще и чаще. При прежнемъ порядкѣ судопроизводства, собет-

венныя сознанія подсудимыхъ, представляли явленіе чрезвычайно рѣдкое, несмотря на то, что приведеніе преступника къ сознанію, составляло всю задачу, чуть не все стремленіе прежнихъ слѣдователей.

Для того, чтобы исторгнуть отъ подсудимаго это сознаніе, существовало даже специальное указаніе на то, чтобы подсудимаго увѣщевать чрезъ священника сдѣлать признаніе, причемъ въ видѣ поощренія къ тому, слѣдователь обязанъ былъ объяснять подсудимому, что сознаніе смягчаетъ въ значительной степени передъ закономъ вину его.

И все таки, несмотря на такія мѣры, сознанія подсудимыхъ были рѣдки, да и тѣ имѣли, такъ сказать, принудительный характеръ, такъ какъ въ основѣ ихъ лежало все таки не раскаяніе обвиняемаго, не непринужденная его добрая воля, а настойчивыя убѣжденія слѣдователя, или же группировка такихъ сильныхъ, неотразимыхъ уликъ, которыя волей неволей вынуждали подсудимаго сознаться.

Впрочемъ, если на сознаніе человѣка въ своей винѣ смотрѣть, какъ на нравственное воздѣйствіе на него его совѣсти, то передъ кѣмъ же въ прежнія времена, совѣсть эта должна была испытывать тѣ или другія колебанія для того, чтобы въ концѣ концовъ вылиться наружу добрымъ и чистосердечнымъ порывомъ раскаянія.

Прежняя система судопроизводства, относилась къ подсудимому черство, жестко и только формально, его судили заочно, судили по бумагамъ, не давали возможности высказаться, добрымъ побужденіямъ души его, если даже онѣ у него и возникали, а потому и сознанія подсудимыхъ были рѣдки.

Теперь далеко не то.

Съ перваго же появленія своего въ залѣ суда, каждый подсудимый сознаетъ нынѣ, что онъ вступаетъ въ обстановку живаго совѣстливаго судища, гдѣ лично онъ съ своимъ добромъ и зломъ, долженъ предстать передъ пронизательною совѣстью двѣнадцати избранныхъ для него судей.

Въ такомъ положеніи человѣка, на первомъ планѣ является у него и его совѣсть, и вотъ эта-то совѣсть инстинктивно и подсказываетъ ему, что лучшимъ поступкомъ его на судѣ будетъ чистосердечное, откровенное сознаніе своей виновности, какъ бы она ни была иногда велика.

Въ другихъ случаяхъ сознанія подсудимыхъ, имѣютъ еще нѣсколько иной характеръ.

При обвиненіяхъ въ тяжелыхъ преступленіяхъ, какъ напримѣръ въ убійствахъ подъ вліяніемъ той или другой страсти, подсудимые нерѣдко и сами сознаютъ, что въ преступленіи своемъ они не могутъ быть по совѣсти признаны безусловными преступниками; они понимаютъ, что въ ихъ тяжелыхъ положеніяхъ, есть однако же такіе проблески чего-то внушающаго къ нимъ состраданіе, что можетъ быть съ пользою для нихъ усвоено только совѣстью ихъ судей, передъ которою они должны повѣдать свой грѣхъ.

Въ такихъ случаяхъ подсудимые безъ всякихъ колебаній, разоблачаютъ передъ судейскою совѣстью присяжныхъ, свои тяжкіе грѣхи, въ надеждѣ на

милостивое и снисходительное къ нимъ отношеніе, и конечно, никогда почти въ этомъ не ошибаются.

Если тѣ и другія, передъ судомъ присяжныхъ сознанія, являются послѣдствіемъ доброй воли самихъ подсудимыхъ, собственнымъ побужденіемъ ихъ, и нравственной потребностью, разоблачить передъ судомъ совѣсти свою преступную, а нерѣдко и страдающую душу, то такія явленія, какъ свидѣтельствующія о высоконравственномъ воздѣйствіи на душу и сердце человѣка, и исключительно судомъ присяжныхъ обусловливаемыя, должны быть поставлены ему въ одну изъ самыхъ важныхъ и серьезныхъ заслугъ его.

Изъ статистическихъ отчетовъ судебныхъ мѣстъ можно усмотрѣть, что процентъ сознающихся на судѣ подсудимыхъ, изъ года въ годъ увеличивается, а это служить признакомъ, что элементъ совѣсти въ душевныхъ побужденіяхъ нашей преступной среды, получаетъ все большее и большее развитіе.

Мы имѣемъ нѣсколько сообщеній изъ разныхъ мѣстъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ процентъ сознающихся подсудимыхъ бываетъ иногда на судѣ великъ.

Такъ на сессіи Окружнаго Суда въ одномъ уѣздномъ городѣ, по 26 назначеннымъ къ слушанію дѣламъ, изъ общаго числа 33 подсудимыхъ, 22 человѣка сознались въ своихъ преступленіяхъ, тогда какъ на предварительномъ слѣдствіи, сознавшихся было всего только нѣсколько человѣкъ.

Въ другомъ случаѣ, на сессіи въ губернскомъ городѣ, сознанія подсудимыхъ явились на судѣ совершенною для всѣхъ неожиданностію, почти по половинѣ дѣлъ.

Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ сообщаетъ намъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось выступить защитникомъ подсудимыхъ, какъ по добровольному съ ними соглашенію, такъ и по назначенію отъ суда, онъ при первомъ же свиданіи съ подсудимыми, прежде всего совѣтывалъ имъ сознаться на судѣ, конечно, тогда только, когда изъ предварительнаго ознакомленія съ дѣломъ убѣждался самъ въ виновности ихъ.

По удостовѣренію этого присяжнаго повѣреннаго, въ первые три года судебной практики его, изъ 84 подсудимыхъ, которыхъ онъ защищалъ, 26 сознались на судѣ, во второе трехлѣтіе на 112 защитъ у него было уже 42 сознанія, и наконецъ, въ слѣдующіе три года на 106 защитъ, сознавшихся подсудимыхъ было у него уже 59.

Во многихъ тюремныхъ замкахъ, въ средѣ арестантовъ, успѣло уже сложиться убѣжденіе, основанное на ихъ личныхъ выводахъ и наблюденіяхъ, что присяжные больше всего оправдываютъ такихъ подсудимыхъ, которые сознаются; отсюда между арестантами существуетъ иногда такой пріемъ: вопреки своему побужденію и желанію сознаться — умышленно не признавать себя виновнымъ на судѣ, для того, чтобы присяжные не оправдали.

Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ подобныхъ случаевъ.

Молодая крестьянка, при самыхъ сильныхъ уликахъ, обвинялась въ покушеніи на отравленіе мышьякомъ своего мужа, который однакоже остался живъ.

На судѣ она упорно отрицала свою виновность, несмотря на то, что усомниться въ таковой нельзя было ни на одну минуту.

Между тѣмъ, личность подсудимой внушала къ себѣ полную симпатію, видно было, что рѣшиться на такое преступленіе ей стоило не малой душевной ломки; судебное слѣдствіе выяснило крайне тяжелую и неприглядную картину жизни ея въ деспотической семьѣ, а потому, какъ-то странно было видѣть въ ней такое упорство и запирательство, когда сознание ея несомнѣнно давало бы ей шансъ на оправданіе.

Она однакоже, до конца стояла на своемъ, что она не виновата, и присяжные ее обвинили.

Что же впоследствии оказалось.

Содержась въ тюрьмѣ съ другими арестантками, она выражала передъ ними опасеніе за то, что, пожалуй, ее оправдаютъ. Она инстинктивно понимала, что на судѣ многое выяснится за нею, что ее пожалѣютъ, а ей во чтобы то ни стало хотѣлось быть осужденной, уйти хоть въ Сибирь, на каторгу, лишь бы избавиться отъ своей домашней каторги.

И вотъ, по совѣту многихъ завязатыхъ арестантовъ, чтобы избѣгнуть нежелаемаго оправданія, она рѣшилась на судѣ упорно запереться, показаться наглою, безстыдной, по словамъ арестантовъ, «зафарситой».

— Когда передъ господами присяжными прибѣднисься, въ раскаяніи себя и въ чистомъ признаніи покажешь, всегда тебя оправятъ, и отъ суда ослобонятъ, говорили ей въ тюрьмѣ арестанты, а примѣрно упрись на своемъ: не виновата-моль, форсу своего покажи—вѣрно обвиноватятъ.

Подсудимая послушалась добраго совѣта и достигла своей цѣли, «съ нежелаемой» каторги, попала на настоящую «желаемую».

Отсюда одинъ выводъ, что признанія и раскаянія подсудимыхъ, являются какъ одно изъ послѣдствій суда присяжныхъ, суда милостиваго и совѣстливаго.

Перейдемъ теперь къ вопросу о значеніи въ смыслѣ общественномъ приговоровъ присяжныхъ.

Судебные приговоры прежнихъ дореформенныхъ временъ, по крайней мѣрѣ за единичными исключеніями, не имѣли для общественной жизни ровно никакого значенія.

Никто не зналъ и не интересовался знать, какъ, гдѣ и при какихъ условіяхъ писались эти приговоры, а потому въ понятіяхъ массы народа, представленія объ уголовномъ возмездіи, были крайне шатки, слабы и поверхностны.

Простой людъ зачастую не зналъ, что тѣ или другія дѣянія запрещены закономъ, и подчасъ безобидной душой совершалъ то, за что ему приходилось потомъ расплачиваться тюрьмой и даже болѣе строгими наказаніями.

Гласный судъ присяжныхъ внесъ въ нашу народную жизнь, весьма важный образовательный элементъ; публичность судебныхъ засѣданій, торжественность провозглашенія приговоровъ присяжныхъ, открыли въ народѣ новыя здравыя понятія о законѣ и судѣ.

Лица, блуждавшія прежде въ потемкахъ, незнавшія куда и какъ обра-

тятся съ своей обидой. уразумѣли теперь тотъ путь, которымъ каждый можетъ найти себѣ скорую и законную защиту. Люди, невидавшіе прежде въ глаза ни одного судьи, и съ самымъ понятіемъ о судѣ, представлявшіе себѣ такой атрибутъ власти, котораго надо всячески ублаготворять, и у котораго тотъ только будетъ правъ и чистъ, кто богатъ и силенъ, въ настоящее время получили возможность во очію узнать въ совершенствѣ современный судъ, убѣдиться, что при томъ способѣ выбора судей, который нынѣ существуетъ, ни связи, ни богатство, ни сила, ни что въ новыхъ судахъ, кромѣ правды и справедливости, не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, и что полное равенство передъ закономъ всѣхъ гражданъ, является однимъ изъ существеннѣйшихъ условий его бытія.

Въ настоящее время, приговоры по наиболѣе выдающимся уголовнымъ судебнымъ процессамъ, получаютъ общеизвѣстное, такъ сказать, нарицательное значеніе.

Приговоры по дѣламъ Овсянникова, Гартунга, Гулакъ-Артемовской и многихъ другихъ имъ подобныхъ, сдѣлались достояніемъ даже самыхъ отдаленнѣйшихъ мѣстностей.

Народъ запоминаетъ твердо такіе приговоры, съ которыми у него соединяется понятіе, о дѣйствительномъ для всѣхъ равенствѣ передъ закономъ.

Присяжнымъ засѣдателямъ, какъ выборнымъ гражданамъ, принадлежатъ въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ послѣдній рѣшающій участь подсудимаго голосъ, а наши присяжные за небольшимъ исключеніемъ столицъ и болѣе крупныхъ городовъ, почти вездѣ состоятъ по преимуществу изъ крестьянъ.

И вотъ ежегодно эта масса отбывающихъ свою сессию судей, правда людей необразованныхъ юридически, но одаренныхъ здравымъ смысломъ, почтенныхъ выборомъ въ судейскія должности, расходясь изъ судовъ по своимъ захолустнымъ селамъ и деревнямъ, разноситъ въ народъ провѣренныя собственнымъ своимъ участіемъ въ дѣлѣ, выводы свои и впечатлѣнія изъ суда.

Эти рассказы присяжныхъ крестьянъ, вносятъ въ необразованную неразвитую среду односельцевъ ихъ, цѣлую массу знаній, знакомятъ съ тѣми порядками и приемами суда, которые для многихъ изъ ихъ среды оставались темными, непонятными и неизвѣстными.

Изъ одного отдаленнаго села намъ пишутъ, что мѣстное крестьянское населеніе, своихъ присяжныхъ, которые бывали въ судѣ, называетъ не иначе, какъ «стариками», тогда какъ въ присяжные попадаютъ нерѣдко люди очень еще молодые, а нарицательное названіе «старика», дается, какъ извѣстно, у нашихъ крестьянъ, только такимъ односельцамъ ихъ, которые почему-либо въ глазахъ общества, заслуживаютъ особаго почета, преимущественнаго уваженія.

И вотъ элементы этого вышшняго отличія и почтенія, крестьяне вносятъ въ понятіе о личности человѣка, хотя еще и молодого, но который исполнялъ уже обязанности присяжнаго засѣдателя «по Божескому и царскому закону народъ судилъ».

Положимъ нѣтъ ничего особенно выдающагося въ этомъ отличіи крестьянъ.

янами своихъ односельцевъ судей, но важно то, что этимъ выражается высокое понятіе крестьянъ объ обязанностяхъ присяжныхъ, ихъ взглядъ на достоинство суда и собственныхъ своихъ въ немъ представителей.

Угажемъ кстати для характеристики, на одинъ происшедшій въ деревнѣ случай, гдѣ званіе присяжнаго засѣдателя, помогло молодому крестьянину довести благополучно до конца, дѣло своего сердечнаго романа.

Этотъ молодой крестьянинъ лѣтъ 27 небольше, сватался за дочь богатаго своего односельца.

Дѣвушка—невѣста была непрочъ выйдти за него замужъ, но отецъ несогласался на этотъ бракъ, кичась своимъ «богачествомъ» и относительною бѣдностью состоянія претендента на руку его дочери, а потому и отказалъ ему.

Въ первую же послѣ того очередную сессію окружнаго суда, въ уѣздномъ городѣ, отверженный искатель получилъ повѣстку, о назначеніи его въ присяжные засѣдатели и долженъ былъ на недѣлю уѣхать въ судъ.

Какъ человѣкъ грамотный и толковый, онъ почти каждый разъ былъ выбираемъ въ старшины присяжныхъ, и по своей природной смѣтливости, настолько былъ удовлетворителенъ въ этомъ званіи, что ни разу не написалъ неправильныхъ или непонятныхъ для суда отвѣтовъ.

На послѣднемъ дѣлѣ, по окончаніи сессіи, предсѣдательствующій отъ лица суда поблагодарилъ этого старшину, а въ лицѣ его и всѣхъ присяжныхъ за то вниманіе, съ которымъ всѣ они относились къ дѣлу.

Слухъ объ этой благодарности, быстро распространился чрезъ находившихся въ залѣ суда крестьянъ, по всему уѣзду, и проникъ въ село, откуда былъ этотъ крестьянинъ, прежде нежели онъ возвратился домой. Тамъ заговорили, что «Пѣтра Ивановъ на самомъ судѣ старшинствомъ заправлялъ и самъ изъ судьевъ генералъ ему напоследѣяхъ одобреніе далъ».

Пѣтра, не сознававшій за собою никакихъ особыхъ доблестей и заслугъ, возвращаясь мирно въ свое село, былъ крайне удивленъ, когда на околицѣ его задержалъ поповскій работникъ и потребовалъ, чтобъ онъ немедленно «объявился до батюшки».

Еще больше того былъ удивленъ «Пѣтра», когда батюшка встрѣтилъ его не обычнымъ «Петрушкой», а Петромъ Ивановичемъ, и почествовалъ его угощеніемъ за то, что онъ «отъ вышняго начальства одобреніе получилъ».

Въ нѣсколько минутъ, извѣстіе о пріѣздѣ «Пѣтры» облетѣло все село, множество народа набѣжало къ дому священника, поглядѣть на новаго «старика» и поздравить его, что онъ въ «такимъ дѣлѣ старшиномъ былъ» и народу много по правдѣ судилъ.

Въ числѣ другихъ на поздравленіе пришла и бывшая Петрова зазноба.

Въ первый разъ къ чувству любви, которое она къ нему питала, примѣшалось у ней и чувство почтенія къ личности бывшего своего жениха, котораго теперъ всѣ «чествовали».

— Поздравляемъ и мы васъ Пѣтра Ивановичъ, робко и несмѣло на этотъ разъ проговорила она, обращаясь къ своему бывшему обожателю.

— Благодаримъ покорно, Алена Васильевна, проговорилъ ей Пётра дрожащимъ голосомъ, и заглухшее было въ немъ на время чувство, снова закопошилось у него на сердцѣ и въ его «стариковой» душѣ.

Старикъ батюшка зналъ симпатіи молодыхъ людей, зналъ, что мѣшало ихъ сближенію, и отъ него не ускользнула эта случайная встрѣча ихъ въ его домѣ, и обоюдное волненіе.

Черезъ недѣлю пошелъ уже по селу разговоръ, что Пётра Ивановичъ опять ладить на Васильевой Аленѣ пожениться, и что «знать ужъ таперь отказа ему не будетъ, потому самъ старикомъ сталъ, промежъ нашихъ судьевъ первый онъ человекъ сдѣлался».

Старикъ Василій не могъ конечно неподчиниться общему обаянію своихъ односельцевъ. Почетъ, который совершенно случайно выпалъ на долю Петра заполонилъ и его, въ пользу молодого старика. Онъ непрочъ былъ уже отдать теперь за него свою дочь, но побоялся, какъ бы уже Пётра самъ ему за «то» теперь не отказалъ.

Послѣ нѣсколькихъ колебаній, онъ отправился къ нему самъ, упросивъ ѣхать съ собою сватомъ своимъ, самого батюшку.

Батюшка не отказалъ, Пётра Иванычъ за порогомъ по почетному обычаю, встрѣтилъ старика Василя со священникомъ, и черезъ нѣсколько дней въ приходскомъ храмѣ съ нѣкоторою торжественностію, была совершена свадьба молодого старика Петра Иванова съ его суженою Аленою Васильевой.

Авторитетъ Петра Иванова, именно какъ разумнаго «изъ судьевъ» присяжнаго засѣдателя, получившаго за свое «судовство» одобреніе, въ теченіи года настолько упрочился, во всей волости, что на другой годъ послѣ того, онъ былъ единогласно избранъ въ мѣстные волостные старшины.

И такіе примѣры, что крестьянскія общества оказывали извѣстный правственный почетъ и вниманіе своимъ односельцамъ, исполнявшимъ обязанности присяжныхъ, отмѣчали ихъ своимъ особымъ довѣріемъ—далеко не рѣдки.

Въ такихъ случаяхъ крестьяне смотрятъ на своихъ присяжныхъ, глазами закона, они видятъ въ нихъ дѣйствительно лучшихъ представителей своей общины, и въ этомъ отношеніи далеко опередили собою всѣ другія сословія.

Во многихъ волостяхъ, по наблюденіямъ нѣкоторыхъ изъ членовъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, обнаруживается давно уже замѣчаемое стремленіе крестьянъ, избирать въ свои волостные судьи, именно тѣхъ, которые были уже присяжными засѣдателями.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, познанія и наблюденія, выносимыя присяжными засѣдателями изъ судебныхъ засѣданій, по возвращеніи ихъ домой, нерѣдко эксплуатируются даже на общую пользу, путемъ разнаго рода собесѣдованій.

Намъ извѣстенъ одинъ сельскій священникъ, который, если въ его приходѣ оказываются присяжные засѣдатели, возвратившіеся съ сессіи, то въ первое же воскресенье послѣ литургіи, онъ задерживаетъ ихъ у церкви или

у себя дома, и тутъ при толпѣ слушателей, ведетъ съ ними бесѣды о томъ, какъ они судили, какія были дѣла, какъ „эти самые воры“ оправдывались, что „начальство“ говорило и какъ присяжные обсудили.

И дѣйствительно, за послѣднее время, наша деревня въ развитіи своемъ по части познаній о порядкѣ и значеніи уголовного судопроизводства, значительно шагнула уже впередъ.

Теперь нерѣдко можно услышать въ деревнѣ такія рѣчи: «я тебя за свою обиду на укрупный судъ подамъ, присяжные разберутъ твою душу, то ты говорилъ „не поймалъ, не говори, что воръ“, потому никто не видалъ, какъ ты крадъ, а теперь, братъ, мнѣ твоихъ свидителей не нужно, присяжные и безъ свидителей разберутъ, ты свое, а я свое, поглядимъ кому повѣрять, осудятъ насъ, небось, по Божьей душѣ“.

Вотъ эта-то увѣренность простаго люда въ томъ, что въ приговорахъ присяжныхъ, главную роль играютъ душа и совѣсть, а не „свидетели“ и составляетъ одну изъ наиболѣе отрадныхъ сторонъ, образовательнаго значенія суда и приговоровъ присяжныхъ.

Важно то, что простой народъ нашъ, безъ всякой предварительной подготовки, а единственно только изъ ознакомленія съ ходомъ процесса суда присяжныхъ, успѣлъ безошибочно себѣ усвоить тотъ главный режимъ совѣстливаго отношенія къ дѣлу, который лежитъ въ основѣ суда присяжныхъ.

Слѣдя за количествомъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей, которые подсудимыми обжаловываются въ правительствующій сенатъ, нельзя не сдѣлать того вывода, что процентъ жалующихся подсудимыхъ, относительно всего числа осуждаемыхъ очень не великъ.

Это подтверждается тѣми выводами, нѣкоторыхъ изъ судебныхъ дѣателей, что вообще вся масса подсудимыхъ, за небольшими исключеніями, если и признаетъ приговоры присяжныхъ иногда для себя обидными, но справедливости въ нихъ все таки не отвергаетъ, другими словами, смотритъ на нихъ съ точки зрѣнія самого закона.

Если же затѣмъ приговоры присяжныхъ, и возбуждаютъ жалобы, въ которыхъ выражается убѣжденіе обвиненныхъ о личномъ къ нимъ несправедливости и несправедливости присяжныхъ, то такія жалобы бываютъ вообще крайне рѣдки.

Одинъ изъ членовъ окружнаго суда, сообщилъ намъ, что по его вычисленіямъ, на 100 подсудимыхъ жалующихся на приговоры присяжныхъ, приходится 40% рецидивистовъ и 60% лицъ, совершившихъ преступленія въ первый разъ.

Цифры эти, если только онѣ вѣрны, и имъ можетъ быть придано пространительное значеніе, даютъ возможность сдѣлать слѣдующій не безъ интересны выводъ.

Рецидивисты въ общей массѣ всѣхъ подсудимыхъ, составляютъ приблизительно около 25%, и слѣдовательно, если изъ ста человѣкъ, жалующихся подсудимыхъ вообще, 40% жалобщиковъ, является изъ числа этихъ рециди-

вистовъ т. е. изъ среды лицъ, совершившихъ преступленія уже не въ первый разъ, то количество жалобщиковъ изъ лицъ, впавшихъ въ преступленія въ первый разъ, будетъ относительно очень не велико.

Отсюда видно, что наибольшій контингентъ жалующихся и оказывающихся недовольными приговорами присяжныхъ, составляютъ лица менѣ нравственныя, какъ дважды и трижды уже судимыя, т. е. такія, собственныя убѣжденія которыхъ, о приговорахъ объ нихъ присяжныхъ, не могутъ имѣть никакого значенія, а затѣмъ несравненно меньшій процентъ недовольныхъ приговорами присяжныхъ, падаетъ на долю тѣхъ лицъ, которыя совершили преступленіе лишь въ первый разъ, и въ первый разъ явились на судѣ присяжныхъ.

Этотъ второй контингентъ подсудимыхъ, конечно, представляетъ собою вообще среду, въ нравственномъ отношеніи, стоящую выше первой, чѣмъ и объясняется, что первоосужденные въ наиболѣе рѣдкихъ случаяхъ, нежели рецидивисты, рѣшаются протестовать противу голоса совѣсти осудившихъ ихъ присяжныхъ.

Затѣмъ мы можемъ указать еще на то, что въ массѣ народа, авторитетность приговоровъ присяжныхъ, успѣла уже сложиться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ видѣ поговорки, «какъ присяжные насъ разсудятъ, такъ и будетъ», чѣмъ и доказывается безграничная и полная вѣра народа, въ голосъ совѣсти своихъ выборныхъ представителей.

Даже въ средѣ арестантовъ, этихъ по преимуществу наиболѣе уже преступныхъ людей, приговоры присяжныхъ во многихъ наблюдаемыхъ случаяхъ, пользуются крайнею популярностью, и смысломъ своей внутренней правды, вліяютъ даже на наиболѣе грубыя натуры.

Въ судебной практикѣ нашей очень нерѣдки случаи, когда крайне буйные и наглые представители арестантской и острожной братіи, обвинявшіеся въ весьма тяжкихъ преступленіяхъ, позволявшіе себѣ во время всего судебного слѣдствія, разнаго рода циническія пошлости и выражавшіе поведеніемъ своимъ явное неуваженіе къ суду, моментально преобразовывались по провозглашеніи имъ обвинительныхъ приговоровъ присяжныхъ.

Выслушавъ спокойно такіе приговоры, они какъ-бы смирялись въ своемъ положеніи, и впадали въ какое-то созерцательное состояніе.

Обвинительные вердикты въ тѣ минуты, когда была уже рѣшена участь и отвѣтственность ихъ за содѣянное прошлое, являлись для нихъ нравственнымъ успокоеніемъ, пробуждавшей ихъ совѣсти.

Такіе приговоры представляютъ для нихъ и своего рода конецъ, всякимъ тревожнымъ и томительнымъ ожиданіямъ, они безропотно, безапелляціонно подчиняются имъ, признавая, что ихъ все-таки судила людская совѣсть, а ощущенія совѣсти въ преступной средѣ, и вліяніе ея на душу преступника бывають иногда очень велики и многозначительны.

Въ одномъ изъ окружныхъ судовъ, бѣглый ссыльный преданъ былъ суду присяжныхъ за побѣгъ съ каторжной работы и за кражу со взломомъ.

Винность подсудимаго въ побѣгъ съ каторги, присяжные засѣдатели не

признали и отвергли, хотя фактически она представлялась, конечно, совершенно ясною, и тѣмъ избавили его отъ жестокаго наказанія плетьюми, которому онъ долженъ былъ бы подвергнуться, въ случаѣ признанія его въ томъ виновнымъ, но въ кражѣ они его обвинили, признавъ всё увеличивавшія его вину, изложенныя въ вопросѣ суда обстоятельства.

Въ немалому удивленію публики и всего состава суда, по провозглашеніи этого приговора присяжныхъ, за которымъ по рѣшенію суда, въ силу прежняго приговора, должна была уже послѣдовать ссылка подсудимаго въ рудники, на 20 лѣтъ, послѣдній, выслушавъ этотъ приговоръ, низко и молча поклонился присяжнымъ.

Въ эту минуту заглубившее уже сердце преступника, заглохнувшая было уже въ немъ совѣсть совѣсть его, не могли не дрогнуть своимъ человѣческимъ достоинствомъ, при нравственномъ сознаніи той великой милости, которую присяжные сдѣлали ему, тяжкому преступнику, обвинивъ его строго въ преступленіи кражи, но вмѣстѣ съ тѣмъ отвергнувъ его виновность въ побѣгѣ съ каторжной работы, и освободивъ его тѣмъ отъ позорныхъ и тяжелыхъ плетей.

И бѣглый каторжникъ понялъ этотъ чуткій мотивъ человѣческой совѣсти присяжныхъ въ несчастію его, хотя и тяжкаго преступника, но все же чловѣка...

Когда этому подсудимому, объявленъ былъ чрезъ двѣ недѣли приговоръ суда въ окончательной формѣ, то присутствовавшій при этомъ членъ суда, объяснилъ ему порядокъ и способъ обжалованія приговора.

— Намъ жаловаться нечего, жаловаться мы не будемъ насъ осудили по Божески, благодаримъ господъ присяжныхъ, что помиловали... вотъ какими словами отвѣтилъ каторжный преступникъ на разъясненное ему право жалобы.

Нельзя сказать, чтобы такой отзывъ о судѣ присяжныхъ, гдѣ правда и милость составляютъ первенствующія его условія, сдѣланный притомъ чловѣкомъ, въ которомъ законъ не признаетъ даже человѣческой личности, не имѣлъ бы нѣкотораго нравственнаго смысла и значенія.

Высока должна быть та правда и справедливость, слишкомъ ошутительно должна она выражаться въ приговорахъ совѣсти нашихъ присяжныхъ засѣдателей, когда ея милостивые результаты, ощущаютъ на себѣ даже такіе типичные представители погибшаго и нравственно-извращеннаго чловѣчества, какъ бѣглые каторжники....

III.

О порядкѣ исполненія присяжными засѣдателями ихъ судейской присяги.

Участіе на судѣ по дѣламъ уголовнымъ присяжныхъ засѣдателей, какъ представителей общественной совѣсти, обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы этотъ судъ совѣсти произносилъ свои приговоры по сущей

правдѣ и справедливости и по тщательномъ изученіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла.

Въ осуществленіи этой высокой нравственной обязанности представителей общественной совѣсти и заключается главная задача суда присяжныхъ, а чтобы выполненіе ея, сопровождалось увѣренностью со стороны общества, что приговоры, постановляемые присяжными, будутъ дѣйствительно результатомъ ихъ внутренней правды, голоса совѣсти и строго справедливаго отношенія къ личности подсудимаго, законъ обязываетъ присяжныхъ засѣдателей, какъ судей, постановлять свои приговоры подъ клятвою, произносимой ими передъ лицомъ Всемогущаго Бога присяги.

Эта присяга придаетъ рѣшеніямъ присяжныхъ авторитетное значеніе; она же гарантируетъ каждому подсудимому, справедливое отношеніе къ его личности со стороны суда общественной совѣсти и служить оплотомъ противъ неправильныхъ посягательствъ на его честь, доброе имя и достоинство гражданина.

Послѣ этого нельзя не сказать, что обрядъ исполненія присяжными засѣдателями судейской присяги ихъ, заключаетъ въ себѣ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ положенія ихъ на судѣ, какъ судей.

Присяга присяжныхъ засѣдателей, представляетъ собою на судѣ ту гарантирующую правосудіе, формулу вѣчной, неподкупной и неизмѣнной правды, во имя которой должны они творить свой судъ, справедливый и милостивый.

Текстъ присяги присяжныхъ засѣдателей крайне простъ и немногосложенъ, но онъ глубокъ и многозначителенъ по своему внутреннему содержанию.

Этотъ присягою, или клятвою, Всемогущимъ Богомъ, передъ Святымъ Его Евангеліемъ и Крестомъ Господнимъ, присяжные, какъ судьи, обязываются приложить всю силу своего разумнія, къ тщательному рассмотрѣнію обстоятельствъ какъ уличающихъ, такъ и оправдывающихъ подсудимаго, и въ рѣшительную минуту постановленія приговора, побуждаются подать свой голосъ безъ всякихъ колебаній, по сущей правдѣ и убѣжденію своей совѣсти, согласно съ тѣмъ, что они увидятъ и услышатъ на судѣ.

Признавая такимъ образомъ за присягою на судѣ присяжныхъ засѣдателей столь важное значеніе, не лишнее будетъ бросить взглядъ на то, какъ она обставлена въ нашихъ окружныхъ судахъ, въ какомъ порядкѣ и при какой обстановкѣ она исполняется, соблюдаются-ли при этомъ всѣ установленныя закономъ правила и наконецъ, какой взглядъ установился у насъ въ обществѣ, на значеніе присяги, какъ религіознаго обряда?

Прежде всего слѣдуетъ указать на то, что, по смыслу закона, священнослужитель, приводящій присяжныхъ засѣдателей къ присягѣ, обязанъ предварительно разъяснить имъ ея святость и значеніе.

Въ первое время по открытіи судебныхъ установленій, когда каждому дѣйствию, каждой судебной формѣ и процессуальной обрядности, придавалось извѣстное значеніе, чуждое понятія объ одной только формальности, судъ отнесся съ полнымъ вниманіемъ и къ этому требованію закона. Священно-

служители дѣлали присяжнымъ постоянныя увѣщанія и нисколько отъ этого не уклонялись, напротивъ, въ предварительномъ назиданіи присяжныхъ, видѣли прямой пастырскій долгъ свой. Новизна суда и торжественная его обстановка, на первыхъ порахъ производили должное впечатлѣніе и на священнослужителей. Сознаніе того значенія, которое въ уголовномъ процессѣ имѣютъ присяжные засѣдатели, побуждало священниковъ искреннимъ и живымъ словомъ духовнаго вразумленія, возбуждать въ присяжныхъ ихъ нравственный долгъ, указывая на тотъ идеаль правоты и справедливости, во имя котораго дается имъ право судить своего ближняго.

И такія увѣщанія, сказанныя съ чувствомъ, имѣли всегда большое значеніе. Затѣмъ съ теченіемъ времени они постепенно стали утрачивать свой прежній характеръ, говорились все рѣже и рѣже; судъ пересталъ напоминать, священники перестали ихъ дѣлать по собственному почину, и въ настоящее время, за рѣдкими исключеніями, увѣщаній почти не бываетъ, а вся релігіозная обрядность присяги, ограничивается прочтеніемъ одного лишь присяжнаго листа.

Привычка, время, а частью и общее уже охлажденіе всѣхъ элементовъ суда, къ дѣлу отправленія правосудія, выражающееся въ поверхностномъ отношеніи ко многимъ предписываемымъ закономъ, формамъ и обрядамъ судопроизводства, сдѣлали то, что многіе священнослужители даже и присяжный листъ стали читать на скоро, кое-какъ.

Въ прежнее время священнослужители, приводившіе присяжныхъ засѣдателей къ присягѣ, произнося слова ея рѣдкимъ и отчетливымъ темпомъ, наблюдали, чтобы всѣ присягающіе повторяли за ними слова присяги, а цѣль методъ въ исполненіи этой обрядности упрощенъ до-нельзя; священникъ на-скоро читаетъ текстъ, присяжные, стоя кругомъ, слушаютъ его молча, а затѣмъ цѣлуютъ Брестъ и Евангеліе, иногда произнося громко слово «клянусь», какъ того требуетъ законъ, а иногда обходясь и безъ этого.

Конечно, это не общее правило, и въ настоящее время, встрѣчаются иногда въ нашихъ судахъ священники, которые не устраниаютъ своего долга дѣлать присяжнымъ увѣщанія, но такія исключенія бываютъ рѣдки и по большей части вызываются или сложностью дѣла, или тѣмъ особливимъ вниманіемъ, которымъ общество даритъ только нѣкоторыя дѣла. Въ обоихъ случаяхъ и судъ какъ-то особенно бываетъ настроенъ на высокій ходъ, и обычная небрежность, смѣняется строгимъ, неукоснительнымъ исполненіемъ обязанностей; судъ не манкируетъ всѣми тѣми процессуальными обрядностями, которыя въ обыденномъ порядкѣ пропускаетъ кое-какъ, а напротивъ, выполняетъ ихъ со всею пунктуальностію.

Какими же причинами, кромѣ общей апатіи къ дѣлу суда, можно объяснить то равнодушіе, съ которымъ священнослужители относятся къ исполненію своей обязанности, по приводу къ присягѣ присяжныхъ засѣдателей?

Намъ случалось неоднократно говорить объ этомъ, со многими священнослужителями и въ разговорахъ съ ними касаться вопроса о значеніи для при-

сяжныхъ пастырскаго увѣщанія и о тѣхъ причинахъ, которыя создали такое равнодушное формальное отношеніе къ дѣлу присяги со стороны священнослужителей.

Въ отвѣтъ на это намъ говорили, что внѣшняя обрядность присяги, утрачиваетъ у насъ мало-по-малу свое значеніе потому, что ее приходится выполнять слишкомъ часто, что вслѣдствіе этого на присягу и сами присяжные начинаютъ смотрѣть, какъ на одну только формальность, что отъ священниковъ присутствующихъ въ судахъ, невозможно требовать, чтобы они по каждому дѣлу обращались къ присяжнымъ съ увѣщаніемъ, такъ какъ иногда, особенно въ столицахъ, священнику приходится приводить къ присягѣ до 8 перемѣнъ присяжныхъ, а слово увѣщанія необходимо сказать обдуманно, осторожно и по меньшей мѣрѣ не повторять въ немъ всегда одного и того же по заученной фразѣ, потому что тогда и самое увѣщаніе приметъ характеръ какой-то формулы и утратитъ всякое свое живое значеніе.

— Я вотъ по благословенію отца благочиннаго, объяснялъ намъ одинъ изъ священниковъ, постоянно присутствую въ судѣ, иногда три, а то и четыре дня въ недѣлю, кой день уйду въ три часа, кой день вечеромъ, а то и ночью, когда придется привести къ присягѣ комплектъ послѣднихъ присяжныхъ, и за всю эту работу и безотлучное пребываніе въ судѣ, получаю я всего 12 рублей въ мѣсяцъ. Вотъ вы и извольте оцѣнить мой трудъ, а мнѣ еще говорятъ увѣщанія готовить, живымъ пастырскимъ словомъ напугивать присяжныхъ, отчего же и нѣтъ, вознаградите насъ какъ слѣдуетъ и тогда мы поведемъ свое дѣло такъ, что вы въ насъ упрекомъ не бросите.

Такимъ образомъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, вопросъ объ увѣщаніяхъ присяжныхъ, сводится священнослужителями на почву требоисправленія недостаточно оплачиваемаго, и съ этой стороны можно, конечно, только пожалѣть о томъ, что исполненіе одной изъ важнѣйшихъ на судѣ обрядностей, стоитъ въ такой тѣсной зависимости, отъ недостаточной оплаты ея извѣстнымъ количествомъ рублей.

Въ другихъ случаяхъ намъ доводилось слышать, что увѣщанія присяжныхъ, сами священнослужители признаютъ дѣломъ совершенно излишнимъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда составъ присяжныхъ (какъ въ столицахъ и большихъ городахъ) состоитъ преимущественно изъ лицъ образованныхъ и интеллигентныхъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, объяснялъ намъ одинъ изъ священниковъ, нужно-ли такимъ присяжнымъ объяснять святость присяги, вѣдь они и сами это очень хорошо понимаютъ, какой-же смыслъ могутъ тутъ имѣть мои вразумленія.

Этотъ послѣдній доводъ дѣйствительно имѣетъ нѣкоторую долю основанія, особенно при тѣхъ современныхъ взглядахъ на религію, которые въ наше время мало-по-малу проникаютъ и водворяются въ обществѣ.

Но вѣдь ничего подобнаго нельзя сказать относительно нашихъ уѣздныхъ и провинціальныхъ центровъ, гдѣ почти вся масса присяжныхъ засѣдателей состоитъ изъ простолюдиновъ, для которыхъ пастырское слово священника

служить всегда не малым нравственным подспорьемъ въ сужденіяхъ ихъ по дѣлу и руководителемъ ихъ совѣсти. Отчего же и въ этихъ случаяхъ, когда священническія увѣщанія, дѣйствительно имѣють громадное значеніе и могутъ приносить пользу дѣлу, они точно также мало-по-малу приходятъ, такъ-сказать, въ упадокъ, а во многихъ судахъ и вовсе потеряли свое са-мобытное значеніе?

Дѣло въ томъ, что обязывая священнослужителя, говорить присяжнымъ засѣдателямъ увѣщанія, законъ отнюдь не дозволяетъ ему касаться существа, подлежащаго разрѣшенію присяжныхъ дѣла, и вообще какою-либо стороною религіознаго своего внушенія, затрогивать личность обвиняемаго и предметъ преступленія.

Все о чемъ можетъ говорить священникъ въ своемъ увѣщаніи, должно имѣть характеръ исключительно общій, примѣнительный къ обязанностямъ присяжныхъ вообще, но безъ всякаго хотя-бы и отдаленнаго намѣка и соотношенія къ подлежащему дѣлу.

Къ сожалѣнію, весьма многіе изъ священнослужителей, не въ состояніи бывають ни усвоить себѣ дѣйствительную роль въ этихъ увѣщаніяхъ, ни уловить ту отвлеченную грань или предѣлъ, въ обращеніяхъ своихъ къ присяжнымъ, со словомъ внушенія и назиданія, далѣе которыхъ они не должны идти.

Такимъ образомъ; въ нашей судебной практикѣ бывало не мало случаевъ, когда священнослужители въ увѣщаніяхъ, обращенныхъ къ присяжнымъ засѣдателямъ, переходили отъ своихъ общихъ словъ къ существу дѣла, цѣлымъ рядомъ изрѣченій изъ св. писанія, возбуждали въ присяжныхъ сочувствіе къ личности подсудимаго, указывали имъ на обязанности христіанскаго милосердія, проводили мысли о всепрощеніи, и т. д., и такимъ образомъ явно переходили за предѣлы того, къ чему ихъ обязывалъ законъ.

Въ подобныхъ случаяхъ предсѣдательствующіе обыкновенно останавливають священно-служителей въ дальнѣйшемъ изложеніи ихъ увѣщаній, указываютъ имъ на рамки ихъ пастырскихъ внушеній и приглашаютъ придерживаться этихъ указываемыхъ имъ предѣловъ.

Нѣкоторые изъ священнослужителей подчиняются такимъ распоряженіямъ предсѣдательствующихъ, другіе же считаютъ ихъ за личныя, для себя оскорбленія, и изъ такихъ взаимныхъ недоразумѣній происходятъ иногда крайне недолгія пререканія, въ которыхъ виноватою стороною остаются всегда священнослужители.

По внутреннему смыслу и значенію священнослужительскихъ увѣщаній, они являются, конечно, всего болѣе умѣстными въ тѣхъ случаяхъ, когда контингенты присяжныхъ, состоятъ преимущественно изъ простолюдиновъ и вообще изъ лицъ стоящихъ на болѣе низкой степени развитія.

А такіе составы присяжныхъ, существуютъ почти исключительно въ провинціальныхъ уѣздныхъ центрахъ, т. е. въ такихъ мѣстахъ, гдѣ образовательный цензъ священнослужителей, стоитъ во всякомъ случаѣ ниже, чѣмъ у представителей священства въ столицахъ и крупныхъ городахъ.

Такимъ образомъ, не рѣдко приходится наблюдать то обратное явленіе, что въ болѣе крупныхъ судебныхъ центрахъ, гдѣ общій составъ присяжныхъ представляетъ собою преимущественно элементъ интеллигентный—находятся и наиболѣе развитые священнослужители, а въ мелкихъ уѣздныхъ городахъ, гдѣ потребность въ увѣщаніяхъ менѣе развитой среды присяжныхъ, представляется болѣе существенною, тамъ является полный недостатокъ въ такихъ священнослужителяхъ, которые съ большимъ умѣніемъ, и знаніемъ дѣла, и совершенно яснымъ пониманіемъ задачи увѣщаній, могли бы выполнять ихъ не дѣлая суду никакой помѣхи.

А что многіе изъ провинціальныхъ священнослужителей, рѣшительно не могутъ усвоить себѣ тѣ приемы, которые совѣщали бы въ себѣ разумное слово увѣщанія, не рѣдко не понимая даже въ чемъ должна заключаться истинная цѣль его, тому мы приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ практики нашихъ судовъ.

На одной изъ уѣздныхъ сессій, священникъ передъ приводомъ присяжныхъ засѣдателей къ присягѣ, обращаясь къ нимъ съ увѣщаніемъ, началъ свою рѣчь словами: „не судите, да не судимы будете, поучалъ нашъ Господь Иисусъ Христосъ“, и конечно на этихъ первыхъ же словахъ своей рѣчи, былъ остановленъ предсѣдательствующимъ къ крайнему своему недоумѣнію.

Въ другомъ случаѣ священникъ началъ свое увѣщаніе тѣмъ, что евангельскія заповѣди требуютъ отъ христіанина милосердія, прощенія врагамъ забвенія обиды и т. д.

— Вотъ и вы теперь, продолжалъ священникъ, призванные судить Ивана Петрова именемъ Господа Бога, помните, что Господь простилъ....

И на этотъ разъ предсѣдательствующій опять-таки вынужденъ былъ остановить батюшку, попросилъ его оставить Ивана Петрова въ сторонѣ и по возможности не касаться ни его, ни предмета обвиненія.

Уклоненія священнослужителей въ своихъ увѣщаніяхъ, отъ ихъ дѣйствительнаго смысла и значенія, проявлялись иногда и въ болѣе рѣзкой формѣ.

Такъ въ одномъ уѣздномъ городѣ, соборный протоіерей началъ свое увѣщаніе, обращенное къ присяжнымъ изъ простолюдиновъ, изложеніемъ взглядовъ церковнаго законодательства на преступленіе, затѣмъ перешелъ къ опредѣленію того, откуда въ существѣ человѣка получаетъ свое начало злая воля его, направленная противъ ближняго, и наконецъ, кстати или не кстати, упомянулъ въ заключеніе о томъ, что всякій преступный умыселъ въ душѣ человѣческой, есть порожденіе самого дьявола.

Какъ не интересны были такіа обобщенія отца протоіерея, о причинахъ преступныхъ зарождевій въ человѣческой душѣ, но предсѣдательствующій остановилъ его, и попросилъ перейти прямо къ тексту присяги.

Не удивительно послѣ этого, что священники въ большинствѣ случаевъ воздерживаются отъ всякихъ увѣщаній; что же касается до предсѣдателей, то, не будучи по закону обязаны требовать непремѣнато исполненія этой

обрядности, они обыкновенно не считаютъ нужнымъ напоминать о ней, и въ результатъ увѣщанія оказываются совсѣмъ устраненными.

Исключеніе подтверждаетъ правило, и мы не опасаясь власть въ противорѣчіе, указываемъ еще на слѣдующую картинку.

Въ одной изъ южныхъ губерній, въ засѣданіе суда для привода присяжныхъ засѣдателей къ присягѣ, назначенъ былъ деревенскій священникъ, которому судъ предложилъ сдѣлать увѣщаніе присяжнымъ, состоявшимъ исключительно изъ крестьянъ:

— Это имъ-то, имъ, присяжнымъ, обратился священникъ къ суду.

— Да, имъ, батюшка, отвѣтилъ предсѣдательствующій, указывая на присяжныхъ.

Послѣдовала небольшая пауза.

Священникъ видимо соображалъ, какъ и съ чего начать ему непривычное для него дѣло.

— Совѣсть имѣете? коротко и рѣзко обратился онъ вдругъ къ присяжнымъ, которые занялись при этомъ на мѣстѣ и словно усомнились въ существованіи у нихъ совѣсти.

— Имѣемъ, отецъ, догадался наконецъ отвѣтить кто-то изъ нихъ.

— И души свои отъ лукаваго сохраняете? послѣдовалъ другой вопросъ священника.

— Сохраняемъ.... какъ можно.... отвѣтилъ тотъ же голосъ.

— Ну, тогда именемъ Бога и разсудите по правдѣ, правду бо Господь Богъ любить и начальство.... по правдѣ осудите, — будете истинные судьи, и ваше мѣсто на выси судейской (при этомъ священникъ показалъ рукою на мѣста для присяжныхъ), а по кривдѣ свою совѣсть поведете, — вѣтъ вамъ почета отъ людей, благословенія отъ Господа, и мѣсто душамъ вашимъ тамо, (и онъ показалъ на скамью подсудимыхъ).

Этимъ короткимъ вразумленіемъ, священникъ окончилъ свое увѣщаніе и приступилъ къ присягѣ.

Изъ всѣхъ приведенныхъ нами выше случаевъ увѣщаній, это послѣднее характерное, конечно, по своей формѣ и изложенію, было съ тѣмъ вмѣстѣ лучшимъ по его внутреннему содержанію и полному соотвѣтствію съ истинной цѣлью увѣщанія.

Перейдемъ теперь къ порядку самого исполненія обряда присяги.

Выше мы привели мнѣніе многихъ, даже очень многихъ священниковъ о ненужности и вредѣ слишкомъ частаго повторенія присяги на судѣ, къ которой приводятъ теперь присяжныхъ засѣдателей по каждому дѣлу особо. Это мнѣніе раздѣляетъ, какъ намъ кажется, и большинство судебныхъ дѣятелей.

Взаимнѣ существующаго порядка, многія лица судебного вѣдомства и даже духовныя лица, нерѣдко указываютъ на слѣдующій, какъ на весьма желательный: при открытіи сессіи окружнаго суда, весь составъ очередныхъ и запасныхъ присяжныхъ засѣдателей, присягаетъ одинъ разъ на всю сессію. Отъ этого, по мнѣнію упомянутыхъ лицъ, присяга много выиграетъ въ глазахъ

присяжныхъ засѣдателей и главнымъ образомъ по двумъ причинамъ: во 1-хъ то, что повторяется рѣдко, всегда производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ обыденное, заурядное, а во 2-хъ, ограничиваясь приведеніемъ къ присягѣ только одинъ разъ во всю сессію, не трудно будетъ соблюсти при этомъ надлежащую торжественность. Правосудіе отъ этого точно такъ же ничего не потеряетъ, потому что въ основѣ присяги, все-таки останется то же религиозное чувство присяжныхъ, которое и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, не дозволитъ имъ нарушать данную ими передъ Богомъ клятву, судить по правдѣ и рѣшать по совѣсти всѣ дѣла, въ разсмотрѣніи которыхъ они будутъ, участвовать. Словомъ, сущность останется та же. Измѣнять придется только текстъ присяги: вмѣсто клятвеннаго обѣщанія, даваемого присяжными на одно только дѣло, придется вставить другое, — даваемое на всѣ тѣ, назначенныя въ сессію, дѣла, къ разсмотрѣнію которыхъ каждый изъ присяжныхъ засѣдателей будетъ призванъ.

Противъ такого способа приведенія присяжныхъ засѣдателей къ присягѣ можно возразить, что онъ поведетъ опять-таки къ профанации ея, въ виду того, что присяжные засѣдатели избираются на каждое отдѣльное дѣло по жребію, отчего нерѣдко случается, что нѣкоторые изъ присяжныхъ, въ теченіи всей сессіи, ни разу не попадаютъ въ комплектъ присутствія присяжныхъ ни на одно дѣло, почему принятая ими одновременно съ другими въ началѣ сессіи присяга, будетъ имѣть характеръ непроизводительной и безцѣльно выполненной религиозной обрядности.

Однако съ этимъ врядъ-ли можно согласиться, ибо, допуская принятіе присяги всѣмъ составомъ присяжныхъ засѣдателей, защитники намѣченнаго нами порядка, выходятъ изъ того вполне вѣроятнаго предположенія, что при относительно незначительномъ числѣ присяжныхъ и достаточномъ количествѣ дѣлъ, разсматриваемыхъ обыкновенно въ теченіи сессіи, каждый изъ присягавшихъ непремѣнно будетъ выбаллотированъ жребіемъ, хотя бы на одно какое-нибудь дѣло. Конечно, этого можетъ и не случиться, но и въ такомъ случаѣ большой бѣды не послѣдуетъ, потому что врядъ-ли будетъ справедливо утверждать, что отъ совершенно побочнаго, случайнаго обстоятельства, можетъ пострадать святость присяги. Кто, въ самомъ дѣлѣ, станетъ осуждать существующій порядокъ за то, что запасные присяжные почти всегда, а комплектные иногда (въ случаѣ необходимости отложить дѣло), присягаютъ даромъ? Съ другой стороны, профанация обряда присяги несомнѣнна въ тѣхъ случаяхъ (на практикѣ довольно обыденныхъ), когда присяжный засѣдатель, попадая въ составъ присутствія по всѣмъ дѣламъ, назначеннымъ къ слушанію въ одинъ и тотъ же день, по прошествіи каждаго часа или получаса, передъ каждымъ разсматриваемымъ дѣломъ, иногда по 5 и по 6 разъ, долженъ подходить къ аналою, по столько же разъ произносить одно и то же клятвенное обѣщаніе и столько же разъ цѣловать Крестъ и св. Евангеліе. Сверхъ того существующій порядокъ оскорбителенъ и для достоинства присяжныхъ. Напоминающая имъ безпрестанно объ обязанности судить по совѣсти, онъ, какъ будто,

не довѣряетъ нравственности тѣхъ, кого самъ законъ облакаетъ высокимъ, безконтрольнымъ званіемъ совѣстныхъ судей.

Однако въ пользу теперешняго порядка привода къ присягѣ по каждому дѣлу особо, существуетъ одинъ весьма вѣсскій доводъ, поколебать который, по нашему мнѣнію, рѣшительно невозможно.

Этотъ неоспоримый доводъ заключается въ необходимости, предоставить каждому подсудимому возможность, присутствовать при исполненіи обряда присяги, именно тѣмъ составомъ судей совѣсти, которые будутъ рѣшать его дѣло.

Присяга присяжныхъ засѣдателей, представляетъ собою для подсудимаго существеннѣйшую гарантію въ томъ, что его будутъ судить дѣйствительно по совѣсти и по долгу выполненной ради личнаго его дѣла клятвы. Поэтому было бы крайне несправедливо, лишить подсудимаго права и возможности, повѣрить лично исполненіе этой въ высшей степени важной для него гарантіи. А между тѣмъ, въ случаѣ допущенія одной общей присяги, такое право само собою было бы неосуществимо.

Въ доказательство же того, какъ крѣпко сами подсудимые держатся за это свое право, можно прежде всего сослаться на нашу кассационную практику. Случалось не разъ, что сенатъ кассировалъ дѣла по ссылаѣ подсудимыхъ на несоблюденіе всѣхъ установленныхъ для присяги обрядовъ.

Сверхъ того и изъ жизни нашего суда присяжныхъ, можно привести не мало такихъ примѣровъ, которые указываютъ, какъ подсудимые, конечно, въ личныхъ своихъ интересахъ, относятся строго къ исполненію присяжными засѣдателями обряда присяги.

Одинъ изъ присяжныхъ, мѣстный чиновникъ (дѣло происходило въ уѣздномъ городѣ), во время исполненія обряда присяги, стоя позади другихъ, вынулъ изъ кармана табакерку, началъ нюхать табакъ, потомъ сталъ громко и усиленно сморкаться, и не успѣлъ покончить съ своимъ носомъ даже и тогда, когда подошла его очередь цѣловать Крестъ и Евангеліе.

Обо всемъ этомъ тотчасъ же заявилъ суду, самъ подсудимый, слѣдившій за обрядомъ присяги, и судъ призналъ необходимымъ, вторично привести этого присяжнаго засѣдателя къ присягѣ. Но тогда подсудимый объявилъ суду, что онъ этому присяжному вѣрить свою судьбу не можетъ, «потому, какой же онъ судья есть, когда табакомъ во время присяги занимался».

Къ этому заявленію самого подсудимаго, защитникъ его присоединилъ ходатайство о замѣнѣ этого присяжнаго однимъ изъ запасныхъ, и судъ это ходатайство удовлетворилъ.

Въ другомъ случаѣ, подсудимый, по удаленіи присяжныхъ засѣдателей въ совѣщательную комнату, для избранія старшины заявилъ суду, что одинъ изъ нихъ не поцѣловалъ Креста и Евангелія, что и подтвердилось вполне.

Наконецъ укажемъ еще на одинъ случай, когда трое подсудимыхъ заявили суду общую просьбу, объ исключеніи изъ состава присутствія присяжныхъ, одного купца, который во время исполненія обряда присяги, стоя за колонной залы, считалъ вынутыя изъ боковаго своего кармана деньги.

Говоря о порядкѣ исполненія присяжными ихъ сѣудейской присяги, нельзя не коснуться и той степени религіозности, съ которою присяжные засѣдатели разныхъ классовъ, сословій и оттѣнковъ, относятся къ исполненію этого обряда.

Въ этомъ отношеніи, на основаніи многихъ наблюденій нельзя не отмѣтить того прискорбнаго явленія, что многіе присяжные засѣдатели, исключительно изъ образованнаго класса людей, относятся къ обряду присяги безъ должнаго уваженія, видимымъ образомъ выказывая къ нему какое-то вѣдшнее, если не пренебреженіе, то равнодушіе, такъ, напр., они не поднимаютъ, какъ слѣдуетъ настоящимъ образомъ, руки, не произносятъ совсѣмъ словъ присяги, иные цѣлуютъ одинъ только Крестъ, иные одно только Евангеліе, нѣкоторые во все время присяги безмолвно и безучастно стоятъ гдѣ нибудь въ сторонѣ въ углу, облокотившись объ стѣнку, фактически не участвуя ничѣмъ въ исполненіи обряда, и даже глядя по сторонамъ, или дѣлая наблюденія въ окна о томъ, что творится въ ту минуту на улицѣ.

Можетъ быть такое отношеніе къ присягѣ и является послѣдствіемъ того, что присяжные засѣдатели выполняютъ ее слишкомъ уже часто, но однако, при тѣхъ же условіяхъ, присяжные засѣдатели изъ простолюдиновъ и вообще изъ лицъ средней среды, не дозволяютъ себѣ столь предосудительнаго поведенія передъ Крестомъ и Евангеліемъ.

Намъ извѣстенъ одинъ случай, когда присяжный засѣдатель изъ образованнаго класса, и при томъ человекъ весьма виднаго и значительнаго общественнаго положенія, попавшій по жребію въ составъ присутствія присяжныхъ, по забывчивости своей не подошелъ къ аналою вмѣстѣ съ другими присяжными, и такимъ образомъ не выполнилъ совсѣмъ присяги. Обстоятельство это было замѣчено предсѣдательствующимъ въ то время, когда присяжные засѣдатели прикладывались уже ко Кресту и Евангелію. Неприсягавшій присяжный засѣдатель, немедленно присоединился къ группѣ другихъ присяжныхъ, и вслѣдъ за ними хотѣлъ точно также поцѣловать Крестъ и Евангеліе.

— Господинъ присяжный засѣдатель, вы кажется не присягали, остановилъ его вдругъ предсѣдательствующій.

— Да... но это все равно... отвѣчалъ этотъ присяжный, подходя уже къ аналою, съ какою то совершенно не умѣстною улыбкою.

— Это можетъ быть все равно для васъ лично, но не для суда и не для подсудимаго, спокойно, но внушительно замѣтилъ ему предсѣдательствующій, и предложилъ священнику привести его къ присягѣ отдѣльно.

Вообще поверхностное отношеніе къ обряду присяги со стороны присяжныхъ интеллигентныхъ, въ судахъ нашихъ явленіе не исключительное.

На ряду съ приведеннымъ выше случаемъ, можно указать еще на фактъ, когда подсудимый на сессіи въ уѣздномъ городѣ, по окончаніи выбора присяжныхъ, заявилъ суду, что одного изъ нихъ, онъ къ присягѣ допустить не можетъ.

— Это почему? спросилъ его предсѣдательствующій.

— Да потому господа судьи, господа начальство, отвѣчалъ онъ, что барину этому, что есть присяга, что иѣтъ, все единственно, потому какъ въ церковь онъ не ходитъ, и хоша баринъ въ учёности былъ, свѣтлыя понятія долговъ имѣть, а вотъ уже сколько годовъ доподлинно намъ извѣстно, у исповѣди не былъ и не бываетъ.

Приводимъ кстатѣ не лишнюю интереса, выдержку изъ письма одного священника, близко касающуюся вопроса о релігіозности присяжныхъ.

«Много лѣтъ, пишетъ онъ намъ, привожу я нашихъ присяжныхъ къ присягѣ, многіе изъ нихъ—почти больше всё простой народъ, торговцы да крестьяне, ремесленники, дворянъ-помѣщиковъ у насъ мало, а все же попадаютъ въ судьи и они, чиновниковъ больше нихъ. Какъ вамъ сказать, который человекъ ближе къ природѣ себя держитъ, тотъ больше о своей душевной обязанности думаетъ. Присяга великое дѣло, а судить ближняго еще того болѣе, по присягѣ человекъ самъ себя показываетъ, какъ онъ къ страху Божию относится и долгъ свой судейскій понимаетъ».

«Идетъ присяжный къ аналою, дума судейская на немъ лежитъ, всё помыслы его сосредоточены на одномъ подлежащемъ ему важномъ дѣлѣ, присягу онъ выполняетъ боязненно, цѣлованію Креста и Евангелія придаетъ не обыденный не ординарный тонъ, ко Кресту идетъ поклонъ, отъ Креста и Евангелія—другой. Такіе все больше бываютъ изъ простыхъ, объясняетъ дальше священникъ, знаній у нихъ можетъ быть и меньше, да понятій души больше. Не то наши чиновники и люди себя почитающіе благородными да учеными, мало у нихъ усердія къ своему дѣлу совѣсти, много они на себя и на познанія свои надѣются, къ выполняемому церковному обряду относятся не съ должнымъ рвеніемъ, тщетно бываютъ заняты лжесознаніемъ, что для нихъ присяга не есть дѣло важное».

«А впрочемъ, такъ оканчиваетъ отецъ іерей свое письмо, не въ обидность имъ всѣмъ сказать, и внимательные къ присягѣ и не внимательные, наши присяжные судятъ хорошо, много ими всѣ довольны, вотъ уже сколько лѣтъ у насъ судъ этотъ идетъ, а никто не скажетъ, чтобы кого они невѣрно осудили».

Присяжные засѣдатели по смыслу закона, присягаютъ каждый сообразно съ догматами и обрядами своего вѣроисповѣданія, причемъ присяжные засѣдатели не православнаго вѣроисповѣданія, должны быть приводимы къ присягѣ духовными лицами ихъ вѣроисповѣданія, а при отсутствіи послѣднихъ, предсѣдательствующими въ судебныхъ засѣданіяхъ. И наконецъ, отъ лицъ, принадлежащихъ къ вѣроученіямъ, неприемлющимъ присяги, отбирается торжественное обѣщаніе, соответствующее смыслу присяжнаго обѣщанія.

Въ большинствѣ случаевъ, въ нашихъ окружныхъ судахъ, присяжные засѣдатели состоятъ изъ лицъ православнаго вѣроисповѣданія, но почти всегда въ очередныхъ спискахъ присяжныхъ, оказываются лица и иныхъ христіанскихъ и нехристіанскихъ вѣроисповѣданій, а также и послѣдователи разныхъ сектъ и вѣроученій, неприемлющихъ ни священства, ни присяги.

Последніе, по существу ихъ вѣроученій, освобождаются отъ исполненія обряда присяги, взамѣнъ чего председательствующіе предлагаютъ имъ дать публичное обѣщаніе, исполнить обязанность присяжнаго по совѣсти и справедливости. Законъ не регламентируетъ, въ какой именно формѣ и въ какомъ видѣ должна быть выполняема на судѣ эта формула торжественнаго обѣщанія, а потому въ разныхъ судахъ она осуществляется различнымъ образомъ, сообразно личнымъ взглядамъ председательствующихъ.

Такое разнообразіе въ выполненіи на судѣ обрядности, имѣющей значеніе того же клятвеннаго обѣщанія, едва-ли можетъ быть признаваемо за нормальное, такъ какъ торжественное обѣщаніе сектантовъ, замѣняя для нихъ присягу, должно быть обставлено по крайней мѣрѣ съ вѣшной стороны, одними и тѣми же условіями. Неопредѣленность въ этомъ отношеніи указаній закона, равносильна тому, какъ, если бы законъ предоставлялъ председательствующимъ, допускать присягу присяжныхъ засѣдателей по разнымъ формамъ, такъ какъ въ сущности присяга и торжественное обѣщаніе представляютъ собою одно и то же, и разница между ними заключается не во внутреннемъ ихъ смыслѣ и значеніи, а только въ наружной, обрядовой сторонѣ.

А между тѣмъ, неопредѣлительность въ законѣ, относительно торжественныхъ обѣщаній ведетъ къ тому, что на судѣ они выполняются самымъ разнообразнымъ образомъ.

Въ иныхъ случаяхъ, председательствующій у судейскаго стола объявляетъ неприемлющимъ присяги, что они должны дать торжественное обѣщаніе судить по правдѣ, чѣмъ все и оканчивается. Другіе председательствующіе требуютъ, чтобы такіе присяжные, своими словами дали передъ судомъ торжественное обѣщаніе судить по совѣсти, причемъ обѣщаніе это заставляютъ подтвердить клятвою, т. е. въ сущности требуютъ той же присяги, но только не передъ Крестомъ и Евангеліемъ, а лично передъ собою.

Иногда сектанты, наиболѣе строго и ревниво относящіеся къ своему вѣроученію, отказываются отъ исполненія подобныхъ требованій председательствующихъ, и отсюда возникаютъ такого рода недоразумѣнія и препирательства религіозныхъ отгѣнковъ, которыя должны быть признаваемы крайне неудобными, въ обстановкѣ публичныхъ судебныхъ засѣданій.

Намъ извѣстенъ случай, когда одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей-сектантовъ отказался повторять за председательствующимъ, слова торжественнаго обѣщанія, находя, что это та же присяга, а что онъ присяги принимать не можетъ. Председательствующій настаивалъ на повтореніи за нимъ того, что онъ говоритъ, доказывая, что онъ требуетъ лишь торжественнаго обѣщанія. Однако присяжный попрежнему упорствовалъ, указывая на то, что въ словахъ торжественнаго обѣщанія, произносимаго председательствующимъ, заключается текстъ присяги. Отсюда между председательствующимъ и присяжнымъ засѣдателемъ произошло цѣлое пререканіе, окончившееся рѣшительнымъ отказомъ со стороны присяжнаго, исполнить требованіе председателя, и его заяв-

леніемъ, что «вѣры своей онъ ни ради какой власти ломать не будетъ». Судъ занесъ въ протоколъ отказъ присяжнаго засѣдателя, отъ исполненія торжественнаго обѣщанія, и слова его на счетъ «власти», для возбужденія противъ него уголовнаго преслѣдованія, а сектанта, не пожелавшаго убѣдиться доводами предсѣдателя, исключилъ изъ состава присяжныхъ и замѣнилъ его другимъ—запаснымъ.

Вотъ до чего доводитъ иногда предсѣдателя, отсутствіе разъ на всегда установленной формулы торжественнаго обѣщанія. Если въ данномъ случаѣ, и можно обвинить во всемъ, незнакомство предсѣдателя съ сущностью религиозныхъ убѣжденій присяжнаго, то вѣдь такое знакомство и не обязательно, а между тѣмъ оно нерѣдко вноситъ въ религиозную обрядность присяги и торжественныхъ обѣщаній, совершенно неумѣстный элементъ комизма.

Вотъ нѣсколько случаевъ, подтверждающихъ вполне наше заключеніе.

Въ одномъ судебномъ засѣданіи, присяжный засѣдатель изъ сектантовъ заявилъ предсѣдательствовавшему члену суда, что онъ присяги принимать не можетъ, а можетъ только обѣщать по правдѣ. Изъ разговора съ присяжнымъ, предсѣдательствующій почему-то заключилъ, что послѣдній принадлежитъ къ селѣ субботниковъ, и на этомъ основаніи, при произнесеніи обѣщанія «судить по правдѣ», приказалъ ему надѣть на голову шапку: таковъ-де обрядъ у субботниковъ, и это лично извѣстно ему, предсѣдателю.

Смущенный такимъ неожиданнымъ и страннымъ требованіемъ, крестьянинъ, не безъ крайняго недоумѣнія, исполнилъ приказаніе предсѣдательствующаго, но тутъ же заявилъ, что онъ «иконы почитаетъ и чтитъ власть земнаго вседержителя, а потому предъ Божьимъ и Царевымъ изображениями стоять ему съ покрытою головою не гоже, и что онъ хотя у попа руки не цѣлуется, но все-таки состоитъ православнымъ христіаниномъ, по древнему православію и никакого Божескаго дѣла съ покрытою головою не дѣлаетъ».

Другой случай не менѣе характеренъ: старикъ присяжный «по рогожской вѣрѣ», выполнивъ присягу, прочтенную ему предсѣдательствующимъ, отказался поцѣловать Крестъ и Евангеліе на томъ основаніи, что этотъ Крестъ и Евангеліе «не по ихъ вѣрѣ». Несмотря на такое заявленіе, предсѣдатель, ссылаясь на то, что Крестъ и Евангеліе вездѣ одинаковы, и что дѣло не въ нихъ, а въ совѣсти, категорически потребовалъ отъ старика, повиновенія своей волѣ. Старикъ оробѣлъ и поцѣловалъ православный Крестъ и Евангеліе, но тутъ же, быстро отойдя отъ стола, на которомъ они лежали, довольно громко произнесъ: «грѣхъ на мнѣ не по моей винѣ,—прости меня, пресвятая церковь и Господь Вседержитель».

Эта сцена произвела на всѣхъ присутствовавшихъ въ судѣ, крайне тяжелое впечатлѣніе и далеко не въ пользу предсѣдателя, такъ какъ старикъ присяжный былъ совершенно правъ, а предсѣдательствующій, во первыхъ, выказалъ нѣкоторую безтактность въ столь щекотливомъ вопросѣ религиознаго свойства, а во вторыхъ, произвелъ незаконное давленіе и насиліе надъ совѣстью присяжнаго.

Напомнимъ здѣсь кстати о хорошемъ обычаѣ столичныхъ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ судовъ—имѣть у себя всегда подъ рукою старообрядческій Крестъ и такое же Евангеліе, которые и предъявляются присяжнымъ старообрядцамъ при выполненіи ими присяги.

Еще эпизодъ.

Подсудимый на судѣ заявляетъ предсѣдательствующему, что вотъ этотъ присяжный (старообрядецъ), исполняя присягу, обязанъ снять сапоги и присягать на-голо.

— Зачѣмъ же это нужно, обратился предсѣдательствующій къ подсудимому.

— Нужно такъ, потому по ихъ вѣрѣ, когда Бога въ свидѣтели призываетъ, долженъ онъ босой стоять; намъ это доподлинно извѣстно, по сусѣдству съ ними живемъ, всякое такое ихъ дѣло знаемъ, безпремѣнно они за всегда безъ сапогъ, когда Богу молятся.

Присяжный старикъ на это ничего не отвѣтилъ, а сапогъ не снялъ, предсѣдательствующій остался въ недоумѣніи, подсудимый на исполненіи своего требованія не настаивалъ, и вопросъ о сапогахъ, какъ о религіозномъ элементѣ въ старообрядческой присягѣ, остался открытымъ.

Въ другомъ случаѣ намъ извѣстно, что товарищъ предсѣдателя, при выполненіи какимъ-то сектантомъ торжественнаго обѣщанія, приказалъ ему сложить крестообразно на груди руки, на томъ основаніи, что это требуется будто по закону ихъ вѣры. Присяжный вопросительно посмотрѣлъ на предсѣдательствующаго, требованія его не исполнилъ, и отвѣтилъ, что его вѣрованія къ такому дѣйствию нисколько его не обязываютъ.

Такие и подобные имъ случаи повторяются въ нашихъ судахъ нерѣдко, а потому казалось бы, что для достоинства самаго акта присяги и торжественныхъ обѣщаній, а также для устраненія крайней недовости положенія присяжныхъ изъ старообрядцевъ и послѣдователей другихъ вѣроученій, пріемлющихъ и непріемлющихъ присягу, слѣдовало бы поставить окружные суды въ извѣстность о томъ, какимъ порядкомъ и при соблюденіи какихъ именно условій, должны быть выполняемы присяга старообрядцевъ и даваемая другими сектантами взаимнѣ присяги торжественныя обѣщанія.

По отношенію къ послѣднимъ слѣдуетъ еще замѣтить, что нерѣдко предсѣдательствующіе выполняютъ обрядность о торжественномъ обѣщаніи такимъ образомъ: читаютъ по книгѣ передъ сектантомъ, непріемлющимъ присяги, подлинный текстъ ея, за исключеніемъ въ началѣ его слова «клянусь», а затѣмъ, по окончаніи этого чтенія, требуютъ произнесенія публично словъ: «торжественно обѣщаюсь».

Въ такомъ видѣ торжественное обѣщаніе, сводится къ той же присягѣ, которую сектантъ не признаетъ, а потому даваемое имъ обѣщаніе, а въ сущности непризнаваемая имъ присяга, должно быть признаваемо ничего не значущимъ. А такой результатъ, съ точки зрѣнія правосудія, врядъ-ли желателенъ, такъ какъ если присяга и торжественныя обѣщанія присяжныхъ за-

включаютъ въ себѣ гарантію справедливости приговоровъ ихъ, то они должны сопровождаться выполненіемъ не одной только внѣшней формальности, а всѣхъ тѣхъ условій, въ которыхъ выражаются истинные религиозные взгляды и вѣрованія присягающихъ и общающихся.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ, относительно присяги присяжныхъ засѣдателей изъ иновѣрцевъ.

По закону они приводятся къ присягѣ согласно съ догматами и обрядами ихъ вѣры, духовными лицами ихъ вѣроисповѣданій, а когда въ мѣстѣ засѣданія суда не окажется таковыхъ то предсѣдательствующимъ на судѣ.

Поэтому иновѣрцы христіанскихъ вѣроисповѣданій, а также евреи, каримы и магометане, приводятся къ присягѣ почти всегда предсѣдательствующими, такъ какъ иновѣрные духовныя лица, за рѣдкими исключеніями, никогда почти въ засѣданія суда не приглашаются, вслѣдствіе чего и не могутъ «оказываться» въ судахъ.

Между тѣмъ почти всѣ окружные суды, особенно въ наиболѣе крупныхъ центрахъ, не лишены возможности приглашать въ свои засѣданія духовныхъ лицъ лютеранскаго и католическаго вѣроисповѣданій, такъ какъ лютеранскіе пасторы и католическіе пробоищи, находятся почти во всѣхъ губернскихъ городахъ.

Повсемѣстное игнорированіе судами духовныхъ особъ иновѣрныхъ вѣроисповѣданій, на томъ основаніи, что обязанности ихъ могутъ быть выполнены и предсѣдательствующими, нельзя признать за соответствующее вполне требованіямъ закона.

Въ этомъ отношеніи, весьма многіе изъ присяжныхъ засѣдателей иновѣрцевъ, совершенно основательно ропшутъ, что судъ оказываетъ пренебреженіе къ ихъ религіи, не приглашая въ засѣданія суда духовныхъ лицъ ихъ вѣроисповѣданій.

Несомнѣнно также, что каждый, придерживающійся догматовъ своей религіи, будь онъ христіанинъ или ибѣтъ, вправѣ требовать, чтобы его освободили отъ исполненія обрядовъ чужой вѣры, а между тѣмъ многіе изъ нашихъ предсѣдательствующихъ въ судахъ, будучи сами обязаны приводить католиковъ и лютеранъ къ присягѣ, за отсутствіемъ духовныхъ лицъ ихъ вѣроисповѣданій, нерѣдко «для скорости» предлагаютъ и тѣмъ и другимъ, исполнять присягу вмѣстѣ съ православными присяжными засѣдателями, передъ православнымъ священникомъ и по обряду православной церкви.

По этому поводу многіе присяжные католики и лютеране, глубоко приверженные къ своей религіи, заявляютъ, что исполненіе обряда присяги передъ лицомъ предсѣдательствующаго на судѣ, какъ лица свѣтскаго, и притомъ представителя власти, несравненно менѣе затрагиваетъ ихъ религиозное чувство, нежели присяга черезъ православнаго священника.

Въ первомъ случаѣ, присягѣ своей, выполняемой ими внѣ религиозной обрядности своего ученія, они придаютъ характеръ лишь общація судить по совѣсти, къ чему ихъ обязываетъ простое нравственное чувство гражд-

данъ, избранныхъ для этой цѣли довѣриемъ общества; въ послѣднемъ же случаѣ, т. е. когда имъ предлагаютъ исполнять обрядъ присяги у православнаго священника, каждый изъ нихъ, приступая къ этому религіозному обряду, не у своего духовнаго лица, чувствуетъ себя какъ-то неловко, и чувство это должно быть понятно всякому развитому и образованному человеку, который свой религіозный культъ стремится сохранить неприкосновеннымъ.

Намъ могутъ возразить, что предсѣдательствующіе только «предлагаютъ» христіанскимъ иновѣрцамъ присягать у православнаго священника и при этомъ всегда съ крайнею любезностію заявляютъ, что «если присяжные изъ лютеранъ и католиковъ не пожелаютъ присягать у православнаго священника, то они будутъ приведены къ присягѣ ими, предсѣдательствующими».

Не трудно однако-же понять, что такое предложеніе, въ сущности граничитъ очень близко съ требованіемъ, ибо всякій отказъ иновѣрцевъ отъ исполненія присяги у православнаго священника, неминуемо будетъ истолкованъ въ смыслъ неделикатнаго, а подчасъ и неуважительнаго отношенія къ представителю православія, а кто же изъ иновѣрцевъ, сколько-нибудь образованныхъ, пожелаетъ публично, передъ массою народа, оказывать въ такой явной формѣ пренебреженіе къ первенствующей религіи!

И вотъ, не безъ нѣкотораго насилія надъ своею совѣстью, присяжные иновѣрцы выражаютъ согласіе на предложеніе предсѣдательствующаго, и идутъ, хотя и скрѣпя сердце, выполнять присягу у православнаго священника.

Такого рода соображенія, намъ лично приходилось выслушивать не разъ отъ самихъ присяжныхъ засѣдателей изъ лютеранъ и католиковъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ совершенно основательно проводили ту мысль, что если они изъ деликатности не заявляютъ передъ судомъ о нежеланіи своемъ присягать у православнаго священника, то почему же предсѣдательствующіе не проникнутся по отношенію къ нимъ, тою же деликатностію, и чтобы не смущать ихъ религіознаго чувства и не ставить ихъ въ неловкое положеніе, передъ своими религіозными убѣжденіями, не примутъ къ исполненію въ высшей степени гуманнаго предписанія закона, идущаго рука объ руку съ полною вѣротерпимостію, чтобы иновѣрцы христіанскаго вѣроисповѣданія исполняли присягу или черезъ духовныхъ лицъ ихъ вѣроисповѣданій, или же чрезъ предсѣдательствующихъ на судѣ.

Впрочемъ въ судебной практикѣ было нѣсколько случаевъ, что лютеране и католики отказывались принимать присягу у православнаго священника, и требовали, чтобы обрядъ этотъ былъ передъ ними выполненъ предсѣдательствующимъ.

Одно изъ такихъ требованій заключилось комическимъ эпизодомъ.

Присутствовавшій на судѣ православный священникъ, оскорбленный отказомъ нѣмца принять у него присягу, и по окончаніи засѣданія, присталъ къ послѣдователю Лютера съ распросомъ: „нѣтъ, ты скажи, нѣмецъ, чѣмъ твоя вѣра лучше нашей и почему ты меня обошелъ“? Сверхъ того онъ пообѣщаль

нѣмцу, подбить своихъ прихожанъ, отказать ему въ дальнѣйшемъ содержаніи мельницы, которую тотъ арендовалъ у сельскаго общества, а въ концѣ концовъ донесъ еще на него благочинному, что онъ „мутитъ православный духъ“.

Количество нехристіанъ въ числѣ присяжныхъ засѣдателей такъ не велико, въ общей массѣ нашихъ присяжныхъ, что вопросъ о порядкѣ выполненія ими на судѣ присяги чрезъ предсѣдательствующихъ, не можетъ имѣть особенно важнаго значенія, хотя нельзя не сказать, что присяга евреевъ для ея дѣйствительнаго значенія, должна быть обставлена такимъ множествомъ талмудическихъ тонкостей, которыя не всегда на судѣ, возможно было бы даже и осуществить.

Вотъ, напримѣръ, случай изъ судебной практики, затронувшій вопросъ объ обстановкѣ потребной для дѣйствительности еврейской присяги.

Подсудимый, по поводу нахождения въ составѣ присутствія присяжныхъ по его дѣлу, двухъ евреевъ, заявилъ предсѣдателю, что той присягѣ, которую они выполнили передъ нимъ, онъ вѣрить не можетъ, потому что эта присяга для нихъ ничего не значить, «всяческую фальшь они по ней могутъ сдѣлать, а что настоящая присяга на правду, у нихъ своя особенная—жидовская».

— Про какую же вы присягу говорите? обратился предсѣдательствующій къ подсудимому, я привелъ ихъ къ присягѣ по закону, и другой присяги дать имъ не могу.

— Вѣрно, ваше превосходительство, говорю вамъ, тономъ глубокаго убѣжденія объяснялъ предсѣдательствующему подсудимый, отставной солдатъ, доподлинно вѣрно знаю, что настоящая присяга у нихъ особенная есть, херимомъ прозывается, и очень хорошо мы ее знаемъ, и сколько разъ сами видали, потому какъ съ полкомъ въ самомъ ихнемъ жидовскомъ царствѣ стояли—въ Бердичевѣ, опять же и въ Шкловѣ....

— Въ чемъ же заключается эта особенная присяга, поинтересовался узнать предсѣдательствующій.

— Первое дѣло, ваше превосходительство, съ тономъ знатока объяснялъ солдатикъ, долженъ онъ, значить еврей, подъ херимомъ свою рубашку смертную надѣть, бѣлыя тагія у нихъ большія рубахи есть, потомъ щипцы свои изъ подъ одежды выпустить, въ одну руку свой законъ взять, а въ другую черную свѣчку зажечь, опять же шлепанцы съ ногъ сбросить и на свиную кожу ногами стать, потомъ какъ самую присягу горготать кончить, долженъ онъ черную свѣчку самъ загасить, это значить, чтобъ его душа такъ передъ Богомъ погасла, какъ эту свѣчку онъ загасилъ, коли что ежели онъ правду не скажетъ.

Этотъ разсказъ подсудимаго вызвалъ въ засѣданіи суда всеобщій смѣхъ, хотя по тону, съ которымъ онъ передавалъ его, видно было совершенно ясно, что подсудимый говорилъ не ради потѣхи публики, а изъ рѣшительнаго убѣжденія, что только такой присягѣ евреевъ, онъ можетъ довѣрить безбоязненно свою судьбу.

Тѣмъ не менѣе предсѣдательствующій, оставилъ просьбу подсудимаго безъ послѣдствій, заявивъ ему, что выполненная передъ нимъ присяжными евреями

присяга, вполне законна. Однако же рассказ подсудимаго, даже въ средѣ присутствовавшей въ засѣданіи суда публики, возбудилъ недоумѣніе относительно того, можно ли съ довѣріемъ относиться къ присяжнымъ засѣдателямъ изъ евреевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они присягаютъ безъ тѣхъ атрибутовъ, о которыхъ такъ убѣдительно упоминалъ солдатигъ, повидимому, въ своемъ родѣ знатокъ и специалистъ, изъ такихъ препрославленныхъ еврейскихъ мѣстностей, какъ Шкловъ и Бердичевъ.

Еще нѣсколько словъ.

Присяжные евреи на судѣ передъ судейскимъ столомъ, присягаютъ обыкновенно накрывъ голову шапкой, что и согласно съ талмудическимъ ученіемъ; но нѣкоторые председательствующіе приказываютъ евреямъ присягать безъ шапокъ, находя невозможнымъ дозволить кому бы то ни было, стоять съ открытой головой въ присутствіи суда, гдѣ находятся св. иконы и изображеніе Государя Императора, и признавая такой порядокъ приведенія евреевъ къ присягѣ, несовмѣстимымъ съ достоинствомъ самого суда.

Евреи нерѣдко противъ такихъ требованій председательствующихъ протестуютъ, заявляя, что съ непокрытой головой они присягать не могутъ, и наконецъ болѣе догадливые, чтобы не обидѣть „высокое нацальство“, сдаютъ на компромиссъ—не надѣваютъ шапку совсѣмъ на голову, а только придерживаютъ ее рукою надъ самой головой.

Это ли не комедія?!

И можетъ-ли быть допускаема на судѣ, какая-либо неопредѣлительность въ порядкѣ исполненія обряда присяги, когда послѣдняя заключаетъ въ себѣ и для подсудимаго, и для общества, гарантію въ томъ, что представители суда общественной совѣсти, присяжные засѣдатели, исполняютъ свою обязанность передъ обществомъ по правдѣ, справедливости и по долгу выполненной ими присяжной клятвы!

IV.

Отношенія суда къ присяжнымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что всякое общественное учрежденіе, тогда только въ состояніи съ полнымъ успѣхомъ, выполнять свое предназначеніе, когда всѣ входящіе въ составъ его элементы, будутъ въ равной степени содѣйствовать одинъ другому, будутъ имѣть въ виду, одну только общую всѣмъ имъ цѣль, и устраняя въ совокупной своей дѣятельности, всякіе личные виды, и вопросы, не имѣющіе никакого соотношенія къ дѣлу, не будутъ служить одинъ другому помѣхой, сьумѣютъ каждый въ отдѣльности понять свое мѣсто и значеніе и, что важнѣе всего, не станутъ предъявлять никакихъ поповозновеній, на разрѣшеніе иногда крайне неумѣстныхъ и вредныхъ для дѣла вопросовъ о томъ, кто такіе мы, и что такое вы.

Въ составъ нашего уголовного суда, входятъ два существенные элемента, въ отдѣльности не имѣющіе ни какого значенія, но въ своемъ общемъ совокупномъ, разрѣшающіе весьма важные и существенные для общества вопросы правосудія.

Эти элементы суть: во первыхъ, коронные судьи и во вторыхъ, присяжные засѣдатели. Какъ относительно тѣхъ такъ и другихъ, законъ съ достаточною ясностію регламентировалъ и указалъ, въ чемъ заключаются права и обязанности ихъ и какую отвѣтственность несутъ они въ уголовномъ процессѣ.

Но само собою разумѣется, что какъ бы такой законъ не былъ полонъ въ своихъ общихъ и детальныя указанияхъ, онъ никогда не можетъ уловить и предусмотрѣть всѣ тѣ возможные на практикѣ случаи, взаимныхъ столкновений и недоразумѣній между короннымъ судомъ и присяжными, которые несмотря на рѣзкое разграниченіе въ дѣлѣ уголовного суда ихъ правъ и обязанностей, возникаютъ иногда между ними.

Присяжные и судьи прежде всего тѣ же люди, и люди дѣйствующіе нерѣдко подъ вліяніемъ своихъ личныхъ нерасположеній, а потому, какъ бы они не были, такъ сказать, совершенны, осторожны и тактичны въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, случаи недоразумѣній между ними, неудовольствій, взаимнаго непониманія въ распредѣленіи своихъ правъ и пользованія ими, представляются однако же весьма нерѣдкими.

Если-бы такого рода ненормальныя явленія, не вліяли бы косвенно на самый процессъ, и имѣли бы характеръ лишь личныхъ себялюбивыхъ препирательствъ, изъ за мнимаго права или власти между судьями и присяжными, препирательствъ недостойныхъ во всякомъ случаѣ званія судей, то пожалуй, объ нихъ не стоило бы и говорить. Но дѣло въ томъ, что иногда они влекутъ за собою болѣе серьезныя послѣдствія, отражаясь неблагоприятно на исходѣ дѣла, на главной и существенной задачѣ правосудія, судить по правдѣ и справедливости.

Вопросы личного самолюбія, выдвигаемые нерѣдко впередъ на судѣ и тѣми и другими судьями, отнимаютъ у нихъ спокойное состояніе духа, хладнокровіе и безстрастное отношеніе къ дѣлу, т. е. тѣ именно качества судьи, которыя представляются въ немъ безусловно необходимыми.

Затѣмъ ненормальность въ отношеніяхъ между судомъ и присяжными, влечетъ за собою и другія неблагоприятныя послѣдствія, на которыхъ точно также нельзя не остановиться.

Бому не извѣстно, что въ нашей судебной практикѣ, весьма не рѣдки случаи, что назначаемыя къ слушанію уголовныя дѣла, откладываются по неприбытію въ засѣданія достаточнаго числа присяжныхъ засѣдателей. Весьма интересно въ этомъ отношеніи, прослѣдить тѣ общія и частныя причины, по которымъ наши судебно-общественные представители, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, не являютя въ засѣданіи по вызову суда, и такъ сказать уклоняются отъ исполненія этихъ судейскихъ обязанностей своихъ.

Разбирая эти причины, мы во многих случаях находимъ, что онѣ прямо проистекаютъ изъ тѣхъ отношеній натянутого характера, которыя во многихъ окружныхъ судахъ существуютъ между присяжными и судомъ.

Правда, безучастность и равнодушіе къ дѣлу суда, со стороны избираемыхъ въ присяжные засѣдатели лицъ, весьма нерѣдко служатъ болѣе прямымъ объясненіемъ причинъ манкированія ими засѣданій суда.

Съ другой стороны весьма многіе и не обосновательно, какъ на причину этого явленія, указываютъ на то, что наши присяжные недоразвились еще достаточно для того, чтобы въ примѣненіи къ самимъ себѣ лично, вопроса, о служеніи обществу, не ставить на первомъ планѣ свои личные матеріальные расчеты и интересы, и въ этомъ отношеніи нельзя не сказать, что въ средѣ и нашихъ присяжныхъ засѣдателей, этихъ хотя и «случшихъ», по выраженію закона, представителей общества, находится не мало такихъ людей, которые на свои обязанности судей, смотрятъ, какъ на тяжелую, несносную обузу, отдѣлаться отъ которой стараются всѣми возможными способами.

Но на ряду съ приведенными причинами, практика нашей ежедневной судебной жизни, весьма многими характерными фактами указываетъ намъ, что очень часто, случаи стремленій присяжныхъ засѣдателей, уклониться отъ участія въ засѣданіяхъ суда, кроются въ совершенно иныхъ причинахъ, лежатъ внѣ какихъ-либо побужденій самихъ присяжныхъ и заключаются въ въ тѣхъ иногда мѣстныхъ, а иногда и общихъ отношеніяхъ короннаго суда къ присяжнымъ засѣдателямъ, которыя поражаютъ насъ подѣ часъ, своею ненормальностію, отсутствіемъ должнаго такта, а не рѣдко и крайностію взглядовъ.

За послѣднее время въ обществѣ нашемъ выработалось совершенно основательное убѣжденіе, что общій составъ нашихъ присяжныхъ засѣдателей, необходимо пополнить большимъ числомъ лицъ образованныхъ и развитыхъ, т. е. такихъ, которые преимущественно составляютъ среду интеллигентнаго класса людей. Подобное желаніе представляется весьма естественнымъ и понятнымъ. Нашъ судъ присяжныхъ, отъ брльшаго участія въ немъ образованнаго элемента, можетъ только выиграть. Само правительство, раздѣляя вполне такой взглядъ общества, и создавая всю пользу, которую принесетъ дѣлу правосудія значительное число образованныхъ людей въ составѣ присяжныхъ засѣдателей, предпріяло рядъ такихъ мѣръ, путѣмъ, которыхъ предположено усилить образованнымъ и развитымъ элементомъ тотъ контингентъ людей, изъ котораго производится у насъ выборъ присяжныхъ засѣдателей.

Но всѣ эти естественныя желанія общества и стремленія правительства, никогда не найдутъ себѣ въ дѣйствительной жизни, полного и желаемаго осуществленія, если время, опытъ, указанія или какія либо соотвѣтствующія мѣропріятія, не устранятъ тѣхъ весьма существенныхъ ненормальностей, въ отношеніяхъ коронныхъ судей къ присяжнымъ засѣдателямъ, съ которыми, говоримъ откровенно, трудно иногда бываетъ освоиться человѣку образованному и развитому.

Цѣлый рядъ фактовъ, изъ подобнаго рода отношеній, даетъ намъ возможность, безъ большихъ погрѣшностей, а съ полною правдою, набросать въ подтвержденіе нашихъ словъ, нѣсколько картинокъ изъ этихъ взаимныхъ между судьями и присяжными засѣдателями препирательствъ, недоразумѣній, недоумовъ и столкновеній, которыя на посторонняго даже человѣка, производятъ крайне непріятное впечатлѣніе.

Оговоримся впрочемъ, что въ этихъ случаяхъ, неправыми и виноватыми бывають не всегда только одни коронные судьи, иногда излишнею притязательностью и щепетильностью можно отмѣтить и нѣкоторыхъ изъ присяжныхъ засѣдателей. Мы будемъ справедливы, и въ очеркахъ своихъ коснемся и тѣхъ и другихъ.

Уважемъ прежде всего на тѣ случаи, возникавшихъ между составомъ суда и присяжными засѣдателями разнаго рода недоразумѣній и справедливыхъ нареканій послѣднихъ, которые проистекали изъ небрежныхъ отношеній къ нимъ со стороны суда.

Если коронный составъ судей, въ силу своего оффиціально-судейскаго положенія, въ правѣ требовать отъ присяжныхъ засѣдателей, проявленія извѣстнаго къ себѣ уваженія, то, конечно, съ другой стороны и эти послѣдніе, какъ составляющіе существеннѣйшую функцію того же самаго суда, должны быть, конечно, не менѣе того обезпечены въ томъ, чтобы судъ относился къ нимъ съ равнымъ уваженіемъ, а не начальнически, и не съ тѣмъ, не рѣдко, покровительствующимъ тономъ, который, сплошь да рядомъ, можно наблюдать въ провинціи, и который въ значительной степени роиаетъ въ глазахъ общества, достоинство суда присяжныхъ и наличныхъ его представителей.

Одинъ изъ провинціальныхъ присяжныхъ засѣдателей, или какъ онъ себя самъ называетъ, присяжный «отъ сохи» пишетъ намъ объ отношеніяхъ коронныхъ судей къ присяжнымъ слѣдующее: «у нашихъ господъ судей проявляется чрезвычайная строгость къ другимъ, а не къ себѣ, а въ отношеніи присяжныхъ на примѣръ, они бывають и несправедливы, и если такъ можно сказать, рѣзки. Сами они, на примѣръ, съѣзжаются неопредѣленно и произвольно, а между тѣмъ какъ разъ случилось одному изъ нашихъ сотоварищей (на четвертый день сессіи) нѣсколько опоздать, его оштрафовали на сто руб., потому что онъ имѣлъ несчастіе (конечно, только въ смыслѣ этого раза) принадлежать къ привилегированному классу, состоянія же былъ далеко не привилегированнаго, и для него сто рублей—годовая треть. Черезъ семь минутъ послѣ того онъ явился, и смутился же бѣднякъ, когда предсѣдатель объявилъ ему эту казнь, сталъ конечно, оправдываться, наглажнялся суду вдоволь, ну, наконецъ то смилостивились, сложили ему четырехмѣсячную голодовку съ женой и дѣтьми».

«А какъ сказать, справедливо ли его оштрафовали? Нѣтъ, далеко не такъ! Зсѣ мы ему соболѣзновали, потому напрасно покарать его хотѣли властью, вѣдь онъ утромъ къ обыкновенному часу (10 часовъ) являлся, и выдали его

другіе, да только никого почти еще не было, онъ и ушелъ — за обѣдней простоялъ».

«На мое замѣчаніе, пишетъ тотъ же присяжный засѣдатель, между составомъ суда и присяжными засѣдателями, установилось у насъ то положеніе, которое издавна существуетъ въ Россіи между чиновничествомъ и народомъ, никакъ наши судьи—чиновники, не приварятся къ намъ присяжнымъ простымъ людямъ, не даромъ говорятъ, что русскому люду въ чиновникахъ нѣтъ счастья».

Въ этихъ словахъ присяжнаго засѣдателя, жителя общественной деревенской среды, много правды. Дѣйствительно, неумѣлость нашихъ судей поставить себя въ надлежащія отношенія къ присяжнымъ, выказывается на каждомъ шагу.

Впрочемъ эту не умѣлость, отчасти нельзя не извинить той разнохарактерностью сословной и кастовой среды, изъ которой выходятъ наши присяжные засѣдатели.

Случаи небрежнаго или невнимательнаго отношенія суда къ присяжнымъ засѣдателямъ, заключаютъ въ себѣ одну изъ главныхъ причинъ, почему люди образованные и развитые, тяготятся становиться въ ряды присяжныхъ засѣдателей и избѣгаютъ участія въ засѣданіяхъ суда, не желая ощущать на себѣ нѣкоторыхъ неприятностей и неловкостей своего положенія.

Устраненіе этихъ неприятностей, въ положеніи присяжныхъ засѣдателей, помимо всякихъ другихъ мѣръ, повліяетъ само собой на приливъ образованныхъ и развитыхъ людей въ среду присяжныхъ, и замѣтнымъ образомъ уменьшитъ количество тѣхъ лицъ, которые избѣгаютъ теперь случая попасть въ присяжные засѣдатели, или и прямо отъ того уклоняются.

Нашимъ судьямъ никогда не слѣдуетъ забывать, что въ числѣ присяжныхъ засѣдателей, бываютъ весьма часто почтенныя, солидныя лица, для которыхъ ограниченіе многихъ существенныхъ условій ихъ обыденной жизни, является крайнимъ и тяжелымъ стѣсненіемъ. Мы не говоримъ, конечно, что всегда и во всякихъ случаяхъ, слѣдуетъ исполнять всѣ требованія присяжныхъ, клонящіяся къ личному ихъ удобству и къ исполненію ихъ привычекъ и желаній, потому что осуществить это, при значительномъ числѣ присяжныхъ засѣдателей представляется прежде всего невыполнимымъ, но отчего же въ предѣлахъ возможнаго, не оказывать присяжнымъ нѣкотораго вниманія къ ихъ потребностямъ, когда отъ этого не страдаютъ ни интересы дѣла ни достоинства суда.

Намъ извѣстенъ, на примѣръ, такой случай.

Старику присяжному изъ дворянъ помѣщиковъ, человѣку, привыкшему къ изысканной жизни, случайно довелось сидѣть на креслѣ рядомъ съ однимъ простолюдиномъ, который по присущему имъ обыкновенію, утѣлся въ своемъ новомъ дубленомъ полушубкѣ. Понятно, что такое сосѣдство человѣку, привыкшему къ изысканной обстановкѣ, болѣе тонкихъ духовъ и ароматовъ, было не особенно пріятно, да и помимо уже вопроса о пріятности, запахъ

этотъ дѣйствовалъ и на нервы помѣщика раздражающимъ образомъ, у него заболѣла голова, и чтобы предоставить себѣ случай пересѣсть на какое нибудь другое мѣсто, не объясняя тому причины, и не оскорбляя по естественному чувству деликатности, своего сосѣда, этотъ старичекъ присяжный, обратился къ суду съ просьбой, сдѣлать маленькій перерывъ, минутъ на пять думая послѣ перерыва, занять себѣ другой стулъ.

— Не угодно-ли вамъ мотивировать ваше желаніе, обратился предсѣдательствующій къ присяжному, канцелярско-официальнымъ слогомъ, какъ будто рѣчь шла о какомъ-нибудь важномъ вопросѣ, и не глядя при этомъ на него.

Конечно, присяжный засѣдатель затруднился высказать суду эту мотивировку, да и не былъ подготовленъ къ такому странному требованію, а потому промолчалъ и ничего не отвѣтилъ.

— Судъ не находитъ основаній дѣлать перерывъ по всякому требованію присяжныхъ засѣдателей, отчеканилъ предсѣдательствующій свой отвѣтъ рѣзко и громко, не глядя точно также въ сторону присяжныхъ.

Кончилось тѣмъ, что при переключеніи присяжныхъ къ слѣдующему дѣлу, этотъ присяжный помѣщикъ, одинъ изъ почетнѣйшихъ представителей уѣзда, не явился совсѣмъ, судъ оштрафовалъ его на сто руб., и конечно, будучи по закону правъ, въ принципѣ поступилъ несправедливо.

— Помилуйте, да я лучше заплачу двѣсти рублей, чѣмъ терпѣть надъ собою такое неумѣстное насиліе, говорилъ потомъ этотъ присяжный засѣдатель и совершенно справедливо.

А въ какой степени умѣстно было требованіе предсѣдателя о томъ, чтобы присяжный засѣдатель мотивировала свое ходатайство о перерывѣ засѣданія на пять минутъ.

Вѣдь иногда мотивировка такого рода просьбы, для человѣка, понимающаго извѣстныя житейскія приличія, и соблюдающаго уваженіе къ суду, окажется просто невозможною, что же въ такомъ случаѣ остается дѣлать присяжнымъ засѣдателямъ, молчать и терпѣть.

Это они и дѣлаютъ, но вѣдь на все есть мѣра и предѣлъ.

Нѣсколько сходный случай, имѣлъ мѣсто на уѣздной сессіи другого провинціального окружнаго суда.

Въ составѣ присяжныхъ засѣдателей, по весьма сложному дѣлу, находился старикъ, отставной полковникъ, который въ 9-мъ часу вечера заявилъ суду, что онъ очень усталъ и утомился, а потому и просилъ отложить продолженіе засѣданія до другого утра. На это заявленіе старика присяжнаго, предсѣдатель отвѣтилъ ему, что по одному его личному заявленію объ усталости, судъ не находитъ основанія откладывать засѣданіе до другого утра, какъ такъ всѣ другіе присяжные засѣдатели и судъ, никакого утомленія еще не чувствуютъ.

При этомъ предсѣдательствующій нашелъ умѣстнымъ, замѣтить этому присяжному засѣдателю, что если онъ зналъ такую слабость силъ своихъ, а слѣдовательно и неспособность къ отправленію обязанностей присяжнаго

засѣдателя, то ему слѣдовало своевременно просить о томъ, чтобы его не включали совѣмъ въ списокъ присяжныхъ.

Конечно не легко было почтенному старику—ветерану, выслушивать отъ председательствующаго такую реплику, которая въ данномъ случаѣ была не только что не умѣстна, но и совершенно не основательна, такъ такъ даже случайно утомившійся присяжный засѣдатель, могъ быть совершенно легально освобожденъ отъ присутствованія въ судѣ, и замѣненъ запаснымъ присяжнымъ засѣдателемъ.

Намъ нерѣдко доводилось слышать отъ многихъ изъ представителей суда то мнѣнiе, что нельзя обязывать судъ, относиться съ чрезмѣрною предупредительностію, ко всѣмъ требованіямъ и заявленіямъ присяжныхъ, относительно тѣхъ или другихъ ихъ неудобствъ, привычекъ и т. п. Намъ обыкновенно говорили, что излишняя притязательность въ этомъ отношеніи присяжныхъ засѣдателей, совершенно неосновательна, во первыхъ потому, что обыкновенно въ равной степени съ ними, и коронные судьи испытываютъ на себѣ тѣ же неудобства, а во вторыхъ, присяжные засѣдатели приглашаются въ засѣданія суда не въ качествѣ гостей, а для исполненія своей обязанности передъ обществомъ, или лучше сказать, для выполненія извѣстной повинности а потому, при такомъ характерѣ положенія ихъ на судѣ, нельзя требовать, чтобы обстановка ихъ во время сессіи, заключала бы въ себѣ всѣ тѣ удобства, къ которымъ они привыкли у себя дома.

Но противу такихъ взглядовъ и убѣжденій можно высказать очень многое.

Бто говорить про то, что присяжные засѣдатели на судѣ далеко не гости, они сами, думается намъ, лучше всѣхъ понимаютъ и сознаютъ это по тѣмъ негостепріимнымъ ощущеніямъ, которыя имъ приходится испытывать на себѣ во время сессій, но съ другой стороны, если даже и смотрѣть на явку присяжныхъ въ засѣданіи суда, какъ на отбываніе ими извѣстной повинности, то и въ этомъ случаѣ, отчего же не предоставить имъ возможность нѣкоторыхъ удобствъ, тѣхъ удобствъ замѣтимъ мы, которыя зависятъ вполне отъ суда.

Не касаясь уже тѣхъ отношеній суда къ присяжнымъ, которыя имѣютъ характеръ любезной предупредительности, мы позволимъ себѣ указать, напримеръ на то, вправѣ ли присяжные засѣдатели желать, чтобы судъ, вызывая ихъ къ опредѣленному часу, не заставлялъ бы потомъ безцѣльно ожидать себя по нѣскольку часовъ, чтобы судебные пристава, а нерѣдко и сторожа при судѣ, не принимали бы на себя несвойственную имъ роль командировъ присяжныхъ, и не запирали бы ихъ на замокъ въ ихъ сборной комнатѣ, чтобы и самъ судъ не относился бы къ нимъ начальнически, высококомѣрно, дозволяя себѣ дѣлать иногда присяжнымъ неосновательныя внушенія, поставленія на видъ и т. д.

А это бываетъ весьма не рѣдко.

Одинъ изъ председательствующихъ, имѣлъ обыкновеніе, выѣзжая въ уѣздные города на сессіи, брать съ собой свою супругу, очень модную и капризную барыню, которая безъ всякихъ стѣсненій, третировала судебныхъ при-

ставовъ, какъ лицъ ей вполнѣ подчиненныхъ и безъ обиняковъ давала имъ разнаго рода свои личныя порученія. Во время одного изъ перерывовъ утренняго засѣданія, когда судьи съ предсѣдательствующимъ и его супругой, собрались «семейно» въ своей совѣщательной комнатѣ, чтобы позавтракать, супругъ предсѣдателя захотѣлось непременно достать къ чаю малиноваго варенья. Бывшій при судѣ курьеръ, по своей нерасторопности и незнацію города, не сумѣлъ исполнить желаніе «генеральши», а потому это было поручено судебному приставу; послѣдній отправился на поиски по лавкамъ за малиновымъ вареньемъ, а чтобы присяжные тѣмъ временемъ не разошлись во время его отсутствія, и не задержали бы потомъ открытія засѣданія къ слушанію новаго дѣла, онъ собралъ ихъ всѣхъ въ совѣщательную комнату и заперъ тамъ на замокъ.

Такъ они безропотно и просидѣли подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока ихъ «не выпустили въ судъ» по открытіи засѣданія, благо между ними не нашлось никого, кто сумѣлъ бы предъявить протестъ, противу такого безцеремоннаго съ ними обращенія. Незавидное положеніе—терпѣть надъ собою такое насиліе и изъ за чего же? изъ за малиноваго варенья.

Конечно, къ счастью генеральши, что сессія на этотъ разъ была вся «сѣренькая» и по исконнымъ традиціямъ, не посмѣла «возроптать» на начальство, но вѣдь не всегда можетъ окончиться для суда такъ благополучно такое безцеремонное отношеніе къ присяжнымъ.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу о томъ, дѣйствительно ли коронные судьи на равнѣ съ присяжными, несутъ на сессіи одинакія неудобства и испытываютъ тѣ же лишенія, мы прежде всего укажемъ, что такое положеніе совершенно невѣрно, и намъ нѣтъ надобности доказывать, что никогда коронные судьи, особенно же въ провинціи, не могутъ быть въ этомъ отношеніи сравнены съ присяжными. Коронные судьи въ провинціи—довольно крупное начальство, а присяжные—народъ все свой, «больше все простота мѣщанскаго да мужицкаго званія», какъ выразился одинъ изъ провинціальныхъ присяжныхъ въ описаніи намъ невзгодъ своего положенія на уѣздной сессіи.

Затѣмъ никакая параллель въ сравненіи между коронными судьями и всѣми вообще присяжными засѣдателями, не можетъ быть проводима уже потому, что судьи должностныя лица, состоящія на государственной службѣ, получающія солидные оклады, и слѣдовательно добровольно принимающія на себя тѣ или другія тягости своего положенія; что же касается присяжныхъ засѣдателей, то они въ этомъ отношеніи, люди подневольные—правда, исполняющіе по довѣрію и выбору общества весьма высокія и серьезныя обязанности, но не менѣе того, не только что за это ничего не получающіе, но нерѣдко (а въ низшихъ сословіяхъ и постоянно) оплачивающіе свое званіе присяжнаго, экстраординарными издержками, а иногда и весьма чувствительными для кармана ихъ, расходами по пребыванію на сессіи.

Какъ послѣ этого не пожелать, чтобы наши присяжные, отдающіе безвозмездному служенію высшимъ интересамъ общества, и свое время и спокой-

ствіе, и наконецъ, свои матеріальныя средства, пользовались бы по крайней мѣрѣ послѣ того со стороны суда, полною къ нимъ предупредительностію и вниманіемъ.

Въ сожалѣнію мы видимъ это весьма рѣдко, а съ противоположнымъ встрѣчаемся почти что всегда.

Для участія въ засѣданіяхъ суда, присяжные засѣдатели, какъ мы уже и говорили выше, вызываются обыкновенно къ определенному часу, но едва ли кто-либо будетъ спорить, что за весьма рѣдкими исключеніями, засѣданія суда никогда почти не начинаются во время, а всегда съ большимъ или меньшимъ опозданіемъ, а перерывы засѣданій продолжаются далеко за предѣлы назначеннаго срока. Отъ этой, къ тому же весьма томительной проводочки, присяжные засѣдатели теряютъ совершенно непроизводительное свое время, и оказываясь какъ бы въ подчиненіи суда, по мнѣнію нѣкоторыхъ предсѣдательствующихъ, выходятъ даже изъ предѣловъ своихъ правъ, когда выведенные изъ терпѣнія такимъ невниманіемъ къ нимъ судьей, высказываютъ по этому поводу суду свои неудовольствія.

Столь небрежныя отношенія суда къ присяжнымъ, доказываютъ отсутствіе должнаго уваженія со стороны перваго къ послѣднимъ, роняютъ авторитетъ и достоинство присяжныхъ въ глазахъ общества, ставя ихъ въ какую то зависимость отъ суда, подчиняя ихъ его произволу, а нерѣдко вызывая этимъ самихъ присяжныхъ, на болѣе или менѣе рѣзкое отношеніе ихъ къ суду.

На одной уѣздной сессіи случилось какъ-то, что судьи, послѣ перерыва засѣданія, зачитались газетами въ совѣщательной комнатѣ, завели разговоры съ своими знакомыми и забыли о томъ, что нужно выходить въ залу и что присяжные собранные къ слѣдующему дѣлу, сидятъ, ожидая ихъ, въ маленькой душной комнатѣ, если и не взаперти на этотъ разъ, то все же подъ пристрономъ сторожа.

Тогда одинъ изъ присяжныхъ, человекъ раненый, и вслѣдствіе того крайне раздражительный, выйдя изъ себя, отправился въ совѣщательную комнату судьей и заявилъ имъ, что присяжные ихъ ждутъ, а на замѣчаніе судьей, что онъ не можетъ входить въ совѣщательную комнату суда, отвѣтилъ словами: «я самъ судъ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя».

Конечно нельзя одобрить такого рѣзкаго поступка присяжнаго засѣдателя, но говоря по справедливости, не былъ ли онъ вызванъ самимъ судомъ.

Укажемъ на другой сходный же случай.

Въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ, временное отдѣленіе окружнаго суда открыло засѣданіе не въ назначенное время, а спустя шесть часовъ, причиною чего оказалось, что судьи пріѣхали на засѣданія изъ губернскаго города, съ только что пришедшимъ вечернимъ поѣздомъ.

Когда судъ вышелъ въ залу и хотѣлъ уже открыть засѣданіе, одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей отъ имени всѣхъ остальныхъ заявилъ, что присяжные засѣдатели поручили ему просить судъ внести въ протоколъ ихъ жало-

бу на то, что они, будучи приглашены къ участию въ слушаніи дѣлъ, вызваны повѣстками къ 11 часамъ утра, а должны были ожидать выхода суда въ теченіи 5 часовъ, о чемъ и просили довести до свѣденія министра юстиціи.

Что это заявленіе не было единоличнымъ, удостовѣрилось тѣмъ общимъ неудовольствіемъ, которое въ это же время высказывалось въ средѣ всѣхъ присяжныхъ. Предсѣдательствующій въ отвѣтъ на это заявленіе присяжныхъ объяснилъ имъ, что промедленіе въ открытіи засѣданія произошло отъ того, что вызовы были сдѣланы за мѣсяцъ до засѣданія и согласовались съ приходомъ поѣзда желѣзной дороги, а съ того времени произошла перемѣна въ распредѣленіи часовъ отхода поѣздовъ желѣзной дороги, почему судъ и не могъ поспѣть къ 11 часамъ.

Конечно присяжные засѣдатели не удовлетворялись такимъ объясненіемъ, настаивали на своей жалобѣ и совершенно основательно.

Положимъ, что росписаніе въ движеніи поѣздовъ могло дѣйствительно измѣниться, въ такомъ случаѣ судъ, чтобы не заставлятъ присяжныхъ ожидать себя, и открыть засѣданіе въ назначенное время, долженъ былъ или пріѣхать наванунѣ съ болѣе равнымъ поѣздомъ, или же извѣстять заранее присяжныхъ, объ отсрочкѣ засѣданія до другого часа, чтобы не заставлять ихъ сидѣть бесполезно, въ пріятномъ ожиданіи въ теченіи нѣсколькихъ часовъ.

А вѣдь присяжные, не дождавшись открытія суда въ назначенное время, могли и совсѣмъ разъѣхаться.

Что въ такомъ случаѣ сказалъ бы судъ?

Несомнѣнно, онъ обвинилъ бы присяжныхъ и въ неуваженіи къ себѣ и въ желаніи отдѣлаться отъ засѣданія и во многомъ другомъ, но вѣдь что же въ самомъ дѣлѣ дѣлать присяжнымъ въ такомъ случаѣ; неужели сидѣть въ судѣ и ждать когда пріѣдутъ судьи, не зная даже и того, пріѣдутъ ли они наконецъ или нѣтъ.

По нашему мнѣнію присяжные въ данномъ случаѣ поступили совершенно основательно.

Съ другой же стороны бываетъ и такъ, что судъ открываетъ засѣданіе раньше назначеннаго часа, и при повѣркѣ списка присяжныхъ засѣдателей, штрафуетъ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ не оказывается на лицо.

Намъ достовѣрно извѣстно нѣсколько такихъ случаевъ.

Временное отдѣленіе окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, должно было открыть засѣданіе въ 11 часовъ утра. Между тѣмъ судъ, заинтересованный тѣмъ, чтобы не опоздать по приглашенію на имянинный обѣдъ, къ одному изъ мѣстныхъ представителей администраціи, открылъ засѣданіе въ 10 часовъ. Когда началась провѣрка присяжныхъ засѣдателей, то оказалось, что десяти изъ нихъ нѣтъ еще на лицо. Предсѣдательствующій на судѣ предложилъ товарищу прокурора дать свое заключеніе о послѣдствіяхъ неявки присяжныхъ засѣдателей.

Последній заявилъ, что онъ не находитъ оснований штрафовать неявив-

шихся присяжныхъ за неприбытіе на судъ, такъ какъ они вызывались къ 11 часамъ утра, а въ данный моментъ было только половина однадцатаго, а потому онъ и полагалъ отложить открытіе засѣданія до назначеннаго часа.

Предсѣдательствующій остался крайне недоволенъ такимъ заключеніемъ товарища прокурора и конечнымъ его выводомъ, вошелъ съ нимъ въ неумѣстное пререканіе о дѣйствительномъ времени данного момента, а затѣмъ судъ все таки оштрафовалъ всѣхъ неявившихся присяжныхъ засѣдателей. Однако же по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, онъ вынужденъ былъ сложить съ нихъ этотъ штрафъ и признать себя виновнымъ въ глазахъ многочисленной публики, такъ какъ всѣ оштрафованные присяжные засѣдатели, будучи извѣщены о томъ своими товарищами, немедленно собрались въ судъ, и дружнымъ протестомъ, который былъ поддержанъ и голосами изъ публики, доказали, что они не только что не опоздали, по вызову суда къ назначенному часу, но прибывъ даже теперь, въ настоящую минуту—явились еще до срока.

Нечего и говорить про то, какое непріятное впечатлѣніе произвело на всѣхъ присутствующихъ, столь игривое отношеніе суда къ присяжнымъ засѣдателямъ.

Препирательство подобнаго же рода, произошло однажды на судѣ уѣздной сессіи потому, что присяжные не хотѣли добровольно подчиниться наложенному на нихъ судомъ штрафу, за неявку къ назначенному сроку, на томъ основаніи, что судъ это время опредѣлилъ по своимъ часамъ, «которые, по замѣчаніямъ присяжныхъ, у нихъ всегда впереди, чтобы не опоздать въ послѣдній день сессіи, на машину къ поѣзду».

Одинъ изъ оштрафованныхъ присяжныхъ, прямо, безъ обиняковъ заявилъ объ этомъ суду, и въ подтвержденіе, съ одной стороны, правдивости словъ своихъ, а съ другой не виновности себя и своихъ сотоварищей въ приписанномъ имъ судомъ «опозданіи», просилъ командировать секретаря суда или судебного пристава на городскую площадь и убѣдиться какой именно теперь часъ.

Судъ крайне неохотно исполнилъ это требованіе присяжнаго, а когда командированный къ часамъ судебный приставъ, возвратившись обратно, доложилъ суду о дѣйствительномъ времени, исключавшемъ на 20 минутъ всякую виновность присяжныхъ, въ неприбытіи въ судъ къ назначенному сроку, то предсѣдательствующій публично заявилъ, что «недоразумѣніе» произошло потому, что будто бы часы у него идутъ не по мѣстному, а по «московскому» времени.

Объясненіе это вышло крайне неловко, и судъ вынужденъ былъ сложить наложенные на присяжныхъ, столь неосновательно штрафы.

Лице, сообщившее намъ этотъ случай, пишетъ между прочимъ слѣдующее.

«Такихъ несправедливостей нашего суда къ присяжнымъ, много можно Вамъ указать, но по одной, легко составить себѣ понятіе о характерѣ и другихъ. Конечно, и присяжные бываютъ часто виноваты, манкируютъ, опазды-

вають, неявляясь въ срокъ, задерживаютъ судъ, ну такихъ пускай и штрафуютъ, на это никто не обидится, и всякій осудить присяжныхъ же».

«Потомъ и то сказать, пишетъ тотъ же корреспондентъ, бывалъ я въ разныхъ судахъ и видывалъ: штрафуютъ судьи присяжныхъ, но штрафуютъ съ толкомъ, наказываютъ—а не разоряютъ, соображаются со средствами и съ виной, а наши господа судьи предѣловъ своей власти не знаютъ; у нихъ четвертная—норма для присяжныхъ, а чуть кто по богаче и того больше, мужичковъ нашихъ и то меньше какъ на красную не наказываютъ, полагая, что ткачи всё богаты, а того не знаютъ, что богачи эти изъ куска хлѣба перебиваются, трудно потому намъ съ такими начальниками жить на свѣтѣ, много у нихъ власти, но мало вниманія къ неимущему обывателю».

Наконецъ не безъ крайняго сожалѣнія, должны мы указать на одинъ вполне достовѣрный случай, изъ дѣятельности нашихъ окружныхъ судовъ, когда составъ суда отнесся къ присяжнымъ засѣдателямъ въ высшей степени не деликатно, хотя въ сущности матеріальнаго зла или ущерба, въ видѣ штрафа, никакого имъ не сдѣлалъ.

Происходило это въ уѣздномъ городѣ на линіи желѣзной дороги, въ послѣдній день засѣданія суда, когда судьи, по приведенному выше совершенно справедливому замѣчанію присяжнаго засѣдателя, обыкновенно торопятся, какъ бы скорѣе покончить свои засѣданія и уѣхать домой.

Съ этой цѣлью, чтобы не опоздать на вечерній поѣздъ и выгодать себѣ въ запасъ лишній часъ времени, судьи открыли по утру засѣданіе часомъ раньше обыкновеннаго, не предупредивъ однакоже о томъ присяжныхъ засѣдателей, которые не зная ничего относительно этого распоряженія суда само собой, и не могли собраться въ полномъ комплектѣ къ тому времени, когда засѣданіе уже началось.

Но такъ какъ штрафовать неявившихся къ этому времени присяжныхъ засѣдателей, представлялось рѣшительно невозможно, а ожидать прибытія ихъ всѣхъ было слишкомъ долго, и не соответствовало намѣреніямъ торопившихся скорѣе домой судей, то весь составъ суда, не исключая товарища прокурора, защитника (кандидата на судебныя должности) включая сюда даже и судебного пристава, по предварительному соглашенію условился на такой компромиссъ: судебный приставъ при открытіи засѣданія доложилъ суду, что всѣ присяжные засѣдатели находятся на лицѣ, а товарищъ прокурора и защитникъ, во все время сессіи ни разу не заглядывавшіе въ списокъ присяжныхъ, заявили каждый желаніе, воспользоваться правомъ отвода, который конечно былъ имъ предоставленъ, и они вычеркнули изъ списка присяжныхъ всѣхъ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ не было еще на лицѣ въ залѣ суда.

Но къ прискорбію всѣхъ «предварительно стоворившихся», компромиссъ этотъ не удался, такъ какъ за отводомъ сторонами девяти неявившихся присяжныхъ, наличное число ихъ оказалось менѣе того, изъ котораго по закону могъ быть произведенъ жребій.

За недостаткомъ наличнаго числа присяжныхъ засѣдателей, судъ долженъ

былъ постановить опредѣленіе, объ отсрочкѣ засѣданія, а между тѣмъ минутъ черезъ шесть, подошло еще трое присяжныхъ, но конечно, для даннаго дѣла. они не могли быть уже пущены въ жребій, какъ отведенные стонами.

Нужно замѣтить, что вся эта невозвратительная подтасовка, происходила на глазахъ публики и явившихся присяжныхъ засѣдателей, которые были сперва удивлены столь раннимъ открытіемъ засѣданія, и только тогда поняли всю розыгранную въ глазахъ ихъ метаморфозу, когда по открытіи засѣданія, на вопросъ предсѣдательствовавшаго, всѣ ли присяжные на лицо, судебный приставъ не дрогнувъ ни одной голосовой ноткой громко и отчетливо проговорилъ: всѣ на лицо и находятся въ залѣ засѣданія.

Кто спрашивается разыгрывалъ самую неблагоприятную роль, въ этой не деликатной комедіи, и каково было наличнымъ присяжнымъ засѣдателямъ видѣть, съ какою безцеремонною развязностью, судъ относился къ нимъ, допуская завѣдомо лживое заявленіе судебного пристава о томъ, что всѣ присяжные находятся на лицо, тогда какъ доброй трети ихъ въ дѣйствительности не было еще въ залѣ засѣданія.

Нельзя не пожалѣть, что въ средѣ всего этого состава присяжныхъ засѣдателей, не нашлось ни одного, который непосредственно отъ себя и по уполномочію другихъ, предъявилъ бы суду нравственный протестъ, противъ такого рода дѣйствій его, глубоко оскорбляющихъ достоинство присяжныхъ и затрогивающихъ личное чувство самолюбія ихъ.

Что же однако оказалось въ результатъ всей этой исторіи Прежде всего первое дѣло, по которому подсудимый содержался подъ стражей около года, было отложено до слѣдующей очередной сессіи, по фиктивному неприбытію въ засѣданіе суда достаточнаго числа присяжныхъ засѣдателей, тогда какъ ихъ было довольно, даже съ большимъ избыткомъ, и дѣло могло быть разрѣшено въ эту же сессію. Официально (т. е. по протоколу судебного засѣданія) вся вина за это пала на присяжныхъ засѣдателей, которые однако же въ дѣйствительности были тутъ ни при чемъ, и къ урочному часу открытія судебного засѣданія, явились всѣ до одного человѣка.

Судъ потерпѣвъ такую неудачу на первомъ дѣлѣ, очевидно былъ крайне сконфуженъ, и вынужденъ былъ слушаніе слѣдующихъ дѣлъ, отложить до обычнаго часа, въ который засѣданіе открылось при полномъ комплектѣ всѣхъ тѣхъ присяжныхъ засѣдателей, которые находились на лицо въ теченіи всей сессіи. Ни товарищъ прокурора, ни защитникъ, по всѣмъ слѣдующимъ послѣднимъ тремъ дѣламъ, никого изъ присяжныхъ уже не отводили и всѣ дѣла были должнымъ образомъ разрѣшены.

Тяжелѣе всѣхъ этотъ судейскій компромиссъ, сказался на бѣдномъ чахоточномъ арестантѣ по первому дѣлу, который оказался единственнымъ протестантомъ, противу дѣйствій суда, и въ жалобѣ своей заявлялъ, что онъ долженъ «тапера отъ весны до осени ждать напрасно, пока судъ опять найдетъ, потому у господъ судьевъ съ прокуроромъ сюзество вышло, одно сло-

во, чтобы скорѣе уѣхать, и по той, значить причинѣ, на счетъ господъ присяжныхъ засѣдателей подложество произошло, что ихъ быдто въ достаткѣ не было, а это одни слова только, и сами присяжные господа въ свидѣтельство стать могутъ, что въ такомъ ихнемъ дѣлѣ, одна фальшь произошла».

Конечно помимо общаго смысла и значенія всей этой неблагоприятной исторіи, своего рода «подвоха» относительно присяжныхъ засѣдателей, послѣдніе были возмущены и тѣмъ повальнымъ устраненіемъ, нѣкоторыхъ товарищей ихъ изъ списка, который въ смыслѣ законнаго отвода, допущенъ былъ по дѣлу обѣими сторонами.

Впрочемъ, нужно сказать по правдѣ и то, что такая исторія является не больше, какъ безусловно исключительнымъ, если только не единственнымъ въ своемъ родѣ фактомъ.

Выше мы уже указывали на то, что въ провинціи, въ особенности же въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ присяжные засѣдатели въ большинствѣ случаевъ состоятъ изъ лицъ простаго званія, судебные пристава обращаются съ ними крайне безцеремонно, и иногда, для того, чтобы они не расходились изъ своей комнаты, запираютъ ихъ тамъ даже на ключъ.

Точно также не рѣдки случаи, что судебные пристава, въ сношеніяхъ своихъ съ присяжными простолюдинами, третируютъ ихъ крайне оскорбительно, позволяютъ себѣ толкать ихъ, указывая имъ мѣста и награждая нерѣдко бранными эпитетами, за ихъ «непонятливость», при размѣщеніи по мѣстамъ.

Примѣру судебныхъ приставовъ, слѣдуютъ и разные сторожа, при помѣщеніяхъ, гдѣ бывають въ уѣздныхъ городахъ засѣданія суда.

Однажды когда присяжные изъ крестьянъ, не имѣя возможности отлучиться изъ зданія суда, во время перерыва засѣданія, вслѣдствіе послѣдовавшаго имъ на то, со стороны судебного пристава запрещенія, попросили сторожа при заѣзѣ, принести имъ воды напиться, то сторожъ съ явнымъ неудовольствіемъ вышелъ и принесъ имъ со двора, ведро колодезной воды людьми въ питье не употребляемой. Когда присяжные замѣтили это сторожу, то онъ отвѣтилъ имъ: «не важные вы бары, не боюсь напьюсь и этой, на что у насъ къ воды разборчивъ предводителейъ жеребецъ, и той эту воду не бракуеть».

На заявленную присяжными судебному приставу за это жалобу, онъ махнулъ только рукой, а когда они хотѣли «дойти до самаго суда» ихъ до того не допустили.

И такія по истинѣ тяжелыя и невыносимыя положенія, приходится испытывать многимъ изъ нашихъ присяжныхъ простаго класа.

Намъ передаютъ еще два подобныхъ факта, относительно крестьянъ присяжныхъ.

Въ одномъ случаѣ, такой же точно сторожъ, буквально вытацилъ и выпихнулъ за шиворотъ, одного крестьянина присяжнаго за то, что онъ «за своимъ дѣломъ» зашелъ туда, куда по словамъ сторожа, вольно только госпо-

дамъ ходить; а въ другомъ, мѣстный мѣщанинъ, арендаторъ дома мирового съѣзда, гдѣ временно происходили засѣданія суда съ присяжными, по окончаніи сессіи и по выходѣ изъ зданія самихъ судей, задержалъ шесть человекъ присяжныхъ изъ крестьянъ и самымъ назойливымъ образомъ отобравъ отъ нихъ котомки, потребовалъ, чтобы они вымыли ему полъ въ той комнатѣ гдѣ происходили ихъ совѣшанія, мотивируя это требованіе тѣмъ, что онъ за ними убирать не станетъ. Когда же присяжные замѣтили ему на это, что онъ не смѣетъ обращаться къ нимъ съ такими требованіями, потому что они отъ начальства въ судьи поставлены, то арендаторъ отозвался къ нимъ, что они на судѣ были судьи, а «таперя вы мнѣ хамы поломой».

Только вмѣшательство предсѣдателя съѣзда, положило конецъ этому нахальству грубаго мѣщанина.

А, принимаютъ ли наши судьи какія-либо мѣры къ огражденію присяжныхъ засѣдателей, отъ такихъ непріятныхъ случайностей.

Такихъ случаевъ мы что то не знаемъ.

Въ болѣе людныхъ центрахъ, простота нравовъ въ обращеніи съ присяжными, до такой патріархальности, конечно, не доходитъ, но за то и въ столицахъ нерѣдки даже случаи, когда интеллигентные составы присяжныхъ, чувствуя напимѣръ потребность въ подрѣвленіи себя пищею, вынуждены бываютъ, время своихъ завтраковъ и обѣдовъ, согласовать не съ потребностями своего голоднаго желудка, а съ аппетитомъ и «благоусмотрѣніями состава суда», въ провинціи же, «голодные» интересы присяжныхъ, подчасъ и совсѣмъ не принимаются судомъ во вниманіе.

На одной уѣздной сессіи, присяжные засѣдатели чрезъ своего старшину заявили суду желаніе, «маленько перекусить», мотивируя эту просьбу свою тѣмъ, что они съ утра еще ничего не ѣли, а между тѣмъ дѣла затянулись уже до четвертаго часа.

Предсѣдательствовавшій въ судѣ, членъ суда, выслушавъ это заявленіе старшины присяжныхъ, отвѣтилъ, что такъ какъ дѣло пройдетъ вѣроятно еще не долго, и къ тому же оно послѣднее, то онъ находитъ возможнымъ довести засѣданіе до конца безъ перерыва. Присяжные молча повиновались распоряженію [предсѣдательствующаго и просидѣли въ судѣ голодные еще два часа.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что судьи тѣмъ еще болѣе были несправедливы, несочувственно отнесшись къ приведенному заявленію присяжныхъ засѣдателей, что для нихъ послѣ втораго дѣла, былъ принесенъ обильный завтракъ въ помѣщеніе суда, а присяжные, въ большинствѣ случаевъ крестьяне не могли закусить въ этотъ промежутокъ времени, потому что по приказанію судебного пристава, сторожъ не выпускалъ ихъ изъ помѣщенія суда.

Судебный же приставъ нашель умѣстнымъ и возможнымъ отдать такое приказаніе на томъ основаніи, что присяжные были имъ уже «провѣрены», а пускать ихъ на край города харчаться, по мнѣнію его, было нельзя «потому трактиръ отъ суда далеко, другой изъ присяжныхъ часомъ, пожалуй, еще и

хватить чрез мѣру, ты за нихъ потомъ отвѣчай, чего не усмотрѣлъ, перерывъ то всего протянется минутъ на десять, ну оно и спокойнѣе придержать ихъ въ судѣ».

Подсудимый по этому дѣлу, обвиненный присяжными, въ кассационной своей жалобѣ на приговоръ суда, между прочимъ указывалъ, что присяжные постановили объ немъ неправильный приговоръ, потому, что торопились скорѣе окончить дѣло, такъ какъ цѣлый день провели въ судѣ безъ ѣды.

Положимъ, трудно подыскать, какую либо непосредственную связь между обвинительнымъ вердиктомъ присяжныхъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что судъ не отпустилъ ихъ на голодный желудокъ «перекусить маленько», не менѣе того по совѣту своего защитника, подсудимый пожелалъ упомянуть объ этомъ въ своей кассационной жалобѣ.

Описанный фактъ конечно въ своемъ родѣ не представляетъ ничего, особенно важнаго, выдающагося, и хотя онъ безъ погрѣшностей можетъ быть отнесенъ къ мелочамъ, но рядъ подобныхъ мелочей, неприятно отзывающихся на личности человѣка, въ общей своей суммѣ, можетъ имѣть тѣ послѣдствія, что лица избираемые въ присяжные засѣдатели, будутъ всѣми силами стараться тѣмъ или другимъ способомъ отдѣлаться отъ этой обязанности тяжелой и докучливой не по существу своему, а по невыгоднымъ условіямъ внѣшней ея обстановки.

Повторяемъ, что намъ неоднократно приходилось слышать отзывы многихъ, весьма многихъ присяжныхъ засѣдателей изъ всѣхъ слоевъ общества, что при отсутствіи даже законныхъ причинъ для оправданія своей неявки на судъ, они предпочитаютъ лучше подвергать себя взысканіямъ штрафовъ со стороны суда, нежели находясь въ составѣ присутствія этого суда, налагать на себя добровольныя стѣсненія и лишенія, ставить себя въ рамку произвольныхъ нерѣдко усмотрѣній предсѣдательствующихъ, и вообще подчинять себя такимъ распоряженіямъ, которыя отбиваютъ всякую охоту принимать на себя почетное званіе присяжнаго засѣдателя.

Одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей пишетъ намъ: «справо ставъ присяжнымъ, живо почувствуешь на себѣ какое-то словно иго, тяжелое чувство, въ особенности когда придешь въ зданіе суда, и поступишь уже въ распоряженіе власти. Точно очутишься въ особой казенной атмосферѣ, ни свѣтъ ни тьма, а что то неопредѣленное окружаетъ тебя. Къ своимъ сотоварищамъ присяжнымъ, чувствуешь что то братское родственное, а къ суду, въ полномъ составѣ его, нѣчто совершенно противоположное, сознаешь, что попалъ въ какую то давящую подчиненность, а между тѣмъ хорошо знаешь, что и самъ, составляешь единицу этого суда, стараешься придать себѣ бодрости, но нѣтъ, отъ этого неприятнаго чувства никакъ не освободишься».

«Наши судьи объ насъ присяжныхъ—читаемъ мы въ другомъ письмѣ—мало думаютъ и заботятся; нѣтъ имъ дѣла до того, что многіе изъ насъ робки, совѣтливы, и не рѣшаются заявлять суду о томъ, что они терпятъ во время сессій, всякъ думаетъ такъ: ну на этотъ разъ потерплю, Господь съ

ними, куда не шло одинъ разъ потерпѣть, авось на другой Господь пронесетъ не попадешь въ присяжные, ну и слава Богу, потому что очень ужъ горько у насъ присяжнымъ приходится, вниманія отъ судей къ себѣ никакого не видимъ, мужиками насъ знаютъ, по мужицкому и потрафляютъ».

Отношенія суда къ присяжнымъ, необходимо должны принять болѣе правильную и естественную форму, чуждую малѣйшаго оттѣнка начальственности, а это можетъ быть достигнуто тогда, когда судъ, озабоченный всегда требованіемъ самаго строгаго уваженія къ самому себѣ, проникается въ тоже время сознаніемъ, что въ равной степени и онъ долженъ относиться съ тѣмъ же уваженіемъ къ присяжнымъ засѣдателямъ, какъ къ почтеннымъ сочленамъ своимъ, и въ то же время достойнѣйшимъ представителямъ общества.

На ряду, однакоже съ случаями нежелаемыхъ отношеній суда къ присяжнымъ, о которыхъ было упомянуто выше, мы можемъ указать на нѣкоторые такіе примѣры, совершенно иныхъ отношеній, которые были бы достойны полнаго для другихъ подражанія.

Начнемъ съ письма присяжнаго засѣдателя, одного отдаленнаго захолустья.

«Порядокъ у насъ въ судѣ, пишетъ онъ, заведенъ отлѣнный, и нашъ предсѣдатель, а по его доброму примѣру и судьи, дѣлаютъ для насъ все, что могутъ, во многомъ облегчая нашу службу. Вы знаете, что значить присяжный мужичекъ, видалъ я ихъ въ разныхъ судахъ, придетъ онъ съ позаранка, чтобъ не опоздать, куда пройти не знаетъ, а пока ему какой-нибудь сторожъ или швейцаръ, укажетъ дорогу, настоится еще онъ передъ нимъ безъ шапки, бывало и зимой такъ, еще хорошо, какъ пустятъ взойдти въ судъ, а то часто гонять и вонъ, что ты говорить забрался съ такою раню, судъ тебѣ не харчевня, отваливай, да приходи къ своему часу».

«Теперь про нашего предсѣдателя, сказать вамъ, продолжаетъ онъ, порядокъ заведенъ у него на что лучше, когда ты не приди, кого не спроси сейчасъ тебя проведутъ въ твою комнату, коли никогда ты въ судѣ не бываешь и въ присяжныхъ не находишься, всякой тебѣ порядокъ, куда можно пройти, а куда нельзя и гдѣ ожидать, судебный приставъ расскажетъ, и никакой въ тебѣ робости нѣтъ, а изъ себя предсѣдатель самъ такой вѣжливый, во всякомъ говоритъ случаѣ, что вамъ нужно для самихъ себя, обращайтесь ко мнѣ, что могу, то говорить сдѣлаю, и очинно мы всѣ за то ему благодарны, человекъ онъ обходительный и съ уваженіемъ».

Изъ другаго окружнаго суда намъ сообщаютъ, что тамъ въ совѣщательной комнатѣ присяжныхъ, по распоряженію предсѣдателя суда, вывѣшено объявленіе, въ которомъ до мельчайшихъ подробностей, указанъ тотъ порядокъ, въ которомъ присяжные засѣдатели должны предъявлять всякаго рода требованія, до личныхъ ихъ надобностей, относящіяся.

Это во многихъ случаяхъ, помогаетъ присяжнымъ, въ ихъ сношеніяхъ съ судебными приставами, предоставляя имъ возможность знать, чего они вправѣ требовать отъ послѣднихъ.

Иногда предусмотрительность предсѣдательствующихъ по отношенію къ

присяжнымъ засѣдателямъ выражается въ крайнихъ мелочахъ, но мелочахъ такого рода, которымъ присяжные придаютъ большое значеніе.

Во многихъ, напримѣръ окружныхъ судахъ, особенно на уѣздныхъ сесіяхъ, при «сѣрыхъ» составахъ присяжныхъ, предсѣдательствующіе послѣ перерывовъ засѣданій, для завтрака или обѣда, открывая вновь засѣданіе, не имѣютъ привычки справляться предварительно о томъ, успѣли ли присяжные покончить свою ѣду или пѣтъ, и готовы ли они для того, чтобы снова принять участіе въ засѣданіи.

Для человѣка мало мальски развитаго, обладающаго чувствомъ нравственнаго уваженія къ самому себѣ и къ другимъ, и несознающаго себя въ положеніи школьника, или вообще человѣка подвластнаго, обязаннаго каждый свой шагъ соразмѣрять съ приказаніями свыше, конечно, крайне непріятно бываетъ, бросить недопитый стаканъ чая или кофе, оставить не оконченнымъ свой завтракъ или обѣдъ, и по приказанію судебного пристава торопиться скорѣе въ залу засѣданія, нерѣдко для того только, чтобы по приходѣ туда, сѣсть на свое мѣсто и ожидать въ теченіи нѣкотораго времени прихода судей, пока они окончатъ свои разговоры, куреніе папирозъ и исполнять другія свои «по дорогѣ» надобности.

Въ другихъ же окружныхъ судахъ, намъ случалось видѣть въ этомъ отношеніи совершенно иные порядки, а именно, судъ предполагая послѣ перерыва засѣданія выходить въ залу, посылаетъ предварительно узнать у присяжныхъ, готовы ли они, и по полученіи отъ нихъ утвердительнаго лишь отвѣта, выходитъ въ засѣданіе одновременно съ ними, не заставляя ихъ производительно ожидать себя въ залѣ.

Присяжные умѣютъ отлично цѣнить такую вѣжливую предупредительность суда, и я не знаю случая, когда, будучи даже не готовы, они не поспѣшили бы выходомъ въ залу, лишь бы не задерживать судей.

Впрочемъ, одинъ такой случай, сообщенный намъ присяжными засѣдателями, относительно одного своего товарища, заслуживаетъ того, чтобы не пропустить его безъ вниманія и должнаго порицанія.

Вотъ не лишеныя интереса его подробности.

Судъ прослушавъ и разрѣшивъ съ присяжными два дѣла, объявилъ перерывъ на 20 минутъ для завтрака. По истеченіи времени перерыва, когда засѣданіе было снова открыто и началась провѣрка присяжныхъ, одного изъ нихъ не оказалось на лицѣ, въ залѣ. Другіе присяжные заявили суду, что товарищъ ихъ остался еще въ буфетѣ, а такъ какъ буфетъ помѣщался въ томъ же зданіи суда, то предсѣдательствовавшій членъ суда послалъ судебного пристава, попросить этого присяжнаго засѣдателя въ залу и сазать ему, что его ожидаютъ здѣсь, какъ судьи, такъ и всѣ остальные присяжные засѣдатели.

Судебный приставъ отправился въ буфетъ, и черезъ пять минутъ возвратился оттуда одинъ.

— Что же скоро придетъ господинъ присяжный засѣдатель? обратился предсѣдательствующій къ судебному приставу.

Последній видимо затруднялся дать прямой отвѣтъ и сказалъ, что онъ передалъ ему приглашеніе прибыть поскорѣе въ засѣданіе.

— Да что же придетъ онъ или нѣтъ?

— Не знаю... нерѣшительно отвѣтилъ судебный приставъ.

— Да по крайней мѣрѣ далъ ли онъ вамъ какой-нибудь отвѣтъ?

— Да онъ сказалъ... что не видитъ надобности торопиться, потому что по часамъ ѣсть не привыкъ, и къ тому же указаніе суда, что двадцать минутъ даются ему на завтракъ, онъ не могъ принять къ точному исполненію, потому, что въ два часа дня онъ привыкъ, не завтракать, а обѣдать, а на обѣдъ ему нужно часъ времени.

Въ этихъ словахъ судебный приставъ передалъ буквальный отвѣтъ присяжнаго засѣдателя, нужно сказать человѣка образованнаго, довольно крупнаго представителя мѣстнаго педагогическаго міра.

Конечно, какъ судъ такъ и всѣ остальные присяжные засѣдатели, были возмущены подобной неумѣстной, дерзкой, по отношенію къ суду и неделикатной относительно своихъ товарищей, другихъ присяжныхъ, выходкой присяжнаго педагога.

Судъ, руководствуясь закономъ, имѣлъ полное основаніе, не ожидая его прибытія, наложить на него штрафъ за неявку къ назначенному часу и открыть засѣданіе безъ него, но председательствующій этого не сдѣлалъ.

Онъ объявилъ публично, что приостанавливаетъ засѣданіе до того времени, когда обѣдавшій присяжный засѣдатель окончитъ свою трапезу.

Выходка этого присяжнаго, вызвала и въ публикѣ всеобщее порицаніе и негодованіе, многіе открыто высказывали, что отъ такого образованнаго лица, всѣ вправѣ были ожидать болѣе строгаго пониманія своего долга и вѣжливаго отношенія къ суду и своимъ сотоварищамъ.

Вѣроятно, это настроеніе суда, публики и другихъ присяжныхъ, отлично понялъ и самъ виновникъ приостановки засѣданія, потому что, окончивъ свой обѣдъ, онъ уже не явился въ засѣданіе и былъ судомъ оштрафованъ довольно чувствительной суммой.

Въ заключеніе укажемъ на то, какой характеръ и какой смыслъ имѣеть установившійся у насъ почти во всѣхъ окружныхъ судахъ обычай председательствующихъ, по окончаніи сессіи съ присяжными, благодарить ихъ отъ лица суда, за то вниманіе (а нерѣдко и за усердіе), съ которымъ во все время сессіи они относились къ слушаемымъ дѣламъ.

Одна изъ нашихъ ежедневныхъ газетъ, совершенно справедливо и основательно замѣчаетъ по этому поводу, что если такой благодарности, придавать характеръ простаго взаимнаго обмѣна любезностей, выражающагося въ томъ, что судъ благодаритъ присяжныхъ, по выраженію газеты за «временное сотрудничество», а присяжные скромно и почитительно откланиваются суду, то, пожалуй, въ такихъ выраженіяхъ взаимной вѣжливости нѣтъ и не можетъ быть ничего ни страннаго, ни непонятнаго. Но если на подобный приемъ со стороны суда смотрѣть, какъ на дѣйствительную его благодарность обраца-

емую имъ къ присяжнымъ за понесенные ими труды. то нельзя не признать, что присяжные являются въ судъ, не по приглашенію послѣдняго, а по обязанности, во исполненіе лежащей на нихъ государственной повинности, и что при такомъ обращеніи къ нимъ суда, присяжные съ одинаковымъ правомъ могутъ обратиться къ судьямъ съ благодарностію за то, что и они наравнѣ съ ними, съ тѣми же качествами и также хорошо и добросовѣстно исполнили свой долгъ.

Весьма многіе присяжные засѣдатели, чутко понимающіе свою дѣйствительную роль и положеніе свое на судѣ, и не особенно интересующіеся такою благодарностію «начальства», этимъ прощальнымъ обращеніямъ къ нимъ суда, придаютъ именно такой несоотвѣтствующій ихъ взаимнымъ отношеніямъ смыслъ, считаютъ ихъ совершенно излишними и полагаютъ, что при болѣе строгомъ взглядѣ на дѣло, они только роняютъ достоинство присяжныхъ засѣдателей, нисколько не нуждающихся ни въ благодарностяхъ, ни въ какихъ либо другихъ нравственныхъ поощреніяхъ, за исполненный ими свой гражданскій долгъ.

У.

Судебныя ошибки и вѣроятность ихъ въ приговорахъ присяжныхъ.

Повидимому задача суда присяжныхъ—чрезвычайно не трудная задача. Стоитъ только внимательно прослушать дѣло, вникнуть во всё его обстоятельство, подобрать улики, оцѣнить ихъ важность и значеніе, и что подскажетъ совѣсть, то и выразить въ своемъ отвѣтѣ, есть улики противу чловѣка—ну и говорить, что виновать, нѣтъ уликъ, и прямыхъ доказательствъ въ виновности подсудимаго говорить—не виновать.

Но это только повидимому, въ сущности же это далеко не такъ легко, и нужно побывать самому въ положеніи присяжнаго для того, чтобы убѣдиться, что для совѣсти ихъ, мало одной голы вины, одного факта преступленія, и нерѣдко цѣлаго при немъ ряда уликъ и доказательствъ, для нихъ нужно многое еще другое неувимое по внѣшности, что не можетъ быть перечислено по пальцамъ, какъ перечисляютъ иные одни лишь голые факты, что нерѣдко поддается ощущеніямъ только души чловѣка, его сердца, его нравственныхъ воззрѣній на личность и преступленіе подсудимаго.

Между тѣмъ у насъ есть не мало людей, которые, считая себя знатоками всякой правды, а въ томъ числѣ и правды, вырабатываемой совѣстью присяжныхъ, позволяютъ себѣ съ плеча обсуждать правильность приговоровъ присяжныхъ, выражать удивленіе, что присяжные такъ часто оправдываютъ преступниковъ, когда нѣтъ, и не можетъ быть сомнѣнія въ виновности чловѣка и т. д.

И вотъ, подъ вліяніемъ такихъ мнѣній относительно дѣятельности на-

шихъ присяжныхъ засѣдателей, и въ отдѣльныхъ кружкахъ общества и въ печати, возникаютъ отъ времени до времени, самыя разнообразныя сужденія, на тему о томъ, что наши, присяжные не доразвили еще до степени полного пониманія своихъ обязанностей, и нравственной отвѣтственности передъ избирающимъ ихъ обществомъ, при чемъ, какъ бы въ доказательство того указывается, на значительное количество постановляемыхъ присяжными засѣдателями, неосновательныхъ будто бы, оправдательныхъ приговоровъ.

Съ особенною настойчивостію, подобныя сужденія появляются каждый разъ послѣ того, когда оправдательнымъ вердиктомъ присяжныхъ, заканчивается какое-нибудь крупное уголовное дѣло, взволновавшее общественную совѣсть и справедливо возмущившее собою нравственное чувство общества.

На сколько однако же подобныя сужденія представляются всегда основательными, это вопросъ спорный, но намъ казалось бы, что разногласіе во взглядахъ на дѣло, со стороны общества или лучше сказать, публики, и двѣнадцати избранныхъ судей совѣсти, никогда не можетъ служить скольконибудь серьезнымъ поводомъ для того, чтобы приговоръ этихъ судей неудовлетворяющій почему либо общество, считать неправильнымъ.

Дѣло въ томъ, что общество весьма часто судить о дѣлѣ крайне поверхностно, легко поддается первымъ впечатлѣніямъ, не налагаетъ на себя тяжелой и кропотливой работы, вдумываться во всѣ мельчайшія подробности дѣла, обсуждать ихъ со всѣхъ сторонъ, и неподвергаетъ строгому анализу каждый ничтожный фактъ, касающійся подсудимаго.

Такое отношеніе къ дѣлу со стороны общества, является совершенно естественнымъ потому, что оно, какъ стоящее внѣ функція суда, не несетъ отвѣтственности за свои выводы и убѣжденія передъ своею совѣстью; но таково ли положеніе присяжныхъ, какъ судей, которые своимъ утвердительнымъ «да виновенъ», рѣшаютъ нерѣдко вопросы жизни и чести не для отдѣльныхъ лицъ, а и для цѣлыхъ семей.

Бто не знаетъ какую душевную ломку испытываютъ присяжные въ тѣ по истинѣ тяжелые моменты, когда, зная впередъ отвѣтственность подсудимаго за преступленіе, съ перспективой, на примѣръ, безсрочныхъ каторжныхъ работъ, они въ совѣщаніяхъ своихъ «приходятъ» къ убѣжденію о его виновности.

Эта страшная ломка своей души, эта неумолимая отвѣтственность передъ собственною совѣстью, вотъ тѣ внутренніе элементы въ борьбѣ присяжныхъ съ самими собою, которые внушаютъ имъ относиться какъ можно строже къ своей задачѣ, не поддаваться впечатлѣніямъ толпы, а дѣлать свои выводы по строгому изученію дѣла, по всестороннемъ ознакомленіи со всею внутреннею его стороною.

Говорятъ, что присяжные засѣдатели весьма часто и совершенно безосновательно выносятъ оправдательные приговоры такимъ подсудимымъ, вина которыхъ не подлежатъ никакому сомнѣнію.

Такъ ли это, и всегда ли несомнѣнная, повидимому, виновность человѣка

бываетъ таковою и въ дѣйствительности; кто знаетъ, какіе мотивы наталкиваютъ иногда присяжныхъ оправдывать такихъ подсудимыхъ, которые по взгляду общества должны быть признаны безусловно виновными.

О причинахъ значительнаго вообще числа оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ, мы будемъ говорить еще впереди съ большою подробностію, въ настоящей же главѣ укажемъ на одинъ только такой оправдательный мотивъ, мотивъ въ своемъ родѣ нѣсколько исключительный, и заключающійся въ боязни «невиннаго осужденія».

Въ наукѣ уголовного права, эта возможность безвиннаго осужденія чело-вѣка, создала особое правовое положеніе, на языкѣ юристовъ именуемое вѣроятностію судебной ошибки.

Что такая вѣроятность существуетъ, это неоспоримый фактъ, засвидѣтельствованный, къ несчастію, весьма многими грустными примѣрами, какъ западной судебной, такъ и собственной нашей отечественной практики.

А если при тѣхъ совершенныхъ приемахъ судопроизводства, которыми въ настоящее время обставлено правосудіе, возможность судебныхъ ошибокъ составляетъ собою явленіе не невозможное, то не слѣдуетъ ли въ дѣло суда вносить болѣе элементовъ сдержанности и осторожности, а не порицать присяжныхъ за то, что въ стремленіи своемъ къ истинѣ и справедливости, они по убѣжденію совѣсти нерѣдко отказываютъ цѣлямъ обвиненія.

Одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей пишетъ намъ:

«Конечно, во всякомъ дѣлѣ, каждый изъ насъ подаетъ голосъ за или противъ подсудимаго по убѣжденію своей совѣсти, и слѣдовательно, если я высказался за обвиненіе, то въ силу моего глубокаго сознанія, что подсудимый дѣйствительно виноватъ, ибо если бы такого сознанія во мнѣ не было то я высказался бы за его оправданіе. Но вотъ странное явленіе, которое довольно часто приходится замѣчать на себѣ и на другихъ своихъ товарищахъ присяжныхъ. Выносимъ мы обвинительный приговоръ, и только что публично прочтуть его, сейчасъ и стараемся по лицамъ публики и судей узнать, какое впечатлѣніе произвело на нихъ наше рѣшеніе, точно, будто бы, ищешь въ постороннихъ людяхъ, санкции убѣжденія своей совѣсти, не вѣришь ей одной, безъ убѣжденія другихъ, или сомнѣваешься въ себѣ и при всемъ своемъ убѣжденіи въ виновности подсудимаго думаешь, что не могли и ошибиться, сказать, «да виновенъ», чело-вѣку, который въ дѣйствительности, «нѣтъ не виновенъ».

Отчего являются такія ощущенія въ убѣжденной совѣсти присяжныхъ — объясните намъ это, вотъ каковымъ вопросомъ заканчиваетъ присяжный засѣдатель, свое разсужденіе, по весьма интересному психологическому анализу своей души и совѣсти.

Судебныя ошибки, при всѣхъ гарантіяхъ правосудія всегда были и будутъ, потому что людскую предусмотрительность невозможно довести до степени безусловнаго устраненія, всѣхъ тѣхъ иногда роковыхъ совпаденій и случайностей, которыя складываются по отношенію къ нѣкоторымъ обвиняемымъ,

обставляя ихъ такою массою уликъ, при наличности которыхъ виновность ихъ по вѣншей формѣ представляется вѣ всякаго сомнѣнія.

Вотъ почему, въ дѣлахъ уголовныхъ, рѣшаемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, въ особенности въ тѣхъ серьезныхъ случаяхъ, когда кто либо обвиняется въ совершеніи тяжкаго преступленія и когда карающій законъ грозитъ подсудимому строгимъ возмездіемъ, присяжные засѣдатели помня это и не забывая отвѣтственности своей передъ совѣстью, обязаны самымъ тщательнымъ образомъ взвѣшивать малѣйшія улики къ обвиненію, разбирать и анализировать ихъ со всѣхъ сторонъ для того, чтобы поверхностнымъ отношеніемъ къ предмету обвиненія и личности подсудимаго, не дать промаха въ рѣшеніи дѣла.

Въ подтвержденіе того, какъ неотразимыя повидимому полныя и вѣскія улики къ обвиненію, являются иногда въ сущности случайными совпаденіями обстоятельствъ, и какъ въ такихъ случаяхъ, неминуемое обвиненіе въ совершеніи весьма тяжкаго преступленія, можетъ пасть на лице, въ дѣйствительности въ томъ не виноватое, мы укажемъ на одинъ примѣръ, взятый изъ нашей личной судебной практики.

Лѣтомъ 1874 года, находясь на жительствѣ въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ, въ качествѣ мѣстнаго товарища прокурора, мы получили, въ 9 часовъ утра, увѣдомленіе полиціи о томъ, что въ домѣ мѣщанина Васильева на базарной площади, въ питейномъ заведеніи купца Прохорова, сидѣлецъ его крестьянинъ Лука Ивановъ, оказался убитымъ.

По прибытіи нашемъ на мѣсто происшествія, одновременно съ судебнымъ слѣдователемъ, обстановка преступленія представилась намъ въ такомъ видѣ.

Домъ мѣщанина Васильева стоитъ на углу большой соборной площади и одной изъ наиболѣе бойкихъ городскихъ улицъ; питейное заведеніе помещается въ нижнемъ этажѣ дома и имѣетъ два свозныхъ выхода: одинъ на площадь, а другой во дворъ. Первая комната по входѣ съ площади, составляла собственно помещеніе для посѣтителей, въ задней трети ея, была устроена стойка во всю ширину комнаты, за стойкой кругомъ стѣнъ стояли шкафы съ напитками, а между двумя шкафами была дверь въ другую комнату, которая составляла помещеніе сидѣльца. Изъ этой же комнаты былъ ходъ въ подвалъ, наполненный бутылками съ пивомъ, и затѣмъ изъ нея же выходила наружная дверь во дворъ. Эта послѣдняя дверь была двойная, изъ нихъ первая, изнутри комнаты запиралась на задвижку, а вторая на большой желѣзный крюкъ. Дверь, выходившая на площадь, запиралась тоже изънутри на ключъ и большой крюкъ.

Въ моментъ нашего прибытія на мѣсто, обѣ двери, выходившія во дворъ были отворены. Запоры отъ дверей оказались совершенно цѣлыми и неповрежденными, что указывало на отсутствіе какихъ-либо насилій надъ дверями.

По входѣ въ первую, довольно темную комнату, въ ней по первоначальному обзору ничего не оказалось, но за то во второй комнатѣ, мы были поражены по истинѣ страшною представившеюся намъ картиною.

На широкой стойкѣ, на подосланномъ матрацѣ, съ подушкой въ головахъ, покрытый одѣяломъ, свѣсившимся въ одну сторону, лежалъ раздѣтый по ночному трупъ сидѣльца; голова его, на темянныхъ и височныхъ костяхъ, была буквально разбита въ дребезги, видно было, что чья то рѣшительная рука, нанесла сразу смертельный ударъ, и какъ бы потѣшаясь уже надъ беззащитною жертвою, отхватила ей большимъ ножомъ голову отъ туловища до половины шеи.

Подушка, вся верхняя часть туловища, одѣяло, стѣны и потолокъ во всей окружности были забрызганы кровью. Цѣлая лужа крови натекла подъ стойкой, денежная выручка въ стойкѣ была взломана и пуста; висѣвшіе на правой стѣнѣ противу стойки небольшіе стѣнные часы безъ колпачка, стояли. На средоточіи обѣихъ стрѣловъ засѣла и тѣмъ остановила ходъ часовъ, частица мозга убитаго.

Стрѣлки показывали 1 ч. 23 минуты.

На стойкѣ стоялъ полуштофъ водки съ отбитымъ верхомъ, и тутъ же одинъ недопитый стаканъ вина, на которомъ были видимы слѣды кровавыхъ пальцевъ.

По внимательномъ осмотрѣ, мы нашли въ первой комнатѣ шесть слѣдовъ одного и того же человѣка, направлявшихся отъ трупа къ выходу во дворъ; отпечатки сапоговъ, выражались чрезвычайно отчетливо кровавыми слѣдами, на первыхъ трехъ слѣдахъ кровавые отпечатки совершенно явственно обозначали контуръ подошвы, изгибъ подмѣтки, и даже очертаніе и число отдѣльныхъ гвоздиковъ на каблукѣ.

Понятые и многіе изъ городскихъ жителей, набѣжавшихъ на происшествіе, по осмотрѣ этихъ слѣдовъ, которые мы немедленно выписали изъ пола, и тщательно сохранили, единогласно стали высказывать мнѣніе, что это сапоги «не обывательскіе», и не мѣщанскіе, а солдатскіе, что на слѣдахъ видны каблуки франтовитыхъ сапоговъ, которые носятъ гусары.

Предположеніе это нашло полное себѣ подтвержденіе въ томъ, что въ одномъ изъ темныхъ угловъ второй комнаты, найденъ былъ бѣлый солдатскій китель, квартирующихъ въ городѣ гусарь, на которомъ къ тому же усмотрѣны были слѣды вытертыхъ окровавленныхъ рукъ.

Такимъ образомъ, этотъ осмотръ привелъ насъ къ несомнѣнному убѣжденію, что убійство совершено кѣмъ-либо изъ солдатъ мѣстнаго гусарскаго полка.

Ни мало не медля, по требованію нашему, военное начальство предъявило намъ къ осмотру, всѣхъ своихъ рядовыхъ, и у одного изъ нихъ, рядоваго Ѳомы Петрова, подъ ногтями правой руки и во впадинахъ ногтей, найдены были несомнѣнные остатки не смывшейся крови, на подошвахъ сапогъ, только что передъ тѣмъ тщательно вымытыхъ водою, въ протертыхъ мѣстахъ подошвы, усмотрѣны были на внутреннемъ подошвенномъ слоѣ, также совершенно ясные признаки крови.

Сапоги эти, будучи примѣрены къ кровавымъ слѣдамъ, пришлись, по вы-

раженію лицъ, производившихъ это сличеніе, какъ «вылитые». Изгибы подошвъ, количество и расположеніе гвоздей на каблукахъ, и раздвоенная форма одного изъ нихъ, нашли себѣ фотографическій снимокъ на слѣдахъ.

Сходство сапогъ со слѣдами, признали даже многіе изъ товарищей Петрова, и тѣ же сослуживцы его по одному эскадрону, удостовѣрили, что китель, найденный въ питейномъ заведеніи, принадлежитъ тоже Петрову.

Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ, слѣдствіе было направлено къ собранію уликъ противу Ѳомы Петрова, такъ какъ въ виду, приведенныхъ выше данныхъ, не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что онъ былъ, или единственнымъ виновникомъ, или соучастникомъ этого страшнаго убійства.

Въ теченіи первыхъ же дней производства предварительнаго слѣдствія, противу Ѳомы Петрова были собраны слѣдующія улики.

По обыску у него, были найдены принадлежащія ему часы, относительно которыхъ нѣсколько человекъ его товарищей удостовѣрили, что часы эти были въ закладѣ у убитаго сидѣльца, о чемъ Ѳома Петровъ самъ говорилъ своимъ товарищамъ.

Тѣ же его товарищи и многія другія постороннія лица показали, что Ѳома Петровъ былъ очень хорошо знакомъ съ кабатчикомъ и часто пребывалъ у него въ заведеніи. Ночной сторожъ того окологка, гдѣ было совершено убійство, удостовѣрилъ, что, проходя среди ночи по соборной улицѣ, онъ встрѣтилъ шедшимъ по направленію отъ кабака къ казармамъ упомянутаго солдата Ѳому Петрова, который проходя мимо фонаря, какъ бы отворачивался отъ него, сторожа, чтобы не быть узнаннымъ. По словамъ сторожа въ это время на соборной колокольнѣ пробило 2 часа.

Ближайшій начальникъ Ѳомы Петрова, взводный унтеръ-офицеръ, показалъ, что Ѳома Петровъ въ ту ночь былъ дежурнымъ по конюшнѣ, откуда среди ночи куда то «пропадалъ», а рано утромъ того же дня, на городскомъ выгонѣ, двое городскихъ мальчиковъ видѣли, какъ Ѳома Петровъ, войдя въ сапогахъ въ рѣчку, протекавшую на выгонѣ, копался что то въ водѣ, и когда они спросили его, что онъ дѣлаетъ, то онъ отвѣтилъ имъ, что раковъ ловить, на что оба мальчика засмѣялись, сказавъ, кто же ловить раковъ въ сапогахъ.

Таковы были улики, собранныя противу Ѳомы Петрова, а значеніе ихъ по отношенію къ нему увеличивалось еще тѣмъ, что онъ не только что на первомъ допросѣ, но и на послѣдующихъ, выказалъ упорное во всемъ заперательство, объясняя, что всю ту ночь онъ нигуда не ходилъ, а былъ на дежурствѣ въ конюшнѣ, при лошадахъ, что съ ночнымъ сторожемъ онъ не встрѣчался, что китель, найденный въ кабакѣ, принадлежитъ не ему, что кровь подъ ногтями была у него отъ «носа», что на сапогахъ крови у него никакой не было, что часы его въ закладѣ у кабатчика никогда не находились, по утру въ рѣчку въ сапогахъ онъ никогда не лазилъ, мальчишекъ никакихъ не видалъ, и съ кабатчикомъ вовсе знакомъ не былъ, а что гово-

рить про него «вольно, что угодно» тогда, какъ онъ «знать ничего не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ».

Въ уликъ Оомы Петрова, нельзя было не отнести еще и слѣдующее обстоятельство.

Хозяинъ питейнаго заведенія, придя въ восьмомъ часу утра къ своему кабаку, удивился, что онъ съ передняго выхода на соборную площадь еще запертъ, тогда какъ обыкновенно въ этотъ часъ онъ былъ уже отворенъ. Обойдя кругомъ, онъ постучался въ ту дверь, которая выходила во дворъ, она и слѣдующая за ней двойная оказались только притворенными, но незапертыми, и когда онъ вошелъ внутрь, то увидалъ, что сидѣлецъ его лежитъ уже мертвый, весь облитый кровью. Такимъ образомъ самъ хозяинъ первый обнаружилъ преступленіе, выбѣжалъ немедленно изъ кабака и заявилъ о томъ полици, а такъ какъ дверь на базарную площадь, была заперта на крючекъ, а обѣ двери, выходившія во дворъ и запиравшіяся изъ внутри, найдены напротивъ, отворенными, то обстоятельство это внушило хозяину питейнаго заведенія, Прохорову, убѣжденіе, что двери отворилъ ночью самъ убитый, потому что впустить къ себѣ въ такое неурочное время, какого нибудь незнакомаго человѣка онъ никогда не рѣшился бы, если же впустилъ, то только человѣка ему близко и хорошо знакомаго, а Оома Петровъ, какъ было уже несомнѣнно доказано, находился по отношенію къ убитому именно весьма близкимъ по знакомству человѣкомъ.

Вотъ каковы были улики, обнаруженныя предварительнымъ слѣдствіемъ противу Оомы Петрова, по обвиненію его въ предумышленномъ убійствѣ сидѣльца Луки Иванова съ цѣлю грабежа. Улики эти были на столько вѣски, на столько неотразимы, что весь городъ считалъ уже Оому Петрова несомнѣннымъ убійцей сидѣльца; общественное мнѣніе было за самое строгое наказаніе и осужденіе его, и можно съ увѣренностію сказать, что, если бы Оомѣ Петрову, по обвиненію въ этомъ убійствѣ, было бы суждено сѣсть на скамью подсудимыхъ, передъ мѣстнымъ судомъ присяжныхъ, то онъ безъ малѣйшихъ сомнѣній, былъ бы признанъ виновнымъ въ убійствѣ Луки Иванова. Мало того, упорное его запирательство, въ высшей степени безнравственный мотивъ къ преступленію, выразившаяся при совершеніи его крайняя жестокость убійства, не представляли никакихъ основаній, къ малѣйшему даже смягченію виновности Оомы Петрова, и такимъ образомъ ему предстояла бы впереди страшная перспектива, если не безрочной, то весьма долговременной каторжной работы въ рудникахъ.

А между тѣмъ, такой приговоръ, который явился бы несомнѣннымъ результатомъ полнаго убѣжденія присяжныхъ въ виновности Оомы Петрова, въ убійствѣ, обрушился бы страшною ошибкою надъ головой, ни въ чемъ не повиннаго человѣка, Оома Петровъ, пошелъ бы въ рудники, въ каторжную работу за чужіе грѣхи, и виноватый, быть можетъ только въ томъ, что по своему неразвитію и несообразительности, не съумѣлъ найти выхода изъ своего затруднительнаго положенія, въ которое онъ попалъ совершенно случайно, и

въ защиту свою избралъ крайне неудачный способъ безусловнаго запирательства и полнаго отрицанія, даже тѣхъ несомнѣнныхъ «кровавыхъ» уликъ, которыя на немъ были найдены.

И вотъ обстановка такихъ сильныхъ уликъ, которая исключала бы всякую возможность сомнѣній и колебаній совѣсти присяжныхъ, являлась въ данномъ случаѣ, простою случайностью, роковымъ сдѣяніемъ обстоятельствъ, опутавшихъ кругомъ совершенно не причастнаго къ дѣлу Оому Петрова.

Такия случайности, такія неблагоприятныя, но страшныя совпаденія, бываютъ, конечно, рѣдко, но они не невозможны, а потому чуткая совѣсть присяжныхъ, должна имѣть всегда въ виду возможность осужденія при такой игрѣ случайностей, совершенно невинатаго человѣка.

Дѣло Оомы Петрова приходило уже къ концу. Какъ судебный слѣдователь, такъ равно и непосредственное начальство Оомы Петрова, заинтересованное въ его участи, принимали всѣ мѣры нравственнаго на него давленія для того, чтобы довести его до сознанія, но всѣ старанія ихъ были тщетны; онъ упорно стоялъ на своемъ запирательствѣ, и на всѣ вопросы и увѣщанія съ совершеннымъ безстрастіемъ души отвѣчалъ стереотипными словами: «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю».

Впрочемъ, въ основаніи желанія получить сознаніе Оомы Петрова лежала еще и другая цѣль; путемъ этого сознанія, предполагалось получить отъ Оомы Петрова указаніе относительно другихъ соучастниковъ въ убійствѣ кабатчика, такъ какъ по самой обстановкѣ преступленія, слѣдственная власть еще при началѣ дѣла, составила себѣ убѣжденіе, что убійство сидѣльца по своей смѣлости и такъ-сказать преступной полнотѣ, не могло быть дѣломъ рукъ одного человѣка.

Къ тому же начальство Оомы Петрова, отзывалось объ немъ, какъ о человѣкѣ хорошей нравственности, и хотя оно было твердо убѣждено, на основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ уликъ, что Оома Петровъ принималъ непосредственное участіе въ убійствѣ сидѣльца, но въ то же время въ нѣкоторую защиту его проводило мысль, что инициатива такого страшнаго преступленія, по врожденной простотѣ Оомы Петрова и его неразвитію, едва ли могла принадлежать ему, и что, по свойству своего характера, онъ не могъ бы самостоятельно рѣшиться на такое преступное дѣло.

Игнорировать такой взглядъ на дѣло начальства Оомы Петрова, которое очевидно лучше знало его нравственную и психическую сторону, было нельзя, а потому судебный слѣдователь остановился на мысли объ участникахъ Петрова въ преступленіи, и съ этою цѣлью принялся за дальнѣйшіе розыски, которые, благодаря энергичной и толковой дѣятельности полиціи, и увѣнчались успѣхомъ.

Въ промежутокъ первыхъ же дней розысковъ было дознано, что у какой то мѣщанки на концѣ города, за нѣсколько дней передъ убійствомъ сидѣльца, пропалъ со двора старый топоръ. Обстоятельство это, ничтожное само по себѣ, имѣло для дѣла большое значеніе, такъ какъ въ кабакѣ не было

нигдѣ найдено орудія, которымъ была разбита голова покойнаго, а такимъ орудіемъ по свойству ранъ и поврежденій и по заключенію врача, осматривавшаго трупъ убитаго, могъ быть скорѣе и ближе всего топоръ. Въ похищеніи топора потерпѣвшая на распросы полиціи заподозрила сына своего сосѣда, крестьянина молодыхъ еще лѣтъ, но человѣка крайне порочнаго и притомъ праздношатающагося, по имени Михаила Кононова. Последній крайне смутился, когда полиція обратилась къ нему за разъясненіями, не онъ ли укралъ топоръ у сосѣдки своей. Эго смущеніе его не было оставлено безъ вниманія, не прошло безслѣдно, и въ первую же послѣ того ночь, секретнымъ наблюденіемъ за Кононовымъ было обнаружено, что онъ за чѣмъ то вышелъ среди ночи изъ своего дома, и направился въ садъ, гдѣ въ чащѣ кустовъ сталъ что-то закапывать въ землю и при этомъ совершенно для него неожиданно былъ задержанъ.

Закононными въ землѣ вещами оказались: 6 серебряныхъ ложекъ, золотое кольцо и серебрянная цѣпочка отъ часовъ. Вещи эти были изъ числа тѣхъ, которыя въ качествѣ закладовъ, принимались убитымъ сидѣльцемъ и хранились у него въ выручкѣ. Кононовъ застигнутый въ расплохъ, и неуспѣвшій составить себѣ плана защиты и объясненій, тутъ же сознался въ убійствѣ сидѣльца и указалъ на другаго своего сообщника мѣщанина Ивана Юрова. Последній былъ взятъ въ ту же ночь, и при немъ за печкой и въ соломенной крышѣ его избы, найдены были остальные вещи, похищенныя изъ стойки, деньги и бумажникъ убитаго.

Юровъ, уличаемый Кононовымъ, точно также сознался, но ни тотъ ни другой ни однимъ словомъ не упомянули о Ѳомѣ Петровѣ, и только когда мы обратились къ нимъ съ вопросами, былъ ли съ ними и солдатъ, то они отвѣчали, что это дѣло было ихъ двоихъ, а солдата съ ними не было, и замѣшаяся онъ тутъ безвинно, они и сами не знаютъ какъ.

Мы не имѣемъ надобности описывать здѣсь подробно обстоятельства касающіяся Кононова и Юрова, скажемъ только коротко, что виновность ихъ по дѣлу была безусловно доказана; убійство они совершили топоромъ, который Кононовъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ укралъ у сосѣдки; оба они забрались, по ихъ показаніямъ въ кабакъ съ вечера, спрятались до ночи на чердакѣ, а затѣмъ спустившись ночью внизъ чердачнымъ ходомъ въ помѣщеніе задней комнаты, прошли оттуда въ переднюю.

Кононовъ ударомъ топора, разможилъ сидѣльцу голову, а Юровъ по его словамъ для «вѣрности» перерѣзалъ ему горло ножомъ, «для колбасы что закусывать подають», который тутъ же нашли на прилавкѣ.

Впоследствии былъ отысканъ и топоръ, который подсудимые забросили уже послѣ совершения преступленія, въ одинъ изъ колодцевъ.

Когда такимъ образомъ было уже установлено несомнѣннымъ фактомъ, что въ убійствѣ сидѣльца, принимали участіе только Кононовъ и Юровъ, Ѳома Петровъ снова былъ призванъ къ допросу, но и на этотъ разъ онъ не скоро рѣшился дать свои объясненія на вопросы о томъ, отчего у него на

рукахъ и на ногахъ оказалась кровь, зачѣмъ онъ ночью ходилъ къ сидѣльцу, отчего отворачивался отъ сторожа и т. д., и отвѣчая на вопросы судебного слѣдователя, своими прежними «знать не знаю вѣдать не вѣдаю», онъ изъ какой-то ложной боязни, только послѣ многихъ разъясненій ему его положенія и убѣжденій, рассказать всю правду для своей же пользы, рѣшился дать передъ нами свои откровенныя объясненія, которыя не отвергая ни одного изъ обстоятельствъ, сгруппировавшихся противу него, въ видѣ уликъ, придали имъ совершенно иное значеніе, иной характеръ, и иную окраску.

Прежде всего Гома Петровъ показалъ, что сидѣльца Луку Иванова онъ зналъ очень хорошо потому, что будучи сапожникомъ по ремеслу, чинилъ ему сапоги и шилъ новые, и вообще былъ съ нимъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ, часто заходилъ къ нему, «когда такъ, а то и побрить», случалось ему и отдыхать у него въ комнатѣ, однимъ словомъ, были они людьми близкими и дружески знакомыми.

— Тую ночь, объяснялъ потомъ Гома Петровъ судебному слѣдователю на допросѣ, былъ я на конюшнѣ дежурнымъ, и виновать, покурить захотѣлось, а трубка моя была у него, въ кабакѣ, значить у кабатчика остамши, потому вечеръ подбивалъ я ему подметки. Ладно, какъ привыкли я курить, скучно стало, дай, думаю, схожу, потому тутъ недалеко, ну и пошолъ, только это подошолъ я къ двери и стучу, Лука, молъ, Иванычъ, отвори, анъ глядь, дверь-то отворена одна, отворена и другая, что такое думаю знать не спить, иначе, я безъ сумлѣнія вхожу, другой разъ окликнулъ, не даетъ слуху, я опять, Лука Иванычъ, гдѣ молъ у тебя спички, потому темно, ничего не видать, не отвѣчаетъ онъ; думаю, ишь крѣпко заснулъ какъ, а двери расперты, дай молъ разбуджу его; ладно, подшелъ къ нему, гдѣ онъ завсегда спить, да такъ рукой его за голову, слышь, говорю, да тутъ подъ рукой словно обчужалъ мокрое, страхъ меня взялъ, другой рукой повелъ, дотронулся. мягко слышу, въ руку то и кость слышна, стало, разбита голова; сомлѣлъ я, господа, совсѣмъ, да сряду со страстей вонъ, чую руки мокры, вытеръ ихъ я, попало мнѣ тутъ, что то на лавкѣ, да бѣгомъ, высочилъ на улицу, а тутъ фонарь, глядь на руки—кровь, ошупалъ сапоги—мокры, въ такомъ разѣ ужъ очень я спужался, мнѣ бы объявку сейчасъ точно сторожу дать, да тутъ подумалъ, а ну какъ самого засадятъ, не повѣрятъ, ушелъ то я безъ спроса, лучше молъ уйдти отъ бѣды, и ушелъ, а я тутъ невиненъ былъ, вотъ какъ передъ Богомъ невиненъ, что угодно...

— Что-жъ ты, по выходѣ изъ кабака, встрѣтилъ сторожа, допрашивалъ судебный слѣдователь Гоми Петрова.

— Встрѣтилъ, ваше благородіе, сторожъ вѣрно сказываетъ, я отъ него точно ворочался, потому ужъ очинно оробѣлъ, ну, думаю признаеть меня, скажутъ ты былъ тамъ, знать ты и убилъ, а тамъ судись, да отказывай, а наше дѣло темное, когда меня Богъ попуталъ на такой часъ придти, руки въ крови, самый значить резонтъ молчать, потому не виновать.

За тѣмъ Оома Петровъ объяснилъ, что по выходѣ на улицу, онъ сейчасъ же вымылъ въ пруду руки, а на утро увидавъ на сапогахъ кровь, обмылъ ихъ въ рѣчкѣ.

— А часы твои, которые были въ закладѣ у кабатчика, какиамъ же путемъ оказались опять у тебя, обратился судебный слѣдователь съ вопросомъ къ Оомѣ Петрову.

— Часы. ваше благородіе, мои собственные и никогда я ихъ кабатчику не закладывавалъ, а такъ другой разъ оставлялъ ихъ у него, какъ онъ былъ мнѣ пріятель, ну и опасность я тоже имѣлъ, потому часы въ казармѣ не спрячешь, украсть могутъ, а у него они сохранены были, и окромя значить часовъ, кое что другое, все свое я у него сохранялъ, и по теперъ въ шкафу у него внизу въ ящикѣ, рубашки мои двѣ должны быть и бртва хорошая, моя собственная.

Эта послѣдняя часть показанія Оомы Петрова, точно также подтвердилась вполне; тѣмъ же самымъ онъ объяснилъ и причину нахождения его кителя въ передней комнатѣ кабака, гдѣ, какъ удостовѣрили многіе посторонніе свидѣтели, Оома Петровъ иногда отдыхалъ на лавкѣ въ свободное отъ службы время, подкладывая себѣ въ голова, или шинель или скуртку.

Оомѣ Петрову предложенъ былъ между прочимъ вопросъ, почему же онъ съ перваго раза не рассказалъ всю правду, а напротивъ, упорно отъ всего отказывался.

— Да ужъ гораздъ, ваше благородіе, испугался, объяснилъ онъ, въ такомъ случаѣ, взяли меня, думаю по правдѣ сказать не повѣрятъ, а тутъ въ тюрьму какъ посадили меня, арестанты такъ въ одинъ голосъ, не сознавайся молъ, да и все, и правды какъ есть не говоря, потому, говорятъ, пропадешь, тогда и вѣры тебѣ не будетъ, а такимъ манеромъ словами себя не выдавай, держись одного, пичего молъ не знаю, да не провирайся; поддержишь говорить. да и выпустятъ, и слободенъ будешь, въ такомъ глупомъ разумѣ значить и опасался я вашему благородію всюю правду сказать, съ того и молчалъ...

На этотъ разъ Оома Петровъ высказалъ дѣйствительно правду и правду такую, которая всю силу сгруппировавшихся противъ него случайныхъ уликъ представила въ совершенно иномъ видѣ.

Само собой разумѣется, дѣло по отношенію къ Оомѣ Петрову было немедленно прекращено, самъ онъ тогда же былъ выпущенъ изъ подъ стражи, а Кононовъ и Юровъ, въ ближайшую же сессію окружнаго суда были признаны виновными въ совершеніи этого убійства, и сосланы въ каторжныя работы.

Но вѣдь изъ такого положенія, Оома Петровъ вышелъ, благодаря только случайному открытію дѣйствительныхъ виновниковъ преступленія, а вѣдь этого могло и не быть и тогда вся тяжесть обвиненія въ убійствѣ, при такой массѣ уликъ, а главное при заирательствѣ Оомы Петрова рушилась бы на немъ, и Богъ знаетъ, какая судьба могла бы его постигнуть, если

бы въ такой, запутавшей его кругомъ, неблагоприятной обстановкѣ, онъ предсталъ передъ мѣстнымъ судомъ общественной совѣсти, которая заранѣе намѣтила уже въ немъ тяжкаго преступника, убійцу.

Возможность такого обвиненія, при описанныхъ выше уликахъ представлялась болѣе чѣмъ вѣроятною, и такимъ образомъ несомнѣнное убѣжденіе присяжныхъ въ виновности Тома Петрова, явилось бы роковою надъ нимъ ошибкою.

Послѣ этого не трудно понять, какъ осторожны и осмотрительны должны быть присяжные засѣдатели, при оцѣнкѣ доказательствъ, представляемыхъ къ обвиненію подсудимыхъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемые являются на скамьѣ подсудимыхъ безъ надежнаго защитника, и когда по своему незнанію, неразвитію и полному непониманію положенія своего на судѣ, они избираютъ ту пагубную систему защиты, путемъ запирательства и полного отъ всего отреченія, благодаря которой и Тома Петровъ въ общемъ убѣжденіи, являлся уже вполне намѣченнымъ виновникомъ въ убійствѣ сидѣльца Луки Иванова.

Допустить судебную ошибку, при сколько-нибудь поверхностномъ отношеніи къ дѣлу, вовсе не трудно, но исправить ее бываетъ иногда невозможно.

Насилія не въ пользу подсудимаго надъ колебаніями совѣсти, не совмѣстны съ понятіемъ о той безусловной правдѣ и справедливости, которыя должны лежать въ основаніи каждаго совѣстливаго приговора суда, вотъ почему намъ казалось бы, что нашихъ молодыхъ еще присяжныхъ засѣдателей, слѣдуетъ не упрекать за ихъ многочисленные оправдательные приговоры, а напротивъ всегда и при каждомъ удобномъ случаѣ, напоминать имъ мудрое изреченіе о томъ, что лучше оправдать десять виновныхъ, нежели осудить и погубить одного невиннаго.

Слѣдуетъ всегда внушать нашимъ присяжнымъ, что сила неотразимыхъ противу подсудимаго уликъ, не есть еще безусловное доказательство его виновности, и что присяжные, установивъ передъ собою эту массу уличающихъ подсудимаго фактовъ, поступать всегда крайне благоразумно, если прежде, чѣмъ рѣшать окончательно дѣло, зададутся вопросомъ о томъ, не могутъ-ли быть объяснены эти улики не послѣдствіями виновности человѣка, въ приписываемомъ ему преступленіи, а сцѣпленіемъ неблагоприятно сложившихся противу него случайностей.

Крайняя осторожность въ дѣлѣ суда, вотъ о чемъ должны всегда помнить судьи совѣсти.

Кому не случалось присутствовать въ качествѣ публики, въ судебныхъ засѣданіяхъ съ присяжными, по какому-нибудь серьезному, тяжелому обвиненію, въ родѣ убійства.

Припомните обстановку судебного засѣданія.

Поздній вечеръ, а иногда уже и ночь. Присяжные съ вопросами суда удалены въ свою комнату и долго уже, долго, тамъ совѣщаются.

Мѣста для судей пусты.. тускло горятъ свѣчи въ канделябрахъ на судейскомъ столѣ. Въ залѣ отъ тяжелаго и спертаго воздуха, какой-то полумракъ, жара нестерпимая, а публика цѣлою, сплотившеюся массою не уходитъ изъ суда, и ожидаетъ за рѣшеткой выхода присяжныхъ, нетерпѣливо прислушиваясь, когда дрогнетъ звонокъ совѣщательной комнаты.

Тяжело въ эти минуты бываетъ на душѣ подсудимаго, виновать-ли онъ или не виновать.... жутко ему это продолжительное совѣщаніе, страхъ беретъ его за будущее... за себя... а иногда за жену... а дѣтей ..

Вотъ онъ, въ своемъ арестантскомъ халатѣ, за рѣшеткой... блѣдный, словно вытянувшійся впередъ, по направленію къ двери совѣщательной комнаты. .

Съ крайними волненіями души и съ замираніемъ сердца, ожидаетъ онъ роковаго для него звонка и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшенія своей участи.

Тяжело ему... но и всѣ присутствующіе въ залѣ, не причастные даже къ дѣлу, испытываютъ въ эти минуты, какое-то ненормальное волненіе души.

Какъ-то его осудить... виновать онъ доподлинно или нѣтъ... безпремѣнно виновать... а кто его знаетъ можетъ и такъ... напасть одна... нѣтъ, его нельзя обвинить... что то недоговорено въ его дѣлѣ... его то безпремѣнно обвинять... тоже говорить не виновать—нѣтъ виновать... а тамъ какъ присяжные скажутъ... обвинять... нѣтъ, не обвинять— вотъ какія мысли проносятся въ радахъ публики, въ періодъ этого томительнаго ожиданія присяжныхъ.

Прокуроръ раза три заглядывалъ уже въ залу... онъ тоже нетерпѣливо настроенъ... тоже ожидаетъ не безъ душевнаго волненія выхода присяжныхъ, а они словно... нѣтъ ихъ... умерли... тихо за совѣщательной дверью... ничего не слышно... въ залѣ полная тишина, только слабо отдается по залѣ, тихій шопотъ, которымъ блѣдный съ лица защитникъ переговаривается объ чемъ то съ подсудимымъ, чтобы этимъ разговоромъ облегчить ему минуты, этихъ тяжелыхъ, томительныхъ ожиданій.

Дрогнувъ наконецъ звонокъ у двери присяжныхъ.

Зала пришла въ движеніе, публика насторожилась и надвинулась на передніе ряды, подсудимый набожно перекрестился на образъ и придвинулся впередъ къ рѣшеткѣ, встрепенулись и заснувшіе было часовые его. Присяжные не участвовавшіе въ засѣданіи, приблизились цѣлою толпою, по направленію къ судейскому столу, чтобы ближе и лучше разслышать приговоръ своихъ сотоварищей, судебный приставъ скрылся изъ залы и черезъ минуту возвращался уже назадъ съ стереотипною фразою «судъ идетъ, потрудитесь встать».

Публика заколыхалась, въ двери суда и на судейскомъ возвышеніи показались блѣдныя лица утомленныхъ судей, за ними прокуроръ, секретарь, всѣ заняли наконецъ свои мѣста, дверь въ комнату присяжныхъ отворилась и длинною вереницею потянулись они оттуда за своимъ старшиной, который шелъ впереди съ конечнымъ отвѣтомъ.

Минута, двѣ, и вопросъ суда прочитанъ.

— Да, виновенъ... глухо проговорилъ старшина присяжныхъ, голосомъ полнымъ волненія и осторожно ступая, сошелъ съ возвышенія. Такъ же тихо, сошли за нимъ и другіе присяжные и заняли свои мѣста.

Тяжелы бываютъ эти минуты для подсудимаго, но не легки онѣ и для осудившихъ его присяжныхъ.

— Знаете, говорилъ намъ, одинъ старшина присяжныхъ изъ людей вполне образованныхъ, что испытываемъ мы въ такія минуты... полную робость души... полную несостоятельность своего разума, не смотря на глубокое и коренное убѣжденіе въ винѣ подсудимаго, не смотря на спокойное сознаніе добросовѣстно исполненнаго долга.

— Почему же это?

— Почему... потому отвѣчалъ онъ намъ, что мы люди... потому что совершенства разума въ насъ нѣтъ... потому что проникаемость наша не идетъ далѣе того, что мы видимъ, вотъ и не можемъ иногда отдѣлаться отъ тревожной и навязчивой мысли... а что, если мы осудили вдругъ не виноватаго человѣка, вѣдь все можетъ быть, и практика суда и самъ законъ допускаютъ такіе случаи... ну если еще посидитъ человѣкъ даромъ въ тюрьмѣ, не хорошо конечно, да все таки бѣда не большая... у насъ сидятъ даромъ и цѣлыми годами... а вдругъ какъ безвиннаго-то человѣка, да по приговору присяжныхъ, ушлютъ куда-нибудь на каторгу, семью разрознить, дѣтей отца лишать, жену мужа, изъ невинатаго сдѣлаютъ виноватаго... Вотъ объ чемъ страшно бываетъ подумать, и какъ придется, когда такое дѣло рѣшать, все потомъ и думаешь... да правильно ли его осудили, не забыли ли чего, не упустили ли изъ вида... а это все возможно—потому что мы люди... нѣтъ у насъ совершенства разума.

А вѣдь такія ощущенія души, обычное явленіе на присяжныхъ засѣдателяхъ, и испытываютъ ихъ одинаково и люди образованные, и люди простые.

Припомните типъ «Омушки» въ очеркахъ Златовратскаго. Это не выдуманный юридическій мужичекъ, у котораго разума не хватило, будучи въ присяжныхъ—дѣло разобрать, нѣтъ, это глубокой страдалецъ души своей за участь ближняго, котораго ему приходится осудить.

У Омушки, какъ и у многихъ другихъ ему подобныхъ, разумъ мужичій, знамо, «что вода тѣмная», только вѣдь они на это дѣло «съ молитвой идутъ», а ну какъ изъ за тебя, думаютъ они, можетъ хорошій человѣкъ въ Сибирь уйдеть, «а чай и у нихъ крестъ на шеѣ есть, ума можетъ большого не хватить, а душа христіанская», дѣло свое судейское, они дѣлаютъ робко, осторожно, «глядя, чтобы потомъ совѣсть не залевала, вотъ оно что, а то и вѣры въ себя рѣшишься, передъ такимъ отвѣтнымъ дѣломъ».

А если такой исповѣдникъ своей христіанской совѣсти, вѣры въ себя рѣшится, то ужъ ему одно спасеніе «въ бѣгуны», потому какой же онъ тогда судья, когда самъ себѣ и своему разуму вѣры не даетъ.

— Какіе бѣгуны? спрашиваетъ въ очеркахъ Златовратскаго «состоятельный» мужикъ.

— Бѣгуны обнаковенно какіе, присяжные бѣгуны.

Что же порождаетъ въ дѣйствительности этихъ присяжныхъ бѣгуновъ, этихъ людей такъ высоко чтящихъ свою совѣсть?

Боязнь погрѣшить противу правды, не справиться съ дѣломъ, и грѣшнымъ разомъ не осудить какъ-нибудь невиноватаго, чтобы «хорошаго человека да въ Сибирь не угодить»....

Ну и бѣгутъ иногда наши крестьяне присяжные изъ суда и отъ засѣданій, бѣгутъ незамѣтно: вчера былъ, третьяго дня былъ, а сегодня ужъ и нѣтъ его, а отчего нѣтъ, никто не знаетъ, никому не сказалъ, знать домой ушелъ, говорятъ другіе, а отчего ушелъ, неизвѣстно про то, а ушелъ онъ оттого, что не понадѣялся на себя «вѣры въ себя рѣшился».

Одна директрисса провинціального тюремнаго отдѣленія, въ весьма характерномъ письмѣ своемъ, обращается къ намъ съ слѣдующими словами.

«Вы хотите знать, чѣмъ отражается вліяніе суда присяжныхъ на общество? Про это вамъ сказать могутъ многіе другіе, а вотъ я желала бы вамъ передать, какъ иногда отражается этотъ судъ присяжныхъ, на самихъ присяжныхъ засѣдателяхъ, на личномъ спокойствіи ихъ, ихъ женъ и семействъ».

«Я вамъ пишу то, что переиспытала на себѣ».

«Мужъ мой лѣтъ пять тому назадъ, будучи присяжнымъ засѣдателемъ, попалъ по выбору въ старшины присяжныхъ, по одному весьма серьезному дѣлу».

«Какая-то молодая женщина, мѣщанка, обвинялась въ отравленіи своего мужа, что будто бы она подлила ему въ чай какой-то кислоты, употребляемой коновалами при лѣченіи у лошадей сапа, отчего онъ и умеръ».

«Дѣло это было очень сложное и запутанное, родня умершаго всѣми силами старалась обвинить подсудимую и доказывала, что она не любя, мужа, отравила его, чтобы отъ него отдѣлаться; сама же подсудимая, не отрицая того, что съ мужемъ жила нехорошо, не признавала себя виновною въ его отравленіи, объясняя, что, напротивъ, отравленный чай предназначался свекровью для нея лично, что послѣдняя собиралась уже давно её уморить, и, что отравка случайно попала ея мужу потому только, что свекровь перепутала сама стаканы».

«Вообще это дѣло было не совсѣмъ ясное, очевиднаго въ немъ ничего не было. При сужденіяхъ присяжныхъ, пять голосовъ отозвались за оправданіе подсудимой, шесть голосовъ за ея обвиненіе; мужъ мой, какъ старшина, подававшій свой голосъ послѣднимъ, присоединился къ шести обвинителямъ присяжнымъ, а потому подсудимая была обвинена».

«Въ то время никакихъ неприятныхъ ощущеній отъ этого обвинительнаго вердикта, мужъ мой не испытывалъ и даже забылъ скоро про эту подсудимую».

«Затѣмъ, на весну, лично мнѣ случилось быть въ тюремномъ замкѣ, при отправленіи ссыльныхъ женщинъ въ Сибирь».

«Увидавъ меня, эта арестантка-женщина пришла вдругъ въ какое то раздраженно-нервное состояніе, и съ словами «неправедно меня, сударыня, ваши супруги лѣтось осудили, ни въ чемъ я неповинна, за даромъ въ Сибирь я иду», залилась горькими, истерическими слезами».

«Сцена эта крайне тяжело на меня подѣйствовала, а я имѣла еще неосторожность сказать о томъ моему мужу, и послѣдствія этого для него были ужасны. Онъ сталъ задумываться, лишился спокойнаго состоянія духа, потерялъ сонъ, и, припоминая разныя обстоятельства этого дѣла, остановился наконецъ на мысли, что онъ неправильно подалъ голосъ за обвиненіе подсудимой, что ему слѣдовало склониться на сторону оправдательныхъ голосовъ, и что тогда, благодаря его шестому голосу, она была бы оправдана».

«Перебирая постоянно въ памяти своей, весь ходъ и всѣ подробности этого процесса, мужъ мой пришелъ къ тому еще заключенію, что семь обвинительныхъ голосовъ противу подсудимой, явились послѣдствіемъ того, что удачно сгруппированные прокуроромъ факты, изобличали её вполне въ преступленіи, а между тѣмъ, по прошествіи нѣкотораго промежутка времени, при болѣе спокойной оцѣнкѣ объясненій подсудимой, можно было бы убѣдиться, что слова ея дышали искренностію, и что она явилась жертвою несчастной для нея случайности».

«Мужъ мой уже умеръ, такъ заканчиваетъ письмо свое эта особа, но я могу передъ вами засвидѣтельствовать, сколько вынесъ онъ душевныхъ безпокойствъ, тревогъ и волненій, изъ-за этого несчастнаго дѣла».

«Онъ долго не могъ его забыть, и даже предполагалъ при жизни своей подать въ земское собраніе, что то въ родѣ петиціи, для ходатайства передъ правительствомъ о томъ, чтобы въ устраненіе возможности судебныхъ ошибокъ присяжныхъ засѣдателей, вмѣнено было бы имъ въ обязанность, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе серьезныхъ преступленіяхъ, не торопиться высказывать свои заключенія, не позволять имъ очень скоро выносить свои приговоры и установить правиломъ, чтобы по дѣламъ напримѣръ объ убійствахъ, присяжные употребляли бы на свои совѣщанія не менѣе сутокъ, съ момента ихъ удаленія въ совѣщательную комнату, для того, чтобы имѣть возможность тщательно провѣрить всѣ свои выводы, соображенія и заключенія, за и противъ подсудимаго».

Что можно сказать по поводу такого письма.

Вотъ что.

Если бы всѣ наши присяжные, поглубже вдумывались въ смыслъ поставляемыхъ ими рѣшеній, то несомнѣнно многіе изъ нихъ, могли бы ощутить и на своей совѣсти, нѣкоторыя послѣдствія поспѣшности, въ выводахъ ихъ о виновности такихъ подсудимыхъ, которыхъ они осудили при самыхъ иногда убѣдительныхъ противу нихъ уликахъ и доказательствахъ ихъ вины.

А такого рода сознаніе, сознаніе далеко нежелаемое... безусловное же довѣріе общества, судъ присяжныхъ можетъ внушить къ себѣ только тогда, когда каждый гражданинъ этого общества, на какой бы степени развитія онъ

не стоялъ, будетъ носить въ себѣ увѣренность, что присяжные при постановленіи своихъ приговоровъ, никогда не забываютъ думать о той страшной отвѣтственности предъ своею совѣстью, которая можетъ возникнуть для нихъ изъ каждаго случая невинно-осужденія...

VI.

Общіе и очередные списки присяжныхъ засѣдателей.

При постепенномъ введеніи въ Россіи института присяжныхъ засѣдателей, и ближайшемъ ознакомленіи общества съ характеромъ его дѣятельности, перѣдко возникали у насъ, вызываемыя практикою суда жалобы, на неудовлетворительность вообще личнаго состава нашихъ присяжныхъ засѣдателей.

Какъ на причины этого явленія, главнымъ образомъ, указывалось на то, что порядокъ составленія общихъ и очередныхъ списковъ присяжныхъ засѣдателей, представляетъ въ себѣ много недостатковъ, и не даетъ возможности полнаго и всесторонняго осуществленія самого требованія закона, относительно того, чтобы составъ присяжныхъ, дѣйствительно заключалъ бы въ себѣ представителей лучшихъ и надежнѣйшихъ гражданъ общества.

Съ другой стороны возникали, едва ли не болѣе справедливыя, сѣтованія на то, что установленный у насъ закономъ порядокъ составленія общихъ и очередныхъ списковъ присяжныхъ засѣдателей, если и даетъ не вполне удовлетворительные для дѣла практическіе результаты, то не столько вслѣдствіе тѣхъ или другихъ своихъ несовершенствъ, сколько отъ крайне нерадиваго выполнения его, безъ всякаго вниманія къ требованіямъ закона.

Вслѣдствіе этого, составы присяжныхъ засѣдателей, пополняются у насъ кое какъ, безъ разбора и оцѣнки людей, преимущественно лишь массою простаго народа, среди котораго желаемые элементы образованныхъ и развитыхъ людей, являются не болѣе, какъ рѣдкими и единичными исключеніями.

Порядокъ составленія общихъ и очередныхъ списковъ присяжныхъ засѣдателей, разъясненъ въ судебныхъ уставахъ, цѣлымъ рядомъ весьма обстоятельныхъ и подробныхъ указаній.

Въ общіе списки присяжныхъ, вносится вообще наличный составъ всѣхъ тѣхъ обывателей, которые по закону могутъ быть избираемы въ присяжные.

Эти общіе списки составляются къ первому сентябрю каждаго года, особыми временными комиссіями, послѣ чего всѣ заинтересованные внесены или невнесены въ нихъ въ упомянутые списки, могутъ предъявлять на нихъ свои замѣчанія и жалобы, которыя вмѣстѣ со списками представляются на просмотръ губернатору.

На послѣдняго возложена по закону обязанность, проверки этихъ списковъ, разрѣшенія всѣхъ сдѣланныхъ на нихъ замѣчаній, и исключенія изъ списковъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя включены въ нихъ неправильно, т. е.

несогласно съ тѣми формальными условіями, наличностію которыхъ обуславливается самое право, быть присяжнымъ засѣдателемъ.

Исправленные такимъ образомъ общіе списки, возвращаются губернаторомъ въ ту же комиссію, которая при участіи предводителя дворянства, и одного изъ мѣстныхъ мировыхъ судей, составляетъ уже изъ нихъ очередные и запасные списки присяжныхъ засѣдателей, выбирая для этого лучшихъ и достойнѣйшихъ гражданъ своего уѣзда.

Такимъ образомъ участіе губернатора въ разсмотрѣніи и исправленіи общихъ списковъ, ограничивается чисто формальною стороною дѣла и никакого другаго значенія имѣть не можетъ.

Совсѣмъ инымъ представляется характеръ дѣятельности комиссій, въ дальнѣйшемъ составленіи очередныхъ, и запасныхъ списковъ присяжныхъ засѣдателей.

Эти списки присяжныхъ составляются отдѣльно, по каждому уѣзду, слѣдовательно члены комиссій, избираемые изъ жителей того же уѣзда, могутъ всегда болѣе или менѣе знать хорошо, всѣхъ тѣхъ лицъ, на которыхъ падаетъ выборъ ихъ, для включенія въ очередные списки присяжныхъ.

На этомъ основаніи, законъ и предоставилъ упомянутымъ выше комиссіямъ широкое и неограниченное право—выборъ лицъ изъ общихъ списковъ производить по своему личному усмотрѣнію, съ непремѣннымъ лишь условіемъ, чтобы относительно каждаго лица, избираемаго въ присяжные засѣдатели, комиссія обсуждала предварительно, въ какой мѣрѣ удовлетворяетъ оно по своимъ нравственнымъ и личнымъ качествамъ, почетному выбору въ присяжные засѣдатели, можетъ ли оно быть удостоено столь высокаго довѣрія общества, и на сколько вообще выбираемыя лица, по своимъ индивидуальнымъ способностямъ, будутъ въ состояніи выполнить съ успѣхомъ и вполне добросовѣстно весьма важную и высокую задачу судьи.

При такомъ порядкѣ составленія общихъ и очередныхъ списковъ присяжныхъ засѣдателей, первыми обуславливается, такъ сказать, внѣшная формальная правильность, первоначальнаго составленія вообще всего контингента лицъ, изъ которыхъ долженъ быть произведенъ выборъ въ присяжные, а дѣйствіями и выборами комиссій, по составленію очередныхъ списковъ присяжныхъ, гарантируется исключительно нравственная сторона дѣла, устраняющая возможность, появленія въ ихъ средѣ, элементовъ сколько нибудь ненадежныхъ, неодобрительныхъ или предосудительныхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что если бы этотъ порядокъ, въ составленіи общихъ и очередныхъ списковъ присяжныхъ, соблюдался бы на практикѣ, съ должнымъ вниманіемъ членовъ комиссій, съ искреннимъ сознаніемъ ими тѣхъ важныхъ обязанностей, которыя на нихъ возлагаются закономъ, то масса нареканій, обращаемыхъ теперь къ нашему институту присяжныхъ, не могла бы имѣть мѣста, такъ какъ выборъ присяжныхъ, удовлетворяя бы всегда, въ этомъ отношеніи самымъ строгимъ требованіямъ.

Между тѣмъ на дѣлѣ мы видимъ иное.

Разумныя указанія и требованія закона, относительно строгой оцѣнки всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ предполагается внести въ очередные списки, въ большинствѣ случаевъ исполняются чисто формально, безъ того живаго и сочувственнаго отношенія къ дѣлу, которое одно только и можетъ дать выбору присяжныхъ правильную постановку и обезпечить ему должный успѣхъ, зависящій исключительно отъ наиболѣе удачнаго подбора людей.

А между тѣмъ, наши комиссіи, осуществляющія на дѣлѣ этотъ подборъ, относятся къ нему крайне апатично и равнодушно, и нерѣдко у насъ можно встрѣтить такіе случаи, что этою выборкою «судей совѣсти» занимаются по своему усмотрѣнію и личнымъ взглядамъ и хотѣніямъ своимъ, какіе-нибудь управскіе писаря или чиновники предводительскихъ канцелярій.

Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить того грустнаго явленія, что неудовлетворительность и небрежность въ нашихъ спискахъ присяжныхъ доходить иногда до крайнихъ предѣловъ, такъ, напримѣръ, въ нихъ включаются лица заведомо недостойныя, давно уже умершія, перешедшія съ одного мѣстожителства изъ одного округа въ другой, потерявшія по закону право быть избираемыми въ присяжные засѣдатели, или наконецъ и неизбѣжныя совѣтъ на это права, по разнымъ положительнымъ причинамъ, какъ то опороченныя по суду и т. д.

Наконецъ, какъ на крайній образецъ неряшливости, съ которою нѣкоторыя изъ комиссій относятся къ составленію списковъ присяжныхъ, можно указать на то, что въ одномъ изъ такихъ списковъ, гдѣ то въ провинціи, ужъ неизвѣстно по какимъ соображеніямъ и на какомъ основаніи, оказалась включенною какая-то деревенская Акулина.

Впрочемъ, провинція собственно тутъ ни при чемъ, и мы можемъ указать на другой достовѣрный фактъ, когда въ одномъ изъ столичныхъ окружныхъ судовъ, въ публичномъ своемъ засѣданіи, судъ произвождаетъ баллотировку 30 присяжныхъ засѣдателей изъ очереднаго списка для предстоящей сессіи, наткнулся вдругъ совершенно неожиданно на записанную въ списокъ купчиху, и къ крайнему своему конфузу, провозгласилъ публично, присяжнымъ, эту ни въ чемъ неповинную Матрену Ивановну.

Это ли не доказательства внимательнаго и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу.

Неудовлетворительность составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей, влечетъ за собою въ практическомъ отношеніи, весьма многія неблагопріятныя послѣдствія, отражающіяся какъ на самомъ отправленіи правосудія, такъ равно и на значительномъ иногда замедленіи въ производствѣ и теченіи уголовныхъ дѣлъ.

Подтвердимъ наши слова цѣлымъ рядомъ фактовъ, взятыхъ прямо изъ дѣйствительной жизни.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1879 года, въ одномъ изъ городовъ Пензенской губерніи, было назначено къ слушанію дѣло о подсудимомъ купцѣ, обвинявшемся въ подлогѣ. Весь составъ очередныхъ и запасныхъ присяжныхъ засѣ-

датель той сессіи, въ которую разбиралось это дѣло, состоялъ изъ неграмотныхъ мѣщанъ и крестьянъ, за исключеніемъ двухъ только человекъ грамотныхъ, которые по этому дѣлу были отведены прокуроромъ. Такимъ образомъ, для образованія присутствія присяжныхъ, предстояло сдѣлать выборъ исключительно изъ неграмотныхъ лицъ, что представлялось въ данномъ дѣлѣ рѣшительно невозможнымъ, такъ какъ разрѣшенію присяжныхъ предстояло дѣло о такомъ преступленіи отвлеченнаго характера, правильное уразумѣніе котораго, могло быть доступно только людямъ болѣе или менѣе грамотнымъ. Къ тому же при неграмотности всего наличнаго состава, нельзя было выполнить требованіе закона о томъ, чтобы старшина присутствія былъ грамотный. На этомъ основаніи по ходатайству защиты, дѣло было отложено слушаніемъ и перенесено для разрѣшенія въ губернской городъ.

Несомнѣнно, что такой порядокъ нельзя назвать нормальнымъ; могло случиться, что одинъ изъ присяжныхъ въ этомъ составѣ былъ грамотный, тогда дѣло слушалось бы присутствіемъ такихъ присяжныхъ, которые по своему умственному складу, не въ состояніи были бы даже понять, не только малѣйшіе, иногда едва уловимые и для болѣе развитыхъ людей, оттѣнки такого отвлеченнаго преступленія, какъ подлогъ, но даже и самое его значеніе, въ смыслѣ дѣянія, воспрещаемаго закономъ и наказуемаго.

Въ нашихъ окружныхъ судахъ, весьма нерѣдки случаи, что послѣ обвинительныхъ приговоровъ присяжныхъ, судъ постановляетъ единогласныя опредѣленія, объ отмѣнѣ такихъ приговоровъ и о передачѣ дѣлъ на разсмотрѣніе другихъ составовъ присяжныхъ на томъ основаніи, что обвинительнымъ приговоромъ даннаго состава осужденъ невинный.

По замѣчаніямъ весьма многихъ лицъ судебного вѣдомства, такіе случаи въ большинствѣ бывають тогда, когда малограмотному или недостаточно развитому составу присяжныхъ, приходится разрѣшать дѣло, не вполне доступное ихъ пониманію, такое дѣло, которое въ своихъ внѣшнихъ признакахъ, не представляетъ достаточно объективности, и вслѣдствіе того не можетъ быть легко усвоено людьми неграмотными.

А между тѣмъ казалось бы, что комиссіи составляющія очередные списки присяжныхъ, имѣя въ своемъ распоряженіи весьма значительное число лицъ внесенныхъ въ общіе списки, при болѣе живомъ и сочувственномъ отношеніи къ дѣлу, не лишены возможности выбрать наивозможно большее число грамотныхъ и образованныхъ лицъ, настолько по крайней мѣрѣ, пропорціональное, чтобы два человека на тридцать четыре, не составляли бы наибольшей цифры грамотнаго элемента, въ цѣломъ спискѣ очередныхъ и запасныхъ присяжныхъ засѣдателей.

Въ одной изъ газетъ послѣдняго періода времени, относительно порядка составленія очередныхъ списковъ присяжныхъ, читаемъ мы слѣдующее: «съ сожалѣнію приходится сказать, что на практикѣ, списки присяжныхъ засѣдателей составляются большинствомъ комиссій не удовлетворительно, такъ напр., въ первый годъ введенія суда присяжныхъ въ Тихвинскомъ уѣздѣ,

Новгородской губернии, не смотря на большое сочувствіе общества къ этому суду, очередные списки присяжныхъ, составлены были не по выбору, а въ алфавитномъ порядкѣ; очевидно при такомъ способѣ выборовъ присяжныхъ, не могло быть принято во вниманіе соотношеніе между лицами различныхъ сословій и разнообразнаго развитія и дѣйствительно, однажды въ Тихвинскомъ уѣздѣ, въ числѣ присяжныхъ засѣдателей, не оказалось совсѣмъ грамотныхъ, тогда какъ въ этомъ уѣздѣ, грамотность вообще достаточно распространена».

«Въ другихъ уѣздахъ случалось, что списки присяжныхъ составлялъ писмоводитель предворителя дворянства, безъ особаго контроля комиссіи, а потому желающіе могли легко отклоняться отъ исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя».

«Въ Днѣпровскомъ уѣздѣ случилось также, что въ числѣ присяжныхъ не было грамотныхъ, и присяжными засѣдателями исключительно являлись крестьяне; нерѣдко замѣчались уклоненія зажиточныхъ лицъ отъ исполненія обязанностей присяжныхъ засѣдателей; изъ нихъ на сессію являлось два—три человека, а нѣкоторые присылали свидѣтельства о болѣзни. Вслѣдствіе этого приходилось иногда откладывать рѣшеніе дѣлъ, то по недостаточному числу присяжныхъ засѣдателей, то по неграмотности ихъ».

Если очередные списки присяжныхъ составлялись по алфавиту, а въ другомъ случаѣ, выборку присяжныхъ изъ общаго списка, дѣлалъ вмѣсто комиссіи, предводительскій писмоводитель, то какимъ же образомъ можно въ такихъ случаяхъ требовать, чтобы лица, избранныя и попавшія въ списки присяжныхъ, удовлетворяли бы вполне тѣмъ нравственнымъ качествамъ и личнымъ достоинствамъ, которыя законъ требуетъ отъ присяжныхъ засѣдателей.

Причемъ же въ такомъ случаѣ, неудовлетворительность закона о порядкѣ избранія присяжныхъ и составленія очередныхъ списковъ ихъ? Ясно, что въ подобныхъ случаяхъ, отвѣтственность за неудовлетворительность состава присяжныхъ, должна падать не на законъ, а на тѣхъ членовъ комиссіи, которые, не взирая на всю важность своихъ обязанностей, считаютъ ихъ для себя излишнимъ бременемъ, и предоставляютъ эту отвѣтственную работу свою и нравственную оцѣнку персонала судей общественной совѣсти, разнаго рода писарямъ и писмоводителямъ.

Подобный способъ оцѣнки гражданской личности присяжныхъ, представляется для многихъ лицъ, тѣмъ еще непріятнѣе и оскорбительнѣе, что законъ не предоставляетъ никому права жаловаться, на неудоcтоеніе его къ выбору въ присяжные засѣдатели, очевидно давая полную вѣру тѣмъ мотивамъ выборныхъ членовъ комиссіи, которые, устраняя кого либо изъ списковъ, тѣмъ самымъ выказываютъ недовѣріе, къ его нравственнымъ качествамъ.

Мы смѣло можемъ сказать, что столь упрощенный способъ оцѣнки присяжныхъ засѣдателей, чрезъ разныхъ писарей и писмоводителей, практи-

куется во многихъ нашихъ уѣздахъ, и этимъ отчасти объясняется, что люди интеллигентные, весьма рѣдко попадаютъ въ очередные списки.

Достаточно заявить имъ какому нибудь писарю, о своемъ нежеланіи быть избраннымъ, или попросить о томъ, того или другаго письмоводителя и вопросъ разрѣшается быстро и удовлетворительно, съ пользою даже не для одной, а для обѣихъ сторонъ.

А провинція наша въ этомъ отношеніи, еще слишкомъ патриархальна; такія взаимныя услуги дѣлаются у ней очень просто, кого нужно исключить, кого не нужно и не слѣдовало бы, того включать въ списокъ, кому нужно припишутъ тупость на ухо, или просто глухоту, и съ отмыннымъ удовольствіемъ удостовѣрятъ это даже документально, надлежащимъ докторскимъ свидѣтельствомъ.

Никакой законъ, какія бы не представлялъ онъ собою совершенства не принесетъ для дѣла желаемой пользы, если исполнители его будутъ имѣть въ виду, не добросовѣстное примѣненіе его къ жизни, а чисто формальное безучастное.

А со стороны формальности, наши несобирающіяся никогда комиссіи, оказываются по журналу всегда собиравшимися, трактовавшими, разбиравшими и разсуждавшими.

Такой порядокъ у насъ, впрочемъ, не новый, минувшія наши поколѣнія жили и руководствовались имъ безмятежно, такъ же безмятежно вносимъ его и мы, въ нашу общественную жизнь, въ исполненіе нашего гражданскаго долга.

Но въ дѣятельности нашихъ комиссій, можно наблюдать иногда и нѣсколько иныя явленія. Такъ напримѣръ, входя въ оцѣнку причинъ, по которымъ тѣ или другія лица, бывають исключаемы комиссіями изъ списковъ присяжныхъ, приходится наталкиваться на то неприглядное явленіе, что безконтрольность права предоставленнаго членамъ комиссій, относительно выбора въ присяжные однихъ и устраненія изъ числа ихъ другихъ, мотивируется весьма часто не тѣми основаніями, которыя имѣлъ въ виду законъ, а другими, не имѣющими никакого соотношенія къ вопросу о нравственныхъ качествахъ присяжныхъ.

Одинъ изъ евреевъ, постоянный осѣдлый житель нашего южнаго побережья, пишетъ намъ слѣдующее:

«Въ то время, когда единовѣрцы наши, во всемъ южномъ краѣ наравнѣ со всѣми вѣроисповѣданіями, несутъ по выбору общества почетныя обязанности присяжныхъ засѣдателей, мы, по милости нашей земской комиссіи и по ея личному усмотрѣнію, лишены этого права. Нашъ уѣздъ единственный въ губерніи, гдѣ со времени введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, евреи не имѣють своего представительства въ судѣ присяжныхъ. И чѣмъ мы провинились передъ другими?

Во всѣхъ сосѣднихъ намъ уѣздахъ, евреи присяжные также добросовѣстно исполняли и исполняютъ свой долгъ, какъ и присяжные христіанскихъ

вѣроисповѣданій; ни разу за все время существованія суда присяжныхъ, евреи присяжные въ нашей губерніи, ни отъ общества, ни со стороны своихъ сотоварищей другихъ присяжныхъ, не подвергались нареканіямъ за какіе либо неблаговидные поступки, дѣйствія, сужденія и проявленія мысли, а между тѣмъ въ нашемъ уѣздѣ, евреи въ число присяжныхъ никогда не избираются.

Если бы такимъ неудоволеніемъ въ почетные выборы представителей общественной совѣсти, мы были по какимъ-нибудь основаніямъ, отмѣчены самимъ обществомъ, то конечно противу этого нечего было бы и возражать, но обидно для насъ, евреевъ, то, что это крайнее пренебреженіе ко всѣмъ намъ, является послѣдствіемъ личнаго нерасположенія членовъ комиссіи, которые въ каждомъ еврей, видятъ непремѣнно мошенника и не допускаютъ въ немъ способности, понимать и сознавать задачи нравственнаго служенія обществу.

Что между евреями есть мошенники, объ этомъ спору нѣтъ, но вѣдь и другія вѣроисповѣданія отъ нихъ не застрахованы; почему же мы евреи виноваты только въ томъ, что мы не христіане? Конечно, еще менѣе того, должны мы быть признаны виноватыми въ томъ, что у почтенныхъ членовъ нашей комиссіи, сложилось столь странное и ничѣмъ не оправдываемое мнѣніе, обо всей нашей еврейской многочисленной колоніи».

Само собой нельзя не согласиться съ совершенно основательными разсужденіями, корреспондента-еврея относительно столь несправедливыхъ поступковъ, противу его единовѣрцевъ членовъ комиссіи, по составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей.

Еще примѣръ въ такомъ же родѣ.

Землевладѣлецъ, французъ по рожденію но русскій подданный, жаловался губернатору на членовъ комиссіи, что они его не включили въ списокъ присяжныхъ на томъ только основаніи, что онъ французъ, а французы будто бы всѣ вообще народъ легкомысленный.

Оскорбленный французъ весьма умно и справедливо замѣтилъ въ своей жалобѣ, что обвиненіе французской націи въ легкомысліи, по отношенію къ дѣятельности института присяжныхъ, не выдерживаетъ ни какой критики, такъ какъ этотъ институтъ уже давнымъ давно дѣйствуетъ съ успѣхомъ во Франціи, и что французскіе присяжные, не безъ гордости могутъ преподать собою добрый примѣръ въ дѣятельности своей, болѣе молодымъ собратіямъ своимъ русскимъ присяжнымъ.

Намъ не доводилось слышать, чтобы какія либо другія національности въ Россіи, подвергались бы столь своеобразной критикѣ въ легкомысліи, но за то комиссіи наши крайними своими взглядами, весьма часто забраковывали по совершенно побочнымъ причинамъ, многихъ сочленовъ кореннаго русскаго общества.

Такъ напримѣръ въ одной комиссіи, члены, отличающіеся должно быть вообще строго религіознымъ направлеціемъ, не допускаютъ въ ряды присяж-

ныхъ засѣдателей, старообрядцевъ и раскольниковъ; другіе изъ не менѣе странныхъ убѣжденій, исключаютъ изъ среды присяжныхъ рабачиковъ и виноторговцевъ на томъ основаніи, что имъ не можетъ быть дано никакой вѣры, потому что они сплавляютъ народъ, что въ нихъ весь корень зла и что профессіей своей они главнымъ образомъ и плодятъ преступленія.

Наконецъ, не только члены комиссій, но даже многіе изъ коронныхъ судей, считаютъ необходимымъ исключать изъ списковъ присяжныхъ, вообще учителей, на томъ основаніи, что по замѣчаніямъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, представители педагогическаго сословія, обладаютъ чрезмѣрною способностію отвѣченно философствовать, своеобразно мудрствовать, и тѣмъ вносятъ въ дѣло суда, ненормальный элементъ своего исключительнаго вліянія на составъ присутствія присяжныхъ.

Въ нѣкоторыхъ единичныхъ случаяхъ, такіа замѣчанія можетъ быть и имѣютъ свою долю основанія, но едвали было бы справедливо, придавать имъ распространительное значеніе, и на основаніи нѣсколькихъ подобныхъ примѣровъ, признавать непригодною къ дѣятельности присяжныхъ, цѣлую коллегію педагоговъ.

Относительно неправильно составляемыхъ списковъ присяжныхъ засѣдателей, и какъ послѣдствіе этого, исключеніе изъ нихъ судомъ однихъ, и неявка по вызову суда въ засѣданія другихъ, мы имѣемъ изъ судебной практики нѣкоторыхъ окружныхъ судовъ, довольно интересный статистическій матеріалъ. Приводимъ его для большей ясности въ цифрахъ.

Въ семи окружныхъ судахъ, въ общей сложности, за девятнадцать годовыхъ періодовъ, исключено было судами изъ списковъ присяжныхъ, 842 человекъ присяжныхъ засѣдателей, которые, въ силу положительныхъ указаній закона, не могли быть совсѣмъ включены въ списки, какъ престарѣлые, недостигшіе 25 лѣтнаго возраста, опороченные по суду, глухіе, разслабленные, иностранцы не состоящіе въ русскомъ подданствѣ, незнающіе русскаго языка, утратившіе свой матеріальный цензъ и занимающіе такіа должности, которыя несовмѣстимы съ обязанностями присяжныхъ.

Въ тѣхъ же судахъ и за тотъ же періодъ времени обнаружено было внесеніе въ списки присяжныхъ 132-хъ человекъ такихъ, которые въ теченіи пяти послѣднихъ истекшихъ лѣтъ, не могли уже принять повѣстога о призывѣ ихъ къ слѣдствію, въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей и явиться въ судъ, за переселеніемъ ихъ, въ тотъ лучший міръ, гдѣ нѣтъ ни судовъ, ни присяжныхъ, и гдѣ повѣстки уже не принимаются. Спрашивается, какова же была въ дѣйствительности провѣрка комиссіями общихъ списковъ присяжныхъ, и составленіе изъ нихъ списковъ очередныхъ и запасныхъ, когда такая масса неподлежащихъ лицъ, была внесена ими въ эти списки и когда въ числѣ провѣренныхъ наличныхъ живыхъ сочленовъ своихъ, показаны были ими такіе, которые по пяти лѣтъ уже покоились сномъ праведныхъ.

Одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей пишетъ намъ:

«Я долженъ вамъ сказать о нашихъ комиссіяхъ по составленію списковъ присяжныхъ слѣдующее: въ началѣ открытія у насъ окружныхъ судовъ, когда всѣ наши общественные дѣятели, подъ вѣяніемъ этой реформы встретились жаждою неудержимой дѣятельности, тогда и комиссіи наши работали исправно.

Относительно выбора присяжныхъ, въ нашей земской управѣ происходили сущіе парламентскіе дебаты, стремленія выслѣдить до тонкости нравственныя правила человѣка, доходили у насъ до того, что въ двухъ трехъ случаяхъ, окончились личными столкновеніями между членами комиссіи и забракованными ими лицами. Ну, и дѣйствительно, присяжные нашихъ первыхъ лѣтъ, это были люди на подборъ, интеллигенція наша стремилась сама въ ряды присяжныхъ, всѣ лучшія силы уѣзда помогали этой чести, были конечно въ числѣ ихъ и купцы и крестьяне и мѣщане, но вмѣстѣ съ тѣмъ это были все люди грамотные, развитые, пустить неграмотнаго въ присяжные считалось рѣшительно невозможнымъ.

Такъ прошло у насъ года два, три, новизна судейской дѣятельности мало-по-малу стала наконецъ терять свою прелесть, усердіе присяжныхъ и членовъ комиссіи къ дѣлу суда, стало тоже ослабѣвать, ряды людей образованныхъ и развитыхъ въ числѣ нашихъ присяжныхъ начали рѣдѣть, и вотъ теперь черезъ десять истекшихъ лѣтъ спросите, кто у насъ сидятъ въ присяжныхъ?—одни неизмѣнно вѣрные крестьяне, да и то почти все безграмотные.

Что тому за причина? спросите вы.

Да какъ вамъ сказать, всеобщая апатія къ дѣлу суда, которая насъ одолеваетъ, ну и потомъ поощренія нѣтъ, а напротивъ изъятъ для кармана.

Требованія отъ присяжныхъ большія, жертвуютъ они многимъ, а почета имъ противу прежняго нѣтъ.

Прежде каждый за гордость считалъ попасть въ присяжные, а теперь всякій избѣгаетъ этого почета».

Вотъ какія картины рисуетъ намъ наша провинція.

Конечно, приводимыя этимъ присяжнымъ засѣдателемъ причины равнодушія присяжныхъ къ дѣлу суда, имѣютъ общее значеніе, но нельзя относиться къ нимъ безъ порицанія уже потому, что интересы правосудія не могутъ стоять въ зависимости отъ того, что на званіе присяжныхъ засѣдателей прошла уже мода, и что комиссіи по составленію списковъ присяжныхъ, стали относиться къ своимъ обязанностямъ уже черезъ чуръ халатно.

Въ самомъ дѣлѣ, у насъ дошло до того, что въ списки присяжныхъ засѣдателей, кромѣ покойныхъ, увѣчныхъ и неспособныхъ, стали прямо попадать уже умалишенные.

Интересный этотъ фактъ, случившійся въ одномъ изъ окружныхъ судовъ, обязательно сообщенъ былъ намъ присяжнымъ засѣдателемъ того самаго состава, въ который попалъ и этотъ интересный субъектъ большаго разума.

Вотъ что пишетъ намъ объ этомъ случаѣ, сотоварищъ «тронувшагося».

«Сегодня на судѣ у насъ случился курьезъ.

Одинъ изъ очередныхъ присяжныхъ, впервые явившійся въ судъ, обратился къ предсѣдателю съ просьбой, объ освобожденіи его отъ этой обязанности, причѣмъ подаль ему какую-то бумагу.

Предсѣдатель просмотрѣлъ ее, пришелъ въ очевидное недоумѣніе и попросилъ этого присяжнаго, объясниться относительно своего заявленія на словахъ.

Тогда послѣдній заявилъ, что онъ желаетъ быть освобожденнымъ отъ обязанности присяжнаго потому, что по совѣсти не считаетъ преступленія за такіе поступки, которые должны быть наказуемы. «Между тѣмъ — говорилъ онъ, я долженъ присягать, подать свой голосъ сообразно своей совѣсти не осуждая невиннаго и не оправдывая виноватаго, подвергая себя въ противномъ случаѣ отвѣту передъ Богомъ и его страшнымъ судомъ». Вторая часть этой влятвы, страшить его, ибо благодаря его голосу, можетъ случиться, что при раздѣленіи голосовъ поровну, подсудимый будетъ оправданъ.

Онъ считаетъ свое положеніе безвыходнымъ, и эти затрудненія совѣсти вліяютъ на него болѣзненно, кромѣ того, онъ не знаетъ законовъ, а это не даетъ ему возможности рѣшить дѣло вѣрно. «Да не подумаютъ, закончилъ онъ, что я хочу утечь отъ обязанностей присяжнаго, наоборотъ, я считаю ихъ священными».

По словамъ присяжнаго засѣдателя, сообщившаго намъ этотъ фактъ, всѣ остальные присяжные, были просто поражены такимъ заявленіемъ своего сотоварища, они сочли его единогласно, если не за формальнаго сумасшедшаго, то за весьма близкаго къ тому кандидата, и тѣмъ еще болѣе, что его нервныя движенія, рѣзкость манеръ и эксцентричность рѣчи, подтверждали вполне это, болѣе чѣмъ вѣроятное, предположеніе.

Судъ освободилъ его отъ участія въ засѣданіяхъ «по болѣзни» и такимъ образомъ склонился къ тому же о немъ мнѣнію, которое составили себѣ объ немъ всѣ другіе его товарищи присяжные.

Фактъ этотъ въ своемъ родѣ единственный и заслуживающій вниманія.

Укажемъ еще на нѣкоторые провинціальныя курьезы.

Нѣкто земскій дѣятель сообщаетъ намъ, что въ уѣздѣ ихъ существуетъ совершенно особый способъ составленія списковъ присяжныхъ, а именно, путемъ пополненія этихъ списковъ присяжными—добровольцами, которые сами заявляютъ желаніе, послужить обществу въ званіи присяжныхъ.

Въ такихъ просьбахъ отказа почти никогда не бываетъ, если только добровольцы эти со стороны внѣшнихъ условій закона, могутъ быть присяжными засѣдателями, но за то никакой нравственной оцѣнки личностей ихъ уже никто не дѣлаетъ, изъ того будто бы основательнаго соображенія, что можно ли считать дурнымъ, того человѣка, который самъ собою, безъ всякаго принужденія «начальства», отдаетъ себя добровольно на безвозмездное служеніе обществу, и притомъ въ такой тяжелой обязанности, каковою слѣдуетъ считать обязанность присяжнаго засѣдателя.

Съ такими взглядами трудно однако же согласиться, потому что иногда мотивы «добровольнаго» служенія обществу, могутъ быть крайне неблаго-видны, какъ это въ одномъ дѣлѣ и обнаружилось со всею положительностію.

Дѣло въ томъ, что одинъ подобный доброволецъ, съ двумя своими товарищами, домогался усиленно возможности, попасть въ списки присяжныхъ на предстоящую уѣздную сессию для того, чтобы съ своими двумя помощниками, стать въ положеніе «властнаго» судьи, относительно одного личного врага своего, попавшаго на скамью подсудимыхъ.

Конечно, затаенная сторона этого добровольческаго подвига, никому не была извѣстна; присяжный этотъ проложилъ себѣ дорогу во всѣхъ инстанціяхъ по составленію списковъ присяжныхъ и явился уже на судъ вмѣстѣ съ своими товарищами, оставаясь въ полной неизвѣстности того, что подсудимый можетъ его отвести.

А это несомнѣнно такъ и случилось, и добровольческое «тріо» потерпѣло полную неудачу въ своемъ безкорыстномъ стремленіи, сослужить обществу даровую службу и вмѣстѣ съ тѣмъ провести дѣло своей личной отмѣтки.

Что существующій порядокъ составленія общихъ и очередныхъ списковъ присяжныхъ засѣдателей, не заключаетъ въ себѣ никакихъ крупныхъ недостатковъ и при добросовѣстномъ его выполненіи, будетъ всегда удовлетворять своему назначенію, это доказываетъ намъ одинъ «деревенскій житель».

«За послѣднее время, пишетъ онъ намъ, контингентъ присяжныхъ въ нашемъ уѣздѣ съ каждымъ годомъ все сокращается, и наконецъ дошло до того, что у насъ не могли набрать 250 человекъ, десятка два не хватило, привыкли мы жить съ недоимкой во всемя, ну дожились до того, что въ присяжныхъ у насъ тоже вышла недоимка. Право, какъ посмотришь на наше земство, просто смѣхъ горькій иногда беретъ. Придетъ осень, и начинаютъ они залавливать въ присяжные, кого ни попаде. Придешь въ управу, а что, говорятъ, не знаете ли, кого бы еще въ списочекъ включить? нехватка есть, а нужно пополнить; точно будто и въ самомъ дѣлѣ у насъ въ уѣздѣ народа нѣтъ, точно изъ 80 тысячнаго населенія уѣзда, нельзя набрать въ присяжные засѣдатели 250 человекъ добропорядочныхъ гражданъ; точно мы всея народъ не подходящий, и нѣтъ между нами порядочнаго достойнаго люда; право, даже обидно, а отчего это?»

Отъ халатности нашей: во первыхъ лѣнь заняться своимъ дѣломъ, какъ слѣдуетъ, а во вторыхъ отъ разнаго кумовства и злоупотребленій. Народу способнаго, дѣльнаго, образованнаго у насъ много, одного развитаго элемента, съ которымъ не грѣхъ выступить бы и въ столицѣ, можно набрать у насъ на три полныхъ комплекта очередныхъ присяжныхъ, а кто у насъ постоянно представляетъ въ спискахъ присяжныхъ, посмотрите-ка, одни крестьяне, да кое кто изъ мѣщанъ и чиновниковъ мелкой руки; сколько разъ дѣла у насъ откладывались судомъ, невозможно подобрать грамотнаго состава.

Гдѣ же, спросите вы, всея наши грамотные да образованные люди?

Они, видите, свободу любятъ, не прочь высокія мѣста занимать, которые

щедро оплачиваются, а въ присяжные не идутъ, не по привычкѣ и тяжела имъ эта работа; ну а избавиться отъ нея легко, чуть что опасность угрожаетъ, сейчасъ въ управу—нельзя ли? и освобождаютъ, потому управскіе у насъ народъ любезный, образованному человѣку въ такой уважительной просьбѣ никогда не откажутъ. Отъ этого у насъ присяжные, что ни есть хуже. А вотъ прошлое трехлѣтіе председатель комиссіи у насъ былъ (онъ же и председатель управы), тотъ этого кумовства не любилъ, а прямо по долгу службы, что ни есть лучшаго въ уѣздѣ, всѣхъ въ присяжные включалъ; куда какъ сердились на него за это, а онъ свое дѣло дѣлалъ, и что же? въ то трехлѣтіе мы нашими присяжными славу себѣ сдѣлали на всю губернію, и дѣйствительно, было чѣмъ погордиться, ни одного неграмотнаго, дворяне наши всѣ перебивали, всѣ исполнили свой долгъ и хорошо... а теперь... стыдно намъ.

А въдь порядокъ то избранія остался тотъ же, — такъ заканчиваетъ нашъ корреспондентъ деревенскій житель свое письмо, значить, вина тутъ въ чемъ, не въ порядкѣ, а знаете... въ исполнителяхъ... лихіе супостаты...

И ужъ, доподлинно супостаты, того то нашего достойнаго председателя управы, за то что онъ кумовства не поддерживалъ, да всѣхъ заставлялъ служить въ присяжныхъ, на первыхъ же выборахъ зачернили... не нужно де намъ такихъ, а выбрали своего...

Ну и выбрали ужъ дѣйствительно... подходящаго».

Стремленія отдѣлываться отъ обязанностей присяжныхъ, присущи не одной только провинціи, они въ равной степени, если еще и не въ большей практикуются и въ столицахъ.

Въ этомъ отношеніи мы укажемъ на весьма характеристичный эпизодъ, описываемый г. Никитинымъ въ его «Общественныхъ и законодательныхъ погрѣшностяхъ».

Г. Никитинъ описываетъ какимъ образомъ, желая попасть въ списки присяжныхъ, онъ долго не могъ этого дожидаться и наконецъ явился въ городскую думу самъ, для того, чтобы предъявить о томъ свое ходатайство.

«Увлекаемые любознательностію, пишетъ г. Никитинъ, мы въ концѣ 1870 г. отправились однажды въ С.-Петербургскую городскую думу, и съ цѣлію заявить свою просьбу, розыскали тамъ чиновника, который занимается составленіемъ списковъ присяжныхъ засѣдателей. Но едва приблизились мы къ нему, онъ мгновенно вскочилъ съ своего мѣста и намѣревался удалиться отъ насъ. Мы его остановили».

— Вы въдь пришли отпрашиваться отъ засѣдательства, да? Не могу, никакъ не могу, лучше отстаньте, скороговоркою говорилъ онъ.

— Ошибаетесь, напрашиваться явился я.

— Такъ извините, я былъ увѣренъ, что именно отпрашиваться, и потому хотѣлъ уже, откровенно скажу, уйти отъ васъ, преходу вѣрите ли не даютъ; всѣ отказываются, никто не хочетъ въ засѣдатели, а въдь комунибудь да надобно же идти? Ну, поневолѣ и лавируешь, и бѣгаешь отъ всѣхъ чтобы только отвязаться.

— Неужели-же вамъ не приходилось видѣть такихъ людей, которые желаютъ участвовать въ отправленіи правосудія.

— Случалось-то, правда, случалось, но чрезвычайно рѣдко? Да это и понятно: кому охота отрываться отъ собственныхъ, ради чужихъ дѣлъ, да таскаться, проводить въ судѣ дни, а нерѣдко и ночи.

Нужно замѣтить при этомъ, что разсказъ г. Никитина относится къ 1870 году, т. е. къ тому періоду времени, когда дѣятельность суда присяжныхъ, по своему недавнему возникновенію, не могла еще успѣть наскучить обществу, а между тѣмъ, если вѣрить думскому чиновнику, повальные попытки освободиться отъ званія присяжныхъ засѣдателей, существовали уже и въ то время. И это въ столицѣ, гдѣ одинъ умственный уровень массы присяжныхъ, долженъ былъ внушать имъ болѣе сочувственное отношеніе къ дѣятельности новаго суда, гдѣ наконецъ сознаніе служенія общественнымъ интересамъ, должно было выражаться въ болѣе усердномъ отношеніи къ дѣлу!

Что же сказать относительно нашихъ провинцій, гдѣ мало развитая въ большинствѣ случаевъ, масса, живетъ исключительно только своими интересами, гдѣ большинство гражданъ, далеко не доразвилось еще до степени пониманія своихъ нравственныхъ обязанностей, по отношенію къ обществу.

Но мы поступили бы крайне односторонне, если бы рѣшились доказывать, что неудовлетворительный составъ нашихъ присяжныхъ, въ смыслѣ отсутствія въ немъ образованныхъ людей, слѣдуетъ приписывать исключительно невниманію, или небрежности комиссій составляющихъ списки присяжныхъ.

Нельзя отвергать того, что во многихъ случаяхъ, очередные списки составляются комиссіями весьма добросовѣстно, съ должнымъ вниманіемъ и значительнымъ преобладаніемъ въ нихъ образованныхъ людей. Затѣмъ, присутствіе на сессіяхъ, въ числѣ присяжныхъ засѣдателей, преимущественнаго числа простолюдиновъ, должно быть отнесено въ нѣкоторыхъ случаяхъ, прямо къ винѣ коронныхъ судей, допускающихъ болѣе или менѣе крупныя неправильности, при вынутіи жеребьевъ присяжныхъ на каждую отдѣльную сессію.

Чтобы уяснить себѣ эти неправильности болѣе нагляднымъ образомъ, слѣдуетъ обратиться къ тому порядку, который указанъ закономъ, для составленія коронными судьями, списковъ очередныхъ и запасныхъ присяжныхъ засѣдателей на каждую отдѣльную сессію.

Порядокъ этотъ заключается въ томъ, что судъ при открытыхъ дверяхъ присутствія, вынимаетъ изъ очередныхъ списковъ присяжныхъ, тридцать билетовъ съ именами присяжныхъ засѣдателей въ общій списокъ и шесть въ запасный, причемъ суду не предоставляется права выбирать присяжныхъ засѣдателей по своему усмотрѣнію, такъ какъ билеты съ именами присяжныхъ кладутся въ жеребьевую урну.

Такой способъ составленія списковъ присяжныхъ, на каждую отдѣльную сессію, избираемыхъ по вынимаемому жеребью, и притомъ подѣ гласнымъ контролемъ публики, которая можетъ присутствовать при этомъ тиражѣ,

казалось бы устранять всякую возможность, какого-либо подбора присяжных заседателей, по усмотрѣнію самихъ членовъ суда.

Между тѣмъ на дѣлѣ и на практикѣ, происходитъ иногда нѣчто совершенно иное.

Начать съ того, что многіе суды игнорируютъ упомянутый выше способъ вынутія жеребьевъ присяжныхъ по именамъ, а дѣлаютъ это нѣсколько иначе, а именно: на билетахъ, опускаемыхъ въ урну, пишутъ не фамиліи всѣхъ присяжныхъ заседателей, а номера ихъ по дѣйствительному числу всѣхъ очередныхъ присяжныхъ; затѣмъ вынимаютъ и провозглашаютъ не фамиліи присяжныхъ, а номера вынутыхъ билетовъ, по которымъ секретари и составляютъ уже списки присяжныхъ. При этомъ билеты съ номерами или именами присяжныхъ заседателей, нерѣдко не кладутся въ урну, а раскладываются на судейскомъ столѣ, и изъ нихъ судъ выбираетъ присяжныхъ по своему усмотрѣнію.

Вынутіе билетовъ не съ именами присяжныхъ, а съ номерами, подъ которыми они записаны въ очередномъ списокѣ, представляетъ то существенное нарушеніе закона, что допускаетъ возможность подмѣна присяжныхъ, такъ какъ публика не слышитъ фамилій избранныхъ, и слѣдовательно, не можетъ знать, кто именно изъ нихъ попалъ въ жребій и кто нѣтъ. Кроме того гласный контроль открытыхъ дверей, никакого значенія при этомъ, почти никогда не имѣетъ, потому что такая выборка присяжныхъ, производится обыкновенно при отсутствіи публики, этимъ не интересующейся, а въ провинціальныхъ окружныхъ судахъ, эти дѣйствія нерѣдко совершаются келейнымъ порядкомъ или въ комнатѣ совѣщаній, или въ кабинетѣ предсѣдательствующаго, причемъ о какомъ-либо общественномъ контролѣ, конечно, и говорить нечего.

Такимъ образомъ, вопросъ о выборѣ присяжныхъ заседателей по жребію сводится нерѣдко къ вопросу о подборѣ судомъ списка присяжныхъ, и въ этомъ отношеніи, въ судебной нашей практикѣ былъ случай, когда одно лице, заинтересованное личнымъ участіемъ въ дѣлѣ, въ публичной обстановкѣ судебного засѣданія, прямо заявило суду о томъ, что составъ присяжныхъ для предстоящей сессіи дѣлъ не выбранъ по жребію, а подобранъ.

Повидимому, судъ нисколько не заинтересованъ въ томъ, чтобы въ составъ присутствія присяжныхъ, входили преимущественно тѣ или другія лица.

На дѣлѣ же оказывается, что и со стороны собственно состава судей, бывають иногда причины, по которымъ они или вслѣдствіе знакомства своего съ нѣкоторыми изъ присяжныхъ, и желанія оказать имъ дружескую услугу, или по какимъ бы то ни было другимъ причинамъ, умышленно исключаютъ однихъ, чтобы они не попали въ составы присутствія присяжныхъ, и пополняютъ составы такими лицами, которыя, по ихъ мнѣнію, оказываются болѣе подходящими для разрѣшенія дѣлъ.

Въ газетныхъ извѣстіяхъ неоднократно встрѣчались указанія, что въ нѣкоторыхъ окружныхъ судахъ, судьи изъ общихъ списковъ выбираютъ преимущественно сюртучную публику, то есть, по преимуществу купцовъ и

средній классъ, другіе судьи, наоборотъ, предпочитаютъ пополнять составъ присутствія присяжныхъ людьми простаго званія, руководствуясь, убѣжденіями, что простолюдины на судѣ менѣе умничаютъ и больше подчиняются суду.

Если такимъ образомъ перечислять все тѣ случаи изъ судебной практики, которыми парализуется въ дѣйствительности правило о случайномъ составѣ присутствія присяжныхъ засѣдателей путемъ жеребья, то въ результатѣ можно будетъ сказать, что въ судебныхъ нашихъ засѣданіяхъ, при широкомъ правѣ отвода присяжныхъ сторонами, наличный составъ присутствія присяжныхъ выражаетъ собою не случайный элементъ, а элементъ искусственнаго подбора.

Если все такіе «сторонніе способы» не обходить мимо, а принимать ихъ во вниманіе при оцѣнѣ дѣятельности нашихъ присяжныхъ засѣдателей, то нельзя будетъ не придти къ тому выводу, что какъ бы добросовѣстно не были составлены комиссіями общіе и очередные списки присяжныхъ засѣдателей, они въ окончательномъ составѣ своемъ могутъ все-таки оказаться совершенно неудовлетворительными, если коронные судьи, устраняя по тѣмъ или другимъ причинамъ законный порядокъ въ вынугіи жеребьевъ присяжныхъ изъ очередныхъ списковъ, будутъ производить выборъ ихъ путемъ своихъ личныхъ усмотрѣній, руководствуясь въ этомъ случаѣ своими исключительными взглядами.

Въ особенности случаи такихъ подборовъ, замѣчаются относительно сессій присяжныхъ въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ коронные судьи обыкновенно не только что знаютъ въ лицо большинство всехъ присяжныхъ, но съ большинствомъ интеллигентныхъ изъ нихъ бываютъ даже хорошо знакомы, выѣзжая въ одни и тѣ же города по нѣскольку разъ въ годъ. Пріятельскія отношенія между коронными судьями и мѣстными дѣятелями приводятъ къ тому, что первые въ одолженіе послѣднихъ умышленно не включаютъ ихъ въ списки, и въ такихъ случаяхъ комиссія, конечно, ничего не могутъ сдѣлать, ибо послѣдній выборъ присяжныхъ принадлежитъ все-таки не имъ, а коронному суду.

Намъ сообщаютъ про одного члена провинціального окружнаго суда, предсѣдательствующаго обыкновенно на уѣздныхъ сессіяхъ, что онъ всегда всѣми силами старается подобрать въ очередной списокъ присяжныхъ однихъ только простолюдиновъ, находя, что съ ними вести дѣла гораздо удобнѣе, скорѣе и спокойнѣе, потому что они больше молчатъ и «не въ свое дѣло» не суются. Къ сожалѣнію нужно сказать, что такого рода сужденія приходится наблюдать въ нашихъ окружныхъ судахъ не особенно рѣдко, и можно пересчитать не мало такихъ судей, которые главное достоинство присяжныхъ видятъ въ томъ, чтобы они больше «молчали», меньше спрашивали и излишними вопросами не вторгались бы «не въ свое дѣло».

Намъ сообщаютъ объ одномъ случаѣ столкновенія, происшедшаго между коронными судьями одного и того же суда, по поводу допущенныхъ предсѣдательствовавшимъ неправильностей, при составленіи списка присяжныхъ на предстоящую въ уѣздѣ сессію. Причиною возникшаго между ними довольно крупнаго недоразумѣнія было то, что предсѣдательствовавшій предполагалъ

сдѣлать выборъ присяжныхъ въ очередной списокъ не по жребію, а по своему усмотрѣнію, ради своихъ личныхъ удобствъ, такъ какъ на упомянутую сессию въ уѣздѣ, онъ долженъ былъ ѣхать самъ предсѣдательствовать, а другіе судьи, напротивъ, считая такія дѣйствія его и порядокъ въ подборѣ присяжныхъ не только что предосудительными, но и оскорбительными для ихъ достоинства, не хотѣли этого допустить и въ дѣйствительности не допустили. Столь крайніе и рѣзкіе взгляды на установленный закономъ со всею ясностію порядокъ избранія очередныхъ присяжныхъ на отдѣльныхъ сессіи, встрѣчаются между нашими судьями нерѣдко. Въ другомъ подобномъ же случаѣ, вопросъ о подборѣ соответствующихъ присяжныхъ, довелъ составъ присутствія коронныхъ судей до такихъ взаимныхъ неудовольствій и принялъ столь острый характеръ, что для примиренія этихъ крайнихъ взглядовъ и улаженія возникшаго между судьями недоразумѣнія, предсѣдателю суда пришлось прибѣгнуть чуть ли не къ посредничеству общаго собранія суда.

Помимо перечисленныхъ нами выше, болѣе или менѣе крупныхъ неправильностей и беспорядковъ при составленіи списковъ присяжныхъ засѣдателей, существуютъ и многіе другіе, такъ сказать, болѣе второстепеннаго характера, которые, тѣмъ не менѣе, отзываются на ходѣ дѣлъ тоже нежелаемыми послѣдствіями. Укажемъ, на примѣръ, на одно изъ наиболѣе такихъ существенныхъ упущеній, заключающихся въ томъ, что присяжные засѣдатели, особенно изъ крестьянъ и вообще лицъ низшаго сословія, вносятся въ списокъ или совершенно безъ фамилій, съ обозначеніемъ одного только имени и отчества, или же съ именемъ и фамилією, но безъ отчества.

Въ другихъ же случаяхъ, вмѣсто фамиліи или отчества, обозначается иногда деревенское прозвище, которое въ деревнѣ замѣняетъ, относительно отдѣльныхъ личностей, и имя, и отчество, и фамилію.

Отъ этой неточности въ наименованіи присяжныхъ засѣдателей бывають иногда такія послѣдствія, что изъ наличнаго состава явившихся на судъ присяжныхъ, приходится многихъ изъ нихъ отпущать по домамъ, такъ какъ разница въ фамиліяхъ и отчествахъ явившихся присяжныхъ съ тѣми, которые значатся въ спискахъ, лишаетъ судъ возможности придти къ убѣжденію въ тождественности вызывавшихся и явившихся лицъ.

Укажемъ, какъ на примѣръ, на слѣдующій случай.

Въ списокъ присяжныхъ засѣдателей, составленномъ комиссією, значился въ числѣ присяжныхъ засѣдателей крестьянинъ деревни Долиной, Иванъ Черный. По этому званію и адресу окружнымъ судомъ была послана повѣстка Ивану Черному, и по ней явился крестьянинъ Иванъ Петровъ, заявивъ, что онъ не Иванъ Черный, а Иванъ Петровъ, по фамиліи Захаровъ, и что въ деревнѣ у нихъ хотя и есть еще одинъ Иванъ, по фамиліи Петровъ, но тому отчество будетъ Демьяновъ, а Чернымъ прозываютъ «по деревенски» его, «настоящаго, значить, Ивана Петрова Захарова, потому съ лица и бороды черенъ я есть».

Судъ не призналъ возможнымъ несмотря на такіе даже внѣшніе признаки

Ивана Петрова, допустить его къ исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя, такъ какъ съ формальной стороны онъ оказался не тѣмъ лицомъ, которое вызывалось повѣсткой и значилось въ спискахъ, составленномъ комиссіей. Между тѣмъ показаніе Ивана Петрова впоследствии подтвердилось вполне, такъ какъ оказалось, что Иванъ Петровъ и Иванъ Черный, одно и то же лицо, что Петровъ есть его отчество, настоящую же фамилію онъ носитъ Захаровъ, а Черный, есть только его прозвище.

Такия чисто формальныя недоразумѣнія приходится наблюдать весьма часто при открытіи сессій окружныхъ судовъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, и они не мало затрудняютъ судъ при разрѣшеніи вопросовъ, объ устраненіи нѣкоторыхъ лицъ изъ состава присяжныхъ засѣдателей, такъ какъ если, съ одной стороны, это устраненіе въ видахъ охраненія достоинства самихъ присяжныхъ и слѣдуетъ допускать только въ крайнихъ случаяхъ, то, съ другой стороны, на обязанности суда лежитъ тщательно наблюдать, чтобы въ составъ присутствія присяжныхъ, ни въ какомъ случаѣ не могли бы попасть элементы неизвѣстные, личность и званіе которыхъ точнымъ образомъ не констатированы.

Для установленія, такъ-сказать, личности присяжныхъ засѣдателей, судъ имѣетъ только одинъ документъ, а именно, составленный комиссіею списокъ присяжныхъ засѣдателей, вслѣдствіе чего онъ не въ правѣ допускать въ присутствіе суда присяжныхъ такихъ лицъ, которыя не включены въ этотъ списокъ.

Иногда, конечно, случается такъ, что тождественность лица, вызваннаго въ судъ по одной фамиліи и явившагося подъ другой, можетъ быть установлена другими присяжными засѣдателями, — сосѣдями по деревнѣ вызваннаго лица, или кѣмъ-либо изъ должностныхъ лицъ волостнаго или сельскаго управленія, находящихся въ помѣщеніи суда.

Въ такихъ случаяхъ судъ, признавая тождественность явившагося лица съ вызывавшимся, допускаетъ его къ участію въ судебномъ засѣданіи, но во многихъ случаяхъ эта тождественность, не можетъ быть удостовѣрена ни однимъ изъ перечисленныхъ выше способовъ, и тогда судъ вынужденъ бываетъ отказывать такимъ не удостовѣреннымъ лицамъ, въ правѣ ихъ входить въ составъ суда присяжныхъ.

Допущеніе подобныхъ неисправностей при составленіи списковъ присяжныхъ, кромѣ упомянутыхъ выше комиссій, должно быть отнесено частью и на счетъ мѣстныхъ сельскихъ и волостныхъ властей, которыя хорошо знаютъ всѣхъ своихъ жителей по фамиліямъ, отчествамъ и прозвищамъ, а потому обязаны доставлять комиссіямъ самыя точныя и вѣрныя объ этомъ свѣдѣнія.

Но многія изъ этихъ волостныхъ и сельскихъ властей, крайне небрежно относятся къ этимъ своимъ обязанностямъ и вообще представительству суда присяжныхъ не придаютъ того значенія, которое оно должно имѣть, а смотрятъ на него гораздо проще, какъ на повинность, которую надо только отбыть.

Такъ, напримѣръ, однимъ изъ волостныхъ правленій, вмѣсто отсутствующаго крестьянина Ивана Иванова, въ качествѣ присяжнаго засѣдателя высланъ былъ въ городъ въ окружный судъ его несовершеннолѣтній сынъ тоже Иванъ Ивановъ.

Въ другомъ случаѣ крестьянинъ не принялъ отъ старосты присланную ему, какъ присяжному засѣдателю, повѣстку о явкѣ въ судъ, отзываясь тѣмъ, что ему «недосугъ ѣхать въ городъ», а вмѣсто себя «поставилъ» старостѣ своего работника, котораго староста и отправилъ въ городъ завѣдомо, съ повѣсткою на имя вызывавшагося его хозяина.

Во всѣхъ такихъ случаяхъ, неправильно являющіеся въ судъ присяжные засѣдатели, увольняются судомъ отъ участія въ засѣданіяхъ, чѣмъ обьясняется одна изъ причинъ постоянного некомплекта присяжныхъ на нашихъ сессіяхъ.

Кромѣ того такія лица, являющіяся въ городъ иногда на весьма значительныя разстоянія, несутъ совершенно непроизводительно разнаго рода издержки на дорогу, теряютъ даромъ время, а иногда испытываютъ на себѣ и иныя, не особенно пріятныя послѣдствія непринятія и «забраковки» ихъ судомъ.

На одну изъ сессій окружнаго суда, которая была первою въ уѣздномъ городѣ, вызывался повѣсткой въ числѣ присяжныхъ засѣдателей крестьянинъ деревни Сидоровки Тихонъ Драгайло. На судѣ, при перекличкѣ всѣхъ присяжныхъ, означенный крестьянинъ заявилъ, что фамилія его Терентьевъ, а Драгайлой зовутъ его по «сабачному», потому что отецъ его, «когда кабакъ держалъ, ногою болѣлъ, дрягалъ, съ того его такъ и прозвали», а по немъ кланча Драгайлы перешла и на сына.

Какъ не старался крестьянинъ Тихонъ Терентьевъ, доказать передъ судомъ свою тождественность съ Драгайлой, видимо сильно желавшій попасть въ «новый» судъ, представленіе о которомъ въ уѣздѣ было самое возвышенное, которымъ были заинтересованы всѣ односельцы Терентьева, однако же судъ не нашелъ возможнымъ допустить его до участія въ своихъ засѣданіяхъ, исключилъ изъ списка присяжныхъ и уволилъ домой.

Крайне опечаленный вышелъ Драгайло изъ суда.

Онъ видимо мечталъ о томъ, какъ попадетъ въ «самый новый судъ», будетъ другихъ «обсуждать» а потомъ, съ гордостью на душѣ, расскажетъ о томъ у себя на деревнѣ.

Между тѣмъ односельцы Драгайлы, ожидавшіе возвращенія его съ сессіи не ранѣе 8 дней, такъ какъ на этотъ срокъ онъ вызывался по повѣсткѣ, были крайне удивлены, что онъ воротился домой на другой же день.

Разспросамъ односельчанъ, какъ, что и почему такъ скоро вернулся онъ, не было конца. Драгайло былъ крайне смущенъ этими разспросами, онъ чувствовалъ какою то неловкость въ своемъ положеніи и какъ не старался потомъ объяснить своимъ односельцамъ причину, почему судъ его отпустилъ домой такъ скоро, они ему въ томъ не повѣрили, сомнительно покачали голо-

вами и порѣшили всѣмъ міромъ, что это вздоръ, что «одно слово только пустякъ, потому значить, что Дрягайло, что Терентьевъ, всякъ знаетъ — одинъ человекъ, а звать именемъ Тихонъ — со всей деревни одинъ, а другого Тихона нѣту-ти и шабашъ»....

Такъ бѣдному Тихону и не повѣрили, а потомъ на цѣлую волюсть сочинили про него, что онъ «новому суду не потрафилъ. потому не кажинный человекъ тоже такую дѣль въ толкъ возьметъ, разуму, вишь, у него не хватило, съ того и забраковали его, извѣстно, не годень, ну, куда-жь его, ну, значить, и иди домой ... не по Еремѣ сила»....

Послѣ того односельцы Тихона не разъ пеняли ему, что онъ ихъ околицу осрамилъ, «однова до новаго суда пришлось селенію поставить, а того, значить, вернули съ негодности», а на сходкахъ и выборахъ то и дѣло попрекали его «новымъ судомъ», что «таперь ты намъ Тихонъ ни въ какомъ дѣлѣ «супутатомъ» быть не можешь».

Съ того времени садидный авторитетъ ни въ чемъ неповиннаго Тихона Дрягайлы, какъ мужика умнаго и разсудительнаго, значительно поколебался въ средѣ его односельцевъ, а кличка Дрягайлы смѣнилась другою, болѣе не-пріятною ему кличкою: «несудѣмый».

Мы передаемъ не анекдотъ, а дѣйствительный фактъ, и какими бы онъ, вообще говоря, не казался пустяками, но неслѣдуетъ забывать, что на отдельной личности Тихона Терентьева, эти пустяки отозвались весьма многими не-пріятными минутами и ощущеніями.

Нѣтъ надобности создавать для кого-бы то ни было, такіа неволя и ложныя положенія, а устранить ихъ по отношенію къ комплектнымъ и запаснымъ присяжнымъ засѣдателямъ весьма легко.

Слѣдовало бы установить только для комиссій, составляющихъ списки присяжныхъ, обязательнымъ правиломъ, чтобы списки эти составлялись съ должнымъ вниманіемъ и полнотою, и чтобы лица, избираемые въ присяжные засѣдатели, вносились бы въ нихъ съ обстоятельнымъ обозначеніемъ противъ каждаго изъ нихъ званія, имени, отчества и дѣйствительной фамиліи, а не прозвища.

Иначе, случаи, подобныя вышеприведеннымъ, будутъ повторяться въ судахъ весьма часто, а они, конечно, не должны быть допускаемы при правильной постановкѣ дѣла.

Все это мелочи, скажутъ многіе, положимъ, но вѣдь наши присяжные и безъ того не отличаются особеннымъ усердіемъ къ дѣлу. Такъ зачѣмъ же допускать мелочи, которыя способны еще больше охладить ихъ къ дѣлу суда?

Живо интересуясь всегда тѣмъ, что касается дѣятельности нашего суда присяжныхъ, текущая литература въ вопросѣ о неудовлетворительности списковъ присяжныхъ засѣдателей, дала нѣсколько не бесполезныхъ указаній, которыя дѣйствительно не лишены нѣкотораго практическаго значенія.

Такъ, напрямѣръ, нерѣдко высказываемо было то предположеніе, что необходимо увеличить съ одной стороны число лицъ подлежащихъ внесенію

въ списки присяжныхъ, а съ другой установить болѣе строгій надзоръ за тѣми лицами, которыя по своимъ имущественнымъ и другимъ правамъ, будучи обязаны заявлять о себѣ комиссіямъ для внесенія ихъ въ списки присяжныхъ, не исполняютъ этого, изъ нежеланія попасть въ число присяжныхъ засѣдателей. Затѣмъ въ виду тѣхъ несомнѣнныхъ фактовъ, что многія лица, обязанныя нести званіе присяжныхъ засѣдателей, бываютъ исключаемы изъ списковъ по ихъ просьбамъ, заявляемо было о необходимости, подвергать взысканію, какъ ихъ самихъ, такъ равно и тѣхъ лицъ, содѣйствіе которыхъ дало имъ возможность уклониться отъ исполненія этихъ общественныхъ обязанностей.

Первое изъ указанныхъ выше положеній, на столько вообще цѣлесообразно, что оно осуществлено уже правительствомъ въ дѣйствительности и кругъ лицъ, изъ которыхъ производится нынѣ выборъ присяжныхъ, значительно расширенъ противу прежняго времени.

Такъ, напримѣръ, въ настоящее время, весьма многіе военные чины, равно какъ и гражданскіе чины военного вѣдомства изъ числа находящихся не на дѣйствительной военной службѣ, привлечены уже къ участию по отбыванію повинностей присяжныхъ засѣдателей, и если принять во вниманіе, что лица этой категоріи, представляютъ собою исключительно элементъ образованныхъ людей, то станетъ понятно то значеніе, которое имѣетъ включеніе ихъ въ списки присяжныхъ.

Затѣмъ, что касается двухъ другихъ высказанныхъ въ печати мѣръ, то при относительной пользѣ, которую онѣ могли бы принести для дѣла, трудно предполагать, чтобы это въ дѣйствительности случилось, ибо весьма многія лица, обязанныя по своимъ правамъ отбывать повинность присяжныхъ засѣдателей, весьма часто даже и помимо цѣлей уклоненія, рѣшительно не знаютъ о томъ, что въ извѣстный моментъ съ приобрѣтеніемъ тѣхъ или другихъ правъ, для нихъ наступаетъ обязанность включать себя въ общіе списки присяжныхъ.

Во всякомъ случаѣ, едва ли будетъ цѣлесообразно мѣрами полицейскими и карательными, побуждать гражданъ къ исполненію того долга, который долженъ держаться всегда на высотѣ ихъ нравственныхъ обязанностей служенія обществу и его высшимъ интересамъ правосудія.

Наконецъ никакія карательныя мѣры не достигнуть цѣли и по отношенію къ тѣмъ лицамъ, которыя въ качествѣ членовъ комиссій, по избранію присяжныхъ засѣдателей, допускаютъ при этомъ тѣ или другія неправильности, и дадутъ возможность нѣкоторымъ присяжнымъ уклоняться отъ исполненія обязанностей ихъ.

Центръ тяжести всего вопроса объ удачномъ составѣ присяжныхъ лежитъ въ умѣломъ выборѣ ихъ изъ общихъ списковъ, и въ устраненіи при этомъ всякаго рода неправильностей, по включенію въ списки однихъ и исключенію изъ нихъ другихъ, но вѣдь эта умѣлость не можетъ быть установленна, — какъ справедливо замѣчаетъ одно изъ еженедѣльныхъ изданій, никакою

вышнюю регламентацію; тутъ все дѣло во вниманіи, въ добросовѣстномъ трудѣ комиссій; эти послѣднія могутъ подвергаться укору въ небрежности, когда есть къ тому основаніе, но имъ во всякомъ случаѣ нуженъ просторъ, дѣйствій, потому что добросовѣстность и способность присяжныхъ, опредѣляются не одними вышними признаками, но также репутаціею ихъ въ обществѣ, которую никакая регламентація уловить не въ состояніи.

Затѣмъ нельзя обойти молчаніемъ, еще одно выраженное въ печати мнѣніе, что для достиженія наиболѣе благоприятныхъ результатовъ отъ дѣятельности присяжныхъ, слѣдуетъ установить правилъ, чтобы прежде всего въ общіе списки присяжныхъ, были бы вносимы всѣ безъ исключенія лица, интеллигентныя, образованныя, получившія среднее образованіе, затѣмъ грамотныя и чтобы недостающее только число ихъ, было бы пополняемо неграмотными лицами.

Несостоятельность такого положенія бросается однако же въ глаза слишкомъ рельефно, и поражаетъ непрактичностью взгляда, очевидно выработавшагося подъ условіями кабинетныхъ соображеній, но не практической жизни.

Кто будетъ говорить противу того, чтобы всѣ наши присяжные были люди исключительно образованные и развитые. Это было бы всегда и вездѣ въ высшей степени желательнымъ, но гдѣ возможность осуществленія такого желанія.

Въ етолицахъ и наиболѣе крупныхъ городахъ, пожалуй, и можно будетъ набрать, достаточное число грамотныхъ и образованныхъ лицъ, для общахъ списковъ присяжныхъ засѣдателей, но провинція наша, которая въ этомъ отношеніи должна представлять собою, главный предметъ заботъ и попеченій правительства, и до сего времени настолько бѣдна еще людьми образованными, а въ иныхъ мѣстахъ даже и грамотными, что безъ крайнихъ затрудненій, нельзя было бы, не только что достигнуть желаемаго составленія общихъ списковъ присяжныхъ, изъ однихъ только грамотныхъ лицъ, но даже и соблюсти между ними и массою неграмотныхъ людей требованія, о наиболѣе выгодномъ процентномъ отношеніи присяжныхъ грамотныхъ и образованныхъ, во всѣмъ остальномъ.

Проектъ подобнаго рода, несомнѣнно высказанъ былъ съ тою цѣлю, чтобы въ спискахъ нашихъ присяжныхъ, наивозможно болѣе уменьшить, подавляющее вездѣ своею численностью количество крестьянъ, которые въ большинствѣ случаевъ не обладаютъ грамотностію, но это рѣшительно невысказано, потому что во многихъ мѣстностяхъ, весь контингентъ присяжныхъ состоитъ почти исключительно изъ крестьянъ, за единичными исключеніями въ пользу другихъ сословій.

Этотъ преобладающій въ спискахъ нашихъ присяжныхъ, элементъ неграмотныхъ крестьянъ въ иныхъ мѣстахъ до того великъ, что въ практикѣ нашихъ провинціальныхъ окружныхъ судовъ, весьма нерѣдки случаи, когда выбранный для какого нибудь дѣла, составъ присяжныхъ состоялъ, сплошь изъ неграмотныхъ лицъ, такъ что приходилось повторять баллотировку по два и по три раза, для того только, чтобы въ составъ присутствія присяжныхъ,

вошелъ хоть одинъ грамотный человекъ, который въ такомъ случаѣ и выбирался старшиною.

Тутъ можно даже сказать не было и выбора старшины, потому что выбрать было не изъ кого. Грамотный присяжный силою «неграмотныхъ обстоятельствъ» самъ становился въ положеніе старшины присяжныхъ.

Кромѣ того, приведенный проектъ имѣетъ и другую невозможную сторону. Если участіе присяжныхъ въ ихъ общихъ и очередныхъ спискахъ ограничить только грамотными лицами, а участіе неграмотныхъ опредѣлить только мѣрою крайней и дѣйствительной надобности, для пополненія общихъ списковъ ихъ до указываемыхъ закономъ предѣловъ и нормъ, то тогда при относительно ничтожномъ количествѣ грамотныхъ простолюдиновъ, и на оборотъ преобладающемъ вообще большинствѣ крестьянъ среди присяжныхъ изъ другихъ сословій, обязанности отправлять дѣло правосудія, падутъ всюю своею тяжестью почти исключительно на эти послѣдніе, и составятъ для нихъ весьма тяжелую натуральную повинность, отъ которой масса крестьянъ благодаря своей неграмотности, будетъ за малыми исключениями освобождена совсѣмъ.

Составители судебныхъ уставовъ несомнѣнно имѣли въ виду, необходимость возможнаго ограниченія въ спискахъ присяжныхъ, людей мало развитыхъ, и съ этою цѣлю, изъ массы крестьянскаго населенія, законъ предоставилъ право, быть избираемыми въ присяжные засѣдатели, только тѣмъ изъ крестьянъ, которые несли обязанности волостныхъ судей, занимали должности по общественному крестьянскому управленію и исправляли обязанности церковныхъ старостъ.

Изъ этого видно, что хотя по смыслу судебныхъ уставовъ, представители крестьянскаго населенія и должны были явиться въ числѣ присяжныхъ, какъ бы въ видѣ исключеній, но на дѣлѣ, за малочисленностію кандидатовъ изъ другихъ сословій, крестьяне присяжные заняли въ числѣ ихъ преобладающее положеніе.

Такимъ образомъ, всѣ общественныя стремленія къ тому, чтобы установить болѣе удовлетворительные способы составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей, сводятся по необходимости къ точному лишь выполненію правительственными и общественными представителями того порядка, который установленъ въ этомъ отношеніи закономъ.

Этого, впрочемъ, какъ указалъ опытъ и слѣдуетъ только желать.

И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ члены комиссій по избранію присяжныхъ засѣдателей, добросовѣстно выполняютъ свои обязанности, при исполненіи ихъ руководствуются истиннымъ смысломъ закона, а не произвольными своими возрѣніями, гдѣ на первомъ планѣ стоятъ у нихъ сознаніе добросовѣстнаго выполненія своего долга передъ обществомъ, а не оказаніе по свойствамъ разнаго рода кумовства, всякихъ послабленій и угожденій своимъ знакомымъ и близкимъ людямъ, гдѣ наконецъ и сами коронныя судьи, въ порядкѣ избранія очередныхъ присяжныхъ засѣдателей, не дозволяютъ себѣ вмѣсто выбора таковыхъ по жребію, производить подборъ ихъ по своему усмотрѣнію,

тамъ не возникало никогда никакихъ жалобъ, на неудовлетворительность составленія списковъ присяжныхъ, и на оборотъ, такія жалобы и сѣтованія раздавались, преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда установленный закономъ порядокъ въ составленіи общихъ очередныхъ и жеребьевыхъ списковъ присяжныхъ подвергался по разнымъ причинамъ болѣе или менѣе крупнымъ нарушеніямъ, уклоненіямъ и извращеніямъ.

Мы не можемъ не сказать въ заключеніе, что это послѣднее мнѣніе—мнѣніе весьма многихъ присяжныхъ засѣдателей, мнѣніе провѣренное ихъ собственнымъ опытомъ, знаніемъ жизни и личнымъ участіемъ въ дѣлѣ.

VII.

Письменные замѣтки присяжныхъ на судѣ.

Въ числѣ другихъ способовъ, которые законъ предоставляетъ присяжнымъ засѣдателямъ, для всесторонняго ознакомленія съ слушаемымъ дѣломъ и для удержанія въ памяти, всѣхъ его обстоятельствъ, находится и право ихъ дѣлать во время судебного слѣдствія письменныя замѣтки.

Правомъ этимъ, которое представляется, конечно, весьма существеннымъ, не столько по отношенію къ самимъ присяжнымъ засѣдателямъ, сколько къ интересамъ лицъ обвиняемыхъ, гарантируя имъ убѣжденіе, что присяжные во время своихъ совѣщаній не упустятъ ничего изъ вида, для правильного постановленія приговора, наши присяжные, какъ указала однакоже судебная практика, пользуются далеко не часто.

Только при слушаніи наиболѣе серьезныхъ дѣлъ, а также слишкомъ обширныхъ по количеству подсудимыхъ, или ужь очень сложныхъ по запутанности обстоятельствъ, можно иногда видѣть старшину присяжныхъ, дѣлающимъ кое какія замѣтки или въ своей собственной памятной книжкѣ, или на какомъ нибудь клочкѣ бумаги. Другіе присяжные засѣдатели изъ состава присутствія, почти никогда не дѣлаютъ такихъ замѣтокъ, по крайней мѣрѣ наблюдать это приходится крайне рѣдко.

Между тѣмъ, передъ каждымъ слушаемымъ дѣломъ, председательствующій на судѣ, перечисляя присяжнымъ засѣдателямъ ихъ права и обязанности, постоянно напоминаетъ имъ, что если они пожелаютъ, то во время судебного слѣдствія, могутъ себѣ для памяти дѣлать письменныя замѣтки.

Отсюда возникаетъ вопросъ, отчего наши присяжные, не взирая на все это, никогда почти никакихъ замѣтокъ не дѣлаютъ, повидимому во всемъ полагаясь на свою память и на возможность удержать у себя въ головѣ все тѣ, иногда очень многочисленныя, обстоятельства дѣла, которыя не должны быть упущены изъ вида при постановленіи приговора?

Необходимость такого рода замѣтокъ очевидна для всѣхъ и каждого.

При каждом сколько-нибудь сложномъ дѣлѣ, на судебномъ слѣдствіи возникаютъ такія осложненія, масса свидѣтельскихъ показаній по отношенію къ нѣсколькимъ иногда подсудимымъ, представляетъ собою такой обширный матеріалъ для предстоящей нравственной оцѣнки его, при постановленіи приговора, что удержать все это въ памяти, въ должной системѣ, съ надлежащими оттѣнками въ пользу или ущербъ того или другаго подсудимаго, представляется рѣшительно невозможнымъ.

Одна боязнь нравственной отвѣтственности передъ своею совѣстью за возможность какой-либо малѣйшей ошибки или забывчивости, должна бы, кажется, внушать присяжнымъ въ этомъ отношеніи, самую крайнюю осторожность и отнюдь не допускать самонадѣянности на свою память въ сколько-нибудь сложномъ дѣлѣ.

И дѣйствительно, причина, по которой наши присяжные не ведутъ во время судебныхъ слѣдствій никакихъ замѣтокъ, кроется не въ нежеланіи ихъ утруждать себя этимъ и не въ томъ, что они находятъ подобныя замѣтки для себя излишними; а въ совершенно другой причинѣ, именно въ той внѣшней обстановкѣ, безъ которой немислимо осуществленіе самаго права замѣтокъ.

Чтобы имѣть возможность дѣлать письменныя замѣтки, нужно хоть какое-нибудь удобство, нужно имѣть письменныя принадлежности: карандашъ, бумагу, нужно имѣть сколько-нибудь сносное приспособленіе для письма.

Между тѣмъ ничего подобнаго для нашихъ присяжныхъ у насъ не существуетъ.

Нельзя требовать, чтобы они приносили съ собою бумагу и карандашъ, потому что иные изъ нихъ могутъ даже и не знать того, что имъ это потребуется; нельзя заставлять присяжныхъ писать на ладоняхъ или на коленяхъ, такъ какъ это крайне неудобно; еще менѣе желательно, чтобы присяжные, въ случаѣ надобности что-нибудь записать, обращались за содѣйствіемъ къ спинѣ сосѣдей-товарищей, какъ это, за неимѣніемъ столиковъ, у насъ во многихъ случаяхъ практикуется, а на сессіяхъ въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ не имѣется никакихъ приспособленій для засѣданій съ присяжными, вошло даже въ обычай.

Чтобы право присяжныхъ дѣлать письменныя замѣтки на судѣ, не было бы однимъ только фактивнымъ правомъ, чтобы напоминанія о томъ суда, не составляли одного лишь провозглашенія этого права «формальности ради», и чтобы присяжные имѣли всегда возможность, при каждомъ случаѣ, когда они встрѣтятъ только въ томъ надобность, дѣлать свои замѣтки, слѣдовало бы установить, чтобы передъ креслами присяжныхъ, безусловно всегда находились столики съ необходимыми письменными принадлежностями, къ которымъ присяжные могли бы обращаться въ случаѣ надобности, во всякое время, признавъ необходимымъ записать себѣ для памяти то или другое.

Въ нашихъ окружныхъ судахъ, не исключая и столичныхъ, такихъ удобствъ для присяжныхъ не существуетъ, а потому, какъ то странно приходится всегда слышать, какъ присяжнымъ напоминаютъ ихъ право вести замѣтки

и въ то же время для осуществленія этого права, не даютъ имъ никакой возможности.

Впрочемъ, въ одномъ изъ окружныхъ судовъ, мы видѣли небольшое приспособленіе для присяжныхъ въ видѣ столиковъ, устроенныхъ съ боку, на правыхъ боковыхъ ручкахъ креселъ; въ другомъ небольшіе поднимающіеся столики, устроены для задняго ряда присяжныхъ на спинкахъ креселъ присяжныхъ перваго ряда, но всѣ эти приспособленія, весьма къ тому же неудобныя для письма, являются все таки, какъ исключенія и носятъ на себѣ совершенно случайный характеръ.

Вслѣдствіе этого весьма нерѣдкія, а особенно въ провинціи, заявленія присяжныхъ къ суду о томъ, что они желали бы дѣлать письменныя по дѣлу замѣтки, зависятъ почти всегда въ осуществленіи ихъ, исключительно отъ личнаго на то желанія и взгляда предсѣдательствующихъ.

Намъ извѣстенъ, на примѣръ, такой случай.

На сессіи въ уѣздномъ городѣ, присяжные засѣдатели, люди вполне грамотные, пожелали дѣлать по одному довольно сложному дѣлу, письменныя замѣтки, о чемъ старшина и заявилъ предсѣдательствующему.

— Что же! это ваше право, господа присяжные отвѣтилъ имъ послѣдній, замѣтки вы можете дѣлать.

— Но у насъ нѣтъ карандашей и бумаги, робко заявилъ старшина присяжныхъ, какъ бы считая свой вопросъ не совсемъ деликатнымъ.

— Очень жаль, что вы ими заблаговременно не запаслись, отвѣтилъ предсѣдатель не безъ нѣкоторой ироніи, и отвѣтомъ этимъ поставилъ старшину присяжныхъ конечно въ крайнее недоумѣніе.

Послѣдній сконфузился, молча сѣлъ на свое мѣсто, и дѣло прошло безъ всякихъ замѣтокъ, необходимость которыхъ сознавалась присяжными уже при самомъ его началѣ.

Въ другомъ случаѣ, на просьбу старшины присяжныхъ дать бумаги и карандашей для записыванія присяжными нѣкоторыхъ обстоятельствъ дѣла, предсѣдательствовавшій отвѣтилъ, что въ помѣщеніи суда свободныхъ карандашей нѣтъ, но что если господамъ присяжнымъ угодно писать, то онъ за карандашами пошлетъ въ лавочку.

Присяжные, конечно, поняли все остроуміе этого отвѣта, отъ услуги отказались и воспользовались карандашемъ судебного пристава.

Иногда предсѣдательствующіе въ судѣ допускаютъ даже нѣкоторые споры съ присяжными по этому предмету, находя, на примѣръ, что дѣло не особенно сложно, что его легко можно удержать въ памяти и безъ замѣтокъ, а потому прямо отказываютъ присяжнымъ въ бумагахъ и карандашѣ, заявляя, что «замѣтки по такому пустому дѣлу только замедлятъ его».

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что за послѣднее время, въ средѣ нашихъ окружныхъ судовъ, стало возникать прискорбное стремленіе, къ возможному сокращенію судебныхъ слѣдствій и къ устраненію всего того, что, по мнѣнію суда, такъ или иначе можетъ затягивать дѣло. Поэтому многіе изъ судей

сложны видѣть въ желаніяхъ присяжныхъ, дѣлать письменныя замѣтки, излишнюю только проволочку времени и допускають необходимость такихъ замѣтокъ только по дѣламъ крайне сложнымъ и очевидно не доступнымъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ для самой обширной памяти.

Съ такимъ взглядомъ однако же трудно согласиться.

Вопросъ о способности запоминать сложные и несложныя обстоятельства дѣла, — вопросъ чисто личный. Иногда человекъ, обладающій обширною памятью и еще болѣе того извѣстною судебною проницательностію и сообразительностію, можетъ обойтись безъ всякихъ замѣтокъ по дѣлу самому сложному, а съ другой стороны, возможны случаи, когда и по крайне простому дѣлу, присяжный засѣдатель, не надѣющийся на свою память, найдетъ для себя нужнымъ, записать какия-либо обстоятельства, которыя боится не удержать твердо у себя въ головѣ.

Люди по природѣ робкіе, характера осторожнаго, трудно поддающіеся какому-нибудь рѣшительному шагу или поступку, каюонецъ всесторонне относящіеся къ высокимъ обязанностямъ судьи, могутъ иногда и въ крайне пустомъ дѣлѣ, усмотрѣть такія обстоятельства, которыя пожелають удержать у себя въ памяти путемъ замѣтки, а потому насиловать въ этомъ случаѣ ихъ совѣсть и взгляды, представляется для правосудія дѣломъ крайне рискованнымъ.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ признать, что необходимость веденія присяжными засѣдателями замѣтокъ по дѣламъ, ни въ какомъ случаѣ не должна стоять въ зависимости отъ сложности, или серьезности слушаемаго ими дѣла, такъ какъ и соразмѣрить такую сложность, бываетъ тоже весьма трудно, по тѣсной зависимости ея, отъ личныхъ взглядовъ или надобностей того или другаго присяжнаго засѣдателя.

Въ порядкѣ составленія присяжными засѣдателями замѣтокъ на судѣ, нельзя не обратить вниманія еще на одну особенность, это именно на то, что въ большинствѣ случаевъ, эти замѣтки дѣлаются только однимъ старшиною присяжныхъ. Вслѣдствіе этого происходитъ то, что преимущественное вниманіе присяжныхъ при постановленіи ими приговора, обращается на то, что счелъ необходимымъ замѣтить старшина присяжныхъ, тогда какъ участіе послѣдняго въ оцѣнкѣ данныхъ для разрѣшенія дѣла, какъ равноправнаго присяжнаго засѣдателя со всеми другими, не должно выходить за предѣлы его личнаго взгляда и убѣжденія, которые по сдѣланнымъ имъ замѣткамъ могутъ быть важны для него лично, но нисколько не должны быть обязательны для другихъ присяжныхъ.

Каждый изъ нихъ во время судебного слѣдствія, внутреннюю связь обстоятельствомъ дѣла, составляетъ по своему личному усмотрѣнію, дѣлаетъ имъ оцѣнку по своему собственному убѣжденію, а потому въ періодъ веденія судебного слѣдствія, каждый присяжный засѣдатель, совершенно независимо отъ другихъ, можетъ желать замѣтить себѣ для памяти такія обстоятельства на которыя другіе можетъ быть совсѣмъ не обратять вниманія, или не придадутъ имъ значенія.

Это условіе необходимо для того, чтобы дѣlostное впечатлѣніе по существу дѣла у каждаго присяжнаго засѣдателя, складывалось бы по его личному индивидуальному соображенію, а не по замѣчаніямъ другихъ.

Необходимость предоставленія всѣмъ присяжнымъ засѣдателямъ полной возможности дѣлать во время судебного слѣдствія письменныя замѣтки, дѣлается еще болѣе очевидной, при сопоставленіи и оцѣнкѣ слѣдующихъ соображеній, заимствованныхъ нами изъ личныхъ наблюденій и впечатлѣній одного присяжнаго засѣдателя, человека образованнаго и какъ видно, крайне строго относившагося къ своимъ обязанностямъ.

Между положеніемъ на судѣ присяжныхъ засѣдателей и положеніемъ публики, слушающей дѣло, существуетъ и большое сходство, и громаднaя въ то же время разница.

Передъ публикою, какъ и передъ присяжными засѣдателями, проходятъ на судѣ одни и тѣ же обстоятельства дѣла и слѣдовательно, на основаніи общаго впечатлѣнія отъ процесса, тѣ и другіе могутъ составить себѣ болѣе или менѣе однородныя мнѣнія о винѣ или невинности подсудимыхъ.

Но вотъ въ чемъ разница: публика составляетъ себѣ извѣстное убѣжденіе по существу дѣла, не думая о послѣдствіяхъ приговора, она дѣлаетъ свой выводъ о подсудимомъ, подъ напѣтомъ того впечатлѣнія, которое произвело на нее дѣло, но она не вдается въ подробную оцѣнку каждаго отдѣльнаго обстоятельства, она не провѣряетъ со всею полнотою, всякій ничтожный фактъ, имѣющій соотношеніе съ дѣломъ, и нерѣдко многіе изъ нихъ, показавшіеся ей сначала незначительными, упускаетъ совершенно изъ вида.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится въ этомъ отношеніи составъ присяжныхъ засѣдателей.

Каждый изъ нихъ, отправляясь въ совѣщательную комнату, прежде всего не забываетъ, какое тяжелое бремя беретъ онъ на свою душу, какою нравственною отвѣтственностію, обязывается онъ своимъ приговоромъ предъ лицомъ общества и подсудимаго, и вотъ это-то серьезное сознаніе, побуждаетъ каждаго изъ нихъ въ тому, чтобы, до подачи своего рѣшительнаго голоса, строго взвѣстить, оцѣнить и сообразить все то, что они видѣли и слышали на судѣ.

Конечно, когда дѣло не особенно сложно, а преступленіе по свойству своему не представляетъ особенной путаницы обстоятельствъ, совѣсть присяжныхъ, особенныхъ колебаній при постановленіи приговора не испытываетъ; но когда по запутанному дѣлу, приходится дать отвѣтъ на такой вопросъ, по которому, въ случаѣ обвиненія, подсудимый можетъ быть подвергнутъ тяжкому наказанію, вотъ тутъ-то наступаетъ та борьба въ душѣ каждаго изъ присяжныхъ съ самимъ собою, которую трудно понять человеку, не исполнявшему никогда обязанностей присяжнаго засѣдателя.

Не страшно бываетъ присяжнымъ произнести приговоръ, по которому подсудимый можетъ пойти въ каторжную работу, но труднымъ представляется на дѣлѣ—подчиненіе своей совѣсти сознанію, что каждый изъ нихъ не-

упустили изъ вида при рѣшеніи дѣла, какихъ-либо существенныхъ его обстоятельствъ.

Строгость угрожающаго подсудимому наказанія, побуждаетъ всегда присяжныхъ засѣдателей, провѣрять каждое изъ обстоятельствъ его виновности; являются сопоставленія, сомнѣнія, такъ-ли говорилъ свидѣтель, какъ имъ припоминается, тотъ или другой отѣнокъ придавалъ своимъ выводамъ какой-либо экспертъ представитель науки, вѣрно-ли усвоили они значеніе прочитаннаго на судѣ акта и т. п.

Люди съ слабымъ характеромъ начинаютъ при этомъ колебаться въ своемъ собственномъ убѣжденіи, не имѣя въ эту рѣшительную минуту полной увѣренности въ томъ, что не упустили ничего изъ судебного слѣдствія, что могло бы повліять на ихъ приговоръ, они видимо затрудняются подавать рѣшительный голосъ свой: «гдѣ же все упомянуть, можетъ что и забыли», слышатся между ними нерѣшительные голоса, и все это происходитъ оттого, что во время судебного слѣдствія, присяжные засѣдатели не воспользовались своимъ правомъ, не занесли себѣ на бумагу все то, что въ извѣстный моментъ процесса, обратило на себя ихъ вниманіе.

Многіе затрудняются припоминать уже вечеромъ то, что они слышали поутру, а ежели приходится при постановленіи приговора припоминать то, что говорилось вчера, третьяго дня, а въ большихъ дѣлахъ и нѣсколько дней тому назадъ, то какъ же тутъ быть, какъ удержать въ памяти всю массу разнообразныхъ обстоятельствъ, впечатлѣній и всего провѣреннаго на судѣ матеріала, изъ котораго совѣтъ присяжныхъ должна выработать свое рѣшительное убѣжденіе?

И вотъ въ такихъ-то случаяхъ, толково сдѣланныя во время судебного слѣдствія замѣтки, и замѣтки не одного только старшины, а возможно большаго числа присяжныхъ, даютъ совѣщаніямъ ихъ ту устойчивость, съ которою каждый изъ нихъ, съ увѣренностію за самого себя, даетъ отвѣтъ по убѣжденію совѣсти, съ спокойнымъ сознаніемъ, что въ этомъ отвѣтѣ ничего не упущено, все было принято во вниманіе и соображено.

Неоднократныя бесѣды мои съ присяжными засѣдателями и наблюденія за ихъ дѣятельностію и отношеніемъ къ судебному слѣдствію, привели меня къ убѣжденію, что въ средѣ ихъ безусловно необходимо пропагандировать въ самыхъ широкихъ размѣрахъ—веденіе на судѣ письменныхъ замѣтокъ.

Съ такими замѣтками въ рукахъ, присяжные всегда будутъ въ состояніи подавать авторитетные голоса; тѣя замѣтки приучатъ ихъ къ осторожности и слѣдовательно, разовьютъ и укрѣпятъ въ нихъ одно изъ наиболее существенныхъ качествъ и достоинствъ совѣстныхъ судей.

А между тѣмъ въ сожалѣнію мы должны сказать, что вопросъ о правѣ присяжныхъ дѣлать на судѣ замѣтки, фигурируетъ на судѣ болѣе, въ видѣ одной только безцѣльной и пустой формальности.

Впрочемъ мы имѣемъ возможность сказать, что не всѣ судьи относятся къ замѣткамъ присяжныхъ съ такой именно стороны, т. е. со стороны формальности.

Въ одномъ изъ окружныхъ судовъ, по распоряженію предсѣдателя суда, заведенъ такой порядокъ, что предсѣдательствующіе, одновременно съ указаніемъ присяжнымъ засѣдателямъ на право ихъ дѣлать на судѣ письменныя замѣтки, въ то же время заявляютъ, что въ случаѣ надобности имъ немедленно будутъ представлены карандаши и бумага, за чѣмъ они и могутъ обращаться къ судебному приставу.

Въ то же время, на столѣ суда, приготавливаются для присяжныхъ необходимыя письменныя принадлежности, которыми они, относительно говоря, и пользуются весьма часто, прибѣгая къ пособію карандаша и бумаги не только тогда, когда на очереди стоитъ большое или сложное дѣло, а когда и по самому незначительному дѣлу, кто-либо изъ нихъ встрѣтитъ необходимость записать себѣ для памяти то или другое, обратившее на себя вниманіе обстоятельство.

Такой порядокъ, достойный подражанія, устраняетъ всякую возможность нареканія на судѣ, что онъ не предоставилъ присяжнымъ возможность, воспользоваться вполнѣ своими правами, и ужъ конечно, не можетъ быть поставленъ въ параллель съ тѣмъ случаемъ, когда судѣ отказываетъ присяжнымъ въ карандашахъ и бумагахъ для ихъ замѣтокъ на томъ основаніи, что карандашей въ судѣ на лицо вѣтъ, и что за ними нужно еще посылать въ лавочку.

Письменныя замѣтки присяжныхъ засѣдателей, обуславливаются иногда не столько важностью дѣла, сколько простою необходимостью при нѣсколькихъ обвиняемыхъ, схожихъ между собою по вѣншнему виду, или именамъ, а также при тождественности уликъ противъ нихъ, во избѣжаніе весьма возможной въ такихъ случаяхъ путаницы, отмѣтить своевременно, какія обстоятельства дѣла относятся къ одному подсудимому и какія къ другому.

Иначе присяжнымъ засѣдателямъ при разрѣшеніи дѣла, крайне трудно бываетъ опредѣлить, котораго изъ двухъ Ивановъ слѣдуетъ оправдать и котораго обвинить въ томъ случаѣ, если бы присяжные пришли къ убѣжденію о необходимости оправдать одного и обвинить другаго.

Ничѣмъ другимъ, какъ отсутствіемъ на судѣ своевременныхъ письменныхъ замѣтокъ присяжныхъ засѣдателей, не можетъ быть объясненъ тотъ случай изъ практики одного нашего окружнаго суда, когда присяжные засѣдатели вынесли обвинительный приговоръ тому подсудимому, котораго въ дѣйствительности хотѣли оправдать и наоборотъ, оправдали того, котораго предполагали обвинить.

Случай этотъ по своей крайней характерности былъ въ свое время опубликованъ въ газетахъ и, конечно, послужилъ извѣстной части общества солиднымъ основаніемъ, бросить въ нашихъ присяжныхъ новымъ упрекомъ «въ неспособность».

А вотъ и еще иллюстрація къ вопросу о замѣткахъ присяжныхъ засѣдателей.

По дѣлу весьма незначительному, о какой-то кражѣ, одинъ изъ присяж-

ныхъ засѣдателей, обративъ вниманіе на несообразность объясненій подсудимаго по крайне ничтожному факту, пожелалъ однако же воспользоваться имъ при рѣшеніи дѣла, но, не надѣясь на свою память, и чтобы не забыть этого обстоятельства, проистекавшаго не изъ существа дѣла, а изъ постороннихъ данныхъ, онъ, за неимѣніемъ у себя подъ руками бумаги и карандаша, завязалъ на своемъ носовомъ платкѣ узелокъ, съ цѣлью припомнить неосновательное, по его мнѣнію, объясненіе подсудимаго, въ совѣщательной комнатѣ при постановленіи приговора.

— Ладно, хорошо-съ, рассказывалъ объ этомъ потомъ самъ старичекъ присяжный,—пришли это мы въ совѣщательную комнату, ну, конечно, пошли толки, какъ, да что, что съ воромъ дѣлать, куда его. Кто говорить, виновать, кто говорить: нѣтъ,—«Богъ съ нимъ» толкуютъ нѣкоторые, «хоть и виновать, да оправдать его, украдь-то онъ немного». Ну пошло, знаете, на голоса. Вспомнилъ это я тутъ про свой узелокъ, что замѣтку сдѣлалъ противъ подсудимаго, небылицъ, что онъ рассказывалъ, не повѣрилъ, такъ и подумалъ въ то время, обвиню его, потому вретъ. Только пошло на голоса: «ваше мнѣніе», говоритъ мнѣ старшина. «Мое, говорю, мнѣніе, обвинить, потому, на мой взглядъ, виновать онъ, и къ тому ужъ очень мудреное объясненіе онъ давалъ... а самъ, знаете, припоминаю, какую небылицу онъ сказывалъ, припомнить-то хочется, а припомнить, какъ на грѣхъ, не могу: забыть, да и все тутъ. Отошелъ въ сторону, узелокъ развязалъ. Нѣтъ, не помогаетъ! Досадно мнѣ, а не могу вспомнить, а тутъ старшина и говорить: «что же это вамъ въ его показаніяхъ показалось несообразнымъ? я что-то не припомню». И другіе тоже: «скажите», говорятъ, «скажите, что такое? и мы не помнимъ». Ужъ я голову-то ломалъ, ломалъ, нѣтъ, не приходится на память, не могу припомнить.... Да вотъ, говорю, господа присяжные, помнилъ я тутъ одну его фортель и на замѣточку узелокъ сдѣлалъ, въ залѣ-то сидѣлъ на креслѣ, помнилъ, а сюда-то пришелъ—забылъ. «Ну», говорятъ, «когда забыли, такъ по забытому какъ же человѣка судить; невольное говорятъ, сомнѣніе возникаетъ, точно-ли онъ это говорилъ, или вамъ такъ показалось». А старшина, знаете, объясняетъ при этомъ: «когда», говоритъ «не помните, а сомнѣніе есть, такъ лучше вы ужъ за оправданіе становитесь, потому, слышали вы, и предсѣдатель говорилъ, что всякое сомнѣніе въ пользу подсудимаго».

Кончилось тѣмъ, что старичекъ-присяжный «по сомнѣнію» подалъ голосъ за оправданіе подсудимаго, и къ крайнему своему огорченію, злополучное обстоятельство, ускользнувшее изъ его памяти, онъ вспомнилъ уже въ судѣ, послѣ того, когда, благодаря его шестому голосу за оправданіе, въ залѣ суда провозглашенъ былъ старшиною оправдательный для подсудимаго вердиктъ.

По поводу значенія для присяжныхъ засѣдателей письменныхъ замѣтокъ во время судебного слѣдствія, уважемъ еще на одинъ лично намъ извѣстный такого рода фактъ.

По довольно сложному уголовному дѣлу о злостномъ банкротствѣ, по ко-

тому на скамьѣ подсудимыхъ сидѣло нѣсколько человекъ «бывалыхъ» подсудимыхъ, предметъ дѣла заключался главнымъ образомъ въ изслѣдованіи и установленіи отвлеченнаго понятія о подлогахъ въ торговыхъ документахъ.

Въ составъ присяжныхъ засѣдателей, такъ какъ дѣло слушалось въ уѣздномъ городѣ, вошли почти неграмотныя все лица, мѣстные простолюдины, состоявшіе изъ крестьянъ и мѣщанъ и только избранный изъ среды ихъ старшина присяжныхъ мѣщанинъ, оказался на столько грамотнымъ, что по его словамъ «письменное» могъ читать лишь съ палочкой, т. е. по складамъ, а писать умѣлъ, но совсѣмъ плохо только по своему, а «другому не понять» какъ онъ выражался самъ.

Въ серединѣ слушанія дѣла, присяжные видимо въ какомъ то смущеніи стали между собою о чемъ то перешептываться, послѣ чего старшина присяжныхъ всталъ и заявилъ предсѣдателю, что «гораздъ трудно имъ дѣло то достается, ишь имъ не разобраться, одинъ тоѣ говорить, другой другое, и примѣрно въ чемъ виноватъ въ толкѣ не возмешь, гдѣ же ужъ тутъ ѡво, все припомнить то».

Въ заключеніе, какъ старшина, такъ за нимъ и всѣ другіе присяжные заявили суду просьбу «ослобонить» ихъ, потому, что по ихъ словамъ, «они такими дѣлами никогда не занимались и словно, какъ сами не разберутъ, кто тутъ правъ и кто тутъ виноватъ, а народу ихъ тутъ много, и рѣчей всѣхъ ихъ не запомнишь».

Тогда предсѣдательствующій заявилъ старшинѣ присяжныхъ, что онъ можетъ себѣ для памяти дѣлать письменныя замѣтки, чтобы потомъ имъ было легче разобраться и съ этой цѣлю вручилъ старшинѣ присяжныхъ карандашъ и листъ бумаги.

Старшина съ какимъ-то тупымъ отчаяніемъ, выслушавъ заявленіе предсѣдателя, не взявъ ни бумаги, ни карандаша, заявилъ, что онъ писать не можетъ и не умѣетъ, и наконецъ переговоривъ съ другими присяжными, обратился къ предсѣдательствующему съ новой просьбой, чтобы имъ для писанія замѣтокъ, дали бы кого-нибудь изъ грамотныхъ присяжныхъ, не понавшихъ въ составъ присутствія.

Конечно, судъ отказалъ имъ и въ этой просьбѣ, и вотъ несчастные присяжные, сознавшіеся публично въ своемъ безсиліи совладать съ дѣломъ, должны были вытерпѣть пытку, бесполезно и непроизводительно выслушать это дѣло, а затѣмъ, испытать еще болѣе неловкое и прискорбное положеніе— постановить приговоръ по такому дѣлу, въ которомъ они безъ письменныхъ замѣтокъ, не могли никакъ разобраться, и котораго къ тому же не поняли.

Подсудимые два злостныхъ банкрота и сотрудники ихъ разряда «строчилъ» и канцеляристовъ, отлично воспользовались этими обстоятельствами, своими многорѣчивыми объясненіями и заявленіями, постарались еще болѣе запутать дѣло, затуманить головы присяжныхъ, и конечно, вышли изъ суда оправданными.

Исходъ этого дѣла и обрисовавшаяся на немъ не состоятельность, а

скорѣе безпомощность присяжныхъ засѣдателей, произвели крайне тяжелое впечатлѣніе на публику, бѣдные присяжные вышли изъ суда, какъ бы приниженными, и только оправданные поневолѣ подсудимые, отпраздновали надлежащимъ образомъ свой триумфъ, тогда какъ при другомъ составѣ присяжныхъ, который съумѣлъ бы виикнуть въ сущность дѣла, едвали бы пришлось имъ отдѣлаться отъ него такъ счастливо.

Въ средѣ нашихъ юристовъ есть не мало сторонниковъ того, что присяжные засѣдатели въ устраненіе путаницы въ показаніяхъ свидѣтелей и вообще, для установленія себѣ несомнѣнныхъ данныхъ къ оправданію или обвиненію подсудимыхъ, должны непременно, по сколько-нибудь сложнымъ дѣламъ во время судебного слѣдствія, вести письменныя замѣтки, которыя въ рѣшительныя минуты при постановленіи приговора, представляютъ для нихъ точки опоры въ томъ или другомъ побужденіи ихъ совѣсти.

Въ этомъ отношеніи нельзя не указать, напримѣръ на то, что какъ прокуроры, такъ и защитники, во время судебныхъ слѣдствій, никогда почти не полагаются исключительно на свою память, и всегда дѣлаютъ для себя соотвѣтствующія замѣтки, которыя потомъ и группируютъ въ видѣ доводовъ въ своихъ рѣчахъ передъ присяжными.

А между тѣмъ, какъ рѣчи прокуроровъ и защитниковъ, никакого рѣшающаго значенія въ судебномъ процессѣ не имѣютъ, убѣжденія и выводы присяжныхъ, вынесенныя ими изъ ознакомленія съ дѣломъ, должны закончиться ихъ рѣшительнымъ приговоромъ о винѣ или невинности подсудимаго.

Отсюда очевидно, что если стороны признаютъ для себя необходимымъ, дѣлать письменныя замѣтки для того, чтобы въ своихъ рѣчахъ не впасть въ ошибку, то присяжнымъ засѣдателямъ, еще болѣе слѣдуетъ заботиться объ устраненіи самой возможности подобныхъ ошибокъ, чрезъ неправильное восстановление въ своей памяти какихъ-либо обстоятельствъ дѣла, или упущеніе иныхъ совѣтъ изъ вида.

Высказываясь такимъ образомъ, мы отнюдь не хотимъ сказать, что веденіе присяжными засѣдателями замѣтокъ, признаемъ безусловно необходимымъ по всѣмъ вообще дѣламъ, мы находимъ только, что указанное въ законѣ это право присяжныхъ, должно быть осуществляемо въ нашихъ судахъ въ болѣе практической формѣ, нежели въ той, чисто формальной, которую намъ приходится ежедневно наблюдать.

Письменныя замѣтки даютъ присяжнымъ возможность быть убѣжденными, что они не упустили ничего изъ вида, при постановленіи ими приговора, а это убѣжденіе гарантируетъ имъ спокойствіе ихъ совѣсти за послѣдствія ихъ рѣшительнаго голоса.

Наконецъ иногда и сама подсудимые, заинтересованные на судѣ тѣмъ или другимъ показаніемъ въ ихъ пользу какого-либо свидѣтеля, обращаются къ присяжнымъ засѣдателямъ съ просьбой, запомнить преимущественно показаніе такого свидѣтеля и не оставить его безъ вниманія при разрѣшеніи дѣла. Само собою разумѣется, ни одному подсудимому не придетъ никогда въ го-

лову упрекнуть присяжныхъ, что они подобную просьбу его оставили безъ вниманія, если бы всякое такое заявленіе, они немедленно и на его же глазахъ, записали бы себѣ для памяти на бумагу.

VIII.

Внѣшняя обстановка на сессіяхъ присяжныхъ засѣдателей.

Никто, конечно, не будетъ спорить противу того, что внѣшняя обстановка въ положеніи каждаго человѣка, имѣть для него весьма серьезное значеніе.

Отдаваться всецѣло той или другой своей дѣятельности, посвящать ей свое вниманіе и умственные силы, возможно съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ для дѣла только тогда, когда насъ не беспокоятъ разнаго рода мелочныя заботы, объ удовлетвореніи самыхъ будничныхъ и насущныхъ нуждъ своихъ, и потребностей ежедневнаго домашняго обихода.

Напротивъ, когда въ обстановкѣ хотя бы и временнаго только положенія своего, намъ приходится терпѣть разнаго рода лишенія и неудобства, испытывать ограниченія въ самыхъ существенныхъ своихъ надобностяхъ, и вообще вслѣдствіе неблагопріятнаго вліянія окружающихъ насъ обстоятельствъ, заботиться прежде всего о своей личной персонѣ, тогда къ исполненію своего долга и своихъ обязанностей, мы не можемъ относиться съ тѣмъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, съ тою, такъ сказать, полнотою нашихъ дѣйствій, которыми отличалась бы наша дѣятельность при болѣе благопріятныхъ для насъ личныхъ условіяхъ.

Отъ человѣка, занятаго сложной и сосредоточенной умственной работой нельзя требовать, чтобы онъ вполне отдавался ей какъ слѣдуетъ въ то время, когда его неотвязно тревожитъ забота о насущномъ кускѣ хлѣба, когда онъ дрожитъ отъ холода, когда внѣшнія физическія условія обстановки, въ которую онъ попалъ, парализируютъ въ немъ его нравственную природу.

Нельзя порицать и людей, привыкшихъ къ извѣстнымъ удобствамъ жизни за небрежное отношеніе ихъ къ тѣмъ обязанностямъ, къ исполненію которыхъ они призываются, когда внѣшняя обстановка ихъ въ періодъ этого времени, осязательно даетъ имъ чувствовать, отсутствіе этихъ необходимыхъ для нихъ удобствъ и невольно наталкиваетъ прежде всего на мысль о самомъ себѣ.

То, что мы говоримъ вообще, имѣетъ непосредственное примѣненіе и къ лицамъ, призываемымъ въ наши суды, для исполненія обязанностей присяжныхъ.

Многое на судѣ, цѣлый рядъ внѣшнихъ причинъ, вліяютъ косвеннымъ образомъ на дѣятельность нашихъ присяжныхъ засѣдателей, обставляя её такими условіями, которыя не даютъ имъ возможности, отнестись съ полною сосредоточенностію къ исполненію своихъ высокихъ обязанностей.

Прослѣдимъ внимательно всѣ эти условія и войдемъ въ относительную ихъ оцѣнку.

Каковы въ самомъ дѣлѣ удобства тѣхъ помѣщеній, какъ въ мѣстахъ постоянного пребыванія окружныхъ судовъ, такъ въ особенности въ тѣхъ временныхъ въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ отбываются присяжными ихъ періодическія сессіи, какова та матеріальная недостаточность и необеспеченность въ необходимѣйшихъ своихъ потребностяхъ во время сессій, нашихъ наиболѣе несостоятельныхъ присяжныхъ засѣдателей изъ простолюдиновъ, которую въ окружныхъ судахъ приходится наблюдать такъ часто; на сколько, наконецъ, многочисленны тѣ мелочныя, но не менѣе того сильно ощущаемыя присяжными неудобства, которыя приходится испытывать каждому человѣку, оторванному отъ своей домашней обычной жизни и поставленному въ совершенно иную, непривычную для него обстановку, полную многихъ чувствительныхъ лишеній.

Начнемъ съ описанія тѣхъ помѣщеній, въ которыхъ присяжнымъ засѣдателямъ приходится дѣйствовать и проживать, во время вызововъ ихъ на судебныя сессіи.

Въ большинствѣ губернскихъ городовъ, гдѣ существуютъ окружные суды, помѣщенія ихъ далеко не представляютъ собою тѣхъ удобствъ, которыя слѣдовало бы предоставлять, какъ обстановкѣ судебныхъ засѣданій вообще, такъ и положенію на судѣ присяжныхъ засѣдателей въ частности.

Происходить это отъ того, что при введеніи судебной реформы, помѣщенія для окружныхъ судовъ, приспособлялись преимущественно изъ прежнихъ иногда запущенныхъ, старинныхъ зданій. Примѣнительно къ потребностямъ и условіямъ устнаго процесса, по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 г., эти старинныя зданія передѣлывались, обновлялись, и конечно, не давали помѣщеніямъ судовъ той полной пригодности во всѣхъ отношеніяхъ, которую можно было бы требовать, отъ вновь возведенныхъ и специально для суда приравненныхъ зданій.

Въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ окружныхъ судахъ, комнаты для присяжныхъ засѣдателей, настолько неудобны, что послѣдніе рѣшительно отказываются оставаться въ нихъ и предпочитаютъ свободное отъ засѣданій время, проводить въ залѣ суда.

«Въ нашемъ окружномъ судѣ—пишетъ намъ одинъ провинціальный присяжный засѣдатель—комната для присяжныхъ, не совѣтательная, а такъ называемая «сборная», куда мы собираемся до суда, расположена въ нижнемъ этажѣ зданія и передѣлана изъ холодной кладовой, въ которой прежде складывались товары. Хотя въ ней и устроили печь, прорѣзали окна, но прежняя подвальная атмосфера такъ въѣлась во всѣ стѣны ея, что устранить её нѣтъ никакой возможности. Въ тому же сырость стоитъ въ этой комнатѣ неизмѣрная, штукатурка въ ней отваливается отъ стѣнъ кусками, а на окнахъ и въ углахъ вѣчная вода и плесень; мы рѣшительно обходимъ эту комнату, имѣющую специальное назначеніе, давать намъ, присяжнымъ, временный пріютъ

и отдохновеніе, каждый изъ насъ старается не заглядывать даже въ нее опасаясь захватить болѣзнь, что съ однимъ изъ нашихъ товарищей и случилось, когда онъ однажды вздумалъ заснуть въ этой комнатѣ на диванѣ, во время трехъ часового перерыва засѣданія».

Такова привлекательная сторона этой такъ весьма удачно названной «сборни», о которой сообщаетъ намъ нашъ корреспондентъ.

Впрочемъ, это, какъ говорится, еще не суть важно, такія «неудобства», конечно нѣсколько исключительныя, и попадаются они наряду съ помѣщеніями болѣе удовлетворительными и благопріятными для здоровья присяжныхъ засѣдателей.

Говоря о помѣщеніяхъ окружныхъ судовъ, въ мѣстахъ ихъ постоянного пребыванія слѣдуетъ сказать, что при многихъ ихъ неудобствахъ, они представляются все-таки болѣе или менѣе терпимыми и спосными въ главныхъ, по крайней мѣрѣ, существенныхъ своихъ условіяхъ, относительно напряжѣръ тепла, приличной вѣшности помѣщенія, возможности имѣть для отдохновенія и собранія присяжныхъ, болѣе лучшую комнату, нежели подобную описанной выше «сборнѣ».

Существенно и безусловно неудобными, за единичными только исключеніями, представляются тѣ помѣщенія окружныхъ судовъ, въ уѣздныхъ городахъ, такъ сказать случайнаго характера, гдѣ происходятъ временныя засѣданія отдѣленій суда и гдѣ положеніе присяжныхъ засѣдателей подъ часъ бываетъ просто невыносимо.

Въ уѣздныхъ городахъ, временныя сессіи odbyваются обыкновенно въ помѣщеніяхъ или мѣстныхъ мировыхъ съѣздовъ или земскихъ управъ, городскихъ думъ, или же въ какихъ-либо другихъ, частныхъ домахъ и квартирахъ занимаемыхъ для суда въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ.

Эти помѣщенія по своимъ вѣшнимъ условіямъ, представляютъ почти всегда такую массу всякихъ неудобствъ для суда и присяжныхъ, что odbyваніе въ нихъ сессій суда, многіе считаютъ для себя сущимъ наказаніемъ.

Бто знакомъ съ бытомъ и жизнью нашихъ уѣздныхъ городовъ, кто знаетъ въ какой степени чистоты опрятности и другихъ условій приличной вѣшности, содержатся всѣ эти помѣщенія мировыхъ съѣздовъ, думъ и управъ, тотъ пойметъ, какъ тяжело отзывается на присяжныхъ засѣдателяхъ пребываніе въ нихъ въ теченіи иногда двухъ и болѣе недѣль.

Конечно, наравнѣ съ присяжными тѣ же неудобства ощущаютъ иа себѣ и коронные судьи, но на сторонѣ послѣднихъ, какъ власть имѣющихъ и хозяевъ внутренняго распорядка въ помѣщеніи суда, является всегда нѣкоторое преимущество, въ видѣ какой-нибудь наиболѣе удобной и привѣтливо обставленной комнаты, которая устраивается возможно комфортабельнѣе и предоставляется въ исключительное распоряженіе судей.

Впрочемъ не всегда и на долю коронныхъ судей, достается такая льгота.

Вотъ, напримѣръ, точное описаніе помѣщенія одного провинціального мирового съѣзда, относительно котораго мѣстная земская управа не безъ гордости

даже заявляетъ, что оно принаровлено специально для судебныхъ засѣданій окружнаго суда, съ присяжными засѣдателями.

Входъ въ судебную залу этого спеціального помѣщенія, идетъ черезъ двойную дверь, прямо со двора, такъ какъ никакой прихожей или передней при входѣ съ надворья нѣтъ, а потому зимой, когда эта входная дверь безпре- станно отворяется и запирается, въ залѣ этой, къ тому же очень небольшой не болѣе какъ на 100 человекъ, рѣшительно невозможно сидѣть безъ очевиднаго риска схватить простуду.

Совѣщательная комната для присяжныхъ и для суда, одна и та же, расположена она рядомъ съ залой засѣданія, а съ другой стороны примыкаетъ къ ней не капитальная тонкая стѣна небольшой полутемной комнаты, раздѣленной на двѣ коморки, изъ которыхъ въ одной помѣщается сторожъ мирового сѣзда, а въ другой находится ретирада самаго примитивнаго устройства.

Когда присяжные совѣщаются въ своей комнатѣ, то судьи, если не желаютъ оставаться на выставкѣ въ залѣ засѣданія, должны прогуливаться по большому сквозному корридору всего зданія, соединяющему мировой сѣздъ съ земскою управой.

Для сбора свидѣтелей и присяжныхъ засѣдателей особыхъ комнатъ нѣтъ.

Свидѣтелей «по чише» пускаютъ въ комнаты земскою управы, а остальнымъ сборный пунктъ полагается въ комнатѣ, гдѣ помѣщается архивъ управы, и которая къ тому же никогда зимой не отапливается.

Для сбора присяжныхъ засѣдателей отводится иногда одна изъ двухъ комнатокъ, при квартирѣ смотрителя земскаго дома.

Резюмируя всѣ удобства этого «спеціального» помѣщенія, получимъ слѣдующія привлекательныя его стороны.

Въ общей залѣ зимой страшный холодъ, въ совѣщательной комнатѣ присяжныхъ и судей, черезъ тонкую стѣнку смежной комнаты, слышно рѣшительно все, что дѣлается въ ретирадѣ, и какъ усердно храпятъ соблюдая «свое время» сторожъ мирового сѣзда. «Удаленіе» свидѣтелей въ особую комнату, т. е. въ холодный архивъ, встрѣчаетъ со стороны ихъ постоянное противодѣйствіе, а въ комнату присяжныхъ то и дѣло заглядываетъ безпрестанно кухарка смотрителя, ретиво охраняющая хозяйскіе интересы на случай, «какъ бы чего изъ шкафа не пропало, потому народу тутъ и въ этихъ самыхъ присяжныхъ всякаго бываетъ, а мое дѣло хозяйское».

Затѣмъ, общая сырость зданія, какая то мразь въ воздухѣ, сквозныя окна, шиняція, дымяція и только не грѣющія печи, раскосыя двери, играющій подъ ногами клапанами полъ, изъ подъ котораго несетъ холодомъ и т. д.

Не благоугодно ли въ такомъ помѣщеніи, высидѣть недѣли три и судить съ спокойною совѣстью своихъ преступныхъ братій... и это еще изъ милости, потому что сплошь и рядомъ и мировые сѣзды и земскія управы, отказываютъ суду въ помѣщеніи у себя, предоставляя ему открывать засѣданіе гдѣ угодно и какъ угодно но только не у нихъ.

Такіе случаи въ дѣятельности нашихъ окружныхъ судовъ далеко нерѣдки.

Въ одной изъ газетныхъ корреспонденцій, читаемъ мы слѣдующія извѣстія, относительно тѣхъ испытаній, которыя выпали на долю суда при отысканіи для себя помѣщенія, которое наконецъ было обрѣтено имъ въ бывшемъ зданіи трактира «съ номерами».

Вотъ уже съ годъ, какъ сессія въ нашемъ городѣ, крайне неудачны, читаемъ мы, корреспонденцію, съ сессіи на сессію откладывается у насъ масса дѣлъ, то за неполнымъ составомъ суда, а то и присяжныхъ засѣдателей. Нынѣшняя сессія начавшаяся 15 сентября, вышла еще неудачнѣе; мировой съѣздъ прямо отказалъ не только въ назначеніи почетнаго мирового судьи для засѣданія, но даже и въ помѣщеніи своемъ, по случаю отдѣлки зданія мирового съѣзда, для предстоящаго земскаго собранія, такъ что пріѣхавшій накануне за предсѣдательствующаго членъ суда, не зналъ даже, гдѣ ему придется на другой день открыть засѣданіе. Впрочемъ, земство предложило суду свой отдѣльный домъ, только что купленный, у линіи желѣзной дороги, въ которомъ шли капитальныя передѣлки, но это были однѣ только голыя стѣны, ни мебели ничего тамъ не было. На долю несчастнаго судебного пристава пришлось ѣздить всю ночь по городу, и выпрашивать у кого мебели у кого лампы, у кого другія необходимыя принадлежности для суда. Наконецъ уже въ три часа пополудни открылась сессія суда въ томъ зданіи, гдѣ до покупки его земствомъ, существовалъ трактиръ, гдѣ раздавались веселыя пѣсни арфистокъ и бродили мѣстные, доморощенные камелии.

Наглядною памятью этого грязнаго трактира съ номерами, преобразованнаго силою судьбы въ помѣщеніе для суда, свидѣтельствовалъ, по удостовѣренію корреспондента, ярлыкъ, оставшійся по забывчивости не снятымъ надъ комнатою, которая была предназначена для совѣщанія судей, и на которомъ значилось «номеръ 2-й, цѣна 1 руб.»

Что происходило въ этомъ номерѣ, пока въ немъ пріютилось правосудіе, вотъ вопросъ, которымъ заканчивается эта интересная корреспонденція.

И въ этомъ то полуразрушенномъ зданіи, при ужасной мебели, и обстановкѣ, въ холодное осеннее время, судьи и присяжные должны были провести и разрѣшить шестьдесятъ одно уголовное дѣло, пребыть въ этой дѣйствительно спартанской обстановкѣ болѣе двухъ недѣль.

Чего только не приходится, въ самомъ дѣлѣ, выносить нашимъ присяжнымъ при судействѣ ихъ на уѣздныхъ сессіяхъ.

Одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей сообщаетъ намъ изъ своей личной практики слѣдующее: «въ совѣщательной комнатѣ у насъ не на чемъ было сидѣть присяжнымъ, нѣсколько дней мы все стоя разсуждали и вопросы разрѣшали, и только послѣ долгихъ настояній нашихъ, судебный приставъ устроилъ намъ сидѣнья: изъ ближайшаго кабака принесли намъ два пустыхъ боченка изъ подъ пива, положили на нихъ двѣ доски, выпрошенные на время «за ради Христа для присяжныхъ» съ сосѣдняго лѣснаго двора и такимъ образомъ, устроили намъ очень удобныя сидѣнья, а мы народъ не балованный, и на томъ спасибо сказали, хуже бы все стоять....»

Другой присяжный сообщает, что въ комнатѣ присяжныхъ предназначенной для совѣщаній ихъ, поставлена была за шкафомъ посудина для нихъ и для суда, отъ которой «духа терпѣть было нельзя, а ты въ такой гадости и совѣщайся».

А вотъ указанія и на то, что приговоры свои, присяжнымъ приходилось постановлять въ необитаемыхъ комнатахъ зимой, безъ стеколъ въ окнахъ, которыя были побиты и залѣплены синей сахарной бумагой, отъ чего тепло въ комнатѣ не держалось и чернила въ чернильницѣ застывали, а когда приходилось писать рѣшеніе, то присяжные по очереди въ рукахъ и дыханіемъ «чернильницу ту отогрѣвали, чтобы чернила къ жизни пробудить.»

Вообще такихъ интересныхъ мелочей изъ жизни присяжныхъ во время сессій можно набрать не мало.

Здѣсь напримѣръ, присяжные сидятъ въ своей совѣщательной комнатѣ въ потьмахъ, потому что экономный судъ отъ себя имъ свѣчей не даетъ, а земство тоже не отпускаетъ, тамъ какой-нибудь сторожъ прямо приказываетъ имъ натаскать въ свою комнату съ надворья дровъ и истопить свою печку потому ему не досугъ «а не то и въ нетопленной насидитесь», въ третьемъ случаѣ присяжнымъ для совѣщаній отвели ту комнату, въ которой за два дня передъ тѣмъ квартировали дресированныя собаки, представленія которыхъ давались въ залѣ сѣзда, при чемъ сторожъ позабылъ даже очистить совѣщательную присяжныхъ, отъ неприятныхъ для обонянія послѣдствій пребыванія въ ней собачьихъ артистовъ, въ четвертомъ.... но не довольно ли и этого?

Скажемъ теперь, что бываютъ и такіе случаи, когда коронный судъ и присяжные, собравшись уже въ обычномъ помѣщеніи мирового сѣзда, для отправленія правосудія, предполагаютъ открыть засѣданіе, какъ вдругъ по какой-либо причинѣ, власть отъ сѣзда имѣющіе, предлагаютъ суду очистить немедленно помѣщеніе сѣзда, которое нужно или для воинскаго присутствія, или для экстреннаго земскаго собранія, или для какой-нибудь другой надобности. Что въ такомъ случаѣ суду дѣлать?

Въ силу «законнаго права» изгнанный, составъ суда отправляется искать себѣ по городу помѣщеніе. За судьями грустною вереницею плетутся одинъ за другимъ и присяжные съ котомками на плечахъ, а за ними секретарь суда, писцы и курьеры несутъ дѣла и бумаги.

Иногда такіе поиски суда бываютъ удачны, а иногда и нѣтъ, подходящихъ помѣщеній не оказывается, судья вынуждаются откладывать сессію, а присяжные изъ отдаленныхъ мѣстностей, нерѣдко на разстоянія до 80 и болѣе верстъ, распускаются судомъ и расходятся по домамъ, непроизводительно потративъ по пустому не мало времени.

Не всегда же однако, присяжнымъ приходится терпѣть такія неудобства, вѣдь бываютъ же и есть такія помѣщенія въ уѣздныхъ городахъ, которыя устроены примѣнительно къ потребностямъ суда, обставлены настолько хорошо, что повидимому въ нихъ можно было бы проводить время безъ особенныхъ сѣтованій на то, что очутился въ присяжныхъ засѣдателяхъ.

Въ такихъ случаяхъ возникаютъ иногда совершенно неожиданно неудобства другого рода.

«У насъ въ уѣздѣ, пишетъ намъ одинъ провинціальный житель, для засѣданій окружнаго суда съ присяжными, существуетъ зала мирового съѣзда. Эта зала отдѣлана прекрасно, земство не пощадило на нее издержекъ, есть у насъ и особыя комнаты судебныхъ и распорядительныхъ засѣданій, комнаты для судей, для присяжныхъ засѣдателей, для свидѣтелей, для канцеляріи суда, есть комната даже для судебного пристава; всѣ онѣ обставлены возможно удобно, вездѣ мягко, тепло и уютно, всюду хорошая мебель, каминны, вентиляція во всѣхъ помѣщеніяхъ, у судей въ комнатахъ ковры, на окнахъ вездѣ гардины и занавѣсы, однимъ словомъ, обстановка помѣщенія суда такова, что ей позавидовать могутъ не мало окружныхъ судовъ въ губернскихъ городахъ.

Но вотъ въ чемъ горе, многія изъ этихъ удобствъ опять-таки не доступны для большинства присяжныхъ засѣдателей изъ простолюдиновъ; въ этой удобной и роскошной обстановкѣ, ихъ отдѣляютъ, или лучше сказать, отмѣчаютъ въ числѣ другихъ присяжныхъ засѣдателей, тѣмъ недостойнымъ и оскорбительнымъ приѣмомъ, который ставитъ ихъ въ положеніе унижительное передъ другими присяжными.

Такъ, напримѣръ, смотритель помѣщенія суда, зная, что въ числѣ присяжныхъ очередной сессіи, чистой публики, состоитъ положимъ, 8 человекъ, а остальные все «мужичье», оставляетъ свободными въ ихъ сборной и совѣщательной комнатахъ по 8 стульевъ, правда, весьма хорошихъ, покрытыхъ дорогой матеріей, а остальные собираетъ въ кучу, чтобы «сермяжники и зипунники» не смѣли бы на нихъ садиться; ну добро бы еще поставили этимъ послѣднимъ какіе нибудь другіе стулья или хоть табуретки, а то ничего подобнаго не даютъ, предоставляя простолюдинамъ или стоять все время или садиться прямо на полъ.

Въ чему же въ такомъ случаѣ и заводить было такую дорогую мебель, совершенно основательно замѣчаетъ нашъ корреспондентъ, и не лучше ли было замѣнить еѣ мебелью попроще, но доступною для всѣхъ.

Опять и на счетъ ковровъ возьмемъ—пишетъ онъ далѣе. На судебскомъ возвышеніи, гдѣ судьи сидятъ, полъ обтянутъ тоже ковромъ. Черезъ это мѣсто идетъ проходъ въ другія комнаты, но здѣсь присяжныхъ изъ простыхъ не пропускаютъ, а велятъ ходить кругомъ, чтобы они «сапожищами до опорками коверъ не трепали», почтеніе ходить по коврамъ только тѣмъ, кто въ тонкихъ сапогахъ да въ нѣмецкомъ сюртукѣ, а чуть кто другой ступилъ, поворачиваютъ сейчасъ назадъ, да еще попрекнуть, ты говоришь на коверъ, денегъ не давалъ и его не растиралъ, такъ и ходить тебѣ здѣсь не мѣсто... а коверъ купленъ, извѣстно, на деньги земскія, а какихъ денегъ въ нихъ больше, какъ не мужицкихъ».

Въ одной изъ совѣщательныхъ комнатъ присяжныхъ, намъ самимъ довелось прочесть слѣдующее печатное объявленіе, вывѣшенное на стѣнѣ и предназначенное очевидно для присяжныхъ простолюдиновъ:

«Покорнѣйше просить зипунами и полушубками стѣны не марать. около печекъ не тереться, грязными руками за бѣлыя окна и двери не хвататься, сапоги и лапти передъ входомъ въ совѣщательную комнату отчищать отъ грязи и на полъ не сморкаться».

Вотъ ужъ доподлинно строгія пансіонскія правила, отъ которыхъ несчастные присяжные, по собственнымъ ихъ словамъ, не знали, «какъ имъ быть и куда дѣться, потому, извѣстно, грѣхомъ иное дѣло и забудешь».

На очередныя сессіи суда въ уѣздные города, въ составъ временнаго отдѣленія, выѣзжаютъ обыкновенно два члена уголовного отдѣленія съ товарищемъ прокурора и секретаремъ, а на мѣсто третьяго члена приглашается кто-либо изъ мѣстныхъ почетныхъ мировыхъ судей. Участіе послѣднихъ выражается въ чисто формальной сторонѣ дѣла, потому что активно они въ работѣ суда по составленію приговоровъ и резолюцій никакаго участія не принимаютъ, и такимъ образомъ, вся письменная главная работа по просмотру дѣлъ, подготовленію къ слушанію ихъ и составленію резолюцій, лежитъ всегда только на двухъ членахъ окружнаго суда, которые во все время сессій и составляютъ собственно работающую функцію, безъ всякаго участія третьяго члена, подписывающаго только бумаги и участвующаго въ засѣданіи. Работа эта не особенно трудная, участіе въ составѣ суда, какъ мы и говорили уже выше, обуславливается кое-какими привилегіями относительно личныхъ удобствъ, а потому почетные мировые судьи, назначаемые въ засѣданія суда и оказывающіеся иногда въ то же время въ спискахъ присяжныхъ засѣдателей, заявляютъ всегда преимущественное желаніе, оставаться въ составѣ суда, и быть неисключенными изъ списковъ присяжныхъ засѣдателей.

Конечно, и это служитъ тоже нѣкоторымъ доказательствомъ, непривлекательности положенія на судѣ присяжныхъ засѣдателей.

Очередныя сессіи въ уѣздныхъ городахъ, назначаются обыкновенно на время отъ нѣсколькихъ дней до двухъ и болѣе недѣль сплошнаго ежедневнаго участія въ засѣданіяхъ, по тремъ, четыремъ, а иногда и болѣе дѣламя, съ участіемъ мѣстныхъ присяжныхъ засѣдателей.

На подобныхъ сессіяхъ, какъ и вообще въ судѣ, дѣла бываютъ большія и маленькія, сложныя по количеству привлеченныхъ лицъ и по существу преступленія, значительныя по массѣ свидѣтелей, вызываемыхъ въ засѣданіе, продолжительныя по времени, отъ нестоимыхъ рѣчей и словоизліаній провинціальныхъ адвокатовъ.

Начиная съ перваго же дня сессіи, засѣданія открываются съ утра и продолжаются каждый день по тремъ, четыремъ и пяти дѣламя, оканчиваясь вечеромъ, рѣдко около пяти часовъ дня, а нерѣдко затягиваясь до поздняго вечера, ночи и даже до утра слѣдующаго дня. Такимъ образомъ, тянутся эти засѣданія иногда по двѣ, по три недѣли, при одномъ и томъ же участіи двухъ коронныхъ судей, однихъ и тѣхъ же присяжныхъ засѣдателей, отрывааемыхъ на столь продолжительный срокъ отъ своихъ домашнихъ дѣлъ и занятій.

Не естественное ли послѣ того дѣло, что при такихъ усиленныхъ заня-

тѣхъ суда, силы судей и присяжныхъ засѣдателей, напрягаются до нелзя, и необходимость упрощенія труда и работы сказывается въ томъ, что судъ съ строгою послѣдовательностію, разсматривавшій въ началѣ сессіи всѣ дѣла, начинаетъ въ послѣдующіе дни игнорировать многія формальности; товарищъ прокурора съ меньшей энергіей допрашиваетъ свидѣтелей и во многихъ случаяхъ отказывается отъ спроса ихъ совсѣмъ, судъ допускаетъ въ порядкѣ веденія дѣла, всевозможныя сокращенія, резюме предсѣдательствующаго скрадываются до нелзя, и въ этой общей картинѣ полнаго утомленія всѣхъ органовъ суда, одни только защитники изъ мѣстныхъ адвокатовъ, являютъ себя неутомимыми борцами за идею правды, и не уступая ни одной пяди изъ своего права, заливаютъ судъ потоками своего краснорѣчія, не смущаясь ни замѣчаніями, ни остановками предсѣдательствующихъ.

Подобныя положенія судей и присяжныхъ засѣдателей на уѣздныхъ сессіяхъ, представляютъ собою явленіе обыденное, и каждый изъ нихъ отбывъ сессію и возвращаясь домой, увозитъ всегда съ собою тѣ ощущенія чрезмѣрной тягости, утомленія и труда не по силамъ, которыя у очень многихъ лицъ судебного вѣдомства, сказываются въ преждевременномъ истощеніи и утратѣ здоровья и силъ — единственныхъ достояній служащаго люда, утрата которыхъ, выдвигаетъ всегда за собою на первый планъ вопросъ о существованіи.

Я никогда не забуду одной сессіи, на которой я былъ въ качествѣ товарища прокурора, сессіи продолжавшейся ровно двѣ недѣли, и которая до того утомила не столько меня и судей, сколько присяжныхъ засѣдателей, что они готовились уже было отказаться отъ дальнѣйшаго слушанія дѣлъ и хотѣли просить себѣ смѣны.

Дѣла какъ нарочно на этой сессіи, были все большія и раза два случилось такъ, что они затягивались до утра слѣдующаго дня. Часовъ въ восемь или въ девять утра, оканчивалось одно засѣданіе, а въ десять надо было открывать уже другое; такимъ образомъ мы не только что не имѣли ни минуты сна и отдыха, но намъ даже не доставало времени отправиться къ себѣ напиться чаю, и дѣйствительно, въ томъ же помѣщеніи мирового съѣзда, гдѣ происходили засѣданія суда, сторожъ приготавлилъ намъ самоваръ, наскоро выпивали мы по стакану чая и въ назначенный часъ, какъ истые служаки, хотя и съ мутными посоловѣвшими глазами и тяжелой головой, но все таки были уже на своихъ мѣстахъ и открывали вновь засѣданіе.

Какое все это сказывалось на большинствѣ присяжныхъ изъ простолюдиновъ, непривыкшихъ переносить столь чрезмѣрное напряженіе умственныхъ силъ своихъ, и они дѣйствительно чуть не болѣли отъ этого; комплектныхъ засѣдателей, безпрестанно приходилось освобождать на время отъ участія въ засѣданіяхъ и замѣнять ихъ запасными присяжными засѣдателями.

Ко всему этому нужно прибавить еще и то, что такая усиленная работа не утомляла бы насъ и присяжныхъ столь сильно если бы всѣ мы имѣли возможность отъ времени до времени, спокойно заснуть ночью и чѣмъ-нибудь сноснымъ

удовлетворить потребности своего желудка, а между тѣмъ на дѣлѣ и мы : присяжные были лишены всего этого.

Сессія наша происходила въ одномъ изъ ничтожнѣйшихъ уѣздныхъ городишекъ, гдѣ нетребовательные даже присяжные простолюдины, не могли имѣть каждый день хотя какую-нибудь горячую пищу.

Во всемъ этомъ городишкѣ, существовали лишь два постоянные двора, которые имѣли обыкновеніе, готовить кушанье своимъ посѣтителямъ только въ базарные дни, два раза въ недѣлю, когда въ городѣ съѣзжалось достаточное число простолюдиновъ.

Въ эти дни и наши присяжные простолюдины, могли имѣть горячую пищу а въ другіе дни, кромѣ ржавой селедки, черствыхъ булокъ и черного хлѣба, на базарѣ нельзя было ничего болѣе достать, «а селедокъ этихъ подѣвши да потомъ въ судѣ не знаешь куда отъ нихъ и съ душой дѣваться», рассказывали потомъ сами присяжные высказывая ропотъ на свой харчъ.

Не многимъ лучше было и нѣсколькимъ интеллигентнымъ присяжнымъ засѣдателямъ, которые помѣстились въ той же единственной гостинницѣ, въ которой основали свое убѣжище судьи и я.

Боже мой, что это была за ужасная гостинница, носившая громкое названіе Палермо!

Стоитъ ли описывать прелести этого Палермо въ частности, не лучше-ли обобщить вопросъ объ удобствахъ вообще такого рода уѣздныхъ пристанищъ.

Для этого представьте себѣ вообще картинку какого-нибудь захолустнаго уѣзднаго города, гдѣ по обыкновенію нѣтъ ни одной сколько-нибудь сносной не говоря уже о комфортабельно и удобно устроенной гостинницы. Грязные вонючіе номера съ сыростью, и промерзшими стѣнами зимой, неопрятная вообще обстановка, кровати полныя насаѣкомыхъ, изъ рукъ вонъ плохое продовольствіе и весьма часто отсутствіе возможности, за большія даже деньги найти что-нибудь подходящее для самого нетребовательнаго желудка. Вотъ общая картина такихъ номеровъ. При столь прелестной обстановкѣ представляется невозможнымъ ни порядочно заснуть, ни отдохнуть безъ риска быть заѣденнымъ клопами, ни подкрѣпить свои силы чѣмъ-нибудь удобо-съѣдомымъ. Всѣ мы постояльцы этой зловѣстной гостинницы, къ концу втораго дня пребыванія въ ней, послѣ употребленія въ пищу «солянки» и «пѣдовыхъ пироговъ» съ крутой начинкой, почувствовали столь неблагоприятныя для желудка послѣдствія, что отъ продовольствія такими продуктами намъ пришлось рѣшительно отказаться. Тогда всѣ мы, въ числѣ десяти человекъ порѣшили имѣть свой общій столъ, а одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей, изъяснивъ желаніе быть нашимъ экономомъ—распорядителемъ.

Въ первый же день его хозяйства, онъ закупилъ необходимые для насъ продукты и поручилъ изготовить обѣдъ повару гостинницы.

Обѣдъ вышелъ однакоже крайне не удачный. Познанія повара оказались не слишкомъ обширными, въ кулинарномъ искусствѣ онъ не ушелъ далѣе плохой солянки и тяжеловѣсныхъ пироговъ. Кончилось тѣмъ, что послѣ

второй неудачи, нашъ распорядитель—экономъ возвелъ въ званіе повара, пріѣхавшаго съ нимъ его кучера, когда то въ наиболѣе отдаленное время своей молодости служившаго въ поваряхъ.

Старикъ вспомнилъ свое былое искусство и обѣдами своего приготовления удовлетворилъ насъ вполнѣ. Только благодаря этому исключительному случаю, мы не переболѣли всѣ гастрическими припадками желудка.

Между тѣмъ есть оптимисты, которые не вѣрятъ тому, что въ уѣздныхъ городахъ можно испытывать иногда такую тиранію и увѣряютъ, что въ наше время въ любомъ уѣздномъ городишкѣ, пріѣзжій можетъ найти себѣ болѣе или менѣе приличное помѣщеніе, а въ соответствующей степени и другія удобства жизни.

Конечно, противъ этого нельзя безусловно возражать точно также, какъ нельзя отвергать и того, что во многихъ городахъ, благодаря вниманію полиціи или представителей городского общества, составъ суда пріѣзжающій на сессію, встрѣчаетъ уже полное во всемъ для себя удобство: для него заранѣе нанимается приличное удобное помѣщеніе, устраивается возможность продовольствія, если не роскошными блюдами, которыхъ едва ли кто и станетъ требовать, то все таки такими, которыя можно ѣсть не зажимая носа и не закрывая глазъ.

Въ большинствѣ же случаевъ, суду и присяжнымъ приходится испытывать на сессіяхъ такія крайности, которыя способны совершенно возмутить спокойствіе человѣка и пребываніе въ извѣстномъ мѣстѣ сдѣлать рѣшительно невозможнымъ.

Одинъ изъ провинціальныхъ товарищей прокурора пишетъ намъ:

«Я помню какія бѣдствія переносилъ я однажды съ двумя членами суда, пріѣхавъ на сессію въ уѣздный городъ одной изъ центральныхъ губерній. Намъ отвели въ гостиницѣ три самыхъ лучшихъ номера, которые по наружной чистотѣ были хуже самой грязной лакейской. Съ нами же помѣстились и двое нашихъ общихъ знакомыхъ, мѣстныхъ землевладѣльцевъ пріѣхавшихъ въ городъ на судъ, въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей. Ночью отъ насѣкомыхъ мы рѣшительно не могли спать, не смотря на то, что у насъ были съ собой почти у всѣхъ свои складныя кровати и всѣ постельныя принадлежности. Чтобы какъ-нибудь избавиться и спастись отъ клоповъ, мы по совету одного изъ нашихъ знакомыхъ присяжныхъ, выдвинули свои кровати на середину комнаты, и облили кругомъ себя полъ водою, для того, чтобы пресѣчь доступъ голодному неприятелю къ намъ на островъ. Но и эта стратегическая мѣра, дѣйствительная, можетъ быть, въ борьбѣ съ другими врагами, не принесла намъ никакой существенной пользы въ борьбѣ съ клопами».

«На утро мы встали почти не снавши, и съ сильными головными болями отправились въ засѣданіе, помѣщеніе для котораго было отведено въ только что закрытомъ воинскомъ присутствіи».

«Нестерпимая вонь и духота обдали насъ въ этомъ помѣщеніи, гдѣ не были выметены даже полы, а про холодъ, такъ какъ дѣло было зимой, и го-

ворить нечего. Когда предѣдательствующій обратился къ сторожу съ вопросомъ, почему въ присутствіи такъ холодно, то онъ отвѣтилъ, что на завтра будетъ еще холоднѣе, потому что не чѣмъ топить печей, такъ какъ дровъ было привезено въ обрѣзъ на столько дней, на сколько продолжалось воинское присутствіе».

«Командированный предѣдательствующимъ къ городскому головѣ секретарь суда, возвратившись отъ него объяснилъ, что голова отказался прислать дровъ для отопленія помѣщенія суда на томъ основаніи... что ему и безъ суда «дѣловъ» много.

«И вотъ, чтобы не заморозить себя и ни въ чемъ неповинныхъ присяжныхъ засѣдателей, мы сдѣлали на дрова складчину, и во все время сессіи отапливали помѣщеніе суда на свои деньги и даже страхъ, потому что печь въ помѣщеніи суда оказалась крайне неисправною, и въ лицѣ мѣстнаго полицейскаго надзирателя, мы получили даже предупрежденіе надлежащей власти топить какъ можно осторожнѣе»....

«Несомнѣнно, что при такихъ условіяхъ, въ такой по истинѣ спартанской обстановкѣ, всякое рвеніе къ дѣлу, всякое желаніе провести засѣданіе какъ слѣдуетъ, не торопясь, и отнестись къ своимъ обязанностямъ какъ слѣдуетъ, уступаютъ мѣсто болѣе существенной заботѣ объ томъ, какъ бы уберечь себя и окончивъ скорѣе засѣданіе, убраться въ свой злополучный номеръ, гдѣ можно по крайней мѣрѣ забраться съ ногами на постель, укутаться шубой, одѣяломъ и спастись однимъ только чаемъ».

Эта картинка, нарисованная товарищемъ прокурора, нельзя сказать чтобы не была фотографически вѣрна, она живо воспроизводитъ въ воображеніи каждаго провинціального судебного дѣятеля, знакомаго, и такъ сказать, родственнаго ему по собственнымъ испытаніямъ положенія.

Изъ одного богатаго уѣзднаго города намъ пишутъ:

«Все помѣщеніе нашего мирового съѣзда, приспособлено вполне для суда. Любезность нашихъ земскихъ дѣятелей къ суду дошла до того, что рядомъ съ помѣщеніемъ самого суда, устраиваются теперь у насъ комнаты для судей и прокурора, въ которыхъ предоставлено будетъ имъ останавливаться на все время сессій».

О такихъ, дѣйствительно, любезностяхъ земства, мы до сихъ поръ что-то еще не слышали, в сообщаемое намъ извѣстіе есть первое въ своемъ родѣ.

Многіе говорятъ, что всѣ тѣ неудобства, которыя приходится испытывать на уѣздныхъ сессіяхъ судьямъ и присяжнымъ засѣдателямъ, не больше какъ пустяки, которые вовсе не могутъ имѣть такого большаго значенія, какое имъ иногда приписываютъ. Но это едвали такъ. Проводимыя судьями безсонныя ночи, въ то время, когда напряженное состояніе духа во время судебного засѣданія, требуетъ преимущественнаго отдыха и спокойствія, отзываются всегда неблагопріятно на здоровьѣ ихъ и не даютъ возможности относиться къ дѣлу суда какъ слѣдуетъ, выдвигая впередъ небезнужныя заботы прежде всего о самихъ себѣ.

Послѣ этого нельзя удивляться тому, что подгоняемые такими прелестями положенія, члены суда въ особенности въ послѣдній день засѣданія, спѣшатъ какъ можно скорѣе покончить дѣла и не оставаться въ городѣ ни одного лишняго часа, уѣхать къ себѣ домой, чтобы стряхнуть съ себя подневольную грязь уѣзднаго захолустья, отдохнуть какъ слѣдуетъ, а иногда и заняться возстановленіемъ своего здоровья для будущей сессіи, разстроенаго предъидушею.

Сами присяжные засѣдатели, будучи всегда членами мѣстнаго общества и которые слѣдовательно должны быть менѣе требовательны, а напротивъ болѣе снисходительны къ тѣмъ неудобствамъ, которыя создаетъ имъ ихъ же собственное общество, и тѣ весьма часто заявляютъ претензіи свои суду на то, напримѣръ, что отъ холода имъ сидѣть нельзя, что въ залѣ сильный угаръ и т. д.

Сколько разъ доводилось намъ самимъ, слышать заявленія присяжныхъ, что имъ холодно, мочи нѣтъ и что они не могутъ выносить стужи.

Предсѣдательствующіе въ такихъ случаяхъ, разрѣшали имъ надѣть шубы, болѣе догадливые надѣвали даже теплые сапоги, а затѣмъ и составъ суда облегался такимъ же образомъ въ теплыя одежды, устраняя уже всякое шепетильное отношеніе къ вопросу, о неудобствѣ отправлять дѣло правосудія въ такихъ костюмахъ.

Мнѣ помнится изъ моей личной практики одинъ такого рода случай:

По поводу сильного холода въ залѣ засѣданія, предсѣдательствующій разрѣшилъ присяжнымъ засѣдателямъ надѣть шубы, и затѣмъ составъ суда не исключая и меня, тоже одѣлся въ теплую одежду, а я надѣлъ на ноги кромѣ того и теплые валенные сапоги, потому что столпикъ мой стоялъ у самаго окна, которое было только вставлено, но не замазано, и кромѣ того въ зимней рамѣ, одно стекло было разбито совсѣмъ, а другое отъ движенія вѣтра на дворѣ при 20 градусномъ морозѣ сильно колебалось.

Защитникъ подсудимаго послѣдовалъ тоже нашему общему примѣру и надѣлъ тулупъ, но не знаю ужъ изъ какихъ цѣлей и по какимъ соображеніямъ, просилъ предсѣдательствовавшаго занести въ протоколъ, что судъ отправлялъ дѣло правосудія въ костюмированномъ видѣ.

Предсѣдательствовавшій исполнилъ требованіе защитника, но въ тоже время чтобы узаконить такъ сказать съ точки зрѣнія человѣчности, свое распоряженіе о шубахъ, приказалъ достать и принести въ залу засѣданія термометръ.

Послѣдній былъ принесенъ, поставленъ на столѣ, передъ судовъ и въ нѣсколько минутъ опустился до 7° тепла. Предсѣдательствующій засвидѣтельствовалъ публично о числѣ градусовъ въ залѣ, приказалъ занести о томъ въ протоколъ, а затѣмъ всѣ послѣдующія дѣла мы вела и окончили въ шубахъ.

На сколько удобно зимою въ 7° тепла, вести засѣданіе по дѣлу какъ слѣдуетъ, не торопясь, исполнять всѣ требуемыя закономъ судебныя формальности, и отдаваться всецѣло дѣлу правосудія, забывая себя и свои личные интересы, въ то время, когда руки и ноги леденѣютъ отъ холода пусть

судить всякій, кому придетъ въ голову мысль, бросать упрекомъ въ судей за ихъ невнимательное и торопливое отношеніе къ дѣлу.

Для полноты настоящаго очерка скажемъ теперь нѣсколько словъ о тѣхъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ останавливаются на квартирахъ во время сессій присяжные засѣдатели простолюдины.

Пріѣзжая изъ деревень въ городъ, они предпочитаютъ образовывать изъ себя отдѣльные кружки или артели, которыми и занимаютъ обыкновенно дешевыя харчевни и постоялыя дворы гдѣ-нибудь на краю города. Хотя эти помѣщенія бываютъ вообще крайне непривлекательны относительно внѣшнихъ своихъ удобствъ, но какъ принаровленные по самому назначенію своему, къ потребностямъ простолюдиновъ, они удовлетворяютъ ихъ вполне, тѣмъ болѣе, что въ такихъ харчевняхъ и постоялыхъ дворахъ, простолюдины присяжные находятъ помѣщенія и для своихъ лошадей.

Объ интеллигентныхъ присяжныхъ засѣдателяхъ мы уже говорили. Они останавливаются на пребыванія въ продолженіе сессій, въ тѣхъ же грязныхъ и вонючихъ номерахъ уѣздныхъ гостинницъ и подворій, въ которые злая судьба загоняетъ судей, и гдѣ всѣ они въ равной степени терпятъ одинакія лишенія и испытанія.

Вольными квартирами присяжныхъ, неисчерпывается однако же вполне вѣроятность, объ удобствахъ ихъ помѣщеній; у присяжныхъ засѣдателей могутъ являться иногда квартиры невольныя, обязательныя, пребываніе въ которыхъ связывается съ правомъ предсѣдателя суда, въ важныхъ случаяхъ не отпускать ихъ къ себѣ домой, а оставлять на ночлеги въ самомъ помѣщеніи суда.

Мѣра эта имѣющая цѣлью, пресѣчь въ нѣкоторыхъ случаяхъ присяжнымъ засѣдателямъ всякую возможность, имѣть сообщеніе съ внѣшнимъ миромъ до постановленія ими окончательнаго приговора, можетъ одинаково понадобиться въ мѣстахъ постоянного пребыванія окружныхъ судовъ, и на временныхъ сессіяхъ, при выѣздахъ суда въ уѣздные города.

Въ послѣднихъ случаяхъ при крайней тѣснотѣ и неудовлетворительности вообще всякаго рода временныхъ помѣщеній суда, мѣра эта почти что никогда не можетъ быть примѣнена, въ виду рѣшительной невозможности осуществленія ея на дѣлѣ, хотя во многихъ случаяхъ, приведеніе ея въ исполненіе, по свойству и особенностямъ дѣла представлялось бы безусловно необходимымъ.

Намъ сообщаютъ объ одномъ случаѣ, когда въ небольшомъ уѣздномъ городкѣ, по дѣлу возбуждавшему всеобщій интересъ и даже небольшое волненіе въ мѣстномъ обществѣ, предсѣдатель суда нашелъ безусловно необходимымъ, не отпускать присяжныхъ засѣдателей на ночь домой.

Время близилось уже къ полночи, окончаніе дѣла предвидѣлось еще не скоро, а между тѣмъ оставить присяжныхъ засѣдателей ночевать въ помѣщеніи суда, не было ни какой возможности.

Предсѣдатель суда не зналъ, какъ ему поступить и что дѣлать, тогда уже сами присяжные засѣдатели, видя затрудненія его, а въ то же время же-

лая и съ своей стороны устроить отъ себя всякія нареканія въ послѣдствіи за тотъ или другой приговоръ свой, заявили предсѣдателю суда черезъ своего старшину желаніе, провести дѣло до конца безъ перерыва и ночлега съ тѣмъ только, чтобы имъ предоставлено было отдохнуть въ зданіи суда часа два.

Судъ, конечно, согласился на это предложеніе присяжныхъ, засѣданіе было прервано въ 12 часовъ ночи, два часа времени употреблены на отдыхъ въ помѣщеніи суда, а въ третьемъ часу ночи предсѣдатель возобновилъ засѣданіе къ дальнѣйшему слушанію дѣла, которое окончилось въ 9 часовъ утра.

Но легко ли было какъ судьямъ, такъ и присяжнымъ засѣдателямъ доводить по необходимости свои силы до такого крайняго напряженія, особенно въ виду того, что черезъ какой-нибудь часъ времени, они должны были снова открыть засѣданіе для слушанія другихъ дѣлъ, назначенныхъ на тотъ день.

Нѣсколько въ иномъ положеніи, представляется вопросъ о помѣщеніяхъ присяжныхъ въ мѣстахъ постоянного пребыванія орудныхъ судовъ. Въ этихъ случаяхъ, въ судахъ почти всегда есть отдѣльная комната для присяжныхъ засѣдателей, гдѣ они собираются передъ слушаніемъ дѣла и куда во время перерывовъ отпускаются для отдохновенія. Въ этихъ же помѣщеніяхъ присяжные засѣдатели остаются обыкновенно и ночевать, когда по важности дѣла судъ опредѣляетъ не отпускать ихъ на ночь домой.

Какія же удобства представляютъ эти помѣщенія для присяжныхъ засѣдателей.

Въ столицахъ и нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ центрахъ, на сколько намъ извѣстно, имѣются для присяжныхъ всѣ приспособленія для сна, какъ-то кровати, матрацы, а въ нѣкоторыхъ судахъ выдается для этого даже и бѣлье.

Но однако же отъ многихъ присяжныхъ засѣдателей намъ не разъ доводилось слышать, что будучи оставлены на ночь въ судѣ, они тщетно искали упокоенія и отдыха на предложенныхъ имъ отъ суда матрацахъ, такъ какъ, человѣкъ сколько нибудь брезгливый, никогда не рѣшился бы по нечистотѣ этихъ постельныхъ принадлежностей лечь на нихъ спать, да это и понятно, потому что всѣ такіе матрацы и подушки, въ обыкновенное время свалены бьются гдѣ-нибудь въ одну кучу въ углу какой-нибудь пустой комнаты, гдѣ на нихъ находятъ себѣ ночной покой и отдохновеніе дежурящіе по ночамъ сторожа и курьеры суда.

Опытъ нѣсколькихъ лѣтъ доказалъ уже впрочемъ, что такого рода приспособленія, а также и другія заботы суда объ удобствахъ присяжныхъ во время ночлеговъ, далеко не достигаютъ своей цѣли. Какъ бы окружные суды не старались обставить по возможности лучше положеніе ночующихъ въ судѣ присяжныхъ, они никогда не удовлетворяютъ ихъ всѣмъ для нихъ необходимымъ, потому что подвести къ однороднымъ понятіямъ объ удобствахъ слишкомъ разнородный составъ присяжныхъ, не представляется рѣшительно никакой возможности.

Одно и тоже приспособленіе, которое для человѣка изъ образованной среды представить, несомнѣнное удобство, для простолюдина составить предметъ помѣхи и недоразумѣнія.

Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ провинціальныхъ окружныхъ судовъ, составъ присяжныхъ засѣдателей оставленъ былъ ночевать въ помѣщеніи суда. По числу 14 человѣкъ присяжныхъ, въ одной общей большей залѣ, было приготовлено для нихъ четырнадцать однородныхъ постелей съ бѣльемъ и со всѣми принадлежностями. Когда наступила пора ложиться спать, то вся неурядица такого однообразія въ приспособленіяхъ для всѣхъ присяжныхъ тотчасъ же сказала сама собой. Присяжные интеллигентнаго состава безъ всякой помѣхи завладѣли своими кроватями, но не то было съ крестьянами; они положительна не соглашались лечь на складныя желѣзныя кровати и воспользовались только одѣями подушками, съ которыми улеглись прямо на полъ, и то предварительно снявъ съ нихъ чистыя наволоки.

Когда ихъ спросили почему они не хотятъ ложиться на кровати и на чистомъ бѣльѣ, то они отвѣтили, что «какъ на ей спать, словно чудно какъ съ непривычки» и при этомъ выразили еще опасеніе, что «какъ бы за бѣлье то не пришлось бы потомъ платить деньги».

Съ другой стороны, эти же присяжные засѣдатели, по своему обычаю и деревенской простотѣ, снявши съ себя на ночь сапоги, развѣсили на стульяхъ грязныя ошкеры съ ногъ, отчего атмосфера въ залѣ сдѣлалась таковою, что многіе изъ присяжныхъ другой категоріи отказались совсѣмъ отъ ночлега въ залѣ.

Въ нѣкоторыхъ окружныхъ судахъ, забота объ удобствахъ присяжныхъ ограничивается только тѣмъ, что судъ отводитъ въ распоряженіе ихъ 3—4 комнаты, въ которыхъ присяжные и располагаются на ночлегъ нѣсколькими болѣе однородными группами. Такой порядокъ распредѣленія ихъ на ночь, устраняетъ обыкновенно возможность взаимныхъ стѣсненій другъ друга.

Присяжные изъ образованной среды составляютъ обыкновенно отдѣльную группу; приспособленія для ночлега бывають у нихъ часто съ собой, а городскимъ таковыя доставляются изъ дома, купцы и люди средняго сословія, собираются тоже отдѣльно, простолюдины составляютъ свою новую отдѣльную группу.

Такимъ образомъ присяжные засѣдатели, соединяясь въ ближайшіе кружки людей, однородныхъ привычекъ, нисколько не стѣсняютъ другъ друга и не чувствуютъ никакой неловкости въ обстановкѣ непривычныхъ для нихъ условій. При этомъ присяжнымъ засѣдателямъ по ихъ желанію выдаются отъ суда только матрацы и подушки.

Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ, при помѣщеніяхъ мировыхъ съѣздовъ, существуютъ такія приспособленія для ночлеговъ присяжныхъ засѣдателей, которыя не всегда можно встрѣтить даже въ большихъ губернскихъ городахъ.

Вотъ что сообщаютъ, напримѣръ, намъ изъ Моршанска, относительно уст-

роенныхъ тамъ помѣщеній для временныхъ засѣданій суда и для присяжныхъ засѣдателей.

Засѣданія окружнаго суда съ присяжными засѣдателями, происходятъ въ Моршанскѣ въ зданіи уѣздной земской управы, въ помѣщеніи мирового сѣзда. Помѣщеніе это вполне приспособлено къ засѣданіямъ окружнаго суда съ присяжными засѣдателями. Самое зало засѣданій, весьма обширное, имѣетъ въ длину 44 аршина, въ ширину 27 аршинъ, въ высоту 7 аршинъ съ небольшими хорами для дамъ, посѣщающихъ засѣданія. Для присяжныхъ засѣдателей имѣются двѣ большія комнаты, прилично меблированныя. Первая комната отъ зала засѣданія служитъ для совѣщаній присяжныхъ, въ ней поставленъ большой столъ, мягкій диванъ и буковые стулья. Вторая комната предназначена на случай, если бы присяжнымъ засѣдателямъ, пришлось ночевать за неокончаніемъ слушающагося дѣла; въ этой послѣдней комнатѣ устроены хоры въ видѣ палатей предназначенныя для спанья присяжныхъ засѣдателей изъ крестьянъ, для остальныхъ же (купцовъ, мѣщанъ, чиновниковъ и дворянъ) ставятся немедленно внизу складныя желѣзныя кровати, съ тюфяками, простынями, подушками и одѣялами; для умыванія всѣхъ присяжныхъ имѣется столикъ съ машинкою, на стѣнѣ виситъ большое зеркало, въ отдѣльномъ отъ этой комнаты помѣщеніи имѣется ватеръ-клозетъ.

Утромъ, если присяжные засѣдатели нечуютъ, въ судѣ имъ подаются самовары и чайная посуда, составляющіе принадлежность ихъ помѣщенія.

Всѣмъ, что касается до услугъ присяжнымъ засѣдателямъ во время ихъ ночлега въ засѣданіи суда, завѣдуетъ смотритель дома, а для покупокъ чего либо по части продовольствія присяжные могутъ посылать разсыльныхъ мирового сѣзда, которые для этой цѣли командируются въ полное распоряженіе присяжныхъ засѣдателей.

Всѣ присяжные засѣдатели, задерживаемые въ судѣ на ночлегъ, пользуются одинаковыми удобствами и условіями помѣщенія, но крестьяне сами отдѣляются отъ остальныхъ сословій и группируются между собою, такъ какъ у нихъ свои привычки и обычаи, не подходяшіе къ привычкамъ остальныхъ присяжныхъ. Такъ напримѣръ, устройство хоръ или иначе палатей, вызвано было практикой, ибо крестьяне привыкшіе, спать у себя дома на печкахъ и палатахъ, стѣснялись ложиться на приготовленныя имъ кровати и ложились на полу, вслѣдствіе чего и просили сами устроить имъ палаты, такъ какъ они къ нимъ, по ихъ словамъ, болѣе привыкли.

Ходатайство крестьянъ присяжныхъ было уважено, и имъ были устроены въ той же комнатѣ весьма обширныя палаты, на которыхъ могутъ легко помѣститься человекъ 15, каковыми крестьяне и стали пользоваться, никогда уже не употребляя для спанья кроватей.

Такимъ образомъ нельзя не отдать полной справедливости тому вниманію Моршанскихъ земскихъ дѣятелей, съ которымъ они отнеслись къ устройству вполне удобнаго, приличнаго помѣщенія для суда и присяжныхъ, обставивъ таковое всѣмъ необходимымъ.

Примѣры такого отношенія земства къ потребностямъ нашего суда очень рѣдки.

Предусмотрительность Моршанскаго земства относительно удобствъ и комфортабельности помѣщенія для суда выразилась и въ томъ еще, что въ залѣ суда устроенъ хороший каминъ, который постоянно топится для тяги воздуха, и съ тою же цѣлью очищенія и освѣженія воздуха во всѣхъ комнатахъ помѣщенія имѣются вентиляторы.

Нѣкоторыя изъ земствъ и городскихъ общественныхъ учреждений, возбудили уже впрочемъ въ послѣднее время вопросъ о приспособленіи при окружныхъ судахъ квартиръ для присяжныхъ засѣдателей, и если эти приспособленія будутъ гдѣ либо устроены, то само собой прежде всего слѣдовало бы озаботиться тѣмъ, чтобы по примѣру Моршанскаго земства эти квартиры удовлетворяли только общимъ существеннымъ условіямъ хорошаго жилья: т.-е., чтобы онѣ были свѣтлы, теплы, удобны, но чтобы затѣмъ въ частности, присяжные засѣдатели не были бы стѣснены въ нихъ никакими общими правилами и порядками, а въ приспособленіи для себя лично каждымъ изъ нихъ тѣхъ или другихъ удобствъ, всѣ они были бы предоставлены сами себѣ, безъ всякаго намека на какія либо опредѣленные правила и указанія.

Можно посоветовать и окружнымъ судамъ, комнаты присяжныхъ засѣдателей и помѣщенія для ночлеговъ ихъ, обставить тоже нѣкоторыми наиболѣе необходимѣйшими въ житейскомъ быту предметами, какъ-то умывальниками, чайными приборами, самоварами, приборами для питья, кое какими зеркалами и т. п. необходимыми вещами, безъ которыхъ въ случаѣ ночлега трудно обходиться даже самому неприхотливому человѣку.

Можно указать на цѣлый рядъ такихъ случаевъ, когда отсутствіе этихъ необходимыхъ вещей, сказывалось вообще крайне неблагоприятно на положеніи присяжныхъ засѣдателей, которые какъ выборные общественные представители, вправдѣ, конечно желать, чтобы внѣшняя обстановка ихъ положенія хотя сколько-нибудь соответствовала бы ихъ званію судей.

А между тѣмъ можно ли найти, напримѣръ такое соответствіе, въ слѣдующемъ случаѣ, замѣченномъ лично нами въ одномъ изъ провинціальныхъ окружныхъ судовъ.

Во время обѣденнаго перерыва, присяжные простолудины, попросили сторожа принести имъ для хлѣба, соли, и эта соль была имъ подана въ грязной помадной банкѣ, а для питья тѣмъ же присяжнымъ вода была принесена въ старомъ рукомыльницѣ съ отбитыми носомъ и ручкой.

Въ этомъ отношеніи, провинціи нельзя впрочемъ дѣлать большаго упрека, потому что даже въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ, какъ удостовѣряетъ г. Никитинъ въ своихъ судебныхъ очеркахъ о судѣ присяжныхъ, вода для питья присяжнымъ засѣдателямъ подавалась одно время въ зеленой четвертной бутылѣ изъ подъ водки.

Кстати замѣтимъ еще вотъ что: въ залахъ судебныхъ засѣданій нѣкоторыхъ окружныхъ судовъ, помѣщается обыкновенно на стоѣ вода въ гра-

финахъ, предназначаемая для питья присяжнымъ засѣдателямъ, но насколько мы замѣтили, они пользуются этой водой весьма рѣдко и большею частью отказываются отъ ея употребленія, по весьма, впрочемъ, уважительнымъ причинамъ.

Дѣло въ томъ, что на этомъ же столѣ, называемомъ обыкновенно столомъ вещественныхъ доказательствъ, раскладываются постоянно самые разнообразныя предметы составляющіе принадлежность уголовныхъ дѣлъ, какъ-то: разная старая одежда, нерѣдко замазанная въ крови, снятая съ убитыхъ, умершихъ или изувѣченныхъ, перепачканная изверженіями и разными другими нечистотами; кромѣ того, различная обувь, старыя вещи, отравленная пища, слѣды изверженій и рвоты и вообще такіе предметы, соприкосновеніе которыхъ съ приборами для питья, небезопасное во многихъ случаяхъ для здоровья, не можетъ быть кромѣ того, пріятно и для человѣка самаго небрежливаго свойства. Между тѣмъ всѣ такіе предметы, помѣщаются обыкновенно тутъ же на столѣ, приходятъ въ соприкосновеніе съ посудой, а раскладываемая одежда, грязное бѣлье и другіе болѣе обширные предметы, покрываютъ нерѣдко собой стаканы и воду.

Можно себѣ представить послѣ этого, какъ пріятно бываетъ иногда утолить свою жажду въ душевой залѣ суда, изъ подобныхъ стакановъ, которые рстати сказать находясь на попеченіи курьеревъ и сторожей, никогда почти и не моются.

Намъ остается еще, говоря о внѣшней матеріальной обстановкѣ присяжныхъ во время сессій, коснуться тѣхъ продовольственныхъ удобствъ присяжныхъ засѣдателей, которые заключаются въ буфетахъ устроенныхъ при нѣкоторыхъ окружныхъ судахъ.

Буфеты эти существуютъ въ обѣихъ столицахъ, и во многихъ губернскихъ городахъ, находятся они обыкновенно въ зданіяхъ судовъ и въ нихъ всегда можно бываетъ не только что хорошо позавтракать, но даже и получить, если не изысканный, то все же вкусный и сытный обѣдъ изъ нѣсколькихъ блюдъ.

Конечно, людямъ состоятельнымъ, призываемымъ къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей, такіе буфеты со всевозможными иногда удобствами, представляютъ всѣ средства для того, чтобы поѣсть не безъ удовольствія, но для тѣхъ присяжныхъ засѣдателей, которые не обладаютъ достаточными средствами для того, чтобы оплачивать свои обѣды рублями, какъ напримѣръ крестьяне, ремесленники и другіе несостоятельные люди, подобные буфеты бывають по дороговизнѣ своей рѣшительно недоступными.

Какимъ же путемъ продовольствуется пищею, вся эта оставшая масса несостоятельныхъ и недостаточныхъ присяжныхъ засѣдателей, неимѣющая возможности кушать буфетныя блюда.

Въ этомъ отношеніи положеніе ихъ крайне незавидно, тѣмъ болѣе, что отлучаться изъ суда для того, чтобы поѣсть гдѣ нибудь подешевле въ городѣ неудобно, такъ какъ перерывы для обѣдовъ и завтраковъ бывають очень непродолжительны.

Отъ этого, такимъ присяжнымъ приходится въ большинствѣ случаевъ, если не формально голодать, то изъ экономіи ѣсть впроголодь, что въ дѣйствительности по большей части и бываетъ.

Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ вида, что въ большинствѣ случаевъ простолюдины живутъ только своимъ личнымъ трудомъ, между тѣмъ, будучи призываемы на сессіи въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей, они мало того, что теряютъ свое рабочее время для себя лично непроизводительно, но еще это непроизводительно затрачиваемое время должны оплачивать высокою пошлиною изъ своего кармана за ѣду.

Въ провинціи, въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ и наконецъ на сессіяхъ въ уѣздахъ, сама повседневная жизнь выработала уже примѣнительно къ потребностямъ крестьянъ простолюдиновъ, извѣстный порядокъ продовольствія ихъ въ постоянныхъ и временныхъ помѣщеніяхъ окружныхъ судовъ, чрезъ посредство разныхъ пирожниковъ, саечниковъ и сбитеньщиковъ.

Послѣдніе, являясь въ суды, предлагаютъ желающимъ свои незамысловатые и недорогіе продукты потребленія, и нужно по правдѣ сказать, что тамъ гдѣ эти порядки заведены, присяжные простолюдины очень дорожатъ ими, потому что за недорогую цѣну, они могутъ быть сыты, не имѣютъ надобности отлучаться изъ зданія суда, и кромѣ того пользуются такой пищей къ которой привыкли.

Торговцы этой руки, ютятся обыкновенно въ переднихъ или швейцарскихъ окружныхъ судовъ, располагаются гдѣ нибудь въ углу или за вѣшалками или за колоннами, нерѣдко во время перерывовъ засѣданія, они по протекціи сторожей и курьеровъ проходятъ прямо въ корридоры суда или въ сборную комнату присяжныхъ, гдѣ и производятъ свою торговлю, а на сессіяхъ въ уѣздныхъ городахъ располагаются или на улицѣ около помѣщенія гдѣ засѣдаетъ судъ, или же и прямо въ самомъ помѣщеніи суда.

Въ нѣкоторыхъ окружныхъ судахъ инициатива устройства продовольствія простолюдиновъ присяжныхъ, принадлежитъ самимъ предсѣдателямъ судовъ, и нельзя не сказать, что такая заботливость, объ удовлетвореніи столь существенныхъ потребностей присяжныхъ, заслуживаетъ полнаго одобренія и примѣра достойнаго подражанія для тѣхъ судовъ, гдѣ присяжные побуждаемые голодомъ, вынуждаются покупать у судейскихъ сторожей черный хлѣбъ по 5 и 6 коп. за фунтъ.

А мы знаемъ, что такіе случаи были уже не разъ наблюдаемы.

Въ одномъ окружномъ судѣ, какъ намъ извѣстно, продовольствіе присяжныхъ простолюдиновъ взять на себя судейскій швейцаръ и нужно сказать повелѣ это дѣло очень хорошо.

Жена его отличная повариха, открыла у себя нѣчто въ родѣ общедоступной столовой, такъ вкусно и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ дешево стала кормить обѣдами и завтраками присяжныхъ засѣдателей, что въ скоромъ времени обѣдать къ ней кромѣ нихъ, стали ходить даже и всѣ мелкіе судейскіе чиновники.

Но за то бѣднымъ крестьянамъ присяжнымъ, сплосъ и рядомъ приходитъ

ся продовольствоваться однимъ только хлѣбомъ да водой, въ тѣхъ случаяхъ, когда при судѣ или его временномъ помѣщеніи, не существуетъ ни одного изъ описанныхъ выше продовольственныхъ приспособленій.

Въ общемъ—картина матеріальной обстановки нашихъ присяжныхъ засѣдателей на судѣ и во время сессій, представляется далеко неудовлетворительною, и для приведенія ея въ соотвѣтствіе съ дѣйствительными потребностями присяжныхъ, оставляетъ за собою желать много лучшаго.

IX.

Счастливые дни на судѣ присяжныхъ.

Обычная и бытовая сторона нашей народной жизни, по внимательному наблюденію многихъ судебныхъ дѣятелей, отражается весьма часто на вердиктахъ присяжныхъ засѣдателей.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, народныя вѣрованія создали уже въ дѣлѣ суда такого рода нравственные прецеденты, которые, въ убѣжденія судей совѣсти, нерѣдко заранѣе намѣчаютъ имъ то направленіе, котораго они должны придерживаться при разрѣшеніи предложенныхъ ихъ разсмотрѣнію дѣлъ.

Въ значительномъ большинствѣ случаевъ, такого рода обычно-бытовые взгляды присяжныхъ, находятъ себѣ выраженіе въ оправдательныхъ приговорахъ ихъ, и въ этомъ отношеніи, во многихъ мѣстностяхъ, подсудимые настолько усвоили уже себѣ тѣ побужденія, подъ вліяніемъ которыхъ присяжные засѣдатели склонны выносить, по преимуществу, оправдательные вердикты, что въ стѣнахъ тюремъ и остроговъ создались даже довольно ясныя понятія и отчетливыя представленія о счастливыхъ и несчастливыхъ дняхъ.

Счастливые дни, въ представленіяхъ арестантовъ-подсудимыхъ, это тѣ дни судебныхъ разбирательствъ съ присяжными, въ которые они съ большою вѣроятностью надѣются выйдти изъ суда оправданными, а такихъ дней нравственно-религіозная и обычно-бытовая народная жизнь выработала уже немало.

Такъ, напримѣръ, практика большинства окружныхъ судовъ указываетъ на замѣтно бросающееся въ глаза стремленіе присяжныхъ, оправдывать подсудимыхъ въ дни первой, четвертой (по народному выраженію средопрѣстной) и страстной недѣль великаго поста.

Само собою разумѣется, что главную роль въ этомъ проявленіи милосердія и всепрощенія, играетъ религіозный элементъ.

Слѣдуя евангельскому правилу, присяжные простолюдины въ такіе дни, крайне неохотно склоняются на обвиненія подсудимыхъ, въ томъ простомъ убѣжденіи, что «не добре другаго судить, когда самъ свою душу отъ грѣха въ покаянію покладаетъ».

Такого рода воззрѣнія простолюдиновъ-присяжныхъ, выразились уже настолько убѣдительно въ массахъ оправдательныхъ приговоровъ, постановлен-

ныхъ присяжными въ означенные дни, приговорахъ, иногда совершенно неожиданныхъ, что, для устранения такого ненормального повода къ оправданіямъ подсудимыхъ, многіе окружные суды стали избѣгать назначенія судебныхъ засѣданій съ присяжными, въ указанные дни, или-же если и назначаютъ къ слушанію какия-либо дѣла, то дѣла наименѣ важныя, въ которыхъ оправдательные вердикты не представляли-бы собою чего-либо рѣзкаго, бросающагося въ глаза своею неожиданностію.

Еще рѣзче въ этомъ отношеніи, т.-е. со стороны нетерпимости обвиненія, отличаются въ крестьянскомъ и вообще, простонародномъ быту, такъ-называемые поминальные дни, родительскія пятницы и субботы.

Въ эти дни, простолюдины рѣшительно отказываются отъ обвиненій, и обвиняемые, которымъ выпадаетъ счастливая доля быть судимыми въ такіе именно дни, почти всегда выходятъ изъ суда оправданными.

Въ нашей личной судебной практикѣ былъ однажды случай, что присяжные-крестьяне, въ одну изъ «родительскихъ пятницъ», вынесли оправдательный приговоръ подсудимому, обвинявшемуся, при полныхъ уликахъ, въ открытомъ разбоѣ, съ нанесеніемъ тяжкаго увѣчья, при отсутствіи какихъ-бы то ни было смягчающихъ его вину обстоятельствъ.

Болѣе всѣхъ удивился этому оправданію самъ подсудимый, такъ какъ даже защитникъ его, не отвергая виновности своего кліента, просилъ только о дарованіи ему снисхожденія.

Въ разговорѣ съ однимъ изъ присяжныхъ засѣдателей состава, рѣшавшаго это дѣло, мы коснулись вскользь вопроса о причинѣ, вызвавшей этотъ неожиданный для всѣхъ оправдательный вердиктъ.

— Да какъ вамъ, сударь, сказать, отвѣчалъ намъ присяжный, о немъ у насъ почестъ разговоръ не было никакого, нѣшто сумлѣваться тутъ можно было потому ужъ на что: и свидѣтели, и господинъ докторъ, и всякое такое... известно виновать кругомъ, видно, что виновать, тутъ и толковать нечего.

— Такъ какъ-же вы его оправдали, когда сами-же говорите, что онъ виновать?

— Оправдали-то... а прощѣный нонѣ день суларь, вы ихъ не почитаете, ну а намъ, словно, лишняго на душу грѣха брать не хочется... ну и думаемъ, что съ нимъ, съ душегубомъ этимъ, пусть его для такого дня Господь осудитъ, а будь въ другой разъ, мы его, какъ одинъ человекъ, обвиновали-бы, потому виновать...

— На нонѣшній день сударь, вмѣшался въ разговоръ другой присяжный старикъ, по нашенскому дѣлу, скотиннику и ту грѣхъ забиждать... ни за какую шкodu не ударишь ее... на нонѣшній день ты кнута ни у кого въ рукахъ не увидишь, пастухъ въ стадо и тотъ кнутовище да плеть съ собой не беретъ, чтобы грѣхомъ, скотиннику не ударить... потому день нынѣ для души великъ.... не токмо человекъ, а и животину забиждать нельзя, ну, такъ и подумали, Богъ съ нимъ съ душегубомъ, не судѣмо ему отъ насъ, пусть Господь его осудитъ, а намъ своихъ родителейъ души спокой... соблю-

дать требуется. ... такъ старики намъ наказывали жить, такъ и мы вѣкъ своей прожили, день этотъ соблюдаючи...

Нужно-ли говорить, что эти воззрѣнія свои, оба присяжные выражали голосомъ, полнымъ убѣжденія и глубокаго вѣрованія.

Въ такихъ случаяхъ, на рѣшимость присяжныхъ оправдать преступника, въ смыслѣ болѣе строгаго отношенія къ нему, не имѣеть вліянія даже и относительная важность его вины. Напротивъ, большая серьезность вины, представляетъ для подсудимаго и больше шансовъ къ его оправданію, потому что, по взглядамъ простолюдиновъ-присяжныхъ, оправдать болѣе тяжкаго преступника въ такой день «больше душѣ корысти», какъ объяснилъ намъ присутствовавшій въ засѣданіи суда священникъ.

— Какъ такъ? невольно спросили мы.

— А такъ, очень просто, намъ отвѣчалъ священникъ, мужичекъ нашъ разсуждаетъ вотъ какъ: я говорить, его для родителей своихъ оправлю отъ суда, онъ мнѣ молещикъ будетъ за ихъ души; онъ передъ людьми и Богомъ сугубо согрѣшилъ, значить передъ Господомъ его и молитва угоднѣе будетъ... праведнаго, говорить, челоуѣка или грѣшнаго, какая молитва Богу угоднѣе? вотъ ты и мекай.

Вотъ и еще фактъ своеобразныхъ обычныхъ воззрѣній крестьянъ-присяжныхъ, взятый точно также изъ нашей судебной практики.

Въ одномъ изъ провинціальныхъ окружныхъ судовъ южной полосы Россіи, уѣздныя сессіи распредѣлялись по городамъ, обыкновенно, въ опредѣленное время, и между прочимъ, въ одномъ изъ городовъ, сессіи приходились почти всегда на двѣ среднія недѣли августа мѣсяца.

Какъ судьи, участвовавшіе на этихъ сессіяхъ, такъ и участковый товарищъ прокурора, нерѣдко обращали вниманіе на то, что многіе изъ подсудимыхъ арестантовъ, заключенныхъ подъ стражу въ мѣстномъ тюремномъ замкѣ, всегда бывали крайне заинтересованы тѣмъ, чтобы дѣла ихъ попадали въ очередь для слушанія именно на эту сессію, и рѣдкій изъ нихъ, въ чаяніи суда, не подавалъ просьбы о томъ, чтобы дѣло его было назначено къ слушанію въ августѣ мѣсяцѣ.

Для достиженія этой цѣли, кромѣ подавія въ судъ соответствующихъ прошеній и ходатайствъ, иногда самыхъ убѣдительныхъ, арестанты принимали и другія мѣры. Такъ, напримѣръ, при назначеніи ихъ дѣлъ въ другія сессіи, они или заболѣвали умышленно, съ тѣмъ, чтобы дѣла ихъ были отложены и перенесены на ближайшую августовскую сессію, или, просто-напросто, домогались отсрочки засѣданій подъ разными законными предлогами, а когда это не удавалось, то, во время начавшихся уже судебныхъ засѣданій, выводили на судъ какія-либо «вновь открывшіяся обстоятельства», по которымъ судъ вынужденъ былъ приостанавливать дальнѣйшее разсмотрѣніе дѣла.

Само собою разумѣется, что такія стремленія арестантовъ, попасть на сканью подсудимыхъ именно въ августѣ мѣсяцѣ, не могли проходить для суда

совершенно безслѣдно и наконецъ были уже констатированы въ видѣ факта, несомнѣнно повторявшагося изъ года въ годъ.

Съ другой стороны, судьи стали замѣчать, что августовскія сессіи давали всегда наибольшій и, относительно другихъ сессій, весьма значительный процентъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ, тогда какъ дѣла этихъ сессій, по содержанію своему, не отличались ничѣмъ отъ дѣлъ другихъ сессій, равно и составъ присяжныхъ во всѣхъ сессіяхъ былъ всегда однороденъ и, главнымъ образомъ, состоялъ изъ контингента крестьянъ и земледѣльцевъ.

Все это повело къ необходимости выяснить, конечно, совершенно частнымъ путемъ, тѣ причины, которыя такъ настойчиво побуждали подсудимыхъ тяготѣть именно къ августу мѣсяцу.

По разслѣдованію оказалось слѣдующее. Въ теченіи среднихъ недѣль августа мѣсяца, у мѣстныхъ хлѣбопашцевъ происходитъ обычный въ это время постѣвъ озимаго хлѣба, а эта работа, отъ которой въ будущемъ году зависить все благосостояніе селянина, какъ извѣстно, вообще, обставляется крестьянами разнаго рода религіозными обычаями и вѣрованіями.

Такъ напримѣръ, къ постѣву крестьяне приступаютъ обыкновенно съ особой молитвой; въ иныхъ мѣстностяхъ, наканунѣ сѣва, сѣятели цѣлый день постятся; другіе передъ постѣвомъ моются въ банѣ, на сѣвъ выходятъ въ особой чистой одеждѣ; нѣкоторые весь періодъ времени отъ сѣва хлѣба до его всхода, проводятъ въ строгомъ воздержаніи; въ иныхъ мѣстахъ сѣятели отъ всего количества посѣяннаго хлѣба, извѣстную мѣрку жертвуютъ на какое-нибудь благотворительное дѣло, въ день сѣва избѣгаютъ ссоръ, брани, не пьютъ водки и т. д.

Подъ вліяніемъ тѣхъ же возрѣній, у крестьянъ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь, сложился обычай, въ періодъ сѣва хлѣба, чтобы заслужить себѣ божіе милосердіе, никого не обижать, не относиться ни къ кому враждебно, быть, въ широкомъ смыслѣ слова, милостивыми, чтобы и въ свою очередь заслужить милость божію.

И вотъ, подъ вліяніемъ такого рода нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій, не рѣшаясь брать на себя въ такіе дни, осужденія, присяжные-крестьяне, будучи призываемы на судъ, выносили обыкновенно подсудимымъ, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, оправдательные приговоры.

На уѣздныхъ сессіяхъ, составъ присяжныхъ засѣдателей, состоитъ почти всегда изъ крестьянъ и людей все той-же простой среды, живущей одними вѣрованіями, придерживающихся однихъ и тѣхъ-же понятій, а потому обвинительные приговоры въ періоды такихъ сессій, въ описанной нами мѣстности, являлись какъ исключенія только тогда, когда составъ присутствія присяжныхъ, случайно пополнялся лицами другихъ возрѣній.

Послѣ этого не могутъ, или не должны казаться иногда странными, тѣ почти что повальные оправданія подсудимыхъ, которыми отъ времени до времени, отмѣчаются въ дѣятельности нашихъ судовъ съ присяжными, нѣкоторыя исключительно уѣздныя сессіи.

Если, такимъ образомъ, прослѣдить всѣ наши народныя обычаи, бытовыя воззрѣнія и религіозно-общественныя вѣрованія, то можно будетъ обнаружить не мало и другихъ причинъ, по которымъ, въ извѣстные дни, наши присяжные засѣдатели оказываются наиболѣе склонными выносить оправданія людскимъ прегрѣшеніямъ, нежели относиться къ нимъ со строгимъ словомъ осужденія.

Х.

Неудобства лѣтнихъ сессій.

Весенняя и лѣтняя пора въ жизни нашего сельскаго населенія, составляетъ, какъ извѣстно, пору самыхъ спѣшныхъ, безотлагательныхъ полевыхъ работъ.

Въ особенности дороги поселянамъ недѣли, выпадающія на время весенней пахоты, сѣва хлѣба, косыбы и уборки сѣна. Одинъ такой день, по словамъ крестьянъ, кормитъ цѣлый годъ, а потому казалось, что при распредѣленіи нашими окружными судами уѣздныхъ сессій, слѣдовало бы имъ имѣть это всегда въ виду, и не отрывать поселянъ отъ работъ въ самое горячее для нихъ время года, иногда на двѣ на три недѣли, для отбытія повинности присяжныхъ засѣдателей, такъ какъ этимъ значительно подрывается ихъ матеріальное благосостояніе и разстраиваются ихъ бытъ и хозяйство.

Отъ своевременнаго посѣва хлѣба, отъ своевременной его уборки и сбора травъ, зависитъ во многомъ матеріальная обстановка крестьянина.

Два, три, удачныхъ горячихъ дня въ хозяйствѣ сельскаго жителя, нерѣдко обезпечиваютъ ему все его благосостояніе на цѣлый годъ, точно также, какъ нѣсколько такихъ упущенныхъ дней, отзываются всегда большимъ убыткомъ въ хозяйственномъ бюджетѣ каждаго земледѣльца.

Что же послѣ этого должны испытывать поселяне, отправляясь въ качество присяжныхъ засѣдателей на сессіи въ уѣздный городъ, и оставляя на произволъ судьбы свои нивы, свои поля, всѣ начатыя и неоконченныя свои полевыя работы.

Естественное дѣло, что заботы о своемъ хозяйствѣ, ни на минуту не выходятъ у нихъ изъ головы, и заставляютъ ихъ къ обязанности присяжныхъ засѣдателей, относиться крайне не дружелюбно, какъ къ такой повинности, которая ихъ раззоряетъ и приноситъ имъ одинъ ущербъ.

По этому вопросу о томъ значеніи, какое имѣютъ для сельскихъ жителей весеннія и лѣтнія сессіи окружнаго суда, вопросъ на столько серьезный и затрагивающій такія существенныя стороны экономическаго быта нашего деревенскаго люда, что его ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ оставлять въ сторонѣ и обходить безъ вниманія, при распредѣленіи окружными судами годовыхъ уголовныхъ сессій, съ присяжными засѣдателями.

Въ особенности слѣдовало бы это принимать во вниманіе, при назначеніи сессій въ уѣдныхъ городахъ, гдѣ весь контингентъ присяжныхъ засѣдателей почти всегда состоитъ изъ землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ, крестьянскаго и другихъ сословій.

Намъ извѣстно, что въ нѣкоторыхъ окружныхъ судахъ, въ тѣхъ судахъ, которые принимаютъ во вниманіе интересы присяжныхъ засѣдателей, общія собранія ихъ, при распредѣленіи уѣдныхъ сессій, соображаются всегда съ періодами спѣшныхъ полевыхъ работъ, стараясь очередные выѣзды суда въ уѣзды, согласовать съ наиболѣе свободнымъ временемъ крестьянскаго населенія отъ своихъ обыденныхъ занятій.

А для того, чтобы относительно крестьянъ, выполнять это наиболѣе выгоднымъ и наименѣ стѣснительнымъ для нихъ образомъ и оградить отъ ущерба хозяйственные интересы присяжныхъ тѣми мѣрами, примѣненіе которыхъ зависитъ отъ суда, нѣкоторые окружные суды, какъ органы мѣстные, сосредоточиваютъ у себя подъ рукою такого рода данныя, соображаясь съ которыми, они имѣютъ всегда возможность соблюсти хозяйственные интересы крестьянъ присяжныхъ.

Прежде всего укажемъ, напримѣръ, что всѣмъ вообще окружнымъ судамъ, не могутъ не быть извѣстны, общій характеръ дѣятельности и преимущественныя занятія населенія тѣхъ уѣздовъ, которые входятъ въ составъ округа суда, другими словами, окружные суды всегда знаютъ, какіе изъ уѣздовъ имѣютъ земледѣльческій характеръ, какіе занимаются фабричными, кустарными или ремесленными работами, а потому отъ усмотрѣнія ихъ и зависитъ вполнѣ, назначать напримѣръ сессіи въ такое время, которое не совпадало бы съ періодами наиболѣе спѣшныхъ весеннихъ и лѣтнихъ работъ въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ по преимуществу развита сельско-хозяйственная дѣятельность.

При невозможности же сохранить интересы присяжныхъ засѣдателей изъ крестьянъ, такимъ путемъ, иные окружные суды въ періоды сельскихъ работъ назначаютъ или самыя короткія сессіи, или же дѣла двухъ, трехъ смежныхъ уѣздовъ, соединяютъ въ одну сессію въ одномъ уѣздѣ, или же, наконецъ, дѣла уѣздовъ смежныхъ съ губернскимъ городомъ, распредѣляютъ между нѣсколькими сессіями въ постоянномъ мѣстопребываніи суда, гдѣ какъ указала уже практика составъ присяжныхъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ состоитъ почти всегда изъ горожанъ.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ окружныхъ судахъ, заботливость предсѣдательствующихъ объ интересахъ присяжныхъ, выражается въ томъ, что одновременно съ посылкою каждому изъ нихъ повѣстни о призывѣ на сессію посылаются имъ и извѣщенія о томъ, что если они по какимъ-либо своимъ соображеніямъ, занятіямъ или работамъ, находятъ не удобнымъ являться въ засѣданіе суда, на назначаемые имъ періоды времени, то могутъ просить о переводѣ ихъ очереди на какую-либо другую четверть года, при чемъ указывается и то, въ какомъ порядкѣ, и кому слѣдуетъ предъявлять о томъ свои ходатайства.

Такого рода извѣщенія присяжныхъ, составляютъ, такъ сказать, практическое развитіе самого закона, предоставляющаго присяжнымъ право, въ видахъ возможнѣйшаго облегченія имъ обязанностей ихъ, избирать для себя ту очередь или четверть года для отбытія этой повинности, которая для нихъ представляется наиболѣе удобною и наименѣе стѣснительною.

Къ сожалѣнію однакоже должны мы сказать, что на практикѣ законъ этотъ, которому повидимому, суждено было имѣть большое практическое примѣненіе, осуществляется у насъ въ дѣйствительности на дѣлѣ очень рѣдко.

Происходитъ это не отъ равнодушія въ нему со стороны самихъ присяжныхъ засѣдателей, а отъ формальнаго отношенія къ этому праву ихъ, предсѣдательствующихъ въ судахъ или, лучше сказать, ихъ секретарей.

Много значить, какъ предсѣдатели судовъ, относятся къ подобнымъ заявленіямъ присяжныхъ засѣдателей, и конечно, достаточно бываетъ раза два, три, показать невниманіе къ такимъ просьбамъ ихъ, чтобы отучить совѣмъ присяжныхъ отъ желанія «проситься въ переводы», какъ остроумно выразился про нихъ, одинъ изъ мелкихъ судейскихъ чиновниковъ.

Иной крестьянинъ для подачи такой просьбы, передъ наступленіемъ срочныхъ работъ у себя по хозяйству, нарочно пріѣзжаетъ въ окружный судъ, чтобы «для вѣрности» сдѣлать подобное заявленіе предсѣдателю самолично, и освободить себя отъ предстоящей сессіи, гдѣ нибудь въ уѣздномъ городѣ, не гадательно, не по бумагѣ только, а вполне достовѣрно, «чтобы потомъ еще штрафа не заплатить».

И вотъ приходитъ такой присяжный къ предсѣдателю суда, объявляетъ ему свою «жалобу», входитъ въ подробныя разглагольствованія относительно того, почему, да какъ, ему эту сессію надо пробыть дома, рассказываетъ въ простотѣ душевной, что у него и паръ не подбитъ, и гречиха на ходу, и сѣно въ укосѣ, и кобылка на носѣ, полагая, что всѣ эти столь близкіе ему хозяйственные интересы его, должны равно интересоваться и другихъ.

— Хорошо, хорошо; вотъ пройдите вы въ корридоръ, перебиваетъ его предсѣдатель суда, спуститесь по лѣстницѣ внизъ, тамъ будетъ третья комната на право, вы ее пройдите и въ слѣдующей найдете моего секретаря, ему и подайте свое заявленіе.

Отправляется нашъ присяжный крестьянинъ на поиски предсѣдательскаго секретаря, и долго блудитъ онъ по обширному зданію суда, пока, наконецъ, не находитъ указанную ему комнату.

— Что вамъ нужно.

Мужичекъ низко кланяется и подаетъ свое письменное заявленіе.

— Насчетъ значить, потому, какъ по нашему крестьянскому положенію таперича у насъ спѣшка гораздъ въ работѣ ... начинается онъ неторопливо свое объясненіе.

— Да вы скорѣе, въ другую очередь что ли проситесь, перебиваетъ его нетерпѣливо секретарь.

— Такъ точно, такъ, ваше благородіе, торопливо отвѣчаетъ крестьянинъ

присяжный, обрадованный тѣмъ, что его просьбу такъ скоро поняли, и собирается уже на радостяхъ продолжить, передачу своего крестьянскаго «положенія», но его повидимому не расположены слушать.

— Ступайте, сдѣлаемъ, отрывисто объявляетъ ему секретарь, и вслѣдъ затѣмъ письменное заявленіе присяжнаго изъ рукъ секретаря летитъ черезъ два стола на третій.

— Отиѣйте переводъ, обращается онъ къ чиновнику того стола, куда отправилъ посылку, и неудостоявъ самого просителя ни взглядомъ, ни какимъ-либо отвѣтомъ, принимается за свои прерванныя занятія.

— Таперь значить по этому самому моему прошенію... насчетъ, начинаеть не смѣло мужичекъ, желая выяснитъ что-то въ дополненіе къ своей письменной просьбѣ, и не понимая собственно, при какомъ же онъ теперь остался положеніи.

— Таперь значить, подалъ ты прошеніе и прощай, тамъ тебѣ чрезъ полицію объявка будетъ, копируетъ его одинъ изъ чиновниковъ и обрываетъ простолюдина присяжнаго въ тотъ самый моментъ, когда онъ пытался было разъяснитъ самую суть своего ходатайства, т. е. въ какую именно четверть года желаетъ онъ быть записаннымъ.

Прежде, чѣмъ онъ успѣетъ оправиться отъ такого замѣчанія, къ нему подходитъ уже канцелярскій сторожъ.

— Прошеніе ты свое землягъ подалъ, всякое табѣ удовольствіе будетъ сдѣлано, а таперь господамъ не мѣшай, и безъ тебя у нихъ дѣловъ много, объясняетъ онъ просителю и полегоньку выпроваживаетъ его вонъ изъ комнаты.

Съ тѣмъ присяжный и уходитъ, не узнавъ о себѣ ничего вѣрнаго, и даже не высказавъ вполнѣ своего ходатайства. Между тѣмъ что же оказывается въ результатѣ этого поданнаго имъ прошенія. Въ немъ проситель заявилъ только желаніе быть перечисленнымъ, изъ второй четверти года въ другую, а въ какую именно, того онъ не пояснялъ, полагая объ этомъ объяснить начальству послѣ, что бы оно выслушало доводы его въ подтвержденіе своего ходатайства, но ни предсѣдатель суда, ни его секретарь не дали ему возможности высказаться, ограничились формальной приемкой отъ него прошенія, которое за рубль цѣлковый, сострипалъ ему кое какъ наскоро какой-то кабацкій строчила, и такъ какъ нужно же было его все таки сунуть въ какую нибудь четверть года, то просителя присяжнаго и включили на удачу въ третью четверть, благодаря чему «нерасторопный» присяжный, совершенно для себя неожиданно попалъ на сессію, какъ разъ въ самый свѣтъ хлѣба, въ третью четверть года.

Такихъ случаевъ можно привести очень много, съ формальной стороны противу нихъ ничего нельзя сказать, а со стороны живаго и разумнаго отношенія къ дѣлу, и къ нуждамъ присяжныхъ, многимъ предсѣдательствующимъ можно послать по адресу тотъ справедливый упрекъ, что они не относятся съ должнымъ вниманіемъ, къ такого рода заявленіямъ присяжныхъ, тогда какъ законъ возложилъ на нихъ прямо эту обязанность.

Описанный нами случай, не вымысел и не «примѣръ», а дѣйствительный фактъ, а нѣсколькихъ такихъ примѣровъ, даровыхъ и безпослѣдственныхъ поѣздокъ въ городъ, достаточно для того, что бы отучить присяжныхъ совѣтъ отъ охоты проситься въ переводъ изъ одной четверти года въ другую.

Кромѣ того нерѣдко предсѣдательствующіе отказываютъ присяжнымъ въ ходатайствахъ о перенесеніи ихъ очереди, изъ одной четверти года въ другую потому, что признаютъ основанія такихъ ходатайствъ не достаточно уважительными.

Одинъ землевладѣлецъ коннозаводчикъ, передаетъ намъ о слѣдующемъ случаѣ, отказа ему со стороны предсѣдателя, въ перенесеніи его очереди какъ присяжнаго засѣдателя, изъ одной четверти года въ другую.

У этого коннозаводчика былъ весьма большой конный заводъ.

На одну изъ весеннихъ сессій окружнаго суда, онъ получилъ повѣстку о явкѣ въ засѣданіе на три недѣли.

Эти три недѣли времени, совпали какъ разъ съ періодами случки заводскихъ лошадей и аукціона жеребятъ подростковъ.

Не трудно понять, что такое время для коннозаводчика, въ коммерческомъ ходѣ его дѣятельности, представляется весьма важнымъ; признавая безусловно необходимымъ быть эти три недѣли у себя дома, онъ обратился къ предсѣдателю съ просьбой, о переводѣ его очереди изъ второй на третью четверть года.

Предсѣдатель суда отказалъ ему однакоже въ этомъ ходатайствѣ, признавъ приведенныя послѣднимъ причины, не настолько важными, чтобы ради нихъ дѣлать подобныя перемѣшенія.

— Какъ, не важны, говорилъ потомъ этотъ присяжный засѣдатель, онѣ не важны можетъ быть для предсѣдателя суда, потому что онъ свои тысячи черпаетъ изъ другаго источника, а я свои средства, которыми живу и существую круглый годъ съ семействомъ, извлекаю изъ своего завода только въ эти три недѣли.

Само собой, нельзя одобрить такихъ отказовъ предсѣдателей въ исполненіи совершенно законныхъ просьбъ присяжныхъ, которые совершенно безнужно раздражаютъ только ихъ, и ограничиваютъ то, предоставленное имъ по закону право, которое установленъ въ огражденіе ихъ личныхъ и исключительныхъ интересовъ.

Нѣкоторыя изъ земствъ, сознавая все неудобство для сельскаго населенія, которое сопряжено съ назначеніемъ сессій окружныхъ судовъ въ усиленную рабочую пору, съ своей стороны возбуждали одновременно вопросъ, о необходимости исходатайствованія у правительства разрѣшенія, на не назначеніе сессій окружныхъ судовъ, по крайней мѣрѣ въ пору весенняго и осенняго посѣвовъ хлѣба.

Такъ, на примѣръ, въ 1874 году, сессія елецкаго окружнаго суда, въ Задонскѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, была назначена съ 22 апрѣля по 10 мая, т. е. включительно отъ перваго до послѣдняго дня ея, въ то время,

когда слѣдовало приступить и окончить посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ, представляется едва ли даже не важнѣе осенней уборки. Одинъ изъ земскихъ гласныхъ, представивъ о такой несвоевременной для сельскихъ хозяйствъ сессіи, губернскому земскому собранію указавъ, что было бы только справедливо не доводить до конечнаго раззоренія, массу присяжныхъ засѣдателей, а потому полагая, что на обязанности земствъ лежитъ обратить вниманіе правительства, на такую несвоевременность призыва присяжныхъ засѣдателей въ окружные суды, подрывающую въ корнѣ благосостояніе весьма многихъ изъ нихъ.

Задонское уѣздное земство вполнѣ одобрило основную мысль докладчика и перенесло дѣло установленнымъ порядкомъ, «въ губернію»; съ своей стороны и губернская земская управа, согласилась съ этимъ заключеніемъ, и потому просила ходатайства губернскаго собранія передъ правительствомъ о томъ, чтобы сессіи окружныхъ судовъ ни въ какомъ случаѣ не назначались между 10-мъ апрѣля и 15-мъ мая. Находя основанія этого ходатайства «безусловно уважительными для всѣхъ уѣздовъ губерніи», собраніе постановило: поручить губернской управѣ ходатайствовать по этому предмету передъ правительствомъ въ опредѣленномъ порядкѣ.

Къ сожалѣнію мы лишены возможности сказать, имѣло ли какіе-либо практическіе результаты это ходатайство земства.

Такимъ образомъ. неудобства лѣтнихъ сессій, прежде всего выражаются въ томъ, что сельскіе жители, будучи отрываемы отъ своихъ полевыхъ работъ въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы, крайне тяготея этимъ, испытывая матеріальный ущербъ отъ перерыва въ слѣпныхъ работахъ.

Но и помимо этого, существуютъ еще и другія причины, которыя въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ, неблагоприятно отзываются не столько на всѣхъ вообще присяжныхъ засѣдателяхъ, сколько на самомъ ходѣ и отправленіи правосудія.

Для разъясненія этихъ послѣднихъ неблагоприятныхъ вліяній, лѣтнихъ мѣсяцевъ, на дѣятельность суда присяжныхъ, намъ придется начать наше разъясненіе нѣсколько издалека.

Въ силу извѣстныхъ циркулярныхъ распоряженій Министерства Юстиціи, окружные суды и лица прокурорскаго надзора, послѣ каждой очередной сессіи, доставляютъ обыкновенно въ министерство вѣдомости о количествѣ послѣдовавшихъ во время сессіи оправдательныхъ и обвинительныхъ приговоровъ присяжныхъ, и ихъ взаимномъ процентномъ отношеніи.

Сопоставленіе такихъ вѣдомостей за разные года, въ разныхъ окружныхъ судахъ, предоставляет возможность установить въ видѣ неопровержимаго факта, что лѣтніе мѣсяцы во всѣхъ случаяхъ, даютъ вообще преимущественное число оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ.

Причина этого не можетъ быть объяснена, ни особымъ свойствомъ дѣлъ, ни какими-либо исключительными составами присяжныхъ засѣдателей, такъ какъ въ общемъ назначеніи къ слушанію уголовныхъ дѣлъ всякаго рода, существуетъ одинъ и тотъ же порядокъ какъ лѣтомъ, такъ и зимою, точно также

какъ и составы присяжныхъ засѣдателей и въ тѣхъ и другихъ случаяхъ бываютъ одинаковы, и во всякомъ случаѣ не могутъ имѣть прямого вліянія на эти по преимуществу лѣтніе оправдательные приговоры присяжныхъ.

Слѣдовательно ближайшее объясненіе причины этого повсемѣстно почти замѣчаемаго явленія, выражающагося въ наиболѣе милостивомъ и снисходительномъ отношеніи присяжныхъ къ подсудимымъ въ теченіи лѣтняго времени, слѣдуетъ искать въ какихъ-либо другихъ данныхъ.

И дѣйствительно, эти особыя данныя побуждающія присяжныхъ въ теченіи лѣта выносить по преимуществу оправдательные приговоры, заключаются—какъ это не странно сказать—въ самыхъ свойствахъ лѣтняго времени, чрезмѣрно утомлять организмъ человѣка въ особенности въ періоды наиболѣе сильныхъ жаровъ.

Объяснимся болѣе наглядно.

Физическія и нравственныя утомленія присяжныхъ засѣдателей, въ томительное жаркое время года, несомнѣнно парализируютъ сосредоточенность ихъ умственной дѣятельности и слѣдовательно не могутъ не вліять въ разной степени, на самый процессъ отправленія ими правосудія.

Если на ряду съ этимъ принять во вниманіе, значительную продолжительность вообще нашихъ уѣздныхъ сессій, массу назначаемыхъ къ слушанію дѣлъ, неудовлетворительность помѣщеній въ уѣздахъ, гдѣ приходится разбирать уголовныя дѣла, непривычку вообще простолюдиновъ присяжныхъ къ умственной работѣ, необходимость высиживать по нѣсколькимъ часамъ подъ рядъ, въ страшной духотѣ, доводящей человѣка до истомы, то станетъ понятнымъ, что присяжные засѣдатели поставленные въ такія условія, не въ состояніи вполнѣ нормально отправлять свои обязанности. Умственная дѣятельность ихъ отъ такой удручающей внѣшней обстановки несомнѣнно притупляется, всякая мысль теряетъ свою самостоятельность, и устойчивость, способность соображать и анализировать обстоятельство дѣла, безслѣдно исчезаетъ, а при отсутствіи всѣхъ этихъ функций умственной головной работы, устраняется и самая возможность произнесенія какого-либо рѣшительнаго обвинительнаго приговора, основаннаго на нетвердо установившемся убѣжденіи; и вотъ эта шаткость и несостоятельность убѣжденія присяжныхъ, какъ послѣдствіе не полного, а поверхностнаго лишь ознакомленія ихъ съ дѣломъ, естественно ищетъ себѣ въ концѣ концовъ выхода въ чемъ же... единственно только въ оправдательномъ приговорѣ подсудимому.

Начиная со второй половины іюня мѣсяца и кончая первую половиною августа, жары въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи доходятъ до температуры 40°.

Въ такую нестерпимую жару, находясь даже внѣ всякихъ занятій, внѣ необходимости малѣйшей умственной работы, при полномъ бездѣйствіи ума и тѣла, и то бываетъ тяжело переносить этотъ нестерпимый зной и происходящую отъ него истому, расслабляющую человѣка до нелзя.

Какое же бываетъ въ такую пору положеніе присяжныхъ засѣдателей, обязанныхъ среди нестерпимаго зноя и духоты, гдѣ-нибудь на уѣздной сес-

си, въ мизерномъ помѣщеніи, засѣдать иногда недѣли по двѣ и по три, разбирая и выслушивая болѣе или менѣе крупныя уголовныя дѣла, съ неменѣе крупными за ними въ случаѣ осужденія подсудимыхъ послѣдствіями, въ родѣ каторжныхъ работъ или ссылки въ сибирь на поселеніе.

Каково бываетъ присяжнымъ соображать въ такіе дни обстоятельства дѣла, вникать во всѣ его подробности, сопоставлять разныя противорѣчія въ дѣлѣ, дѣлать оцѣнку, тѣмъ или другимъ доказательствамъ, за и противъ подсудимаго.

Требовать отъ нихъ всего этого въ смыслѣ вполне добросовѣстной всесторонне обдуманной умственной работы, рѣшительно нельзя, а потому знакомство ихъ съ дѣломъ является, какъ бы отрывочнымъ, ни къ какимъ положительнымъ и несомнѣннымъ выводамъ они придти не могутъ, и побуждаемые осторожностію, опасаясь обвинить человѣка по такому дѣлу, которое не было ими даже вполне усвоено, они въ большинствѣ случаевъ и выносятъ подсудимымъ оправдательные приговоры.

Въ періодъ подобной тропической жары на уѣздной сессіи одного изъ окружныхъ судовъ, подлежало разсмотрѣнію съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, шестнадцать уголовныхъ дѣлъ, въ числѣ которыхъ находились дѣла довольно серьезныя, одно объ отравленіи женою своего мужа, другое о причиненіи въ дракѣ тяжкихъ побоевъ, два дѣла о святотатствѣ, одно объ изнасилованіи, по одному дѣлу о растратѣ и подложномъ составленіи документа. Остальныя дѣла были противу собственности, начиная съ кражъ со взломомъ и кончая простой третьей кражей на сумму 23 коп. сер. Только по пяти незначительнымъ дѣламъ о кражахъ, предвидѣлись признанія подсудимыхъ, а по остальнымъ предстояли подробнѣйшія судебныя слѣдствія, съ допросомъ значительнаго числа свидѣтелей, человѣкъ до восьмидесяти по всѣмъ дѣламъ, съ многорѣчивыми преніями уѣздныхъ абюкатовъ, которыхъ къ слову сказать, не принимаетъ даже и жара.

Вся сессія раздѣлена была на четыре дня, по четыре дѣла на каждый день, а засѣданія суда происходили въ небольшомъ помѣщеніи мѣстнаго мирового съѣзда, нисколько для этой цѣли не приспособленномъ.

Небольшая и невысокая зала, должна была вмѣщать въ себѣ составъ суда включительно съ присяжными засѣдателями, публику и подсудимыхъ, свидѣтелей и вообще всѣхъ лицъ, явившихся въ судъ.

Уже въ первый же день засѣданія, обозначилась рѣшительная невозможность вести дѣла вполне добросовѣстно. Когда весь комплектъ суда и присяжныхъ занялъ свои мѣста, и началось слушаніе дѣла, то положеніе присяжныхъ, мѣста которыхъ были устроены вдоль оконъ южнаго фасада зданія сдѣлалось невыносимымъ.

Тридцати-двухъ градусная жара на улицѣ, въ помѣщеніи суда дошла до сорока. Атмосфера въ залѣ суда, не смотря на всѣ открытыя окна, сдѣлалась удушашею, наступила страшная духота, присяжные не сидѣли, а метались въ своихъ креслахъ; сторожа не успѣвали приносить имъ цѣлые

графины воды. Никакія освѣженія воздуха, въ родѣ поливанія пола водой, не помогали и къ концу перваго же дѣла и присяжные и судъ были совершенно истомлены.

Нечего и говорить про то, какъ велось судебное слѣдствіе, какъ могли присяжные въ такой жарѣ слѣдить за ходомъ дѣла, а тѣмъ болѣе дѣлать тѣ или другія сопоставленія и выводы.

За первымъ дѣломъ послѣдовало второе, за вторымъ третье и, наконецъ, четвертое. По всѣмъ четыремъ дѣламъ, присяжные вынесли подсудимымъ оправдательные приговоры. Представитель обвиненія выходилъ изъ себя; на слѣдующій день, онъ воспользовался правомъ отвода своего въ самой широкой степени, исключилъ всѣхъ тѣхъ изъ присяжныхъ, которые по его мнѣнію были виновниками во вчерашнихъ неосновательныхъ оправдательныхъ приговорахъ, но дѣло отъ этого не выиграло; тѣ же оправдательные приговоры, слѣдовали одинъ за другимъ, и за все время сессіи только по пяти дѣламъ изъ числа 16 присяжные вынесли обвинительные приговоры.

По этимъ пяти дѣламъ, подсудимые въ большинствѣ случаевъ сознались въ своихъ преступленіяхъ, совершенная ясность дѣла, устраняла необходимость въ производствѣ по нимъ судебныхъ слѣдствій, кромѣ одного дѣла; виновность этихъ пяти подсудимыхъ не могла представлять ни малѣйшихъ сомнѣній, вслѣдствіе чего присяжнымъ засѣдателямъ и не было надобности напрягать себя по этимъ дѣламъ, думать и соображать, а потому на вопросы суда они и вынесли подсудимымъ обвинительные приговоры.

По всѣмъ же другимъ дѣламъ они оправдали подсудимыхъ потому, что 40-га градусная жара не давала имъ возможности ни мыслить, ни соображать, ни отнестись къ дѣлу съ тѣмъ вниманіемъ, которое гарантировало бы правильность каждаго постановленнаго ими обвинительнаго приговора и отвѣтственность ихъ за него передъ своею совѣстью.

— Какой тутъ, ваше благородіе, судъ можетъ быть по закону да по совѣсти и по нашей, значить судейческой правдѣ, объяснялъ одинъ изъ присяжныхъ-крестьянъ этой сессіи судебному приставу, когда ты тутъ сидишь, словно на поляхъ, жаромъ тебѣ голову сшибаетъ и ни о какомъ дѣлѣ въ мысляхъ тебѣ соображенія имѣть нельзя, потому жаръ не свой порядокъ въ головной части.

— Кабы своя то воля, говорилъ другой, знамо ушелъ бы таперя въ лѣсъ что ни есть въ сырину да потемнѣе, а на тоѣ мѣсто сидишь здѣсь, потому начальство приказало, а какимъ ты манеромъ человека обвиноватить должонъ, когда толкомъ въ головѣ своей ни какихъ ты, братецъ, мыслей не соберешь.

То же самое, но въ нѣсколько иныхъ варіаціяхъ о причинахъ своихъ оправдательныхъ приговоровъ, высказывали и многіе другіе присяжные засѣдатели, даже и изъ интеллигенціи, но они кромѣ того возмущались и тѣмъ, что ихъ въ такую жару вызвали въ судъ для исполненія судейскихъ обязанностей.

— Помилюйте, загнать людей, прости Богъ въ какой-то котухъ, въ такую духоту въ сорока градусный жаръ и заставить ихъ отъ десяти утра до десяти вечера судить и разбирать такія дѣла, которыя и на свѣжую то голову представляются не легкою задачею, да вѣдь это извините невозможно, говорилъ съ тономъ рѣшительнаго неудовольствія, старшина присяжныхъ, по одному дѣлу, ну понятно, ни у одного изъ насъ не хватаетъ духа высказываться зря за обвиненіе, когда мы совѣмъ и дѣла то почти что не слушали.

— Такія сложныя запутанныя дѣла, крайне серьезное обвиненіе, перспектива каторги для подсудимаго въ случаѣ, если бы мы его обвинили, да помилюйте, кто же изъ присяжныхъ пойдетъ за обвиненіе человѣка при такомъ положеніи, въ которое насъ поставили, говорилъ другой присяжный изъ интеллигентныхъ, отъ жары хотъ умирай, въ головѣ хаосъ, передъ глазами зеленые круги, никакой связи и послѣдовательности въ мысляхъ, весь въ испаринѣ, мокрый, истомленный, и извольте внимательно слушать дѣло и рѣшать виновать ли такой то, въ томъ то, что тогда то сдѣлалъ то то, при чемъ еще то то и т. д.; и какъ тутъ обвинять человѣка, когда я дѣла не разобралъ, осудить его на вѣтеръ, и на вѣру однимъ только прокурорскимъ убѣжденіямъ я не могу, ну и говорю, нѣтъ не виновенъ, а не спорю можетъ быть онъ и виновать, можетъ быть разобравши хорошо его дѣло и я обвинилъ бы его, а теперь говорю по необходимости, что онъ не виновенъ, и совѣсть моя спокойна, потому что выше своихъ физическихъ и умственныхъ силъ я не хозяинъ.

Такія сужденія конечно въ высшей степени справедливы и основательны, и едва ли противу нихъ можно что-нибудь возразить.

Въ теченіи описываемой нами сессіи, съ двумя присяжными засѣдателями отъ чрезмѣрной жары были даже обмороки, судъ въ виду и своего личного утомленія, предложивъ было присяжнымъ вести дѣла по ночамъ, когда гораздо прохладнѣе, но на это присяжные не согласились говоря, что отдавать ночь на дѣло нельзя, потому что, когда же тогда отдыхать, а днемъ все равно маяться, что на судѣ, что безъ суда, все одинъ будетъ толкъ.

Не одни присяжные страдали въ эту сессію отъ чрезмѣрнаго жара, то же томленіе испытывали и коронныя судьи, а также и стороны. Прокуроръ передъ каждою своею обвинительною рѣчью, по болѣе серьезному дѣлу, просилъ времени, для того, чтобы внѣ залы суда на свободѣ въ своей комнатѣ обдумать свою рѣчь и привести въ систему всѣ обстоятельства дѣла, но и несмотря на то, рѣчи его были отрывочны и мало убѣдительны, система въ доводахъ и у прокурора отсутствовала точно также, какъ и въ головахъ присяжныхъ.

Одинъ довольно тучный присяжный повѣренный, до того изнемогъ отъ жары, что отказался отъ дальнѣйшаго веденія дѣла и заявляя суду, что онъ не въ силахъ исполнять болѣе свою обязанность, просилъ отсрочить засѣданіе по дѣлу до другой сессіи, но на эту отсрочку не согласился подсудимый находившійся подъ стражей, и заявивъ, что онъ «господина защитника» совѣмъ отпустить можетъ, просилъ вести дѣло безъ него, весьма основательно раз-

считывая, что подобно всѣмъ другимъ подсудимымъ, присяжные оправдаютъ вѣроятно и его, въ чемъ само собой онъ и не ошибся.

Такимъ образомъ отъ страшной жары, терпѣли всѣ, исключая только однихъ подсудимыхъ, для которыхъ это ненормальное положеніе присяжныхъ засѣдателей, сопровождалось почти сплошными оправдательными вердиктами.

Да и трудно было ожидать при такихъ условіяхъ, какихъ-либо иныхъ приговоровъ. Присяжные не будучи въ состояніи добросовѣстно знакомиться съ дѣломъ, и опасаясь впасть въ ошибку, чтобы не казниться потомъ передъ своею совѣстью за разныя недогляды и упущенія, могли безъ большихъ или меньшихъ опасеній отвѣчать на вопросы суда о виновности подсудимыхъ, только отрицательно, что они и дѣлали.

— Какъ же, примѣрно, можно меня виноватить, что я значить, за оправданіе шель, объяснялъ въ разговорѣ съ товарищемъ прокурора одинъ изъ купцовъ присяжныхъ, той же самой сессіи, потому разсудить надо тоже, грузу одного во мнѣ мѣряннаго болѣе семи пудовъ, мнѣ въ энтотъ жаръ не токмо, что думать аль головой соображать что, а и сидѣть то смерть, дома то я бы въ легкомъ положеніи на погребницѣ сидѣлъ, потому отъ жары голову туманомъ застилаеть, а тутъ то я всячески на судѣ при форменномъ положеніи, въ одѣжъ мытариться долженъ.

— Я, значить, объяснялъ тотъ же купецъ, при такомъ жаркомъ положеніи въ лавку приду, и убей меня Богъ, отъ прикащика толкомъ выручки не сосчитаешь и съ товаромъ не сообразишь, потому голова не въ порядкѣ, а ужъ на что мы къ такому дѣлу привычны, потому каждый день одна и та же эта канитель дѣется, а тутотко на судѣ, одно дѣло сурьезъ, жена мужа отравила, онъ говоритъ одное, а она другое, свидѣтелей десять человекъ, каждый свое, опять же докторъ по наукѣ разбираеть, какъ и что, тебѣ тутъ отъ жары смерть, а ты слухай, да припоминай: сумлѣнїевъ много а сообразить ихъ нечѣмъ, на свою то пору, въ холодную, значить, голову ты бы такъ да сякъ прикинулъ, потому все же разсудокъ при тебѣ полагается, а тутъ никакихъ мыслей у тебя въ головѣ нѣтъ, одно слово, жаръ все отбилъ, терпѣнїю конца нѣтъ и думаешь это только, прости Богъ, не о дѣлѣ, а какъ бы примѣрно конца этой канители всей дождаться, да отъ суда скорѣй прямо до погребницы.

— Помилуйте, съ отгѣнкомъ претензіи заявлялъ въ свою очередь одинъ интеллигентный помѣщикъ кому-то изъ судей, ну какой я вамъ могу быть судья по совѣсти, когда у меня отъ жары даже голосъ спалъ, когда я ни думать, ни соображать ничего не могу, и вдругъ вы заставляете меня разрѣшать какое то кляузное дѣло о подлогѣ векселя, гдѣ ужъ дѣйствительно нужно приложить всю силу уразумѣнія своего къ тщательному разрѣшенію вопроса о томъ, кто этотъ вексель написалъ, кто его подписалъ, кому какая и почему отъ него выгода можетъ быть и т. д., да разобрать всю эту путаницу показаній подсудимаго, гражданскаго истца, свидѣтелей, экспертовъ, пу

поневоля и говоришь старшинѣ, пишете меня за оправданіе, потому что я только былъ на дѣлѣ, а его не слышалъ и потому во всемъ—пась.

Въ подтвержденіе нашихъ словъ о крайнемъ неудобствѣ назначенія сессій окружныхъ судовъ съ присяжными засѣдателями въ жаркое лѣтнее время, мы указали на одинъ только примѣръ того, что испытывали присяжные въ періодъ такой сессіи и какіе результаты она имѣла для правосудія.

Подсудимые этой сессіи, о которой мы говорили, почти все были оправданы, конечно справедливый упрекъ за то былъ обращенъ отъ общества къ присяжнымъ, но дѣло въ томъ, что эта справедливость упрека была и будетъ всегда справедливостью одностороннею.

Присяжные прежде всего люди, и какъ же имъ, въ самомъ дѣлѣ, поступать въ томъ случаѣ, когда они обязываются дать по дѣлу тотъ или другой отвѣтъ свой, а по причинамъ чисто физическимъ, лишены возможности усвоить себѣ вполне это дѣло, почему и не могутъ дать своему убѣжденію и своимъ выводамъ никакой устойчивости и несомнѣнной увѣренности въ себѣ, той увѣренности, которая отъ нихъ требуется закономъ. Отсюда понятно, возникаетъ цѣлый рядъ сомнѣній въ виновности подсудимаго, а всякое сомнѣніе и по смыслу закона, должно быть истолковано въ пользу подсудимаго, и вотъ въ результатѣ—оправдательные и оправдательные приговоры.

Конечно, порожденные такими условіями оправдательные приговоры присяжныхъ, должны быть признаны явленіями не нормальными, а всякая не нормальность или случайность, влияющая на вердикты присяжныхъ, въ правильно постановленномъ уголовномъ процессѣ, само собою должна быть безусловно устраняема, и не можетъ быть терпима.

Вотъ почему намъ казалось бы, что вопросъ о неудобствахъ лѣтнихъ сессій нашихъ окружныхъ судовъ съ присяжными, вовсе не такой маловажный вопросъ, на который не слѣдовало бы обращать вниманія, тѣмъ болѣе, что явленія описанныя нами выше, явленія не исключительныя, а довольно распространенныя въ жаркое время года, что безъ сомнѣнія можетъ быть засвидѣтельствовано, весьма многими судебными дѣятелями.

Оправданія подсудимыхъ по причинамъ описаннымъ выше—оправданія крайне нежелательныя, деморализующимъ образомъ влияющія на общество и въ особенности на преступную среду его.

Не даромъ между арестантами нѣкоторыхъ остроговъ сложилось уже убѣжденіе, что «лѣтомъ господа присяжные не въ примѣръ супротивъ зимы вольготнѣе дѣвствуютъ».

Это убѣжденіе—результатъ арестантской опытности и практики.

Указывая на тѣ неудобства, съ которыми сопряжено для присяжныхъ засѣдателей, назначеніе сессій окружныхъ судовъ въ жаркое и вообще въ лѣтнее время года, мы не можемъ не отмѣтить и другаго еще явленія касающагося лѣтнихъ сессій, и заключающагося по наблюденіямъ весьма многихъ присяжныхъ засѣдателей и вообще жителей деревни въ томъ, что во многихъ окружныхъ судахъ, со стороны судей замѣчается стремленіе, уѣздныя сессіи

назначать въ нѣкоторыхъ городахъ преимущественно лѣтомъ и весной, а не зимой и осенью.

О причинахъ этого явленія, мы будемъ говорить еще впереди.

XI.

О матеріальномъ пособіи недостаточнымъ присяжнымъ засѣдателямъ.

Вопросъ, поставленный въ заголовкѣ настоящаго очерка, имѣетъ отношеніе исключительно къ присяжнымъ недостаточныхъ классовъ, къ числу которыхъ принадлежатъ преимущественно одни только крестьяне.

Неблагопріятная матеріальная обстановка положенія ихъ какъ присяжныхъ имѣетъ еще ту особую невыгоду, что помимо испытываемой ими личной нужды, они какъ принадлежашіе къ жителямъ деревень, обязаны для отбыванія повинности присяжныхъ засѣдателей прибывать въ города, оставляя на все время сессій свой домъ, обычныя занятія свои и хозяйство, и неся такимъ образомъ двойственную матеріальную потерю.

Присяжные засѣдатели изъ горожанъ, исполняя въ городахъ свои обязанности, неоспоримо отдаютъ имъ не все, а только нѣкоторое свое время.

Каждый изъ нихъ, бывая извѣстное время въ судѣ, не разрываетъ однакоже при этомъ связи съ обычнымъ теченіемъ своего дѣла и своихъ занятій. Утро до суда, время по окончаніи судебныхъ засѣданій до вечера, случайно выпадающіе свободные дни, когда дѣла по какимъ-либо причинамъ откладываются, наконецъ, праздничные дни въ теченіи сессій, все это количество свободного отъ судейскихъ обязанностей времени, даетъ возможность присяжнымъ горожанамъ, отбывая свою общественную повинность, съ тѣмъ вмѣстѣ жить дома, пользоваться всѣми удобствами своей каждодневной жизни, не оставлять своихъ занятій и что главнѣе всего, не нести ни какихъ излишнихъ расходовъ по случаю исполненія обязанностей присяжныхъ.

Таковыя очевидныя и весьма существенныя матеріальныя преимущества присяжныхъ горожанъ, сравнительно съ присяжными крестьянами.

Совершенно инымъ представляется въ этомъ отношеніи положеніе сельчанъ, вызываемыхъ на сессіи изъ мѣстъ своего постоянного жительства въ города.

Для отбытія этой повинности они вынуждаются бросать на все время сессій свой домъ и свои хозяйственныя работы, на сроки иногда до трехъ недѣль, во все это время терпятъ излишніе и непроизводительные расходы на содержаніе себя, а иногда и своихъ лошадей, и испытываютъ разнаго рода мелкія лишенія, неразлучныя съ перемѣнной своей домашней обстановки на обстановку трактирную и харчевенную. Наконецъ, они не могутъ съ пользою для себя употреблять все то время, которое остается у нихъ свободнымъ по разнымъ случаямъ отъ занятій въ судѣ, такъ какъ невозможно даже и на цѣлый свободный день уѣзжать къ себѣ домой, въ деревню, когда для этого приходится иногда сдѣлать въ оба пути цѣлыя десятки верстъ.

Поэтому все такое свободное время, которое въ сельскомъ быту особенно дѣломъ, имѣеть такую громадную цѣну, пропадаетъ у нашихъ крестьянъ присяжныхъ даромъ, и они по необходимости проводятъ это дорогое и съ тѣмъ вмѣстѣ случайно досужее время свое, въ праздномъ бездѣйствіи, скучая и томясь въ непривычной для нихъ безсодержательной городской жизни.

Если на ряду со всѣмъ этимъ, принять еще во вниманіе, что нашъ сельскій людъ представляетъ собою во всякомъ случаѣ, контингентъ несравненно бѣднѣйшихъ людей, сравнительно съ горожанами, какъ-то купцами, ремесленниками, торгующими мѣщанами и чиновниками, то стануть очевидно ясными та матеріальная неравномѣрность и неурядица, въ общемъ положеніи присяжныхъ, которыя въ ущербъ справедливости тяжелымъ бременемъ ложатся на карманъ бѣднѣйшихъ и несостоятельнѣйшихъ изъ нихъ.

Всматриваясь ближе въ жизнь и обстановку нашихъ крестьянъ присяжныхъ, въ уѣздныхъ городахъ во время сессій окружныхъ судовъ, можно констатировать цѣлый рядъ такихъ фактовъ, которые въ поразительныхъ краскахъ представляютъ намъ картину дѣйствительно безпомощнаго состоянія многихъ изъ нихъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что забота о кускѣ насущнаго хлѣба во время сессій, для нѣкоторыхъ присяжныхъ изъ крестьянъ, является весьма существенною заботою ихъ горькаго дня, а отъ присяжнаго голоднаго и занятаго, кромѣ того на своемъ судейскомъ креслѣ неотвязною мыслию о томъ, какъ бы прокормить и поддержать для работы «чтобы съ боковъ не спалъ» единственнаго своего рабочаго коня, подобно хозяину, проводящему тоже впроголодь дни свои, гдѣ-нибудь на постояломъ дворѣ—невозможно требовать внимательнаго отношенія къ дѣлу.

Разказы о присяжныхъ засѣдателяхъ, которые внѣ судебныхъ засѣданій, по вечерамъ и раннимъ утрамъ, ради добычи себѣ пропитанія, занимались колоть и пилить дрова, вертѣть точилы на маслобойняхъ, гнуть въ кузницахъ желѣзо, подметать дворы и чистить дорожки въ садахъ богатыхъ обывателей горожанъ, далеко не праздные вымыслы, а горькая и дѣйствительная правда.

Не рѣдки также и другіе, еще болѣе неблаговидные для званія судей случаи, когда крестьяне присяжные, не находя себѣ даже и заработка, обращались поневолѣ съ просьбою покормить ихъ къ короннымъ судьямъ, къ родственникамъ подсудимыхъ, а иногда въ такихъ случаяхъ попадали въ полную зависимость и нравственную кабалу разныхъ провинціальныхъ «защитниковъ», которые отлично умѣли извлекать для себя выгоду изъ такой «голодной линіи» присяжныхъ, прикармливал ихъ на свой счетъ, и, конечно, на счетъ ихъ совѣсти.

На ряду съ такими «защитниками» многіе присяжные засѣдатели изъ крайней необходимости, въ критическія минуты свои дѣлались жертвою разныхъ кулаковъ и закладчиковъ, которые, смегая своимъ хищнымъ глазомъ постигшую присяжнаго нужду, охотно и даже подъ личиною «милостивца» ссужали ихъ на время маленькими суммами подъ залогъ ихъ лучшей одежды, въ которой они являлись на судъ, или какого-либо другаго ихъ имущества.

По поводу такихъ закладовъ изъ крайности, уважемъ на слѣдующій вполне достовѣрный случай, картинно рисующій положеніе, въ которое нужда загоняетъ иногда крестьянина.

Одинъ такой присяжный крестьянинъ, проѣвшися до конца, чтобы дотянуть какъ-нибудь сессію самъ другъ съ своимъ конемъ, вынужденъ былъ заложить жиду свою праздничную сукодную синюю свитку, въ которой онъ обыкновенно являлся на судъ. Оставшись послѣ того въ одномъ лишь сѣромъ армякѣ, онъ посоветился однако же явиться въ немъ въ засѣданіе, а предпочелъ уѣхать домой, оставивъ на время свитку у жида, такъ какъ часть денегъ, полученныхъ отъ послѣдняго, онъ уже истратилъ. Неявка этого засѣдателя на другой день имѣла для него то послѣдствіе, что онъ былъ оштрафованъ судомъ на 15 руб. сер., причемъ ибриломъ для окѣйки его матеріальной состоятельности, послужила суду та же, присмотрѣвшаяся всѣмъ, его злополучная новая синяя свитка.

Велико было горе крестьянина, когда становой приставъ пріѣхавъ въ село, объявилъ ему требованіе, объ уплатѣ по опредѣленію суда штрафа въ 15 руб. сер.

Долго крестьянинъ упрашивалъ станового, нельзя ли какъ избавиться отъ этого штрафа, что онъ не виноватъ ни въ чемъ, и что ему эта поѣздка на судъ вышла въ одно только раззореніе.

— Зачѣмъ же ты уѣхалъ съ суда? спросилъ его приставъ.

— Уѣхалъ то ваше благородіе, какъ-то несмѣло и совѣстливо отвѣчалъ онъ... да съ того уѣхалъ, что свитку на харчъ жиду заложилъ, купилъ лошади овса, себѣ маленько горячаго поѣсть, а потомъ... извините ваше благородіе правду то сказать вамъ... посоветился въ сермягѣ на судъ идти безъ свитки, .. всякъ мысля подумаетъ, что вотъ молъ кольки дѣнь ходилъ въ свиткѣ, а тутъ пришелъ и свитки нѣтъ... другой можетъ скажетъ, подумаетъ... что знать господинъ присяжный ее пропилъ... ну съ того подумалъ я, стыдно стало на судъ идти... такъ домой и уѣхалъ... потому чтобъ дурной мысли на меня не положили... такъ то, а нѣтути туточки никакой вины моей окромя стыда.

Становой приставъ отнесся сочувственно къ прискорбному положенію бѣднаго крестьянина, тѣмъ болѣе, что и свитка его, попавъ въ жидовскія лапы, пропала для него безслѣдно, представилъ объясненія его суду и послѣдній немедленно освободилъ его отъ наложеннаго на него штрафа.

Конечно, иначе судъ и не могъ отнестись къ такому уважительному и вполне основательному объясненію присяжнаго.

Матеріальная необезпеченность положенія присяжныхъ изъ крестьянъ, порождаетъ еще и инныя, такъ сказать хищническія явленія, эксплуатація ихъ физическаго труда во время сессій, какъ рабочей силы.

По этому предмету членъ одного изъ провинціальныхъ окружныхъ судовъ, сообщаетъ намъ весьма интересныя свѣдѣнія, какъ результаты личныхъ его наблюденій въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ небольшомъ уѣздномъ городѣ, куда онъ постоянно ѣздилъ на сессіи.

Въ письмѣ своемъ нашъ корреспондентъ передаетъ въ высшей степени возмутительные факты изъ кулачества мѣстныхъ горожанъ, создавагоса для эксплуатированія рабочаго труда нуждающихся присяжныхъ-засѣдателей изъ крестьянъ.

Вотъ дословное содержаніе этого интереснаго письма.

Уѣздъ о которомъ я поведу рѣчь свою, во всей нашей губерніи бѣднѣйшій изъ бѣднѣйшихъ, въ немъ можно сказать, безошибочно, состоятельныхъ крестьянъ, почти что нѣтъ, а потому вообще присяжные у насъ всё народъ крайне нуждающійся. Городскіе кулаки это очень хорошо знаютъ и отлично пользуются случаемъ обращать въ свою выгоду чуть не даромъ трудъ присяжныхъ.

Этому помогаетъ во многомъ то, что по случаю обилія дѣлъ въ уѣздѣ, сессіи суда продолжаются въ этомъ городѣ по три недѣли и больше, бывая четыре раза въ году, а отбываніе бѣдными присяжными, въ теченіи сессій въ свободное время, разныхъ работъ въ пользу богатыхъ горожанъ, вошло здѣсь въ совершенный обычай.

Если положить каждую здѣшнюю сессію среднимъ числомъ въ три недѣли, а изъ числа 36 очередныхъ и запасныхъ присяжныхъ засѣдателей только десять человѣкъ крестьянъ, нуждающихся въ работѣ, какъ въ средствахъ прокормленія себя во время сессіи, то каждая сессія дастъ въ итогѣ мѣстнымъ кулакамъ немалое число, чуть не даровыхъ, рабочихъ часовъ присяжныхъ, во все то время, въ которое они свободны отъ засѣданій.

Многіе крестьяне пріѣзжаютъ въ городъ на лошадяхъ, которыхъ, чтобы онѣ ѣли не даромъ, пускаютъ тоже въ работу, и нужно отдать справедливость мѣстнымъ кулакамъ въ умѣніи ихъ, самымъ прибыльнымъ для себя образомъ, — обращать въ свою пользу эту рабочую силу хилыхъ крестьянскихъ лошаденогъ.

Одинъ изъ купцовъ, читаемъ мы въ томъ же письмѣ, имѣющій подъ городомъ кирпичный заводъ, въ теченіи двухъ лѣтъ постоянно забиралъ себѣ лошадей присяжныхъ, для подвоза къ заводу глины, при своихъ работникахъ, съ обязательствомъ хорошо кормить лошадей на свой счетъ, давать имъ полмѣры овса въ день и за каждую недѣлю лошадиной работы выплачивать хозяину ея по 1 руб. 50 коп., имѣя право употреблять лошадь для работы только определенное условленное количество часовъ въ день. А еслибы посмотрѣть, какъ выполнялись хищникомъ купцомъ, эти условія относительно сбереженія «спрокатныхъ» лошадей и продовольствія ихъ. Начнемъ съ того, что лошадей присяжныхъ онъ не только что не кормилъ никогда овсомъ, но не давалъ имъ даже вдоволь и сѣна, поддерживая въ нихъ питаніе настолько, чтобы у нихъ хватало силъ проработать ему нѣсколько дней, и нимало не заботясь о томъ, какими онъ потомъ возвратитъ этихъ лошадей хозяевамъ ихъ. Вывозку глины на этихъ несчастныхъ лошаденкахъ, онъ производилъ изъ татихъ яминъ и кручь, куда вольные рабочіе за двухъ-рублевою подевную плату не пускаютъ своихъ лошадей изъ опасенія ихъ зарѣзать, а между тѣмъ

голодные лошади присяжных выворачивали ему глыбы глины, и обеспечивали вперед дѣйствіе его кирпичнаго завода на долгій срокъ. Даже ничтожную недѣльную плату, въ 1 р. 50 коп. съ лошади, этотъ кулакъ старался всячески не додать и удержать въ свою пользу; такъ, напримѣръ, если лошадь работала у него 10 дней, то онъ платилъ хозяину ея только за одну недѣлю, а за три дня отказывался выдавать денежную плату на томъ основаніи, что лошадь недѣли не доработала. Между тѣмъ эти остальные три дня приходились послѣдними днями сессіи, а потому, понятно, каждый хозяинъ, освободившись отъ своей тяжелой повинности въ судѣ, торопился скорѣе уже уѣхать домой, во-свояси, не заводя съ кулакомъ процесса изъ-за трехъ двугривенныхъ. Такимъ образомъ, многіе тяжелые дни каторжной работы, лошадей присяжныхъ, оставались въ прямую выгоду и пользу кулака-купца.

У одного изъ крестьянъ, лошадь, отъ такой непосильной работы при возкѣ глины, пала, и по этому поводу онъ завелъ тяжбу съ купцомъ у мирового судьи, который и присудилъ крестьянину съ купца 40 р. сер.

Сообщаемые этимъ письмомъ, факты въ своемъ родѣ не единственные. и мы можемъ указать еще и на другіе имъ подобные случаи. Такъ, напримѣръ, намъ передавали про одного отставнаго чиновника-экономиста, который въ теченіи одной только очередной сессіи, досугами и трудами исключительно крестьянъ присяжныхъ, выстроилъ себѣ не большую, но хорошенькую баню, истративъ при постройкѣ ея всего, на рабочій трудъ присяжныхъ, только 17 руб. сер. денегъ и два ведра водки, тогда какъ выстроить ее съ воли, обошлось бы ему не менѣе 60 руб.

Этотъ отставной чиновникъ-кулакъ служилъ когда-то засѣдателемъ прежняго уѣзднаго суда, и изображая изъ себя въ городѣ единицу, хотя бы и бывшаго когда-то начальства, пользовался нѣкоторымъ положеніемъ въ мѣстномъ обществѣ, благодаря изрядному капиталцу, составленному имъ въ былое время на опекахъ сиротъ и малолѣтнихъ. Онъ очень любилъ кичиться принадлежностію своею къ судебному сословію, всячески старался втереться въ знакомство съ членами суда, пріѣзжавшими на сессіи, и, узнавъ однажды отъ судебного пристава, что пріѣхавшій товарищъ председателя, большой любитель хорошенько попариться, въ одну изъ субботъ вытопилъ свою баню и явился къ нему съ любезнымъ приглашеніемъ побывать у него «въ маскарадѣ». Товарищъ председателя очень удивился, что въ такомъ маленькомъ уѣздномъ городишкѣ есть хорошая баня, такъ какъ ничего подобнаго въ приличномъ видѣ не существовало даже и въ большомъ губернскомъ городѣ, постоянного мѣстопребыванія суда. Когда онъ высказалъ это владѣльцу бани, то послѣдній поспѣшилъ увѣрить, что хотя въ губерніи дѣйствительно не въ обычаѣ имѣть хорошія бани, но у него, какъ любителя, баня «на первый сортъ», что выстроена она прочно, добросовѣстно и хорошо, и затѣмъ, въ видѣ особаго преимущества ея, указалъ на то, что строили ее на досугахъ «ваши же судейскіе присяжные, народъ все честный и безобманный».

Конечно, такого рода откровенное разоблаченіе, исключительной дѣятель-

ности присяжныхъ, отразилось не особенно пріятными ощущеніями на товарищѣ предсѣдателя, и онъ успѣшилъ отказаться отъ сдѣланнаго ему любезнаго приглашенія.

Одинъ изъ провинціальныхъ судебныхъ слѣдователей пишетъ намъ: «послѣ того, когда было объявлено разъясненіе правительствующаго сената о томъ, что земство не имѣетъ права выдавать присяжнымъ засѣдателямъ денежныхъ пособій *), наши присяжные изъ крестьянъ, вызываемые на сессіи, сильно попурили головы, и, чтобы поддержать себя матеріально, прибѣгли къ заработкамъ».

«Свободные отъ засѣданій часы, они ходятъ по домамъ, и предлагаютъ свои услуги на разныя домашнія работы. При этомъ нѣкоторые изъ нихъ, ощущая какую-то неловкость въ подобномъ положеніи своемъ «христарадничанья на судейскій хлѣбъ», не берутъ деньги за свою работу, а просятъ только пристанища, т. е. спокойнаго угла гдѣ-нибудь на кухнѣ богатаго обывателя и пропитанія съ его людьми».

«За это, они все свое свободное время посвящаютъ работамъ по дому своего временнаго хозяина».

«Впрочемъ нѣкоторые прямо нанимаются на работу и за деньги».

Такъ какъ свободное время присяжныхъ точно опредѣлено быть не можетъ, то иногда крупныя работы они берутъ артельно въ нѣсколько человекъ издѣльно.

Такъ, на одномъ випокуренномъ городскомъ заводѣ, партія крестьянъ присяжныхъ, во время сессіи, переколола и поставила 80 саж. дровъ. Другая осенняя партія, у арендатора подгородняго имѣнія взялась огуломъ вымолотить 1000 копенъ пшеницы.

Нерѣдко такія огульныя работы, при недостаткѣ у присяжныхъ деннаго времени, производятся ими и по ночамъ, но такія усилія ихъ неоправдываются уже нуждой и необходимостью, а объясняются желаніемъ исполнить болѣе или менѣе крупную работу, и извлечь себѣ изъ нея хорошую выгоду. Намъ лично извѣстно, что въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ. въ время мартовской сессіи, присяжные крестьяне какъ бы по установившемуся уже обычаю, занимаются обыкновенно у горожанъ набивкою погребовъ льдомъ. Сами горожане тоже привыкли къ этому, какъ къ явленію повторяющемуся у нихъ годами, и производство этихъ работъ отлагаютъ обыкновенно до того времени, когда набѣдетъ «мартовскій судъ».

Этотъ видъ занятій, даетъ крестьянамъ присяжнымъ хорошей заработокъ, предоставляя имъ возможность во все время сессіи держать при себѣ не безъ пользы и лошадей своихъ.

Вообще матеріальная недостаточность крестьянъ присяжныхъ во время сессій проявляется въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и формахъ.

На уѣздной сессіи окружнаго суда слушалось однажды весьма сложное

*) Объ этомъ распоряженіи правительствующаго сената нами будетъ сказано ниже.

дѣло, по которому предсѣдательствующій во время обѣденнаго перерыва, распорядился не отпускать присутствія присяжныхъ изъ помѣщенія суда и объявилъ имъ о томъ, предложилъ присяжнымъ обѣдать въ зданіи суда.

— Я долженъ объявить вамъ, гг. присяжные, обратился къ нимъ предсѣдательствующій, что вы имѣете право потребовать себѣ обѣды сюда въ помѣщеніе суда, и въ этомъ отношеніи г. судебный приставъ къ вашимъ услугамъ, любезно закончилъ онъ.

Составъ присяжныхъ на этой сессіи былъ весь изъ крестьянъ, а предсѣдательствующій, вѣроятно въ первый разъ въ своей жизни, выѣхалъ на сессію въ уѣздное захолаустье, и не имѣя до того понятія о томъ, какимъ образомъ крестьяне справляютъ свой обѣдъ, вообразилъ, что подобно ему, присяжные крестьяне, вѣроятно, тоже пошлютъ за порціями для себя въ мѣстный Лондонъ. Присяжные крестьяне, будучи задержаны, оторопѣли растерялись, не поняли предсѣдательствующаго и ничего ему не отвѣтили; предсѣдательствующій въ свою очередь удивился ихъ молчанію и вышелъ изъ суда, приказавъ судебному приставу распорядиться удовлетвореніемъ на счетъ обѣдовъ тѣхъ требованій присяжныхъ, которыя они ему заявятъ. Судебный приставъ отнесся къ обѣдамъ присяжныхъ нѣсколько иначе.

— Ну, слышали, обратился онъ къ нимъ громко, у кого кошелъ съ собою доставайте, да обѣдайте, хлѣбъ небось съ собою у всѣхъ есть, а коли что за квасомъ, сторожъ вамъ сходить.

— Слушаемъ, ваше благородіе, слушаемъ, а за хлѣбушкомъ-то, значить, у кого вышелъ весь, можно будетъ... сходить, у кого, значить больше нѣтутъ... съ дома-то, слышались голоса.

— Сказано самимъ сидѣть здѣсь, а послать можете сторожа, кому что надо принесеть, проговорилъ скороговоркой судебный приставъ и исчезъ.

Присяжные крестьяне потоптались по залѣ, развязали свои кошелы, хранившіеся за печкой, кто досталъ себѣ хлѣба, кто краюху пирога. Нѣкоторые за обѣдомъ послали сторожа, двое, кажется, расщедрились на фунтъ печенки, а остальные въ сухоматку приняли за свои деревенскія порціи, запивая ковшикомъ воды, изъ предложеннаго сторожемъ присяжнымъ ведра. Уходя въ лавку за покупками, сторожъ «для прегражденія на присяжныхъ внѣшняго вліянія» безъ церемоніи заперъ ихъ по обычаю кругомъ на замки.

И такимъ то образомъ обѣдаетъ большинство нашихъ крестьянъ присяжныхъ и благо еще, если есть у нихъ съ собою хлѣбъ или они могутъ его купить себѣ, а иные побѣднѣе израсходовавъ весь свой хлѣбный и денежный запасъ въ продолженіи сессіи, доходятъ къ концу до того, что идутъ побираться, и многіе изъ нашихъ коронныхъ судей могутъ указать на случаи, когда, щадя въ присяжныхъ засѣдателяхъ ихъ судейское званіе они давали имъ денежныя пособія, лишь бы только избавить ихъ отъ необходимости христарядничанья, а себя отъ созерцанія такихъ картинъ.

Сколько ненормальнаго унизительнаго въ положеніи крестьянъ присяжныхъ во всѣхъ приведенныхъ нами выше примѣрахъ и случаяхъ и каковы

должны быть взгляды общества на тѣхъ судей, которые пропитываются въ періодъ своей судейской дѣятельности, чуть не христовымъ именемъ. Не слѣдуетъ наконецъ упускать изъ вида и того, что это матеріальное убожество присяжныхъ, легко ставить ихъ въ положеніе соблазна и искушенія, такъ какъ передъ ними ежеминутно можетъ предстать какой-нибудь подсудимый со средствами, который непожалѣетъ многого для того, чтобы склонить бѣдняковъ присяжныхъ въ свою пользу.

Кромѣ того, такимъ критическимъ положеніемъ крестьянъ присяжныхъ, отлично умѣють пользоваться и разные уѣздные коршуны, въ родѣ мѣстныхъ аблокаторовъ, которые зорко высматриваютъ въ присяжныхъ застѣдателяхъ свою добычу, и никогда не упускаютъ случая подмѣтнуть тотъ безвыходный моментъ въ ихъ положеніи, когда у нихъ выскочить изъ кармана послѣдній гривенникъ.

Вотъ одинъ изъ характерныхъ случаевъ въ такомъ родѣ.

Кабатчикъ, онъ же и содержатель единственнаго въ уѣздномъ городѣ трактира, преданъ былъ суду за цѣлый рядъ какихъ-то мошенничествъ.

Запасшись надежнымъ адвокатомъ изъ мѣстныхъ крючкотворовъ, кабатчикъ, при началѣ еще сессіи, обставилъ дѣло такъ, что всю серію присяжныхъ крестьянъ, явившихся въ городъ наканунѣ открытія засѣданій, започилъ къ себѣ на квартиры.

Полною предупредительностію съ своей стороны, встрѣтилъ хозяинъ трактира остановившихся у него присяжныхъ, онъ успѣшилъ поставить имъ и чаю и водки, а когда нѣкоторые отказались было отъ такого угощенія, изъ опасенія чрезмѣрныхъ расходовъ, то кабатчикъ убѣдилъ ихъ, что къ присяжнымъ онъ «завсегда съ уступкой, что цѣну онъ беретъ съ нихъ меньше всякой совѣсти, что денегъ ему сейчасъ заплатныхъ не требуется, а что онъ можетъ подождать до другаго раза, и завсегда такъ дѣлаетъ, потому всячески понимаетъ онъ, какое должно быть уваженіе къ присяжнымъ и на совѣсть ихъ вѣру имѣть».

Добродушные простяки крестьяне повѣрили рѣчамъ кабатчика и въ теченіе всей сессіи продовольствовались у него не заплативъ ему ни одной копейки, такъ какъ онъ всячески отблудывалъ расчетъ съ ними до послѣдняго дня. Каково же было ихъ удивленіе, когда въ этотъ послѣдній день, придя въ судъ, они на скамьѣ подсудимыхъ увидали вдругъ представшаго предъ ними ихъ любезнаго хозяина, который на этотъ разъ еще любезнѣе раскланивался съ ними. Нечего и говорить, что всѣ они ощутили у себя на душѣ какую-то при этомъ неловкость, устранить которую въ данный моментъ было уже поздно.

Оправдательный приговоръ присяжныхъ относительно этого кабатчика можетъ быть и былъ произнесенъ ими по совѣсти, но онъ далъ поводъ толпѣ говорить, что присяжные скривили душой за кабатчикову хлѣбъ-соль.

На сессіи въ городѣ Усмани, Тамбовской губерніи, крестьяне присяжные дошли однажды до такой степени крайности, что не имѣли никакихъ рѣши-

тельно средствъ къ дальнѣйшему пребыванію въ судѣ. Чтобы дать имъ возможность довести сессію до конца, среди суда и публики сдѣлана была въ ихъ пользу подписка. Собранные по этой подпискѣ около 30 р. с. были публично вручены одному изъ присяжныхъ засѣдателей, для раздѣла между наиболѣе нуждающимися изъ нихъ.

Да, наконецъ, кто же изъ жителей уѣздныхъ городовъ и деревень; бывая въ судахъ, не посмотрѣлся и на разныя другія проявленія бѣдности и крайности, многихъ и многихъ присяжныхъ изъ крестьянъ.

Въ одной изъ газетныхъ корреспонденцій, сообщенъ былъ въ свое время случай, когда крестьяне присяжные, оправдавъ подсудимаго, обратились къ нему тотчасъ же съ просьбою, чтобы онъ купилъ имъ хлѣба, потому что они съ утра еще ничего не ѣли, а наканунѣ только «подзакусили, да и все».

А отъ такого рода не желаемыхъ явленій, присяжные засѣдатели, побуждаемые крайностію и необходимостію, могутъ легко дойти и до болѣе преступныхъ поползновеній, насчетъ личностей и кармановъ подсудимыхъ.

По этому поводу въ нѣкоторыхъ періодическихъ журналахъ, были сдѣланы не обосновательныя указанія на то, что подъ вліяніемъ нужды и постоянного соблазна, нуждающіеся присяжные легко могутъ подпасть подъ вліяніе состоятельныхъ подсудимыхъ, начать брать взятки, корыстно закармливаться и запаиваться болѣе ловкими обвиняемыми; затѣмъ могутъ явиться уже и подкупы, и, наконецъ, крайне неблагоприятныя явленія — какъ послѣдствія этихъ подкуповъ, обвиненіе присяжныхъ въ лихоимствѣ и появленіе ихъ самихъ на скамьяхъ подсудимыхъ.

Положимъ, нѣтъ никакого основанія утверждать, чтобы тѣ немногія дѣла о подкупахъ присяжныхъ засѣдателей, которыя были уже въ нашей судебной практикѣ, явились бы послѣдствіемъ крайности и нужды присяжныхъ, такъ какъ въ мотивахъ многихъ изъ нихъ, какава бы то ни была крайность или нужда, не играли никакой существенной роли, но не менѣе того нельзя не признавать, что матеріально обеспеченные и обставленные болѣе или менѣе состоятельно, присяжные засѣдатели, представляютъ собою среду менѣе податливую на всякаго рода искушенія, нежели тѣ, которые, заканчивая въ судѣ свой судейскій день, не знаютъ на что имъ пообѣдать и, побуждаемые голодомъ, ищутъ, не найдется-ли между оправданными ими подсудимыми какого-либо человѣка, который купилъ бы имъ хотя по куску хлѣба.

Органы нашего земскаго самоуправленія, въ большинствѣ случаевъ, столь внимательно относящіяся ко всѣмъ вообще общественнымъ нуждамъ и потребностямъ, не могли не остановить своего вниманія и на томъ ненормальномъ положеніи, въ которое поставлены у насъ нуждающіеся присяжные засѣдатели изъ крестьянъ. Во многихъ уѣздахъ земскія собранія, пришли къ убѣжденію о необходимости оказывать бѣднѣйшимъ присяжнымъ засѣдателямъ, денежные пособія въ незначительномъ размѣрѣ, отъ 20 коп. до 1 рубля въ сутки на человѣка. Нѣкоторыя изъ земствъ, такого рода пособіями, полагаемъ избавить присяжныхъ засѣдателей на время сессій отъ голодовокъ и дать имъ возмож-

ность просуществовать дни сесей сколько-нибудь сносно. Въ другихъ случаяхъ, мотивами небольшихъ матеріальныхъ пособій, выставялась справедливая необходимость путемъ такихъ вознагражденій возмѣщать присяжнымъ семьянамъ только расходы ихъ по проѣзду въ городъ и содержанію лошадей. чтобы въ этомъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи, сравнять положеніе ихъ съ положеніемъ присяжныхъ изъ горожанъ, которые такихъ расходовъ не несутъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, земская денежная помощь присяжнымъ засѣдателямъ, проектировалась прямо въ смыслѣ вознагражденія всѣхъ вообще присяжныхъ за потерю своего трудового и рабочаго времени, которое они употребляютъ на выполненіе общественной повинности. Такимъ образомъ вопросъ о матеріальномъ вознагражденіи присяжныхъ засѣдателей, мотивировался въ разныхъ земствахъ не одною только бѣдностью крестьянъ присяжныхъ, но и нѣкоторыми другими причинами.

Хотя главный починъ въ осуществленіи этихъ пособій бѣднѣйшимъ присяжнымъ, и сдѣланъ былъ нѣсколькими земскими собраніями, но намъ извѣстны многіе и такіе случаи, когда вопросъ о томъ или о другомъ видѣ пособій присяжнымъ крестьянамъ, возникалъ чисто на практической почвѣ, и получалъ свое немедленное въ утвердительномъ смыслѣ разрѣшеніе, безъ всякихъ журнальныхъ опредѣленій и продолжительныхъ дебатовъ, въ нѣкоторыхъ ближайшихъ къ крестьянамъ административныхъ единицахъ, какъ то: въ волостяхъ, обществахъ и даже отдѣльныхъ деревняхъ.

Исходя изъ того простаго вывода, что обязанность присяжныхъ есть обязанность общественная, а дѣло суда, для котораго они вызываются дѣло общее, крестьянскія общины, не раздѣлая своихъ сочленовъ на состоятельныхъ и несостоятельныхъ, на нуждающихся и ненуждающихся, нашли, что съ точки зрѣнія простой справедливости, слѣдуетъ оказывать поддержку и помощь всѣмъ тѣмъ сочленамъ ихъ, которые призываются въ судъ для исполненія обязанностей присяжныхъ. Вслѣдствіе такихъ чисто практическихъ выводовъ и взглядовъ, въ нѣкоторыхъ волостяхъ крестьянамъ присяжнымъ, по приговорахъ волостныхъ сходовъ, выдаются харчевыя деньги на все время сесей въ размѣрахъ отъ 20 коп. до 1 рубля, считая въ томъ числѣ и общую артельную квартиру. Въ другихъ случаяхъ, волость или общество предоставляя присяжнымъ довольствоваться харчами на свой счетъ, принимаетъ на себя только доставку ихъ въ городъ и обратно на очередныхъ общественныхъ подводахъ. Наконецъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, пособіе присяжнымъ отъ общества, выражается въ особой, довольно своеобразной формѣ, и заключается въ томъ, что какъ въ лѣтнее время, въ періодъ полевыхъ работъ, такъ равно и во всякое другое рабочее время, общество, изъ среды своихъ сочленовъ, даетъ отсутствующему хозяину столько очередныхъ рабочихъ дней, на сколько онъ вызванъ въ судъ, безъ всякаго за то со стороны его вознагражденія. Такого рода пособія представляютъ собою примѣръ одного изъ видовъ общественной самопомощи, развитіе которой было бы такъ желательно во всѣхъ нашихъ сельскихъ и иныхъ общинахъ.

Что вопросъ о вспомошествованіи присяжнымъ засѣдателямъ, не есть одинъ изъ тѣхъ праздныхъ общественныхъ вопросовъ, которые возбуждаются ради разработки лишь отвлеченныхъ принциповъ ихъ, а въ основаніи своемъ имѣеть болѣе существенную практическую почву, это доказывается тѣмъ, что во многихъ случаяхъ, починъ объ оказаніи присяжнымъ засѣдателямъ денежныхъ пособій, былъ возбуждаемъ непосредственно ими самими.

Такъ на примѣръ случилось въ городѣ Моршанскѣ Тамбовской губерніи, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1872 года, когда во время сессіи окружнаго суда, крестьяне присяжные воспользовавшись бывшимъ въ то время очереднымъ земскимъ собраніемъ, подали ему въ числѣ пятнадцати человекъ письменное заявленіе о томъ, что проживая въ городѣ, въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей, они не имѣютъ никакихъ средствъ для пропитанія себя и своихъ лошадей, а потому и просятъ объ отпускѣ имъ денегъ какъ на продовольствіе, такъ равно и на уплату за нанимаемыя ими для себя въ городѣ квартиры.

Къ этому коллективному заявленію крестьянъ присяжныхъ, моршанское уѣздное земское собраніе, отнеслось вполне сочувственно и, состоявшимся въ то же время опредѣленіемъ своимъ постановило, выдавать каждому присяжному засѣдателю вызываемому на сессію окружнаго суда, въ Моршанскѣ по 20 коп. сер. на человекъ въ сутки.

Въ слѣдующее затѣмъ экстренное земское собраніе въ маѣ мѣсяцѣ 1873 года, вопросъ о пособіи присяжнымъ засѣдателямъ снова былъ подвергнутъ обсужденію собранія со стороны того, въ смыслѣ чего слѣдуетъ выдавать присяжнымъ означенное пособіе, въ смыслѣ ли кормовыхъ, квартирныхъ или прогонныхъ денегъ, всѣ ли вообще присяжные и всѣхъ ли сословій, имѣютъ право на полученіе этого пособія, или же одни только неимущіе и нуждающіеся.

Моршанская земская управа, представляя о томъ докладъ собранію, высказалась въ томъ смыслѣ, что въ огражденіе интересовъ земства, право на земское пособіе, слѣдовало бы предоставить только крестьянамъ, и то бѣднѣйшимъ, которые дѣйствительно не имѣютъ средствъ содержать себя во время сессій, а затѣмъ присяжныхъ всѣхъ другихъ сословій какъ-то: купцовъ, дворянъ, мѣщанъ и чиновниковъ, въ особенности же тѣхъ, которые имѣютъ постоянное жительство въ городѣ, управа полагала устранить совсѣмъ отъ права получать пособія изъ земскихъ суммъ, причемъ относительно лицъ привилегированныхъ сословій выразилась, что предоставленіе имъ 20-ти копѣечнаго суточного пособія отъ земства, она считаетъ даже неприличнымъ.

Земское собраніе не согласилось однако же съ такими доводами управы, и опредѣлило выдавать назначенное собраніемъ пособіе, всѣмъ вообще присяжнымъ засѣдателямъ, которые пожелаютъ получать таковое, безъ различія сословій и званій и безъ всякаго подраздѣленія на нуждающихся и ненуждающихся.

Такимъ образомъ выдача земскаго пособія моршанскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, поставлена была въ зависимость не отъ дѣйствительной

крайности и нужды присяжных засѣдателей, а отъ права всякаго вообще лица, вызваннаго на судъ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, требовать себѣ за это отъ земства, извѣстное вознагражденіе.

Къ сожалѣнію мы лишены возможности, привести мотивы этого опредѣленія земскаго собранія, а равно и указать, въ какой мѣрѣ пользовались этимъ опредѣленіемъ земства наиболѣе достаточные присяжные засѣдатели, моршанскаго уѣзда.

На выдачу присяжнымъ, упомянутаго земскаго пособія, въ размѣрѣ 20 коп. сер. на человѣка въ сутки, моршанское уѣздное земское собраніе, вносило ежегодно съ 1872 года, въ смѣту земской управы по 200 руб. сер. Такимъ образомъ выдача этого пособія присяжнымъ, велась безпрепятственно шесть лѣтъ, и только въ декабрѣ мѣсяцѣ 1877 года, это постановленіе собранія было опротестовано тамбовскимъ губернаторомъ, на томъ основаніи, что опредѣленіемъ правительствующаго сената, состоявшимся еще 4 января 1872 года, вопросъ о правѣ земства выдавать пособія присяжнымъ засѣдателямъ, былъ разрѣшенъ отрицательно, во первыхъ, потому, что выдача присяжнымъ какихъ бы то ни было пособій не предусмотрена закономъ, а во вторыхъ и вслѣдствіе того еще, что право ассигнованія такихъ пособій изъ земскихъ суммъ, не входитъ въ кругъ дѣлъ предоставленныхъ закономъ, вѣдомству земскихъ учрежденій.

Вслѣдствіе этого, моршанскіе присяжные съ 1877 года, перестали получать опредѣленное имъ земскимъ собраніемъ пособіе, и это замѣтнымъ образомъ отразилось на матеріальномъ положеніи многихъ недостаточныхъ присяжныхъ засѣдателей, изъ бѣднѣйшаго класса людей, для которыхъ 20-ти копѣчная суточная помощь, представлялась весьма существеннымъ подспорьемъ, въ періоды исполненія ими обязанностей присяжныхъ.

Такого же рода пособія, были выдаваемы, насколько намъ извѣстно, ананьевскимъ земствомъ въ размѣрѣ 50 коп. на cadaго человѣка, и нѣкоторыми другими, но за воспослѣдованіемъ упомянутаго выше общаго распоряженія правительствующаго сената, выдача всѣхъ такихъ пособій отъ земства была повсемѣстно прекращена.

Затѣмъ, въ настоящее время, существуетъ въ иныхъ мѣстахъ, только тотъ видъ пособій недостаточнымъ присяжнымъ изъ крестьянъ, который былъ организованъ нѣкоторыми сельскими и волостными общинами, исключительно лишь для своихъ сочленовъ.

Воспослѣдовавшее со стороны правительствующаго сената, земствамъ, воспрещеніе, выдавать нуждающимся присяжнымъ какія-либо денежныя пособія, конечно не устранило вопроса, о тѣхъ матеріальныхъ затрудненіяхъ, съ которыми сопряжено для бѣдныхъ присяжныхъ, отбываніе этой повинности на собственныя средства.

По этому тотъ же вопросъ, но уже въ нѣсколько иной формѣ, возникъ снова среди нѣкоторыхъ земскихъ собраній, которыя пришли къ убѣжденію, что если бѣднымъ и недостаточнымъ присяжнымъ засѣдателямъ, нельзя вы-

давать для облегченія ихъ матеріальнаго положенія, во время вызововъ на сессіи, денежные пособія, то было бы въ такомъ случаѣ справедливо всѣхъ несостоятельныхъ лицъ, не включая совѣтъ въ списки присяжныхъ и безусловно освобождать ихъ отъ исполненія этихъ обязанностей.

Въ такомъ смыслѣ вопросъ этотъ, былъ возбужденъ ходатайствами нѣсколькихъ земскихъ собраній, дошелъ опять въ установленномъ порядкѣ до рассмотрѣнія правительствующаго сената, и былъ разрѣшенъ имъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Въ мотивахъ опредѣленія своего по этому предмету, правительствующій сенатъ высказалъ, что такъ какъ, въ ст. 99 Учрежд. Суд. Уст. не указаны въ частности тѣ причины, на основаніи, которыхъ временныя комиссіи могутъ не включать въ очередные списки лицъ, удовлетворяющихъ необходимымъ для присяжнаго засѣдателя условіямъ, и въ то же время сказано, что выборъ такихъ лицъ, производится окончательно по усмотрѣнію означенныхъ комиссій, то изъ этого слѣдуетъ придти къ прямому заключенію, что временныя комиссіи имѣютъ полное право не включать въ очередные списки такихъ лицъ, которыя не имѣютъ средствъ содержать себя во время участія въ засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ, тѣмъ болѣе, что подобная причина представляется непротиворѣчающею общему началу, проведенному закономъ при опредѣленіи вообще правъ лицъ, на внесеніе въ общіе списки присяжныхъ.

Такимъ образомъ, этотъ весьма серьезный вопросъ, относительно матеріальныхъ достатковъ присяжныхъ засѣдателей, получилъ повидимому вполне удовлетворительное разрѣшеніе, но это только повидимому, потому что теоретическіе взгляды и выводы, вообще рѣдко совпадаютъ у насъ съ тѣми явленіями прагтической жизни, вслѣдствіе которыхъ они возникаютъ.

Такъ было и въ настоящемъ случаѣ.

Спрашивается, изъ какихъ точныхъ источниковъ и опредѣленныхъ данныхъ можетъ быть заимствовано членами комиссій мѣрило тѣхъ наличныхъ средствъ и достатковъ человѣка, на основаніи которыхъ, должна быть установлена его матеріальная состоятельность на явку въ судъ, въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, и гдѣ эта, крайне шаткая вообще мѣрка, для опредѣленія съ какою бы то ни было цѣлю, солидности чужаго кармана.

Всѣ выводы и заключенія комиссій, при опредѣленіи степени состоятельности присяжныхъ засѣдателей, будутъ въ такихъ случаяхъ всегда гадательны — не больше.

Наконецъ, понятіе о состоятельности человѣка, въ смыслѣ возможности выполнить обязанность присяжнаго засѣдателя, безъ всякаго матеріальнаго для себя обремененія — понятіе весьма относительное и условное.

Самый бѣдный крестьянинъ, не затруднится прибыть въ судъ для того, чтобы отбыть обязанность присяжнаго на судѣ въ теченіи положимъ одного только дня, и лично для себя не сочтетъ это нисколько, ни затруднительнымъ, ни обременительнымъ для своего кармана, и наоборотъ, человѣкъ даже состоятельный и далеко не бѣдный, найдетъ весьма ощутительнымъ для своихъ

средствъ явиться въ судъ и отбыть въ немъ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя цѣлую сессію въ томъ случаѣ, если эта сессія продолжится, напримѣръ, три—четыре недѣли.

А у насъ такіе случаи бывають нерѣдко, и наоборотъ, повторяются даже весьма часто въ тѣхъ городахъ, куда судъ по какимъ-либо причинамъ выѣзжаетъ не болѣе одного или двухъ разъ въ годъ.

Такимъ образомъ представляется яснымъ, что опредѣлять пригодность лицъ, избираемыхъ въ присяжные, по матеріальнымъ недостаткамъ ихъ, можно только условно и гадательно. Къ тому же члены комиссій, выбираютъ присяжныхъ не на отдѣльныя сессіи суда, а на цѣлую четверть года, почему, дѣлая свой выборъ присяжныхъ, они никогда не могутъ заранѣе знать, кому изъ послѣднихъ придется отбывать свою повинность одинъ, два, три дня кто изъ нихъ долженъ будетъ высидѣть и выжить съ судомъ, три, четыре недѣли.

Въ вопросѣ о состоятельности присяжныхъ засѣдателей, какъ одномъ изъ условій ихъ выбора, есть еще одно обстоятельство, повидимому упущенное правительствующимъ сенатомъ изъ вида.

Объ этомъ обстояествѣ, изъ одной уѣздной земской управы, пишутъ намъ слѣдующее:

«А изъ какихъ состоятельныхъ людей, которыхъ не стѣснила бы служба присяжныхъ, слѣдуетъ выбирать послѣднихъ въ томъ случаѣ, когда такихъ состоятельныхъ людей на лицо совсѣмъ нѣтъ, какъ напримѣръ, у насъ, въ нашемъ уѣздѣ, гдѣ вся масса населенія, бѣдна поголовно и сплошь. Наше земство, собирая свои платежи даже съ лицъ, считающихся наиболѣе достаточными, и то постоянно наталкивается на доказательства полнаго матеріальнаго обнищанія ихъ, а о крестьянахъ и говорить нечего. Постоянные неурожай, падежи скота, отсутствіе заработковъ, и отхожихъ промысловъ, довели наше крестьянство до того, что оно не выходитъ изъ тяжелой и крайней нужды.

Гдѣ ужъ тутъ думать объ исполненіи общественнаго долга передъ судомъ, когда у каждаго только и заботы, какъ бы завтра прожить и прокормиться.

Скажемъ короче: всѣ мы въ нашемъ уѣздѣ бѣдны, мизерны карманомъ, и перебиваемся, какъ говорится, изъ кваса на хлѣбъ».

Нельзя не признать, что картины такихъ положеній сельскаго люда, у насъ далеко не единственныя, наши крестьяне чуть не поголовно испытываютъ крайнюю нужду, а потому при выборахъ изъ нихъ въ присяжные, комиссіямъ представляется къ разрѣшенію, всегда весьма трудная задача: кого изъ нихъ считать достаточными и кого нѣтъ.

Наши земскіе люди—это люди практики, люди стоящіе близко къ народу и понимающіе его нужды и интересы.

Если эти свѣдущіе люди, пришли къ убѣжденію, что повинность присяжныхъ засѣдателей, какъ общегосударственная и весьма важная повинность,

для успѣшнаго ея осуществленія, безъ обремененія призываемыхъ къ выполненію ея лицъ, требуетъ незначительнаго восполненія денежными средствами, для покрытія сопряженныхъ съ ней расходовъ, то отчего бы, казалось, не дозволить земству, изъ своихъ годовыхъ, иногда весьма значительныхъ бюджетовъ, тратить двѣ три сотни рублей на такой предметъ, расходъ котораго многими земствами признается и справедливымъ и производительнымъ и ужь конечно въ ряду другихъ земскихъ расходовъ, нисколько не обременительнымъ.

Не смотря на то, что вслѣдствіе распоряженія правительствующаго сената, къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей, должны быть призываемы только лица достаточныя, въ средѣ ихъ по прежнему встрѣчаются люди немущіе, нуждающіеся въ дневномъ пропитаніи, ради котораго въ послѣдовательномъ порядкѣ, въ теченіи всей сессіи, они закладываютъ сначала армяки свои, потомъ сапоги, затѣмъ колеса съ телѣгъ или узды съ лошадей, а за израсходованіемъ и этихъ ресурсовъ, переходятъ сначала къ заработкамъ, потомъ къ попрошайничеству, обращаются къ частной благотворительности и т. д.

Такое положеніе общественныхъ судей—положеніе крайне тяжелое.

Закончимъ такого рода иллюстраціей.

На уѣздной сессіи, несостоятельный присяжный—крестьянинъ, встрѣтился съ своимъ односельцемъ, который въ ожиданіи суда сидѣлъ въ тюрьмѣ за то, что переломилъ кому то въ дракѣ ребро.

Послѣдняго присяжные оправдали.

Присяжный, односелецъ оправданнаго, слушавшій дѣло въ числѣ публики, по окончаніи засѣданія подошелъ къ своему земляку, поздравилъ его съ благополучнымъ окончаніемъ его «бѣды», и они разговорились.

Каждый передавалъ другому, наиболѣе интересующія и волнующія его впечатлѣнія минуты. Оправданннй крестьянинъ, выражалъ свою радость, что его «ослобонили», и что онъ сегодня же уйдетъ домой къ женѣ и дѣтямъ; присяжный, односелецъ его, напротивъ, былъ скученъ и выражалъ сѣтованія на судьбу свою за то, что онъ прожилъ, что ему весь животъ подвело, «скажинный день не поѣвши путемъ былъ», и что жить въ городѣ остается ему еще три дня.

Когда оправданнаго подсудимаго, повели обратно въ тюрьму, для сдачи казенной одежды, то онъ пригласилъ туда съ собой своего земляка—присяжнаго, и въ «свидательной комнатѣ» угостилъ его большою чашкою горячаго «хлѣбова», (т. е.) шей и порціей каши.

Камерные товарищи оправданнаго крестьянина, угостили кромѣ того его земляка присяжнаго «чаемъ съ баранками», и снабдили еще его на другой день «подавательной солониной и десяткомъ заупокойныхъ, пожертвованныхъ въ тюрьму калачей».

Неправда ли, трогательна была эта бытовая картинка неподкрашенной, а натуральной жизни, когда сытые арестанты, отъ самаго искренняго сердца, и вполне честныхъ побужденій своихъ, накормили до сыта голоднаго при-

сяжнаго, который во все время сессіи, питался только хлѣбомъ да сельдами и единственный разъ поѣлъ досыта и хорошо, и гдѣ же—въ тюрьмѣ, отъ щедротъ арестантскихъ.

Мы сообщаемъ истинный фактъ, а не анекдотъ.

Почему же въ составъ присяжныхъ, у насъ по прежнему продолжаютъ попадать люди нуждающіеся, несостоятельные до того, что не могутъ даже и поѣсть каждый день досыта.

Объ этомъ мы уже говорили....

ХП.

Нападки на судъ присяжныхъ.

На ряду съ тѣмъ общественнымъ энтузіазмомъ, съ которымъ встрѣчены были у насъ, судебная реформа вообще, и введеніе института присяжныхъ засѣдателей въ частности, въ обществѣ нашемъ, тогда же, вслѣдъ за первыми провозглашенными приговорами присяжныхъ, послышались немногочисленные и робкіе на первый разъ голоса, пытавшіеся, при самомъ началѣ дѣятельности присяжныхъ засѣдателей, доказать ея непригодность у насъ и несоответствіе истиннымъ цѣлямъ правосудія.

Освоившись и укрѣпившись немного, въ такихъ превратныхъ убѣжденіяхъ своихъ, противники и враги нашего новаго суда, рискнули уже, несмотря на признанія давно всѣмъ образованнымъ міромъ, достоинства суда присяжныхъ, ратовать не только за то, что этотъ судъ есть явленіе совершенно непригодное для нашего отечества, но недоброжелательство свое къ самому принципу суда присяжныхъ, простѣрили до пропагандированія въ печати той идеи, что судъ присяжныхъ, составляющій повидимому дивное приобрѣтеніе одного изъ учрежденій свободы, въ сущности является ни чѣмъ другимъ, какъ вновь оживленнымъ грубымъ самоуправствомъ прежнихъ варварскихъ временъ, своевременно оставленнымъ и замѣненнымъ другими болѣе разумными судами.

Такого рода крайнія воззрѣнія, на учрежденіе суда присяжныхъ, посягавшія на самое значеніе его, какъ лучшей формы суда, выработавшейся условіями цивилизаціи и развитія общества, пожалуй, можно было бы обойти молчаніемъ и оставить внѣ всякаго возраженія, если бы подѣ выраженіемъ «грубаго самоуправства прежнихъ временъ» не проглядывало достаточно ясно желаніе выразить предубѣжденіе противу главныхъ достоинствъ суда присяжныхъ, а именно, противу его равенства для всѣхъ, и всеобщей равноправности въ немъ, представителей всѣхъ гражданъ, безъ различія ихъ званій и происхожденій, принадлежности къ привилегированнымъ и непривилегированнымъ сословіямъ.

Въ одномъ изъ ежемѣсячныхъ журналовъ, періода современнаго введенію у насъ суда присяжныхъ, читаемъ мы слѣдующія знаменательныя строки.

«Право судяться себѣ равными, т. е. своими согражданами, призванными безразлично изъ разныхъ слоевъ народной массы, поселаетъ въ каждомъ гражданинѣ убѣжденіе, что онъ будетъ судимъ вполне безпристрастно. Народъ становится, при подобной постановкѣ суда, посредникомъ въ вопросахъ о собственности, свободѣ и жизни гражданъ и получаетъ полное довѣріе къ своимъ судебнымъ установленіямъ, что составляетъ весьма немаловажное условіе существованія правосудія».

Можно ли противу такихъ словъ, что либо возразить, можно ли чѣмъ нибудь оспорить эти глубокія истины, и однакоже оппоненты и порицатели ихъ, нашлись у насъ—и нашлись очень скоро.

Отчетъ министерства юстиціи одного изъ первыхъ годовъ, по открытіи судебной реформы удостовѣряетъ, что у нашего суда присяжныхъ, въ самомъ непродолжительномъ времени по его введеніи, обнаружались хотя и немногочисленные, но очень громко кричащіе противники, которые, будучи вообще недовольны основными началами суда присяжныхъ, главнымъ образомъ, возставали противу принципа полной равноправности передъ закономъ всѣхъ гражданъ.

Всякое рѣшеніе присяжныхъ, которое какъ-нибудь неделикатно или чувствительно затронувало ихъ сословную спѣсь, давало имъ каждый разъ поводъ кричать, о несправедливости суда, его непригодности, и заводить далѣе рѣчь, чуть не о ниспроверженіи порядка, о развитіи въ обществѣ крайняго демократизма, и тому подобныхъ химерахъ.

Само собой, всѣ такіе вопли, имѣли главною цѣлю, если не способствованіе къ полному, и совершенному устраненію у насъ суда присяжныхъ, то крайней мѣрѣ къ тому, чтобы, оставивъ за нимъ привиллегію суда интеллигентной среды, устранить изъ массы присяжныхъ людей простаго званія, которые по мнѣнію такихъ крикуновъ не могутъ и не должны, безъ нарушенія очевидной справедливости, являться фактическими судьями лицъ, стоящихъ выше ихъ по сословнымъ и другимъ привиллегіямъ.

Въ отвѣтъ на всѣ такіе предубѣжденные взгляды, противу неинтеллигентнаго состава присяжныхъ, тотъ же отчетъ министерства юстиціи, о которомъ мы упоминали выше, говоря о присяжныхъ простолюдинахъ, относится къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ и гордостію, заявляя, что присяжные простолюдины, вышедшіе изъ темной, и повидимому, неразвитой среды, на первыхъ же порахъ своей дѣятельности явили себя вполне достойными и разумными судьями.

Такимъ образомъ мы видимъ, что первые порывы неудовольствій противу суда присяжныхъ, со стороны нѣкоторой части нашего общества, выразились порицаніемъ и осужденіемъ установленнаго въ немъ, начала равноправности, но такъ какъ поддерживать и далѣе такое неудовольствіе, было совершенно безцѣльно, ибо и сами же противники суда присяжныхъ очень хорошо

понимали, что устранить этот ненавистный имъ принципъ немыслимо, не избѣнивъ главныя и существенныя основанія суда представителей общественной совѣсти, то неудовольствія и нареканія на эту тему, или крики о непригодности суда присяжныхъ, въ этомъ по крайней мѣрѣ отношеніи, начали по немногу стихать и наконецъ мало-по-малу стушевались совѣмъ.

Но если всѣ эти недовольные голоса, смирившись, такъ сказать, передъ сознаниемъ, что съ введеніемъ у насъ суда присяжныхъ, въ той формѣ, въ которой онъ существуетъ, приходится уже помириться, какъ съ фактомъ совершившимся и неподлежащимъ отмѣнѣ, почему и является вполне бесполезнымъ поднимать голоса за полную его непригодность, то тѣже недовольные голоса, въ дальнѣйшемъ теченіи дѣятельности суда присяжныхъ, отъ начала ея и до послѣдняго времени, не переставали выражать въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ, различнаго рода нападки на дѣятельность присяжныхъ, и въ повседневной практикѣ его, отыскивать такіе случаи и факты, которые давали бы имъ возможность, проводить хотя и въ болѣе уже мягкой формѣ, мысли о тѣхъ или другихъ недостаткахъ суда присяжныхъ, о томъ или другомъ вредномъ его вліяніи на общество.

Въ одномъ изъ періодическихъ органовъ текущаго года, читаемъ мы слѣдующее.

«За пятнадцать лѣтъ существованія у насъ суда присяжныхъ, много напраслины, много поклеповъ пришлось ему вытерпѣть со стороны разныхъ «спасателей отечества.» Сочувствіе большинства общества къ этой реформѣ сдѣлало то, что открыто они не рѣшались уже заводить рѣчь о совершенномъ упраздненіи у насъ этой новой формы суда, но попытки къ тому, чтобы возможно болѣе стѣснить этотъ судъ, сократить его полномочія, сжать его права и видоизмѣнить, въ желаемомъ для себя смыслѣ, до неузнаваемости, выражались при каждомъ удобномъ случаѣ, когда по поводу того или другаго вызывающаго оправдательнаго приговора присяжныхъ, этой кликѣ недовольныхъ, представлялась возможность доказывать, чуть чуть не политическую неблагонадежность, учрежденія въ нашемъ отечествѣ суда присяжныхъ».

Однѣ изъ нашихъ печатныхъ органовъ, не безъ ироніи замѣчаетъ, что нашему институту присяжныхъ засѣдателей, приходится играть весьма жалкую и комичную роль.

Будучи самъ, по выраженію газеты, настоящимъ заправскимъ закономъ учрежденнымъ и признаннымъ судомъ, нашъ институтъ присяжныхъ, почти что не сходитъ со скамьи подсудимыхъ, и нуждается въ постоянной защитѣ передъ лицомъ трибунала, никѣмъ не призванныхъ и не признанныхъ судей.

Можетъ ли быть, что нибудь прискорбнѣе такого положенія нашего суда присяжныхъ, и въ чемъ же заключаются тѣ причины, которыя вызывали и вызываютъ до настоящаго времени, нареканія на дѣятельность присяжныхъ засѣдателей и на неудовлетворительность ихъ суда.

Было бы бесполезно, указывать на всѣ тѣ частныя случаи, факты и сопоставленія, которыя служатъ почвою, для массы выходовъ, направляемыхъ

въ осужденіе приговоровъ нашихъ присяжныхъ, и искаженіе внутренняго смысла ихъ содержанія.

Безъ большихъ погрѣшностей можно сказать, что всѣ такія жалобы и привередничества, недостойныя серьезнаго отношенія къ дѣлу, возвращаются около нѣсколькихъ излюбленныхъ противниками нашего новаго суда пунктовъ, на которыхъ они и основываютъ свои сѣтованія, и строятъ вылазки противу рѣшеній присяжныхъ каждый разъ, когда такое рѣшеніе представляетъ имъ хотя бы и самомалѣйшій поводъ для того, чтобы бросить въ присяжныхъ упрекомъ въ несправедливости, неспособности, несостоятельности ихъ и непониманіи ими своего судейскаго долга.

Вотъ эти опорные пункты нашихъ недоброжелателей: а) равенство передъ судомъ присяжныхъ, лицъ всѣхъ званій и сословій, о которомъ частію мы говорили уже выше; б) недостаточность умственной подготовки массы присяжныхъ изъ простолюдиновъ, для выполненія обязанностей судей, которымъ, будто бы, опасно поэтому ввѣрять задачу и интересы правосудія; в) значительное количество постановляемыхъ присяжными засѣдателями неосновательныхъ оправдательныхъ приговоровъ, какъ слѣдствіе ихъ судейской несостоятельности и непониманія передъ обществомъ своего долга; и г) оправданіе присяжными засѣдателями такихъ подсудимыхъ, которые публично сознаются въ своихъ преступленіяхъ, что представляетъ, будто бы собою, явленіе публичнаго соблазна и свидѣтельствуетъ о крайней деморализаціи самого суда.

Воснемся вкратцѣ всѣхъ этихъ доводовъ и дѣлаемыхъ изъ нихъ выводовъ.

Едвали представляется надобность разбирать подробно, совершенную неосновательность перваго изъ приведенныхъ нами выше пунктовъ.

Недовольствіе судомъ присяжныхъ потому, что въ немъ наглядно проводится идея равноправности всѣхъ вообще гражданъ государства, есть явленіе чисто сословнаго характера, и не имѣетъ прямаго соотношенія къ положительнымъ и отрицательнымъ достоинствамъ и недостаткамъ суда. Сословное равенство всѣхъ гражданъ передъ судомъ присяжныхъ, есть, такъ сказать, одно изъ вышнихъ стороннихъ условій существованія суда и недовольствіе судомъ съ этой именно точки зрѣнія, не затрогивая ни одну изъ сторонъ внутренняго его значенія ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить поводомъ, для того, чтобы въ какой-либо степени судить о его совершенствахъ и недостаткахъ. Можно, конечно, быть не довольнымъ съ извѣстной точки зрѣнія, при видѣ картины, когда 12 простолюдиновъ разрѣшаютъ какое-нибудь уголовное дѣло, о которое запачкался тотъ или другой интеллигентный человѣкъ, но нельзя утверждать, что такой судъ нехорошъ, потому только, что рѣзкую правду и понятіе о законности, высказываютъ здѣсь 12 человѣкъ добропорядочныхъ простолюдиновъ, одному согрѣшившему передъ закономъ согражданину ихъ, изъ лицъ привилегированныхъ.

Сословная спѣсь, караемая въ своихъ нелегальныхъ побужденіяхъ судомъ простыхъ гражданъ, въ числѣ которыхъ нерѣдко не бываетъ ни одного привилегированнаго лица, конечно, можетъ выражать только негодованіе противу

такого порядка, который установленъ судомъ равнымъ для всѣхъ, и далеко не идущимъ въ параллель съ судами добраго стараго времени, когда принадлежность къ извѣстному сословію и привилегированное положеніе подсудимыхъ, такъ много значили, и играли такую существенную роль въ положеніи ихъ на судѣ въ качествѣ подсудимыхъ.

Какой же смыслъ могутъ имѣть послѣ этого всѣ тѣ неудовольствія судомъ присяжныхъ, которые носятъ на себѣ, такъ сказать, сословный оттѣнокъ.

Трезвый взглядъ на дѣло, здравыя понятія о высокомъ значеніи суда для всѣхъ равнаго, внушаютъ обходить молчаніемъ всѣ такого рода нареканія на судъ присяжныхъ—нареканія несправедливыя за то лишь, что онъ равный въ своемъ составѣ, въ то же время являетъ собой равенство для всѣхъ вообще гражданъ.

Переходя къ причинѣ втораго рода, возбуждающей неудовольствія противъ суда присяжныхъ по поводу ничтожнаго умственного развитія среды, изъ которой выходятъ главный контингентъ его представителей, мы должны сказать, что этотъ мотивъ нареканій на присяжныхъ, въ нѣкоторой долѣ своей представляется дѣйствительно основательнымъ.

Необходимость пополненія контингента присяжныхъ засѣдателей людьми по преимуществу развитыми и образованными, представляется вполне ясною, такъ какъ при значительномъ количествѣ въ составахъ присяжныхъ, необразованнаго элемента, приговоры ихъ могутъ иногда не удовлетворять требованіямъ справедливаго и разумнаго суда.

Вопроса этого мы касались уже немного въ нѣкоторыхъ предъидущихъ очеркахъ, а теперь разберемъ его нѣсколько подробнѣе и всестороннѣе.

Что масса нашихъ присяжныхъ, состоя изъ малограмотной и мало развитой среды, не можетъ быть признана удовлетворяющей вполне своему назначенію, это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Точно также нельзя возражать и противу того, что въ составѣ присяжныхъ засѣдателей желательнѣе наиболѣе участіе образованныхъ людей, которые всегда и во всякихъ случаяхъ, съ большимъ умѣніемъ и съ болѣе правильнымъ взглядомъ на дѣло, выполняютъ задачу суда.

Но обобщать эти правила безусловно нельзя, ибо въ дѣлѣ суда присяжныхъ, на ряду съ извѣстнымъ уровнемъ познаній, играетъ немалую роль и общее развитіе человѣка, его нравственныя правила и взгляды на обязанности гражданина, и на общественныя условія жизни людей всѣхъ званій и категорій.

Собственно умственное развитіе присяжныхъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, какъ средство для распознаванія свойства преступленій и выясненія себѣ оттѣнковъ его, играетъ существенное значеніе въ тѣхъ немногихъ видахъ преступленій, которые по своему отвлеченному значенію неподдаются легко уразумѣнію простолюдина.

Мы указывали уже раньше на примѣры, когда присяжные крестьяне, становясь фактическими судьями одного изъ подобныхъ преступленій, выказывали свою умственную несостоятельность при разрѣшеніи дѣлъ таковаго свойства.

Скажемъ, что такіе случаи могутъ быть даже и нерѣдки, особенно въ провинціи, но пріостекаетъ ли изъ этого дѣйствительная опасность для правосудія, можно ли сказать, что при такихъ условіяхъ непонятливости присяжныхъ, подсудимымъ, въ сущности невиннымъ, можетъ угрожать серьезная возможность быть неправильно обвиненными.

На такого рода вопросы можно отвѣчать двояко.

Можно сказать, что въ большинствѣ случаевъ, подобное умственное несоотвѣтствіе присяжныхъ къ свойству преступленія, неблагопріятно отражается только на личностяхъ самихъ присяжныхъ, выставляя ихъ несостоятельность передъ лицомъ общества, и только въ крайнихъ случаяхъ подобная неразвитость ихъ, можетъ обрушиться неблагопріятными послѣдствіями на личностяхъ подсудимыхъ.

Въ дѣлѣ уголовного суда, присяжные засѣдатели дѣйствуютъ не единолично, а подъ руководствомъ и контролемъ коронныхъ всесторонне образованныхъ юридически судей. Присяжнымъ засѣдателямъ принадлежитъ вполне рѣшающій голосъ, относительно вины или невинности подсудимыхъ, но примѣненіе ихъ вердикта къ подсудимому, огражденіе личности его отъ возможности неправильнаго осужденія, огражденіе его отъ такой случайности, когда присяжные, не понявъ дѣла, обвинять человѣка неправильно, принадлежитъ всецѣло суду.

Составители судебныхъ уставовъ, имѣя въ виду, что во многихъ случаяхъ, въ особенности въ провинціи, составъ присяжныхъ будетъ пополняться людьми малограмотными, неразвитыми, и даже совсѣмъ неграмотными, находили однакоже возможнымъ, допускать послѣднихъ въ составъ присутствія присяжныхъ на томъ основаніи, что отсутствіе извѣстнаго образовательнаго ценза, не можетъ еще само по себѣ служить препятствіемъ для исполненія обязанностей присяжныхъ, что для успѣшнаго отправленія правосудія вполне достаточно здраваго смысла и извѣстнаго вниманія къ дѣлу, и что въ составахъ присутствій присяжныхъ, будетъ всегда находиться нѣсколько человѣкъ образованныхъ и развитыхъ людей, знанія которыхъ путемъ взаимнаго обмѣна мыслей, сообщатся присяжнымъ незнающимъ, и окажутъ имъ свою практическую услугу, въ видѣ полезнаго указанія, совѣта, или разъясненія чего-либо для нихъ непонятнаго.

Справедливость требуетъ однакоже сказать, что всѣ такіе выводы, соображенія и умозаключенія, можно считать вполне правильными и неопровержимыми, только теоретически, въ практической же жизни и въ судебской дѣятельности нашихъ присяжныхъ засѣдателей, они успѣли уже выказать нѣкоторую долю своей несостоятельности, заставляющей во всякомъ случаѣ желать, возвышенія умственнаго уровня мало развитыхъ и необразованныхъ вообще присяжныхъ.

Нельзя отвергать присутствія у нашего простаго народа здраваго смысла. Можно сказать и больше того; наши простолюдины присяжные, недостатокъ образованія и нравственнаго развитія своего, восполняютъ тою осторожностію

и обдуманностию, съ которыми они берутся всегда за дѣло. Мы имѣемъ въ виду множество указаній на то, съ какою осмотрительностию наши простолюдины присяжные, относились къ своимъ обязанностямъ, какъ при первоначальномъ введеніи суда присяжныхъ, такъ равно и теперь.

Первые шаги присяжныхъ, обличали въ нихъ даже какую-то робость, недвѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ и знаніямъ. Изъ желанія ознакомиться какъ можно лучше съ своею задачею, чтобы не сдѣлать потомъ какого либо промаха, они самымъ внимательнымъ образомъ относились къ каждому разсматриваемому дѣлу, изучали его насколько могли и умѣли.

Эти добрыя качества простолюдиновъ присяжныхъ, отличаютъ ихъ постоянно и по настоящее время, и служатъ однимъ изъ доказательствъ пригодности ихъ вообще для цѣлей правосудія.

Но при всемъ томъ, малограмотность и недоразвитость ихъ конечно, во многихъ случаяхъ служатъ имъ помѣхой къ правильному и безукоризненному отправленію обязанностей правосудія.

Подтвержденіемъ того, что незнанія свои, присяжные простолюдины восполняютъ крайнею осторожностію въ своихъ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ, служатъ тѣ весьма многіе случаи нашей уголовной практики, когда присяжные засѣдатели изъ интеллигентныхъ, выказывая въ совѣщаніяхъ своихъ нетерпѣніе къ скорѣйшему разрѣшенію дѣла, были задерживаемы своими сотоварищами простолюдинами, которые не усвоивъ себѣ вполнѣ значеніе какого-либо преступленія или обстоятельства по дѣлу, требовали возвращенія своего въ залу засѣданія для того, чтобы испросить отъ суда необходимыя для нихъ дополнительныя разъясненія.

Одинъ старшина присяжныхъ сообщаетъ намъ изъ своей личной практики случай характеризующій, по его мнѣнію, отрицательныя достоинства присяжныхъ засѣдателей изъ простолюдиновъ.

«Дѣло было о подлогѣ духовнаго завѣщанія — пишетъ онъ намъ, въ нашемъ составѣ присутствія было семь человекъ неграмотныхъ мѣщанъ и крестьянъ, которые никакъ не могли понять, что сущность подлога подсудимаго заключалась въ томъ, что онъ подписалъ духовное завѣщаніе отъ имени завѣщателя, безъ непосредственной просьбы о томъ его самого, такъ какъ въ комнату къ нему онъ не былъ допущенъ, а подписалъ завѣщаніе по просьбѣ одного изъ сыновей. Присяжные простолюдины въ одинъ голосъ толковали, что «по нашенскому разуму, что батяга, что сынъ все едино, потому отъ отца завсегда всякое добро сыну идетъ». Такого взгляда они придерживались очевидно подъ вліяніемъ своихъ народныхъ возрѣній на имущественныя отношенія въ простомъ быту родителей къ дѣтямъ, почему на ряду съ такими взглядами и не допускали вѣроятности, въ данныхъ мною имъ разъясненіяхъ, что благопріобрѣтенное имѣніе свое, отецъ могъ завѣщать помимо дѣтей своихъ, какому нибудь третьему лицу, что въ дѣйствительности и составляло предметъ даннаго дѣла. Когда подъ конецъ нашихъ совѣщаній пришла пора отбирать голоса, то сотоварищи мои простолюдины,

не вѣря моимъ словамъ, и вслѣдствіе того склоняясь къ оправданію подсудимаго, пожелали, во избѣжаніе ошибки съ своей стороны, вернуться, въ залу засѣданія и спросить предсѣдательствующаго, есть ли такіа «права» чтобы отецъ свой хуторъ могъ оставить чужому, а не сыну. Мы должны были, заканчиваетъ тотъ же старшина, воротившись въ залу засѣданія, обратиться къ суду съ вопросомъ, возбудившимъ въ средѣ насъ недоразумѣніе, и, когда предсѣдательствующій разъяснилъ намъ его въ утвердительномъ смыслѣ, то тогда только эти семь человѣкъ присяжныхъ, повѣрили моимъ объясненіямъ и присоединились къ обвиненію подсудимаго, и мнѣ кажется, только путемъ этого дополнительнаго разъясненія предсѣдателя, они и обрисовали себѣ вполне значеніе въ данномъ дѣлѣ преступленія подлога».

Едва ли можно признать, что такое недовѣріе присяжныхъ, должно быть отнесено къ числу ихъ отрицательныхъ достоинствъ, напротивъ, намъ кажется, подобная черта недовѣрія ихъ къ словамъ другихъ своихъ со товарищей присяжныхъ, является весьма похвальною и разумною чертою ихъ, въ отношеніи къ тому, что они не вполне точно или ясно понимаютъ.

Укажемъ на другой случай, происходившій въ уѣздномъ городѣ, когда малограмотный составъ присяжныхъ, выслушавъ дѣло о разбоѣ, по которому судъ согласно съ требованіемъ защиты, постановилъ дополнительный вопросъ о виновности подсудимыхъ въ грабежѣ,—и будучи удаленъ для постановленія приговора въ свою совѣщательную комнату, воротился скоро оттуда назадъ, и попросилъ предсѣдателя; повторить передъ нимъ свою заключительную рѣчь для того, чтобы прослушавъ ее вторично, присяжные могли бы лучше разобрать, чѣмъ разбой отличается отъ грабежа.

Такого рода поступкомъ, присяжные выказали опять-таки свою крайнюю осторожность, хотя впрочемъ вопросъ, возбудившій въ средѣ ихъ сомнѣніе, представляется однимъ изъ тѣхъ вопросовъ, который и до сего времени не можетъ быть вполне точно усвоенъ себѣ и многими записными даже юристами.

Несмотря однако же на такіа хорошія качества нашихъ простолюдиновъ присяжныхъ, слѣдуетъ все-таки сознаться, что они, благодаря своей неграмотности и необразованію, дѣлаютъ такіе промахи, которые въ дѣлѣ суда не должны быть терпимы и допускаемы.

Неблагопріятныя случайности, порождаемыя такими промахами, независимо ихъ прямаго значенія, не желательны и потому еще, что для многихъ подсудимыхъ, они порождаютъ прискорбное сознаніе, что ихъ судили люди, недостаточно развитые, не сумѣвшіе справиться съ порученнымъ имъ дѣломъ, короче сказать, не понявшіе дѣла и постановившіе свой приговоръ на обумъ.

Въ чемъ же могутъ выражаться на дѣлѣ праятически, послѣдствія подобныхъ ненормальныхъ положеній въ составахъ присяжныхъ засѣдателей, среди которыхъ, большинство является людьми незнающими, неразвитыми и непонимающими дѣла.

Основываясь на нашей личной судебной практикѣ, и на многихъ другихъ примѣрахъ, мы можемъ безъ большой погрѣшности сказать, что если отъ такихъ неправильныхъ вердиктовъ присяжныхъ, и являются какія-либо ненормальности въ дѣлѣ суда, то эти ненормальности въ значительномъ большинствѣ случаевъ, нарушаютъ, такъ сказать, общіе интересы правосудія, затрогиваютъ вопросъ о неудовлетворительности вообще порядка отправленія суда, и въ рѣдкихъ только случаяхъ, касаются интересовъ отдѣльныхъ лицъ, какъ напр. обвиняемыхъ.

Дѣло въ томъ, что присяжные засѣдатели всякаго состава, а въ особенности состава людей неразвитыхъ, очень хорошо понимаютъ и сознаютъ тѣ положенія свои, когда выслушавъ какое-либо уголовное дѣло, они его совсѣмъ не поняли, или поняли не столько неопредѣлительно шатко и не ясно, что съ спокойной совѣстью не могутъ дать утвердительнаго отвѣта на вопросъ о виновности подсудимаго.

Въ такомъ случаѣ, чтобы не взять на свою душу грѣха, они обыкновенно выносятъ оправдательный приговоръ подсудимому. Такимъ пріемомъ они конечно поступаютъ совершенно справедливо по отношенію къ личности подсудимаго, интересъ котораго отъ этого не только что ничего не теряетъ, а напротивъ, нерѣдко даже и выигрываетъ.

Но то ли же самое можно сказать въ подобныхъ случаяхъ, относительно вообще цѣлей правосудія. Очевидно, нѣтъ, потому что не можетъ быть ничего прискорбіе того явленія, когда судъ, установленный закономъ, оказывается бессильнымъ и несостоятельнымъ для того, чтобы понять и справедливо разрѣшить всякое уголовное дѣло.

Но вѣдь такіе случаи, говоря по правдѣ, бываютъ крайне рѣдки, такіе приговоры, несомнѣнно оскорбляющіе основные принципы правосудія, затрогивающіе вопросъ о непригодности извѣстной формы суда, должны почитаться явленіями исключительными, такъ какъ самая возможность возникновенія такихъ случаевъ, обуславливается тою случайностію, когда въ составъ присутствія присяжныхъ, попадаютъ всѣ двѣнадцать человѣкъ непонимающихъ дѣла, а такіа случайности, въ свою очередь, бываютъ крайне рѣдки.

Коснемся затѣмъ нѣсколько иной стороны такихъ ненормальныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей.

Допустимъ, что присяжные выносятъ подсудимому неосновательный оправдательный приговоръ; можетъ ли это вліять на массу деморализующимъ образомъ и кто въ состояніи узнать дѣйствительную причину такого оправдательнаго вердикта присяжныхъ? Мало ли по какимъ причинамъ присяжные оправдываютъ подсудимыхъ; общество стоитъ всегда внѣ возможности узнать вполнѣ достовѣрно, эти оправдательные мотивы ихъ, и прямого соблазна и неудовольствій на судъ, отъ такихъ приговоровъ проистекать не можетъ, тѣмъ болѣе, что они не опасны и для отдѣльныхъ членовъ общества, не отражаются никакими тяжелыми послѣдствіями на самихъ обвиняе-

мых. А задача всякаго уголовного суда, должна быть всегда и вездѣ направлена къ тому, чтобы прежде всего невиноватый человѣкъ, не понесъ бы незаслуженнаго наказанія; что же касается до дѣйствительно виновныхъ, то желательно, конечно, чтобы они не ускользали отъ правосудія, но желаніе это не во власти «самого совершеннаго суда». Мало ли тяжкихъ преступниковъ остается совсѣмъ необнаруженными, сколько дѣйствительныхъ виновниковъ преступленій ускользаетъ отъ правосудія и не по винѣ присяжныхъ! Конечно, слѣдуетъ принимать мѣры къ тому, чтобы оправдательные приговоры присяжныхъ, по причинамъ указаннымъ выше, встрѣчались бы у насъ возможно рѣже; но они представляются и безъ того на столько единичными, что, основываясь на нихъ, какъ на исключительныхъ случаяхъ, нельзя выводить обвиненія въ совершенной непригодности, на общее и цѣлостное значеніе суда присяжныхъ, и тѣмъ менѣе, по отдѣльнымъ неразвитымъ личностямъ ихъ, дѣлать выводъ о недостаточной подготовкѣ всего общества для того, чтобы пользоваться благами этого суда.

Въ нѣсколько иномъ положеніи является тотъ же вопросъ въ тѣхъ случаяхъ, когда присяжные засѣдатели, не понявъ хорошо дѣла, выносятъ подсудимому, въ сущности невиноватому, обвинительный приговоръ; но такіе случаи бываютъ еще рѣже, а возможность ихъ законъ предусматриваетъ равно по отношенію ко всѣмъ вообще присяжнымъ засѣдателямъ, какъ неграмотнымъ и не образованнымъ, такъ и образованнымъ и развитымъ.

Въ подобныхъ случаяхъ и по взгляду самого законодателя, обвиненіе присяжными въ сущности невиноватаго человѣка, не можетъ быть объяснимо лишь не развитіемъ послѣднихъ, такъ какъ нерѣдко, неосновательный обвинительный приговоръ подсудимому, выносится составомъ присяжныхъ исключительно изъ образованнаго и развитаго круга.

Такія неправильныя обвиненія, зависятъ во многихъ случаяхъ, отъ отсутствія въ развитыхъ даже людяхъ спеціальнаго юридическаго образованія, отъ ложнаго взгляда на тѣ или другія положенія уголовного права, отъ иныхъ болѣе общихъ причинъ, какъ то случайныхъ группировокъ уликъ, порождающихъ нерѣдко, такъ называемыя судебныя ошибки, своеобразныхъ или исключительныхъ взглядовъ присяжныхъ, на отдѣльные виды преступленій и т. п. Допуская, наконецъ, что неправильныя обвиненія присяжными, могутъ являться какъ послѣдствія невѣжества необразованія и незнанія ихъ, мы имѣемъ въ коронныхъ судьяхъ, тѣ гарантирующія личность подсудимаго, судебныя функціи, которыя въ каждомъ подобномъ неправильномъ обвиненіи, найдя несомнѣннымъ осужденіе человѣка невиннаго, могутъ и въ силу закона должны даже, наложить, такъ-сказать запрещеніе свое, на всякій такой приговоръ и не допустить его до осуществленія надъ личностію подсудимаго. А если судебная практика весьма часто указываетъ намъ, что окружные суды налагаютъ такого рода запрещенія, на приговоры присяжныхъ даже въ столицахъ и крупныхъ городахъ, гдѣ составъ присяжныхъ засѣдателей, состоитъ почти исключительно изъ лицъ образованныхъ и развитыхъ,

то почему же нѣкоторые такіе обвинительные приговоры, ставить въ вину малограмотнымъ и неразвитымъ присяжнымъ, къ которымъ по всей справедливости, слѣдуетъ относиться гораздо снисходительнѣе. Ясно отсюда, что малограмотность и неразвитость присяжныхъ, въ связи съ неправильно постановляемыми ими обвинительными приговорами, не могутъ ставиться въ тѣсную и непосредственную между собою зависимость, какъ причина къ слѣдствію.

Впрочемъ, рядъ приведенныхъ нами выше неправильностей, происходящихъ отъ недостаточнаго развитія и образованія присяжныхъ засѣдателей съ одной стороны, и стремленія коронныхъ судей съ другой, устранить по возможности такія ненормальныя явленія въ дѣлѣ суда, создали уже въ провинціи такой порядокъ вещей, при которомъ многіе окружные суды, избѣгая собственной своей нравственной отвѣтственности, не рѣшаются назначать къ слушанію въ уѣздныхъ городахъ, наиболѣе серьезныя дѣла. въ томъ случаѣ, когда на предстоящей сессіи, составъ присяжныхъ оказывается состоящимъ изъ большинства простолюдиновъ.

Бывали случаи, что и сами подсудимые, предъявляли суду ходатайства о томъ, чтобы дѣла объ нихъ слушались въ губернскомъ городѣ, гдѣ «кажінный человекъ примѣрно грамотъ знаетъ и можетъ по Божеской правдѣ обсудить», не довѣряли своимъ землякамъ крестьянамъ на томъ основаніи, что «они народъ темный, правовъ никакихъ не знаютъ, и что супротивъ грамотнаго человека, отъ нихъ можно всякую опаску имѣть.»

А одинъ волостной писарь, обвинявшійся въ подлогѣ, ходатайствуя о переводѣ его дѣла въ губернской городъ, мотивировалъ это ходатайство тѣмъ, что мѣстнымъ присяжнымъ дѣла его «во вѣкъ не понять, и что они на его дѣлѣ сами себя не разберутъ», а потому для него подсудимаго можетъ выйти по его словамъ, «одно только обидное несовершенство.»

Бывали случаи, что окружные суды признавали такія ходатайства совершенно основательными, и переводили дѣла къ слушанію въ болѣе интеллигентные составы суда присяжныхъ.

На ряду съ этимъ въ судебной практикѣ нашей случалось и такъ, что присяжные засѣдатели изъ простолюдиновъ — и это нужно отнести къ ихъ положительнымъ качествамъ — откровенно заявляли суду сами, что «дѣло имъ словно какъ не понять», и просили уволить ихъ изъ состава присутствія.

Намъ извѣстно нѣсколько такихъ случаевъ, и всѣ они относятся къ такимъ дѣламъ, въ которыхъ подсудимые обвинялись въ преступленіяхъ отвлеченнаго характера, съ тонкими гражданскими оттѣнками, какъ наприкладъ, въ подлогахъ, мошенничествахъ, злостныхъ банкротствахъ и другихъ подобныхъ, въ которыхъ наличный фактъ преступнаго дѣянія, не представлялся вполне объективнымъ по своимъ признакамъ, а обуславливался сопоставленіемъ такихъ особенностей и тонкостей дѣла, которыя для правильнаго уразумѣнія, и еще болѣе для точной оцѣнки нравственнаго значенія

ихъ, требовали не только извѣстнаго развитія и образованія, но даже и кое-какихъ специальныхъ свѣдѣній.

Въ подобныхъ случаяхъ судъ, конечно, удовлетворяетъ всегда заявленія присяжныхъ засѣдателей, при возможности замѣщаетъ несвѣдущихъ, запасными засѣдателями, или же съ согласія сторонъ производитъ новый выборъ.

Такимъ образомъ, мы разобрали кажется достаточно полно, на сколько въ дѣлѣ уголовного суда, недоразвитіе или малограмотность присяжныхъ засѣдателей, могутъ имѣть неблагопріятныя для правосудія послѣдствія.

Перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, на сколько болѣе или менѣе значительное количество оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ вообще, и оправданіе ими подсудимыхъ, сознающихъ въ своихъ преступленіяхъ, въ частности могутъ въ себѣ заключать сколько-нибудь достаточные поводы для того, чтобы порождать толки и сужденія о непригодности нашего суда присяжныхъ, о его деморализующемъ вліяніи на общество, о потворствѣ присяжныхъ преступникамъ и водвореніи въ обществѣ идей о безнаказанности.

Трактовать о причинахъ, по которымъ присяжные засѣдатели оправдываютъ подсудимыхъ, конечно можно, но выражать убѣжденіе, что эти причины не основательны и не соотвѣтствуютъ цѣлямъ правосудія, слѣдуетъ съ крайнею осторожностію уже потому, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, мотивы оправданія представляются до нельзя разнообразными, зависящими отъ множества такихъ неумовимыхъ иногда для посторонняго глаза обстоятельствъ усмотрѣть и оцѣнить которыхъ по достоинству, можетъ одна только проникательная совѣсть присяжныхъ.

Не все то, что чувствуется сердцемъ и душою человѣка, что понимается и сознается внутреннимъ созерцаніемъ его, можетъ быть всегда выражено для другаго наглядно, объективно, осязательно. Неприкосновенность величайшаго права присяжныхъ, оправдывать и обвинять людей исключительно лишь, по убѣжденію своей совѣсти, безъ подчиненія этого убѣжденія чему-либо, кромѣ выполняемой ими присяги, не дозволяетъ никому заглядывать въ ихъ душу, и копаться въ тайникахъ ея, розыскивая оправдательные мотивы того или другаго преступленія, какъ какіе-нибудь запретные или контрбандные элементы.

Вотъ почему мы полагаемъ невозможнымъ, подчинять совѣсть присяжныхъ какому-либо опредѣленному масштабу или мѣрилу, при разрѣшеніи ими вопросовъ о винѣ или невинности подсудимыхъ, виѣняемости или невиѣняемости имъ совершенныхъ ими преступленій.

Изучая теоретически дѣятельность присяжныхъ засѣдателей, можно замѣтить и даже съ большою точностію опредѣлить тѣ общія, но не частныя причины, каждаго отдѣльнаго дѣла касающіяся, по которымъ присяжные склонны выносить значительное количество оправдательныхъ вердиктовъ и отказывать въ обвиненіи даже и такихъ подсудимыхъ, которые сознаются въ своихъ преступленіяхъ. Но предметъ этотъ настолько самъ по себѣ важенъ, и занимаетъ такое солидное положеніе въ дѣятельности нашихъ присяжныхъ, что гово-

рять объ немъ вскозь представляется невозможнымъ. Подробному и обстоятельному разбору этихъ двухъ положеній, т. е. значительному количеству оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ вообще, и оправданію ими въ частности сознающихся подсудимыхъ, мы посвятимъ еще впереди двѣ отдѣльныхъ самостоятельныхъ главы. Здѣсь же скажемъ только, что глубоко ошибаются тѣ противники нашего суда присяжныхъ, которые рѣшаются утверждать, что количество оправдательныхъ приговоровъ, выносимыхъ присяжными, поражаетъ каждого своею грандіозною цифрою.

Прежде, чѣмъ удостовѣрять такіе невѣрные факты, и на основаніи ихъ дѣлать еще болѣе невѣрную оцѣнку дѣятельности присяжныхъ, слѣдовало бы обратиться къ официальнымъ отчетамъ о дѣятельности вообще нашихъ окружныхъ судовъ за любой годъ, и тогда, цѣлымъ рядомъ положительныхъ и вполне достовѣрныхъ цифръ, противники нашего суда присяжныхъ убѣдились бы, что процентъ оправдательныхъ приговоровъ у присяжныхъ засѣдателей въ общей массѣ разрѣшаемыхъ ими дѣлъ почти что не превышаетъ процента оправдательныхъ приговоровъ, постановляемыхъ коронными судьями. Это сопоставленіе даетъ основаніе сдѣлать тотъ выводъ, что мотивы оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ, зависятъ не отъ какихъ-либо случайностей во взглядахъ ихъ, а покоятся на совершенно твердыхъ и солидныхъ основаніяхъ и выводахъ, какъ и у коронныхъ судей.

Неосновательны также сужденія и о томъ, что присяжные засѣдатели, оправдывая подсудимыхъ публично сознающихся въ своихъ преступленіяхъ, поступаютъ вопреки всякой справедливости и въ явное нарушеніе своего долга, потому будто, что присяжные засѣдатели призываются въ судъ для того, чтобы разрѣшать вопросъ о винѣ или невинности подсудимыхъ, а не для того, чтобы проносить виноватымъ помилованія, на что ни отъ закона, ни отъ общества они никакихъ уполномочій не имѣютъ.

Но противу этого, одна изъ современныхъ газетъ, совершенно основательно замѣчаетъ, что миловать можно только признаннаго и осужденнаго уже окончательнымъ приговоромъ суда преступника, а не такого, виновность котораго не удостовѣрена еще надлежащимъ приговоромъ присяжныхъ; присяжные же судятъ только обвиняемаго и слѣдовательно, вынося оправдательный приговоръ сознающемуся подсудимому, присяжные засѣдатели отнюдь не превышаютъ ни своихъ правъ, ни полномочій.

По поводу неправильныхъ будто бы оправдательныхъ приговоровъ выносимыхъ присяжными, сознающимися подсудимымъ, нерѣдко высказывались также мнѣнія, что такіе поступки присяжныхъ деморализуютъ общество, что преступному классу людей, это внушаетъ мысль о безнаказанности, и что понятія общества о правосудіи, могутъ быть такими неосновательными приговорами поколеблены въ самыхъ своихъ существенныхъ основаніяхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ можетъ рушиться и самое уваженіе къ закону.

Мы будемъ еще впереди говорить о томъ, какое значеніе сознанія подсудимыхъ, должны имѣть въ глазахъ и мотивахъ присяжныхъ, при разрѣше-

ни ими уголовныхъ дѣлъ, но по поводу приведеннаго выше мнѣнія, замѣтимъ, что только люди не понимающіе внутренняго смысла суда присяжныхъ могутъ утверждать, что подсудимый, совершившій преступленіе и сознавшійся въ томъ, долженъ быть непремѣнно признанъ виновнымъ. Въдѣ присяжные засѣдатели, отнюдь не призываются въ судъ для разрѣшенія только одного факта о томъ, дѣйствительно ли подсудимый совершилъ то дѣяніе, которое ему приписывается; напротивъ, на ихъ обязанности лежитъ разрѣшить другой, болѣе существенный вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли подсудимому вѣнчать въ вину его преступленіе, или нѣтъ, т. е. долженъ ли онъ быть за то наказанъ.

Сознаніе подсудимаго, далеко не исчерпываетъ еще всей нравственной стороны дѣла, а потому, произнося свой приговоръ, присяжные не вправѣ устранять себя отъ оцѣнки тѣхъ причинъ и мотивовъ, которые привели подсудимаго къ совершенію преступленія; а иногда эти мотивы бываютъ таковы, что они по совѣсти устраняютъ всякую мысль объ обвиненіи человѣка. Въ такихъ случаяхъ сознаніе подсудимаго, должно быть разсматриваемо, не какъ безусловное основаніе къ обвиненію человѣка, а только какъ одинъ изъ фактовъ, подтверждающихъ дѣйствительное совершеніе извѣстнаго противозаконнаго дѣянія. Вопросъ о виновности подсудимаго, присяжные разрѣшаютъ вполне свободно въ тайнигѣ представляемой ими общественной совѣсти, и никому не обязаны давать отчета въ своемъ вердиктѣ, кромѣ самихъ себя. Правда, были и у насъ попытки связать совѣсть коронныхъ и присяжныхъ судей схоластическою теоріею доказательствъ, но попытки эти были отвергнуты составителями судебныхъ уставовъ.

Такимъ образомъ поглядѣвъ, взводимый на судъ присяжныхъ, за оправданіе сознающихся подсудимыхъ, служить лишь доказательствомъ внутренней правды суда. Этою стороною своей дѣятельности, судъ присяжныхъ, по замѣчанію одного юриста энтузіаста, приближается къ идеалу божественнаго правосудія.

Почему же спрашиваетъ одна изъ современныхъ газетъ, противу учрежденія суда присяжныхъ, возстаетъ у насъ такъ много людей, требуя вырвать его съ корнемъ и отвѣчаетъ: «вопли нашихъ мнимыхъ консерваторовъ, возобновляющіеся отъ времени до времени съ новою силою, повидимому, исходятъ изъ хорошихъ стремленій; повидимому, они ратуютъ за правосудіе, за попираемый законъ, они сѣтуютъ на многочисленность оправданій присяжныхъ, но это только — повидимому; въ дѣйствительности же этотъ мотивъ только ширма, за которою должны скрываться иныя цѣли, не имѣющія ничего общаго съ правосудіемъ. Если бы у нашихъ консерваторовъ имѣлись въ виду интересы юстиціи, они имѣли бы полную возможность убѣдиться не по мимолетному впечатлѣнію, а по точнымъ систематическимъ даннымъ, что интересамъ этимъ, какъ мы и сказали уже выше, не грозитъ опасности отъ суда присяжныхъ больше, чѣмъ отъ короннаго суда».

«Изъ того, что присяжные лишены права миловать—читаемъ мы въ дру-

гомъ литературномъ органѣ—еще не слѣдуетъ дѣлать вывода, чтобы они были сколько нибудь стѣснены въ дѣйствительно принадлежащемъ имъ правѣ оправдывать невиннаго. Это даже не право, а обязанность суда по отношенію къ подсудимому и всему обществу. Законъ или выраженная въ немъ справедливость, не можетъ допустить уклоненія отъ видѣннаго и слышаннаго на судѣ, ни въ сторону обвиненія, ни въ сторону оправданія, но одинаково охраняетъ отъ произвола присяжныхъ и личность подсудимаго, и лице потерпѣвшее отъ преступленія, каковымъ лицомъ косвенно является всегда все общество, спокойствіе котораго нарушено и совѣсть возмущена преступленіемъ. Когда присяжные засѣдатели являются въ судѣ въ качествѣ представителей этой совѣсти, они имѣютъ задачей лишь удостовѣрить истину и поддержать авторитетъ заѣона, «не оправдывая виновнаго и не осуждая невиннаго». Но, замѣчаетъ газета, относительно перваго они могутъ быть снисходительны или иначе, милостивы, но непремѣнно справедливы въ отношеніи всего остальнаго общества и лицъ непосредственно потерпѣвшихъ отъ преступленія. По этому идеалъ суда присяжныхъ — быть судомъ правымъ и милостивымъ, а не оказывать послабленія преступнымъ дѣяніямъ, въ виду какихъ-бы то ни было соображеній, стоящихъ внѣ закономъ предусмотрѣнной невмѣняемости, не увлекаться сердцемъ человѣка, въ ущербъ долгу гражданина. Иначе этотъ судъ не будетъ находиться на высотѣ своего призванія, и подъ вліяніемъ побужденій чисто гуманитарныхъ, можетъ внести въ общество смуту и неуваженіе къ законамъ, вмѣсто того, чтобы служить школою къ его воспитанію въ духѣ законности».

На сколько первая половина этого періода, представляется вполне основательною и выражаетъ собою совершенно здравый взглядъ на задачу суда присяжныхъ, на столько вторая, не удовлетворяетъ справедливому взгляду на дѣло и не выдерживаетъ критики.

Можно ли говорить, что судъ присяжныхъ долженъ быть судомъ милостивымъ, и въ то же время не признавать за присяжными права судить по сердцу. Какимъ образомъ гуманитарныя побужденія представителей общественной совѣсти, которыми судъ присяжныхъ и дорогъ всему образованному человечеству, могутъ вносить смуту въ общество и неуваженіе къ закону? Бто видѣлъ такіе примѣры? когда и гдѣ они происходили? Напротивъ, въ этомъ гуманномъ сострадательномъ отношеніи суда къ личности подсудимаго, заключается его высшій нравственный принципъ, идеалъ того, что мы называемъ справедливою милостью. Если подсудимый вызываетъ у присяжныхъ своимъ положеніемъ, чувства сожалѣнія и милосердія, значитъ, онъ ихъ заслуживаетъ, значитъ, его нельзя судить по голой буквѣ закона, отвергая относительно него тѣ мотивы, которые складываются на совѣсти присяжныхъ, побужденіями души и сердца.

Удостовѣрять противное, значитъ не понимать высокой задачи суда и его высшихъ нравственныхъ цѣлей.

Коснувшись въ общихъ чертахъ тѣхъ причинъ, которыя со времени вве-

денія у насъ въ дѣйствиі суда присяжныхъ, вызывали на него тѣ или другія нареканія, нападки и жалобы, мы считаемъ умѣстнымъ коснуться и вопроса о томъ, отразились ли, на дѣятельности суда присяжныхъ всѣ эти жалобы и сѣтованія, какими-либо правительственными мѣрами въ смыслѣ ограниченія предѣловъ его вѣдомства, или же, падая на бесплодную почву, нареканія эти періодически возобновлялись только въ печати, выскывая въ каждомъ подходящемъ случаѣ новый поводъ для того, чтобы варіировать до безконечности свою жалкую пѣснь, одни и тѣ же вопли свои, о непригодности суда присяжныхъ, о его несостоятельности и т. д.

Подъ вліяніемъ событій послѣднихъ пяти лѣтъ, многочисленные оправдательные приговоры присяжныхъ, которые въ обычномъ теченіи общественной жизни, прошли бы незамѣченными, конечно, не могли на этотъ разъ не остановить на себѣ вниманія правительства, въ особенности по отношенію къ такъ-называемымъ дѣламъ, о преступленіяхъ противъ порядка управленія.

Съ цѣлю хотя бы и временными репрессивными мѣрами, поддержать необходимую строгость во всякому нарушенію общественнаго порядка, проявленію сопротивленія и неуваженія къ установленной власти, правительство, прислушиваясь и ко взглядамъ большинства на этотъ разъ благонамѣреннаго общества, признало необходимымъ временно изъять изъ вѣдомства суда присяжныхъ, всѣ такія дѣла по преступленіямъ противу порядка управленія, и подчинить ихъ вѣденію судебныхъ палатъ, съ участіемъ сословныхъ представителей.

Это распоряженіе вызвало цѣлыя ликованія, со стороны нашихъ консерваторовъ, а болѣзненное самообольщеніе ихъ дошло до того, что они не на шутку стали утверждать, что принятіе этой крайней мѣры по отношенію къ суду присяжныхъ, есть слѣдствіе его неблагонадежности и непригодности. Передовые бойцы изъ этого лагеря, шагнули на столько впередъ своимъ неумѣреннымъ и неумѣстнымъ энтузіазмомъ, что готовы были это исключительное распоряженіе правительства выставить даже какъ начало цѣлаго ряда мѣръ, къ полной реорганизаціи нашего суда присяжныхъ и совершенному его измѣненію. Мы можемъ ихъ остановить въ этихъ порывахъ, благо время доказало уже, что никакихъ другихъ мѣръ по отношенію къ суду присяжныхъ, которыя ограничивали бы его дѣятельность, принимать вовсе не предполагалось. А что просвѣщенный взглядъ правительства, относительно нашего суда присяжныхъ нисколько не измѣнился къ худшему, даже и при необходимости принятія противу него, приведенной выше временной мѣры, это доказывается заботами о скорѣйшемъ распространеніи судебной реформы, и на тѣ мѣстности, въ которыхъ она до сего времени не была еще введена.

Наконецъ мы никакъ не можемъ согласиться даже и съ тѣмъ, что приведенная чрезвычайная мѣра правительства, относительно нѣкотораго ограниченія юрисдикціи суда присяжныхъ, явилась послѣдствіемъ, такъ сказать, неблагонадежности нашего суда присяжныхъ и внушаемаго имъ къ себѣ хотя

бы нѣкотораго недовѣрія. Снисходительный взглядъ присяжныхъ не у насъ только, но и во всѣхъ государствахъ Европы, гдѣ этому суду подчиненъ несравненно большій кругъ правонарушеній, на преступления противъ порядка управленія, объясняется самымъ свойствомъ ихъ, быть по значенію своему не вполне доступными пониманію массы. Впереди въ одномъ изъ очерковъ по вопросу о томъ, какихъ взглядовъ придерживаются присяжные засѣдатели на разнаго рода преступления, мы подробно коснемся указанія и того, почему въ понятіяхъ гражданъ преступления противъ порядка управленія, въ особенности въ болѣе слабыхъ и низшихъ ихъ проявленіяхъ, пользуются нѣкоторою снисходительностію во взглядѣ. Причины этого снисходительнаго взгляда, дѣйствительно существуютъ, въ обычномъ теченіи общественной жизни, онѣ проходятъ незамѣченными, но въ извѣстные періоды болѣе или менѣе возбужденнаго состоянія массъ, онѣ не могутъ не озабочивать правительство, и по необходимости ведутъ къ принятію такихъ мѣръ, которыя устраняли бы какъ самыя причины эти, такъ и порождаемыя ими послѣдствія.

Такимъ образомъ, изытаніе изъ вѣдомства суда присяжныхъ дѣлъ по преступлениямъ противъ порядка управленія, какъ мѣру временную, мы ставимъ въ зависимость никакъ не отъ криковъ и домогательствъ недовольныхъ нашими присяжными консерваторовъ, что замѣтимъ они приписываютъ прямо себѣ, а отъ благоразумныхъ и предусмотрительныхъ распоряженій правительства. вызванныхъ исключительными обстоятельствами порождающими всегда и нѣкоторыя исключительныя мѣры.

Между тѣмъ, гордые въ сознаніи своей важной услуги, оказанной отечеству, наши спасатели въ этомъ ограниченіи дѣятельности присяжныхъ засѣдателей, почерпнули новую энергію къ дальнѣйшей борьбѣ съ ненавистнымъ имъ судомъ присяжныхъ, и за послѣднее время, въ извѣстныхъ органахъ печати, то и дѣло стали появляться намеки, указанія и чуть не требованія на то, чтобы въ устраненіе общественнаго соблазна и растлѣвающаго вліянія суда присяжныхъ, изыять изъ вѣдомства его и передать на разсмотрѣніе короннаго суда, всѣ тѣ дѣла о преступленияхъ, по которымъ подсудимые сознались въ своей виновности и вообще не отвергають ее.

Что сказать противу такого необдуманнаго нелогичнаго требованія, которое не имѣя въ основаніи своемъ ничего выдержаннаго, можетъ быть объяснено только желаніемъ повредить чѣмъ-нибудь суду присяжныхъ, сократить его права, ограничить раіонъ его дѣйствій. Подумали ли господа проводники такой мысли, на сколько она можетъ быть въ дѣйствительности осуществлена, и къ какимъ именно растлѣвающимъ послѣдствіямъ она приведетъ. Въ какой спросимъ мы ихъ, моментъ процесса, можетъ быть опредѣлена и установлена подсудность дѣла о сознающемся подсудимомъ, суду коронному или суду присяжныхъ. Вѣдь обвиняемаго нельзя заставить, сознаваться непременно въ опредѣленный моментъ, положенія его дѣла, для того, чтобы этимъ заранѣе намѣченнымъ моментомъ, опредѣлять куда должно быть передано объ немъ дѣло,

въ тотъ или другой судъ. Подумали ли проводники такой мысли, что потребность сознанія, какъ моментъ чисто нравственный, непосредственной потребности души человѣка, можетъ обнаружиться въ немъ во всякое время, въ теченіе хода всего процесса; а обстановка суда присяжныхъ, своею внѣшностію и внутреннимъ смысломъ, весьма часто побуждаетъ подсудимыхъ къ раскаянію въ своей виновности и къ сознанію даже и тогда, когда сами они объ этомъ вовсе и не помышляли.

Какъ же поступать въ такихъ случаяхъ? Представимъ себѣ, что подсудимый сознался на допросѣ у судебного слѣдователя, этимъ сознаніемъ его будетъ мотивирована передача дѣла объ немъ коронному суду, передъ которымъ подсудимому вздумается вдругъ не признаваться. Что тутъ дѣлать, или наоборотъ: такъ какъ подсудимый не признавался въ своей винѣ, то дѣло объ немъ было передано на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, гдѣ какъ бы наперекоръ установителямъ такой своеобразной подсудности, подсудимый приносить свое раскаяніе. Какъ поступить въ такомъ случаѣ дальше, и неужели передавать опять дѣло въ другую инстанцію?

Наконецъ, кто не знаетъ, какую авторитетностью пользуется именно въ преступной средѣ судъ присяжныхъ. За что же лишать привилегіи, быть судимыми этимъ живымъ популярнымъ судомъ тѣхъ подсудимыхъ, сознаніе которыхъ прямо свидѣтельствуетъ о ихъ неиспорченной еще нравственности. Такое лишеніе для нихъ будетъ равносильно незаслуженному наказанію, а справедливо ли было подвергать ихъ ему за то только, что они сознались въ своей винѣ, облегчили задачу правосудія и выказали во всякомъ случаѣ свои хорошіе инстинкты.

Наконецъ, съ теоретической точки зрѣнія, наука уголовного права не допускаетъ опредѣленія подсудности дѣлъ по такимъ, чисто стороннимъ вопросамъ, какъ-то, сознался ли подсудимый въ своей винѣ или нѣтъ, такъ какъ такіе вопросы, касаются исключительно самыхъ свойствъ человѣка, на основаніи которыхъ не можетъ быть регламентирована внѣшняя процессуальная сторона правосудія, а въ томъ числѣ и подсудность дѣлъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ по поводу указаній и предположеній, которыя одно время были дѣлаемы въ печати относительно того, чтобы въ устраненіе неосновательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей, обязать ихъ мотивировать каждый разъ свои оправдательные вердикты.

Предъявлять къ институту присяжныхъ такія требованія, дѣлать попытку проверять какимъ бы то ни было путемъ общественную совѣсть, ея убѣжденія выводы и полномочія, опять-таки могутъ только или истинные враги суда присяжныхъ, или же люди не понимающіе совсѣмъ того предмета о которомъ берутся трактовать. Для кого нужны такія «докладныя записки» присяжныхъ засѣдателей, какая можетъ быть отъ нихъ польза, и какимъ образомъ установленіе ихъ въ смыслѣ контроля надъ присяжными, можетъ быть допущено, когда вся суть суда присяжныхъ, держится на совершенной независимости его ни отъ кого и ни отъ чего, когда приговоры присяжныхъ,

какъ результаты убѣжденія общественной совѣсти, не могутъ подлежать ни чьему контролю, никакой повѣркѣ. Или пожалуй, не думаютъ ли наши радѣтели, что не дурно было бы предоставить кому-либо, просматривать эти «докладныя записки» присяжныхъ, о результатахъ и выводахъ ихъ совѣсти съ тѣмъ, чтобы въ тайникахъ самыхъ ихъ мотивовъ находить и вылавливать разные недозволительныя, неблагонадежныя и неблагонамѣренныя побужденія....

До какихъ иногда химеръ могутъ додуматься и договориться люди, задавшіея несчастною мыслью, смотрѣть на все только съ своей точки зрѣнія....

Однажды въ засѣданіи провинціального окружнаго суда, мы были свидѣтелями слѣдующей не лишеной интереса характерной сцены.

Какой-то молодой человѣкъ, присутствовавшій на судѣ въ числѣ публики, во время перерыва засѣданія, разыгрывая изъ себя въ кружкѣ слушателей роль «охранителя основъ», порицалъ въ довольно рѣзкихъ и громкихъ выраженіяхъ, только что передъ тѣмъ послѣдовавшій оправдательный приговоръ присяжныхъ засѣдателей.

Въ числѣ слушателей, примѣчавшійся лѣвымъ ухомъ, находился одинъ старикъ простолыдинъ, участвовавшій въ постановленіи того самаго приговора, котораго касалась рѣчь неприваннаго оратора.

— Ну вотъ, встати, и вы тутъ.... обратился онъ къ старику замѣтивъ его присутствіе, скажите, пожалуйста, намъ мужичекъ, почему это вы того вора простили.... оправдали?

— Почему? это насчетъ, значить.... что у хозяина... съ сундука деньги вытащилъ... понимаемъ, оправдали мы его точно... а почему... да потому сударь... важе благородіе... что вамъ хоша этого и перазсказывай, по нашему значить... такое дѣло съ большимъ умомъ... не сразу тоже понять можно.

— Ну нѣтъ... однакоже... почему... какъ то наставительно возобновилъ свой вопросъ молодой человѣкъ, очевидно сконфуженный отвѣтомъ старика, отчего же не сказать... скажите.

— Сказать... сказать то и я скажу... отвѣчалъ старикъ, да только не тебѣ, а коли значить, на моей душѣ за человѣка того грѣхъ какой взыщется... что неправильно я его отъ суда оправилъ... такъ помирать буду, Богу про то скажу... а не тебѣ, милый... такъ то...

Этотъ суровый, но прямой отвѣтъ, полный внутренней правды и пониманія своего судейскаго долга, произвелъ большое впечатлѣніе на весь кружокъ слушателей. Всѣ не исключая и молодого оратора, какъ то молча переглянулись, посмотрѣли одинъ на другаго, потомъ на старика, нѣкоторые взглянувъ на сконфуженнаго молодого человѣка, ехидно улыбнулись, а послѣдній, не дѣлая уже попытокъ къ дальнѣйшимъ анализамъ совѣсти присяжнаго, улучшивъ по удобнѣе минуту, поспѣшилъ удалиться вспять и ступавая въ толпѣ.

А такихъ крикуновъ и критиковъ отъ бездѣлья, у насъ непочатый уголъ. Съ развязною самоувѣренностію, они готовы порицать и опровергать все

что угодно, не давая себѣ даже труда подумать иногда о томъ, понимаютъ ли они сами, что-либо въ томъ предметѣ, о которомъ берутся судить веривъ и вѣсь, знакомы ли съ нимъ на столько, чтобы являться въ немъ публичными судьями и цѣнителями его достоинствъ и недостатковъ, его пригодности или несостоятельности.

Мы коснулись всего того, что до сего времени было высказано противу нашего суда присяжныхъ. Единственный выводъ, который изъ всего этого можетъ быть сдѣланъ это тотъ, что исключительный, и съ тѣмъ вмѣстѣ, чисто внѣшній недостатокъ нашего суда присяжныхъ, обуславливается отсутствіемъ въ средѣ нашихъ присяжныхъ, достаточнаго числа образованныхъ и развитыхъ людей, что является послѣдствіемъ, слабого вообще распространенія образованія въ низшихъ слояхъ нашего общества.

Одно только это обстоятельство и служить недоброжелателямъ нашего суда присяжныхъ, тою варируемою ими на разные мотивы и лады темою, которая вызывала постоянно, вызываетъ и по настоящее время, ропоть и нареканія ихъ, противу неудовлетворительнаго состоянія современнаго нашего суда.

Вся благоразумная часть общества, конечно, точно также сознаетъ, эту временную неудовлетворительность его, но она не представляетъ ей повода и сколько-нибудь серьезныхъ основаній для того, чтобы кричать о полной непригодности у насъ формы суда присяжныхъ, такъ какъ возвысить общеобразовательный цензъ и степень умственнаго развитія нашихъ присяжныхъ, устранивъ такимъ путемъ ту невыгодную сторону суда, когда нашими фактическими судьями являются лица неграмотныя и несвѣдующія — дѣло вовсе не трудное, зависящее только отъ времени.

Между легко устраняемыми недостатками вакого-либо учрежденія и совершенною его непригодностію для дѣла, громадная разница, а выше, мы указывали уже на цѣлый рядъ такихъ правительственныхъ мѣропріятій, которыя въ ближайшемъ будущемъ, значительно поднимутъ умственный образовательный уровень, массы нашихъ присяжныхъ засѣдателей.

Въ ряду этихъ мѣръ, остановимся на многочисленныхъ и разнообразныхъ распоряженіяхъ правительствующаго сената, который, въ качествѣ высшаго судебного мѣста, со времени введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года, не переставалъ, слѣдить за дѣятельностію присяжныхъ засѣдателей, регулирующимъ образомъ направлять ее и устранять, всѣ неблагопріятно вліяющія на нее причины.

Въ этомъ смыслѣ, практика правительствующаго сената, направляема была постоянно къ тому, чтобы въ желаемомъ смыслѣ улучшить составъ нашихъ присяжныхъ, и поставить его въ такое положеніе, когда лица, отправляющія эти высокія обязанности, будутъ стоять на уровнѣ своего призванія, когда степень ихъ познаній, будетъ служить залогомъ вполнѣ сознательнаго отношенія ихъ къ дѣлу, и когда отправленію правосудія, не будетъ угрожать ни малѣйшей опасности, отъ непониманія присяжными той обязанности своей, къ выполненію которой они призываются.

Къ числу таковыхъ распоряженій правительствующаго сената, мы относимъ циркулярныя указанія его, на необходимость, равномернаго распредѣленія по четвертямъ года, въ спискахъ присяжныхъ засѣдателей, лицъ грамотныхъ и образованныхъ, преимущественнаго включенія въ эти списки лицъ развитыхъ, съ извѣстнымъ умственнымъ образованіемъ, какъ наиболѣе удовлетворяющихъ требованіямъ правосудія, возможнаго ограниченія круга тѣхъ должностныхъ и служащихъ лицъ, которыя могутъ быть освобождаемы отъ исполненія обязанностей присяжныхъ засѣдателей по случаю своихъ особыхъ по службѣ порученій, и устраненія, наконецъ, многихъ изъ тѣхъ причинъ, которыя заставляютъ лицъ образованной и развитой среды, тяготиться исполненіемъ обязанностей присяжныхъ.

Съ своей стороны и министерство юстиціи, знакомясь чрезъ посредство должностныхъ лицъ, судебного вѣдомства, съ условіями дѣятельности присяжныхъ засѣдателей, принимало всегда отъ себя всѣ способы, для того, чтобы дѣятельности этой, дать наивозможно правильное и благотворное направление.

Совокупное дѣйствіе всѣхъ такихъ и многихъ другихъ соотвѣтствующихъ цѣли мѣропріятій, имѣло уже результатомъ, несомнѣнное улучшеніе за послѣднее время, составовъ нашихъ присяжныхъ, въ смыслѣ появленія въ средѣ ихъ сравнительно съ прежнимъ временемъ большаго числа грамотныхъ людей.

Не слѣдуетъ наконецъ упускать изъ виду и то, что мы переживаемъ такой періодъ времени, когда образованіе и грамотность въ массѣ народа, дѣлаютъ гигантскіе шаги, когда на этотъ жизненный вопросъ, обращено особое вниманіе и правительства и всего общества, вслѣдствіе чего подростаютъ наши поколѣнія, ежегодно въ значительной массѣ, пополняютъ среду нашихъ присяжныхъ засѣдателей, все большимъ и большимъ числомъ грамотнаго люда. Поэтому можно быть увѣреннымъ, что черезъ небольшой относительно періодъ времени, мы будемъ вполне обеспечены въ томъ, что въ рядахъ нашихъ судей совѣсти, не будутъ уже встрѣчаться неграмотные люди, что судамъ или лучше сказать правосудію, не придется болѣе по поводу неграмотности присяжныхъ, испытывать какія-либо затрудненія, и что вполне удовлетворительный уровень умственнаго развитія всей массы присяжныхъ засѣдателей, въ связи съ пріобрѣтенною уже ими внѣшнею опытностію въ порядкѣ отправленія правосудія, не преисполнятся выразиться впереди, самыми благоприятными послѣдствіями и результатами.

Судъ присяжныхъ, достойнымъ образомъ, сослужилъ уже Россіи свою службу, много здравыхъ началъ и сужденій, внесъ онъ въ нашу общественную жизнь. Все образованное общество, оцѣнило его заслуги, его достоинства и его высшія гарантіи суда, суда справедливаго, милостиваго и безпристрастнаго, отъ котораго въ будущемъ, оно ожидаетъ еще большаго.

Какой же смыслъ послѣ всего этого, могутъ имѣть единичныя крики о полной непригодности нашего суда присяжныхъ, къ чему всѣ эти неосновательныя вопли о разлагающемъ его вліяніи на общество, какая цѣль прі-

урочивать этотъ совершеннѣйшій судъ, судъ свободной совѣсти... ну хоть бы... къ погибели отечества. которую противники его готовы видѣть, чуть чуть, не въ каждомъ оправдательномъ приговорѣ его.

Судъ присяжныхъ это одинъ изъ достойнѣйшихъ памятниковъ благодѣяній минувшаго царствованія.

XIII.

Тайна совѣщаній присяжныхъ засѣдателей.

Законъ устанавливающій для постороннихъ лицъ, тайну совѣщаній присяжныхъ засѣдателей, и облакающій постановляемые ими приговоры полною неизвѣстностію того, кто изъ присяжныхъ высказался за оправданіе и кто за обвиненіе подсудимаго, имѣеть въ виду исключительно лишь интересы самихъ присяжныхъ засѣдателей.

Судебная практика прежнихъ, болѣе отдаленныхъ лѣтъ, равно, какъ и примѣры современной намъ жизни, указываютъ на весьма частые случаи того, что подсудимые, бывъ осуждены и приговорены судомъ къ какому либо строгому наказанію, задавались потомъ мыслию, отомстить своимъ судьямъ и дѣйствительно, повинувась злобнымъ инстинктамъ своей испорченной природы, нерѣдко по прошествіи даже многихъ лѣтъ, осуществляли свою месть въ видѣ какого-либо новаго тяжкаго преступленія, надъ личностію или имуществомъ лица, принимавшаго участіе въ ихъ осужденіи.

Бывали случаи, что отъявленные и закоренѣлые злодѣи, будучи сосланы по приговорамъ суда за разные тяжкія преступленія, въ Сибирь въ каторжныя работы и на поселеніе, въ теченіи многихъ лѣтъ, хранили у себя на душѣ, затаенную злобу и чувство мести къ судьямъ, приговорившимъ ихъ къ такому наказанію, и совершая съ мѣста ссылки побѣгъ, возвращались на мѣсто своей родины, нерѣдко съ тою только цѣлію, чтобы исполнить задуманное ими зло, назрѣвшее годами, подъ вліяніемъ безнравственнаго чувства мести.

Присяжные засѣдатели, какъ люди возвращающіеся въ условіяхъ обыкновенной своей домашней жизни, въ какихъ-либо особыхъ охранительныхъ мѣръ, могутъ легко подвергаться мести какого-либо осужденнаго ими злодѣя* Мы не говоримъ про города, гдѣ существующіе надзоръ и порядокъ, охраняютъ все-таки болѣе или менѣе надежно и личность и имущество каждаго частнаго лица, но не должно забывать, что главный контингентъ нашихъ присяжныхъ составляютъ крестьяне, которые живутъ при самой патріархальной, доступной для всякаго посторонняго лица обстановкѣ. Трудно бываетъ злодѣю, осуществить злой умыселъ свой надъ человекомъ, живущимъ въ городѣ, въ большомъ обществѣ другихъ людей, въ надежномъ помѣщеніи, за надлежащими запорами, подъ постоянною бдительною охраною полиціи и сторожей; но какъ легко и доступно тому же злодѣю, отомстить ка-

кому-нибудь присяжному крестьянину, живущему въ деревнѣ, гдѣ-нибудь въ глуши, или въ одинокой избушкѣ какого-нибудь задворка, на проселочной дорогѣ, а не то, у опушки лѣса, въ уединеніи отъ всякаго другаго жилья, въ жуткой «боязной» обстановкѣ.

Темная, сумрачная ночь. Ни зги кругомъ не видно; живущій на выселкѣ подь дремучимъ Лысинскимъ боромъ, вдали отъ всякаго другаго жилья, хозяинъ крестьянинъ, когда-то бывшій присяжнымъ, заперся съ своей семьей въ своемъ дворѣ и прислушивается. Жутко ему... боится онъ лихаго чело-вѣка... вотъ ужъ четвертый годъ мерещится ему Ванька—Скосырь, котораго онъ судилъ за душегубство съ другими присяжными, и котораго судъ пригово-рилъ на каторгу. Да что этому Ванькѣ каторга... онъ еще не видалъ ее... а въ тюрьмѣ передъ выгонкой хвалился ужъ, что «съ каторги не дойдучи уйдетъ, и домой препожалуетъ, поблагодарить кого надо добрымъ дѣломъ».

Вотъ и мерещится этому хозяину-бобылю, что, былъ тоже присяжнымъ по тому дѣлу, какъ бы Ванька къ нему не надумался... не препожаловалъ.

А Ванька Скосырь сдержалъ свое слово, давно уже онъ гуляетъ... на свободѣ, къ знакомымъ мѣстамъ пробирается... для него ночь — день; чѣмъ темнѣе да страшнѣе она, тѣмъ ему вольготнѣе... зрѣла у него на душѣ про-клятая злоба... долго зрѣла... ну думаетъ, сегодня въ ночь... пушу его по свѣту... идетъ онъ лѣсомъ прислушивается... ни по чемъ ему дождь да вѣ-теръ, нетерпѣніе одолеваетъ его злую душу... вотъ онъ вышелъ на дорогу, оглянулся, дождемъ его всего заликаетъ, весь онъ мокрый; ни почему ему это... только бы спички не отсырѣли... крѣпко зажалъ онъ ихъ въ кулакъ, сушить... вотъ онъ и у Лысинскаго моста, пришелъ... стучить у него сердце; взгляды-вается впередъ, вотъ и боръ... подбавилъ шагу... здѣсь... близко онъ те-перь .. почти что у цѣли своего трехтысячнаго путешествія.

Вдали сверкнулъ огонекъ.

— Это у него знать, подумалъ Ванька, остановился, осмотрѣлся... овер-нулъ въ сторону и поползъ боромъ, чтобъ собаки его не скоро расчули.

Ползетъ онъ... крадется... духъ затаилъ... бьетъ бѣглеца каторжнаго отъ нетерпѣнія лихорадка... близко уже и огуменокъ... вотъ онъ подползъ къ са-раю... вотъ и соломенная крыша, низко спустившаяся на землю, дрожить зло-дѣй... молитву шепчетъ объ удачѣ... черкнулъ спичкой... разъ... не горитъ другой... не горитъ, по третьему... взялось... загорѣлось... ткнулъ онъ еще огнемъ въ два три мѣста и на утѣлъ.

Черезъ минуту сарай со всѣмъ добромъ былъ уже въ огнѣ, а черезъ полчаса отъ всего выселка не осталось и помина.

— Ваньки Скосыря дѣль... порѣшилъ погорѣлецъ, онъ меня стравилъ злодѣй... онъ меня пустилъ по свѣту нищимъ...

Мы набросали на результатъ праядной фантазіи, а одинъ изъ дѣйствитель-ныхъ, лично намъ извѣстныхъ случаевъ, когда бѣглый ссыльно-каторжный, отомстилъ одному старшинѣ присяжныхъ, жестокимъ поджогомъ за свое осуж-деніе.

Сколько остается у насъ разнаго рода необнаруженныхъ преступленій, какъ часто присяжные помѣщики и крестьяне, дѣлаются жертвою такого безпощаднаго истребленія имущества ихъ огнемъ, и кто виновники всѣхъ или по крайней мѣрѣ многихъ такихъ преступленій, какъ не разные бѣглецы свѣдаемые чувствомъ злобы. Наибольшія удобства для такого рода мести, по условіямъ внѣшней обстановки, представляются у насъ по преимуществу въ сельскомъ или крестьянскомъ быту, т. е. въ той средѣ, которая доставляетъ наибольшій контингентъ и присяжныхъ и подсудимыхъ.

А кому неизвѣстно, что проявленія мести въ средѣ нашего крестьянства развиты въ страшныхъ размѣрахъ. Въ прежнія времена, да и теперь еще во многихъ мѣстностяхъ, когда доступъ къ правосудію упрощень уже до нельзя, можно встрѣтить немало такихъ случаевъ, что изъ опасенія этой мести, изъ боязни лишиться жизни, или быть сожженнымъ до тла, многіе сельчане не рѣшаются выдавать своихъ порочныхъ членовъ, терзать ихъ въ своей средѣ, завѣдомо скрываютъ ихъ преступленія и даже платятъ имъ нѣчто въ родѣ контрибуціи деньгами и водкой. Въ практикѣ нашихъ новыхъ судовъ, весьма часто обнаруживаются случаи, когда мотивами разнаго рода тяжкихъ преступленій, какъ-то увѣчій, убійствъ и поджоговъ, являлась месть со стороны злонамѣренныхъ лицъ.

Въ какой же степени безопаснымъ, при такихъ условіяхъ сельской жизни, можетъ считаться положеніе крестьянъ—присяжныхъ, произносящихъ нерѣдко строгіе приговоры, надъ лицами своихъ же мѣстностей, селесій и околицевъ. Вотъ почему въ прямое огражденіе какъ личныхъ такъ и матеріальныхъ интересовъ присяжныхъ засѣдателей, законъ установилъ правило, требующее чтобы присяжные сохраняли безусловно тайну своихъ совѣщаній, чтобы ни подсудимый, ни потерпѣвшее лице, ни кто-либо другой, не могъ бы никогда узнать, кто изъ судей подавалъ голосъ за подсудимаго и кто противъ него. Но не касаясь уже такихъ болѣе серьезныхъ послѣдствій, отъ недостаточнаго сохраненія въ тайнѣ, совѣщаній присяжныхъ, самыя условія нашей общественной жизни, невольны должны побуждать каждаго изъ нихъ, не разглашать того, что происходило въ ихъ совѣщательной комнатѣ, какаго рода взгляды и убѣжденія относительно подсудимыхъ высказывались тѣмъ или другимъ изъ нихъ.

Присяжные засѣдатели, какъ лица общественной среды, связаны съ обществомъ самыми разнообразными отношеніями. Въ этомъ обществѣ всегда есть люди, близко и хорошо знакомые съ подсудимымъ, негодующіе на него или заинтересованные въ благополучномъ исходѣ его дѣла. Естественно послѣ этого, что присяжные засѣдатели, какъ лица, рѣшающія судьбу подсудимаго, находятся всегда подъ тяготѣніемъ извѣстныхъ желаній отдельныхъ лицъ общества, чтобы то или другое рѣшеніе присяжныхъ было бы высказано по дѣлу въ пользу или во вредъ подсудимаго. Отсюда возникаютъ вѣрнѣе неловкія и непріятныя для присяжныхъ послѣдствія, если подсудимый, лица, принимающія близко къ сердцу его судьбу, и вообще кто бы то ни было,

узнають, въ какомъ смыслѣ высказывался по дѣлу, каждый изъ судей совѣсти. Разоблаченіе тайны совѣщаній присяжныхъ при такихъ условіяхъ, можетъ создать имъ очень много неприятныхъ положеній, вооружить противу нихъ прежнихъ ихъ хорошихъ знакомыхъ и вообще привести къ натянутости многія такія отношенія, которыя до того были совершенно иными.

Вотъ почему, даже при условіяхъ самыхъ обыденныхъ житейскихъ отношеній, слѣдуетъ всегда желать точнаго исполненія со стороны присяжныхъ застѣдателей, закона о сохраненіи тайны своихъ совѣщаній. А между тѣмъ на дѣлѣ, на практикѣ, исполняется ли всегда присяжными это требованіе закона, и не встрѣчаются ли напротивъ случаи, когда сокровенная тайна совѣстливыхъ убѣжденій и выводовъ присяжныхъ, благодаря лишь болтливости нѣкоторыхъ изъ нихъ, безтактности и безхарактерности другихъ, дѣлается всею извѣстной, является общимъ достояніемъ толпы, трактруется на все лады каждымъ празднымъ ротомъ.

Такие случаи наблюдаются весьма часто и нерѣдко, сами присяжные, иногда вслѣдъ за провозглашеніемъ приговора ихъ, начинаютъ объяснять въ публикѣ, кто изъ нихъ что высказывалъ, кто хотѣлъ оправдать, кто обвинить подсудимаго, и безъ всякаго стѣсненія, выкладываютъ въ кружкѣ, интересующихся такими сообщеніями, слушателей, все подробности своихъ взаимныхъ совѣщаній, споровъ, препирательствъ и т. д.

Насколько впрочемъ удавалось намъ лично наблюдать такіе случаи, настолько же передавали намъ объ этомъ и многія другія лица судебного вѣдомства, не исключая и самихъ присяжныхъ застѣдателей, что подобная болтливость чрезвычайно рѣдко проявляется въ средѣ крестьянъ — присяжныхъ, и по преимуществу обнаруживаетъ собою излишнюю развязность и неумѣстную рисовку передъ публикой, лицъ другихъ, болѣе интеллигентныхъ отгнать.

По справедливому замѣчанію одного изъ провинціальныхъ прокуроровъ присяжные крестьяне къ нравственной сторонѣ своего долга и своихъ обязанностей, относятся вообще гораздо строже нежели все другіе присяжные. Они преимущественно склонны сохранять тайну своихъ совѣщаній, оказываются въ этомъ отношеніи менѣе словоохотливыми, не выдаютъ никому кто и что говорилъ «промежъ нихъ» и можетъ быть, съ большимъ постоянствомъ исполняютъ требованіе о томъ закона потому, что практическое значеніе и смыслъ его, представляются для нихъ наиболѣе ясными и цѣлесообразными. Добавимъ къ этому отъ себя, что кромѣ того, характеръ и личныя склонности крестьянъ простолюдиновъ, призываемыхъ къ исполненію высокихъ судейскихъ обязанностей, имѣютъ въ этомъ отношеніи не малое значеніе, побуждая ихъ, въ призваніи своемъ судить по совѣсти, видѣть для себя нѣчто священное, нѣчто такое, о чемъ они безъ крайней надобности, не рѣшаются говорить «празднымъ словомъ». Убѣжденія своей совѣсти и тѣ мотивы, которые они взвѣшивали у себя на душѣ, прежде, чѣмъ дать свой рѣшительный отвѣтъ, крестьяне считаютъ для себя священными и недоступными для

массы публики, которая по убѣжденію ихъ, судить всегда о дѣлѣ поверхностно, праздно, какъ-нибудь, а не по совѣсти и присягѣ.

Намъ случилось однажды вести по этому поводу разговоръ, съ присяжнымъ засѣдателемъ изъ крестьянъ.

Поводомъ къ этому разговору послужило то обстоятельство, что присяжный засѣдатель въ разговорѣ съ судебнымъ приставомъ, на просьбу послѣдняго сказать ему, въ видѣ особаго одолженія, кто изъ присяжныхъ подалъ голосъ противу осужденнаго ими обвиняемаго, какаго-то канцелярскаго чиновника, дальняго родственника судебного пристава, на отрѣзъ отказалъ ему въ этомъ и никакъ не соглашался выдавать ни себя, ни голоса своихъ сотоварищей.

— Да по чему же не сказать, что тебѣ отъ этого убудеть что-нибудь что ли, убѣждалъ крестьянина судебный приставъ.

— Мое все при мнѣ будетъ и останется, отвѣчалъ онъ, а сказывать вамъ про тое — грѣхъ.

— Конечно грѣхъ, и говорить этого неслѣдуетъ — заступился кто то за крестьянина.

— Таперь, сударь, такъ понимаю я это наше судейское дѣло, продолжалъ дальше присяжный, обращаясь къ намъ, ну, какъ такое рѣшеніе свое съ души, буду я въ народъ пускать, когда объ немъ, значить, тутъ на совѣсти моей всякое сумлѣніе разбиралось. Примѣрно, могу я сказать, ну хоша вамъ, осудилъ, молъ, я вора, потому значить, что къ мыслямъ такимъ пришелъ, виновать, молъ онъ, а вѣдь коли про это я сказалъ, можете вы спросить меня, какимъ манеромъ какъ да почему, къ такому концу я пришелъ, значить, долженъ я вамъ свою душу открывать, совѣсть свою наружу показывать, а это по-нашему грѣхъ, потому я присягалъ, съ крестнымъ знаменіемъ и Евангеліемъ за дѣло брался, съ совѣстью все равно, что съ Богомъ совѣтъ держалъ, какъ же я буду стороннему человѣку, зря свою душу открывать.

— Нельзя того сударь дѣлать, продолжалъ онъ, по нашенскому мужицкому разуму, грѣхъ передъ народомъ болтать, въ чемъ я примѣрно попу на исповѣди передъ Богомъ каялся, какія сумлѣнія на совѣсти имѣлъ, такъ и тутъ дѣло Божье, Богомъ клялся—Богу общалъ, пусть у меня тое на душѣ и останется, а стороннему человѣку до того касаться не слѣдъ.

Случайный собесѣдникъ мой, можетъ быть не вполне ясно сѣмъ выразить на разговорномъ языкѣ то, что хотѣлъ, что онъ чувствовалъ и понималъ по душѣ, но послѣднее его сравненіе явно указывало, что тайну своей судейской совѣсти, какъ результатъ, отвѣта своего передъ Богомъ, онъ облекаетъ тѣмъ религіознымъ вѣрованіемъ, что грѣшно разоблачать передъ стороннимъ человѣкомъ то, что его душа и совѣсть выработали передъ лицемъ Бога.

И таковы взгляды на этотъ предметъ почти у всѣхъ крестьянъ-присяжныхъ; ихъ нельзя упрекнуть въ излишней болтливости, они въ этомъ отно-

шеніи являются судьями безупречными, къ постановляемымъ ими рѣшеніямъ относятся сосредоточенно, видятъ въ нихъ дѣйствительную тайну души своей, а потому и не любятъ дѣлать ее предметомъ всякаго разговора.

Совсѣмъ другое дѣло, присяжные иныхъ сословій. Изъ среды ихъ, какъ людей болѣе образованныхъ, и слѣдовательно болѣе понимающихъ значеніе и смыслъ закона, можно было бы ожидать повидимому и болѣе строгаго отношенія къ самимъ себѣ. На дѣлѣ же оказывается нѣчто совершенно противоположное. Среди нихъ встрѣчаются весьма часто лица безхарактерныя, лица привыкшія создавать свои убѣжденія, подъ тяготѣніемъ массы по взглядамъ другихъ лицъ. Такіе присяжные, ставятъ обыкновенно свои высокія судейскія обязанности, въ зависимость не отъ одного только убѣжденія своего. На нихъ въ этомъ отношеніи, могутъ вліять и многія другія причины, какъ напримѣръ, желаніе показать себя въ извѣстномъ дѣлѣ, въ глазахъ общества съ наиболѣе выгодной стороны, потребность удовлетворить кое-какія побужденія своего мелкаго тщеславія, готовность приурочить свое рѣшеніе къ мнѣнію какаго-нибудь лица, передъ которымъ хочется показать себя... ну хоть покорнѣйшимъ слугою и т. д.

Присяжные засѣдатели изъ такихъ лицъ, какъ составляющіе свои убѣжденія «съ чужаго голоса или изъ стороннихъ побужденій», никогда не дорожатъ внутренней правдой и значеніемъ своихъ вердиктовъ, конечно прежде всего потому, что въ такихъ вердиктахъ, личной ихъ и прочувствованной душою и сердцемъ правды, оказывается всегда очень малая доля.

По этому они никогда не задумываются, разоблачать передъ публикой свои завѣтныя судейскія тайны, и съ большой охотой рассказываютъ все что у нихъ происходило на совѣщаніяхъ, не только про себя лично, но даже и про всѣхъ своихъ сотоварищей.

Вотъ напримѣръ случай, въ подобномъ родѣ, сообщенный намъ изъ провинціальной жизни одного уѣзднаго города.

Эффектная, красивая, молоденькая мѣщанка, обвинялась въ отравленіи своего мужа, котораго не любила. Виновость ея въ томъ была вполне доказана, и присяжные вынесли ей обвинительный приговоръ. Старшина присяжныхъ, одинъ изъ мѣстныхъ, интеллигентныхъ представителей, читая вопросъ суда и отвѣтъ присяжныхъ, самымъ голосомъ, чтеніемъ и манерой своей, видимо старался дать понять «образованной» публикѣ, что онъ этому приговору далеко не сочувствуетъ и что съ бдѣльшимъ удовольствіемъ, онъ прочиталъ бы прелестной подсудимой, оправдательный вердиктъ.

Въ слушательницахъ прекраснаго пола, которыя обыкновенно падали на такого рода процессы, и на этотъ разъ недостатка не было, онѣ наполняли чуть не всю залу судебного засѣданія, такъ какъ процессъ хорошенькой мѣщаночки, составлялъ въ небольшомъ городѣ гдѣ это дѣло слушалось чуть не цѣлое событіе.

Приговоръ присяжныхъ на женскій персоналъ публики, произвелъ подавляющее впечатлѣніе, такъ какъ неизвѣстно ужъ почему, но въ мѣстномъ об-

шесть существовало заранее сложившееся убеждение, что подсудимую непременно слѣдует оправдать, ну хотя бы ради того, что она... хорошенькая... личикомъ взяла.

Вслѣдъ за удаленіемъ судей въ совѣщательную комнату для постановленія приговора, интеллигентный старшина присяжныхъ, словно ощутилъ въ себѣ какую то неловкость. Онъ послѣшилъ скорѣе отойти отъ состава своихъ сотоварищей присяжныхъ изъ крестьянъ, перешелъ за рѣшетку отдѣлявшую судъ отъ публики и вмѣшался въ первые ряды кресель, гдѣ помещались преимущественно слушательницы дамы.

— Ахъ, что это вы, Владиміръ Ивановичъ, такъ строго, жестоко такъ, отнеслись къ бѣдняжкѣ, вѣдь она такъ молода еще, мужа своего не любила, можно ли еѣ строго судить, слышался писклявенькій голосокъ, какой-то сентиментальной барышни.

— Строго, Владиміръ Ивановичъ, строго, не ожидали мы этого отъ васъ, пари держали, что вы оправдаете ее, слышался довольно внятно другой голосъ какой-то молоденькой барыни.

— Владиміръ Ивановичъ, мы теперь съ вами не знакомы, вы судья жестокій, черствый, немилосердный и къ кому же, къ такому очаровательному существу, слышался сдержанный голосъ, одной изъ ближайшихъ барышень.

— До сихъ поръ Владиміръ Ивановичъ все ухаживалъ за молоденькими женщинами, а теперь одну изъ нихъ для начала уходилъ — съострилъ кто то изъ мушницъ, лукаво усмѣхнувшись въ сторону растеряшагося совсѣмъ старшины.

Бѣдный Владиміръ Ивановичъ отъ такихъ возгласовъ и нападокъ, пришелъ въ страшное смущеніе, онъ не успѣвалъ отвѣчать на вопросы, вращался во всѣ стороны, жестикулировалъ сильно руками и пришелъ видимо въ сильное волненіе.

— Помилуйте, да что же вы съ ними подѣлаете, слышались его отрывочные полные желчи слова, вѣдь насъ людей то только двое было за нее, а остальные и слушать не хотятъ; ну, понимаете, не люди, а дубье, и говорить съ ними нельзя, привыкли на сходкахъ глотку драть, пиши, говорятъ по нашему, насъ громада, виновата да и все, что говорятъ ихнему бабскому дѣлу потачку давать, вали ее виноватою и конецъ, пусть говорятъ знаютъ, какой нашъ судъ есть, другимъ травить неповадно будетъ, и ни какихъ моихъ убежденій ни, ни и слушать не хотѣли.

Слова эти, выразившія такую очевидную публичную брань и порицаніе, противу своихъ товарищей, Владиміръ Ивановичъ не стѣсняясь произнесъ довольно громко, на столько громко, что почти всѣ присяжные ихъ слышали и конечно возмутились такимъ поступкомъ, такой аттестаціей своего старшины.

Не менѣе присяжныхъ, поведеніе Владиміра Ивановича, вызвало порицаніе со стороны весьма многихъ благоразумныхъ лицъ, изъ числа присутствовавшихъ въ залѣ засѣданія. Судебный приставъ одинъ изъ первыхъ, подошелъ къ расходившемуся старшинѣ и напомнилъ ему, о крайнемъ неудоб-

ствѣ разоблачать чуть не публично и во всеуслышаніе, тайну совѣщаній присяжныхъ, сопровождая ее при томъ, такими неслестными отзывами относительно ихъ самихъ.

Крайне неловко и оскорбительно было видѣть, со стороны присяжнаго за сѣдателя и къ тому же старшины, человѣка притомъ образованнаго, такое безалаберное отношеніе къ своему долгу, такое презрительное издѣвательство надъ совѣстью и убѣжденіями своихъ сотоварищей. И добро бы такой отзывъ могъ имѣть какое-нибудь правдивое основаніе, а то неумѣстная рисовка передъ публикой, какимъ-то пошлымъ либерализмомъ, чѣмъ то въ родѣ заискивающей угодливости, послужила мотивомъ этому невзрачному по своимъ нравственнымъ приемамъ старшинѣ, бросать презрительнымъ отзывомъ въ сторону такого приговора, который по меньшей мѣрѣ былъ совершенно справедливъ.

Укажемъ на нѣкоторые другіе, сообщенные намъ изъ разныхъ мѣстъ случаи, разглашенія присяжными засѣдателями, тайны ихъ совѣщаній, которые могутъ свидѣтельствовать, что необходимость болѣе строгаго исполненія по этому весьма серьезному предмету указаній закона, не достаточно хорошо усвоена еще нашими общественными представителями присяжными.

Въ одномъ изъ уѣздныхъ тюремныхъ замковъ, по окончаніи сессіи суда съ присяжными засѣдателями, была перехвачена тюремнымъ надзоромъ записка на имя арестанта, осужденнаго въ ту сессію за поджогъ въ каторжныя работы.

Содержаніе этой записки было слѣдующее:

«Потому какъ, зпачитъ, Иванъ Семеновичъ, мы тебя извѣщаемъ, на твоемъ дѣлѣ ни въ чемъ повинности нашей нѣтъ, какъ есть хотѣли мы за твое оправданіе, потому извѣстно на всякаго грѣхъ да бѣда бываетъ, одначе противъ васъ много другихъ было, а вы на насъ за свой судъ несумлѣвайтесь, и въ дурныхъ мысляхъ себѣ, въ памяти объ насъ не имѣйте».

По разслѣдованію оказалось, что записка эта была написана однимъ купцомъ присяжнымъ, у котораго въ глухомъ урочищѣ, верстахъ въ четырехъ отъ города, стоитъ лѣсопильный заводъ. Арестантъ, о которомъ идетъ рѣчь, послѣ суда публично объявилъ, что онъ сожжетъ тѣхъ присяжныхъ, которые его судили, а такъ какъ у насъ не рѣдкость вообще, что тяжкіе осужденные преступники, съ большими даже удобствами, убѣгаютъ и уходятъ съ каторги и являются потомъ неожиданными гостями въ родныя палестины, то этотъ присяжный купецъ, опасаясь вѣроятно для себя какихъ-либо дурныхъ послѣдствій отъ каторжнаго, счелъ излишнимъ засвидѣтельствовать передъ нимъ, что онъ былъ за оправданіе его, въ обвиненіи его не принималъ участія, почему и просилъ «въ памяти его у себя не имѣть».

Въ этомъ случаѣ характернымъ элементомъ является то, что разоблаченіе купцомъ присяжнымъ предъ подсудимымъ, тайны совѣщаній своихъ сотоварищей, послѣдовало именно съ тою цѣлю, ради которой законъ обязываетъ присяжныхъ, никому не говорить, кто изъ нихъ былъ за оправданіе и кто за обвиненіе подсудимаго.

Однажды, въ уѣздномъ городѣ, послѣ оправдательнаго вердикта присяжныхъ

засѣдателей, вынесеннаго подсудимому, незначительному чиновнику, послѣдній подойдя къ присяжнымъ засѣдателямъ, съ которыми какъ мѣстный житель былъ очень хорошо знакомъ, сталъ благодарить ихъ, за сочувственное и милостивое къ нему отношеніе, и между прочимъ протянулъ свою руку одному Ивану Ивановичу.

— Эхъ ты, простота житейская, обратился къ оправданному одинъ изъ стоявшихъ близъ него присяжныхъ, Ивана Ивановича благодарить за милость. руку ему подаешь, а того не знаешь, что онъ тебѣ тамъ, за дверью, первый врагъ былъ, въ одно слово кричалъ, и другихъ наровилъ смутить, чтобы карачунъ тебѣ поставить, ему, говорить, мошеннику, только въ Сибири мѣсто, а не промежъ честныхъ людей, припомнилъ какъ ты ему въ позапрошломъ году, зимнимъ мясобдомъ, на счетъ дровъ, по больницѣ какую то каверзу подвелъ.

Оправданный чиновничекъ, какъ ужаленный, отскочилъ отъ Ивана Ивановича, послѣдній набросился на своего предателя-товарища и громогласно объявивъ, что онъ, напротивъ, шелъ за оправданіе, пригрозилъ послѣднему потянуть его «за клевету» къ мировому судѣ, и сталъ наступать на него, чуть не съ желаніемъ, здѣсь же самолично произвести надъ нимъ свою предварительную расправу. На бѣду въ эту ссору, вмѣшался какой то третій присяжный и отъ себя подлил еще масла въ огонь, заявивъ, что онъ самъ слышалъ отъ кумы Ивана Ивановича, какъ она на крестинахъ у поповой дочери, рассказывала за кофеемъ, что Иванъ Ивановичъ непремѣнно хочетъ утопить Подколѣвнина, т. е. подсудимаго, за то во-первыхъ, что онъ ему на дровахъ притѣсненіе въ приемѣ по больницѣ сдѣлалъ, а во-вторыхъ и за то еще, что лѣтоснній годъ на бульварномъ гуляньѣ, онъ его свояченицѣ подолъ оборвалъ и конюзнымъ словомъ, обозвалъ ее рѣдкой.

Такія разоблаченія въ конецъ взорвали какъ Ивана Ивановича, такъ и оправданнаго Подколѣвнина. Они подняли шумъ, и обоюдное дѣло, начавшееся было такъ мирно, съ благодарности и поздравленій, чуть-чуть не окончилось формальной потасовкой. Вмѣшательство судебного пристава положило конецъ этой распрѣ. Онъ успѣшилъ развести противниковъ, которые долго не могли успокоиться, и хотя дальнѣйшихъ дебатовъ между ними на судѣ уже не происходило, но заключительный эпилогъ ихъ исторіи, все-таки имѣлъ мѣсто въ камерѣ мѣстнаго мирового судьи.

Такіе поступки, конечно, не рекомендуютъ съ хорошей стороны, присяжныхъ засѣдателей. Дѣлать тайну своихъ совѣщаній, предметомъ чего то въ родѣ публичнаго скандала, и тутъ же на судѣ ябедничать на своего сотоварища, что онъ того то домогался, и то то говорилъ, болѣе чѣмъ неумѣстно.

Присяжные, допускающіе при такихъ условіяхъ, разглашеніе того, что при нихъ говорили другіе, крайне вредятъ дѣлу правосудія и подрываютъ его интересы. Кому пріятно, изъ за высказаннаго на совѣщаніи откровеннаго по убѣжденію совѣсти мнѣнія, быть потомъ въ пріятномъ ожиданіи, что его, если не сейчасъ, то при удобномъ случаѣ, или какъ у насъ это весьма часто дѣлается, просто въ отмѣстку, выведутъ на чистую воду и заставятъ

припоминать, какъ онъ говорилъ на совѣщаніи объ такомъ то, какой конецъ желательно ему было подвести такому-то. Въ кругу людей недостаточно развитыхъ и мало воспитанныхъ, неимѣющихъ должнаго понятія объ уваженіи къ ближнему, которые для достиженія какой-либо личной цѣли своей, не брезгаютъ никакими способами, такіе приемы представляются самыми обыденными и весьма часто практикуемыми.

А между тѣмъ они положительно парализуютъ свободу дѣйствій многихъ присяжныхъ, не давая возможности каждому изъ нихъ, высказывать свой взглядъ на дѣло безъ боязни и опасенія, что они могутъ этимъ навлечь на себя чей либо гнѣвъ, неудовольствіе и вообще всякаго рода непріятности отъ тѣхъ лицъ, которымъ высказанное ими мнѣніе по дѣлу, по чему либо не понравится. Напротивъ, спокойная и взаимная увѣренность въ томъ, что ни кто изъ товарищей, никогда не выскажетъ взгляда или голоса другаго присяжнаго, даетъ имъ возможность выражать свои убѣжденія, объявлять свое рѣшительное мнѣніе безъ всякой боязни. Только постановляемые при такихъ условіяхъ приговоры присяжныхъ, могутъ считаться приговорами свободной непринужденной совѣсти, а если каждый изъ нихъ, подавая свой голосъ и свое мнѣніе, руководствуется при этомъ не однимъ только выработавшимся у него убѣжденіемъ совѣсти по существу дѣла, но принимаетъ въ соображеніе и нѣкоторыя другія стороннія обстоятельства, въ родѣ, напримѣръ, того, не отзовется ли такой приговоръ какими либо неблагоприятными послѣдствіями на личности его самого, то можно ли сказать, что постановленное въ такомъ стѣсненномъ положеніи, то или другое рѣшеніе присяжныхъ, будетъ заключать въ себѣ высказанное ими по совѣсти свое полное и правдивое убѣжденіе. Очевидно нѣтъ; такой приговоръ будетъ всегда далекъ отъ желаемой истины, какъ постановленный при условіяхъ парализующихъ полную свободу воли человѣка.

Такая ненормальная обстановка присяжныхъ засѣдателей въ ихъ совѣщательной комнатѣ, когда каждый изъ нихъ вынужденъ бываетъ подозрительно смотрѣть на другаго, и видѣть въ немъ не товарища по служенію общему дѣлу, а недруга, который во всякое время можетъ въ послѣдствіи ему повредить, отзывается на правосудіи весьма дурными послѣдствіями.

На одной изъ уѣздныхъ сессій, присяжные засѣдатели по удаленіи въ совѣщательную комнату, воротились оттуда обратно въ залу засѣданія, послѣ чего старшина ихъ засвидѣтельствовалъ, что трое изъ нихъ отказываются высказать гласно передъ всѣмъ составомъ присутствія свои мнѣнія, на томъ основаніи, что среди нихъ находится одинъ хорошій знакомый и пріятель подсудимаго.

— Потому-съ, объяснял старшина присяжныхъ, эти трое нашихъ товарищей, не желаютъ себя выдавать, и отказываются отъ подачи своихъ головъ, что очинно боятся, какъ бы Калина Казымичъ по своей женской слабости потомъ не рассказалъ бы господину подсудимому, какимъ манеромъ они ему отъ себя рѣшеніе произнесли.

Судъ былъ въ крайнемъ затрудненіи, что ему дѣлать въ виду такого явленія старшины, тѣмъ болѣе, что Калина Казымичъ въ опроверженіе своей

«женской слабости», т. е. болтливости, не проронил ни одного слова и только искоса усмѣхнулся.

Кончилось тѣмъ, что судъ въ подобномъ заявленіи старшины присяжныхъ, нашель обстоятельство, непредусмотрѣнное закономъ, возвратилъ присяжныхъ обратно въ совѣщательную комнату, разъяснивъ имъ, что каждый изъ нихъ обязанъ подать свой голосъ по долгу выполненной присяги. Присяжные вынесли подсудимому оправдательный приговоръ, тогда какъ вся зала засѣданія до одного человѣка ожидала, что подсудимый будетъ обвиненъ.

Этотъ оправдательный приговоръ возбудилъ въ публикѣ разные разговоры, и многіе открыто находили его неправильнымъ, говоря, что трое стѣсненныхъ въ своемъ рѣшеніи присяжныхъ, несомнѣнно должны были высказаться противъ своего убѣжденія за оправданіе, такъ какъ въ присутствіи Балины Казьмича не рѣшались подать свой откровенный голосъ, вслѣдствіе чего мнѣніе свое и высказали подъ извѣстнымъ нравственнымъ давленіемъ.

Случаи разоблаченія присяжными засѣдателями тайны ихъ совѣщаній, въ судахъ нашихъ происходятъ весьма часто и иногда практикуются почти что открыто, но намъ неизвѣстно, чтобы кто-либо изъ присяжныхъ засѣдателей былъ за это привлеченъ судомъ или прокуроромъ къ законной отвѣтственности. Въ началѣ каждаго засѣданія, съ присяжными, мы слышимъ, какъ предѣлательствующіе, перечисляя имъ права и обязанности ихъ, напоминаютъ постоянно о томъ, что они должны сохранять тайну своихъ совѣщаній и указываютъ на отвѣтственность, которой они подвергаются за разглашеніе своихъ голосовъ. Но на ряду съ этимъ мы видимъ, что судьи оставляютъ безъ всякаго вниманія тѣ случаи, когда присяжные засѣдатели почти что на ихъ глазахъ, ни мало ни кого не стѣсняясь, выдаютъ публикѣ одинъ другаго безъ всякой церемоніи.

Это равнодушіе суда, къ неисполненію присяжными засѣдателями одной изъ существеннѣйшихъ ихъ обязанностей объясняется, по мнѣнію нашему, несоотвѣтствіемъ между нравственнымъ значеніемъ подобнаго поступка присяжныхъ, и положеннымъ за него по закону взысканіемъ.

По этому поводу одинъ изъ судебныхъ дѣятелей, останавливается на слѣдующихъ, по мнѣнію нашему, совершенно основательныхъ разсужденіяхъ и выводахъ.

Законоположенія наши, относящіяся до присяжныхъ засѣдателей, предусматриваютъ различнаго рода неисполненія или нарушенія ими ихъ обязанностей, которыя безразлично караются однимъ и тѣмъ же размѣромъ денежнаго штрафа на сумму отъ 10 до 100 руб. Такимъ образомъ, присяжный засѣдатель не явившійся въ судъ безъ объясненія причины того, къ назначенному сроку, дозволившій себѣ разговоръ на судѣ, съ кѣмъ-либо изъ лицъ не принадлежащихъ къ составу суда, и наконецъ разоблачившій передъ посторонними людьми, всѣ голоса сотоварищей своихъ, и тайну ихъ совѣщаній, подвергается одному и тому же взысканію.

Между тѣмъ, какъ значеніе первыхъ двухъ проступковъ и подобныхъ имъ, представляется совершенно ничтожнымъ, нравственное значеніе послѣдняго,

а главное тѣ послѣдствія, которыя отъ него могутъ проистекать для общества, придаютъ ему совершенно иной, гораздо болѣе серьезный, и такъ сказать, преступный характеръ. Присяжный засѣдатель можетъ не явиться на судъ по забывчивости, по небрежности, наконецъ, вслѣдствіе прямого желанія своего уклониться отъ участія въ засѣданіи; нѣкоторое невниманіе его къ своимъ обязанностямъ, можетъ легко допустить его до нарушенія правила, возбраняющаго на судѣ посторонніе съ кѣмъ-либо разговоры, но въ такихъ и подобныхъ имъ проступкахъ, проглядываетъ прежде всего одно только нарушение чисто формальныхъ предписаній закона и притомъ такихъ, которые едва ли могутъ имѣть серьезное отношеніе къ личности присяжнаго, какъ судьи.

Нарушенія подобнаго рода, отличаются уже отъ болѣе серьезныхъ тѣмъ, что они не касаются внутреннихъ качествъ и достоинствъ присяжнаго, не компрометируютъ нравственную сторону его судейскаго достоинства, не свидѣтельствуютъ о присутствіи въ его личномъ характерѣ, такихъ неблаговидныхъ оттѣнковъ и попятковъ, которые невольно заставляютъ, сторониться отъ нихъ, сколько-нибудь порядочнаго человѣка. Совѣмъ инымъ представляется тотъ случай, нарушенія присяжнымъ засѣдателемъ своей обязанности, когда онъ разоблачаетъ тайну совѣщаній своихъ сосоварищей, дѣлая это конечно, сознательно и умышленно, а не по неосторожности, которая въ такомъ поступкѣ по самому свойству его, и не можетъ быть допущена.

Съ какою точкою зрѣнія, слѣдуетъ смотрѣть на такіе поступки присяжныхъ засѣдателей:

Прежде всего они доказываютъ, крайнее легкомысліе и неустойчивость взгляда по отношенію къ собственному своему значенію какъ судей совѣсти, и вмѣстѣ съ тѣмъ полное неуваженіе къ убѣжденіямъ и взглядамъ своихъ товарищей, которыхъ своею неумѣстною болтливостью они выдаютъ, конечно, не изъ добрыхъ и благонамѣренныхъ побужденій. Въ большинствѣ случаевъ причины и поводы къ такой болтливости и несдержанности языка, отличаются такъ сказать нравственною неоприятностью, пренебреженіемъ и неуваженіемъ къ мнѣніямъ другихъ, а такія качества, такія исключительныя способности несомнѣнно не могутъ быть терпимы и не должны быть допускаемы въ положеніи человѣка, призываемаго по глубокому къ нему довѣрію общества, къ исполненію высокихъ обязанностей судьи. Еще менѣе того люди подобнаго пошиба, могутъ представлять собою въ глазахъ общества, представителей тѣхъ солидныхъ и благонамѣренныхъ гражданъ, которые по смыслу закона должны входить въ составъ суда присяжныхъ. Отсутствие извѣстнаго положительнаго такта, полная безхарактерность и легкомысліе, неумѣніе по своему нравственному неразвитію, распознавать не деликатныя по отношенію къ другимъ приемы, вотъ тѣ главныя причины, которыми объясняются подобныя поступки нѣкоторыхъ изъ присяжныхъ. А при наличности такихъ отрицательныхъ достоинствъ, они само собою, не могутъ уже пользоваться ни довѣріемъ, со стороны общества, такъ какъ прежде всего сами нарушили довѣріе къ себѣ своихъ товарищей, ни какимъ-либо къ нимъ уваженіемъ какъ къ судьямъ

допустившимъ явное непониманіе своего долга и нарушившимъ существеннѣйшія свои обязанности.

Вопросъ о томъ, какъ упорядочить эту сторону дѣятельности присяжныхъ, какъ пріучить ихъ къ скромности, и какиимъ путемъ заставить быть осмотрительнѣе къ самимъ себѣ, не разъ возникалъ въ средѣ нѣкоторыхъ судебныхъ дѣателей, преимущественно глухихъ провинцій, гдѣ явленія, описанныя выше, наблюдаются весьма часто, и при томъ иногда въ крайне безцеремонной формѣ. Единственный выводъ къ которому по этому вопросу можно подойти съ практической житейской стороны, это тотъ, что присяжные засѣдатели, допустившіе разглашеніе, тайны совѣщаній своихъ сотоварищей, должны быть безусловно признаваемы лицами, нарушившими общественное довѣріе, и слѣдовательно не правоспособными къ отправленію обязанностей судей.

Вслѣдствіе этого, по мнѣнію нѣкоторыхъ судебныхъ дѣателей, такихъ присяжныхъ слѣдуетъ подвергать не денежному только штрафу, а исключать ихъ совсѣмъ изъ составовъ присутствія, и лишать навсегда права быть избираемыми въ присяжные засѣдатели.

Такая мѣра являлась бы вполне умѣстной и правильной потому, что присяжные засѣдатели, будучи избираемы обществомъ и уполномочиваемы имъ къ исполненію высогихъ обязанностей судей, должны строго относиться къ этимъ обязанностямъ своимъ, и прежде всего оправдывать нравственное довѣріе къ нимъ общества. Разъ это довѣріе было ими нарушено какиимъ-либо неблаговиднымъ поступкомъ, они, какъ лица, оказавшіяся не на высотѣ своего призванія, должны быть лишаемы того почетнаго права, осуществить которое достойнымъ образомъ, почему либо не сужьли.

Въ этомъ случаѣ къ присяжнымъ засѣдателямъ, какъ къ лицамъ избираемымъ самимъ обществомъ, слѣдовало бы примѣнять тотъ общій принципъ, проведенный въ нашемъ законодательствѣ, по которому лица, нарушившія извѣстныя свои обязанности передъ обществомъ, лишаются послѣ того права быть избираемыми въ тѣ должности, съ которыми эти обязанности связаны.

Присяжные засѣдатели въ своей собственной средѣ, чему и были уже примѣры въ нашей судебной практикѣ, тоже не щадятъ тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые оказываются страдающими нѣкоторою болтливостію, и иногда отмѣчаютъ ихъ отѣнкомъ полнаго къ нимъ пренебреженія.

Намъ передаютъ про слѣдующій случай, который, во многихъ отношеніяхъ, представляется крайне характернымъ.

На сессіи окружнаго суда въ уѣздномъ городѣ, всѣ очередные присяжные засѣдатели, замѣтили относительно одного изъ своихъ товарищей, что онъ поцадая въ составъ присутствія присяжныхъ, послѣ cadaго почти приговора передавалъ мѣстному защитнику, по своимъ хорошимъ къ нему отношеніямъ, кто изъ присяжныхъ подавалъ голосъ за обвиненіе, и кто за оправданіе. Дѣлалось это имъ конечно съ тою цѣлію, чтобы угодить адвокату, какъ своему пріятелю. Последній, безъ всякой церемоніи тутъ же въ судѣ, передаваемы ему о присяжныхъ свѣдѣнія, записывалъ себѣ для памяти на бумажку, и наконецъ по

слѣ нѣсколькихъ дѣлъ, освоившись, при такомъ способѣ собиранія свѣдѣній, съ характеромъ и взглядомъ большинства присяжныхъ, сталъ настойчиво вычеркивать изъ списка тѣхъ изъ нихъ, которые казались ему наиболѣе строгими.

Присяжные засѣдатели все это замѣтили, и наконецъ, когда по одному дѣлу, въ составъ присутствія присяжныхъ, вошелъ упомянутый товарищъ ихъ, то по уходѣ въ совѣщательную комнату, они по общему соглашенію, прежде всего сдѣлали ему упрекъ за то, что онъ роняетъ въ глазахъ ихъ свое достоинство судьи и нарушаетъ свой честный долгъ, а затѣмъ, чтобы не дать ему на будущее время возможности знать, кто изъ нихъ будетъ подавать мнѣнія свои за и кто противъ подсудимаго, они порѣшили подавать голоса въ тайнѣ отъ него.

Съ этой цѣлю, подъ общимъ контролемъ всѣхъ за каждого, они передавали старшинѣ присяжныхъ голоса свои, секретно лишь отъ выдававшего ихъ товарища, предлагая ему мнѣніе свое подавать первымъ.

Такимъ способомъ, присяжные засѣдатели достигли своей цѣли вполне; гарантируя общимъ своимъ контролемъ, правильность въ счетѣ голосовъ, за оправданіе и за обвиненіе, они поставили упомянутого товарища своего въ такое положеніе, что онъ могъ только знать сколько голосовъ было за и противъ обвиняемаго, но ни какъ уже не могъ догадаться, кто именно изъ его товарищей присяжныхъ, и какой подавалъ голосъ.

Въ настоящемъ случаѣ нескромность присяжнаго засѣдателя, выдававшего своихъ товарищей, являлась послѣдствіемъ того, что онъ въ прямое униженіе своего судейскаго званія, и долга безпристрастія служилъ изъ дружбы интересамъ защиты, не только подавая лично голоса за оправданіе, чтобы сдѣлать одолженіе своему пріятелю, но даже и наущичая про своихъ товарищей.

Въ сожалѣнію мотивы такого наущичества бываютъ иногда еще мельче еще недостойнѣе.

Намъ передаютъ, напримѣръ, такой случай.

Богатый купецъ, преданный суду за подлогъ векселя, рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей былъ оправданъ. Желая отпраздновать возможно торжественнѣе свое оправданіе, этотъ самодуръ въ лучшемъ ресторанѣ заказалъ обѣдъ, на который пригласилъ присяжныхъ засѣдателей судившаго его состава, но изъ числа послѣднихъ тѣ трое, которые подали голоса противу него, не удостоились получить этихъ приглашеній.

Очевидно они были выданы кѣмъ-либо изъ своихъ приглашенныхъ товарищей, но съ какою же цѣлю и изъ какихъ побужденій? неужели изъ за того только, чтобы лишить ихъ трактирнаго обѣда съ виномъ и цыганками.

Одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей пишетъ намъ слѣдующее:

«Мнѣ, въ теченіи восьмилѣтняго періода введенія въ нашей мѣстности судебной реформы, довелось быть въ своемъ уѣздѣ присяжнымъ засѣдателемъ три раза. Въ первый разъ я провелъ въ судѣ всю сессию, участвовалъ въ составахъ присяжныхъ по шести дѣламъ и по окончаніи сессіи нажилъ себѣ среди горожанъ нѣсколько человѣкъ недоброежелателей и враговъ, за то, что

по нѣкоторымъ дѣламъ, высказался по своему крайнему разумѣнію, а не по желанію другихъ. А откуда могли посторонніе люди знать за кого и какой подавалъ я голосъ — очевидно свои товарищи присяжные понасплетничали выдали.

Результаты этой сессіи для меня лично были слѣдующіе.

Старшаго моего прикащика, у меня сбили со службы; на городской мельницѣ, которую я арендовалъ, испортили умышленно плотину, и наконецъ среди зимы, женатому моему сыну съ цѣлой семьей маленькихъ ребятишекъ, отказали отъ квартиры и вынудили его прожить двѣ недѣли въ холодныхъ номерахъ.

На вторую сессію я былъ уже нѣсколько осторожнѣе, попавши въ присяжные по дѣлу объ одномъ горожанинѣ, за котораго все общество ломало, что называется горой, я чтобы избавиться необходимости или покривить душой, или же подвергнуться опять какой-нибудь каверзѣ за свой голосъ, порѣшилъ во время судебного слѣдствія заболѣть и дѣйствительно, «внезапно заболѣлъ». Судъ замѣнилъ меня запаснымъ засѣдателемъ, а меня освободилъ отъ дѣла въ великой моей радости.

На третью сессію, я заблагоразсудилъ совсѣмъ уже не являться, заплатилъ 50 рублей штрафа и слава Богу. По крайней мѣрѣ благодаря виртуозности нѣкоторыхъ нашихъ горожанъ присяжныхъ, избавился отъ необходимости кривить душой, или же плясать подъ общую дудку.

У насъ, такъ заканчиваетъ свое письмо этотъ присяжный засѣдатель, чужое мнѣніе считается ни во что, его ставятъ ни въ грошъ, и ни мало не стѣсняются послѣ каждаго приговора присяжныхъ, на всѣхъ перекресткахъ, во всѣхъ трактирахъ, публично рассказывать, кто говорилъ обвинить, а кто оправдать, кто «наступалъ», а кто, такъ себѣ, слегка говорилъ, какъ молъ хотите. Вотъ какая у насъ тайна въ совѣщаніяхъ присяжныхъ, многимъ отъ нездоровится».

Укажемъ еще на случай, совершенно сознательнаго разглашенія однимъ присяжнымъ засѣдателемъ, изъ отставныхъ офицеровъ, тайны совѣщаній присяжныхъ, допущеннаго имъ въ убѣжденіи, что на судѣ гласномъ, всякая тайна неумѣстна.

Какъ человѣкъ военный онъ не затруднялся дѣйствовать и въ скромной сферѣ судьи, по военному, во всемъ подчиняясь, лишь своему личному усмотрѣнію. Усвоивъ себѣ свою исключительную точку зрѣнія, на вопросъ о значеніи гласности въ судѣ присяжныхъ, онъ послѣ каждаго приговора, съ развязностію военного человѣка, рассказывалъ всѣмъ желающимъ слушать, кто изъ присяжныхъ былъ противъ и кто стоялъ за подсудимаго. Когда наконецъ нѣкоторые изъ его товарищей, выведенные имъ изъ терпѣнія, заявили ему, что онъ не имѣетъ никакого права разглашать ихъ мнѣній, и что его обязываетъ къ этому законъ, то этотъ военный человѣкъ, авторитетно сталъ доказывать имъ, что самый важный принципъ суда присяжныхъ, это его гласность, что присяжные засѣдатели, постановляя свои приговоры по убѣжденію совѣсти, не долж-

ны страшиться никакихъ укоризнъ, что онъ лично готовъ публично высказать всегда, какой онъ подавалъ голосъ по каждому дѣлу, и что сохранять въ тайнѣ то, что по его мнѣнію напротивъ должно быть явнымъ и гласнымъ, онъ не видитъ никакой надобности.

Урезонить храбраго присяжнаго, сотоварищи его никакъ не могли, и такъ какъ публичнымъ исповѣданіемъ своихъ воззрѣній, во время одного изъ антрактовъ, онъ привелъ въ крайнее смущеніе весь составъ присяжныхъ данной сессіи, то для успокоенія всего комплекта ихъ, представитель обвинительной власти, нашелся вынужденнымъ прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ и сталъ предъявлять отводы противу военнаго присяжнаго, по всѣмъ безъ исключенія дѣламъ.

Наконецъ, по справедливости слѣдуетъ сказать, что иногда тайна совѣщаній присяжныхъ, разоблачается не по непосредственной винѣ ихъ самихъ, а вслѣдствіе не деликатныхъ, если можно такъ выразиться, отношеній къ нимъ коронныхъ судей и представителей обвинительной власти.

Весьма часто случается, что къ концу сессіи, особенно въ провинціальныхъ уѣздныхъ городахъ, отношенія между судьями и прокуроромъ съ одной стороны, и присяжными засѣдателями съ другой, принимаютъ крайне непринужденный характеръ. Присяжные засѣдатели сталкиваясь съ судьями и прокуроромъ, или за обѣдомъ, въ единственной городской гостинницѣ, или по вечерамъ въ клубахъ, или у общихъ знакомыхъ, естественное дѣло при общности служебныхъ интересовъ, становятся въ близкія отношенія къ коронному суду. При подобныхъ встрѣчахъ, между тѣми и другими, возникаютъ обыкновенно разговоры о рассмотрѣнныхъ дѣлахъ, о постановленныхъ приговорахъ, высказываются при этомъ различнаго рода мнѣнія, симпатіи или антипатіи къ подсудимымъ, передаются эпизоды изъ обстоятельствъ дѣлъ, разбираются и обсуждаются со всѣхъ сторонъ, вердикты присяжныхъ засѣдателей. Въ этихъ общихъ разговорахъ и взаимныхъ передачахъ мнѣній, сталкиваются конечно, голоса за и противъ приговоровъ присяжныхъ, и вотъ такимъ то путемъ, сами судьи, наводятъ нерѣдко присяжныхъ на откровенное изложеніе ими тѣхъ руководящихъ мотивовъ ихъ, которые для нихъ послужили поводомъ высказаться за оправданія подсудимыхъ, а для другихъ за обвиненіе ихъ.

Присяжные засѣдатели въ такихъ случаяхъ, считаютъ себя какъ бы даже въ правѣ разоблачать передъ судьями, результаты своихъ совѣщаній, не смотря на то, что въ такихъ собраніяхъ и при подобныхъ разговорахъ, происходящихъ нерѣдко въ общей залѣ, какой нибудь гостинницы, присутствуютъ и многія постороннія лица, а судьи, уступая чувствамъ простаго любопытства, или мимолетнаго желанія узнать, почему именно присяжные такого то обвинили, а такую-то оправдали, не выдерживаютъ себя съ достаточнымъ судебскимъ тактомъ, и своими собственными вопросами, подводятъ присяжныхъ подъ такія нарушенія обязанностей ихъ званія, за которыя сами же изъ за судейскаго стола, угрожаютъ имъ словами карающаго закона.

Мы должны сказать, что такіе случаи бывають даже не особенно рѣдки,

и многіе судьи, а еще болѣе того. лица прокурорскаго надзора, пользуются подобными разговорами для того, чтобы извлекать себѣ изъ нихъ свѣдѣнія для статистической судебной отчетности, о причинахъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ.

Положимъ, дѣль эта вполне законная, но средства для достиженія ея слѣдовало бы избирать нѣсколько иныя, а не насиловать хотя бы и косвеннымъ путемъ совѣсть присяжныхъ.

За то можно указать и на нѣкоторые другіе совершенно противоположные случаи, когда предсѣдательствующіе своимъ авторитетнымъ словомъ, прекращали всякія попытки присяжныхъ, касаться въ частныхъ разговорахъ предметовъ ихъ совѣщаній, хотя бы даже и внѣ засѣданій суда.

Многіе находятъ такія вмѣшательства предсѣдательствующихъ, въ частные разговоры присяжныхъ засѣдателей, съ кѣмъ бы то ни было, посягательствомъ на непринадлежащія имъ права, на томъ основаніи, что отношенія взаимно-связующія коронный судъ съ присяжными, прекращаются съ момента закрытія судебного засѣданія, послѣ чего присяжные засѣдатели теряютъ уже свою официальную судебскую функцію, и становятся совершенно частными людьми, къ которымъ ни судъ ни предсѣдательствующіе ни какихъ правъ предъявлять уже не могутъ.

Положимъ это такъ, но неужели представитель короннаго суда, такъ и долженъ оставаться пассивнымъ зрителемъ того, какъ присяжные, только что рѣшившіе какое-либо дѣло, не успѣвъ еще уйти изъ суда, тутъ же на порогѣ судебной залы, разглашаютъ публично то, что должны безусловно сохранять въ тайнѣ.

Намъ передаютъ за достовѣрное, слѣдующій случай столкновенія на одной уѣздной сессіи, товарища прокурора съ предсѣдательствующимъ, прошедшаго изъ за того, что первый въ разговорѣ съ однимъ изъ присяжныхъ домогался узнать, какой поданъ былъ послѣднимъ голосъ по одному рѣшенному передъ тѣмъ дѣлу. Столкновение это произошло во время перерыва судебного засѣданія, въ приемной комнатѣ суда, гдѣ расположились завтракать какъ судьи, такъ и нѣкоторые изъ знакомыхъ имъ присяжныхъ засѣдателей, не бывшихъ въ составѣ присутствія, по разсматриваемому дѣлу.

Въ общемъ разговорѣ, товарищъ прокурора коснувшись вердикта присяжныхъ по предшествовавшему дѣлу, замѣтилъ одному изъ наличныхъ присяжныхъ, что по упомянутому дѣлу онъ подастъ свой голосъ вѣроятно не въ пользу подсудимаго.

— Не такъ ли навѣрное я не ошибаюсь? допытывался онъ обращаясь къ присяжному засѣдателю.

Послѣдній видимо смутился отъ такого неожиданнаго, и притомъ слишкомъ прямо поставленнаго ему нескромнаго вопроса, и ничего не отвѣтилъ, стараясь придать видъ, что онъ даже и не разслышалъ хорошо о чемъ его спрашиваютъ.

Базалось бы послѣ этого, чувство приличія только должно было подска-

зять товарищу прокурора, прекратить дальнѣйшія домогательства свои по такому щекотливому для личности присяжнаго засѣдателя вопросу, но онъ иначе посмотрѣлъ на это, и возобновилъ свой вопросъ въ еще болѣе требовательной, хотя и совершенно приличной по внѣшности формѣ.

Тогда предсѣдательствовавшій заявилъ товарищу прокурора, что онъ просить его прекратить разговоръ по такому предмету, который не слѣдовало бы даже вовсе и начинать. На это заявленіе предсѣдательствующаго, товарищъ прокурора отвѣтилъ, что за закусочнымъ столомъ онъ не признаетъ никакихъ его полномочій, и прерогативъ, но въ дальнѣйшихъ возраженіяхъ своихъ былъ остановленъ протестомъ всѣхъ членовъ суда и самихъ присяжныхъ засѣдателей, которые единогласно поддержали требованіе предсѣдателя.

Это небольшое препирательство изъ за принципіальнаго вопроса о томъ, умѣстно ли лицу прокурорскаго надзора, творить надъ присяжными засѣдателями, подобнаго рода выпытыванія, а тѣмъ болѣе въ своихъ личныхъ обвинительныхъ видахъ, какъ это было замѣчено въ данномъ именно случаѣ, получило нѣкоторое оффиціальное движеніе, и само собою поступокъ товарища прокурора, былъ далеко не одобренъ его ближайшимъ начальствомъ.

Укажемъ еще, что разные провинціальныя адвокаты и защитники низшаго калибра, прекрасно наметались въ способности, эксплуатировать болтливость нѣкоторыхъ изъ присяжныхъ засѣдателей, въ свою пользу, ради вывѣдыванія, кто изъ нихъ строже смотритъ на дѣло и кто снисходительнѣе.

Иной ловкій адвокатъ, гдѣ-нибудь въ трактирѣ, въ свободное время, за бутылкой пива, такъ ловко умѣетъ обойти, какаго-нибудь простака присяжнаго изъ крестьянъ, и вывѣдать отъ него всяческія сокровенныя совѣщательныя тайны присяжныхъ, что приходится только удивляться, какимъ путемъ подобныя личности, ухитряются выпытывать подробности того, что невидимо для нихъ происходитъ за дверью совѣщательной комнаты.

И пользуются же эти адвокаты, всѣми такими свѣдѣніями съ большимъ умѣніемъ и чисто прикладными практическими приемами.

Относительно непосредственной привычки присяжныхъ, разоблачать подробности своихъ совѣщаній, можно указать на одно подмѣченное въ судебной практикѣ явленіе, что если всѣ вообще присяжные, сознаютъ необходимость выполненія, постоянно напоминаемаго имъ правила о томъ, что они не должны никому разглашать, результаты своихъ голосованій, по вопросамъ о винѣ или невинности подсудимыхъ, то многіе изъ нихъ, считаютъ всѣхъ вообще сотоварищей своихъ по данной сессіи, стоящими внѣ этого правила и требованія закона.

Вслѣдствіе этого, въ судахъ нашихъ приходится наблюдать весьма часто такого рода факты. Присяжные опредѣленнаго состава, только что вышли изъ совѣщательной комнаты, вердиктъ ихъ прочтенъ, судъ удаляется для постановленія приговора, послѣ чего всѣ свободные присяжные засѣдатели, не принимавшіе участія въ разсмотрѣніи дѣла, окружаютъ своихъ товарищей постановившихъ приговоръ, и тутъ предъявляются къ нимъ отъ лица всѣхъ

ихъ чуть не формальное требованіе отчетности о томъ, почему они рѣшили дѣло такъ, а не иначе, кто изъ нихъ въ какомъ смыслѣ высказался по дѣлу, отчего они признали одно обстоятельство, а другія отвергли и т. д.

Такого рода явленія, наблюдаются въ средѣ нашихъ присяжныхъ весьма часто, и въ нѣкоторыхъ судахъ, они установились въ видѣ какого-то обычнаго права, всего вообще очереднаго комплекта присяжныхъ, относиться критически, къ вердиктамъ отдѣльнаго состава своихъ товарищей и контролировать правильность ихъ.

Иногда это обычное право, присвоенное себѣ самими присяжными, сопровождается даже приемами порицанія и неодобренія, обращаемыми присяжными не принимавшими участія въ дѣлѣ, къ тѣмъ, которые постановили приговоръ если таковой, по мнѣнію первыхъ, признается почему либо неправильнымъ или неудовлетворительнымъ.

Такия своеобразныя взаимныя отношенія между присяжными, установили въ средѣ ихъ тотъ неправильный взглядъ, что скрывать тайну своихъ совѣщаній отъ товарищей своихъ присяжныхъ же не слѣдуетъ и нѣтъ основаній, потому что они сами такіе же присяжные, а между тѣмъ тѣ изъ нихъ, которые не принимали участія въ дѣлѣ, разузнавъ отъ своихъ товарищей, постановлявшихъ приговоръ, какъ и что происходило у нихъ въ совѣщательной комнатѣ, лично для себя не считаютъ нарушеніемъ своего долга, рассказывать о томъ, своимъ знакомымъ и другимъ лицамъ, отъ которыхъ всѣ такія свѣдѣнія, переходятъ дальше и дальше и такимъ образомъ въ концѣ концовъ дѣлаются общимъ достояніемъ.

Къ устраненію такого ненормальнаго порядка, во взглядахъ присяжныхъ, несомнѣнно слѣдовало бы принять нашимъ судамъ какія-либо мѣры.

Закончимъ тѣмъ, что на ряду съ присяжными, весьма легкомысленно относящимися къ обязанности своей, хранить свято тайну своихъ совѣщаній, большая часть ихъ, все-таки твердо блюдетъ этотъ законъ, и отказывается разоблачать свою душу и совѣсть передъ массою тѣхъ любопытныхъ, которые были бы не прочь, изъ своихъ личныхъ видовъ заглянуть иногда въ эти непроницаемыя тайники, сокровенныхъ судебскихъ выводовъ и убѣжденій.

XIV.

Экспертиза въ глазахъ присяжныхъ.

Когда для точнаго уразумѣнія, встрѣчающихся въ уголовномъ дѣлѣ обстоятельствъ, необходимы какія либо спеціальныя свѣдѣнія, или опытность въ наукѣ, искусствѣ, ремеслѣ, промыслѣ, или какомъ либо занятіи, то судъ, для выясненія передъ присяжными засѣдателями, истиннаго значенія такихъ обстоятельствъ, вызываетъ въ судебное засѣданіе особыхъ специалистовъ или экспертовъ по разнымъ отраслямъ знаній.

Въ такомъ именно смыслѣ опредѣляется въ законѣ понятіе о значеніи экспертизы и порядкѣ осуществленія ея на судѣ присяжныхъ.

Въ судебной практикѣ, встрѣчаются весьма часто такія обстоятельства, правильное разрѣшеніе которыхъ требуетъ содѣйствія экспертизы, и ставится въ зависимость отъ извѣстныхъ специальныхъ указаній и выводовъ науки, а потому ясно, какое серьезное значеніе должна имѣть въ уголовномъ процессѣ правильно поставленная и еще болѣе того удовлетворительно выполняемая экспертиза.

Мы не ошибемся однако же, если скажемъ, что въ нашей отечественной уголовной юстиціи, въ дѣятельности нашихъ окружныхъ судовъ, экспертиза почти что не имѣетъ никакого значенія и во многихъ случаяхъ служить лишь внѣшнимъ дополненіемъ формальной обрядовой стороны процесса, безъ всякой внутренней и дѣйствительной для него пользы.

Происходитъ это отъ весьма многихъ причинъ, изъ которыхъ самая главная, единогласно признаваемая почти всѣми нашими судебными дѣятелями, это—не недостатокъ, а почти полное отсутствіе дѣйствительно знающихъ и толковыхъ экспертовъ, подготовленныхъ для специальныхъ цѣлей экспертизы, а не случайно приуроченныхъ къ ней, изъ представителей такихъ занятій, и профессій, которыя имѣютъ иногда весьма отдаленное соотношеніе, къ самому значенію и задачѣ того или другаго спеціального предмета.

Потребность въ разумной и основательной экспертизѣ, вслѣдствіе несомнѣнной ея въ цѣляхъ правосудія пользы, и положительныхъ указаній на нее закона, какъ на одно изъ средствъ, для правильнаго разрѣшенія существа многихъ уголовныхъ дѣлъ, представляется у насъ повсемѣстною, а между тѣмъ болѣе или менѣе удовлетворительный составъ экспертовъ, по всѣмъ встрѣчающимся на практикѣ самымъ разнообразнымъ спеціальнымъ вопросамъ, можетъ быть у насъ присланъ, не касаясь конечно столицъ и крупныхъ университетскихъ центровъ, только въ нѣкоторыхъ наиболѣе многолюдныхъ губернскихъ городахъ.

Главнѣйшая экспертиза въ дѣлахъ уголовныхъ, несомнѣнно есть экспертиза судебно-медицинская, разрѣшенію которой подлежатъ цѣлая масса вопросовъ, касающихся жизни и здоровья лицъ потерпѣвшихъ, случаевъ различнаго рода скоропостижной смерти, причиненія увѣчій, ранъ и другихъ поврежденій здоровью. Наконецъ самую трудную область судебно-медицинской экспертизы, представляютъ безъ сомнѣнія вопросы психіатріи, вмѣненія или невмѣненія, вслѣдствіе различныхъ степеней душевнаго расстройства подсудимыхъ, опредѣленій различныхъ видовъ умопомѣшательства обвиняемыхъ, и ненормальнаго состоянія умственныхъ способностей ихъ, въ моментъ совершенныхъ ими преступленій.

Для обстоятельнаго разъясненія передъ присяжными, такого рода сложныхъ и научныхъ вопросовъ, въ засѣданія суда, приглашаются обыкновенно спеціалисты, врачи, и въ нашихъ столичныхъ окружныхъ судахъ, можно нерѣдко услышать, дѣйствительно блестящія экспертизы разныхъ представителей меди-

инской науки, которыя высказываются ими совершенно ясно, излагаются, точно, опредѣлительно какъ и подобаетъ знатокамъ своего дѣла. Но въѣд такое нормальное положеніе экспертизы въ уголовномъ судѣ, можно наблюдать только въ столицахъ и пожалуй, въ нѣкоторыхъ большихъ губернскихъ городахъ, а какія свѣтила и специалисты медицинской науки, по судебно-медицинскимъ вопросамъ, являются у насъ экспертами въ уѣздныхъ захолустьяхъ гдѣ кромѣ одного уѣзднаго врача, нерѣдко нельзя встрѣтить никакого другаго медика.

Между тѣмъ, необходимость въ экспертизѣ, побуждаетъ судъ вызывать на уѣздныя сессіи въ качествѣ медицинскихъ экспертовъ, именно уѣздныхъ врачей, тѣмъ болѣе что и по закону, обязанность судебного эксперта, возлагается, въ уѣздныхъ городахъ на уѣзднаго врача. Къ тому же, при всѣхъ сознаваемыхъ недостаткахъ и полной непригодности для судебной экспертизы этого рода врачей, выборъ суда по необходимости долженъ въ иныхъ случаяхъ останавливаться на нихъ, такъ какъ пригласить на судъ другаго доктора не представляется возможнымъ, по той простой причинѣ, что уѣздный врачъ является весьма часто единственнымъ заправителемъ въ уѣздѣ медицинской науки.

Не касаясь нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ, когда на мѣстахъ уѣздныхъ докторовъ, являются дѣйствительно свѣдущіе врачи, что случается, впрочемъ, очень рѣдко, изъ кого, откровенно говоря, состоитъ у насъ контингентъ этихъ врачей, какъ не изъ людей совершенно незнакомыхъ не только съ судебной но и общей медициной, пригодныхъ пожалуй по своимъ ограниченнымъ познаніямъ, для того, чтобы съ достаточною удовлетворительностію осмотрѣть раза два въ годъ, санитарное состояніе нѣсколькихъ городскихъ лавокъ, продающихъ продукты потребленія, опредѣлить находится ли въ здоровомъ состояніи предназначенный къ убою на говядину для городскихъ жителей, какой-нибудь волъ, но никакъ ужъ не для того, чтобы съ апломбомъ знатока и специалиста дѣла, разрѣшать какія нибудь сомнительныя положенія изъ области судебной психіатріи.

Задаваться мыслью, получить отъ подобнаго эксперта удовлетворительное разрѣшеніе даже не особенно сложнаго судебно-медицинскаго вопроса, представляется полною утопійей, потому что для такого разрѣшенія нужны серьезныя познанія, постоянная практика, наблюденія, знакомство съ трудами специалистовъ по судебной медицинѣ и т. д.

Наконецъ, судебный врачъ, долженъ постоянно слѣдить за наукой не отставать отъ нея, имѣть возможность практически подготавливать себя къ этой серьезной дѣятельности, а все это недоступно для нашихъ уѣздныхъ врачей, въ силу самого положенія ихъ, и того простаго обстоятельства, что на эти мѣста обыкновенно не идутъ врачи, обладающіе сколько-нибудь солидными медицинскими познаніями.

Да, наконецъ, уѣздный врачъ прежде всего не докторъ, а чиновникъ, все время котораго поглощено цѣлою массою судебно-полицейскихъ обязанностей, не дающихъ ему даже возможности удѣлить сколько-нибудь времени на то

чтобы если ужь не слѣдить за наукой, такъ чтобы по крайней мѣрѣ, не отставать отъ нея.

А у насъ и до сихъ поръ еще не рѣдкость, встрѣтить на мѣстахъ уѣздныхъ врачей, такихъ ветерановъ медицинской науки, которые и по настоящее время, продолжаютъ выражаться слогомъ сороковыхъ годовъ.

Гдѣ же такимъ Маусаиламъ, до понятій о современной судебной медицинѣ.

Просматривая провинціальную судебную лѣтопись, мы встрѣчаемъ не мало крайне интересныхъ заключеній и выводовъ такихъ экспертовъ.

Въ отношеніи, напримѣръ, опредѣленія различнаго рода причинъ смерти убитыхъ, найденныхъ на дорогахъ, съ признаками насилій, скоростпжно умершихъ, конечный выводъ ихъ судебно-медицинскихъ изслѣдованій надъ трупами такихъ умершихъ, заключаются всегда въ томъ, что смерть послѣдовала отъ полнокрівія мозга, безъ указанія какихъ либо дальнѣйшихъ частныхъ вызвавшихъ такое явленіе. Въ заслугу подобныхъ экспертовъ, по крайней мѣрѣ можно поставить то, что избѣгая возможности своей личной отвѣтственности за неудачу, въ экспертизѣ, они никогда не рѣшаются высказываться въ положительномъ смыслѣ, а научныя мнѣнія свои выражаютъ или въ видѣ какихъ-либо туманныхъ гипотезъ, или вѣроятныхъ только предположеній.

На одной уѣздной сессіи, подобный врачъ — экспертъ, около пяти лѣтъ, неимѣвшій уже никакой медицинской практики, призванъ былъ въ качествѣ специалиста по женскимъ болѣзнямъ для того, чтобы опредѣлить на судѣ, могла ли беременная на восьмомъ мѣсяцѣ женщина, выкинуть ребенка послѣ того, когда ей нанесенъ былъ по животу ударъ большимъ полѣномъ, только на шестой, послѣ того день, и если выкидышъ этотъ произошелъ отъ упомянутаго насилія, то не долженъ ли онъ былъ послѣдовать непосредственно послѣ того удара, или же по крайней мѣрѣ по прошествіи болѣе короткаго промежутка времени. Придерживаясь послѣдняго взгляда, защитникъ вопреки мнѣнію прокурора доказывалъ, что выкидышъ отъ такого сильнаго удара, непременно долженъ бы былъ произойти немедленно, а такъ какъ онъ случился по прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ того, то вслѣдствіе этого защита приписывала происхожденіе выкидыша не удару по животу, а какой-либо другой причинѣ.

Когда для разрѣшенія этрхъ противоположныхъ мнѣній сторонъ, предсѣдательствующій предложилъ врачу высказать свое по дѣлу заключеніе, то послѣдній, затрудняясь что-либо отвѣтить, или же отвѣтить невпопадъ, долго молчалъ, и наконецъ объявилъ, что предложенный ему вопросъ, онъ разрѣшить не можетъ, такъ какъ таковой принадлежитъ къ числу неразрѣшимыхъ.

— Почему же, г. экспертъ, полагаете вы, что такой, повидимому, несложный вопросъ, не можетъ быть разрѣшенъ данными судебной медицины, обратился къ нему предсѣдательствующій.

— А потому, отвѣчалъ врачъ совершенно серьезно, что сроки выкидышей отъ разныхъ механическихъ причинъ, неопредѣляются и не предусмотрены томомъ тринадцатымъ изданія 1843 года, Устава Врачебнаго.

Громкій смѣхъ въ публикѣ, былъ конечно отвѣтомъ на такой научный выводъ

эксперта, который даже въ изданіи томовъ свода законовъ, опоздалъ назадъ на цѣлыхъ почти 25 лѣтъ.

Послѣ такого отвѣта врача, старшина присяжныхъ всталъ и заявилъ, что присяжные засѣдатели, признавая существенно необходимымъ имѣть по этому дѣлу болѣе обстоятельную экспертизу, просятъ или вызвать другаго эксперта или же отложить дѣло.

Такъ какъ въ уѣздномъ городѣ, другаго врача не нашлось, то судъ отложилъ слушаніе дѣла и впослѣдствіи перенесъ его въ губернскій городъ.

Считаемъ нужнымъ оговориться, что мы передаемъ отнюдь не анекдотъ, а дѣйствительный неподкрашенный фактъ.

Какое же значеніе могутъ имѣть въ глазахъ присяжныхъ такіе представители экспертизы, и къ чему она можетъ быть пригодна, какъ не къ тому только, чтобы въ серьезномъ дѣлѣ суда, служить и публикѣ и судьямъ и присяжнымъ однимъ изъ видовъ юмористическаго развлеченія.

Въ настоящее время почти во всѣхъ городахъ существуютъ еще и земскіе врачи, но отъ нихъ большой помощи экспертизѣ тоже нельзя ожидать, потому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ и земскіе доктора оказываются далеко не специалистами судебной медицины, а въ другихъ, будучи завалены массою прямыхъ своихъ обязанностей, они уклоняются отъ необходимости являться въ суды въ качествѣ экспертовъ. Вслѣдствіе этого провинціальная экспертиза, вызываемая иногда крайнею необходимостію, имѣетъ почти всегда характеръ совершенно случайный, зависящій отъ того, представляется ли фактическая возможность вызвать къ дѣлу какаго нибудь сторонняго свѣдущаго врача, или нѣтъ. И такое печальное недоразумѣніе будетъ длиться у насъ до тѣхъ поръ, пока суды наши не обзаведутся своими собственными специалистами по судебной медицинѣ—судебными врачами, которые слѣдили бы за развитіемъ этой отрасли медицины и сами содѣйствовали бы ея совершенствованію.

Присяжные засѣдатели при всей своей иногда общей неспеціальности, все же люди понимающіе жизнь, умѣющіе распознавать людей. Они никогда не ошибутся въ опредѣленіи того, что за экспертъ, является передъ ними въ видѣ того, или другаго врача, а потому въ большинствѣ случаевъ, имѣя наглядныя доказательства полной неосостоятельности представляющихся передъ ними экспертовъ, они не вѣрятъ имъ совсѣмъ, не слушаютъ даже ихъ, и пробѣлъ этотъ въ процессѣ, восполняютъ своими собственными выводами и соображеніями. Да наконецъ и самое понятіе о значеніи экспертизы у насъ вообще слабо и ведетъ не рѣдко къ крайне комическимъ положеніямъ.

— А что, если оснoвымъ коломъ, въ три аршина длины и два вершка толщины, ударить человѣка по головѣ изо всей силы, можно ему проломить голову, или нѣтъ? самодовольно спрашиваетъ эксперта молодой, и, очевидно не выдержанный еще опытомъ, товарищъ прокурора.

— Я думаю, что можно, и полагаю, что черепъ человѣка такого удара не выдержитъ, отвѣчаетъ экспертъ.

Присяжные только удивляются, къ чему было прокурору предлагать такой вопросъ, и не ясенъ ли онъ безъ всякой экспертизы.

— Господинъ экспертъ, бойко выкрикиваетъ провинціальный адвокатикъ, вотъ мы установили тотъ фактъ, что подсудимый, дѣйствительно перебилъ потерпѣвшему молотильнымъ цѣпомъ обѣ ноги, вслѣдствіе чего, ему пришлось отнять ихъ до колѣнъ, и онъ теперь безъ ногъ; я признаю этотъ фактъ, но, нѣтъ, извините, горячится онъ, я желалъ бы, чтобы вы доводами науки убѣдили меня, почему такое увѣчые, слѣдуетъ считать тяжкимъ, а не легкимъ.

— Потому, что ползать на колѣнкахъ и не имѣть ногъ, по моему мнѣнію очень тяжело, выпаливаетъ экспертъ, не найдаясь на такой глупый вопросъ отвѣтить чѣмъ нибудь умнѣе.

— Господинъ экспертъ, ваше мнѣніе, отчего такой то лишился сознанія послѣ того, когда его выпихнули изъ кабака.

— Оттого, что дѣло было вечеромъ; потерпѣвшій одержимый бѣлой горячкой, въ пьяномъ видѣ, ловилъ по кабаку «идеальныхъ» чертей, а когда его выгнали въ темноту, ему вѣроятно причудилось что онъ попалъ въ преисподнюю; понятное дѣло, онъ испугался и съ нимъ сдѣлался обморокъ.

Это ли не примѣры научной въ полномъ смыслѣ слова экспертизы.

Одинъ изъ провинціальныхъ судебныхъ слѣдователей пишетъ слѣдующее: «бывая постоянно въ засѣданіяхъ окружнаго суда, когда послѣдній раза два три въ годъ пріѣзжаетъ къ намъ въ городъ на временныя сессіи, я пришелъ къ убѣжденію, что наша провинціальная медицинская экспертиза, своими грубыми незнаніями, производитъ на присяжныхъ одинъ только если можно такъ выразиться, неблагоприятный соблазнъ.

Вотъ вамъ отчетъ о нашихъ наличныхъ медицинскихъ силахъ.

Всего докторовъ у насъ въ городѣ три: одинъ уѣздный, одинъ вольнопрактикующій и, наконецъ, врачъ, завѣдующій земскою лечебницей и въ тоже время четырьмя пріемными покоями, расположенными въ разныхъ центральныхъ пунктахъ уѣзда. Послѣдняго врача я въ счетъ врачей-экспертовъ не ставлю потому, что онъ будучи заваленъ прямою своею работою въ городѣ и множествомъ занятій по уѣзду, никогда судомъ и не вызывается въ качествѣ эксперта, тѣмъ болѣе, что онъ, отъ этой обязанности освобожденъ совсѣмъ по распоряженію своего начальства, какъ имѣющій постоянно на попеченіи у себя множество серьезныхъ больныхъ. Затѣмъ у насъ остаются на лицо еще два врача, уѣздный и вольнопрактикующій. Сначала судъ обыкновенно вызывалъ въ засѣданіе перваго, какъ казеннаго, но наконецъ вынужденъ былъ оставить его въ покоѣ, потому что экспертиза его оказывалась до нельзя слабою.

Вотъ, напримѣръ, вамъ такого рода фактъ:

Спрашиваютъ его на судѣ, какъ велика должна быть доза мышьяка для того, чтобы отравить взрослого человѣка. Кажется, вопросъ не трудный, на который можно отвѣтить со всею положительностію; и что же? экспертъ, т. е. уѣздный врачъ, заявляетъ, что отвѣчать на такой вопросъ безъ какихъ то фармацевтическихъ таблицъ онъ не можетъ.

Другой случай:

— Г. экспертъ, на основаніи какихъ медицинскихъ данныхъ приходите вы къ заключенію, что потерпѣвшій умеръ именно отъ задушенія? спрашиваетъ его защитникъ.

— На основаніи данныхъ перечисленныхъ въ моемъ судебно-медицинскомъ актѣ, объ осмотрѣ и вскрытіи трупа умершаго, отвѣчаетъ врачъ.

— Потрудитесь ихъ перечислить.

— Переломъ въ лѣвой грудной полости двухъ реберъ, поврежденіе гортани, ссадина кожи на поверхностной сторонѣ лѣвой половины лица, отвѣчаетъ врачъ.

— Но вѣдь, всѣ эти поврежденія, можно было причинить человѣку и не задушивъ его, путемъ однихъ только внѣшнихъ механическихъ насилій, пребываетъ защитникъ эксперта.

— Да, можно было... отвѣчаетъ врачъ нерѣшительно.

— Почему же, вы полагаете, что эти поврежденія служатъ доказательствами смерти отъ задушенія.

— Я ничего не полагаю... а на основаніи данныхъ науки утверждаю, что его задушили... возражаетъ сбитый съ позиціи экспертъ.

— Еслибы, добавляетъ онъ, покойнаго не задушили... такъ онъ и не умеръ бы...

— Опять таки, почему вы утверждаете, что его именно задушили, настаиваетъ на своемъ вопросѣ неугомонный защитникъ, какія данныя можете вы представить въ подтвержденіе своего мнѣнія.

— Да я не понимаю, какія вамъ еще данныя нужны... коли вы мнѣ не вѣрите такъ вѣдь вы слышали, что свидѣтели показывали, какъ его мiali да давили.

Эта заключительная ссылка врача эксперта въ подтвержденіе своего научнаго мнѣнія, на то, что видѣли и говорили на судѣ свидѣтели, составила наикурьезнѣйшій моментъ положенія его на судѣ, какъ представителя науки.

Такъ отъ него и не могли никакъ добиться, почему именно онъ допускаетъ и признаетъ несомнѣнное задушеніе потерпѣвшаго.

Въ концѣ концовъ, какъ прокурорскій надзоръ, такъ и окружный судъ, перестали тревожить этого старика эксперта, и онъ не являлся уже болѣе на судъ смѣшить насъ своими научными выводами.

Затѣмъ на смѣну ему для разрѣшенія разныхъ медицинскихъ казусовъ, стали въ засѣданіе суда приглашать вольнопрактикующаго доктора, какъ онъ самъ себя титуловалъ, специалиста по сифилитическимъ и венерическимъ болѣзнямъ. Онъ былъ еще человѣкъ не старый и недостатокъ или, лучше сказать, полное отсутствіе знаній по судебной медицинѣ, восполнялъ большою храбростію и развязностію.

Какой бы вопросъ ему ни былъ предложенъ, онъ никогда не затруднялся отвѣчать на него прямо и положительно и съ большою самоувѣренностію разрѣшалъ такіе спорные случаи, передъ которыми и болѣе талантливый врачъ

специалистъ по судебной медицинѣ, остановился бы въ нѣкоторой нерѣшительности.

Присяжные скоро принаровились къ нему, на всё его положительные выводы стали смотрѣть, какъ на болтовню самолюбиваго но далеко не умнаго чловѣка, и такая экспертиза опять таки составила въ нашихъ судебныхъ дѣлахъ одинъ лишь излишній непроизводительный балластъ.

Скоро и сами предсѣдательствующіе сознали, какъ бы нравственною обязанностію своею, предостерегать присяжныхъ отъ выводовъ этого послѣдняго эксперта, такъ какъ на первый разъ, манерою своею говорить съ апломбомъ и увѣренностію, онъ могъ дѣйствительно въ глазахъ незнающихъ еще его присяжныхъ, вызвать къ себѣ и къ заключеніямъ своимъ извѣстное довѣріе.

Мнѣ неоднократно приходилось бесѣдовать съ присяжными по поводу этихъ двухъ экспертовъ врачей и не разъ слышалъ я отъ нихъ, что несравненно лучшую экспертизу построенную на здоровомъ смыслѣ и осторожности, каждый изъ нихъ можетъ составить въ своемъ убѣжденіи самъ, не прибѣгая къ помощи и посредничеству столь специальныхъ невѣждъ.

Такого рода отзывы о провинціальной экспертизѣ и ея представителяхъ приходится выслушивать очень часто.

Къ чему же послѣ того и приглашать въ судъ подобныхъ экспертовъ, къ чему вводить ихъ въ дѣло, когда значеніе высказываемыхъ ими выводовъ, способно вызывать одну только жалкую улыбку.

А провинціальная наша экспертиза во многихъ уѣздныхъ городахъ, находится именно въ такомъ жалкомъ положеніи, и въ этомъ заключается причина полной ея непопулярности въ средѣ присяжныхъ засѣдателей и недовѣрія къ ея выводамъ.

Обращаясь къ разъясненію другихъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ экспертиза не имѣетъ у насъ въ уголовномъ процессѣ должнаго значенія, укажемъ, что иногда причины эти зависятъ отъ самого свойства и возрѣвнй нашихъ присяжныхъ засѣдателей, и неудовлетворительнаго уровня ихъ умственнаго развитія.

Наука не получила еще у насъ во всей массѣ народа, права гражданства поэтому наши низшія и среднія сословія, выводамъ науки, какъ явленіямъ отвлеченнымъ, и недоступнымъ для ихъ пониманія, не дадутъ еще обязательнаго вѣроятія, тѣмъ болѣе, что нерѣдко эта научная экспертиза специализируетъ свои выводы до такой степени, что пониманіе ихъ представляется затруднительнымъ даже для людей образованныхъ.

Наши простолюдины привыкли вѣрить тому, что они сами, видятъ и понимаютъ, съ положеніями науки они незнакомы, а потому и убѣжденій своихъ на ея выводахъ не основываютъ.

Кромѣ того, экспертизу они считаютъ за пустякъ и относятся къ ней недовѣрчиво потому, что крайняя неудовлетворительность ея вообще доходить иногда на судѣ въ частныхъ случаяхъ до публичнаго пропагандированія та-

вѣхъ нелѣпѣйшихъ вещей и невѣроятнѣйшихъ положеній, которыя представляются явно несостоятельными даже для самаго недалекаго человека.

Мы припоминаемъ всѣмъ известное и надѣлавшее въ свое время много шума дѣло, о поджогѣ въ Петербургѣ Овсянниковымъ мельницы. По этому дѣлу для разъясненія причины, отъ которой могъ произойти пожаръ, было приглашено на судъ нѣсколько экспертовъ, изъ которыхъ одинъ патентованный специалистъ, отъ искренняго убѣжденія своего доказывалъ, что одновременный пожаръ мельницы въ трехъ различныхъ мѣстахъ, произошелъ отъ самовозгаранія мучной трухи или пыли.

Эта специальная экспертиза по Овсянниковскому дѣлу, надѣлала тогда очень много шума даже среди самихъ техниковъ экспертовъ, но мы позволимъ себѣ представить къ разрѣшенію только такого рода вопросъ: съ какими довѣріемъ отнеслись бы къ подобной экспертизѣ двѣнадцать человекъ крестьянъ присяжныхъ, въ томъ случаѣ, если бы о пожарѣ какой-нибудь другой мельницы, передъ ними стали бы доказывать, что она «самовозгорѣлась отъ пыли».

А вѣдь эксперта уличить во лжи нельзя или по крайней мѣрѣ очень трудно; на то онъ экспертъ, и при всякомъ сомнѣніи къ его выводамъ онъ можетъ сказать, зачѣмъ же меня приглашали ради науки, когда научнымъ выводамъ моимъ не вѣрятъ, или не хотятъ вѣрить.

Нерѣдко научная экспертиза, не только что не способствуетъ выясненію обстоятельствъ дѣла, а напротивъ своею неопредѣлительностію и разнорѣчіями во взглядахъ, производитъ въ умахъ присяжныхъ одну только путаницу понятій.

На очереди какое-нибудь серьезное дѣло, объ убійствѣ. Мотивъ убійства ревность, отчаяніе, отвергнутая любовь, или что-либо подобное въ чисто современномъ стилѣ.

Подсудимый является на судъ въ обстановкѣ человека, совершившаго убійство не въ нормальномъ состояніи своихъ умственныхъ способностей, какъ напримѣръ въ состояніи экстаза, аффекта страсти или какого-либо иного психическаго разстройства, развившагося въ немъ или за нѣсколько времени передъ совершеннымъ имъ преступленіемъ или даже въ моментъ самаго совершенія его.

И вотъ на судъ въ качествѣ экспертовъ, являются нѣсколько человекъ врачей, специалистовъ своего дѣла въ полномъ смыслѣ слова.

Судебное слѣдствіе кончено, наступаетъ моментъ экспертизы.

Врачи эксперты выступаютъ передъ присяжными одинъ за другимъ, каждый изъ экспертовъ излагаетъ передъ ними чуть не цѣлые трактаты по своей специальности, медицинскія положенія, сопоставленія, выводы, слѣдуютъ одни за другими, и вся эта ученая рѣчь пересыпается цѣлымъ рядомъ непонятныхъ для присяжныхъ латинскихъ терминовъ на столько же ненужныхъ, на сколько обременительныхъ лишь для памяти присяжныхъ засѣдателей. Рѣчи экспертовъ дѣйствуютъ на нихъ утомительно, они силятся запомнить

ихъ, записываютъ себѣ для памяти, что каждый изъ нихъ говорилъ, какое высказалъ окончательное убѣжденіе, и вотъ въ результатѣ этихъ выводовъ всѣхъ четырехъ экспертовъ, являются слѣдующія научныя данныя.

Специалистъ психіатръ заявляетъ, что подсудимый, или подсудимая въ моментъ совершенія преступленія, находились въ состояніи болѣе или менѣе сильнаго экстаза, неисключающаго однако же въ данномъ случаѣ вибняемости, такъ какъ эта форма мгновенно появляющагося психическаго пораженія, не сопровождается полною потерей здраваго сужденія.

Другой специалистъ, ученый профессоръ—высказывается въ томъ смыслѣ что по его глубокому убѣжденію, преступленіе было совершено въ состояніи здраваго разсудка при полномъ обладаніи умомъ и волей; третій экспертъ, на основаніи тѣхъ же обстоятельствъ дѣла, усматриваетъ въ нравственномъ состояніи подсудимаго два момента, изъ которыхъ первый, передъ самымъ совершеніемъ преступнаго акта, когда подсудимый былъ одержимъ по его мнѣнію такимъ пароксизмомъ, душевной «встряски» (подлинное выраженіе), что способность управлять своею волей и соображать послѣдствія своего дѣянія были въ немъ совершенно подавлены, и затѣмъ, второй наступившій вслѣдъ за совершеннымъ уже преступленіемъ, когда къ подсудимому возвратилось полное сознаніе его и вполне разумное отношеніе къ окружающей его обстановкѣ.

Наконецъ, четвертый экспертъ, едва ли не самый основательный по высказанной имъ экспертизѣ заявилъ, что вопросъ поставленный въ данномъ дѣлѣ на разрѣшеніе экспертовъ, по совершенной недостаточности выясненныхъ на предварительномъ и судебномъ слѣдствіи данныхъ, ни въ утвердительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ, разрѣшенъ быть не можетъ, и оставляетъ мѣсто для однихъ только болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній.

Итого при четырехъ экспертахъ, было высказано передъ присяжными чуть ли не пять различныхъ мнѣній одно другому противоположныхъ и по существу, и по степени личнаго убѣжденія каждаго отдѣльнаго эксперта. Въ то время, какъ двое изъ нихъ высказали свои выводы со всею положительностію, третій выразилъ въ своемъ отвѣтѣ и да и нѣтъ, а четвертый просто заявилъ, что вопросъ о душевномъ состояніи подсудимаго, въ моментъ совершеннаго имъ преступленія, не можетъ быть въ данномъ случаѣ разрѣшенъ по недостатку къ тому достаточныхъ данныхъ.

Какое же должно быть положеніе присяжныхъ, въ виду такой въ полномъ смыслѣ слова шаткой и неопредѣленной специальной экспертизы; кому изъ экспертовъ вѣрить, кому не вѣрить и какъ не потерять головы отъ такого разнообразія въ мнѣніяхъ свѣдущихъ людей, которое въ экспертизѣ по крайней мѣрѣ, не можетъ быть ужъ ни въ какомъ случаѣ отнесено къ числу достоинствъ ея.

Если такіе случаи бываютъ въ столицахъ, то чего же ожидать въ провинціи.

Вотъ почему присяжные засѣдатели въ большинствѣ случаевъ относятся

къ экспертамъ недовѣрчиво, скептически и во всякихъ мнѣніяхъ и выводахъ ихъ, какіе бы они ни были, за или противъ подсудимыхъ, видятъ прежде всего не свидѣтельство о фактѣ несомнѣнномъ и вполне достоверномъ, а только болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе о какомъ то неосязасмомъ для нихъ предметѣ.

Въ провинціи такого рода разношерстная экспертиза, случается сплошь и рядомъ, гдѣ противорѣчающія нерѣдко одно другому мнѣнія ея, въ виду многочисленной публики, при массѣ внимающаго экспертамъ народа, принимаютъ характеръ чисто личной, полемической борьбы, между двумя враждующими специалистами, въ большинствѣ случаевъ врачами, не съ цѣлію выясненія спорнаго вопроса экспертизы и установленія того или другаго положенія ея, съ пользою для дѣла, а для того чтобы въ публичной борьбѣ, сразить уничтожить одинъ другаго, выставить на видъ свой авторитетъ, свои знанія, а противника показать неучемъ, втоптать его въ грязь, покорвать репоме къ его медицинскимъ знаніямъ.

Что подобныя турниры личныхъ отношеній на полѣ судебской экспертизы у насъ не рѣдкость, это, надѣемся мы, подтвердятъ очень многіе судебные дѣятели, а въ томъ числѣ и присяжные засѣдатели, изъ лицъ достаточно образованныхъ для того, чтобы въ каждомъ случаѣ состязанія между двумя экспертами съумѣть усмотрѣть и отдѣлать задачи правосудія, отъ личныхъ стремленій и цѣлей каждаго изъ нихъ, при такомъ публичномъ препирательствѣ навредить одинъ другому и выставить другъ друга передъ публикою съ невыгодной стороны.

Въ этомъ тоже заключается одна изъ причинъ, почему присяжные засѣдатели, очень часто устраниаютъ совсѣмъ экспертизу, при разсмотрѣніи дѣла и рѣшаютъ болѣе правильно вопросы о вѣрности или невѣрности на основаніи своего собственного здраваго смысла, тщательнаго изученія обстоятельствъ дѣла и ознакомленія съ личностью подсудимаго.

Нерѣдко доводы экспертовъ въ мнѣніяхъ нашихъ присяжныхъ, какъ это неоднократно уже случалось и въ нашей судебной практикѣ, не только что не принимаются ими совсѣмъ во вниманіе, при разрѣшеніи дѣлъ, а напротивъ вердикты свои они постановляютъ прямо противоположно высказываемымъ экспертами взглядамъ.

Укажемъ на случай подобнаго рода.

20 сентября 1878 года, въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ слушалось дѣло о крестьянинѣ Громовѣ, обвинявшемся въ убійствѣ своей родной дочери. Какъ на предварительномъ, такъ равно и на судебномъ слѣдствіи было совершенно точно и ясно доказано, что Громовъ нанесъ своей дочери большимъ ножомъ до тридцати ранъ, отчего она и умерла. Самъ Громовъ сознался въ своемъ преступленіи, но добавилъ, что убійство дочери совершено было имъ въ состояніи «потемнѣнія разсудка», и что онъ не помнитъ какъ все это произошло.

Вызванные по дѣлу въ качествѣ экспертовъ, четверо лучшихъ столичныхъ

врачей психіатровъ, по обсужденіи всего того, что они видѣли и слышали на судѣ по дѣлу Громова, ознакомившись наконецъ совершенно обстоятельно какъ съ личностію его самого, такъ и съ его прошлымъ, пришли къ единогласному заключенію, что Громовъ въ моментъ совершенія имъ убійства дочери своей, находился въ точно доказанномъ припадкѣ умоизступленія.

Присяжные засѣдатели однакоже отвергли фактъ умоизступленія Громова, и вмигнули ему въ вину совершенное имъ преступленіе, несмотря даже на то, что по этому дѣлу было несомнѣнно доказано, что Громовъ по временамъ дѣйствительно страдалъ галлюцинаціями, что въ такомъ состояніи онъ гонялся за людьми съ ножомъ, и однажды чуть было не зарѣзалъ одного крестьянина.

При такихъ условіяхъ можно было бы пожалуй подумать, что присяжные засѣдатели, отвергнувъ единогласное заключеніе четырехъ вполне солидныхъ экспертовъ, поступили крайне опреметчиво и несомнительно, а тѣмъ болѣе въ ущербъ положенію и судьбѣ подсудимаго, признавъ его виновнымъ, въ столь тяжкомъ преступленіи, тогда какъ эксперты нашли его безусловно, невмѣняемымъ. На самомъ же дѣлѣ слѣдуетъ неволью склониться въ пользу совершенно правильнаго мнѣнія присяжныхъ, выразившагося въ ихъ обвинительномъ приговорѣ, и вотъ почему. Если бы въ виду такой положительной экспертизы, высказавшейся въ пользу подсудимаго, присяжные осудили въ дѣйствительности человѣка сумасшедшаго и слѣдовательно невмѣняемаго, то конечно коронный судъ воспользовался бы своимъ правомъ передачи дѣла на разсмотрѣніе другаго состава присяжныхъ. Въ данномъ случаѣ этого однако же не случилось. Изъ этого видно, что судъ и съ своей стороны примкнулъ къ мнѣнію присяжныхъ, а это въ значительной степени подтверждаетъ въ общественномъ мнѣніи правильность приговора присяжныхъ, и не умаляетъ такихъ выводовъ ихъ, которые, повидимому, разошлись съ выводами науки. Иногда авторитетность экспертовъ не имѣетъ въ глазахъ присяжныхъ особеннаго значенія и потому еще, что предметомъ экспертизы является какое нибудь обстоятельство, самого обыденнаго свойства, доступное пониманію и не специалистовъ.

Въ одномъ провинціальномъ окружномъ судѣ, смотритель духовнаго училища обвинялся передъ присяжными въ томъ, что высѣкъ за шалость 12-ти лѣтнаго мальчика розгами, а такъ какъ по прошествіи нѣкотораго времени мальчикъ этотъ заболѣлъ и въ теченіи года умеръ отъ чахотки, то смотритель училища обвинялся въ томъ, что причинилъ мальчику такіа истязанія, послѣдствіемъ которыхъ онъ умеръ.

Экспертъ, докторъ медицины, и притомъ профессоръ, авторитетное лицо, высказался какъ при предварительномъ слѣдствіи, такъ равно и на судѣ въ томъ смыслѣ, что мальчикъ до наказанія его розгами имѣлъ предрасположеніе къ чахоткѣ, которая скоротечно развилась и въ теченіи года окончилась смертельнымъ исходомъ, исключительно отъ того, что мальчикъ былъ высѣченъ розгами. Такимъ образомъ, экспертиза устанавливала наказаніе мальчика

розгами, какъ единственную причину скоротечно возникшей у него чахотки, отъ которой онъ умеръ.

Присяжные засѣдатели не повѣрили однако же, эксперту, отвергли связь, между незначительнымъ наказаніемъ мальчика и причиною его смерти, и оправдали смотрителя училища.

Данный случай указываетъ, что авторитетность эксперта не всегда имѣеть значеніе въ глазахъ присяжныхъ, даже и въ томъ случаѣ, когда въ составъ ихъ входятъ одни лишь простолюдины, какъ было въ данномъ случаѣ, и что при оцѣнкѣ выводовъ экспертизы, присяжные засѣдатели не оставляютъ безъ вниманія и свои обще-житійскіе взгляды, на разныя обыденныя явленія.

Такъ въ данномъ случаѣ, присяжные не повѣрили эксперту, потому что, по ихъ мнѣнію, 12 розогъ не могли свести мальчика въ могилу, а могъ онъ умереть и получить самую скоротечную чахотку отъ какой-либо другой причины.

Въ другомъ сходномъ случаѣ, обвиненіе въ истязаніи мальчиковъ учениковъ, мотивировано было тѣмъ, что попечитель училища наказывалъ ихъ за разныя шалости, лѣнь и нерадѣніе, розгами до 15 ударовъ «на брата».

На судъ по этому дѣлу, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, представлены были два пучка розогъ, которыми, по словамъ обвиненія, поразили и драли ребятишекъ. Одинъ изъ этихъ пучковъ былъ изъ рябиновыхъ прутьевъ, а другой изъ березовыхъ.

Для большаго убѣжденія присяжныхъ въ томъ, что наказаніе подобными розгами должно быть непремѣнно приравнено къ истязаніямъ, обвиненіе вызвало въ засѣданіе суда врача эксперта. Еще передъ началомъ экспертизы, присяжные совершенно основательно замѣчали, что въ такомъ дѣлѣ мнѣніе врача для нихъ совершенно излишне, ибо кто же изъ нихъ не въ состояніи разсудить, что значать въ дѣйствительности 10 — 15 розогъ данныхъ отеческой рукой шалуну, лѣтъ двѣнадцати, за лѣность или за что-либо подобное.

Не менѣе того, экспертиза состоялась и притомъ въ самой пышной мажровой формѣ.

Прежде всего, вызванный въ судъ экспертъ, въ развитіе передъ трибуналомъ присяжныхъ, основной мысли своей экспертизы объ истязаніи, путемъ розогъ, прочелъ имъ цѣлый трактатъ «о происхожденіи» этого рода наказанія. Затѣмъ, попрекнувъ прежніе, но его словамъ дурные нравы, относившіеся безъ уваженія къ физической неприкосновенности человѣка, онъ коснулся вопроса о цѣлесообразности наказанія ребятишекъ розгами, въ смыслѣ исправительной мѣры, что замѣтимъ кстати, ни въ какомъ случаѣ не могло уже входить въ область разсужденій его какъ эксперта медика, а не воспитателя и педагога, которымъ приличны было бы разрѣшать подобные, чисто педагогическаго свойства вопросы. Затѣмъ, экспертъ перешелъ къ опредѣленію того, что значить сѣчь розгами, коснулся вопроса объ ощущеніяхъ, испытываемыхъ при этомъ наказаніи, и развивая передъ присяжными физическіе законы

сѣченія какъ акта, дѣйствующаго на пораненіе кляѣтчатки и кожи, въ связи съ возбужденіемъ какихъ то нервныхъ волоконъ, опредѣляя значеніе параллелограмма силъ, дѣйствующаго при сѣченіи, и рычага второго рода, въ видѣ сѣкущей руки съ пучкомъ розогъ.

Установивъ послѣ того воображаемую точку опоры этого рычага, экспертъ вывелъ «по наукѣ» заключеніе, что степень болѣзненности ощущеній на тѣлѣ мальчиковъ, зависѣла отъ силы взмаховъ розгами съ плеча или отъ локтя, должна была увеличиваться пропорціонально длинѣ прутьевъ, гибкости ихъ, высотѣ взмаха, и большей или меньшей упругости плоскости сѣченія.

Экспертиза эта имѣвшая значеніе чуть ли не популярной лекціи о физиологическомъ значеніи процесса сѣченія розгами, продолжалась около часа времени, присяжные сидя на своихъ мѣстахъ, во все время ея только переглядывались между собою, выражали очевидное нетерпѣніе отдѣлаться скорѣе отъ этого «общепонятнаго изложенія розочнаго вопроса», и конечно не придали никакого значенія ученымъ выводамъ и заключеніямъ врача, о томъ что единичный даже ударъ розгой по тѣлу мальчика, слѣдуетъ считать безусловнымъ актомъ истязанія человѣка.

Для каждаго изъ нихъ было понятно, что такой выводъ эксперта «одни только слова».

Какъ люди практическіе, присяжные засѣдатели не согласились съ врачомъ оправдали злополучнаго попечителя училища, противу котораго была направлена такая «спеціальная» экспертиза, при чемъ старшина присяжныхъ совершенно основательно замѣтилъ, что эксперту не изъ за чего было и огородъ городить, такъ какъ десятокъ розогъ данныхъ, какому нибудь шалууну мальчику, лѣтъ четырнадцать, не смотря ни на какіе доводы и научныя мнѣнія экспертовъ, присяжные никогда не признаютъ за истязаніе, въ которомъ они по здравому своему смыслу, прежде всего понимаютъ умышленное причиненіе кому бы то ни было мученій, только мученій ради.

Нѣкоторые изъ присяжныхъ засѣдателей принадлежащихъ къ числу людей развитыхъ удостовѣряютъ, что иногда въ заключеніяхъ экспертовъ, вредить дѣлу излишняя казуистика ихъ, которая сбиваетъ понятія присяжныхъ о фактѣ и не даетъ имъ возможности остановиться на чемъ нибудь одномъ.

Въ примѣръ подобной казуистики, можно привести дѣло одного крестьянина Дементьева, судившагося за убійство своего роднаго дяди.

Свидѣтельскими показаніями по этому дѣлу было несомнѣнно установлено, что Дементьевъ ударивъ своего дядю по головѣ, свалилъ его на землю и затѣмъ началъ бить чѣмъ попало и топтать ногами, послѣ чего по прошествіи нѣсколькихъ часовъ побитый скончался.

Эксперты признали, что побои причиненные Дементьевымъ дядѣ своему были тяжкіе смертельныя, но добавили, что въ моментъ нанесенія ихъ, они не угрожали непосредственною опасностію для жизни убитаго. Что хотѣли выразить этимъ эксперты понять трудно, такъ какъ вторая половина ихъ заключенія, противорѣчила первой или лучше сказать исключала её совсѣмъ,

а потому присяжные въ виду такой технической научной путаницы экспертовъ, спутались и сами, и отвѣтивъ утвердительно на вопросъ суда о виновности Дементьева въ нанесеніи своему дядѣ тяжкихъ смертельныхъ побоевъ, они къ отвѣту своему въ тоже время добавили, что послѣдній умеръ не отъ побоевъ т. е. сообразно съ выводами экспертовъ, перемѣшали и свои собственные понятія о составѣ преступленія.

Помимо главнѣйшей судебной-медицинской экспертизы, другая наиболѣе чаще встрѣчаемая въ судахъ нашихъ экспертиза, заключается въ сличеніи различныхъ почерковъ и документовъ въ дѣлахъ о подлогахъ.

Эта экспертиза по своему свойству, представляется самою рискованною; присяжные засѣдатели, почти что никогда не принимаютъ ее въ соображеніе, да и сами судьи не считаютъ ее доказательствомъ такимъ, на которомъ при отсутствіи какихъ-либо другихъ данныхъ, возможно было бы основывать какое бы то ни было обвиненіе.

Хотя законъ и устанавливаетъ, что въ экспертизѣ такого рода, специалистами должны быть приглашаемы на судъ учителя чистописанія, граверы и секретари присутственныхъ мѣстъ, на томъ основаніи, что лица этой категоріи по обязанностямъ своихъ профессій, имѣютъ возможность изучать характеры различнаго рода почерковъ, но такого рода выводъ представляется нѣсколько одностороннимъ и сама судебная практика даетъ намъ не мало указаній, что въ дѣлѣ сличенія разнаго рода почерковъ и документовъ, присяжные изъ лицъ грамотныхъ и образованныхъ, никогда не довѣряютъ въ этомъ случаѣ экспертамъ, а ставятъ самихъ себя въ положеніе экспертовъ, сами производятъ осмотры и сличенія документовъ и дѣлаютъ изъ нихъ тѣ или другіе выводы.

До какой степени рискованно бываетъ довѣряться экспертизѣ сличенія почерковъ, можетъ служить примѣромъ дѣло чиновника Грекова судившагося въ Харьковскомъ окружномъ судѣ за мошенничество, выразившееся въ томъ, что получивъ въ уплату долга деньги по документу и, выдавъ будто бы въ томъ росписку; онъ предъявлялъ вторичное требованіе о взысканіи въ его пользу тѣхъ же денегъ.

Подсудимый отрицая приписываемую ему виновность въ мошенничествѣ удостовѣрялъ, что представленная къ дѣлу отъ имени его росписка подложная, что подпись его на ней ему не принадлежитъ, что онъ такой росписки не выдавалъ и денегъ не получалъ.

Эксперты, учителя чистописанія, признали однакоже, на предварительномъ слѣдствіи, что оспариваемая Грековымъ на документѣ подпись его, принадлежитъ дѣйствительно ему, тоже самое подтвердили они и на судебномъ слѣдствіи, и такимъ образомъ на основаніи ихъ экспертизы, не виноватый въ сущности человекъ, могъ бы быть обвиненъ по дѣйствительно подложному документу въ мошенничествѣ.

На этотъ разъ ничего подобнаго не случилось потому только, что свидѣтели выставленные защитой, въ подтвержденіе того, что росписка отъ име-

ни Грекова представляет собою действительно подложный документъ и умышленно была составлена другимъ лицомъ съ тѣмъ, чтобы обвинить Грекова въ мошенничество, удостовѣрили вполне на судѣ эти обстоятельства, вслѣдствіе чего Грековъ и былъ присяжными оправданъ.

Въ нашей судебной практикѣ нерѣдко случается, что въ качествѣ экспертовъ, вызываются на судъ лица изъ такого разряда людей, которые особеннымъ своимъ развитіемъ не отличаются, а потому не въ состояніи бываютъ установить въ своихъ выводахъ и сужденіяхъ, ту осторожность, съ которою всякій экспертъ обязанъ давать свои заключенія. Между тѣмъ, самое званіе эксперта на личность не вполне развитаго человѣка, дѣйствуетъ въ направленіи крайне неблагоприятномъ для самой экспертизы.

Сознавая свое значеніе на судѣ, эксперты такой категоріи, подъ вліяніемъ ложнаго чувства самообольщенія, готовы нерѣдко считать себя чуть ли не полновластными рѣшителями судьбы обвиняемаго, а относясь къ исполненію своего долга, преимущественно съ такой ложной точки зрѣнія, они, конечно, оказываютъ плохую услугу правосудію.

Чрезмѣрная самонадѣянность ихъ ведетъ къ тому, что они готовы разрѣшать такіе вопросы, относительно которыхъ болѣе осторожные и развитые представители экспертизы, никогда не рѣшились бы высказываться съ такою беззащитною положительностію.

По этому во взглядахъ большинства присяжныхъ засѣдателей, заключенія экспертовъ очень часто не имѣютъ рѣшительнаго значенія, и слѣдуетъ одобрять только тотъ взглядъ на экспертизу со стороны нашихъ судей со-вѣсти, когда, не забывая ни на одну минуту своихъ судейскихъ обязанностей, они не довѣряются безусловно искушеніямъ и выводамъ экспертизы въ ту или другую сторону, а относятся къ ней критически, какъ и ко всѣмъ другимъ даннымъ судебного слѣдствія, которыя они должны тщательно разбирать и взвѣшивать для того, чтобы постановить вполне правильный приговоръ.

Во многихъ случаяхъ, понятію объ экспертизѣ наши судьи и представители обвинительной власти, придаютъ слишкомъ распространительное значеніе, а потому нерѣдко эксперты являются у насъ на судѣ по такимъ дѣламъ, по которымъ въ сущности экспертиза бываетъ вовсе не нужна.

Въ письмѣ одного присяжнаго засѣдателя читаемъ мы слѣдующее:

«Въ нашемъ округѣ, лица прокурорскаго надзора почему то усвоили себѣ тотъ неправильный взглядъ на дѣло, что чуть не по всякому дѣлу выводятъ на сцену совершенно безнужныхъ экспертовъ и въ этомъ полагаютъ какую-то заслугу свою передъ правосудіемъ.

Они поставили себѣ, какъ бы правиломъ, каждое дѣло представлять на судъ со всѣми указанными въ законѣ способами для того, чтобы уличить преступника, обставить обвиненіе возможно большимъ количествомъ данныхъ, устраняя совершенно изъ вида то простое соображеніе, что не по каждому же дѣлу можетъ встрѣтиться необходимость въ приглашеніи на судъ какого-нибудь специалиста эксперта, въ родѣ доктора и т. д.

Подобный взглядъ, по нашему мнѣнію, представляется совершенно неправильнымъ, и можетъ быть объясненъ только желаніемъ, или невинною уловкою нашихъ, въ большинствѣ случаевъ, молодыхъ и неопытныхъ обвинителей, показать передъ начальствомъ, что мы де не виноваты въ томъ, что присяжные часто оправдываютъ; мы и свидѣтелей вызываемъ цѣлыми массами, и экспертовъ приводимъ на судъ, всѣми силами стараемся, и все таки даромъ: присяжные экспертовъ не признаютъ, выводовъ ихъ не слушаютъ, рѣчамъ нашимъ не внимаютъ и, зная себѣ, оправдываютъ. Такія побужденія не чужды нашихъ молодыхъ господъ обвинителей, мы и говоримъ имъ это не въ укоръ, относясь совершенно снисходительно къ ихъ не выработавшимся еще практикою приемамъ и взглядамъ; но суть въ томъ, зачѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ и кстати и некстати, преподносятъ намъ всегда экспертовъ; зачѣмъ заставлять насъ выслушивать совершенно бесполезную иногда болтовню ихъ, когда мы и безъ экспертовъ обладаемъ на столько, житейски по крайней мѣрѣ, правильными взглядами на жизнь и окружающую насъ обстановку, что сами безъ всякой сторонней помощи, можемъ разрѣшать по своему, совершенно удовлетворительно, многіе такіе вопросы, ради которыхъ насъ обязываютъ выслушивать разныхъ специалистовъ, «людей науки», какъ они сами себя называютъ.

Укажу вамъ въ подтвержденіе своихъ словъ, на нѣсколько прихѣровъ изъ личной моей практики, какъ присяжнаго засѣдателя.

Подсудимый былъ задержанъ ночью на чердакѣ сарая съ бѣльемъ, которое хотѣлъ украсть. На допросѣ онъ показалъ, что самъ не помнитъ, какъ попалъ на чердакъ, потому что сильно былъ пьянъ. Изъ дѣла выяснилось, что ходъ на чердакъ былъ черезъ люкъ, устроенный на крышѣ, для складыванія сѣна, а на крышу сарая можно было залѣзть съ сосѣдняго двора по лѣстницѣ.

Кажется дѣло ясно, къ объясненіямъ подсудимыхъ о томъ, что ничего дѣлать не помню, потому что былъ до безчувствія пьянъ, присяжные уже привыкли, а потому имъ не вѣрятъ, и впереди этому подсудимому безъ всякихъ сомнѣній предстояло обвиненіе.

Между тѣмъ прокуроръ вызвалъ на судъ двухъ врачей экспертовъ, для того, чтобы разъяснить намъ, т. е. присяжнымъ вопросъ о томъ, можетъ ли человекъ въ сильно пьяномъ состояніи, взобраться по лѣстницѣ на крышу сарая и затѣмъ гребнемъ крыши, на протяженіи шести сажени, пробраться до люка и оттуда спуститься на чердакъ, точно будто-бы на такіе пустяки у насъ у самихъ не хватило бы смѣлки.

Когда этотъ хитрый вопросъ былъ предложенъ экспертамъ, то они оба призадумались, но очевидно не надъ трудностію его разрѣшенія.

— Я ожидаю вашихъ мнѣній по этому вопросу, такъ какъ они должны устранить въ конецъ объясненія подсудимаго, что онъ въ такой сильной степени опьяненія, въ силахъ былъ дѣлать по чужимъ крышамъ, такія рискованныя экскурсіи, обратилъ товарищъ прокурора къ обоимъ врачамъ.

— Я не знаю въ какой степени подсудимый былъ въ то время пьянъ, отвѣчалъ одинъ изъ врачей, а потому и не могу вамъ дать положительнаго отвѣта на вашъ вопросъ, однакоже допускаю возможность того, что нерѣдко пьяные люди могутъ удивлять и трезвыхъ, смѣлостію и рискованностію своихъ движеній.

Прокуроръ поморщился, экспертиза высказалась не въ его сторону.

— Ваше мнѣніе по этому предмету обратился онъ къ другому врачу.

— Я затрудняюсь дать вамъ какой бы то ни было отвѣтъ на предложенный намъ вопросъ, отвѣчалъ второй врачъ совершенно серьезно, и полагаю, что съ большею компетентностію онъ могъ бы быть разрѣшенъ не врачами, а акробатами и трубочистами, какъ лицами привыкшими къ разнымъ акробатическимъ приемамъ и лазаніямъ по лѣстницамъ и крышамъ.

Взрывъ хохота раздался въ залѣ послѣ этихъ словъ эксперта. Разсмѣялись всѣ, начиная съ публики и кончая судьями. Одинъ только прокуроръ, озабоченный такимъ неудачнымъ отвѣтомъ вызваннаго имъ эксперта, не разсмѣялся и съ недовольнымъ видомъ посмотрѣлъ на него, но и онъ не выдержалъ, когда самъ подсудимый въ разъясненіе неудовлетворительной экспертизы, сталъ картинно показывать и объяснять, какъ онъ на крышѣ будучи въ пьяномъ видѣ, чтобы не свалиться внизъ, больше все шелъ «не на своихъ ногахъ, а примѣрно ракомъ положь на четырехъ».

Ну какъ не сказать, что экспертиза въ подобномъ дѣлѣ, совершенно ясномъ для всѣхъ и каждаго, была совершенно излишнею, а между тѣмъ, она съ разными вступленіями и пререканіями прокурора съ врачами, отняла у суда и присяжныхъ, непроизводительно потраченнаго времени болѣе часа».

Соглашаясь совершенно съ этимъ выводомъ нашего корреспондента присяжнаго, укажемъ, и съ своей стороны, на нѣкоторые другіе случаи подобнаго же неосновательнаго вызова въ судъ экспертовъ, при отсутствіи всякой въ нихъ для дѣла необходимости.

Подсудимый изъ запертой конюшни укралъ узду, сломавъ при этомъ замокъ, которымъ конюшня была заперта. По словамъ самого потерпѣвшаго, замокъ былъ «благой». Ограничиваясь этими фактами, прокуроръ имѣлъ достаточныя основанія, обвинять подсудимаго въ кражѣ узды со взломомъ замка, но молодой обвинитель, для такого въ сущности пустаго дѣла, не ограничился такимъ относительно серьезнымъ обвиненіемъ, а поднялъ его несравненно выше. Основываясь на личномъ своемъ предположеніи, что замокъ при конюшнѣ, подсудимый никакъ не могъ сломать руками, безъ посредства какого-либо твердаго тѣла, прокуроръ сдѣлалъ изъ этого совершенно произвольный выводъ, что для совершенія кражи, подсудимый имѣлъ при себѣ для взлома замка какое-нибудь орудіе. На этомъ основаніи къ подсудимому было предъявлено обвиненіе въ вооруженной кражѣ, а для подтвержденія основнаго своего вывода, о невозможности сломать замокъ однѣми руками, прокуроръ вызвалъ на судъ въ качествѣ эксперта, какого то ученаго литейщика и слесаря изъ депо ближайшей желѣзно-дорожной станціи.

— Вот этот замок, когда онъ былъ въ крѣпкомъ видѣ и запертъ, можно ли его было сломать однѣми руками? обратился прокуроръ, на судѣ къ нѣмцу эксперту, указывая ему на замокъ, находившійся въ рукахъ судебного пристава.

Нѣмецъ взявъ замокъ въ руки, глубокомысленно осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, подулъ въ него, повертѣлъ въ рукахъ, и положилъ на столъ.

— Руками сломать не можно, карашо, крѣпко дужка на шейка сидить... не можно рукамъ... отозвался онъ, на вопросъ прокурора, нужно дужка съ шейка долотомъ зъ молотокъ ломать.

Я больше не имѣю вопросовъ, законически заявилъ прокуроръ, совершенно удовлетворенный экспертизой.

Присяжные осмотрѣли дрянной замочекъ, невинно улынулись въ сторону нѣмца эксперта и очевидно, вопросъ о взломѣ его, порѣшили своею личною экспертизою, совершенно иначе.

— Возьмите вы въ толкъ господа присяжные, господа судьи, заговорилъ вдругъ изъ за рѣшетки подсудимый, озадаченный такой экспертизой нѣмца... что онъ примѣрно нѣмецъ, на счетъ долота, али молотка... одни это только слова, а я вашей—милости доложу... такихъ замковъ, въ лавкѣ у Апанаса Ивановича, напротивъ пожарной каланчи, сколько угодно, и примѣрно, прикажите сейчасъ принести ихъ сюда сколько угодно, и мы значить, со всѣмъ удовольствомъ показать можемъ, первое... значить, пальцемъ дужку у него къ низу прижмешь, она трескъ съ пружинки дастъ, машинка эта самая въ сторону подается и нѣтъ тебѣ замка, безъ всякаго препятства... на что нѣтъ молотокъ и долото... слова это одни; вотъ какъ передъ Господомъ номирать, окромя рукъ, другаго струмента у меня не было, объяснялъ подсудимый, стараясь со всею откровенностію разъяснить передъ судомъ, процессъ разломація замка, при помощи однѣхъ только рукъ, и понимая что молотокъ и долото, пригннутые къ его дѣлу, могутъ придать ему очень много нежелаемаго вѣса.

— Безъ молотокъ, не можно... нужно ломать молотокъ, донесся съ одной изъ скамеекъ, голосъ оскорбленнаго въ своей экспертизѣ нѣмца.

Судъ вызвалъ къ дополнительному допросу потерпѣвшаго.

Последній, относительно замка, добавилъ, что онъ купленъ былъ дѣйствительно въ лавкѣ Апанаса Ивановича, что вся то цѣна ему 15 коп., что онъ былъ благой, и что самъ онъ, потерпѣвшій, нерѣдко отворялъ его безъ ключа.

— Надавишь, его значить по крѣпче... онъ и щелкнетъ—заперся, тиснешъ маленько въ сторону—отворится, объяснялъ потерпѣвшій.

Конечно, выводомъ этой нѣмецкой экспертизы, были достигнуты результаты прямо противоположные тѣмъ, которые предполагалось получить; вооруженная—по обвинительному акту кража, вердиктомъ присяжныхъ была обращена въ простую кражу безъ взлома, и конечно совершенно сираведливо.

Не странно ли напримѣръ, видѣть что иногда по дѣламъ о поджогахъ у насъ вызываются на судъ въ качествѣ экспертовъ пожарные чины разныхъ

степеней, начиная от брантшейстеровъ и кончая низшими служителями, для разрѣшенія вопроса о томъ, слѣдуетъ ли подожженное строеніе считать находящимся отъ другихъ жилыхъ и нежилыхъ помѣщеній, въ близкомъ или не близкомъ разстояніи. Очевидно, что такой вопросъ не требуетъ для его правильнаго разрѣшенія, никакихъ спеціальныхъ познаній, и зависитъ отъ множества самыхъ разнообразныхъ причинъ, каждаго отдѣльнаго случая, для разрѣшенія которыхъ, совершенно достаточно здраваго смысла и правильнаго взгляда на вещи.

Или напримѣръ, по требованію защиты подсудимаго, судъ вызываетъ сборный составъ экспертовъ изъ врача, каллиграфа и ученаго рисовальщика, для того, чтобы они по обзорѣннн нормальнаго почерка руки подсудимаго и спорнаго документа, составляющаго по дѣлу, предметъ обвиненія въ подлогѣ опредѣлили бы: былъ ли написанъ подсудимымъ тотъ документъ въ трезвомъ или нетрезвомъ состояніи.

Къ чему спрашивается можетъ привести такая экспертиза, какое значеніе можетъ имѣть утвердительное или отрицательное разрѣшеніе предложеннаго ей вопроса, и не ясно ли для всѣхъ и каждаго, что трезвый человѣкъ можетъ умышленно исказить свой почеркъ до неузнаваемости, для того, чтобы придать ему характеръ письма нетрезваго состоянія.

Присяжные засѣдатели, какъ люди житейской среды, очень хорошо и безъ всякой экспертизы понимаютъ правтическое значеніе подобныхъ пріемовъ подсудимыхъ.

Но главное, при чемъ въ такой экспертизѣ былъ «ученый рисовальщикъ», воспроизводитель на полотнѣ, бумагѣ и стеклѣ разныхъ классическихъ греческихъ голововъ, волею судьбы, или лучше сказать прокурора, приведенный въ судъ для того, чтобы рѣшить столь неподходящій къ его специальности вопросъ: въ пьяномъ ли видѣ, какой то Максимъ Ананьевичъ Пузатиковъ, писалъ «росписку на пятьдесятъ рублей, за заборъ изъ лавки Финогена Лаврентьевича Отрыжгина, сельдей, сушеной ряпушки, головной рыбы и разнаго другаго, рыбнаго, грибноаго и маслянаго товара».

Или еще лучше.

Врачу психіатру предлагаютъ обзорѣть подпись подсудимаго, и просятъ затѣмъ разрѣшить вопросъ: къ какому моменту умственнаго его состоянія должна быть отнесена подпись эта, къ тому ли когда подсудимый былъ въ своемъ умѣ, или же когда онъ у него уже отсутствовалъ?

Наконецъ, однажды по ходатайству самого подсудимаго, обвинявшагося въ причиненіи какой то женщиנѣ тяжкихъ побоевъ, на судъ въ качествѣ экспертовъ, были вызваны врачъ и преподаватель физики, въ мѣстной женской гимназіи.

Этимъ экспертамъ, согласно домогательству защиты, предложено былъ разрѣшить вопросъ: къ числу какихъ тѣлъ, твердыхъ или мягкихъ долженъ быть отнесенъ человѣческой кулакъ.

Первый экспертъ врачъ, основываясь на физиологическихъ и судебно-

медицинскихъ законахъ и данныхъ находилъ, что кулакъ несомнѣнно долженъ быть отнесенъ, къ числу тѣлъ твердыхъ, особенно же кулакъ мужичій, мозолистый и мускулистый.

Второй экспертъ преподаватель физики профессоръ, находилъ напротивъ, что по физическимъ свойствамъ всѣхъ вообще существующихъ въ природѣ тѣлъ, твердыхъ и мягкихъ, человѣческій кулакъ безъ всякаго подраздѣленія на кулаки господскіе и мужичьи, долженъ быть отнесенъ къ числу тѣлъ мягкихъ, но неупругихъ.

— А такъ какъ, по заключенію врачебнаго отдѣленія, переносица у мѣщанки Елены Торбѣевой, могла быть разбита только твердымъ тѣломъ, взглянувъ обращаясь къ присяжнымъ, обрадованный послѣдней экспертизой защитникъ, а кулакъ моего кліента отнесенъ специалистомъ физики профессоромъ къ числу тѣлъ мягкихъ, но только неупругихъ, то я смѣю утверждать, что переносица у Елены Торбѣевой не могла быть разбита моимъ кліентомъ.

Несмотря однакоже на такіе преждевременные выводы защитника, не смотря на расколъ, послѣдовавшій между учеными экспертами, изъ которыхъ профессоръ физики, отнесъ кулакъ къ числу тѣлъ мягкихъ, присяжные засѣдатели взглянули на дѣло иначе, и признали, что виновникомъ поврежденія у Елены Торбѣевой переносицы, былъ именно кулакъ подсудимаго, оказавшійся на столько неупругимъ, что произвелъ въ ней продольный и поперечный изломъ кости.

Къ чему спрашивается, было вызывать на судъ, экспертовъ по такому дѣлу, какъ не для потѣхи только публики, которая особенно въ заднихъ рядахъ, самодовольно ухмылялась, выслушивая столь интересныя для нея съ точки зрѣнія закона, обобщенія о томъ, что такое за предметъ кулакъ человѣческій вообще и мужичій въ частности.

Неужели разрѣшеніе столь простаго вопроса, нельзя было довѣрить безъ риска для правосудія, самимъ присяжнымъ засѣдателямъ.

Неумѣренные крайности въ экспертизѣ, составляютъ въ нашихъ судахъ, самое обычное явленіе.

Наши присяжные могутъ по крайней мѣрѣ похвалиться тѣмъ, что въ числѣ различнаго рода экспертовъ специалистовъ, имъ приходилось выслушивать, представителей самыхъ разнообразныхъ профессій...

XV.

Отводы присяжныхъ засѣдателей.

Одно изъ самыхъ важныхъ условій хорошаго суда присяжныхъ, читаемъ мы въ разсужденіяхъ и комментаріяхъ Государственнаго Совѣта на судебные уставы 20 ноября 1864 года, состоитъ въ предоставленіи сторонамъ воз-

можно широкаго права отвода ихъ. Хотя присяжные и назначаются жребіемъ, но для полнаго довѣрія къ правильности ихъ приговора, этого еще недостаточно, необходимо, чтобы и обвиненіемъ и защитою, они признаны были за судей безпристрастныхъ. Иначе произносимое ими рѣшеніе, не можетъ считаться вполнѣ справедливымъ и окончательнымъ. Посему въ отношеніи присяжныхъ засѣдателей, общія законныя принципы къ отводу судей, были бы далеко не полны. Есть множество поводовъ, коихъ ни опредѣлить, ни даже предвидѣть въ законѣ заранѣе невозможно, а они между тѣмъ должны служить основаніемъ, къ устраненію многихъ лицъ отъ участія въ постановленіи приговора, рѣшающаго вопросъ о чести и дальнѣйшей судьбѣ подсудимаго.

Вотъ тѣ разумныя основанія, которыми законодатель мотивировалъ право сторонъ, отводить отъ разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ, тѣхъ или другихъ присяжныхъ засѣдателей. Законъ въ этомъ отношеніи, имѣлъ въ виду, исключительно лишь интересы подсудимаго и вмѣстѣ съ тѣмъ правосудія.

Въ этомъ правѣ отвода, существенное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что стороны не обязываются объявлять, почему и кого именно изъ присяжныхъ засѣдателей желаютъ они отвести отъ разсмотрѣнія дѣла, мотивы своихъ отводовъ сохраняютъ за собою въ тайнѣ, внѣ всякой огласки, при чемъ и самый коронный судъ обязывается закономъ, отнюдь не объявлять фамиліи тѣхъ изъ присяжныхъ засѣдателей, которые по каждому данному дѣлу, были исключены изъ общаго списка присяжныхъ.

Но устанавливая для сторонъ столь широкое право отвода, право ничѣмъ почти нестѣсняемое, законъ имѣлъ въ виду одну только цѣль, достигнуть со стороны гражданъ, при такомъ порядкѣ и способѣ выбора судей, полнаго и безусловнаго къ суду довѣрія.

Между тѣмъ, на дѣлѣ, въ нашей установившейся уже судебной практикѣ мы видимъ нѣчто совершенно иное, и на ряду съ тѣми случаями, когда въ отводахъ присяжныхъ засѣдателей, осуществляется вполнѣ или частію, указанная выше цѣль закона, весьма часто сталкиваемся съ явленіями совершенно противоположными, ненормальными, когда подъ видомъ отвода присяжныхъ засѣдателей, практикуются приемы совершенно иные, сторонніе, не имѣющіе никакого соотношенія къ смыслу и цѣли закона, объ отводѣ отъ участія въ разсмотрѣніи дѣлъ тѣхъ изъ присяжныхъ засѣдателей, къ которымъ стороны почему либо не пытаются полнаго довѣрія и на добросовѣстность которыхъ не могутъ вполнѣ положиться.

Мотивы и причины такихъ отводовъ, на сколько они успѣли уже выразиться въ нашей судебной жизни, крайне разнообразны, многочисленны и разнохарактерны. Мы разберемъ всѣ эти причины въ частности, коснемся явленій ихъ порождающихъ и укажемъ на вредъ, который происходитъ отъ нихъ для правосудія.

Прежде всего—предоставляемое закономъ сторонамъ право отвода, нерѣдко злоупотребляется ими прямо недостойными способами, которые въ судебной жизни нашей представляютъ явленія, настолько же непріятныя, насколько

обыденныя, и практикуются въ нашихъ судахъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ.

Такъ, напримѣръ, иногда та или другая сторона, бываетъ заинтересована въ томъ, чтобы дѣло въ данный день не слушалось, а потому защитникъ или прокуроръ по принадлежности, заранее стараются подыскать какой-либо законный предлогъ для того, чтобы только отложить засѣданіе до другаго раза.

Такой предлогъ, наконецъ, отыскивается.

Сторона заинтересованная въ отсрочкѣ дѣла, пользуясь тѣмъ, что на судѣ не явился какой-нибудь незначительный свидѣтель, показаніе котораго по закону не можетъ однакоже быть прочитано на судѣ, заявляетъ требованіе о необходимости отложить засѣданіе, потому будто бы, что показаніе этого свидѣтеля существенно важно.

Другая сторона, соображаясь съ своими видами на дѣло, или соглашается съ этимъ мнѣніемъ, или возстаетъ противу отсрочки засѣданія.

Судъ по разсмотрѣніи того и другаго заявленія, постановляетъ, засѣданіе продолжать, признавая съ тѣмъ вмѣстѣ показаніе неявившагося свидѣтеля не существенно важнымъ. И вотъ, послѣ такого отказа суда, какой-нибудь провинціальный адвокатикъ, чтобы провести наглядно передъ глазами малограмотной публики свое могущество и значеніе въ дѣлѣ суда, возвыситъ свои адвокатскіе курсы, показавъ, что онъ можетъ по своему настоять и заставить судъ отложить засѣданіе, во время предъявленія ему списка присяжныхъ, находящихся въ большинствѣ случаевъ не въ полномъ комплектѣ, отводить изъ нихъ столько, чтобы наличное остающееся число присяжныхъ, было менѣе узаконенной нормы для выбора присутствія ихъ.

Конечно, судъ вынуждается такимъ приемомъ защитника отложить засѣданіе, адвокатъ торжествуетъ, съ апломбомъ выходитъ изъ за стола и самодовольно проходитъ рядами недоумѣвающей публики, которая удивляется, глядя на него, что «нашъ то, дескать, защитникъ, самый судъ остановилъ, по своему заставилъ сдѣлать, вотъ ты и говори съ нимъ... буквоедъ онъ одно слово... не тронь его».

Само собой, когда такіе приемы, ради поднятія своихъ малоцѣнныхъ курсовъ, допускаютъ какіе-нибудь голодные и ничтожные адвокаты, создающіе себѣ такимъ путемъ въ массѣ темнаго народа нѣкоторое реноме и авторитетъ буквоеда, то объ этомъ можно только пожалѣть. Но не то же чувство сожалѣнія приходится испытывать въ тѣхъ случаяхъ, когда изъ подобныхъ же побужденій, въ желаніи непремѣнно настоять на своемъ, тѣже приемы допускаются лицами прокурорскаго надзора и защитниками, болѣе образованной и развитой интеллигентной среды.

А между тѣмъ, кто не знаетъ, что многіе наши прокуроры, многіе присяжные защитники, весьма часто практикуютъ такой способъ отвода, и мы не ошибемся если скажемъ, что какъ коронные судьи, такъ въ особенности и присяжные засѣдатели, вправѣ считать мотивы такихъ отводовъ сторонъ, и сопряженные съ ними неблаговидные приемы, прямо для себя оскорбительными.

Намъ сообщаютъ объ одномъ случаѣ, произшедшемъ въ провинціи, когда присяжный повѣренный на сессіи въ уѣздномъ городѣ, подобнымъ поступкомъ своимъ высказалъ по отношенію къ суду и присяжнымъ такую безтактность, невѣжество и даже прямое и безцеремонное неуваженіе что даже публика, имѣющая вообще крайне ограниченныя понятія, о взаимныхъ судебныхъ приличіяхъ, и та возмутилась поступкомъ патентованнаго защитника и выразила ему свое неодобреніе въ крайне рельефной формѣ.

Поступокъ присяжнаго повѣреннаго заключался въ слѣдующемъ:

Когда послѣ предъявленія списка присяжныхъ засѣдателей прокурору, предсѣдатель суда обратясь къ этому присяжному повѣренному, спросилъ его, не желаетъ ли и онъ воспользоваться правомъ отвода, то послѣдній пожелалъ узнать, сколько человѣкъ присяжныхъ, отведено было прокуроромъ.

— Г. прокуроръ отвелъ двоихъ засѣдателей, отвѣтилъ ему предсѣдательствующій, подавая черезъ столъ списокъ присяжныхъ.

— Въ такомъ случаѣ, я отвожу ихъ девять человѣкъ, послѣ минутнаго раздумья, отвѣтилъ защитникъ, и прошу это число исключить изъ общаго списка ихъ.

Предсѣдатель, конечно удивился такому странному заявленію защитника, объяснилъ ему, что онъ самъ обязанъ отвести кого жаждетъ и находить нужнымъ и что ему предсѣдателю, желаніе защитника по этому предмету извѣстно быть не можетъ.

Послѣ такихъ словъ предсѣдателя, защитнику кажется слѣдовало бы опомниться, но онъ остался вполне при «своихъ интересѣхъ» и съ словами: для меня личности присяжныхъ засѣдателей безразличны, мнѣ нужно только отвести девять человѣкъ присяжныхъ, все равно какихъ, взялъ въ руки, поданный ему судебнымъ приставомъ списокъ присяжныхъ, и перпендикулярно проведенною въ немъ сверху внизъ карандашомъ чертою, вычеркнулъ подъ рядъ девять фамилій присяжныхъ засѣдателей, для того, чтобы изъ наличнаго числа оставшихся присяжныхъ, не могъ бы быть произведенъ выборъ присутствія. Такимъ образомъ, защитникъ настоялъ передъ судомъ, на исполненіи требованія своего о томъ, чтобы засѣданіе по дѣлу его клиента было отложено.

Конечно, судъ выразилъ публичное порицаніе такому приему защитника, въ лицѣ довольно извѣстнаго присяжнаго повѣреннаго, присяжные засѣдатели по закрытіи засѣданія, выразили ему отъ себя благодарность за то, что онъ такъ тонко изучилъ свои обязанности по отношенію къ присяжнымъ засѣдателямъ, и еще болѣе того вѣрно, усвоилъ истинную задачу свою какъ защитника.

Впрочемъ, столь легкомысленное отношеніе къ вопросу объ отводахъ присяжныхъ засѣдателей, обнаруживаютъ не рѣдко, въ особенности на провинціальныхъ сессіяхъ, вдали отъ чьихъ-либо наблюдающихъ глазъ и нѣкоторые изъ судей.

Продолжительная сессія гдѣ-нибудь въ уѣздномъ городишкѣ, полная всѣхъ тѣхъ непривлекательныхъ сторонъ о которыхъ мы говорили уже выше. Судьи

утомились, присяжные заседатели еще больше того, время уже къ 5 часамъ вечера, а впереди какое-нибудь сложное и серьезное дѣло, о причиненіи тяжкихъ побоевъ, послѣдствіемъ которыхъ была смерть человѣка. По дѣлу этому, кромѣ четырехъ подсудимыхъ, вызываются двадцать человѣкъ свидѣтелей, три эксперта, и что важнѣе и страшнѣ всего, являются въ качествѣ защитниковъ, четыре мѣстныхъ адвоката, которые въ видахъ соревнованія и соперничества другъ передъ другомъ, одними своими допросами и рѣчами, въ состояніи уморить и судей и нѣсколько комплектовъ присяжныхъ заседателей. Такое дѣло въ пору провести бываетъ и на свѣжую голову, его одного хватить на цѣлыя сутки, а оно стоитъ на очереди четвертымъ и грозитъ затянуться до утра другого дня.

Какъ быть, какъ избѣгнуть такого чрезвычайнаго утомленія, а свидѣтели какъ нарочно явились всѣ, законныхъ новодовъ къ отсрочкѣ засѣданія не предвидится, физическія утомленія берутъ свое, побуждаютъ невольно судей нарушить свой долгъ, и вотъ между ними и прокуроромъ осуществляется маленькій уговоръ.

Прокуроръ заявляетъ желаніе воспользоваться правомъ отвода, исключаетъ изъ списка присяжныхъ заседателей троекъ, за отводомъ которыхъ, составъ ихъ оказывается въ недостаточномъ числѣ для выбора присутствія. Судь постановляетъ опредѣленіе, объ отсрочкѣ засѣданія до слѣдующей сессіи за неполнымъ комплектомъ присяжныхъ заседателей, и засѣданіе закрывается къ обоюдному удовольствію всего состава суда, не исключая на этотъ разъ и самихъ присяжныхъ заседателей. Одни только подсудимые понуривъ головы, уныло возвращаются обратно въ тюрьму, для того, чтобы сидѣть до слѣдующей сессіи, да патентованные защитники ихъ, влянутъ прокурора за то, что послѣдній такъ жестоко, коварно и измѣннически, посадилъ ихъ на мель, въ тотъ моментъ, когда назрѣвшія краснорѣчія ихъ, были уже близки къ тому, чтобы вылиться наружу неудержимыми потоками въ защиту ихъ кліентовъ.

Въ дѣлѣ отвода присяжныхъ заседателей, не малую роль играютъ и собственные стремленія нѣкоторыхъ присяжныхъ, отдѣлаться какъ-нибудь отъ засѣданія, что въ особенности часто наблюдается въ провинціи, въ уѣздныхъ городахъ.

Какой-нибудь присяжный заседатель, слишкомъ близко принимающій въ сердцу свои собственные матеріальные интересы и устраниющій отъ себя вполнѣ, заботы, о выполненіи передъ обществомъ своего долга ради котораго онъ и вызывается въ судъ, прилепиваетъ всѣ средства къ тому чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ засѣданія. Что ему до «чужой корысти», у него «своихъ дѣловъ» много по комерціи и по торговлѣ, а впереди на судѣ предвидится настоящее большое да клязное дѣло, которое грозитъ затянуться до ночи.

Какъ тутъ быть, а между тѣмъ день базарный, у этого присяжнаго заседателя на самомъ видномъ мѣстѣ лавка, народу понаѣхало много, торговля предвидится бойкая, нужно быть самому безотлучно въ лавкѣ, а тутъ при-казываютъ сидѣть да судить...

Вотъ на порогѣ и хожалый: «пожалуйте, говорить, я за вами, всё трактиры избѣгалъ». Безцеремонно тащить онъ присяжнаго за собой въ судъ: «да пожалуйте же, говорить скорѣе, судебный приставъ приказалъ безпремѣнно привести васъ»... тащить силкомъ, и нечего дѣлать «не хошь да пойдешь», «потому судъ тоже не свой братъ можетъ на цѣлюю базарную выручку нагрѣть, въ барышахъ не будешь, да еще конвоюзу примешь, а судъ купцовъ по мелочамъ не штрафуетъ, а наровить задѣть по купечески прилично, чувствительнымъ кушемъ».

Дѣлать нечего, является такой присяжный засѣдатель въ судъ, и сейчасъ первымъ дѣломъ къ защитнику, своему, мѣстному человѣку, пожалуйста, говорить, такъ и такъ, нельзя ли меня какъ-нибудь того... похерить, и безъ меня народу много, пожалуйста... будь другомъ... но защитникъ на этотъ разъ не соглашается и отказывается быть другомъ, потому что для него по дѣлу купецъ самый подходящий присяжный: дѣло слушаться будетъ по злостному банкротству, на скамьѣ подсудимыхъ—купецъ; ну и потомъ предметы будутъ все для купческаго званія понятны, бронзовые векселя, пятаки за рубль, сдѣлки съ прикащиками, двойныя книги и т. д.

Присяжный купецъ умиляется, онъ сознаетъ душевно основательность отказа и соображеній защитника, не рѣшается уже его болѣе просить, и направляетъ свои стопы къ противоположному полюсу, къ прокурору, обращается къ нему съ просьбою объ исключеніи его изъ состава присутствія присяжныхъ на это дѣло, на томъ основаніи, что «какой-же я, примѣрно, по эдакому дѣлу судья буду, потому какъ самъ я тоже купецъ, всякое дѣло такое у насъ съ важными случиться можетъ, вашему высокоблагородію всё думаться будетъ на меня, что я за кунца примѣрно, какъ за брата, все по своей купецкой линіи держать буду».

А прокуроръ и до того былъ убѣжденъ, что присяжные изъ купцовъ будутъ тянуть по этому дѣлу въ пользу купца подсудимаго, что же ему остается дѣлать послѣ такого откровеннаго и чистосердечнаго признанія присяжнаго. Онъ слишкомъ очевидно убѣждается въ безусловной необходимости, исполнить предъявленную къ нему просьбу или лучше сказать требованіе присяжнаго, и отпустить его изъ суда сидѣть къ себѣ въ лавку, т. е. другими словами, вынуждается войти съ присяжнымъ въ противозаконную сдѣлку, а не сдѣлай этого прокуроръ, онъ заранѣе можетъ быть убѣренъ, что голосъ такого присяжнаго во всякомъ случаѣ будетъ за оправданіе.

Противу этого могутъ возразить, что нѣтъ никакой надобности исполнять всё подобныя требованія присяжныхъ, и что нельзя предполагать столь широкой продажности въ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ ихъ, такъ какъ присяжные выбираются преимущественно изъ числа гражданъ достойныхъ, вследствие чего трудно допустить, чтобы присяжный засѣдатель рѣшился сознательно и вопреки указаній совѣсти, подавать голосъ противу убѣжденія своего, въ подрывъ интересовъ защиты или обвиненія за то только, что тою или другою стороною ему отказано было въ просьбѣ, объ освобожденіи его совѣмъ отъ

дѣла и исключеніи изъ списка. Конечно, ничего подобнаго никогда не сдѣлать человѣкъ дѣйствительно строгой нравственности, человѣкъ всесторонне понимающій значеніе судьи, сознающій свои обязанности и отвѣтственность передъ избравшимъ его обществомъ; но развѣ въ категоріи такихъ истинныхъ судей, можно причислять тѣхъ присяжныхъ засѣдателей, которые чуть не открыто заявляютъ, что было-бы бесполезно включать ихъ въ составъ присутствія по такому дѣлу, которое по свойствамъ своимъ касается близко ихъ обыденной «купецкой линіи»; которые единожды въ годъ, будучи призваны довѣріемъ общества, къ исполненію обязанностей судей, тяготея этимъ званіемъ изъ за того только, что боятся упустить по мавѣ барышъ какой-нибудь дневной выручки своей. Такихъ присяжныхъ по совѣсти говоря не то что не мало, а за послѣднее время количество ихъ стало постепенно увеличиваться, и въ настоящее время, во многихъ мѣстностяхъ, преимущественно же въ провинціи, освобожденіе себя отъ обязанностей присяжныхъ засѣдателей, чрезъ посредство указаннаго выше способа самоотвода, вошло чуть не въ правильно практикуемую систему.

«Вы не повѣрите, пишетъ намъ одинъ уѣздный мировой судья, что у насъ дѣлается на сессіяхъ окружнаго суда по части отводовъ присяжныхъ засѣдателей. Законные поводы отводовъ, т. е. законные на основаніи тѣхъ мотивовъ сторонъ, которые представляютъ разумный поводъ къ устраненію изъ дѣла кого-либо изъ присяжныхъ, у насъ давно уже не существуютъ, но за то намъ извѣстны другіе соотвѣтствующіе приемы, приемы подтасовки присяжныхъ. Стороны прямо выбираютъ себѣ «подходящихъ» присяжныхъ оскорбляя устраненіемъ изъ списковъ ихъ, людей образованныхъ, которые вѣ въ всякихъ основательныхъ причинъ къ отводу, безцеремонно вычеркиваются вонъ изъ списковъ. Еслибы это было допускаемо нашими такъ называемыми вѣштатными абогатами, не отличающимися вообще особенною чистотою нравовъ, и которымъ гораздо удобнѣе разводять свои многорѣчивыя теоріи, передъ неразвитыми присяжными, путая ихъ и сбивая съ толку, то на это можно было-бы, пожалуй, махнуть рукою, но, къ великому сожалѣнію нашему приходится сознаться, во очію лицезрѣть, что и лица прокурорскаго надзора, придерживаются иногда тѣхъ же приемовъ, находя, что и въ своихъ цѣляхъ обвиненія, имъ гораздо удобнѣе имѣть дѣло съ присяжными неграмотными и подобранными.

Нужно только удивляться приемамъ нашихъ обвинителей, изъ которыхъ нѣкоторые, вѣроятно по своей наивности, не стѣсняются даже прямо высказывать, что они гораздо болѣе довѣряютъ неграмотнымъ составамъ присяжныхъ, потому что путемъ собственной своей практики, они видятъ ли пришли къ убѣжденію, что неграмотные присяжные судятъ всегда лучше и меньше путаютъ.

И вѣдь съ какою развязностію такіе прокуроры выражаютъ свое нерасположеніе къ грамотнымъ и образованнымъ присяжнымъ, съ какою откровенностію заявляютъ, что при разрѣшеніи вопросовъ объ отводѣ, они руководствуются не личными свойствами присяжныхъ, а какими-то иными, своими выс-

шими соображеніями, и все это замѣтите, на основаніи своей собственной практики. А спросите иного изъ такихъ прокуроровъ, какъ велика у него эта личная его судебная практика, которая выработала въ немъ такіе положительныя и по мнѣнію его трезвыя взгляды и сужденія, и окажется, что она не идетъ далѣе годичнаго состоянія его при какомъ-нибудь окружномъ судѣ въ качествѣ кандидата на судебныя должности, или исправленія въ теченіи того же срока, должности судебного слѣдователя.

Съ однимъ изъ подобныхъ товарищей прокурора, пишетъ тотъ же мировой судья, у насъ вышла однажды очень непріятная исторія.

Пріѣхалъ онъ къ намъ на сессію, и рѣшительно не залюбилъ грамотныхъ и образованныхъ присяжныхъ, и начиная съ перваго же дѣла, сталъ ихъ постоянно вычергивать, чередуя на каждомъ дѣлѣ пять, шесть человѣкъ. Такъ прошло у насъ четыре дня сессіи. Терпѣли, терпѣли наши присяжные, но наконецъ не вытерпѣли, да и судите сами, кому же пріятно находится въ такомъ глупомъ положеніи, каждый день являться аккуратно къ каждому дѣлу, и сознавать, что являешься даромъ, что все равно ни на какое дѣло не попадешь.

Вотъ и надумались присяжные, что сдѣлать.

На пятый день послѣ открытія засѣданія, они въ числѣ 6 человѣкъ по-дошли къ суду, и попросили, чтобы ихъ отпустили домой, такъ какъ являются въ судъ, безъ надежды когда-нибудь попасть въ составъ присутствія, за постояннымъ отводомъ ихъ прокуроромъ, для нихъ представляется нравственно обременительнымъ.

Судъ по немнѣнію законнаго повода къ удовлетворенію ходатайства присяжныхъ, оставилъ заявленіе ихъ безъ послѣдствій, тогда всѣ они, въ числѣ 6 человѣкъ, оставили залу засѣданія и къ слѣдующему дѣлу уже не явились. Судъ оштрафовалъ ихъ, но такъ какъ за неявкою этихъ шести присяжныхъ засѣдателей, общій комплектъ ихъ оказался на столько недостаточнымъ, что изъ него по закону не могъ быть произведенъ выборъ присяжныхъ, то судъ долженъ былъ на половинѣ сессіи, прервать свои засѣданія, оставивъ неразрѣшенными двадцать четыре дѣла.

Этотъ исключительный въ своемъ родѣ случай, вызвалъ необходимость разъяснить передъ высшимъ начальствомъ причины, по которымъ шесть человѣкъ присяжныхъ очевидно сговорившись между собою, рѣшились прекратить посѣщенія суда и тѣмъ поставили его въ необходимость прервать сессію.

Окружный судъ поступилъ въ этомъ случаѣ вполне добросовѣстно, онъ указалъ, что товарищъ прокурора дѣйствительно внѣ всякихъ разумныхъ основаній, съ самаго начала сессіи, выказывалъ пренебреженіе къ наиболѣе развитымъ и образованнымъ присяжнымъ, настойчиво и систематически не допуская ихъ до участія въ разсмотрѣніи дѣлъ, и тѣмъ вынуждалъ ихъ отказаться отъ дальнѣйшей явки на судъ.

Говорятъ, что этому товарищу прокурора, было рекомендовано на будущее время, къ вопросу объ отводѣ, относиться съ болѣе серьезной точки зрѣнія,

и не давать при этомъ мѣста своимъ личнымъ ни на чемъ не основаннымъ взглядамъ».

Подобный же случай, какъ намъ извѣстно, имѣлъ однажды мѣсто въ другомъ окружномъ судѣ. Одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей, въ судебномъ засѣданіи, послѣ повѣрки общаго списка присяжныхъ, просилъ судъ уволить его отъ обязанности присяжнаго засѣдателя на томъ основаніи, что онъ замѣтилъ, что имя его постоянно вычеркивается прокуроромъ изъ списка предъ выборами двѣнадцати засѣдателей.

Въ данномъ случаѣ прокуроръ далъ заключеніе, что онъ, съ своей стороны не находитъ никакого препятствія къ увольненію этого присяжнаго засѣдателя отъ присутствованія на сессіи, и судъ постановилъ, освободить его совѣмъ отъ исполненія обязанности присяжнаго засѣдателя и уволить домой. Несомнѣнно нужно было имѣть слишкомъ серьезныя причины для того, чтобы въ обоихъ случаяхъ, подвергать присяжныхъ засѣдателей, такимъ систематическимъ гоненіямъ и преслѣдованіямъ, а между тѣмъ, въ большинствѣ приходится наблюдать совершенно иное; лица прокурорскаго надзора, относясь къ присяжнымъ засѣдателямъ столь безцеремоннымъ образомъ, руководствуются далеко не всегда соображеніями закона, а лишь своими личными взглядами.

Если эти личные взгляды прокурора, влекутъ за собою убѣжденіе, что устраняя отъ дѣла того или другаго присяжнаго засѣдателя, онъ дѣйствуетъ въ интересахъ своего долга и обязанности, тогда конечно и спору нѣтъ, онъ поступаетъ совершенно законно, но если слѣдуя своимъ личнымъ взглядамъ, прокуроръ имѣетъ въ виду, достигнуть осуществленія только личныхъ видовъ своихъ, направленныхъ не для пользы дѣла, а для того, чтобы выказать пренебреженіе, неуваженіе къ нѣкоторымъ изъ присяжныхъ засѣдателей, къ которымъ онъ чувствуетъ личную неприязнь, то такому поступку представителя обвинительной власти, нѣтъ и не можетъ быть оправданія.

Свои личные счеты, свои неприязненныя житейскія отношенія, прокуроръ долженъ оставлять внѣ своего служебнаго долга. Въ присяжныхъ засѣдателямъ, какъ къ выборнымъ представителямъ общества онъ долженъ относиться съ уваженіемъ, и въ серьезное дѣло правосудія не вносить элементовъ личныхъ своихъ симпатій и антипатій къ присяжнымъ.

Какого рода видоизмѣненіямъ, подвергается вопросъ объ отводѣ присяжныхъ засѣдателей въ провинціи, преимущественно въ уѣздныхъ городахъ, и какую роль при этомъ играютъ нѣкоторые изъ мѣстныхъ абюкатовъ, можно видѣть изъ слѣдующей, довольно интересной характеристики одного уѣзднаго «защитника».

Нѣкто малой заштатный чиновникъ, отличающійся полнымъ отсутствіемъ всякихъ судебныхъ познаній, въ теченіе года пресмыкающійся обыкновенно кое-гдѣ, перебивающійся кое какъ и изрѣдка только рискующій показываться въ камерахъ уѣздныхъ мировыхъ судей, на время всякой сессіи окружнаго суда, является всегда въ городъ въ качествѣ защитника по весьма многимъ дѣламъ.

Обыкновенно недѣли за двѣ или еще за три, до дня засѣданія, онъ великодушно объявляетъ по всѣмъ городскимъ кабакамъ, харчевнямъ и трактирамъ, что защищать на судѣ всѣхъ бѣдныхъ будетъ даромъ, и дѣйствительно принимаетъ на себя защиты подсудимыхъ безвозмездно, вслѣдствіе чего масса безграмотныхъ арестантовъ и крестьянъ, избираетъ его всегда своимъ защитникомъ.

Какіе бываютъ обыкновенно результаты его защиты, объ этомъ мы говорить уже не будемъ, но ораторствуетъ онъ обыкновенно очень много, выражается цвѣтисто и кудряво, держитъ себя на судѣ развязно и иногда рискуетъ на столичный манеръ, назвать даже милостивыми государями не только что присяжныхъ засѣдателей, но даже и самихъ коронныхъ судей, отчего въ глазахъ народа и пользуется нѣкоторою популярностью.

Какую же спрашивается пользу, лично для себя, извлекаетъ этотъ адвокатъ изъ своихъ даровыхъ защитъ, это вопросъ дѣйствительно интересный. Отъ защиты онъ не получаетъ ровно ничего, развѣ кто изъ подсудимыхъ по доброй волѣ, дастъ ему что-нибудь въ благодарность, или въ благодарность же угоститъ его чѣмъ,нибудь въ трактирѣ. Но за то защитникъ этотъ имѣетъ доходъ съ присяжныхъ засѣдателей изъ мѣстныхъ горожанъ, которые платятъ ему нѣчто въ родѣ дани, за освобожденіе ихъ отъ участія въ разсмотрѣніи дѣлъ.

Такимъ образомъ, законное право отвода, дало этому защитнику возможность, выполняя на судѣ даровыя защиты свои, получать вѣроятно не меньшій безгрѣшный доходъ съ присяжныхъ засѣдателей, которыхъ онъ за оказываемыя имъ услуги и эксплуатируетъ въ свою пользу.

Этотъ адвокатъ извѣстенъ въ городѣ и въ уѣздѣ, подъ нарицательнымъ именемъ «Гриша Двужильнаго». Съ открытія окружныхъ судовъ, онъ неутомительно является на сессіи суда въ городѣ, въ качествѣ защитника, и между прочимъ извѣстенъ тѣмъ, что по законнымъ поводамъ, въ интересахъ своихъ клиентовъ никогда почти не отводитъ присяжныхъ засѣдателей. Но за то каждый изъ послѣднихъ, желая отдѣлаться отъ «сидѣнья» по какому-нибудь дѣлу, въ которомъ Гриша является стороною, заявляетъ ему о томъ, и Гриша удовлетворяетъ всѣ такія просьбы.

Мѣстные присяжные въ большинствѣ случаевъ бываютъ купцы, ведущіе въ городѣ весьма обширную базарную торговлю хлѣбомъ, а кто не знаетъ, что именно купеческое сословіе тяготеетъ особенно у насъ, исполненіемъ обязанностей присяжныхъ засѣдателей.

Систему отводовъ для желающихъ отдѣлаться отъ суда, Гриша практикуетъ неутомительно, получая за это «гонораръ» или деньгами отъ четвертака до трехъ рублей съ человѣка или угощеніемъ въ трактирѣ съ приличной выпивкой, или же натурой, какими либо хлѣбными или иными продуктами для домашняго обихода.

Этотъ Гриша Двужильный, человѣкъ въ нѣкоторомъ отношеніи даже справедливыи, количество требуемаго «за отводительство» вознагражденія, онъ

соразмѣрять со степенью оказываемой имъ услуги, а эта послѣдняя опредѣляется продолжительностію дѣла, по которому присяжному пришлось бы отсидѣть въ судѣ при чемъ принимается въ соображеніе, сколько вызвано по дѣлу свидѣтелей, сколько подсудимыхъ, а еще главнѣе того, сколько самъ я Гриша хочу и могу говорить.

Если за двухъ-часовой отпускъ отъ дѣла, Гриша не беретъ менѣе 50 к., то за цѣлое послѣ обѣда, онъ назначаетъ по крайней мѣрѣ рубль или два. Кромѣ того утренніе базарные часы, Гриша цѣнить вдвое, а за крайнюю надобность отлучиться домой, онъ не прочь иногда сорвать и лишняго, «взять свое».

Собразуясь съ такимъ масштабомъ, Гриша Двужильный, взялъ какъ-то съ одного купца за освобожденіе его отъ послѣдняго дѣла, цѣлыхъ 5 рублей, такъ какъ стороной узналъ, что купецъ этотъ непремѣнно долженъ былъ въ тотъ день вечеромъ, уѣхать въ другой городъ верстъ за шестьдесятъ на обѣдъ, который тамъ назначенъ былъ по какому то торжественному случаю прѣхавшему преосвященному.

Во многихъ случаяхъ, вопросъ объ отводѣ присяжныхъ засѣдателей, обращается въ особенности въ провинціи, въ какой то актъ взаимной вѣжливости и любезности, между прокуроромъ съ одной стороны и присяжными засѣдателями съ другой.

Знакомства въ провинціи завязываются вообще очень скоро, а потому на каждой уѣздной сессіи, нѣсколько совмѣстныхъ засѣданій, до того сближаютъ, между собой товарища прокурора съ нѣкоторыми изъ присяжныхъ засѣдателей, конечно интеллигентнаго класса, что между ними устанавливаются довольно близкія и откровенныя отношенія, пользуясь которыми, присяжные засѣдатели, прибѣгаютъ къ любезности обвинителя, прося его освободить, то того, то другаго, отъ необходимости присутствовать въ засѣданіи.

Многія лица прокурорскаго надзора, уклоняются отъ исполненія такихъ просьбъ, но по большей части онѣ удовлетворяются, осуществляясь въ видѣ законнаго права отвода.

Иногда къ подобному посредничеству за своихъ знакомыхъ присяжныхъ, прибѣгаютъ къ прокурору коронные судьи, и въ такихъ случаяхъ отказа присяжнымъ, почти что никогда не бываетъ.

На одной уѣздной сессіи, въ числѣ присяжныхъ засѣдателей, находился содержатель единственной въ городѣ гостиницы «Монплеэиръ», въ которой имѣли свое приѣзжище на время сессіи, какъ судьи, такъ и прокуроръ. Каждый день этотъ присяжный засѣдатель, былъ вычеркиваемъ прокуроромъ изъ списка, только на послѣднее дѣло. Это брѣсилось конечно всѣмъ въ глаза, и въ публикѣ очень многіе интересовались конечно узнать, почему это прокуроръ не довѣряетъ совѣсти этого присяжнаго засѣдателя, только по каждому послѣднему дѣлу, допуская его участвовать въ засѣданіяхъ по всѣмъ другимъ дѣламъ.

Объяснилось это очень просто тѣмъ, что съ наступленіемъ каждаго по-

сѣдняго дѣла, содержатель гостинницы уходилъ домой, чтобы подъ своимъ личнымъ надзоромъ приготовить къ приходу суда и прокурора закуску и обѣдъ.

Такая умышленная забота о своемъ обѣдѣ, конечно вполне естественна, но приурочивать её къ своему служебному долгу и прикрывать законнымъ правомъ отвода, пожалуй что и не слѣдовало бы.

На ряду съ указываемыми нами случаями, отводовъ прокурорами присяжныхъ засѣдателей, отъ рассмотрѣнія дѣлъ, по неосновательнымъ и даже незаконнымъ причинамъ, слѣдуетъ указать на совершенно обратное и въ равной степени ненормальное явленіе, когда лица прокурорскаго надзора не пользуются совсѣмъ этимъ правомъ своимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда напротивъ, въ прямыхъ дѣлахъ и видахъ обвиненія, они должны были бы осуществлять его по отношенію къ нѣкоторымъ изъ присяжныхъ.

По этому поводу въ печати встрѣчались уже не разъ справедливыя нареканія за то, что нѣкоторая доля неосновательныхъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ, должна быть отнесена къ тому равнодушію, съ которымъ представители обвинительной власти, относятся къ своему праву отвода.

Указывая затѣмъ на то, что лица прокурорскаго надзора вообще, чрезвычайно слабо, пользуются своимъ правомъ отвода, нѣкоторые печатные органы объясняютъ это тѣмъ, что представители прокуратуры обвиняющіе по обязанности, вромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ, бываютъ обыкновенно мало заинтересованы исходомъ процесса, тогда какъ защита на оборотъ заинтересована бываетъ всегда въ исходѣ дѣла. Происходить это по мнѣнію нѣкоторыхъ публицистовъ потому, что прокуратура получающая опредѣленное казенное жалованіе не интересуется послѣдствіями своихъ обвиненій въ смыслѣ матеріальной отъ того выгоды, какъ этимъ должна напротивъ интересоваться защита, хорошо оплачиваемая при болѣе или менѣе удачномъ исходѣ дѣла.

Хотя предъявлять такое огульное обвиненіе противу всей вообще прокуратуры, по мнѣнію нашему не совсѣмъ справедливо, ибо во многихъ случаяхъ, какъ мы и укажемъ ниже, прокуроры вообще имѣютъ менѣе поводовъ къ отводамъ присяжныхъ, нежели защитники, но что во многихъ случаяхъ, отказъ прокурора отъ пользованія своимъ правомъ отвода, является послѣдствіемъ, если не нерадиваго въ полномъ смыслѣ слова, то во всякомъ случаѣ равнодушнаго отношенія къ своему долгу, это едвали можно оспаривать даже и не съ исключительной точки зрѣнія.

Въ одной изъ ежедневныхъ газетъ, было совершенно основательно замѣчено, что можно отрицать въ человѣкѣ способность служить дѣлу во имя долга, но вѣдь интересъ прокуратуры хотя бы только и односторонне понятый, какъ интересъ служебный, все же обязываетъ ее внимательно относиться къ своимъ обязанностямъ.

Выскажемъ по этому поводу, нѣсколько нашихъ личныхъ взглядовъ и соображеній.

Право предъявленія противу присяжныхъ засѣдателей отводовъ, есть прежде всего право отвлеченное, зависящее отъ личныхъ взглядовъ и нравственныхъ убѣжденій каждаго отдѣльнаго лица, прокурорскаго надзора. Въ порядкѣ и условіяхъ осуществленія на дѣлѣ этого права сторонъ, оно и по существу своему, не можетъ быть подведено, ни подъ какія опредѣленные правила или указанія, а потому пользованіе или непользованіе этимъ правомъ, не можетъ всегда и во всякомъ случаѣ служить доказательствомъ болѣе или менѣе живаго и сочувственнаго или же небрежнаго отношенія къ исполненію своего долга и своихъ обязанностей.

Что защита пользуется правомъ отвода въ несравненно болѣе широкихъ размѣрахъ и прибѣгаетъ къ нему гораздо чаще нежели прокуратура, это фактъ несомнѣнный, но изъ этого нельзя еще дѣлать вывода неблагопріятнаго для послѣдней въ смыслѣ безучастнаго отношенія лицъ прокурорскаго надзора къ своему долгу.

Значеніе акта отвода прежде всего имѣетъ смыслъ только тогда, когда оно является дѣйствіемъ сознательнымъ, въ необходимости принятія котораго, та или другая сторона убѣждена вполнѣ, пользоваться же правомъ отвода присяжныхъ, ради одного только внѣшняго проявленія его, безъ всякой сознательной цѣли, безъ всякаго къ тому повода, было бы болѣе тѣмъ предосудительно и въ высшей степени недекорно по отношенію къ присяжнымъ засѣдателямъ.

Слѣдовательно, по вопросу объ отводѣ, важно не то какъ часто защита и обвинители пользуются этимъ правомъ своимъ, а гораздо болѣе существеннымъ въ этомъ отношеніи, является частный вопросъ, всегда ли прокуратура примѣняетъ къ дѣлу это право свое тогда, когда къ тому въ глазахъ ея представляются и дѣйствительно существуютъ, какія либо достаточныя положительныя основанія.

Между тѣмъ въ положеніяхъ на судѣ обвиненія и защиты съ этой именно точки зрѣнія, существуетъ громадная разница не въ пользу обвиненія, такъ какъ на практикѣ, прокуроръ по отношенію къ праву отвода, никогда не можетъ находиться въ столь благопріятномъ положеніи какъ защитникъ.

Кагіе способы предоставляются закономъ прокурору для того, чтобы производительно примѣнять къ дѣлу свое право отвода?

Начать съ того, что прокуроръ въ этомъ отношеніи долженъ дѣйствовать всегда одинъ, тогда какъ защита имѣетъ всегда пѣть рукъ обвиняемаго.

Затѣмъ пріѣзжая на сессію въ уѣздный городъ, прокуроръ нерѣдко оказывается тамъ, въ положеніи человѣка совершенно новаго, незнакомаго ни съ обществомъ, ни съ присяжными засѣдателями, ни со взглядами ихъ на преступленія, ни съ тѣми отношеніями, которыя связываютъ всѣхъ ихъ или нѣкоторыхъ съ подсудимыми, тогда какъ это послѣднее обстоятельство, представляется особенно важнымъ въ вопросѣ объ отводѣ и наконецъ, прокуроръ назначается обыкновенно одинъ на цѣлую сессію, въ теченіи которой разсматривается до 40 и болѣе дѣлъ, слѣдовательно для того, чтобы имѣть

возможность осуществить съ пользой для дѣла свое право отвода, онъ долженъ изучать всё эти дѣла, по отношенію къ личностямъ подсудимыхъ, уяснить себѣ міросозерцаніе присяжныхъ по всёмъ вообще преступленіямъ, которыя будутъ разсматриваться въ періодъ данной сессіи.

Но что главнѣе всего, съ личностями самихъ присяжныхъ засѣдателей, прокуроръ бываетъ въ состояніи ознакомиться только тогда, когда пріѣдетъ уже на сессію, и не иначе какъ сталкиваясь и встрѣчаясь съ ними на засѣданіяхъ суда, а при ознакомленіи своемъ съ присяжными такимъ именно путемъ, прокуроръ развѣ только къ концу сессіи, въ состояніи будетъ изучить взгляды и направленія присяжныхъ для того, чтобы примѣнять ихъ съ пользою къ слушаемымъ дѣламъ, а такое позднее и несвоевременное ознакомленіе прокурора съ составомъ присяжныхъ, конечно представляется для него уже во всякомъ случаѣ бесполезнымъ.

Наконецъ прокуроръ, какъ лицо оффиціальное, ограждая собственное свое достоинство и возможность всякихъ на него нареканій, не можетъ собирать необходимыя для него свѣдѣнія о личностяхъ присяжныхъ засѣдателей, ни какими ни частными ни оффиціальными путями, тѣмъ болѣе, что знакомство его съ извѣстнымъ городомъ гдѣ происходитъ сессія окружнаго суда, ограничивается перѣдко случайнымъ или единичнымъ пріѣздомъ его туда, только на время сессіи.

Какимъ же образомъ представители прокурорскаго надзора обставленные такими условіями, могутъ ознакомиться со всёми тѣми связями и взаимными соотношеніями, существующими между членами общества и присяжными засѣдателями, между послѣдними и лицами обвиняемыми для того, чтобы строго взвѣсивъ ихъ, разумно и основательно оцѣнивъ, составить себѣ тѣ вѣроятныя убѣжденія, на основаніи которыхъ придется уже опредѣлять по каждому отдѣльному дѣлу, слѣдуетъ ли отвести отъ участія въ засѣданіи, того или другаго присяжнаго засѣдателя или же нѣтъ.

Задача эта въ такомъ положеніи, представляется рѣшительно немыслимою, невозможною, и въ этомъ беспомощномъ такъ сказать пользованіи прокуратурою своимъ правомъ отвода, слѣдуетъ искать главную причину того, что лица прокурорскаго надзора, несравненно рѣже нежели защита, заявляютъ противъ присяжныхъ засѣдателей свои немногочисленные отводы.

За послѣдніе два года только, вопросъ этотъ измѣнился нѣсколько къ лучшему, вслѣдствіе распоряженія министерства юстиціи о томъ, чтобы лица прокурорскаго надзора имѣли свое мѣстожительство не при окружныхъ судахъ, а въ районахъ своихъ участковъ. Это распоряженіе обявывая каждого товарища прокурора жить въ томъ городѣ, который ввѣренъ его надзору невольно ставитъ его въ положеніе мѣстнаго жителя, и даетъ ему возможность ближе ознакомиться, какъ со всёмъ обществомъ, такъ и знать хорошо отдѣльныхъ его представителей, въ лицѣ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ городскихъ присяжныхъ засѣдателей.

Въ совершенно иномъ положеніи относительно пользованія правомъ отво-

да находится въ уголовномъ процессѣ защита. Прежде всего существеннѣйшее преимущество ея въ этомъ отношеніи, передъ обвиненіемъ заключается въ томъ, что для нея не существуетъ необходимости, или лучше сказать обязанности, вести свои дѣла огульно, слѣдовательно трудъ предварительной подготовки къ каждому дѣлу, представляется для нея значительно облегченными.

Защита серьезно заинтересованная въ дѣлѣ, не лишена возможности, нѣсколько разъ съѣздить въ то мѣсто, гдѣ дѣло возникло и гдѣ оно будетъ слушаться, провѣрить относительно каждаго присяжнаго засѣдателя со всею точностію всѣ тѣ обстоятельства, которые связываютъ его съ подсудимыми, и могутъ служить поводомъ, въ устраненію кого либо изъ нихъ изъ состава судей.

Прямое преимущество въ этомъ отношеніи, бываетъ на сторонѣ защиты и потому еще, что самъ подсудимый какъ мѣстный житель, въ большинствѣ случаевъ бываетъ представителемъ той-же среды, того же общества изъ котораго выбираютъ присяжные засѣдатели, всегда прекрасно знаетъ каждаго изъ нихъ, а потому и можетъ безошибочно указать своему защитнику кого изъ нихъ слѣдуетъ отвести и кого нѣтъ.

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ своего положенія, защита являясь на судъ, обладаетъ всегда цѣлою массою свѣдѣній, для того, чтобы въ интересахъ подсудимаго, воспользоваться безошибочно правомъ отвода съ наибольшимъ для него выгодною и пользою.

Присяжные и частные повѣренные, очень хорошо понимаютъ, какое значеніе въ уголовномъ процессѣ имѣетъ для нихъ право отвода, да и помимо защитниковъ, всякій человѣкъ знакомый съ сущностью суда присяжныхъ, согласится съ тѣмъ, что составъ присутствія присяжныхъ въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ, играетъ безусловно важное значеніе. Личные взгляды и индивидуальныя способности присяжныхъ, міросозерпаніе ихъ, отношенія къ подсудимому, все это такіе существенные элементы, въ дѣлѣ суда присяжныхъ, которые какъ въ фокусѣ, отражаются въ томъ или другомъ вердиктѣ ихъ. Защитникъ все это прекрасно понимаетъ, не оставляетъ безъ вниманія, и въ наиболѣе удачныхъ случаяхъ отвода, когда защитнику предоставляется возможность за отказомъ, прокурора отъ своего права, отвести двѣнадцать человѣкъ присяжныхъ, обставляетъ составъ присутствія присяжныхъ, такими благонадежными для себя элементами, что безъ погрѣшностей можетъ всегда рассчитывать, на самый благопріятнѣйшій исходъ дѣла для подсудимаго.

Въ какой степени защитники серьезно и практично относятся къ своему праву отвода, видно изъ того, что нѣкоторые изъ нихъ, не рѣдко на нѣсколько дней уѣзжаютъ впередъ на мѣсто суда для того, чтобы заблаговременно собрать тамъ всевозможныя свѣдѣнія относительно присяжныхъ засѣдателей и изучить въ подробности ихъ отношенія къ подсудимому.

Конечно это можетъ быть поставлено только въ заслугу защиты, но къ сожалѣнію ничего подобнаго, при всеобщемъ своемъ желаніи, не можетъ сдѣлать

прокуроръ. Для такихъ свободныхъ по своему произволу экскурсій, рекогносцировокъ и передвиженій въ разныя мѣста гдѣ приходится обвинять, онъ не имѣетъ ни права ни средствъ.

Наконецъ для защиты невозбранено собирать свѣдѣнія о присяжныхъ засѣдателяхъ, всѣми возможными частными способами, какъ то письмами, личными сношеніями съ подсудимымъ, распросами постороннихъ лицъ и многими другими путями, которые для прокурора рѣшительно не доступны и даже запрещены.

Въ виду всѣхъ этихъ преимуществъ защиты, принципъ равенства сторонъ на судѣ, очевидно представляется поколебленнымъ, а потому нельзя не признать значительной доли справедливости въ тѣхъ сужденіяхъ печати, которые неоднократно возникали въ нашей періодической литературѣ, относительно необходимости уравновѣшенія на судѣ правъ сторонъ, по отношенію къ отводу ими присяжныхъ засѣдателей.

Нѣкоторые изъ публицистовъ не безъ основанія указываютъ, что при существующемъ способѣ отвода, когда за отказомъ прокурора, защитѣ по закону предоставляется, исключить изъ списка двѣнадцать человѣкъ присяжныхъ, такого рода отводъ видоизмѣняетъ совершенно свой характеръ, обращаясь прямо въ подборъ присяжныхъ. Вслѣдствіе сего высказывались неоднократно соображенія, что для достиженія полной справедливости къ обѣимъ сторонамъ, слѣдовало бы ограничить защиту правомъ отвода только шести человѣкъ присяжныхъ засѣдателей, даже и въ томъ случаѣ еслибы прокуроръ не пожелалъ совсѣмъ воспользоваться своимъ правомъ отвода.

Приводимъ по этому предмету изъ С.-Петербургскихъ вѣдомостей весьма основательныя по нашему мнѣнію замѣчанія г. Иловайскаго, изъ личныхъ наблюденій его какъ присяжнаго засѣдателя.

«Извѣстно, пишетъ г. Иловайскій, что обѣ стороны и обвиненіе и защита имѣютъ право отвести по 6 человѣкъ присяжныхъ. Но по словамъ г. Иловайскаго, на практикѣ это бываетъ не всегда такъ.

По моимъ наблюденіямъ, рассказываетъ онъ, даже въ наиболѣе важныхъ дѣлахъ, товарищъ прокурора обыкновенно не отводитъ никого, а защитникъ всегда отводитъ не только своихъ 6 человѣкъ, но еще пользуется отводомъ и того числа, которое представлено обвиненію. Слѣдовательно, въ результатъ защитникъ можетъ отводить 12 человѣкъ. Замѣйте, что число 36 общаго числа присяжныхъ, ко второй половинѣ двухъ или трехъ недѣльной сессіи, по разнымъ причинамъ, уменьшается обыкновенно до 30 и даже менѣе того. Отвести изъ нихъ 12 человѣкъ, и только имена остальныхъ опустить въ урну, развѣ это не подборъ? Вѣдь для оправдательнаго приговора нужно набрать только 6 человѣкъ, т. е. половину числа совѣщающихся присяжныхъ. Выходитъ такимъ образомъ, что какая нибудь пятая часть наличныхъ присяжныхъ, рѣшаетъ дѣло. Называть такую часть выразительницей общественной совѣсти, положительно не вѣрно».

Въ «подборѣ», по мнѣнію г. Иловайскаго, и кроется главная сила адвокатскаго успѣха, а вовсе не въ краснорѣчьи.

Я замѣтилъ даже, рассказываетъ г. Иловайскій, что главное искусство защитника именно состоитъ въ умѣньи отвести, и у цѣкоторыхъ это умѣнье, это чутье, развивается въ замѣчательномъ совершенствѣ.

Разумѣется гг. защитники хлопчатъ о надлежащемъ подборѣ больше всего тогда, когда въ исходѣ процесса они сильно заинтересованы, т. е. говоря просто, когда защита хорошо оплачена.

Такимъ образомъ, говоритъ г. Иловайскій, мелкіе преступники осуждались при мнѣ очень часто. За украденную вещь въ три, въ пять рублей и даже менѣе того, человѣкъ подвергался довольно строгому наказанію. Но приказчикъ, укравшій у хозяина товару на 20000 руб. и тайкомъ сбывавшій его богатому купцу, такой господинъ и сообщникъ его, богатый купецъ (имѣвшій возможность нанять дорогаго, извѣстнаго адвоката), были оправданы, и въ этомъ оправданіи главную роль играло не красноречіе адвоката, а искусственный отводъ одиннадцати присяжныхъ. Слѣдовательно, сколько нужно сложить вмѣстѣ мелкихъ осужденныхъ воровъ, чтобы получить одного крупнаго оправданнаго вора? Въ концѣ концовъ, имѣется такой выводъ, что для бѣднаго человѣка, правосудіе существуетъ, но богатаго осудить очень трудно.

Такіе отводы представляютъ для правосудія громадное зло, потому что путемъ ихъ, стороны создаютъ искусственный «подходящій» составъ присяжныхъ, тогда какъ по смыслу закона, составъ присяжныхъ по каждому дѣлу, долженъ имѣть чисто случайный характеръ, съ устраненіемъ изъ него такихъ элементовъ, противу которыхъ, стороны могутъ имѣть основательныя поводы зрѣнія.

Я возражаю, говоритъ г. Иловайскій въ другомъ мѣстѣ, единственно только противу слишкомъ широкаго права отвода. Отмѣните только право защитника пользоваться отводомъ, и того числа, которое принадлежитъ обвиненію, оставьте его при 6 своихъ собственныхъ, не болѣе, и я увѣренъ, уже вслѣдствіе одного этого ограниченія, количество вопіющихъ оправданій быстро уменьшится.

Укажемъ теперь на тѣ общіе такъ сказать, мотивы отводовъ присяжныхъ засѣдателей, которые выработались практикою, подъ влияніемъ тѣхъ или другихъ воззрѣній присяжныхъ засѣдателей, на разнаго рода преступленія, вслѣдствіе чего главнымъ основаніемъ къ отводу присяжныхъ, какъ защитой такъ и обвиненіемъ, является болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе, что тотъ или другой присяжный, сообразно своимъ личнымъ взглядамъ, положенію и понятіямъ, взглянетъ на дѣло, съ благопріятной точки зрѣнія или для защиты, или для обвиненія.

Слушается, напримѣръ, дѣло объ изнасилованіи какимъ-нибудь подсудимымъ молодой женщины или дѣвушки. Принимая въ соображеніе извѣстную вѣроятность во взглядахъ присяжныхъ на преступленіе такого рода, и считывая шансы наиболѣе благопріятные для обвиненія, прокуроръ старается отвести изъ состава присяжныхъ, возможно большее число молодыхъ лицъ, относящихся обыкновенно сочувственнѣе къ личностямъ подобныхъ

подсудимыхъ; затѣмъ, стремленія обвинителей направляются къ тому, чтобы въ составъ присутствія присяжныхъ по такимъ дѣламъ, ввести людей пожилыхъ, а изъ послѣднихъ преимущественно семейныхъ, на которыхъ, во время обвинительной рѣчи, можно подѣйствовать болѣе сильно, указавъ имъ на ихъ собственныхъ женъ и дочерей, и сопоставивъ имъ примѣры въ родѣ того, какія нравственныя муки пришлось бы испытать имъ самимъ въ томъ случаѣ, еслибы на мѣстѣ несчастной жертвы безчестія, предстали бы вдругъ, ихъ оскорбленная дочь, поруганная жена или сестра.

Въ противовѣсъ обвиненію или по тѣмъ же мотивамъ, защита, стремится отвести, наоборотъ, людей пожилыхъ, семейныхъ и путемъ самаго широкаго отвода подобрать такой составъ присяжныхъ, который состоялъ бы изъ лицъ молодыхъ и холостыхъ.

Въ дѣлахъ о такихъ преступленіяхъ, которыя затрогиваютъ преимущественно религіозный элементъ, въ отводахъ обвинителей и защиты точно также проявляются прочно установившіеся принципы. Для обвинителя — подобрать въ составы присяжныхъ, лицъ пожилыхъ и преимущественно простой и купеческой среды, т. е. представителей такихъ кружковъ, которые по своимъ религіознымъ взглядамъ и воззрѣніямъ относятся всегда строго къ преступленіямъ противъ вѣры и религіи. Защита, напротивъ, въ дѣлахъ такого рода, возлагаетъ упованія свои на людей болѣе молодыхъ, и болѣе развитой и образованной среды, религіозныя воззрѣнія которыхъ, представляются болѣе снисходительными и склонными къ оправданіямъ подобныхъ преступленій.

Въ дѣлахъ по преступленіямъ противу торговаго устава, противу устава о питейномъ сборѣ и нарушеніямъ другихъ казенныхъ уставовъ, лица, заинтересованныя житейской обстановкою своею, сферою такихъ дѣлъ, бываютъ обыкновенно склонны смотрѣть на нихъ крайне легко, почему прокурорскій надзоръ и старается въ большинствѣ случаевъ при слушаніи подобныхъ дѣлъ отводить изъ составовъ присутствія присяжныхъ купцовъ, торговцевъ и вообще такихъ людей, для которыхъ предметъ преступленія составляетъ частію «свое дѣло».

Въ особенности рѣзко отражается вліяніе присяжныхъ засѣдателей, какъ людей «своего дѣла», въ процессахъ о злостныхъ банкротствахъ, разнаго рода конкурсныхъ неправдахъ, и всякаго рода коммерческихъ комбинаціяхъ уголовнаго свойства.

Послѣдніе года, года посвященные повальной страсти къ наживѣ, дѣла такого рода участились до нельзя, выворачивать правый карманъ для того, чтобы все переложить въ лѣвый, въ средѣ нашего торговаго сословія сдѣлалось дѣломъ чуть не обычнымъ. Подобныя дѣла во множествѣ производятся въ нашихъ окружныхъ судахъ и по справедливымъ замѣчаніямъ нѣкоторыхъ лицъ прокурорскаго надзора, они оканчиваются обыкновенно оправданіями обвиняемыхъ потому, что въ составахъ присяжныхъ для разрѣшенія ихъ, находится всегда достаточное число городскихъ жителей купческаго званія, крайне снисходительно относящихся къ подобнымъ преступленіямъ,

потому, что всяческая злокозненность въ банкротствѣ, нерѣдко составляетъ для многихъ изъ нихъ, вопросъ только времени.

Въ дѣлахъ о кражахъ у крестьянъ, и конокрадахъ, защитники отводятъ исключительно крестьянъ присяжныхъ, оставляя лицъ другихъ сословій, и дѣлается это по весьма понятной причинѣ, ибо крестьяне присяжные къ ворахъ и конокрадамъ относятся съ безпощадною строгостію, такъ какъ постоянно терпятъ отъ нихъ въ сельскомъ быту своемъ.

Напротивъ, крестьяне присяжные, исключаются лицами прокурорскаго надзора, изъ составовъ присутствій по дѣламъ, о причиненіи разнаго рода ушибовъ, побоевъ и увѣчий, такъ какъ преступленія такого рода, по понятіямъ и взглядамъ престонародной среды, въ глазахъ крестьянъ присяжныхъ, особеннаго значенія не имѣютъ и пропускаются ими довольно снисходительно. прямо противоположно взглядамъ представителей интеллигентныхъ классовъ, которые къ подобнымъ обвиненіямъ, относятся несравненно строже.

Стремленія присяжныхъ засѣдателей изъ лицъ малоразвитой среды, отдѣляться отъ засѣданія въ судѣ путемъ попрошайничества передъ сторонами. объ отводахъ ихъ, проявляются иногда въ провинціи въ крайне не деликатной формѣ. Болѣе грубые представителя такихъ присяжныхъ, обращаясь съ подобными ходатайствами къ сторонамъ, нерѣдко дозволяютъ себѣ, предлагать даже имъ чуть чуть не кондіціи за временное освобожденіе ихъ «хотна на сего дня, только чтобъ намъ базарнымъ дѣломъ расторгнуться».

Одинъ изъ провинціальныхъ товарищей прокурора, описываетъ намъ, слѣдующій случай самой безцеремонной просьбы объ отводѣ, которая была предъявлена къ нему однимъ очень богатымъ купцомъ присяжнымъ.

Этотъ купецъ, пишетъ товарищъ прокурора, справлялъ именины своей дочери, въ одинъ изъ тѣхъ дней сессіи, когда онъ долженъ былъ явиться въ засѣданіе суда, въ качествѣ присяжнаго засѣдателя. Рано утромъ явился онъ ко мнѣ, въ номеръ гостиницы, и заявилъ просьбу, чтобы я его на послѣдніе два дѣла «сдобонилъ», потому что по его словамъ «самое тутъ такое дѣло къ обѣду придетъ и ему никакъ нельзя». Я ему на отрѣзъ отказалъ въ этомъ, тогда чтобы сманить меня въ свою пользу, онъ сталъ объяснять, что сегодня отъ него все одно ладу не будетъ, потому «объ какомъ же онъ дѣлѣ можетъ мечтаніе имѣть, когда у него дома, примѣрно, обѣдъ въ парадѣ, гостей набравши тѣмъ, всякое такое тамъ, балъ съ музыкой и шампанскимъ, а потому никакъ ему объ дѣлѣ думать не можно будетъ».

Я не поддавался однакоже на его ухищренія, тогда онъ прибѣгнулъ къ такому приему.

Ну вѣтъ, сударь, обратился онъ ко мнѣ, чтобы значить, вашей милости не обидно было, мнѣ такое уваженіе сдѣлать, первымъ дѣломъ, значить, на завтра по всѣмъ вашенскимъ дѣламъ, все по вашему потрафлять буду, какъ ваше мнѣніе станетъ, а на защитниковъ, значить, и смотрѣть не станемъ, а насъ въ присяжныхъ, цѣлыхъ трое примѣрно родичей то, и, значить первое, свать мой Ларивонъ Коровушяинъ второе, да женинъ племянничекъ Тихономъ Скоро-

думой прозывается, такъ мы значить въ согласіи ужъ и будемъ, за вашу милость стоять, рѣчамъ вашимъ держаться. Я конечно, заканчиваетъ товарища прокурора, прогнавъ этого слишкомъ простоватаго соблазнителя, онъ огрызнулся, прямо отъ меня отправился къ двоимъ защитникамъ, далъ имъ обонихъ за себя отступнаго по три рубля, и они его вычеркнули изъ списка.

На другой день, да и не на другой только, а почти что на весь конецъ сессіи, я долженъ былъ этого купца, отводить постоянно по всѣмъ дѣламъ, потому что довѣрять его благонадежности по отношенію къ правосудію, уже не могъ. У меня сложилось противу него самое полное и искреннее убѣжденіе, что еслибы я его не сталъ отводить, то онъ навѣрное вредилъ бы моимъ обвиненіямъ, и вопиовалъ за оправданія, на зло мнѣ, за то только, что я не исполнилъ его слишкомъ ужъ откровенной просьбы объ «освобожденіи».

Въ описываемомъ случаѣ, товарищъ прокуроръ неудовлетворилъ просьбы присяжнаго засѣдателя объ освобожденіи его на одинъ день, и въ результатѣ все остальное время сессіи, долженъ былъ вычеркивать его изъ списка присяжныхъ. А намъ извѣстны случаи, что представители обвинительной власти, при всемъ своемъ нежеланіи потакать такимъ назойливымъ и не деликатнымъ требованіямъ, вынуждаемы бываютъ нерѣдко удовлетворять ихъ, чтобы не возбуждать къ себѣ со стороны всѣхъ вообще присяжныхъ засѣдателей, излишняго нерасположенія, а за тѣмъ въ результатѣ все таки является необходимость, въ послѣдующіе дни сессіи, устранять тѣхъ присяжныхъ, которые были ими отводимы, и не допускать ихъ до участія въ засѣданіяхъ, по весьма простой и естественной причинѣ.

Присяжный засѣдатель, рѣшающійся предъявлять къ прокурору или къ защитнику требованіе, объ освобожденіи его отъ одного или отъ нѣсколькихъ дѣлъ, несомнѣнно не можетъ быть причисленъ къ числу людей, стоящихъ на высотѣ своего судейскаго призванія. Такіе присяжные засѣдатели, далеки отъ того, чтобы создавать себѣ изъ своего званія какой-нибудь идеаль. Нѣтъ, въ большинствѣ случаевъ это люди чисто практическіе, которые смотрятъ и на судейскія свои обязанности и на отношенія къ суду и сторонамъ, гораздо проще, неупуская и тутъ, гдѣ можно, свою выгоду. Вслѣдствіе такихъ чисто практическихъ воззрѣній своихъ, они за всякое дѣлаемое имъ одолженіе, считаютъ долгомъ тоже «отблагодарить чѣмъ-нибудь, и потому обѣщаніе «спослужить на завтра поусерднѣе, за сегодняшнее освобожденіе», явленіе у насъ въ провинціи довольно обыденное. Изъ этого выходитъ вотъ что: сегодня товарищъ прокурора освободилъ присяжнаго засѣдателя по его просьбѣ отъ одного засѣданія или говоря словами закона отвелъ его. На другой день этотъ «освобожденный», являясь въ судъ, слѣдуетъ поблагодарить за то обвинителя, и въ очень рельефной формѣ, дать ему понять и восчувствовать, что «мы же тоже народъ не какой-нибудь а благородный, отъ благодарности не отказываемся и потому за вчерашнее снисхожденствіе постараемся сегодня сослужить вамъ, поусердствуемъ малость вашему потрафленію» и т. д.

Понятно, ни одинъ товарищъ прокурора, не рѣшится никогда пользоваться усердіемъ и благодарностію такого присяжнаго засѣдателя, изъ естественнаго опасенія, чтобы столь чрезмѣрное возмездіе за оказанную услугу, не отразилось бы неблагоприятными послѣдствіями на личностяхъ подсудимыхъ, въ ущербъ правосудію.

Вслѣдствіе этого, и такіе присяжные засѣдатели, точно также безусловно отводятся товарищемъ прокурора отъ разсмотрѣнія всѣхъ дѣлъ, въ видахъ того, чтобы не ввести ихъ въ невольное искушеніе, поусердствовать прокурору черезъ шѣру.

Бывали случаи, что нѣкоторые изъ присяжныхъ, за отказъ прокурора или защитника въ просьбѣ объ исключеніи ихъ изъ списка, отвѣчали крайне дерзко, что все равно «скорости отъ нихъ никакой они не дождутся, а будутъ они дѣло только насупротивъ за тое ворочать», и такими угрозами насильственно вынуждали стороны отводить ихъ, т. е., другими словами, путемъ нравственнаго давленія на прокурора или на защитника, заставляли ихъ исполнять тѣ требованія свои, на которыя мирнымъ путемъ, они не могли получить желаемаго удовлетворенія.

Затѣмъ, справедливость требуетъ сказать, что не всегда просьбы присяжныхъ объ отводѣ ихъ могутъ быть объясняемы только желаніемъ, отдѣлаться какъ-нибудь отъ дѣла. Иногда такого рода заявленія, присяжные засѣдатели вынуждаются дѣлать совершенно сторонними причинами, неимѣющими ничего общаго съ личными нежеланіями ихъ участвовать въ засѣданіяхъ суда.

На нашей собственной судебной практикѣ, былъ однажды подобный случай, когда одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей, купецъ большаго уѣзднаго города, въ теченіи всей сессіи, продолжавшейся нѣсколько дней, аккуратно являвшійся въ судъ, и ни разу не уклонившійся отъ обязанностей присяжнаго, по одному дѣлу въ концѣ сессіи, обратился къ намъ съ убѣдительной просьбой, отвести его только одинъ разъ, и на одно это дѣло, чтобы не попасть ему въ составъ присутствія присяжныхъ.

Когда мы спросили его, почему онъ хочетъ избѣгнуть именно этого дѣла, то онъ заявилъ, что подсудимый, обвинявшійся въ разбоѣ, бывший его купецъ, котораго онъ прогналъ отъ себя за «охальство».

— Очень мнѣ нежелательно объ немъ въ присяжные попасть, отвѣтилъ онъ намъ, потому какъ онъ человѣкъ дерзкій, душой своею не дорожитъ, потому отъ него всякая неприятность мнѣ произойти можетъ.

— Или, другими словами, вы боитесь, чтобы онъ вамъ, если его обвинять не отомстилъ чѣмъ-нибудь, такъ что-ли? спросилъ я купца.

— Это самое-съ, отозвался онъ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, потому онъ человѣкъ охальный, дерзкій, весь городъ знаетъ его, ну и по этому дѣлу безпремѣнно ему конецъ будетъ, обвинять его, потому мнѣ и не желательно въ судьяхъ объ немъ быть, такъ какъ онъ злобость ко мнѣ имѣеть.

— А вотъ этими днями, продолжалъ онъ, когда значить, ему списокъ присяжныхъ пришелъ, и увидалъ онъ тамъ меня, прислалъ мнѣ угрожать-

ную записку, такъ чтобы, сударь, отъ грѣха дальше, будьте милостивы, когда можно, ослобоните меня.. .

При этомъ, озираясь робко по сторонамъ, присяжный купецъ вынулъ изъ подъ полы и подалъ мнѣ небольшую записку, въ которой ломаными буквами было написано слѣдующее:

«Покорныйчч Лавона Пятровича значить на суду прошу, какъ будите присяжнымъ, объ моимъ дѣлѣ постараться, и какъ служилъ я вамъ оправить меня и потому будучи благодѣтелемъ, прашѣрно за вашняскую душу передъ Всевышнимъ, а коли что обо мнѣ не пристараетесь, то значить, виноватому мнѣ все единственно, и тогда свѣта ради, все мнѣ единственно, хоша продъ разстрѣлать, а объявгу объ себѣ лихимъ дѣломъ съ вами сустрѣнусь, и покорныйчч прошу прислать мнѣ серебромъ рубль денегъ на табакъ, потому сами знаете въ тюремномъ положеніи состою, а коли, что не пришлете, тогда и знайте, каковъ я есть, Макаръ».

Угроза въ письмѣ была указана очень опредѣлительно и категорично. Этотъ подсудимый Макаръ былъ извѣстный мошенникъ на цѣлый уѣздъ, а потому опасенія присяжнаго купца, бывшаго его хозяина, попасть въ присутствіе присяжныхъ для сужденія по его дѣлу, представлялись совершенно естественными, и мы сочли себя нравственно обязанными, удовлетворить столь понятное желаніе купца и по этому именно дѣлу, отвели его изъ состава присутствія присяжныхъ.

А такихъ случаевъ въ практикѣ судовъ, встрѣчается не мало и хотя подобныя отводы, строго говоря, не представляются вполнѣ законными, но не сомнѣнно, что въ существѣ своемъ, они имѣютъ болѣе уважительные мотивы, нежели тѣ, на основаніи которыхъ происходятъ постоянные отводы присяжныхъ сторонами.

Кромѣ отвода присяжныхъ сторонами, сами присяжные, въ извѣстныхъ указанныхъ закономъ случаяхъ, обязаны устранять себя отъ разсмотрѣнія дѣла.

Случаи эти касаются такихъ отношеній присяжныхъ къ подсудимому или къ его дѣлу, когда можетъ возникнуть болѣе или менѣе основательное предположеніе, о какомъ либо пристрастіи ихъ къ подсудимому.

Судебная практика не даетъ намъ однакоже достаточно частыхъ указаній того, чтобы присяжные засѣдатели устраняли себя сами отъ разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ, но тѣмъ или другимъ отношеніямъ ихъ къ подсудимымъ. Эти умолчанія присяжныхъ о причинахъ, по которымъ они должны были бы устранить себя сами отъ разсмотрѣнія дѣла, не могутъ однакоже служить къ дурной характеристикѣ присяжныхъ, и объясняются гораздо проще тѣмъ, что подсудимые являясь на судъ, почти всегда уже знаютъ, съ какимъ составомъ присяжныхъ приходится имъ имѣть дѣло, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подсудимые при всемъ желаніи своемъ, ознакомиться съ личностями присяжныхъ засѣдателей даннаго состава, не всегда въ этомъ услѣбають.

Для того, чтобы предоставить возможность подсудимому сдѣлать съ своей

точки зрѣнія, оцѣнку того состава присяжныхъ засѣдателей, который долженъ будетъ судить его, законъ установилъ, чтобы этотъ списокъ присяжныхъ засѣдателей, былъ врученъ подсудимому или его защитнику, за три дня до открытія судебного засѣданія. Но на практикѣ этотъ трехдневный срокъ представляется для того совершенно недостаточнымъ, и намъ лично извѣстно нѣсколько такихъ случаевъ, когда подсудимые, при открытіи засѣданія находились въ крайнемъ затрудненіи, по поводу желанія своего предъявить противу нѣкоторыхъ присяжныхъ засѣдателей свои отводы, такъ какъ по краткости времени, не успѣли даже узнать фамилій тѣхъ лицъ, которыхъ заранѣе порѣшили не допускать до разсмотрѣнія своего дѣла.

Такимъ образомъ при открытіи судебного засѣданія въ одномъ изъ окружныхъ судовъ, когда подсудимому предъявленъ былъ для отвода списокъ присяжныхъ засѣдателей, то онъ выразивъ желаніе воспользоваться своимъ правомъ отвода, въ тоже время вглядываясь пристально въ лица присяжныхъ засѣдателей и просматривая списокъ ихъ, очевидно находился въ затрудненіи отыскать и исключить изъ списка того присяжнаго, котораго пожелалъ отвести.

Тогда одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей, всталъ и заявилъ суду, что подсудимый желаетъ отвести вѣроятно его, но затрудняется осуществить это, по переданному ему здѣсь въ судѣ списку во первыхъ потому, что не узналъ его въ лицо, а во вторыхъ потому еще, что зналъ его не подъ настоящей его фамиліей, значащейся въ списокѣ присяжныхъ засѣдателей, а подъ простонародной, или что иначе, зналъ его лишь по прозванію.

Заявленіе присяжнаго засѣдателя оказалось совершенно справедливымъ, подсудимый воспользовался сдѣланнымъ ему указаніемъ и заявилъ суду, что именно этого присяжнаго онъ и хотѣлъ отвести, но былъ въ затрудненіи, потому, что зналъ его въ обществѣ подъ именемъ Маслобая, а дѣйствительную его фамилію не зналъ.

Въ провинціи обычай называть другъ друга прозвищами у насъ очень распространенъ, а потому случаи подобные описанному выше, при краткости срока полагаемаго закономъ для ознакомленія подсудимыхъ со спискомъ присяжныхъ, могутъ встрѣчаться очень часто.

Неизбѣжны для подсудимаго въ этомъ отношеніи затрудненія, увеличиваются еще больше въ томъ случаѣ, когда онъ содержится до суда подъ предварительнымъ арестомъ.

Такой подсудимый, зная на свободѣ извѣстную личность подъ именемъ Маслобая, конечно будетъ крайне озадаченъ тѣмъ, когда увидавъ Маслобая на судѣ въ роли присяжнаго засѣдателя, въ тоже время не найдетъ его въ списокѣ присяжныхъ подъ этимъ именемъ.

Какъ осуществить подсудимому при такихъ условіяхъ, свой отводъ, особенно въ томъ случаѣ, когда Маслобой самъ себя выдать не пожелалъ бы, а судъ придерживаясь закона, не дозволить подсудимому указать на Маслобая пальцемъ, а предложить ему отвести его «по списку».

Такия положенія неоспоримо представляютъ для подсудимыхъ большія затрудненія въ пользованіи своимъ правомъ отвода и устраненія ихъ представляется вполнѣ желательнымъ.

XVI.

Вещественныя доказательства на судѣ присяжныхъ.

Въ числѣ другихъ способовъ и средствъ, которыя на судебномъ слѣдствіи предоставляются присяжнымъ засѣдателямъ, для правильнаго разрѣшенія вопроса о винѣ или невинности подсудимыхъ, осмотръ вещественныхъ доказательствъ и слѣдовъ преступленія, заключаетъ въ себѣ данныя весьма существенныя.

Здѣсь на подлинныхъ вещахъ, такъ или иначе соприкасавшихся съ фактомъ преступнаго дѣянія, присяжные засѣдатели своимъ личнымъ осмотромъ непосредственнымъ участіемъ въ изслѣдованіи предмета, имѣютъ возможность провѣрить во очію многія изъ тѣхъ обстоятельствъ дѣла, которыя были предметомъ судебного разбирательства.

Здѣсь на судѣ нѣмыя вещественныя доказательства, въ видѣ кровавой одежды, орудія мести или убійства, лучше всякихъ свидѣтельскихъ показаній, воспроизводятъ передъ присяжными, страшную картину какого-нибудь кроваваго дѣла, какой-нибудь потрясающей драмы.

Здѣсь по дѣламъ и меньшей важности, предъявленіе какого-нибудь копѣчнаго замочка, даетъ возможность чуткой совѣсти присяжныхъ, лучше всякихъ слѣдственныхъ протоколовъ и актовъ объ осмотрѣ, разрѣшить вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли какому-нибудь предстоящему передъ ними несчастному Ивану вѣнчать въ вину въ видѣ взлома то обстоятельство, что немудрый замочекъ этотъ, онъ отворилъ рукою при посредствѣ только двухъ своихъ пальцевъ.

Вообще осмотръ всякаго рода вещественныхъ доказательствъ, составляетъ одинъ изъ такихъ моментовъ судебного слѣдствія, въ который присяжные засѣдатели, такъ сказать наиболѣе приближаются къ самой обстановкѣ преступнаго дѣянія.

Законъ придаетъ чрезвычайную важность вещественнымъ доказательствамъ, и вслѣдствіе сего, цѣлымъ рядомъ положеній, указываетъ на то, что слѣдуетъ разумѣть подъ вещественными доказательствами, въ какомъ порядкѣ они должны быть сохраняемы, представляемы въ судѣ и предъявляемы присяжнымъ засѣдателямъ.

Но къ сожалѣнію, эти указанія закона, относительно вещественныхъ доказательствъ, исполняются весьма рѣдко, и въ судебной практикѣ установился у насъ довольно невѣрный взглядъ на вещественныя доказательства, какъ на нѣчто такое, что въ уголовномъ процессѣ безъ ущерба для дѣла, можетъ быть игнорировано или возстановлено передъ присяжными засѣдателями ка-

нимъ либо другимъ путемъ, какъ напр, свидѣтельскими показаніями или прочтеніемъ актовъ объ осмотрѣ.

Вслѣдствіе такого неправильнаго взгляда, не менѣе того усвоеннаго весьма многими судебными дѣателями, многія вещественныя доказательства не доставляются совѣмъ на судъ, иныя присылаются безъ надлежащихъ ярлыковъ, отчего происходитъ неминуемая путаница и въ практикѣ нашихъ судовъ, далеко нерѣдки случаи, что къ какому-либо дѣлу, доставляются совершенно неподходящія вещественныя доказательства.

Громадная масса дѣлъ, о такъ называемыхъ кражахъ со взломомъ, говоря техническимъ языкомъ прокуроровъ, проваливается совѣмъ или же оканчивается отрицаніемъ взлома, потому только, что взломанные предметы или орудія взлома, а также взломанные замки и запоры, не присылаются совѣмъ къ дѣламъ, или же до поступленія дѣла на разсмотрѣніе присяжныхъ, складываются въ беспорядкѣ въ архивахъ прокуроровъ и окружныхъ судовъ, гдѣ всегда можно обрѣсти цѣлые запасы подобного добра, въ которомъ крайне затруднительно бываетъ найти потомъ, тотъ или другой предметъ, необходимый для предьявленія на судъ присяжнымъ засѣдателямъ по извѣстному дѣлу.

И вотъ при условіяхъ столь безцеремоннаго храненія вещественныхъ доказательствъ, какое-нибудь дѣло положимъ о кражѣ со взломомъ, поступаетъ на разсмотрѣніе суда присяжныхъ.

Потерпѣвшій въ своемъ показаніи подробно объясняетъ, какимъ образомъ воръ вытянулъ у него въ замкѣ язычекъ, подсудимый расписывается, что замокъ у сундука былъ порченый, «его только прижми онъ и отворится, нажми другой разъ, онъ заперется».

Передъ присяжными по требованію прокурора, прочитывается покробный протоколъ слѣдователя объ осмотрѣ замка, въ которомъ заявленіе потерпѣвшаго подтверждается во всей полнотѣ, но присяжные оказываются людьми, если не невѣрующими, то крайне осторожными.

Имъ извѣстно, что въ спорномъ изломѣ замочнаго язычка, заключается вся суть дѣла, что отъ признанія и непризнанія этого обстоятельства, зависить участь человека попасть года на два, на три въ арестанскія роты, съ лишеніемъ правъ, или же отсидѣть только нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, безо всякаго ограниченія въ своихъ правахъ.

Имъ извѣстно, также и то, что по закону, взломанный замокъ долженъ быть представленъ на судъ, у нихъ является естественное желаніе личнымъ осмотромъ убѣдиться, дѣйствительно ли спорный замокъ поврежденъ въ такой степени или вѣтъ, и вотъ по уполномочію ихъ, старшина присяжныхъ встаетъ и заявляетъ суду просьбу, показать имъ злополучный замокъ.

— Г. судебный приставъ, потрудитесь вынуть изъ стола вещественное доказательство «замокъ» и предьявить его гг. присяжнымъ засѣдателямъ, громко провозглашаетъ предѣдательствующій.

Судебный приставъ роется въ столѣ, замка тамъ никакого не оказывается и онъ докладываетъ о томъ суду.

— Г. секретарь, гдѣ находится замокъ. обращается предсѣдательствующій къ секретарю.

Секретарь начинаетъ перелистывать дѣло, долго не можетъ ничего найти и наконецъ докладываетъ, что замокъ хотя и былъ представленъ судебному слѣдователю, но куда отъ него дѣвался, не видно. Такимъ образомъ оказывается, что судебный слѣдователь не счелъ нужнымъ приложить замокъ къ дѣлу, а прокуроръ и судъ не позаботились своевременно вытребовать его.

Подсудимый пользуется этимъ обстоятельствомъ, настаиваетъ на своемъ, и вотъ благодаря очевидной неполнотѣ предварительнаго слѣдствія, неосмотрительности прокурора и суда, присяжные засѣдатели въ приговорѣ своемъ отвергаютъ взломъ замка, т. е. существенную часть обвиненія.

Такие случаи въ нашихъ судахъ повторяются постоянно, отсутствіе вещественныхъ доказательствъ, являющееся прямымъ недосмотромъ слѣдственныхъ властей, весьма часто ведетъ къ ограниченію обвиненія. Присяжныхъ упрекаютъ въ томъ, что они неосновательно милуютъ воровъ, смягчая ихъ виновность, низводя кражи со взломомъ на спелень простыхъ кражъ, а въ дѣйствительности оказывается, что такіе упреки обращаются къ присяжнымъ совершенно неосновательно, и что они во всякомъ случаѣ не могутъ отвѣчать за то, что слѣдственные и судебныя власти, отнеслись къ своимъ обязанностямъ безъ должнаго вниманія, и вслѣдствіе этого лишили присяжныхъ засѣдателей возможности, признать на судѣ такія обстоятельства, которыя они по неполнотѣ судебного слѣдствія вынуждены были отвергнуть.

Присяжные засѣдатели весьма часто возбуждаютъ сами вопросъ о представленіи имъ вещественныхъ доказательствъ, и происходитъ это отъ того, что по своей объективности, этотъ родъ судебныхъ доказательствъ очень пригоденъ для положительнаго разрѣшенія весьма многихъ обстоятельствъ. Такъ напримѣръ, при нанесеніи побоевъ, увѣчій и другихъ поврежденій, орудіе преступленія въ глазахъ суда, конечно должно имѣть важное значеніе и простымъ вѣзшимъ осмотромъ его, всегда можно опредѣлить, въ какой степени жалоба потерпѣвшаго представляется справедливою или основательною, какъ могли быть велики тѣ слѣды насилія, которые должны были произойти отъ ударовъ тѣмъ или другимъ орудіемъ.

Точно также и по дѣламъ о такъ называемыхъ вооруженныхъ кражахъ; предъявленіе присяжнымъ самого орудія или оружія, имѣетъ весьма серьезное значеніе.

Существеннѣйшій вопросъ при разрѣшеніи такихъ дѣлъ, заключается въ томъ, что если подсудимый во время совершенія кражи имѣлъ при себѣ, какое нибудь орудіе, то могъ ли онъ этимъ орудіемъ причинить кому-либо смерть или увѣче.

Въ такихъ дѣлахъ личный осмотръ орудія, самими присяжными засѣдателями, даетъ имъ возможность, вопросъ объ оружіи разрѣшить не только теоретически, но и практически, а это очень важно.

Ознакомившись съ обстоятельствами дѣла, съ личностью подсудимаго и

съ обстановкой, въ которой преступленіе было совершено, присяжные всегда безошибочно могутъ опредѣлять, слѣдуетъ ли признать предъявляемое имъ орудіе такимъ, которымъ въ данномъ случаѣ можно было причинить смерть или увѣче.

Повидимому вопросъ этотъ весьма простой, и не можетъ представлять собою никакихъ трудностей, ибо порядочная палка, ножъ, топоръ, молотокъ, и другіе подобные предметы, во всякомъ случаѣ представляютъ собою такіа орудія, которыми можно не только изувѣчить человѣка, но даже положить его на мѣстѣ. Въ дѣйствительности же вопросъ объ орудіи, далеко не можетъ и не долженъ быть разрѣшаемъ только съ точки зрѣнія вѣшняго вида предмета, и большей или меньшей опасности его, такъ какъ небольшой даже гвоздь, булавка и даже собственные руки вора, могутъ въ извѣстныхъ случаяхъ, представлять собою тѣже смертельныя орудія.

Въ такихъ дѣлахъ неоспоримо важнѣе бываетъ опредѣлить, можно ли судя по личности подсудимаго предполагать, что имѣя при себѣ во время совершенія кражи какое либо орудіе, онъ рѣшился бы пустить его при удобномъ случаѣ въ дѣло, для того, чтобы убить кого нибудь или причинить то или другое поврежденіе лицу поймавшему его на кражѣ.

Въ какой степени предъявленіе присяжнымъ засѣдателямъ вещественныхъ доказательствъ, представляетъ собою средство, для исполнѣя правильнаго разрѣшенія дѣла, можно видѣть изъ слѣдующаго случая, замѣтованнаго изъ нашей судебной практики.

Подсудимый обвинился въ томъ, что совершилъ кражу со взломомъ изъ погреба одного крестьянина, причѣмъ во время совершенія кражи имѣлъ при себѣ желѣзный ломъ, который дѣйствительно и найденъ былъ на утро неподалеку отъ погреба.

Сознаваясь въ совершеніи кражи, подсудимый однакоже объяснилъ, что ломъ ему не принадлежитъ и чей онъ не знаетъ, а между тѣмъ по обвинительному акту, подсудимому приписывалось, что онъ этотъ ломъ принесъ съ собой именно для кражи.

Въ протоколѣ судебного слѣдователя, орудіе это было описано со всѣми подробностями, причѣмъ конечныя заключенія слѣдователя и понятыхъ производившихъ осмотръ лома, были тѣ, что ломомъ этимъ человѣка можно положить на мѣстѣ сразу.

Присяжные выслушавъ протоколъ, пожелаи однакоже лично осмотрѣть ломъ и подошли къ столу вещественныхъ доказательствъ, на которомъ онъ лежалъ. Оказалось, что ломъ этотъ представлялъ собою не то орудіе, которое въ общепитіи принято называть ломомъ въ строгомъ смыслѣ, а нѣчто иное и именно какую то длинную массивную полосу необработаннаго желѣза, на столько тяжелую, что она недоступна даже при приподнятій ея, силѣ одного человѣка.

Присяжные попросили распоряженія предсѣдателя, взвѣсить эту полосу, и когда это было исполнено, то она вытянула около 6 пудовъ вѣса. Сораз-

мѣряя этотъ значительный вѣсъ, съ тщедушной фигурой подсудимаго, немѣла было ни на минуту усомниться въ томъ, что онъ не могъ принести съ собою такую полосу желѣза и при томъ изъ другой деревни, на разстояніи болѣе трехъ верстъ, такъ какъ поднять ее даже на мѣстѣ, очевидно превышаго силы подсудимаго.

Это обстоятельство навело нѣкоторыхъ присяжныхъ на мысль, предложить свидѣтелямъ вопросъ, не могъ ли кто нибудь изъ проѣзжихъ потерять эту полосу желѣза, и тогда находившійся на судѣ въ числѣ свидѣтелей ночной сторожъ, той деревни гдѣ произошла кража показалъ, что ночью, черезъ ихъ деревню дѣйствительно проѣзжали землекопы корчевники, которые употребляютъ такіе желѣзные рычаги, при корчеваніи пней и затѣмъ добавилъ, что «и взаправду знать, они потеряли ночью этотъ рычагъ».

Послѣ этого присяжные пришли къ полному убѣжденію, что этотъ ломъ или рычагъ, никакого отношенія къ подсудимому не имѣетъ, и что только благодаря недостаточной опытности судебного слѣдователя, и крайне поверхностному отношенію его къ предварительному слѣдствію, этотъ желѣзный рычагъ случайно вѣтъ то потерянный на улицѣ, былъ совершенно неосновательно приуроченъ къ дѣлу о подсудимомъ, и послужилъ основаніемъ къ обвиненію его въ вооруженной кражѣ.

Укажемъ затѣмъ на другой въ такомъ же родѣ примѣръ, гдѣ тщательный осмотръ присяжными засѣдателями вещественныхъ доказательствъ, точно также имѣлъ послѣдствіемъ видоизмѣненіе главной противу подсудимаго улики и притомъ въ его пользу.

По дѣлу одного отставнаго солдата, обвинявшагося въ святотатствѣ, на судѣ, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ представлены были два обрѣзка серебра найденные въ карманахъ его, которые по удостовѣренію церковнаго причта, и старосты, подсудимый срѣзалъ съ одной изъ иконъ въ то время, когда производилъ въ церкви какія-то работы.

Подсудимый оспаривалъ принадлежность этихъ двухъ обрѣзковъ церкви, заявивъ, что онъ, по ремеслу серебрянникъ и потому скупаетъ себѣ разный серебрянный ломъ, гдѣ придется.

На судѣ присяжнымъ засѣдателямъ предъявлены были эти два обрѣзка, точно также, какъ и икона, съ которой они по удостовѣренію причта были срѣзаны.

Присяжные долго и внимательно осматривали пластинки и икону, производили взаимныя сличенія и примѣриванія ихъ и наконецъ пришли по видимому къ единогласному выводу.

На судебныхъ преніяхъ, прокуроръ доказывалъ принадлежность этихъ пластинокъ иконѣ, и главнымъ образомъ на этой уликѣ поддерживалъ все обвиненіе; защитникъ въ свою очередь оспаривалъ это, удостовѣрялъ совершенно противное и нѣкоторое сходство между пластинками найденными у подсудимаго и краями обрѣзовъ у иконы, объяснялъ простою случайностью.

Присяжные засѣдатели пробывъ на совѣщаніи около двухъ часовъ времени, возвратились оттуда въ залу суда, и чрезъ своего старшину предъявили суду просьбу еще разъ осмотрѣть обрѣзки и икону.

И то и другое имъ было снова предъявлено, и они не смотря на позднее уже время еще цѣлый часъ провели въ осмотрахъ и сличеніяхъ. Затѣмъ удалившись въ совѣщательную комнату, они черезъ нѣсколько минутъ вынесли подсудимому оправдательный приговоръ.

Въ этомъ дѣлѣ осмотръ вещественныхъ доказательствъ, т. е. серебряныхъ пластинокъ отъ иконы; въ смыслѣ главной и почти единственной по дѣлу улики, имѣлъ для подсудимаго рѣшающее значеніе, такъ какъ вся суть доказательствъ сводилась только къ тому, что у него были найдены два обрѣзка серебра отъ ризы.

Присяжные какъ потомъ оказалось, первоначально въ голосахъ своихъ раздѣлялись при совѣщаніи поровну, т. е. шестеро находили совершенную тождественность обрѣзковъ съ ризой и поэтому были за обвиненіе, а другіе шестеро этой тождественности не признавали и поэтому были за оправданіе. Такимъ образомъ равенство голосовъ, давало уже само по себѣ надлежащее разрѣшеніе всѣмъ сомнѣніямъ, и оправдательный приговоръ подсудимому былъ-бы вынесенъ съ перваго раза, если бы не религіозный характеръ преступленія, глубоко затронувшій нравственное чувство, нѣкоторыхъ пожилыхъ присяжныхъ простолюдиновъ изъ числа тѣхъ, которые стояли за обвиненіе.

Послѣдніе настаивая на обвиненіи подсудимаго, чтобы склонить большинство товарищей на свою сторону, предложили всѣмъ остальнымъ присяжнымъ, пріизвести новый осмотръ и новыя сличенія обрѣзковъ и ризы.

Вслѣдствіе этого, присяжные воротились въ залу и произвели вторичный осмотръ, при которомъ трое изъ стоявшихъ прежде за обвиненіе, на этомъ вторичномъ осмотрѣ отказались отъ своего мнѣнія о сходствѣ обрѣзковъ съ ризой. Такимъ образомъ при вторичномъ совѣщаніи, за оправданіе подсудимаго высказалось уже 9 голосовъ присяжныхъ.

По окончаніи дѣла, двое изъ стариковъ присяжныхъ, измѣнившихъ свой взглядъ на принадлежность обрѣзковъ ризѣ, заявили, что первоначальное мнѣніе за обвиненіе они дали потому, что не могли сразу хорошо разсмотрѣть обрѣзки, и только при вторичномъ осмотрѣ убѣдились въ невозможности, признать что обрѣзки принадлежатъ иконѣ.

Этотъ вторичный осмотръ присяжными засѣдателями по данному дѣлу обрѣзковъ ризы, даетъ намъ основаніе высказать, нѣсколько общихъ соображеній относительно того, какимъ порядкомъ въ засѣданіяхъ нашихъ окружныхъ судовъ, производится вообще осмотры вещественныхъ доказательствъ и предъявленіе ихъ присяжнымъ засѣдателямъ.

Начать съ того, что весьма часто, если только стороны и присяжные не потребуютъ сами этого осмотра, судъ съ своей стороны не предлагаетъ присяжнымъ, ознакомиться ближе съ предметами, составляющими по дѣлу вещественныя доказательства, которыя лежатъ обыкновенно на столѣ, въ запечатанномъ видѣ.

Приказаніе судебному приставу вскрыть эти вещи и предъявить ихъ при-

сяжными, отдается судомъ очень часто тогда только, когда сами присяжные того требуютъ.

Такимъ образомъ, въ судахъ нашихъ приходится наблюдать то весьма странное явленіе, что вещественныя доказательства, какъ самые осязательныя подчасъ признаки рассматриваемаго преступленія, остаются на судѣ въ сторонѣ, не предъявляются присяжнымъ и во все время судебного слѣдствія, лежатъ на столѣ уложенными и запечатанными.

Въ нѣкоторыхъ окружныхъ судахъ, предсѣдательствующіе, прежде чѣмъ предъявить присяжнымъ засѣдателямъ вещественныя доказательства, обращаются къ присяжнымъ съ вопросомъ, желаютъ ли они осмотрѣть ихъ, находятъ ли это для себя нужнымъ, или же могутъ «обойтись и безъ того».

Подобные вопросы способны привести въ немалое недоумѣніе, всякаго посторонняго даже на судѣ зрителя, ибо какимъ же образомъ можно предоставлять усмотрѣнію присяжныхъ засѣдателей, желать или не желать, знакомиться со всѣми тѣми данными, которыя въ силу самого закона, обязательно должны быть предъявлены имъ и проверены ими же на судѣ.

Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что тщательный осмотръ присяжными вещественныхъ доказательствъ, можетъ иногда дать имъ такой матеріалъ или такія данныя для правильнаго разрѣшенія дѣла, которыя никакимъ другимъ путемъ воспроизведены передъ ними быть не могутъ. Намъ скажутъ, что съ вещественными доказательствами, присяжные засѣдатели могутъ ознакомиться изъ прочитываемыхъ во время судебного слѣдствія актовъ слѣдственного производства, но такой выводъ представляется явно несостоятельнымъ уже по одному тому, что протоколы объ осмотрѣ вещественныхъ доказательствъ, составляются нерѣдко по прошествіи даже мѣсяца по совершеніи преступленія, а иногда судебные слѣдователи не составляютъ ихъ совсѣмъ, именно въ силу того убѣжденія, что «все равно, присяжные сами будутъ на судѣ ихъ осматривать». Затѣмъ, вещественныя доказательства при личномъ ихъ осмотрѣ присяжными, даютъ возможность видѣть въ нихъ такіе объекты преступнаго дѣянія, которые во многомъ воспроизводятъ въ представленіи присяжныхъ, какъ самый моментъ совершенія преступленія, такъ и его обстановку.

Кромѣ того, на протоколы объ осмотрахъ вещественныхъ доказательствъ нельзя полагать большихъ надеждъ и потому еще, что въ большинствѣ случаевъ, они составляются не судебными слѣдователями а чинами полиціи, которые въ этихъ случаяхъ, по неимѣнію у нихъ лишняго времени заботятся не столько о томъ, чтобы протоколы ихъ были составлены съ пользою для дѣла, съ должною полнотою, сколько о возможно скорѣйшемъ лишь исполненіи этой обязанности своей, съ чисто формальной точки зрѣнія.

Наконецъ, одинъ изъ существеннѣйшихъ принциповъ новаго гласнаго суда, устраняетъ по возможности всякую письменность въ уголовномъ процессѣ, и въ этомъ случаѣ, каждый практикъ юристъ, отдастъ всегда предпочтеніе личному осмотру слѣдовъ преступленія, нежели самому обстоятельному объ нихъ письменному протоколу.

Собственное живое, осязательное впечатлѣніе, отъ известнаго предмета, будетъ всегда глубже, полнѣе и осмысленнѣе, нежели воспроизведеніе всего этого въ представленіи человѣка, хотя бы путемъ самаго подробнаго и тщательнаго описанія.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда по опредѣленію суда, вещественныя доказательства предъявляются сторонамъ и присяжнымъ засѣдателямъ, самый процессъ или лучше сказать порядокъ этого предъявленія, въ разныхъ окружныхъ судахъ, практикуется чрезвычайно разнообразно и отличается многими характерными особенностями.

Обыкновенно предъявленіе это производится черезъ судебного пристава, который, смотря по составу присутствія присяжныхъ и по своему личному убѣжденію о томъ, какое значеніе можетъ имѣть предъявляемый имъ предметъ, или ограничивается только тѣмъ, что ради формальности пронести его вдоль передней скамьи присяжныхъ, или же въ болѣе рѣдкихъ только случаяхъ, передаетъ вещественное доказательство для осмотра въ руки присяжныхъ.

Какой смыслъ можетъ имѣть тотъ способъ предъявленія присяжнымъ какой либо вещи, когда она по выраженію одного присяжнаго засѣдателя, проносится только передъ ними «по линіи носовъ».

Если въ составѣ присяжныхъ засѣдателей находятся лица интеллигентныя и вообще такія, которыя понимаютъ чего они могутъ потребовать отъ судебного пристава, то послѣдній конечно опасается предъявленію вещественныхъ доказательствъ, придавать подобное, слишкомъ уже формальное значеніе, а потому останавливается иногда передъ ними, предоставляя имъ возможность осмотрѣть ту или другую вещь болѣе тщательно. Но когда на судейскихъ креслахъ сидятъ какъ это обыкновенно въ провинціи и бываетъ, одна лишь простолюдины, то судебныя пристава считаютъ для себя какъ бы обиднымъ «ходить передъ такими присяжными» и предъявлять имъ по ихъ требованію вещественныя доказательства, и если по необходимости дѣлаютъ это, то въ крайне безцеремонной по отношенію къ самимъ присяжнымъ засѣдателямъ формѣ.

Намъ наприимѣръ, известенъ такой случай: присяжнымъ засѣдателямъ простолюдинамъ, нужно было предъявить женскую рубашку вѣнаслованной фабричной работницы. Взять въ руки это вещественное доказательство, судебный приставъ конечно побрезгалъ, а потому для предъявленія присяжнымъ рубашки, онъ приподнял ея на палку и такимъ образомъ поднесъ къ присяжнымъ. Когда одинъ изъ крайнихъ присяжныхъ, пожелалъ осмотрѣть рубашку поближе, то судебный приставъ, стоявшій все время неподвижно около стола, и на этотъ разъ не потрудился сойти съ своего мѣста, а чтобы приблизить рубашку къ присяжному, сидѣвшему на концѣ скамьи, такъ неудачно махнулъ къ нему палкой, на которой рубашка держалась, что послѣдняя соскочила съ нее и къ крайнему удовольствію всей публики, усмотрѣвшей въ этомъ даровой спектакль, накрыла собою голову присяжнаго.

Такимъ удовольствіемъ, присяжный засѣдатель былъ по словамъ судебного пристава наказанъ за свое «излишнее любопытство».

Иногда судебные пристава «для краткости» передаютъ предметы вещественныхъ доказательствъ старшинѣ присяжныхъ, который рассматриваетъ ихъ одианъ съ ближайшими своими товарищами, и затѣмъ уже впечатлѣнія свои передаетъ другимъ присяжнымъ. Многіе предѣдательствующие находятъ такой способъ предъявленія присяжнымъ вещественныхъ доказательствъ вполне удовлетворительнымъ, и напротивъ нѣкоторые, особенно строго относящіеся къ своимъ обязанностямъ, не допускаютъ такого порядка, находя необходимымъ, чтобы заключенія свои о предметахъ вещественныхъ доказательствъ, присяжные засѣдатели составляли бы на основаніи своихъ личныхъ впечатлѣній, а не единоличныхъ выводовъ старшины, почему весьма основательно и требуютъ, чтобы каждый изъ присяжныхъ засѣдателей, непременно самъ лично осматривалъ всѣ предъявляемые имъ предметы.

Само собою этотъ послѣдній приемъ представляется наиболѣе правильнымъ и законнымъ, такъ какъ въ судебномъ засѣданіи всѣ присяжные засѣдатели представляютъ собою одинаково равноправныхъ судей, и заключенія свои по существу дѣла должны дѣлать исключительно лишь на основаніи своихъ личныхъ взглядовъ, выводовъ и убѣжденій.

Нѣкоторые изъ судей придерживаются того мнѣнія, что нѣтъ никакой надобности, навязывать присяжнымъ засѣдателямъ обязательный осмотръ имѣющихся при дѣлѣ вещественныхъ доказательствъ на томъ основаніи, что всякій разъ, когда они признаютъ это для себя необходимымъ, никто не мешаетъ имъ заявить о томъ суду, и что кромѣ того, ходатайства о предъявленіи присяжнымъ засѣдателямъ вещественныхъ доказательствъ, почти постоянно предъявляются суду сторонами, т. е. обвиненіемъ и защитой.

Но такое мнѣніе представляется совершенно неосновательнымъ.

Присяжные засѣдатели изъ интеллигентныхъ классовъ, по скромности и приличію, а простолюдины присяжные изъ робости и боязни, почти что никогда не заявляютъ суду своихъ о томъ ходатайствъ. Всякая подобная просьба присяжныхъ, обращаемая къ суду, имѣетъ всегда нѣкоторый видъ напоминанія того, чтобы судъ былъ внимательнѣе къ своимъ обязанностямъ, и не упустилъ бы изъ вида, ничего такого, что можетъ послужить присяжнымъ, матеріаломъ для разрѣшенія дѣла. Присяжные хорошо понимаютъ это а потому и стѣсняются утруждать судъ своими напоминаніями.

Затѣмъ всякое заявленіе какой-либо одной стороны о предъявленіи присяжнымъ вещественныхъ доказательствъ, будетъ имѣть всегда одностороннее значеніе, и ожидать такихъ заявленій непременно по каждому дѣлу нельзя, ибо очевидно и обвиненіе и защита, тогда только будутъ просить о предъявленіи присяжнымъ засѣдателямъ вещественныхъ доказательствъ, когда это будетъ прямо соответствовать ихъ интересамъ, а интересъ общій, интересъ такъ сказать безразличнаго правосудія, требуетъ обязательнаго выполненія этого обряда, непременно каждый разъ, когда къ дѣлу представляются какія либо вещественныя доказательства.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ робость присяжныхъ засѣдателей изъ простолюдиновъ, препятствующая имъ къ вопросу объ осмотрѣ вещественныхъ доказательствъ относиться такъ, какъ бы они того желали или находили нужнымъ, влечетъ за собою крайне нежелаемыя послѣдствія.

Сознавая, что знакомиться съ вещественными доказательствами тѣмъ упрощеннымъ способомъ, который предоставляется имъ обыкновенно судебными приставами, они не могутъ, присяжные простолюдины затрудняются однакоже заявлять о томъ суду, и такимъ образомъ вынуждаются, насмѣя себя, относиться къ этому акту осмотра только формально.

На одной уѣздной сессіи въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, по дѣлу о кражѣ, находились: небольшое долото и осколокъ дерева отъ шкатулки.

Путемъ осмотра этихъ вещей, присяжные должны были убѣдиться, что взломъ шкатулки сдѣланъ именно упомянутымъ долотомъ, размѣры котораго съ нѣкоторыми характеристическими царапинами отпечатѣлись на взломанной части дерева.

Засѣданіе суда по этому дѣлу происходило въ небольшой залѣ земской управы, при скудномъ освѣщеніи трехъ свѣчей, стоявшихъ на столахъ суда, прокурора и секретаря.

Присяжные засѣдатели находились въ совершенной темнотѣ, будучи значительно удалены отъ судейскаго стола, и когда судебный приставъ, по приказанію предсѣдателя, предъявилъ имъ для осмотра долото и дерево, то они, несомнѣнно, въ темнотѣ ничего не могли разсмотрѣть, тѣмъ болѣе, что приставъ, озабоченный тѣмъ, чтобы присяжные долго «не засматривались», не передавалъ имъ въ руки ни долота, ни дерева, а подержалъ ихъ нѣсколько секундъ только передъ присяжными передней скамьи.

По окончаніи судебныхъ преній, во время постановки вопроса, подсудимый, какъ видно человекъ уже бывалый и защищавшій себя самъ, на вопросъ суда: не имѣетъ ли онъ чего возразить противу редакціи вопроса о его виновности, совершенно неожиданно для суда заявилъ вдругъ, что возраженіе онъ имѣетъ сдѣлать очень серьезное.

— Что же Вамъ угодно сказать, обратился къ нему предсѣдательствующій.

— Желательно намъ, господа судьи, обратился онъ къ суду, какъ значитъ присяжнымъ господамъ судьямъ написано, сломалъ ли я доподлинно замокъ у шкатулки, и мое ли то долото или нѣтъ, или какой другой инструментъ при томъ былъ у насъ, какими танеря манеромъ, присяжные господа, объ моемъ дѣлѣ будутъ сумѣтніе имѣть, что этимъ самымъ долотомъ шкатулку я ломалъ, когда къ примѣру сказать сидячи въ потемкахъ, однимъ словомъ, къ истинности примѣрку долота сдѣлать они не могли, и къ тому же изъ чужихъ рукъ, не выдаючи близко, это можно понять всякому человеку, что тутъ одно сумѣтніе выдать, а не судъ, потому что не выдаючи—первое, второе, не примѣривши, какимъ манеромъ сказать можно, что самымъ моимъ долотомъ шкатулка была сломлена.

Заявленіе подсудимаго было совершенно основательно, очевидно онъ рассчитывалъ быть оправданнымъ, вслѣдствіе несходства слѣдовъ взлома шкатулки съ принадлежащимъ ему долотомъ, а потому для него было очень важно, чтобы присяжные въ дѣйствительности осмотрѣли и тщательно сличили представленныя къ дѣлу вещественныя доказательства.

Это заявленіе подсудимаго привело присяжныхъ застѣдателей въ нѣкоторое замѣшательство, а когда предсѣдательствующій спросилъ ихъ, хорошо ли они рассмотрѣли долото и обломокъ дерева, то старшина ихъ съ замѣтною робостью отвѣтилъ, что «оно бы не шло, когда бь долото, да осколокъ въ руки имъ дали, да огня поближе, они бы рассмотрѣли добре, потому инструментъ этотъ дѣло имъ привычное, на глазъ всякъ взглянетъ и скажетъ, а теперь признаться добре не рассмотрѣли, потому темно, да съ чужихъ это рукъ, словно какъ и неспособно смотрѣть».

Предсѣдательствующій вынужденъ былъ возобновить судебное слѣдствіе, приказалъ подать присяжнымъ свѣчей, вручилъ имъ долото и отщепокъ дерева и затѣмъ судъ терпѣливо ожидалъ, въ теченіи около 20 минутъ, пока присяжные съ крайнимъ вниманіемъ разсматривали долото и примѣряли его къ дереву.

— Тогда, благодаримъ покорно, все какъ есть рассмотрѣли, обратился старшина къ предсѣдательствующему по окончаніи осмотра, подавая ему долото и дерево.

Въ заключеніе подсудимый по этому дѣлу былъ присяжными оправданъ, такъ какъ они не признали сходства его долота съ оттискомъ на деревѣ отъ шкатулки, а между тѣмъ протоколъ полиціи объ осмотрѣ и сличеніи этихъ вещественныхъ доказательствъ, который, по требованію обвинителя, былъ прочитанъ еще во время судебного слѣдствія, упоминалъ со всею положительностію, что какъ становой приставъ, производившій осмотръ, такъ равно и присутствовавшіе при томъ понятые, пришли къ полному убѣжденію, что взломъ шкатулки былъ сдѣланъ именно означеннымъ долотомъ, подсудимаго. А кто не знаетъ какимъ порядкомъ составляются у насъ разные полицейскіе протоколы, подъ которыми, проформы ради, подписываютъ иногда такихъ понятыхъ, которые при составленіи протоколовъ вовсе даже и не присутствовали, между тѣмъ такіе протоколы съ формальной стороны, могутъ быть читаны на судѣ и признаются за достовѣрное доказательство тѣхъ фактовъ, въ подтвержденіе которыхъ они составлены.

Въ описываемомъ случаѣ, присяжные застѣдатели были еще новѣе и, какъ они потомъ сами рассказывали, имъ казалось, «что коли начальство на бумагѣ отписало, что долото тое самое и есть, то значить, какъ же бумагѣ той не вѣрять». Въ простотѣ своей присяжные даннаго состава считали рѣшительно невозможнымъ усомниться въ справедливости акта, составленнаго становымъ приставомъ и кроиъ того, по распоряженію суда, прочитаннаго передъ ними.

Они рассказывали потсмъ своимъ товарищамъ, не участвовавшимъ въ раз-

смотрѣнія дѣла, что недоумѣвали даже о томъ: нравѣ ли они были взять въ руки тѣ вещи, к которымъ имъ показывалъ судебный приставъ, думая что они могутъ смотрѣть на нихъ, какъ на какую то принадлежность суда только «сдавая».

Присяжные засѣдатели съ такими понятіями въ провинціи отнюдь не рѣдкость, и имъ, какъ людямъ не развитымъ, впервые иногда попадающимъ на судебное кресло, слѣдуетъ вразумлять права ихъ самымъ всестороннимъ образомъ и не оставлять въ невѣдѣніи относительно всего того, что можетъ имѣть какое либо соотношеніе къ существу разсматриваемаго дѣла.

Въ нашихъ судахъ формализмъ въ исполненіи весьма многихъ обязанностей судебного процесса, и такъ уже парализуетъ въ значительной степени интересы правосудія.

Полагаться всегда на то, что сами присяжные сумѣютъ заявить суду о томъ, что они находятъ нужнымъ себѣ разъяснить и что желали бы лучше и обстоятельнѣе усвоить себѣ, очевидно нельзя. Боязнь и робость, столь обычныя въ простолюдинахъ при общеніи ихъ со всякаго рода нечашествомъ, а слѣдовательно и съ судомъ, весьма часто служатъ имъ помѣхою для того, чтобы, въ случаѣ чего либо для нихъ непонятнаго, обращаться за разъясненіями о томъ къ суду.

Намъ кажется, что предѣдательствующіе въ судѣ, должны всегда имѣть въ виду, съ какимъ составомъ присяжныхъ приходится имъ вести засѣданіе и, по отношенію къ простолюдинамъ, руководствоваться тѣми предусмотрительными указаніями закона, которыя обязываютъ судъ обращать особенное вниманіе на то, чтобы присяжные засѣдатели воспользовались всеми средствами, для обстоятельнаго и подробнаго ознакомленія съ дѣломъ.

Присяжнымъ засѣдателямъ, изъ простолюдиновъ, присуща вообще та медлительность, съ которою люди ихъ среды относятся къ окружающей ихъ обстановкѣ и принимаются за разрѣшеніе предлагаемыхъ имъ вопросовъ. Эта медлительность ихъ особенно рельефно выражается въ томъ случаѣ, когда присяжнымъ приходится разсматривать какія нибудь вещественныя доказательства. По иѣткому замѣчанію одного провинціального защитника, простолюдинимъ присяжные для того, чтобы освоиться вполнѣ и ознакомиться какъ слѣдуетъ съ предметомъ вещественнаго доказательства, мало того что осматриваютъ его со всѣхъ сторонъ, но считаютъ еще нужнымъ, такъ сказать, вышупать и выпробовать его. При возникновеніи вопросовъ объ испорченности вещей во время совершенія кражъ, когда перча замка оспаривается подсудимымъ, простолюдины присяжные для лучшихъ изслѣдованій, пускаютъ перчатку въ ходъ свои руки и даже зубы, для того, чтобы убѣдиться цѣлъ ли замокъ или нѣтъ? Само собою разумѣется, такіе продолжительные эксперименты, отнимають у всего состава суда не мало времени, но не менѣе того, казалось бы, что торопить въ этомъ случаѣ присяжныхъ и вообще какъ нибудь образомъ подгонять ихъ къ тому, чтобы они скорѣе оканчивали свои обмоты, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ.

На практикѣ же, подобныя приемы со стороны суда встрѣчаются очень часто, и многіе присяжные засѣдатели изъ своей личной судебной дѣятельности выносятъ то убѣжденіе, что въ правѣ или лучше сказать въ обязанности своей, относиться въ осмотру вещественныхъ доказательствъ, съ должнымъ вниманіемъ и полнотою, они весьма часто бывають стѣсняемы черезъ чуръ торопливыми распоряженіями предсѣдательствующихъ.

Иногда судьи, въ подобныхъ случаяхъ, допускають даже явное нарушение закона, если только не полное уже пренебреженіе къ составу присутствія присяжныхъ, выражающееся въ томъ, что въ періодъ времени, пока присяжные засѣдатели рассматривають вещественныя доказательства, судъ вызываетъ свидѣтелей, производитъ имъ допросъ, и вообще продолжаетъ вести судебное засѣданіе, не стѣняясь тѣмъ, что въ тоже время присяжные засѣдатели рассматривають вещественныя доказательства.

Между тѣмъ нельзя не согласиться, что, отдавая свое вниманіе обзору вещественныхъ доказательствъ, бываетъ въ тоже самое время невозможно слѣдить за тѣмъ, что говоритъ свидѣтель, что возражаетъ ему подсудимый, и вообще удерживать у себя въ памяти всю сущность того, что происходитъ изъ этихъ перекрестныхъ показаній, возраженій и опроверженій.

Намъ передають объ одномъ подобномъ случаѣ въ провинціи, который окончился однакоже тѣмъ, что старшина присяжныхъ засѣдателей, какъ видно человекъ крайне энергичный и стоявшій на высотѣ своей судебской задачи, по окончаніи допроса всѣхъ свидѣтелей, который производился въ то время, пока присяжные осматривали цѣлую кипу вещественныхъ доказательствъ въ видѣ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, потребовалъ возобновленія передъ ними допроса свидѣтелей на томъ основаніи, что присяжные засѣдатели, будучи заняты осмотромъ вещественныхъ доказательствъ, не имѣли возможности слѣдить въ тоже время за тѣмъ, что передавали суду свидѣтели.

Не смотря на совершенную основательность такого заявленія старшины присяжныхъ, предсѣдательствующій, членъ суда, нашель, почему то, возможнымъ управнуть присяжныхъ засѣдателей въ невниманіи на судѣ къ своимъ обязанностямъ и, можетъ быть, рискнуть бы даже оставить заявленіе старшины ихъ безъ послѣдствій, если бы таковое не было энергично поддержано сторонами т. е. прокуроромъ и защитникомъ, заявившимъ суду и съ своей стороны, что присяжные засѣдатели не могли слѣдить за показаніями свидѣтелей, будучи заняты рассмотрѣніемъ фальшивыхъ бумажекъ.

Въ другомъ, сообщаемомъ намъ тоже изъ провинціи, случаѣ, судъ, во избѣжаніе потери времени, предложилъ присяжнымъ засѣдателямъ, заняться рассмотрѣніемъ вещественныхъ доказательствъ, во время перерыва засѣданія въ ихъ совѣщательной комнатѣ, и такимъ образомъ самопроизвольно выдѣляль изъ судебного слѣдствія тѣ дѣйствія которыя должны были происходить въ публичномъ судебномъ засѣданіи.

Съ другой стороны, слѣдуетъ сказать, что иногда, въ осмотрахъ вещественныхъ доказательствъ, присяжные засѣдатели переступають свою роль по

закону и, увлекаясь разными сличеніями и изслѣдованіями незамѣтно переходить въ область экспертизы, что особенно часто бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ числѣ присяжныхъ засѣдателей оказываются лица, по своему занятію и ремеслу, компетентныя относительно тѣхъ предметовъ, которые въ данномъ случаѣ представляютъ собою вещественныя доказательства.

Одинъ подобный случай закончился слѣдующимъ комичнымъ результатомъ.

Въ качествѣ вещественнаго доказательства, представленъ былъ на судѣ патентованный англійскій замокъ, отъ конюшни богатаго землевладѣльца, у котораго воры похитили тройку лошадей.

Существенный вопросъ, возникшій по этому поводу на судѣ, заключался въ томъ, былъ ли замокъ этотъ сломанъ и поврежденъ, или же воры отворили его искусственно безъ всякаго поврежденія? Последнее обстоятельство съ особенною настойчивостію доказывалъ одинъ изъ подсудимыхъ. Когда этотъ замокъ перешелъ для осмотра въ руки присяжныхъ засѣдателей, то оказавшійся въ средѣ ихъ одинъ ученый слесарь, съ достоинствомъ знатока и специалиста дѣла, взявъ замокъ въ руки, раза два потянулъ его за дужку, стукнулъ потомъ нижнею частію объ полъ, и вообще занялся спеціальнымъ изслѣдованіемъ его, для чего прибѣгнувъ даже къ помощи цѣлой связки ключей, вынутой имъ изъ своего кармана.

Предсѣдательствующій только что было собрался предложить этому присяжному засѣдателю, оставить дальнѣйшее производство надъ замкомъ такихъ экспериментовъ, которые могли бы быть допущены только по отношенію къ эксперту, какъ вдругъ замокъ, бывшій до того времени цѣлымъ, отъ новаго удара объ уголь окна рассыпался на нѣсколько кусковъ, къ великой радости подсудимаго, и къ немалому изумленію всѣхъ присяжныхъ вообще, а въ особенности присяжнаго — эксперта, у котораго въ рукахъ осталась одна только дужка замка.

Подсудимый поспѣшилъ засвидѣтельствовать передъ судомъ, что «станора въ томъ замкѣ, онъ не отвѣчалъ, потому замокъ доподлинно прежде цѣлъ былъ, а сломалъ его самъ господинъ присяжный».

Такимъ образомъ излишнее усердіе присяжнаго засѣдателя, разрѣшило преждевременно спорный вопросъ о цѣльности замка въ пользу подсудимаго.

Въ числѣ присяжныхъ засѣдателей не рѣдко бываютъ почтенные старики, необладающіе достаточно отчетливымъ зрѣніемъ для производства различныхъ осмотровъ и сличеній. Между тѣмъ имъ приходится иногда личнымъ своимъ осмотромъ провѣрять по вещественнымъ доказательствамъ такіа мелкія подробности, которыя недоступны для слабого зрѣнія.

На одной уѣздной сессіи, присяжнымъ засѣдателямъ для осмотра и сличенія предложено было нѣсколько различныхъ образцовъ маковыхъ и горчичныхъ сѣмянъ, составлявшихъ предметъ кражи. Въ числѣ присяжныхъ засѣдателей по этому дѣлу находился одинъ старикъ, который съ горчичнымъ сѣменомъ кое-какъ еще сладилъ, но относительно сличенія маковыхъ заявилъ, что одолѣть ихъ не можетъ, потому что глаза у него плохи стали. Прокуроръ по-

чему-то придавъ особенное значеніе этому осмотру образцовъ и заявляя суду, что въ цѣляхъ обвиненія ему необходимо, чтобы весь комплектъ присяжныхъ засѣдателей личнымъ осмотромъ вполнѣ убѣдился бы въ сходствѣ или несходствѣ представленныхъ на судъ образцовъ съ тѣми, которыя у потерпѣвшаго были похищены, а такъ какъ одинъ изъ комплектныхъ присяжныхъ засѣдателей заявилъ, что онъ страдаетъ слабостью зрѣнія, то прокуроръ и заявилъ суду просьбу замѣнить этого старика запаснымъ присяжнымъ засѣдателемъ, каковое ходатайство прокурора и было уважено судомъ.

До сихъ поръ мы говорили о вещественныхъ доказательствахъ, какъ о необходимыхъ, такъ сказать, дополненіяхъ къ судебному слѣдствію, въ томъ случаѣ, когда при доказательствахъ другаго рода, осмотръ вещественныхъ доказательствъ, можетъ послужить къ разъясненію лишь тѣхъ или другихъ подробностей или частныхъ слушаемаго дѣла.

Иногда же при недостаточныхъ даже уликахъ къ обвиненію, своевременно предъявленные присяжнымъ засѣдателямъ вещественныя доказательства, производятъ при слабости, вообще всѣхъ другихъ уликъ къ обвиненію, рѣшительное и безповоротное вліяніе на совѣтъ присяжныхъ, раскрывая передъ ними моменты преступленія и самую лживость подсудимаго въ такой обстановкѣ и въ столь яркихъ краскахъ, что признаніе факта преступнаго дѣянія и виновности подсудимаго является у нихъ результатомъ убѣжденія, хотя совершенно и неожиданнаго, возникшаго вдругъ, но не менѣе того убѣжденія самаго полного и искренняго.

Мы были наприхѣръ свидѣтелями такого случая, происшедшаго на провизиональной сессіи въ одномъ уѣздномъ городѣ.

Нѣкто отставной чиновникъ, учитель въ сельской школѣ, задержавъ у себя по окончаніи уроковъ одну 8-лѣтнюю дѣвочку, связавъ ей руки и изнасиловалъ ее при самыхъ возмутительныхъ обстоятельствахъ.

Несчастный ребенокъ на третьи же сутки послѣ того умеръ, а учитель, по жалобѣ матери, преданъ былъ суду присяжныхъ по обвиненію его въ растлѣніи дѣвочки довлѣшемъ за собою ея смерть.

На судѣ никакихъ прямыхъ уликъ къ обвиненію подсудимаго обнаружено не было, а главная косвенная улика заключалась лишь въ показаніи матери ребенка, которая о событіи преступленія передавала на судѣ со словъ своей умершей дочери.

Почти цѣлый годъ протекшій со дня смерти дѣвочки, въ значительной степени уташилъ горе матери, о безвременной погибшемъ ея ребенкѣ; по крайней мѣрѣ она давала показаніе на судѣ довольно спокойно и не выказывала особеннаго озлобленія къ личности подсудимаго. О самомъ фактѣ грубаго насилія, совершеннаго «учителемъ» надъ ея дочерью, она говорила какъ то неопредѣленно, не полно, а спокойное почти состояніе ея духа и совершенно безстрастная рѣчь, не въ состояніи были произвести на посторонняго человѣка никакого впечатлѣнія. Напротивъ, отсутствіе какихъ либо внѣшнихъ выраженій, испытываемой матерью скорби отъ потери ребенка, выразилось совершенно про-

тивооложнымъ результатомъ, и какъ въ публикѣ, такъ и въ средѣ присутствія присяжныхъ засѣдателей видимо стало уже складываться убѣжденіе въ пользу подсудимаго, явилось нѣчто въ родѣ признанія, что тутъ дѣло какъ то не вполне ясно, что сама и мать то, «не то она правду говоритъ, не то Богъ ее знаетъ», и вообще дѣло въ своихъ обвинительныхъ основаніяхъ, такъ сказать, поколебалось и поколебалось довольно сильно.

Но вотъ судебное слѣдствіе окнчилося.

— Не желаютъ-ли стороны дополнить чѣмъ ибудь судебное слѣдствіе, провозгласилъ громко предсѣдательствующій.

Защитникъ подсудимаго молча всталъ, слегка поклонился суду и пристально взглянулъ на прокурора.

— Я прошу предъявить господамъ присяжнымъ засѣдателямъ, находящимся при дѣлѣ вещественныя доказательства, а именно, одежду изнасилованной и скончавшейся дѣвочки, а также платокъ подсудимаго, которымъ онъ ей предварительно перевязалъ руки, громко и отчетливо проговорилъ товарищъ прокурора, обращаясь къ суду.

Уже одна эта прелюдія произвела свое дѣйствіе на всѣхъ присутствующихъ.

Подсудимаго сильно передернуло и онъ уставился глазами внизъ, присяжные переглянулись, какъ то встrepенулись и инстинктивно повернулись лицомъ къ столу вещественныхъ доказательствъ, изъ подъ котораго судебный приставъ вытаскивалъ небольшой тючекъ и сталъ его вскрывать.

Находящаяся въ залѣ публика насторожилась молчаливымъ ожиданіемъ, а сидѣвшая въ переднемъ ряду лавокъ, мать умершей дѣвочки, молча поднялась вдругъ съ своего мѣста и среди всеобщей тишины въ залѣ, робкими, неслышными шагами подошла къ столу и остановилась нѣсколько въ сторонѣ.

Въ эту минуту чувства несчастной матери, несомнѣнно пришли въ нѣкоторое волненіе, сознаніе, что сейчасъ, сію минуту, увидить она одежду своей погибшей дѣвочки конечно должно было растревожить въ ней, затихшую уже было тоску ея материнскаго сердца.

Время дѣлало свое, горе матери, какъ оно велико не было, постепенно сглаживалось, тяжелыя впечатлѣнія уступали мѣсто болѣе спокойнымъ и вдругъ во всей полнотѣ, должна предстать предъ ней та обстановка, въ которой малютка дочь ея подверглась насилію и въ которой скончалась.

Предъявленіе этихъ вещественныхъ доказательствъ несчастной матери, приближало ее, такъ сказать, въ возможной степени осязаемости къ самому моменту преступленія, воспроизводило передъ ней вновь, пережитую уже тяжелую картину горя, вотъ почему, не спуская глазъ съ злополучнаго тючка, блѣдная, съ взволнованнымъ и встревоженнымъ лицомъ, слѣдила она, съ очевиднымъ душевнымъ трепетомъ, за судебнымъ приставомъ, который распаковывалъ тюкъ и разворачивалъ его содержимое.

— Дѣтская рубашечка съ кровавыми пятнами, провозгласилъ вдругъ судебный приставъ, представляя публично номеръ первый вещественнаго доказательства и передавая присяжнымъ засѣдателямъ рубашечку дѣвочки.

— Груши моей... ея рубашечка... голубушки моей... со слезами на глазахъ, заговорила порывистымъ голосомъ мать умершей дѣвочки.

— Дѣтское платьице, разорванное спереди на двое, продолжалъ судебный приставъ, читая на припиленномъ къ платьицу ярлыкѣ, и точно также передать присяжнымъ и платьице.

— Тое самое... Груни моей... убилъ ты мою дѣвочку... Грунюшка... милая дѣточка ты моя... родная, уже съ порывомъ какого-то отчаянія въ голосъ, и заливаясь слезами, проговорила Грунина мать, ринулась было къ платью своего ребенка... остановилась вдругъ... вскрикнула слабо... зашаталась и тутъ же безъ чувствъ упала на полъ.

Сцена произошла подавляющая. Бѣдную женщину поспѣшно вынесли изъ залы. Въ публикѣ пробѣжалъ ропотъ состраданія къ несчастной матери, какая-то женщина, гдѣ то вдали, успѣла даже довольно громко всплакнуть, присяжные сдѣлались какъ-то угрюмо сосредоточенны, и съ отгнѣвомъ суроваго настроенія взглянули въ сторону учителя. А послѣдній, подъ пыткою обращенныхъ на него со всѣхъ сторонъ недружелюбныхъ глазъ словно стараясь уйти въ самого себя, сгорбился, осунулся, спряталъ совсѣмъ лицо въ воротникъ сѣраго армяка своего, нагнувъ голову къ низу и видимо испытывалъ тяжелыя ощущенія и на своей грѣшной душѣ.

Судебный приставъ досталъ еще изъ тючка шнурокъ съ крестиками, который былъ разорванъ подсудимымъ на шеѣ дѣвочки вмѣстѣ съ платьемъ ея и платокъ подсудимаго, которымъ онъ «для удобства» связалъ ей руки.

Наконецъ по прошествіи нѣсколькихъ минутъ пришедшая въ чувство мать была введена снова въ залу.

Не осушая глазъ своихъ и не переставая рыдать, но уже болѣе спокойнымъ голосомъ, она повторила передъ судомъ свой печальный рассказъ о погибшемъ ребенкѣ, но уже съ гораздо большими подробностями. Вызванныя везанью наружу воспоминанія о прошломъ ея ребенка, напомнили ей многое изъ того, о чемъ она уже успѣла позабыть, а потому этотъ вторичный ея рассказъ былъ какъ-то полнѣе, сердечнѣе, западалъ прямо въ душу и не возбуждалъ уже ни малѣйшихъ сомнѣній въ томъ, что словами ея на этотъ разъ говорила самая искренняя правда.

— Покайся, Иванъ Метричъ, обратилась она вдругъ къ подсудимому, совершенно для него неожиданно, покайся, твое это дѣло, ты мнѣ мою Груню сгубилъ, невинную дѣтскую кровь пролилъ, проговорила она, глотая душившія ее слезы, и устремивъ на него упорный, продолжительный взглядъ.

Не выдержавъ несчастный учитель этихъ упрековъ матери и въ свою очередь уткнулся лицомъ въ полу армяка.

— Виноватъ, глухо проговорилъ онъ вдругъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ обращаясь къ суду, виноватъ я, каюсь... простите... прошепталъ онъ едва уже слышно, и развязалъ передъ людскою совѣстью свой тяжелый грѣхъ.

Присяжные его осудили, но дали ему «полное снисхожденіе».

Подобный же случай разоблаченія передъ присяжными засѣдателями пу-

темъ предъявленія имъ вещественныхъ доказательствъ, со стороны дѣла, нѣсколько много оттѣнка, имѣлъ мѣсто въ одномъ изъ столичныхъ Окружныхъ Судовъ, гдѣ вещественныя доказательства въ видѣ одежды съ убитой жертвы, дали возможность присяжнымъ засѣдателямъ съ спокойной совѣстью, утвердиться въ своемъ рѣшеніи и оправдать сознавагося убійцу.

Вотъ сущность этого втораго дѣла.

Молодой торговый прикащикъ, обвинялся въ томъ, что, прийдя въ квартиру своей жены, жившей отъ него отдѣльно, съ обдуманнѣмъ заранѣе намѣреніемъ, и съ цѣлю лишенія ея жизни, принесеннымъ съ собою кинжаломъ, нанесъ ей въ грудь три смертельныхъ раны, отъ которыхъ она и умерла на мѣстѣ.

Подсудимый чистосердечно признался въ своемъ преступленіи и при этомъ рассказалъ самую тяжелую эпопею своей жизни. Какъ изъ собственнаго его показанія, такъ равно и показаній нѣкоторыхъ спрошенныхъ на судѣ свидѣтелей выяснилось, что подсудимый женился по любви, очень любилъ свою жену, но послѣдняя предпочла предосудительный образъ жизни, живи съ мужемъ, бросила его, перешѣлила въ теченіи одного года, нѣсколько любовниковъ, наконецъ стала преслѣдовать своего мужа разными скандальными исторіями, устраивала при посредствѣ своихъ многочисленныхъ обожателей разные траги на мужа, нѣсколько разъ обкрадывала его, а затѣмъ, какъ-то явившись къ нему на квартиру лично, стала вдругъ просить у него прощеніе, заявила желаніе жить опять съ нимъ и упростила его пріѣхать къ ней въ конеръ гостиницы и забрать все ея вещи.

Ничего не подозрѣвая, обрадованный мужъ ея успѣшилъ явиться къ ней на квартиру и здѣсь, при самой циничной обстановкѣ, встрѣтилъ жену свою въ разгарѣ полнаго разгула съ нѣсколькими ея любовниками.

Несчастный мужъ, пораженный такимъ тяжкимъ оскорбленіемъ, на этотъ разъ выдержалъ однако себя и, обливаясь слезами за позоръ своей жены, которую не переставалъ любить, молча удалился отъ нее, такъ какъ сознавалъ уже всю бесполезность какихъ бы то ни было на нее увѣщаній, съ другой же стороны, цѣлое общество поклонниковъ ея, которое онъ у нее встрѣтилъ отнеслось къ нему крайне враждебно, набросилось было на него и въ добавокъ, любимая жена, со смѣхомъ и хохотомъ, проводивъ его вонъ изъ своей квартиры, крикнула еще ему въ догонку на улицу черезъ окно: «на что ты, дуракъ, мнѣ нуженъ, когда видишь сколько у меня мужей, а захочу и того больше будетъ».

Эти послѣднія слова ошеломили несчастнаго мужа; женщина, которую онъ любилъ, пала передъ нимъ такъ низко, какъ ниже пасть было уже нельзя, чувства мужа не позволяли ему сносить дальнѣйшія униженія своей жены, онъ пришелъ домой совершенно разстроенный, задумался, ночь не спалъ, а къ утру роковая мысль созрѣла уже вполне въ его головѣ.

— Убью ее... хоть и жалко... по крайней мѣрѣ.. надъ тѣломъ ея... никто надругаться... не будетъ... порѣшилъ онъ, и въ тотъ же день, купивъ

кинжалъ, отточилъ его, пришелъ вечеромъ въ гостиницу, гдѣ жила его жена, и, незамѣтно пробравшись къ ней въ номеръ, тремя ударами въ грудь положилъ ее на мѣстѣ въ тотъ моментъ, когда она полураздѣтая сидѣла на колѣняхъ у какого-то денежнаго туза... ее поѣтившаго.

Онъ самъ отдался въ руки правосудія и въ непродолжительномъ времени предсталъ передъ судомъ присяжныхъ.

Симпатичная въ высшей степени личность подсудимаго, относительно котораго судебное слѣдствіе дало весьма много благоприятныхъ данныхъ, не могла не вызвать полного къ нему расположенія и сочувствія, какъ со стороны присяжныхъ, такъ равно и публики, тѣмъ болѣе, что весьма многія обстоятельства дѣла, подтверждали вполнѣ, всю безнравственность и цинизмъ поведенія его жены, несчастную, но искреннюю и глубокую привязанность его къ ней.

Для полноты же этого общаго впечатлѣнія, въ пользу подсудимаго, встрѣчалась необходимость какимъ-нибудь внѣшнимъ объективнымъ образомъ доказать присяжнымъ, въ какой степени подсудимый дѣйствительно любилъ свою жену, какъ велика была для него потеря ея, и насколько мучительны были для него тѣ страданія, которыя она ему причиняла если, любя ее даже порочно и развращенною до послѣдней степени, онъ рѣшился ее убить ради того, чтобы прекратить ея позоръ и свои муки.

И вотъ краснорѣчивыя доказательства всего этого, предстали передъ совѣстью присяжныхъ въ тотъ моментъ, когда, по распоряженію суда, судебный приставъ вскрылъ тюкъ съ одеждой, въ которой жена подсудимаго находилась въ моментъ лишенія ея жизни.

Судебный приставъ послѣдовательно вынулъ изъ тюка изящную дорогую кружевную кофту, батистовую рубашку, двѣ бѣлыхъ юбки и дорогую бархатную юбку отъ платья. Всѣ эти вещи были сплошь залиты кровью покойной и неволью вызвали у всѣхъ какую то нервную дрожь.

По праву подсудимаго, а на этотъ разъ, вслѣдствіе страшной ироніи судьбы, по праву мужа, всѣ эти вещи, по приказанію предсѣдателя суда, прежде всего были предъявлены обвиняемому.

Трудно описать, что произошло съ нимъ въ эту минуту. Непстойкимъ дорывомъ и движеніемъ впередъ, выхватилъ онъ ихъ изъ рукъ судебного пристава, разразился громкими рыданіями, прижалъ всѣ эти вещи жены къ лицу своему и, забывъ совершенно свое положеніе на судѣ, какъ подсудимаго, началъ самыми нѣжными именами вспоминать и называть очевидно дорогую ему покойницу, цѣловалъ ея бѣлье, преклонялъ себя, свою жизнь и свой пошлость.

Сцена эта была дѣйствительно потрясающая, но за то она и убѣдила всѣхъ, — насколько подсудимый любилъ свою жену, насколько въ смерти ея онъ былъ невольнымъ убійцей, фатальною жертвою того мучительнаго состоянія, того нравственно невыносимаго положенія, въ которое онъ былъ поставленъ поведеніемъ жены своей, и которую, несмотря на все это, до послѣдняго вздоха ея онъ не переставалъ любить.

Бура рукоприкладній раздалася въ залѣ засѣданія, когда присяжные засѣдатели, на вопросъ суда о виновности подсудимаго, вынесли ему безусловный оправдательный вердиктъ.

А этому вердикту въ значительной степени содѣйствовали тѣ вещественныя доказательства, которыя были предъявлены на судѣ подсудимому и присяжнымъ.

Можно конечно сказать, что въ описанныхъ нами двухъ дѣлахъ, вещественныя доказательства косвеннымъ образомъ повліяли на страсти присяжныхъ, но что же изъ этого, если и въ томъ и въ другомъ случаѣ, это страстное отношеніе къ дѣлу, послужило все-таки основаніемъ къ постановленію въ высшей степени справедливыхъ и совѣстливыхъ приговоровъ.

А какъ много можно найти въ нашей судебной практикѣ такихъ случаевъ, когда существенныя обстоятельства дѣла, получали въ глазахъ присяжныхъ засѣдателей, должное разъясненіе и свою истинную, правдивую окраску, только благодаря тому, что на судебномъ слѣдствіи, присяжныхъ засѣдателей были своевременно предъявлены какія-нибудь въ сущности ничтожныя и иногда совершенно незначительныя вещественныя доказательства.

XVII.

Вліяніе строгости наказаній на приговоры присяжныхъ.

Неудовлетворительность нашего уложенія о наказаніяхъ ни въ чемъ не выражается съ такою ясностію и съ такою практическою, такъ сказать полнотою, какъ въ многочисленныхъ оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ, являющихся послѣдствіемъ крайняго несоотвѣтствія, между многими видами преступленій и полагаемыми за нихъ по закону наказаніями.

Повседневная наша судебная практика, цѣлымъ рядомъ фактовъ указываетъ, что наши присяжные засѣдатели, во многихъ случаяхъ, при полной доказанности преступленія, выносятъ подсудимымъ оправдательные приговоры только потому, что по убѣжденію своей совѣсти не находятъ возможнымъ, подвергать ихъ тяжелымъ послѣдствіямъ чрезмѣрно строгихъ наказаній, которыхъ они, по мнѣнію присяжныхъ, не смотря на признаваемую ими виновность ихъ, не заслуживаютъ. Такимъ образомъ строгость наказаній, за многія преступленія по уложенію о наказаніяхъ, имѣетъ принятыя своимъ послѣдствіемъ, что присяжные оправдываютъ подсудимыхъ совѣсть, не рѣкая брать на себя обвиненіе ихъ по тѣмъ конечнымъ результатамъ, которые должны простиенать для нихъ при обвинительныхъ приговорахъ.

Судъ присяжныхъ не есть судъ простаго формальнаго примѣненія закона, этотъ судъ прежде всего судъ живой, судъ совѣстливаго отношенія къ дѣлу, а потому отъ присяжныхъ нельзя требовать, чтобы по каждому разсматриваемому ими дѣлу, они имѣли бы въ виду только одинъ вопросъ: дѣйстви-

тельно ли подсудимый совершилъ известное преступленіе, за которое онъ и долженъ быть наказанъ по закону. Присяжные, какъ судьи, конечно должны имѣть въ виду этотъ вопросъ, но какъ люди, взятые изъ среды практической жизни и обязанные судить по совѣсти, они не имѣютъ права при разрѣшеніи вопроса о винѣ или невинности подсудимаго, оставлять въ сторонѣ всё тѣ особенности каждаго отдѣльнаго дѣла, которыя касаются подсудимаго съ той или другой стороны. По этому и вопросъ о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя должны явиться для подсудимаго, за признаніемъ его присяжными засѣдателями виновнымъ, или же, другими словами, вопросъ о строгости угрожающаго ему наказанія, никогда не устраняется присяжными изъ своихъ совѣщаній.

Законъ тщетно старается оградить совѣсть присяжныхъ отъ вліянія на нее этого послѣдняго обстоятельства, устанавливая, что присяжные не имѣютъ права брать съ собою въ совѣщательную комнату, никакихъ книгъ законовъ, изъ которыхъ они могли бы почерпнуть свѣдѣнія о томъ, какое каждому подсудимому полагается наказаніе за совершенное имъ преступленіе.

Но эти стремленія закона, оставить присяжныхъ въ невѣденіи относительно такого важнаго вопроса ихъ судебной функціи, никогда не достигаютъ цѣли.

Дѣло въ томъ, что присяжные могутъ не брать съ собою въ совѣщательную комнату уложенія о наказаніяхъ и въ тоже время очень хорошо знать какими послѣдствіями отразится ихъ приговоръ на личности подсудимаго, такъ какъ для этого подъ руками у нихъ существуютъ тысячи разныхъ способовъ.

Начать съ того, что въ средѣ присяжныхъ засѣдателей всегда найдутся люди, болѣе или менѣе знакомые съ системой уложенія о наказаніяхъ, которые, при всякомъ подходящемъ случаѣ, не преминутъ подѣлиться съ другими товарищами своими познаніями.

Затѣмъ, крайне наивно предполагать въ присяжныхъ такую простоту души, чтобы они предварительно до суда не поинтересовались узнать, что полагается подсудимымъ за тѣ преступленія и что за другія?

Наконецъ, самая судебная практика постоянно раскрываетъ передъ присяжными, страницы того уложенія, которое по закону имѣетъ для нихъ характеръ какой-то контрабанды: присяжные постоянно выслушиваютъ приговоры суда, знакомятся со степенями наказаній и, при небольшомъ вниманіи, очень скоро усваиваютъ себѣ всё рода наказаній, за наиболѣе часто встрѣчающіяся преступленія.

Вслѣдствіе такого знакомства съ уложеніемъ о наказаніяхъ, присяжные весьма часто вынуждаются выносить оправдательные приговоры таимъ подсудимымъ, виновность которыхъ представляется для нихъ несомнѣнною, но обвинить которыхъ они не рѣшаются въ виду того, что вина обвиняемыхъ, по ихъ мнѣнію, представляется несоразмѣрною съ тѣмъ строгимъ наказаніемъ, которое полагается за то преступленіе, по закону.

Не слѣдуетъ забывать, что уложеніе о наказаніяхъ, какъ систематическое изложеніе уголовной кары за преступленія, построено все на началахъ права и юридическихъ положеній, которыя въ обычной жизни и во взглядахъ людей

жизнейской среды, каковыми являются присяжные, не имеют иногда никакого значения.

Для примѣра проведемъ параллель между двумя самыми обыденными преступленіями: между простой кражей и грабежемъ съ насиліемъ. Простая кража, совершенная въ первый разъ, лицомъ не привилегированнымъ, наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ 3 до 6 мѣсяцевъ, а грабежъ съ насиліемъ, совершенный такимъ же лицомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ угрожаетъ каторжной работой.

Съ точки зрѣнія правовыхъ положеній, человекъ, похищающій тайно какую-либо вещь, проявляетъ несомнѣнно менѣе злой воли и преступныхъ побужденій, нежели человекъ, который ту же вещь рѣшается похитить открыто. И вотъ подсудимый, который на улицѣ у проходящей бабы вытаскивъ потихоньку платокъ, съ цѣлю воспользоваться имъ, наказывается несравненно легче, нежели бы въ томъ случаѣ, когда у той же самой бабы онъ вырвалъ платокъ и съ нимъ скрылся. Въ первомъ случаѣ преступленіе подсудимаго будетъ кража, а во второмъ грабежъ. Но по взглядамъ каждаго человека, смотрящаго на дѣло съ точки зрѣнія житейской и обыденной жизни, послѣдній проступокъ никогда не будетъ признанъ болѣе важнымъ нежели первый, уже по тому простому соображенію, что какой же въ самомъ дѣлѣ можетъ быть грабежъ при народѣ, на улицѣ, среди дня, когда подсудимый всегда рискуетъ, что его могутъ схватить и когда въ общественномъ сознаніи, понятіи о грабежѣ соединяется съ представленіемъ о такомъ преступленіи, которое можетъ быть совершено гдѣ-нибудь въ уединенномъ мѣстѣ, съ желаніемъ воспользо-ваться какимъ-нибудь цѣннымъ имуществомъ, а не ничтожной стоимости платкомъ какой-то деревенской бабы.

Во всякому ворюшкѣ, тайно стащившему что-нибудь, народъ чувствуетъ всегда какое-то озлобленіе, пронтекающее изъ того положенія, что «ишь ты подкрадся, отъ вора не убережешься», а на всякое открытое похищеніе простые люди смотреть гораздо легче, такого человека воровъ не называютъ, назовутъ его охальникомъ, не скажутъ, что онъ дѣлаетъ хорошо, но во всякомъ случаѣ отнесутся къ нему мягче, чѣмъ къ ворюшкѣ.

И вотъ такое рѣзкое противорѣчіе и несогласіе во взглядахъ народной массы, съ положеніями юридической науки, заключается тѣми послѣдствіями, что присяжные засѣдатели, въ такихъ ничтожныхъ грабежахъ, никогда почти не обвиняютъ подсудимыхъ, зная, что подсудимый, признанный ими виновнымъ, легко можетъ за копѣечный грѣхъ очутиться въ Сибири.

Конечно, юридическія положенія науки права, не могутъ быть приписаны въ жертву воззрѣніамъ народной массы, но этого вовсе и не требуется для устраненія означенной аномаліи. Каждое дѣло имѣетъ свои особенности, и конечно не рѣдки случаи, когда грабежи, и на незначительныя суммы, могутъ въ значительной степени возмущать общественную совѣсть и требовать строгаго наказанія виноватаго. Для совѣщенія въ справедливой степени, столь противоположныхъ интересовъ и положеній, слѣдуетъ предоставить лишь ко-

ронному суду, большій просторъ въ опредѣленіи наказаній за грабежи, начиная отъ строжайшихъ и кончая наиболѣе легкими. Тогда дѣйствительно ни одинъ виноватый даже въ самомъ ничтожномъ грабежѣ, не избѣгнетъ наказанія и присяжные засѣдатели не затруднятся обвинить человѣка, сорвавшего съ головы проходящей бабы платокъ, будучи увѣрены, что коронный судъ, по ихъ обвинительному приговору, накажетъ подсудимаго, но накажетъ соразмѣрно его виѣ, а не сошлетъ его непременно въ Сибирь.

Разбирая, такимъ образомъ, причины многихъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ, являющихся прямыми послѣдствіями, чрезмѣрной строгости многихъ статей нашего уложенія о наказаніяхъ, слѣдуетъ признать что такіе приговоры, по характеру внутренняго содержанія своего, представляются, какъ бы своего рода протестами общества, противу дѣйствующаго у насъ уголовного кодекса.

Насколько выражаемые въ такой формѣ протесты представителей общественной совѣсти представляются существенными и основательными, насколько обилуютъ они тою внутреннею правдой, которая безчисленнымъ множествомъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ, свидѣтельствуетъ постоянно о чрезмѣрной строгости многихъ статей нашего уложенія о наказаніяхъ, это видно изъ цѣлага ряда миѣній, высказанныхъ нашими юристами практиками, по поводу трудовъ комиссіи, составленной для пересмотра дѣйствующаго у насъ уложенія о наказаніяхъ.

Въ сводѣ этихъ практическихъ миѣній и выводовъ, большинство судебныхъ дѣятелей и юристовъ высказалось за то, что главный недостатокъ нашего уложенія о наказаніяхъ заключается въ крайнемъ ограниченіи предѣловъ власти короннаго суда по назначенію наказаній за преступленія и проступки. Ограниченіе это зависяетъ, по миѣнію компетентныхъ людей, отъ того, что наше уложеніе о наказаніяхъ, разграничивая одинъ и тотъ же родъ преступленія, на безчисленное множество разнообразныхъ видовъ, опредѣляетъ для каждаго вида высшій и низшій размѣры наказаній, разница между которыми во многихъ случаяхъ бываетъ однакоже очень незначительная.

Естественное дѣло, что присяжные засѣдатели, зная это, весьма часто оправдываютъ подсудимыхъ, такъ какъ имъ извѣстна приблизительно та уголовная кара, которая должна постигнуть подсудимаго въ случаѣ признанія его виновнымъ.

А эту указанную въ законѣ кару, менѣе которой судъ не можетъ назначить подсудимому, присяжные признаютъ чрезмѣрно строгою. Поэтому если присяжные будутъ знать, что короннымъ судьямъ предоставленъ большій выборъ наказаній, начиная отъ болѣе строгихъ и кончая самыми легкими, и что такимъ образомъ чрезмѣрное отягщеніе участи обвиняемыхъ, будетъ дѣйствіемъ совѣсти уже не присяжныхъ а коронныхъ судей, то количество оправдательныхъ приговоровъ по этой именно причинѣ, въ значительной степени уменьшится, такъ какъ присяжные никакими виѣшними давленіями не будутъ уже стѣснены въ своей совѣсти для того, чтобы не оставляя безнаказаннымъ ни одного проступка, какъ бы онъ не былъ незначителенъ.

Перенесемъ эти общія соображенія на примѣры, взятые изъ нашей повседневной судебной практики.

Передъ судомъ присяжныхъ два подсудимыхъ, совершившихъ по Уложенію о наказаніяхъ два совершенно однородныхъ преступленія; первый, взломавъ желѣзную кассу, похитилъ у своего хозяина 10,000 руб. сереб., съ которыми и скрылся; второй, тоже со взломомъ замка у шкафа своего же хозяина сапожника, укралъ желѣзные вѣщи цѣнностію въ 20 коп. сер., которые и пропилъ.

Какъ первое такъ и второе преступленія, съ виѣшней стороны представляются совершенно тождественными, внутренній же смыслъ ихъ при сопоставленіи одного съ другимъ, представляетъ громадную разницу. Между тѣмъ какъ для того, такъ и для другаго преступленія, крайніе и высшіе предѣлы наказаній полагаются, какъ за кражу со взломомъ одного и того же рода, одни и тѣже, и заключаютъ въ себѣ обязательное лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдачу въ исправительныя арестантскія отдѣленія на продолжительные сроки.

Несомѣнно, что обвиненіе присяжными засѣдателями перваго подсудимаго будетъ актомъ вполне справедливымъ и естественнымъ, но не у многихъ изъ нихъ достанетъ мужества и стойкости передъ своею совѣстью для того, чтобы обвинить человека за кражу двадцати копѣчныхъ вѣщей, зная при этомъ, что за это ничтожное преступленіе, подсудимый во всякомъ случаѣ будетъ лишень всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отданъ въ арестантскія отдѣленія никакъ не менѣе чѣмъ на одинъ годъ, даже при дарованіи ему снисхожденія.

Удивительно ли послѣ того, что присяжные такого подсудимаго оправдаютъ, и значить ли это, какъ думаютъ и утверждаютъ многіе, что присяжные своими неосновательными оправданіями, потакаютъ ворами и относятся съ крайнимъ легкомысліемъ къ началамъ собственности.

Ничуть не бывало.

Еслибы присяжные знали, что коронному суду предоставленъ большій просторъ въ примѣненіи къ подсудимымъ наказаній, сообразуясь съ обстоятельствами каждаго отдѣльнаго случая, еслибы уголовный законъ, за такую ничтожную кражу, совершенную хотя бы и со взломомъ, предоставлялъ суду право наказать подсудимаго положимъ кратковременнымъ тюремнымъ заключеніемъ, то тѣже присяжные не простили бы обвиняемому его вину, конечно обвинили бы его безъ всякаго насилія надъ своею совѣстью, изъ совершенно естественнаго и спокойнаго убѣжденія, что воровать не слѣдуетъ—даже и 10 копѣчную вещь.

Скажутъ, что въ дѣлахъ о кражахъ со взломомъ, существенную важность представляетъ собою не сумма покраденнаго, а взломъ помѣщенія. Положимъ, по закону и по наукѣ это такъ. Присяжные засѣдателя точно также очень хорошо понимаютъ это, и въ состояніи себѣ уяснить разницу между кражами простой и со взломомъ, но дѣло въ томъ, что по здравому смыслу

своему, понятію о кражах со взломомъ, они не даютъ слишкомъ общаго распространительнаго значенія.

Руководствуясь чисто практическими соображеніями при обвиненіяхъ въ кражахъ со взломомъ, когда взломъ самъ по себѣ ничтоженъ, а кража существенна настолько, что присяжные по совѣсти находятъ необходимымъ вѣнчать ее подсудимому въ вину, они признаютъ его виновнымъ въ самомъ совершеніи кражи, но отвергаютъ всегда взломъ, находя, что при признаніи этого послѣдняго обстоятельства, подсудимый будетъ наказанъ свыше мѣры имъ содѣяннаго.

Можно ли говорить, что такія отношенія присяжныхъ къ подсудимымъ несправедливы, когда они внушаются имъ побужденіями ихъ совѣсти.

Возможно ли безъ обремененія этой совѣсти признать, напримѣръ, виновнымъ въ кражѣ со взломомъ человѣка, который подъ пьяную руку изъ чужаго амбара, вытащивъ руками старенькій пробой у дверей, похитилъ табакъ махорки на «одно вуреве».

А такое дѣло слушалось въ одномъ изъ провинціальныхъ окружныхъ судовъ, и прошло всѣ стадіи серьезнаго уголовного процесса.

Наблюдая за дѣятельностію нашихъ окружныхъ судовъ, нельзя не остановиться вниманія и на другомъ исключительномъ, по нашему мнѣнію, обстоятельствѣ, заключающемся въ значительномъ количествѣ передаваемыхъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей дѣлъ о такъ называемыхъ «третьихъ кражахъ».

Въ большинствѣ случаевъ, всѣ подобныя кражи, по своей матеріальной цѣнности, не превышаютъ самыя незначительныя, а иногда и ничтожныя копеечныя суммы, а мотивы ихъ почти всегда одни и тѣ-же — голодъ, нужда, отсутствіе заработка и немнѣніе средствъ къ пропитанію.

Появленіе такихъ ничтожныхъ кражъ на судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, обуславливается только тѣмъ, что лица, совершившія ихъ, уже прежде два раза были судимы и наказаны за простыя кражи.

Въ совершеніи третьей кражи, уголовный законъ предусматриваетъ уже крайнюю испорченность человѣка, несправившагося послѣ двукратнаго наказанія за прежнія кражи, а потому и признаетъ необходимымъ къ такимъ глубокимъ рецидивистамъ, въ виду ихъ прежнихъ кражъ, примѣнять болѣе строгую кару.

Но теорія уголовного права, это, пожалуй, и такъ, но по условіямъ нашего общественнаго быта и незавидной матеріальной обстановки многочисленнаго класса рабочихъ людей и представителей безпріютнаго пролетаріата, такой выводъ будетъ далеко невѣренъ.

Ежедневныя судебныя разборательства, вочію доказываютъ намъ, что совершенныя въ третій разъ кражи такихъ малоцѣнныхъ предметовъ, какъ, напр., курица, старые сапоги, пятокъ огурцовъ, конецъ веревки, горшокъ съ молокомъ, нѣсколько фунтовъ хлѣба, никакъ не могутъ служить доказа-

тельствами полной нравственной испорченности человека, а объясняются гораздо проще неудовлетворительностью нашего экономического состоянія, затрудняющею, при страшной дороговизнѣ и отсутствіи заработковъ, самое существованіе бѣднаго класса людей, а также и многими другими причинами, болѣе реальными, но за то болѣе правдивыми.

Нищенская обстановка многочисленнаго класса бездомныхъ рабочихъ, необходимость достать хоть что нибудь для утоленія своего голода, а иногда и голода цѣлой семьи, потребность одѣться, обуться, укрыться отъ холода и непогоды, — вотъ причины, побуждающія многихъ бѣдняковъ совершать тѣ массы мелкихъ, ничтожныхъ кражъ, которыя ежедневно разбираются у насъ почти во всѣхъ окружныхъ судахъ.

Неудивительно послѣ этого, что почти по всѣмъ такимъ дѣламъ, присяжные заседатели, какъ люди житейской среды и реальныхъ взглядовъ на жизнь, знакомые со многими ея трудностями и невзгодами, почти всѣмъ этимъ предполагаемымъ испорченнымъ людямъ, выносятъ оправдательные приговоры.

Да и какъ за какую-нибудь ничтожную кражу въ 20—30 коп. выносить человеку обвинительный приговоръ, зная, что за эту кражу, какъ за третью, даже при дарованіи подсудимому присяжными списхожденія, онъ долженъ заплатить, во всякомъ случаѣ, лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключеніемъ въ арестантское отдѣленіе, или-же въ рабочій домъ на срокъ отъ одного года и до двухъ лѣтъ.

Масса оправдательныхъ приговоровъ, постановляемыхъ присяжными по такимъ дѣламъ, не можетъ поэтому считаться явленіемъ ненормальнымъ въ жизни нашего суда присяжныхъ. Такіе приговоры представляютъ собою совершенно естественное послѣдствіе того ненормальнаго порядка вещей, который созданъ у насъ чрезмѣрною строгостью наказанія, установленнаго закономъ за третью кражу.

Всѣ эти не новыя соображенія, пришли намъ на память, по поводу разбиравшагося въ одномъ изъ окружныхъ судовъ небольшого дѣла о крестьянинѣ Григоріѣ Ивановѣ, обвинявшемся именно въ третьей кражѣ.

Вина Григорія Иванова состояла въ томъ, что на одной станціи желѣзной дороги, онъ укралъ нѣсколько полѣнъ дровъ, съ которыми его и задержали.

Дрова эти отъ Иванова были отобраны и оцѣнены въ 15 коп., а самъ онъ, въ теченіи шести слишкомъ мѣсяцевъ, пока дѣло о немъ поступило на разсмотрѣніе суда присяжныхъ, просидѣлъ въ тюрьмѣ подъ предварительнымъ арестомъ.

На судѣ подсудимый призналъ себя виновнымъ въ кражѣ и объяснилъ, что ваялъ всего только 2 полѣна.

— Для чего же вы ихъ взяли? обратился къ нему съ вопросомъ председательствующій.

— На хлѣбъ, продать думалъ... хриплымъ и глухимъ голосомъ отвѣтилъ подсудимый.

— Что же, развѣ вы голодны были?

Судъ присяжныхъ въ Россіи

— Голодны... два дня не ѣли... тоже ѣсть захотѣлось, съ оттѣнкомъ какъ бы горькой досады за такую назойливость желудка, отвѣтилъ подсудимый дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

— А отчего же вы не трудились, работы не искали?

— Не работали!.. мы отъ работы не бѣгаемъ... была-бы работа... пошли-бы хоть изъ хлѣба одного... искали, вездѣ ходили... когда нѣтъ нигдѣ... два дня ходили не ѣвши, ну, значить, на третій грѣхъ пришелъ — украли, продать ладими, только на хлѣбъ бы... да словили...

Это сознаніе, высказанное голосомъ человѣка, увѣреннаго въ безпомощности своего положенія, было не рисовкою передъ присяжными. Эта третья кража являлась на судѣ совѣсти не результатомъ крайней испорченности человѣка, а представляла собой продуктъ той матеріальной неурядицы и нищенской голодной обстановки, въ которыхъ, потерявъ почему-нибудь работу, изо дня въ день живетъ, перебиваясь, нашъ чернорабочій, считая счастливымъ тотъ день, когда онъ имѣетъ возможность, на счетъ дневнаго заработка, утолить свой голодъ и на оставшуюся, сверхъ того, трешницу, переночевать гдѣ-нибудь въ ночлежномъ домѣ.

Много передъ нашимъ судомъ присяжныхъ приходится такихъ несчастныхъ Ивановыхъ, и, конечно, не они и не присяжные виноваты въ томъ, что почти всѣхъ ихъ выпускаютъ изъ суда оправданными, или, какъ выразился одинъ изъ «ретивыхъ» прокуроровъ, непризнающій «голоднаго» воровства, съ патентами на «дальнѣйшее усовершенствованіе и преуспѣяніе въ кражахъ».

Неудовлетворительность дѣйствующаго у насъ уложенія о наказаніяхъ, сознавая и самимъ правительствомъ, послужила поводомъ къ пересмотру его въ тѣхъ видахъ, чтобы на основаніи указаній опыта, и сообразуясь съ духомъ времени, создать новое уложеніе, которое удовлетворяло бы вполне современнымъ требованіямъ общества.

Для приданія этому труду болѣе практическаго значенія, и созданія его, на началахъ выработанныхъ самою жизнью, привѣнительно къ выразившейся уж у насъ дѣятельности института присяжныхъ, Министерство Юстиціи затребовало отъ всѣхъ представителей прокуратуры и магистратуры замѣчанія ихъ, относительно тѣхъ или другихъ недостатковъ и несовершенствъ нашего уложенія о наказаніяхъ.

Мы указывали уже выше, на сводѣ этихъ замѣчаній, представляющихъ собою весьма обильный матеріалъ, для ознакомленія со многими недостатками уложенія.

Приводимъ нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній юристовъ - практиковъ подтверждающихъ относительно отдѣльных видовъ преступленій, сдѣланный нами выше выводъ, что строгость положенныхъ за нихъ наказаній, вынуждаетъ присяжныхъ засѣдателей выносить весьма часто подсудимымъ, неосновательно оправдательные приговоры.

« За ложное показаніе передъ судомъ подъ присягою, данное умышленно — читаемъ мы въ сводѣ этихъ замѣчаній — назначена ссылка

въ Сибирь, съ лишеніемъ всѣхъ правъ, а за такое же ложное показаніе, данное «по замѣшательству въ трудныхъ обстоятельствахъ и слабости разумнія святости присяги» назначено слишкомъ строгое наказаніе, а именно: судъ за послѣднее не можетъ присудить наказанія меньше рабочаго дома на 1 годъ, что и побуждаетъ присяжныхъ къ постоянному оправдыванію такихъ виновныхъ, которые бываютъ вынуждены иногда по неважнымъ дѣламъ, давать ложныя показанія изъ страха притѣсненія или преслѣдованія (напр. кражею или поджогомъ).

Присяжные засѣдатели тѣмъ болѣе склонны выносить такимъ подсудимымъ оправдательныя приговоры, что свидѣтелямъ всегда разъясняется на судѣ грозящее имъ, за нарушеніе святости присяги, наказаніе, именно ссылка въ Сибирь, которую присяжные и имѣютъ въ виду, при постановленіи оправдательныхъ приговоровъ по такимъ дѣламъ.

«Въ практическомъ отношеніи, читаемъ мы замѣчаніе другаго судебного дѣателя, представляются безусловно строгими взысканія за угрозы на письмѣ. Образованные и знающіе присяжные, которымъ извѣстно какое строгое наказаніе полагается за этотъ родъ преступленій, никогда не вынесутъ такимъ подсудимымъ обвинительнаго приговора».

Вотъ наприимѣръ такой случай изъ практики.

Нѣкто сынъ полковника преданъ былъ суду присяжнымъ за угрозы на письмѣ своей матери, лишить ее жизни, если она не дастъ ему нѣкакаго количества денегъ. Не смотря на очевидныя улики, признаніе самого обвиняемаго, несмотря на безнравственный образъ его жизни, присяжные все таки дали отвѣтъ: «нѣтъ не виновенъ» только потому, что наказаніе полагасмое за это преступленіе непомѣрно строго, а именно лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ каторжныя работы на время отъ 4 до 6 лѣтъ.

Съ крайнею рельефностію и очевидною практическою несостоятельностью, представляется чрезмѣрная строгость наказаній по уложенію, за разныя формы и виды грабежа.

Дѣйствительная жизнь, не признающая, какъ извѣстно, во многихъ случаяхъ никакихъ юридическихъ тонкостей, верѣдко даетъ намъ такіе примѣры грабежей, которые, по смыслу закона, совмѣщаютъ въ себѣ всѣ необходимыя признаки этого преступленія, а въ дѣйствительности нѣкими присяжными никогда не будутъ признаны въ смыслѣ грабежа.

Похищеніе съ лотка въ присутствіи разнощика какого нибудь кофѣчнаго пряника—есть грабежъ; сорваніе на улицѣ 15 кофѣчнаго платка съ головы публичной женщины—тоже грабежъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, подсудимые, за признаніемъ ихъ виновными, должны подвергнуться, при всѣхъ благопріятныхъ даже для нихъ обстоятельствахъ, лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ арестантскія отдѣленія не на одинъ даже годъ.

Возможны ли, по совѣсти говоря, обвиненія, такихъ подсудимыхъ, при столь тяжелыхъ для нихъ послѣдствіяхъ.

Въ столичныхъ Окружныхъ Судахъ такия дѣла возникаютъ и слушаются цѣлыми массами и почти что всегда оканчиваются оправдательными вердиктами.

Укажемъ еще на чрезмѣрную строгость наказаній за преступленіе святотатства.

Въ практикѣ одного изъ провинціальныхъ прокуроровъ былъ такой случай. Портной, будучи въ церкви, укралъ изъ панвадила маленькій огарокъ восковой свѣчи, для вощенія нитокъ, пойманъ на этой кражѣ, и преданъ за это суду, какъ за святотатство, по такой статьѣ закона, по которой виновные высылаются по лишеніи всѣхъ правъ состоянія въ ссылку въ каторжныя работы на шесть лѣтъ.

За грошевый огарокъ свѣчи—вѣчная ссылка въ Сибирь при шести годахъ каторги, вымолвить страшно! Да у какихъ же присяжныхъ хватить духа произнести по совѣсти такой суровый приговоръ! Лицо сообщающее этотъ случай сопровождаетъ его слѣдующими комментаріями: «чрезмѣрная строгость закона приводитъ на практикѣ къ тому, что даже судебныя палаты при разсмотрѣніи подобныхъ дѣлъ, въ качествѣ обвинительной камеры, прибѣгаютъ къ натяжкамъ, для признанія преступленія недоказаннымъ, не говоря уже о присяжныхъ засѣдателяхъ, которые оправдываютъ такихъ подсудимыхъ и нисколько не стѣсняясь, отвергаютъ самый фактъ преступленія даже и при собственномъ сознаніи обвиняемаго. Такимъ образомъ законодательство не только не достигаетъ въ этомъ случаѣ своей цѣли, состоящей въ томъ, чтобы строго наказать преступника, но на оборотъ, вслѣдствіе излишняго стремленія къ такой строгости, ставитъ въ большей части случаевъ исполнителей закона въ совершенную невозможность наказать преступника, даже и менѣе строго, вслѣдствіе безусловнаго оправданія его присяжными».

Въ этомъ сообщеніи слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что чрезмѣрная строгость многихъ наказаній, по уложенію, неблагопріятно вліяетъ не только что на присяжныхъ засѣдателей, побуждая ихъ оправдывать такимъ подсудимыхъ, которые въ дѣйствительности виноваты, но даже и на коронныхъ судей въ лицѣ членовъ палатъ, которые вынуждены бываютъ прибѣгать къ натяжкамъ для того только, чтобы не допускать до суда присяжныхъ нѣкоторыя дѣла, изъ опасенія подвергнуть обвиняемыхъ, при относительной ничтожности преступленій ихъ, болѣе или менѣе жестокимъ наказаніямъ.

Укажемъ напримѣръ на одинъ такой случай изъ судебной практики, когда чрезмѣрная строгость наказанія обрушилась слишкомъ тяжелыми и незаслуженными послѣдствіями на личности несчастной подсудимой.

На одной уѣздной сессіи, суду присяжныхъ предана была по обвиненію въ кражѣ, 22-лѣтняя горничная дѣвушка за то, что желая, попарядитѣ одѣться на какую то вечеринку, она украла изъ незапертаго комода своей барыни аршинъ недорогой ленты въ 25 копѣекъ серебромъ и сдѣлала себѣ изъ него бантъ на грудь.

Важется вина такого рода и по мотивамъ ея и по возрасту подсудимой, и

по ничтожной наконецъ цѣнѣ похищенной ленты, которая въ добавокъ была и отобрана у подсудимой, представлялась бы не особенно важною, но какими тяжелыми послѣдствіями обрушилась она надъ бѣдной подсудимой.

Такъ какъ она созналась на судѣ, вина ея была несомнѣнна, а присяжные нашли нужнымъ «поучить маленько дѣвчонку, чтобъ она того, по хозяйскому комоду шкоды не заводила», то они и вынесли ей обвинительный приговоръ со снисхожденіемъ, думая, по неопытности своей, что судъ по ихъ приговору именно, «поучить ее только маленько».

Между тѣмъ подсудимая, по своему происхожденію, принадлежала къ потомственной дворянской фамиліи, и вынуждена была только по бѣдности своей идти въ услуженіе. Присяжные этого состава были еще вновь, неопытны, не знали различія въ наказаніяхъ за кражи, полагаемыхъ лицамъ привилегированныхъ и непривилегированныхъ классовъ, а потому изумленію ихъ не было предѣловъ, когда судъ, по ихъ обвинительному вердикту, прочиталъ приговоръ, которымъ подсудимая приговаривалась, за невинное похищеніе изъ маленькаго кокетства аршинной ленты, къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ тюрьму на три мѣсяца.

Съ несчастной подсудимой отъ такого стрелаго приговора сдѣлался обморокъ, въ публикѣ слышались возгласы неудовольствія и неодобренія присяжныхъ, за таковой приговоръ ихъ, а сами присяжные чуть не открыто перессорились между собою, сваливая одинъ на другаго вину за такую чрезмѣрную строгость въ обвиненіи.

— А вѣдь, Господь ее знаетъ, думали, что можеть посадить какую недѣлку, да и все, говорилъ какой-то присяжный изъ престолюдиновъ, а на тое мѣсто вышло ей правъ лишеніе.

— Чаво тутъ говорить, грѣхъ на душу взяли, сознавался другой присяжный, кабы такое положеніе знатко, ни въ жизнь ты ее не обвиноватилъ, а таперъ шабашъ, покарала дѣвку непутево.

Вся бѣда въ данномъ случаѣ вышла изъ-за'того, что присяжные этого состава не знали разницы въ наказаніи привилегированныхъ и непривилегированныхъ подсудимыхъ, а знай они это, конечно подсудимая была бы ими оправдана.

Намъ извѣстно, что подобные промахи противу совѣсти, присяжные дѣлають очень часто, а потому, въ интересахъ справедливаго отношенія къ подсудимымъ, слѣдовало бы не только что не возбранять присяжнымъ знакомиться съ тѣми послѣдствіями, которыя изъ ихъ приговоровъ простекають для подсудимыхъ, но напротивъ виѣнчать имъ это въ положительную и непремѣнную обязанность.

Впрочемъ въ этомъ отношеніи, благоразуміе многихъ присяжныхъ заступателей весьма часто предостерегаетъ ихъ отъ того, чтобы не постановить чрезмѣрно строгаго приговора и многіе изъ нихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда лично имъ не извѣстно, какое наказаніе полагается за то или другое преступленіе, не забываютъ предварительно собирать о томъ справки или у защит-

ника или же прямо вычитываютъ нужныя имъ для того свѣдѣнія изъ уложения о наказаніяхъ.

Несомнѣнно, что при большей опытности присяжныхъ засѣдателей, и постепенно развивающейся судебной практикѣ ихъ, уложение о наказаніяхъ будетъ дѣлаться имъ все болѣе и болѣе извѣстнымъ и знакомымъ и наступитъ наконецъ тотъ моментъ, когда каждый присяжный засѣдатель, отправляясь на судъ, будетъ знать досконально, со всѣми подробностями какое за каждое преступленіе полагается наказаніе, какія отдѣльныя обстоятельства или признаки преступленія, увеличиваютъ или уменьшаютъ виновность подсудимаго.

А если такое положеніе въ ближайшемъ будущемъ наступитъ для нашихъ присяжныхъ засѣдателей, а наступитъ оно несомнѣнно, то какое практическое значеніе можетъ имѣть законъ, возбраняющій присяжнымъ знать, какими послѣдствіями отзовется приговоръ ихъ на личности подсудимаго.

Зачѣмъ безъ надобности смущать совѣсть присяжныхъ какою то неизвѣстностью и ставить ихъ въ такое положеніе, когда произнеся чрезмѣрно строгій приговоръ, они тяготеютъ потомъ укорами собственной совѣсти за то, что отнеслись по незнанію чрезмѣрно строго и несправедливо къ такому подсудимому, который заслуживалъ бы болѣе мягкаго и снисходительнаго къ нему отношенія. Нѣтъ сомнѣнія, что за восполѣдованіемъ въ законодательномъ порядкѣ измѣненій въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ, въ смыслѣ предоставленія суду большаго простора въ выборѣ по своему усмотрѣнію соотвѣствующихъ винъ наказаній, потеряетъ всякое значеніе и вышеупомянутое правило, возбраняющее присяжнымъ согласовать свои отвѣты о винѣ или невиновности подсудимаго съ послѣдствіями для него отъ этого отвѣта по уложенію, ибо когда у присяжныхъ засѣдателей будетъ существовать убѣжденіе, что каждаго подсудимаго, признавшаго ими виновнымъ, постигнетъ наказаніе сообразное дѣйствительной винѣ его, тогда устранится сама собою и необходимость скрывать отъ присяжныхъ какому взысканію можетъ подвергнуться каждый обвиняемый.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ несоизмѣрность между виной и наказаніемъ, по дѣйствующему уложенію, до того велика, что присяжные засѣдатели по извѣстнымъ преступленіямъ выносятъ подсудимымъ почти сплошь оправдательныя приговоры.

Укажемъ напримѣръ на дѣла по нарушеніямъ устава паспортнаго, въ огромномъ количествѣ возникающія въ нашихъ окружныхъ судахъ и почти что всегда оканчивающіяся оправдательными приговорами.

Мы далеко не ошибемся если скажемъ, что большинство судебныхъ дѣятелей, изучившихъ практически дѣла подобнаго рода, и усвоившихъ себѣ тѣ мотивы или лучше сказать причины, которыя вызываютъ постоянно простой классъ народа, на прожительство по чужимъ и подложнымъ видамъ, составило уже себѣ то убѣжденіе, что наказанія наложенныя за этотъ видъ преступленій, не отвѣчаютъ ни справедливости, ни степени той злой воли, которая

проявляется въ подобныхъ правонарушеніяхъ, если только она въ нихъ въ дѣйствительности можетъ существовать.

И въ самомъ дѣлѣ, что вызываетъ постоянныя проживательства простолюдиновъ по чужимъ или подложнымъ видамъ, какъ не нужда, крайность, безвыходность положенія или невозможность, по той или другой причинѣ, получить себѣ надлежащій паспортъ.

Возьмемъ на примѣръ иллюстрацію такого рода.

Крестьянинъ, прибывшій въ столицу на заработки, по истеченіи срока паспорта отправилъ его на перемѣну домой, а между тѣмъ въ промежутокъ времени, пока паспортъ еще не былъ высланъ, заболѣлъ. Больного очевидно нужно помѣстить въ больницу, куда земляки больного и везуть его, но безъ паспорта его нигдѣ не принимаютъ, паспорта же у него нѣтъ. Какъ быть и что дѣлать, а между тѣмъ не бросать же больного человека среди улицы, на произволъ судьбы, и вотъ одинъ изъ земляковъ уступаетъ больному на время свой видъ, съ которымъ его и принимаютъ въ больницу.

Случайно эта истинно товарищеская и землячская услуга, сдѣланная безъ всякаго зла и корысти изъ самыхъ честныхъ побужденій, обнаруживается полицейскимъ и больничнымъ начальствомъ и въ результатѣ оба земляка, и тотъ который болѣлъ по чужому виду и тотъ который ссудилъ своего больного «суздѣ» на время своимъ паспортомъ, предаются суду присяжныхъ первый за проживательство по чужому виду а второй за передачу другому лицу своего вида на жительство.

Возможно ли, по совѣти говоря, обвиненіе такихъ простодушныхъ людей, а между тѣмъ законъ въ своей неумолимой строгости грозитъ имъ обоемъ наказаніемъ соединеннымъ съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключеніемъ на продолжительный срокъ въ рабочій домъ или въ исправительное арестантское отдѣленіе.

Присяжные засѣдатели въ подобныхъ случаяхъ очень хорошо понимаютъ все внутреннее значеніе такихъ преступленій, а потому и относятся къ нимъ съ крайнею снисходительностью.

Въ сборникѣ матеріаловъ по пересмотру нашего уложенія о наказаніяхъ, о которомъ мы уже говорили выше, приведенъ рядъ замѣчаній нѣкоторыхъ судебныхъ дѣателей по вопросу о крайне строгомъ возмездіи закона за преступленіи противу паспортнаго устава.

Приводимъ нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній, подтверждающихъ справедливость выраженныхъ нами выше мнѣній.

«Лице, составляющее для себя подложный видъ съ цѣлью имѣть по оному проживательство подъ чужимъ именемъ, должно подлежать менѣ строгой ответственности потому уже, что для этого подлога не существуетъ у него никакой другой преступной цѣли кромѣ означенной выше. Строгое же наказаніе за это преступленіе, положенное въ законѣ, вызываетъ постоянный протестъ со стороны суда присяжныхъ, выражающійся въ отричаніи виновности».

«Намѣненіе въ срокѣ паспорта, т. е. другими словами подложная передѣлка его, является всегда только какъ послѣдствіе желанія избѣжать задержки въ полученіи новаго паспорта. За этотъ проступокъ было бы совершенно достаточно одного денежнаго штрафа, нѣсколько болѣе противу цѣны за паспортъ установленной».

Далѣе читаемъ:

«Необходимость значительнаго уменьшенія наказанія за преступленія противу паспортнаго устава, вызывается тѣмъ, что голосъ общественной совѣсти не согласенъ съ строгостью означенныхъ законоположеній, и такъ какъ преступленія эти не представляютъ собою опасности ни для государства, ни для общества, ни для частныхъ лицъ, то и не представляется видимой необходимости подвергать виновнаго въ такихъ нарушеніяхъ излишней строгости закона».

Еще одно совершенно основательное, чисто практическое замѣчаніе.

«Преступленія, предусмотрѣнныя ст. 975, 976 и 977. Улож. о Нак. (т. е. указанныя нами выше нарушенія Паспортнаго Устава), на практикѣ остаются всегда безнаказанными, такъ какъ обвинительный приговоръ присяжныхъ постановляется едва ли по одному изъ ста подобнаго рода дѣлъ, да и такіе одиначные обвинительные приговоры являются лишь при существованіи какихъ либо побочныхъ обстоятельствъ дѣла, указывающихъ на особенную безнравственность подсудимаго».

«Упомянутыя выше статьи закона, отличаясь относительною строгостію по убѣжденію присяжныхъ, не соответствуютъ духу времени. Присяжные весьма снисходительны вообще къ такимъ правонарушеніямъ и даже вовсе не признаютъ преступленіемъ пользоваться чужимъ видомъ».

Очевидно такіе взгляды и воззрѣнія присяжныхъ застѣдателей сложились подъ вліяніемъ чисто практическихъ причинъ, порождающихъ, такъ сказать, вынуждаемость гражданъ къ невольному совершенію преступленій подобнаго рода.

Наконецъ нельзя не привести еще слѣдующее мнѣніе, разъясняющее съ нравственной стороны причины снисходительныхъ взглядовъ присяжныхъ, на преступленія противъ паспортнаго устава.

«Къ числу такихъ дѣяній, которыя съ житейской точки зрѣнія нельзя считать преступными, слѣдуетъ несомнѣнно отнести и преступленія проживательства по чужому или подложному виду. Если принять во вниманіе, что система наказаній по нашему Уложенію, не можетъ быть отнесена къ системѣ устрашительной, такъ какъ наказанія опредѣляются не столько важностью преступленій, сколько качествомъ злой воли, выразившейся въ дѣйствіи, и что слѣдовательно въ основаніи наказанія лежитъ анализъ нравственной стороны преступленія, если взять наконецъ въ соображеніе, что при существованіи у насъ паспортной системы, несостоятельность которой признана уже и правительствомъ, преступленія противъ устава о паспортахъ вызываются крайностію и безвыходностію положенія обвиняемыхъ, то отсюда прямое заключеніе

о необходимости въ значительной степени смягчить наказанія за этотъ родъ преступленій.

Приведенныя нами выписки изъ мѣній различныхъ судебныхъ дѣателей бросаются въ глаза такъ сказать тождествомъ своихъ выводовъ и заключеній, а эти выводы и заключенія не идутъ въ противорѣчiе съ тѣми конечными результатами въ этихъ дѣлахъ, которые выражаются въ настоящихъ оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ.

Да и какъ требовать, чтобы присяжные засѣдатели относились строго ко всевозможнымъ нарушителямъ паспортнаго устава, когда достаточно прослушать на судѣ нѣсколько подобныхъ дѣлъ для того, чтобы убѣдиться, какія стороннія и независимыя отъ воли обвиняемыхъ обстоятельства, вынуждаютъ ихъ иногда, нарушать эти формальныя требованія закона для того только, чтобы выйти изъ своего стѣсненнаго положенія.

Мы стоимъ близко къ дѣлу уголовного суда, передъ нами прошло не мало уголовныхъ процессовъ, возникшихъ исключительно подъ тяготѣнiемъ недостатковъ нашей паспортной системы и мы должны сознаться, что за весьма рѣдкими исключениями, обвиненія даже въ похищенія паспортовъ, въ поддѣлкѣ разныхъ видовъ на жительство и въ проживательствѣ по нимъ, рѣшительно не находятъ себѣ сочувствiя въ средѣ присяжныхъ засѣдателей и почти что всегда оказываются оправдательными приговорами.

Очевидно въ такихъ дѣлахъ, присяжные засѣдатели, не отвергаютъ самыхъ фактовъ преступленій, но невозможность обвиненія по нимъ подсудимыхъ, ставятъ въ прямую и зависимую послѣдовательность отъ тѣхъ неблагопрiятныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ бываетъ поставлена среда живущая подъ тяготѣнiемъ паспортной системы и которая, увеличивая собою чисто вынужденнымъ путемъ число формальныхъ правовыхъ нарушеній, въ тоже время не вноситъ въ нихъ въ большинствѣ случаевъ элементовъ преступности, злой воли и безнравственности побуждеицъ, т. е. тѣхъ именно факторовъ, наличие которыхъ и можетъ только вести къ обвиненiю по совѣсти.

А обвиненія по совѣсти, за такія чисто формальныя предансiя закона, могли бы имѣть мѣсто только при установленiи несравненно меньшихъ наказаній до размѣровъ о которыхъ было указано выше.

Затѣмъ наказанія за такіе ничтожные проступки, лишенiемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, и заключенiемъ въ рабочій домъ или въ арестанскія исправительныя отдѣленія на сроки даже свыше одного года — это ли не такія наказанія, передъ которыми совѣсть присяжныхъ должна непремѣнно содрогнуться и уклониться въ прямо противоположную сторону.

Укажемъ на слѣдующій случай изъ нашей личной судебной практики, который съ крайнею характерностію представляетъ нѣкоторыя изъ тѣхъ многихъ особенностей, которыя побуждаютъ подчасъ многихъ беззащитныхъ и робкихъ людей, противъ своей воли и желанія, искать мнимаго спасенія отъ разныхъ паспортныхъ притѣсеній, въ нарушеніяхъ паспортнаго же устава.

Шестнадцатилѣтняя крестьянская дѣрушка Шеталина, живя въ Москвѣ

на мѣстѣ, отправила свой паспортъ на родину для обмѣна. Какъ водится паспортъ ей долго высылаемъ не былъ, и вотъ домовый дворникъ, пользуясь этимъ, порѣшилъ составить себѣ изъ положенія этой бѣдной дѣвушки не безвыгодную спекуляцію и указавъ ей весьма резонно на то, что онъ ее какъ безпаспортную «завсегда могитъ представить въ полицію и посадить въ тюрьму», потребовалъ отъ нея за молчаніе магарыча въ видѣ денежной подачки на чай и угрожая въ противномъ случаѣ, за невзносъ этой контрибуціи познакомить Шеталину съ «участкомъ», «потому какъ всячески сама знаешь безъ паспорта жить не приказано».

Долго отдѣлывалась Шеталина отъ дворника, не имѣя возможности по безденежью удовлетворить его корыстолюбивые и алчные инстинкты, и разсчитывая, конечно не безъ основанія, что не сегодня завтра паспортъ будетъ ей присланъ, но увы, время шло, паспорта не было, а доуки дворника начинали принимать уже болѣе рѣшительный и требовательный характеръ. И вотъ не останавливаясь на полудорогѣ, и сообщивъ конфиденціально о затруднительномъ положеніи дѣвушки одному изъ городскихъ своего окелодка, дворникъ порѣшилъ продолжать свою аферу тѣмъ, что явившись съ городовымъ въ квартиру, гдѣ жила Шеталина, потребовалъ, чтобы она шла съ ними въ кварталъ. Страхъ обуялъ ее при видѣ официального представителя полиціи, угроза обоихъ ихъ отвести ее въ кварталъ и боязнь известной перспективы быть «засаженной» и отправленною на родину по этану, побудили дѣвушку къ слезной просьбѣ «повременить маленько», такъ какъ паспортъ ей должны скоро выслать; притомъ она указывала на свою полную безденежность и на невозможность вслѣдствіе того угостить лиходѣевъ. Ни что однако же не помогало, Шеталину повели въ кварталъ, а когда дорогой она снова начала проситься отпустить ее, повторяя опять, что она дала бы денегъ, да у ней нѣтъ ихъ, тогда дворникъ оказался крайне находчивымъ, указавъ Шеталиной на ея пальто, которое она надѣла чтобы идти въ кварталъ, и предложилъ ей заложить это пальто, а полученными за него деньгами расплатиться съ ними. Дѣлать было нечего, дальнѣйшія колебанія были невозможны, и вотъ нажитое можетъ быть продолжительномъ трудомъ единственное пальтишко дѣвушки, составлявшее лучшее украшеніе изо всего ея убогаго наряда, тотчасъ же перешло подъ хищнымъ надзоромъ тѣхъ же, городского и дворника, къ закладчику еврею который ссудилъ ей за него 2 р. Изъ этихъ 2-хъ руб., полтинникъ дворникъ взялъ на чай себѣ, а 1 р. 50 к. «предоставилъ за труды городовому», дѣвушка же послѣ даннаго ею за себя выкупа была оставлена въ покоѣ и «миролюбно» опущена ими домой «съ Богомъ», хотя и безъ пальто.

Одна изъ свидѣтельницъ всей этой процедуры вымогательства денегъ съ Шеталиной, не безъ ироніи заявляла потомъ, сожалея о бѣдной дѣвушкѣ, что «къ жиду-то она пошла въ пальто, а ужъ оттуда-то вышла раздѣвши».

Нужно ли еще что-нибудь добавлять къ этому факту, кромѣ развѣ того, что на этотъ разъ дворникъ и городской за свои вымогательства были привлечены къ строгой ответственности.

А не случись у Шеталиной при такой оказіи «лишней одежки», и не явись кстати на выручку еврей закладчикъ, что стало бы съ ѳдною дѣ-вушкою, поставленною въ такіе тиски, вправѣ спросить мы?

Вѣриѣ всего въ результатѣ такого положенія ея было бы то, что она ушла съ старой квартиры своей и чтобы избавиться отъ притѣсненій дворника, перешла бы куда нибудь временно на новую квартиру, а чтобы ея тамъ «не вздумали тревожить» достала бы себѣ временно какой-нибудь подложный видѣ, который и представила бы за свой.

А что могло бы быть результатомъ такого поступка ея, еслибы онъ слу-чайно сдѣлался извѣстнымъ полиціи, спросимъ мы?

Ничего больше, какъ обвиненіе Шеталиной передъ судомъ присяжныхъ въ прожительство въ подложному виду, съ перспективою впереди серьезнаго на-казанія, въ случаѣ обвиненія ея.

Какіе же присяжные рѣшились бы обвинить Шеталину узнавши отъ нее на судѣ всѣ тяжелыя подробности ея «паспортной исторіи».

Возьмемъ другой случай. Крестьянинъ ничѣмъ не запятанный, честный работ-никъ, и вообще человекъ самой хорошей репутаціи, преданъ былъ суду окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію его въ томъ, что у про-живавшаго на одной съ нимъ ночлежной квартирѣ другаго рабочаго крестьянина, укралъ во время сна послѣдняго паспортъ, т. е. не нашему уложенію о на-казаніяхъ, похитилъ съ корыстною и личною для себя выгодною и цѣлю до-кументъ. На судѣ точно также, какъ и на предварительномъ слѣдствіи, обвиняемый нисколько не заперся въ совершеніи этого преступленія, и объяснилъ его тѣмъ, что онъ крайне нуждался въ паспортѣ, такъ какъ ему новаго, въ об-мѣнъ на посланный имъ старый не высылали, а ему представлялось посту-пить на очень выгодное мѣсто, съ хорошимъ заработкомъ, на которое его однако же безъ письменнаго вида не принимали.

Боязнь потерять это прибыльное мѣсто, и вслѣдствіе того лишиться средствъ для уплаты податей и прокормленія семьи, побудила его украсть чужой пас-портъ, съ которымъ онъ и предполагалъ поступить на мѣсто, но затѣмъ, по-совѣтничавшись своего поступка, онъ самъ объявилъ о немъ потерпѣвшему и былъ привлеченъ къ дѣлу.

— Почему же вамъ изъ волости не высылали паспорта, обратился къ об-виняемому предѣлательствующій на судѣ.

— А потому ваше превосходительство, судьи милостивые, господа присяж-ные засѣдатели, отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ обвиняемый, что народъ мы значить самый подневольный, правовъ у насъ супротивъ нашихъ волостныхъ нѣтъ и сыскать ихъ трудно, ты живешь примѣрно здѣсь, паспорта себѣ но-ваго съ волости просишь, а они, значить волостные-то тамъ, на волости што хошь дѣлають, не дають тебѣ новаго и не высылають, одно слово подарковъ требуютъ, онъ вишь, говорятъ, въ Москвѣ живеть, барыши получаетъ, выгоду имѣеть, а у насъ сами знаете, велика-ли мужицкая выгода, самъ—шесть я,

ребятишки то все малые, жена, да старуха мать слѣпенькая, пить ѣсть всёми имъ надоть, тоже подати заплатитъ, всякаго сбору на волости огдать, а работнигы-то я на всю семью одинъ....

Обвиняемый замолчалъ, и послѣ маленькаго промежутка, со слезами на глазахъ и съ оттыномъ горькой ироніи, добавилъ:

— Намъ бы хоша оплатиться какъ слѣдовастъ, да семью прокормить, а они барышовъ насчитали, подарковъ себѣ требуютъ, не намъ барыши считать-то, карманы-то у мужика гораздъ дырavy.... кабы и были остатніе достатки, на заплату растеряешь...

Объясненія подсудимаго произвели на присяжныхъ засѣдателей должное впечатлѣніе, и несмотря на довольно суровую обвинительную рѣчь товарища прокурора, они оправдали обвиняемаго послѣ минутнаго совѣщанія.

Нечего и говорить о совершенной гуманности подобнаго приговора и полной осмысленности тѣхъ мотивовъ присяжныхъ засѣдателей, выразителемъ которыхъ онъ явился, да и едва ли чья нибудь человѣческая совѣсть могла бы отнестись къ данному дѣлу иначе и признать въ подсудимомъ настоящаго вора похитителя.

Это представлялось тѣмъ болѣе невозможнымъ, что лучшую характеристику нравственной подкладки этого дѣла сдѣлалъ на судѣ самъ потерявшій, нужно замѣтить, человѣкъ обвиняемому, совершенно незнакомый крестьянинъ, другой губерніи, случайно столкнувшійся только съ нимъ въ ночлежной квартирѣ, и отнесшійся къ нему съ крайнимъ незлобіемъ.

Объяснивъ на вопросы предсѣдателя, какимъ образомъ пропалъ у него паспортъ, какъ и почему онъ заподозрилъ въ похищеніи его обвиняемаго, и затѣмъ какимъ образомъ самъ обвиняемый передъ нимъ въ томъ повинился и возвратилъ паспортъ потерявшій добавилъ:

— Кабы мы ваше благородіе эту канитель вѣдали, что значить его (т. е. подсудимаго) за эту дѣль въ тюрьму посадятъ, да судить стануть, такъ лучше бы мы и жалобы на него не приносили. Примерно ему бѣда пришла, нужда прижала безъ паспорта, потому словно ты какъ не человѣкомъ сдѣлаешься, ни мѣста, ни воздуха тебѣ нѣтъ, вотъ онъ при такомъ дѣлѣ и скралъ, да намъ-то ваше благородіе тоже ужъ больно обидно было, потому за этимъ самымъ паспортомъ много у насъ хлопотовъ покладено было, oprичъ денегъ почетъ 10 рублевъ доложили, покуда всёхъ сблагодетворили, перво старшину двое разовъ въ трактиръ водили, староста свое поднялся—дай, то что писаря уважь, да за печатку евоному помощнику положи, да то да се, 10 палковыхъ, какъ одна кофѣйка и не видалъ, радъ былъ, что съ этой тягонины-то вышелъ, ну думаю, таперъ мнѣ на цѣлый годъ вольготно, а онъ (т. е. подсудимый) на тебѣ и возьми, лъзъ подъ подушкой то его у меня и унеси, лучше бы онъ мнѣ какое лихо сдѣлалъ, я то была бы обида, да все меньше, а безъ паспорта отъ однихъ хлопотовъ, да неприятностейъ жизни не радъ будешь, откажешься.

Совершенно тождественныя и аналогичныя объясненія по одному и тому же вопросу, по однимъ и тѣмъ же обстоятельствамъ, какъ со стороны подсуди-

маго, такъ равно и потерпѣвшаго лица и при томъ заявленныя представителями двухъ совершенно разныхъ мѣстностей, могутъ только служить подтвержденіемъ всего того, что извѣстно всѣмъ о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ крестьянами въ полученіи и исходатайствованіи себѣ паспортовъ.

Мы не безъ основанія, съ нѣскольکو большими подробностями, остановились на преступленіяхъ по нарушеніямъ паспортнаго устава именно потому, что наказанія за нихъ въ ряду другихъ преступленій, полагаются чрезмѣрно строгія, вслѣдствіе чего въ результатѣ разсмотрѣнія ихъ судомъ присяжныхъ, за крайними и единичными только исключеніями, являются всегда оправдательные приговоры присяжныхъ.

Въ заключеніе настоящей главы, приводимъ цѣликомъ, интересное письмо къ намъ одного волостнаго старшины, который, затрогивая тотъ же вопросъ о вліяніи строгости наказаній на приговоры присяжныхъ, касается его, какъ представитель простопародной среды и ея возрѣвній, съ чисто практической сельско-общественной стороны по его тяжелымъ послѣдствіямъ, для стѣбальныхъ семей и хозяйствъ.

Вотъ содержаніе этого письма.

«Служимъ мы волею общества въ старшиновскомъ званіи, пишетъ этотъ волостной старшина, теперь уже четвертый трехлѣтокъ, и потому самому очень мы хорошо понимаемъ, какъ у насъ присяжныхъ судъ дѣйство свое оказываетъ и почему другой разъ присяжныхъ мужичковъ позорить, что моль не ладно судили, многихъ незаконно оправляли. Оно точно бываетъ такъ, что и промежъ нашего брата крестьянина, особливо какъ на сходкѣ на волости сборъ или сходъ, почнуть разговоры почему моль ворамъ не воровать, когда своя присяжные оправдываютъ, иначе такъ можно говорить, а какъ дѣло каждому самому до суда дойдетъ присяжнымъ быть, то и другую рѣчь держишь, потому тоже на совѣсть всякъ понимаетъ, что яному вору рѣшеніе я дамъ моль виноватъ онъ, а за нимъ за виноватымъ-то другой разъ невиноватыхъ ребятишекъ, да баба, да семья, почто имъ то страдать, вотъ какъ дойдетъ до такого дѣла, ну и думаешь коли, что человѣкъ не гораздо еще градежемъ занялся, ну и Богъ съ нимъ».

«Сами присяжные много разъ, такъ примѣрно въ разговорѣ со мной, сказывая—продолжаетъ въ томъ же письмѣ нашъ корреспондентъ старшина—примѣрно говорить, Иванъ Николаевичъ, хорошо, вора на осудку дѣло идетъ, ну тамъ положимъ укралъ онъ и по суду доподлинно видно, что укралъ замокъ сломавши долотомъ, и самъ въ томъ признаніе имѣеть, слѣдуетъ его осудить, и станешь ты этакое дѣло разбирать, знамо слѣдуетъ вора наказать, зачѣмъ прощать, иначе какъ подумаешь, что за нимъ то одинъ малъ шала меньше, да такихъ то другой разъ до десятка, ну куда жъ имъ ребятишекъ то пропадать, хоша онъ то отецъ и не путевый а все отецъ, вотъ станеть это ребятишекъ жалостно, ну моль его къ Богу, може другой разъ не пойдетъ, Богъ съ нимъ, пиши ему, господинъ старшина, оправданіе».

«Больно строго на нашъ домекъ по закону то, друго рядъ наказываютъ,

съ того присяжные больше милости и имѣють. Таперь примѣрно всякій знаетъ, что коли скралъ кто, да замокъ, али запорку сломалъ, ну такого въ арестаантскую роту на годъ на два а то и на три. Вотъ вы и разсудите по нашему, что значить хозяина те этъ дома отъ семьи, да хозяйства на три года оторвать, что съ нимъ станется. Первое хозяйству всему раззоръ, недоимка наростеть, саба въ бобылки, али батрачки ударится, дѣтей кое куда распихаетъ, а коли что помоложе, сейчасъ загуль ее возметъ и пропала вся семья, вотъ съ того больше и боятся виноватить присяжные, все думается такъ наказать бы человѣка наказать, а не разорять, съ того многихъ и слускають съ суда, коли онъ что впервые да покается, ну и Богъ съ нимъ».

«У насъ, сударь, заканчиваетъ этотъ старшина свое письмо, доложу вамъ такое дѣло разъ было. Попался съ деревни Середки мужичекъ, Трофимомъ звать его, и хорошій мужикъ завсегда былъ, а какъ напьется, ну и того всякая ему сейчасъ пакость въ голову поидеть. Случилось такъ на праздникъ, онъ въ сусѣдскомъ приходѣ былъ, выпилъ тамъ лишняго да дорогой у купца Жолушкина съ мельницы лошаденку и укралъ, съ сарая стѣнку сзади разворотивши, сѣлъ она на тую лошаденку, да и поѣхалъ, дорогой поветрѣчалъ семрюковъ, да лошадь имъ и продалъ, а тѣмъ и не въ домокъ, что онъ укралъ, такъ думаютъ должно съ пьяна, потому выпивши былъ, дешево продаеть. Потомъ значить открылось этое самое дѣло, ослѣдствовали его и Трофима на судъ. Ну на судѣ этомъ съ нашей волости четверо въ присяжныхъ были, двое то на его дѣло попали, ну какъ знали его что онъ тверезый то человѣкъ какъ слѣдуетъ, стали за него другихъ просить чтобъ оправить его, потому и семья то у него значить, да жена, да мать слѣпая и хозяйство завсегда въ порядкѣ у него было, ну и оправили, съ суда его пустили значить невиноватымъ, одначе опосля того своей сходъ порѣшили миромъ, Трошку за тое дѣло наказать, и значить прѣ волости высѣкли его за коня, что укралъ, и купцу уваженье сдѣлали: съ Трошки деньги двадцать рублей възыскали купцу отдали, а десять онъ на миръ подарилъ».

Не касаясь вопроса о томъ, на сколько правильно было наказаніе несчастнаго Трошки розгами по приговору схода за такое преступленіе, по которому онъ судомъ присяжныхъ былъ оправданъ и възысканіе съ него же въ пользу купца 30 руб. сер. за лошадь,—замѣтимъ однако же, что въ такомъ рѣшеніи схода проглядываетъ прежде всего рѣшимость общества наказать своего сочлена за то, что онъ сдѣлалъ дурно, не оставить его безъ възысканія, не смотря на оправданіе его судомъ, и за то, что онъ укралъ у хорошаго сосѣда купца лошадь, все таки наказать его, но наказать такъ, чтобы это наказаніе обошлось бы «хозяину» безъ раззоренія.

Очевидно здравый взглядъ простолюдиновъ въ примѣненіи къ подсудимымъ наказаній, признаетъ необходимымъ и справедливымъ совмѣщеніе двухъ непрѣмѣнныхъ условій, во первыхъ, чтобы виноватый за свой грѣхъ былъ наказанъ и во вторыхъ, чтобы это наказаніе соответствовало бы его дѣйствительной виновности, не грозило бы ему и семьѣ его раззореніемъ и другими неизбежными

съ тѣмъ тяжелыми послѣдствіями.

А чѣмъ объяснить, какъ не тѣми же соображеніями чиста нравственнаго и экономическаго свойства, то явленіе, что простолюдныя престѣпленія, являясь на судъ въ качествѣ обвиняемыхъ въ болѣе серьезныхъ преступленіяхъ, съ большаимъ удовольствіемъ встрѣчаютъ приговоры суда о ссылкѣ ихъ въ Сибирь на поселеніе, нежели заключеніе ихъ на продолжительные сроки въ тюрьму въ рабочіе дома или же въ арестантскія отдѣленія.

Ссылку въ Сибирь, сопряженную какъ извѣстно съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, простолюдныя, присяжные не даромъ называютъ «вольнымъ поселеніемъ» и въ судахъ у насъ весьма не рѣдки случаи, что подсудимые прямо просили судъ приговорить ихъ въ Сибирь на поселеніе, а не отдавать въ арестантскія отдѣленія.

— Въ Сибири, примѣрно, я опять человѣкомъ буду, говорить они, потому хозяйствомъ заправиться могу, жену могу взять, да дѣтей, своей семьей разживусь какъ ни есть, хоть и горько будетъ на первое, да все вмѣстѣ пронадасть не чему, а примѣрно какъ посадятъ на отсидку на три года сидимъ ты одинъ, безъ вольнаго воздуха, семья да хозяйство пропадаютъ, а съ отсидки срокъ выйдетъ, словно ужъ ты не тотъ человѣкъ, хозяйство и было какое, нѣтъ его.

Близкое знакомство съ арестантскимъ міромъ и главными образованъ съ разными осужденными, даетъ намъ право сдѣлать слѣдующій выводъ. За подсудимыми изъ крестьянъ ссылаемыми по приговорамъ суда въ Сибирь на поселеніе, почти что всегда слѣдуютъ добровольно жены ихъ и наоборотъ, слѣдованіе женъ за мужьями ссылаемыми по приговорамъ обществъ въ Сибирь, по непринятію ихъ обществами послѣ отбытія наказанія суда въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, представляетъ собою случаи несравненно болѣе рѣдкіе.

Происходитъ это отъ того, что прямое переселеніе простолюдина въ Сибирь на поселеніе, не портитъ всего его хозяйственнаго склада и жена такого подсудимаго безъ боязни слѣдуетъ за нимъ, зная, что онъ будетъ тамъ продолжать свое хозяйство хотя и на новомъ мѣстѣ. А если мужъ бывалъ въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, и послѣ того ссылается уже на житье въ предѣлахъ Сибири, то хорошая жена всохотно слѣдуетъ за нимъ изъ того убѣжденія, что мужъ «какой онъ теперь тамъ хозяинъ будетъ, когда онъ и отъ хозяйства и отъ сохи отвыкъ».

Многіе присяжные засѣдатели, точно также считаютъ навривѣрь ссылку въ Сибирь на поселеніе, болѣе легкимъ наказаніемъ, нежели отдачу въ арестантскія отдѣленія на продолжительные сроки, сообразуясь съ чѣмъ и поставляютъ иногда свои отвѣты такъ, что если подсудимый можетъ быть приговоренъ къ тому и къ другому наказанію, то они въ отвѣтахъ своихъ стараются удержать или признать тавія увеличивающія вину обстоятельства при наличности которыхъ и признанія ихъ присяжными, судъ поставляется въ необходимость сослать подсудимаго именно на поселеніе, а не отдавать его въ арестантское отдѣленіе.

Конечно такіе взгляды въ средѣ простолюдиновъ присяжныхъ и подсудимыхъ существуютъ потому только, что вопросъ о лишеніи всѣхъ правъ состоянія при ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, и только всѣхъ особенныхъ или нѣкоторыхъ правъ, при отдачѣ въ арестантскія отдѣленія, въ понятіяхъ простолюдиновъ не имѣетъ никакого значенія и не играетъ никакой роли въ ихъ соціальныхъ взглядахъ.

Еще нѣсколько словъ, относительно повсемѣстно почти въ нашихъ судахъ наблюдаемаго явленія.

Присяжные простолюдины во время судебныхъ слѣдствій весьма часто стараются путемъ распроса свидѣтелей и самого подсудимаго выяснить семейное положеніе его, степень его рачительности къ хозяйству и взглядъ на него со стороны его однообщественниковъ.

Какая цѣль всѣхъ такихъ вопросовъ не относящихся прямо къ существу дѣла какъ не та, чтобы приговоромъ своимъ не подвести подсудимаго, при относительно небольшой винѣ его, подъ такое наказаніе, которое сопряжено съ удаленіемъ его на продолжительное время отъ дома, не раззорить «хозяина плательника», и не поставитъ въ бѣдственное положеніе безъ мужа и отца имъ въ честь непочинную семью его.

Безъ сомнѣнія, что одна изъ причинъ ненаказуемости присяжными многими преступленій, заключается въ чрезмѣрно строгихъ у насъ вообще наказаніяхъ.

Это общій выводъ, общее мнѣніе — значительнаго числа юристовъ-практиковъ.

XVIII.

Выборъ старшины присяжныхъ.

Во числу чисто процессуальныхъ обрядностей судебного засѣданія, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, относится выборъ старшины присяжныхъ, на котораго по закону возлагается исключительно лишь управленіе ходомъ ихъ совѣщаній. Ни какихъ особыхъ преимуществъ старшинѣ присяжныхъ законъ не предоставляетъ, и требуетъ только отъ него одного качества, чтобы онъ былъ грамотенъ.

Это требованіе закона понятно. Только грамотный человѣкъ можетъ только высказать голоса присяжныхъ, и также толково написать отвѣты на вопросы суда. Не смотря однако на то, что въ положенія старшины присяжныхъ, законъ устанавливаетъ совершенную равноправность его со всѣми другими присяжными засѣдателями, въ жизни нашего суда присяжныхъ выработался уже совершенно иной взглядъ на положеніе и значеніе старшины, и съ этимъ живымъ среди самихъ присяжныхъ засѣдателей соединяется всегда понятіе о такомъ вышнемъ отличіи, которое можетъ быть предоставлено не всякому, такъ связать ординарному присяжному, а выдѣляющемуся изъ общей среды

своихъ товарищей, общественнымъ своимъ положеніемъ, официальнымъ представительствомъ, или же какими либо другими внѣшними отличіями, не имѣющими впрочемъ никакого прямого соотношенія къ самому званію и обязанностямъ присяжнаго засѣдателя. Кромѣ того сословная наша рознь, воспротивившая насъ въ своихъ принципахъ въ теченіи цѣлыхъ столѣтій, не утратила своего значенія въ средѣ нашего общества по настоящее время, а напротивъ цѣлкомъ перешла и на лочву суда присяжныхъ.

По этому въ числѣ нашихъ присяжныхъ засѣдателей и трудно встрѣтить вездѣ, вполнѣ равноправныхъ гражданъ, въ замѣнъ чего у насъ всѣ присяжные рѣзко разграничиваются по своимъ кастовымъ и сословнымъ особенностямъ.

Такъ напримѣръ у насъ есть присяжные генералы, присяжные господа, присяжные мужики, присяжные изъ лицъ официальныхъ и присяжные изъ простыхъ смертныхъ.

Нѣкоторые изъ представителей такихъ группъ, считаютъ себя среди своихъ товарищей присяжныхъ, какъ-бы личностями первенствующими, другіе напротивъ обрекаютъ себя совершенно неосновательно къ выполненію передъ остальными самой смиренной роли.

Остановимся на такихъ примѣрахъ. У насъ на Руси въ числѣ служащаго люда, начиная съ генераловъ и кончая послѣднимъ незначительнымъ чиновничкомъ, оказывается множество такихъ лицъ, которые любятъ всегда и вездѣ во всѣхъ своихъ житейскихъ комбинаціяхъ изображать изъ себя истати и не истати какое-то начальство, и выдвигать впередъ свое личное «я», и вмѣстѣ съ тѣмъ и навязывать другимъ свое личное мнѣніе.

Различнаго рода «господа», точно также считаютъ себя по традиціямъ прежнихъ временъ, первенствующими во всемъ людямъ, оттого и держатъ себя въ средѣ своихъ товарищей присяжныхъ, какъ-то недосагаемо высоке, особенно же передъ присяжными изъ простыхъ классовъ. Такого рода воззрѣнія свои, представители упомянутыхъ двухъ категорій, перенесли съ собою всецѣло и на исполненіе скромной роли и обязанности присяжнаго засѣдателя, а потому являясь въ совѣщательную комнату въ среду другихъ присяжныхъ сотоварищей, для выборовъ изъ среды своей старшины, они даютъ всегда понять другимъ присяжнымъ, что всякій выборъ кого либо помимо нихъ, былъ бы не согласенъ съ требованіями того внѣшняго уваженія, которое другіе по чему то должны имъ оказывать.

Въ очеркахъ г. Накитина есть довольно характерное въ этомъ отношеніи указаніе на то, какъ въ С.-Петербургѣ, одинъ присяжный засѣдатель изъ значительныхъ чиновниковъ, толкая другихъ присяжныхъ о томъ, кого слѣдуетъ выбирать въ старшины, утверждалъ, что при этомъ выборѣ слѣдуетъ непременно держаться старшинства въ чинахъ, а не выставлять впередъ ара кого понало...

Насчетъ совѣтъ или лучше сказать указаніе, значительный чиновникъ получая въ отвѣтъ отъ одного изъ присяжныхъ «непроще», что въ «старшину точно

выбирали повсюду все по чинамъ, а нонѣ выбирать слѣдуетъ такъ: кто чего больше знаетъ, тому и книги въ рука».

На этомъ основаніи значительный чиновникъ остался за штатомъ, а въ старшины выбрали «законопига».

Но вѣдь такой отвѣтъ только и могъ быть данъ въ столицѣ, а не гдѣ нибудь въ провинціи.

А между тѣмъ отъ многихъ присяжныхъ засѣдателей намъ не разъ доводилось слышать, что появленіе между ними какого нибудь статскаго совѣтника, служить для нихъ не рѣдко большою помѣхой.

И думаетъ-то, такой присяжный не такъ какъ всѣ другіе, и требованія то къ товарищамъ предъявляетъ какія-то особенныя, а фигурой своей такъ и старается внушить всѣмъ другимъ присяжнымъ, что ему какъ бывшему, или какъ настоящему начальству, только и подобаетъ быть между ними настоящимъ заправскимъ старшиной, что его только мнѣніе и есть правильное, что за нимъ слѣпо должны идти и другіе.

Впрочемъ намъ слѣдуетъ оговориться.

Такого рода ненормальныя отношенія между присяжными засѣдателями разныхъ званій и сословій, особенно сильно пестрѣла въ глазахъ посторонняго наблюдателя въ первое время по введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, пока понятіе объ общемъ равенствѣ всѣхъ присяжныхъ засѣдателей не укоренилось болѣе или менѣе сильно въ сознаніи всѣхъ вообще гражданъ.

Въ настоящее время нѣкоторыя практическія шероховатости такого неравенства, хотя еще существуютъ, но выражаются уже не въ навязываніи интеллигентными присяжными неинтеллигентнымъ своихъ мнѣшій и взглядовъ, а въ стремленіи только первыхъ, удерживать преимущественно за собою званіе старшины присяжныхъ.

Мы уже не разъ указывали на то, что въ массѣ нашихъ присяжныхъ засѣдателей, кромѣ нѣкоторыхъ, только исключительныхъ мѣстностей, преобладаетъ въ большинствѣ случаевъ простонародный элементъ, и вотъ если на сессіи въ числѣ присяжныхъ засѣдателей окажется нѣсколько человѣкъ такихъ привилегированныхъ засѣдателей, то на всю сессію они и выбираются обыкновенно старшинами, такъ какъ простолюдины все еще считаютъ «господъ» себѣ неравными, и при наличности въ средѣ ихъ привилегированнаго лица, никогда не выберутъ въ старшины кого либо изъ своей среды въ тѣхъ видахъ, чтобы не обойдти и не обидѣть барина.

Въ число присяжныхъ засѣдателей, попадаетъ обыкновенно не мало и купцовъ, но купеческій элементъ какъ то сторонится обыкновенно отъ чести быть избраннымъ въ званіе старшины, и ужъ по крайней мѣрѣ, никогда почти не предъявляетъ на то никакихъ притязаній.

Напротивъ, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, когда выборъ въ старшины присяжныхъ падаетъ на купцовъ, они, какъ это замѣчается въ нашей судебной практикѣ, всячески стараются уклониться отъ этого выбора, но мнѣнію нѣкоторыхъ судебныхъ дѣятелей того рѣдкѣ, чтобы лишній разъ

не потревожить свои мыслительныя способности, а по сообщенію одного присяжнаго купца оттого, что купецъ «къ счету чего другаго, а голосовъ не привыченъ».

Конечно, во многихъ случаяхъ, выборъ престолюдиана въ старшины, лица интеллигентнаго и образованнаго, долженъ быть объясняемъ и тѣмъ, что сами же малограмотные присяжные не могутъ не сознавать, что образованному присяжному приличествуетъ болѣе занимать мѣсто старшины, нежели присяжному «простаго ума».

Наконецъ слѣдуетъ указать и на то явленіе, которое въ послѣднее время можно замѣчать въ нашихъ даже и провинціальныхъ окружныхъ судахъ, что иногда престолюдины присяжные, будучи въ своемъ большинствѣ, рѣшительно противятся выбору въ старшины кого либо изъ «господъ» и, напротивъ, проводятъ въ это званіе своего кандидата, челоуѣка своей среды; но такіе случаи покажутся являются только исключеніями и притомъ исключеніями единичными.

Преимущественно наблюдаемый у насъ выборъ въ старшины присяжныхъ на отдѣльныхъ сессіяхъ, однихъ и тѣхъ же лицъ, и вообще въ средѣ присяжныхъ засѣдателей, лицъ какой нибудь известной категоріи, не можетъ не отражаться вредно на ходѣ правосудія потому, что какъ бы не былъ разумель и ясенъ законъ о томъ, что старшина въ составѣ присутствія присяжныхъ является равноправнымъ со всѣми другими присяжными засѣдателями, вліяніе его на исходъ мнѣній присяжныхъ, во многихъ случаяхъ является всепорочимымъ, и объ этомъ мы будемъ еще говорить подробно въ одной изъ послѣдующихъ главъ.

Въ частности же дѣлаемъ указаніе на слѣдующее сообщеніе одного изъ судебныхъ дѣятелей:

«На бывшей у насъ однажды сессіи, въ числѣ присяжныхъ засѣдателей находилось только двое интеллигентныхъ лицъ во всемъ очередномъ составѣ присяжныхъ засѣдателей, это были: одинъ помѣщикъ—кандидатъ правъ, а другой учитель уѣзднаго училища, молодой челоуѣкъ весьма «поверхностный.»

Первый былъ известенъ какъ безпощадный каратель подсудимыхъ, а послѣдній напротивъ слылъ за «милостивца». Во всю сессію почти безмѣннымъ старшиною во всѣхъ дѣлахъ былъ избираемъ послѣдній, такъ какъ перваго защитники и подсудимые безусловно исключали изъ списка, а никого другаго остальные присяжные изъ крестьянъ не выбирали, и что же, въ результатѣ всей этой сессіи, вліяніе этого почти постояннаго старшины на мнѣнія присяжныхъ выразилось самымъ несомнѣннымъ образомъ, приговоры ихъ почти сплошь были оправдательные».

Обращаясь къ самому порядку выбора присяжными засѣдателями изъ среды своей старшины, слѣдуетъ указать прежде всего на разнообразіе приеомовъ, которыми этотъ выборъ сопровождается.

Въ некоторыхъ окружныхъ судахъ, предѣлательствующіе предлагаютъ присяжнымъ засѣдателямъ для выборовъ старшины удалиться въ свою совѣ-

щательную комнату, что и представляется вполнѣ правильнымъ, такъ какъ выборъ несомнѣнно предполагаетъ предварительныя между присяжными совѣщанія, а эти совѣщанія возможны только въ особой комнатѣ.

Затѣмъ въ другихъ судахъ, подѣ влияніемъ стремленій въ сокращеніямъ всякаго рода, предсѣдательствующіе, такъ сказать, рекомендуютъ присяжнымъ засѣдателямъ производить выборъ старшины здѣсь же въ залѣ засѣданія; это, замѣтимъ, представляется вполнѣ несогласнымъ съ закономъ, а между тѣмъ практикуется въ нашихъ судахъ во многихъ случаяхъ.

Присяжные засѣдатели, ощущая, такъ сказать, на своихъ собственныхъ правахъ, чрезмѣрную торопливость суда, и въ свою очередь тоже проникаются ею и вотъ въ то время, пока нѣкоторые изъ присяжныхъ засѣдателей, длинной вереницей подходятъ еще только къ Кресту и Евангелію, передніе изъ нихъ въ числѣ трехъ, четырехъ человѣкъ, столпившись гдѣ нибудь за спинами судейскихъ кресель, перешептываются между собою нѣсколькими словами, и намѣчаютъ свой выборъ, который тутъ же и объявляютъ суду, несмотря на то, что всѣ остальные присяжные фактически въ этомъ выборѣ вовсе не участвовали.

Остальные присяжные засѣдатели въ такихъ случаяхъ никогда почти не протестуютъ и въ такомъ случаѣ весьма существенное право ихъ относительно выбора старшины, обращается въ право фиктивное, порожаемое благодаря тому, что наиболѣе вліятельные изъ среды присяжныхъ, не стѣсняются пренебрегать мнѣніями своихъ остальныхъ товарищей и провозглашаютъ отъ имени всего состава присутствія присяжныхъ такой выборъ, который былъ порѣшенъ только ими, въ числѣ трехъ, четырехъ человѣкъ «своего кружка».

Само собой это происходитъ оттого, что въ смѣшанныхъ составахъ присяжныхъ засѣдателей, обыкновенно главную роль играютъ нѣсколько члѣвъ въѣ интеллигентныхъ, которые вездѣ выдвигаютъ себя впередъ, идутъ всегда впереди другихъ, сидятъ на переднихъ скамьяхъ и даже высказываютъ и постановляютъ свои рѣшенія за другихъ.

Это явленіе, крайне непригляднаго сопернованія между присяжными, съ особенною рѣзкостью замѣчается на сесіяхъ въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ, какъ извѣстно, присяжные раздѣляются обыкновенно на господъ и мужиковъ, а два, три такихъ господина, всегда берутъ во всемъ верхъ надъ присяжными простолюдинами.

Впрочемъ, иногда и изъ среды послѣднихъ являются совершенно неожиданныя для господъ оппоненты.

Намъ извѣстенъ, напримѣръ, такой случай. Въ составъ присутствія присяжныхъ попало восемь простолюдиновъ, два чиновника, одинъ жомѣщикъ и одинъ богатый мѣщанинъ цѣловальникъ. Послѣдній сопрічиславъ себя конечно къ господамъ. И вотъ всѣ четверо господъ первые приложились къ Кресту и Евангелію и зайдя, за судейскій столъ, тотчасъ же выбрали изъ среды своей одного старшину, о чемъ и торопились объявить предсѣдательствующему въ то время, пока другіе присяжные толпились еще у аналоя.

Предсѣдательствующій тоже потеропился выбранному старшинѣ указать на его первое мѣсто, но тогда одинъ изъ крестьянъ, подойдя къ судейскому столу, заявилъ предсѣдателю, что онъ этого старшину не выбиралъ.

— Что вамъ угодно? сердито спросилъ его предсѣдательствующій, очевидно недовольный такой «задержкой», какого вамъ еще старшину надо, добавилъ онъ, когда старшина уже выбралъ.

Крестьянинъ однако ни мало не оторопѣлъ, несмотря на начальнический тонъ предсѣдательствовавшего члена суда.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, не выбирали мы этого старшину и не желаемъ имѣть его старшиной, а насъ всемеро человекъ. Они господа-то и не поспрошали нашего голоса, а насъ, значить мужичковъ, восемь душъ состоитъ, и желательно намъ въ старшины промежъ себя избрать Антона Анапьевича изъ деревни Середки, потому какъ онъ человекъ степенный на весь околотокъ значителен, всякъ къ нему съ уваженіемъ .. за старика его почитаемъ, а господина того мы не знаемъ... а знаемъ, что промежъ господъ одинъ кабатчикъ есть...

Предсѣдательствующій остановилъ оппонента, выразивъ довольно жалѣтно свое неудовольствіе по поводу того, что «мужикъ, а тоже сунулся» и хотѣлъ было протестъ его оставить безъ уваженія, но два другихъ члена суда нашли, что выборъ старшины дѣйствительно долженъ быть произведенъ вновь.

Для этихъ вторыхъ выборовъ присяжные были удалены въ совѣщательную комнату, и вслѣдъ затѣмъ, какъ дверь за ними захлопнулась, тамъ поднялся страшный шумъ и гамъ. Господа набросились на мужичковъ, но послѣдніе все таки одолѣли, потому что ихъ было 8 человекъ и въ старшины присяжныхъ былъ избранъ старикъ Антонъ Анапьевичъ, который и занялъ первое мѣсто.

Вопросу объ избраніи старшины присяжныхъ, коронные судьи не придаютъ особеннаго значенія, а потому многіе изъ нихъ и дозволяютъ присяжнымъ производить выборъ старшины, «у себя за спиной», какъ выразилась одинъ присяжный засѣдатель, и по нашему мнѣнію очень удачно.

Отчасти подобное сокращеніе вводится судьями потому, что выборъ старшины присяжныхъ въ совѣщательной комнатѣ не смотря на то, что онъ можетъ быть произведенъ въ нѣсколько минутъ, производится присяжными съ крайнею медленностію и отнимаетъ у суда слишкомъ много времени.

Весьма часто случается, что присяжные, удалившись для выбора старшины и избравъ его конезно въ теченіи двухъ, трехъ минутъ, остаются по долгу въ своей совѣщательной комнатѣ, и иногда подъ предлогомъ не окончанія выбора, не выходятъ оттуда по получасу и болѣе, занимаясь въ это время куреніемъ, чтеніемъ газетъ или какими нибудь праздными разговорами и какъ бы забывая, что судъ въ это время сидитъ въ залѣ засѣданія, ожидаетъ ихъ и теряетъ совершенно непроизводительно время, которое коронные судьи, загнанные въ какое нибудь захоluste среди лишній и неудобствъ, имѣютъ достаточное основаніе цѣнить очень дорого.

Что дѣлать въ такомъ случаѣ предсѣдательствующимъ, какъ не напоминать присяжнымъ тѣмъ или другимъ путемъ, о необходимости вернуться скорѣе въ залу суда, чтобы не задерживать теченіе дѣла, что судъ обыкновенно и дѣлаетъ, посылая къ присяжнымъ судебного пристава.

Многіе присяжные засѣдатели такими напоминаніями суда не въ мѣру оскорбляются, считаютъ ихъ вторженіями судей въ право присяжныхъ совѣщаться сколько имъ угодно, такъ какъ на это опредѣленнаго срока времени въ законѣ не указано, и слѣдовательно, опредѣленіе его въ размѣрѣ той или другой дѣйствительной надобности предоставляется самимъ присяжнымъ.

Какимъ же образомъ примирить послѣ того, столь разнообразныя приемы во взглядахъ и требованіяхъ суда и присяжныхъ на одинъ и тотъ же предметъ. Дѣйствительно, и на посторонній даже взглядъ дѣлается какъ-то не ловкимъ, когда видишь, что судъ по отношенію къ присяжнымъ засѣдателямъ употребляетъ нѣсколько школьническій приемъ, подгоняя ихъ производить скорѣе выборъ старшины и возвращаться въ залу засѣданія, а потому можно сказать, что такіе приемы со стороны суда крайне не желательны, хотя строго говоря, они отиудь не могутъ имѣть характера стѣсненія присяжныхъ въ ихъ совѣщаніяхъ, заключаая въ себѣ только напоминаніе вернуться поскорѣе къ своимъ обязанностямъ и не тратить по пустому времени.

Нось другой стороны, что же дѣлать въ самомъ дѣлѣ суду и какъ поступать иначе въ тѣхъ случаяхъ, когда присяжные сидятъ по долгу въ своей комнатѣ безо всякаго дѣла, безцѣльно затягиваютъ и задерживаютъ засѣданіе и не могутъ додуматься сами до того, что немедленно наконецъ заставляютъ судъ по долгу ожидать себя.

Чтобы устранять такого рода медленность со стороны присяжныхъ, не терять по напрасну времени и избавить себя отъ необходимости дѣлать присяжнымъ засѣдателямъ нежелаемыя напоминанія и подталкиванія, практика суда и выработала тотъ приемъ, въ выборѣ старшины, допускаемый уже во многихъ судахъ, при второмъ судьи предлагаютъ этотъ выборъ производить въ залѣ судебного засѣданія, не допуская уже присяжныхъ до совѣщательной комнаты.

Приведемъ нѣсколько не безынтересныхъ указаній относительно того, какъ присяжные засѣдатели ведутъ совѣщанія свои относительно выбора старшины и тѣмъ они, удалившись съ этой цѣлю въ свою совѣщательную комнату, тамъ занимаются, въ то время, когда судъ въ полномъ составѣ сидитъ въ залѣ засѣданія и нетерпѣливо ожидаетъ ихъ выхода.

Одинъ судебный приставъ, командированный предсѣдательствующимъ въ совѣщательную комнату во время черезъ чуръ продолжительнаго пребыванія въ ней присяжныхъ при выборѣ старшины, засталъ ихъ закусывающими принесенными ими съ собой изъ дома разнообразными закусками. Въ аппетитномъ беспорядкѣ на одномъ изъ столовъ разложены были по походному сыръ, ливерная колбаса, салтиссоны домашняго приготовления, копченый языкъ, задника теллятины, добрая половина гуся, пирожки и кое какія другія снадобья гастрономическаго свойства.

Присяжные видимо торопились поскорѣе кушать, но тѣмъ не менѣе кушали съ аппетитомъ. Закуска эта была какъ видно общая, одни присяжные сѣдѣли у стола другими, а въ концѣ концовъ противу такого соблазна и искушенія не устоялъ и судебный приставъ. Съ волчьимъ аппетитомъ, по приглашенію присяжныхъ, примкнулъ онъ къ телятинѣ и маринованному съ вишнею гусю, такъ что въ концѣ концовъ, въ совѣщательную комнату за присяжными засѣдателями и за пропавшимъ безъ вѣсти судебнымъ приставомъ, предсѣдатель долженъ былъ послать втораго гонца, въ лицѣ курьера, который и выдалъ эту совѣщательную тайну присяжныхъ, доложивъ суду, по возвратѣ въ залу засѣданія, что «господа кушаютъ».

Въ другомъ случаѣ, присяжные засѣдатели въ своей совѣщательной комнатѣ, сгруппировавшись около одного изъ своихъ товарищей, слушали, какъ послѣдній въ полголоса читалъ имъ новѣйшія извѣстія съ театра войны изъ Ахаль-Текинской экспедиціи. Присяжные такъ увлеклись этимъ чтеніемъ, что неслыхали даже того, какъ судебный приставъ отворилъ къ нимъ дверь и вошелъ въ комнату съ приглашеніемъ пожаловать въ засѣданіе.

Въ послѣднемъ случаѣ нельзя было ничего возразить противу замѣчанія предсѣдателя, обращеннаго къ этому составу присяжныхъ, что чтеніе газетъ и политическихъ извѣстій, при всемъ интересѣ ихъ, не входитъ однакоже въ программу занятій на судѣ присяжныхъ засѣдателей.

Одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей сообщаетъ намъ слѣдующія подробности того, какъ присяжные иногда занимаются выборомъ старшины.

«И между присяжными какъ вообще между людьми есть люди, дѣла и бездѣлья, пишетъ онъ. Насколько нервные заинтересованы всегда тѣмъ, чтобы безъ надобности не пропадало у нихъ даромъ время, настолько послѣдніе перѣдко затягиваютъ споры и дебаты лишь бы протянуть время. Много бывало я разъ присяжнымъ засѣдателемъ и насмотрѣлся на всякихъ. Поидемъ выбирать старшину, ну, конечно, двѣ, три минуты — и выборъ готовъ, особенно въ серединѣ и концѣ сессіи, когда присяжные засѣдатели хорошо узнаютъ уже другъ друга и вполне знакомятся. Базалось бы, выбрали старшину, ну и выходи, такъ нѣтъ, тотъ куревомъ займется, тотъ расчесывается передъ зеркаломъ, простолюдины—тѣ занимаютъ больше на счетъ временной перехватки изъ кармана домашними запасами, иные читаютъ, иные ведутъ, такъ себѣ, зрячій разговоръ, а другіе такъ мѣста, видите, и занятія другаго не нашли—пальцами по оконцу узоры выводятъ, вотъ вамъ крестъ».

«А однажды такой случай былъ у насъ — пишетъ тотъ же присяжный засѣдатель—исторія приключилась съ однимъ изъ нашихъ товарищей; кобѣдалъ онъ должно быть плотно, нижнее платье, по просту сказать, брюки и натянуло у него на животъ, потомъ это, какъ чихнетъ онъ во всю мочь, одежда то и дала фальшь, замѣтили мы это ему еще въ залѣ, костюмъ молъ у васъ среди то не въ порядкѣ, а дамъ то на засѣданіи много, неловко, оправьтесь говоримъ, какъ нибудь. Ладно-съ, поцалъ онъ къ намъ въ составъ, пошла

старшину избирать, только это мы въ совѣщательную, а онъ... извиняте, штаны съ себя долой, иглоку, нитку изъ кармана досталъ и давай зашивать, а изъявъ то вышелъ можно сказать очень порядочный. Мы его конечно торонить, слышимъ судьи недовольны, что долго не выходимъ, пристава судебного къ намъ прислали, а онъ шьетъ да шьетъ... не готовъ еще говорить... какъ же мнѣ быть сами, говорить замѣтили.. какой же я говорить въ залѣ судья буду, когда на мнѣ неприличный изъявъ... ужъ много мы изъ за него передъ судомъ стыда набрались».

Другой присяжный засѣдатель сообщаетъ намъ, что ему неоднократно случилось подмѣчать въ средѣ присяжныхъ засѣдателей, то явленіе, что на совѣщаніяхъ нѣкоторые изъ нихъ любятъ «ломаться» правомъ своимъ сидѣть въ совѣщательной комнатѣ сколько угодно.

«Станешь это говорить имъ — пишетъ онъ намъ, господа, пойдемте, вѣдь нора, судьи ждутъ, а они, съ напускной важностью, ну чтожъ, говорятъ, ждутъ и подождутъ, судьи обязаны ждать насъ пока, мы выйдемъ, намъ право дано сидѣть и думать сколько хотимъ и намъ судъ не указъ. Вотъ что приходится иногда получать въ отвѣтъ, и добро бы отъ людей какъ есть настоящихъ, а то такъ себя отъ поверхностныхъ, много занятыхъ своимъ правомъ и собой, потому что настоящій присяжный, конечно такого отвѣта никогда не дастъ».

Наконецъ одинъ судебный приставъ не въ видѣ анекдота, а какъ дѣйствительный фактъ, сообщаетъ намъ случай, когда войдя къ присяжнымъ въ совѣщательную комнату, чтобы поторопить ихъ скорѣе выбирать старшину, онъ засталъ двоихъ присяжныхъ изъ купцовъ, сидящими на отдѣльномъ окнѣ, съ картами въ рукахъ и сражающимися, въ «чья старше».

Ну какъ не подгонять такихъ присяжныхъ засѣдателей не терять даромъ свое время и не тратить его послѣ выполненной на званіе судьи присяги хотя бы... на карточную игру.

Вопросъ объ избраніи старшины присяжныхъ многіе изъ судебныхъ дѣятелей не безъ основанія разсматриваютъ съ точки зрѣнія того, на сколько целесообразно производить это избраніе старшины именно путемъ выбора его самими же присяжными, а не какимъ либо другимъ способомъ напр жеребьезъ, назначеніемъ суда, прослою очередью и т. д.

По этому предмету одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей, доказывая полную несостоятельность и непригодность для дѣла правосудія существующей системы выбора старшины присяжныхъ пишетъ намъ между прочимъ слѣдующее: «Выборное начало, повсюду у насъ теперь выдвигаемое, несомнѣнно возбуждаетъ извѣстныя страсти. Партіи, недовольства, интриги, вездѣ слѣдуютъ за этимъ выборнымъ началомъ. Для чего навязывать его чуждымъ другъ другу присяжнымъ засѣдателямъ. Это порождаетъ между ними какое то глухое но безпокойное соревонованіе. Каждому желательно было бы быть старшиною, и каждый изъ нихъ пожалуй имѣетъ на это право, но выборное начало прежде всего порождаетъ между ними какія то замѣшательства и какое то

отличіе, а эти замѣшательства и отличія рѣжутъ другимъ глаза, и порождаютъ тѣ странныя недовольства и уязвленія самолюбія, которыя отражаются иногда и на вердиктахъ присяжныхъ. Для чего мутитъ душу этихъ нейтральныхъ судей по совѣсти. Обставьте сперва совѣсть ихъ, что бы она не была занята ни чѣмъ постороннимъ, и была бы покойна. Это былъ присяжнымъ засѣдателемъ, тотъ знаетъ хорошо это чувство, которое его постоянно пресѣдуетъ при выборахъ старшины. Для чего оскорблять это чувство, и вносить въ эту сферу совѣсти игру самолюбія, для чего не предоставить очереди хотя бы по алфавиту всѣмъ грамотнымъ присяжнымъ быть старшиною. Пожалуй, многіе скажутъ, что это пустяки, но и пустяки не рѣдко поражаютъ нежелательныя послѣдствія. И эти же самые пустяки не рѣдко очень многимъ присяжнымъ не даютъ покоя и составляютъ можетъ быть самую тягостную черту въ обязанностяхъ присяжнаго засѣдателя.

«Несомнѣнно, что обязанности присяжныхъ засѣдателей очень трудны, не столько по существу, сколько по внѣшнимъ тягостямъ, такъ замечиваетъ свое письмо упомянутый корреспондентъ нашъ и добавляетъ: нужно бы позаботиться о присяжныхъ, дабы духъ и совѣсть ихъ хотя бы были оставлены въ покоѣ на столько, чтобы они не были безъ надобности тревожны и что бы правосудіе не страдало».

Соображенія, приводимыя упомянутымъ нашимъ корреспондентомъ, касаются весьма серьезнаго вопроса положенія на судѣ присяжныхъ засѣдателей и заслуживаютъ того, чтобы на нихъ остановиться съ нѣкоторыми подробностями.

Соображенія эти о порядкѣ выбора старшины присяжныхъ не имѣли бы особеннаго значенія въ томъ случаѣ, если бы дѣло суда присяжныхъ, составляло уже у насъ достояніе болѣе отдаленнаго періода времени, если бы мы могли сказать, что масса нашихъ присяжныхъ засѣдателей, относительно понятій о своихъ правахъ и обязанностяхъ, придерживается однихъ и тѣхъ же возрѣвнѣй.

Но у насъ это далеко еще не такъ.

У насъ масса присяжныхъ засѣдателей не составляетъ еще въ дѣйствительности вполне равноправныхъ гражданъ, какими она должны быть по точному смыслу закона.

Неравенство нашихъ присяжныхъ засѣдателей при осуществленіи ими на дѣлѣ своихъ правъ, представляется на практикѣ на столько очевиднымъ, что слѣдовало-бы взаимныя ихъ отношенія при выборѣ старшины, обставить такими гарантіями, которыя препятствовали бы однимъ, вліять въ какомъ бы то ни было отношеніи на другихъ своихъ товарищей, а болѣе скромныхъ и молчаливыхъ вызывали бы къ болѣе активной дѣятельности. А что сила этого нравственнаго первенства однихъ присяжныхъ передъ другими, отражается дѣйствительно на выборахъ старшины присяжныхъ засѣдателей, это фактъ болѣе чѣмъ несомнѣнный.

Мы знаемъ напримѣръ случаи, когда наиболѣе вліятельные засѣдатели, по-

падая въ среду болѣе низкихъ по развитію товарищей своихъ, по прибытіи въ совѣщательную комнату для выбора старшины, не удостоивая другихъ даже словомъ своимъ, молча только указывали имъ на свою личную особу, и на этомъ выборъ старшины и оканчивался.

А одинъ изъ товарищей прокурора сообщаетъ намъ даже о слѣдующемъ фактѣ. Въ уѣздномъ городѣ въ составъ присутствія присяжныхъ, состоявшаго изъ крестьянъ, городскихъ мѣщанъ, двухъ «сѣренькихъ купцовъ» и одного незначительнаго чиновника, вошелъ богатый землевладѣлецъ, человѣкъ весьма солидный, занимавшій прежде довольно видный административный постъ. Когда присяжные вошли въ совѣщательную комнату, чтобы выбирать старшину, этотъ уѣздный сановникъ забылся до того, что указавъ на себя сказалъ другимъ присяжнымъ: «ну конечно, господа, вы удостоите выборомъ меня, потому что надѣюсь, всѣ вы меня очень хорошо знаете, а впрочемъ, я васъ не стѣсняю, только чуръ дурака не выбирать». Кого этотъ генералъ хотѣлъ отягчить званіемъ дурака изъ числа своихъ товарищей, неизвѣстно, но бывшій въ составѣ присутствія чиновникъ почему то принялъ этотъ намекъ на свой счетъ, и отвѣтилъ за себя и за другихъ, что иногда и умные люди позволяютъ себѣ говорить такія вещи, какихъ не сказалъ бы и послѣдній дуракъ.

Конечно это пререканіе возбудило цѣлую бурю между генераломъ и чиновникомъ, которая однакоже къ чести всѣхъ присяжныхъ заключилась на этотъ разъ тѣмъ, что генерала въ старшины не выбрали, а выбрали его смѣлаго оппонента.

И явленія такого рода въ средѣ нашихъ присяжныхъ—явленія обыденныя, а потому понятно, что стремленія однихъ присяжныхъ заполучить себѣ званіе старшины, всегда оскорбительно отзываются на другихъ, которые по скромности своей или потому, что въ задачѣ суда присяжныхъ они видятъ болѣе высокую или серьезную цѣль, нежели преслѣдованіе своихъ личныхъ самолюбивыхъ видовъ держать себя въ сторонѣ и не предъявляютъ никакихъ исключительныхъ прѣтензій къ тому, чтобы быть почтенными избраніемъ въ старшины.

Одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей, касаясь того же вопроса о старшинѣ, пишетъ намъ слѣдующее: старшина присяжныхъ положительно не долженъ быть избираемъ своими сотоварищами, здѣсь выборъ не представляетъ собою никакого значенія потому, что ни одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей не можетъ имѣть передъ другими никакого нравственнаго преимущества, ибо всѣ они по закону представляются въ равной степени благонадежными гражданами. Для того, чтобы званіе старшины присяжныхъ присвоивалось тому или другому присяжному, при условіяхъ безусловно справедливыхъ, по отношенію ко всѣмъ присяжнымъ, слѣдуетъ, чтобы выборъ старшины имѣлъ прежде всего чисто случайный характеръ, а для этого представляется очень много способовъ.

Такой выводъ совершенно справедливъ.

Можно установить напрямѣръ правиломъ, что обязанность старшины присяжныхъ долженъ выполнять тотъ изъ нихъ, который по жребію суда будетъ избранъ первымъ или послѣднимъ. Можно, чтобы и самъ судъ изъ числа двѣнадцати присяжныхъ засѣдателей, выбиралъ тѣмъ же жребіемъ одного изъ нихъ въ старшины.

Наконецъ, тоже самое можно предоставить и самимъ присяжнымъ въ ихъ совѣщательной комнатѣ. Въ этомъ случаѣ не играетъ ни какой роли, кто, какъ и гдѣ будетъ выбирать старшину присяжныхъ, а важно то, чтобы этимъ выборомъ руководила простая случайность, чтобы самый актъ выбора не выражалъ бы собою извѣстнаго нравственнаго предпочтенія одного лица, преимущественно передъ всѣми другими.

При такомъ случайномъ характерѣ избранія старшины присяжныхъ, въ чиновномъ и «господскомъ» составѣ присяжныхъ, можетъ оказаться старшиною простой грамотный крестьянинъ, тогда какъ ничего подобнаго при настоящемъ способѣ выборовъ старшины, у насъ никогда не было и случиться не можетъ.

Чиновники и господа никогда не посрамятъ свою націю, и ни за что не выберутъ себѣ въ старшины крестьянина, да никакой крестьянинъ при существующемъ порядкѣ избранія старшины и не согласится принять на себя это званіе, а напротивъ подобное «почтеніе» его господами, если бы даже оно и состоялось, приметъ не иначе какъ за насмѣшку надъ собой.

Нужно чтобы выборы совсѣмъ небыло, тогда дѣло правосудія много выиграетъ, и во многомъ сравняетъ въ дѣйствительности, а не по буквѣ только закона, права присяжныхъ.

Нечего, кажется, возражать противу совершенной основательности приведенныхъ мнѣніи выводовъ и соображеній, раздѣляемыхъ и высказываемыхъ многими судебными практиками.

Въ какой степени выборъ старшины, развиваетъ въ присяжныхъ честолюбивыя стремленія и порождаетъ между ними взаимный духъ неудовольствія и интригъ, этому могутъ служить подтвержденіемъ слѣдующіе примѣры, взятые изъ нашей судебной практики.

На одной уѣздной сессіи, въ составъ присутствія присяжныхъ были выбаллотированы одиннадцать челоувѣкъ крестьянъ и одинъ дворянинъ помѣщикъ, когда-то бывший мировымъ посредникомъ. По выполненіи обряда присяги, предсѣдатель суда предложилъ присяжнымъ удалиться въ совѣщательную комнату для выбора старшины. Тогда бывший мировой посредникъ, очевидно подвліяніемъ традицій о своемъ прошломъ значеніи въ средѣ крестьянъ, забылся до того, что направившись прямо въ мѣста для присяжныхъ заявилъ предсѣдателю, что разсуждать имъ нечего, такъ какъ присяжные выберутъ въ старшину, конечно, его, — и затѣмъ усѣлся на первое мѣсто.

Этотъ поступокъ самозваннаго старшины просто озадачилъ судей, и предсѣдатель не сразу нашелся, какъ остановить такую развязность бывшего мирового посредника.

Когда послѣ того присяжные были удалены въ совѣщательную комнату для выбора старшины, то избраннымъ оказался все тотъ же посредникъ. Онъ съ довольной и надменной физиономіей вошелъ въ залу суда и прошелъ прямо на первое мѣсто, не посмотрѣвъ даже на судей и не заявивъ имъ о своемъ избраніи.

Въ другомъ случаѣ выборъ старшины присяжныхъ изъ всего очереднаго состава ихъ, заключавшагося почти сплошь изъ малограмотныхъ крестьянъ и мѣщанъ, упалъ во все время сессіи на бывшихъ среди нихъ только двоихъ интеллигентныхъ людей. Еще въ началѣ сессіи, между этими двумя старшинами возникло страшное соревнованіе, которое на четвертый или на пятый день обострилось до того, что они перестали другъ другу кланяться, начали оказывать одинъ другому видимое пренебреженіе, и къ концу сессіи въ стремленіи уничтожить одинъ другаго, и не допускать до выбора въ старшины, стали даже закармливать и запаивать на свой счетъ присяжныхъ, лишь бы получить на свою сторону больше голосовъ.

Присяжные престолюдины этой сессіи сами рассказывали потомъ, что «никогда имъ не было на суду такъ хорошо, какъ гэтый разъ, бо господа харчевали ихъ чуть не тыждень (т. е. каждый день), тѣлько знай ѣшь, да чувай отъ кого, чтобы потомъ не ошугаться (т. е. не ошибиться)».

А въ одномъ изъ окружныхъ судовъ былъ такой случай.

Въ теченіи всей сессіи въ старшины присяжныхъ выбирался почти по всеѣмъ дѣламъ одинъ отставной полковникъ. Потому ли, что комплектъ наличныхъ присяжныхъ былъ на этотъ разъ не великъ, или ужъ такіе счастливые жеребьи выпадали на долю этого честолюбиваго полковника, но только онъ попадалъ въ составъ присутствія присяжныхъ почти по каждому дѣлу, и видимо былъ этимъ крайне доволенъ.

Въ послѣдній день этой сессіи, происходившей въ довольно большомъ уѣздномъ городѣ, утромъ передъ началомъ засѣданія, все присяжные засѣдатели этой сессіи, весь составъ суда, включая товарища прокурора и секретаря, получили отъ этого полковника литографированныя приглашенія на почтовой бумагѣ слѣдующаго содержанія:

«Старшина присяжныхъ, такой-то, имѣетъ честь покорнѣйше просить васъ пожаловать сего числа въ шесть часовъ пополудни къ нему на обѣденный столъ въ гостинницу Балташанскаго».

Въ этомъ литографированномъ приглашеніи честолюбиваго полковника сказались результаты его постоянныхъ выборовъ.

Свое «старшинство» онъ возмечталъ въ видѣ почетнаго обѣда, перенести изъ залы судебного засѣданія, даже въ обѣденную залу гостинницы, какаго-то Балташанскаго.

Не будь въ этомъ приглашеніи «старшина присяжныхъ» и можно было съ увѣренностію сказать, что многія, если только не все приглашенныя лица, съѣхались бы вкусить отъ трапезы хотя и честолюбиваго полковника, но вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстнаго хлѣбосола и гастронома.

Взять же объѣдать къ «старшинѣ присяжныхъ» охотниковъ почему-то и оказалось.

Никакія комментаріи къ данному случаю не нужны.....

XIX.

Физическія и нравственныя утомленія присяжныхъ.

Въ ряду другихъ неблагопріятныхъ условій, которыми обставлена дѣятельность нашихъ присяжныхъ засѣдателей, физическія и нравственныя утомленія ихъ, въ періоды отбываемыхъ ими сессій, имѣютъ не послѣднее значеніе.

Въ первое время по введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года, окружные суды при распредѣленіи по городамъ уѣздныхъ сессій, продолжительность ихъ опредѣляли иногда тремя и нерѣдко даже четырьмя недѣлями.

Происходило это очевидно отъ того, что сами судьи не были еще достаточно знакомы съ характеромъ дѣятельности присяжныхъ засѣдателей. Только путемъ опыта, и личныхъ своихъ наблюденій, многіе изъ судей гораздо позже уже пришли къ убѣжденію, что такое продолжительное пребываніе присяжныхъ засѣдателей въ судѣ, внѣ обычнаго теченія ихъ жизни, не можетъ не отражаться крайнимъ утомленіемъ на личностяхъ присяжныхъ, въ особенности въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ составъ ихъ состоитъ почти исключительно изъ однихъ только простолюдиновъ, которымъ въ періоды такихъ сессій приходится видоизмѣнять совершенно свой обыкновенный образъ жизни, такъ сказать, ломать и передѣлывать для суда свою натуру.

Такія чрезвѣчныя утомленія присяжныхъ, хотя и не отражаются на дѣлѣ правосудія, какими-либо видимыми и осязательными послѣдствіями, но, конечно, нельзя отвергать того, что на многихъ отдѣльныхъ дѣлахъ, они называются крайне нежелаемыми результатами.

Присяжные засѣдатели, утомляясь черезъ силу, къ серединѣ или къ концу какой-нибудь продолжительной сессіи, дѣлаются обыкновенно менѣе внимательными, сосредоточенность или наблюдательность ихъ къ дѣлу ослабѣваетъ, они начинаютъ упускать изъ вида многія существенныя обстоятельства дѣла, и такимъ образомъ при постановленіи приговоровъ своихъ, вынуждаются поддавать голоса, за или противъ подсудимаго, подъ впечатлѣніемъ отрывочнаго своего убѣжденія, вынесеннаго не изъ полного и внимательнаго ознакомленія съ дѣломъ.

Намъ самимъ случалось неоднократно слышать отъ некоторыхъ изъ присяжныхъ засѣдателей, что утомленія ихъ въ судебныхъ засѣданіяхъ доходятъ подъ часъ до того, что у нихъ начинаетъ рябить въ глазахъ и теряется всякая способность воспринимать вполне сознательно все то, что происходитъ на судѣ передъ ихъ глазами.

А такъ часто случается наблюдать въ засѣданіяхъ нашихъ окружныхъ судовъ, что присяжные засѣдатели преимущественно простолюдины, привычныя вставать и ложиться съ пѣтухами, въ тѣхъ случаяхъ, когда судебныя засѣда-

нія затягиваются до позднего вечера, начинают дремать а то и совсѣмъ засыпають, такимъ крѣпкимъ сномъ, что ихъ приходится даже будить.

Какимъ же образомъ присяжные засѣдатели могутъ въ такихъ случаяхъ подавать голоса свои за или противъ подсудимаго по убѣжденію своей совѣсти, и изъ какихъ данныхъ эта совѣсть ихъ, можетъ вырабатывать тѣ или другіе выводы и заключенія, когда нерѣдко самые существенные эпизоды и моменты судебного слѣдствія, благодаря чрезмѣрной усталости, присяжныхъ являются для нихъ утраченными, вслѣдствіе того что присяжныхъ одолѣлъ сонъ.

А участіе присяжныхъ въ постановленіи приговоровъ «съ голоса» другихъ своихъ товарищей, конечно не можетъ считаться явленіемъ желаемымъ.

Въ настоящее время окружные суды и само министерство юстиціи путемъ обширной судебной практики и результатовъ наблюденій многихъ судебныхъ дѣятелей, пришли къ заключенію, о безусловной необходимости значительнаго уменьшенія періодовъ продолжительности сессіи. И дѣйствительно, за послѣдніе два три года, выѣздныя сессіи окружныхъ судовъ въ уѣздныхъ городахъ не бывають уже столь продолжительны какъ прежде, и многіе суды сократили ихъ даже до нѣсколькихъ дней, въ рѣдкихъ лишь случаяхъ назначая сессію на сроки до одной и рѣдко до двухъ недѣль не больше.

Но за то это значительное сокращеніе времени продолжительности сессій возмѣщается нынѣ судами тѣмъ, что прежде на одинъ день засѣданія назначалось къ слушанію меньшее количество дѣлъ нежели теперь, такъ что въ результатѣ отъ сокращенія сессіи во времени, присяжные засѣдатели почти что ничего не выиграли, если только не проиграли.

И въ самомъ дѣлѣ, въ нашихъ окружныхъ судахъ взошло въ какой-то нормальный обычай, назначать къ слушанію на одинъ день, отъ трехъ до четырехъ уголовныхъ дѣлъ, а на выѣздныхъ сессіяхъ въ уѣздныхъ городахъ, отсюда судьи стремятся обыкновенно уѣхать какъ можно скорѣе, число это увеличивается до пяти и даже до шести дѣлъ.

Не трудно представить себѣ какими результатами должна отражаться подобная преобладающая тенденція суда и на слушаемыхъ дѣлахъ и на личностяхъ присяжныхъ засѣдателей.

Человѣку, освоившемуся уже съ умственной работой и мозговыми напряжениями, конечно не представится особенной трудности просидѣть на судѣ три-четыре уголовныхъ дѣлъ къ ряду, но для простолюдина присяжнаго, это будетъ уже трудъ непосильный, въ особенности если приходится просидѣть въ судѣ, двояда-трѣсколько дней къ ряду.

Уголовныя засѣданія съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, начинаясь въ нашихъ окружныхъ судахъ, обыкновенно въ 11 часовъ утра, а на уѣздныхъ сессіяхъ и съ 10 часовъ, рѣдко когда оканчиваются около 4, 5 часовъ пополудни, а большею частію затягиваются до позднего вечера, ночи, а иногда и до слѣдующаго утра. Намъ извѣстны напримѣръ многіе такіе случаи, когда засѣданія по уголовному дѣлу съ присяжными заканчивались на другой день въ 8 часовъ утра, послѣ чего судьи и присяжные безъ сна и отдохновенія,

не выходя даже из помѣщенія суда, въ 10 часовъ утра, открывали вновь засѣданіе для слушанія назначенныхъ въ тотъ день дѣлъ.

Такіе случаи происходятъ отъ того, что предсѣдательствующіе не всегда умѣютъ заранѣе угадать, сколько времени потребуется для того чтобы разсмотрѣть извѣстное дѣло, а между тѣмъ, дѣла на судѣ, очень часто осложняются, совершенно неожиданными обстоятельствами, отъ чего засѣданія затягиваются далеко за полночь. Отложить такое дѣло до другого дня нельзя, потому что на другой день назначены свои дѣла, и вотъ судьи, поневолѣ обращаютъ ночь въ день, изнемогаютъ сами отъ утомленія и вынуждаютъ сверхъестественно бодрствовать и простолюдиновъ присяжныхъ, которые по обычаю своей деревенской жизни привыкли удаляться на отдохновеніе въ 8 и 9 часовъ вечера. Въ столицахъ и другихъ центральныхъ пунктахъ, гдѣ составъ присяжныхъ засѣдателей бываетъ вообще болѣе требовательнъ, судьи не рискуютъ утомлять ихъ до такой степени, и иногда назначенныя на другой день дѣла откладываются для того, чтобы окончить затянувшееся отъ другого засѣданія дѣло.

Въ провинціи же, и особенно на уѣздныхъ сессіяхъ, этого почему-то не принято дѣлать.

Присяжные засѣдатели большею частію простолюдины, какъ это ни тяжело имъ бываетъ, безропотно подчиняются распоряженіямъ суда, просиживаютъ на пролетъ всю ночь, и не рѣдко постановляютъ свои приговоры съ отуманенной головой. Въ какой степени такой порядокъ можетъ быть признанъ нормальнымъ, на сколько тяжело отражается онъ на положеніи присяжныхъ и въ какой мѣрѣ вліяетъ на самую правильность постановляемыхъ ими приговоровъ, я думаю, это пойметъ всякій.

Въ одной изъ газетныхъ корреспонденцій изъ города Вышняго Волочка читаемъ мы слѣдующее: въ сентябрьскую сессію окружнаго суда по городу Вышнему Волочку, присяжные засѣдатели заявили суду, на 14 число, что они пришли въ крайнее изнеможеніе и тяготеютъ тѣмъ, что не могутъ, какъ слѣдуетъ, почтить даже такой большой праздникъ, какъ Воздвиженіе Честнаго Креста. Они просили судъ приостановить засѣданіе до другого дня и дать имъ необходимый отдыхъ. Не смотря однако же на такое рѣшительное и многозначительное для уѣзднаго города требованіе присяжныхъ, судъ оставилъ его безъ послѣдствій и изнеможенные присяжные остались доживать на ночь свой тяжелый жеребій.

Изъ такого порядка вещей естественно возникаетъ вопросъ о томъ, почему судьи наши въ очевидный ущербъ для правосудія, и въ личное обремененіе себя и присяжныхъ засѣдателей, назначаютъ къ слушанію такое большое число дѣлъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда судебное засѣданіе съ одного дня затягивается и переходитъ на другой, не откладываются дѣла послѣдующаго засѣданія; а предпочитаютъ сидѣть всю ночь, утруждая и себя и присяжныхъ совершенно незаконнымъ бдѣніемъ.

Вотъ что по этому поводу сообщаетъ намъ въ письмѣ одинъ изъ провинціальныхъ судей.

«Въ дѣйствительности положеніе наше, какъ судей, не смѣняемыхъ, устраняетъ по смыслу закона, всякую нашу зависимость отъ кого либо, но на самомъ дѣлѣ какъ въ этомъ не тяжело и прискорбно сознаваться намъ, взаимныя отношенія наши, т. е. судей къ предсѣдателю окружнаго суда, напоминаютъ во многомъ крайне непріятныя и вредныя для дѣла суда, отношенія подчиненныхъ къ своему начальнику. Многіе провинціальныя окружныя суды въ лицѣ своихъ судей, рѣшительно лишены всякой самостоятельности дѣйствій и нерѣдко многіе судьи въ рукахъ предсѣдателя суда, являются не болѣе какъ послушными исполнителями ихъ личныхъ взглядовъ. Такимъ образомъ низводя свою личную самостоятельность какъ судей до нуля, въ ущербъ ей какъ главнаго достоинства судьи, они стараются только всѣми силами поддерживать хорошія отношенія къ предсѣдателю суда, и дѣлать только ему удобное. Такія взаимныя отношенія, между предсѣдателемъ и судьями, въ особенности, когда первый представляетъ собою типъ лица, относящагося къ дѣлу только со стороны формальнаго канцеляризма, порождаютъ и создаютъ въ дѣлѣ правосудія крайне нежелаемыя явленія. Такъ напримѣръ, предсѣдатель суда, заинтересованный главнымъ образомъ только тѣмъ, чтобы у него какъ можно скорѣе рѣшались дѣла и чтобы къ отчетному году оставалось ихъ «за судомъ», какъ можно меньше, недружелюбно смотритъ на тѣхъ судей, которые склонны бывають откладывать дѣла. Вслѣдствіе этого у насъ наблюдаются очень часто такіе случаи, что при возникновеніи на судѣ вопросовъ объ отсрочкѣ по какимъ либо законнымъ причинамъ засѣданій, многіе изъ судей мотивами къ обсужденію вопросовъ объ отсрочкѣ, ставятъ не то, слѣдуетъ ли извѣстное дѣло отложить или нѣтъ, а то, что скажетъ предсѣдательствующій за излишне отложенное дѣло, и не подумаетъ ли онъ, что дѣло было отложено, лишь по нежеланію его вести».

«Отсюда является ничѣмъ неоправдываемое стремленіе многихъ судей, по возможности не откладывать дѣлъ ни въ какомъ случаѣ, ни даже въ ущербъ своему здоровью и силамъ присяжныхъ засѣдателей, лишь бы только показаться исправными въ отбытіи сессіи и, заслужить расположеніе предсѣдателя. Отъ этого къ прискорбію нашему, мы не щадимъ ни себя, ни присяжныхъ, отъ этого въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, проглядываетъ иногда такая чрезмѣрная скорость, при которой прежде нежели подсудимый успѣетъ обдуматься и высказаться на судѣ по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, присяжные выносятъ ему обвинительный приговоръ, но за то въ вѣдомости о прошедшей сессіи, графа объ отложенныхъ и неразрѣшенныхъ дѣлахъ, къ великому удовольствію предсѣдателя остается пустою».

«Такія болѣе чѣмъ странныя отношенія судей къ предсѣдателю въ высшей степени обременительно отзываются между прочимъ и на присяжныхъ. Какъ бы они не были утомлены, какъ бы не затягивались дѣла далеко за полночь, судъ въ большинствѣ случаевъ ихъ не откладываетъ, а дотягиваетъ всѣми правдами и неправдами до конца, лишь бы соблюсти свои интересы».

«За время служенія моего въ нашемъ окружномъ судѣ въ теченіи 5 лѣтъ,

пишетъ тотъ же членъ суда, я насчиталъ лично мнѣ извѣстныхъ восемь тяжкихъ кассационныхъ жалобъ, въ которыхъ подсудимые заявляли правительствующему сенату, что приговоры надъ ними были постановлены присяжными заседателями въ сонномъ и изнеможенномъ состояніи. Къ сожалѣнію въ двухъ только случаяхъ, приговоры суда и присяжныхъ были по этикъ именно причинамъ отиѣнены сенатомъ, а въ остальныхъ шести на основаніи отрицательныхъ удостовѣреній и засвидѣтельствowanій членовъ присутствія суда, сенатъ призналъ заявленія эти недоказанными».

Въ томъ же интересномъ письмѣ читаемъ мы еще слѣдующее.

«Однажды въ засѣданіи суда, затянувшемся за полночь, одинъ изъ присяжныхъ заявилъ суду, что онъ усталъ, что ему хочется спать и что сидѣть онъ далѣе не можетъ. Судъ отпустилъ его, и намѣревался продолжать засѣданіе замѣнивъ вышедшаго присяжнаго запаснымъ, но тогда старшина присяжныхъ обратившись къ суду, потребовалъ перерыва засѣданія до завтра на томъ основаніи, что весь составъ присяжныхъ изнемогаетъ отъ усталости.

Кажется, что такое категорическое заявленіе должно было указать суду на безусловную необходимость, немедленно прекратить засѣданіе, отложить его до другаго дня и отпустить присяжныхъ, на дѣлѣ же предсѣдательствующій распорядился иначе: онъ объявлялъ въ первомъ часу ночи перерывъ засѣданія для отдохновенія присяжныхъ на одинъ часъ.

Дѣлать было нечего. Присяжные побрели уныло въ свою совѣщательную комнату, судьи пошли въ свой кабинетъ и занялись чаемъ. Не прошло и получаса послѣ начала перерыва, какъ судебный приставъ явился къ судьямъ и доложилъ, что присяжные заперлись изнутри въ своей совѣщательной комнатѣ и вѣроятно заснули тамъ, такъ какъ въ комнатѣ ихъ совершенно тихо и оттуда слышатся только храпъ и сопѣніе. Предсѣдатель послалъ судебного пристава провѣдать присяжныхъ, послѣдній поднялъ стукъ въ дверь и долго не могъ достучаться, пока, наконецъ, одинъ изъ присяжныхъ не проснулся и не створилъ ее. Всѣ остальные спали какъ убитые, кто на диванѣ, кто сидя на стульяхъ, двое прислонились и дремали на окнахъ, а простолоудины расположились на вочлегахъ формально и на снятыхъ съ себя зипунахъ лежали на полу рядышкомъ и спали какъ убитые. Судебный приставъ тщетно пытался привести присяжныхъ засѣдателей «въ дѣйствіе» и наконецъ доложилъ суду, что добудиться ихъ нѣтъ возможности, потому что они «вошли въ сонъ и ничего съ ними не подѣлаешь».

Только въ виду физической невозможности заставить присяжныхъ подняться на ноги и вступить въ исправленіе своихъ обязанностей, судъ вынужденъ былъ приостановить засѣданіе до утра, послѣ чего судьи разошлись по домамъ, а вслѣдъ за ними разбрелись уже во второмъ часу ночи по квартирамъ и присяжные засѣдатели».

Не вправѣ ли были присяжные этого состава сказать, что судъ поступилъ съ ними въ высшей степени грубо и даже незаконно, обязывая ихъ судить во что бы то ни стало въ то время, когда они изнемогали отъ усталости и

чувствовали необходимость подкрѣпить себя сномъ въ урочное ночное время.

На ряду съ подобными физическими изнеможеніями, слѣдуетъ остановиться и на утомленіяхъ нравственныхъ, которыя присяжнымъ засѣдателямъ приходится весьма часто выносить изъ судебныхъ засѣданій. Но въ этомъ отношеніи съ крайнимъ недоумѣніемъ, нельзя не отмѣтить того факта, что многіе изъ нашихъ окружныхъ судовъ, смотря на присяжныхъ только съ формальной точки зрѣнія, и повидимому, не хотятъ признавать за ними права на необходимый для нихъ нравственный отдыхъ, заставляя ихъ рѣшать подъ рядъ до конца всѣ назначенныя на извѣстный день дѣла, и упуская изъ вида, что присяжные засѣдатели какъ люди, и при томъ ближе всѣхъ становящіеся на судѣ къ событію преступления, испытываютъ иногда по неволѣ чрезвычайно сильныя нравственныя напряженія и волненія отъ проходящихъ предъ ними на судѣ уголовныхъ сценъ. Кто не знаетъ, что арена суда бываетъ нерѣдко ареною тяжелыхъ зрѣлищъ, потрясающихъ душу драмъ и такихъ угнетающихъ положеній, которыя приводятъ въ содроганіе душу и посторонняго даже на судѣ зрителя, а тѣмъ болѣе для присяжныхъ требуютъ непремѣннаго отдыха не для того только, чтобы успокоиться, а для того иногда, чтобы придти въ себя, собраться съ своими мыслями, разобраться въ массѣ самыхъ разнородныхъ впечатлѣній.

Въ одномъ изъ окружныхъ судовъ, мужъ и жена преданы были суду по обвиненію въ убійствѣ третьяго лица, которое угрозами и властью, побуждало жену измѣнить мужу.

На судѣ былъ обнаруженъ цѣлый рядъ такихъ тяжелыхъ и угнетающихъ сценъ, обвиняемые мужъ и жена, такъ сильно подѣйствовали на души присяжныхъ засѣдателей, настолько взволновали ихъ своими откровенными разказами, что вслѣдъ за провозглашеніемъ имъ обоимъ оправдательнаго вердикта, старшина присяжныхъ заявилъ суду, что присяжные засѣдатели настолько утомились нравственно отъ слушанія и разбирательства упомянутаго дѣла, что рѣшительно не въ состояніи слушать другія назначенныя въ тотъ день дѣла.

На этотъ разъ судъ отложилъ всѣ остальные дѣла, потому, что я съ своей стороны раздѣлялъ тоже утомленіе и находилъ нужнымъ, успокоить себя нравственно, послѣ цѣлаго ряда тяжелыхъ сценъ, пройденныхъ передъ его глазами.

Какъ сильно дѣйствуютъ подобнаго рода сцены на души и сердце наиболѣе впечатлительныхъ присяжныхъ, можно видѣть изъ того, что случаи, когда съ присяжными засѣдателями дѣлаются обмороки отъ чрезмѣрныхъ нравственныхъ потрясеній въ судахъ нашихъ, бываютъ не особенно рѣдки.

Намъ сообщаютъ объ одномъ присяжномъ засѣдателѣ, который передъ слушаніемъ довольно извѣстнаго романическаго дѣла объ убійствѣ, заявилъ суду просьбу освободить его отъ засѣданія именно по этому дѣлу, потому, что онъ не можетъ выносить такихъ тяжелыхъ сценъ изъ семейной драмы, которыя вѣроятно раскроются на судѣ по этому дѣлу. Судъ отказалъ присяжному за-

сѣдателю въ его ходатайствѣ, находя, что оно «недостаточно мотивировано какими либо законными поводами». Къ несчастію этотъ присяжный засѣдатель попалъ въ составъ присутствія присяжныхъ и при первой же очной ставкѣ убійцы мужа, съ сестрою убитой имъ жены своей, когда послѣднею выдвинутъ былъ на судъ, самый сокровенный вопросъ дѣла, съ нимъ сдѣлался обморокъ, онъ какъ спонтъ повалился съ своего судейскаго кресла, вышесепъ былъ изъ залы засѣданія и замѣненъ запаснымъ присяжнымъ.

На этотъ разъ мотивировка ходатайства этого присяжнаго оказалась совершенно достаточною и для суда вполне убѣдительною.

Въ одномъ изъ періодическихъ журналовъ читаемъ мы слѣдующее: «Кому случалось присутствовать въ окружныхъ судахъ при слушаніи болѣе или менѣе серьезныхъ уголовныхъ дѣлъ драматическаго характера, разоблачающихъ различнаго рода кровавыя и семейныя сцены, тому извѣстны тѣ тяжелыя ощущенія, съ которыми послѣ такихъ дѣлъ приходится выходить изъ суда. Эти живыя драмы въ лицахъ, проходящія передъ нами на судѣ, не могутъ не производить и на совершенно чуждаго даже преступнику человѣка, того впечатлѣнія, которое потрясаетъ иногда до основанія, весь нравственный организмъ».

Въ судѣ уголовномъ происходятъ иногда такія сцены, отъ которыхъ люди съ болѣе слабыми натурами, теряютъ сознание, приходятъ въ истерическое состояніе и это бываетъ съ людьми, зашедшими въ судъ иногда совершенно случайно. Что же должны послѣ того испытывать присяжные засѣдатели, поставленные своимъ непосредственнымъ участіемъ въ дѣлѣ, въ такое положеніе, при которомъ оправдательнымъ или обвинительнымъ вердиктомъ своимъ, они по необходимости являютъ лицами, на которыхъ та или другая тяжелая сторона дѣла, отпечатлѣвается всегда извѣстными нравственными напряжениями и возбужденнымъ состояніемъ духа.

Въ заключеніе настоящей главы укажемъ на случаи изъ судебной практики, характеризующійтѣ понятія и взгляды нѣкоторыхъ изъ нашихъ, коронныхъ судей, съ которыми они относятся къ вопросу, о переживаемыхъ присяжными засѣдателями на судѣ нравственныхъ тревогахъ, волненіяхъ и ощущеніяхъ.

На судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, слушалось дѣло о подсудимомъ, преданномъ суду за убійство ближняго родственника. Мотивомъ преступления была месть, за отвергнутое чувство.

Послѣ продолжительнаго совѣщанія присяжныхъ засѣдателей, длившагося около двухъ часовъ, присяжные не безъ сильной нравственной борьбы и душевной ломки, вынесли подсудимому обвинительный приговоръ.

Судъ черезъ десять минутъ объявилъ свою резолюцію, которою подсудимый приговаривался къ ссылкѣ въ каторжныя работы въ рудникахъ на 20 лѣтъ, и вслѣдъ за тѣмъ не выйдя даже изъ-за стола, объявилъ къ слушанію слѣдующее назначенное на тотъ же день очередное дѣло.

Тогда старшина присяжныхъ обратился къ суду съ просьбой, сдѣлать хотя небольшой перерывъ для того, чтобы дать возможность присяжнымъ засѣдателямъ, послѣ такого тяжелаго для нихъ дѣла, нравственно отдохнуть и успокоиться.

Въ крайнему удивленію, судъ не исполнилъ этой просьбы присяжныхъ, а председательствующій на судѣ очевидно не безъ нѣкотораго легкомыслія, обратившись къ присяжнымъ заявилъ, что послѣднее дѣло займетъ у нихъ немного времени и къ тому же по существу своему, разгонитъ вѣроятно ихъ тяжелое настроеніе послѣ предшествовавшаго дѣла.

— Это послѣднее дѣло о кражѣ подсудимымъ свиньи и дюжины поросятъ протянется господа присяжные, не болѣе четверти часа, закончилъ председательствующій, съ легкимъ юморомъ подчеркнувъ слова, свинью и дюжину ея потомства.

Выходка председательствующаго была на столько же ясна, какъ и неумѣстна.

Разсмотрѣнемъ комическаго въ своемъ родѣ эпизода, покражи свиньи съ поросятами, судъ полагая разсѣять, тяжелыя впечатлѣнія присяжныхъ, навѣяныя на нихъ, серьезнымъ уголовнымъ процессомъ.

Это какъ въ театрѣ, послѣ какой нибудь потрясающей и серьезной драмы, принято разгонять мрачное настроеніе публики, какимъ нибудь веселенькимъ водевилемъ или опереткой.

Но то, что умѣстно бываетъ на театральной сценѣ, едва ли можетъ имѣть всегда примѣненіе, на болѣе серьезной сценѣ—сценѣ суда уголовного...

XX.

Значеніе старшины присяжныхъ въ составѣ присутствія.

По смыслу закона старшина присяжныхъ есть такой же равноправный присяжный засѣдатель, какъ и всѣ другіе, но въ дѣйствительности старшина въ средѣ ихъ является всегда элементомъ преобладающимъ, ибо законъ предоставилъ старшинѣ тѣ права, которыхъ другіе присяжные не имѣютъ.

Эти права [приближаютъ старшину присяжныхъ, къ положенію председательствующаго въ какомъ либо общественномъ или сословномъ собраніи.

И въ самомъ дѣлѣ, старшина присяжныхъ «руководитъ» ихъ совѣщаніями, «направляетъ» ихъ къ правильному разрѣшенію предложенныхъ имъ отъ суда вопросовъ, «устраняетъ» ихъ разсужденія, неидущія къ дѣлу и «наблюдаетъ» за порядкомъ совѣщаній.

Уже одинъ этотъ голый перечень того, что можетъ и долженъ предпринимать старшина присяжныхъ; при совѣщаніи ихъ, по своему личному усмотрѣнію, даетъ достаточное понятіе о тѣхъ несомнѣнно преимущественныхъ правахъ, которыя выдвигаютъ значительно впередъ передъ другими присяжными, его личность, и даютъ ей въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, даже чисто командорскій характеръ; въ особенности же это бываетъ, когда между старшиною и остальными присяжными, оказывается какая либо рѣзкая разница во воспитанію, общественному положенію, развитію и образованію.

Въ послѣднемъ случаѣ всѣ эти права старшины умалются до нѣкоторой степени значенія когда старшиною, относительно, другихъ присяжныхъ является человекъ, понимающій свою истинную роль и свое положеніе въ средѣ своихъ товарищей. Такой старшина не рѣшится никогда выдвигать впередъ свое личное я, и ни въ чемъ не превыситъ тѣ права, которыми въ равной же съ нимъ степени воспользовались бы и другіе. Но совсѣмъ не то бываетъ, когда въ лицѣ старшины присяжныхъ является такой человекъ, который прежде всего думаетъ только о томъ, что онъ старшина, что онъ можетъ «останавливать», «запрещать», «направлять», «устранять» и т. д. и когда въ этомъ виѣшнемъ проявленіи своего права, онъ видитъ чуть не главное свое значеніе въ средѣ своихъ товарищей.

Вліяніе такого старшины въ особенности же на болѣе слабый и податливый составъ присяжныхъ непремѣнно скажется въ той или другой степени и слѣдовательно, видимымъ образомъ отразится преимущественнымъ его мнѣніемъ на томъ или другомъ вердиктѣ.

А надо сознаться, что многіе изъ нашихъ присяжныхъ засѣдателей. рѣшительно не умѣютъ еще себя держать въ этомъ званіи и, будучи избраны въ старшины, напускаютъ на себя и излишнюю важность, и совершенно неумѣстную требовательность, и притязательность къ остальнымъ своимъ товарищамъ.

Съ другой же стороны весьма рѣдко приходится наблюдать такіе случаи, чтобы присяжные оказывали энергичный отпоръ и противоѣдствіе чрезмѣрнымъ проявленіямъ голоса и власти нѣкоторыхъ изъ старшинъ, хотя достаточные къ тому поводы со стороны послѣднихъ бываютъ не особенно рѣдки.

Впрочемъ, иногда присяжные болѣе или менѣе видимымъ образомъ протестуютъ противъ чрезмѣрныхъ посягательствъ на ихъ права со стороны старшины, и въ этомъ отношеніи мы можемъ указать на случай столкновенія между присяжными и ихъ старшиною, происшедшій въ городѣ Бѣломъ Смоленской губерніи, гдѣ старшина присяжныхъ сдѣлалъ самую беззастѣнчивую попытку провести непремѣнно согласно своему желанію, обвинительный вердиктъ такому подсудимому, относительно котораго всѣ остальные присяжные засѣдатели были совершенно противоположнаго мнѣнія.

Вотъ что сообщаетъ объ этомъ газета «Недѣля» въ одномъ изъ своихъ номеровъ за 1880 годъ: «Обвинялся крестьянинъ въ кражѣ со взломомъ. Улики были очень шатки и прокуроръ отказался отъ обвиненія. Но когда присяжные вышли изъ совѣщательной комнаты, то старшина ихъ прочелъ обвинительный вердиктъ. Не успѣвъ еще судъ постановить приговора, какъ между присяжными начался шумный говоръ; присяжные стали заявлять, что большинство ихъ, именно 7, высказались за оправданіе, а вовсе не за обвиненіе подсудимаго; старшина же продолжалъ стоять на своемъ, не признавая за собою, ни ошибки ни описки. Бому было вѣрить? Конечно, самая наличность большинства мнѣній въ пользу подсудимаго представляла достаточное обвиненіе старшины, пожелавшаго быть и строже прокурора, и сильнѣе всего

состава присяжныхъ. Объ этомъ стѣжковеніи составленъ былъ протоколъ и самое дѣло, по исключительности обстоятельствъ, представлено въ кассационный департаментъ правительствующаго сената. Едва ли съ самого введенія судебныхъ уставовъ, у насъ возникало подобнаго рода обстоятельство».

Сообщаемъ нелишенный нѣкотораго внушительнаго интереса нѣсколькой фактъ, указывающій на то, въ какой степени старшина присяжныхъ можетъ повліять на присяжныхъ засѣдателей въ томъ случаѣ, если остальные присяжные по развитію своему стоятъ ниже его.

Двое крестьянъ обвинялись въ нанесеніи третьему односельцу своему, пойманному ими на кражѣ, такихъ побоевъ, отъ которыхъ послѣдній умеръ. Побой эти, имѣвшіе характеръ истязаній заключались въ томъ, что обвиняемые, связавъ предварительно потерпѣвшаго, растянули его на лугу и дали ему 300 ударовъ лозой, отъ чего онъ впалъ въ безпамятство и на четвертый послѣ того день умеръ. Обвиненіе на судѣ было вполне доказано и экспертиза изъ нѣсколькихъ человѣкъ врачей удостовѣрила, что смерть потерпѣвшаго явилась послѣдствіемъ исключительно этихъ тяжелыхъ нанесенныхъ ему побоевъ и истязаній. Присяжные засѣдатели признали фактъ этого сѣченія и нанесенія потерпѣвшему 300 ударовъ лозой, но при этомъ добавили, что побой эти они относятъ къ легкимъ, и отвергли зависимость между смертью потерпѣвшаго и причиненными ему истязаніями, вслѣдствіе чего все обвиненіе свелось на самую незначительность степень нанесенія лишь легкихъ побоевъ.

Такой приговоръ по истинѣ изумилъ всѣхъ присутствовавшихъ на судѣ, такъ какъ виновность подсудимыхъ въ томъ, что они положительно застѣбли до смерти пойманнаго ими на воровствѣ своего односельца была для всѣхъ несомнѣнна.

Въ данномъ случаѣ не смотря на то, что потерпѣвшій косвеннымъ образомъ поплатился за то, что покушался украсть чужую лошадь, всеобщее сочувствіе все-таки было на его сторонѣ, такъ какъ свидѣтельскими показаніями было установлено, что ему нанесены были дѣйствительно нечеловѣческія истязанія.

Тѣмъ удивительнѣе было для всѣхъ слышать, что присяжные засѣдатели признали такія истязанія за легкія, а потому въ публикѣ возникли разсужденія и разговоры, по поводу того, какъ и почему, присяжные пришли къ столько же неожиданному, сколько и неосновательному выводу.

Это общее недоумѣніе разъяснилъ одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей того состава, изъ числа подававшихъ свой голосъ не только за то, чтобы побой и истязанія признать тяжкими, но даже и за вмѣненіе подсудимымъ въ вину самой смерти потерпѣвшаго.

Оказалось, что присяжные даннаго состава почти исключительно простолюдины, подчинились вполне доводамъ и убѣжденіямъ своего старшины, оставшаго ротмистра прежнихъ, болѣе отдаленныхъ временъ, служившаго въ тотъ суровый періодъ времени, когда наказаніе виновныхъ солдатъ шпицрутенами до тысячи ударовъ, считалось явленіемъ весьма обыденнымъ. По мнѣнію

этого почтеннаго старшины, тысячу ударовъ шпиртунами «еще туда сюда, пожалуй и можно назвать наказаніемъ, а триста ударовъ лозой — сущій вздоръ, одни пустяки».

Положимъ, сравнительно этотъ выводъ и имѣлъ нѣкоторое основаніе, но въ сущности онъ былъ далеко невѣренъ.

Столь странныя сопоставленія и исключительные взгляды старшины по-дѣйствовали однако же на присяжныхъ засѣдателей столь сильно, что они склонились въ пользу его доводовъ, и вынесли подсудимымъ неосновательный, почти-что оправдательный вердиктъ, справедливо возмутившій общественную совѣсть.

Въ нашей судебной практикѣ вообще замѣчено, что чиновность присяжнаго засѣдателя, избраннаго въ старшины, даетъ ему всегда извѣстный нравственный перевѣсъ, передъ остальными присяжными засѣдателями, въ лицѣ простыхъ классовъ которые склонны и до сихъ поръ еще прядерживаться того односторонняго взгляда, что коли у кого чинъ есть, тотъ значить и умнѣе, а кто обладаетъ еще большимъ чиномъ, у того и знаній больше. Отъ такихъ взглядовъ простолюдиновъ происходитъ двоякій вредъ: во-первыхъ, прежде всего, если только въ составѣ присяжныхъ засѣдателей есть хоть одинъ чиновникъ, то его исключительно и выбираютъ всегда въ старшины, отчего устраниются отъ старшинства многія не чиновныя, но не менѣе достойныя лица; а во вторыхъ, мнѣніямъ такого старшины съ чиномъ, присяжные простыхъ классовъ подчиняются чуть чуть не безусловно.

Вще при началѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, нѣкоторые наблюдательныя лица успѣли подмѣтить, что въ средѣ присяжныхъ засѣдателей изъ лицъ простыхъ классовъ, старшины—чиновники оказываютъ всегда извѣстное вліяніе на исходъ дѣлъ, стараясь изъ чувства ложнаго самообольщенія и по своимъ исключительнымъ иногда на дѣло взглядамъ, пріурочить непременно мнѣнія всѣхъ остальныхъ присяжныхъ засѣдателей къ своему личному мнѣнію.

Г. Никитинъ, касаясь въ своихъ извѣстныхъ очеркахъ того же самаго предмета; находитъ даже необходимымъ, въ устраненіе этого крайняго вліянія старшинъ—чиновниковъ на остальныхъ присяжныхъ, постановить правиломъ, чтобы въ спискахъ присяжныхъ засѣдателей, не была бы совсѣмъ проставлена чины присяжныхъ, къ чему впрочемъ я не представляю ни какой существенной надобности, такъ какъ въ присяжные засѣдатели призываются безъ различія люди всѣхъ сословій и званій. «А между тѣмъ — читаемъ мы въ этихъ очеркахъ — со старшинами присяжныхъ изъ крупныхъ чиновниковъ, многіе простолюдины присяжные боятся не только, что спорить, даже при самыхъ невообразимыхъ ихъ сужденіяхъ, но и въ разговоры-то съ ними вступаютъ съ нѣкоторою боязнью».

Отсюда одинъ выводъ: такой старшина присяжныхъ можетъ въ составѣ присутствія сильно злоупотреблять своимъ правомъ и положеніемъ, что въ дѣйствительности и случается весьма часто.

Намъ извѣстно, что не только въ средѣ лицъ судебного вѣдомства, но даже и между многими присяжными засѣдателями, неоднократно былъ возбуждаемъ вопросъ о томъ, какое дѣйствительное значеніе долженъ имѣть въ составѣ присутствія старшина присяжныхъ, и какимъ образомъ устранить вредное вліяніе его, на голоса и мнѣнія другихъ сотоварищей его.

Одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей пишетъ намъ по этому поводу слѣдующее: «По закону старшина присяжныхъ подаетъ свой голосъ послѣднимъ. Правило это установлено очевидно съ тою цѣлю, чтобы старшина не могъ повліять на голоса другихъ присяжныхъ, а между тѣмъ у насъ это правило никогда не исполняется; чуть мы въ совѣщательную комнату, старшина первымъ дѣломъ сейчасъ свое мнѣніе наружу, я, говоритъ, думаю такъ рѣшить, кто со мной согласенъ, пожалуйста на право, а кто не согласенъ, налѣво; коли что старшина поважнѣе себя держитъ, а народъ то въ присяжныхъ попроще, ну и потянутся всѣ къ нему одинъ по одному, потому другой съ большинствомъ спорить не захочетъ, а которые и окажутся не въ согласіи съ другими, такъ на тѣхъ старшина и не посмотреть, потому ихъ всегда мало: два три человѣка, а то и одинъ».

«А то промежду насъ—пишетъ тотъ же присяжный—и такъ бываетъ: старшина тѣмъ беретъ, онъ знаетъ, что иной присяжный безъ его ума не обойдется, потому на судѣ, хотя онъ, и слушалъ а ни до чего не дошелъ, а такому чтобы понять то все, нужно, чтобы старшина ему все дѣло рассказалъ, какъ, да что, а своимъ то умомъ онъ ни до чего не дойдетъ. Вотъ другой разъ и бываетъ такъ, что старшина такихъ наберетъ себѣ, расскажетъ имъ дѣло все по своему, какъ захочетъ, да потомъ и пишетъ рѣшеніе, какъ хочетъ потому что на его сторонѣ большинство, а если супротивники и захотѣли бы свой голосъ по закону провести, такъ все равно ни причемъ останутся, потому что охотниковъ съ чужаго голоса говорить у насъ всегда бываетъ больше».

Другой присяжный засѣдатель, касаясь того же вопроса, высказывается слѣдующимъ образомъ: «По моимъ наблюденіямъ, много значить, какихъ личныхъ качествъ бываетъ старшина присяжныхъ. Если онъ большій вранобай, да къ тому же спорщикъ, а слѣдовательно, и человѣкъ самолюбивый, то ему нѣтъ никакого труда настоять всегда на своемъ мнѣніи. Онъ, гдѣ нужно, будетъ спорить, гдѣ можно и кого для него нужно, остановить замѣчаніемъ своимъ, что вы дескать не дѣло говорите; а уклоняетесь отъ предмета, и такимъ путемъ имѣть всегда возможность всякое такое преобладающее мнѣніе, которое ему допустить или провести не хочется, своевременно задержать, парализовать и устранить отъ обсуждения доводовъ въ его пользу».

Такія замѣчанія присяжныхъ засѣдателей, почерпнутыя ими изъ личной практики ихъ, имѣютъ большое значеніе. Онѣ раскрываютъ тѣ приемы, къ которымъ нѣкоторые старшины присяжныхъ прибѣгаютъ для того, чтобы проводить въ совѣщательной комнатѣ свои взгляды, и вліять ими въ явное нарушеніе закона на своихъ сотоварищей.

Въ устраненіе такихъ нежелаемыхъ явленій въ отдѣльныхъ кружкахъ присяжныхъ засѣдателей и судебныхъ дѣятелей практиковъ, высказывались уже не разъ убѣжденія, о необходимости ограничить чѣмъ нибудь вліяніе старшины присяжныхъ на своихъ товарищей, но всѣ такія попытки не приводили обыкновенно ни къ чему.

Такимъ образомъ напримѣръ, выражалось мнѣніе обставить совѣщанія присяжныхъ засѣдателей такъ, чтобы между ними не происходило никакихъ взаимныхъ убѣжденій, и чтобы съ этой цѣлью, каждый присяжный засѣдатель, входя въ совѣщательную комнату, безъ всякихъ переговоровъ съ другими писалъ бы на особомъ листѣ свое мнѣніе, которое и передавалъ бы старшинѣ присяжныхъ только для пересчета. Путемъ такого рода собранія голосовъ предполагалось устранить всякую возможность старшины оказывать какое-либо вліяніе на голоса присяжныхъ и насиловать ихъ мнѣнія. Но дѣло въ томъ, что подобная мѣра, направленная при осуществленіи ея на практикѣ исключительно противу старшины, коснулась бы непременно и всѣхъ остальныхъ присяжныхъ, преградивъ и имъ возможность взаимныхъ между собою совѣщаній, а такія совѣщанія по закону не только, что присяжнымъ не возбраняются, но напротивъ вмѣняются имъ въ положительную обязанность, такъ какъ главная цѣль въ совѣщаніяхъ ихъ—постановленіе наиболѣе желаемого единогласнаго приговора—можетъ быть достигнута только тогда, когда присяжнымъ засѣдателямъ будетъ предоставлена возможность взаимнаго обмена мыслей, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; а допуская ее по отношенію къ всѣмъ вообще присяжнымъ, было бы несправедливо ограничить ее въ какомъ бы то ни было размѣрѣ и по отношенію къ старшинѣ присяжныхъ.

А иногда эти ограниченія, нужно сказать по правдѣ, были бы вполне законны и умѣстны. Намъ сообщаютъ, напримѣръ, что въ одномъ изъ окружныхъ судовъ былъ такой случай, что старшина присяжныхъ засѣдателей, въ какомъ то непонятномъ заблужденіи, и въ стремленіи подчинить присяжныхъ даже своей дисциплинѣ, зарвался въ своихъ правахъ до того, что вынудилъ присяжныхъ засѣдателей, выйти изъ совѣщательной комнаты и заявить суду коллективную просьбу о томъ, чтобы имъ дозволено было выбрать себѣ другаго старшину, такъ какъ этотъ старшина не даетъ ихъ рѣчамъ никакого хода и требуетъ только, чтобы они его всѣ слушались, на томъ основаніи, «что онъ будто бы одинъ за всѣхъ ихъ отвѣтчикъ предъ судомъ».

Старшиною присяжныхъ на этотъ разъ былъ заштатный протоколій упрздненнаго [уѣзднаго] суда, который, какъ потомъ оказалось, согласно своему обѣщанію, хотѣлъ «провести въ лучшемъ видѣ», бывшаго своего сослуживца, обвинявшагося передъ судомъ присяжныхъ въ подлогѣ. Но къ сожалѣнію въ данномъ случаѣ, обстоятельства «совѣщаній» оказались для старшины неблагоприятными и неудачными, ибо въ составъ присяжныхъ хотя и попали почти сплошь простолюдины, но и они не поддались давленіямъ на нихъ этого старшины и показали себя на столько стойкими и свѣдущими въ своихъ правахъ, что

поняли всю обосновательную притязательность къ нимъ старшины, и заявили на него суду коллективную жалобу.

Въ письмѣ одного провинціального товарища прокурора, читаемъ мы описаніе слѣдующаго случая изъ личной его практики, касающагося того же вопроса о вліяніи старшины присяжныхъ на составъ присутствія ихъ-

«Въ уѣздномъ городѣ на сессіи окружнаго суда съ присяжными засѣдателями, пишеть онъ въ письмѣ своемъ, одинъ изъ присяжныхъ, мѣстный помѣщикъ, желая освободиться отъ обязанностей присяжнаго, въ первый же день засѣданія передъ началомъ его обратился ко мнѣ съ просьбою, поддержать его ходатайство къ суду о томъ, чтобы его освободили на томъ основаніи, что онъ будто бы страдаетъ приливами крови къ головѣ, и не можетъ выдерживать продолжительнаго сидѣнія. Затѣмъ господинъ этотъ со всею откровенностію и какою то неумѣстною беззащитностію заявилъ мнѣ, что онъ совершенно здоровъ, но не хочетъ сидѣть въ судѣ цѣлую недѣлю, предпочитая отправиться домой, и затѣмъ далъ мнѣ понять, что если я не поддержу его ходатайства и ему придется участвовать въ засѣданіяхъ, то обвиненія отъ этого мало выиграютъ».

«Я счелъ подобныя слова его, пишеть товарищъ прокурора, за пустой разговоръ и своего рода рисовку, на отрѣзъ отказалъ ему въ своей поддержкѣ передъ судомъ, а послѣдній точно также оставилъ его ходатайство безъ уваженія».

«При слушаніи перваго жедѣла объ отчаянномъ извѣстномъ конокрадѣ, я не рѣшился отвести этого присяжнаго, не предполагая, чтобы онъ сталъ мнѣ мстить въ случаѣ избранія его въ составъ присутствія присяжныхъ, въ который онъ дѣйствительно и былъ выбаллотированъ и кромѣ того избранъ старшиною. Затѣмъ ни я, ни судъ, ни одавѣ человѣкъ изъ публики недопускали даже мысли о томъ, чтобы подсудимый рецидивистъ и къ тому же вполне изобличенный воръ, могъ выйти изъ суда оправданымъ, и вдругъ, къ удивленію всѣхъ, присяжные и при этомъ исключительно крестьяне, при одномъ только интеллигентномъ старшинѣ своемъ вынесли обвиняемому оправдательный вердиктъ. Старшина присяжныхъ съ особеннымъ чувствомъ удовольствія произнесъ: «нѣтъ не виновенъ» и торжествующимъ видомъ посмотрѣлъ въ мою сторону. Онъ далъ мнѣ понять совершенно ясно, что этимъ приговоромъ обязанъ я былъ исключительно только ему, да въ этомъ нельзя было и сомнѣваться, такъ какъ присяжные крестьяне, знавшіе весьма хорошо подсудимаго за извѣстнаго конокрада, по собственной своей инициативѣ и по личному своему убѣжденію безъ посторонняго на нихъ вліянія никогда не рѣшились бы оправдать его, какъ вполне извѣстнаго имъ вора».

«Они и сами потомъ удивлялись, какъ это угораздило ихъ простить такого вора, и посрамить себя провозглашеніемъ ему публично оправдательнаго вердикта».

— Что это вы Харуля-то оправдали, спрашивалъ потомъ судебный приставъ одного изъ крестьянъ присяжныхъ этого состава, мало онъ у васъ

что ли замковъ переломалъ да лошадей цыганамъ поперевалъ, что вы его освободили.

— Да мы сами, ваше благородіе, дивуемся тому, отвѣчалъ одинъ старикъ присяжный, самимъ чудно, какъ такъ мы оплошку дали, хошъ на людей не гляди стыдно, да вѣдь что же, заговорилъ онъ насъ, старшина-то, ничего не подѣлаешь съ нашимъ разумомъ, заговарилъ, а говорить то онъ куда хватъ: ты ему разъ, а онъ тебѣ десять разовъ, и сами не знаемъ, какъ мы ему такое рѣшеніе дали; словно на насъ онъ затмѣніе насладъ своей говоркой, таперя и людей стыдно, а ничего неподѣлаешь; съ воза упало, говори прощай, а Харуль, знамо, въ кулакъ смѣется.

«Въ этомъ безхитростномъ объясненіи простаго крестьянина—такъ заканчиваетъ свое письмо упомянутый товарищъ прокурора—цѣликомъ сказанъ простолюдинъ присяжный. Можно ли его обвинять въ томъ, что онъ такъ легкомысленно отнесся къ своему долгу совѣсти, когда его «заговорили, загомосили, рѣчами да говоркой забросали». Очевидно не по своей волѣ дѣлъ онъ такое непутевое рѣшеніе, изъ за-котораго ему теперь стало стыдно своихъ собственныхъ очей».

Въ заключеніе укажемъ еще на слѣдующій случай.

Какой-то проходимецъ, будучи въ мужскомъ монастырѣ, укралъ значительную сумму денегъ у мѣстнаго настоятеля. Его поймали и онъ очутился на скамьѣ подсудимыхъ. Присяжные и на этотъ разъ тоже простолюдины, обрадовали его потому, что старшина ихъ изъ интеллигентнаго класса людей, успѣлъ убѣдить ихъ въ томъ, что «украсть деньги у монаха грѣхъ не особенно великъ, потому что монаху на что деньги, у него все готовое есть, денегъ ему имѣть не полагается, для него деньги—грѣхъ, ему слѣдуетъ только Богу молиться, а не рубли копить». Присяжные, какъ это ни странно, проникнулись вполнѣ такими убѣдительными, хотя и крайне своеобразными доводами своего старшины, и оправдали подсудимаго.

Послѣ подобныхъ примѣровъ, какія возраженія могутъ быть еще сдѣланы противу того, что въ составахъ нашихъ присяжныхъ засѣдателей, вліяніе старшинъ на остальныхъ присяжныхъ, сказывается нерѣдко на столько же несомнѣнными, на сколько и вредными послѣдствіями, отражаясь неблагопріятно и односторонне, какъ на ходѣ правосудія вообще, такъ и на постановляемыхъ присяжными засѣдателями, отдѣльныхъ приговорахъ.

XXI.

Разъясненія присяжнымъ засѣдателямъ ихъ правъ и обязанностей.

Въ судебныхъ засѣданіяхъ по дѣламъ уголовнымъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, послѣ выбора старшины присяжныхъ, на обязанности пред-

сѣдательствующаго въ засѣданіи, лежитъ разъяснить присяжнымъ ихъ права и обязанности.

Это требованіе закона имѣетъ большой и серьезный смыслъ, потому что вопросъ о точномъ усвоеніи присяжными засѣдателями ихъ правъ на судѣ имѣетъ прямое и непосредственное соотношеніе къ постановляемому ими приговору, такъ какъ несомнѣнно, что правильный вердиктъ можетъ быть вынесенъ присяжными засѣдателями только тогда, когда они воспользуются всѣми предоставленными закономъ въ распоряженіе ихъ средствами, для всесторонняго обсужденія дѣла.

Между тѣмъ исполняютъ ли наши суды обязанность эту такъ, какъ слѣдуетъ по закону и придаютъ ли они ей тотъ серьезный смыслъ, какой она должна имѣть? Далеко нѣтъ.

Обыкновенно при началѣ сессіи, когда на очередь вступаетъ новая серія присяжныхъ засѣдателей, предсѣдательствующіе при разсмотрѣніи первыхъ дѣлъ, дѣлаютъ присяжнымъ требуемыя закономъ разъясненія, но и то далеко не въ той живой формѣ, какъ бы то было желательно, а при послѣдующемъ разсмотрѣніи дѣлъ, ссылаясь на то, что присяжные засѣдатели ознакомились уже достаточно съ своими обязаностями, устраняютъ вполне эти разъясненія, конечно съ согласія сторонъ, такъ какъ только при этихъ условіяхъ неисполненіе предсѣдательствующими этого указанія закона, признается по разъясненіямъ сената несущественнымъ нарушеніемъ установленнаго законами обряда судопроизводства.

Подобное мнѣніе высшей судебной инстанціи, допускающее устраненіе въ порядкѣ производства дѣла, одной изъ существеннѣйшихъ гарантій для подсудимаго въ томъ, что его будутъ судить люди достаточно ознакомленные съ своими правами, едва ли можетъ быть признано за вполне правильное.

Прежде всего, какое значеніе имѣетъ согласіе сторонъ, наличностію котораго обуславливается примѣненіе на практикѣ, этого, если можно только такъ выразиться, сокращенія порядка судопроизводства.

Обыкновенно ни одна изъ сторонъ т. е. ни прокуроръ ни подсудимый или его защитникъ, противу этого не возражаютъ не потому, чтобы во всѣхъ случаяхъ они считали бы эти указанія одною пустою, отяготительною, убивающею непроизводителью время формальностію, а потому, что потребовать отъ предсѣдательствующаго въ судѣ, публично, исполненія того обряда, который онъ признаетъ безужнымъ, значить стать къ нему если не въ непріязненное отношеніе, то въ нѣкоторое противорѣчіе, въ то время, когда онъ съ своей стороны полагалъ возможнымъ не дѣлать присяжнымъ разъясненія ихъ правъ и обязанностей и далъ понять о томъ сторонамъ своимъ лаконическимъ выраженіемъ: «стороны противу этого не возражаютъ». На такое заявленіе предсѣдательствующаго, дѣйствительно возраженій почти никогда ни со стороны прокурора, ни защитника не бываетъ, потому что въ большей части оба они прежде всего лица хорошо знакомыя, съ предсѣдательствующимъ, да кромѣ того и не въ ихъ интересахъ портить свои къ нему отношенія, особенно во

время судебного слѣдствія, когда стороны во многомъ зависятъ отъ личныхъ усмотрѣній предсѣдательствующаго на судѣ.

Положимъ, что едва ли въ подобныхъ случаяхъ можно всегда допускать или предполагать, какую-либо притязательность со стороны предсѣдательствующаго къ прокурору или защитнику изъ за того только, что они не сошлись во взглядахъ съ нимъ, и потребовали отъ него исполненія такой формальности, которую онъ признавалъ излишнею—такъ какъ задача суда настолько велика, что никакіе личные счеты въ преслѣдованіи высокихъ цѣлей правосудія не должны имѣть мѣста,—но я позволю себѣ сказать, что вѣдь не всегда и не во всѣхъ случаяхъ, мы умѣемъ многія наши непріязни устранять изъ дѣла, а иногда наши личные склонности, ни мало не препятствуютъ намъ допускать дѣлать то, что несомнѣнно съ безпристрастіемъ и достоинствомъ суда.

А какое возраженіе противу предсѣдательствующаго можетъ сдѣлать какойнибудь простой необразованный крестьянинъ, явившійся на судѣ въ качествѣ обвиняемаго безъ защитника, и не понимающій не только обращеннаго къ нему предсѣдательствующимъ вопроса о томъ,—требуется ли онъ разъясненія присяжнымъ засѣдателямъ ихъ правъ и обязанностей, но и значенія этого процессуальнаго обряда.

Обыкновенно на такой вопросъ, подобный подсудимый, не понимая въ чемъ дѣло и боясь попасть не впасть, упорно молчитъ и ничего не отвѣчаетъ, а молчаніе его, происходящее явно отъ невѣденія и неразвитія субъекта, объясняется какъ согласіе стороны.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію того, на сколько представляется основательнымъ убѣжденіе, что присяжные засѣдатели, однажды выслушавшіе разъясненіе своихъ правъ и обязанностей, не нуждаются болѣе въ этомъ повтореніи при разсмотрѣніи послѣдующихъ дѣлъ.

Прежде всего укажемъ на то, что всякое дѣйствіе на судѣ, которымъ въ большей или меньшей степени внушается присяжнымъ засѣдателямъ убѣжденіе въ той важной роли, которая принадлежитъ имъ въ процессѣ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не должно имѣть для дѣла значенія одной формальности, ибо несомнѣнно, что подобное отношеніе суда къ тѣмъ обязанностямъ, которыя связываютъ его съ присяжными засѣдателями, неблагоприятно дѣйствуетъ на послѣднихъ, умаляя въ нихъ свое собственное значеніе, а главное, приучая присяжныхъ къ небрежному отношенію къ тѣмъ особенностямъ положенія ихъ на судѣ, которыя и они въ свою очередь—по примѣру суда, могутъ считать тоже одною только формальностію.

Мы указывали уже выше на рядъ такихъ фактовъ, въ порядкѣ выполненія присяжными засѣдателями, различныхъ процессуальныхъ обрядностей, въ которымъ они относятся чисто формально, благодаря тому только, что судъ такъ сказать приучилъ уже ихъ къ такому взгляду на дѣло. Таковы напримѣръ взгляды присяжныхъ на выполняемую ими присягу и на выборъ изъ среды своей старшины. Тою же формальностію взгляда а не инымъ чѣмъ

можетъ быть объясненъ случай, имѣвшій мѣсто въ одномъ изъ окружныхъ судовъ, когда составъ присяжныхъ изъ безграмотныхъ и малограмотныхъ мѣщанъ и купцовъ избралъ въ старшины мѣщанина, умѣвшаго подписать только свою фамилію.

Несчастный избранникъ этотъ, сильно сконфуженный, заявилъ председателю, что онъ писать не умѣетъ, а научился подписывать только свою фамилію, а потому просилъ уволить его отъ этой обязанности, указывая на то, что въ составѣ присутствія присяжныхъ есть много такихъ которые хорошо пишутъ.

На вопросъ председателя, обращенный къ присяжнымъ, почему они избрали такого старшину, двое изъ нихъ не безъ усмѣшки заявили, что онъ (т. е. избранный старшина) глухъ ничего не слышитъ, а потому во время суда все равно будетъ сидѣть безъ дѣла, «такъ чтобъ имъ не обидно было, пусть онъ по крайности хоть голоса ихъ сосчитаетъ».

Что можно возразить противу этого какъ не то, что присяжные засѣдатели были подожительно убѣждены, что избраніе старшины есть для нихъ совершенный пустякъ и ничего не значущая форма. Такой же взглядъ они легко могутъ усвоить себѣ и относительно другихъ своихъ обязанностей, если со стороны суда будетъ оказываемо пренебреженіе къ тому, что имѣетъ соотношеніе къ этимъ обязанностямъ. Положимъ, въ столицахъ и большихъ городахъ, интеллигентный по преимуществу составъ присяжныхъ засѣдателей, устраиваетъ по возможности подобнаго рода опасеніе, потому что развитая среда не такъ легко поддается чьему бы то ни было прихѣру, руководясь во всемъ своимъ собственнымъ убѣжденіемъ и взглядами, но въ провинціи, въ глуши, не нужно особенно много невниманія для того, чтобы рядомъ такихъ дѣйствій уронить совѣсть значеніе суда присяжныхъ. А наши провинціальныя суды, сокращающіе обряды и уставы судопроизводства до возможнаго минимума, повидимому, находятся уже на пути къ этому прискорбному явленію.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу о томъ значеніи, которое для правильнаго достиженія правосудія, имѣетъ разъясненіе присяжнымъ засѣдателямъ ихъ правъ и обязанностей, укажемъ на то, что эти разъясненія необходимы и потому еще, что въ присутствіе присяжныхъ по каждому отдѣльному дѣлу могутъ попадать такія лица, которыя, состоя въ числѣ очередныхъ засѣдателей, въ предыдущія засѣданія, когда разъяснялись права и обязанности ихъ, не являлись совѣсть на судъ, по болѣзни и по другимъ причинамъ. Для такихъ присяжныхъ, совершенно необходимы эти указанія председательствующаго, безъ чего они въ средѣ своихъ товарищей, будутъ не вполне самостоятельными судьями, и слѣдовательно, голосъ ихъ, при обсужденіи вины или невиновности обвиняемаго, будетъ голосомъ лица, стѣсненнаго незнаніемъ своихъ правъ и всего обширнаго уполномочія своей совѣсти. Отъ такихъ лицъ, стѣсненныхъ на судъ незваніемъ обязанностей своихъ, нельзя требовать свободы, въ установленіи себѣ вопроса о томъ, — слѣдуетъ ли подсудимаго признать виновнымъ или нѣтъ, а такого рода колебанія и сомнѣнія

несомнѣнно должны имѣть неблагоприятное вліяніе и на правильный исходъ дѣла.

Не слѣдуетъ никогда забывать, что голосъ одного присяжнаго не рѣдко рѣшаетъ судьбу человѣка.

Что наши присяжные засѣдатели, безусловно нуждаются въ постоянномъ и настойчивомъ толкованіи имъ ихъ обязанностей, это доказывается между прочимъ и тѣмъ, что они весьма часто на вопросы суда выносятъ несоотвѣтствующіе отвѣты, что споры между ними объ ихъ взаимныхъ правахъ, вызываютъ между ними перѣдко пререканія такого рода, которыя влекутъ за собою приглашеніе присяжныхъ въ залу засѣданія, и новое, болѣе уже обстоятельное разъясненіе имъ того, что породило между ними ихъ взаимныя неудовольствія и недоразумѣнія.

Если прослѣдить дѣятельность нашихъ присяжныхъ засѣдателей по окружнымъ судамъ, то можно будетъ указать на массу такихъ случаевъ, когда наши присяжные постановляли свои приговоры при совершенномъ незнакомствѣ съ тѣми правами своими, путемъ которыхъ имъ предоставляется возможность изучить всестороннимъ образомъ каждое дѣло, не оставляя для себя что либо неснымъ или непонятнымъ.

Намъ извѣстенъ одинъ случай, когда присяжные засѣдатели, постановивъ обвинительный приговоръ по дѣлу о подлогѣ, высказывались потомъ въ публикѣ, отнесшейся недружелюбно къ этому вердикту ихъ, что «оно точно кабы самимъ посмотрѣть тотъ вексель, такъ мажетъ на счетъ рѣшенія и переѣвка бы у насъ была».

— Такъ что-жь вы не просили судъ показать вамъ этотъ вексель, вѣдь онъ находился у судей на столѣ, говорили присяжнымъ изъ публики.

— Да какъ же ты его спросишь, отвѣчалъ за всѣхъ присяжныхъ, старшина ихъ, какой то невзрачный полуграмотный мѣщанинъ, небось начальство само знаетъ, что надоть показать, а что нѣтъ; тебя примѣрно посадили на дѣло слушать, ты и слухай, а форсу передъ начальствомъ не показывай, станешь тревожить, поди самому худо выйдетъ, не всякимъ тоже разомъ и потрафишь.

Замѣтимъ, что такіе взгляды и убѣжденія высказывалъ человѣкъ, избранный въ старшины присяжныхъ, и который на этотъ разъ въ составѣ всего присутствія присяжныхъ, выслушалъ отъ предѣдательствующаго самое обстоятельное разъясненіе всѣхъ своихъ правъ и обязанностей.

Намъ сообщаютъ въ подобномъ же родѣ нѣсколько иной еще болѣе характерный случай.

Во время производства судебного слѣдствія, на сессіи въ уѣздномъ городѣ, одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей изъ числа сидѣвшихъ на задней скамьѣ, нѣсколько разъ видимо порывался встать для того, чтобы спросить объ чемъ то судъ, но каждый разъ оба сосѣда его съ правой и съ лѣвой стороны, самымъ усерднымъ образомъ дергали его за фалды сюртука и заставляли сѣсть обратно. Это замѣтилъ наконецъ, сидѣвшій неподалеку отъ присяжныхъ засѣдателей, товарищъ прокурора и заявилъ предѣдателю, что одинъ изъ присяжныхъ, по видимому желаетъ сдѣлать суду какое то заявленіе или объ чемъ то спросить.

Въ результатѣ опроса судомъ этого присяжнаго оказалось, что онъ, дѣйствительно, хотѣлъ выяснитъ себѣ чрезъ посредство суда одно весьма существенное по дѣлу обстоятельство, которое никакъ не могъ усвоить себѣ самъ, но онъ не знаетъ почему, его никакъ не допускали до того сидѣвшіе около него другіе присяжные, заставляя его каждый разъ садиться и молчать. Когда судъ спросилъ послѣднихъ, зачѣмъ они это дѣлали, то они съ тономъ искренняго убѣжденія въ правотѣ своей объяснили, что «какъ же, сказано намъ присяжнымъ, разговору ни съ кѣмъ не имѣть, а сидѣть да слушать, а потому, какъ онъ въ разговоръ пойдти намѣреніе имѣлъ, то всячески мы его до того не допускали, потому какъ начнетъ онъ съ кѣмъ ни на есть разговоръ имѣть, отъ того отерочка дѣлу будетъ, и всѣмъ намъ остановка, ну, потому маленько мы его и позадержали, чтобы онъ въ нарушеніе обязанностей не потрафилъ».

Въ данномъ случаѣ присяжные засѣдатели очевидно превратно поняли, разъясненную имъ предсѣдательствующимъ обязанность, не входить во время судебного засѣданія ни съ кѣмъ въ разговоры и потому въ своей наивной простотѣ и предположили, что это воспрещеніе относится даже и къ тому случаю, когда имъ пришлось бы заявить о чемъ либо самому составу суда.

Такихъ случаевъ въ особенности когда въ судебныхъ креслахъ присяжныхъ засѣдаютъ простолюдины, бываетъ не мало и конечно они вносятъ въ дѣло суда много различнаго рода недомолвокъ, которыя въ иныхъ случаяхъ могутъ имѣть своими результатами, и болѣе или менѣе крупныя ошибки или неблагопріятныя послѣдствія для подсудимаго.

Не всегда и не во всѣхъ однакоже случаяхъ можно утверждать, что недостаточное ознакомленіе присяжныхъ засѣдателей съ ихъ правами и обязанностями, является послѣдствіемъ того только, что предсѣдательствующіе не берутъ на себя трудъ дѣлать присяжнымъ предписываемыя закономъ разъясненія. Дѣло въ томъ, что въ стремленіяхъ, низвести на судъ обязанности свои до возможнаго минимума, нѣкоторые предсѣдательствующіе затрудняются дѣлать присяжнымъ засѣдателямъ эти разъясненія обыкновеннымъ разговорнымъ живымъ языкомъ, а для краткости и для выполненія только формальнаго требованія закона, самымъ монотоннымъ речитативомъ или скороговоркой, произносятъ передъ присяжными полный текстъ подлежащихъ статей закона о правахъ и обязанностяхъ присяжныхъ, не внося въ нихъ ни одного собственного слова, низводя такимъ образомъ, разумную необходимость дѣйствительныхъ живыхъ разъясненій, на одну только пустую формальность ради очистки судебного долга.

Такой приемъ со стороны предсѣдательствующихъ въ судебныхъ засѣданіяхъ, на которыхъ лежитъ важная обязанность, въ видахъ интересовъ правды и справедливости, относится къ дѣлу съ полною добросовѣстностію, заслуживаетъ полнаго порицанія.

Вотъ что пишетъ намъ по этому поводу, одинъ изъ членовъ окружнаго суда.

«Кому случалось бывать въ судебныхъ засѣданіяхъ различныхъ окружныхъ судовъ, тотъ безъ сомнѣнія замѣтилъ, съ какою послѣдностію нѣкоторые изъ председательствующихъ, разъясняютъ присяжнымъ по книжному, буквально текстомъ закона, ихъ права и обязанности. Многіе присяжные даже изъ лицъ вполне образованныхъ, изъ этого быстрого перечисленія передъ ними статей закона, положительно не въ состояніи усвоить себѣ вполне обстоятельно, въ чемъ дѣйствительно заключаются права и обязанности присяжныхъ: Для того чтобы уразумѣть совершенно ясно и то и другое, лицу постороннему незнакомому съ судебными порядками и судебной процедурой, нужно дѣйствительно выслушать безъ торопливости толковую и подробную передачу того, въ чемъ именно заключаются права присяжныхъ засѣдателей и какія обязанности возлагаются на нихъ закономъ. Въ нашихъ судахъ большинство присяжныхъ состоитъ изъ людей недостаточно развитыхъ, необразованныхъ и даже малограмотныхъ, которые рѣшительно незнакомы съ книжнымъ языкомъ».

Для того чтобы вполне добросовѣстно посвятить присяжныхъ засѣдателей въ понятія о значеніи на судѣ ихъ долга, нужно не только въ доступныхъ для нихъ выраженіяхъ разъяснить имъ существо ихъ обязанностей и правъ, но кромѣ того, необходимо еще и вразумить ихъ въ этомъ, простымъ разговорнымъ, удобопонятнымъ для нихъ слогомъ, а не книжнымъ языкомъ; иначе поставивъ, какъ имъ Богъ на душу положить, цѣлую серію приговоровъ, они не менѣе того выйдутъ изъ суда съ тѣмъ же незнаніемъ своихъ правъ, съ тѣми же туманными понятіями о своей роли въ уголовномъ процессѣ, съ которыми они вошли въ судъ.

Судебная практика указываетъ намъ, что нѣрѣдко въ числѣ присяжныхъ засѣдателей попадаются такія лица, которые даже не по знанію, а по крайней невнимательности къ исполненію своего долга нуждаются въ томъ, чтобы по каждому рѣшительно дѣлу, имъ непременно напоминалось-бы о томъ, что они должны дѣлать на судѣ, какъ изучать дѣло и какимъ образомъ отправлять правильно свою задачу.

Несомнѣнно, что въ первое время по введеніи въ дѣйствіе суда присяжныхъ нашихъ председательствующихъ нельзя было упрекнуть въ недостаткѣ энергіи при надлежащемъ разъясненіи присяжнымъ засѣдателямъ ихъ правъ и обязанностей. И что-же, иногда случалось такъ, что интеллигентные и образованные даже присяжные, только что выслушавъ толковыя и обстоятельныя разъясненія председательствующихъ, обнаруживали вслѣдъ за тѣмъ нѣкоторыми своими приемами на судѣ, несомнѣнныя доказательства того, что они не удержали у себя въ памяти даже самаго существеннаго изъ того, что передъ ними только что говорилъ председательствующій.

Укажемъ, напримѣръ, на слѣдующій фактъ. Одинъ присяжный засѣдатель изъ чиновниковъ, отбывшій уже цѣлую сессію, и слѣдовательно, имѣвшій совершенную возможность изучить вполне свои права и обязанности, увѣрялъ потомъ на послѣднемъ дѣлѣ своихъ товарищей, что присяжные засѣдатели во время судебного слѣдствія не имѣютъ права предлагать свидѣтелямъ какихъ либо вопросовъ, ни

непосредственно, ни чрез посредство председателя суда. И это было въ началѣ дѣятельности одного окружнаго суда, когда разъясненія присяжнымъ дѣлались обязательно по каждому дѣлу:

Одинъ изъ товарищей прокуроровъ пишетъ намъ слѣдующее:

«Вопреки мнѣнію многихъ судей, что нѣтъ никакой надобности разъяснять присяжнымъ засѣдателямъ ихъ права и обязанности непременно по каждому дѣлу, я скажу, что буквальная необходимость этого проистекаетъ изъ слѣдующихъ фактовъ, заимствованныхъ мною изъ моихъ личныхъ наблюденій. Всякаго рода недоразумѣнія между присяжными, недомолвки или неправильности въ ихъ отвѣтахъ, взаимныя пререканія между собою, возникаютъ исключительно при слушаніи тѣхъ дѣлъ, передъ началомъ которыхъ председательствующими не были дѣлаемы присяжнымъ должныя разъясненія. Точно также наиболѣе неудовлетворительныя вердикты ихъ, провозглашались по моимъ наблюденіямъ тогда, когда председательствующіе не брали на себя труда, серьезно и обстоятельно знакомить присяжныхъ засѣдателей, съ обязанностями ихъ на судѣ во время судебного слѣдствія». Если этимъ выводомъ одного лица прокурорскаго надзора, можетъ быть придано болѣе общее распространительное значеніе, то конечно они представляютъ собою солидный аргументъ за то, что дѣлать присяжнымъ засѣдателямъ разъясненія ихъ правъ и обязанностей слѣдуетъ непременно по каждому дѣлу.

Заклучимъ настоящую главу указаніемъ на слѣдующій еще характерный случай.

Въ уѣздномъ городѣ, на сессіи, слушалось съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей послѣднее дѣло. Председатель суда торопился скорѣе окончить засѣданіе чтобы успѣть засвѣтло уѣхать домой, а потому, понадѣясь на «опытность» присяжныхъ засѣдателей, и не повторилъ передъ ними ихъ права и обязанности. Судебное слѣдствіе окончилось, рѣчи были сказаны, резюме свое председатель сократилъ до невозможности, присяжныхъ удалили въ совѣщательную комнату. Дѣло было несложное, рѣшить его не представлялось никакихъ затрудненій и судьи нетерпѣливо ожидали скорѣйшаго выхода присяжныхъ, которые между тѣмъ долго не выходили.

По прошествіи уже цѣлаго часа, судебный приставъ доложилъ вдругъ суду, что присяжные не постановивъ приговора, желаютъ получить отъ суда какія-то разъясненія.

Недоумѣвающіе судьи вышли въ залу засѣданія, куда затѣмъ пришли и присяжные.

— Что вамъ угодно? спросилъ председательствующій старшину присяжныхъ.

— Да вотъ двое присяжныхъ отказываются подать свои голоса отвѣтить оцъ.

— Отчего?

— Да, говорятъ, недостаточно ясно усвоили себѣ дѣло, хотять еще допросить объ чемъ-то главную свидѣтельницу.

Отчего вы господа не спрашивали свидѣтельницу раньше, во время судебного слѣдствія, отозвался председательствующій съ видимымъ неудовольствіемъ обращаясь къ присяжнымъ.

— Да мы... ваше благородіе... отозвался одинъ изъ присяжныхъ старикъ,

мѣщанинъ, нешто мы тое дѣло знали.... что можемъ на суду свидѣтельницу спросить... думали нельзя... намъ только вотъ ужъ на совѣщаніи-то... господа **разсказали**, ну а какъ намъ и тогда еще желательно было поспрошать ее... да боялись... а безъ **ейнаго** допроса словно какъ на душу грѣха брать не хочется, потому самое это дѣло будто **какъ въ потемкахъ**....

Объясненіе этого присяжнаго указало **суду** на необходимость, возобновить судебное слѣдствіе, сдѣлать присяжнымъ подробныя и обстоятельныя разъясненія ихъ правъ и обязанностей, и въ концѣ концовъ, одно и тоже дѣло прослушать дважды.

Не очевидно-ли отсюда, что полагаться на «опытность» присяжныхъ засѣдателей, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, и что эта «**свѣрточная** опытность» являетъ собою во многихъ случаяхъ «дѣйствительныя незнанія» присяжныхъ, отъ которыхъ подсудимые какъ лица, заинтересованныя въ процессѣ больше всѣхъ, могутъ быть гарантированы только вполнѣ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу предсѣдательствующихъ, а слѣдовательно и неукоснительнымъ разъясненіемъ ими присяжнымъ, ихъ правъ и обязанностей.

XXII.

Изъ мемуаровъ и дневниковъ присяжныхъ засѣдателей:

Передъ нами нѣсколько разнохарактерныхъ дневниковъ **присяжныхъ засѣдателей**, въ которыхъ со всею откровенностію и искренностію своихъ **убѣжденій**, они высказываютъ выводы и взгляды свои и своихъ сотоварицей по многимъ вопросамъ и обстоятельствамъ, имѣющимъ болѣе или менѣе близкое соотношеніе къ ихъ дѣятельности.

Такие дневники имѣютъ свой смыслъ и свое значеніе.

Составители присяжные, вели ихъ исключительно для себя, записывали въ нихъ свои мысли замѣтки и ощущенія въ большинствѣ случаевъ по возвращеніи изъ судебныхъ засѣданій, слѣдовательно на страницахъ такихъ мемуаровъ и дневниковъ, являлись впечатлѣнія самые непосредственныя.

Приводимъ эти дневники въ наиболѣе интересныхъ ихъ выпискахъ, конечно съ нѣкоторыми необходимыми только въ текстѣ сокращеніями и измѣненіями, безъ всякаго посягательства на внутренній смыслъ и характеръ ихъ.

«18 марта. Вчера въ первый разъ въ **жизни** былъ въ окружномъ судѣ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя.

Около 11 часовъ утра прибылъ я туда, разсуждая по дорогѣ, что **вотъ** и во мнѣ проявилось какое-то не бывшее прежде свойство, которое сдѣлало меня способнымъ постановить по тому или другому дѣлу справедливый приговоръ. Впрочемъ, особаго ощущенія изъ-за этого, въ родѣ тревоги, волненія, сердцебіенія или еще чего нибудь я не испытывалъ.

Въ комнатѣ присяжныхъ засѣдателей, довольно большой, въ два окна на дворъ, было уже довольно много народа и старыхъ и молодыхъ, разныхъ мастей, одежды и сословія. Симпатичныхъ физиономій я не замѣтилъ. Заявивъ о своемъ

приходѣ судебному приставу я усѣлся дожидаясь что будетъ дальше. Присяжные молчали. Большинство глядѣло куда-то въ неопредѣленную точку, меньшинство читало газеты. У всѣхъ лица были пасмурны, своимъ судейскимъ дѣломъ какъ видно почти всѣ тяготились, на лицѣ каждаго присяжнаго засѣдателя можно было прочесть выраженіе какого-то чувства недовольства. Присяжные какъ на зло молчали всѣ. Никакихъ разговоровъ и мыслей не возникало, а я, признаться, думалъ, идя въ судъ въ первый разъ, встрѣтитъ между товарищами по поводу обязанности своей, оживленные разговоры, толки сужденія, живое отношеніе къ дѣлу и... ошибся. Просидѣвъ съ полчаса въ своей комнатѣ мы отправились въ залу засѣданія. Публики было немного. Я усѣлся съ нѣкоторымъ чувствомъ безразличности на кресла присяжныхъ, они показались мнѣ грязными и засаленными до крайнихъ предѣловъ.

Общее впечатлѣніе залы судебного засѣданія было далеко не симпатичное. Закопѣтый сводъ потолка, потертые и изъѣденныя молью, обитыя бархатомъ кресла, публика не чистая, воздухъ казарменный. Правая сторона окнами на дворъ, лѣвая сплошь глухая съ двумя дверями, одна для публики, другая для суда. Съ лѣвой-же стороны отъ публики отгороженное мѣсто для подсудимыхъ.

Столъ для суда—на возвышеніи съ зеркаломъ, за столомъ направо въ углу образъ и принадлежности для присяги.

Минуть пять, не болѣе, кажется, продолжалось мое знакомство съ обстановкой. Въ залу вошелъ судъ.

Предсѣдатель низкаго роста, съ блѣднымъ лицомъ, черными глазами, лѣтъ около 40 на видъ, помѣстился на среднемъ креслѣ; два товарища его члены суда, одинъ повидимому не русскій, другой здоровый черный, размѣстились по обѣ стороны отъ него. Прокуроръ помѣстился направо за особымъ столомъ.

Засѣданіе открылось. Ввели подсудимую по предстоящему дѣлу. Это была баба, лѣтъ 26-ти, одѣтая, какъ одѣваются всѣ наши деревенскія бабы; лицо самое обыкновенное и ничего не выражающее.

Во время процесса краска черѣдко выступала у ней на лицѣ. Обвинялась она въ дѣтоубійствѣ.

Когда оказалось, что всѣ свидѣтели на лицо, началась томительная процедура съ присяжными. Я не попалъ въ составъ по этому дѣлу.

Обвинительный актъ заключался въ слѣдующемъ:

Подсудимая вдова жила въ нянькахъ у одной мѣщанки.

Въ прошломъ году хозяйка замѣтила, что ея нянька беременна и поэтому бѣждала послѣднюю принять надлежащія мѣры предосторожности въ ея соотояніи. Нянька отнеслась къ словамъ хозяйки безъ вниманія и продолжала жить на своемъ мѣстѣ. И вотъ, кажется, въ ночь, на 7 ноября, она отправилась въ отхожее мѣсто и тамъ родила младенца, который какимъ-то образомъ палъ по ея словамъ въ нечистоты, и погибъ. Улики противъ подсудимой, какъ овершившей дѣтоубійство, заключались лишь въ томъ, что она на другой день тѣлавалась отъ факта своей беременности; нѣсколько капель крови найдено было у ея кровати и, конечно, самый ребенокъ, отысканъ былъ въ нечистотахъ.

Но по объясненію ея, ребенокъ родился для нея неожиданно, именно во время ея нахождения въ сортирѣ.

Свидѣтельскія показанія, и судебное слѣдствіе ровно ничего не выяснили; я и многіе другіе присяжные недоумѣвали, можно-ли во всякомъ положеніи рожать, можно-ли родить безъ стонувъ. Въ данномъ случаѣ это было необходимо разъяснить, потому, что хозяйка спала черезъ тонкую стѣну, а по ея словамъ, она спитъ очень чутко. Существенное обстоятельство это на судѣ выяснено не было. Тутъ еще сомнѣніе явилось, отчего кусочки легкаго ребенка тонули въ водѣ при пробѣ, и куда дѣлся послѣдъ. Однимъ словомъ, въ этомъ, повидимому простомъ дѣлѣ, возникла масса недоразумѣній относительно виновенности подсудимой, которыя не были намъ разъяснены ни прокуроромъ ни защитникомъ. Судъ постановилъ на разрѣшеніе присяжныхъ два вопроса: виновна-ли подсудимая въ преднамѣренномъ убійствѣ ребенка, и если не виновна, то не виновна-ли въ томъ, что не приняла мѣръ, къ сохраненію его жизни. Эти вопросы дали мнѣ и другимъ присяжнымъ возможность свободно вздохнуть, ибо предоставляли нравственное право всѣмъ намъ, забыть о запутанныхъ обстоятельствахъ всего дѣла.

Какъ и слѣдовало ожидать, присяжные обвинили подсудимую по второму пункту, давъ ей впрочемъ снисхожденіе.

Изъ присяжныхъ, не принимавшихъ участія въ дѣлѣ, нѣкоторые остались недовольны и такимъ вердиктомъ, находя что женщину эту нужно было оправдать совсѣмъ.

24 марта. Слѣдующія дѣла въ окружномъ судѣ не представляли ничего интереснаго. Все кражи со взломомъ, кражи на пожарѣ и кражи въ третій разъ.

Я четыре раза попадалъ въ очередные присяжные. Изъ всѣхъ дѣлъ трое подсудимыхъ были вполнѣ оправданы, и трое обвинены со снисхожденіемъ.

Ознакомившись съ сущностью суда присяжныхъ скажу, что она мнѣ понравилась главнымъ образомъ тѣмъ, что подсудимый при этомъ судѣ до обвиненія его, пользуется всѣми правами человѣка, должно пострадавшаго и должно обвиняемаго. Свидѣтельскія показанія по моимъ наблюденіямъ, играютъ въ процессѣ роль не только, какъ показанія, но и какъ выраженія и взгляды среды, изъ которой вышелъ подсудимый и въ которой онъ вращался.

Вообще проводить какую-либо параллель сравненія, между прежнимъ судомъ и судомъ присяжныхъ, какъ то очень многіе дѣлаютъ, я нахожу рѣшительно невозможнымъ.

Преимущества и достоинства новаго нашего суда такъ очевидны что тутъ никакія сравненія неумѣстны. Возьму, напримѣръ, себя. Кто я такой? Частный человѣкъ, незначительное лице, гражданинъ своего отечества, не владѣющій никакимъ атрибутомъ власти, а между тѣмъ я—судья. Меня въ моемъ обиходѣ никто не знаетъ, а между тѣмъ я творю высшую гражданскую обязанность — суда надъ ближнимъ. Я представитель суда свободнаго, суда одной только совѣсти, а это сознаніе отрадно.

26 марта. Вотъ мои взгляды относительно дѣятельности присяжныхъ, выработавшіяся уже «нѣкоторою практикою». Рѣшеніе присяжныхъ основывается на

впечатлѣніи, какое на нихъ производить весь процессъ допроса, свидѣтельскихъ показаній, показаній экспертовъ и проч. (Нужно замѣтить впрочемъ, что въ большинствѣ случаевъ, судебное слѣдствіе производится крайне неудовлетворительно, что облегчаетъ во многомъ участь подсудимыхъ). Кромѣ того рѣшеніе присяжныхъ во многомъ зависитъ отъ настроенія ихъ. Сначала—первая недѣля—присяжные, вслѣдствіе новизны дѣла, относятся къ своему долгу болѣе чѣмъ добросовѣстно—они заинтересованы имъ. Но общій законъ, кажется, есть тотъ, что какъ дѣло не интересно, оно утомитъ всякаго, а утомляетъ присяжныхъ прежде всего вся эта формальность продолжительныхъ преній, утомляетъ присяга передъ каждымъ дѣломъ особо, утомляетъ наконецъ просто сидѣніе на мѣстѣ, когда не попалъ въ составъ присутствія. Отъ этого, вторая недѣля присяжной дѣятельности odbyвается уже слабѣе, а дальше и кое какъ. Иначе быть никогда и не можетъ.

Много, правда, зависитъ отъ состава суда. У нѣкоторыхъ предсѣдателей, напримѣръ, комично и усыпительно выходитъ повтореніе ими по каждому дѣлу для соблюденія формальности, одиѣхъ и тѣхъ же фразъ, другіе напротивъ какъ-то умѣютъ придавать каждому отдѣльному судебному засѣданію живой и занимательный характеръ.

Среди прокуроровъ и адвокатовъ попадаются иногда хорошіе, т. е. произносящіе рѣчи гладко и дѣльно, а бывали и такіе, что хоть ложись да умирай.

Роль прокурора оказалась совсѣмъ не такой несимпатичной, какою я до сихъ поръ привыкъ ее себѣ представлять. Собирать факты, уличающіе подсудимаго и группировать ихъ извѣстнымъ образомъ—ничего предосудительнаго въ этомъ не заключается, коль скоро допущена настоящая система судовъ единоборства сторонъ. Честный человѣкъ всегда можетъ выйти изъ непріятнаго положенія—обвинять тамъ, гдѣ этого не слѣдуетъ. За то и роль адвоката во многихъ случаяхъ далеко не симпатична. Объявлять завѣдомо какого нибудь гнуснаго ворюшку, допазывать душевную чистоту подсудимаго, когда она у него чернѣе сажи, ей-Богу же и смѣшно, и не прилично даже. Вѣдь, я понимаю такія попытки адвокатовъ, какъ самыя нахальныя насмѣшки надъ присяжными.

Право, присяжные видятъ и слышатъ тоже, что и адвокатъ, какой же смыслъ цѣлѣвыхъ ораторствованій со стороны послѣдняго.

27 марта. Сегодня, на судѣ, пришлось выслушать и отъ прокурора и отъ защитника цѣлыя обязательныя для нашего терпѣнія философски отвлеченныя лекціи, а объ чемъ были намъ эти внушенія и разъясненія—ей-Богу не понялъ; я понялъ только то, что обѣ стороны совершенно некстати коснулись на судѣ такихъ тонкихъ вопросовъ, за которые, какъ я полагаю, даже завзятые философы-антропологи не брались съ такою легкостью, съ которою оба противника, т. е. и прокуроръ и защитникъ, рѣшали ихъ тутъ на судѣ, конечно каждый по своему. Я отношу къ такимъ вопросамъ—вопросы о «злой волѣ человѣка», о «свободѣ непринужденной воли», о «значеніи наказанія, вліяніи его на подсудимаго» и т. д.

Я не могъ, конечно, относительно всѣхъ такихъ вопросовъ придти ни къ какому положительному выводу изъ рассмотрѣнныхъ при мнѣ дѣлъ, не могъ скоро

рѣшить, что руководило подсудимыми при совершеніи ими преступленій, но, кажется, всё они не мудрствовали такъ лукаво, какъ это имъ приписывали и прокуроръ, и даже защитники. Всё почти преступники, которыхъ мнѣ довелось видѣть и судить, не обезпечены матеріально, и по моему тутъ и лежить корень ихъ преступленія. Это своего рода роковая необходимость, создавшаяся на время цѣль его жизни, дающая человѣку возможность, удовлетворенія нѣкоторыхъ потребностей, въ его однообразной, бѣдной впечатлѣніями жизни.

Мы судили и обвинили одного пожарнаго, который съ мѣста пожара укралъ шерстяной шарфъ въ 70 коп. сер., заложилъ его въ кабакъ, или лучше сказать, пропилъ. Я подалъ голосъ за оправданіе его и вотъ почему: развѣ можетъ колебаться какой нибудь пожарный, не имѣющій никогда въ карманѣ ни гроша, не брать валяющихся на улицѣ отъ пожара вещей, когда онъ отъ продажи ихъ можетъ выручить себѣ какую нибудь косушку вина, и когда въ его взглядахъ на эти вещи, которыя по мнѣнію его «все равно пропадутъ», отсутствуютъ сколько нибудь нравственныя понятія. Чтобы дѣйствовать иначе, чѣмъ пожарный въ данномъ случаѣ, нужны иныя понятія его, извѣстное нравственное развитіе, иная внутренняя подкладка его мирозозерцанія. Тутъ, пожалуй, безъ нѣкотораго образованія души, и глубокое религиозное чувство такого простаго человѣка, не удержать его отъ преступленія.

Въ другихъ дѣлахъ, привычка выручать себѣ деньги, прямо видна въ корнѣ преступленія, какъ напр., въ рассмотрѣнномъ нами же дѣлѣ о конокрадѣхъ. Но здѣсь эта привычка такъ въѣлась уже въ самую жизнь этихъ воровъ, что наказаніемъ ничего съ ними не подѣлаешь. Эти люди будутъ продолжать свою профессію вездѣ одинаково.

Даже въ такихъ преступленіяхъ, какъ, напр., подлогъ, сдѣланный сравнительно зажиточнымъ купцомъ, можно найти объясненіе въ желаніи нажить себѣ деньги. Положимъ, гнусно набивать свой карманъ такимъ путемъ, но вѣдь, привычный не можетъ смотрѣть на дѣло односторонне; при обсужденіи поступка подсудимаго онъ долженъ имѣть въ виду взглядъ на свое дѣло самого обвиняемаго, какъ и оно ему «по душѣ» представляется. Вотъ и возьмемъ купца. Вѣдь, онъ въ своей торговлѣ руководится только желаніемъ наживы на счетъ другаго; такой способъ пріобрѣтенія вполне законенъ, а между тѣмъ при совершеніи имъ подлога, руководящіе его мотивы были почти что тѣ же самыя. По мнѣнію моему, въ такихъ случаяхъ должно быть преступно самое желаніе наживы, а не то, въ какую форму облечлось оно въ законную или незаконную, за которую подсудимаго привлекли къ суду. У такого субъекта вся жизнь наполнена этимъ желаніемъ; оно облечено у него въ обычную признаваемую обществомъ форму наживы и онъ изъ-за этого сравнительно не страдаетъ. Тѣ же, у кого вся жизнь есть рядъ смѣняющихся лишеній, отдѣльный случай, проявленія того же незаконнаго желанія наживы, очевидно, не можетъ служить основаніемъ къ тому, чтобы такихъ людей безусловно считать преступниками. Вотъ почему по нѣкоторымъ дѣламъ о кражахъ, въ разрѣшеніи которыхъ мнѣ приходилось участвовать, я подавалъ свой голосъ за невиновность подсудимыхъ.

Бстати о взломахъ при кражѣ. По моему взломъ ничего не доказываетъ. Ломать, кажется, легче всего на свѣтѣ. Вѣроятно, и самъ законъ не пожелалъ бы причислить всѣхъ подсудимыхъ, которыхъ мнѣ довелось видѣть, къ разряду «ломающихся». У закона не оказалось только опредѣленныхъ выраженій для характеристики кражи со взломомъ. Напримѣръ, сегодня судился парень за кражу уздечки въ 1 р. 50 к. со взломомъ каменной стѣны. Нужно было посмотреть на этого преступника! По метрическому свидѣтельству ему значилось 19 лѣтъ; когда же ввели парня на скамью подсудимыхъ, то въ публикѣ прошелъ ропотъ недоумѣнія. Ему на видъ много, много можно было дать 14—15 лѣтъ. Конечно, его оправдали, и я скажу, что оправданіе такого мальчика—есть торжество совѣсти присяжныхъ.

Бѣдный мальчишка голодая, не имѣлъ пріюта и укралъ на бездѣлицу, чтобъ прокормиться. Вотъ ужъ про него нельзя было сказать, что онъ укралъ въ стремленіи наживы.

29 марта. Сегодня нѣкоторые изъ чиновныхъ присяжныхъ засѣдателей были сильно возмущены оправданіемъ одного подсудимаго. Онъ обвинялся въ клятвopреступленіи — показалъ подъ присягою, что при немъ какой-то старьевщикъ отдалъ своему хозяину три рубля, между тѣмъ какъ всѣ свидѣтели удостовѣряли противное. Дѣйствительно ли это было такъ, на судѣ не выяснилось, но только отъ такого субъекта, какъ подсудимый, ложнаго показанія можно было ожидать легко. Это личность довольно темная, затасканная, забитая нуждой изъ мелкихъ ходатаевъ по дѣламъ. Присяжные вынесли ему оправдательный приговоръ, принимая вѣроятно во вниманіе, что изъ-за трехъ рублей лишать человѣка всѣхъ правъ состоянія и ссылатъ въ Сибирь—безчеловѣчно. Чиновники же присяжные возмутились.

Мнѣ кажется возмутились они отъ того, что взгляды ихъ на жизнь представляются слишкомъ односторонними. Каждое преступленіе слѣдуетъ разсматривать по отношенію его къ общественной нравственности и къ общественному благосостоянію; иначе, преступленіе человѣка должно быть обсуждаемо кромѣ теоретической и съ практической точки зрѣнія. Нѣкоторые же изъ присяжныхъ этотъ послѣдній взглядъ не признаютъ, а въ этомъ-то и заключается ихъ ошибка. Они приходятъ въ негодованіе, расширяя значеніе настоящаго преступленія и заключають, что если клятвopреступниковъ оправдывать, то въ жизни не останется правды. Это выводъ конечно произвольный, ни на чемъ не основанный, такъ какъ вредъ, нанесенный обществу отъ такой личности, какъ подсудимый, ничтоженъ, ибо и сама-то личность подсудимаго въ матеріальномъ отношеніи только—несчастна; даже если и предположить, что подсудимый практикуетъ свое преступленіе въ видѣ «подходящаго» ремесла, то и то, оно ему ничего не дастъ, кромѣ возможности еле-еле влачить свое жалкое существованіе. Это не міроѣдъ, а несчастный, прежде всего—относительно самого себя. При такихъ соображеніяхъ, мнѣ кажется, на совѣсти присяжныхъ не должно ничего лежать послѣ описаннаго дѣла.

3 апрѣля. На судѣ можно прекрасно понять и изучить, какое значеніе въ жизни человѣка имѣетъ семья. Она собираетъ, такъ сказать, благополучіе при

благопріятныхъ обстоятельствахъ, и ломаетъ человѣка, въ случаѣ обратномъ.

Что значить для одинокаго человѣка лишеніе мѣста, даже необходимой пищи на сутки и болѣе. Да и тюремное заключеніе не такъ для одного, какъ для семейнаго человѣка. Для послѣдняго все это есть ударъ, нослѣ котораго ему подняться почти невозможно. Я говорю это конечно про низшіе несостоятельныя классы людей.

Вчера судился молодой человѣкъ въ кражѣ со взломомъ. Сдѣлалъ онъ это вслѣдствіе нужды. И что же изъ этого вышло? Вышло то, что его обвинили и теперь ему впереди долговременная отсидка. Родные его уже отъ этого одного съ горя не могутъ опомниться. Сестра его и братъ тутъ же на судѣ сидѣли среди публики и все время, даже при разборѣ другихъ дѣлъ, плакали. Сестра на видъ чахоточная. Подсудимый далеко не злодѣй и не завзятый преступникъ. Судя по искренности его разсказа, для него огорченіе родныхъ будетъ большою пыткой, — пыткой, возникающею изъ его нравственнаго сознанія, что онъ причина этого семейнаго горя своихъ родныхъ. Такихъ дѣлъ хладнокровно слушать нельзя и тутъ обвинять даже не слѣдуетъ. Я не дождался конца этого дѣла и ушелъ. Мнѣ сдѣлалось тяжело; потомъ уже узналъ я, что товарищи мои обвинили этого подсудимаго, а жаль, я подалъ бы непремѣнно голосъ за его оправданіе и вотъ почему. Кто виновенъ въ томъ, что изъ честной хорошей семьи, одинъ ея членъ рѣшается на кражу со взломомъ? Голодь и нужда. Ну такъ и слѣдовало оправдать его а не обвинить».

Если нѣкоторые изъ приведенныхъ выше мнѣній и взглядовъ присяжнаго засѣдателя, страдаютъ односторонностію и не совсѣмъ правильною постановкою извѣстныхъ правовыхъ положеній, какъ напр. по вопросу «о наживѣ» какъ матеріальномъ элементѣ въ преступленіяхъ противу собственности, то многимъ другимъ выводамъ и выработавшимся практически убѣжденіямъ этого присяжнаго засѣдателя, нельзя отказать въ совершенной справедливости и основательности.

Таковы напр., проводимыя имъ взгляды совѣстливаго отношенія присяжныхъ къ подсудимымъ, указанія на то тяжелое участіе, которое семья обвиняемаго принимаетъ по необходимости въ его горѣ, конечные выводы, относительно причинъ значительнаго числа ничтожныхъ преступленій противу собственности, замѣтки о значеніи взлома при кражѣ и т. д.

Приводимъ теперь въ выпискахъ и извлеченіяхъ мемуары и записки другаго присяжнаго засѣдателя изъ крестьянъ-простолюдиновъ.

«Вскорѣ, послѣ открытія у насъ дѣйствій міроваго института, читаемъ мы въ этомъ мемуарахъ, открытъ былъ въ нашей губерніи и окружный судъ. Сессіи суда происходили тогда только въ губернскомъ городѣ, а потому составъ присяжныхъ долженъ былъ, каждую очередь отправляться туда недѣли на двѣ а иногда и болѣе, — что было крайне обременительно для уѣздныхъ присяжныхъ вообще, и для крестьянъ въ особенности. Теперь въ этомъ отношеніи дѣло у насъ поправили, отдѣленія суда стали выѣзжать по уѣзднымъ городамъ, дни очереди присяжныхъ, стали назначаться разумнѣе, когда кому удобно, что не мѣшало бы принять къ свѣдѣнію и всѣмъ управамъ.

Въ первыхъ сессіяхъ суда я не участвовалъ, но слышалъ потому, что составъ и дѣйствіями первыхъ присяжныхъ нашей губерніи, судъ былъ очень доволенъ.

Наконецъ пришла и моя очередь отправляться въ губернской городъ по повѣсткѣ на 1-е ноября, явиться къ 10 часамъ утра.

Приѣхавъ въ городъ, я даже не успѣлъ и занять номера для квартированія, а прямо пошелъ въ судъ, гдѣ, кромѣ нашего брата присяжнаго, никого еще впрочемъ не было, несмотря на то, что былъ уже 11-й часъ. Черезъ нѣсколько времени явился потомъ судебный приставъ и собралъ всѣхъ насъ въ одну комнату для переклички. Затѣмъ часовъ въ двѣнадцать съѣхались судьи и вскорѣ потомъ открылось засѣданіе.

Разсматривалось дѣло о кражѣ крестьянскихъ лошадей. Въ число двѣнадцати присяжныхъ по жребію попалъ и я,—и послѣ присяги былъ избранъ старшиной.

Кстати замѣчу, что составъ нашей сессіи присяжныхъ, весь состоялъ изъ крестьянъ, съ немногими исключеніями, почти неграмотныхъ. Подсудимыхъ была цѣлая серія, человекъ пять или шесть не помню. Знаю только, что когда председатель спрашивалъ сюлько у каждого дѣтей, то я насчиталъ у всѣхъ 22 человека. Въ кражѣ, разумѣется, они не сознались, защитника не имѣли; когда пренія окончились, мы получили листъ съ вопросными пунктами и удалились въ совѣщательную комнату. Кстати замѣчу, что вопросные пункты пишутся судомъ очень небрежно—очень ужъ неразборчиво. Начались разсужденія у насъ. Тутъ только я узналъ, какъ крестьяне смотрятъ на конокрадовъ; признаюсь, пощады никакой! Въ другомъ въ чемъ, не знаю, а въ конокрадствѣ достаточно самого маленькаго подозрѣнія, и ужъ упекутъ непременно. Упекутъ на томъ основаніи, что для крестьянскаго благосостоянія лошадь необходима, безъ нее крестьянинъ, какъ безъ рукъ. Въ этихъ дѣлахъ ни упорство, ни собственное сознаніе подсудимыхъ, никакого значенія не имѣютъ. Не взирая ни на какіе резоны, ни на косвенность уликъ, ни на слабую прикосновенность къ дѣлу, «воры они, говорятъ присяжные, заполнили они насъ всеѣмъ, пиши виновенъ да и баста, вотъ тебѣ говорятъ наша рука, не сумлѣвайся, мы ихъ знаемъ; ну и пишешь всеѣмъ: да виновенъ».

Кончается одно дѣло, вслѣдъ затѣмъ приступаютъ къ разбирательству слѣдующаго. Между тѣмъ, смотримъ уже часъ третій дня. Дѣлается перерывъ на $\frac{1}{2}$ часа; судьи, вѣроятно, закусываютъ, и присяжные тоже, коли у кого случится въ карманѣ кусокъ, и то пока еще ведутся «домашники», а то большею частію такъ и остаются до вечера не ѣвши. Иногда за исключеніемъ четырнадцати жеребевыхъ, остальныхъ присяжныхъ распускаютъ до другаго дѣла. Но въдь, времени опредѣлить точно впередъ нельзя, крестьяне же часовъ не имѣютъ, да и куда пойдутъ они, квартиры ихъ обыкновенно на постояломъ дворѣ, повыгодише для кармана, гдѣ нибудь подальше отъ центра города, гдѣ артелью стоять подешевле; идти туда не пойдешь да и боишься, потому, все какъ бы чувствуешь за собою какую то прихлыстку, и все торопишься, не вѣря себѣ, боясь опоздать.

Такимъ образомъ, проводятся присяжными въ судѣ день и вечеръ—полные лишены и служебнаго труда; одна ночь дастъ успокоеніе, да и то все мерещится совѣщательная комната—душная, тѣсная, безъ всякихъ удобствъ, точно казематъ».

Касаясь вопроса о присягѣ, авторъ замѣтокъ говоритъ: утомляетъ насъ ужасно постоянная передъ каждымъ дѣломъ присяга, эта тяжелая клятва, повторяемая присяжными засѣдателями нѣсколько разъ въ день. Неужели нельзя имъ обойтись, присягнувши одинъ разъ на всю сессию, или хотя бы одинъ разъ въ день, а не выполнять этотъ обрядъ отдѣльно для каждаго дѣла, для каждаго арестанта. У кого, и въ чемъ тутъ можетъ быть сомнѣніе? Присяжные остаются все одни и тѣже, постоянно такъ сказать, у всего суда и сторонъ на глазахъ; да къ тому же сторонамъ предоставлено право вычеркивать всѣхъ тѣхъ присяжныхъ, на которыхъ они не надѣются, слѣдовательно, къ чему бы прибѣгать къ постоянному нравственному давленію на присяжныхъ... заставляя ихъ клясться по нѣскольку разъ въ день.

«Буду писать далѣе, читаемъ мы.

Всѣ присяжные засѣдатели, хотя и изъ одного уѣзда, но, съѣхавшіеся на сессию, съ разныхъ сторонъ ея, оказываются большею частію, мало знакомыми или даже вовсе незнакомыми между собою, но пробывъ на сессіи въ чужомъ городѣ денька два, по взаимному сочувствію къ своей изолированности, скоро спланиваются въ одну семью, составляя уже свой особый мірокъ. Собравшись въ 10-ть часовъ утра въ своей комнатѣ—съ надписью надъ дверьми «комната для присяжныхъ» (она же и совѣщательная), всѣ присяжные размѣщаются въ ней какъ попало, кто на стульяхъ, кто на окнахъ, а за неизмѣнимъ мѣсть, вдалѣ я даже сидящими и на полу...

Въ ожиданіи открытія судебного засѣданія, ведутся обыкновенно бесѣды, касающіяся предстоящихъ разрѣшенію дѣлъ, и вообще дѣятельности присяжныхъ, изрѣдка склоняющіяся на заботливыя воспоминанія о деревнѣ, о хозяйствѣ, объ урожаѣ, о промысловыхъ, торговыхъ, всякихъ иныхъ дѣлахъ, и вообще о домашнемъ жить-бытьѣ; тутъ же иногда услышишь и вопіющій голодь нужды, — осторожно, стороной намекающій, на неизбѣжные средства къ пропитанію себя во время сессіи. Не случалось мнѣ замѣчать, чтобы бесѣды присяжныхъ имѣли характеръ какой-нибудь беззаботной веселости, напротивъ, онѣ имѣютъ всегда видъ сосредоточенной озабоченности, какъ бы нѣкоторой присущей положенію судей солидности.

Такимъ образомъ, собираясь каждое утро, присяжные свѣтаются другъ съ другомъ, дѣлясь впечатлѣніями и по силѣ возможности помогая средствами своимъ немущимъ товарищамъ. Разсужденія присяжныхъ касаются иногда и состава суда, защитниковъ, свидѣтелей; разбираемъ мы подъ часъ и самихъ себя, не высказывая впрочемъ никому, никакихъ порицаній».

Въ замѣткахъ своихъ означенный авторъ—присяжный засѣдатель, касается нѣкоторыхъ весьма существенныхъ вопросовъ слѣдственнаго и судебного процессовъ.

Такимъ образомъ онъ находитъ, что на судѣ весьма часто выводятъ такихъ подсудимыхъ, которые содержались подъ предварительнымъ арестомъ въ тюрьмѣ

по нѣскольку мѣсяцевъ и долѣе до одного года, при чемъ во многихъ случаяхъ подобный арестъ является совершенно излишнимъ и даже напраснымъ. Господамъ слѣдователямъ—читаемъ мы въ этихъ замѣткахъ, слѣдовало бы быть по мягко-сердечнѣе, строже относиться къ вопросу о лишеніи человѣка свободы и помнить, что хотя невинно арестованный ими человѣкъ и получить потомъ освобожденіе, но что отсидѣть даромъ въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ, быть оторваннымъ на бошѣ или менѣе продолжительный срокъ отъ семьи, отъ дѣла, отъ дома, не особенно легко. Да наконецъ, иной человѣкъ, побывавшій въ тюрьмѣ, потомъ во всю свою жизнь не въ состояніи забыть тѣхъ веселыхъ дней, которые онъ провелъ въ безвинной отсидѣ.

«Касаясь затѣмъ допроса свидѣтелей, вызываемыхъ на судъ, авторъ говоритъ:

«Часто приходится наблюдать, что на судъ вызывается цѣлая масса свидѣтелей, а для чего, для того только чтобы сказать: я ничего не знаю и получить за это прогонныя деньги или на счетъ казны, или на счетъ виновнаго. А между тѣмъ процедура съ такими свидѣтелями отнимаетъ и у присяжныхъ не мало времени».

«Тоже относительно допроса свидѣтелей—читаемъ мы дальше—судьи какъ бы по казенной формулѣ обращаются къ каждому изъ нихъ съ стереотипной фразой: что вамъ свидѣтель извѣстно по этому дѣлу. Сколько мнѣ случалось наблюдать слова эти производить всегда на свидѣтелей простолюдиновъ какое-то тупое впечатлѣніе».

«Иной выслушавъ такой вопросъ не пойметъ его и смолчить, очевидно не зная, какъ и съ чего начать, другой словно запнется въ своемъ отвѣтѣ, третій просто станетъ въ тупикъ и даже не можетъ опомниться, а между тѣмъ судьи дальнѣйшихъ вопросовъ не предлагаютъ, находя, что они не обязаны давать возможность простолюдинамъ свидѣтелямъ высказываться безъ робости, которая ими обыкновенно овладѣваетъ передъ начальствомъ. Кромѣ того и въ самомъ порядкѣ допроса свидѣтелей, судьи нерѣдко допускаютъ на судѣ нѣкоторыя непозволительныя вещи, такъ напримѣръ: разнообразія и скуки ради, слегка глумятся надъ робкими свидѣтелями, наивнымъ изъ нихъ предлагаютъ такіе вопросы отъ которыхъ они приходятъ въ смущеніе, простыхъ напримѣръ деревенскихъ бабъ называютъ «госпожа свидѣтельница, сударыня» и тѣмъ конфузятъ этихъ робкихъ женщинъ, а публикѣ и себѣ доставляютъ легкое развлеченіе. Все это на судѣ уловномъ не свидѣтельствуетъ о серьезности представителей суда, а желательно было бы, чтобы судьи всегда строгіе къ присяжнымъ засѣдателямъ были ли иногда поостроже къ самимъ себѣ».

Тотъ же присяжный засѣдатель, касаясь обвинительныхъ рѣчей прокуроровъ говоритъ слѣдующее: «Вотъ на счетъ господъ обвинителей можно сказать,—существенный недостатокъ замѣчается иногда въ ихъ рѣчахъ. Видишь, положимъ, что г. прокуроръ точно также, какъ и присяжные, вынесъ изъ дѣла убѣжденіе, что подсудимый не виноватъ. Вѣдь кажется чего же проще, сказать, что отъ обвиненія отказываюсь, потому что и самъ законъ ихъ къ этому обязываетъ, такъ нѣтъ черезъ силу, какъ говорится, нехотя съ натяжками, а все-таки обвиняетъ. И къ чему это, вѣдь совѣсть присяжныхъ такимъ ложнымъ маневромъ обойди

нельзя, а слѣдовало бы иному прокурору подумать, каково бываетъ невиноватому человѣку сидя на скамьѣ подсудимыхъ, выслушивать на себя такой неосновательный поклепъ. Вѣдь и у подсудимыхъ душа есть. Присяжные въ такихъ случаяхъ невольно склоняются въ пользу обвиняемыхъ, и составивъ себѣ по нѣсколькимъ такимъ рѣчамъ обвинителя, убѣжденіе объ немъ, какъ о человѣкѣ пристрастномъ, безсердечномъ, относятся потомъ къ нему съ явнымъ недовѣріемъ, съ крайней неохотой принимая вообще всѣ его доводы за обвиненіе, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они бываютъ вполнѣ основательны».

Задаваясь въ концѣ своей замѣтки вопросомъ о томъ, какого рода побудительныя причины могутъ ставить прокурора въ необходимость во что бы то ни стало обвинять того человѣка, въ виновности котораго онъ не убѣжденъ, авторъ замѣтки отвѣчаетъ: «римское право, проповѣдуемое съ кафедръ въ университетахъ умалчиваетъ вѣроятно о судѣ Пилата, который по евангельскому сказанію не обрѣтая ни единыя вины, между тѣмъ повеле бить».

Подобное сравненіе между судомъ Пилата и нашими неумѣренными подчасъ обвинителями, не лишено, конечно, нѣкоторой доли остроумія.

Приводимъ еще нѣсколько выдержекъ изъ замѣтокъ другихъ присяжныхъ заседателей.

Одинъ изъ нихъ пишетъ: Сегодня на судѣ случилась такая исторія. Намъ, т. е. присяжнымъ, хотѣлось знать, почему судъ не уважилъ ходатайства подсудимаго, о вызовѣ въ засѣданіе одного свидѣтеля, на котораго послѣдній ссылался въ свое оправданіе, и о которомъ съ большимъ соболѣзнованіемъ упоминалъ на судѣ, что «кабы да если Алексѣй Ивановичъ обмѣнщикъ, примѣрно, на суду былъ, такъ онъ всячески мое оправданіе доказалъ». По словамъ обвиняемаго, въ ночь кражи онъ спалъ на квартирѣ этого Алексѣя Ивановича, слѣдовательно показаніе его очевидно имѣло бы важное значеніе для дѣла, а потому присяжные и задались вопросомъ, отчего судъ не предоставилъ имъ возможности выслушать этого свидѣтеля. Судъ почему-то оскорбился такимъ вопросомъ присяжныхъ, объявилъ намъ что въ дѣйствіяхъ своихъ отчета предъ нами отдавать не обязанъ, и потому не считаетъ нужнымъ и законнымъ объяснять намъ, почему Алексѣй Ивановъ вызванъ не былъ. Какой же былъ результатъ такого отвѣта. Мы вынуждены были оправдать подсудимаго, потому что послѣдній чуть не со слезами на глазахъ клялся предъ нами, что Алексѣй Ивановичъ безпремѣнно его оправдалъ бы отъ суда, а между тѣмъ вопросъ нашъ къ суду главнымъ образомъ имѣлъ въ виду выяснитъ тѣ, конечно основательныя причины, по которымъ судъ счелъ ненужнымъ вызывать упоминаемаго свидѣтеля въ засѣданіе. Между тѣмъ уклончивый отвѣтъ судей, косвенно навелъ насъ на мысль, что судъ можетъ быть и по оплошности своей упустилъ вызвать на судъ таковаго существеннаго свидѣтеля для подсудимаго. Такимъ образомъ, самъ судъ вызываетъ насъ нѣрѣдко на постановку неосновательныхъ быть можетъ, но и неизбѣжныхъ въ тоже время для насъ, оправдательныхъ приговоровъ.

Въ дневникѣ другаго присяжнаго заседателя находимъ мы слѣдующія интересные строки: я прослѣдилъ взаимность и противорѣчіе въ убѣжденіяхъ при-

сяжных нашей сессіи, состоявшей изъ 23 человекъ по 14 дѣламъ, и вотъ какіе у меня получились результаты. Изъ 23 присяжныхъ, десять человекъ, въ числѣ коихъ былъ и я, участвовали въ разсмотрѣніи всѣхъ 14 дѣлъ. Изъ этихъ десяти человекъ, трое насъ участвовало вмѣстѣ съ другими четырьмя по восьми дѣламъ, и вотъ какъ по этимъ восьми дѣламъ сложились противорѣчиво наши голоса. По 5 дѣламъ мы трое, были за обвиненіе подсудимыхъ, а четверо остальныхъ за оправданіе, и на оборотъ, по остальнымъ тремъ дѣламъ, по которымъ четверо нашихъ товарищей высказались за обвиненіе, двое изъ насъ подали голоса за оправданіе и только третій, нашъ товарищъ присоединился къ обвиненію. Чѣмъ можетъ быть объяснено такое очевидное и прямо противоположное мнѣніе въ выводахъ и убѣжденіяхъ присяжныхъ, при полной однако же искренности каждаго изъ насъ, и при отсутствіи какихъ либо личныхъ конترفъ и преніяательства».

Вопросъ этотъ дѣйствительно очень интересенъ, какъ затрагивающій несомнѣнно не случайное только противорѣчіе въ голосахъ присяжныхъ.

Въ Ноябрьской книжкѣ «Юридическаго Вѣстника» за 1881 годъ, помѣщенъ рядъ замѣтокъ и наблюденій присяжнаго засѣдателя, затрагивающихъ, между прочимъ, вопросъ о томъ, какимъ образомъ присяжные засѣдатели представляютъ себѣ значеніе прежней судимости обвиняемыхъ.

Вотъ что читаемъ мы въ замѣткахъ по этому поводу.

«Замѣчательно, что къ прежней судимости обвиняемыхъ въ кражѣ, присяжные относятся совершенно противоположно тому, какъ относятся къ ней коронные судьи, прокуратура и самые защитники подсудимыхъ т. е. адвокаты. Если обвиняемый судился прежде и былъ наказанъ, то объ этомъ заявляется въ обвинительномъ актѣ, который читается передъ началомъ судебного слѣдствія, и затѣмъ подтверждается на судѣ, разспросами обвиняемаго, гдѣ, когда, за что именно онъ судился и къ какому приговору былъ наказанію. Дѣлается это обыкновенно для лучшей обрисовки предъ присяжными личности обвиняемаго, какъ закоренѣлаго уже преступника, «вѣдомаго, дескать, вора», къ которому поэтому нужно относиться строже. Но присяжные, придя въ свою совѣщательную комнату, разсуждаютъ объ этомъ предметѣ совсѣмъ иначе: за одну вину два раза не судятъ и не наказываютъ, говорятъ они прежде всего; далѣе: однажды осужденный за кражу и наказанный тюремнымъ заключеніемъ, приобретаетъ, по отбытіи своего наказанія и возвращенія въ прежнее общество, своего рода право на совершеніе новыхъ кражъ, такъ какъ пить, ѣсть, одѣться и вору нужно, какъ всякому человеку, а добыть на это средства честнымъ трудомъ, онъ часто совсѣмъ не имѣетъ возможности, а если и имѣетъ, то въ меньшей противъ другихъ мѣрѣ, и это собственно потому, что на него, на все теченіе его жизни, наложено неизгладимое пятно «острожника» оттапливающее отъ него обыкновенныхъ членовъ общества. Таковы, обыкновенно бываютъ причины, по которымъ присяжные оправдываютъ напримѣръ рецидивистовъ, дважды уже судившихся за кражи и наказанныхъ оба раза тюремнымъ заключеніемъ, по приговору мировыхъ судей. Такие подсудимые «несчастные», а не преступники, случалось въ нашей совѣщательной комнатѣ съ разныхъ сторонъ, когда мы вошли въ нее изъ зала засѣданій»...

И это мнѣніе, этотъ голосъ совѣсти присяжныхъ въ высшей степени справедливы.

Такіе подсудимые дѣйствительно люди прежде всего обездоленные, парализованные въ своей житейской обстановкѣ, трудностію полученія заработка, и невозможностію во многихъ случаяхъ, исходатайствованія себѣ вида, безъ котораго существовать легально простолыдину невозможно и одного дня.

XXIII.

Предсѣдательскія резюме.

Несмотря на то, что судебные уставы дѣйствуютъ у насъ уже относительно долго, и что нашимъ присяжнымъ засѣдателямъ, давно уже слѣдовало бы ознакомиться вполнѣ съ ихъ существенными обязанностями, съ порядкомъ совѣщаній и другими особенностями положенія ихъ на судѣ, какъ судей, въ нашихъ окружныхъ судахъ, приходится иногда наблюдать такія явленія, которыя свидѣтельствуютъ далеко не въ пользу присяжныхъ, обнаруживая настолько же полное ихъ невниманіе къ дѣлу, насколько и рѣшительное незнаніе самыхъ элементарныхъ правилъ, о порядкѣ постановленія ими приговоровъ.

Въ одномъ изъ окружныхъ судовъ разбиралось какое-то незначительное дѣло о кражѣ.

Составъ присяжныхъ по этому дѣлу состоялъ исключительно изъ лицъ интеллигентныхъ, а въ старшины присяжныхъ избрано было даже лице съ академическимъ знакомъ.

По окончаніи своего резюме, предсѣдательствующій объяснилъ присяжнымъ порядокъ ихъ совѣщаній, и при этомъ указалъ, что при равенствѣ голосовъ за обвиненіе и за оправданіе, преимущество должно быть отдано тѣмъ 6-ти голосамъ, которые будутъ снисходительнѣе къ участи подсудимаго.

По прошествіи четверти часа послѣ удаленія своего въ совѣщательную комнату, присяжные воротились оттуда, не постановивъ никакого рѣшенія и при этомъ старшина ихъ высказалъ, что присяжные засѣдатели затрудняются, какъ рѣшить дѣло, такъ какъ голоса у нихъ за обвиненіе и за оправданіе раздѣлились поровну.

Предсѣдательствующій объяснилъ старшинѣ присяжныхъ, что только четверть часа тому назадъ, онъ заключилъ свою рѣчь къ присяжнымъ тѣмъ, что при равенствѣ голосовъ, отвѣтъ присяжныхъ долженъ быть въ пользу подсудимаго.

Уже послѣ этого дополнительнаго разъясненія, присяжные снова удалились въ совѣщательную комнату и вынесли подсудимому оправдательный вердиктъ.

Фактъ этотъ самъ по себѣ крайне мелочъ и незначителенъ, и можетъ свидѣтельствовать развѣ только о полномъ невниманіи всего состава присяжныхъ, къ тому, что объяснялъ имъ предсѣдательствующій, но онъ способенъ навести невольна на весьма серьезные размышленія.

Нужно замѣтить, что этотъ составъ присяжныхъ, окончивалъ уже періодъ своей сессіи, разрѣшивъ передъ тѣмъ, около 25 дѣлъ, и слѣдовательно, въ те-

ченіи нѣсколькихъ дней подрядъ выслушала 25 разъ объясненія предсѣдательства о томъ, что при равенствѣ голосовъ присяжныхъ за оправданіе и за обвиненіе, приговоръ ихъ долженъ быть оправдательный.

Несмотря однакоже на то, что такое нетрудное и ясное правило, было повторяемо присяжнымъ засѣдателямъ передъ каждымъ удаленіемъ ихъ въ совѣщательную комнату, и, что весь составъ присяжныхъ по данному дѣлу состоялъ исключительно изъ лицъ образованныхъ, ни одно изъ нихъ не въ состояніи было указать другимъ, какимъ образомъ слѣдовало поступить при равенствѣ голосовъ за оправданіе и за обвиненіе.

Хорошо еще, что по настоящему дѣлу, присяжные для разрѣшенія своего недоумѣнія обратились къ суду, но вѣдь вопросъ о значеніи равенства голосовъ они могли разрѣшить сами и разрѣшить неправильно. А между тѣмъ, при наличности такого элементарнаго незнанія въ порядкѣ постановленія приговоровъ, по числу голосовъ, они разрѣшили уже около 25-ти дѣлъ, и кто можетъ поручиться, что въ числѣ этихъ дѣлъ не было такихъ, по которымъ подсудимые были обвинены, имѣя за оправданіе 6 голосовъ.

Вѣдь были же въ нашей судебной практикѣ случаи, что подсудимымъ при наличности 6-ти оправдательныхъ голосовъ, выносились обвинительные приговоры на томъ основаніи, что въ числѣ обвинительныхъ голосовъ былъ голосъ старшины.

Отчего же не допустить, что и въ настоящемъ составѣ присяжныхъ, разрѣшившихъ около 25 дѣлъ, не были постановлены по нѣкоторымъ дѣламъ обвинительные приговоры, вмѣсто оправдательныхъ, въ ошибочномъ предположеніи, что старшина, стоящій за обвиненіе, перевѣшиваетъ голоса; или же, что при равенствѣ голосовъ, должны получить предпочтеніе голоса обвинительные.

Такія предположенія представляются вполне возможными послѣ того, когда присяжные засѣдатели, просидѣвъ въ судѣ цѣлую сессию, не успѣли усвоить себѣ самаго несложнаго правила, которое на этотъ разъ регулярно передъ каждымъ постановляемымъ ими приговоромъ, повторялось имъ предсѣдательствующимъ.

И такая оплошность явилась со стороны присяжныхъ, взятыхъ изъ людей вполне образованныхъ, какіе же промахи могутъ дѣлать иногда присяжные, изъ лицъ неграмотныхъ и не развитыхъ, которые при всемъ своемъ усердіи къ дѣлу не въ состояніи иногда бываютъ понять то, что толкуеть имъ предсѣдательствующій на судѣ.

Поэтому для устраненія въ рѣшеніяхъ присяжныхъ засѣдателей возможности такого рода неправильныхъ случайностей, нацимъ предсѣдательствующимъ, слѣдуетъ неутомительно, настойчиво и непремѣнно по каждому дѣлу, разъяснять присяжнымъ во всей подробности норадокъ совѣщаній ихъ, и не игнорировать въ ущербъ правосудію эти существенныя требованія закона, какъ то нерѣдко у насъ дѣлается на томъ основаніи, что присяжные успѣли уже будто-бы достаточно ознакомиться съ тѣмъ, и съ другимъ, и что стороны «не находятъ нужнымъ» требовать отъ предсѣдательствующихъ на судѣ этихъ разъясненій присяжнымъ потому, что присяжные засѣдаютъ уже «не первый разъ».

Указанный нами случай, краснорѣчивѣе всякихъ другихъ доводовъ убѣждаетъ

однакоже въ совершенно противномъ, наглядно показывая, что полагаться на «опытность и знанія присяжныхъ»—болѣе, чѣмъ рисковано.

Касаясь предсѣдательскихъ разъясненій, такъ называемыхъ резюме, мы должны сказать, что и они должны быть излагаемы передъ присяжными въ формѣ вполне доступной ихъ пониманію, такъ какъ среда неразвитыхъ присяжныхъ можетъ иногда понять разъясненія предсѣдательствующаго совершенно превратно.

Укажемъ напримѣръ на такой случай. Однажды въ городѣ Николаевѣ предсѣдатель объяснилъ присяжнымъ, что голоса ихъ должны быть сохранены въ тайнѣ и это было понято старшиною присяжныхъ засѣдателей, такъ, что голоса должны быть подаваемы ими въ тайнѣ другъ отъ друга, поэтому старшина собиралъ голоса отъ присяжныхъ, спрашивая ихъ на ухо. Тотъ же старшина хотѣлъ это сдѣлать въ другой разъ, но, благодаря одному изъ присяжныхъ, который зналъ, что голоса должны быть тайною для публики, а не для присяжныхъ, старшина согласился отбирать голоса вслухъ подъ угрозой, что иначе обратятся къ предсѣдателю за разъясненіями. Вотъ примѣръ, до какой степени бываютъ неразвиты присяжные.

Въ предсѣдательскомъ резюме разъясненія присяжнымъ порядка совѣщаній ихъ—играютъ такъ сказать второстепенную роль. Главная же задача заключительнаго слова предсѣдательствующаго, заключается въ изложеніи передъ присяжными существенныхъ обстоятельствъ дѣла, въ разъясненіи присяжнымъ законовъ, относящихся къ опредѣленію свойства разсматриваемаго преступленія, общихъ юридическихъ основаній къ сужденію о силѣ доказательствъ за и противъ подсудимаго, и въ восстановленіи въ случаѣ надобности, неправильно изложенныхъ сторонами обстоятельствъ или невѣрно истолкованнаго ими закона. Но при этомъ предсѣдатель суда не долженъ обнаруживать ни собственнаго своего мнѣнія о винѣ или невинности подсудимаго, и всѣ разъясненія свои высказывать передъ присяжными не въ видѣ непреложныхъ положеній, но лишь въ смыслѣ предостереженія ихъ отъ всякаго увлеченія къ обвиненію или къ оправданію подсудимаго.

Эти требованія закона совершенно ясно указываютъ на тотъ характеръ, который должны имѣть, обращаемаы предсѣдательствующими къ присяжнымъ заключительныя слова. Полное безпристрастіе, умѣніе устранить изъ своей рѣчи все то, что имѣло бы характеръ личнаго мнѣнія, передача въ сжатой и толковой формѣ всей сути дѣла,—вотъ въ чемъ заключаются главныя условія и задача предсѣдательскаго резюме.

Задача эта неоспоримо очень трудная, нужно имѣть особенный даръ для того, чтобы резюме изъ устъ предсѣдателя вышло бы въ той безукоризненной формѣ, въ которой желательно было бы его всегда слышать.

А между тѣмъ удержаться въ требуемыхъ закономъ предѣлахъ, не пошатнуться въ своей рѣчи въ ту или другую сторону, другими словами представить передъ присяжными идеально безпристрастный взглядъ на дѣло, доступно не многимъ, и мы безъ погрѣшности можемъ сказать, что такимъ даромъ обладаютъ очень не многіе изъ нашихъ судебныхъ дѣятелей. Въ большинствѣ же случаевъ предсѣдательскія резюме, представляютъ собою самыя заурядныя рѣчи, съ повтореніемъ

лишь присяжнымъ того, что происходило на судебномъ слѣдствіи и что они уже слышали отъ сторонъ.

На сесіяхъ въ уѣздныхъ городахъ, предсѣдательствующіе сокращаютъ свои заключительныя рѣчи нерѣдко до непозволительныхъ размѣровъ, и иногда ограничиваютъ ихъ не болѣе какъ указаніями присяжнымъ на то, что они должны оправдать подсудимаго, если признаютъ его невиновнымъ, и обвинить въ томъ случаѣ, если придутъ къ убѣжденію, что онъ виноватъ.

Но очевидно указанія такого рода представляются совершенно безцѣльными и излишними, ибо такія простыя истины доступны пониманію присяжныхъ, какъ надо полагать, и безъ всякихъ разъясненій, и не въ нихъ должны выражаться тѣ указанія и разъясненія даваемые предсѣдательствующими присяжнымъ, которыя заключаютъ въ себѣ задачу заключительнаго слова.

Просматривая судебную практику уголовного кассационнаго департамента Правительствующаго Сената, можно убѣдиться, до какой степени наши предсѣдательствующіе въ судахъ, неумѣлы еще въ произнесеніи своихъ резюме. Приговоры окружныхъ судовъ и присяжныхъ засѣдателей весьма часто отиѣняются Сенатомъ, именно вслѣдствіе нарушенія предсѣдательствующими въ ихъ заключительныхъ рѣчахъ, указаній закона.

Но такія нарушенія понятны, потому что произнести строго законное резюме— дѣло трудное. А между тѣмъ заключительное слово предсѣдательствующаго играетъ въ уголовномъ процессѣ весьма серьезную роль. Подъ вліяніемъ хорошо или дурно сказаннаго резюме, присяжные удаляются въ свою совѣщательную комнату, и несомнѣнно подъ вліяніемъ того, что они выслушали отъ предсѣдательствующаго, постановляется ими и тотъ или другой приговоръ надъ подсудимымъ.

По этому предмету намъ сообщена слѣдующая замѣтка лица, изучившаго практически то вліяніе, которое заключительная рѣчь предсѣдательствующаго имѣетъ на исходъ дѣла, или другими словами на вердиктъ присяжныхъ засѣдателей.

«Мнѣ нѣсколько разъ, читаемъ мы въ этой замѣткѣ, приходилось слышать отзывы о резюме предсѣдательствующихъ изъ устъ самыхъ присяжныхъ засѣдателей, и вотъ каково ихъ мнѣніе. Предсѣдательствующему, говорятъ они, всегда знакома лучше всѣхъ суть дѣла, такъ какъ все предварительное и судебное слѣдствіе въ его рукахъ. По ихъ словамъ, коли само дѣло у предсѣдателя то какъ же ему не знать, виновенъ ли подсудимый или нѣтъ. Приводя имъ доводъ, что, вѣдь, и обѣ стороны точно также знакомы съ дѣломъ, вотъ что приходится слышать отъ присяжныхъ въ отвѣтъ: это вѣрно, да вѣдь, изъ сторонъ одинъ обвинитель, а другой защитникъ. Понятно, что хотятъ этимъ сказать присяжные что одна сторона въ своей рѣчи рисуетъ предъ ними факты изъ дѣла касающіеся только обвиненія, другая же наоборотъ. Не касаясь того, въ силу чего сложился у присяжныхъ такой взглядъ на защитника и обвинителя, приобращенъ ли оцъ ими изъ практики, такъ какъ рѣдкому изъ нихъ не приходится уже нѣсколько разъ исполнять обязанности присяжнаго засѣдателя, или

по какой либо другой причинѣ, и правы ли они въ этомъ, слѣдуетъ однако же сказать, что такой взглядъ существуетъ у присяжныхъ засѣдателей. Въ безпристрастное отношеніе къ дѣлу предсѣдательствующаго, многіе изъ нихъ глубоко, почти безусловно, вѣрятъ; этого нельзя только сказать относительно присяжныхъ изъ лицъ, способныхъ правдиво и вѣрно анализировать все происходящее вокругъ нихъ и относиться ко всему критически строго. Но вѣдь, такіе люди не всегда встрѣчаются въ числѣ присяжныхъ засѣдателей; людей же способныхъ поддаваться всякому болѣе или менѣе сильному на нихъ впечатлѣнію, какъ и вездѣ, встрѣчается гораздо больше. Такіе встрѣчаются и въ средѣ нашего такъ называемаго, интеллигентнаго класса, а что же можно сказать въ этомъ отношеніи относительно крестьянъ, или вообще простолюдиновъ. И пока у насъ не будетъ въ обществѣ людей болѣе твердыхъ въ своихъ собственныхъ выводахъ, взглядахъ и убѣжденіяхъ, до тѣхъ поръ заключительная рѣчь предсѣдательствующаго будетъ всегда замѣтнымъ образомъ вліять на вердикты присяжныхъ засѣдателей. Группировка фактовъ предсѣдательствующими, освѣщеніе ими свидѣтельскихъ показаній съ той или другой стороны, все это, сказанное такъ или иначе имѣетъ свое значеніе. Весьма, напримѣръ, важно иногда бываетъ, о какихъ свидѣтельскихъ показаніяхъ прежде или послѣ упомянетъ предсѣдательствующій на которыхъ изъ нихъ онъ остановится дольше, какъ сгруппируетъ тѣ и другіе изъ нихъ, на что обратитъ онъ преимущественное вниманіе присяжныхъ засѣдателей; надъ какимъ выраженіемъ, фразой, часто отдѣльнымъ словомъ обвиняемаго или свидѣтеля, остановится онъ болѣе и задержитъ вниманіе присяжныхъ. Кромѣ того весьма нерѣдко, многое, упущенное ими изъ вида во время судебного слѣдствія или заключительныхъ рѣчей, восстанавливается передъ ними потомъ предсѣдательствующимъ, конечно съ своей личной точки зрѣнія, становясь на которую, присяжные по неволѣ, склоняются въ пользу доводовъ предсѣдателя. А вѣдь, каждый предсѣдательствующій прежде всего человекъ, могущій легко ошибаться какъ и всѣ другіе люди, впадающіе иногда въ ошибки и противорѣчія, даже сами того не замѣчая; выяснить же эти ошибки, устранить противорѣчія или недомолвки въ рѣчи предсѣдателя, нельзя уже, потому, что эта рѣчь заключительная, и послѣ нея никакія ни возраженія, ни разъясненія сторонъ и даже самого обвиняемаго не допускаются».

«Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще о томъ, что нерѣдко заключительная рѣчь предсѣдательствующаго, можетъ быть названа цѣликомъ второю обвинительною или защитительною рѣчью, и въ такомъ случаѣ вліаніе ея на присяжныхъ засѣдателей сказывается еще сильнѣе и конечно по весьма понятной причинѣ. Винить же всегда предсѣдательствующихъ за внесеніе ими личнаго своего взгляда на дѣло въ ихъ заключительныхъ рѣчахъ, понятно, не возможно, потому что и они не застрахованы отъ присущихъ всѣмъ вообще людямъ слабостей и промаховъ. Болѣе же серьезный упрекъ въ такихъ случаяхъ нашимъ предсѣдательствующимъ, можно бываетъ сдѣлать тогда, когда они умышленно направляютъ свое резюме въ извѣстномъ смыслѣ, чтобы достигнуть такимъ путемъ не вполне благовидной и не всегда законной своей цѣли.

А нужно ли говорить, что къ сожалѣнію такіе случаи наблюдаются иногда въ нашихъ судахъ.

XXIV.

Вопросъ о снисхожденіи на судѣ присяжныхъ.

Вопросу о снисхожденіи, въ судебной практикѣ нашихъ присяжныхъ засѣдателей, приходится играть не вполне нормальную роль.

Право снисхожденія выражаетъ собою одно изъ гуманнѣйшихъ проявленій учрежденія суда присяжныхъ, а потому милостивое отношеніе суда совѣсти къ подсудимымъ, должно выражаться по духу закона, не въ огульномъ почти объявленіи чуть не всѣхъ обвиняемыхъ заслуживающими снисхожденія, а съ извѣстнымъ выборомъ, и упадать только на тѣхъ изъ нихъ, которые дѣйствительно по тѣмъ или другимъ причинамъ, заслуживаютъ сочувственнаго отношенія къ нимъ со стороны присяжныхъ. Между тѣмъ въ нашихъ судахъ, если поприсмотрѣться внимательнѣе, «снисхожденіе» присяжныхъ является чуть-ли не необходимымъ дополненіемъ къ каждому почти обвинительному приговору. При правильной постановкѣ уголовного возмездія, когда каждое преступленіе по взгляду судей совѣсти, наказывается соответствующимъ ему вполне взысканіемъ, присяжнымъ засѣдателямъ не можетъ представляться надобности прибѣгать слишкомъ часто къ дарованію подсудимымъ снисхожденій, съ цѣлію смягченія имъ наказаній, такъ какъ такого рода актъ милосердія, прежде всего долженъ представлять собою явленіе не общее, а исключительное, и вотъ почему.

Заурядные преступники, рецидивисты, лица, совершившія преступленія подъ вліяніемъ злой воли и безнравственныхъ побужденій, несомнѣнно должны быть отнесены къ категоріи такихъ лицъ, относительно которыхъ разумно сочувственное отношеніе, едва ли можетъ у кого либо возникнуть, и наоборотъ, только лица, впавшія въ преступленія подъ тяготѣніемъ неотразимыхъ причинъ матеріальнаго и нравственнаго характера, каковы, на примѣръ, крайность, нужда, голодъ, порывы страсти, душевныя потрясенія, могутъ быть причислены къ разряду тѣхъ несчастныхъ людей, по отношенію къ которымъ, снисходительный и сочувственный взглядъ присяжныхъ, слѣдуетъ считать явленіемъ вполне нормальнымъ, естественнымъ.

Между тѣмъ, какъ лица послѣдней категоріи въ общей массѣ подсудимыхъ представляютъ собою очень незначительный процентъ, судебная практика и статистическіе отчеты нашихъ окружныхъ судовъ указываютъ намъ, что даруемая присяжными засѣдателями снисхожденія подсудимымъ, въ нѣкоторыхъ судебныхъ округахъ, распространяются иногда, едва ли не на большую половину всѣхъ разсмотрѣнныхъ ими дѣлъ, при чемъ общая сумма даруемаго присяжными снисхожденія распределяется поровну между подсудимыми указанныхъ нами выше обѣихъ категорій. Относительно лицъ первой изъ нихъ, можно сдѣлать еще то замѣчаніе, что иногда, къ общему удивленію судей и публики, присяжные отмѣчаютъ своимъ снисхожденіемъ самыхъ безнравственныхъ и порочныхъ людей, такихъ

представителей самых гнусных и отвратительных побуждений, относительно которых при всем желаніи, трудно найти какой либо, сколько нибудь благовидный предлог или мотивъ для снисхожденія, а между тѣмъ присяжные къ отвѣтамъ о виновности ихъ добавляютъ: «заслуживаетъ снисхожденія».

Причина такого ненормальнаго явленія заключается въ томъ, что правомъ снисхожденія, которое, какъ извѣстно всѣмъ присяжнымъ засѣдателямъ, въ значительной степени смягчаетъ отвѣтственность подсудимыхъ по закону, они регулируютъ такъ сказать неудовлетворительныя стороны нашего уложенія о наказаніяхъ, отличающагося въ нѣкоторыхъ случаяхъ чрезмѣрною строгостью наказаній, не соответствующею иногда важности преступленій. Вслѣдствіе этого вынося обвинительныя приговоры со снисхожденіемъ очень многимъ изъ такихъ подсудимыхъ, которые, даже и по взглядамъ самихъ присяжныхъ засѣдателей, отнюдь этого снисхожденія—въ строгомъ смыслѣ слова—не заслуживаютъ, присяжные добавленіями такого рода къ отвѣтамъ своимъ на вопросъ о виновности, искусственнымъ образомъ парализируютъ чрезмѣрную по ихъ мнѣнію строгость наказанія, въ каждомъ данномъ случаѣ, и признаніемъ подсудимаго заслуживающихъ снисхожденія, обязываютъ судъ въ значительной степени смягчать отвѣтственность его по закону.

Эта ненормальность чуть не огульнаго снисхожденія, даруемаго присяжными почти всѣмъ подсудимымъ, породила въ практикѣ присяжныхъ засѣдателей другой приемъ, признанія подсудимыхъ заслуживающими «полнаго снисхожденія». По смыслу закона, установившаго одинъ только видъ снисхожденія, такая разница во внѣшнемъ его выраженіи присяжными, не имѣетъ никакого значенія, но въ нравственномъ отношеніи, согласно установившемуся въ средѣ присяжныхъ засѣдателей взгляду, даруемое ими подсудимымъ «полное снисхожденіе» выражаетъ собою то именное значеніе, которое законодатель желалъ придать снисхожденію. Впрочемъ нерѣдко и это полное снисхожденіе даруется присяжными такимъ подсудимымъ, преступленія которыхъ бываютъ гадки до нельзя, возмутительны по самому свойству своему, отвратительны по безнравственности мотивовъ. Это случается тогда, когда преступленіе является не результатомъ исключительно злой воли, а совершается въ минуты тѣхъ безысходныхъ положеній, когда человѣкъ теряетъ и совѣсть и честь, нерѣдко и самый рассудокъ. Такого рода двигателями на путь претупленія являются, между прочимъ, страсть, крайность положенія, голодъ не въ смыслѣ того что человѣку ѣсть хочется такъ какъ онъ ѣлъ мало, а голодъ самый страшный, когда человѣкъ въ теченіи нѣсколькихъ дней ничего не ѣлъ, когда онъ съ жадностью накидывается на всякую дрянь, случайно найденную имъ, когда самую смертью нѣкоторыхъ изъ такихъ лицъ бываютъ констатируемы факты, что человѣкъ умеръ отъ голодной смерти. Конечно въ подобныхъ случаяхъ снисхожденіе присяжныхъ данное, даже самому тяжкому преступнику, не будетъ противорѣчить его нравственному принципу, сочувствія къ безысходному положенію человѣка.

Укажемъ на нѣсколько практическихъ случаевъ характеризующихъ до извѣст-

ной степени тѣ внутренніе не всегда вѣрные мотивы присяжныхъ, которые вызываютъ въ нихъ потребность выразить подсудимому снисхожденіе.

Молодая 22-хъ лѣтняя крестьянка, выданная за мужъ насильно за нелюбимаго человѣка, чтобы отдѣлаться отъ него, ударила его ночью ножомъ въ животъ, чтобы убить, но только поранила его слегка потому, что по ея словамъ у нея затряслись руки.

Преступленіе это совершено было ею въ раздраженномъ состояніи, вслѣдствіе требованія отъ нея со стороны мужа супружескихъ ласкъ, къ которымъ она чувствовала отвращеніе.

Присяжные признали подсудимую виновною въ покушеніи на убійство мужа, но дали ей снисхожденіе. Мотивомъ этого снисхожденія со стороны присяжныхъ, состоявшихъ изъ простолюдиновъ, было то, что «дѣло, слава Богу, обошлось, только она маленько ему брюхо пропорола».

Такой предлогъ къ снисхожденію едвали можно признать правильнымъ, такъ какъ снисхожденіе это, было вызвано не естественнымъ сочувствіемъ, которое должно было возникнуть въ душѣ присяжныхъ къ личности несчастной подсудимой, а соображеніями совершенно сторонними, независѣвшими ни отъ ея воли, ни намѣреній, ни самой личности ея.

Укажемъ на другой случай.

Подсудимый изнасиловалъ молодую дѣвушку. Прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи, доказывая безнравственность и серьезность преступленія подсудимаго между прочимъ, объяснилъ присяжнымъ, что послѣдствія этого рода преступленій для потерпѣвшихъ женщинъ и дѣвушекъ, бываютъ иногда ужасны, такъ какъ изнасилованія могутъ повлечь за собою, столь тяжелую для женщины, а тѣмъ болѣе для дѣвушки внѣбрачную беременность, а иногда при сильномъ нравственномъ потрясеніи потерпѣвшей и самую смерть ея.

Присяжные, выслушавъ со вниманіемъ прокурора, обвинили подсудимаго, но признали его заслуживающимъ снисхожденія; тогда какъ по обстановкѣ его преступленія, по приемамъ, которыми сопровождалось его насиліе надъ дѣвушкой, онъ внушалъ къ себѣ полное негодованіе.

— Скажите пожалуйста, за какія это благодати вы этому сорванцу и негодяю дали снисхожденіе, спросилъ кто-то изъ публики старшину присяжныхъ, на этотъ разъ какого-то чиновника, слѣдовательно все же человѣка, нѣсколько образованнаго.

— Да ужъ такъ порѣшили мы, отвѣчалъ онъ, потому помереть она, слава Богу, не померла, да и въ тяжеломъ положеніи не осталась, такъ за что ужъ очень-то на человѣка скидываться.

Нельзя не сказать, что въ такомъ снисхожденіи логики и смысла было уже очень не много.

Изъ одного уѣзднаго города намъ сообщаютъ, что однажды присяжные дали снисхожденіе отчаянному и извѣстному на всю окрестность вору, который обокралъ амбаръ богатаго помѣщика. Въ данномъ случаѣ мотивомъ снисхожденія, было то, что воръ попользовался добромъ «богатаго» человѣка, и значить, «боль-

шой обиды ему не сдѣлалъ», а еслибы такое дѣло онъ сотворилъ надъ бѣднымъ человѣкомъ, то никакого милосердія, присяжные ему не оказали бы.

Здѣсь можно указать на нѣкоторую только логику, хотя тоже довольно своеобразную.

На оборотъ, однажды, присяжные крестьяне вынесли обвинительный приговоръ, безъ снисхожденія, молодому мальчику, лѣтъ 18, сыну чиновника, совершившему незначительную кражу при самыхъ извинительныхъ для него обстоятельствахъ. Всѣ ожидали, что присяжные его оправдаютъ совѣмъ, а они не дали ему даже снисхожденія.

Когда въ публикѣ послѣ того возникли разговоры, почему присяжные такъ строго отнеслись къ юношѣ, то нѣкоторые изъ нихъ высказались, что вопросъ о снисхожденіи былъ ими возбужденъ при совѣщаніяхъ, но большинствомъ голосовъ они отклонили его изъ того предположенія, что какъ бы «паничъ, дворянской крови, не заbidѣлся, что отъ мужиковъ ему милость произошла».

Говоря о снисхожденіи, слѣдуетъ указать на то, что иногда присяжнымъ къ крайнему изумленію своему приходится узнавать, что даруемое ими подсудимымъ снисхожденіе обращается имъ во вредъ, не только что не уменьшая, но напротивъ увеличивая слѣдующее имъ наказаніе. Такъ напримѣръ, при обвиненіи въ преступленіяхъ, нормальное наказаніе которыхъ опредѣляется 4 и 5 степенями статьи 31 Уложенія о наказаніяхъ, за признаніемъ ихъ присяжными заслуживающими снисхожденія, наказаніе при переходѣ отъ 5 степени, ст. 31 Уложенія къ 1 степени ст. 33, не только что не уменьшается въ срокъ заключенія, но иногда даже и увеличивается. Многіе изъ подсудимыхъ хорошо знаютъ эти тонкости нашего уложенія, а потому при обвиненіи ихъ въ соответствующихъ преступленіяхъ, обращаются къ присяжнымъ съ покорнѣйшею просьбою, если они хотятъ быть къ нимъ милостивыми, то не давать имъ снисхожденія, «потому что отъ этого самого снисхожденія, примѣрно сказать, тоже не охота четыре лишнихъ мѣсяца отсидки отбывать».

А это дѣйствительно вѣрно.

Съ другой стороны не рѣдки случаи, что подсудимые просятъ присяжныхъ не давать имъ снисхожденія изъ прямого желанія, подвергнуться болѣе строгому наказанію нежели то, которое имъ будетъ слѣдовать при снисхожденіи. Случается это тогда, когда подсудимые болѣе строгое по уложенію наказаніе, считаютъ, напротивъ, для себя болѣе легкимъ. Такъ напримѣръ, ссылка въ Сибирь на поселеніе, хотя и принадлежитъ по уложенію къ числу наказаній уголовныхъ, но предпочитается многими простолюдинами по причинамъ, о которыхъ мы уже говорили выше, продолжительному заключенію въ арестантскихъ отдѣленіяхъ; отъ этого подсудимые съ большою охотою подчиняются нерѣдко приговору о ссылкѣ ихъ въ Сибирь на поселеніе, которая при снисхожденіи со стороны присяжныхъ по порядку степеней переходитъ къ высшимъ срокамъ заключенія въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, каковое наказаніе, хотя и относится уже къ наказаніямъ исправительнымъ и слѣдовательно болѣе мягкимъ, но многими подсудимыми считается болѣе тяжелымъ и худшимъ нежели ссылка на поселеніе.

Въ замѣткахъ и наблюденіяхъ одного присяжнаго засѣдателя, мы читаемъ описаніе того, какъ одинъ молодой человѣкъ, будучи преданъ суду за третью кражу, просилъ обвинить его безъ снисхожденія для того, чтобы быть сосланнымъ въ Сибирь, такъ какъ по случаю прежней его судимости, онъ нигдѣ не могъ найти себѣ прочнаго и хорошаго мѣста.

— А между тѣмъ кормиться и жить чѣмъ нибудь надо, объяснялъ онъ на судѣ, и вотъ убѣдившись, что я не жилецъ уже въ здѣшнемъ обществѣ, я познакомился съ настоящими ворами для того, чтобы при помощи ихъ совершить такую кражу, за которую ссылаютъ въ Сибирь на поселеніе. Въ Сибири продолжалъ онъ жить люди не хуже здѣшняго, тамъ я буду человѣкомъ новымъ, могу жениться, устроиться, завестись своимъ хозяйствомъ.

Въ заключеніе подсудимый заявилъ, что ежели присяжные дадутъ ему снисхожденіе, то онъ не попадетъ въ Сибирь, а только отсидитъ гдѣ нибудь свой срокъ, но въ такомъ случаѣ, добавилъ онъ, по выходѣ изъ заключенія, я совершу еще болѣе тяжкое преступленіе, для того, чтобы достигнуть все таки своего, и быть непременно сосланнымъ на поселеніе.

Присяжные исполнили слезную просьбу подсудимаго, обвинили его безъ снисхожденія и судъ приговорилъ его къ ссылкѣ въ Сибирь.

Самою искреннею благодарностію присяжнымъ и судьямъ встрѣтилъ подсудимый этотъ суровый по желанный для него приговоръ.

Укажемъ еще на случаи, по мнѣнію нашему крайне ненормальные, когда даруемое присяжными подсудимымъ снисхожденіе, остается одною только мертвою буквою закона, когда присяжные ставятся въ то неловкое положеніе, что провозглашая подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія, они въ тоже время сознаютъ, что это снисхожденіе никакого облегченія подсудимому въ его положеніи не принесетъ. Случаи эти на практикѣ встрѣчаются тогда, когда за извѣстное преступленіе, полагается какое либо специальное наказаніе не входящее въ общую систему ихъ, и слѣдовательно стоящее внѣ тѣхъ условій, при наличности которыхъ, судьи имѣютъ возможность переходить отъ болѣе строгой степени наказанія къ меньшей. Такъ, на примѣръ, за скопчество подсудимые ссылаются специально въ Восточную Сибирь. Къ такому наказанію безъ всякихъ измѣненій и смягченій, присуждаются они и въ томъ случаѣ, если присяжные, которыхъ либо изъ нихъ, признаютъ заслуживающими снисхожденія.

Если право снисхожденія, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ собою весьма существенное право, въ значительной степени облегчающее во многомъ тяжелыя послѣдствія уголовныхъ наказаній для подсудимыхъ, то несомнѣнно его слѣдовало бы обставить такими условіями, чтобы оно никогда не профанировалось на судѣ одною только формальною, но безсодержательною стороною своею. Лучше прямо установить и указать закономъ тѣ случаи, когда присяжные не могутъ объявлять подсудимыхъ заслуживающими снисхожденія, нежели безусловно оставлять за ними это право, во всѣхъ случаяхъ, а между тѣмъ, по нѣкоторымъ обвиненіямъ, сводить его къ фикціи.

Въ правѣ дарованія снисхожденія присутствующая въ судебныхъ засѣданіяхъ

публика научается познавать и цѣнить тѣ нравственныя начала суда, которыми даже на скамьѣ подсудимыхъ, отгѣняются люди дѣйствительно несчастные и менѣе испорченные, отъ настоящихъ преступниковъ, людей безусловнаго зла и порока. По этому въ воспитательныхъ даже цѣляхъ, по отношенію къ массѣ народа, желательнo было бы, устранять всѣ тѣ причины, которыя въ средѣ его могутъ развивать убѣжденіе, что снисхожденіе присяжныхъ «не велика корысть», какъ теперь нѣкоторые изъ подсудимыхъ уже отзываются, тогда какъ въ дѣйствительности право, снисхожденія—слишкомъ большое право. Не нужно забывать, что 20-лѣтняя каторжная работа въ рудникахъ, при дарованіи подсудимому снисхожденія, низводится по закону нерѣдко до 10 лѣтъ, а это ли не существенное облегченіе въ его положеніи.

Закончимъ настоящую главу указаніями на то, въ какой степени стороны т. е. обвинители и защитники злоупотребляютъ этимъ правомъ присяжныхъ, и нерѣдко заводятъ о немъ рѣчь исключительно лишь для достиженія въ дѣлѣ, своихъ личныхъ видовъ и цѣлей.

Одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей совершенно основательно замѣтилъ, что когда защитникамъ говорить бываетъ уже нечего и защищать какого нибудь отъявленнаго злодѣя рѣшительно нельзя, то вся защитительная рѣчь во имя челоувѣколюбія сводится только къ тому, чтобъ присяжные дали подсудимому снисхожденіе—такому иногда экземпляру, къ которому и самъ защитникъ чувствуетъ одно только презрѣніе и полное негодованіе.

«Къ чему усвоили себѣ защитники такую манеру, говорить этотъ присяжный засѣдатель, умѣстно ли выпрашивать снисхожденіе каждому негодю, чуть чуть не вынуждать къ тому присяжныхъ засѣдателей, когда нравственное значеніе этого права ихъ, получаетъ свой истинный смыслъ въ томъ только случаѣ, если мысль о дарованіи снисхожденія возражается непосредственно въ средѣ самихъ присяжныхъ, безъ чьихъ либо внѣшнихъ къ тому наталкиваній, и является послѣдствіемъ дѣйствительно сочувственнаго отношенія ихъ къ личности подсудимаго».

Снисхожденіе, замѣтимъ мы, нельзя приурочивать къ какой-то безразличной подачкѣ, путемъ которой всякій безсовѣстный субъектъ, думаетъ только, хотъ что нибудь сорвать съ присяжныхъ въ свою пользу. Это слишкомъ серьезное и многозначительное право ихъ для того, чтобы можно было злоупотреблять имъ, раздавая его зря на право и на лѣво...

Нѣкоторые изъ нашихъ обвинителей, къ сожалѣнію, научились тоже, снисхожденіе присяжныхъ, эксплуатировать извѣстнымъ практическимъ приѣмомъ въ свою пользу, т. е. въ цѣляхъ обвиненія, и вотъ какимъ образомъ.

Кому не случалось наблюдать, напримѣръ, въ судахъ такого рода явленіе. Представитель обвинительной власти сознаетъ, что присяжные готовы склониться къ оправданію подсудимаго не потому, что онъ не виноватъ, но потому, что ихъ тяготитъ мысль, о слишкомъ строгомъ наказаніи, которому онъ долженъ подвергнуться за признаніемъ его виновнымъ. Между тѣмъ товарищу прокурора, во что бы то ни стало желается достигнуть обвиненія, и вотъ онъ употребляетъ такой

пріемъ: высказавъ противу подсудимаго всё улики къ обвиненію его, представитель обвинительной власти, заводитъ рѣчь о томъ, что подсудимый все же не настолько испорченный человѣкъ, чтобы не заслуживалъ и снисхожденія и такимъ вполне человѣчнымъ отношеніемъ къ его личности тотчасъ же обращаетъ мнѣнія присяжныхъ въ свою пользу. Присяжные ему начинаютъ вѣрить, а товарищъ прокурора, развивая передъ ними вопросъ о снисхожденіи, не скупится на убѣжденія въ родѣ того, что это снисхожденіе присяжныхъ въ весьма значительной степени смягчитъ виновность подсудимаго, и что онъ при такомъ добавленіи къ отвѣту ихъ о виновности его, подвергнется самому незначительному наказанію.

Неопытные присяжные нерѣдко поддаются такому миражу обвинительной рѣчи, отъ искреннаго сердца вѣрятъ словамъ обвинителя, оставляютъ въ сторонѣ возникшую было между ними мысль объ оправданіи подсудимаго, выносятъ ему обвинительный приговоръ со снисхожденіемъ, и не рѣдко жестоко ошибаются. Такимъ образомъ, одинъ изъ представителей обвинительной власти, обвиняя подсудимаго въ кражѣ со взломомъ, при относительно весьма слабыхъ уликахъ, убѣдилъ присяжныхъ, что если они дадутъ ему снисхожденіе, то подсудимый будетъ наказанъ не очень строго: подвергнется крайне небольшому взысканію. Простодушные присяжные повѣрили ему, и въ результатѣ подсудимый все таки былъ приговоренъ судомъ къ отдачѣ въ арестантскія отдѣленія, на 1½ года съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ.

Присяжный засѣдатель, сообщившій намъ объ этомъ случаѣ, между прочимъ пишетъ: «мы товарищу прокурора повѣрили, какъ доброму человѣку, а онъ по мнѣнію нашему, отнесся къ намъ крайне легкомысленно, чтобы не сказать болѣе, и ужъ копечно, несообразно своему долгу и званію. Зачѣмъ было вводить насъ въ заблужденіе, относительно «крайне небольшого взысканія». Развѣ 1½ года заключенія въ арестантскомъ отдѣленіи, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ, можно называть незначительнымъ наказаніемъ, въ особенностяхъ для бѣднаго крестьянина семьянина. А мы изъ за товарища прокурора, взяли на себя передъ подсудимымъ большой грѣхъ на душу, повѣривъ обвинителю, какъ лицу официальному и думая, что подсудимый за свой проступокъ, и въ самомъ дѣлѣ, посидитъ не больше мѣсяца. Обидно было намъ, заканчиваетъ онъ, очень обидно, что прокуроръ насъ обошелъ такимъ неправильнымъ путемъ, а впрочемъ, кому же послѣ этого и вѣрить, если не вѣрить прокурору представителю правды и закона?»

Съ грустью приходится сознаться, что въ этихъ словахъ присяжнаго, заключается много правды.

XXV.

Обвинительныя рѣчи и ихъ значеніе.

Положеніе обвинительной власти въ уголовномъ процессѣ представляется настолько важнымъ и существеннымъ по своему значенію, послѣдствіямъ и вліянію

на присяжныхъ засѣдателяхъ, что по этому поводу можно высказать много весьма серьезныхъ замѣчаній, выработавшихся судебною практикой. Но прежде нежели приступать къ характеристикѣ съ этой стороны дѣятельности обвинительной власти, передъ судомъ присяжныхъ, намъ казалось бы не лишнимъ, предпослать общій взглядъ на то, каковыми въ дѣйствительности представляются у насъ органы обвинительной власти, какія лица являются у насъ въ отвѣтственной передъ обществомъ роли публичныхъ обвинителей, и не существуетъ ли въ дѣйствительности причинъ, по которымъ можно было бы сказать, что многіе изъ нашихъ обвинителей, далеко не удовлетворяютъ своему назначенію, не вслѣдствіе ихъ личныхъ не знаній и неумѣнія «убѣждать» присяжныхъ, о чемъ ближе всего можетъ быть извѣстно тому непосредственному начальству, которое представляетъ имъ, эти отвѣтственные мѣста, а по другимъ, такъ сказать болѣе общимъ причинамъ, которыя имѣютъ соотношеніе къ большинству лицъ прокурорскаго надзора, а не къ отдѣльнымъ его представителямъ.

Начнемъ съ слѣдующаго эпизода.

Въ засѣданіи провинціального окружнаго суда, по дѣлу объ убійствѣ, крайне молодой представитель обвинительной власти, произнесъ передъ присяжными весьма обширную, страстную, горячую до нервности рѣчь.

Когда присяжные засѣдатели удалились въ свою совѣщательную комнату, то старшина, какъ человѣкъ уже пожилой изъ образованной среды общества, видя что рѣчь прокурора произвела на нѣкоторыхъ изъ его сотоварищей присяжныхъ, крайне сильное впечатлѣніе, и что въ противовѣсъ ей, не было сказано никакой защитительной рѣчи, такъ какъ подсудимый защитника не имѣлъ, нашелъ умѣстнымъ, тотчасъ же по входѣ въ комнату совѣщаній, предварить присяжныхъ, чтобы они изъ рѣчи прокурора упомяли бы прежде всего подробную картину обстановки преступленія, которую онъ предъ ними нарисовалъ съ пунктуальною вѣрностію, но чтобы затѣмъ они, какъ можно строже отнеслись бы къ его выводамъ и взглядамъ, которые онъ предъ ними развивалъ потому, что въ нихъ прежде всего выразились, увлеченіе молодости, крайняя скорость въ выводахъ и недостаточная осмотрительность прокурора въ своихъ умозаключеніяхъ не какъ органа обвинительной власти, а просто какъ человѣка еще юнаго въ жизни, и потому не опытнаго. Мы не будемъ входить въ обсужденіе и оцѣнку того, на сколько такое предвареніе старшиною присяжныхъ товарищей своихъ относительно тѣхъ или другихъ качествъ товарища прокурора, было умѣстно и законно, какъ равноправнаго со всѣми другими присяжнаго засѣдателя, и лица, во всякомъ случаѣ не уполномоченнаго закономъ, къ такого рода оцѣнкѣ и характеристикѣ представителя обвиненія, но мы не можемъ не сознаться, въ полной основательности такого замѣчанія старшины присяжныхъ, со стороны его внутренней принципиальной правды, и эту внутреннюю правду, какъ намъ извѣстно, во многихъ случаяхъ раздѣляютъ вполне, не только представители общества частные люди, но даже и многія лица судебного вѣдомства.

Само министерство юстиціи въ одномъ изъ своихъ общихъ циркуляровъ за послѣднія пять лѣтъ, проводило ту мысль, что многимъ лицамъ прокурорскаго

надзора по ихъ относительной молодости, судебной и житейской неопытности нельзя предоставлять вполне самостоятельную работу прокурора, и что по отношенію къ нимъ представляется безусловно необходимымъ постоянное руководство ихъ болѣе опытными и солидными представителями прокуратуры.

Такимъ образомъ министерство юстиціи признало необходимымъ, чтобы въ наиболѣе отдаленные участки, которые по бойкости центра, количеству возникающихъ тамъ дѣлъ, или по другимъ причинамъ требуютъ особенной осмотрительности, опытности и распорядительности, назначались бы преимущественно старѣйшіе и слѣдовательно болѣе выдержанные товарищи прокурора, а не молодые, только что вступающіе на это поприще, которымъ въ видѣ предварительной подготовки, предписано ввѣрять болѣе легкіе участки, ближайшіе къ мѣсту пребыванію прокурора окружнаго суда, гдѣ дѣятельность ихъ была бы всегда на виду у послѣднихъ.

По этому поводу мы выскажемся въ томъ смыслѣ, что указанныя выше соображенія министерства, требуютъ по нашему мнѣнію безусловнаго обобщенія и примѣненія ихъ почти ко всѣмъ, безъ исключенія, лицамъ прокурорскаго надзора, такъ какъ несомнѣнный результатъ практики и опыта нашихъ окружныхъ судовъ указалъ на то, что для дѣятельности товарища прокурора вообще недостаточно одного только высшаго юридическаго образованія и предшествовавшей передъ тѣмъ небольшой судебной практики, но что многочисленныя обязанности лицъ прокурорскаго надзора, и обширныя права, предоставленныя имъ закономъ, могутъ быть безъ ущерба для дѣла ввѣряемы только такимъ лицамъ, которыя кромѣ обстоятельнаго знакомства съ судебными уставами и духомъ судебной реформы, успѣли уже выработать въ себѣ извѣстный житейскій тактъ, достаточную выдержанность характера, осторожность въ своихъ сужденіяхъ и умѣнье ориентироваться иногда въ тѣхъ или другихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Только наличность этихъ условій можетъ, по мнѣнію нашему, гарантировать лицу, вступающему на поприще прокуратуры, успѣшное, съ пользою для дѣла, выполненіе имъ принимаемыхъ на себя обязанностей.

Между тѣмъ, въ массѣ представителей обвинительной власти, мы весьма часто наталкиваемся на молодыхъ людей, такъ называемыхъ, «юнцовъ», очень незадолго передъ тѣмъ сошедшихъ съ учебной скамьи, у которыхъ ни опыта, ни практики, ни выработки характера еще нѣтъ, и быть не можетъ, а о самообладаніи—качествѣ, столь необходимомъ для каждаго лица прокурорскаго надзора, и говорить нечего. Казалось-бы, что столь молодымъ представителямъ юстиціи, не слѣдовало-бы предоставлять исполненіе такихъ серьезныхъ обязанностей, каковыми должны быть признаны обязанности обвинительной власти на судѣ, отъ правильнаго и законнаго выполненія и осуществленія которыхъ, зависить нерѣдко свобода, честь и доброе имя многихъ обвиняемыхъ.

Молодой возрастъ до 25 лѣтъ, а иногда и свыше того, смотря по индивидуальнымъ особенностямъ каждаго отдѣльнаго лица, и по степени установившейся въ немъ во взглядахъ его на жизнь положительности, несомнѣнно способенъ и склоненъ къ увлеченіямъ, и къ увлеченіямъ тѣмъ болѣе опаснымъ,

что права прокурорскаго надзора вообще слишкомъ «обширны», что этотъ надзоръ во многихъ фазисахъ своей дѣятельности бываетъ неуязвимъ, такъ какъ отвѣтственность его за упущенія передъ закономъ, обуславливается весьма существенными гарантіями его личности.

Для молодыхъ и юныхъ товарищей прокурора, эта возможность увлеченія представляется тѣмъ еще болѣе вѣроятною, что достигнувъ относительно чрезвычайно легко и безъ особеннаго труда, весьма солиднаго положенія представителя обвинительной власти, они этимъ самымъ направляются на путь ложнаго самообольщенія, а поставленные службою куда нибудь въ провинціальный уѣздный городъ, и сознавая свое официальное «нѣчто», что-то въ родѣ преимущества передъ другими окружающими ихъ должностными лицами, которыя подчасъ, въ припадкахъ излишней угодливости, а иногда и по другимъ болѣе предосудительнымъ причинамъ, начинаютъ кидать юному прокурору, они, эти юные представители прокуратуры, все болѣе и болѣе запутываются въ сознаніи о своемъ значеніи и общественной роли, и въ такихъ случаяхъ шансы къ служебнымъ излишествамъ и увлеченіямъ ихъ, могутъ переходить у нихъ даже за предѣлы терпимости.

Въ подтвержденіе нашихъ словъ, мы можемъ указать на извѣстный фактъ, въ свое время переданный въ газетахъ, относительно одного провинціальнаго товарища прокурора, молодаго еще человѣка, который дозволилъ себѣ такой поступокъ съ одной мѣстной дамой, который справедливо вызвалъ противу него со стороны общества цѣлую бурю негодованія.

И что-же, когда дѣло пришло къ развязкѣ, этотъ товарищъ прокурора нашелъ болѣе всего умѣстнымъ, неблаговидность своего необдуманнаго и легкомысленнаго поступка, оправдать возможностью увлеченія, «столь понятнаго и естественнаго въ его молодомъ возрастѣ». Оправданіе это вышло нѣсколько оригинальнымъ по своей крайней, если можно такъ выразиться институтской наивности, но нельзя сказать, чтобы оно не имѣло нѣкоторой доли основанія.

Не угодно-ли заглянуть въ любой провинціальный городъ, гдѣ въ качествѣ товарищей прокурора, фигурируютъ слишкомъ молодые представители юстиціи. Повидимому, они не знаютъ предѣловъ своему значенію, въ обществѣ держатъ себя свысока, и по мѣткому выраженію одной провинціальной барыни, считаютъ себя не простыми смертными, а чуть-чуть не полубогами.

Если всякое увлеченіе вообще, признается за такое явленіе, при которомъ разсудокъ дѣйствуетъ не единолично, а подъ влияніемъ того или другаго напряженія страсти, то понятно, что всякое увлеченіе представителя обвинительной власти, можетъ имѣть иногда весьма гибельныя послѣдствія.

Укажемъ, напримѣръ, хоть на публичныя обвиненія въ уѣздныхъ захоlustяхъ.

Когда судебная реформа, войдетъ, такъ сказать, уже въ плоть и въ кровь народа, сдѣлается осмысленнымъ достояніемъ его, когда вся масса простолюдиновъ, достаточно ознакомится съ правами на судъ, какъ представителя обвинительной власти, такъ равно и защиты, когда, наконецъ, присяжные засѣдатели въ состояніи будутъ не поддаваться уже обаянію и увлеченію мундира прави-

тельственаго лица, передъ фракомъ, сюртукомъ, а иногда и зипуномъ адвоката, вырваннаго подчасъ случайною сметкою изъ ихъ же собственной среды, тогда увлеченія товарища прокурора въ своихъ обвиненіяхъ будутъ всегда имѣть должный противовѣсъ, а до наступленія этого желаемаго момента, натяжки въ обвиненіяхъ, порождаемыя иногда вопросомъ личнаго честолюбія молодаго товарища прокурора, могутъ иногда отзываться крайне неблагопріятно на участи подсудимыхъ.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ провинціи, присяжные засѣдатели весьма часто уходятъ въ совѣщательную комнату, подъ впечатлѣніемъ того, что говорилъ имъ одинъ товарищъ прокурора, такъ какъ защитники, сколько нибудь спосные, бывають въ провинціи очень рѣдки, а присяжные повѣренныя являются солидными оппонентами обвинителей на уѣздныхъ сессіяхъ въ исключительныхъ только случаяхъ.

Резюмируя такимъ образомъ все вышеизложенное, мы выскажемъ и другое заключеніе, что должность товарища прокурора окружнаго суда, на сколько она выяснилась уже въ дѣятельности нашей обвинительной власти, представляется отнюдь не менѣе серьезною, нежели должность члена суда, а между тѣмъ, какъ доступъ въ члены суда представляется далеко не легкимъ, и рѣшительно не доступенъ для слишкомъ молодыхъ юристовъ, на должности товарища прокурора весьма часто назначаются слишкомъ молодыя лица, служебная карьера которыхъ считается лишь нѣсколькими годами.

А всякая ошибка, допущенная членомъ суда, никогда не будетъ и не можетъ имѣть особенно дурныхъ послѣдствій, ибо судъ дѣйствуетъ не единолично, а коллегіально; и слѣдовательно ошибка одного лица, всегда можетъ быть своевременно замѣчена и исправлена другими.

Въ совершенно иномъ положеніи, находятся лица прокурорскаго надзора, ошибки которыхъ, хотя бы напимѣръ, въ смыслѣ излишества, чрезмѣрности и страстности обвиненій, могутъ повлечь за собою часто тяжелыя послѣдствія, для подсудимыхъ въ тѣхъ весьма возможныхъ случаяхъ, когда присяжные засѣдатели поддадутся чрезмѣрно обаянію обвинителя и когда къ тому же въ средѣ ихъ не найдется человѣка, который сумѣлъ бы во время отрезвить своихъ товарищей, отъ всякихъ увлеченій рѣчью и доводами прокурора.

Такого рода излишества обвинителей, несомнѣнно представляютъ собою извѣстныя нравственныя ошибки ихъ, которыя впрочемъ не могутъ быть констатированы, какимъ либо внѣшнимъ осязательнымъ образомъ, такъ какъ уловить ихъ въ какой либо реальной формѣ, нѣтъ никакой возможности, почему такія ошибки и представляются еще болѣе опасными.

Коснувшись непосредственно обвинительныхъ рѣчей, остановимся нѣсколько на значеніи ихъ и на той характеристикѣ, которую создали имъ наши обвинители.

По смыслу закона, представитель прокурорскаго надзора въ обвинительной рѣчи своей на основаніи данныхъ, судебного слѣдствія, обязанъ въ опредѣленной, удобопонятной формѣ, изложить существенныя обстоятельства дѣла, доводы къ обвиненію подсудимаго и свои заключительныя по этимъ предметамъ выводы, при

чемъ будетъ ли эта рѣчь произведеніемъ ораторскаго искусства, или же по внѣшней формѣ своей, она не представитъ никакихъ особенныхъ отличій отъ обыкновенной разговорной рѣчи, въ глазахъ закона, это все равно, были бы только въ рѣчи толкъ и система, была бы она понятна тѣмъ, для кого главнымъ образомъ предназначается, и удовлетворяла бы вполне указаннымъ выше требованіямъ закона.

• Что же мы въ дѣйствительности видимъ на самомъ дѣлѣ. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ, наши по преимуществу молодые обвинители, въ своихъ обвинительныхъ рѣчахъ, искушаютъ себя словопреніями, громкими фразами, разнаго рода нравоченіями, произвольными толкованіями и въ стремленіяхъ изобразить изъ себя патентованныхъ ораторовъ, бьютъ на одинъ только эффектъ, извращаютъ самый смыслъ и значеніе обвинительныхъ рѣчей, и по справедливому замѣчанію одного присяжнаго засѣдателя, изощряются только въ «изяществѣ діалектики».

Въ болѣе только рѣдкихъ случаяхъ, приходится выслушивать дѣйствительно дѣловыя рѣчи обвинителей, которыя обыкновенно и выпадаютъ на долю солиднѣйшихъ представителей прокуратуры.

Одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей относительно обвинительныхъ рѣчей прокуроровъ пишетъ намъ слѣдующее: «мнѣ приходилось исполнять долгъ присяжнаго засѣдателя много разъ, въ разныхъ мѣстахъ, много слышалъ и видѣлъ я прокуроровъ, и признаюсь, относительно большинства ихъ, по совѣсти говоря, составилъ себѣ далеко не выгодное мнѣніе. Иной забывая всякія чувства приличія, беспощадно глумится надъ подсудимымъ, чело­вѣка, котораго присяжные можетъ быть выпустятъ еще изъ суда съ честнымъ именемъ, преждевременно называетъ воромъ и убійцей. Есть такіе, которые только рисуютъ своими обвинительными рѣчами, о существѣ дѣла не думаютъ, къ судебному слѣдствію относятся кое какъ, свидѣтелей почти не допрашиваютъ, не выясняютъ факта какъ слѣдуетъ, и только ждуть желанной минуты своего говоренья, а ужъ говорить то начнутъ,—чего чего не наслушаешься. Присяжные, положимъ, сидятъ народъ все простой, а прокуроръ такими словами свою рѣчь уснащаетъ, что половина ея остается для нихъ недоступною. Опять же манера обращенія къ присяжнымъ. Иные прокуроры чуть не приказываютъ, какъ рѣшать дѣла, ну конечно, какъ присяжные неопытные, ослушаться и побоятся, а другіе поумнѣе послушаютъ такія строгости да мимо ушей и пропустятъ. И къ чему прибѣгать къ такимъ приемамъ, точно забываютъ прокуроры, что они той же правдѣ служатъ, которой и мы присяжные присягали. Ну конечно, есть прокуроры и основательные. Они свою всю строгость наружу выложить, на то они и прокуроры, а къ присяжнымъ и самому подсудимому, относятся какъ слѣдуетъ; говорятъ они складно, и просто, говорятъ такъ, что ихъ рѣчь всякій пойметъ, съ правдой они не расходятся, лишняго не накидываютъ, вотъ такихъ бы прокуроровъ намъ по больше».

Кто не согласится съ тѣмъ, что въ этихъ словахъ присяжнаго засѣдателя очень много правды, а въ подтвержденіе ихъ укажемъ и съ своей стороны на

нѣсколько фактовъ, случаевъ и эпизодовъ изъ практики нашихъ судебныхъ разбирательствъ.

Наши молодые товарищи прокуроровъ, очень нерѣдко допускаютъ въ дѣйствіяхъ рядъ такихъ безтактностей, которыя справедливо изоблачаютъ ихъ невыдержанность и неумѣлое отношеніе къ исполненію своего долга. Укажемъ напримѣръ на такой случай.

По одному довольно извѣстному и громкому дѣлу о молодой подсудимой, замужней женщинѣ, особы изъ высшей интеллигентной среды, чрезвычайно представительной собою, и обвинявшейся въ участіи по отравленію своего мужа, представитель обвинительной власти, увлекшись крайнимъ желаніемъ, во что бы то ни стало доказать, легкость поведенія ея, во время пребыванія на водахъ, безпрестанно предлагалъ во время судебного слѣдствія свидѣтелямъ вопросы о томъ, каталась ли подсудимая на водахъ съ посторонними мужчинами, какъ она купалась въ морѣ, въ костюмѣ, или безъ костюма, и не интересовалась ли тѣмъ, чтобы мужчины смотрѣли на нее въ это время въ бинокли.

Вопросы эти съ разными выводами и варіаціями прокурора, переполняли всю его обвинительную рѣчь, несмотря на то, что къ существу дѣла никакого соотношенія они не имѣли, а потому присутствовавшая въ судѣ публика, да и сами присяжные засѣдатели, были крайне возмущены такими приѣмами прокурора, такъ какъ, не имѣя несомнѣнныхъ данныхъ къ обвиненію подсудимой, онъ еще мѣше того имѣлъ право, инсинуировать на судѣ чувства женской стыдливости подсудимой, принадлежавшей по своему воспитанію къ порядочному кругу общества.

Въ другомъ случаѣ, товарищъ прокурора, будучи недоволенъ тѣмъ, что присяжные засѣдатели оправдали двухъ подсудимыхъ въ кражѣ, которыхъ онъ обвинялъ, въ своей обвинительной рѣчи, по третьему дѣлу, сталъ упрекать ихъ въ потворствѣ преступникамъ, въ выдачѣ ворами патентовъ на усовершенствованіе въ кражахъ, и наконецъ, въ концѣ своей обвинительной рѣчи, выразилъ составу присутствія присяжныхъ отъ души свое желаніе, чтобы они испытали или ощутили когда нибудь на себѣ послѣдствія того преступленія, по которому они вынесли передъ тѣмъ подсудимымъ оправдательные вердикты.

Конечно, предсѣдательствующій немедленно же прервалъ рѣчь обвинителя, но блиставшія полнымъ отсутствіемъ такта слова, были уже публично сказаны, обращены незаслуженнымъ и оскорбительнымъ упрекомъ цѣлому присутствію присяжныхъ, и конечно, возмутили въ высшей степени нравственное чувство ихъ.

Какой, спрашивается смыслъ могутъ имѣть такіе приемы обвинителей, и не могутъ ли они иногда, при болѣе шаткомъ составѣ присяжныхъ засѣдателей, не отличающихся достаточною твердостью, во взглядахъ на обязанности свои передъ обществомъ, служить прямо противоположно цѣлямъ обвиненія.

Подобный же упрекъ обращенъ былъ къ присяжнымъ засѣдателямъ другимъ товарищемъ прокурора, который выразился впрочемъ нѣсколько мягче.

Обвиняя 17-лѣтняго воришку въ кражѣ, онъ сказалъ, обращаясь къ присяжнымъ: «этотъ мальчишка воръ, мошенникъ, онъ завтра же обокрадетъ каждого изъ присяжныхъ засѣдателей, въ благодарность за оказанное ему снисхожденіе».

Наконецъ, укажемъ еще на одинъ случай, когда представитель обвинительной власти, въ заключительномъ своемъ обращеніи къ присяжнымъ, выразился, что ежели они оправдаютъ подсудимаго, то поступить противу закона гражданскаго, докажутъ, что у нихъ нѣтъ здраваго пониманія вещей и.... что хотѣлъ сказать еще товарищъ прокурора, не извѣстно, потому что предсѣдатель суда успѣлъ во время прервать его рѣчь.

Чего думаютъ достигнуть такими приемами въ обвинительныхъ рѣчахъ наши обвинители. Въ порывахъ своихъ ретивыхъ увлеченій, забывая чувства приличія, они несомнѣнно вредятъ только дѣлу, и рядомъ такихъ поступковъ роняютъ свое достоинство.

Нельзя сказать, чтобы такую неблаговоспитанностію въ приемахъ отличались бы только провинціальныя товарищи прокуроровъ, которые, имѣя дѣло съ болѣе нетребовательнымъ составомъ присяжныхъ засѣдателей, могутъ иногда и забывать тѣ границы, въ которыхъ они должны себя держать по отношенію къ нимъ. Къ сожалѣнію нужно сказать, что подобныя шалости нѣкоторыхъ изъ лицъ прокурорскаго надзора, которыми они думаютъ заставить присяжныхъ засѣдателей быть болѣе послушными къ ихъ обвинительнымъ доводамъ, можно наблюдать иногда даже и въ столичныхъ окружныхъ судахъ.

Въ засѣданіи Московскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей былъ однажды случай, что товарищъ прокурора, недовольный составомъ присяжныхъ за оправданіе подсудимаго по предшествовавшему дѣлу, выразилъ свое нерасположеніе за это къ нимъ тѣмъ, что обвинительную рѣчь свою по второму дѣлу говорилъ, обращаясь къ пустому пространству, почти спиною къ присяжнымъ, что со стороны послѣднихъ послужило поводомъ къ заявленію предсѣдательствующему на судѣ, о томъ, что, они затрудняются слушать прокурора въ такой позѣ его, а со стороны предсѣдательствующаго вызвало троекратное обращеніе къ товарищу прокурора, принять по отношенію къ присяжнымъ засѣдателямъ болѣе удобную позу и рѣчь свою обращать къ нимъ, такъ какъ безъ того они останутся въ неизвѣстности относительно излагаемыхъ товарищемъ прокурора доводовъ въ обвиненію подсудимаго и соображеній, касающихся обстоятельствъ дѣла.

Укажемъ теперь на нѣкоторые изъ такихъ приемовъ представителей прокуратуры, которые допускаются ими въ самомъ произнесеніи обвинительныхъ рѣчей, все съ тою же цѣлію вѣрнѣйшаго достиженія обвиненій.

Въ одномъ изъ еженедѣльныхъ журналовъ, по поводу рѣчей обвинителей въ извѣстномъ процессѣ Коммерческаго Ссуднаго Банка въ Москвѣ, читаемъ мы слѣдующія строки.

«Видимо ободренные общимъ негодованіемъ, возбужденнымъ банковскимъ дѣломъ, представители обвинительной власти слишкомъ понадеялись на поддержку общественнаго мнѣнія и потому вмѣсто обстоятельныхъ, фактически подтверждаемыхъ, обвинительныхъ доводовъ, противъ каждаго изъ подсудимыхъ въ отдѣльности, они занялись огульнымъ обвиненіемъ всѣхъ подрядъ, не скупясь на общія мѣста, называя всѣхъ подсудимыхъ вмѣстѣ, одною систематически организованною шайкою воровъ, грабителей и мошенниковъ».

Въ этомъ упрекѣ обвинителямъ много правды, и прежде всего въ немъ проглядываетъ указаніе на поверхностное отношеніе къ дѣлу. Обвинять общими словами, огульно, надѣясь на эффектъ рѣчи, конечно гораздо легче, нежели группировать въ подробности всѣ улики по отношенію къ каждому подсудимому, и затѣмъ также подробно и обстоятельно излагать ихъ передъ присяжными. Для послѣдняго пріема нужно знать и изучить дѣло, для перваго достаточно наговорить словъ,—и вотъ въ результатѣ предпочтеніе слова—дѣлу.

Лицамъ прокурорскаго надзора, выступающимъ въ судѣ съ публичными обвинениями, никогда не слѣдуетъ забывать, передъ какимъ составомъ присяжныхъ приходится имъ обвинять подсудимыхъ, и помнить, что на присяжныхъ изъ простой среды не только самая личность прокурора, какъ «начальства», производитъ иногда столь сильное впечатлѣніе, что они рѣшительно боятся въ чемъ либо ослушаться его, но иногда достаточно бываетъ одного только слова, связаннаго съ извѣстнымъ отгѣнкомъ для того, чтобы направить мнѣнія присяжныхъ безусловно въ извѣстную сторону.

Въ особенности часто это случается тогда, когда, присяжными являются лица мало опытные и не знакомыя хорошо съ своими правами.

Въ запискахъ г. Никитина отмѣченъ, напримѣръ, такого рода фактъ.

Когда старшина присяжныхъ по одному дѣлу сталъ объяснять своимъ товарищамъ, что для нихъ не обязательны указанія и мнѣнія прокурора, то одинъ изъ нихъ—купецъ обратился, между прочимъ, къ старшинѣ съ такимъ вопросомъ.

— Ну, а ежели мы не потрафимъ въ тактъ, самихъ насъ за это не потянутъ на цугундеръ, примѣрно въ коптѣлку или штрафа не наложатъ.

Только послѣ положительныхъ увѣреній въ противномъ со стороны старшины, этотъ присяжный успокоился и убѣдился, что за свой совѣстливый отвѣтъ онъ ни передъ кѣмъ и ни чѣмъ, отвѣчать не будетъ.

Въ другомъ случаѣ, мы можемъ указать на то, что когда товарищъ прокурора, заканчивая свою обвинительную рѣчь, обратился къ присяжнымъ засѣдателямъ съ заявленіемъ, что онъ вполне увѣренъ въ томъ, что они вынесутъ обвинительный для подсудимаго приговоръ, то старшина присяжныхъ, встававъ съ своего мѣста и съ благосклоннымъ видомъ поклонившись товарищу прокурора, проговорилъ: «будьте благонадежны, ваше благородіе». Очевидно, что въ этихъ словахъ выразилось уже рѣшеніе присяжныхъ относительно подсудимаго, тогда какъ изъ защитительной рѣчи защитника, они не слышали еще ни одного слова.

Одинъ изъ товарищей прокурора доставилъ намъ слѣдующую замѣтку, которую мы воспроизводимъ цѣликомъ.

«Первая обвинительная рѣчь, которую мнѣ пришлось выслушать, произвела на меня крайне непріятное, скажу даже болѣе того тяжелое впечатлѣніе.

Это было въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ введенія тамъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, куда я нарочно пріѣхалъ изъ провинціи, интересуясь обстановкою новаго суда, рѣчами прокурора, защитника и участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Мнѣ удалось захватить себѣ мѣсто въ публикѣ на одно изъ засѣданій, гдѣ

съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей слушалось дѣло о какомъ-то крестьянинѣ, который просрочилъ свой паспортъ, и не имѣя возможности жить безъ вида, досталъ себѣ какой-то грубой поддѣлки билетъ на чужое имя и проживалъ по немъ, называясь въ тоже время по простотѣ души своей, настоящимъ своимъ именемъ, вслѣдствіе чего главнымъ образомъ и былъ изобличенъ въ преступленіи.

Показаніе этого подсудимаго въ связи съ осмотромъ его фальшиваго паспорта исчерпало всю суть дѣла и казалось бы, что формулировать обвиненіе противу предстоявшаго подсудимаго, въ виду очевидности самого факта, сознанныаго къ тому же самимъ обвиняемымъ, было бы достаточно нѣсколькихъ словъ. Я такъ и ожидалъ, что товарищъ прокурора, указавъ присяжнымъ на наличность факта преступленія, наряду съ признаніемъ своей виновности самимъ обвиняемымъ, предоставитъ имъ сдѣлать нравственную оцѣнку этого факта по убѣжденію ихъ совѣсти, но не такъ вышло на самомъ дѣлѣ; товарищъ прокурора человекъ крайне еще молодой, видимо увлекавшійся своею ролью, произнесъ цѣлую обвинительную рѣчь, потребовавшую около часа времени.

Много чего и о чемъ говорилъ представитель обвиненія.

Объяснивъ присяжнымъ, что паспортная система установлена закономъ для огражденія общества отъ злонамѣренныхъ и подозрительныхъ лицъ, и что потому всякое нарушеніе этого закона, вводя въ общество сомнительные и предсудительные элементы, угрожаетъ опасностью общественному спокойствію, обвинитель требовалъ строгаго примѣненія закона къ подсудимому, недопуская даже и самой мысли объ оправданіи и указавъ еще и на то, что присяжные засѣдатели призваны не миловать преступниковъ, а судить ихъ.

Рѣзко и холодно, безжизненно и безжалостно отозвалась на мнѣ рѣчь товарища прокурора, какою то черствою, не симпатичною натурою показался мнѣ въ то время представитель обвиненія; осудилъ я въ душѣ его возрѣнія и порѣшилъ, что если они искренни и составляютъ положительный результатъ его полного убѣжденія, то въ прокуроры, въ самомъ дѣлѣ, могутъ идти только люди, для которыхъ несчастныя положенія другихъ чужды магійнаго сочувственнаго значенія.

Присяжные все таки оправдали этого подсудимаго.

Подъ этимъ первымъ впечатлѣніемъ неблагоприятно отзывавшемся во мнѣ относительно прокурорскихъ обязанностей, я послѣдствіи встрѣчаясь со многими товарищами прокуроровъ какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи, и будучи самъ уже въ средѣ ихъ, нерѣдко присматривался къ дѣятельности каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, для того чтобы, не будучи еще самъ практикомъ на этомъ поприщѣ, позаимствовать отъ нихъ той болѣе зрѣлой уже опытности, которая поставила бы меня на болѣе твердыя ноги относительно своихъ обязанностей.

И вотъ на ряду съ такими представителями обвиненія, которые въ строгой умѣренности своей обвинительной власти, никогда не бывали требовательны на судѣ на столько, чтобы насиловать совѣсть присяжныхъ, я весьма часто наталкивался на такихъ, которые въ буквальномъ смыслѣ слова изображали изъ себя а въ иныхъ случаяхъ и хотѣли только изображать, такихъ представителей юсти-

ці, для которыхъ требованіе о томъ, чтобы сослать человѣка куда нибудь въ каторгу, было дѣломъ болѣе чѣмъ обыкновеннымъ, къ которому, какъ люди криминальнаго уже опыта, они не находили даже нужнымъ относиться съ большею осторожностію и осмотрительностію, какъ будто бы вопросъ о будущности человѣка, будь онъ хоть каторжникъ, никогда не можетъ затрогивать совѣсть прокурора.

Между тѣмъ у насъ въ нашей обыденной практикѣ установилось нѣчто противоположное. Чѣмъ болѣе тяжкое обвиненіе тяготѣетъ надъ преступникомъ, тѣмъ большую энергію прилагаетъ представитель обвиненія, къ тому, чтобы подобный подсудимый былъ бы непременно осужденъ, точно будто бы вѣроятность виновности человѣка пропорціональна тяжести совершеннаго имъ преступленія, а не зависитъ отъ силы и доказательности собранныхъ противу него уликъ.

И вотъ противу такого подсудимаго въ своей обвинительной рѣчи, прокуроръ не щадитъ усилій къ тому, чтобы обвинить его, онъ не излагаетъ передъ присяжными засѣдателями свои соображенія, не убѣждаетъ ихъ въ своемъ мнѣніи силою логики и доводовъ, а прямо требуетъ, настаиваетъ на обвиненіи, — холодомъ несетъ отъ всей фигуры обвинителя, являющагося не менѣе того представителемъ такого суда, въ которомъ элементъ милостиваго отношенія къ лицу преступника, является на одной паралели съ правдой, во имя которой творять судъ».

Я никогда не забуду, добавимъ мы отъ себя какъ въ одномъ изъ засѣданій С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, представителемъ обвиненія была произнесена такая жестокая, лишенная малѣйшаго оттѣнка сочувствія къ лицу подсудимаго рѣчь, что сидѣвшій рядомъ со мною какой-то господинъ, дозволилъ себѣ даже сказать, что судебные уставы создали у насъ роль нравственнаго палача.

Правда подсудимый тотъ обвинялся въ тяжкомъ преступленіи, въ убійствѣ роднаго брата, но мотивъ преступленія былъ на столько серьезенъ въ побужденіяхъ его совѣсти, что въ данномъ случаѣ, щадя душу подсудимаго, въ немъ нельзя было видѣть только братоубійцу, и рѣшительно было немыслимо проводить паралель между нимъ и Каиномъ. А товарищъ прокурора именно сдѣлалъ это сопоставленіе, обрушивъ передъ тѣмъ на голову подсудимаго массу такихъ укорищъ, которыми можно было казнить только совѣсть человѣка, а не наказывать его какъ преступника.

Сравненіе подсудимаго, человѣка между прочимъ довольно развитаго, съ Каиномъ, вызвало на глазахъ его слезы, и когда предсѣдатель предложилъ обвиняемому его послѣднее слово, то онъ обратившись къ присяжнымъ засѣдателямъ, проговорилъ только слѣдующее:

— Я убилъ своего брата, это вѣрно, вина моя велика, ей нѣтъ прощенія, но Каиномъ я никогда не былъ и не буду... это со стороны господина прокурора противу меня.... клевета....

И дѣйствительно, это была клевета; и къ чему было прибѣгать къ ней, удручать совѣсть подсудимаго незаслуженными упреками, добивать его нравственное существо въ то время, когда относиться къ нему только съ точки зрѣнія голаго факта преступленія, не представлялось по дѣлу оснований. А между тѣмъ ни законъ, ниже какая либо практическая необходимость не вынуждаютъ прибѣ-

гать къ такимъ и цѣлому ряду подобныхъ мѣръ, столько же несправедливымъ по отношенію къ лицу обвиняемаго, сколько и недостойныхъ представителей обвинительной власти, обязанныхъ дѣйствовать въ предѣлахъ строгой справедливости.

Если обвиненіе основано на солидныхъ основаніяхъ, поводитъ на глубокомъ убѣжденіи прокурора въ виновности подсудимаго, то ему нѣтъ надобности прибѣгать къ побочнымъ инсинуаціямъ личности подсудимаго, компрометирующимъ самого обвинителя и справедливо возбуждающимъ противу него негодованіе со стороны присяжныхъ.

Прибѣгая къ подобнаго рода мѣрамъ, прокуроръ представляется въ глазахъ присяжныхъ человѣкомъ утопающимъ, готовымъ ухватиться за соломинку лишь бы вынырнуть на верхъ. Мы должны замѣтить, что прокуроръ никогда не долженъ и не можетъ находиться въ такомъ положеніи. Ему нѣтъ надобности хвататься за недостойные его положенія на судѣ доказательства для того только, чтобы, во что бы то ни стало обвинить подсудимаго, ибо если основанія къ обвиненію пали, то самъ законъ указываетъ тотъ путь, которому долженъ послѣдовать въ такомъ случаѣ прокуроръ, чтобы не стать въ разрѣзъ съ своею совѣстью.

Этотъ путь—отказаться отъ обвиненія, и если къ нему многіе представители обвиненія въ надлежащихъ случаяхъ прибѣгаютъ неохотно, то потому, что подобный поступокъ на судѣ пріурочиваютъ нерѣдко къ вопросу личнаго самолюбія, и такимъ образомъ, ставятъ себя иногда въ такое неловкое положеніе, при которомъ сторонній намекъ безпристрастнаго зрителя, на то, что эгоистическому проявленію себялюбиваго стремленія, представитель обвиненія приноситъ въ жертву судьбу и личность обвиняемаго,—представляется болѣе чѣмъ справедливымъ.

Всякая натяжка въ дѣлѣ обвиненія, кромѣ того парализуетъ интересы и самой обвинительной власти.

Намъ извѣстенъ случай, въ которомъ молодой человѣкъ изъ порядочной среды, обвинявшійся въ мошенничествѣ, совершенно неожиданно и для публики, для прокурора, для суда и даже для самого себя, былъ присяжными засѣдателями оправданъ въ то время, когда въ преступленіи своемъ онъ былъ изобличенъ вполнѣ, и когда не было положительно никакихъ причинъ къ тому, чтобы этому обвиняемому дать хоть какое нибудь снисхожденіе, или отнестись къ нему сочувственно; и что же,—когда по окончаніи уже суда, товарищъ прокурора въ интимномъ разговорѣ обратился къ старшинѣ присяжныхъ, на этотъ разъ къ купцу съ просьбой сказать, что руководило присяжными при оправданіи этого подсудимаго, то старшина присяжныхъ отвѣтилъ ему такъ.

— Помилуйте, господинъ прокуроръ, какого ему еще наказанія надо, вы его и такъ хорошо наказали, такую ему рекомендацію прочитали, что за такіе комплименты я не взялъ бы десяти лѣтъ въ острогѣ просидѣть, небось онъ будетъ васъ помнить... Господь съ нимъ.. съ него довольно.

А что подобные мотивы въ оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ имѣютъ мѣсто очень часто,—это фактъ проверенный практикою, и не подлежащій сомнѣнію. Шансы обвиненія бывають на сторонѣ прокурора дотолѣ, доколѣ

онъ въ своихъ требованіяхъ, доводахъ и отношеніяхъ къ подсудимому, бываетъ справедливъ, до безупречности, и не позволяетъ себѣ относительно него, малѣйшей неправды или умышленного пристрастія. При наличности же чего либо подобнаго, присяжные засѣдатели, руководимые въ этомъ случаѣ естественнымъ проявленіемъ осуществленія, истинной правды и справедливости, сейчасъ же склоняются въ пользу подсудимаго, авторитетъ обвинителя и всѣхъ его доводовъ въ глазахъ ихъ немедленно падаетъ, и послѣдствіемъ этого является то, что они иногда выносятъ совершенно неожиданно такіе оправдательные вердикты, которые по первому впечатлѣнію просто поражаютъ своею несостоятельностью и, повидимому, ни чѣмъ разумнымъ объяснены быть не могутъ.

А между тѣмъ, такого рода мотивы нельзя признавать безусловно неосновательными, такъ какъ несомнѣнно найдется не мало такихъ людей, которые тюремное заключеніе, и даже другія болѣе строгія наказанія, предпочтутъ нравственному истязанію ихъ на скамьѣ подсудимыхъ, при обстановкѣ, затрагивающей слишкомъ глубоко, сколько нибудь развитаго человѣка.

На этомъ мы закончимъ...

XXVI.

Случайности въ приговорахъ присяжныхъ.

Въ одномъ изъ номеровъ журнала «Недѣля» за 1876 годъ, читаемъ мы слѣдующую не лишнюю значенія замѣтку «провинціального философа».

«Въ Петербургѣ была судима г-жа Каирова за предумышленное покушеніе на убійство изъ ревности—и присяжные ее оправдали. Въ Одессѣ въ то же время судили солдатскаго сына Бурносова за предумышленное убійство тоже изъ ревности—и судъ приговорилъ его къ 16-ти лѣтней каторжной работѣ. Почему въ первомъ случаѣ присяжные сказали: «нѣтъ не виновна», а во второмъ: «да виновенъ». Мой вопросъ, конечно, не юридическій, а психологическій».

Резюмируя обстоятельства того и другаго дѣла, представляющіяся совершенно тождественными, провинціальный философъ приходитъ къ убѣжденію, что оправдательный вердиктъ для Каировой явился послѣдствіемъ того, что присяжные судившіе ее, были изъ цивилизованной, образованной, развитой среды, съ тѣми-же нравственными правилами, съ тѣми-же душевными инстинктами, въ слѣдствіе чего защитнику Каировой удалось во всей полнотѣ, раскрыть предъ присяжными утонченную душу Каировой со всѣми ея порывами, почему присяжные и пришли къ убѣжденію, что Каирова не могла поступить иначе, и такимъ образомъ, они оправдали ее не по своей, а по ея совѣсти. При томъ же нравственномъ складѣ всего дѣла, при тѣхъ же мотивахъ преступленія, Бурносовъ былъ обвиненъ потому, что душа его осталась для присяжныхъ потемками, которыхъ никто не освѣтилъ. Авторъ статьи указываетъ не безъ основанія на то, что если-бы для Бурносова нашелся бы тоже хорошій защитникъ, если-бы онъ изложилъ и выяснилъ всѣ темныя теченія, противорѣчія и страсти, разрывавшія душу Бурносова, то его преступное дѣяніе представилось бы присяжнымъ такимъ же жи-

вымъ, какъ и преступленіе Каировой, на томъ основаніи, что любовь и ревность у нихъ обоихъ были одни и тѣже—общечеловѣческія.

Сопоставленіе этихъ двухъ совершенно однородныхъ и тождественныхъ дѣлъ съ столь различными исходами ихъ на судѣ, невольно наводитъ на мысль, что при всѣхъ совершенствахъ суда присяжныхъ, случайности въ приговорахъ его играютъ не послѣднюю роль. И въ самомъ дѣлѣ, на счастье Каировой въ составъ присутствія присяжныхъ попали люди болѣе развитые и оправдали ее. Бурносось—къ несчастію его—былъ судимъ присяжными, для которыхъ въ реальномъ взглядѣ на дѣло, заключался весь кругозоръ ихъ судейской совѣсти,—и они обвинили его, и не мудрено, что если-бы по какой либо случайности Каирова и Бурносось помѣнялись бы своими мѣстами, то исходъ дѣлъ ихъ былъ бы прямо противоположенъ тѣмъ вердиктамъ, которые въ дѣйствительности были имъ произнесены.

И такихъ случайностей въ практикѣ нашихъ судовъ можно насчитать не мало. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ тѣ или другіе обвинительные и оправдательные приговоры, проходятъ для насъ въ своемъ единичномъ значеніи незамѣтными, но иногда нѣкоторые изъ нихъ рѣзко бросаются въ глаза при сравненіи съ другими, прямо противоположными рѣшеніями присяжныхъ, завершившими собою совершенно однородныя дѣла.

Укажемъ на нѣкоторые подобные случаи.

По одному и тому же дѣлу о кражѣ изъ кружки Краснаго Креста денегъ на сумму около 500 р. с., къ слѣдствію были привлечены два лица, виновность которыхъ была вполне доказана, какъ равно было доказано и то, что участие ихъ въ кражѣ было одно и тоже. Но дѣло въ томъ, что одинъ изъ нихъ ко дню засѣданія не могъ явиться, потому что не былъ розысканъ, и дѣло слушалось только объ одномъ наличномъ подсудимомъ, котораго присяжные признали виновнымъ въ кражѣ на сумму болѣе 300 р. с.,—и судъ приговорилъ его къ соответствующему довольно строгому наказанію.

Черезъ нѣсколько времени явился другой подсудимый, на долю его выпало быть судимымъ другимъ составомъ присяжныхъ, передъ которымъ былъ прочитанъ тотъ же обвинительный актъ, были спрошены тѣ же свидѣтели,—и присяжные обвинили его въ кражѣ на сумму менѣе 300 р., за что онъ былъ приговоренъ къ самому непродолжительному тюремному заключенію; между тѣмъ вина того и другаго подсудимаго была совершенно одинакова.

Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» въ корреспонденціи изъ Таганрога за 1880 годъ были переданы обстоятельства одного дѣла, которое обратило на себя особенное вниманіе общества, своимъ благополучнымъ исходомъ для подсудимаго, судебнаго пристава мѣстнаго окружнаго суда, обвинявшагося въ растратѣ болѣе 3000 р. сер. казенныхъ и частныхъ денегъ, находившихся у него на рукахъ.

Обвиняемый призналъ себя виновнымъ въ своей растратѣ, не пополнилъ ее и по открытіи своихъ злоупотребленій и, по объясненію его, совершилъ ее въ то время, когда подъ вліяніемъ тоски и грусти, вслѣдствіе безнадежной любви и неудачнаго сватовства, кинулся во всѣ тяжкія, началъ кутить, играть и мо-

тать деньги. Присяжные заседатели, состоявшие въ большинствѣ изъ крестьянъ, и которые по своимъ нравственнымъ воззрѣнiямъ, казалось бы, не должны были особенно снисходительно взглянуть на мотивы преступленiя подсудимаго, однакоже безусловно его оправдали.

Совершенно иначе и прямо противоположено, въ томъ же окружномъ судѣ окончилось другое дѣло, совершенно однородное по существу, по которому тоже чиновникъ, должностное лицо, обвинялось въ растратѣ только 500 руб. сер. Разница между обоими дѣлами была положительно въ пользу послѣдняго подсудимаго. Начать съ того, что онъ растратилъ сумму, несравненно меньшую, допустилъ растрату подъ гнетомъ нужды, и растроченную сумму пополнилъ, все-таки сполна, онъ былъ признанъ присяжными заседателями виновнымъ въ растратѣ—и приговоренъ къ довольно строгому наказанiю. Присяжными въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ были чиновники и купцы,—и эту-то разницу въ составѣ присяжныхъ заседателей, по двумъ совершенно тождественнымъ дѣламъ, слѣдуетъ объяснить различные исходы обоихъ дѣлъ.

Несомнѣнно, что если бы на долю втораго подсудимаго выпалъ составъ присяжныхъ по первому дѣлу, то онъ вышелъ бы изъ суда оправданнымъ, а затѣмъ сомнительно, чтобы при второмъ составѣ присяжныхъ, первый подсудимый вышелъ бы изъ суда съ столь счастливымъ для себя исходомъ.

Нѣчто подобное повторилось и въ городѣ Камышинѣ, въ округѣ Саратовскаго окружнаго суда. Тамъ въ теченiи одной и той же сессii, и слѣдовательно однимъ, и тѣмъ же составомъ присяжныхъ, судились по двумъ дѣламъ два крестьянина, одинъ въ кражѣ со взломомъ 15 коп., а другой въ кражѣ со взломомъ 20 коп. Перваго присяжные оправдали, а втораго признали виновнымъ, вслѣдствiе чего судъ приговорилъ его къ лишенiю всѣхъ особенныхъ правъ, и отдачѣ въ арестантскiя отдѣленiя на одинъ годъ, со взысканiемъ съ него 30 р. судебныхъ издержекъ, такъ какъ по дѣлу о 20 коп. вызвано было на судъ 8 человекъ свидѣтелей за 100 верстъ разстоянiя.

Это ли не дѣйствительныя случайности, роковыя для однихъ подсудимыхъ и благоприятныя для другихъ, видоизмѣняющiя такъ рѣзко заключительныя послѣдствiя ихъ преступленiй.

Въ ряду разныхъ другихъ случайностей, отъ которыхъ нерѣдко зависитъ тотъ или другой исходъ дѣла, являющийся вполнѣ не соответствующимъ существованiю его и предполагаемымъ ожиданiямъ, какъ сторонъ, такъ равно публики и самого суда, можно указать на слѣдующiе случаи.

Нѣкто крестьянинъ обвинялся въ кражѣ, и былъ въ ней на судѣ уличенъ. Защитникъ подсудимаго предъявлялъ суду приговоръ общества о хорошемъ его поведенiи и просилъ этотъ приговоръ прочесть. Прокуроръ возражалъ противъ этого на основанiи того, что для удостовѣренiя въ поведенiи подсудимаго, въ законѣ указанъ особый порядокъ (окольное дознанiе). Судъ не допустилъ прочтенiя приговора однообщественниковъ подсудимаго. Присяжные заседатели (исключительно крестьяне) возобновили требованiе о прочтенiи общественнаго приговора крестьянъ о

личности подсудимаго и, получивъ въ томъ отказъ, выразили неудовольствіе, послѣ чего вынесли ко всеобщему удивленію оправдательный приговоръ.

Вслушиваясь въ разговоры присяжныхъ и въ объясненія мотивовъ ихъ по означенному приговору, нельзя было не вывести того заключенія, что они, какъ крестьяне, оскорбились въ душѣ за то, что приговору такихъ же крестьянъ, какъ они, прокуроръ и судъ не дали вѣры, не уразумѣвъ того законнаго основанія, въ силу котораго не было допущено прочтеніе приговора. Протестъ прокурора по этому поводу присяжные объяснили себѣ тѣмъ, что, желая достигнуть обвиненія подсудимаго, онъ не хотѣлъ допустить прочтенія такого документа, который выставилъ бы его съ хорошей стороны.

На этомъ же соображеніи они основали и оправдательный вердиктъ свой.

Очевидно, что счастливою случайностію въ этомъ дѣлѣ было для подсудимаго то, что составъ присяжныхъ состоялъ исключительно изъ крестьянъ, которые взглянули съ своей точки зрѣнія на отказъ суда въ прочтеніи передъ ними такого документа, которому они съ своей стороны придавали особенное значеніе, не зная и не понимая того, что прочтеніе всякихъ документовъ на судѣ присяжныхъ не можетъ быть допускаемо, и что законъ положительно указываетъ какіе именно документы могутъ быть читаны и какіе нѣтъ.

Одинъ подсудимый, судившійся судомъ присяжныхъ за предумышленное убійство и оправданный присяжными, доставилъ намъ слѣдующую замѣтку.

«Извините меня пожалуйста за мой голосъ и за мое мнѣніе, но я вамъ скажу, такъ какъ я самъ почувствовалъ это три года тому назадъ, сидя на скамьѣ подсудимыхъ по обвиненію въ убійствѣ, что судъ присяжныхъ—это тоже лоттерей счастія или несчастія, выигрыша или проигрыша. Какъ въ лоттерей можно вынуть выигрышный и невыигрышный билетъ, такъ и на судѣ присяжныхъ, гдѣ определенной нормы и указаній для обвиненія и оправданія не существуетъ, не малую роль играетъ иногда простой ничтожный случай.

Судите сами. Я вамъ разскажу коротко мое дѣло.

Обвинялся я въ убійствѣ одного своего родственника. Какъ, за что и почему посягнулъ я на жизнь родственнаго мнѣ человѣка, объ этомъ говорить не буду, тяжело вспоминать,—да и не гъ чему... я вѣдь не разбойникъ—убійца, а такъ сложились тяжелыя, семейныя дѣла. Не скажу вамъ и того, кто я, откуда, а добавлю только, что въ общественномъ мнѣніи, меня за мое тяжелое преступленіе не винили, винили въ немъ покойнаго, ну да дѣло вотъ въ чемъ; я отъ полного убѣжденія своего ожидалъ, что меня присяжные оправдаютъ, и къ счастію, не зная, что моя судьба висѣла на волоскѣ, и что сверхъ всякаго ожиданія я могъ быть присяжными обвиненъ. Мнѣ потомъ двое изъ присяжныхъ разсказывали, что еще передъ совѣщаніемъ ихъ, во время двухъ послѣднихъ перерывовъ засѣданія, до и послѣ рѣчей сторонъ, у нихъ окончательно выработалось уже убѣжденіе относительно меня, при чемъ за оправданіе мое было только пять голосовъ, а за обвиненіе семь. Каковъ при такомъ распредѣленіи голосовъ присяжныхъ, могъ быть исходъ моего дѣла, и онъ былъ бы ужасенъ, я непременно былъ бы обвиненъ еслибы, не случайность.

Съ однимъ изъ присяжныхъ засѣдателей, склонившихся за обвиненіе мое, во время заключительной рѣчи председателя сдѣлалось біеніе сердца. Онъ былъ уволенъ изъ состава присутствія и замѣненъ запаснымъ засѣдателемъ, голосъ котораго и спасъ меня. На совѣщаніи присяжные остались всѣ, при заранѣе выработавшихся у нихъ относительно меня мнѣніяхъ, но запасный подаль голосъ за оправданіе и этотъ случайный шестой голосъ спасъ меня—я былъ оправданъ. Скажите пожалуйста, развѣ мое оправданіе при такихъ условіяхъ не случайность, развѣ жребій мой на этомъ судѣ не былъ лоттереей. Я выигралъ въ этой лоттерей потому только, что на мою долю выпалъ счастливый случай, иначе моя выстрадавшая семья, моя жена, мои дѣти лишились бы мужа и отца, и теперь можетъ быть я отбывалъ гдѣ нибудь въ Нерчинскѣ срокъ своей тяжелой каторги».

Перечень сообщаемыхъ нами случайностей, повліявшихъ такъ или иначе на вердикты присяжныхъ, заключимъ указаніемъ на слѣдующій случай, комичный и странный въ своемъ родѣ на столько, что даже самъ оправданный присяжными подсудимый, выразилъ удивленіе по поводу такого рѣшенія ихъ и отозвался совершенно невинно впрочемъ, и безъ всякаго умысла, крайне саркастически относительно оправдавшихъ его присяжныхъ. Случай этотъ имѣлъ мѣсто въ Рязанской губерніи, въ скоромъ времени по открытіи тамъ новыхъ судебныхъ установленій въ одномъ изъ уѣздовъ городовъ, гдѣ открыта была первая сессія суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Въ числѣ другихъ дѣлъ, разрѣшенію присяжныхъ подлежало дѣло, объ одномъ крестьянинѣ, который былъ преданъ суду за три простыя кражи, каждая на сумму крайне незначительную: Первое обвиненіе состояло въ томъ, что крестьянинъ этотъ укралъ у своего товарища по столярному ремеслу небольшой рубанокъ, во второй разъ у своего квартирнаго хозяина укралъ старенькій армякъ, который продалъ за 70 коп. сѣр. и въ третій разъ у пьянаго мужика вытащилъ изъ кармана кисеть съ трубкой и табакомъ. Однимъ словомъ, дѣло во всѣхъ отношеніяхъ представлялось совершенно ординарнымъ, а личность обвиняемаго, который сознался во всѣхъ трехъ кражахъ, и кромѣ того былъ изобличенъ въ нихъ свидѣтельскими показаніями, обрисовала собою мелкаго ворышку, пьяницу и вообще человѣка непорядочнаго. Такъ какъ присяжные засѣдатели на этой сессіи были еще всего только въ первый разъ, то председательствующій весьма подробно и обстоятельно ознакомилъ ихъ съ обязанностями и правами присяжныхъ, и при этомъ указалъ на то, что въ разрѣшеніи вопроса о винѣ или невинности подсудимаго они не стѣснены доказательствами, или формальностями, а обязаны постановить свое рѣшеніе только по убѣжденію совѣсти. Когда присяжные удалились на совѣщаніе, то никому и въ голову не приходило мысли о томъ, чтобы они обвиняемаго оправдали, потому что основаній не только къ оправданію его, но даже и къ дарованію ему снисхожденія никакихъ не было, а потому какъ судъ, такъ и публика были крайне удивлены, когда старшина присяжныхъ, по выходѣ изъ совѣщательной комнаты, прочитавъ послѣдовательно всѣ три вопроса суда, касающіеся трехъ кражъ, отвѣтилъ на каждый изъ нихъ «нѣтъ не виновенъ».

Какъ ни удивилъ такой вердиктъ присяжныхъ, и всѣхъ присутствующихъ, но болѣе всего онъ удивилъ самого подсудимаго, который никакъ не ожидалъ такого исхода своему дѣлу, сознавая и самъ, что оправданіе его не можетъ никакъ имѣть мѣста. Когда предсѣдательствующій по провозглашеніи вердикта присяжныхъ, обратился къ подсудимому, находившемуся вѣдѣ стражей, съ заявленіемъ, что онъ свободенъ отъ суда, и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ ему выйти изъ за рѣшетки въ общую часть залы, то подсудимый недоувѣрчиво посмотрѣлъ на предсѣдательствующаго, помялся на своемъ мѣстѣ, и остался въ прежнемъ положеніи, не обнаруживая ни малѣйшаго намѣренія выйти изъ за рѣшетки. Предсѣдатель, предполагая что подсудимый его не понялъ, снова обратился къ нему съ разъясненіемъ.

— Вы свободны, понимаете, говорилъ предсѣдательствующій подсудимому. Присяжные засѣдатели васъ оправдали, не признали васъ виновнымъ, выходите...

— Никакъ нѣтъ ваше, превосходительство, отвѣтилъ ему на это подсудимый, какъ не виновенъ, точно виновенъ, когда мы значить сами себя въ этожъ признаемъ...

— Да присяжные васъ оправдали... перебилъ подсудимаго предсѣдатель.

— Чтожъ, ваше превосходительство, присяжные... присяжные что, они зря сказали... дозвольте послушать вашей милости, какъ ужъ насъ судъ осудить, а не присяжные, отвѣтилъ подсудимый, не понимая всего остроумія своего простаго отвѣта.

Присяжные крайне сконфузились, выслушавъ такой неодобрительный отвѣтъ своему вердикту, а тѣмъ болѣе со стороны подсудимаго, и поспѣшили уйти изъ залы.

Какой мотивъ руководилъ присяжными въ данномъ случаѣ при оправданіи подсудимаго? Мотива въ этомъ случаѣ никакого не было, а было только желаніе въ виду многочисленной, собравшейся въ залу суда, по новизнѣ дѣла публики, показать послѣдней, наиболѣе осязательнымъ образомъ, все великое право суда присяжныхъ, оправдывать обвиняемыхъ, не давая въ томъ никому отчета.

И вотъ, благодаря такой непредвидѣнной даже случайности, дѣйствительный вѣрь вышелъ изъ суда оправданнымъ.

XXVII.

Заграничная пресса о дѣятельности суда присяжныхъ въ Россіи.

Введеніе въ Россіи суда присяжныхъ, какъ и всѣ другія великія реформы минувшаго царствованія, было встрѣчено самымъ искреннимъ привѣтствіемъ повсемѣстно въ Западной Европѣ. Заграничная пресса со дня введенія у насъ института присяжныхъ, съ самымъ сосредоточеннымъ вниманіемъ слѣдила за первыми необычными еще шагами нашихъ присяжныхъ, и при всякомъ болѣе или менѣе крупномъ процессѣ, возбуждавшемъ общественный интересъ, съ крайнею подробностію входила въ обсужденіе приговоровъ присяжныхъ засѣдателей,

придавая имъ ту или другую оцѣнку какъ въ нравственномъ, такъ и въ общественномъ смыслѣ.

Такимъ образомъ, заграничная печать съ восторгомъ привѣтствовала обвинительный приговоръ присяжныхъ по дѣлу Овсянникова, усмотрѣвъ въ этомъ приговорѣ торжество тѣхъ новыхъ началъ въ нашей народной жизни, провозвѣстникомъ которыхъ явился судъ присяжныхъ, на смѣну прежнимъ темнымъ порядкамъ, когда исходъ дѣлъ зависѣлъ не столько отъ правды и справедливости, сколько отъ вліяній богатства денегъ и связей, когда поставить какого-нибудь милліонера, въ родѣ Овсянникова, въ положеніе человѣка судимаго, было дѣломъ немислимымъ, когда въ массѣ народной, сознание правдивой человѣческой совѣсти о гнусности поступка богача или вельможи, не имѣло еще права гражданства и подавлялось могуществомъ золота, засыпавшимъ и самую судебскую совѣсть.

Въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ» за 1874 годъ, сообщается, что знаменитое дѣло игуменьи Митрофаніи обратило на себя вниманіе и иностранной печати и что англійскія газеты съ похвалою отозвались о нашемъ институтѣ присяжныхъ. При этомъ вѣстникъ приводитъ слѣдующій отзывъ одной англійской газеты: «Игуменья, дама высокаго происхожденія, поставлена была передъ судомъ не исключительнымъ обвиняемымъ. Ея судьями были крестьяне и незначительные горожане, и они обманули всѣ расчеты, произнеся противъ виновной и вліятельной подсудимой, обвинительный приговоръ съ спокойствіемъ и хладнокровіемъ, которыя бы сдѣлали честь учрежденію присяжныхъ, вѣками утвердившемуся».

На ряду съ тѣмъ вниманіемъ, которое англійскія газеты посвятили этому огромному процессу, ни одно изъ послѣдующихъ крупныхъ уголовныхъ дѣлъ, затрогивавшихъ, такъ сказать, общественный интересъ, не оставлялось безъ обсужденія его газетами Запада.

Въ одномъ обязательно сообщенномъ намъ письмѣ, нашего соотечественника изъ Парижа, читаемъ мы слѣдующія интересныя строки, касающіяся нашего суда присяжныхъ.

«Проеатривая наши (т. е. русскія газеты) я всегда удивляюсь тому, какъ наше русское общество туго интересуется тѣмъ, что такъ близко его касается и какъ, на оборотъ, французы воспримчивы ко всякому нашему успѣху на почвѣ общечеловѣческаго развитія и прогрессивнаго движенія впередъ. Теперь у насъ въ Россіи отрывается вновь цѣлый судебный округъ, казалось бы, съ какимъ интересомъ по крайней мѣрѣ мѣстная печать, мѣстныя интеллигентныя силы, должны были встрѣтить это событіе и что же—въ нашихъ газетахъ объ этомъ дѣйствительно важномъ событіи проскользнуло только нѣсколько отрывистыхъ словъ, и къ стыду своему, какъ русскаго, я прочиталъ весьма обстоятельныя извѣстія объ открытіи Кіевского округа въ Львовскихъ газетахъ. Въ этихъ извѣстіяхъ нашихъ западныхъ сосѣдей, которые нашему прогрессивному сближенію съ Европой радуются болѣе насъ самихъ, я прочелъ много интереснаго и подробнаго до такой степени, что мысленно могъ перенестись въ залу судебного засѣданія одного изъ окружныхъ судовъ Кіевского судебного округа и вы-

слушать сочувственно то, что первый приговоръ присяжныхъ засѣдателей, раздавшійся въ новой судебной залѣ, поразилъ всѣхъ своею справедливостію и обдуманностію».

Такіе отзывы о дѣятельности нашихъ присяжныхъ, идущіе изъ среды западно-европейскаго общества, пользующагося уже всѣми благодѣяніями этой формы суда, не могутъ быть обойдены молчаніемъ, при болѣе или менѣе обстоятельной оцѣнкѣ и характеристикѣ его.

XXVIII.

Присяжные засѣдатели какъ общественные дѣятели.

Говоря о судѣ присяжныхъ, нельзя обойти молчаніемъ одного обстоятельства, которое, хотя и не соприкасается непосредственно съ дѣятельностію этого суда, но служить прекрасною характеристикой одной изъ житейскихъ сторонъ его.

Мы уже говорили выше, что арена суда — это весьма часто, арена великаго горя, нужды и такой неподкрашенной угнетающей человѣка правды, которая вызываетъ невольно сочувствіе къ положенію многихъ подсудимыхъ и, по естественному чувству человѣколюбія, располагаетъ къ несчастной личности подсудимаго, наталкиваетъ на мысль о помощи ему о той или другой поддержкѣ.

Провозглашеніемъ приговора присяжныхъ засѣдателей, оканчивается роль и участіе ихъ въ каждомъ отдѣльномъ дѣлѣ, какъ судей, но сочувствіе ихъ какъ общественныхъ дѣятелей и представителей здоровой, солидной части общества, къ личностямъ подсудимыхъ, проявляется нерѣдко и за предѣлами ихъ оффиціального участія въ дѣлѣ.

Каждому, посѣщавшему судебныя засѣданія по уголовнымъ дѣламъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, конечно, не разъ приходилось наталкиваться на такіе случаи, когда присяжные оправдывая подсудимаго, и во вниманіе къ его нуждѣ и безысходному положенію, натолинувшему его на преступленіе, собирали въ пользу его болѣе или менѣе значительныя суммы денегъ, которыя тутъ же и передавали судебному приставу для врученія подсудимому.

Весьма нерѣдки случаи, что такія же суммы были собираемы присяжными и такимъ подсудимымъ, которымъ они выносили обвинительные приговоры. Въ такихъ случаяхъ пожертвованія присяжныхъ, принимали еще болѣе нравственный смыслъ и значеніе, а строго-справедливое отношеніе ихъ къ личности подсудимаго, отгнѣяло достойно ихъ милостивую задачу, какъ судей и какъ людей съ сердцемъ, готовыхъ всегда протянуть руку помощи тому, кто въ ней дѣйствительно нуждается. Иначе оно и быть не можетъ.

Самый невзрачный оборванецъ, который на свободѣ способенъ шокировать наше нравственное чувство, на судѣ послѣ своей горькой исповѣди, производить на насъ совершенно иное впечатлѣніе, въ лицѣ его представляется намъ человѣкъ споткнувшійся, человѣкъ, несомнѣнно сдѣлавшій дурное дѣло, но не менѣе того, человѣкъ, и въ своей преступной оболочкѣ, вызывающій къ себѣ большее или меньшее сочувствіе.

Ближе всѣхъ стоящими къ подсудимымъ въ такіе моменты ихъ жизни, являются судившіе ихъ присяжные засѣдатели, а потому съ ихъ стороны обыкновенно и проявляется тотъ или другой починъ, оказанія подсудимому пособія въ какой либо матеріальной формѣ.

Мы имѣемъ въ виду указать на нѣкоторые особенно выдающіеся случаи изъ такихъ отношеній присяжныхъ къ подсудимымъ, представить небольшую характеристику той внѣ судейской уже дѣятельности присяжныхъ засѣдателей, въ которыхъ выразилось бы значеніе ихъ, именно, какъ полезныхъ общественныхъ дѣятелей, какъ лицъ, осуществляющихъ въ глазахъ народа свое нравственное значеніе и внѣ той прямой обязанности, къ выполнению которой они временно призываются.

Вотъ нѣкоторые изъ такихъ случаевъ.

а) Четырнадцатилѣтній мальчикъ изъ незаконнорожденныхъ, воспитанникъ воспитательнаго дома, былъ судимъ за кражу со взломомъ.

Мальчикъ во всемъ сознался, разказалъ на судѣ свою печальную жизнь съ тѣхъ поръ, какъ сталъ себя помнить ребенкомъ, брошеннымъ на улицѣ, и въ своемъ послѣднемъ словѣ, со слезами на глазахъ заявилъ, что если бы у него были отецъ или мать, то онъ можетъ быть не дошелъ бы до такого дѣла, «а то нужда, — нигдѣ тебѣ притона нѣтъ».

Присяжные оправдали мальчика, собрали ему на первоначальную поддержку въ жизни 16 руб., около такой же суммы набросали ему изъ публики, а старшина присяжныхъ мѣстный купецъ, съ большимъ душевнымъ волненіемъ заявилъ суду, что желалъ бы замѣнить мальчику отца и взять его къ себѣ. Подсудимый, только что освобожденный изъ за рѣшетки, гдѣ онъ содержался подъ стражей бросился въ ноги старшинѣ и заплакалъ.

Года два спустя мы, бывшіе свидѣтелями этой трогательной сцены, совершенно случайно узнали, что этотъ старшина присяжныхъ, пріютившій къ себѣ безроднаго мальчика, не могъ нахвалиться на его добропорядочность; онъ помѣстилъ мальчика при своей торговлѣ, а впослѣдствіи сдѣлалъ его прикащикомъ и прежнему ворипшкѣ сталъ безбоязненно довѣрять тысячи.

б) На одной изъ сессій въ городѣ Елизаветградѣ, присяжные засѣдатели подали починъ объ устройствѣ въ уѣздѣ пріюта или колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ. Для осуществленія этого предположенія, при окружномъ судѣ составилъ комитетъ изъ присяжныхъ засѣдателей и другихъ лицъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя окружнаго суда который опредѣлялъ: основать пріютъ на тридцать мальчиковъ, пригласивъ къ участию въ дѣлѣ мѣстныя земство, думу и частныхъ лицъ.

Такимъ образомъ непосредственный починъ въ этомъ добромъ дѣлѣ принадлежитъ всецѣло побужденію присяжныхъ, вызванному самыми гуманнѣйшими чувствами.

в) Недостатокъ у насъ исправительныхъ пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ, нерѣдко останавливалъ на себѣ вниманіе присяжныхъ засѣдателей. Передъ глазами ихъ весьма часто проходили грустныя картины паденій малолѣт-

нихъ дѣтей, которыхъ нужда, безпріютность, бездѣятельность и отсутствіе какого либо объ нихъ попеченія, наталкивали на преступленія, приводившія ихъ въ тюрьму, подвергавшія ихъ тамъ пагубному вліянію, среди представителей развращенной острожной братіи.

При такихъ условіяхъ положенія малолѣтнихъ въ тюрьмѣ естественно, что нравственное ихъ исправленіе рѣшительно немислимо; тюрьма и ея традиціи довершали нравственное паденіе подобныхъ малолѣтнихъ, суля имъ въ будущемъ безотрадное странствованіе по тюрьмамъ, въ видѣ опытнаго — закаленнаго уже преступника.

И вотъ, чтобы извлечь малолѣтнихъ изъ такихъ положеній, своевременно поддержать ихъ, дать имъ возможность нравственно окрѣпнуть и исправиться, среди присяжныхъ разныхъ мѣстностей нерѣдко возникали предположенія объ устройствѣ какихъ-либо пріютовъ и образовательныхъ заведеній для такихъ бездомныхъ дѣтей. Въ нѣкоторыхъ окружныхъ судахъ присяжные засѣдатели съ этою цѣлію жертвуютъ постоянно небольшія суммы, которыя въ своемъ общемъ могутъ конечно выразиться въ довольно изрядномъ пожертвованіи.

Московскими присяжными засѣдателями издавна сдѣланъ починъ пожертвованій на устройство пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ. Починъ этотъ перешелъ уже въ обычай, и нынѣ каждая серія присяжныхъ засѣдателей, по окончаніи сессіи, считаетъ долгомъ съ своей стороны пополнить пожертвованія на этотъ предметъ своихъ предшественниковъ.

А что устройство такихъ пріютовъ представляется дѣломъ настоятельной необходимости, этого никто опровергать не будетъ.

Газета «Страна» въ одномъ изъ своихъ номеровъ за 1880 годъ упоминаетъ объ одномъ 10 лѣтнемъ мальчикѣ, о которомъ дѣло производилось въ Орловскомъ Окружномъ Судѣ. Ребенокъ этотъ обвинялся въ кражѣ и въ совершеніи трехъ поджоговъ, въ тюрьму онъ попалъ съ 7½ лѣтъ, съ тѣхъ поръ скитался по тюрьмамъ и наконецъ былъ привезенъ въ Орелъ для помѣщенія въ мѣстную земскую больницу, такъ какъ суду встрѣтилась необходимость освидѣтельствовать этого несчастнаго ребенка въ состояніи его умственныхъ способностей.

г) Въ Самарскомъ Окружномъ судѣ въ 1875 году слушалось дѣло о крестьянскомъ мальчикѣ Лыскинѣ, 11 лѣтъ, преданномъ суду за недонесеніе объ убійствѣ. Лыскинъ ходилъ по міру, и въ его присутствіи другой нищій, на дорогѣ, при переходѣ изъ одной деревни въ другую, застрѣлилъ крестьянина Нижегородова. Когда Нижегородовъ былъ застрѣленъ и ограбленъ, то убійца, дойдя до деревни, не отпускалъ отъ себя Лыскина ни на шагъ, а съелъ за лучшее спрятаться съ нимъ въ хлѣбъ, гдѣ они и были взяты. Подсудимый содержался подъ стражей. Присяжные признали его невиновнымъ, и когда предсѣдательствующій объявилъ его свободнымъ, то публика и присяжные стали бросать ему деньги, кто бумажки, кто серебро, кто мѣдныя, такъ что собралась такая сумма, каковой бѣдный мальчикъ никогда, вѣроятно, не видывалъ.

Не знаемъ въ какой степени это достоверно, но намъ передавали потомъ, что собранная мальчику сумма оказалась на столько значительною, что при участіи

нѣкоторыхъ изъ присяжныхъ засѣдателей, онъ былъ помѣщенъ въ какой-то пріютъ для первоначальнаго обученія. Если это такъ, то можно было бы только желать, чтобы этотъ добрый починъ самарскихъ присяжныхъ нашелъ бы себѣ подражаніе и при послѣдующемъ устройствѣ будущности ребенка.

д) Въ одномъ изъ окружныхъ судовъ семнадцатилѣтняя молодая дѣвушка судима была за убійство своего незаконнорожденнаго ребенка. Печальная исторія бѣдной дѣвушки, которая обманомъ была завезена слишкомъ за тысячу верстъ отъ мѣста своей родины, оболщена и затѣмъ брошена на произволъ судьбы, имѣла послѣдствіемъ то, что присяжные ее оправдали. Дѣло было зимой, по выпускѣ ея за рѣшетку, тюремная стража сняла съ нее казенный армякъ, и оправданной подсудимой приходилось выходить изъ суда на улицу въ какомъ-то легонькомъ платьѣ и платочкѣ при 20 градусномъ морозѣ, не имѣя въ чужомъ городѣ ни копѣйки денегъ, ни убѣжища, ни пріюта. Положеніе ея было ужасное, а эта безвыходность положенія ея усугублялась еще тѣмъ, что дѣвушка была очень хороша собой, и слѣдовательно, стояла такъ сказать уже на пути къ новому преступленію или къ той дорожкѣ, которая не сулила ей впереди ничего хорошаго.

Съ окончаніемъ засѣданія безпріютство ея стало ей очевиднымъ и она залилась горькими слезами. Присяжные засѣдатели всего состава сессіи, немедленно сдѣлали ей складчину, она получила временный пріютъ въ семействѣ одного изъ нихъ, на собранныя деньги ей сдѣлали теплую одежду и отправили къ ея матери на родину. Весь расходъ на нее обошелся около 80 руб. серебромъ. Конечно, неловко доброту и достойныя побужденія нравственной совѣсти присяжныхъ оцѣнять рублями, но мы указываемъ только на фактъ....

Нѣтъ цѣны нравственному поступку совершенно постороннихъ людей, которые такъ сочувственно отнеслись къ положенію бѣдной дѣвушки, во время поддержали ее, и возвратили съ рукъ на руки несчастной матери, ея молодую дочь.

е) Въ Елисаветградскомъ окружномъ судѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, 1878 года слушалось дѣло объ истязаніи и увѣчьѣ крестьянки Натальи Дыменковой ея мужемъ, деверемъ и свекровью.

На судѣ эта несчастная жертва необузданности и жестокости, предстала въ согнутомъ видѣ и на костыляхъ. Ей предложили сѣсть въ кресло, но она немогла сидѣть въ немъ и во все время судебного засѣданія полулежала на полу залы, жалуясь на нестерпимую боль въ спинѣ. Причиненные ей побои и истязанія были на столько сильны, что у нее разошлись тазовыя и лобковыя кости, сведена была нога, повреждены легкія и спинной мозгъ, разбита одна грудь, поврежденъ мочевой пузырь и парализованы мышцы прямой кишки.

Однимъ словомъ Наталья Дыменкова предстала на судѣ далеко не работницей. Видъ ея внушалъ состраданіе и полное сочувствіе.

Присяжные, конечно, обвинили ея мужа, девера и свекровь, которые и пошли въ Сибирь, а ей собрали такую по ея состоянію сумму денегъ, которая представила ей возможность пропитанія по крайней мѣрѣ на нѣсколько мѣсяцевъ впередъ.

На судѣ выяснилось, что Наталья Дмитріева до суда жила у своей матери

которая за пять недѣль передъ тѣмъ умерла, оставивъ ей на рукахъ еще двоихъ несовершеннолѣтнихъ сиротъ, сестру ея и брата.

Впослѣдствіи нѣкоторые изъ присяжныхъ, приняли еще больше участіе въ устройствѣ будущности несчастной калѣки Дыменковой и, какъ намъ передавали, возбудили даже ходатайство относительно помѣщенія ея куда либо въ богадѣльню.

Указанные нами единичные случаи благотворительной дѣятельности присяжныхъ засѣдателей, конечно ничтожны въ сравненіи съ тою суммою ихъ добрыхъ дѣлъ, которыя могутъ быть засвидѣтельствованы если не всѣми, то весьма многими окружными судами. Сколько обездоленныхъ и дѣйствительно несчастныхъ подсудимыхъ по оправданіи ихъ судомъ, выходя на волю безъ гроша въ карманѣ, безъ крова и пріюта, находили себѣ болѣе или менѣе значительную поддержку въ матеріальной помощи присяжныхъ, сколько милостиваго участія въ такой же формѣ выпадало и на долю тѣхъ подсудимыхъ, которые присяжными по справедливости были осуждены, равно какъ на долю дѣтей и вообще семействъ ихъ.

Такого рода дѣйствія присяжныхъ засѣдателей, являются уже конечно не дѣятельностью ихъ, какъ судей, но дѣятельностью какъ представителей общества, исполненныхъ чувствъ состраданія къ ближнему. Институтъ присяжныхъ засѣдателей, какъ кажется намъ, не выражалъ бы собою исполнѣ его нравственный смѣлель, если бы въ лицѣ ихъ мы видѣли бы только исполнителей своего судебного долга. Присяжные засѣдатели не коронные судьи, они выходятъ изъ среды самого общества, того общества, которое порождаетъ и дурные и хорошие элементы, въ которомъ получаютъ свое развитіе добрыя и безправственные зачатки людей, вотъ почему какъ солданы этого самаго общества, присяжные засѣдатели и внѣ судебной роли своей, не остаются чуждыми къ тому положенію вещей, которое для подсудимыхъ составляетъ неудовлетворительность или неблагоприятность ихъ житейской обстановки.

Да и могутъ ли иначе поступать присяжные, дозволить ли имъ совѣсть ихъ оставаться чуждыми ко всему тому, что раскрывается иногда передъ ними на судебномъ слѣдствіи относительно личности подсудимаго, какъ человѣка, подчасъ только несчастнаго и страдающаго.

Во имя закона и во имя справедливости виновный человѣкъ можетъ и долженъ быть наказанъ, но во имя человѣколюбивыхъ инстинктовъ, онъ не можетъ не возбуждать къ себѣ чувство состраданія. И вотъ подъ вліяніемъ такого рода душевныхъ мотивовъ, присяжные засѣдатели и выражаютъ часто свое матеріальное участіе, къ положенію не только такихъ подсудимыхъ, которыхъ они оправдываютъ, но даже и такихъ, которымъ выносятъ самыя строгіе обвинительныя приговоры.

Въ жизни нашего суда присяжныхъ, преимущественно въ болѣе развитыхъ его центрахъ проглядываетъ то весьма отрадное явленіе, что присяжные засѣдатели, выясняя себѣ на судѣ, тѣ причины, которыя довели подсудимаго до преступленія, выражаютъ иногда стремленіе, тѣмъ или другимъ путемъ, устранить ихъ и поставить тѣмъ оправдываемаго ими обвиняемаго, внѣ пагубнаго вліянія прежнихъ неблагоприятно отразившихся на немъ обстоятельствъ. Такимъ обра-

зошъ, намъ извѣстенъ на примѣръ случай, что хорошій башмачникъ, человекъ трезвый, имѣвшій большое семейство, попалъ на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ кражѣ, потому, что лишившись вслѣдствіе пожара всего своего имущества и обезвѣденія, раззорился, запыняствовалъ съ горя и наконецъ по нуждѣ совершилъ кражу.

На судѣ съ какою-то горечью на душѣ, онъ объяснялъ присяжнымъ, что кабы ему во время перепада только 50 рублей для того, чтобы подняться на ноги, то онъ никогда бы не дошелъ до такого состоянія и остался бы честнымъ человекомъ. Присяжные его оправдали и собрали ему 60 руб. сер. Черезъ годъ этотъ бѣднякъ оправился на столько, что снова открылъ свою мастерскую и зажилъ въ довольствіи прежнимъ честнымъ трудомъ.

Глубокое душевное спасибо присяжнымъ, нерѣдко вырывается у него изъ груди его благодарной души.

Желательно было бы, чтобы подобныя приемы общественной поддержки и помощи пошатнувшимся въ жизни обвиняемымъ, получали бы въ нашихъ судахъ все большее и большее развитіе. Почины присяжныхъ въ такихъ случаяхъ почти всегда находятъ себѣ отголоски и въ средѣ публики, а нужно ли говорить о томъ, на сколько развитіе въ массѣ народа такихъ благородныхъ инстинктовъ представляется желательнымъ. Общественная благотворительность, въ правильно и разумно постановленной формѣ, не смотря на наши традиціонныя состраданія ко всякаго рода «несчастнымъ» далеко не пользуется у насъ тою степенью развитія, которой она достигла на Западѣ. Происходитъ же это не отъ того, что нашъ народъ самъ собою эгоистиченъ или невоспримчивъ къ чужой бѣдѣ, къ чужому горю, а потому, что условия нашей общественной жизни представляютъ слишкомъ мало способовъ для того, чтобы знакомились въполнѣ достоверно безъ боязни, быть обманутымъ — съ истиннымъ горемъ, съ настоящей невзгодой жизни, а не съ поддѣльными положеніями чужаго горя, съ дѣйствительно бѣдственнымъ и несчастнымъ состояніемъ другихъ, а не съ прикрашеною убогостью души и тѣла. Въ этомъ случаѣ гласный судъ и публичныя судебныя разбирательства, представляютъ собою обширную арену всякаго рода житейскихъ невзгодъ и неудачъ, среди которыхъ общественная благотворительность найдетъ всегда не мало поводовъ для проявленія своей дѣятельности.

Въ нашей личной судебной практикѣ былъ однажды такой случай: крестьянинъ обвинялся въ убійствѣ лѣснаго сторожа въ то время, когда послѣдній пресѣдалъ его за порубку лѣса; присяжные признали его виновнымъ, дали ему снисхожденіе и судъ присудилъ крестьянина къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и бѣлымъ въ каторжную работу на 4 года.

Этотъ строгій приговоръ присяжныхъ, нѣсколько удивилъ публику, тѣмъ болѣе, что прошлое подсудимаго было безупречно и на судѣ онъ предсталъ, какъ хорошій семьянинъ, любящій мужъ и отецъ. На подсудимаго такой суровый вердиктъ произвелъ тоже тяжелое впечатлѣніе, и онъ съ грустью заявилъ присяжнымъ, что теперь ему все одно не жить, потому съ женою и дѣтьми врозь ему расставаться невозможно, все одно ему пропасть придется. Когда же ему объявили, что жена съ дѣтьми можетъ послѣдовать за нимъ, то онъ на это отвѣтилъ,

что она и пошла бы, да на это у нея «грошей нѣтъ». Присяжные засѣдатели переглянулись между собою, пошптались, и въ короткое время весь очередной составъ ихъ, собравъ ему 80 рублей сер., которые тутъ же и были вручены живъ подсудимаго. Послѣдній послѣ того не только что успокоился, но даже и повеселѣлъ.

На этотъ разъ, впрочемъ, значительная сумма денегъ была собрана присяжными подсудимому, отчасти потому, что относительно его они нѣсколько ошиблись.

Вынося этому подсудимому обвинительный приговоръ, они думали, что убійство «изъ за воза дровъ» не повлечетъ за собою столь строгаго примѣненія къ нему закона.

XXIX.

Обстановка совѣщаній присяжныхъ.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы указывали на нѣкоторыя неправильности, или лучше сказать неловкости, допускаемыя судомъ по отношенію къ присяжнымъ засѣдателямъ въ то время, когда они удаляются въ свою совѣщательную комнату, для выборовъ старшины. Мы указывали тамъ, что судьи въ чрезмѣрной торопливости своей позволяютъ себѣ, иногда торопить и присяжныхъ, чтобы они скорѣе выбрали старшину, и находили, что такого рода дѣйствія судей являются въ высшей степени неделикатными по отношенію къ присяжнымъ. Но тѣже приемы торопливости подталкиваній и напоминаній судей, практикуемые ими замѣтимъ довольно часто принимаютъ совершенно другой характеръ и отгнѣнь въ тѣхъ случаяхъ, когда судья подгоняетъ совѣщанія присяжныхъ, при обсужденіи ими вопросовъ о винѣ или невинности подсудимыхъ. Кто не согласится съ тѣмъ, что время проводимое присяжными засѣдателями въ этихъ совѣщаніяхъ, представляетъ собою самые существенные моменты уголовного процесса, когда присяжные въ общеніи съ внѣшнимъ міромъ, подъ охраною стражи и предоставленные только своей совѣсти, вырабатываютъ въ себѣ на основаніи того, что они слышали и видѣли на судѣ, окончательное убѣжденіе свое о винѣ или невинности подсудимаго, постановляютъ тотъ рѣшительный приговоръ свой, который долженъ разрѣшить судьбу и участь человека. Очевидно, всякая поспѣшность присяжныхъ въ столь существенномъ вопросѣ ихъ долга, можетъ имѣть гибельное послѣдствіе для подсудимаго, вслѣдствіе чего и всякая торопливость со стороны судей, малѣйшее нетерпѣніе, обнаруживаемое ими относительно присяжныхъ за долгія ихъ совѣщанія, должны быть признаваемы прямо преступными, ничѣмъ неоправдываемыми. А между тѣмъ въ нѣкоторыхъ окружныхъ судахъ, въ особенности въ практикѣ наиболѣе нетерпѣливыхъ судей, весьма часты случаи подталкиванія присяжныхъ засѣдателей, къ скорѣйшему разрѣшенію, предложенныхъ на разсмотрѣніе ихъ вопросовъ. Положимъ, въ этихъ случаяхъ, судьи подгоняютъ и подталкиваютъ присяжныхъ болѣе тонкимъ приличнымъ образомъ, и никогда не бываетъ того, чтобы съ этою цѣлію въ совѣщательную комнату ихъ являлся посланецъ въ видѣ судебного пристава, но за то нетерпѣливыя постукиванія въ ихъ дверь, пощелкиванія языкомъ замка въ замочной скважинкѣ двери, ведущей къ присяжнымъ, громкіе разговоры около

нея судей, съ выраженіемъ неудовольствія суда на столь продолжительныя совѣщанія присяжныхъ, все это такія явленія изъ обыденной жизни нашихъ по преимуществу провинціальныхъ окружныхъ судовъ, которыя наблюдаются къ сожалѣнію не особенно рѣдко.

Такого рода дѣйствія, допускаемая со стороны нѣкотораго числа, очевидно весьма легкомысленныхъ судей, мало того что представляются незаконными и въ высшей степени парализующими правильное постановленіе присяжными засѣдателями приговоровъ о винѣ или невинности подсудимыхъ, но по отношенію собственно къ присяжнымъ засѣдателямъ, должны быть признаваемы за дѣйствія, оскорбляющія ихъ нравственное достоинство, посягающія на неприкосновенность ихъ совѣсти.

Возможно ли торопить человѣка разрѣшить скорѣе тотъ или другой вопросъ о винѣ подсудимаго, когда съ этимъ разрѣшеніемъ нерѣдко связана судьба не только самого подсудимаго, но и многочисленнаго его семейства, когда за приговоромъ присяжныхъ «да виновенъ» можетъ иногда послѣдовать каторжная работа безъ срока или другое тяжкое наказаніе, когда всякій благоразумный судья не можетъ не понимать, всей возмутительности передъ своимъ собственнымъ чувствомъ, тѣхъ пріемовъ, которыми посягають на свободную совѣсть присяжныхъ, насилуютъ ее и не даютъ ей возможности безъ всякой торопливости и понуканій высказаться совершенно спокойно, выработать въ себѣ то или другое свое убѣжденіе. Понятное дѣло, что присяжные засѣдатели глубоко возмущаются всегда такого рода пріемами суда, и многіе изъ нихъ говорятъ, что послѣ такого напоминанія въ дверь, о скорѣйшемъ разрѣшеніи вопросовъ, они, побуждаемые торопливостью, путаются въ своихъ соображеніяхъ и выводахъ, на нихъ нападаетъ какая-то робость, какъ бы не ошибиться, какъ бы не дать промаха и въ рѣшительную минуту подачи своего голоса, они положительно теряются, испытываютъ какое-то тяжелое чувство нравственнаго неудовлетворенія самихъ себя и сознаютъ по собственному убѣжденію, невозможность постановить при такомъ положеніи своемъ, такой приговоръ, который болѣе или менѣе тяжелымъ сомнѣніямъ не залегъ бы потомъ на ихъ душу.

Многіе присяжные засѣдатели, ради нежеланія испытывать эти непріятные моменты въ своемъ положеніи, стараются нерѣдко уклониться отъ своихъ обязанностей только потому именно чтобы не стать въ положеніе судей не свободной непринужденной, а насилуемой судомъ совѣсти.

Приведемъ одинъ вполне достовѣрный фактъ изъ нашей судебной практики который можетъ служить прекрасною иллюстраціею къ только что приведеннымъ нами соображеніямъ.

По удаленіи присяжныхъ засѣдателей въ совѣщательную комнату съ вопросомъ листомъ, по дѣлу о подсудимомъ, обвинявшемся въ вооруженной кражѣ, къ дверямъ ихъ комнаты поставленъ былъ сторожемъ какой то мѣщанинъ, такъ какъ дѣло было въ небольшомъ уѣздномъ городѣ въ помѣщеніи мирового съѣзда. Долго присяжные совѣщались и не выходили, тогда судебный приставъ по собственной ли инициативѣ или же по негласному намеку предсѣдательствовавшего

подошелъ къ двери присяжныхъ и нѣсколько разъ слегка постучалъ въ нее карандашемъ. Черезъ нѣсколько минутъ послышался отвѣтный стукъ изнутри, судебный приставъ доложилъ о томъ суду, судьи заняли свои мѣста и присяжные вышли.

— Позвольте вопросный листъ съ вашими отвѣтами, обратился председательствующій къ старшинѣ присяжныхъ, протягивая свою руку.

— Да мы еще приговора не постановили отвѣтилъ онъ.

— Почему же?

— Потому что намъ мѣшали, торопили насъ, стучали въ дверь. мы порѣшили выйти изъ совѣщательной комнаты и просить васъ приставить къ нашимъ дверямъ такую стражу, которая не допускала бы никого тревожить насъ, объяснилъ старшина присяжныхъ председательствующему.

Последній переглянулся съ судебнымъ приставомъ, сдѣлавъ недовольную физиономію и предложилъ присяжнымъ отправиться въ свою комнату доканчивать совѣщанія.

Конечно охрана при дверяхъ осталась та же.

— Наши присяжные все «нововведенія» выдумываютъ, приговорилъ председательствующій, выходя изъ за стола, но что разумѣлъ онъ подъ этими нововведеніями осталось неизвѣстнымъ.

Между тѣмъ этотъ поступокъ присяжныхъ засѣдателей и главнымъ образомъ старшины (сельскаго учителя) нельзя не признать въ высшей степени отпаднымъ явленіемъ, и нужно только желать, чтобы присяжные засѣдатели въ подобныхъ случаяхъ, всегда и вездѣ съ тою же энергіею, рѣшимостью и съ тѣми же неуклонными побужденіями, отстаивали въ такихъ случаяхъ, какъ интересы своего нравственнаго служенія обществу, такъ и интересы тѣхъ подсудимыхъ, участь которыхъ должна быть ими разрѣшаема.

Еще эпизодъ въ такомъ же родѣ.

Председательствовавшій членъ суда, будучи крайне недоволенъ тѣмъ, что присяжные долго совѣщались по вопросамъ суда и не выходили изъ совѣщательной комнаты, нашелъ поводъ сдѣлать имъ замѣчаніе по этому случаю благодаря тому, что по выходѣ присяжныхъ изъ совѣщательной, комнаты онъ замѣтилъ тамъ цѣлая облака дыма.

— Господа присяжные, обратился онъ къ нимъ, ваше долговременное совѣщаніе по настоящему несложному дѣлу, даетъ мнѣ основаніе сказать вамъ, что на этотъ разъ въ совѣщательной комнатѣ вашей, вы должны были заниматься только дѣломъ и ничѣмъ больше, а для куренія табаку можно выбрать и другое мѣсто и болѣе свободное время когда судъ васъ не ждетъ.

— Господинъ председатель, отозвался на это одинъ изъ присяжныхъ, курить въ совѣщательной комнатѣ только я одинъ, а потому ваше замѣчаніе отношу лично къ себѣ, но я долженъ вамъ сказать въ свое оправданіе, что, по привычкѣ курить много, я не могу обходиться безъ куренія особенно тогда, когда усилленно думаю и соображаю какъ было въ настоящемъ случаѣ.

Возраженіе это было, конечно, много основательнѣе вызвавшего его замѣчанія

Относительно вѣшной стороны той обстановки, въ которой присяжнымъ засѣдателямъ приходится иногда постановлять свои вердикты, мы говорили уже раньше довольно подробно. Укажемъ только еще здѣсь на случай, когда присяжные одного состава въ губернскомъ городѣ, выйдя изъ совѣщательной комнаты, заявили суду чрезъ своего старшину требованіе, о внесеніи въ протоколъ судебного засѣданія того обстоятельства, что во время ихъ совѣщанія судебный приставъ подходилъ дважды къ ихъ дверямъ и именемъ суда понукалъ ихъ словами «нельзя-ли господа вамъ скорѣе». Хотя судьи тутъ же и заявили присяжнымъ, что они такого приказанія судебному приставу не отдавали, но послѣдній къ крайней неловкости всего состава суда объявилъ имъ, что распоряженіе суда: поторопить присяжныхъ, опъ получилъ чрезъ посредство секретаря суда. Послѣдній же счелъ за лучшее промолчать.

XXX.

Типы присяжныхъ засѣдателей.

Нашъ институтъ присяжныхъ, успѣлъ уже выработать въ себѣ извѣстныхъ типичныхъ представителей. Разнообразіе людей всякаго рода званій, отгѣнковъ и положеній, различіе ихъ по образованію, развитію и бытовымъ особенностямъ, создали въ средѣ нашихъ присяжныхъ засѣдателей, такъ сказать, отдѣльные кружковые взгляды, которые иногда крайне рѣзко отличаются одинъ отъ другаго своими типичными особенностями. Значеніе разнородности присяжныхъ засѣдателей, по перечисленнымъ выше типамъ и особенностямъ, не бросается въ глаза въ столичныхъ и вообще въ большихъ городахъ, гдѣ составъ присяжныхъ засѣдателей, въ большинствѣ случаевъ, представляетъ собою среду однородную, почти всегда развитую, интеллигентную, болѣе ровнаго характера, несомѣщающую въ себѣ особенныхъ крайностей или неравенствъ во взглядахъ. Но въ уѣздныхъ городахъ, на уѣздныхъ сессіяхъ, гдѣ составъ присяжныхъ засѣдателей бываетъ подъ часъ самый смѣшанный, значеніе этой разнородности сказывается иногда весьма рельефно, и нерѣдко выражается въ извѣстной степени нравственного подчиненія одной части состава присяжныхъ засѣдателей другой.

Самую значительную массу присяжныхъ у насъ составляютъ, какъ извѣстно, крестьяне. Отличительною особенностію въ ихъ взглядахъ на значеніе суда и на личность преступника, какъ на человѣка «несчастливаго», представляется, то что они въ дѣлѣ суда относятся всегда тораздо строже къ самимъ себѣ, нежели къ лицу обвиняемаго, и въ отправленіе своего судейскаго долга, не вносятъ элемента того легкомыслія, которое иногда замѣчается въ присяжныхъ засѣдателяхъ другихъ классовъ.

Въ прекрасныхъ очеркахъ Златовратскаго, типы крестьянъ присяжныхъ очерчены въ такихъ словахъ: «всѣ они болѣе легковѣрные художники, чѣмъ строгіе мыслители, и хотя прежде чѣмъ на что нибудь рѣшиться или рѣшать какое-либо дѣло, долго носятя съ нимъ, думаютъ, изслѣдуютъ его со всѣхъ сторонъ, но вдругъ утомившись, бросаютъ всѣ свои подготовительныя изысканія и произно-

сать рѣшеніе, согласно лишь съ душевнымъ настроеніемъ. Крестьяне—присяжные впечатлительны, въ нихъ замѣтна склонность рѣшать дѣла по душѣ, а не по хитросплетеннымъ измышленіямъ; все это кладеть на ихъ характеръ, печать добродушія, но въ частности, въ нѣкоторыхъ преобладаетъ долгая, упорная вдумчивость, по пословицѣ «семь разъ примѣрь, а одинъ отрѣжь». Другіе, напротивъ, поддаются всецѣло своимъ впечатлѣніямъ и живутъ подъ напѣтиемъ минуты. Первые, по понятіямъ самихъ крестьянъ, считаются людьми основательными, правильными, вторые же неосновательными».

Къ этой характеристикѣ крестьянъ-присяжныхъ, добавимъ слѣдующее. Чувствуя себя призванными къ отправленію великаго дѣла, и сознавая подъ-часъ въ себѣ недостатокъ извѣстнаго развитія, и пониманія, крестьяне-присяжные никогда не бываютъ самопадѣянны. Въ нихъ никогда нельзя встрѣтить и оттѣнка той мысли, что они смѣютъ на дѣло суда, какъ на предметъ легкой, доступный для ихъ разрѣшенія, напротивъ, они крайне осторожны, слишкомъ чутки въ своей совѣсти, и трудясь умственно надъ разрѣшеніями вопросовъ о подсудимомъ, никогда не теряютъ изъ головы мысль о томъ, что дѣло ихъ личнаго суда не окончится за дверьми залы засѣданія, а можетъ отозваться далеко впереди при «смертномъ» часѣ, или въ другую минуту единенія съ своею совѣстью.

Эта осторожность крестьянъ-присяжныхъ, гетати сказать, замѣчаемая по всемѣстно, при отсутствіи въ характерѣ простолюдиновъ всякаго, самобустреннаго бахвальства, составляетъ въ нихъ качество весьма драгоцѣнное, и рѣдко въ числѣ присяжныхъ можно встрѣтить простолюдина, который не соответствовалъ бы всемъ этимъ типичнымъ особенностямъ.

Однако же слѣдуетъ добавить, что подъ категорію этого типа, могутъ быть отнесены исключительно только крестьяне земледѣльцы, какъ люди, живущіе простотою своей души, естественными своими инстинктами, стоящіе ближе къ самой природѣ, люди, которыхъ не коснулись еще разныя городскія вѣянія, какъ напримѣръ привычки народа фабричнаго, мастерового.

Наконецъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть причислены къ разряду такихъ простыхъ людей, крестьяне, искусившіеся уже въ замашкахъ и принципахъ сельчанъ-кулаковъ изъ мелкихъ торгашей, цѣловальниковъ, кабатчиковъ и тому подобнахъ представителей, которые съ перемѣною сѣраго армяка на синій кафтанъ, или длиннополый сюртукъ, мѣняютъ обыкновенно и весь склад нравственной своей физіономіи.

Еще одну крайне характерную черту приходится наблюдать въ характерѣ представительства крестьянъ присяжныхъ. Оправдывая иногда виноватаго человека, они въ тоже время никогда, никому, ниже въ особенности самому подсудимому, не стараются дать понять, что они сдѣлали для него милость, и что онъ долженъ за то «возчувствовать къ нимъ благодарность». Въ задачѣ своего судейскаго служенія, они видятъ прежде всего свой долгъ передъ Богомъ какъ бы «изъ за этого дѣла на душу грѣха не взять», а потому никогда не задаются праздною мыслью о томъ, что вотъ де мы, какъ захотѣли такъ и осудили, захотѣли бы обвинили а то вотъ и оправдали.

Таковъ бываетъ всегда душевный мотивъ ихъ, въ постановляемыхъ ими приговорахъ и ни малѣйшей черты чванливаго высокомерія нельзя никогда уловить въ вердиктахъ присяжныхъ изъ простоллюдиновъ.

И въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ явленіяхъ своей жизни, крестьяне присяжные устраняютъ вопросъ о своемъ личномъ значеніи, они думаютъ «не собою» и рѣшеніе ихъ «не отъ себя», а какъ «по Божескому закону по совѣсти выдать».

По словамъ очерковъ г. Златовратскаго присяжные крестьяне въ понятіяхъ о своемъ судействѣ видятъ долгъ свой «постоять за невольный грѣхъ человѣчества передъ царемъ и закономъ», и этому долгу придаютъ такое высокое нравственное значеніе что даже больной «Томушка» почувствовавъ облегченіе отъ своей болѣзни которая постигла его въ то время когда онъ исполнялъ обязанность присяжнаго засѣдателя, порывался поскорѣе отправиться опять на судъ, чтобы завершить этимъ служеніемъ дѣло своей жизни.

Томушка это одинъ изъ типичныхъ представителей служилыхъ людей передъ «великимъ отвѣтнымъ дѣломъ своей души и совѣсти».

А какъ неизмѣримо далеко отъ такихъ честныхъ и искреннихъ воззрѣній на дѣло суда, стоятъ многіе наши присяжные интеллигенты.

Столь строгое отношеніе крестьянъ присяжныхъ къ своему долгу судей не рѣдко порождаетъ между ними сознаніе и убѣжденіе въ своей нравственной несостоятельности для сужденія подсудимаго. А убѣжденія такого рода сопровождаются «неувѣренностію въ себѣ», что и порождаетъ въ свою очередь присяжныхъ-бѣгуновъ о которыхъ мы говорили уже выше.

«Человѣкъ вѣры въ себя рѣшился, очень уже онъ смиренный, да скромный, да Богу крѣпкій ну и ушелъ въ бѣга», читаемъ мы у Златовратскаго.

А такіе случаи побѣговъ отъ суда, повторимъ мы, бываютъ не рѣдки.

Крестьянинъ присяжный въ совѣстливой борьбѣ съ самимъ собою, что, ну, какъ онъ дѣла не одолѣетъ, лишается въ самого себя вѣры, и не находя исхода такому окончательному выводу своей совѣсти, рѣшается сойти со сцены суда, уступить своей немощи и тихо, молча и не замѣтно уходитъ изъ присяжныхъ домой.

На сессіяхъ особенно въ уѣздныхъ городахъ, часто приходится наблюдать такіа безпричинныя по видимому отлучки, присяжныхъ до окончанія сессіи суда. Иной крестьянинъ присяжный, бывшій на предшествовавшемъ дѣлѣ, вдругъ оказывается отсутствующимъ, товарищи его обыкновенно заявляютъ, что не знаютъ куда онъ дѣлся, а онъ попросту, или вѣры въ себя рѣшился, или совѣсти убоился, подумалъ, какъ быть и ушелъ домой.

Въ первое время по открытіи судовъ, судьи придавали такимъ внезапнымъ отлучкамъ крестьянъ характеръ умышленнаго уклоненія ихъ отъ исполненія обязанностей присяжныхъ засѣдателей и иногда жестоко ихъ штрафовали за это.

Впоследствии уже штрафы эти свелись къ самой незначительной суммѣ, когда судьи мало по малу разными путями ознакомились съ причинами такихъ уклоненій крестьянъ присяжныхъ отъ участія въ рассмотрѣніи дѣлъ.

На нашей собственной судебной практикѣ, былъ однажды такой случай: присяжные находившіеся въ совѣщательной комнатѣ, по прошествіи получаса уже пребыванія въ ней, вышли оттуда въ полномъ составѣ и при этомъ старшина ихъ заявилъ предсѣдательствующему, что одинъ крестьянинъ присяжный проситъ его уволить и замѣнить запаснымъ на томъ основаніи, что его «сторонѣ взяла» и что онъ не рѣшается дать ни того, ни другаго отвѣта.

Сущность дѣла по которому требовалось постановить приговоръ, была совершенно ясна, виновность подсудимаго представлялась вполне очевидной и можно было заранѣе предсказать ему обвинительный приговоръ присяжныхъ, а потому недоумѣвая, чтобы могло смутить крестьянина присяжнаго, предсѣдательствующій обратился къ нему съ вопросомъ: «что съ нимъ и отчего онъ боится принять участіе въ рѣшеніи дѣла?»

— Душа, ваше благородіе, оробѣла, не могу съ ей сообразить ничего, робко и нерѣшительно отозвался крестьянинъ, видимо испытывая на себѣ какую-то нервную робость и дрожь.

Конечно судъ немедленно замѣнилъ этого присяжнаго, запаснымъ засѣдателемъ и тѣмъ избавилъ его оробѣвшую душу отъ дальнѣйшей тревоги и боязни отвѣта передъ своею совѣстью.

Второй болѣе общій типъ нашихъ присяжныхъ, это типъ торговаго люда. Кушцы мелкіе, крупныя, торговцы, фабриканты, промышленники и вообще люди коммерческіе, во взглядахъ своихъ на все окружающее ихъ, придерживающіеся своихъ особенныхъ воззрѣній, на которыхъ какъ то, невольно отпечатлѣвается характеръ ихъ коммерческой дѣятельности.

Присяжные этого типа, люди въ большинствѣ или слабо, или то же что совсѣмъ необразованные.

Они тоже не прочь взглянуть иногда на дѣло по душѣ, но эти душевные побужденія ихъ, складываются изъ совершенно иныхъ элементовъ нежели у присяжныхъ первой категоріи. Первые рѣшая дѣла какъ имъ Богъ на душу положитъ, всецѣло отдаются, тому или другому влеченію ихъ совѣсти, послѣдніе же по выраженію одного провинціала хотя и рѣшаютъ дѣла по совѣсти, но «не распускаютъ ее а держатъ въ острасткѣ».

Большинство всѣхъ вообще преступленій, совершается обыкновенно съ цѣлію матеріальной противозаконной выгоды или желанія воспользоваться имущественно на счетъ другаго. Въ дѣлахъ подобнаго рода, вопросъ о способѣ осуществленія подобной выгоды, путемъ хищенія или другимъ какимъ либо противозаконнымъ способомъ, играетъ, какъ извѣстно, самую существенную роль. И вотъ въ разрѣшеніи связанныхъ съ подобными дѣлами матеріальныхъ вопросовъ, которыми обуславливается болѣе или менѣе серьезная отвѣтственность подсудимаго, присяжные купеческаго типа, никогда не оставляютъ въ сторонѣ «свои» личные обычаи, взгляды и соображенія иногда далеко не легальныя.

Одинъ изъ предсѣдателей окружныхъ судовъ, въ официальномъ представленіи своемъ по поводу нѣкоторыхъ неосновательныхъ оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ между прочимъ доносилъ, что, по нарушеніямъ торговаго

устава и по дѣламъ о злостномъ банкротствѣ, отъ присяжныхъ изъ лицъ торгующей и купеческой среды невозможно ожидать обвинительныхъ приговоровъ, потому, что за рѣдкими исключеніями всѣ они къ преступленіямъ подобнаго рода относятся исключительно съ своей особенной точки зрѣнія, не имѣющей ничего общаго съ правильнымъ и безпристрастнымъ взглядомъ на дѣло.

А одинъ изъ товарищей прокурора въ оффиціальной же отмѣткѣ своей о причинѣ, почему присяжные оправдали одного купца злостнаго банкрота, дѣйствіями котораго возмущенъ былъ весь городъ, указалъ на то, что отъ присяжныхъ купческаго по преимуществу состава, трудно было добиться для этого обвиняемаго какого либо другаго приговора кромѣ оправдательнаго, который они ему и вынесли, не изъ состраданія и сожалѣнія къ его личности только, а изъ «прямаго сочувствія къ самому образу дѣйствій его въ которыхъ выразилась суть его преступленія».

Въ одномъ изъ провинціальныхъ журналовъ относительно присяжныхъ пз мѣстныхъ мѣщанъ торговцевъ читаемъ мы слѣдующее.

«Торгующіе мѣщане составляютъ въ нашемъ городѣ преобладающій элементъ присяжныхъ. Въ характерѣ ихъ дѣятельности можно подмѣтить слѣдующія ненормальныя особенности: они всѣ люди безусловно честные — но по своему. Руководясь въ рѣшеніи дѣлъ побужденіями своей совѣсти они умѣютъ при надобности придавать ей способность «сокращаться и видоизмѣняться». Они тоже не чужды духа современнаго справедливаго судьи, но эту справедливость олицетворяютъ по своему собственному разумѣнію. Ихъ нельзя упрекнуть въ томъ что они рѣшаютъ дѣла недобросовѣстно, потому, что недобросовѣстное въ одномъ отношеніи; будетъ вполне добросовѣстно въ другомъ — конечно съ ихъ точки зрѣнія. Осудить вора слѣдуетъ, потому что онъ воръ, а оправдать вора не добросовѣстно; а если этотъ воръ «свой человѣкъ» то какъ же на него руку поднимать. При случаѣ «свой человѣкъ» можетъ быть и понадобится, «а и въ своемъ гнѣздѣ не всѣ одинаковы».

Такимъ образомъ у присяжныхъ такихъ воззрѣній, интересы всего общества; приносятся всегда въ жертву интересамъ болѣе ограниченнаго кружка «своихъ людей».

Крайнія особенности во взглядахъ и пріемахъ являютъ собою присяжные засѣдатели изъ отставныхъ военныхъ. Присущая имъ скорость и быстрота въ сужденіяхъ и рѣшеніяхъ своихъ отражается иногда и на дѣлахъ ими разрѣшаемыхъ. Во средѣ другихъ присяжныхъ, болѣе медлительныхъ и осторожныхъ, присяжные этого типа не задумываются обыкновенно долго надъ дѣлами; никакіе вопросы не представляютъ для нихъ особенной трудности, медленность въ подачѣ своего голоса они не считаютъ за осторожность, а признаютъ ее признакомъ нерѣшительности и гражданской трусости.

Намъ сообщаютъ объ одномъ случаѣ, когда при совѣщаніяхъ присяжныхъ старшина ихъ вынужденъ былъ замѣтить двумъ присяжнымъ изъ военныхъ подавшимъ первымъ свои голоса, безъ всякихъ разсужденій, чтобы они не мѣшали бы по крайней мѣрѣ другимъ присяжнымъ обдуматься хорошенько, прежде чѣмъ подать свой рѣшительный голосъ.

Конечно впрочемъ здѣсь какъ и всегда, нѣтъ правила безъ исключенія.

Наконецъ слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ типичномъ представительствѣ присяжныхъ изъ старыхъ отставныхъ чиновниковъ и вообще людей пожилыхъ, взрослыхъ подъ традиціями, неизбѣжными ничего общаго съ современными порядками судопроизводства.

Таки присяжные на характеръ сужденій ихъ, на взгляды и убѣжденія свои проистекающія изъ дѣла кладутъ цѣликомъ печать прежнихъ старинныхъ болѣе знакомыхъ имъ порядковъ.

Они признаютъ за совѣстью присяжныхъ неотъемлемое право анализировать нравственную личность подсудимаго, взвѣшивать силу уликъ, придавать имъ ту или другую важность, но они въ тоже время не могутъ отрѣшиться и отъ своихъ прежнихъ воззрѣній; для нихъ система формальныхъ доказательствъ имѣетъ еще и теперь важное и существенное значеніе, поколебать которое не въ силахъ никакія болѣе свѣжія убѣжденія.

Укажемъ на такой случай. Между присяжными засѣдателями по одному дѣлу о кражѣ, произошли въ совѣщательной комнатѣ довольно значительныя препирательства, вызвавшія для устраненія ихъ вмѣшательство короннаго суда.

Дѣло было въ томъ, что старшина присяжныхъ, отставной столоначальникъ бывшаго уѣзднаго суда, никакъ не могъ согласиться съ большинствомъ своихъ сотоварищей объ оправданіи подсудимаго; на томъ основаніи, что противъ него свидѣтельствовали и училили его въ преступленіи нѣсколько присяжныхъ свидѣтелей. Старшина присяжныхъ долго убѣждалъ своихъ сотоварищей, что по прежнему порядку два свидѣтеля признавались вполне достаточными для обвиненія и что «хотя конечно присяжные по своимъ правамъ могутъ всякаго человѣка хотя и виноватаго оправдать, однакоже тоже противно совѣсти въ резонъ не брать когда четыре человѣка говорятъ, что подсудимый виноватъ».

Этотъ столоначальникъ понималъ по своему значенію новатаго суда, былъ въ-рился въ то, что руководящими его началами являются побужденія совѣсти, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ никакъ не могъ отрѣшиться отъ мысли, что прежній взглядъ, непригоденъ уже совсѣмъ для того, чтобы рѣшать дѣла окончательно по совѣсти.

Въ описываемомъ случаѣ, большинство присяжныхъ были люди, хотя и не особенно образованной среды, но однакоже развитые на столько, что понимали вполне свои права и обязанности а потому не поддались неправильнымъ толкованіямъ и убѣжденіямъ своего старшины, трактававшимъ передъ ними о значеніи формальныхъ доказательствъ; но въ другихъ случаяхъ, перевѣсъ голоса такихъ типичныхъ представителей суда присяжныхъ, можетъ иногда оказаться и на ихъ сторонѣ.

Изъ сопоставленія всѣхъ указанныхъ нами выше типовъ присяжныхъ засѣдателей можно однакоже сдѣлать тотъ общій выводъ, что будучи вводимы въ самыя разнообразныя составы присутствій присяжныхъ, они по своимъ особенностямъ и характернымъ отличіямъ и отъбнмамъ, взаимно другъ друга сглаживаютъ, умѣряютъ и первенствующаго значенія никогда почти имѣть не могутъ. Люди

самонадѣянные въ средѣ другихъ присяжныхъ, обыкновенно сдерживаются въ своихъ сужденіяхъ присяжными болѣе осторожными; лица той среды, къ которой принадлежитъ подсудимый и слѣдовательно смотрящіе на дѣло съ «своей» точки зрѣнія, получаютъ должный противовѣсъ въ мнѣніяхъ присяжныхъ, принадлежащихъ къ другому кругу и придерживающихся другихъ часто совершенно противоположныхъ взглядовъ на дѣло. Наконецъ единичные голоса присяжныхъ, привыкшихъ первенствовать, и руководить убѣжденіями другихъ, парализуются почти всегда массою всего состава присяжныхъ.

Такимъ образомъ относительно типичнаго представительства нашихъ присяжныхъ засѣдателей слѣдуетъ сказать, что на рѣшеніяхъ уголовныхъ дѣлъ, оно едва-ли можетъ отражаться какими-либо неблагопріятными результатами.

XXXI.

Состояніе оныяненія по взглядамъ присяжныхъ.

Вопросъ о чрезмѣрномъ употребленіи спиртныхъ напитковъ представляетъ собою одинъ изъ весьма серьезныхъ общественныхъ вопросовъ. Пьянство—какъ порокъ въ весьма многихъ случаяхъ пагубнаго своего проявленія, отражается между прочимъ и на цѣлой массѣ разнаго рода преступленій, совершаемыхъ по преимуществу простолюдинами, исключительно подъ вліяніемъ нетрезваго своего состоянія. Кто слѣдитъ за дѣятельностію нашихъ окружныхъ судовъ, кто посѣщаетъ часто судебныя засѣданія съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, тотъ не можетъ не поражаться громадною цифрою тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ пьянство, нетрезвое состояніе, праздничная безшабашная гульба и разные грубые инстинкты, возникающіе благодаря чрезмѣрной вышитой водкѣ, являются главными, а иногда и непосредственными факторами совершающихся преступленій.

Сколько разнаго рода мелкихъ, ничтожныхъ кражъ порождается тѣмъ, что человѣкъ выпилъ лишнее и въ такомъ ненормальномъ состояніи своемъ поддався преступному соблазну, попользоваться чужимъ добромъ, тогда какъ въ трезвомъ состояніи подобная мысль никогда не пришла бы ему и въ голову.

Сколько разнаго рода дракъ, происходящихъ въ пьяномъ видѣ, оканчивается обыкновенно взаимнымъ причиненіемъ одинъ другому ранъ, разнаго рода тяжелыхъ побоевъ, увѣчій и поврежденій, влекущихъ не рѣдко за собою и самую смерть, и какими тяжелыми послѣдствіями обрушиваются подобныя дѣла надъ личностями, подъ часъ совершенно безобидными, которыя въ трезвомъ состояніи неспособны рѣшительно никого обидѣть не только дѣломъ, но и словомъ.

Сколько молодыхъ и порядочныхъ людей изъ среды простаго класса, предстаетъ ежегодно передъ судомъ нашихъ присяжныхъ по обвиненію въ самыхъ тяжелыхъ преступленіяхъ, каковы напр., разбои, грабежи, оскорбленія цѣломудрій женщинъ и т. д. и которыя въ сущности являются только послѣдствіями какой-то удали, излишней отваги и храбрости, порождаемыхъ въ молодыхъ натурахъ, избыткомъ того же вышитаго вина.

Народное пьянство, пьянство чуть не огульное, составляющее столь громадное зло въ экономическомъ бытѣ нашего простаго народа, подрывающее въ корнѣ его матеріальные интересы и благосостояніе, не менѣе гибельно отражается и на другихъ болѣе существенныхъ интересахъ его—интересахъ нравственныхъ.

Если съ точки зрѣнія экономическаго благосостоянія народа пьянство, ведущее его къ прогрессивному разоренію справедливо ослабчиваетъ собою правительство и благоразумную часть общества, то съ другой стороны не долженъ быть оставленъ безъ вниманія и другой происходящій отъ пьянства вредъ, вредъ выражающійся въ растѣвающимъ влияніи этого губительнаго порока на массу народа.

Наши присяжные засѣдатели имѣютъ возможность весьма обстоятельно ознакомиться съ тѣмъ влияніемъ, которое оказываетъ вино на извѣстную склонность людей къ преступленіямъ. Картины народнаго пьянства въ поразительно разнообразныхъ краскахъ и обстановкахъ, проходятъ на судѣ передъ глазами присяжныхъ, а потому представляется конечно интереснымъ прослѣдить, какимъ образомъ относятся присяжные засѣдатели къ вопросу объ опьяненіи и не трезвому состоянію подсудимыхъ, какъ къ одному изъ элементовъ въ составѣ того или другаго преступнаго дѣянія.

Въ этомъ отношеніи, руководясь результатами опыта и наблюденій, мы должны сказать, что взгляды присяжныхъ засѣдателей на состояніе опьяненія человека въ моментъ совершенія преступленія, представляются прямо противоположными тѣмъ положительнымъ указаніямъ закона, которыми мы встречаемъ по этому предмету въ уложеніи о наказаніяхъ.

По смыслу нашего уголовного закона, естественное опьяненіе отъ чрезвычайнаго употребленія горячихъ напитковъ, не приѣмлетъ ни въ какое уваженіе и не можетъ быть признаваемо обстоятельствомъ смягчающимъ виновность. Но послѣдняя увеличиваетъ собою въ значительной степени мѣру наказанія, когда доказано бываетъ, что подсудимый выпилъ вина для бодрости и умственно привелъ себя въ состояніе опьяненія съ намѣреніемъ болѣе смѣлаго совершенія преступленія.

Такого рода взглядъ въ законодательствѣ, очевидно, проведенъ съ тою дѣлю, чтобы въ массѣ народа не поселять убѣжденія о безнаказанности и невѣроятности такого преступленія, которое совершено было въ нетрезвомъ состояніи и тѣмъ самымъ не оказывать такъ сказать косвеннаго послабленія и потворства этому пороку.

Такая мысль по существу своему является конечно совершенно правильною и основательною, но практическое примѣненіе ея на дѣлѣ, представляетъ собою не мало несправедливыхъ положеній. Эти положенія и лежатъ въ основаніи того взгляда присяжныхъ засѣдателей, руководствуясь которымъ, они склонны бываютъ смотрѣть на нетрезвое состояніе подсудимыхъ несравненно снисходительнѣе, нежели на то смотритъ законъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ вопросъ о нетрезвомъ состояніи подсудимаго оставлять въ сторонѣ безъ должной оцѣнки по отношенію къ главному,

болѣе существенному вопросу о томъ, слѣдуетъ ли подсудимому вѣннать въ вину совершенное имъ преступленіе или нѣтъ.

Положенія, проводимыя на судѣ во имя правды и справедливости, не должны противорѣчить тѣмъ положеніямъ, которыя вырабатываются практикою житейскаго опыта. А между тѣмъ кто же будетъ спорить противъ того, что въ нашей обыденной жизни, мы относимся обыкновенно съ крайнимъ снисхожденіемъ къ такимъ проступкамъ, совершаемымъ въ нетрезвомъ состояніи, которые никогда не простили бы человѣку трезвому. Не слѣдуетъ забывать, что нетрезвое состояніе омрачаетъ иногда у человѣка до послѣдней степени не только здравый смыслъ, но и самое сознаніе его. Въ какой же степени было-бы справедливо проступки, совершенныя въ безсознательномъ состояніи человѣка или въ состояніи затемненнаго и помраченнаго ума его, вѣннать ему въ вину въ то время, когда на основаніи другаго принципа уголовного закона, главнымъ элементомъ въ составѣ каждаго преступленія считается сознательное проявленіе злой воли, осуществленіе того или другаго злаго умысла.

Конечно, состоянію опьяненія какъ прецеденту для невѣннаемости, не слѣдуетъ придавать слишкомъ обширнаго распространительнаго значенія и примѣненія, но съ другой стороны, возможно ли строго наказывать человѣка за такое хотя бы и преступное дѣяніе, въ которомъ сознательная воля его или совѣтъ не участвовала, или же участвовала въ весьма слабой степени. Можно осуждать человѣка за то, что онъ неумѣренно поддался вліянію своей пагубной слабости и не сумѣлъ удержаться въ предѣлахъ благоразумія, но карать его за то, что въ такомъ ненормальномъ видѣ онъ совершилъ преступленіе, самъ того не сознавая, несогласно съ требованіями справедливости. Поэтому присяжные засѣдатели во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда на судѣ возникаетъ вопросъ о нетрезвомъ состояніи подсудимаго въ моментъ совершенія имъ преступленія, стараются всегда выяснитъ себѣ, какъ сильно былъ человѣкъ пьянъ, помнилъ ли онъ себя или нѣтъ, сколько передъ тѣмъ выпилъ водки, и затѣмъ, прежде чѣмъ сказать ему да виновенъ, или нѣтъ не виновенъ, устанавливають себѣ на основаніи подобныхъ распросовъ и объясненій какъ его самого, такъ и другихъ лицъ, ту степень сознательной воли подсудимаго, которою онъ обладалъ при совершеніи вѣннанаго ему противозаконнаго дѣянія.

Такой взглядъ присяжныхъ засѣдателей нельзя не считать вполне справедливымъ.

Пьянство, какъ порокъ, не должно терпѣть никакихъ послабленій, и въ этомъ случаѣ всякое строгое отношеніе къ нему, какъ къ пороку, будетъ всегда вполне цѣлесообразно; но за порокъ, какъ бы онъ не былъ пагубенъ для себя и для другихъ, за слабость и распушенность въ характерѣ человѣка, какъ бы онъ не были неприглядны, нельзя карать тѣми строгими мѣрами наказаній, которыя полагаются за преступленія, совершаемыя сознательно, а не подъ пьяную руку.

Впрочемъ, нужно отдать справедливость нашимъ присяжнымъ засѣдателямъ въ томъ отношеніи, что отвергая на судѣ обвиненія по преступленіямъ, совершаемымъ въ нетрезвомъ состояніи, они выражаютъ иногда довольно наглядно по-

ное презрѣніе свое и такъ сказать нравственное осужденіе этому пороку пьянства, въ лицѣ тѣхъ подсудимыхъ, которыхъ они по этой причинѣ вынуждаются оправдывать. Укажемъ въ подтвержденіе этихъ нашихъ словъ на слѣдующіе факты, заимствованные нами изъ судебной праттики двухъ окружныхъ судовъ.

Вынося оправдательный приговоръ одному подсудимому, который совершилъ увѣче въ состояніи опьяненія, присяжные засѣдатели къ отвѣту: нѣтъ, не виновенъ, добавили: «потому не виновенъ, что былъ не въ человѣческомъ образѣ». Этими словами они выразили подсудимому самую глубокую и несомнѣнную укоризну.

Въ другомъ случаѣ послѣ оправдательнаго приговора присяжныхъ подсудимому, защитникъ послѣдняго присяжный повѣренный, подобя къ присяжнымъ, состоявшимъ сплошь изъ крестьянъ, сталъ благодарить ихъ за то, что они отнеслись къ подсудимому справедливо и оправдали его.

Тогда одинъ изъ нихъ старикъ крестьянинъ, вѣроятно той же самой волости, къ которой принадлежалъ и оправданный парень, обратился къ присяжному повѣренному въ отвѣтъ на его благодарность съ такими словами: оправить-то мы его сударь оправдили, а ужъ не взыщи, твоя милость, за загулъ ему у насъ на волости добрая dranка будетъ, чтобы значить онъ лучше помнилъ какъ мы его оправдали.

Надо полагать, что это обѣщаніе надъ злополучно оправданнымъ подсудимымъ, и было приведено на волости въ исполненіе...

XXXII.

Причины оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ.

Едва ли не съ самого еще начала введенія у насъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года, появились у насъ какъ въ обществѣ, такъ и въ печати нареканія на дѣятельность присяжныхъ засѣдателей, по поводу ихъ первыхъ, не совсѣмъ удачныхъ и не удовлетворившихъ вполнѣ ожиданія общества оправдательныхъ приговоровъ. Въ послѣдствіи времени, дѣйствительно значительный процентъ оправдательныхъ вердиктовъ присяжныхъ, послужилъ для противниковъ нашего поваго суда нескончаемою темою для постояннаго пропагандированія той мысли, что присяжные засѣдатели не понимаютъ еще у насъ вполнѣ своихъ обязанностей, и что потому имъ опасно ввѣрять интересы правосудія. Въ послѣднее время наконецъ съ особенною силою и настойчивостію стали раздаваться у насъ голоса, что присяжные больше оправдываютъ чѣмъ обвиняютъ.

Нѣтъ ничего легче, какъ подвергать какія бы то ни было явленія общественной жизни, огульному обвиненію, не входя въ разсмотрѣніе причинъ порождающихъ ихъ въ отдѣльности. Такъ и въ нападкахъ на чрезмѣрное количество оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ, лица, осуждающія въ этомъ отношеніи ихъ дѣятельность, являются прежде всего крайне односторонними, такъ какъ основывая свои заключенія и выводы не на изученіи въ отдѣльности cadaго

особаго процесса, а на слишкомъ общихъ уже положеніяхъ, что присяжные оправдываютъ «вообще много» и по мнѣнію ихъ «болѣе чѣмъ слѣдуетъ», такія лица во взглядахъ своихъ на дѣло являются конечно прежде всего черезъ чуръ поверхностными. Между тѣмъ, только непосредственное изученіе каждаго процесса въ отдѣльности, можетъ привести къ объясненію причинъ, постановки присяжными засѣдателями того или другаго приговора. Каждый процессъ заключаетъ въ себѣ такія характерныя и только ему одному присущія особенности, что одни статистическія данныя, не могутъ имѣть какого либо рѣшающаго значенія. Обращаясь же къ болѣе основательному анализу тѣхъ внутреннихъ причинъ, по которымъ присяжные относятся съ крайней снисходительностію къ значительной долѣ подсудимыхъ, можно на основаніи выводовъ нашей судебной практики указать на цѣлый рядъ такихъ причинъ, которыя совершенно естественнымъ путемъ безъ всякой погрѣшности противъ требованій справедливаго правосудія — завершаются въ нашихъ судахъ оправдательными приговорами.

Въ одномъ изъ номеровъ газеты «Новое Время» за 1879 годъ читаемъ мы слѣдующее: «Для какихъ либо опредѣленныхъ выводовъ о причинахъ оправдательныхъ приговоровъ, мы имѣемъ очень мало матеріаловъ, такъ какъ наблюденія участвующихъ въ процессѣ лицъ, остаются, къ сожалѣнію, необнародованными. Съ своей стороны, пользуясь массою личныхъ наблюденій, мы считаемъ умѣстнымъ въ настоящей замѣткѣ указать на одну изъ главнѣйшихъ причинъ оправдательныхъ приговоровъ — на неудовлетворительное состояніе предварительнаго слѣдствія. Хотя въ новомъ процессѣ, предварительное изслѣдованіе чрезъ судебного слѣдователя и потеряло то рѣшающее значеніе, какое оно имѣло въ формальномъ процессѣ, но и теперь судебное слѣдствіе является ничѣмъ инымъ, какъ провѣркою обстоятельствъ, уже изслѣдованныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ. Признавая всю важность предварительнаго слѣдствія, составители судебныхъ уставовъ пришли къ тому заключенію, что эта обязанность должна быть возложена на лицъ, совершенно независимыхъ отъ какихъ-либо вліяній, обладающихъ полною самостоятельностью въ дѣйствіяхъ, и относящихся безпристрастно къ своему изслѣдованію — въ такомъ видѣ и былъ организованъ у насъ институтъ судебныхъ слѣдователей. Къ сожалѣнію, громадное большинство нашихъ слѣдователей, не удовлетворяетъ этимъ существенно важнымъ условіямъ, такъ какъ они представляютъ собою лишь чиновниковъ министерства, временно командированныхъ къ исправленію должности слѣдователя, почему эти лица неминуемо являются зависимыми отъ начальства. Что такого рода зависимость дѣйствительно существуетъ и можетъ крайне неблагоприятно отражаться на личности слѣдователя, а отсюда и на самомъ дѣлѣ — это кажется не нужно и доказывать. При такомъ порядкѣ вещей, разногласіе между слѣдователемъ и лицомъ прокурорскаго надзора почти немислимо, требовать же отъ перваго изъ нихъ особаго гражданского мужества никто не имѣетъ права; большую часть предварительныхъ слѣдствій, по личнымъ нашимъ наблюденіямъ, нельзя не признать произведенными крайне односторонне съ исключительно обвинительнымъ характеромъ; во многихъ слѣдствіяхъ мы находили массу предложеній лицъ проку-

рорскаго надзора, исполненіе которыхъ требовало отъ слѣдователя долгаго труда, между тѣмъ какъ по своему существу предложенія эти нисколько не служили къ разъясненію дѣла. Мы не говоримъ уже о томъ, что многія слѣдствія произведены были крайне небрежно, удовлетворяли лишь формальной сторонѣ дѣла; послѣднее также находитъ себѣ объясненіе, такъ какъ прокурорскій надзоръ обращаетъ большое вниманіе и оцѣниваетъ дѣятельность слѣдователя по ежемѣсячнымъ цифровымъ даннымъ о движеніи дѣлъ въ частяхъ. Понятно, что матеріалъ, который добывается слѣдователемъ при такой печальной обстановкѣ, является большею частію на судебномъ слѣдствіи — недостаточнымъ для убѣжденія присяжныхъ засѣдателей въ виновности извѣстнаго лица и влечетъ за собою, помимо воли присяжныхъ засѣдателей, оправданіе».

Замѣтка эта въ частности представляется совершенно основательною, такъ какъ неудовлетворительность предварительныхъ слѣдствій въ дѣйствительности является одною изъ существенныхъ причинъ, по которымъ уголовныя дѣла на судѣ присяжныхъ, выражаясь техническимъ языкомъ прокуратуры, «проваливаются».

Не менѣе того однакоже слѣдуетъ сказать, что возводить это частное положеніе въ общее правило и признавать, что оправдательные приговоры присяжныхъ въ большинствѣ случаевъ являются послѣдствіями только неудовлетворительности въ производствѣ слѣдствій и той зависимости слѣдователей, которую авторъ упомянутой замѣтки находитъ въ отношеніяхъ ихъ къ прокуратурѣ, едва ли будетъ вполне правильно. Если дѣйствительно въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при разсмотрѣніи на судѣ уголовныхъ дѣлъ, обнаруживаются тѣ или другіе недостатки или упущенія предварительнаго слѣдствія, — а отсюда и появленіе недостаточно отфѣненныхъ мелкихъ подробностей и обстоятельствъ дѣла, то въ значительномъ большинствѣ случаевъ, совершенно иныя причины побуждаютъ присяжныхъ засѣдателей выносить оправдательные вердикты. Неполнота слѣдствія рѣдко относится ко всему дѣлу въ полномъ его объемѣ, и потому при сужденіи присяжныхъ засѣдателей, не можетъ имѣть особенно рѣшающаго значенія.

Если бы всѣ подобныя причины по разнообразнымъ дѣламъ были обнаружены и приведены въ извѣстность, то онѣ составили бы драгоценный матеріалъ для нагляднаго и безошибочнаго разрѣшенія того вопроса, который теперь даетъ поводъ противникамъ нашего суда присяжныхъ возводить на него разнаго рода жалобы и нареканія.

Обращаясь къ выясненію существенныхъ причинъ значительнаго количества оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей, — прежде всего укажемъ, что это количество, при существующемъ у насъ порядкѣ преданія суду, представляется совершенно нормальнымъ и естественнымъ, такъ какъ вопросы о преданіи суду съ одной стороны, и объ оправданіи или обвиненіи подсудимаго съ другой, разрѣшаются прямо противоположными способами.

Преданіе суду обусловливается у насъ чисто фактической, формальною стороною дѣла, нравственная сторона котораго на этотъ чисто процессуальный обрядъ, не имѣетъ никакого вліянія, тогда какъ разрѣшеніе присяжными вопроса

о винѣ или певинности обвиняемаго, главнымъ образомъ обусловливается нравственными мотивами дѣла, а формальная сторона его, какъ-то: доказанность самаго преступленія и несомнѣнная виновность подсудимаго, нерѣдко въ побужденіяхъ совѣсти присяжныхъ не имѣютъ почти значенія. Поэтому, самое преданіе суду ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить непремѣннымъ поводомъ къ тому, чтобы при разсмотрѣніи дѣла съ нравственной стороны, при болѣе отвлеченномъ, совѣстливомъ отношеніи къ личности подсудимаго, онъ былъ признанъ виновнымъ.

Человѣкъ, честно голодавшій отъ безработицы три дня, на четвертый рѣшился сдѣлать кражу и для этого сломалъ замокъ у чужаго погреба, нашелъ тамъ горшокъ молока, которое и выпилъ. Съ формальной стороны преступленіе безусловно доказано, сознано даже самимъ обвиняемымъ, а потому послѣдній и передается суду.

И вотъ на судѣ присяжныхъ является опредѣленіе обвинительной камеры о преданіи таковаго-то суду за кражу со взломомъ, т. е. за такое преступленіе, за которое подсудимый можетъ быть отданъ въ арестантскія отдѣленія на 2, на 3 года, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Одного сопоставленія всѣхъ этихъ обстоятельствъ достаточно, чтобы заключить, что такого подсудимаго присяжные никогда не признаютъ виновнымъ.

Другой примѣръ: солдатка, мать четырехъ малолѣтнихъ дѣтей, связанная ими по рукамъ и по ногамъ, украла изъ запертаго комода квартиры, гдѣ имѣла пріютъ, 90 коп., причеиъ замокъ отперла случайно найденнымъ ключемъ. Съ формальной стороны дѣло представляется совершенно яснымъ и даже сама подсудимая созналась въ своей винѣ, вслѣдствіе чего также была предана суду присяжныхъ, по обвиненію ея въ кражѣ изъ запертаго помѣщенія, т. е. въ такомъ же преступленіи, какъ и въ первомъ случаѣ и съ равносильною отвѣтственностію.

На судѣ эта подсудимая явилась въ сопровожденіи четверыхъ своихъ ребятишекъ, изъ которыхъ двое тащились сзади, держась за платье матери, третьяго она вела за руку, а четвертый лежалъ у нея на рукахъ; у груди. На вопросъ предсѣдателя, обращенный къ обвиняемой, есть ли у нея защитники, послѣдняя со слезами на глазахъ, отвѣтила, указывая на своихъ ребятишекъ: «вотъ мои защитчики».

Эти слова обвиняемой, безъ рѣчей прокурора и защиты рѣшили все дѣло. Прокуроръ заранѣе созналъ, что дѣло его уже проиграно, а присяжные не только вынесли подсудимой оправдательный приговоръ, но даже собрали въ пользу ея «защитчиковъ» еще малую толику денегъ.

Нравственныя соображенія и мотивы присяжныхъ тутъ очевидны и не требуютъ поясненій. Точно также едва ли бы нашлись судьи совѣсти, которые могли бы обвинить шестнадцатилѣтнюю дѣвушку за то, что она, словами закона, «совершила кражу со взломомъ перваго рода», а выражаясь житейскимъ языкомъ, за то, что, будучи въ нуждѣ, сидя со слѣпою матерью въ холодномъ, нетопленномъ углу, рѣшилась отогрѣть немного околѣвшую мать сосѣдскими дре-

вами, и съ этою цѣлью вытащила изъ сарая сосяда десятокъ осиновыхъ полѣнъ, для чего въ стѣнѣ сарая выставила одну доску.

Возьмемъ еще примѣръ:

Горькій пьяница, пропившій съ себя все, босой, укралъ зимнимъ временемъ изъ чьей-то прихожей старыя резиновыя валoши, оцѣненные въ 30 к., а такъ какъ онъ передъ тѣмъ два раза былъ уже судимъ мировыми судьями за кражи, то за третью кражу преданъ былъ суду присяжныхъ, за что, по признаніи его виновнымъ, подлежалъ бы отдачѣ въ арестантскія отдѣленія до полуторыхъ лѣтъ. Присяжные оправдали этого вора, хотя мотивы къ тому были въ этомъ случаѣ уже иные, а именно—несоотвѣтствіе между проступкомъ и строгостью наказанія.

Указанные нами факты далеко не единичные, и каждый, кто слѣдитъ за дѣятельностью нашихъ судовъ, согласится, что дѣла о кражахъ со взломомъ, на копѣчныя суммы, представляютъ въ судѣ присяжныхъ явленія обыденныя, и если по такимъ дѣламъ присяжные почти всегда выносятъ оправдательные приговоры, то это является результатомъ только ихъ совѣстливаго отношенія къ дѣлу.

Другую причину оправдательныхъ приговоровъ можно признать строгость наказаній по нѣкоторымъ видамъ преступленій; въ ряду такихъ причинъ весьма часто встрѣаются и «незначительность покраденнаго имущества», «крайность и нужда, вынудившія на преступленія» и т. п.

Наконецъ, есть и еще обстоятельство.

Предварительное тюремное заключеніе, какъ мѣра, обезпечивающая личность обвиняемаго до суда, практикуется у насъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. По смыслу закона, въ тюрьмѣ до разбирательства дѣла содержатся не только обвиняемые въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, но и всѣ тѣ изъ обвиняемыхъ въ менѣе важныхъ противозаконныхъ дѣяніяхъ, которые не представляютъ въ обезпеченіе своей личности ни залога, ни поручительства, а также лица пришлыя, не имѣющія осѣлости, постоянного мѣстопребыванія и опредѣленныхъ занятій. А такого рода лица по преимуществу составляютъ главный контингентъ всѣхъ обвиняемыхъ, чѣмъ и объясняется весьма значительное количество у насъ такъ называемыхъ «арестантскихъ дѣлъ».

Въ судахъ нашихъ нерѣдко можно встрѣтиться съ такими подсудимыми, которые въ ожиданіи суда успѣли уже съ избыткомъ отсидѣть тотъ срокъ заключенія, къ которому они могли бы быть приговорены въ наказаніе по суду, въ случаѣ признанія ихъ виновными. Такое преждевременное «отбытіе отсидки» является въ глазахъ присяжныхъ засѣдателей совершенно основательнымъ мотивомъ для оправданія подсудимыхъ, которыхъ, при другихъ условіяхъ, они можетъ быть и признали бы виновными.

Укажемъ еще на то, что судебныя палаты, какъ обвинительныя камеры, постановляютъ нерѣдко опредѣленія о преданіи суду такихъ обвиняемыхъ, относительно которыхъ прокурорскій надзоръ предіолагалъ по разнымъ случаямъ, какъ то: по недостаткамъ уликъ, по недоказанности самаго факта преступленія, прекратить преслѣдованіе.

Такія дѣла весьма рѣдко оканчиваются обвинительными приговорами, и другого исхода они имѣть не могутъ, такъ какъ самое заключеніе прокурорскаго надзора о прекращеніи ихъ указываетъ на то, что даже и съ формальной стороны, доказательства обвиненія по такимъ дѣламъ считались недостаточными.

Нерѣдко оправданіе является послѣдствіемъ обстоятельствъ, видоизмѣнившихся на самомъ судѣ въ пользу подсудимыхъ. Въ другихъ случаяхъ, отсутствіе проявленія злой воли въ преступленіяхъ, чистосердечное раскаяніе обвиняемыхъ, раздраженіе, оскорбленіе и другіе душевные мотивы, вызвавшіе чело-вѣка на преступленіе, отсутствіе всякаго вреда для потерпѣвшаго, или же самая незначительная степень вреда, вознагражденіе обвиняемыми потерпѣвшихъ за причиненные имъ вредъ и убытки—служать основаніемъ присяжнымъ къ оправданію подсудимыхъ.

Наконецъ, такую-же роль играютъ болѣзнь, увѣче и другія несчастія, постигшія подсудимаго во время производства надъ нимъ слѣдствія и суда, незаконнорожденность и безпріютность обвиняемыхъ, молодость, легкомысліе, тщеславныя побужденія, натолкнувшія на преступленіе, вовлеченіе обвиняемаго въ преступленіе другимъ лицомъ, родственныя или другія близкія отношенія обвиняемаго къ потерпѣвшему, наконецъ факты, вызывающіе сочувствіе къ личности обвиняемыхъ, въ виду существованія мѣстныхъ обычаевъ и условій, видоизмѣняющихъ значеніе преступленія.

Такимъ образомъ, во многихъ случаяхъ упреки въ небрежномъ отношеніи къ дѣлу суда, выражающемся будто бы въ значительномъ количествѣ оправданій, если и могутъ быть къ кому либо обращены, то никакъ не къ присяжнымъ.

Намъ кажется, что всякія сѣтованія печати и общества на присяжныхъ заседателей—за то, что они оправдываютъ очень многихъ подсудимыхъ должны быть обращаемы не непосредственно къ присяжнымъ, которые худо ли хорошо ли дѣлаютъ, но все таки рѣшаютъ дѣла и слѣдовательно и оправдываютъ по совѣсти, а на тѣ причины, которыя побуждаютъ къ тому присяжныхъ. Другими словами мы хотимъ указать на ту неосмотрительность, въ оцѣнкѣ данныхъ и уликъ, съ которою предаются у насъ иногда суду лица или совѣсьмъ невиновныя, или же виновность которыхъ представляется въ высшей степени сомнительною, а между тѣмъ эта самая сомнительность при формальной оцѣнкѣ уликъ для преданія суду извѣстнаго лица, служитъ часто единственною причиною того, что присяжные отвергаютъ обвиненія.

Для болѣе осозательной оцѣнки, тѣхъ основаній, въ силу которыхъ присяжные заседатели выносятъ многимъ изъ подсудимыхъ оправдательные приговоры, приведемъ изъ судебной практики различныхъ окружныхъ судовъ, рядъ такихъ оправдательныхъ вердиктовъ съ краткихъ содержаніемъ дѣлъ, по которымъ послѣдовали оправданія, подсудимыхъ.

Подсудимый, не имѣвшій ни крова, ни средствъ къ жизни, въ теченіе зимняго времени, совершилъ покушеніе на кражу со взломомъ, по его сознанию для того «чтобы отогрѣться въ тюрьмѣ» и получить возможность быть сытымъ. Безуко-

ризенное поведение прошлаго и дѣйствительный мотивъ преступленія подсудимаго ясны были еще изъ предварительнаго слѣдствія, какой же смыслъ имѣло, послѣ того преданіе его суду, когда несомнѣнно и коронныя судьи были убѣждены въ томъ, что никакіе присяжные по совѣсти его не обвинять и его дѣйствительно оправдали.

Судебныя палаты, въ качествѣ обвинительной камеры, конечно лишены возможности входить въ нравственную оцѣнку фактовъ преступленій, но въ такомъ случаѣ и значительное число оправдательныхъ вердиктовъ присяжныхъ, немишуемо должно принимать и совершенно иное значеніе, ибо немислимо теченіе всякаго дѣла подводить, подъ одинъ общій характеръ, когда двѣ различныя инстанціи въ разсмотрѣніи и разрѣшеніи дѣла смотря на него съ двухъ совершенно разнообразныхъ точекъ зрѣнія, одна со стороны формальной, другая же со стороны нравственной. Есть много вещей, которыя съ формальной стороны права, мы считаемъ нарушеніями закона, но никогда не рѣшимся осудить ихъ нравственно. Тоже самое бываетъ иногда и на оборотъ.

Руководствуясь формальными основаніями, судебная палата передала суду присяжныхъ за третью кражу отставнаго рядоваго, и съ этой стороны она была конечно права. Этотъ отставной рядовой укралъ на чужомъ дворѣ курицу на другой же день послѣ того, когда его освободили изъ тюрьмы, гдѣ онъ сидѣлъ по приговору мирового судьи, за вторую подобную же кражу; а передъ этимъ вторымъ дѣломъ онъ точно также укралъ въ городѣ на богадѣленномъ дворѣ курицу, за которую тоже отсидѣлъ въ тюрьмѣ два мѣсяца. Такимъ образомъ съ внѣшней стороны этотъ подсудимый дѣйствительно представлялъ собою настоящаго вора рецидивиста и при этомъ рецидивиста съ специальномъ ремесломъ—кражею куръ.

Взглянемъ теперь на этого же самого вора съ другой точки зрѣнія, съ которой предстояло взглянуть на него присяжнымъ, и мы увидимъ, что они должны были посмотреть на него, прямо противоположно взгляду обвинительной камеры.

Начать съ того, что этотъ отставной рядовой 67-лѣтній хилый старикъ безъ лѣвой ноги и безъ четырехъ пальцевъ на правой рукѣ, слѣдовательно человекъ по старости, убожеству и нездоровью своему, абсолютно неспособный ни къ какому труду. На судѣ онъ объяснилъ, что «куда же мнѣ дѣться у, меня никого нѣтъ, кормить никто меня не хочетъ, а работать не могу, помирать тоже подъ заборомъ грѣхъ, ну думаю, Богъ простить... малую вину... я только все по курочкѣ... да и выбиралъ... то по хуже, по старше... которыя ужъ ни кому не любы... чтобъ хозяевамъ не обидно было... да и воровалъ только въ прилику... чтобы только взяли меня да посадили»...

— Отчего же вы не просились, чтобы васъ куда нибудь въ богадѣльню приняли, спросилъ на судѣ председательствующій подсудимаго.

— Было у меня, ваше превосходительство, подано объ этомъ прошеніе въ губерніи енаралу... спасибо, мнѣ добрый человекъ написалъ, вотъ ужъ три года прошло ну отъ енарала на уѣздъ пришли мои бумаги тутъ меня въ станъ стробовали, ербовый говорить сборъ съ тебя... съ меня говорю не полагается

потому какъ я раненый воинъ, не стали господинъ становой слушать, прогнали вонъ... ну думаю Богъ съ ними, потомъ это меня въ губернію потребовали ослѣдствовать мою руку... почему говорить мнѣ генераль ты срокъ на объявку объ своей рукѣ пропустилъ... не могу, говорю, знать, ваше превосходительство... потому, говорятъ, ты старый воинъ, а дуракъ... слушаю, говорю, ваше превосходительство... потомъ опять меня на счетъ ербоваго сбора тревожили, такъ мое прошеніе и пропало... оставилъ я... пойду молъ питаться самъ... а что курицу точно укралъ... виновать.

Несомнѣнно, что слабымъ членамъ судебной палаты можно было, прежде чѣмъ подписывать опредѣленіе о предаши суду этого «вора», поглядѣть на него лично и выслушать его жалкую «исторію», то можетъ быть онъ и не сидѣлъ бы на скамьѣ подсудимыхъ. Безобидный старикъ, воруя курицу... и то выбиралъ изъ нихъ похуже, чтобы отъ него меньше обиды было хозяевамъ пернатой. Присяжные его, конечно, оправдали.

Коснемся съ той же точки зрѣнія, нѣсколькихъ болѣе серьезныхъ дѣлъ.

Въ отдѣленіи Саратовскаго окружнаго суда въ Камышинѣ разбиралось въ 1880 году интересное дѣло о крестьянинѣ Емельянѣ Давыдовѣ Вязковѣ, обвинявшемся въ убійствѣ крестьянина Баскакова. На судѣ выяснилось слѣдующее: Вязковъ женатъ во второй разъ. Съ первой женой онъ прожилъ довольно счастливо 13 лѣтъ, недостатка ни въ чемъ не имѣлъ, пользовался довѣріемъ общества, водки не пилъ и вообще былъ человекъ, по выраженію свидѣтелей, «какихъ мало»; но со второй — жизнь его была тяжелая: любимая имъ жена распутничала, обманывала его, отъ чего самъ онъ опустился — и хозяйство разстроилось. Вотъ какъ рассказывалъ подсудимый о своемъ несчастіи: «жена моя Федосья связалась съ Баскаковымъ, моимъ сосѣдомъ, и, не стѣсняясь ни меня, ни людей, стала жить съ нимъ открыто. Придешь бывало домой съ работы, — говорить подсудимый, — жена обнявшись сидитъ съ Баскаковымъ, водка у нихъ на столѣ, а онъ мнѣ въ глаза посмѣивается, нисколько не боясь, такъ какъ онъ былъ сильнѣе меня. Злость брала, а подѣлать съ нимъ ничего не могъ. Предупреждалъ его, говорилъ, что тебѣ, Баскаковъ или женѣ не сдобровать, а онъ только смѣялся: «ничего, говоритъ, ты мнѣ не сдѣлаешь». А тутъ еще стало смѣяться надо мной все общество: «плохой ты, Вязковъ, говорятъ бывало, съ бабой не справишься». Терпѣжа не хватало больше у меня, — я сталъ выпивать, а желаніе раздѣлаться съ Баскаковымъ меня не покидало, такъ какъ жену свою я любилъ, люблю еще и теперь... Прихожу разъ я въ кабакъ, тамъ былъ Баскаковъ, выпили съ нимъ вмѣстѣ, я сталъ ему говорить, чтобъ онъ жену мою бросилъ, а онъ при всѣхъ сталъ смѣяться надо мной. Пьяный пошелъ онъ домой, а а взялъ топоръ и отправился къ нему въ избу. Баскаковъ крѣпко спалъ, я ударилъ его четыре раза обухомъ по лѣвому виску и убилъ. Больно мнѣ послѣ этого стало, запить захотѣлось горе, а денегъ не было, — я стащилъ съ мертваго Баскакова сапоги и пропилъ ихъ»... Нужно замѣтить, что изъ-за этихъ сапогъ Вязковъ обвинялся въ убійствѣ съ цѣлю грабежа. Чистосердечный рассказъ подсудимаго былъ подтвержденъ свидѣтелями. Прокуроръ отказался

отъ обвиненія... Присяжные совѣщались не долго и признали Вязкова не виновнымъ. Приговоръ этотъ публика встрѣтила въ высшей степени сочувственно.

Емельянъ Вязковъ несомнѣнно былъ мученикъ своего рода, и отнестись иначе къ его вынужденному прегрѣшенію присяжные по совѣсти очевидно не могли.

Другой случай въ такомъ же родѣ.

Крестянинъ Овчаренко преданъ былъ суду по обвиненію его въ покушеніи на убійство своего товарища Шульженки. Мотивомъ покушенія, какъ выяснилось на судебномъ слѣдствіи, было то, что Шульженко вступилъ въ связь съ молодою-красивою женою Овчаренко. На судѣ подсудимый своимъ безыскусственнымъ показаніемъ объяснилъ, что когда онъ увидалъ случайно на сѣновалѣ свою Прыску съ Шульженкой, то у него «заходили руки, въ головѣ загухло, въ очахъ помутилось». Онъ сорвалъ съ пояса рабочій ножъ и ударилъ имъ нѣсколько разъ Шульженку въ бокъ. Жена подсудимаго сама созналась на судѣ въ томъ, что была въ связи съ Шульженкой, товарищемъ своего мужа, съ которымъ онъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

По этому дѣлу невольное сочувствіе влекло всякаго человѣка въ пользу Овчаренко въ такой сильной степени, что даже самъ представитель обвинительной власти отнесся къ подсудимому въ высшей степени гуманно, высказавъ, что не много найдется такихъ преступленій которыя въ столь полной степени требовали бы суда одной только совѣсти, какъ настоящее. «Если», говоритъ обвинитель, «вы станете обсуждать дѣяніе Овчаренки путемъ сопоставленій: съ одной стороны, суммы тѣхъ терзаній которыя испытывалъ онъ вслѣдствіе измены любимой жены, съ другой — отсутствія для здоровья потерпѣвшаго вредныхъ послѣдствій этого дѣянія, то, быть можетъ, оправдаете его; но если признаете, что страсть, руководившая волею подсудимаго, все-же дурна, что ее слѣдуетъ обуздывать, то не оставите его поступка безъ наказанія, хотя бы и самого легкаго». Присяжные совѣщались по этому дѣлу одну только минуту и вынесли Овчаренку оправдательный вердиктъ; да и возможно ли было иначе отнестись къ нему.

Намъ доставлена весьма интересная выписка изъ официальныхъ отчетовъ прокурорскаго надзора одного изъ окружныхъ судовъ, о причинахъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей, за шести мѣсячный періодъ времени, въ теченія котораго присяжными вынесено было всего 103 оправдательныхъ приговора, что составляетъ относительно всего числа разсмотрѣнныхъ ими за этотъ періодъ времени дѣлъ ровно 28%.

Такимъ образомъ въ этихъ отмѣткахъ встрѣчаемъ мы слѣдующія вѣроятныя предположенія обвинителей о причинахъ вызвавшихъ оправдательные приговоры присяжныхъ.

а) Малоцѣнность похищеннаго по 20 дѣламъ. Въ числѣ этихъ малоцѣнныхъ предметовъ кражи, мы находимъ между прочимъ: стеариновую свѣчку, осмушку чая, старый картузь, пукъ лучины, коробочку синьки, 14 коп. сер. денегъ, старую лопату, чугунную плитку въ 20 коп., валенный сапогъ, футляръ отъ очковъ, при чемъ подсудность вѣхъ этихъ ничтожныхъ дѣлъ суду присяжныхъ опредѣлялась тѣмъ, что описанныя кражи были совершены со взломомъ.

б) Долговременное содержание под стражею до разсмотрѣнія дѣла по 18 дѣламы. Приблизительные сроки этого предварительнаго заключенія были отъ 2 лѣтъ до 4 мѣсяцевъ, и во многихъ случаяхъ покрывали собою тотъ срокъ заключенія, которому подсудимый могъ бы подвергнуться въ случаѣ признанія его виновнымъ.

в) Недостатокъ уликъ къ обвиненію по 14 дѣламы. Казалось бы страннымъ встрѣчать «недостатокъ уликъ» въ ряду тѣхъ причинъ, которыми прокурорскій надзоръ объясняетъ мотивы оправданій подсудимыхъ, такъ какъ указанія такого рода дискретируютъ повидимому прежде всего самихъ представителей обвинительной власти, которые неосновательно передаютъ суду такихъ людей, относительно которыхъ недостатокъ уликъ представляется даже для нихъ самихъ совершенно яснымъ. Но это только повидимому, въ дѣйствительности же всѣ такіе случаи относятся почти исключительно къ опредѣленіямъ судебныхъ палатъ, которыя при формальномъ лишь взглядѣ на дѣло, весьма часто измѣняютъ заключенія лицъ прокурорскаго надзора и передаютъ суду такихъ лицъ, относительно которыхъ прокурорскій надзоръ полагалъ за недостаткомъ уликъ, дѣло производствомъ прекратить.

г) Крайность положенія, отсутствіе заработка, нужда, безпріютность, болѣзненное состояніе подсудимыхъ — встрѣчаемъ мы какъ мотивы оправдательныхъ вердиктовъ по 8 дѣламы.

д) Молодость, легкомысліе, обѣщаніе вознаградить потерпѣвшаго, обнаружившюся на судѣ лживость обвиненія, родство съ потерпѣвшими, отсутствіе вреда отъ преступленія, крайнее неразвитіе и слабоуміе подсудимыхъ встрѣчаемъ мы по 12 дѣламы.

Наконецъ, въ числѣ оправдательныхъ мотивовъ въ приговорахъ присяжныхъ находимъ мы по указаніямъ обвинителей слѣдующіе: а) по дѣлу о растлѣніи — потерпѣвшая на судѣ впала въ противорѣчіе, вслѣдствіе чего жалоба ея оказалась сомнительною. б) По дѣлу о кражѣ — главный свидѣтель, дававшій на слѣдствіи показаніе противу обвиняемаго, на судѣ внезапно далъ показаніе въ пользу его. в) По дѣлу о кражѣ со взломомъ — давность преступленія въ теченіи 8 лѣтъ отъ времени его совершенія до передачи на судъ присяжныхъ, сгладившая совершенно слѣды преступленія. г) По дѣлу о кражѣ со взломомъ — безупречное поведеніе прошлаго подсудимаго и случайность вынудившая его на преступленіе. д) По дѣлу о грабежѣ — недовѣріе присяжныхъ къ показанію единственнаго свидѣтеля по дѣлу 14 лѣтняго мальчика, который на судѣ сбился въ показаніи. е) По дѣлу о кражѣ — заявленіе потерпѣвшей, что она прощаетъ подсудимаго и не желаетъ чтобы его наказывали. ж) По дѣлу о подстрекательствѣ на кражу — шестилѣтній возрастъ единственнаго по дѣлу свидѣтеля, показанію котораго трудно было дать вѣру. з) По дѣлу о растратѣ — запутанность въ счетахъ и рѣшительная невозможность вслѣдствіе того установить самый фактъ преступленія. и) По дѣлу о кражѣ — отсутствіе корыстной цѣли и самое совершеніе преступленія — съ цѣлію лишь обвинить другое лицо. і) По дѣлу о грабежѣ — недовѣріе къ показанію потерпѣвшаго, находившагося во всемя совершенія надъ нимъ преступленія въ состояніи сильнаго опьяненія.

По дѣлу объ одномъ подлогѣ имѣется слѣдующая отмѣтка лица прокурорскаго надзора поддерживавшаго обвиненіе:

«Обвиняемый, отставной генераль-майоръ, не сознался въ преступленіи, и при обвиненіи его, необходимымъ послѣдствіемъ было бы удовлетвореніе гражданскаго иска отъ конкурса, учрежденнаго по дѣламъ потерпѣвшаго, а при оправданіи обвиняемаго—послѣдній клялся, что вознаградитъ дѣтей потерпѣвшаго, т. е. умершаго своего брата, круглыхъ сиротъ. Слѣдуетъ полагать, что оправданіемъ подсудимаго, присяжные желали дѣйствительно помочь дѣтямъ потерпѣвшаго, а не его кредиторамъ, тѣмъ болѣе, что обвиненіе доказывало, что и самая несостоятельность была послѣдствіемъ преступления обвиняемаго».

Наконецъ по одному дѣлу ограблѣ со взломомъ, товарищемъ прокурора сдѣлана была слѣдующая отмѣтка о причинѣ послѣдовавшаго по дѣлу оправдательнаго приговора присяжныхъ: «при наличности полныхъ уликъ къ обвиненію, не оставлявшихъ никакаго сомнѣнія въ виновности подсудимой, оправданіе послѣдней можетъ быть объяснено исключительно лишь неопытностію присяжныхъ, участвовавшихъ первый разъ въ разсмотрѣніи дѣла».

Если подобная замѣтка лица прокурорскаго надзора можетъ еще быть признана сколько нибудь основательною, такъ какъ трудно въ самомъ дѣлѣ предположить въ присяжныхъ такую степень несообразительности, чтобы они не могли отличить праваго отъ виноватаго, то другой представитель прокурорскаго надзора, въ отмѣткѣ своей относительно оправданія одного привилегированнаго лица, обвинявшагося въ мошенничествѣ, поступилъ ужь очень смѣло относительно непоправившагося ему вердикта присяжныхъ, черезъ чуръ рѣзко и самоувѣренно объяснивъ въ своей отмѣткѣ, что этотъ оправдательный вердиктъ присяжныхъ можетъ быть объясненъ только «неопытностію ихъ въ оцѣнкѣ косвенныхъ уликъ и въ распознаваніи правды отъ лжи въ показаніяхъ свидѣтелей».

Намъ по крайней мѣрѣ казалось бы, что говорить, относительно присяжныхъ засѣдателей, что они не умѣютъ отличать въ дѣлѣ правду отъ лжи, значитъ предъявлять къ нимъ самимъ, крайне строгое нравственное обвиненіе или лучше сказать осужденіе.

А къ такому шагу слѣдуетъ относиться возможно осторожнѣе, чтобы не впасть въ ошибку. Нужно быть слишкомъ тонкимъ знаткомъ человѣческой природы для того, чтобы такъ смѣло и рѣшительно опредѣлять, почему въ известномъ случаѣ совѣсть присяжныхъ высказалась въ томъ или въ другомъ смыслѣ.

Укажемъ въ заключеніе, что изъ числа всѣхъ выше упомянутыхъ 103 дѣлъ, относительно причинъ остальныхъ 18 оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ лица прокурорскаго надзора въ отмѣткахъ своихъ объяснили, что причины эти имъ неизвѣстны, ничѣмъ не могутъ быть ими объяснены, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ оправдательные приговоры присяжныхъ явились даже совершенною неожиданностію.

Изъ небольшого перечня приведенныхъ нами выше дѣлъ можно видѣть, до какой степени бываютъ разнообразны мотивы оправданій и сколько въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ является совершенно стороннихъ, такъ сказать, второстепенныхъ условій, возникновенія преступленія въ лицѣ того или другаго

преступника, по отношенію къ которому совѣсть присяжныхъ не въ состояніи бываетъ высказываться въ смыслѣ обвиненія и выносить подсудимому оправданіе, не смотря на очевидность преступленія.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1879 года въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ случилось дѣло о молодомъ человѣкѣ Изъюровѣ, который судился за покушеніе на отравленіе почетной гражданки Филипповой. По судебному слѣдствію оказалось, что Изъюровъ дѣйствовалъ подѣ влияніемъ негодующаго чувства за то, что эта г-жа Филиппова губила «невинныхъ дѣвушекъ», торгуя ихъ невинностію. Словомъ, Изъюровъ покусился на преступленіе не по какимъ-либо своекорыстнымъ разсчетамъ, а напротивъ по побужденіямъ чисто рыцарскаго свойства, — онъ хотѣлъ уничтожить вредную личность, которая увлекаетъ молодыхъ дѣвушекъ на путь погибели. Присяжные оправдали Изъюрова, а въ публикѣ рукоплескали ихъ вердикту, и все это понятно: причина, вызвавшая мстителя на его покушеніе извести пагубницу, очень возмутительна, тѣмъ болѣе что въ явствѣхъ съ этою госпожею упоминались какія-то «лица», какой-то «князь», для котораго г-жа Филиппова заготовляла «невинную дѣвушку». Несомнѣнно, что оправданіе воплію доказаннаго и сознаннаго на судѣ самимъ подсудимымъ столь тяжкаго преступленія, какъ покушеніе на убійство, могло бы свидѣтельствовать только о нравственной несостоятельности того суда, который отвергаетъ воплію доказанное преступленіе. Но вѣдь присяжные засѣдатели являются представителями живой общественной среды, они не могутъ въ извѣстныхъ случаяхъ не отражать на своихъ вердиктахъ выводовъ и убѣжденій общественныхъ взглядовъ на вещи, и вотъ съ такой точки зрѣнія, подобный приговоръ ихъ не можетъ быть признанъ неправильнымъ, ибо общественное мнѣніе было воплію на сторонѣ подсудимаго, который безъ всякой личной или корыстной цѣли покусился извести безнравственную женщину.

Въ 1873 году въ Московскомъ окружномъ судѣ при закрытыхъ дверяхъ случилось дѣло о крестьянкѣ Еленѣ Алексѣевой, обвинявшейся въ убійствѣ своего мужа. Елена Алексѣева — крѣпкаго и правльнаго тѣлосложенія, съ высокою, прекрасно сформированною грудью, глаза у нея темные и выразительные, носъ слегка вздернутъ, губы пухлыя, цвѣтъ кожи смугловатый; однимъ словомъ, вся ея внѣшность изобличаетъ пылкую, страстную натуру.

Во время совершенія ею убійства, она имѣла отъ роду всего 17 лѣтъ и 5 дней; мужу ея было 19 лѣтъ и своимъ слабымъ тѣлосложеніемъ онъ представлялъ полнѣйшій контрастъ съ Алексѣевой; сущность означеннаго дѣла заключается въ томъ, что Владиміръ Никифоровъ въ маѣ мѣсяцѣ 1871 года, найденъ былъ зарѣзаннымъ въ кустахъ, лежащихъ близь дороги, ведущей изъ селенія съ Дудова въ деревню, гдѣ жилъ съ женою покойный. Какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и на судѣ, жена покойнаго созналась, что убила мужа — она. Какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и на судѣ подсудимая, по поводу убійства ея своего мужа, дала объясненіе, совершенно согласное съ обстоятельствами дѣла. Относительно причины, побудившей ее къ убійству мужа, она объяснила, что, выйдя замужъ за Владиміра Никифорова, она не была имъ въ

первую ночь совершенно удовлетворена въ отношеніи супружескихъ обязанностей и съ той поры почувствовала тоску. На 8 день послѣ свадьбы, возвращаясь съ мужемъ изъ сосѣдней деревни, и взявъ съ собою ножъ, она, подсудимая, предложила мужу сойти съ дороги и войти въ кусты. Здѣсь она, Елена Алексѣева, стала ласкаться къ мужу и склонять его къ половому сношенію. Владиміръ Никифоровъ и на этотъ разъ попытался сдѣлать половое сношеніе, но не могъ и, ослабѣвъ, заснулъ. Тогда Алексѣева, сама не зная, что она дѣлаетъ, зарѣзала мужа взятымъ съ собою ножомъ. При освидѣтельствованіи на предварительномъ слѣдствіи половыхъ органовъ у Алексѣевой, врачи-эксперты нашли ихъ у ней не въ нормальномъ состояніи и дали заключеніе, что это ненормальное состояніе, въ связи съ страстною натурою подсудимой, могло повліять на ея психическую сторону, и она могла совершить настоящее убійство въ умоиступленіи. На судѣ три врача-эксперта пришли къ тому же заключенію, къ которому пришли и врачи, дававшіе заключеніе на предварительномъ слѣдствіи. По показаніямъ свидѣтелей, Елена Алексѣева до замужества всегда была работашею, бойкою и веселою дѣвушкою; въ кратковременный же періодъ замужества Владиміръ Никифоровъ, по показанію отца и матери его, жилъ съ женою повидимому хорошо и въ согласіи.

На разрѣшеніе присяжныхъ было предложено судомъ два вопроса: первый о томъ — зарѣзала-ли Елена Алексѣева мужа своего и второй — если виновна въ томъ, что зарѣзала его, то не совершила-ли она преступленіе въ припадкѣ точно доказаннаго умоиступленія. Присяжные на первый же вопросъ отвѣтили отрицательно, оставивъ второй вопросъ безъ отвѣта. Предсѣдатель объявилъ подсудимую свободною отъ суда; Елена Алексѣева, какъ замѣтно было, съ большою искренностью поклонилась суду и присяжнымъ и перекрестилась. Почти выбѣжавъ изъ залы засѣданія въ корридоръ, Елена Алексѣева залилась слезами — пылкая, исключительная натура и здѣсь заявила себя. Несочувствовавшихъ человѣческому приговору присяжныхъ, кажется въ залѣ засѣданія не было.

Приведемъ изъ практики различныхъ окружныхъ судовъ нѣсколько другихъ характерныхъ дѣлъ для выясненія мотивовъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ.

Крестьянинъ Михаилъ Тяпкинъ преданъ былъ суду присяжныхъ по обвиненію въ двоеженствѣ. Фактъ двоеженства былъ доказанъ вполне. Самъ подсудимый объяснилъ, что женился онъ на второй женѣ, которую любитъ, потому, что съ первой которую не любилъ онъ разошелся, долго не имѣлъ свѣдѣній о ней и думалъ, что она умерла, о чемъ ему кто-то говорилъ. Изъ волостнаго правленія ему выдали свидѣтельство о томъ, что онъ вдовецъ, на основаніи его заявленія, что его жена умерла. Замѣчательно, что по этому дѣлу, присяжные оправдавъ подсудимаго Тяпкина, предполагали даже, что за оправданіемъ его онъ останется мужемъ своей второй жены и очень огорчились узнавъ, что оправдательный вердиктъ ихъ избавляетъ Тяпкина только отъ личной ответственности его за преступленіе. Защитникъ этого подсудимаго въ энергичной рѣчи своей доказывалъ, что только вполне оправдательный приговоръ Тяпкину можно будетъ называть приговоромъ справедливымъ, такъ какъ по мнѣнію его защитника, не воз-

можно Тяпкину вмѣнять въ виду то обстоятельство, что онъ не очень горячо принялъ извѣстіе о смерти своей первой жены, женщины, съ которой онъ не видался болѣе 8 лѣтъ и отъ которой кромѣ горя, попрековъ и несчастія, отравлявшихъ его жизнь, ничего не видалъ.

Подсудимый крестьянинъ обвинялся въ кражѣ денегъ изъ запертаго сундука своего хозяина, который онъ отворилъ, по мнѣнію потерпѣвшаго ключемъ, оторваннымъ отъ него при дознаніи. На судѣ присяжные пробовали отворить замокъ означеннымъ ключемъ, и оказалось, что ключъ къ замку совсѣмъ не подходитъ. На этомъ основаніи присяжные заподозрѣли и конечно не безъ причины, самый фактъ кражи а потому и оправдали подсудимаго.

Очень часто данныя предварительнаго слѣдствія, которыя служили основаніемъ для преданія обвиняемаго лица суду, видоизмѣняются на судѣ до такой степени, что переходъ отъ самого суроваго обвиненія къ оправданію, представляется вполне естественнымъ и ужъ никакъ не можетъ считаться актомъ чрезвычайнаго состраданія присяжныхъ къ подсудимымъ.

Укажемъ, напримѣръ, на извѣстное дѣло г-жи Тихановой, разбиравшееся въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ. По этому дѣлу передъ судомъ присяжныхъ предстала молоденькая красивая, едва достигшая совершеннолѣтія дѣвушка, дочь умершаго чиновника, Наталья Тиханова. Она обвинялась въ кражѣ кольца у докторанта Фебуса Самуиловича Авинонецкаго. На самомъ же дѣлѣ, и оказалось, что обвиненіемъ этимъ едва ли не хотѣли только покрыть гнусное обольщеніе бѣдной дѣвушки. Суть дѣла, какъ выяснилось на судебномъ слѣдствіи, заключалась въ слѣдующемъ. Обвиняемая, младшая изъ трехъ дочерей умершаго чиновника, жила съ другою, незамужнею сестрою при матерп. Для ихъ пропитанія служили: скудная пенсія, заслуженная отцемъ, деньги, зарабатываемыя иголкой и отъ отдачи въ наймы одной излишней комнатки въ ихъ небольшой квартирѣ. Подобно всему пролетариату — хлѣба насущнаго ради — приходя въ соприкосновеніе съ разными случайными личностями, бѣдняги имѣли горе познакомиться съ братьями Авинонецкими. Младшій изъ нихъ, Гиршка, не замедлил начать гнусную игру въ любовь съ младшею дочерью Тихановой, т. е. обвиняемой. Хоть смазливая наружность, а можетъ и званіе студента, давали Гиршѣ нѣкоторую вѣроятность на взаимность, но, конечно, дѣло не дошло бы до крайности въ честной семьѣ, если бы не обѣты, клятвы, обѣщанія креститься, жениться и т. п. И вотъ страстный Гиршка не задумался, на козляныхъ, въ тайномъ единеніи, принести всѣ эти клятвы къ ногамъ простодушной дѣвушки! Правдиво и художественно нарисовалъ эту гнусную картину обольщенія бѣдной дѣвушки защитникъ ея, присяжный повѣренный А. А. Климовскій. «Что довѣрчивѣе любящей дѣвушки!» воскликнулъ г. Климовскій, «и вотъ она уже въ объятіяхъ нѣжныхъ таетъ отъ упоенія счастья, какъ вдругъ разочарованіе; бѣдняга и не подозреваетъ, что не руки друга обвили дѣвственный станъ ея, а кольца обольстителя — змѣя»!!!...

Около года длился недостойный романъ. Довѣрчивая дѣвушка тщательно скрывала все, особенно когда предупредительный Гиршка увѣрилъ ее, что если про

ихъ связь узнаеть его братъ или ея мать, такъ и дѣлу конецъ. Братъ изъ фанатизма, а ея мать изъ антипатіи къ евреямъ ихъ разлучать!.. И даже жениться нельзя будетъ, со вздохомъ говорилъ Гирша. Но настало время, когда скрываться ужъ было невозможно! Легко вообразить ужасъ и отчаяніе несчастной матери, когда она узнала всю истину. Гиршка струсилъ не на шутку. Оно и понятно! За подобное дѣло не трудно привлечь къ уголовной отвѣтственности. Чтобы отклонить эту непріятную случайность, Гиршка создалъ обвиненіе въ кражѣ у него кольца. Онъ обставилъ это обвиненіе такъ искусно, что дѣвушка попала на скамью подсудимыхъ. Защита, благодаря показаніямъ свидѣтелей и безъискусственному разсказу самой обвиняемой, констатировала всю позорную интригу, жертвою которой стала несчастная дѣвушка. Публика встрѣтила аплодисментами оправдательный вердиктъ.

Можно ли было этому дѣлу завершиться какимъ нибудь инымъ вердиктомъ, какъ не оправдательнымъ, а между тѣмъ въ общей массѣ оправданій каждый отдѣльный приговоръ, увеличивая собою процентъ ихъ, даетъ основаніе говорить, что присяжные оправдываютъ очень много, оправдываютъ несправедливо и тѣмъ поощряютъ преступленія.

Во многихъ случаяхъ неполнота предварительныхъ слѣдствій или же односторонность въ направленіи ихъ противу извѣстнаго лица, ложно намѣченнаго слѣдователемъ, и въ сущности оказывающагося невиновнымъ, ведетъ къ тому, что истинные виновники ускользаютъ отъ правосудія, а обвиненіе обрушивается всѣми своими тяжелыми послѣдствіями на личностяхъ совершенно невиновныхъ, привлеченныхъ къ дѣлу только усмотрѣніемъ или фантазіею слѣдователя. Укажемъ напримѣръ на извѣстное дѣло Мавры Волоховой—одно изъ первыхъ разбиравшихся въ Москвѣ судомъ присяжныхъ, по которому всѣ усилія слѣдственной власти были направлены къ обнаруженію уликъ противу Волоховой, оказавшейся по суду невиновной, а между тѣмъ односторонность въ направленіи этого слѣдствія имѣла тотъ результатъ, что дѣйствительные виновники въ убійствѣ ея мужа остались необнаруженными.

А вотъ и другой случай пагубнаго направленія слѣдствія въ одностороннемъ видѣ. 15 февраля 1880 г. въ Московскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, разсматривалось дѣло крестьянки Аграфены Евстигѣевой, обвинявшейся въ покушеніи на отравленіе своего мужа.

Подсудимая — бойкая, красивая молодая женщина — представляла рѣзкую противоположность съ своимъ мужемъ — простоватымъ крестьяниномъ въ лаптяхъ. Она находилась подъ стражею и попала подъ судъ въслѣдствіе слѣдующихъ обстоятельствъ, изложенныхъ въ обвинительномъ актѣ.

Утромъ 16-го сентября 1878 года конторщику фабрики Гучковыхъ, Лефортовской части, Лисицыну дали знать о томъ, что девять человекъ рабочихъ вдругъ заболѣли рвотою, при чемъ рвало ихъ разъ до десяти, сначала ишчемъ, а за тѣмъ желчью. Приглашенъ былъ докторъ и больнымъ немедленно оказано было пособіе, но самая слабая изъ нихъ Устинья Осипова отправлена была въ больницу, откуда выписана здоровою 19-го сентября. Слѣдствіемъ обнаружено,

что вечеромъ 15 сентября вернулся изъ деревни крестьянинъ Иванъ Уваровъ и принесъ гостинцу — съдобныхъ лепешекъ дядѣ Лукьяну Климову, который утромъ 16-го сентября съѣлъ кусокъ лепешки самъ и далъ по куску другимъ восьми рабочимъ; чрезъ четверть часа послѣ того, какъ они съѣли, у нихъ началась рвота, такъ что ихъ насилу отбили молокомъ. Остатки лепешекъ и рвоты собраны были и подвергнуты химическому изслѣдованію и въ нихъ найденъ былъ мышьякъ. Иванъ Уваровъ первоначально при слѣдствіи объяснилъ, что лѣтомъ отъ жилъ въ деревнѣ, а передъ его отъѣздомъ въ Москву жена его Аграфена Евстигнѣева ходила къ своей матери и принесла ему оттуда лепешекъ; дорогою онъ ѣлъ лепешки, но съ нимъ ничего не было, ѣлъ эти лепешки и вмѣстѣ съ Климовымъ, но рвоты не чувствовалъ. Затѣмъ 9-го апрѣля 1879 г. Иванъ Уваровъ явился къ слѣдователю и заявивъ, что хочетъ объяснить всю правду, показалъ: женился онъ на Евстигнѣевой въ сентябрѣ 1877 года, причѣмъ Евстигнѣева вышла за него уже лишенная цѣвности; со дня своего замужества, Евстигнѣева, стала обращаться съ нимъ не хорошо, грубо, постоянно грозилла ему словами «помни» и вообще какъ бы чуждалась его; въ деревнѣ онъ жилъ только лѣтомъ, и по слухамъ, жена безъ него сильно гуляла; когда въ сентябрѣ 1878 года онъ собрался въ Москву, то жена сказала ему, что напечатъ на дорогу лепешекъ, ушла для этого къ своей матери и принесла оттуда 6 лепешекъ, сказавъ, что испекла ихъ для ѣды дорогою; лепешки эти онъ цѣликомъ принесъ въ Москву и отдалъ фабричнымъ, съ которыми сдѣлалась отъ нихъ рвота; въ виду этого, онъ убѣжденъ, что жена умышленно подсыпала въ лепешки яду, чтобы отравить его. Родители Уварова, а равно односельцы его и Евстигнѣевой отозвались, что Аграфена Евстигнѣева поведенія шаткаго, и даже развратнаго.

Мать Евстигнѣевой Анна Иванова также объяснила, что, по слухамъ, дочь ея пригуливала; наканунѣ Воздвиженья, дочь пришла къ ней и сдѣлала для мужа на дорогу шесть лепешекъ; прежде этого она не приходила готовить мужу лепешки; какъ попалъ въ нихъ мышьякъ, она не знаетъ, и сама лепешекъ не пробовала.

Аграфена Евстигнѣева, не признавая себя виновною, объяснила, что мужъ ея показываетъ на нее ложно подъ вліяніемъ тетки; хотя она пригуливала до замужества, но очень не много; съ мужемъ жила хорошо и ни какихъ глупостей у нея на умъ не было. Когда мужъ собрался въ Москву, она по обычаю пошла къ матери приготовить ему на дорогу съѣстнаго; хотя лепешки готовила сама, но муку и припасы дала ей мать; если же въ лепешкахъ оказался ядъ, то онъ былъ подмѣшанъ теткой мужа Прасковьей Ивановой, которая не влюбила ее и грозилась извести. Иванова могла не только пересыпать лепешки мышьякомъ, но могла даже замѣнить ихъ другими — своего изготовленія, въ то время какъ лепешки лежали на столѣ. Но Иванъ Уваровъ и его родители удостовѣрили, что когда Иванъ Уваровъ уходилъ въ Москву, Прасковья Иванова дома не жила, въ ихъ домѣ и при проходахъ Уварова ея во все не было.

Таковы были обстоятельства дѣла, какъ они изложены въ обвинительномъ

актъ; но на судебномъ слѣдствіи они измѣнились. Первымъ былъ допрошенъ мужъ ея Иванъ Уваровъ (на видъ совершенный идиотъ), который сталъ путаться съ первыхъ же словъ, и не могъ объяснить почему онъ заявилъ подозрѣніе на жену. Онъ положительно отрицалъ, чтобы когда-нибудь зналъ и видѣлъ тетку свою Прасковью Иванову, которая между тѣмъ, по словамъ другихъ свидѣтелей, до сихъ поръ живетъ въ домѣ его родителя Ивана Урусова. При дальнѣйшемъ слѣдствіи все показаніе Уварова было опровергнуто.

Изъ вопроса свидѣтелей обнаружилось, что Прасковья Иванова не возлюбила подсудимую, всячески ее притѣснила и разъ даже выгнала ее съ мужемъ изъ дома. При проводахъ Ивана Уварова, вопреки его и родителей его увѣренію, присутствовала, такъ что показаніе подсудимой, приведенное ею въ свое оправданіе, подтвердилось во всѣхъ частяхъ, а показаніе мужа ея, по просьбѣ прокурора, было занесено въ протоколъ. Относительно образа жизни подсудимой выяснилось, что она нрава веселаго, любитъ погулять, бывала въ обществѣ постороннихъ мужчинъ, но въ тоже время съ мужемъ жила въ ладахъ, ссоры и злобы между ними не было и она ему не измѣняла.

Товарищъ прокурора, не отказываясь прямо отъ обвиненія этой подсудимой заявилъ, однако же, что объясненія ея представляются ему правдоподобными и, согласно ея указанію, гораздо основательнѣе было бы заподозрѣть въ Прасковьѣ Ивановой покушеніе на отравленіе. Показанія же Ивана Уварова онъ считаетъ ложными и приписываетъ ихъ влиянію его тетки — Прасковьи Ивановой.

Защитникъ подсудимой между прочимъ замѣтилъ, что только небрежностью со стороны слѣдственной и судебной власти можно объяснить, что надъ подсудимой два года тяготѣло тяжелое обвиненіе, тогда какъ невинность ея была бы очевидна, еслибъ только не довѣряться слѣпо запавшему подозрѣнію слабумаго Ивана Уварова, и взять на себя трудъ провѣрки обстоятельствъ, приведенныхъ въ свое оправданіе подсудимую.

Присяжные засѣдатели, послѣ минутнаго совѣщанія не только что, оправдали подсудимую но и собрали для нея нѣсколько денегъ за «невинное страданіе».

Описаніе этого дѣла мы заимствовали изъ Русскихъ Вѣдомостей, по этому считаемъ не лишнимъ привести въ подлинникъ, послѣдующую замѣтку той же газеты, въ которой она касается вопроса о неудовлетворительности предварительнаго слѣдствія, какъ одной изъ причинъ значительнаго числа оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ.

Вотъ что читаемъ мы въ этой статьѣ:

«Помѣщенный нами судебный отчетъ по дѣлу крестьянки Евстигнѣевой дастъ вѣроятно новый поводъ нашимъ алармистамъ въ изліянію своей гражданской скорби. Еще одно оправданіе присяжными виновной, да притомъ безправственной женщины, покушавшейся на мужеубійство; тутъ ужъ сразу проявляется тенденція къ колебанію всѣхъ трехъ основъ! Намъ интересуютъ въ дѣлѣ Евстигнѣевой не эти безсмысленныя нападки на судъ присяжныхъ, а тѣ, болѣе обдуманныя и основательныя нареканія на наши новые судебныя порядки, къ которымъ можетъ дать поводъ названное дѣло. Всякій безпристрастный чита-

тель согласится, что ни какой судъ на свѣтѣ, не исключая и суда святой инквизиціи или азіатскаго деспота, не могъ бы вынести Евстигнѣевой инаго приговора, кромѣ оправдательнаго. Вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, какимъ образомъ слѣдствіе, тянувшееся почти полтора года, дало въ результатѣ преданіе суду лица, ни въ чемъ неповиннаго, и заключеніе его подъ стражу. Бываютъ иногда неизбѣжные случаи преданія суду лицъ неповинныхъ, вслѣдствіе недостаточности предварительнаго слѣдствія. Въ подобныхъ случаяхъ на судѣ добываются «новыя» данныя изъ «новыхъ источниковъ», которыя освѣщаютъ дѣло съ совершенно неожиданной стороны, и обвиненіе, лишненное основанія, падаетъ. Но дѣло въ томъ, что въ процессѣ Евстигнѣевой не были представлены на судѣ новые источники изслѣдованія. Это были тѣже свидѣтели, только иначе спрошенные. Въ очистительномъ огнѣ перекрестнаго допроса, на судѣ истинное въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, выдержало испытаніе, а сомнительное и завѣдомо ложное испарилось, «яко таетъ воскъ отъ лица огня». Стало быть, новъ былъ не источникъ, а способъ изслѣдованія. Въ то время, какъ на предварительномъ слѣдствіи, повидимому, обрадовались запоздалой откровенности мужа подсудимой, слабоумнаго Ивана Уварова, точно откровенію истины, и приняли слова его на вѣру безъ всякой провѣрки ихъ внутренняго содержанія, на судѣ показаніе это подвергли строгому анализу и обнаружили всю его фальшь. Не нужно было быть тонкимъ психологомъ, чтобы понять всю искусственность, слишкомъ поздняго появленія обвиненія, взведеннаго мужемъ противъ жены. «Жалость» потерпѣвшаго къ преступнику, присутствіемъ которой мужъ объяснял свое долгое молчаніе, обладаетъ такимъ свойствомъ, что она растетъ, а не уменьшается, пропорціонально времени, послѣ совершенія преступленія. Другими словами, жалость къ преступнику обыкновенно бываетъ меньше тотчасъ послѣ событія преступленія. А въ дѣлѣ Евстигнѣевой вышло на-оборотъ. Но на это логическое и психологическое противорѣчіе, никто не обратилъ вниманія, никто не спросилъ неожиданнаго, но весьма кстати для «успѣха» слѣдствія появившагося, доносчика, почему у него пришла вдругъ такая загадочная, внезапная и не естественная жалость къ преступницѣ? Не было ли тутъ сторонняго вліянія? Напротивъ, за это показаніе ухватились, рассчитывая, что оно одно «вывезетъ» обвиненіе.

Съ другой стороны объясненія, приводимыя въ свое оправданіе подсудимую, остались необслѣдованными въ достаточной степени. Между тѣмъ, если бы на нихъ обратили должное вниманіе, то не на судѣ впервые, а и на предварительномъ слѣдствіи, можно было бы выяснитъ отношенія подсудимой и ея семейныхъ къ той Прасковѣ Ивановой, на которую перевелъ подозрѣніе въ отравленіи лепешекъ, представитель обвинительной власти на судѣ. Выясненіе этихъ отношеній еще разъ настоятельно поставило-бы вопросъ о томъ, не могъ ли кто имѣть вліянія на полуидіота Ивана Уварова. Вотъ тотъ логическій путь, по которому пошелъ бы обыкновенный изслѣдователь, безпристрастный судья, и отступленіемъ отъ котораго можно объяснить себѣ, появленіе на скамьѣ подсудимыхъ, жертвы нашихъ судебныхъ порядковъ, или вѣриже безпорядковъ, —

субъектовъ, въ родѣ невинно пострадавшей Евстигнѣевой. Положимъ, въ такомъ случаѣ у насъ личная свобода не особенно обезпечена, но все таки сужанье на скамью подсудимыхъ «по недоумѣнію» и у насъ вызываетъ нѣкоторое неудовольствіе. Намъ тѣмъ тяжелѣе констатировать это не исключительными особенностями даннаго дѣла, а общими условіями установившихся, хотя и вопреки волѣ законодателя, судебныхъ порядковъ.

Какъ не прискорбно для друзей новаго суда, но они должны признаться, что случаи неправильнаго преданія суду не только возможны, но и довольно часты. Изъ тѣхъ 34% оправдательныхъ вердиктовъ присяжныхъ вообще, которые не дадутъ сна и покоя нашимъ охранителямъ, по крайней мѣрѣ добрую половину слѣдуетъ приписать дурному состоянію слѣдственной части. И эти, хотя и позднѣе исправленіемъ ошибокъ слѣдственныхъ органовъ, судъ присяжныхъ сослужилъ и служить великую службу русскому народу».

Къ этимъ совершенно основательнымъ и справедливымъ сужденіямъ почтеннаго органа московской прессы, едва ли что можно еще прибавить.

Нередко въ оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ засѣдателей можно наблюдать то явленіе, что они входятъ въ оцѣнку того, могъ ли извѣстный человѣкъ по своимъ нравственнымъ силамъ, совладать съ собою для того, чтобы не впасть въ преступленіе и устранить соблазнъ его. Вопросъ этотъ въ сужденіяхъ присяжныхъ играетъ иногда не послѣднюю роль, и приобретаетъ особенное практическое значеніе потому, что весьма многіе оправдательные приговоры, поражающіе насъ, какъ бы явною своею несостоятельностью, объясняются именно тѣмъ, что присяжные въ подсудимомъ усмотрѣли не развращеннаго или преступнаго человѣка, а обыкновеннаго смертнаго, поддаваемаго одностороннему вліянію своего чувства.

Въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ судился какъ-то за жевприсягу дворянинъ Смирницкій. Сущность этого дѣла состояла въ слѣдующемъ: въ октябрѣ 1879 года, у Финляндскаго уроженца Селивандера пропали серебряные часы, оставленные имъ на комодѣ, и такъ какъ въ эту комнату, кромѣ мѣщаники Копыловой, никто не входилъ, то на нее и пало подозрѣніе въ кражѣ. Часы эти оказались заложеными Копыловой, но потому она ихъ выкупила и возвратила Селивандеру. Первоначально дѣло о кражѣ часовъ разбиралось въ мировомъ съѣздѣ, гдѣ Смирницкій подъ присягою показалъ, что означенные часы принадлежатъ не Селивандеру, а ему, и что онъ не имѣетъ ничего противъ Копыловой, съ которою находится въ близкихъ отношеніяхъ и не считаетъ поступокъ ея за кражу. Всѣ же остальные свидѣтели удостовѣрили принадлежность часовъ Селивандеру, и вотъ на основаніи показаній свидѣтелей послѣдней категоріи Копылова и была наказана за ея проступокъ — кражу, а Смирницкій преданъ суду за жевприсягу. Обвиняемый призналъ себя виновнымъ и объяснилъ слѣдующее: познакомившись съ Копыловою, онъ сошелся съ нею, искренно полюбилъ ее и они жили вмѣстѣ цѣлыхъ два года. Копылова брала казенную работу — шитье, а Смирницкій зарабатывалъ деньги поденною работою. Когда случилась кража, Смирницкому стало жаль свою возлюбленную и онъ рѣшился

на лжеприсягу, полагая, что подозрѣніе въ кражѣ падеть на него, а Копылова избавится отъ грозившаго ей наказанія. До какой степени сильна была любовь подсудимаго къ Копыловой видно изъ того, что содержась въ домѣ предварительнаго заключенія, онъ повѣнчался на ней въ тюремной церкви. Давая свои объясненія, Смирницкій казался чрезвычайно взволнованнымъ, и когда упоминалъ о теперешней своей супругѣ, то даже плакалъ.

Конечно присяжные оправдали Смирницкаго изъ весьма естественнаго и понятнаго по человѣчеству побужденія, что онъ не могъ устоять отъ лжеприсяги, такъ какъ любовь къ любимой имъ дѣвушкѣ, и желаніе оградить ее отъ не-приятныхъ послѣдствій, взяли у него верхъ надъ чувствомъ его долга какъ гражданина.

Касаясь оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ, вытекающихъ изъ указанныхъ нами побужденій и развивая, эти положенія еще болѣе, газета «Русскій Курьеръ» въ одномъ изъ своихъ номеровъ говоритъ по этому поводу слѣдующее:

«Оправдательные вердикты присяжныхъ обуславливаются не рѣдко сознаниемъ того, что мѣра силъ обыкновеннаго человѣка, была въ данномъ дѣлѣ перейдена, послѣдствіемъ чего и явилось преступленіе, а это сознаніе одинаково подсказываетъ въ подобныхъ случаяхъ и судьямъ и присяжнымъ, что при сходныхъ условіяхъ, и они сами, пожалуй, не устояли бы въ жизненной борьбѣ и, пожалуй, тоже попали бы на скамью подсудимыхъ, по пословицѣ—«грѣхъ да бѣда на кого не живетъ».

«Въ оправдательныхъ вердиктахъ присяжныхъ, вызываемыхъ такими побужденіями ихъ, сказывается голосъ общественной совѣсти, не допускающей произнести роковое: «да, виновенъ или виновна», когда всякій внутренно чувствуетъ, что преступленіе явилось результатомъ не какой-либо индивидуальной развращенности и слабости, а результатомъ ограниченности силъ обыкновеннаго средняго человѣка. «Кто изъ васъ безъ грѣха, пусть броситъ въ нее камень»—вотъ глубокой смыслъ какаго изреченія сказывается какъ намъ кажется, въ подобныхъ вердиктахъ суда».

«Эта-то мѣра силъ обыкновеннаго средняго человѣка и служить всегда присяжнымъ, чуткимъ представителямъ совѣсти народной, вѣрнымъ критеріемъ при рѣшеніи вопроса о вѣнненіи преступленія въ вину подсудимому. По этому въ оправдательныхъ вердиктахъ, при наличности признанія подсудимаго, со стороны присяжныхъ сказывается вовсе не стремленіе миловать преступника, а лишь стремленіе справедливо относиться къ подсудимому, которому, какъ человѣку, ничто общечеловѣческое не чуждо».

Вотъ еще случай изъ судебной практики, подходящий вполне подъ тѣ же причины нравственнаго неосужденія, не смотря на наличность преступленія:

Оставной подпоручикъ Рудольфъ Краузе въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ былъ обвиняемъ въ подлогѣ по слѣдующему обстоятельству: состоя на государственной службѣ и взявъ отпускъ, онъ не явился въ срокъ, за что и былъ уволенъ. Оставшись безъ всякихъ средствъ къ существованію, онъ долженъ былъ поддержать горячо имъ любимую особу и ребенка. Между тѣмъ, не получая

указа объ отставкѣ, онъ не могъ найти себѣ занятій и оставался въ крайности. Тутъ начались его бѣдствія, онъ шилъ сапоги, занимался перешитнымъ мастерствомъ и даже вышивалъ полотенца въ гостинный дворъ. По случаю наступленія холоднаго времени, Краузе нуждался въ своей теплой одеждѣ, которую не могъ выкупить и съ цѣлю внушить къ себѣ довѣріе, лицу, у котораго думалъ занять денегъ, составилъ себѣ 2 подложныхъ документа отъ имени своего начальства и такимъ путемъ выкупилъ себѣ одежду и получалъ въ долгъ денегъ. На судѣ подсудимый сознался во всемъ, а присяжные засѣдатели оцѣнили безвыходное положеніе Краузе, самоотверженіе его для любимой имъ особы, съ которою онъ вступилъ въ бракъ въ домѣ предварительнаго заключенія и оправдали его.

Всѣ подобныя оправдательныя приговоры, хотя и не согласны можетъ быть съ требованіями формальнаго уголовного закона, но они нравственно осмысленны живымъ и милостивымъ отношеніемъ къ согрѣшившему человѣку.

Возьмемъ нѣсколько оправдательныхъ приговоровъ изъ другаго рода преступленій, гдѣ вліяніе чувства и другихъ нравственныхъ причинъ не имѣеть прямого соотношенія къ мотиву оправданія.

Шестидесяти-лѣтняя старуха, въ Одесскомъ Окружномъ Судѣ предстала на судѣ присяжныхъ по обвиненію въ томъ, что въ третій разъ бѣжала изъ Сибири, куда была сослана за кражу. На судѣ она чистосердечно созналась въ этомъ и объяснила, что всѣ эти побѣги она совершила подъ вліяніемъ угнетавшей ее тоски по родицѣ и что она не въ силахъ сопротивляться влеченію сложить свои старыя кости тамъ, гдѣ она родилась.

— Ушлаютъ меня на Сибирь, опять уйду оттолъ, такъ и буду ходить пока не умру, говорила она на судѣ со слезами.

Присяжные оправдали эту несчастную старуху, которая однакоже не мѣтѣ того въ силу прежняго объ ней приговора должна была идти въ Сибирь.

У кого спросимъ мы хватило бы духу обвинить эту подсудимую за ее «тоску по родицѣ»:

Другое дѣло. На деревенской пирушкѣ во время свадьбы одинъ изъ гостей, оставшись на ночь, по своему пьяному состоянію у хозяина, рано утромъ захотѣлъ съ похмѣльемъ солёныхъ огурцовъ для чего вытащилъ пробой у погребца взявъ тамъ 5-огурцовъ и направился домой. На судѣ присяжныхъ этотъ подсудимый явился обвиняемымъ въ кражѣ со взломомъ по дѣлу возбужденному полицейскимъ урядникомъ. Потерпѣвшій, т. е. хозяинъ дома на предложенный ему во время судебного слѣдствія вопросъ о кражѣ у него заявилъ, что «никакой жалобы мы на сусѣда не произносили, потому что примѣрно онъ гостемъ былъ и огурцовъ поѣлъ у насъ, ну и на здоровье, а это самъ господинъ урядникъ до становаго насъ доставилъ и жалобу приказалъ произнести».

Присяжные конечно оправдали подсудимаго по той весьма понятной причинѣ, что главнымъ элементомъ въ этомъ процессѣ было не «тайное съѣденіе» пяти огурцовъ, какъ выразился урядникъ, а желаніе послѣдняго лишній разъ услышиться предъ своимъ начальствомъ, «обнаруживъ уголовное преступленіе».

13-ти лѣтній мальчикъ, жившій у своего дяди, котораго онъ очень любилъ, поджогъ его домъ безъ всякой видимой причины и на судѣ присяжными былъ оправданъ. Только на судебномъ слѣдствіи было обнаружено, что мальчикъ страдалъ болѣзнію сердца, причинявшей ему тоску и вызывавшей сдѣлать поджогъ. Послѣдствіемъ чего явился въ этомъ дѣлѣ оправдательный вердиктъ присяжныхъ, какъ не упущеній судебного слѣдователя, который въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ поджогъ не взялъ на себя труда выяснитъ даже мотивъ преступленія. Конечно, обстоятельное слѣдствіе устранило бы прискорбную на этотъ разъ необходимость преданія суду большого мальчика, вина котораго, казавшаяся несомнѣнною на первый разъ, отвергнута была присяжными вполне правильно и даже законно.

Въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ слушалось дѣло о воспитанникѣ 6-го класса Черниговской гимназіи Ласкоранскомъ и студентѣ медико-хирургической академіи Русановѣ. Сущность дѣла заключается въ томъ, что Ласкоранскій, желая поступить на юридическій факультетъ с.-петербургскаго университета, долженъ былъ въ одной изъ тамошнихъ гимназій, держать экзамень изъ греческаго языка, котораго онъ совсѣмъ не зналъ, и обратился съ просьбой выдержать за него экзамень къ Русанову; Русановъ согласился исполнить эту просьбу. При этомъ они изъ предосторожности обмѣнялись своими паспортами, и на основаніи ихъ прописались въ квартирѣ. Уговоръ былъ исполненъ:—Русановъ выдержалъ экзамень за Ласкоранскаго. Впослѣдствіи это было обнаружено, а потому Ласкоранскій и Русановъ были преданы суду за наименованіе себя чужой фамиліей. Изъ судебного слѣдствія оказалось, что г. Ласкоранскій—сынъ жандармскаго офицера, что подсудимый во все время своего ученія въ черниговской гимназіи считался однимъ изъ лучшихъ учениковъ въ классѣ, и что влѣдствіе недостатка въ матеріальныхъ средствахъ и болѣзни отца, въ 1874 году онъ долженъ былъ оставить гимназію и заниматься разнымъ трудомъ для своего существованія; затѣмъ онъ прибылъ въ Петербургъ и серьезно сталъ хлопотать о поступленіи въ университетъ. Чтобы какъ нибудь изыскать способъ обойтись безъ экзамена изъ греческаго языка, онъ обратился 16 го февраля 1877 года къ г. министру народнаго просвѣщенія съ просьбой дозволить ему держать экзамень въ одной изъ петербургскихъ гимназій безъ греческаго языка, основываясь на томъ, что всѣ его товарищи по гимназіи одного выпуска самими закономъ были освобождены отъ такого экзамена. Но на эту просьбу отвѣта не воспослѣдовало.

Присяжные засѣдатели послѣ непродолжительнаго совѣщанія вынесли для обоихъ подсудимыхъ оправдательный приговоръ, и, конечно, по совѣсти никто не рѣшится сказать, что въ настоящемъ случаѣ оправдательный приговоръ присяжныхъ былъ бы не справедливъ.

Примѣръ въ другомъ родѣ.

Въ Новгородскомъ Окружномъ Судѣ сельскій староста и двое крестьянъ были судимы за то, что высѣкли розгами двухъ односельныхъ крестьянокъ. Оказалось, что подсудимые вынуждены были сдѣлать это потому, что высѣченныя бабы были

страшныя воровки, отъ которыхъ односельцамъ не было житья, такъ какъ послѣднюю курицу и ту приходилось запираить отъ ихъ рукъ.

— «За дѣло, господа, выдрали мы ихъ, чистосердечно говорю за дѣло, нечего говорить», объяснял на судѣ подсудимый—староста, обращаясь къ присяжнымъ со всею искренностію.

Присяжные—исключительно крестьяне, оправдали всѣхъ троихъ подсудимыхъ. Въ данномъ случаѣ только этого приговора и можно было ожидать. Даже не крестьянская среда смотритъ у насъ снисходительно на нѣкоторые приемы деревенскаго самосуда, въ виду той безпомощности, въ которой бываетъ у насъ иногда сельскій людъ по охраненію своего имущества отъ своихъ собственныхъ воровъ.

Во временномъ отдѣленіи Тульскаго Окружнаго Суда, въ городѣ Алексинѣ разбиралось дѣло почтмейстера, коллежскаго ассесора Разумовскаго, обвинявшагося въ похищеніи денежной корреспонденціи на сумму 1125 руб. Сущность обвиненія заключалась въ томъ, что подсудимый періодически вскрывалъ частную денежную корреспонденцію и похищенными деньгами пополнялъ ранѣе похищенную сумму такимъ-же образомъ. На судѣ подсудимый чистосердечно во всемъ сознался. Преступленіе свое онъ мотивировалъ недостаточностію средствъ къ существованію, такъ какъ онъ имѣетъ жену и пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей, жалованья-же получалъ 33 рубля въ мѣсяць. Г. Разумовскій содержался въ мѣстной тюрьмѣ и явился на судъ подъ конвоемъ и въ арестантскомъ халатѣ. Защитникъ подсудимаго въ эффектной рѣчи картинно нарисовалъ голодное дѣтство подсудимаго, недостатокъ образованія, тяжелый трудъ для достиженія сдѣланной карьеры и, наконецъ, вопіющее положеніе его дѣтей, оставленныхъ ими безъ всякихъ средствъ не только къ какому-либо образованію, но и къ существованію. Публика, впущенная по билетамъ и состоявшая почти исключительно изъ дамъ, прослезилась. Эффектъ былъ полный, подсудимый рыдалъ. Рѣшенію присяжныхъ предложено было 15 вопросовъ, на которые присяжные отвѣчали «нѣтъ, невиновенъ», и подсудимый тутъ же былъ освобожденъ изъ подъ стражи. Публика къ вердикту присяжныхъ отнеслась сочувственно. Достоинно вниманія въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что этому приговору рукоплескала та самая публика, которая терпѣла отъ злополучнаго почтмейстера.

Что это означаетъ?

Не служить ли это доказательствомъ того, что такой приговоръ явился результатомъ самыхъ искреннихъ убѣжденій общества, въ невозможности обвинить человѣка, который вынужденъ былъ совершить преступленіе подъ влияніемъ неотразимой нужды. Но сомнительно, чтобы тому же самому почтмейстеру, тѣ же присяжные вынесли бы оправдательный приговоръ въ томъ случаѣ, если бы годовой бюджетъ его содержанія, состоялъ изъ тысячныхъ окладовъ.

Въ Московскомъ Окружномъ Судѣ, дворянка Софья Шульцъ 25 лѣтъ, была предана суду, по обвиненію въ томъ, что представляя изъ себя гувернантку, являлась въ разные дома, и пользуясь оплошностію прислуги, похищала разные вещи, въ чемъ она и была изобличена. Она сама созналась въ этомъ, объясняя свои

поступокъ, крайностью и невозможностью по своему общественному положенію получить какое-либо мѣсто, потому что по случаю своей беременности, была лишена возможности работать. Присяжные засѣдатели, какъ видно, вошли въ положеніе образованной дѣвушки, лишенной средствъ найти себѣ соотвѣтствующее занятіе, по случаю исключительныхъ съ нею обстоятельствъ, и не смотря на то, что она совершила 6 подобныхъ похищеній—они ее оправдали.

Положимъ, строгіе моралисты обвинили бы эту дѣвушку не только въ кражахъ, но и въ развратѣ и, пожалуй, указали бы еще и на то, что, благодаря только этому разврату, она и лишилась своего обычнаго заработка, въ видѣ профессіи гувернантки, но наши присяжные къ счастью смотрятъ на дѣло съ болѣе живой точки зрѣнія, и руководствуются практикою и опытомъ жизни, а не одними только разсужденіями.

Въ Одесскомъ Окружномъ судѣ судился за взяточничество полицейскій урядникъ. Ни самъ онъ, ни защитникъ его не отвергали этой виновности, но послѣдній къ оправданію своего кліента, ссылаясь на то, что отъ такихъ ничтожныхъ взятокъ, какія бралъ его кліентъ, народъ еще не раззорится, что на Руси издавна сложилась пословица, «что чиновники живутъ на животахъ просителей, и что существуютъ гораздо болѣе крупныя взятки, которыя тѣмъ не менѣе остаются безнаказанными и не всплываютъ наружу». Трудно было не согласиться съ такими доводами защитника,—и присяжные не осудили неизбежнаго «меньшаго зла» зная, что есть еще «большее».

Надзиратель города Ялты Дубинскій преданъ былъ суду присяжныхъ, по обвиненію въ 80-ти преступленіяхъ, большинство которыхъ состояло въ лихоимствѣ, во взяточничествѣ, вымогательствѣ и присвоеніи полученныхъ по службѣ денегъ. Обвиняемый призналъ себя виновнымъ во взяточничествѣ и объяснилъ, что прежде онъ о взяткахъ не имѣлъ понятія, а сталъ ихъ брать съ тѣхъ поръ, какъ поступилъ въ полицію, потому будто бы, что полицейскому чиновнику нельзя не брать. Мѣстные присяжные, состоявшіе исключительно изъ мелкихъ чиновниковъ и торговцевъ, вѣроятно, согласились съ доводами подсудимаго, потому что по всѣмъ 80-ти обвиненіямъ—его оправдали.

Въ одномъ изъ окружныхъ судовъ преданъ былъ суду присяжныхъ 12 лѣтній мальчикъ, который умышленно поджогъ домъ своего отца. Еще на судебномъ слѣдствіи оказалось, что жизнь этого мальчика у своего роднаго отца была волна горя. Отецъ и мачиха обращались съ нимъ до того жестоко, такъ тиранили его, что онъ рѣшился наконецъ поджечь домъ своего отца съ тѣмъ, чтобы во время пожара и общей суматохи куда-нибудь скрыться и бѣжать. На судѣ мальчикъ держалъ себя скромно, сознался въ своемъ преступленіи, отцу на его раздражительные упреки не возражалъ, больше плакалъ, а наружностью своею, вполне симпатичною и поведеніемъ на судѣ, вызвалъ къ себѣ полное сочувствіе. Присяжные его оправдали къ крайнему неудовольствію отца, всѣми силами стремившагося обвинить своего сына.

Укажемъ еще на два случая оправданія присяжными малолѣтнихъ.

Въ московскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, раз-

сматривалось дѣло 11-ти-лѣтней дѣвочки, Анны Свѣдомцевой, обвинявшейся тоже въ поджогѣ. Дѣло было такимъ образомъ: 27-го мая 1879 года въ домѣ купца Осипова, въ чуланѣ, принадлежащемъ къ квартирѣ портнаго Леона Геффе, подъ лѣстницей загорѣлась рогожа, отчего обгорѣли нѣкоторыя ступени лѣстницы, но огонь былъ тотчасъ же зашѣненъ и пожаръ былъ остановленъ въ самомъ началѣ. Въ то же время было обнаружено, что рогожу подожгла живущая у Геффе въ качествѣ ученицы дочь мѣщанина Анна Свѣдомцева, которая, будучи допрошена, какъ обвиняемая, созналась въ этомъ поступкѣ и объяснила, что подожгла рогожу «просто отъ скуки», не предполагая, что отъ этого можетъ случиться пожаръ и произвести таковой она вовсе не думала. На судѣ обвиняемая повторила это объясненіе и прибавила, что ей хотѣлось понасть домой. Геффе объяснилъ, что Свѣдомцева и теперь у него живетъ, и что ничего дурнаго за ней онъ не замѣчалъ.

На вопросъ о виновности Свѣдомцевой присяжные засѣдатели отвѣчали отрицательно.

А четырнадцатилѣтній мальчикъ Навель Кузьминъ, находившійся въ учении у портнаго, двумя ударами утюгомъ по головѣ мастера крестьянина Харитонова хотѣлъ его убить. Причина, побудившая Кузьмина на преступленіе, была та, что Харитоновъ обращался съ нимъ жестоко, билъ его безъ всякой вины кулаками, палкою, таскалъ за волосы, иногда на дню колотилъ три раза и всегда придирался къ нему.

По единогласному отзыву всѣхъ свидѣтелей въ томъ числѣ и самой хозяйки заведенія, Кузьминъ былъ мальчикъ очень хорошій и послушный.

Присяжные не только, что оправдали Кузьмина, но еще и собрали ему небольшую сумму денегъ.

Мы указали на цѣлую серію уголовныхъ дѣлъ, закончившихся оправдательными приговорами присяжныхъ.

Не дѣлая никакихъ общихъ выводовъ изъ тѣхъ мотивовъ присяжныхъ, которыми они руководствовались въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, отвергая обвиненіе, укажемъ только на то, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ, оправдательные приговоры присяжныхъ были встрѣчаемы всегда сочувственнымъ отзывомъ и отношеніемъ со стороны публики. А что мнѣнія публики или, лучше сказать, выраженія общественнаго мнѣнія по отношенію къ суду присяжныхъ, нельзя признавать пристрастными и односторонними, этому можетъ служить прочнымъ доказательствомъ то, что въ нашей судебной практикѣ представляются далеко не единичными тѣ случаи, когда общество выражало присяжнымъ крайне наглядно свое негодованіе по поводу возмущавшихъ чувства общественной справедливости, неосновательныхъ, оправдательныхъ приговоровъ ихъ. Такое отношеніе общественнаго мнѣнія къ вердиктамъ присяжныхъ доказываетъ, что выраженія его при оцѣнкѣ дѣятельности присяжныхъ не могутъ быть оставляемы въ сторонѣ и заслуживаютъ того, чтобы придавать имъ извѣстное общественное значеніе.

Наконецъ по отношенію къ оправдательнымъ приговорамъ присяжныхъ, безполезно будетъ остановиться нѣсколько и на статистическихъ цифрахъ на-

шихъ годовыхъ отчетовъ. Эти статистическія цифры указываютъ, что по различію мѣстностей въ приговорахъ присяжныхъ засѣдателей, замѣчается соответствующее въ цифрахъ оправданій однообразіе. Фактъ этотъ, повторяясь, по замѣчанію Министерства Юстиціи, изъ года въ годъ доказываетъ, что уголовная юстиція, врученная присяжнымъ засѣдателямъ, отправляется ими по прочнымъ нравственнымъ началамъ, весьма слабо видоизмѣняющимся подъ вліяніемъ мѣстныхъ различій.

Относительно количества постановляемыхъ присяжными засѣдателями оправдательныхъ приговоровъ, всѣ судебныя округа представляютъ извѣстную постепенность, представляющуюся не случайною, а постоянною и выражающеюся между прочимъ въ томъ, что присяжные тѣхъ округовъ въ которыхъ преобладаетъ одноплеменное земледѣльческое населеніе, относятся къ дѣлу уголовного правосудія гораздо ревнивѣе и строже, чѣмъ присяжные тѣхъ округовъ, гдѣ разнообразность населенія, отражается на дѣлѣ правосудія, болѣе снисходительнымъ взглядомъ къ вопросу объ уголовномъ возмездіи, и гдѣ потому, какъ напримѣръ въ Одесскомъ судебномъ округѣ, процентъ оправдательныхъ приговоровъ представляется въ значительной степени бльшимъ, нежели напримѣръ въ Харьковскомъ судебномъ округѣ, отличающемся сравнительно кореннымъ одноплеменнымъ населеніемъ.

Вопроса о причинахъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ, въ связи съ сознаніями подсудимыхъ, и тою завѣсностію, которая существуетъ между мотивами оправданій и взглядами присяжныхъ засѣдателей на отдѣльные роды и виды преступленій, мы коснемся еще въ нѣкоторыхъ изъ послѣдующихъ главъ.

· XXXIII.

Случаи оскорбленій присяжныхъ подсудимыми.

Выше мы указывали на то, какое уваженіе заслужилъ себѣ въ нашемъ обществѣ судъ присяжныхъ, въ особенности въ массѣ простаго народа, который преимущественно ощущаетъ на себѣ благодѣтельное вліяніе этого новаго суда. Приговоры присяжныхъ, какъ приговоры общественной совѣсти, принимаются въ смыслѣ милости, правды и справедливости, даже и въ такой средѣ, которая потеряла, повидимому, всякое нравственное чувство, какова среда тяжкихъ преступниковъ.

Въ нашихъ судахъ бывали поразительные примѣры, что преступники самого крайняго и дерзкаго поведенія, высказывавшіе даже и во время судебныхъ засѣданій цѣлую массу дерзостей, моментально смирялись послѣ того, когда имъ былъ провозглашенъ обвинительный приговоръ присяжныхъ, и ужъ конечно не боязнь этого приговора приводила ихъ въ это состояніе смиренія, а тотъ высшій авторитетъ осужденія по долгу совѣсти и присяги, который и на самыя безнравственныя личности производитъ всегда свое благотворное дѣйствіе.

И самый тяжкій преступникъ, и самый безнравственный человекъ, въ моментъ провозглашенія надъ нимъ приговора людскою совѣсти, осуждающей его злое дѣйствіе, его злой поступокъ, приходитъ въ соприкосновеніе съ своею собственною совѣстью, которая и въ высшей степени преступномъ человекѣ, является всегда его первымъ и нравственнымъ укоромъ.

Но изъ этой фаланги лицъ самого преступнаго калибра, выдѣляются не рѣдко такія отдѣльныя личности, которыя въ своемъ преступномъ озлобленіи, теряютъ уваженіе и къ суду. Безсильная злоба ихъ передъ внѣшнею силой вооруженнаго конвоя, приводитъ ихъ въ изступленіе и въ такіе моменты, зная, что имъ терять уже болѣе нечего, они разражаются надъ присяжными бранью, ругательствами и угрозами.

Въ Ярославлѣ былъ однажды слѣдующій случай при объявленіи приговора мѣстнаго окружнаго суда извѣстному разбойнику Гарному.

Эффектно звеня цѣпами и поглаживая свою бороду, Гарный спокойно выслушалъ судебный приговоръ, обрекавшій его на каторжную работу въ продолженіи 12-ти лѣтъ и 1 мѣсяца и на 71 ударъ плетью. Когда былъ объявленъ этотъ приговоръ, Гарный, до того времени молчавшій, оперся на рѣшетку и повторилъ:

— «Семьдесятъ одна плеть! 12 лѣтъ съ мѣсяцемъ въ каторгѣ! Многолько-съ, господа судьи! Строголько-съ!»

Гарный освѣдомился послѣ того, кто исполнилъ по его дѣлу обязанности старшины присяжныхъ, и, какъ слышно было, далъ обѣщаніе когда нибудь покороче познакомиться съ этимъ старшиною.

Само собой такое обѣщаніе крайне смутило многихъ присяжныхъ, такъ какъ всѣмъ не безизвѣстна та легкость, съ которою подобныя энергичныя головорѣзы, успѣваютъ выходить на свободу даже изъ каторжной работы.

Въ нашей личной судебной практикѣ былъ такой случай.

Подсудимый обвинявшійся въ убійствѣ, при самой возмутительной и хладнокровной обстановкѣ, признанъ былъ присяжными виновнымъ безъ снисхожденія.

Подсудимый этотъ молодой еще мѣщанинъ, но человекъ въ высшей степени безнравственный и рѣшительный, зналъ лично старшину присяжныхъ по его дѣлу, съ которыми онъ былъ сосѣдь домами.

Этотъ старшина присяжныхъ, отставной чиновникъ, когда читалъ подсудимому приговоръ, дрожалъ всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ и пришелъ въ такое волненіе, встрѣтившись глазами съ ожесточившимся подсудимымъ, что хотѣлъ было уйти домой, не дождавшись выхода суда, который удался въ совѣщательную комнату для постановленія приговора по вердикту присяжныхъ. Судебный приставъ не рѣшился отпустить старшину присяжныхъ до закрытія судебного засѣданія, и попросилъ его остаться до выхода суда. Судъ на основаніи вердикта присяжныхъ, приговорилъ подсудимаго къ безсрочной каторжной работѣ въ рудникахъ. Вслѣдъ за произнесеніемъ этого приговора, подсудимый съ искаженнымъ отъ злобы лицемъ, обратился въ сторону старшины съ такими словами:

— «Спасибо, тебѣ, Кирилъ Ивановичъ, за постаранье; приду съ каторги, вернусь, я твою доброту тебѣ припомню. Баряку я ножемъ сразу порѣшилъ, а ты у меня подъ ножемъ 2 часа икать будешь».

Слова эти такъ подѣйствовали на старшину присяжныхъ, человека весьма слабаго сложенія и при томъ болѣзненнаго, что съ нимъ сдѣлался истерическій припадокъ.

— Что загоготалъ небось, погоди, не такъ еще у меня загогочешь, съ злобой усмѣшкой и рѣшительнымъ тономъ проговорилъ подсудимый, когда бѣднаго старшину, товарищи его повели мимо его подъ руки, въ совѣщательную комнату.

Въ Николаевѣ, на сессіи Херсонскаго окружнаго суда, былъ такой случай, описанный въ газетѣ Новое Время, что подсудимый, признанный присяжными засѣдателями, виновнымъ въ кражѣ, по провозглашеніи вердикта присяжныхъ, обратился къ нимъ съ непечатною бранью и тѣмъ произвелъ въ публикѣ совершенное смятеніе.

Подсудимый воспользовался общимъ замѣшательствомъ и вынувъ изъ-за пазухи нѣсколько сухихъ корокъ чернаго хлѣба, швырнулъ ими въ присяжныхъ такъ быстро, что никто почти не успѣлъ опомниться.

Въ Судебномъ Вѣстникѣ въ свое время былъ описанъ одинъ случай въ Ярославѣ, гдѣ одинъ изъ арестантовъ тюремнаго замка преданъ былъ суду за покушеніе на убійство одного изъ тюремныхъ надзирателей. Не успѣлъ еще старшина присяжныхъ послѣ прочтенія обвинительнаго приговора этому подсудимому отдать вопросный листъ въ руки предсѣдателя, какъ подсудимый обратившись къ присяжнымъ, отчетливо и громко произнесъ противу нихъ самую поносительную брань.

Намъ сообщили также объ одномъ случаѣ, когда подсудимый, отставной чиновникъ изъ дворянъ, преданъ былъ суду присяжныхъ за незначительную кражу. Присяжные, состоявшіе исключительно изъ крестьянъ, вынесли подсудимому обвинительный приговоръ, при уликахъ, нужно замѣтить, весьма слабыхъ, что сознавалъ и самъ судъ, ожидавшій, что подсудимаго присяжные оправдаютъ. Когда старшина присяжныхъ прочиталъ подсудимому этотъ обвинительный приговоръ, котораго онъ повидимому не ожидалъ, то онъ съ оттѣнкомъ горечи въ душѣ обратившись къ нимъ, проговорилъ: «эхъ, вы судьи присяжные, свиней вамъ пасти, а не людей судить, да дѣла разбирать».

Въ этомъ случаѣ мотивъ оскорбленія присяжныхъ явился, такъ сказать, случайно, и явился не вслѣдствіе желанія подсудимаго, оказать неуваженіе къ присяжнымъ, а вырвался, вѣрнѣе, изъ глубины огорченной души, подсудимаго что осудили его, по его мнѣнію неправильно, люди не свѣдущіе и не компетентные.

Подобный же случай, оскорбленія состава присяжныхъ засѣдателей почти тождественными словами, имѣлъ мѣсто однажды въ Таганрогскомъ окружномъ судѣ.

Нужно замѣтить, что на подобныя поступки подсудимыхъ, нельзя смотрѣть однакоже всегда, какъ на сознательное желаніе ихъ оскорбить присяжныхъ. Иногда подобныя оскорбленія присяжныхъ со стороны подсудимыхъ, бывають

такъ сказать безпричинны и порождаются совершенно стóронними побужденіями.

Намъ извѣстенъ, напримѣръ, такой случай.

Подсудимый, осужденный присяжными за грабежъ, въ слѣдъ за провозглаше- ніемъ обвинительнаго приговора, обратился къ старшимъ ихъ съ бранью.

Судъ распорядился занести въ протоколъ оскорбительныя слова арестанта; тогда послѣдній, добавивъ еще нѣсколько ругательствъ по отношенію къ присяжнымъ, сказалъ: «ну такъ добавьте имъ и еще».

Подсудимый этотъ принадлежалъ къ числу арестантовъ довольно смиренныхъ во все время содержанія своего въ тюрьмѣ, не выказывалъ никакихъ буйныхъ побужденій, въ преступленіи своемъ былъ изобличенъ вполне, самъ сознался въ немъ, и долженъ былъ ожидать обвинительнаго приговора присяжныхъ; а потому казалось страннымъ, что могло бы побудить его отнестись къ присяж- нымъ столь оскорбительно.

И что же? Впослѣдствіи на допросѣ у судебного слѣдователя, этотъ арес- тантъ заявилъ, что онъ для того обругалъ присяжныхъ, чтобы навести на себя новое дѣло и «чтобы такимъ манеромъ ему на эту весну изъ тюрьмы выгонки не было».

— Для чего-же тебѣ нужно было остаться въ этой тюрьмѣ на весну, спра- шивалъ его судебный слѣдователь.

— А для того, ваше благородіе, отвѣчалъ арестантъ, что какъ таперъ зна- чить слѣдство вы кончите, дѣло отошлете, ну мнѣ раньше осени суда не бу- деть, осенью осудятъ меня; ну а на ту весну я къ выгонкѣ и поспѣю.

Просидѣть же лишній годъ въ «своей» тюрьмѣ, и тѣмъ оттянуть время: ссылки, очень не прочь многие изъ арестантовъ, а въ описываемомъ случаѣ, у указанного нами арестанта былъ еще кромѣ того въ виду, такъ сказать притя- гательный мотивъ, въ лицѣ одной арестантки, съ которою онъ предполагалъ вступить впослѣдствіи въ бракъ, и которая ожидала себя тоже по осени осуж- денія на «вольное поселеніе».

Выбыть же раньше ея изъ тюрьмы и оставить свою избранницу безъ себя, арестантъ этотъ побоялся изъ того побужденія, что ее отобьютъ у него другіе, потому, «какъ на Сибирь ссылаютъ, корыстно всякому съ собой бабу имѣть».

И вотъ подъ вліяніемъ такихъ причинъ и побужденій, являются иногда без- причинныя оскорбленія присяжныхъ подсудимыми, самаго мирнаго свойства.

Иногда впрочемъ оскорбительныя выходки со стороны подсудимыхъ являются послѣдствіемъ того, что въ сознаніи несправедливаго или чрезмѣрно строгаго отношенія къ нимъ присяжныхъ, подсудимые бываютъ не въ силахъ удержать себя, и раздражаются бранью или укоризною присяжныхъ, дѣйствительно отъ чистаго сердца.

Одинъ изъ провинціальныхъ товарищей прокурора сообщаетъ намъ такой случай.

Подсудимый обвинялся въ кражѣ со взломомъ. Улики къ обвиненію его были чрезвычайно шатки, прокуроръ обвинялъ очень слабо, всѣ ожидали, что присяжные вынесутъ подсудимому оправдательный приговоръ, но на дѣлѣ же оказалось противное — присяжные его обвинили.

Тогда подсудимый, пришедшій въ страшное волненіе проговорилъ: не виновать я какъ передъ Богомъ, ни въ чемъ не виновать я, пусть малые дѣтки мои всѣ до единого сгинуть, коли я виненъ, а затѣмъ, обратившись къ осудившимъ его присяжнымъ, добавилъ: «а вамъ, судьи праведные, дай Боже того часа дожждаться, чтобы васъ Господь за ваше праведное судовство наказалъ, не судьи вы праведные, а такъ себѣ—зрящіе люди».

Присяжные засѣдатели оскорбились такой укоризной подсудимаго и потребовали занесенія въ протоколъ судебного засѣданія словъ его. Судъ исполнилъ требованіе присяжныхъ засѣдателей, но въ слѣдъ за тѣмъ, вынесъ резолюцію свою, которою объявилъ означенный обвинительный приговоръ присяжныхъ ничтожнымъ, на томъ основаніи, что по единогласному убѣжденію судей присяжные осудили невиннаго, и опредѣлили, передать дѣло на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ.

Такимъ образомъ, это опредѣленіе суда, санкціонировало такъ сказать тотъ мотивъ подсудимаго, который вынудилъ его высказать присяжнымъ публичную укоризну, за неправильное его осужденіе.

XXXIV.

Акты и документы предварительныхъ слѣдствій.

Главныя условія процесса суда присяжныхъ, его гласность и устность, до такой степени вошли въ сознаніе нашего общества какъ необходимая и безусловная принадлежность всякаго правильнаго суда, что всякаго рода письменные акты и документы, которые по закону могутъ быть прочитываемы на судѣ, почти что не играютъ въ глазахъ судей или по крайней мѣрѣ присяжныхъ засѣдателей никакой роли; это недовѣріе судей совѣсти къ разнаго рода актамъ объ осмотрахъ, обыскахъ и сличеніяхъ, къ протоколамъ показаній записанныхъ на предварительномъ слѣдствіи, можетъ быть объяснено весьма просто прежде всего тѣми общими преимуществами, которыя имѣетъ устный процессъ передъ письменнымъ.

Въ устномъ процессѣ, присяжные засѣдатели, какъ судьи участвуютъ въ изслѣдованіи извѣстнаго обстоятельства или извѣстнаго момента преступленія, всѣми своими внѣшними и нравственными ощущеніями. Допрашивая свидѣтеля, пострадавшаго или подсудимаго, присяжный засѣдатель мало того, что пріобрѣтаетъ то или другое показаніе для сужденія объ обстоятельствахъ дѣла, онъ имѣетъ еще возможность сдѣлать нравственную оцѣнку той личности, которая является передъ нимъ въ лицѣ свидѣтеля или подсудимаго.

Точно также и относительно разнаго рода предметовъ изслѣдованій представляемыхъ на судѣ, какъ бы подробно и обстоятельно не были составлены протоколы объ осмотрѣ ихъ, личное участіе присяжныхъ засѣдателей въ осмотрѣ всякаго рода такихъ предметовъ и вещей, будетъ всегда имѣть болѣе существенное, преимущественно вліяющее на исходъ дѣла значеніе.

Кромѣ того, къ разнаго рода письменнымъ актамъ и протоколамъ объ осмот-

рахъ, присяжные засѣдатели относятся недовѣрчиво и потому еще, что путемъ опыта въ нашихъ судахъ, они совершенно основательно пришли къ убѣжденію, что всѣ такіе протоколы составляются полиціею небрежно поверхностно, а иногда и просто съ чужихъ словъ, протоколы же судебныхъ слѣдователей являются на судѣ обыкновенно не какъ общее правило, а какъ исключенія.

Вотъ въ сущности тѣ главныя причины, на основаніи которыхъ присяжные засѣдатели если не съ полнымъ недовѣріемъ, то съ крайнею осторожностію относятся къ различнаго рода читаннымъ на судѣ письменнымъ документамъ предварительныхъ слѣдствій, и предпочитаютъ имъ всегда всякое личное непосредственное изслѣдованіе въ дѣлѣ.

Одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей выказываетъ намъ по этому предмету слѣдующія свои соображенія: «мы рѣшаемъ дѣла только по совѣсти, слѣдовательно, для насъ весьма важно, чтобы совѣсть наша въ каждомъ актѣ процесса, въ оцѣнкѣ каждаго обстоятельства или доказательства по дѣлу, не испытывала бы никакихъ сомнѣній, недомолвокъ и колебаній. Когда я самъ осматриваю известную вещь, допрашиваю человѣка, вижу его передъ собою, изучаю, такъ сказать, и внѣшній и внутренній его образъ, тогда всякій взглядъ мой на отдѣльныя частности дѣла устанавливается сразу. Я самъ въ себѣ дѣлаю безошибочный выводъ, почему одному свидѣтелю я могу вѣрить, и почему показаніе другого кажется мнѣ сомнительнымъ. Видна птица по полету, а мы живемъ въ обществѣ среди и хорошихъ и дурныхъ людей. Въ свидѣтели попадаютъ всякіе люди. На много довольно только посмотреть чтобы потомъ совѣсть его не слушать. Манера входа на допросъ, манера рѣчи, обращенія къ суду, все это даетъ свидѣтелю такую окраску, которую скрыть нельзя, а по ней и составляешь себѣ убѣжденіе, правду говорить человѣкъ или нѣтъ».

«Возьмемъ на примѣръ такое положеніе. Говорятъ мнѣ, что подсудимый откровенно во всемъ сознался, все рассказалъ, ничего не скрылъ. Хорошо. Но если я не видалъ въ лицѣ этого человѣка, не слышалъ самъ его сознанія, то для меня утрачивается въ этомъ сознаніи подсудимаго самое важное, — я не могу сирѣдѣлить было ли это сознаніе его чистосердечное искреннее или нѣтъ, или же оно было только вынужденное неизбѣжностью, вследствие множества уликъ. Вотъ почему по нашему мнѣнію въ процессѣ суда присяжныхъ и введено обязательное правило, чтобы подсудимый непременно находился бы самъ на лицѣ. Видѣть самого человѣка въ то время, когда его судишь или дѣлаешь ему какую либо оцѣнку, какъ на примѣръ, показанію свидѣтеля, — дѣло великое. Опять же читаются передъ нами разные протоколы и акты, да другой разъ такъ читаются что ничего не разберешь, особенно есть секретари, одно слово прочтешь, а два впередъ разбираешь, да читаетъ-то, точно гложетъ слова, ничего не воймешь, никакого цѣлостнаго впечатлѣнія отъ такого чтенія въ головѣ у себя не удержишь. Ну потому присяжные обыкновенно и не жалуютъ всѣ эти акты и документы слѣдственнаго дѣла, разбирай, говорятъ, что тамъ написано, кто, да какъ, да гдѣ составлялъ ихъ, а лучше какъ самъ все смотришь, ну тогда дѣло надежное, за рѣшеніе берешься — на душѣ не скребеть».

Сколько раз въ судебныхъ засѣданіяхъ нашихъ окружныхъ судовъ, случилось намъ наблюдать такія явленія. Читается какойнибудь актъ осмотра или освидѣтельствванія, составленный полиціею. По этому акту утверждаются вполнѣ всѣ тѣ обстоятельства, которыя въ данномъ случаѣ ставятся уликами подсудимому въ приписываемомъ ему преступленіи.

Но вотъ наступаетъ очередь допроса свидѣтелей, вызванныхъ догадливымъ защитникомъ. Свидѣтели эти олазываются ни болѣе ни менѣе, какъ тѣ понятые, которые значатся подписавшимися подъ актомъ только что прочитаннымъ передъ присяжными. Если этотъ актъ или протоколъ былъ составленъ судебнымъ слѣдователемъ, то разница между содержаніемъ его и показаніями свидѣтелей вызванныхъ въ подтвержденіе его, бываетъ обыкновенно не велика и во всякомъ случаѣ крупныхъ недоразумѣній собою представлять не можетъ, но къ сожалѣнію нельзя того же сказать относительно различныхъ актовъ и протоколовъ, составляемыхъ полиціею и которыя путемъ провѣрки ихъ на судѣ допросомъ свидѣтелей, оказываются всегда болѣе или менѣе несогласными съ истиной.

Укажемъ напримѣръ на слѣдующій сообщенный намъ случай. Въ одномъ полицейскомъ актѣ становой приставъ удостовѣрялъ, что онъ прослѣдилъ босые слѣды похитителя лошади, вдоль берега рѣчки, которые были совершенно явственно видны на пескѣ и далѣе направлялись лугомъ, къ той деревнѣ, гдѣ жилъ предполагаемый похититель лошади. Между тѣмъ на судебномъ слѣдствіи показаніями свидѣтелей было установлено несомнѣнно, что кража лошади была совершена во время разлива рѣвки, когда неширокій песчаный берегъ ея былъ залитъ на два аршина глубины водой, когда лугъ, о которомъ идетъ рѣчь точно такъ же былъ подъ водою и когда слѣдовательно никакихъ явственныхъ слѣдовъ босыхъ ногъ на пескѣ вдоль берега рѣвки, въ указанномъ мѣстѣ становой приставъ видѣть не могъ.

Это недоразумѣніе выяснилось тѣмъ, что приставъ на мѣстѣ не былъ, осмотра не дѣлалъ, а составилъ его со словъ какихъ-то пастуховъ ребятъ, которые видѣли какіе то слѣды, но въ совершенно другомъ мѣстѣ. Въ данномъ случаѣ очевидно и самый распросъ пастуховъ сдѣланъ былъ кое-какъ. Въ качествѣ понятыхъ къ этому документу, по приказанію пристава «приложили руки» очередные десятеріе и такимъ образомъ актъ, объ осмотрѣ составленный «надлежащимъ лицомъ» при «надлежащимъ числѣ понятыхъ», предоставлялъ собою съ вѣрной стороны, совершенно законный актъ доказательства и улики противу несчастнаго подсудимаго.

Въ одномъ только грѣшили этотъ актъ—въ немъ не было правды ни одной строчки. Какъ же довѣрять такимъ актамъ, а такъ какъ они составляютъ по выраженію одного присяжнаго засѣдателя явленіе—«общераспространенное», то можно одобрять только тотъ скептическій взглядъ нашихъ присяжныхъ, который практика суда и жизни, выработала у нихъ на подобнаго рода письменные акты.

Въ другомъ передаваемомъ намъ случаѣ, курьезъ съ актомъ объ осмотрѣ взлома произошелъ еще лучше.

Подсудимый обвинялся въ кражѣ со взломомъ ржи изъ амбара своего сосѣда

при чемъ, какъ значилось въ актѣ осмотра, похититель взломалъ у двери внутреннюю деревянную запорку. На судѣ потерпѣвшій рассказывая о кражѣ, между прочимъ объяснилъ, что онъ самъ въ эвонъ дѣлѣ отчасти сплеховалъ «потому запорка еще съ прошлаго года была у него сломана ну потому вору и было свободно влѣзть».

— Да, вѣдь у васъ запорка при кражѣ, этотъ разъ была сломана, спросилъ предѣдательствующій потерпѣвшаго.

— Нивакъ нѣтъ, отвѣчалъ послѣдній, на что вратъ Бога гнѣвить, она сломана у меня почестъ ужъ съ годъ: свинью кабака прошлымъ лѣтомъ ми кормили, житомъ изъ амбара, ну повадилась она сама лезть туда, на передній ноги встанеть къ двери, рыломъ толкнеть въ нее, дверь и отворится, такимъ манеромъ запорку она и обломала.

Въ результатѣ оказалось, что потерпѣвшій, передавая приставу о совершенной у него кражѣ объяснилъ, что воръ воспользовался сломанной еще въ прошломъ году запоркой и влѣзъ въ амбаръ, а ужъ почему въ актѣ оказалось, что будто запорка была сломана воромъ при этой кражѣ, осталось не выясненнымъ. Между тѣмъ этотъ протоколъ былъ подписанъ не только становымъ приставомъ и понятыми, но даже потерпѣвшимъ и самимъ обвиняемымъ, который въ кражѣ ржи сознался.

Впрочемъ послѣ прочтенія этого акта, побудившій публично запротестовать, что онъ доподлинно запорки у амбара не ломалъ и «потому самому свиньей, значить, грѣхъ на свою душу принимать ему не желательно».

Намъ неоднократно доводилось слышать отъ присяжныхъ засѣдателей, что въ сужденіяхъ своихъ о степени достовѣрности или благонадежности того или другаго свидѣтеля, они прежде всего отдичаютъ свидѣтелей, являющихся на судѣ засвидѣтельствовать лично свои показанія передъ ними, отъ тѣхъ свидѣтелей, которые не являются на судѣ и относительно которыхъ присяжные по чему либо составляютъ себѣ убѣжденіе, что они умышленно уклонились отъ этой явки, съ цѣлью избѣжать дачи публичнаго показанія.

Присяжные всегда очень чутко прислушиваются къ тому, когда судъ разбираетъ причины неявки свидѣтелей, и съ особенною подозрительностію относятся они къ тѣмъ свидѣтелямъ, которые по мѣстнымъ условіямъ, могли бы явиться, но не явились, и ради устранения за то ответственности своей, засвидѣтельствовали такую же неявку свою, какою либо законною причиною.

Благодаримые присяжные разсуждаютъ такъ. Каждый честный гражданинъ, будучи вызванъ на судѣ въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу, долженъ стремиться къ тому, чтобы непременно выполнить эту обязанность свою, и только человекъ, который сознаетъ кое-какія неправильности, допущенныя имъ въ показаніи своемъ, дающемъ на предварительномъ слѣдствіи, можетъ искать случая, или нибудь не явиться на судѣ, чтобы избѣгнуть необходимости подтвердить свое показаніе присягой. Отсюда въ большинствѣ случаевъ присяжные и относятся съ недовѣрjemъ или же съ крайнею осторожностію къ тѣмъ показаніямъ свидѣтелей, которые по случаю неявки послѣднихъ читаются на судѣ.

Однажды по дѣлу о святотатствѣ, на судѣ не явился главный свидѣтель дьячекъ, представившій къ засѣданію удостовѣреніе волостнаго правленія, что онъ боленъ. Во время обсужденія судомъ причины этой неявки, одинъ изъ присяжныхъ, крестьянинъ того же самаго села, подойдя къ судьямъ заявилъ, что дьячекъ «облыжно себя больнымъ показалъ, что ему не охота была только на судѣ ѣхать, обличіе дѣлать, потому всякъ на селѣ знаетъ, что неправеднаго много онъ у слѣдователя показалъ».

Хотя судъ заявленія этого присяжнаго засѣдателя и не принялъ во вниманіе, и прочелъ показаніе дьячка, какъ свидѣтеля, не явившагося по законной причинѣ, надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованной, но присяжные конечно этому показанію не дали ни какой степени вѣроятія.

Въ другомъ случаѣ при перекличкѣ свидѣтелей по дѣлу о кражѣ, не оказалось на лицѣ потерпѣвшаго. Судъ повелъ засѣданіе безъ него, но во время судебного слѣдствія, подсудимый самъ усмотрѣлъ, что потерпѣвшій находится въ рядахъ публики, объ чемъ тотъ часъ и заявилъ суду. Когда этого потерпѣвшаго вызвали и предложили ему дать показаніе, при чемъ согласно домогательству подсудимаго, онъ спрощенъ былъ даже подъ присягой, то всѣмъ присутствовавшимъ на судѣ представилось совершенно яснымъ смущеніе потерпѣвшаго, съ которымъ онъ давалъ свои объясненія, отказавшись отъ многихъ изъ тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ онъ первоначально удостовѣрялъ у судебного слѣдователя.

Не въ правѣ ли были присяжные засѣдатели, отнестись недоувѣрчиво къ такому письменному показанію потерпѣвшаго, если бы оно было передъ ними прочитано.

А кто изъ присутствовавшихъ при разбирательствахъ уголовныхъ дѣлъ въ нашихъ окружныхъ судахъ не наблюдалъ того, какъ часто устные показанія свидѣтелей на судѣ подъ присягой, видоизмѣняются сравнительно съ тѣмъ, что тѣ же свидѣтели показывали на предварительномъ слѣдствіи, и какъ часто для разъясненія подобныхъ противорѣчій, судъ вынуждается читать письменныя показанія свидѣтелей, которыя въ большинствѣ случаевъ утрачиваютъ почти всегда во многомъ изъ своего существеннаго значенія.

Вотъ почему въ главныхъ чертахъ, къ такимъ письменнымъ показаніямъ, и вообще ко всякаго рода письменнымъ актамъ и документамъ предварительныхъ слѣдствій, присяжные засѣдатели относятся далеко не съ тѣмъ довѣріемъ, которое путемъ личныхъ впечатлѣній и непосредственныхъ ощущеній, вырабатывается у нихъ относительно всего того, что они сами видѣли и слышали на судѣ.

XXXV.

Неправильныя осужденія и передачи дѣлъ другимъ составамъ присяжныхъ.

Присутствуя въ судебныхъ засѣданіяхъ нашихъ окружныхъ судовъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, нельзя не обратить вниманія на одно крайне

неприглядное явленіе, которое весьма рѣзко бросается въ глаза постороннему наблюдателю и производит впечатлѣніе далеко не благопріятное для суда. Мы говоримъ объ установившемся во многихъ нашихъ судахъ обычай, по которому коронныя судьи, кромѣ предсѣдательствующихъ, во время судебныхъ засѣданій совершенно безучастно относятся къ слушаемому дѣлу и во все время судебного слѣдствія и преній сторонъ, сидя за судейскимъ столомъ, ни мало не обращаютъ вниманія на то, что происходитъ на судѣ, а занимаются совершенно постороннею работою, просматриваютъ другія дѣла, подписываютъ кагія-то бумаги, которыя непрерывно приносятъ имъ курьеры и чиновники, разговариваютъ съ послѣдними, отдають имъ тѣ или другія приказанія и, вообще, вмѣсто слушанія дѣла, занимаются такою работою, которая должна быть выполняема внѣ судебныхъ засѣданій.

Всякій, сознающій высокое значеніе судьи и понимающій, какою нравственною отвѣтственностью обязанъ каждый изъ нихъ передъ самимъ собою, согласится съ тѣмъ, что такое поведеніе по меньшей мѣрѣ крайне предосудительно. А между тѣмъ за послѣднее время оно вошло какъ бы въ обычай. Причина этого болѣе чѣмъ страннаго обычая заключается въ томъ ложномъ взглядѣ, установившемся въ средѣ нѣкоторыхъ изъ представителей судебного вѣдомства, что активное участіе судей въ судебныхъ засѣданіяхъ съ присяжными засѣдателями представляется будто бы излишнимъ, потому что съ внѣшней процессуальной стороны, засѣданіе ведется лично предсѣдательствующимъ, который и слѣдитъ какъ за существомъ дѣла, такъ равно и за ходомъ судебного засѣданія, а со стороны, такъ-сказать, внутренняго содержанія дѣла — разрѣшеніе его зависитъ исключительно отъ присяжныхъ засѣдателей, почему участіе въ дѣлѣ коронныхъ судей сводится будто бы ни къ чему, или къ исполненію одной только формальности.

Такого рода взгляды и убѣжденія представляются однако же вполне несостоятельными, такъ какъ участіе коронныхъ судей въ уголовныхъ процессахъ съ присяжными засѣдателями, обусловливается потребностью весьма важныхъ и существенныхъ гарантій для правосудія.

Прежде всего укажемъ на то, что, не слѣдя за показаніями свидѣтелей и объясненіями подсудимаго, не вслушиваясь въ разныя заявленія сторонъ, судьи рѣшительно не въ состояніи въ концѣ дѣла дать правильную оцѣнку всемъ обнаруженнымъ на судебномъ слѣдствіи фактамъ; нравственная же сторона личности подсудимаго остается для нихъ совершенно невыясненною.

Вслѣдствіе сего въ окончательномъ приговорѣ своемъ о примѣненіи наказанія судьи не будутъ въ состояніи отнестись къ подсудимому вполне справедливо, соотвѣтственно всемъ тѣмъ нравственнымъ моментамъ процесса, которые обрисовали личность обвиняемаго въ томъ или другомъ свѣтѣ.

Но это еще не особенно важно.

Въ судебныхъ засѣданіяхъ бывають иногда моменты, когда легкомысленное невниманіе судей, можетъ повлечь за собою весьма тяжелыя и роковыя послѣдствія для подсудимаго.

Моменты эти — тѣ минуты внезапно возникающихъ недоразумѣній и недо-молвокъ, когда, къ общему удивленію суда и публики, обвинительный вердиктъ присяжныхъ является совершенною для всѣхъ неожиданностью, которая можетъ быть объяснена только тѣмъ, что присяжные дурно поняли дѣло, еще болѣе смутно и несогласно съ истиной, истолковали себѣ предложенные на разрѣшеніе ихъ судомъ вопросы, и въ результатѣ осудили человѣка, ни въ чемъ неповиннаго.

Такіе случаи бываютъ очень часто, они весьма возможны, особенно, когда составъ присяжныхъ представляетъ собою среду, не особенно развитую, когда предметъ подлежащаго разрѣшенію ихъ дѣла не бьетъ въ глаза объективностью своихъ вѣдѣній признаковъ, а заключается въ сопоставленіи такихъ отвлеченныхъ понятій о свойствахъ преступленія, которыя не вполне доступны пониманію человѣка, мало развитаго или не достаточно знакомаго съ наукою права.

Такіе случаи, говоримъ мы, бываютъ часто. Самъ законъ предвидѣлъ ихъ и, въ огражденіе личности подсудимыхъ, постановилъ правило о ничтожности обвинительнаго приговора присяжныхъ въ томъ случаѣ, если судъ признаетъ, что такимъ приговоромъ осужденъ невинный. Но при этомъ по закону необходимо единогласіе. Последняя оговорка понятна: допуская серьезное отступленіе отъ принципа непоколебимости приговора присяжныхъ, законъ не могъ не обставить его всеми возможными гарантіями.

Теперь, спрашивается, какое примѣненіе мѣра эта можетъ имѣть въ тѣхъ случаяхъ, когда между судьями не будетъ единогласнаго убѣжденія о невинности подсудимаго, когда между ними возникнутъ по этому поводу разногласія, или когда у кого-нибудь изъ нихъ явится одно только сомнѣніе въ правильности обвинительнаго приговора присяжныхъ засѣдателей?

Не трудно понять послѣ этого, какое огромное значеніе имѣеть для каждаго подсудимаго всестороннее ознакомленіе съ детальными подробностями его дѣла всѣхъ членовъ короннаго суда, а не одного только предсѣдателя, такъ какъ въ окончательномъ выводѣ, при одномъ изъ указанныхъ выше случаевъ, личное его убѣжденіе въ неправомерности приговора присяжныхъ, какъ бы оно искренно и вѣрно не было, не можетъ имѣть для дѣла и подсудимаго рѣшительно никакого значенія.

Ясно отсюда, какіе результаты могутъ происходить отъ невниманія судей къ слушаемому дѣлу и какой справедливый упрекъ долженъ быть отнесенъ къ тѣмъ изъ нихъ, которые такимъ образомъ умаляютъ задачу праваго и добросовѣтнаго суда. Вѣдь никакой судья, сколько-нибудь уважающій свое званіе, не рѣшится высказаться за отмѣну приговора присяжныхъ засѣдателей, не будучи вполне и глубоко убѣжденъ въ томъ, что приговоромъ этимъ осужденъ невинный.

Во всякомъ случаѣ, собственное невниманіе никогда не позволитъ ему всѣгать на приговоръ присяжныхъ, вынесенный ими, какъ бы то ни было, изъ полнаго ознакомленія съ дѣломъ, которое они могутъ быть дурно поняли или неправильно истолковали, но къ которому отнеслись, согласно принятой ими присяги, со всею силою своего разумѣнія, подавъ рѣшительный голосъ на основаніи того, что видѣли и слышали на судѣ.

Возможная въ такихъ случаяхъ роковая ошибка присяжныхъ, будетъ всегда лежать на совѣсти коронныхъ судей, своевременно ее не исправившихъ или, лучше сказать, допустившихъ ея тяжелыя послѣдствія, благодаря лишь своему невниманію!

А въ какой степени, случаи неправильныхъ осужденій присяжными, встрѣчаются часто въ нашихъ судахъ.

Лучшимъ отвѣтомъ на это служить то, что по сообщенію члена одного изъ окружныхъ судовъ, опредѣленія суда о передачѣ дѣлъ на разсмотрѣнія другихъ составовъ присяжныхъ въ упомянутомъ судѣ, касаются почти 5%, всѣхъ дѣлъ, закончившихся обвинительными приговорами присяжныхъ. Цифра эта крайне высока и ненормальна, если принять во вниманіе, что передача дѣла на разрѣшеніе другого состава присяжныхъ, должна представлять собою во всякомъ случаѣ явленіе исключительное. Несомнѣнно, что цифра эта въ другихъ окружныхъ судахъ гораздо ниже, но затѣмъ опять-таки намъ извѣстенъ одинъ окружный судъ, гдѣ эта цифра въ теченіи одного года поднялась какъ-то до 8%, и явилась послѣдствіемъ того, что подъ вліяніемъ мѣстныхъ экономическихъ причинъ и обѣднѣнія края, присяжные, испытывая на самихъ себѣ эти неблагоприятныя условія, съ безпощадною строгостью относились ко всѣмъ вообще подсудимымъ въ особенности же къ обвиняемымъ въ преступленіяхъ противу собственности, и выносили обвинительные приговоры иногда при самыхъ слабыхъ и шаткихъ уликахъ.

Отчего зависятъ вообще, неправильныя осужденія подсудимыхъ присяжными. Отвѣтимъ на это слѣдующею замѣткою одного лица прокурорскаго надзора: «по мнѣнію нашему, читаемъ мы въ этой замѣткѣ, винить въ такихъ промахахъ присяжныхъ засѣдателей нельзя, потому, что отвѣтъ ихъ о виновности подсудимаго складывается изъ суммы тѣхъ впечатлѣній, которыми отразилось на нихъ судебное слѣдствіе. Но дѣло въ томъ, что иные факты, выясняющіеся на судѣ передъ присяжными, только по внѣшности своей представляются иногда преступными, а въ дѣйствительности не заключаютъ въ себѣ никакихъ элементовъ уголовного дѣянія, и не подлежатъ наказанію, присяжные же, какъ не юристы этихъ мнѣній не понимаютъ, отчего иногда и впадаютъ въ ошибки. Мы хотимъ этимъ сказать, что вина за подобныя оплошности присяжныхъ, должна падать всецѣло на предѣдательствующихъ, которые недостаточно ясно, точно и толково передаютъ присяжнымъ въ своихъ резюме, значеніе и силу и улики доказательствъ, не разъясняютъ имъ вполне ясно существенныя признаки, разсматриваемаго преступленія и вообще не принимаютъ всѣхъ мѣръ къ тому, чтобы поставить присяжныхъ по отношенію къ дѣлу, на вполне правильную точку зрѣнія».

Соображенія эти, по мнѣнію нашему, представляютъ совершенно правильными, и мы отъ себя добавимъ еще, что губительное вліяніе на исходъ такихъ неправильныхъ приговоровъ присяжныхъ, имѣеть и замѣчаемая иногда въ рѣчахъ предѣдательствующихъ односторонность или пристрастіе въ ту или другую сторону.

По одному дѣлу священникъ и дьячекъ обвинялись въ выдачѣ молодому крестьянину съ корыстною цѣлю подложной метрики о его рожденіи, въ которой дѣйствительное число его лѣтъ отъ рожденія было увеличено. На судѣ было доказано, что «уговоръ» объ этой метригѣ, крестьянинъ имѣлъ съ самимъ батюшкой, деньги за «услугу» заплатилъ ему же, фальшивую метрику получилъ изъ рукъ его же, а участіе дьячка въ дѣлѣ выразилось только въ томъ, что онъ, по приказанію священника, выписалъ метрику изъ книги, не проставивъ въ ней года, мѣсяца и числа, такъ какъ, священникъ передавалъ ему, что годъ записи метрики, онъ для вѣрности потребуетъ изъ консисторской книги, и тогда проставитъ его самъ. По дѣлу было безусловно доказано, что дьячекъ объ этой фальши священника ничего не зналъ и не подозрѣвалъ, а между тѣмъ, присяжные, обвинивъ священника въ подлогѣ, признали виновнымъ въ соучастіи въ томъ и дьячка, только потому, что онъ принималъ участіе въ непосредственномъ написаніи метрики, оказавшейся подложною.

Конечно, судъ единогласно призналъ такой приговоръ присяжныхъ, относительно дьячка, неправильнымъ, и дѣло о немъ передалъ на разсмотрѣніе другого состава присяжныхъ, но самый случай этотъ произошелъ отъ того, что председательствующій совершенно не выяснилъ передъ присяжными ту роль, которую въ этомъ дѣлѣ игралъ дьячекъ и не указалъ на отсутствіе въ его дѣяніи малѣйшаго признака преступнаго умысла, при отсутствіи котораго, непосредственное участіе дьячка въ выпискѣ метрики изъ книги, никакъ не могло быть поставлено ему въ вину, въ смыслѣ участія въ подлогѣ.

Иногда, впрочемъ, и случайность «нѣкоторыхъ уликъ» вводитъ присяжныхъ засѣдателей въ заблужденіе, относительно виновности подсудимаго, которому они и выносятъ обвинительный вердиктъ, не будучи въ состояніи достаточно ясно взвѣсить и оцѣнить ихъ дѣйствительное значеніе и соотношеніе къ дѣлу. Укажемъ напримѣръ на слѣдующее дѣло.

Въ Москвѣ, 3-го октября 1877 года, былъ ограбленъ и убитъ подстароста церкви Благовѣщенія, Иванъ Зилловъ. Преступленіе это было совершено такъ ловко, что вначалѣ, слѣдствіе не могло открыть никакихъ слѣдовъ. Но вотъ, на помощь сыскной полиціи явился какой то добровольный сыщикъ, который указалъ на трехъ крестьянъ, съ которыми онъ познакомился въ ночлежномъ пріютѣ. Последніе возбудили его подозрѣніе въ убійствѣ тѣмъ, что у нихъ оказались деньги и вещи, между которыми были новые кредитные билеты и серебряные часы; убитый же, какъ говорили, тоже имѣлъ въ числѣ прочаго имущества новые кредитные билеты и серебряные часы. Больше никакихъ основаній къ подозрѣнію не было, но и это сочтено было достаточнымъ, словно новые билеты и часы такая рѣдкость, что могутъ встрѣчаться лишь у очень не многихъ. Подсудимые твердо отрицали свою виновность и доказывали свое alibi, но оно не могло быть подтверждено спрошенными свидѣтелями. На основаніи только подобныхъ данныхъ и въ виду того обстоятельства, что прошлое ихъ оказалось не совсѣмъ чисто, построено было все обвиненіе.

Не смотря на крайнюю недостаточность уликъ, присяжные обвинили всѣхъ

подсудимыхъ въ убійствѣ. Тогда судъ, признавъ, что приговоромъ присяжныхъ осуждены невинные, сдѣлалъ постановленіе о передачѣ обсужденія этого дѣла новому составу присяжныхъ.

Закончимъ настоящую главу указаніемъ на то, что нерѣдко присяжные даже разныхъ сессій, въ подобныхъ приговорахъ своихъ проводятъ извѣстную послѣдовательность и настойчивость въ обвиненіи, не смотря на единогласныя опредѣленія суда объ осужденіи ими невинныхъ. Такъ случается довольно часто, что присяжные новаго состава, разсматривая дѣло о подсудимомъ, относительно котораго обвинительный приговоръ другихъ присяжныхъ былъ отмѣненъ судомъ, тѣмъ не менѣе, снова выносятъ подсудимому обвинительный приговоръ.

А на такіе вторичные приговоры, не вправѣ уже посягать и самъ судъ; каковы бы они ни были, правильны или нѣтъ, они рѣшаютъ уже окончательно судьбу подсудимаго, не отнимая только отъ него общаго права обжалованія приговора въ обыкновенномъ порядкѣ.

XXXVI.

Выдающіяся личности присяжныхъ засѣдателей.

Въ одной изъ предъидущихъ главъ, мы коснулись вопроса, о значеніи присяжныхъ засѣдателей, какъ общественныхъ дѣятелей, и съ этою цѣлію указали на рядъ такихъ дѣйствій ихъ, въ которыхъ выражалась эта дѣятельность ихъ, на пользу общества, на пользу подсудимыхъ.

Укажемъ теперь на нѣсколько сообщенныхъ намъ случаевъ изъ той же сферы дѣятельности присяжныхъ, снискавшихъ имъ глубокое общественное уваженіе, и которые, по своимъ особымъ нравственнымъ побужденіямъ и значительнымъ матеріальнымъ размѣрамъ и пожертвованіямъ, невольно обращаютъ на себя стороннее вниманіе.

Въ небольшомъ уѣздномъ городѣ, подсудимая женщина 3½ лѣтъ, была признана виновною, какъ сообщница въ шайкѣ составившейся для разнаго рода грабежей, и, по обвинительному вердикту присяжныхъ, осуждена судомъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы. Подсудимая эта была женщина въ высшей степени безнравственная, развратная, потерявшая всякій стыдъ и совѣсть. При ней въ тюрьмѣ содержалась и маленькая дочь ея семи лѣтъ; за осужденіемъ матери, гибельная будущность предстояла впереди этой несчастной дѣвочки, такъ какъ мать ея должна была взять ее съ собою, ибо никого изъ близкихъ родныхъ у нея не было, а дальніе родные ея отказались взять на себя излишнюю заботу о чуждомъ имъ ребенкѣ.

Тогда одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей, чиновникъ мѣстнаго казначейства, изъявилъ желаніе взять этого ребенка на воспитаніе въ свою семью, на что мать дѣвочки, конечно, согласилась, такъ какъ, этимъ самымъ она освобождалась отъ обременительной лишь для себя обузы.

Впрочемъ, и изъ этой уступки своего же ребенка доброму человеку, подсудимая счумѣла извлечь для себя выгоду, потребовавъ отъ «благодѣтеля» ея до-

чери «за уступленіе ея», и «чтобы никогда уже къ ней не касаться» три рубля серебромъ. Деньги эти были, конечно уплочены алчной матери, и она ушла на весну въ Сибирь, а дочка ея поступила въ семью этого чиновника.

Это было въ 1868 году.

Указываемый нами фактъ, сообщенъ намъ въ письмѣ мѣстнаго священника одной изъ приходскихъ городскихъ церквей.

Вотъ что пишетъ, между прочимъ, почтенный іерей, относительно дальнѣйшей судьбы и настоящаго положенія этой бывшей безпріютной дѣвочки.

«Со дня принятія къ себѣ ребенка, благодѣтели его, какъ самъ А. О., такъ и супруга его, не переставали заботиться объ немъ, какъ о своемъ собственномъ дѣтищѣ. Маленькая Надя научена была скоро грамотѣ. Затѣмъ отдана въ женское епархіальное училище, гдѣ прекрасно окончила полный курсъ ученія, получила дипломъ учительницы и три года тому назадъ поступила на должность преподавательницы русскаго языка и естественной исторіи въ нашей женской прогимназіи. А въ прошломъ году присланный въ нашъ городъ новый судебный слѣдователь, познакомившись съ Надей или, уже лучше сказать, съ Надеждой Ивановной, и оцѣнивъ ея рѣдкія качества смиренія и кротости, женился на ней и пребываетъ теперь съ ней въ счастливомъ супружествѣ».

«Великъ долженъ быть, для каждаго честнаго человѣка, пишетъ между прочимъ священникъ, поступокъ достопочтеннаго нашего А. О., который теперь на старости лѣтъ, испытываетъ отрадное сознаніе, сдѣланнаго имъ добраго дѣла, маленькой деревенской дѣвочки. А эта бывшая, сирота въ томъ же городѣ, гдѣ такъ жутко и печально начиналось ея дѣтство, теперь составляетъ лучшее украшеніе нашего дамскаго общества».

Мы, съ своей стороны, указываемъ только на фактъ, не дерзаемъ входить въ его нравственную оцѣнку или же дѣлать изъ него какіе либо выводы: значеніе его ясно и осязательно для всѣхъ и безъ того.

Въ другомъ городѣ, отличающемся обиліемъ рабочихъ и вообще всякаго простаго люда, живущаго лишь дневнымъ заработкомъ на мѣстныхъ пристаняхъ и желѣзнодорожной станціи, одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей—кушцовъ, удивившись во время сессіи въ томъ, что многія ничтожныя кражи совершаются подсудимыми чернорабочими единственно изъ за того только, чтобы на украденную вещь имѣть возможность переночевать въ ночлежномъ домѣ, куда безъ денегъ входъ для неимущихъ возбраняется, отвелъ въ своемъ собственномъ домѣ большое помѣщеніе, куда допускаются имъ даромъ на ночлегъ всѣ безпріютные люди, не имѣющіе постоянной квартиры и пристанища, а въ кануны большихъ праздниковъ, опредѣленному числу ночлежниковъ въ этомъ помѣщеніи, кромѣ того, выдается еще и ужинъ.

Относительно послѣдствій учрежденія этого негласнаго, но высшей степени благодѣтельнаго для бѣднаго люда ночлежнаго дома, намъ пишутъ слѣдующее.

«Съ тѣхъ поръ, какъ нашъ почтенный согражданинъ устроилъ у себя въ домѣ ночлежню, безпріютное скитальчество по ночамъ разнаго рода пролетаріата въ нашемъ городѣ прекратились, а съ тѣмъ вмѣстѣ въ значительной сте-

пени уменьшились и разнаго рода кражи и другія мелкія преступленія. Нѣтъ сомнѣнія, что нужда весьма часто наталкиваетъ подобныхъ людей на преступленія. Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать такому несчастному бездомнику въ ненастную осеннюю или въ холодную зимнюю ночь, когда за неизбѣимъ въ наличности какой нибудь трешницы, ему приходится ночевать подь открытомъ небомъ голоднымъ, холоднымъ, иногда въ какомъ нибудь рубищѣ, едва прикрывающемъ тѣло. По неволѣ иной и пойдетъ на добычу, стащить что нибудь и украденное сбудетъ въ кабакъ, а вырученными отъ продажи деньгами на одинъ или на нѣсколько дней обезпечить себя какою нибудь пищей, а главное ночнымъ пристанищемъ подь кровлей теплаго помѣщенія».

Все это, скажемъ мы, такая истина, въ которой и прибавлять нечего.

Намъ лично извѣстенъ тоже слѣдующій, по мнѣнію нашему, выдающійся фактъ благотворной дѣятельности одного изъ присяжныхъ засѣдателей, лица интеллигентнаго класса.

У этого присяжнаго засѣдателя, довольно зажиточнаго помѣщика, управляющій его изъ бывшихъ дворовыхъ людей осужденъ былъ за убійство жены своей въ каторжныя работы. Послѣ него остались два сына—мальчика, подростки 11 и 13 лѣтъ, которые, за смертію матери и ссылкой отца, очутились въ крайне незавидномъ положеніи.

Владѣлецъ имѣнія, будучи присяжнымъ засѣдателемъ той самой сессіи, въ которую былъ осужденъ и его прикащикъ, на слезную просьбу несчастнаго отца не покинуть его дѣтей, обѣщавъ не оставить ихъ и сдержавъ свое обѣщаніе. Оба мальчика на собственный счетъ этого помѣщика отданы были имъ въ одно изъ техническихъ училищъ, гдѣ старшій окончилъ уже курсъ ученія, вышелъ изъ училища и поступилъ на хорошее мѣсто, обезпечивающее ему вполне впереди его будущность, а меньшому остается еще быть въ училищѣ два года.

Несчастный отецъ этихъ мальчиковъ часто пишетъ изъ ссылки своему благодѣтелю письма. Одно изъ этихъ писемъ передъ нами. Оно дышетъ самою неподдѣльною благодарностію бѣднаго каторжника своему бывшему хозяину. Удрученный несчастіемъ и укорами своей совѣсти, этотъ бѣднякъ живетъ только тою мыслію, что его дѣти не брошены, что они поставлены на ноги и вышли на самостоятельную дорогу честнаго независимаго труда.

Наконецъ, мы можемъ сообщить еще свѣдѣнія объ одномъ богатомъ, умершемъ уже купцѣ, неоднократно исполнявшимъ въ своемъ городѣ обязанности присяжнаго засѣдателя, который однимъ изъ пунктовъ духовнаго завѣщанія своего, отказавъ въ распоряженіе городского общества, довольно значительную сумму денегъ, (въ нѣсколько тысячъ), съ тѣмъ, чтобы проценты съ нея выдавались бы, въ видѣ вспомоствованія, какъ тѣмъ, изъ оправдываемыхъ присяжными засѣдателями подсудимыхъ, которые впади въ преступленія, по крайности, и неизбѣжно средствъ къ пропитанію и работѣ, такъ и вообще всѣмъ тѣмъ, изъ подсудимыхъ, которые, по выходѣ изъ суда, нуждаются въ небольшой помощи и поддержкѣ, для того, чтобы стать на ноги и не сдѣлаться снова жертвою какой нибудь тяжелой случайности.

Мысль прекрасная; побужденія высоко нравственныя, исполненныя христіанскаго состраданія къ ближнему, но къ сожалѣнію осуществленіе ихъ на дѣлѣ затормозилось нѣкоторыми непредвидѣнностями, вслѣдствіе того что кто то изъ родныхъ этого умершаго купца, оспорилъ законность его завѣщанія и предъявилъ противу него споръ.

Не менѣе того добрыя побужденія покойнаго, выказали уже въ немъ чело-вѣка, относившагося со всею теплотою своего сердца къ несчастію ближняго.

Дай Богъ, чтобы среда нашихъ присяжныхъ вырабатывала побольше такихъ почтенныхъ и достойныхъ представителей.

Въ заключеніе еще маленькое указаніе.

На устройство одного изъ исправительныхъ дѣтскихъ пріютовъ, нѣкто изъ «присяжныхъ засѣдателей» пожертвовалъ 1000 рублей серебромъ и пожелалъ остаться неизвѣстнымъ.....

XXXVII.

Свидѣтельскія показанія на судѣ присяжныхъ.

Неоспоримо, что показанія свидѣтелей, какъ главный и непосредственный матеріалъ, изъ котораго присяжные засѣдатели извлекаютъ данныя для правильнаго разрѣшенія дѣла, должны играть въ уголовномъ процессѣ весьма серьезную и существенную роль.

Свидѣтельскими показаніями устанавливаются факты самаго событія преступленія и обстановки, въ которой таковое совершилось, свидѣтели выясняютъ присяжнымъ засѣдателямъ степень участія въ дѣлѣ каждаго отдѣльнаго подсудимаго, тѣ же свидѣтели удостовѣряютъ на судѣ объ отношеніяхъ подсудимаго къ потерпѣвшему, о поведеніи, образѣ жизни, занятіяхъ заподозрѣннаго лица, выясняютъ передъ присяжными тѣ или другія частности, которыя въ каждомъ данномъ дѣлѣ служатъ уликами противу подсудимаго. Однимъ словомъ, нельзя перечислить въсѣхъ тѣхъ иногда мельчайшихъ подробностей дѣла, которыя восстанавливаются на судѣ показаніями свидѣтелей, и представляютъ присяжнымъ засѣдателямъ въ совершенно ясной и отчетливой картинѣ обстановку преступленія. Вотъ почему, казалось бы намъ, что къ вопросу о значеніи на судѣ свидѣтельскихъ показаній слѣдуетъ относиться не съ той формальной точки зрѣнія, которую, къ сожалѣнію нашему, весьма часто приходится намъ наблюдать въ нашихъ судебныхъ засѣданіяхъ.

Мы говоримъ объ установившемся въ судахъ обычаѣ, игнорировать показанія свидѣтелей и оставлять ихъ безъ допроса въ тѣхъ случаяхъ, когда сознаніе подсудимаго исчерпываетъ повидимому всю суть дѣла, Устраненіе свидѣтельскихъ показаній на судѣ присяжныхъ, какъ излишняя проволочка во времени, допускается нашими судами, какъ намъ приходилось уже говорить въ одной изъ предыдущихъ главъ, очень часто, и со стороны законности мотивируется тѣмъ, что ни стороны, ни присяжные, ни самъ судъ не встрѣчаютъ надобности въ допросѣ свидѣтелей, находя, что обстоятельства дѣла представляются и безъ того вполне ясными. Во первыхъ, трудно предложить, чтобы всѣ функціи суда

проникались бы вдругъ единодушіемъ по вопросу о томъ, что свидѣтелей спрашивать не нужно, но это не столь важно, какъ важны тѣ послѣдствія, которыя проистекаютъ для дѣла отъ устраненія излишнихъ, будто бы, свидѣтельскихъ показаній. Нерѣдко сущность дѣла отъ такой неполноты судебного слѣдствія представляется въ совершенно иномъ видѣ, и вотъ на эту то неблагоприятную для правосудія сторону дѣла, происходящую отъ стремленій суда ко «всяческимъ сокращеніямъ», мы и намѣрены обратить вниманіе читателя.

Въ какой степени слѣдуетъ быть осмотрительнымъ въ отказѣ отъ спроса на судѣ свидѣтелей, видно изъ того, что многіе обвиняемые, особенно изъ рецидивистовъ, бывавшихъ уже на судѣ, и знакомыхъ съ обстановкою суда, не рѣдко по открытіи засѣданія въ то время, когда судебное слѣдствіе еще не начиналось, во время переключки свидѣтелей, обращаются въ суду и присяжнымъ какъ бы съ наивнымъ заявленіемъ въ родѣ того, что «для насъ, господа присяжные, никакихъ свидѣтелей не требуется, потому мы, значить, желаемъ въ чистомъ признаніи все дѣло рассказать».

Очевидно, что въ каждомъ подсудимомъ, въ лицѣ всякаго обвиняемаго, прежде всего слѣдуетъ видѣть человѣка, преслѣдующаго оборотомъ извѣстныхъ дѣйствій своихъ, свои личныя цѣли, которыя на судѣ вращаются исключительно около желанія какъ нибудь себя выгородить или смягчить свою виновность. Такимъ образомъ, если подсудимый сознается, — что въ весьма не многихъ случаяхъ можетъ быть объясняемо побужденіями совѣсти, — то въ этомъ сознаніи прежде всего кроются личныя цѣли обвиняемаго, иногда заключающіяся въ томъ, чтобы, сознавшись въ своей винѣ и давъ ей наивыгоднѣйшее съ своей точки зрѣнія объясненіе, устранить этимъ сознаніемъ допросъ свидѣтелей, представляющійся для обвиняемаго болѣе или менѣе опаснымъ или угрожающимъ. И вотъ бывають случаи, что иногда и судъ, и прокуроръ, увлекшись сознаніемъ обвиняемаго устраняють допросъ свидѣтелей, и тѣмъ самымъ лишаютъ присяжныхъ засѣдателей весьма часто такого матеріала, который совершенно видоизмѣняетъ не только положеніе обвиняемаго передъ судомъ совѣсти, но и самое нравственное значеніе его преступленія.

Мы сошлемся въ подтвержденіе этого, на фактъ изъ лично извѣстной намъ судебной практики.

Суду, окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, преданъ былъ одинъ мѣщанинъ, по обвиненію его въ томъ, что лѣтомъ изъ деревенскаго табуна лошадей онъ угналъ тройку лошадей, на которой думалъ было ускакать, но будучи настигнутъ, соскочилъ съ лошади, бросилъ всю тройку, а самъ убѣжалъ въ лѣсъ, гдѣ былъ пойманъ уже до прошествія нѣсколькихъ дней. Главныя основанія къ обвиненію его, заключались въ показаніяхъ, преслѣдовавшихъ его крестьянъ, которые признали его въ лицо, такъ какъ онъ три года жилъ до того въ ихъ деревнѣ, занимаясь портняжествомъ, но не смотря на улики свидѣтелей, подсудимый на предварительномъ слѣдствіи виновнымъ себя въ угонѣ лошадей не призналъ.

Обстоятельства эти, констатировавшія фактъ преступленія въ крайне сжатой

формѣ, составляли сущность обвинительнаго акта, въ которомъ между прочимъ было указаніе на то, что обвиняемый виновнымъ себя въ приписываемомъ ему преступленіи не призналъ.

Послѣ прочтенія обвинительнаго акта, подсудимый на вопросъ предсѣдателя о томъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ приписываемомъ ему преступленіи или нѣтъ, сверхъ всякаго ожиданія и совершеннымъ сюрпризомъ для всѣхъ заявилъ, что онъ признаетъ себя виновнымъ въ кражѣ лошадей и желаетъ чистосердечно въ томъ раскаяться.

— Въ такомъ случай можете рассказать, какъ вы совершили преступленіе, съ какою цѣлю и по какимъ побужденіямъ, обратился къ нему предсѣдательствующій.

Подсудимый, принявъ смиренную позу и троекратно поклонившись суду и присяжнымъ, побожился, что по сущей совѣсти расскажетъ свою вину, потому «этотъ самый грѣхъ» покоя ему не даетъ.

— Такъ дѣло было, милостивые судьи, господа присяжные, началъ онъ свое повѣствованіе, жилъ я въ этой деревнѣ три года и три года честно работалъ портняжествомъ, а тутъ болѣзнь—руки лишился, работать стало нельзя, ну, хоть побирайся, пришелъ грѣхъ, смутилъ меня, дай, молъ, украду лошадку... пошелъ я въ табунъ, отогналъ одного конька, сѣлъ на него и погналъ, а за нимъ два другіе ударились — потому одного хозяина, а у меня и въ мысляхъ не было другихъ уводить, ну когда увязались за мною сами, что тутъ дѣлать, назадъ не погонишь, такъ я со всей тройкой и побѣжалъ, да мужички нагнали, коней отобрали и меня на ту поръ здорово приколотили.

Объясненія подсудимаго были вѣрны въ томъ отношеніи, что онъ уѣхалъ на одной лошади, а остальные двѣ побѣжали за нимъ сами, такъ какъ были одного хозяина и никогда одна отъ другой не отставали. Такимъ образомъ дѣлая неполное сознание, подсудимый указывалъ на то, что двѣ другія лошади побѣжали за нимъ сами, «увязались» за нимъ, но что онъ, лично, не имѣлъ намѣренія похищать всю тройку, а въ обвинительномъ актѣ согласно заявленію потерпѣвшаго лица, указывалось на то, что подсудимый умышленно избралъ эту тройку и угоня одну изъ лошадей, какъ мѣстный житель зналъ, что другія двѣ того же хозяина, и безъ хлопотъ сами побѣгутъ за нимъ.

Предсѣдатель заявилъ подсудимому, что его сознание не полное и, что ему на основаніи привычки лошадей не отставать одна отъ другой, приписывается намѣреніе украсть всю тройку.

Подсудимый на минуту задумался, какъ бы что то соображая, и затѣмъ, обратился къ суду, заявилъ.

— Что дѣлать, ужъ видно надо въ корень покаяться, точно, господа, виновать, началъ онъ снова, думалъ такимъ манеромъ всю тройку угнать, зналъ, что на одну сяду, а другія сами пойдутъ—таитья нечего, вся вина теперь моя передъ вами.

Такимъ образомъ сознание подсудимаго было совершенно полное, дѣло въ крайней его немногосложности выяснилось этимъ сознаніемъ и прочтеніемъ обвинительнаго акта вполне.

Товарищ прокурора всталъ и заявилъ суду, что онъ съ своей стороны не видитъ надобности въ спросѣ свидѣтелей, такъ какъ подсудимый признался вполнѣ.

Судъ раздѣлялъ мнѣніе обвинителя, точно также какъ и присяжные засѣдатели, заявившіе, что и они считаютъ дѣло совершенно разъясненнымъ.

Предсѣдательствующій поручилъ судебному приставу отпустить свидѣтелей и объявить имъ, что они совершенно свободны отъ вопроса, прокуроръ произнесъ свою обвинительную рѣчь, въ которой указалъ присяжнымъ на сознаніе подсудимаго, на то, что фактъ преступленія доказанъ и, что обсудить его съ большею или меньшею снисходительностію относительно обвиняемаго, будетъ завѣсть отъ нихъ. Представитель обвиненія, что называется не налегаль на подсудимаго, котораго во всякомъ случаѣ нельзя было представлять себѣ настоящимъ воровъ, такъ какъ отсутствіе прежней объ немъ судимости, наконецъ раскаяніе его въ своей винѣ, которое онъ высказалъ на судѣ, изобличали въ немъ скорѣе человѣка, который только потому совершилъ преступленіе, что его «лукавый попуталь» и, что въ сущности онъ человѣкъ, еще не вполнѣ испорченный.

Такимъ понявъ его товарищ прокурора, такимъ вѣроятно сочли его и присяжные засѣдатели особенно послѣ того, когда въ своей защитительной рѣчи, такъ какъ у подсудимаго не было защитника, доказывая свою крайность и неспособность къ работѣ, подсудимый со слезами на глазахъ упрощивалъ присяжныхъ простить его, заклиная всѣми святыми, что онъ лучше теперь будетъ умирать съ голоду, а не пойдетъ красть.

— Умрешь ты, такой и есть, ишь прикинулся Лазаремъ... воръ ты настоящій, слышалось вдругъ громко изъ среды публики.

Предсѣдатель зазвонилъ въ колокольчикъ и поручилъ судебному приставу, вывести изъ публики то лице, которое осмѣлилось нарушить въ судѣ порядокъ.

Курьеры и сторожа бросились въ мѣста за рѣшеткой и скоро потащили оттуда къ дверямъ какого-то мужика, который продолжалъ разсуждать довольно громко, что если такого вора, какъ подсудимый, выпустить «съ турмы», такъ всему селу житья не будетъ, потому онъ, одно слово, изъ воровъ воръ. Заявление это присяжные засѣдатели не пропустили безъ вниманія, и такъ какъ по разслѣдованію судебного пристава оказалось, что крестьянинъ, нарушившій въ судѣ тишину былъ никто иной, какъ одинъ изъ свидѣтелей, по дѣлу судомъ не спрошенныхъ и отпущенныхъ, то присяжные засѣдатели въ виду той аттестации, которую этотъ свидѣтель далъ подсудимому, заявили чрезъ своего старшину желаніе допросить всѣхъ свидѣтелей вызванныхъ по дѣлу.

Подсудимый крайне смутился отъ этого требованія, предсѣдательствующій вынужденъ былъ начать снова судебное слѣдствіе, свидѣтелей пригласили въ залу, и всѣ они въ числѣ шести человѣкъ были поочередно допрошены подъ присягой.

Нужно ли говорить, что положеніе подсудимаго послѣ допроса свидѣтелей измѣнилось къ худшему, и онъ предсталъ передъ правосудіемъ въ той настоящей своей роли, объяснить которую и усвоить себѣ можно было только послѣ того, какъ объ немъ отозвались крестьяне.

Мы не будем передавать въ подробности показанія свидѣтелей, а коснемся только сущности общихъ ихъ показаній. выяснившихъ присяжнымъ, что подсудимый есть одинъ изъ отчаяннѣйшихъ и дерзкихъ въ околѣдкѣ конокрадовъ, который свелъ уже не одинъ десятокъ лошадей, и что если до сихъ поръ онъ ни разу еще въ этомъ не попадался, то потому только, что онъ не простой воръ, а ловкій и хитрый «ворюга», который изъ всѣхъ дѣлъ, которыя противу него возбуждали выходилъ всегда чистымъ.

— У него ваше благородіе, судьи правдивые, говорилъ одинъ изъ свидѣтелей и рука свернута, потому, что онъ снова съ кобылы упалъ, угнать хотѣлъ, да жеребя хозяина разбудила...

— Таперь батюшка—говорилъ другой крестьянинъ, коли его до насъ ослобоните, такъ онъ насъ либо спалить, либо коней вытравить со зла, а не то цыганъ наведеть.

Присяжные, удаленные въ свою совѣщательную комнату, думали не долго и минутъ черезъ пять, вынесли обвиняемому безусловно обвинительный приговоръ, и затѣмъ сознавались сами, что еслибы не это случайное возобновленіе судебного слѣдствія и спросъ свидѣтелей, то они непременно оправдали бы подсудимаго, въ виду того, что сознаніе его и та манера, къ которой онъ прибѣгнулъ на судѣ, внушили уже присяжнымъ засѣдателямъ состраданіе къ положенію подсудимаго, которое въ виду его притворнаго даже раскаянія, могло бы окончиться оправданіемъ въ лицѣ его «кореннаго» вора.

Между тѣмъ расчетъ подсудимаго былъ таковъ. Первоначально онъ думалъ сознаться въ кражѣ одной только лошади, думая, что если его объясненіямъ о томъ, что двѣ другія увязались за нимъ сами, повѣрятъ на слово, то онъ низведетъ свою вину на степень простой кражи, на сумму менѣе 300 руб. сереб., такъ какъ всѣ три похищенныя имъ лошади были оцѣнены болѣе 300 руб. Когда этотъ маневръ ему не удался, и впереди стала ему грозить опасность вывести на судъ свидѣтелей, то ему предстояло или отстаивать бесполезно прежнее свое положеніе, или сознаться въ кражѣ всѣхъ трехъ лошадей, т. е. въ кражѣ на сумму болѣе 300 руб. сер., и тѣмъ значительно усугубить свою виновность.

Въ первомъ случаѣ, ему въ виду неполнаго сознанія на судѣ, предстояла встрѣча на судѣ съ показаніями свидѣтелей, а такъ какъ подсудимый очевидно зналъ, какого рода показанія противу него будутъ даны, то несомнѣнно прямо въ интересахъ его было устранить вѣроятность появленія свидѣтелей на судѣ, а этого онъ могъ достигнуть только полнымъ сознаніемъ.

Изъ двухъ золъ онъ выбралъ меньшее, сознался въ кражѣ всѣхъ трехъ лошадей, устранивъ показанія свидѣтелей, представилъ обстановку своего положенія, какъ вора, въ совершенно иномъ свѣтѣ, и если онъ не могъ вполнѣ разсчитывать на то, что присяжные засѣдатели его оправдаютъ совѣсть, то во всякомъ случаѣ сознаніе его, которое въ данномъ случаѣ было вовсе не сознаніе, а весьма тонкій политическій маневръ, гарантировало ему при признаніи его виновнымъ, снисхожденіе присяжныхъ засѣдателей

А снисхождение присяжных заседателей—это весьма и весьма значительное облегчение участи подсудимаго, которое въ данномъ случаѣ пало бы на настоящаго кореннаго вора.

Помѣшала этому случайность находенія въ залѣ, въ числѣ публики, одного изъ свидѣтелей, который не выдержалъ себя и крайнимъ протестомъ противу защительной рѣчи подсудимаго, вывелъ изъ сомнѣнія относительно личности его и судъ и присяжныхъ заседателей.

Это одинъ изъ весьма многихъ примѣровъ, которые мы можемъ привести въ подтвержденіе того, что спросъ вызванныхъ на судъ свидѣтелей, почти всегда представляется для пользы дѣла крайне необходимымъ, и только въ рѣдкихъ развѣ случаяхъ можно сказать, что сознаніе подсудимаго исчерпываетъ собою всю задачу судебного слѣдствія, всѣ нюансы и оттѣнки дѣла, имѣющіе иногда столь значительное вліяніе на исходъ его.

А между тѣмъ оставленіе безъ допроса свидѣтелей, въ виду сознанія подсудимаго, является въ нашей судебной практикѣ мѣрою или явленіемъ, практикуемымъ чуть не ежедневно, и въ этомъ случаѣ законность такого опредѣленія суда, съ чисто формальной стороны, является одною изъ причинъ, по которой подобное сокращеніе судебного слѣдствія, принимаетъ въ практикѣ суда, все больше и больше распространіе.

Одинъ изъ присяжныхъ заседателей по поводу весьма частыхъ случаевъ, отказа сторонъ, отъ спроса свидѣтелей, пишетъ намъ, между прочимъ, слѣдующее: «Не доводилось мнѣ никогда бывать въ столичныхъ судахъ, а потому и не знаю, какіе существуютъ тамъ порядки, ни разу не былъ я даже въ своемъ губернскомъ окружномъ судѣ, но за то у себя, въ уѣздномъ городѣ, часто исполнялъ обязанность присяжнаго заседателя, и могу сказать, что нашими порядками похвалиться нельзя. Замѣчательное дѣло, что судьи въ провинціи на сессіи, постоянно куда то спѣшаютъ, и, по правдѣ сказать, безъ всякой церемоніи, къ присяжнымъ, подгоняютъ дѣла и сокращаютъ ихъ какъ только можно. Особенно не любятъ они допрашивать нашихъ свидѣтелей, которые въ большинствѣ случаевъ бываютъ крестьяне, а потому всячески стараются обходиться безъ нихъ. Чуть подсудимый мало мальски сознался, ну сейчасъ свидѣтелей—нужно ли говорить ихъ спрашивать, ну, стороны не возражаютъ, и ступайте свидѣтели по домамъ».

«Оно положимъ, подробный и обстоятельный допросъ какой нибудь свидѣтельницы-бабы, отродась не бывавшей въ судѣ, дѣло дѣйствительно не легкое и мѣшкотное потому, что разговориться съ ней, да навести на толкъ ее, куда какъ трудно, безтолковы онѣ, да непомятны, не поймутъ никакъ, что отъ нихъ требуется, и болтаютъ такъ себѣ не путевое, ну да вѣдь все такъ, на что же судъ то, какъ не на то, чтобы дѣло разобрать, чтобы оно стало яснымъ для присяжныхъ, ну и разбирайте. А ужъ какое дѣло безъ свидѣтелей, понять не трудно, никогда ясности такой не будетъ, какъ съ свидѣтельскими показаніями. Что въ тожь, что подсудимый сознался, развѣ въ этомъ только и суть, вѣдь присяжные должны осудить человѣка по совѣсти, такъ имъ и мало того, что преступникъ сознался».

«Каждому изъ насъ желательно узнать, какъ, да съ чего онъ на дурное дѣло попалъ, чего ради совершилъ преступленіе, да какой онъ допрежде того былъ, какъ жизнь свою, хозяйство, дѣла свои вель,—все это присяжные берутъ въ толкъ, обо всемъ этомъ судятъ, а откуда имъ для этого получить свѣдѣнія, какъ только не отъ свидѣтелей, а свидѣтелей не спрашиваютъ. Оно, впрочемъ, вѣрно, что судьи всегда спрашиваютъ, не угодно ли вамъ господа присяжные свидѣтелей допросить, ну да вѣдь всякій понимаетъ, что это только слова; въ присяжныхъ то у насъ все больше бываютъ люди простые, подначальными себя передъ судомъ почитаютъ, а судьи какъ есть начальство, ну куда же тутъ свои резоны выводить, что желаю молъ, свидѣтелей спрашивать, когда судьи не желаютъ, никто на это не рѣшится, потому всякій тоже достаточно понять можетъ, что умнѣе судей не будешь, а когда такъ, такъ больше нужно помалкивать».

Нечего говорить, что въ приведенныхъ словахъ присяжнаго засѣдателя заключается очень много правдивыхъ и основательныхъ замѣчаній.

Намъ извѣстенъ такой случай.

По одному дѣлу, судъ съ согласія сторонъ и присяжныхъ засѣдателей опредѣлилъ, въ виду чистосердечнаго признанія подсудимаго, свидѣтелей не спрашивать и отпустилъ ихъ.

Тогда одинъ изъ присяжныхъ, крестьянинъ, вѣроятно въ простотѣ души своей, обратился къ суду съ заявленіемъ, что «желательно ему было бы поспросить старосту и самого этого вора сродственниковъ».

Судъ съ видимымъ неудовольствіемъ выслушалъ это заявленіе и потомъ опредѣлилъ допросить всѣхъ свидѣтелей. По окончаніи присяги и удаленіи всѣхъ присяжныхъ въ особую комнату, судъ вызвалъ въ засѣданіе одного изъ числа свидѣтелей, послѣ чего председательствующій обратился къ присяжному засѣдателю; заявившему желаніе допрашивать свидѣтелей съ такими словами: «не угодно ли вамъ предлагать вопросы». Обращеніе къ простому крестьянину въ такихъ словахъ, само собою поставило его въ тупикъ потому, что онъ не понялъ даже самого вопроса, а когда председательствующій обращаясь къ присяжному, возобновилъ свое требованіе буквально въ тѣхъ же словахъ, то онъ окончательно сконфузился, смѣшался и не зналъ что ему дѣлать и что отвѣтить.

А председательствовавшій членъ суда, вмѣсто того, чтобы ободрить простолюдина, устремилъ на оробѣвшаго мужичка, свой пристальный взглядъ, какъ бы издѣваясь надъ его несостоятельностью.

— Виноватъ, глухо проговорилъ вдругъ оторопѣвшій и окончательно растерявшійся присяжный, и тихо опустился на свое мѣсто.

Председательствующій молча переглянулся съ судьями и на лицѣ его скользнула недостойная улыбка.

— Вы не желаете допрашивать свидѣтелей, назойливо проговорилъ онъ; еще разъ обращаясь къ тому же присяжному?

— Не желаю, едва слышно послышался отвѣтъ съ задней скамьи присяжныхъ.

— Судь опредѣляетъ; свидѣтелей не допрашивать, громко проговорилъ предсѣдательствующій съ тономъ, въ которомъ сквозило нѣчто въ родѣ пренебреженія къ «неумѣстности» присяжнаго.

Эпизодъ этотъ произвелъ на всѣхъ, присутствовавшихъ въ судѣ, крайне тяжелое впечатлѣніе, конечно, далеко не въ пользу персонала суда.

Кто и надъ чѣмъ въ этомъ случаѣ поглумился, вотъ вопросъ, требующій разрѣшенія.

Одинъ изъ провинціальныхъ защитниковъ пишетъ намъ по тому же предмету слѣдующее.

«Вотъ вамъ мои наблюденія. Судь и прокуроръ бываютъ всегда согласны между собою по вопросу о томъ, чтобы свидѣтелей не допрашивать. Ихъ интересы въ каждомъ дѣлѣ главнѣйше сосредоточены на томъ, чтобы скорѣе окончить дѣло. Оговариваюсь, что я говорю это не про всѣхъ вообще судей и прокуроровъ, но лично про нашихъ. Совсѣмъ другія требованія предъявляетъ къ дѣлу защита, преслѣдующая у насъ какъ и вездѣ интересы подсудимаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ, свои личные интересы. Для насъ допросъ свидѣтелей всегда важенъ, а номинально мы отказываемся иногда отъ епроса ихъ, потому, что гдѣ же намъ, какимъ нибудь уѣзднымъ защитникамъ, безъ чина, безъ ранга, безъ класса, и безъ значка, тягаться съ судомъ и прокуроромъ, которые насъ въ строгости держатъ. Остается одно молчать и по силѣ возможности снести свои невыгоды на судьбѣ; подсудимаго, ну... молчать и сносить!».....

Сколько горькой неподкрашенной правды въ этихъ немногихъ словахъ уѣзднаго защитника.

• Коснемся теперь нѣсколько другой стороны значенія на судѣ присяжныхъ свидѣтельскихъ показаній. Приведемъ нѣсколько выдержекъ и указаній, относительно того, какъ присяжные смотрятъ на свидѣтелей разныхъ классовъ, званій, оттѣнковъ и категорій.

Г. Никитинъ въ своихъ очеркахъ о дѣятельности присяжныхъ засѣдателей раздѣляетъ всѣхъ свидѣтелей на нѣсколько категорій.

«Въ первой изъ этихъ категорій, пишетъ г. Никитинъ, принадлежать всѣ потерпѣвшіе отъ преступленій», и затѣмъ онъ характеризуетъ ихъ такими словами: «почти всѣ они яростно нападаютъ на подсудимыхъ, ставятъ въ вину всякія бездѣлицы, даже и до существа дѣль не относящіяся; передаютъ всевозможные эпизоды изъ жизни своихъ враговъ въ самомъ грязномъ видѣ, стремясь очернить ихъ въ глазахъ присяжныхъ засѣдателей, даже и тогда, когда хорошо знаютъ, что отъ обвиненія противниковъ, ихъ матеріальные убытки не вознаграждаются, такъ какъ у обвиняемыхъ нѣтъ никакихъ къ тому средствъ».

Характеристика эта въ общихъ чертахъ довольно вѣрна, хотя нельзя сказать, чтобы всѣ потерпѣвшіе являлись бы на судѣ только такими недоброжелательными относительно подсудимыхъ людьми, такъ какъ нерѣдко въ показаніяхъ потерпѣвшихъ проглядываетъ безпристрастіе въ высшей степени и вполне справедливое отношеніе въ лицу подсудимаго.

Вторая категорія свидѣтелей у г. Никитина, это очевидцы преступленій въ

большинствѣ случаевъ дворники, городовые, рабочіе, прислуга и другіе случайные очевидцы «дѣла».

Эту категорію свидѣтелей г. Никитинъ характеризуютъ такими словами:

«Отъ всѣхъ этихъ лицъ приходится силою вытягивать объясненія каждаго недоразумѣнія; иначе они все забываютъ, отъ многого, записаннаго съ ихъ же словъ судебными слѣдователями, отказываются; словомъ, проникаются сожалѣніемъ къ подсудимымъ и не хотятъ имъ вредить».

Все это дѣйствительно вѣрно, но, прибавимъ отъ себя, иногда и въ средѣ простолюдиновъ свидѣтелей попадаются такіе, которые, въ сознаніи значенія своего на судѣ, стараются по мѣрѣ силъ своихъ, представить суду возможно полнѣйшія объясненія свои, чтобы выяснитъ дѣло, на сколько это отъ нихъ зависитъ, по самой сущей правдѣ. Такіе свидѣтели внушаютъ вообще къ себѣ полное довѣріе присяжныхъ, потому что во всемъ складѣ ихъ показаній, проглядываетъ одно только стремленіе выяснитъ истину.

Наконецъ, третья категорія свидѣтелей, по замѣчаніямъ г. Никитина, это свидѣтели болѣе или менѣе подготовленные за, либо противъ подсудимыхъ, «люди всегда словоохотливые, развязные, рассказывающіе все въ историческомъ порядкѣ, съ тактомъ, бойко, «3-го, молъ, числа декабря 1870 года, шелъ я, въ два часа дня, по глухому переулку» и т. д., и рапортуютъ все, какъ по писанному. Но вздумайте, напримѣръ, прерватъ его, или особливо выдернуть какой-нибудь фактъ изъ середины въ то время, когда онъ уже кончаетъ, — онъ станетъ врать, — и въ заключеніе замолчитъ. А это уже означаетъ, что онъ вызубрилъ свое показаніе только послѣдовательно, и далеко не можетъ быть названъ безпристрастнымъ свидѣтелемъ».

Подобные типы представляются въ нашихъ судахъ дѣйствительно часто, но, однако же, сбивчивость въ показаніи свидѣтеля въ случаѣ прерванія его, не можетъ быть объясняема всегда предварительною подготовкою его, такъ какъ не рѣдко свидѣтели изъ людей робкихъ, незнакомые съ обстановкою суда, теряются въ случаѣ перерыва ихъ рѣчи, и принимаютъ каждый, отдѣльно обрацаемый къ нимъ вопросъ за доказательство, какъ бы неудовлетворительности цѣльности ихъ показанія.

По степени достовѣрности, съ которою присяжные засѣдатели относятся къ разнаго рода допрашиваемымъ на судѣ свидѣтелямъ, слѣдуетъ прежде всего указать на то, что, по заявленіямъ самихъ присяжныхъ, присяга въ глазахъ ихъ особеннаго значенія не имѣетъ. Отчасти происходитъ это отъ того, что обаяніе этого религіознаго акта, вслѣдствіе частаго осуществленія его на судѣ, какъ мы уже и говорили выше, утратило въ значительной долѣ свою силу, съ другой же стороны въ средѣ присяжныхъ выработалось то совершенно основательное убѣжденіе, что публичность показанія предъ судомъ совѣсти, передъ лицомъ обвиняемаго, котораго по этому показанію будутъ судить, гарантируетъ вполне правдивость всего того, что свидѣтель будетъ показывать на судѣ; если только онъ человекъ честный и нравственный. А внѣшній обликъ каждаго свидѣтеля, всегда подсказываетъ присяжнымъ, и почти что безошибочно, съ

какого рода человѣкомъ приходится имъ имѣть дѣло, съ человѣкомъ совѣстливымъ или нѣтъ.

Одинъ присяжный засѣдатель пишетъ намъ. «Посидѣвъ въ присяжныхъ, право, пріобрѣтаешь въ себѣ новое качество безошибочнаго распознаванія людей по особенному какому-то чутью. Самъ узнаешь, какой человѣкъ дастъ передъ тобой показаніе, — «крутень», «мутеляга» или человѣкъ правдивый. Человѣка правильного сейчасъ узнаешь, правду отъ кривды въ свидѣтельскихъ показаніяхъ не премѣнно отличишь. Вотъ, напримѣръ, даетъ показаніе свидѣтель, говоритъ бойко, гладко... а не лежитъ къ нему душа, и думаешь самъ по себѣ, если ты не врешь, голубчикъ, до конца, такъ, по крайней мѣрѣ, прибавляешь, а не то умаляешь. Вотъ пойдемъ въ совѣщательную, разсуждаемъ, толкуемъ... и, какъ у одного человѣка, является у всѣхъ предубѣжденіе противу этого свидѣтеля. Точно сговорились присяжные не вѣрять ему, — а почему?... Да такъ, совѣсть подсказываетъ, — не полагайся на его слова».

Нѣкоторые лица высказываютъ мнѣніе, что присяжные придаютъ различіе показаніямъ свидѣтелей мужчинъ и женщинъ, и находятъ, что къ показаніямъ послѣднихъ присяжные относятся недовѣрчиво, потому будто бы, что, какъ выразился одинъ присяжный-крестьянинъ, «баба только при мужикѣ человѣкъ, а въ особенности ей вѣры нѣтъ, потому она баба».

Мы, признаться, въ нашей обильной дѣлами судебной практикѣ, при участіи присяжныхъ всѣхъ возможныхъ классовъ и сословій, такого явленія не наблюдали. Не споримъ, могутъ быть случаи, неблагоприятно выставляющіе свидѣльницы — женщины, по поводу ихъ чрезмѣрной иногда болтливости; но такіе случаи будутъ единичныя исключенія только, — небольшое. Напротивъ, мы можемъ указать на одинъ важный серьезный случай, когда присяжные дали полную вѣру показанію одной свидѣтельницы женщины, и предпочли ея свидѣтельство, свидѣтельству цѣлыхъ восьми человѣкъ мужчинъ, которые объ одномъ и томъ же фактѣ удостовѣряли прямо противоположно ея показанію. Нужно еще замѣтить, что въ указываемомъ случаѣ, показаніе этой свидѣтельницы было противъ подсудимаго и, на основаніи только ея показанія, онъ былъ обвиненъ и приговоренъ въ каторжные работы въ рудникахъ на 15 лѣтъ.

Значитъ, все дѣло сводилось къ той искренности показанія, которая внушала присяжнымъ полную степень довѣрія къ объясненіямъ свидѣльницы.

Наконецъ, слѣдуетъ указать еще на то, что въ такомъ же положеніи на судѣ присяжныхъ находятся и показанія малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ свидѣтелей. Иногда присяжные больше вѣрятъ ребенку, нежели взрослому чело-вѣку, но конечно чаще бываетъ на оборотъ.

Относительно свидѣтелей иновѣрцевъ изъ христіанъ слѣдуетъ замѣтить, что присяжные вѣрятъ имъ наравнѣ съ лицами православнаго исповѣданія, и собственно иновѣрческой элементъ такихъ свидѣтелей, не вліяетъ на присяжныхъ въ смыслѣ какого либо къ нимъ недовѣрія. Въ такомъ же точно положеніи передъ судьейскою совѣстью присяжныхъ находятся и свидѣтели изъ раскольниковъ, различныхъ сектантовъ и даже нехристіанъ-магометанъ.

Но особенную нетерпимость, по наблюденіямъ и выводамъ весьма многихъ лицъ, оказываютъ присяжные засѣдатели свидѣтелямъ изъ евреевъ. Здѣсь религіозная и племенная рознь высказывается прямо за полное недовѣріе къ тому, что говорятъ свидѣтели изъ «жидовъ».

Въ одномъ изъ окружныхъ судовъ, это убѣжденіе присяжныхъ въ непремѣнной живости каждаго показанія свидѣтеля изъ евреевъ выразилось въ томъ, что когда одинъ изъ такихъ свидѣтелей давалъ очень подробное и обстоятельное показаніе, сопровождая его разными заклинаніями и жестикულიяціей, то присяжные чрезъ своего старшину прямо обратились къ суду съ заявленіемъ, «годи жиду говорить, все одно имъ, — чи онъ тое кажетъ, чи другое, вѣры ему никакой не имать»...

Въ видѣ общаго вывода относительно воззрѣнія присяжныхъ засѣдателей, на свидѣтелей скажемъ, что степень довѣрія ихъ къ свидѣтелямъ, — какъ по крайней мѣрѣ приходится въ большинствѣ случаевъ наблюдать, обусловливается не религіею, не профессіею, не званіемъ, не сословіемъ, не поломъ, не возрастомъ, ниже тою или другою степенью развитія и образованія, а исключительно личными индивидуальными особенностями каждаго отдѣльнаго человѣка.

Такой взглядъ при оцѣнкѣ каждаго свидѣтеля, само собою представляется и наиболѣе вѣрнымъ и правильнымъ.

XXXVIII.

Общiе и частные взгляды присяжныхъ засѣдателей на преступленія.

За весьма малыми, можно сказать, единичными исключеніями, наши присяжные засѣдатели, на значеніе преступленій смотрять, не съ точки зрѣнія науки уголовного права, а со стороны тѣхъ житейскихъ взглядовъ, которыми въ обществѣ и въ его отдѣльныхъ кружкахъ, формируются понятія о томъ, что можно дѣлать, и чего, нельзя, что, само по себѣ, безъ всякихъ указаній закона, признается преступнымъ, безправственнымъ или противозаконнымъ нарушеніемъ тѣхъ или другихъ правъ отдѣльныхъ лицъ, и что должно лишь считаться преступнымъ, по смыслу положительнаго закона.

Съ этой точки зрѣнія, взгляды присяжныхъ засѣдателей на свойства преступленій вообще, могутъ быть раздѣлены на два разряда.

Въ первомъ разрядѣ относятся преступленія, сами въ себѣ заключающія дѣянiя безправственныя, явно противозаконныя, и вообще такія, относительно которыхъ челоѣвеческая совѣсть и самому неразвитому челоѣвѣку подсказываетъ, что такое дѣянiе дурно, что оно вредно, опасно для общества, почему и съ точки зрѣнія общественнаго взгляда—оно находитъ себѣ всегда полное осужденіе.

Къ другой категоріи относятся тѣ преступленія, которыя сами по себѣ, не представляя ничего безправственнаго, преслѣдуются и наказываются только потому, что они совмѣщаютъ въ себѣ дѣянiя, воспрещаемыя закономъ подъ страхомъ наказанія, или же, наоборотъ, не осуществляютъ собою того, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предписываетъ законъ.

По этимъ двумъ главнымъ категориямъ преступлений, взгляды присяжныхъ засѣдателей, выражающіеся въ пропорціональномъ соотношеніи обвинительныхъ приговоровъ къ оправдательнымъ, опредѣляютъ собою, если можно такъ выразиться, взгляды всего общества.

По условіямъ нашей общественной жизни, въ обстановкѣ нашихъ ежедневныхъ отношеній, мы всегда относимся враждебно къ убійцѣ, къ вору, разбойнику, и вообще къ лицу, нанесшему намъ тотъ или другой матеріальный ущербъ, посягнувшему на личную неприкосновенность человѣка, причинившему ему тотъ или другой моральный вредъ, но мы довольно хладнокровно относимся обыкновенно къ человѣку, погрѣшившему, напримѣръ, противу устава паспортнаго, противу нарушенія уставовъ какихъ либо казенныхъ управленій, уставовъ противъ порядка управленія и т. п. Насколько въ дѣлахъ перваго рода, всякое частное лицо, всегда ясно и отчетливо въ состояніи создать себѣ убѣжденіе, въ чемъ именно заключается существенный элементъ преступленія, на столько въ дѣлахъ втораго рода, этотъ преступный элементъ является или немыслимымъ для большинства, или не вполне доступнымъ пониманію человѣка, не вполне развитаго. Сообразно съ этимъ приходится наблюдать и разность во взглядахъ присяжныхъ на тѣ и на другія преступленія.

Какъ люди, взятые изъ среды общества, живущіе подъ тяготѣніемъ его условій, они въ распознаваніи степени преступности противузаконныхъ дѣяній, руководствуются тѣми взглядами и соображеніями, которыя проистекаютъ изъ явленій ихъ обыденной жизни, изъ понятій той среды, къ которой они принадлежатъ.

На нашихъ присяжныхъ отразилось то общее бытовое вліяніе, которое замѣчается повсемѣстно, гдѣ существуетъ только судъ присяжныхъ, это преимущественно строгое отношеніе къ нарушеніямъ, затрогивающимъ матеріальныя и нравственные интересы каждаго отдѣльнаго лица, и затѣмъ болѣе снисходительный взглядъ къ преступленіямъ, по которымъ отдѣльнымъ лицамъ никакого вреда причинено не было.

Каждое частное лицо, потерпѣвшее отъ какого либо преступленія, является въ глазахъ присяжныхъ, лицомъ въ дѣйствительности потерпѣвшимъ, обиженнымъ. Понятіе о такой матеріальной, или нравственной обидѣ, не затеняется передъ ними никакими побочными явленіями, они ясно видятъ фактъ преступленія и, ставя самихъ себя въ положеніе потерпѣвшаго лица, собственными своими впечатлѣніями могутъ осязательно почувствовать тотъ вредъ, который преступленіемъ причиненъ.

Отсюда и является болѣе строгое отношеніе къ правонарушеніямъ такого рода. Осязательность такихъ преступленій представляется присяжнымъ и потому еще, что они бьютъ прямо въ глаза, не обставляются никакими отвѣтственностями, которыя нужно было бы еще соображать и сопоставлять, какъ по многимъ преступленіямъ другаго рода, ну, хотя бы, напримѣръ, въ поддѣлкѣ себя паспорта.

Здѣсь преступный фактъ, пожалуй, тоже на лицо, и представляется точно также осязательнымъ въ видѣ самого подложнаго паспорта, вредъ являемаго при-

сяжнымъ въ качествѣ вещественнаго доказательства. Они видятъ этотъ подложный паспортъ, слышатъ сознание подсудимаго, что онъ самъ себя его поддѣлалъ, но, какъ люди практической жизни, не останавливаются только на этомъ, для опредѣленія преступности этого факта, а идутъ съ своими вопросами дальше.

Кому причинилъ подсудимый вредъ своимъ преступленіемъ? вотъ первый практической вопросъ, возникающій въ умѣ присяжныхъ, на который совѣсть ихъ и отвѣчаетъ имъ, что никому подсудимый своимъ проступкомъ вреда не причинилъ, потому что у хозяина своего жилъ честно и работалъ, а самому себя повредилъ тѣмъ, что попалъ подъ судъ, а до суда успѣлъ уже отсидѣть нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ.

Нужды нѣтъ, что прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи доказываетъ присяжнымъ по теоріи, что паспортный уставъ установленъ для огражденія общественной безопасности, что этимъ уставомъ законъ ограждаетъ общество отъ вторженія въ него злонамѣренныхъ и предосудительныхъ элементовъ, что подсудимый имѣлъ полное право ходатайствовать о выдачѣ ему законнаго паспорта, а если его почему либо ему не выдавали, то онъ могъ на это жаловаться.

Такия рѣчи, присяжные по обязанности хотя и слушаютъ, но пропускаютъ ихъ мимо ушей, такъ какъ практическая жизнь подсказываетъ имъ нѣчто другое, что паспортный уставъ устарѣлъ, что онъ не удовлетворяетъ требованіямъ современной общественной жизни, что огражденіе общества со стороны злонамѣренныхъ людей паспортнымъ уставомъ не достигается, что иному мужику получить паспортъ дѣло далеко не легкое, и что другой разъ поневолѣ самъ себя паспортъ напишешь, когда ѣсть нечего, а безъ паспорта нигуда не принимаютъ.

И вотъ взаимное сопоставленіе такихъ соображеній, низводитъ въ глазахъ присяжныхъ степень преступности подсудимаго до минимума, а затѣмъ и слѣдуетъ оправдательный приговоръ.

Мы указали въ частности только на случаи нарушенія устава о паспортахъ, между тѣмъ въ нашемъ Уложеніи о Наказаніяхъ существуетъ весьма много видовъ такихъ преступленій, значеніе которыхъ со стороны наказуемости, явно противорѣчитъ съ совѣстью присяжныхъ потому, что не удовлетворяетъ требованіямъ справедливости. Отсюда является полное несоотвѣтствие между истиннымъ значеніемъ преступления, наказуемостью его по закону и взглядами присяжныхъ, вырабатывающихся и видоизмѣняющихся, какъ извѣстно, подъ условіями вседневной нашей жизни, что и послужило уже основаніемъ къ коренному пересмотру нашего уложенія о наказаніяхъ.

Замѣлательно, что такого рода общіе взгляды присяжныхъ не зависятъ отъ разности въ развитіи и образованіи присяжныхъ.

И люди образованные, и люди простые одинаково смотрятъ, напримѣръ, на нарушенія паспортнаго устава, на нарушенія питейнаго сбора, и въ одинаковой степени строже и ревнивѣе относятся къ преступленіямъ противъ правъ частныхъ лицъ. Въ равной степени, взгляды всѣхъ присяжныхъ выражаютъ собою особую снисходительность къ такъ называемымъ дѣламъ противъ порядка управленія, главными видами которыхъ, исключительно почти встрѣчающимися въ

судебной практикѣ, являются разныя «сопротивленія» распоряженіягъ правительства, неповиновенія установленнымъ отъ него властямъ, въ видѣ горододовыхъ, десятниковъ, старость, и оскорбленія той же категоріи должностныхъ лицъ при исполненіи ими обязанностей службы.

Общій взглядъ присяжныхъ на преступления этого рода можно отиѣтитъ нѣкоторымъ отѣнкомъ предубѣжденія, такъ какъ нерѣдко громкое по названію дѣло о преступленіи противу порядка управленія, выясняется на судѣ самымъ ничтожнымъ и незначительнымъ проступкомъ, противъ какого нибудь нижняго полицейскаго чина.

У насъ только въ недавнее время, общество поставлено силою самого закона въ возможность судить, о правильности или незаконности требованій правительственныхъ и должностныхъ лицъ. Общество наше, до введенія судебной реформы, жило подѣ исключительнымъ убѣжденіемъ, безусловной обязанности подчиненія всякой власти, были ли требованія послѣдней законны или незаконны, и это убѣжденіе смѣнилось другимъ болѣ либеральнымъ, только съ недавняго времени.

Отсюда при каждомъ обвиненіи въ сопротивленіи властямъ, или оскорбленіи ихъ, у присяжныхъ невольно возникаетъ нынѣ мысль о томъ, какая выгода, какой интересъ частному лицу безосновательно вступать въ тяжбу съ представителями власти и чего ради безпричинно наживать себѣ столько непріятностей.

Главнымъ элементомъ этой правительственной власти, во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ, является обыкновенно полиція, а мы знаемъ какое существовало прежде противу нея предубѣжденіе въ обществѣ, и существовало, конечно, не безъ основаній.

Отсюда снисходительный взглядъ присяжныхъ на такого рода проступки, является, такъ сказать, наслѣдіемъ прежнихъ временъ, хотя слѣдуетъ сознаться въ томъ, что при настоящихъ условіяхъ нашей общественной жизни, и при болѣ строгой постановкѣ всѣхъ органовъ современной власти, по отношенію къ своей собственной отвѣтственности, такая чрезмѣрная снисходительность присяжныхъ является уже въ нѣкоторыхъ случаяхъ по меньшей мѣрѣ неосновательною.

Въ сужденіяхъ общества относительно тѣхъ отношеній, которыя въ дѣлахъ о преступленіяхъ и проступкахъ противъ имущества и доходовъ казны, связываютъ частныхъ лицъ съ представительствомъ казны, проглядываетъ всегда то убѣжденіе, что если частное лицо и обвиняется въ чемъ либо казною, то большой вины тутъ еще нѣтъ, и быть не можетъ, потому, что «казна свое возьметъ». Такой неправильный взглядъ на дѣло опять таки есть взглядъ прежняго дореформеннаго времени, сложившійся подѣ влияніемъ тѣхъ преимуществъ и прерогативъ, которыми въ былое время въ дѣлѣ суда, казна дѣйствительно пользовалась.

Но въ настоящее время, никакихъ подобныхъ преимуществъ, казна сравнительно съ частными лицами, уже не имѣетъ, а потому присяжнымъ, по отношенію къ дѣламъ казенныхъ управленій, слѣдовало бы проникнуться болѣе современными и справедливыми взглядами.

Только одинъ видъ преступленій противу имущества и доходовъ казны ка-

рается всегда присяжными засѣдателями съ должною строгостію, чуждою даже сколько нибудь снисходительнаго отношенія къ подсудимымъ. Этотъ видъ преступленій объемлетъ въ себѣ поддѣлку, сбытъ и распространеніе фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ и другихъ цѣнныхъ бумагъ.

Но въ дѣлахъ подобнаго рода, мотивы болѣе строгихъ отношеній присяжныхъ представляются совершенно ясными. Отъ поддѣлки и выпуска въ обращеніе фальшивыхъ денежныхъ знаковъ и цѣнностей, прежде всего страдаетъ, и страдаетъ матеріально въ значительной степени само общество. Вотъ почему присяжные засѣдатели, какъ представители этого общества, и не остаются безучастными къ такимъ дѣламъ, и въ рѣдкихъ случаяхъ выносятъ оправдательные вердикты лицамъ обвиняемымъ въ подобныхъ преступленіяхъ.

Въ примѣръ того, какъ обвиненія въ преступленіяхъ противу порядка управленія, дѣйствуютъ иногда подавляющимъ образомъ на присяжныхъ, вызывая полное сочувствіе къ лицу обвиняемаго, укажемъ на извѣстное намъ лично дѣло крестьянки Екатерины Бирюковой, представшей на судъ по весьма громкому обвиненію, въ сопротивленіи исполненію судебного опредѣленія. Сущность преступления Екатерины Бирюковой заключалось въ томъ, что она по требованію полиціи и судебного пристава, отказалась уступить домъ, который по рѣшенію суда присужденъ былъ въ пользу другаго лица. Поэтому она и обвинялась въ оказаніи сопротивленія при исполненіи надъ ней судебного опредѣленія, выразившагося къ томъ, что по требованію полиціи очистить домъ и вынести изъ него свои вещи, она не исполнила этого и не допустила до того понятыхъ, ставши въ дверяхъ дома съ груднымъ ребенкомъ въ рукахъ. Какъ на одинъ изъ фактовъ къ обвиненію, указано было, между прочимъ, на то, что Бирюкова замахивалась на понятыхъ пустою бутылкой, которую держала въ рукахъ. На судѣ обстоятельство это выяснилось въ томъ видѣ, что бутылка эта была съ молокомъ для ребенка и что Бирюкова, хотя держала ее въ рукѣ, но не замахивалась ею. Не менѣе того фактъ сопротивленія Бирюковой выразился въ томъ, что она не допускала судебного пристава, полицію и понятыхъ до очистки дома, и производила при этомъ шумъ, крикъ и ругалась. Затѣмъ въ пользу Бирюковой изъ показаній ея самой и нѣкоторыхъ свидѣтелей можно было съ достаточною вѣроятностію вывести то заключеніе, что лице, воспользовавшееся домомъ Бирюковой, который она затѣмъ должна была очистить по суду, приобрѣло таковой отъ общества незаконнымъ путемъ, пользуясь лишь своимъ вліяніемъ на общество и отсутствіемъ семейства Бирюковыхъ изъ дома въ другую губернію, для заработковъ, и что опредѣленіе суда по сему предмету вошло въ силу и было приведено въ исполненіе только потому, что Бирюкова и родные ея, какъ люди малограмотные и неразвитые, не сумѣли своевременно воспользоваться правомъ обжалованія. На присяжныхъ засѣдателей, состоявшихъ въ данномъ случаѣ изъ однихъ простолюдиновъ, не могли не подѣйствовать въ пользу подсудимой эти обстоятельства, особенно когда она въ заключительномъ своемъ словѣ сказала, что ей некуда было дѣваться съ ребенкомъ. Съ точки зрѣнія закона—преступленіе Екатерины Бирюковой, какъ фактъ, было выяснено, какъ нельзя лучше,

несомненно, что и присяжные заседатели не могли не прийти къ убѣжденію о томъ, что виѣшніе признаки противодѣйствія Бирюковой, составлявшіе преступность ея дѣйствій, были вполне доказаны, но несомненно и то, что при совѣщаніяхъ своихъ по сему дѣлу присяжные заседатели вошли въ положеніе Бирюковой—какъ женщины, страдающей изъ за незнанія своихъ правъ—положеніе, слишкомъ хорошо имъ извѣстное, и, конечно, ими самими по опыту неоднократно испытанное, а потому, на вопросъ о ея виновности, они и вынесли оправдательный приговоръ. По самому образу и обстановкѣ своей жизни, неизбѣжно усвоивающіе себѣ прежде всего матеріальный взглядъ на жизнь, присяжные заседатели изъ простолюдиновъ, само собою и въ настоящемъ дѣлѣ, по глубокому ихъ убѣжденію, не могли обвинить Екатерину Бирюкову, которая, по ихъ понятіямъ, отстаивала свое доброе, незаконно отъ нея отнятое, и можетъ быть, было бы слишкомъ много требовать, отъ подобнаго состава присяжныхъ заседателей, приложенія къ вердикту ихъ относительно Екатерины Бирюковой того принципа, что всякій приговоръ, вошедшій въ законную силу, долженъ быть приведенъ въ исполненіе, и что сопротивленіе исполненію подобнаго опредѣленія хотя бы и признаваемому неправильнымъ, есть во всякомъ случаѣ проявленіе преступной, и слѣдовательно наказуемой воли человѣка.

Если въ приговорахъ суда присяжныхъ, первенствующую роль должны играть проявленія свободной воли и непринужденное убѣжденіе ихъ совѣсти, то нельзя и требовать, чтобы присяжные заседатели въ рѣшеніяхъ своихъ руководствовались тѣми положеніями, сущность которыхъ они или совѣсть не понимаютъ, или же понимаютъ, но не вполне ясно и опредѣлительно.

Укажемъ на другой примѣръ, сходной съ дѣломъ Бирюковой.

Отставной рядовой, Ульянъ Васильевъ, обвинялся въ оскорбленіи ругательными словами присутствія волостнаго суда.

Замѣтимъ прежде, что несостоятельность этого суда за послѣднее время признана даже и тою мало развитою массою народа, для которой этотъ судъ составляетъ отживающее начало прежнихъ, неудовлетворительныхъ учреждений. Несовершенство этого суда, заключающееся главнымъ образомъ въ томъ, что въ немъ, за весьма рѣдкими исключеніями, дѣло не обходится безъ уточенной тяжущимся судьей, которые вообще склонны принимать подарки той или другой стороны, выяснилось въ настоящемъ дѣлѣ именно таковымъ. По показаніямъ нѣкоторыхъ изъ свидѣтелей, спрошенныхъ по этому дѣлу, оскорбительныя слова Ульяна Васильева были отнесены къ одному изъ судей потому, что онъ явился въ засѣданіе суда въ нетрезвомъ видѣ, и, затѣявши споръ съ подсудимымъ, вскочилъ было изъ за стола, по словамъ Васильева, для того, чтобы вступить съ нимъ въ драку, но былъ удержанъ отъ этого присутствовавшимъ при этомъ старшиной, который, взявъ судью за руку, посадилъ его на мѣсто. Хорошо знакомые съ порядками судебно-волостныхъ разбирательствъ, присяжные заседатели сочувственно отнеслись къ объясненіямъ подсудимаго, который, по его словамъ не могъ добиться на судѣ правды, — и вынесли ему оправдательный приговоръ.

Каковы взгляды присяжныхъ засѣдателей на преступленія религіознаго характера?

Изъ общей суммы наблюденій, выносимыхъ по дѣламъ такого рода, можно прежде всего сдѣлать тотъ выводъ, что вообще присяжные изъ лицъ простой среды, относятся къ такимъ преступленіямъ строже, нежели присяжные образованныхъ и интеллигентныхъ классовъ, въ частности же, — присяжные изъ лицъ пожилыхъ являются судьями болѣе строгими, нежели присяжные изъ людей болѣе молодаго возраста. По свойству же отдѣльныхъ видовъ преступленій, порицанія вѣры и богохуленія, за рѣдкими только исключеніями, не находятъ себѣ оправданій, ни при какомъ составѣ присяжныхъ.

Рѣзкое разграниченіе во взглядахъ присяжныхъ засѣдателей замѣчается въ дѣлахъ объ отступленіи отъ вѣры, ересяхъ и расколахъ.

Свобода религіозной совѣсти, сознательно усвоиваемая лицами развитой среды, побуждаетъ ихъ къ дѣламъ такого рода относиться крайне снисходительно, тогда какъ присяжные засѣдатели изъ лицъ простыхъ, неразвитыхъ, недопускающихъ такой религіозной свободы въ душевныхъ побужденіяхъ чловѣка, относятся къ такимъ обвиненіямъ гораздо строже. Въ общей же массѣ всѣхъ вообще присяжныхъ засѣдателей, и въ побужденіяхъ ихъ судейской совѣсти, замѣчается почти всегда стремленіе къ безусловному обвиненію лицъ, совратившихся въ противуправственную ересь какъ, напримѣръ, скопческую, послѣдователи которой, переходящіе въ оную даже не по собственному желанію, а по убѣжденіямъ другихъ сектантовъ, никогда почти не выходятъ изъ суда оправданными. Съ этою противуобщественною и противугосударственною ересью, гнусные принципы и догматы которой повсемѣстно уже извѣстны, наше представительство присяжныхъ засѣдателей ведетъ стойкую и рѣшительную борьбу, не выпуская изъ суда оправданными даже несовершеннолѣтнихъ лицъ, поддавшихся оскпленію очевидно безъ всякаго яснаго и сознательнаго представленія о значеніи надъ собою этой безнравственной операціи. Присяжные засѣдатели очень хорошо понимаютъ, какими тяжелыми послѣдствіями можетъ угрожать распространеніе этой секты въ массѣ народа, а потому при каждомъ случаѣ относится къ скопцамъ строго, сурово и безразлично.

Извѣстно, что за это преступленіе полагается специальное наказаніе, не допускающее смягченія въ томъ случаѣ, когда присяжные даютъ подсудимымъ снисхожденіе. Въ большинствѣ случаевъ присяжные засѣдатели объ этомъ уже знаютъ, и сознавая, что даваемое ими снисхожденіе не можетъ нисколько облегчить участи подсудимыхъ, они иногда даютъ таковое только нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ, преимущественно несовершеннолѣтнимъ, выражая этимъ единственно чувства своего состраданія къ этимъ молодымъ, но несчастнымъ и потерянными уже для жизни людямъ.

Какими мотивами руководствуются присяжные, обвиняя иногда въ скопцествѣ молодыхъ юношей и дѣвушекъ, едва вышедшихъ только изъ отроческаго возраста и подвергшихся оскпленію даже помимо своего желанія и сознанія.

Оправдать ихъ, значитъ сдѣлать имъ зло, вотъ какъ рассуждаютъ присяж-

ные засѣдатели, — для насъ они люди потерянные. выростуть, ознакомятся со всею прелестью окружающей ихъ жизни, которой они уже лишены, мучиться будутъ среди насъ только своею немощью, будутъ однимъ словомъ несчастными страдальцами, ну, и Богъ съ ними, на что ихъ мучить, пускай идуть за одно съ другими, тамъ по крайней мѣрѣ, они будутъ все же «свои люди». Таковы бывають обыкновенныя сужденія присяжныхъ, и замѣтимъ сужденія совершенно разумныя, по этому, присяжные никогда почти не выносятъ оправданій скопцамъ; а изъ многочисленныхъ дѣлъ о скопчествахъ намъ извѣстенъ одинъ только единственный случай, когда присяжные засѣдатели оправдали одну осконленную дѣвушку.

Она судилась въ сообществѣ 38 скопцовъ обоего пола съ разными степенями осконленія.

Относительно этой дѣвушки, осконленной очень недавно ея матерью, настоящей 18-лѣтней деревенской красавицы, съ цвѣтущимъ симпатичнымъ выраженіемъ лица, обладавшей женственностью приемовъ, было однако же констатировано, что она посѣщала уже скопческія радѣнія, добровольно и безъ протеста подчинилась настоянїю матери оскопить себя, и даже исправляла одно время въ средѣ скопцовъ должность богородицы, а вышніе признаки ея осконленія, выражались на ней въ томъ, что на извѣстныхъ частяхъ тѣла, у ней были уже замѣтны слѣды травматическихъ поврежденій, а на одной изъ грудей недоставало вырѣзаннаго соска.

Въ ряду другихъ скопцовъ и скопчихъ, большею частію блѣдныхъ, истощенныхъ фигуръ, она точно также предстала въ бѣломъ характеристическомъ костюмѣ, и только полныя румяныя щеки ея, рѣзко выдѣлявшіяся между блѣдными, изможденными лицами другихъ скопцовъ, располагали нѣсколько въ пользу убѣжденія за ея «скопческую нетерпимость».

Когда отвѣчать на обычные вопросы предсѣдательствующаго, очередь дошла и до нея, то на вопросъ, признаетъ ли она себя виновною въ добровольномъ осконленіи, она, выдвинувшись вдругъ впередъ другихъ, голосомъ полнымъ слезъ и дрожащимъ отъ волненія, отвѣтила, что она себя въ этомъ виновною не признаетъ, отъ «ихней скопцовой вѣры отрекается и къ такимъ поганымъ дѣламъ никакого сердца у ней нѣтъ».

— Мать родная меня сгубила, со слезами на глазахъ начала она свое объясненіе, указавъ при этомъ на какую-то сморщенную старуху, она, судьи праведные, меня сгубила, силкомъ до ихней вѣры привела, обманомъ въ баню завела, уговорила меня тамъ... вонъ этотъ, и она указала при этомъ на одного изъ скопцовъ, грудь мнѣ стравилъ, силкомъ... мать держала... другую я ужъ не дала... больно было... вырвалась... какая я скопчиха... я по Божескому закону, по христіанскому замужъ пойду, у меня и женихъ есть, за что мнѣ пропадать съ ними, невинна я ни въ чемъ, судьи праведные, сгубили они меня... и на этихъ словахъ бѣдная дѣвушка закилась слезами, видимо сознавая свое отчаянное положеніе, предвидя вѣроятную возможность того, что ей жаждущей жизни и насильственно осконленной, можетъ выпасть на долю гнусная и тяжелая будущность въ средѣ ненавистныхъ ей скопцовъ.

Ея слова и слезы были на столько искренни, что повидимому усомниться въ нихъ было нельзя, но на присяжныхъ они не произвели однако же благопріятнаго для нея впечатлѣнія. Это видно было изъ того, что послѣ ея словъ, старшина присяжныхъ переговоривъ о чемъ-то съ своими товарищами, обратился къ предсѣдательствующему съ вопросомъ, почему же подсудимая, отрицая свою принадлежность къ скопческой ереси, заявляя о насильственномъ оскотленіи ея, въ тоже самое время явилась на судъ въ скопческомъ костюмѣ, т. е. вся въ бѣломъ.

— Ихъ убоялась, господа присяжные, съ какимъ-то порывомъ отчаянія въ голосъ, заговорила она, не дождавшись даже вопроса предсѣдательствующаго, заставили одѣться. грозилась всячески на радѣльяхъ, боялась я, а не любви мнѣ ихъ бѣлый покрывальникъ, да радѣльная рубаха... грѣхъ отъ шихъ.

Послѣднія слова подсудимая выговорила въ крайне напряженномъ состояніи, и вдругъ сорвавъ съ головы своей бѣлый «покрывальникъ», кинула его въ сторону матери, и къ ужасу всѣхъ заволновавшихся, скопцовъ вытащила изъ подъ фартука яркій кумачный платокъ и надѣла его на голову.

— Вотъ, онъ мой, любовный... не боюсь теперь надѣть его, говорила подсудимая, повязывая на себѣ платокъ и перерывая свои слова слезами.

— Не вините меня, господа присяжные, не виновата я ни въ чемъ, и говядину я ѣмъ, и въ церковь Божию хожу, и замужъ пойду, благо спортить себя не дала, хошь одной грудью, а все могу кормить младенца, не губите меня, ослобоните отъ нихъ, не виновата я ни въ чемъ... рыдающимъ голосомъ умоляла подсудимая присяжныхъ.

На этотъ разъ казалось и сами присяжные повѣрили уже искренности ея словъ, тѣмъ болѣе, что живымъ подтвержденіемъ разказа ея, оказался на лицѣ въ заднихъ рядахъ публики женихъ молодой дѣвушки, какой-то молодой парень, который улучшивъ минуту, крикнулъ съ задней скамейки, что «доподлинно у насъ съ ней порѣшено дѣло, когда дастъ Богъ ослобонится, объ мясоѣдѣ и свадьбу справимъ».

Присяжные, обвинившіе всѣхъ безъ исключенія скопцовъ, оправдали только эту одну подсудимую, но и то намъ достовѣрно извѣстно, что за обвиненіе ея высказано было четыре голоса, а между тѣмъ въ правдивости всего ея заявленія на судъ, не могло уже быть никакихъ сомнѣній, такъ какъ несочувствіе свое къ скопческой общинѣ, она доказала публично слишкомъ яркимъ и нагляднымъ протестомъ противу своего «постриженія».

Присяжные засѣдатели въ ученіи скопчества кромѣ религіозной нетерпимости усматриваютъ и другіе болѣе вредные противу нравственные и противу общественные элементы, потому и относятся къ скопцамъ съ безусловной строгостью.

Относясь болѣе или менѣе снисходительно къ послѣдователямъ разныхъ раскольническихъ толковъ, или, по выраженію крестьянъ присяжныхъ, предоставляя каждому молиться Богу за Царя и за себя по своему, они въ тоже время къ совратителямъ въ расколъ относятся безусловно строго. Оно и понятію: при-

зная въ ученіяхъ различныхъ сектантовъ свободу религіозной совѣсти, присяжные тѣмъ самымъ должны относиться безусловно строго къ тѣмъ изъ послѣднихъ, которые насильно обращаютъ въ свою секту другихъ.

Въ иныхъ случаяхъ, впрочемъ, по дѣламъ о сектантахъ, отъ присяжныхъ засѣдателей рѣшительно невозможно требовать обвинительныхъ приговоровъ, такъ какъ сущность нѣкоторыхъ изъ вѣроученій не представляетъ собою никакой почвы для признанія въ дѣяніяхъ сектантовъ чего либо преступнаго въ смыслѣ безнравственномъ.

Въ концѣ 1872 года въ селѣ Петровкѣ Одесскаго уѣзда, мѣстнымъ православнымъ священникомъ, возбуждено было уголовное преслѣдованіе противу послѣдователя штундизма, крестьянина Вокважа, по обвиненію его въ совращеніи въ свою секту православныхъ жителей упомянутаго села.

Займствуемъ изъ журнала «Недѣля» слѣдующія подробности этого дѣла, окончившагося для Вокважа оправдательнымъ приговоромъ присяжныхъ.

«Штундисты считаютъ себя членами «новообращеннаго русскаго братства», живущаго по Евангелію и десяти заповѣдямъ, и не признающаго таинствъ, церковей, священнослужителей и иконъ. По отзыву всѣхъ свидѣтелей, имѣвшихъ случай наблюдать домашнюю жизнь штундистовъ, она во многихъ отношеніяхъ отличается отъ жизни крестьянъ, вѣрныхъ православной религіи. Принципы взаимной помощи между братчиками, безусловной честности и трезвости развиты въ нихъ средѣ настолько сильно, что между ними почти не встрѣчается уголовныхъ преступленій; къ тому же они очень трудолюбивы, такъ что многіе праздники обращены ими въ рабочіе дни; остающіеся затѣмъ свободные часы они употребляютъ на чтеніе духовныхъ книгъ, и между ними вовсе нѣтъ безграмотныхъ».

«Штундизмъ, какъ сектантское вѣроученіе, былъ занесенъ въ село Петровку крестьяниномъ Вокважемъ, который и былъ преданъ суду Окружнаго Суда, по обвиненію его въ совращеніи православныхъ въ свою секту. Вокважъ, будучи прежде православнаго вѣроисповѣданія, велъ жизнь безпечную, не былъ знакомъ съ трудомъ, не отличался никогда религіозностью и, только по переходѣ въ секту штундистовъ, онъ повелъ совершенно иную жизнь, сдѣлался трудолюбивымъ работникомъ и все свое свободное время сталъ посвящать чтенію духовныхъ книгъ. Обвиненіе Вокважа въ распространеніи вѣроученія штундистовъ основывалось на томъ, что число сектантовъ въ селѣ постоянно увеличивалось, да и самъ Вокважъ не скрывалъ этого, ибо онъ часто порицалъ священниковъ за то, что они берутъ за требы много денегъ и отвергали обрядовую сторону православной церкви, утверждая также, что церковь должна быть у каждаго въ его душѣ. Ходя по селу съ книгою въ рукѣ, Вокважъ влияніемъ своимъ обращалъ въ свою секту многихъ пьяницъ, отвлекалъ ихъ отъ этого порока и дѣлалъ изъ нихъ честныхъ, трудолюбивыхъ людей».

Вотъ тѣ нравственныя причины указываемаго дѣла, которыя побудили присяжныхъ вынести Вокважу оправдательный приговоръ.

Перейдемъ теперь къ послѣдующимъ видамъ преступленій религіознаго характера.

Оскорбленія святыни при доказанности преступленія, рѣдко оставляются присяжными ненаказанными. Въ этомъ случаѣ присяжными засѣдателями руководятъ или побужденія совѣсти, или же сознание необходимости, устраняя свои личные взгляды; авторитетомъ общественнаго представительства, ограждать достоинство вѣры и святыни.

Относительно святотатства можно сказать, что оно является однимъ изъ преступленій, относительно котораго возрѣнія присяжныхъ представляются самыми разнообразными. Присяжные изъ лицъ простаго класса главнымъ элементомъ въ святотатствѣ усматриваютъ не оскорбленіе святыни, а большій или меньшій матеріальный ущербъ, причиненный церкви, и на оборотъ присяжные изъ лицъ интеллигентныхъ, въ преступленіяхъ этого рода прежде всего останавливаютъ свое вниманіе на нравственной сторонѣ дѣла.

Впрочемъ по нѣкоторымъ изъ видовъ святотатства, взгляды присяжныхъ засѣдателей являются несравненно болѣе снисходительными, нежели взгляды законодателя, а потому во многихъ случаяхъ святотатства остаются безнаказанными, потому что присяжные не рѣшаются подводить подсудимыхъ подъ чрезмерно строгую, по ихъ мнѣнію, кару закона.

Наконецъ, къ числу преступленій противъ вѣры относится и ложная присяга. Въ большинствѣ случаевъ она представляется на судѣ присяжныхъ въ видѣ дѣла, по обвиненіямъ въ лживыхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ, по бракоразводнымъ дѣламъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда на основаніи такихъ ложныхъ показаній, былъ расторгнутъ бракъ и невинная въ дѣйствительности сторона признана была духовнымъ судомъ виновною. Въ сущности преступленія такого рода бывають крайне безнравственны, ибо независимо отъ своего основнаго свойства клятвoprеступничества, они заключаютъ еще въ себѣ и корыстный элементъ, такъ какъ ложные подставные свидѣтели по дѣламъ бракоразводнымъ даютъ обыкновенно такія ложныя свидѣтельскія показанія за деньги. Не менѣе того къ такимъ ложнымъ показаніямъ, не только присяжные засѣдатели, но даже и коронные судьи относятся обыкновенно снисходительно.

Изъ нѣсколькихъ подобныхъ дѣлъ, разбиравшихся въ нашихъ окружныхъ судахъ, укажемъ на наиболѣе характерное изъ нихъ дѣло Тупицыныхъ, разбиравшееся въ Московскомъ Окружномъ Судѣ.

Сущность этого дѣла заключается въ слѣдующемъ:

Въ 1865 году, потомственный почетный гражданинъ, Константинъ Ермолаевичъ Тупицынъ, женился на молодой, 17 лѣтъ, дѣвушкѣ Варварѣ Вукаловиѣ Волженской, дочери Коломенскаго помѣщика. Женитьба на дѣвушкѣ изъ среды чуждой Тупицыну пришла не по сердцу матери его, женщины властной и себялюбивой. Съ первыхъ же дней женитьбы сына, старуха Тупицына стала относиться къ невѣсткѣ очень недружелюбно, а подъ конецъ, не найдя въ ней того послушанія и покорности, которыхъ она требовала отъ всѣхъ домашнихъ, она стала къ ней въ самыя враждебныя отношенія. Тупицынъ, не взирая на то, что былъ страстно влюбленъ въ свою молодую жену, былъ принужденъ, однакоже, жить вмѣстѣ съ матерью, которая въ такой сильной степени успѣла повліять на

своего сына въ желаемомъ смыслѣ, и вооружить его противу жены своей, что въ маѣ мѣсяцѣ 1867 года Тупицынъ обратился уже въ духовную консисторію съ жалобою на свою жену, обвиняя ее въ супружеской невѣрности, и просилъ о расторгненіи брака.

Духовная консисторія потребовала, разумѣется, формальныхъ доказательствъ супружеской невѣрности, и на лицо предстало три услужливыхъ свидѣтеля.

Свидѣтелями явились все слуги и прислужники Тупицыныхъ. Обвиненіе молодой Тупицыной въ связи съ актеромъ Императорскихъ Московскихъ театровъ, Густавомъ Эрлангеромъ, прежде всѣхъ подтвердилъ самъ Эрлангеръ, бывший хорошимъ пріятелемъ Тупицына, которому онъ былъ долженъ по векселямъ довольно значительную сумму. Затѣмъ слуга Тупицыныхъ мѣщанинъ, Гусевъ, неказалъ въ консисторіи, что лѣтомъ 1866 года, т. е. въ первый же годъ замужества Тупицыной, онъ убирая однажды комнаты, увидалъ въ замочную скважину въ спальнѣ своей госпожи, что она лежала на кровати вмѣстѣ съ Эрлангеромъ, а жена Гусева, служанка Тупицына, удостовѣрилась, что она подвараулила однажды, какъ барыня ея гуляя въ лѣсу съ Эрлангеромъ, сначала сядя на травѣ цѣловалась и обнималась, а затѣмъ легла съ нимъ.

На основаніи этихъ свидѣтельскихъ показаній, избличавшихъ молодую Тупицыну въ неоднократномъ нарушеніи супружеской вѣрности, духовная консисторія постановила рѣшеніе, которымъ вмѣстѣ съ расторгненіемъ брака, Волженская, т. е. жена Тупицына, приговаривалась къ вѣчному безбрачію. Это рѣшеніе консисторіи было затѣмъ въ установленномъ порядкѣ окончательно утверждено Святейшимъ Синодомъ.

Разведенная Волженская, недовольная такимъ рѣшеніемъ, возбудила дѣло о лживости свидѣтельскихъ показаній.

На судѣ дѣйствительно оказалось, что показанія, данныя свидѣтелями въ консисторіи, отъ перваго и до послѣдняго всѣ были ложны.

При этомъ выяснилось, что все бракоразводное дѣло было затѣяно матерью Тупицына, и что она для этого подкупила свидѣтелей.

Присяжные засѣдатели признали всѣ показанія, данныя въ консисторіи, безусловно ложными, но весьма различно отнеслись къ отдѣльнымъ подсудимымъ въ опредѣленіи степени ихъ виновности. Тупицына и одного изъ свидѣтелей они нацримеръ, вовсе оправдали, Эрлангера признали виновнымъ въ лжесвидѣтельствѣ, но не вслѣдствіе подкупа, и затѣмъ всѣхъ строже отнеслись къ виновницѣмъ всего дѣла, матери Тупицыной и къ одной свидѣтельницѣ Гусевой, служанкѣ Тупицыныхъ.

Разбирая обстоятельства этого интереснаго дѣла и выясняя главнымъ образомъ причины, столь снисходительнаго взгляда присяжныхъ засѣдателей на такое гнусное преступленіе, какъ лжесвидѣтельство изъ за денегъ, повлеченное за собою для потерпѣвшей Волженской столь тяжелыя послѣдствія, одинъ изъ нашихъ еженедѣльныхъ журналовъ останавливается на слѣдующихъ соображеніяхъ.

«Сопоставивъ этотъ приговоръ суда съ внѣшней обстановкой процесса, мы

видимъ слѣдующее: присяжные признають фактъ лживости свидѣтельскихъ показаній, но не находятъ возможности иѣкоторымъ изъ подсудимыхъ вѣннть ихъ дѣянія въ вину».

«Отчего это происходитъ, отчего происходитъ такая, повидимому, ненормальность въ дѣлѣ суда по совѣсти».

Отвѣтъ на это въ послѣдующихъ словахъ замѣтки.

«Понятно всякому, читаемъ мы въ ней, что для желающихъ развода трудно обойтись безъ подкупа свидѣтелей даже въ томъ случаѣ, если эти свидѣтели дѣйствительно застали (по заранѣе подстроеному распредѣленію ролей) одного изъ жаждущихъ развода супруговъ на мѣстѣ преступленія; потому что кто же кромѣ продажныхъ свидѣтелей, занимающихся этими дѣлами какъ ремесломъ, пойдетъ свидѣтельствовать въ консисторіи. Съ другой стороны также понятно, что безъ участія такихъ свидѣтелей сдѣлалась бы невозможною для пользованія и та узкая лазейка къ разводу, которая допускается закономъ. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что намѣреніе закона предоставить обманутому супругу право искать развода остается во всякомъ случаѣ мертвою буквою. Супружеская невѣрность, не подлежащая никакому сомнѣнію, но не удостовѣренная тремя свидѣтельскими показаніями, не смотря на всю убѣдительность другихъ доказательствъ, не можетъ повлечь за собою развода. И выходитъ такимъ образомъ, что несовершенство духовнаго суда, несовершенство закона, повлекло за собой ту массу лжи и злоупотребленій, которыя неразрывно связаны съ каждымъ бракоразводнымъ дѣломъ. Всѣ это понимаютъ, всѣ объ этомъ знаютъ—и вотъ присяжные—по неволѣ смотрятъ на подобныя дѣла, какъ на своего рода необходимое зло».

И въ дѣлѣ Тупицыныхъ пегодование слышалось не столько по поводу безнравственныхъ и противозаконныхъ средствъ развода, сколько въ виду тяжелыхъ его послѣдствій. Сама Волженская была въ сущности рада возвращенной свободѣ; она добивалась отъ мужа только приличныхъ средствъ къ существованію. Такъ, на судѣ фигурировали письма повѣренныхъ Волженской, которые предлагали Тупицынымъ прекратить все дѣло о ложномъ показаніи, если они заплатятъ ей 50,000 р.

Вотъ почему присяжные, признавъ фактъ преступленія, предоставили Волженской всѣ средства, выйти изъ своего тяжелаго положенія; но имъ не было особеннаго основанія набрасывать съ чрезмѣрною строгостью на лицъ, воспользовавшихся хотя и противозаконными, но освященными обычаями и древностью порядками нашихъ духовныхъ судовъ.

Перейдемъ теперь къ преступленіямъ другаго рода, и остановимся на преступленіяхъ противу собственности и главнымъ образомъ на разнаго рода кражахъ.

По мнѣнію нашему, кражи составляютъ одинъ изъ тѣхъ видовъ преступленій, относительно которыхъ сходятся возрѣнія присяжныхъ засѣдателей изъ всѣхъ классовъ и отгѣнковъ. Это впрочемъ, и понятно. Кражи самое общераспространенное у насъ преступленіе; отъ похитителей чужаго имущества, терпятъ

въ равной почти степени всё слои общества; кражи бьютъ каждаго по самому чувствительному мѣсту—по карману, дѣйствуютъ на потерпѣвшихъ вполне непосредственно, осязательно, а потому и у присяжныхъ, относительно воровъ, проглядываетъ особая строгость въ рѣшеніяхъ дѣлъ, выражающаяся между прочимъ въ томъ, что по статистическимъ даннымъ и отчетамъ нашихъ окружныхъ судовъ, по преступленіямъ этого рода, присяжными засѣдателями, выносятся обыкновенно наименьшій процентъ оправдательныхъ приговоровъ, сравнительно со всѣми другими преступленіями.

Грабежи и разбои въ своихъ крупныхъ видахъ, и въ тѣхъ формахъ, которыя въ общепитіи понимаются подъ дѣйствительнымъ разбоемъ или грабежемъ, не находятъ себѣ пощады у присяжныхъ. И на оборотъ, масса дѣлъ о ничтожныхъ грабежахъ, граничащихъ по существу своему съ самоуправствомъ, почти что всегда заканчивается оправданіями подсудимыхъ, такъ какъ не смотря на внушаемая постоянно присяжнымъ, различнаго рода юридическія тонкости, относительно того, что всякое открытое похищеніе чего либо въ присутствіи владѣльца есть уже грабежъ, присяжные упорно отказываются принимать ихъ на вѣру, и цѣлымъ рядомъ оправданій такихъ грабителей, доказываютъ, что практической житейскій взглядъ на вещи, не можетъ иногда мириться и идти рука объ руку хотя бы и съ несомнѣнными правовыми истинами.

Весьма характернымъ явленіемъ въ жизни нашего суда присяжныхъ, представляется то явленіе, что разнаго рода растраты денегъ и другаго служебнаго имущества, ввѣреннаго на сохраненіе, остаются безнаказанными, вслѣдствіе весьма снисходительнаго взгляда присяжныхъ на преступленія этого рода. Главную, категорію подобныхъ дѣлъ въ практикѣ окружныхъ судовъ, составляютъ растраты производимыя различными должностными лицами крестьянскихъ общинъ. Эти растраты, производимыя въ Россіи, вездѣ и повсемѣстно вошли у насъ чуть не въ обычай, и возникаютъ ежегодно цѣлыми массами, оканчиваясь въ результатѣ почти ничѣмъ, такъ какъ рѣдкое изъ подобныхъ дѣлъ завершается обвиненіемъ.

Въ чемъ же заключается причина такого страннаго взгляда присяжныхъ на преступленіе, которое тѣмъ не менѣе не можетъ не признаваться крайне вреднымъ, обогащая обвиняемыхъ—кулаковъ и сельскихъ миродовъ, на счетъ всѣхъ вообще остальныхъ крестьянъ. Мы отвѣтимъ на это тѣмъ, что въ подобныхъ оправдательныхъ вердиктахъ присяжныхъ засѣдателей, вовсе не выражается равнодушіе ихъ или снисходительность къ самому существу преступленія растраты, которая ихъ какъ представителей общества, не можетъ не возмущать. Нѣтъ причины этихъ чуть не огульныхъ оправданій заключающихся въ томъ, что растраты сельскими должностными лицами денегъ, остаются недостаточно выясненными, не вполне обследованными, отчего при крайней вообще неудовлетворительности дѣлопроизводства и денежной отчетности во всѣхъ волостныхъ правленіяхъ, выясненіе дѣятельности растраты и суммы ея, представляется, за рѣдкими исключеніями, дѣломъ невозможнымъ. По одному дѣлу сельскій староста обвинялся въ растратѣ общественныхъ

суммъ. Дѣло это недурно обрисовало ту неурядицу, которая царитъ въ отчетности при тратахъ крестьянскихъ денегъ. Обвиняемый не только не признавалъ себя виновнымъ въ растратѣ, но говорилъ о затратахъ собственныхъ денегъ. Весьма характерно и то, что сходъ, уполномочивъ двухъ своихъ членовъ учитывать старосту, опредѣлялъ платить съ каждаго насчитаннаго рубля по двадцати копѣекъ. Можно судить, насколько это развило энергію учитывавшихъ при отыскиваніи растроченныхъ рублей. Староста признанъ былъ невиновнымъ, да какъ же было и не оправдать его при такихъ «начетчикахъ».

Кромѣ того въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на убѣжденія присяжныхъ по дѣламъ растратъ, влияетъ то обстоятельство, что вредъ, наносимый этимъ преступленіемъ отдѣльнымъ лицамъ обществъ, бываетъ обыкновенно не великъ, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обвиняемые должностныя лица вынуждаются дѣлать растраты общественныхъ денегъ для удовлетворенія такихъ потребностей «передъ начальствомъ», которыя легально закономъ не предусматриваются, а между тѣмъ общество несетъ ихъ цѣлыми годами, и несетъ безропотно, подчиняясь приказаніямъ ближайшихъ властей.

Это не анекдотъ на примѣръ, что при одномъ изъ волостныхъ правленій на общественныя суммы содержалась и получала даже хорошее годовое жалованье молодая «барышня», обязанности которой заключались въ томъ, чтобы дѣлать приятно время съ прѣзжающими въ волостное правленіе разными «начальствами», которые въ виду такой приманки особенно часто посѣщали эту волость.

Растраты въ другихъ сферахъ болѣе интеллигентныхъ, какъ-то въ банкахъ и коммерческихъ обществахъ, точно также заканчиваются нерѣдко оправданіями, но по нѣсколько инымъ причинамъ. Въ дѣлахъ подобнаго рода, присяжные обыкновенно усматриваютъ или то, что растрата явилась послѣдствіемъ недосмотра и распущенности свыше стоящихъ лицъ, которыя однагоже остались въ сторонѣ и не были привлечены къ дѣлу, или же, что не всѣ обвиняемые, а только нѣкоторая часть ихъ поставлена была на судъ, тогда какъ другіе участники злоупотребленій избѣгли почему то обвиненія.

Въ примѣръ именно подобныхъ оправдательныхъ мотивовъ присяжныхъ заседателей, мы приведемъ дѣло Московскаго Коммерческаго Ссуднаго Банка, которое окончилось почти что ничѣмъ, при обнаруженныхъ на судѣ крупныхъ и солидныхъ «недоразумѣніяхъ».

Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ, защищая въ Одесскомъ Окружномъ Судѣ проворовагося банковаго кассира, въ оправданіе его проводилъ ту мысль, что главною виной всѣхъ подобныхъ преступленій является полнѣйшая безконтрольность со стороны правленій банковъ. «Безусловно честныхъ людей, — сказалъ защитникъ—нѣтъ. Честный человѣкъ и при контролѣ останется, понятно, честнымъ, убѣжденія человѣка, не совсѣмъ установившагося, окрѣпнуть при контролѣ, а мошенникъ при немъ невольно будетъ бояться; при безконтрольности же и честный можетъ соблазниться».

На этотъ разъ впрочемъ присяжные не увлеклись рѣчью и доводами защитника и обвинили «неокрѣпшаго» кассира.

Преступленія служебнаго характера, вызываютъ вообще мало симпатій присяжныхъ засѣдателей и это происходитъ, можетъ быть, отъ того, что въ большинствѣ случаевъ, въ качествѣ должностныхъ лицъ фигурируютъ на судѣ разные сотскіе, городовые и десятскіе, обвиняемые въ взяточничествѣ, лихоимствѣ—такъ какъ эти роды преступленій являются по преимуществу на судѣ присяжныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ безъ натяжекъ надъ своей совѣстью признать въ смыслѣ весьма тяжкаго преступленія вымогательства, тотъ фактъ, что какой нибудь сотскій сорвалъ съ своего односельца шкаликъ водки или два три гривеника за то, чтобы умолчать передъ начальствомъ о какомъ нибудь ничтожномъ проступкѣ односельца. Такого подсудимаго присяжные никогда не обвиняютъ потому, что въ средѣ простыхъ людей такой небольшой магарычъ не считается даже дѣломъ противозаконнымъ, а осуществляетъ собою существеннѣйшій изъ элементовъ подобной власти.

Одна изъ нашихъ газетъ, разбирая вопросъ о служебной отвѣтственнѣйшей преступленія по должности низшихъ полицейскихъ служителей, между прочимъ, говоритъ: «не совсѣмъ справедливъ нашъ законъ, приравнивающій нашихъ сельскихъ десятскихъ и старостъ къ отвѣтственности за преступленія по должности, къ чиновникамъ государственной службы. Разница здѣсь громадная: чиновники избираютъ службу добровольно, получаютъ жалованье, чины и отличія, а сельскія должностныя лица являются мучениками, на которыхъ общество возлагаетъ службу какъ бремя, лишая избираемаго права отъ нея отказаться. Они ничѣмъ не напоминаютъ настоящихъ чиновниковъ, и промахи ихъ служебной дѣятельности не должны бы подводиться подъ тотъ строгій общій законъ, который караетъ, да и долженъ карать настоящихъ чиновниковъ за сознательное нарушеніе ими ихъ обязанностей. Приговоры присяжныхъ по такимъ дѣламъ въ большинствѣ оправдательные показываютъ, что и общественное мнѣніе раздѣляетъ высказываемое выше воззрѣніе».

Вопросъ о воззрѣніяхъ крестьянъ на супружескія отношенія мужа къ женѣ въ большинствѣ случаевъ на судѣ съ присяжными разрѣшается тѣмъ, что присяжные крестьяне смотрятъ чрезвычайно легко на всякія насилія, допускаемыя мужемъ надъ женою, если бы даже эти насилія кончались смертію жены. Въ понятіяхъ простолюдиновъ, какъ среды неразвитой, до сихъ поръ еще существуетъ тотъ взглядъ, что мужъ въ правѣ распоряжаться своей женою и не можетъ быть отвѣтственъ за свои дѣйствія противъ ея личности. Жестокое обращеніе мужей съ женами, составляетъ тѣмъ болѣе печальную сторону крестьянской жизни, что оно считается какъ бы обычнымъ дѣломъ въ этой средѣ, и присяжные обыкновенно оправдываютъ лицъ, обвиняемыхъ въ такихъ преступленіяхъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ можно указать, на нѣкоторыя исключенія въ подобныхъ дѣлахъ, во взглядахъ присяжныхъ, которыя объясняются только вліяніемъ на воззрѣнія крестьянъ—присяжныхъ, лицъ другой среды, случайно попадающихъ съ крестьянами въ составы присутствій присяжныхъ по однимъ и тѣмъ же дѣламъ.

Столь же снисходительно смотрятъ крестьяне присяжные и на преступленія

въ ихъ быту противу правъ семейственныхъ, прототипомъ которыхъ являются такъ называемое «снохачество» и кровосмѣшенія въ восходящей и нисходящей степеняхъ.

Преступленіе снохачества до такой степени вошло въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ бытовыя особенности нашего народа, что даже сами потерпѣвшія, обыкновенно молодыя женщины, не придаютъ этимъ притязаніямъ на нихъ своихъ свекровь какого-либо особеннаго значенія.

Въ одномъ селѣ старикъ крестьянинъ 60 лѣтъ, обвинялся въ кровосмѣшеніи съ своей снохой, вдовой умершаго его сына, женщиной 22 лѣтъ. Сознаваясь въ этомъ грѣхѣ своемъ, старикъ подсудимый объяснялъ, что «это точно бывало съ нимъ подъ пьяную руку», а сноха его, признавая себя виновною, оправдывалась тѣмъ, что не могла отказать настояніямъ своего свекра, потому что находится отъ него въ полной зависимости, и онъ платитъ за нее подати; уйти же отъ него съ двумя малолѣтними дѣтьми для нея было невозможно: съ такой обузой ее никто бы въ наймы не принялъ, а имущества и родныхъ у нея нѣтъ.

Въ другомъ случаѣ молодая невѣстка, при живомъ даже мужѣ своемъ, правдиво объясняла на судѣ, что «какже я ему (т. е. свекру) откажу, когда онъ мой батюшка» и повидимому отъ такого двойственнаго своего долга и обоюдной роли передъ мужемъ и свекромъ, не испытывала даже особенной неприятности положенія своего въ семьѣ.

Въ провинціальныхъ окружныхъ судахъ, въ особенности же на сессіяхъ въ уѣздныхъ городахъ, большинство присяжныхъ засѣдателей, какъ мы уже неоднократно говорили, состоитъ, за весьма малыми исключеніями, изъ лицъ простой среды, которые въ сужденіяхъ своихъ о виновности или невинности подсудимыхъ руководствуются по преимуществу объективными признаками преступленій, слишкомъ очевидными для того, чтобы не быть признанными.

Вотъ почему взгляды такихъ присяжныхъ на преступленія отвлеченнаго характера, какъ напримѣръ, подлоги, обманы по обязательствамъ, мошенничества съ разными тонкостями и другія, тому подобныя, главный элементъ которыхъ заключается въ оцѣнкѣ нравственной стороны дѣла—представляются вообще въ присяжныхъ этой категоріи, относительно снисходительными.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, преступленія очевиднаго подлога, оправдываются и болѣе интеллигентными составами присяжныхъ, по чисто стороннимъ причинамъ.

Такъ напримѣръ; признавъ самый фактъ преступленія подлога, присяжные выносятъ оправданіе подсудимымъ по тѣмъ соображеніямъ, что признаніе спорнаго акта подложнымъ, а слѣдовательно и ничтожнымъ, устраняетъ вполнѣ для подсудимаго ту матеріальную выгоду, которую онъ имѣлъ въ виду при совершеніи подлога.

Не побужденіями ли такого рода слѣдуетъ объяснить, оправдательный приговоръ присяжныхъ, въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, по известному дѣлу, о подложныхъ векселяхъ на сумму 228,000 руб. серебр., отъ плени Норовскаго помѣщика Пантелѣва, представленныхъ послѣ смерти его ко взысканію

дальними его родственниками, при чемъ присяжные, признавъ самый фактъ этихъ подлоговъ, всѣхъ обвиняемыхъ въ томъ родныхъ умершаго однако же оправдали.

Крайнее разнорѣіе во взглядахъ присяжныхъ засѣдателей, интеллигентной среды и присяжныхъ неразвитыхъ и необразованныхъ встрѣчается относительно преступленія изнасилованія, и въ то время, когда присяжные первой категоріи относятся ко всякаго рода половымъ насиліаніямъ противу женщинъ и дѣвушекъ довольно строго, присяжные простолюдины въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не придаютъ этому акту насилія почти никакого преступнаго значенія. Отчасти этому способствуютъ понятія простой среды относительно женской чести и непорочности, съ другой же стороны самые нравы этой среды. Нравственный же элементъ этого преступленія въ понятіяхъ простолюдиновъ обыкновенно не играетъ никакой роли и не имѣетъ никакого значенія.

Въ сборникѣ матеріаловъ по пересмотру Уложенія о Наказаніяхъ находимъ мы слѣдующую замѣтку одного лица прокурорскаго надзора, относительно преступленія изнасилованія.

«Слѣдовало бы допустить, читаемъ мы въ этой замѣткѣ, примиреніе въ случаяхъ изнасилованія замужнихъ женщинъ и вдовъ, такъ какъ нерѣдко онѣ заявляютъ объ изнасилованіи ихъ, лишь въ видахъ оправданія своей преступной связи передъ мужьями или семейными, когда эта связь дѣлается какимъ либо образомъ извѣстною, или въ первомъ порывѣ негодованія противъ лица, посягнувшаго на ихъ честь, но затѣмъ весьма часто желаютъ прекратить дѣло широмъ; находя, что, какъ бы ни было гласно возбужденное ими дѣло, оно еще болѣе сдѣлается гласнымъ, и увеличить ихъ стыдъ, когда дѣло будетъ разбираться въ судѣ».

Замѣтка эта по выраженной въ ней мысли представляется совершенно основательною, такъ какъ указываемые въ ней случаи фиктивныхъ насилій, бывають далеко нерѣдки, и многія немолодыя уже женщины приносятъ иногда жалобы на изнасилованіе ихъ только ради того, чтобы прикрыть свой собственный грѣшокъ, что не остается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, незамѣченнымъ и присяжными засѣдателями. Кроме того, по отношенію къ преступленію изнасилованія и исходу на судѣ каждаго отдѣльнаго случая, имѣютъ вліяніе возрастъ самихъ присяжныхъ, потерѣвшихъ и обвиняемыхъ.

Молодые присяжные относятся къ обвиняемымъ въ изнасилованіи всегда гораздо мягче, нежели присяжные пожилые, и болѣе снисходительно къ обвиняемымъ молодаго возраста, нежели къ лицамъ среднихъ и пожилыхъ лѣтъ; наоборотъ пожилые присяжные, смотрятъ гораздо строже на изнасилователей, и намъ извѣстенъ одинъ случай, когда подобный составъ присяжныхъ обвинилъ 26-лѣтняго молодаго человѣка, въ изнасилованіи 50-лѣтней старухи нищей.

Точно также присяжные одного состава, преимущественно пожилаго возраста, обвинили одного молодаго человѣка за изнасилованіе публичной женщины, за вѣдомо' всему городу торговавшей собою.

Укажемъ на незначительную серію дѣлъ по преступленіямъ, простѣвающимъ изъ невѣжества и разнаго рода суевѣрныхъ возрѣній подсудимыхъ, принадле-

жащихъ обыкновенно къ разряду людей «темныхъ» и невѣжественныхъ. Къ преступленіямъ этого рода относятся: разрытіе могилъ, кошунственные надруганія надъ покойниками, убійства разныхъ колдуновъ и знахарей. По всѣмъ такимъ дѣламъ, присяжные засѣдатели выносятъ обыкновенно оправдательные приговоры, и въ этомъ случаѣ нѣтъ никакой разницы между присяжными необразованныхъ и развитыхъ классовъ, такъ какъ первые, по принципамъ и убѣжденіямъ имъ печуждымъ, относятся не только снисходительно, но даже и сочувственно къ такимъ преступленіямъ, а послѣдніе въ обвиняемыхъ по такимъ дѣламъ видятъ не людей злаго умысла и безправственныхъ побужденій, а случайныхъ лишь представителей той темной и неразумной, живущей во мракѣ среды, которые нуждаются скорѣе въ просвѣщеніи, нежели въ наказаніи.

Въ ряду этихъ преступленій, заключившихся въ нашей, судебной, практикѣ, оправдательными приговорами, прежде всего укажемъ на дѣло злополучной «Грушки», надѣлавшее столько шума какъ въ обществѣ, такъ и въ печати, которую односельцы ея, считая за колдунью, сожгли живьемъ въ ея избѣ, опасаясь, что она всѣхъ ихъ «перепортитъ».

Въ нѣкоторыхъ органахъ печати проскользнуло было въ свое время нѣсколько мнѣній, о совершенной несостоятельности подобнаго приговора присяжныхъ, и объ отсутствіи въ немъ сколько нибудь основательныхъ мотивовъ, которые могли бы побудить ихъ, актъ такой безчеловѣчной жестокости, какъ сожженіе живьемъ челоуѣка, признать въ степени невмѣняемаго преступленія.

Но такое отвлеченное осужденіе этого приговора, представляется явно несправедливымъ. Подсудимые, по ихъ понятіямъ, жгли не челоуѣка, а колдунью, которая имъ вредила, и отъ которой вся ихъ деревня трепетала. Совершенная беспомощность положенія, вынудила всѣхъ почти односельцевъ Грушки на столь рѣшительный протестъ ихъ противъ ея жизни; глубокое убѣжденіе, что нужно непременно извести эту лиходѣйку, натолкнуло ихъ на мысль, уничтожить ее болѣе «вѣрнымъ способомъ» потому, что по ихъ глубокимъ вѣрованіямъ, она портила каждаго въ конецъ, и избавиться отъ нея, никакимъ другимъ путемъ они никакъ не могли.

Одна изъ газетъ совершенно основательно замѣтила, что присяжные не могли не оправдать этихъ дѣтей природы, въ сущности невмѣняемыхъ, какое бы преступленіе скопомъ они не совершили, по ихъ неразвитости и простотѣ, и затѣмъ добавила:

«Дѣйствительно, невозможно видѣть въ тихвинскихъ крестьянахъ обыкновенныхъ преступниковъ. Они примѣнили самосудъ, или такъ называемый въ Америкѣ «судъ Линча» гласно, публично и единогласно, въ виду сознанія, что потерпѣвшій субъектъ наноситъ имъ огромный вредъ, а ни подъ какую статью официального уголовного законодательства не подходитъ. Конечно, крестьяне тутъ дѣйствовали подъ влияніемъ нечлаго предрасудка, но не вина крестьянъ, если предрасудокъ этотъ укорененъ въ нихъ до такой степени, что предложеніе избавиться отъ мнимой колдуны, было принято толпою какъ нѣчто весьма естественное, и какъ нельзя болѣе справедливое».

«Существованіе подобныхъ предрасудковъ не въ силахъ поколебать никакая уголовная строгость. Это дѣло науки и нравственнаго вліянія. А, положа руку на сердце, можно ли сказать, что было что нибудь сдѣлано серьезное для искорененія у крестьянъ Тихвинскаго уѣзда ихъ вѣковыхъ предрасудковъ? Гдѣ тѣ народныя школы, гдѣ бы эти темные люди почерпали здравыя элементарныя свѣдѣнія о причинахъ психическихъ явленій, въ родѣ порчи, кликушъ и т. п.? Гдѣ тѣ ревностные къ дѣлу пастыри, которые клали бы свою душу въ просвѣщеніе народа, въ расширеніе его духовнаго горизонта? Гдѣ тѣ дешевыя изданія, изъ чтенія которыхъ простой народъ пополнялъ бы недостающія ему научныя свѣдѣнія».

«Разъ этого нѣтъ, или если и имѣется, то въ незначительномъ и крайне неудовлетворительномъ видѣ,—странно было бы на голову темныхъ бѣдняковъ призывать громы уголовной Немезиды».

Сходный же случай убійства колдуна и изъ тѣхъ же побужденій разбирался въ Самарскомъ Окружномъ Судѣ.

Впрочемъ тутъ крестьяне не сожгли своего лиходѣя колдуна, а прямо убили его кольями и были оправданы.

А чего, чего не дѣлалъ этотъ колдунъ въ своемъ селѣ. «На беременныхъ бабъ онъ «насылалъ»; «нашлетъ такого» и не разродится бабѣ, мучается животомъ, подводитъ ее, и многихъ такъ онъ до смерти доводилъ. Молодыхъ тоже портилъ, увидить,—ѣдутъ, черезъ дорогу перебѣжить ихъ, а самому не поспѣть, падкой бросить, ну, у молодого вся сила вдругъ спадеть, нѣтъ у него «силы» къ молодой... ничего подѣлать не можетъ... Другому такъ и годъ тянется. По плечу кого ударить, съ правой стороны—бросаться станетъ взбѣсится, съ лѣвой—выкликать начнетъ на разные голоса и сухота прикинется. Кого встрѣтитъ, да слиходѣйничать захочетъ—на одинъ глазъ скривится, ну и порча. На что попъ и тотъ его боялся, бывало все ему съ почетомъ стаканъ вина и на переднее мѣсто у себя сажалъ, только чтобъ фамилію его не трогалъ; скотинѣ тоже отъ него плохо было, которой «заворотъ дѣлалъ», черезъ которую перешагнетъ, баранъ, овца, а не то и свинья, ну и зачахнетъ, корову подъ божь защекочетъ, молоко бросить давать, хозяйку свою не узнавать, бодать».

И такихъ лиходѣевъ много на землѣ Русской, губятъ они безпрепятственно, жизнь малограмотной и неразвитой среды, отравляютъ жизнь сельчанъ постоянными опасеніями за себя и за свою семью, нѣтъ имъ никакой помощи отъ такого зла, ну и побуждаются они по неволѣ къ самосуду.

Воснемся еще довольно обычныхъ, въ практикѣ нашихъ судовъ дѣлъ, объ истязаніяхъ мужьями своихъ женъ, о нанесеніи въ дракахъ различныхъ увѣщій, тяжкихъ побоевъ и истязаній.

Болѣе или менѣе правильные исходы, такія дѣла получаютъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда разрѣшеніе ихъ выпадаетъ на долю присяжныхъ образованной и развитой среды. Въ такихъ случаяхъ, обвиняемые въ большинствѣ получаютъ должныя возмездія за свои преступленія, но затѣмъ прямо противоположные результаты получаютъ по такимъ дѣламъ, при разрѣшеніи ихъ при-

сиянными изъ той среды, въ которой дѣла такого рода обыкновенно возникаютъ. Кому неизвѣстно, что, по понятіямъ простолюдиновъ, истязаніе мужемъ своей жены считается не только что не преступленіемъ, а чуть ли не законнымъ правомъ послѣдняго,—«поучить ее маленько, сколько потребуется».

Такъ напримѣръ, отставной рядовой Александровъ обвинялся въ истязаніи своей жены, которая отъ насилій его умерла, какъ то удостовѣрилъ на судѣ врачъ экспертъ. Подсудимый сознался въ нанесеніи побоевъ своей женѣ. Личность умершей обрисовалась женщиной хорошей, безобидной, и не менѣе того присяжные исключительно простолюдины оправдали подсудимаго на томъ основаніи, что мужъ вправѣ поучить свою жену, а что если она не вынесла побоевъ да умерла, такъ на это «воля Божія».

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ, относительно взглядовъ присяжныхъ, на самыя серьезныя преступленія, преступленія противъ жизни людей т. е. убійства.

Относительно убійствъ, умысленныхъ, и совершенныхъ изъ какихъ либо безнравственныхъ побужденій, какъ напримѣръ, съ цѣлію грабежа, съ цѣлію сокрытія какого нибудь другаго преступленія, безусловно сходятся взгляды присяжныхъ застѣдателей всѣхъ категорій, и при доказанности такихъ преступленій, виновные въ совершеніи ихъ, никогда почти что не выходятъ изъ суда оправданными.

Но за послѣднее время въ особенности, въ судебной нашей практикѣ нельзя было не замѣтить особаго явленія въ области уголовныхъ дѣлъ объ убійствахъ, совершаемыхъ подъ вліяніемъ разныхъ страстныхъ увлеченій и вообще мотивовъ, такъ сказать, душевнаго или нравственнаго свойства. Въ такихъ дѣлахъ, словно по установившемуся уже шаблону, возникаетъ непремѣнно вопросъ о психическомъ состояніи подсудимаго, экспертиза выводитъ на судъ разныя степени умиступленій, помраченій ума, экстазовъ чувствъ и тому подобныхъ невмѣняемыхъ состояній, которыя въ мнѣніяхъ присяжныхъ застѣдателей, стали получать почему то особенный вѣсъ и, не смотря на всю серьезность обвиненій, не смотря на весь вредъ, который проистекаетъ для общества отъ оправданія многочисленныхъ «безкорыстныхъ» убійць, оправдательныя приговоры присяжныхъ въ дѣлахъ подобнаго рода, представляютъ въ наше время, столь обычное уже, но ненормальное явленіе, которое не можетъ не беспокоить всѣхъ людей, смотрящихъ на дѣло съ здравой точки зрѣнія. Одна изъ современныхъ газетъ, совершенно основательно замѣчаетъ по поводу многихъ неосновательныхъ оправдательныхъ приговоровъ по дѣламъ объ убійствахъ, что если вообще земное правосудіе не составляетъ чего то отвлеченнаго отъ того общества, въ которомъ оно совершается, то именно гласный судъ долженъ имѣть, въ особенности у насъ, при новизнѣ дѣла, значеніе воспитывающее, обуславливающее собою дальнѣйшій характеръ преступныхъ проявленій, и тѣмъ самымъ приносить пользу всей странѣ. Вотъ почему важно, чтобы приговоры присяжныхъ не противорѣчили простому чувству справедливости, не будили въ публикѣ дурныхъ инстинктовъ и страстей. Если особенныя личныя свойства преступника дѣлають желатель-

нымъ облегченіе его судьбы, то къ этому имѣть всю возможность, судебная власть, посредствомъ представленія участи виновнаго на Высочайшее воззрѣніе и т. д. Самое желаніе обвинительнаго приговора при несомнѣнности преступленія, не вызваннаго самообороною, вовсе не означаетъ какой то кровожадности, а вызывается только потребностью, найти удовлетвореніе требованію правды. Между тѣмъ не угодно ли прослѣдить цѣлую серію такого рода дѣлъ въ нашихъ окружныхъ судахъ.

Недоучившійся юноша влюбился въ молоденькую танцовщицу, она не отвѣчаетъ его чувству, и вслѣдствіе этого, неудачникъ поражаетъ ее кинжаломъ. и въ результатъ—приговоръ оправдательный.

Подобный же ничѣмъ не занимающійся экземпляръ, влюбился въ швейку и узнавъ, что та изъ матеріальнаго разчета, поступаетъ на содержаніе къ какому то богачу, вторгается къ ней въ комнату и убиваетъ ее изъ револьвера, для того видите, чтобы сохранить ея дѣвственность и непорочность чистоты, и въ результатъ такое же оправданіе. Любовница мужа при живой женѣ, убиваетъ послѣднюю, ради своихъ личныхъ удобствъ и ее присяжные оправдываютъ потому, что она «влюблена до безумія» и «эта страсть къ любовнику поработила въ ней всякое другое чувство и самый здравый смыслъ».

Однимъ словомъ, безконтрольная и безапелляціонная стрѣльба—по любовнымъ дѣламъ, благодаря чрезмѣрной снисходительности присяжныхъ и излишней казуистикѣ экспертизы, за послѣднее время стала раздаваться у насъ довольно часто, и мы не шутя рекомендовали бы нашимъ интеллигентнымъ присяжнымъ, нѣсколько строже относиться къ обвиненіямъ по дѣламъ подобнаго рода, такъ какъ, если въ существѣ такихъ оправдательныхъ приговоровъ ихъ, и лежитъ несомнѣнно болѣе или менѣе основательное побужденіе совѣсти, то во всякомъ случаѣ, такія побужденія не должны страдать крайнею односторонностію во взглядахъ. А эта односторонность къ всепрощеніямъ всякаго рода убійствъ изъ за любви, ревности, измѣны и другой «растрепанности» чувствъ, начинается уже, по выраженію одного современнаго сатирика, не на шутку мозолить глаза всякому порядочному человѣку, придерживающемуся во взглядахъ своихъ на жизнь и присущія ей явленія прежде всего чувства справедливости и законности.

XXXIX.

Сторонніе элементы, вліяющіе на приговоры присяжныхъ.

Основной и существеннѣйшій элементъ въ отправленіи суда присяжныхъ, въ смыслѣ суда справедливаго и безпристрастнаго, заключается въ томъ, чтобы матеріаломъ для постаповленія присяжными того или другаго приговора, исключительно служило бы только судебное слѣдствіе и все то, что они на немъ увидятъ и услышатъ. Судебное слѣдствіе группируетъ въ себѣ все тѣ свѣдѣнія, которыя необходимы для правильнаго разрѣшенія дѣла и которыя надлежащимъ образомъ провѣряются на судѣ, путемъ перекрестнаго допроса свидѣтелей, взаимнаго соревнованія и выводовъ сторонъ, объясненіями подсудимыхъ, заключеніями экспертовъ и разъясненіями предсѣдательствующихъ. На судебномъ слѣдствіи

всѣ обнаруживающіяся изъ обстоятельствъ дѣла данныя, такъ сказать, дистиллируются отъ всякаго рода наплывныхъ элементовъ, пріобрѣтаютъ полную степень достовѣрности, и вслѣдствіе этого могутъ служить исключительной канвой для выводовъ и заключеній присяжныхъ по разсматриваемому ими дѣлу. Затѣмъ все то, что подобнымъ очистительнымъ путемъ не могло быть проверено на судебномъ слѣдствіи, пріобрѣтаетъ уже характеръ односторонняго взгляда на дѣло, предвзятого пристрастія въ ту или другую сторону, а потому и должно быть устраняемо изъ сферы судебного разсмотрѣнія дѣла. Съ этою цѣлю законъ указываетъ на цѣлый рядъ мѣръ, къ огражденію присяжныхъ засѣдателей отъ какаго-либо внѣшняго на нихъ вліянія.

А вліяніе это на присяжныхъ засѣдателей, какъ лицъ, взятыхъ изъ среды общества, и слѣдовательно, живущихъ общественными интересами, можетъ выражаться въ крайне разнообразныхъ формахъ и видахъ, иногда явныхъ и очевидныхъ, иногда неувидимыхъ для самаго тонкаго наблюдателя.

Въ большинствѣ случаевъ, возможность и вѣроятность вліянія на присяжныхъ постороннихъ вѣяній внѣ суда, возникаетъ тогда, когда въ обществѣ порождаются разнаго рода толки по поводу какаго-нибудь уголовного дѣла, взволновавшего собою общественную совѣсть, обратившаго на себя особенное вниманіе или грандіозностью преступленія, или принадлежностью подсудимыхъ къ интеллигентному классу людей. Всякій подобный процессъ, какъ въ столицахъ, гдѣ умственная жизнь общества развита гораздо шире, такъ въ особенности и въ провинціальныхъ центрахъ, гдѣ эта, жизнь выражается въ болѣе ограниченной формѣ, пробавляясь болѣе мѣстными интересами, порождаетъ обыкновенно разнаго рода толки, слухи, пересуды и предположенія, которые съ разными варіаціями, добавленіями и измѣненіями переходятъ въ печать.

Органы печати опять таки по каждому такому дѣлу высказываютъ свои личные, редакціонные взгляды, между ними возникаютъ нерѣдко печатные споры и дебаты; въ самомъ обществѣ подобныя толки и слухи, по мѣрѣ приближенія времени слушанія дѣла, принимаютъ нерѣдко самый запутанный, сбивчивый характеръ и прежде нежели дѣло своимъ естественнымъ путемъ, дойдетъ до правильнаго его разрѣшенія въ судѣ, общественное мнѣніе (хорошо еще если оно бываетъ одно, а иногда ихъ бываетъ и нѣсколько) успѣваетъ уже намѣтить заранѣе своихъ правыхъ и виноватыхъ.

При такихъ обстоятельствахъ, изъ среды того же общества избираются и назначаются къ разсмотрѣнію дѣла присяжные засѣдатели, и дѣйствительно нужно быть людьми твердой воли и совершенно спокойнаго обладанія своими страстями для того, чтобы не поддавшись разнаго рода навѣтамъ на дѣло, а нерѣдко и шашптываніямъ, что, между прочимъ, въ провинціи практикуется съ большимъ успѣхомъ, въ минуту призванія своего на судъ и удаленія въ совѣщательную комнату, произнести свой приговоръ съ тою безпристрастною справедливостью, которая въ дѣйствительности воспроизвела бы собою убѣжденіе, почерпнутое исключительно изъ того, что происходило на судѣ. Достаточно припомнить всѣ наиболѣе выдающіеся у насъ процессы прежнихъ и болѣе при-

лиженныхъ временъ для того, чтобы согласиться, какая куча литературнаго матеріала въ газетахъ и журналахъ предшествовала всегда появленію на судѣ каждаго изъ нихъ, въ видѣ тѣхъ или другихъ доводовъ, мнѣній, догадокъ, рассужденій, а иногда даже, и предрѣшеній.

Дѣйствительно, нельзя не признать за несомнѣнное, что общественное мнѣніе по дѣламъ, затрогивающимъ интересы общества, неминуемо отражается и въ приговорахъ присяжныхъ. Конечно, это не общія правила. Приговоры присяжныхъ не всегда согласуются съ мнѣніями и ожиданіями общества, но не будетъ большой ошибкой утверждать, что случается это, относительно большинства случаевъ.

Но вотъ вопросъ другой. Слѣдуетъ ли безусловно ограждать присяжныхъ отъ вліянія на нихъ общественнаго мнѣнія.

На этотъ вопросъ, намъ кажется, въ иныхъ случаяхъ можно отвѣчать и отрицательно.

Присяжные засѣдатели, какъ представители того же общества, несомнѣнно не могутъ быть чужды его интересамъ, а потому, если признать, согласно съ мыслию законодателя, что убѣжденія присяжныхъ и выразившіяся въ этомъ убѣжденіи приговоръ ихъ, долженъ выражать собою мнѣніе лучшихъ людей общества, а это мнѣніе въ дѣлѣ отправленія правосудія, явится въ свою очередь согласнымъ съ отголосками того же общества, въ видѣ общественнаго мнѣнія его, то таковой зависимости приговора присяжныхъ отъ взгляда общества, конечно, нечего и избѣгать.

Самое установленіе присяжныхъ и допущеніе общественныхъ гражданъ до суда надъ своими порочными членами указываетъ на то, что въ приговорѣ избранныхъ гражданъ долженъ выразиться и приговоръ общества. Такого рода мнѣніе является своего рода общественнымъ контролемъ, и не можетъ возбуждать какихъ либо опасеній за справедливость приговоровъ присяжныхъ.

Однакоже, по этому поводу слѣдуетъ оговориться, что въ нашей провинціальной жизни, соразмѣрять правильность приговоровъ присяжныхъ съ мнѣніемъ общества, представляется иногда крайне рискованнымъ, такъ какъ, въ провинціи, подъ виѣшнею оболочкою или, лучше сказать, подъ фирмою общественнаго мнѣнія, понимается нерѣдко крайне безнравственная стачка какой нибудь кучки людей, желающихъ подчинить своему произволу все общество, которое они держатъ въ рукахъ и заставляютъ жить, думать и дышать по своему.

Такіе кружки замкнувшихся въ своихъ интересахъ людей, существуютъ у насъ во многихъ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ. Нерѣдко въ этихъ кружкахъ, заключается элементъ наиболее образованный, который не менѣе того, живя своими личными интересами, стремится подчинить своему вліянію большинство общества, не пренебрегая для этого, никакими средствами, и желая показать себя такой мѣстной силой, которая способна и судейскую совѣсть присяжныхъ заставить изгибаться по своему желанію.

Въ другихъ случаяхъ, богатство, связи, родство и кумовство всевозможныхъ отѣнковъ, связываютъ членовъ какого нибудь другаго кружка и заставляютъ ихъ по своей тѣсной солидарности стоять другъ за друга.

Такіе кружки не безъ основанія считаютъ себя мѣстнымъ общественнымъ представительствомъ, и въ сознаніи своего первенствующаго значенія, полагають и право свое, быть рѣшителями мѣстныхъ человѣческихъ судебъ по своему произволу и усмотрѣнію. а потому противъ такого своеобразнаго общественнаго мнѣнія слѣдуетъ не только возставать, но напротивъ, всѣми силами парализовать его вліяніе, которое оно можетъ оказывать на судъ присяжныхъ.

И вотъ на выборъ или на удачу, можно представить себя въ любомъ изъ мѣстныхъ провинціальныхъ центровъ, картинку такого рода.

Интеллигентный человѣкъ, положимъ, предсѣдатель, или членъ земской управы, онъ же и носитель нѣсколькихъ иныхъ вліятельныхъ въ уѣздѣ должностей, говоря деликатно «позаимствовалъ», выражаясь юридически, «тайно похитилъ», а по просту говоря, «укралъ изъ земской кассы» около десятка тысячъ рублей, которые, собственно говоря, прокутилъ, проигралъ въ карты и растратилъ на подарки «милымъ сердцу», а выражаясь болѣе жалкимъ языкомъ, «вынужденъ былъ временно и съ надеждою на возмѣщеніе, позаимствовать эту сумму на поправленіе своихъ дѣлъ, по хозяйству, пришедшему въ крайній упадокъ и разореніе, отъ исключительнаго посвященія себя разнообразному служенію обществу на многочисленныхъ должностяхъ».

Въ другомъ случаѣ, какой нибудь самодуръ купецъ, ворочающій сотнями тысячъ, покая свое величіе на капиталѣ и не зная предѣла своему обывательскому обиходу, растворожилъ до степени неузнаваемости, фізіономію бѣдной мѣщанки, перебѣжавшей ему дорогу и испугавшей якобы его пристяжнаго коня.

Въ обоихъ случаяхъ, оба дѣятеля за «противозаконныя дѣянія свои» подпали подъ предварительныя слѣдствія, и не смотря на всѣ хлопоты ихъ, о прекращеніи и невмѣняемости, дѣла о нихъ, подлежатъ разсмотрѣнію окружныхъ судовъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Оба эти лица составляютъ «у себя» силу, около каждаго изъ нихъ группируется цѣлая кляка «своихъ людей», которая изо всѣхъ силъ старается трубить о невинности собратіи. Интересы обворованнаго земства, самымъ нагляднымъ образомъ попираются въ угоду интересовъ одного лица, изувѣченная фізіономія несчастной мѣщанки, является темой для самыхъ безсовѣстныхъ публичныхъ порицаній ея же самой, въ родѣ того, что она такаа, да сякая осмѣлилась и т. д.

Въ порывахъ усердія за участь своихъ людей, такіе кружки нерѣдко дѣлають попытку наложить свою руку и на самихъ присяжныхъ. И вотъ, по истинѣ, прискорбныя явленія приходится наблюдать въ тѣхъ случаяхъ, когда возмущенное, подобными поступками, общественное мнѣніе большинства гражданъ не въ страхъ бываетъ побороть и уничтожить пробски наиболѣе вліятельнаго меньшинства людей, преслѣдующихъ всегда, вездѣ и во всемъ свои личныя лишь цѣли и выгоды.

Въ такихъ случаяхъ, подчиненіе присяжныхъ засѣдателей, преобладающему вліянію меньшинства общества, является, дѣйствительно, темнымъ пятномъ на

свѣтломъ фонѣ суда присяжныхъ, и невольно заставляетъ задумываться о тѣхъ прискорбныхъ результатахъ, которые изъ такихъ взаимныхъ соотношеній, могутъ проистекать для правосудія.

XL.

Молодость и несовершеннолѣтіе въ глазахъ присяжныхъ.

Если прослѣдить статистическія таблицы о подсудимыхъ въ нашихъ окружныхъ судахъ по ихъ возрастамъ, то на долю малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, выпадетъ относительно общаго числа подсудимыхъ, весьма значительный процентъ. Хотя по Уложенію о Наказаніяхъ, несовершеннолѣтній возрастъ, влекущій за собою при содѣяніи преступленій, значительное уменьшеніе въ степеняхъ и родахъ наказаній, и считается до 21 года отъ роду, но присяжные засѣдатели на вопросъ о разграниченіи несовершеннолѣтія, въ смыслѣ неполнаго развитія человѣка, смотрятъ нѣсколько иначе и придерживаются въ этомъ случаѣ не юридическихъ тонкостей и положеній, а болѣе практическихъ взглядовъ относительно того, можно ли, въ самомъ дѣлѣ, какого нибудь вполне развитаго деревенскаго парня, въ двадцать слишкомъ лѣтъ, вышедшаго ночью на большую дорогу съ доброю дубинкою въ рукахъ, считать въ смыслѣ несовершеннолѣтняго, который не доразвился еще до степени пониманія того, что предпринимаемое имъ противозаконное дѣяніе, разбой на большой дорогѣ, составляетъ тяжкое преступленіе.

И въ самомъ дѣлѣ, лѣтописи нашихъ уголовныхъ дѣлъ полны указаній на то, что вполне развитые молодые люди, начиная съ семнадцати лѣтняго возраста и вплоть до 21 года, составляютъ въ рядахъ преступниковъ, далеко не рѣдкія исключенія, а по смѣлости замысла, отвагѣ, чистотѣ въ отдѣлкѣ и исполненіи, такіе несовершеннолѣтніе преступники нерѣдко оставляютъ далеко за собою болѣе взрослыхъ подсудимыхъ.

Цѣлыя фаланги воровъ, карманниковъ, формируются обыкновенно такими несовершеннолѣтними пролетаріями, и въ эксплуатаціи чужихъ кармановъ на всевозможные способы, они доходятъ, дѣйствительно, до артистическихъ приемовъ, устраняющихъ всякую мысль о недоразвитіи субъекта и непониманіи имъ того, что профессія ихъ являетъ собою зло общественное, преслѣдуемое и наказуемое закономъ.

Вотъ почему, по взглядамъ большинства присяжныхъ, несовершеннолѣтній возрастъ отъ 17 до 21 года, пріемлется ими почти всегда за полное развитіе человѣка, а потому, если по отношенію къ такимъ подсудимымъ, въ приговорахъ своихъ, оправдывающихъ или даже обвиняющихъ ихъ, они и бывають снисходительны, то не вслѣдствіе несовершенныхъ лѣтъ обвиняемыхъ, а по тѣмъ болѣе общимъ причинамъ, по которымъ присяжные въ каждомъ давномъ случаѣ отнеслись бы такъ же снисходительно на мѣстѣ ихъ и ко всякимъ другимъ совершеннолѣтнимъ обвиняемымъ.

Но не будучи психологами по наукѣ, присяжные засѣдатели, однако же, по чувствамъ человѣческаго инстинкта, на основаніи своихъ личныхъ, непосред-

ственныхъ впечатлѣній, отлично умѣютъ распознавать степени развитія несовершеннолѣтнихъ подсудимыхъ, по различнымъ градаціямъ ихъ возрастовъ, а потому нерѣдко случается, что иному подсудимому, по возрасту своему приближающемуся къ совершеннолѣтнему, они оказываютъ извѣстное снисхожденіе, именно вслѣдствіе убѣжденія, что человѣкъ этотъ, дѣйствительно, еще молодъ по своему неразвитію. Къ болѣе молодымъ возрастамъ, непосредственно соприкасающимся съ дѣтскимъ или же граничающимъ съ отроческимъ до 17 лѣтъ, присяжные засѣдатели относятся съ болѣе мягкимъ взглядомъ, очевидно сознавая, что этотъ возрастъ въ значительномъ большинствѣ уголовныхъ правонарушеній представляется невмѣняемымъ.

Иногда присяжные засѣдатели отношеніями своими къ несовершеннолѣтнимъ подсудимымъ, повидимому, ставятся какъ бы въ нѣсколько стѣснительное положеніе. Такъ напримѣръ, судебное слѣдствіе, установивъ фактъ преступленія, въ тоже время виѣ всякихъ сомнѣній, доказываетъ безусловную виновность въ томъ извѣстнаго несовершеннолѣтняго подсудимаго. По фактамъ дѣла представляется несомнѣннымъ, что подсудимый, дѣйствительно, долженъ быть признанъ виновнымъ въ томъ смыслѣ, что именно онъ, совершилъ это преступленіе, но какой-то внутренней голосъ говоритъ присяжнымъ, что это преступленіе не есть продуктъ вполне осмысленнаго и сознательнаго дѣянія человѣка. Въ такихъ случаяхъ они вынуждаются отвергать безусловную виновность подсудимаго, изъ опасенія подвергнуть его незаслуженной отвѣтственности, и тѣмъ самымъ ставятся какъ бы въ неловкое положеніе, не признавать дѣйствительность совершенія и самую доказанность преступленія. Но эта неловкость присяжныхъ есть только предполагаемая, такъ какъ судебные уставы вопросами о полномъ и неполномъ разумѣніи подсудимыхъ, устранили для присяжныхъ засѣдателей необходимость, отрицая виновность подсудимыхъ, отвергать въ тоже время и фактъ преступленій. И дѣйствительно, присяжные засѣдатели особенно часто въ вопросѣ о виновности несовершеннолѣтняго, не отрицая таковой, а слѣдовательно, и признавая самый фактъ, прибавляютъ къ своему отвѣту, что подсудимый дѣйствовалъ безъ разумѣнія, или же въ болѣе частыхъ случаяхъ, признаютъ подсудимаго дѣйствовавшимъ безъ полнаго разумѣнія.

Вопросъ о полномъ и не полномъ разумѣніи, имѣетъ весьма тѣсную и непосредственную связь, съ вопросами о молодости и несовершеннолѣтіи подсудимыхъ. Присяжные засѣдатели вполне разумно усвоили себѣ внутреннее значеніе того, что слѣдуетъ понимать подъ разумѣніемъ, и разрѣшаютъ на судѣ вопросъ о томъ, почти что всегда удовлетворительно.

Въ одномъ уѣздномъ городѣ крестьянская дѣвочка 11 лѣтъ подошла избу своего хозяина, отчего сгорѣла половина деревни. Дѣвочка эта не заперлась въ своемъ преступленіи, рассказала, какъ она заранѣе приготовила спички, чтобы спалить хозяина, какъ ночью потихоньку осуществила она свой замыселъ, и объяснила, что на поджогъ она рѣшилась потому, что «хозяйка ея въ праздникъ дала ей мало пирога, а ватрушки и совсѣмъ не дала». Когда эту дѣвочку председательствующій спросилъ, «а развѣ ей не жалко теперь, что отъ нея столько

народа раззорилось», то она заплакала и отвѣтила словами: «а кабы я тое вѣдала».

Въ этихъ словахъ ребенка, представилась до нельзя ясною, такъ сказать, незаконченность мысли ея о поджогѣ, а это обстоятельство къ связи съ тѣмъ, что мечь малолѣтней, не соответствовала степени той обиды, которую нанесла ей ея хозяйка,—одѣливъ ее пирогомъ и ватрушкой, внушило присяжнымъ совершенно основательное убѣжденіе, что поступокъ ея былъ вполнѣ нелогиченъ и непослѣдователенъ, а потому, признавъ самый фактъ поджога, и виновность въ томъ малолѣтней, присяжные добавили, однако же, къ своему отвѣту, что она дѣйствовала безъ всякаго разумія.

Въ судебной практикѣ былъ однажды случай, что присяжные засѣдатели относительно совершенно взрослога подсудимаго, имѣвшаго 26 лѣтъ отъ роду, обвинявшагося въ кражѣ дали отвѣтъ, что онъ дѣйствовалъ безъ полного разумія, въ другой же разъ подсудимому, несовершеннолѣтнему мальчику 14-лѣтъ совершившему убійство своего товарища, пастуха, присяжные вынесли отвѣтъ, что онъ дѣйствовалъ не только съ полнымъ разуміемъ, но и сознательно и съ умысломъ.

Эти нетребуемая закономъ добавки присяжныхъ, къ утвердительному отвѣту на вопросъ о виновности несовершеннолѣтняго, указывали на то, что присяжные въ малолѣтнемъ подсудимомъ, признали не только что полную виновность преступления, но даже и извѣстную степень проявленія злой воли, безнравственности и испорченности взрослога уже человѣка.

XII.

Недоразумія между присяжными.

Единство убѣжденія всѣхъ двѣнадцати присяжныхъ засѣдателей, по вопросу о винѣ или невинности подсудимаго, составляетъ самый благонадежный элементъ, ручательства въ безусловной правдѣ и справедливости по каждому постановляемому ими приговору. Самъ законъ указываетъ на то, что въ рѣшеніяхъ присяжныхъ желательно видѣть всегда единогласное ихъ мнѣніе или выводъ по дѣлу. Отсюда ясно, что для достиженія этого единства въ своихъ выводахъ и взглядахъ на дѣло, присяжные засѣдатели не только могутъ, но и должны вліять одинъ на другаго, съ цѣлю склоненія своихъ голосовъ къ одному результату. Вслѣдствіе этого, между присяжными возникаютъ нерѣдко различные споры, пререканія, несогласія доходящія иногда до болѣе или менѣе крупныхъ недоразумій, завершающихся подъ часъ даже за предѣлами ихъ совѣщательной комнаты.

Мы имѣемъ въ виду указать на нѣкоторые случаи изъ такихъ недоразумій между присяжными.

Прежде всего сообщимъ объ одномъ весьма курьезномъ выдающемся фактѣ, произшедшемъ въ г. Бѣломъ на сессіи Смоленскаго Окружнаго Суда.

Передъ судомъ присяжныхъ, обвинялся одинъ крестьянинъ въ кражѣ со взломомъ. Улики противу него были вообще очень шатки; товарищъ прокурора не настаивалъ на обвиненіи подсудимаго,—и присяжные, по выслушаніи резюме

предсѣдателя въ томъ же смыслѣ, удалились въ совѣщательную комнату. По возвращеніи оттуда, старшина присяжныхъ прочелъ обвинительный вердиктъ, согласно которому товарищъ прокурора далъ заключеніе объ опредѣленіи мѣры наказанія. Но лишь только судъ вышелъ изъ залы засѣданія для постановленія резолюціи, какъ между присяжными засѣдателями поднялся шумный говоръ по поводу неправильности прочитаннаго старшиною приговора. Судъ еще ранѣе утвержденія резолюціи, вернулся для выслушанія недоразумѣнія, возникшаго между присяжными засѣдателями; послѣдніе заявили суду, что большинство ихъ, 7 человекъ, были за оправданіе подсудимаго; но старшина отказался признать ошибку или опisku въ прочитанномъ имъ приговорѣ. Судомъ составленъ былъ протоколъ по этому поводу и возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ старшины. Подсудимый признанъ свободнымъ отъ суда. Самое же дѣло, въ виду такого не предусмотрѣннаго закономъ обстоятельства, представлено на усмотрѣніе Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената.

Ясно, что въ этомъ случаѣ, старшина присяжныхъ былъ неправъ увлекшись свыше мѣры желаніемъ, не столько убѣдить присяжныхъ въ правотѣ того мнѣнія, въ пользу котораго высказался и онъ, сколько дать прямой перевѣсъ тому приговору, которому онъ сочувствовалъ, но которому не сочувствовало несогласное съ нимъ большинство.

Сходный же случай имѣлъ мѣсто въ Самарскомъ Окружномъ Судѣ, гдѣ, благодаря недоразумѣнію, возникшему между присяжными засѣдателями, была раскрыта тайна совѣщаній присяжныхъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Старшина присяжныхъ, прочитавъ вопросы суда, объявилъ такой отвѣтъ присяжныхъ: «Да, виновенъ, но по обстоятельствамъ дѣла заслуживаетъ снисхожденія». Въ это время одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей обратился къ г. предсѣдательствующему съ заявленіемъ, что старшина присяжныхъ злоупотребилъ своею властью: вмѣсто слѣдовавшаго оправдательнаго отвѣта, написалъ отвѣтъ обвинительный; этотъ присяжный пояснилъ, что мнѣнія присяжныхъ раздѣлились поровну: шесть за обвиненіе и шесть за оправданіе. На вопросъ предсѣдательствующаго, старшина присяжныхъ объяснилъ, что дѣйствительно шесть голосовъ были за оправданіе и пять за обвиненіе, и что къ этимъ пяти онъ, старшина, присоединилъ свой голосъ, и такъ какъ его шестой голосъ долженъ имѣть преимущество, то онъ и написалъ отвѣтъ обвинительный. Въ виду такой неправильности, предсѣдательствующій предложилъ присяжнымъ удалиться изъ залы суда для новаго совѣщанія. Когда присяжные возвратились, то старшина, не читая уже вопроса, поставленнаго судомъ, заявилъ, что въ настоящее время за обвиненіе подано семь голосовъ, а за оправданіе пять. Такимъ образомъ оказалось, что въ нѣсколько минутъ одинъ изъ присяжныхъ измѣнилъ свое мнѣніе о виновности обвиняемаго, и послѣдній, вмѣсто того, чтобы получить свободу, приговоренъ на годъ въ арестантскія роты.

Случай этотъ не свидѣтельствуетъ объ особенной устойчивости въ мнѣніяхъ присяжныхъ.

А въ одномъ изъ окружныхъ судовъ, вскорѣ послѣ введенія въ дѣйствіе суда:

присяжныхъ, между старшиною и однимъ присяжнымъ крестьяниномъ. произошло столкновение по слѣдующему обстоятельству: этотъ послѣдній при подачѣ голо-совъ открыто подалъ свое мнѣніе за оправданіе подсудимаго, а когда старшина присяжныхъ сталъ окончательно считать голоса присяжныхъ за и противъ обви-ненія, то этотъ присяжный потребовалъ, чтобы его голосъ сочли за обвиненіе. Понятно старшина присяжныхъ на это не согласился, тогда присяжный, какъ видно личность крайне неразвита, заявилъ, что онъ потому проситъ сосчитать его голосъ за обвиненіе, что какъ бы потомъ «чего не случилось, его то (подсудимаго) мы выправимъ, онъ значить будетъ чистъ и выйдетъ свободнымъ, а насъ прокуроръ жогитъ за тое самихъ посадить, что мы его не послушали потому онъ Царевъ законъ долженъ соблюдать».

Когда старшина оставилъ безъ вниманія столь несостоятельное заявленіе присяжнаго и счелъ его голосъ за оправданіе, то по провозглашеніи подсудимому оправдательнаго вердикта, упомянутый присяжный засѣдатель заявилъ суду, что его голосъ показанъ неправильно, и что онъ стоялъ за обвиненіе.

Послѣдующій распросъ предсѣдательствующаго и выяснилъ всѣ изложенныя выше обстоятельства, происшедшаго между старшиною и присяжнымъ недо-разумѣнія.

Намъ сообщаютъ нѣсколько случаевъ иныхъ недоразумѣній между присяж-ными, возникшихъ по поводу ихъ личныхъ несогласій и взаимныхъ между собою отношеній.

Такъ однажды крупная недомолвка произошла между присяжными одного со-става по поводу того, что нѣкоторые изъ нихъ во время перерыва засѣданія курили табакъ Жукова, котораго другіе не могли выносить; затѣмъ въ другомъ случаѣ весь составъ присяжныхъ возсталъ противу своего старшины, отставнаго поручика, за то, что послѣдній на совѣщаніяхъ присяжныхъ, занявъ предсѣда-тельское мѣсто, требовалъ, чтобы всѣ остальные присяжные, обращаясь къ нему, вставали съ своихъ мѣсть.

Кромѣ того въ практикѣ окружныхъ судовъ было нѣсколько случаевъ, что старшины присяжныхъ чрезмѣрною требовательностію своею, стѣсняли рассужде-нія присяжныхъ, не давали имъ возможности вполне высказываться и въ своихъ исключительныхъ дѣляхъ и односторонности направленія совѣщаній, устраняли изъ обсуждения, несогласныя съ ними мнѣнія присяжныхъ.

Наконецъ, не въ видѣ курьеза, а какъ дѣйствительный фактъ, укажемъ на то, что въ одномъ провинціальномъ окружномъ судѣ, во время обѣденнаго пе-рерыва, серьезный споръ между двумя присяжными засѣдателями, произошелъ изъ за порціи заливной осетрины, которую одинъ изъ нихъ не хотѣлъ уступить другому.

Дѣло въ томъ, что къ обѣду оба эти присяжные засѣдатели потребовали себѣ по порціи этого блюда. Въ буфетѣ на лицо оказалась только одна порція осетрины, и изъ за этого между обоими претендентами на нее завязался споръ, окон-чившійся третейскимъ судомъ всѣхъ остальныхъ присяжныхъ, которые опредѣлили: въ виду неуступчивости обоихъ соперниковъ, и для установленія мира и спо-

койствія въ своей средѣ, соблазнительницу осетрину возвратить обратно въ бунетъ, а взаи́мнѣ ея потребовать оттуда двѣ порціи заливнаго поросенка, одному по желанію съ галантиромъ, а другому подъ-хрѣномъ, и не зависимо сего съ обоихъ «обвиняемыхъ» взыскать въ пользу третейскаго суда, въ качествѣ судебныхъ издержекъ двѣ бутылки Кликко.

Это послѣднее недоразумѣніе, по крайней мѣрѣ не осталось безнаказаннымъ, и получило должное возмездіе.

XLII.

Дѣятельность присяжныхъ во время судебного слѣдствія.

Присяжные засѣдатели для выясненія себѣ всѣхъ обстоятельствъ дѣла имѣютъ по закону право, принимать непосредственное участіе въ допросѣ свидѣтелей, подсудимаго, въ осмотрѣ вещественныхъ доказательствъ, и въ разъясненіи себѣ всего того, что покажется имъ по слѣдствію неяснымъ или непонятнымъ. Единственное ограниченіе, которое въ этомъ отношеніи ставитъ имъ законъ это то, что вопросы допрашиваемымъ лицамъ предлагаютъ они не сами непосредственно, а чрезъ предсѣдательствующаго на судѣ, къ которому они должны обращаться и за разъясненіемъ того, что покажется имъ по дѣлу неяснымъ. Само собой, подобное право предоставлено присяжнымъ засѣдателямъ съ тою цѣлію, чтобы они всесторонне знакомились съ разсматриваемомъ дѣломъ, такъ какъ иначе нельзя будетъ требовать отъ нихъ постановленія вполнѣ справедливаго приговора. Между тѣмъ на дѣлѣ мы видимъ, что присяжные засѣдатели почти что никогда не пользуются этимъ правомъ своимъ, и въ рѣдкихъ только случаяхъ приходится наблюдать, чтобы присяжные засѣдатели принимали непосредственное участіе въ допросѣ свидѣтелей. Точно также никогда почти не приходится видѣть и слышать, чтобы присяжные засѣдатели предъявляли суду ходатайства свои о томъ или другомъ дополненіи судебного слѣдствія.

Отчего это происходитъ и какія тому причины.

Выше мы указывали уже на то, что коронныя судьи вообще не благосклонно смотрятъ на всякія попытки присяжныхъ засѣдателей, принимать непосредственное участіе въ судебномъ слѣдствіи, и вообще, вмѣсто того, чтобы пропагандировать въ средѣ ихъ это участіе въ возможно большихъ размѣрахъ, они всячески подавляютъ манерой обращенія своего, прорывающіяся къ тому отъ времени до времени попытки присяжныхъ.

Съ другой стороны и сами присяжные засѣдатели относятся иногда какъ-то безучастно къ исполненію своихъ обязанностей на судѣ, а иногда по апатіи къ дѣлу, частію же просто отъ нежеланія сталкиваться съ судьями и встрѣчать ихъ недовольныя фізіономіи, ограничиваются тѣмъ, что даетъ имъ судебное слѣдствіе, стараясь по возможности не возбуждать никакихъ вопросовъ и не затягивать дѣла никакими дополненіями и разъясненіями, лишь бы только не наводить на себя неудовольствія суда.

Странными казались бы такія положенія въ дѣлѣ правосудія, но не менѣе того они существуютъ и за малыми исключеніями почти что повсемѣстно.

Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ, стоящій довольно близко къ дѣятельности присяжныхъ засѣдателей, пишетъ намъ между прочимъ слѣдующее: «Откровенно говоря, наши присяжные, по крайней мѣрѣ присяжные нашей мѣстности, это не активные живые судьи, на совѣсти, которыхъ лежитъ отвѣтственность за участь вѣрренныхъ имъ подсудимыхъ. Нѣтъ, это какія-то автоматическія фигуры, дополняющія только собою обстановку суда и дѣйствующія по указаніямъ и мановеніямъ судей».

«Трудно себѣ представить всю апатію и безжизненность нашихъ присяжныхъ: точно имъ ни до кого и ни до чего дѣла нѣтъ, да врядъ ли кто изъ нихъ и задается даже трудомъ понять свою роль на судѣ, какъ слѣдуетъ, и многіе ли изъ нихъ сознаютъ всю ея святость. Отвѣтъ грустенъ. Не думайте, что я говорю это такъ—зря, нѣтъ, это результатъ моихъ многолѣтнихъ выводовъ и наблюденій. Посмотрите на нашихъ присяжныхъ во время судебного засѣданія, что это такое; живые люди или нѣтъ. Отъ начала слушанія дѣла до послѣдняго слова заключительной рѣчи предсѣдателя, вы не услышите изъ среды присяжныхъ ни одного голоса. Повидимому, для нихъ все понятно и все также ясно. Ни одному изъ свидѣтелей они не предлагаютъ никогда вопроса, отъ нихъ не услышите ни одного заявленія къ суду по существу дѣла, точно будто бы дѣло представляется имъ и въ самомъ дѣлѣ яснымъ; а между тѣмъ, сидя въ публикѣ и слѣдя внимательно за судебнымъ слѣдствіемъ, весьма часто наталкиваетесь на многія неясности, противорѣчія и недомолвки въ дѣлѣ, чувствуемъ потребность выяснить даже себѣ не будучи судьей, то или другое обстоятельство, и но неволь удивляетесь, почему это присяжнымъ дѣло представляется вполне такъ яснымъ, что не возбуждаетъ въ нихъ никакихъ вопросовъ».

Въ другомъ письмѣ читаемъ мы тоже нѣчто сходное: «случай, когда присяжные засѣдателями обращаются у насъ съ вопросами къ свидѣтелямъ и обвиняемымъ очень рѣдки, происходитъ же это отъ вполне безучастнаго отношенія присяжныхъ засѣдателей къ дѣлу, а вовсе не отъ того, что предварительное и судебное слѣдствія достаточно полно выяснили передъ ними дѣло. Безучастное же отношеніе присяжныхъ къ своимъ обязанностямъ, является послѣдствіемъ того, что они роль, свою не только что не понимаютъ, какъ слѣдуетъ, но даже считают самую необходимость явки своей на судъ, какой-то для себя обузой, обремененіемъ лишающимъ ихъ возможности заниматься своимъ дѣломъ. Обязанность гражданина для нихъ темна. Всякій изъ нихъ спѣшитъ только покончить поскорѣе съ этимъ, всякій ропщетъ, что попалъ, какъ они выражаются, присяжнымъ засѣдателемъ. Толпясь около объявленія о дѣлахъ, они ужасаются ихъ количеству, страстно желаютъ, чтобы дѣла не состоялись, хотя бы по нимъ вызывались десятки свидѣтелей, а обвиняемые были подъ стражей; для нихъ безразлично что человѣкъ, который можетъ быть будетъ оправданъ, будетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ сидѣть въ тюрьмѣ, проходя тамъ школу плутовства и съ каждымъ днемъ теряя тамъ послѣдніе остатки достоинства своего, какъ человѣка. Объ этомъ впрочемъ, они едва ли и думаютъ. Для нихъ подсудимый по большей части только обвиняемый. А какъ они хлопочутъ всегда, чтобы ихъ вычеркнулъ изъ списка. Грустно, а между тѣмъ все это правда и правда».

Письма эти, исходящія изъ среды стоящей близко къ присяжнымъ засѣдателямъ, характеризуютъ участіе присяжныхъ въ дѣлѣ суда далеко не съ выгодной стороны. Но мы поступили бы односторонне, если бы не сказали, что въ другихъ мѣстностяхъ, присяжные засѣдатели оказываютъ даже чрезмѣрное вмѣшательство въ дѣло, стараясь выяснять себѣ не только его сущность, но даже и стороннія не идущія къ нему обстоятельства.

Говоря объ участіи присяжныхъ засѣдателей въ производствѣ судебного слѣдствія, слѣдуетъ остановиться на вопросѣ о томъ, распространяется ли это право и на запасныхъ присяжныхъ засѣдателей до тѣхъ поръ, пока они не вошли въ составъ присутствія. Въ разныхъ судахъ вопросъ этотъ разрѣшается разнo, и намъ извѣстно, что нѣкоторые судьи не возбраняютъ запаснымъ присяжнымъ засѣдателямъ, точно также какъ и дѣйствующимъ присяжнымъ, принимать участіе въ дѣлѣ, высшею же судебною практикою, вопросъ этотъ разрѣшенъ отрицательно, но намъ казалось бы, что это представляется не совсѣмъ правильно. Дѣло въ томъ, что запасный присяжный засѣдатель, не слыша ни отъ кого во время судебного слѣдствія, разъясненія того вопроса или обстоятельства, которые ему покажутся непонятными или невыяснившимися, попавъ въ составъ присутствія присяжныхъ, будетъ поставленъ въ крайнее затрудненіе при подачѣ своего голоса, не имѣя возможности высказать свое полное и искреннее убѣжденіе относительно вины или невинности подсудимаго.

Закончимъ настоящую главу указаніемъ на то, что по отдѣльнымъ сословіямъ и званіямъ, присяжные засѣдатели изъ простолюдиновъ почти что никогда не проявляютъ во время судебного слѣдствія активно свою дѣятельность; нѣсколько большую энергію въ этомъ отношеніи показываютъ купцы и горожане, и затѣмъ, относительно чаще другихъ, принимаютъ болѣе живое участіе въ дѣлѣ распросомъ свидѣтелей и разнаго рода заявленіями суду по существу дѣла, дворяне, вообще лица привилегированныя и чиновники, изъ послѣднихъ же въ особенности профессора, учителя и другія лица педагогическаго сословія.

Относительно этихъ послѣднихъ, одинъ изъ членовъ суда высказалъ даже замѣчаніе, что учителя какъ «свѣточн науки» и въ дѣлѣ суда не прочь представлять изъ себя передъ другими присяжными тоже своего рода «свѣточей»...

XLIII.

Исключительные оправдательные мотивы.

Въ ряду другихъ причинъ, по которымъ присяжные засѣдатели выносятъ подсудимымъ оправдательные приговоры, нѣкоторыя могутъ быть названы по истинѣ исключительными. Эта исключительность ихъ обуславливается тѣмъ, что въ рѣшимости присяжныхъ оправдать подсудимаго, лежатъ причины, нисколько не касающіяся ни личной его оцѣнки, ни доказанности или же недоказанности его преступленія и, вообще, неимѣющія никакого прямого соотношенія къ дѣлу. Такіе приговоры присяжныхъ, какъ не совмѣщающіе въ себѣ требованій логической послѣдовательности и осмысленнаго взгляда на дѣло, несомнѣнно возмущаютъ собою общественное мнѣніе, и порождаютъ въ массѣ народа чувство

справедливаго негодованія. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя относиться равнодушно къ тѣмъ случаямъ, когда присяжные засѣдатели, по причинамъ, безусловно недидушимъ даже къ дѣлу, выпускаютъ изъ суда оправданными такихъ лицъ, которыя по всей справедливости напротивъ должны быть непременно наказаны.

Впрочемъ, эти исключительные оправдательные мотивы, являются въ своемъ родѣ исключеніемъ изъ общаго правила и встрѣчаются въ нашей судебной практикѣ, относительно говоря, не часто.

Въ одномъ изъ провинціальныхъ окружныхъ судовъ, былъ судимъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей 26-лѣтній дворянинъ, потомокъ одной изъ древнѣйшихъ мѣстныхъ дворянскихъ фамилій. Этотъ молодой человекъ, нигдѣ не окончившій курса, ни чѣмъ не занимавшійся и прокутившій остатки своего родоваго имѣнія, въ концѣ концовъ, по естественному порядку вещей, завершилъ свою дѣятельность цѣлымъ рядомъ преступленій, и преступленій, частью самыхъ безнравственныхъ. Кромѣ нѣсколькихъ подлоговъ, сдѣланныхъ имъ съ корыстною цѣлью, отъ имени богатыхъ коммерсантовъ, онъ въ одномъ изъ дальнихъ уѣздовъ губерніи, присватался къ молодой поповнѣ, и выманивъ такимъ образомъ изъ кровныхъ денегъ своего будущаго тестюшки около 700 рублей серебромъ денегъ, якобы на предварительные расходы, самымъ нахальнымъ образомъ надсмѣялся потомъ надъ старикомъ священникомъ и его дочерью, и мало того обезславилъ даже послѣднюю ложною клеветой. Кромѣ того, въ сосѣдней губерніи, подъ видомъ чиновника особыхъ порученій губернатора, онъ обривизовалъ три кассы волостныхъ правленій, и увезъ съ собою оттуда до 600 руб. сер. крестьянскихъ денегъ. Наконецъ послѣднее его дѣяніе, заключалось въ томъ, что пользуясь извѣстностію своей фамиліи, онъ позаимствовалъ у одной состоятельной женщины нѣсколько тысячъ руб. сер. подъ закладную на несуществующее уже свое имѣніе. Эти болѣе крупныя преступленія его завершились рядомъ другихъ менѣе важныхъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько кражъ, въ томъ числѣ кража у одного купца изъ номера гостиницы—серебрянаго портсигара, и свертка съ незначительной покупкой, съ пролетки одной дамы.

На судѣ личность этого подсудимаго предстала въ крайне грязномъ видѣ и непривлекательной обстановкѣ человѣка, потерявшаго всякій стыдъ, проводившаго дни и ночи въ картежъ, пьянствѣ и дебоширствѣ. Цинизму подсудимаго на судѣ не было предѣловъ. Цѣлый рядъ, разбивавшихся передъ присяжными его грязныхъ дѣлъ, не только что не смущалъ его, но напротивъ служилъ ему предлогомъ для того, чтобы съ банальнымъ видомъ хлыща, разъяснять еще публично, тавія подробности своихъ темныхъ дѣлашекъ, которыми даже никто не интересовался.

Однимъ словомъ во всемъ складѣ этого подсудимаго, внушавшаго къ себѣ полное отвращеніе своими манерами, обращеніями на судѣ, видно было, что онъ шелъ уже на отчаянное, самъ себя считалъ человекомъ погибшимъ, сознавая, что роль его сыграна и что ему не мѣновать Сибирь. Этого же мнѣнія о немъ была и вся публика, а потому можно себя представить, каково было всеобщее удивленіе, когда на всѣ девять вопросовъ суда о виновности его, присяжные

засѣдатели отвѣчали словами: «нѣтъ не виновенъ». На публику напалъ просто столбнякъ отъ такого неожиданнаго вердикта; самъ подсудимый при всей своей нравственной нечистоплотности, изумился такой неожиданной метаморфозѣ, которую сыграли съ нимъ присяжные, и только послѣдніе какъ-то смѣло и гордо смотрѣли впередъ, какъ бы въ сознаниіи совершенно справедливо и по совѣсти исполненнаго долга.

Само собой въ публикѣ и даже въ средѣ судей возникли естественныя недоумѣнія относительно того, что могло побудить присяжныхъ оправдать такого дѣйствительнаго негодяя. Что же потомъ оказалось. Присяжные засѣдатели, въ большинствѣ случаевъ горожане, оправданіемъ этого послѣдка бывшей когда-то въ ихъ уѣздѣ почетной дворянской фамиліи, пожелали почтить память прадеда подсудимаго, который около 80 лѣтъ тому назадъ, умирая въ этомъ самомъ городѣ въ качествѣ почетнаго попечителя городской больницы, завѣщалъ городскому обществу на богоугодныя дѣла 50 тысячный капиталъ. Положимъ, побужденія присяжныхъ въ этомъ случаѣ не заслуживаютъ порицанія и свидѣлствуютъ только о томъ, что они достойнымъ образомъ чтятъ память своего умершаго общественнаго дѣятеля, но конечно для осуществленія и нагляднаго выраженія этой памяти, имъ слѣдовало бы избрать какой нибудь другой болѣе чистой, высокой и нравственный приѣмъ. Самая мысль, связать память такого почтеннаго человѣка, съ недостойною личностію его современнаго потомка, не можетъ даже быть признана удачною, и подлежала безусловному устраненію въ вопросѣ о возмездіи, за цѣлый рядъ самыхъ безнравственныхъ поступковъ.

Другой сообщаемый намъ случай, тоже исключительнаго оправданія, заключается въ слѣдующемъ. Зажиточный мѣщанинъ одного уѣзднаго города, имѣвшій большой кожевенный заводъ и рядомъ съ нимъ рупалку т. е. мельницу выдѣлывающую крупу, съ цѣлію полученія довольно высокой страховой преміи поджегъ оба свои заведенія, при чемъ виновность его въ томъ была обнаружена цѣлымъ рядомъ несомнѣнныхъ данныхъ. На судебномъ слѣдствіи улики эти предстали въ еще болѣе убѣдительнои формѣ, а потому вина подсудимаго была совершенно ясною для всѣхъ и общественное мнѣніе ожидало отъ присяжныхъ только обвинительнаго приговора подсудимому тѣмъ болѣе, что совершенный имъ злостный поджогъ, съ корыстною цѣлію, разорилъ нѣсколько человѣкъ ближайшихъ его сосѣдей, которые отъ этого пожара погорѣли и лишились послѣдняго своего состоянія, которое у нихъ какъ движимое, такъ и недвижимое не было застраховано.

Въ составъ присяжныхъ по этому дѣлу вошло 5 человѣкъ городскихъ жителей и 7 человѣкъ крестьянъ. Вынесенный присяжными приговоръ былъ оправдательный. Онъ крайне удивилъ всѣхъ, но не менѣе того за оправданіемъ своимъ подсудимый получалъ съ страховаго общества сполна всю страховую премію.

Только спустя годъ послѣ этого, обнаружена была совершенно случайно причина оправданія этого мѣщанина; когда онъ пожертвовалъ вдругъ въ одну изъ городскихъ церквей довольно значительной величины колоколь, выданный имъ исключительно на свои средства и принесенный церкви въ даръ. По поводу

этот дара, тогда же возникли разные толки и слухи, а болѣе догадливые горожане припомнили, что старшиною по дѣлу этого мѣщанина, былъ родной братъ церковнаго старосты той самой церкви, въ которую бывший подсудимый пожертвовалъ колоколъ. Въ послѣдствіи времени, общественный голосъ и молва, эту случайно явившуюся комбинацію объяснили тѣмъ, что между мѣщаниномъ поджигателемъ и потерпѣвшими отъ пожара лицами, состоялась словесная сдѣлка, по которой первые обязались въ своихъ личныхъ видахъ, хлопотать передъ всѣми присяжными той сессіи, объ оправданіи его, а послѣдній, при благоприятномъ исходѣ его дѣла, обѣщаль по полученіи страховой преміи, вознаградить ихъ за потери отъ пожара. Когда эти «хлопоты» въ тѣхъ или другихъ формахъ и видахъ, дошли до всѣхъ болѣе или менѣе вліятельныхъ присяжныхъ этой сессіи, то они не отказали въ обѣщаніи «постараться» съ своей стороны оправдать своего горожанина поджигателя, но съ тѣмъ, чтобы онъ «изъ своей корысти,» которая ему дешево придется, пожертвовалъ бы Богу что нибудь за свой грѣхъ. и «сообща» опредѣлили ему съ этою цѣлію выкупъ въ видѣ колокола въ приходскую церковь «грѣшника», вѣсомъ не менѣе 60 пудовъ. Обоюдо — добросовѣстные, присяжные прежде всего оправдали подсудимаго, а онъ не менѣе добросовѣстно исполнилъ всѣ свои обязательства передъ «приходомъ» и соотѣдями, не оставшись и самъ въ накладѣ, ибо изрядная сумма денегъ досталось и на его долю.

Когда по поводу этой сдѣлки, бывшему присяжному по этому дѣлу, одному купцу, кто-то замѣтилъ, что развѣ можно выдѣлывать такіа фортели, то онъ съ улыбкой отвѣтилъ, что «ничего тутъ дурнаго нѣтъ—потому дѣло это коммерческое».

Укажемъ, наконецъ, еще на одинъ случай, когда присяжные засѣдатели оправдали гувернатку одного богатаго дома, которая, отказавшись отъ мѣста и уѣзжая уже домой, захватила съ собою вѣроятно для будущаго своего хозяйства $\frac{1}{2}$ дюжины серебрянныхъ столовыхъ ложекъ, дюжину чайныхъ, серебрянное ситечко, маленькій подносикъ и серебрянный же приборъ для куренья. Эту подсудимую присяжные навѣрное обвинили бы потому, что поступокъ ея съ людьми, которые ее дѣйствительно облагодѣтельствовали, былъ въ высшей степени грязень и недостойнъ порядочной дѣвушки, но на выручку «барышни» явился тоже «исключительный мотивъ».

Въ число присяжныхъ по жребію, попалъ сынъ одного богатаго коммерсанта, который былъ очень расположенъ къ этой барышнѣ, дѣйствительно увлекался ею, и даже собирался на ней жениться. Хотя неожиданный ея пассажъ съ чужимъ серебромъ, и охолодилъ своевременно возникшее было у него къ ней горячее чувство, но увы, любовь капризна и подчасъ всесильна. И вотъ подъ смутнымъ воспоминаніемъ, пережитыхъ вдвоемъ прогулокъ по рошѣ, трепетнаго пожиманія маленькой ручки, неискушенной еще въ то время посягательствомъ на чужія ложки, и въ память, наконецъ, этихъ взаимныхъ мѣмыхъ созерцаній при дунномъ свѣтѣ и пѣніи соловья, этотъ молодой присяжный не только, что не рѣшился самъ наложить руку на предметъ бывшихъ своихъ воздыханій, былъ

шую богиню своего сердца, но, подъ влияніемъ чувства состраданія къ ней, всею силою своего сердечнаго краснорѣчія, успѣлъ убѣдить всѣхъ своихъ товарищей, чтобы они простили блудницу и не губили ее... и они ее простили, не «для ради того, какъ выразился одинъ изъ нихъ, что она не воровка, а что-бъ онъ объ ней сокрушенія не имѣлъ».

Оправданная барышня несомнѣнно поняла, кому она была обязана этимъ оправданіемъ и, по окончаніи судебного засѣданія, подошла поблагодарить своего бывшаго Вольдемара, не дерзнувъ впрочемъ протянуть ему, свою замараную уже ручку, ту ручку, которую онъ, во времена ея невинности, такъ горячо и съ такимъ наслажденіемъ цѣловалъ, и которою въ былые дни своихъ увлеченій такъ искренно любовался, не предполагая конечно въ ней столь меркантильныхъ замашекъ.

XLIV.

Строгіе обвинительные приговоры.

На ряду съ исключительными оправданіями подсудимыхъ, наша судебная практика весьма частыми примѣрами указываетъ на случаи, когда присяжные выносили подсудимымъ чрезмѣрно строгіе приговоры, поражавшіе общество совершенною неожиданностію своею. Такіе приговоры особенно тяжело отзываются на обществѣ, внося въ него убѣжденіе въ томъ, что присяжные переступили мѣру справедливости и отнеслись чрезмѣрно жестоко къ человѣку, незаслуживавшему такой крайней кары.

Въ Ярославскомъ Окружномъ Судѣ слушалось однажды дѣло, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, по личности подсудимаго. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣлъ четырнадцатилѣтній мальчикъ Ларіонъ Николаевъ Кузьмичевъ. Обвинялся онъ ни болѣе, ни менѣе, какъ въ покушеніи на отравленіе своего роднаго отца, которому, какъ значилось въ обвинительномъ актѣ, «онъ всыпалъ въ чай заранѣе купленный имъ для этой цѣли мышьякъ». Не смотря на сознаніе подсудимаго на судѣ, было произведено полное судебное слѣдствіе, на которомъ раскрылась далеко не приглядная картина домашней жизни въ злополучной семьѣ Николая Кузьмичева, отца подсудимаго. Послѣ смерти своей жены, этотъ Николай Кузьмичевъ, человѣкъ болѣзненнаго и хилаго вида, остался съ тремя дѣтьми: взрослой дочерью и двумя сыновьями, изъ которыхъ младшій обвинялся въ его отравленіи. Всѣ заработки старшихъ дѣтей отецъ носилъ въ кабакъ, — туда же шла и часть небогатыхъ крестьянскихъ достатковъ. Выведенные изъ терпѣнія подобнымъ употребленіемъ тяжело зарабатываемыхъ денегъ, старшіе дѣти, сначала дочь, а потомъ и сынъ, ушли отъ отца и стали жить отдѣльно. Николай Кузьмичевъ остался съ однимъ сыномъ Ларіономъ въ опустѣлой избѣ. Зимой отецъ заболѣлъ такъ сильно, что, по собственному показанію, не могъ повернуться безъ помощи сына, который, какъ показывалъ на судѣ, дядя его, братъ Николай, Петръ Кузьмичевъ, ходилъ за отцемъ и не зналъ покоя даже ночью, когда отецъ безпрестанно будилъ его, чтобы онъ помогъ ему повернуться съ боку на бокъ. Днемъ мальчикъ ходилъ по міру, затѣмъ готовилъ отцу поѣсть изъ собраннаго подаванія, и опять сидѣлъ около больнаго. Но вотъ отецъ начи-

наеть выздоравливать и отправляет сына на заработки, — лѣсъ возить. Заработанныя деньги идутъ отцу на чай, а мальчикъ, въ благодарность за труды, получаетъ отъ отца каждый день палочные удары, если онъ иди, напримѣръ, за водою, остановится на минутку поболтать съ товарищами. Пообои бывали по нѣсколькѣ разъ въ день. Такъ дѣло шло до весны, когда наконецъ, 5-го апрѣля ребенокъ не выдержалъ и насыпалъ отцу мышьяку въ чай. Не смотря на всѣ успія защитника, присяжные не только признали фактъ преступленія, но даже на вопросъ о разумнѣи отвѣчали: да, съ полнымъ разумнѣемъ. На основаніи этого приговора присяжныхъ, судъ приговорилъ мальчика къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы на четыре года. Подсудимый совершенно равнодушно выслушалъ приговоръ. Какъ видно этому ребенку каторжная работа въ Сибири, показалась легче жизни въ домѣ своего отца, но на публику этотъ приговоръ произвелъ потрясающее дѣйствіе. Всѣ отказывались понять или угадать причину, по которой присяжные засѣдатели такъ строго и такъ жестоко отнеслись къ несчастному мальчику. Не мало удивились послѣдствіямъ своего приговора и сами присяжные засѣдатели. Ихъ поразила строгость прочтеннаго послѣ ихъ рѣшенія приговора суда, они видимо смутились и для каждаго даже посторонняго лица видно было, что каждый изъ нихъ въ эту минуту испытывалъ не малый упрекъ на своей совѣсти. Этотъ упрекъ сказался на нихъ такъ сильно, что по слѣдующимъ двумъ дѣламъ они послѣ минутныхъ совѣщаній оправдали двухъ патентованныхъ воровъ.

Въ городѣ Апаневѣ Херсонской губерніи, въ мартѣ мѣсяцѣ 1880 года, отдѣленіемъ Одесскаго Окружнаго Суда, при участіи присяжныхъ засѣдателей, разбиралось дѣло крестьянки Марьи Лопацкой, обвинявшейся въ дѣтубійствѣ. Мотивы этого преступленія заслуживаютъ вниманія. Суть дѣла заключается въ слѣдующемъ. Шестнадцатилѣтняя Марія Лопацкая, принадлежавшая къ бѣдной крестьянской семьѣ, была въ связи съ однимъ крестьяниномъ, послѣдствіемъ каковой связи явился на свѣтъ ребенокъ. Безъ всякихъ средствъ къ жизни, отвергнутая крестьянскимъ обществомъ и отцомъ ребенка, Лопацкая принуждена была тотчасъ же искать себѣ занятій. Послѣ долгихъ поисковъ, Лопацкой удалось наконецъ, получить мѣсто въ помѣщичьей экономіи, въ которомъ, впрочемъ, ей вскорѣ отказали. Люди, къ которымъ обращается молодая мать съ просьбой о мѣстѣ, говорятъ, что имъ не нужна работница съ груднымъ ребенкомъ. Лопацкой нечего ѣсть. Но вотъ фортуна ей улыбается: она получаетъ мѣсто работницы у машиши нѣмца-колописта. Лопацкая принимается за работу; но плохо выходитъ ся работа, такъ какъ она ежеминутно принуждена отрываться къ ребенку. Лопацкая, любя свое дитя, желая поддержать его существованіе, удваиваетъ свои усилія. Тѣмъ не менѣе ей снова отказываютъ въ мѣстѣ. Настаетъ критическій моментъ въ жизни Лопацкой: ей и ея 7-ми мѣсячному ребенку не чѣмъ существовать. Близъ находящейся ручей наводитъ ее на мысль утопить свое дитя и тѣмъ прекратить его страданія. Присяжные признали Марію Лопацкую виновной. Она приговорена къ 12-ти лѣтней каторгѣ и пожизненному поселенію въ Сибири.

За вынужденное, выстрадавшее душою преступленіе, двѣнадцатилѣтняя каторжная работа и кому же, подсудимой, едва только вышедшей изъ дѣтскаго возраста. Неужели эту несчастную дѣвочку Лопаккую, можно было признать дѣйствительною убійцею, и были ли убѣждены присяжные засѣдатели, такъ сурово объявившіе ее виновною, что, умершвляя своего собственнаго ребенка, она не скорбѣла всю сплюю своей материнской души, какъ о своемъ несчастномъ младенцѣ, такъ и несчастной своей судьбѣ.

А между тѣмъ преступленіе дѣтоубійства, въ которомъ была признана Лопаккая, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые рѣдко завершаются обвинительными приговорами.

Чуткая совѣсть присяжныхъ засѣдателей, относится всегда съ крайнимъ снисхожденіемъ къ болѣе частію молодымъ и несовершеннолѣтнимъ матерямъ, обвиняемымъ въ убійствѣ своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей. Мотивы такихъ оправданій извѣстны всѣмъ и каждому, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ, въ дѣтоубійствѣ, нельзя обвинять одну только женщину-мать, а вмѣстѣ съ нею и даже болѣе ея является по совѣсти преступнымъ, тотъ, кто воспользовался ея слабостію, оболѣстилъ ее, а потомъ бросилъ на произволъ судьбы, расчитывая на безнаказанность. Протестуя противу этой безнаказанности оболѣстителя, совѣсть присяжныхъ и оправдываетъ обыкновенно несчастныхъ дѣвушекъ-матерей произнося тѣмъ нравственный приговоръ тому, кто ее увлекъ.

Общественная совѣсть людей, давно уже возстаетъ противу этихъ незримыхъ виновниковъ несчастій многихъ подсудимыхъ въ родѣ Лопаккой, а случаи по всемѣстной судебной практикѣ подтверждаютъ фактами, что присяжные засѣдатели почти всегда оправдываютъ женщину и дѣвушекъ дѣтоубійць, находящихся даже и при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ нежели тѣ, въ которыя была поставлена Марья Лопаккая. Тѣмъ суровѣе показался всѣмъ приговоръ объ ней представителей общественной совѣсти, что крайняя молодость ея, безвыходность положенія и совершенная беспомощность, не могли не внушать къ ея невольному поступку, полнаго состраданія и снисхожденія.

Въ одной изъ газетныхъ корреспонденцій читаемъ мы слѣдующее: «дѣятельность нашихъ присяжныхъ засѣдателей, обусловливаемая различностію ихъ положеній, страдаетъ рѣшительнымъ отсутствіемъ какихъ либо положительныхъ принциповъ, которые лежали бы въ основаніи приговоровъ присяжныхъ. Они, то безосновательно оправдываютъ дѣйствительныхъ преступниковъ, то насылаютъ незаслуженныя кары на головы совершенно безобидныхъ людей. Иногда они сами себѣ могутъ хотя дать вполнѣ сознательный отчетъ, почему они обвинили чело-вѣка и почему его оправдали, а нерѣдко бываетъ и такъ, что обвинять подсудимаго только потому, «что онъ на то и на судъ поставленъ», и ужъ потомъ отъ своей неосмотрительности, когда познаютъ послѣдствія своего обвиненія, сами же казнятся мыслію о томъ, что «маленько перемахнули».

Въ словахъ этихъ много правды, и дѣйствительно, по части устойчивости въ своихъ приговорахъ и однообразія въ примѣненіи совѣстливаго убѣжденія своего къ рѣшенію дѣлъ, нашимъ присяжнымъ, недостаетъ еще очень многого.

По одному дѣлу объ убійствѣ, чиновникъ полиціи привлеченъ былъ въ слѣдствію вмѣстѣ съ виновниками этого убійства въ качествѣ укрывателя, на томъ основаніи, что онъ недостаточно энергично принялся за розыски преступленія по полученіи о томъ извѣстія.

Укрывательство убійства несомнѣнно совмѣщаетъ въ себѣ понятіе о болѣе или менѣе тѣсной преступной связи укрывателя съ непосредственными виновниками преступленія. Отсюда и проистекаетъ строгая отвѣтственность для укрывателя. Въ данномъ же случаѣ, на судебномъ слѣдствіи не было доказано, что бы между этимъ чиновникомъ и убійцами, существовала какая либо связь или солидарность, и все, въ чемъ только можно было обвинить перваго, такъ это въ недостаточно энергичномъ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, то есть въ одномъ изъ самыхъ незначительныхъ проступковъ по службѣ.

Между тѣмъ присяжные, очевидно не понявъ громадной разницы въ фактическихъ признакахъ того и другаго преступленія, признали несчастнаго чиновника виновнымъ въ укрывательствѣ, и судъ приговорилъ его къ каторжнымъ работамъ на четыре года. Приговоръ этотъ произвелъ крайне тяжелое впечатлѣніе на публику, а на самого подсудимаго, онъ оказалъ потрясающее дѣйствіе. Последній успѣлъ только проговорить, «я не виноватъ», зашатался и упалъ безъ чувствъ, а чрезъ нѣсколько дней до объявленія еще ему этого роковаго приговора въ окончательной формѣ, онъ умеръ отъ цѣлага ряда приключившихся съ нимъ нервныхъ припадковъ.

А въ дѣятельности нашихъ судовъ, можно указать на единичные случаи даже того, что обвиненные приговорами присяжныхъ засѣдателей подсудимые, вслѣдъ за провозглашеніемъ имъ обвинительныхъ вердиктовъ, здѣсь же въ судѣ лишали себя жизни, въ сознаніи беспомощности своего положенія, строгаго и несправедливаго отношенія къ нимъ присяжныхъ.

Такіе случаи производятъ всегда на массу удручающее впечатлѣніе, такъ какъ отъ суда совѣсти, общество вправѣ всегда требовать, болѣе снисходительнаго и сердечнаго отношенія къ подсудимымъ, нежели чрезмѣрно строгаго.

Иногда возбужденіе общества, вызываемое чрезмѣрно строгими или несправедливыми приговорами присяжныхъ, бываетъ настолько велико, что публика въ судѣ выражаетъ присяжнымъ гласно свое неудовольствіе, вызывая даже протесты противъ такихъ приговоровъ въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ.

Такіе случаи, къ сожалѣнію бывали въ нашихъ судахъ и даже не разъ.

Однажды по дѣлу о поджогѣ, по которому обвинялись два извѣстныхъ всему городскому обществу лица, публика крайне, заинтересованная исходомъ дѣла, и нетерпѣливо ожидавшая оправдательнаго вердикта присяжныхъ, пробывшихъ въ совѣщательной комнатѣ около двухъ часовъ, услыхавъ обвиненіе, была крайне изумлена и, когда судьи удалились для постановленія приговора, что продолжалось тоже довольно долго и что заставляло надѣяться, что судъ, по предоставленной ему закономъ власти, опредѣлитъ передать это дѣло на рассмотрѣніе новаго состава присяжныхъ, — взглядами и жестами посылая укѣры постановившимъ такой вердиктъ присяжнымъ, которые и сами сидѣли, замѣтно, въ тре

возможъ состояніи, какъ говорится «были не въ своей тарелкѣ», особенно при видѣ плакавшихъ, почти навзрыдъ, обоихъ подсудимыхъ. Судъ, однако, не воспользовался предоставленной ему прерогативой и постановилъ соответствующее наказаніе. При выходѣ изъ здания суда, на улицѣ, многіе называли присяжныхъ въ глаза вовсе не лестными именами, а иные открыто высказывали, что присяжные не у мѣста проявили свою строгость, и что не разобравъ путемъ дѣла осудили совершенно невиноватыхъ людей.

Наконецъ, какъ на образецъ, дѣйствительно чрезмѣрной уже строгости присяжныхъ засѣдателей, укажемъ, что они признали однажды 14 лѣтняго мальчика, виновнымъ въ изнасилованіи 10 лѣтней дѣвочки и не вняли объясненіямъ его, что онъ хотѣлъ только «побаловаться», потому что дѣвочка сама спросила его «какъ это бываетъ», и къ отвѣту своему о виновности его прибавили даже «и дѣйствовалъ съ большимъ понятіемъ и сознательно».

Судъ отвергнувъ однакоже этотъ приговоръ присяжныхъ, не признавъ въ немъ ни виновности мальчика, ни «большаго понятія» его, даже еще и сознательнаго.

XLV.

Защита на судѣ присяжныхъ.

То, что въ одной изъ предъидущихъ главъ, мы говорили относительно обвинительныхъ рѣчей на судѣ присяжныхъ,—безъ большихъ измѣненій можно будетъ сказать и относительно положенія защиты, а потому, не вдаваясь въ излишнія повторенія одного и того же, остановимся здѣсь, на нѣкоторыхъ частностяхъ того положенія, въ которомъ находится въ нашемъ судебномъ процессѣ, вообще, защита подсудимыхъ, и какимъ вліяніемъ пользуется она на присяжныхъ засѣдателей для наиболѣе удачнѣйшаго осуществленія своей задачи.

Начнемъ съ того, что правильно организованная защита, въ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ, существуетъ у насъ только въ мѣстахъ постоянного пребыванія окружныхъ судовъ, да и то не вездѣ. Что же касается уѣздныхъ городовъ, куда окружные суды въѣзжаютъ на сессіи, то положеніе подсудимыхъ, дѣла которыхъ разбираются въ теченіи подобныхъ сессіи, по отношенію къ защитѣ ихъ, представляется крайне печальнымъ.

Присяжные повѣренные, которые въ мѣстахъ нахождения судовъ, несутъ очередную повинность бесплатной защиты подсудимыхъ по назначенію отъ суда, въ другіе города, для этой надобности командированы быть не могутъ, а потому появленіе присяжнаго повѣреннаго на защитѣ въ уѣздномъ городѣ, обуславливается только личнымъ соглашеніемъ подсудимаго съ такимъ защитникомъ, что бываетъ относительно очень рѣдко. Затѣмъ по назначенію суда, защиты въ уѣздныхъ городахъ возлагаются на кандидатовъ на судебныя должности, начинающихъ этимъ свою судебную карьеру, а потому существенной помощи въ дѣлѣ суда, защитники этого рода подсудимымъ оказать не могутъ, тѣмъ болѣе, что нерѣдко такой кандидатъ на судебныя должности, является обязательнымъ защитникомъ на все время сессіи и на все дѣла въ теченіе ея назначенные.

Къ категоріи защитниковъ третьяго рода и, нужно замѣтить, наиболее существенныхъ, должны быть причислены всѣ мѣстные адвокаты, различныхъ отгѣяковъ, правда, иногда довольно топорной отдѣлки, но нѣбющие на своей сторонѣ прежде всего то, что они какъ люди «свои», очень хорошо знаютъ мѣстные обычаи, мѣстные порядки и мѣстное общество въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей. А это въ дѣлѣ защиты имѣетъ не малое значеніе.

Въ одномъ изъ нумеровъ газеты «Новое Время» за 1880 годъ, помѣщена была небольшая замѣтка по вопросу о провинціальныхъ судебныхъ защитникахъ. въ которой, между прочимъ, говорится слѣдующее. «По мѣстнымъ условіямъ въ наиболѣе уединенныхъ и отдаленныхъ отъ окружнаго суда городахъ, ощущается всегда преимущественная необходимость живаго слова защитника. Въ этихъ городкахъ приходится говорить передъ сѣрыми мужиками, лапотниками. Жаргонъ рѣчи долженъ быть не классическій, а мѣстный и чистый народный, которому нужно почти учиться у мѣстныхъ жителей, притомъ почти въ каждомъ уѣздѣ разное нарѣчіе. Совмѣстимо ли будетъ съ этижъ разнокалиберныхъ людей лицо, носящее патентованное званіе адвоката? Очевидно, нѣтъ. Тутъ помогаютъ дѣлу не юристы, а мѣстные жители, знакомые съ нравами и обычаями народа, знакомые даже съ пониманіемъ вещей мѣстнымъ простымъ населеніемъ». На этомъ основаніи, отдавая въ провинціи преимущественное предпочтеніе такимъ мѣстнымъ адвокатамъ, авторъ этой замѣтки находить, что необходимо не отбснять дѣятельность подобнаго рода защитниковъ добровольцевъ, какъ то практикуется у насъ въ нѣкоторыхъ окружныхъ судахъ, которые не прочь каждаго, являющагося на судъ даже защитника-любителя ставить въ рамки патентованнаго адвоката, а напротивъ предоставлять такому способу защиты мѣстными силами, возможно большее и широкое развитіе и прижненіе.

Указывая на то, что провинціальная защита во многихъ случаяхъ является только изъ любви къ дѣлу и желанія помочь ближнему въ его бѣдѣ, тотъ же авторъ оканчиваетъ замѣтку свою такими словами: «не слѣдуетъ отождествлять защиту съ барышничествомъ, а при патентованной защитѣ, при современномъ возрѣніи общества на адвокатуру, самое слово защита нѣрѣдно обозначаетъ именно барышничество и теряетъ то значеніе, какое она должна имѣть». Въ словахъ этихъ много правды хотя можетъ быть и не желаемой.

Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ, слѣдующимъ образомъ описываетъ мѣстную «казенную» защиту въ лицѣ назначаемыхъ судомъ очередныхъ защитниковъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ и постоянныхъ защитниковъ на цѣлыхъ уѣздныхъ сессіи въ лицѣ кандидатовъ на судебныя должности: «Да защита, громко это слово на судѣ, а что сказать объ ней особенно объ казенной защитѣ т. е. не денежной. Да кто ее не знаетъ, какая въ сущности бываетъ эта защита кромѣ рѣдкихъ отдѣльныхъ случаевъ исключительной добросовѣстности защитниковъ; да и что за странная мечта интересоваться защитнику какими нибудь обыденнымъ воршишкой. Будь онъ большой воръ, воръ денежный, ну тогда и защита у него будетъ должная т. е. оплаченная, большому кораблю большое и плаваніе, а съ мелкими воршишками—какой отъ нихъ толкъ»

«Что сказать о способах защиты казенных защитников на уездных сессиях. Такие защитники не только съ личностями подсудимыхъ, но даже и съ дѣлами ихъ знакомятъ иногда только въ день слушанія дѣла, а потому можно себѣ представить, какъ они хорошо усваиваютъ ихъ себѣ. Иногда защитникъ одинъ и тотъ же назначается на дѣлѣй десятокъ дѣлъ. Очевидно, онъ дѣлъ не изучаетъ, а нерѣдко и съ обвинительнымъ актомъ знакомится только на судѣ, и ведетъ свою защиту отъ дѣла до дѣла, черезъ пень колоду. А вѣдь присяжные засѣдатели люди зрячіе, они понимаютъ всю негодность и внутреннюю безсодержательность подобнаго рода защиты, и потому рѣчи такихъ защитниковъ для нихъ ничто, они ихъ не слушаютъ, и не придаютъ имъ ровно никакого значенія. Однимъ словомъ казенная защита въ томъ видѣ, какъ она теперь существуетъ, по крайней мѣрѣ въ провинціи, большое мѣсто въ нашихъ уголовныхъ дѣлахъ».

Въ одной изъ предыдущихъ главъ, говоря объ относительномъ значеніи на судѣ обвинителей и защитниковъ въ смыслѣ ихъ равноправности, мы указывали на то, что въ провинціи, гдѣ присяжные засѣдатели почти сплошь состоятъ изъ людей простыхъ, по самому складу своему не могущихъ усвоить въ себѣ вполне сознательно, значеніе равноправности на судѣ сторонъ, положеніе и доводы обвинителей, берутъ нерѣдко перевѣсъ надъ защитой, на которую такіе присяжные составляютъ себѣ взглядъ не какъ на необходимую принадлежность суда, а какъ на какую то добавку, которую можно пожалуй и принять къ свѣдѣнію, а то можно обойтись и безъ нея.

Мы можемъ указать на нѣсколько примѣровъ изъ судебной практики нѣкоторыхъ окружныхъ судовъ, которые подтверждаютъ вполне сущность сдѣланнаго нами по этому предмету заключенія.

На сессіи окружнаго суда въ одномъ уездномъ городѣ, противникомъ товарища прокурора по обвиненію, былъ мѣстный адвокатъ, молодой мѣщанинъ, окончившій курсъ уезднаго училища и заявлявшій даже нѣкоторую претензію на вышній лоскъ столичнаго льва. Онъ защищалъ одного крестьянина, обвинявшагося въ кражѣ у соседа своего изъ запертой риги мѣшка съ рожью. Когда по окончаніи обвинительной рѣчи прокурора, председательствующій предложилъ слово защитнику и послѣдній поднявшись съ своего мѣста приготовился было метать въ своего противника стрѣлы перуна, то старшина присяжныхъ, вставъ вдругъ съ своего кресла, вытянулся по направленію къ председателю, видимо желая что-то сказать.

— Что вамъ угодно, обратился къ нему председатель, пріостановивъ въ то же время защитника.

— Да на счетъ, ваше превосходительство, вора, мы значить сумлѣнія не имѣемъ, отвѣчалъ старшина присяжныхъ, потому какъ господинъ прокуроръ его благородіе говорили, такъ оно и есть и, значить, резонтовъ защитчика намъ слушать не требуется.

Председатель пріостановилъ старшину присяжныхъ, замѣтилъ ему, что высказывать свое мнѣніе о подсудимомъ до момента постановленія приговора они

не имѣютъ права, и объяснилъ имъ обязанность ихъ выслушать рѣчь защитника до конца.

Старшина сѣлъ на мѣсто, пошептался съ своими сотоварищами, защитникъ сильно сконфуженный подобнымъ афронтомъ говорилъ сверхъ обыкновенія очень мало и вяло, и хотя предсѣдательствовавшій въ своемъ резюме и старался внушить присяжнымъ, что рѣчи защитника они должны выслушивать и принимать въ соображеніе, съ тѣмъ же вниманіемъ, какъ и рѣчи прокурора, но они повидимому отнеслись къ этому совершенно скептически, совѣщанія ихъ продолжались не долго и они вынесли обвинительный приговоръ.

Въ настоящемъ случаѣ, положимъ, правосудіе не потерпѣло, потому что присяжными былъ обвиненъ дѣйствительный воръ, но вѣдь могутъ быть и иные случаи. Сомнительное дѣло безъ болѣе или менѣе убѣдительныхъ уликъ, переданное на судъ подобнаго состава присяжныхъ, при такомъ прокурорѣ, который въ порывахъ увлеченія считая необходимость обвиненія вопросомъ, личного для себя самолюбія, будетъ обвинять съ такимъ режимомъ, который начальственнымъ образомъ воздѣйствуетъ на присяжныхъ — всегда пройдетъ съ обвинительнымъ вердиктомъ. Цѣли прокурора будутъ въ такомъ случаѣ достигнуты, защитника неразумные присяжные отодвинутъ на задній планъ, обвиняемый будетъ осужденъ, но спрашивается, всегда ли будутъ такимъ образомъ достигнуты цѣли правосудія. Полагаемъ, что нѣтъ.

Укажемъ еще случай, когда во время защитительной рѣчи провинціального защитника, вѣроятно лично извѣстнаго составу присяжныхъ засѣдателей, одинъ изъ нихъ, выслушивая его доводы, какъ бы съ видомъ нетерпѣнія проговорилъ вполголоса: «и охота тебѣ, Карпъ Митричъ, съ пустяковъ то канителиться».

Подобнаго рода отношеніе присяжныхъ засѣдателей къ защитникамъ, могло бы быть пожалуй объяснено и тѣмъ, что личности послѣднихъ были имъ извѣстны съ дурной стороны, но это въ обоихъ указываемыхъ случаяхъ, было далеко не такъ, и намъ слѣдуетъ оговориться, что оба защитника, о которыхъ шла рѣчь, пользовались въ средѣ даже суда репутаціею, если и не тонкихъ юристовъ и знатоковъ дѣла, то во всякомъ случаѣ людей порядочныхъ и добро-совѣстныхъ, относившихся къ дѣлу съ полнымъ вниманіемъ.

Нельзя отвергать того, что самое участіе товарища прокурора въ судебномъ слѣдствіи, при допросѣ свидѣтелей, при разнаго рода возникающихъ на судѣ вопросахъ, всегда даетъ передъ присяжными засѣдателями, извѣстный отъянокъ значенію на судѣ защитника. Если прокуроръ относится къ защитѣ въ лицѣ кого бы она въ данный моментъ не состояла, съ уваженіемъ, съ должною сдержанностью, не входитъ съ защитникомъ въ пререканія такого рода, которые имѣютъ цѣлю умалить его значеніе и авторитетъ, то тогда и присяжные засѣдатели вида такое отношеніе прокурора къ защитнику, кто бы онъ не былъ, невольнымъ образомъ склоняются къ тому, что и защитникъ на судѣ тоже имѣетъ свое значеніе, что и онъ можетъ и вправѣ доказывать свое и оспаривать прокурора.

Между тѣмъ, мы съ прискорбіемъ должны замѣтить, что иногда отношенія

на судѣ нашихъ товарищей прокурора къ провинціальнымъ защитникамъ, бываютъ крайне неделикатны и подъ часъ даже несовмѣстны съ тѣмъ положеніемъ, которое должны занимать прокуроры по отношенію къ защитѣ. Надменный тотъ въ обращеніи съ ними, желаніе выставить малѣйшую неудачу ихъ, или неумѣлый вопросъ въ смѣшномъ видѣ, глумленіе надъ доводами защиты въ обвинительной рѣчи, переходящіе иногда отъ дѣла уже къ личности самого защитника, все это такія обыденныя явленія, которыя парализируя защиту сильно компрометируютъ и достоинство обвинительной власти. А это свидѣтельствуешь о томъ, что представители ея лишены той сдержанности, того хладнокровія, которые должны ими всегда руководить на судѣ, и не дозволять имъ выражать какое либо пренебреженіе къ личностямъ защитниковъ, кто бы они не были, такъ какъ въ такихъ случаяхъ, глумленіе надъ адвокатомъ отражается не столько вредно на немъ самомъ, сколько можетъ повліять на неправильный исходъ самого дѣла о подсудимомъ.

По вопросу о томъ, какое значеніе въ глазахъ присяжныхъ имѣютъ защитительныя рѣчи, мы находимъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» слѣдующую замѣтку профессора Иловайскаго, при чемъ г. Иловайскій, главнымъ образомъ, останавливается на вопросѣ о томъ, въ какой степени сильно вліяетъ на присяжныхъ собственно краснорѣчіе защитника, и существуетъ ли между этимъ внѣшнимъ качествомъ рѣчи и оправдательными приговорами присяжныхъ засѣдателей, какая либо болѣе или менѣе тѣсная связь или зависимость.

Вотъ что читаемъ мы, между прочимъ, въ этой замѣткѣ: «Просматривая въ газетахъ отзывы о судебныхъ процессахъ, я и самъ полагаю, пишетъ, г. профессоръ, что краснорѣчіе защитника, хотя и софистическое, оказывало главное вліяніе на какое нибудь вопіющее оправданіе. Но когда мнѣ пришлось побывать самому въ числѣ присяжныхъ засѣдателей, то я убѣдился, что все это краснорѣчіе имѣетъ для нихъ очень небольшое значеніе. Вошедши въ камеру для совѣщаній и начавъ обмѣнъ впечатлѣній, присяжные почти забываютъ о краснорѣчьи защитника. Въ случаяхъ сколько нибудь важныхъ, для нихъ на первомъ планѣ являются обстоятельства дѣла, какъ они выяснились изъ судебного слѣдствія и перекрестнаго допроса обѣихъ сторонъ. Не рѣдко между присяжными возникаютъ собственныя горячія пренія, посреди которыхъ исчезаетъ всякое впечатлѣніе отъ натянутого краснорѣчья. Голосъ правды очень часто слышится въ этихъ преніяхъ, но не всегда онъ находитъ дѣльную поддержку и, не смотря на этотъ голосъ, иногда выносится явно несправедливый оправдательный приговоръ». Съ другой стороны, во многихъ судебныхъ кружкахъ существуетъ убѣжденіе, что обаятельность защитительныхъ рѣчей, производитъ на присяжныхъ весьма сильное впечатлѣніе, и нерѣдко рѣшительный поворотъ въ ихъ мнѣніяхъ въ пользу подсудимаго, является послѣдствіемъ, какъ думаютъ многіе, удачно скомбинированной и еще болѣе того изложенной защиты. Вѣроятно этого мнѣнія, безъ большаго или меньшаго самообольщенія, о своихъ личныхъ адвокатскихъ способностяхъ, придерживается большинство защитниковъ, такъ какъ по приѣмамъ ихъ на судѣ, по манерѣ говорить и излагать свои взгляды, наконецъ,

по обращеніяхъ ихъ къ присяжнымъ, слѣдуетъ полагать, что въ большинствѣ случаевъ надежды свои на благопріятный исходъ дѣла, защитники возлагаютъ главнымъ образомъ на свои рѣчи.

Обращаясь къ дѣловому качеству всѣхъ этихъ защитныхъ рѣчей, нужно сказать, что въ большинствѣ случаевъ онѣ бываютъ переполнены цѣлою массою жалкихъ словъ, высокопарныхъ докторальныхъ выраженій и указаній, при чемъ, какъ совершенно основательно было замѣчено въ печати, господа защитники увлекаясь въ обѣленіи подсудимыхъ до нельзя, стараются всегда представить ихъ не тѣми дурными или хорошими людьми, которыми они въ дѣйствительности есть, а какими-то фатальными жертвами общественныхъ неурядицъ. Кромѣ того, защитники страдаютъ и общимъ съ обвинителями въ рѣчахъ своихъ недостаткомъ, а именно, полагаясь слишкомъ на общія фразы и общее впечатлѣніе на присяжныхъ отъ своихъ рѣчей, они упускаютъ изъ виду тщательную разработку въ отрицательномъ смыслѣ, и опроверженіе, поставляемыхъ противу подсудимыхъ уликъ и доказательствъ.

Г. Никитинъ въ своихъ очеркахъ характеризуетъ рѣчи нашихъ защитниковъ, слѣдующимъ образомъ.

«Въ противовѣсъ обвинителямъ, защитники всячески стараются, смотря по обстоятельствамъ, смягчать обвиненіе и оправдывать подсудимыхъ одними и тѣми же доводами: простолудиновъ, напримѣръ, ихъ неграмотностью, неразвитіемъ, а вслѣдствіе этого и неумѣніемъ отличить хорошее отъ худого, не отысканіемъ работы по милости волчьихъ паспортовъ, дурнымъ вліяніемъ на ихъ нравственность тюремъ, въ которыхъ ихъ не исправляютъ, а развращаютъ. Чиновныхъ же они стараются оправдывать отчаянными домашними обстоятельствами, которыя, не давая иного выхода, ввергли ихъ въ бездну. Тяжкія нравственныя мученія и позоръ находятся подъ судомъ, сидѣть на обвинительной скамьѣ, самъ себѣ, по ихъ словамъ, весьма достаточная кара для человѣка, воспитаннаго и образованнаго, и такая кара за оправданіемъ, непременно возвратитъ подсудимаго на честную дорогу жизни».

Приемы эти дѣйствительно стали уже довольно казенными, и поразительнымъ сходствомъ своимъ бросаются въ глаза каждому, кому приходится часто посѣщать судебныя засѣданія.

Какъ на существенный недостатокъ въ рѣчахъ защитниковъ, можно указать еще на то, что многіе изъ нихъ, заботясь объ отдѣлкѣ своихъ рѣчей, очень часто забываютъ, передъ кѣмъ таковыя ими произносятся, вслѣдствіе чего малограмотные и необразованные присяжные, становятся нерѣдко въ тупикъ передъ цѣлою массою иностранныхъ словъ, которыми усердные защитники ихъ засыпаютъ. Такъ, напримѣръ, упоминаемые нами выше очерки г. Никитина, рисуютъ одинъ изъ тѣхъ вѣроятныхъ случаевъ, когда составъ присяжныхъ засѣдателей, состоявшій въ большей половинѣ своей изъ лицъ малограмотныхъ, по удаленіи въ совѣщательную комнату, занялся прежде всего не обсужденіемъ дѣла, а предварительнымъ ознакомленіемъ несвѣдущихъ присяжныхъ съ тѣми заморскими словами и выраженіями изъ рѣчей защитниковъ, которыя остались непонятными для большинства слушателей присяжныхъ.

— Вотъ, къ примѣру, скажите пожалуйста, что значить «пиктивный», кажется сказывалъ защитникъ, — обращается съ вопросомъ къ старшинѣ одинъ изъ присяжныхъ заседателей.

Старшина даетъ удовлетворительное объясненіе и разсѣваетъ недоумѣніе присяжнаго.

— Опять же вотъ, примѣрно, это слово: по иноземному — «критумъ», а по нашему, какъ оно будетъ, обращается къ старшинѣ другой присяжный.

— Не критумъ, а критеріумъ, объясняетъ старшина, это значить признакъ распознаванія истины при сужденіи о чемъ либо.

— Поняли, хоша не совсѣмъ, ну да ладно будетъ, все лучше, вотъ ты и суди, какъ знаешь, по иностранному, замѣчаетъ присяжный.

— А «прогатива», что за штука такая, спрашиваетъ съ недоумѣніемъ своего старшину третій присяжный, и затѣмъ, хотя и получаетъ обстоятельный, но нѣсколько смутный для его пониманія отвѣтъ, относительно значенія слова прерогатива, но все же составляетъ себѣ по крайней мѣрѣ правильное убѣжденіе, «о чемъ тутъ дѣло, и куда это слово, къ какой его потребѣ пристронть, а не то что значить прогатива — самый этотъ судимецъ дурной человѣкъ».

Такія и подобныя имъ сцены въ совѣщательныхъ комнатахъ нашихъ присяжныхъ, бывають, конечно, нерѣдки, и хотя онѣ косвеннымъ образомъ и служатъ къ обогащенію познаній и умственнаго кругозора массы необразованныхъ присяжныхъ, принося съ этой стороны несомнѣнную пользу, но въѣдъ господа защитники должны понимать, что задача ихъ заключается далеко не въ томъ, и, что выставляя наружу съ наиболѣе выгодной стороны, цвѣты своего махроваго краснорѣчія, они прежде всего служатъ самимъ себѣ, своему личному я, а не интересамъ дѣла и подсудимаго.

Одинъ изъ присяжныхъ заседателей, касаясь вопроса о томъ, почему рѣчи многихъ защитниковъ, страдаютъ отсутствіемъ тщательной разработки фактовъ судебного слѣдствія, а напротивъ изобилуютъ лишь общими мѣстами, находить, что защитники весьма часто лишены бывають, по собственной же своей винѣ, возможности, извлечь изъ дѣла необходимый для нихъ матеріалъ, съ цѣлію опроверженія доводовъ обвинителя, такъ какъ многіе изъ нихъ крайне поверхностно относятся къ судебному слѣдствію, и пробавляются на судѣ только «пустячками».

Авторъ другаго изъ полученныхъ нами, по этому же предмету писемъ, касаясь того же вопроса, говоритъ между прочимъ слѣдующее: «у многихъ защитниковъ подчасъ не бываетъ совсѣмъ никакой системы въ защитѣ, у другихъ она построена бываетъ на весьма шаткихъ основаніяхъ потому, что ни тѣ, ни другіе не подготовили себѣ для того, во время судебного слѣдствія прочной почвы. И въ самомъ дѣлѣ, загляните въ любое судебное засѣданіе и посмотрите, какъ нѣкоторые изъ защитниковъ, преимущественно же казенные, относятся къ своему долгу. Свидѣтели ими допрашиваются кое какъ, безъ видимаго желанія уяснить дѣло, вопросы предлагаемые ими, не только что не уясняютъ дѣла, а иногда даже затемняютъ его, другіе вопросы, заключаютъ въ себѣ лишь безцѣльное повтореніе того, что давно уже было подробно и обстоятельно разъ-

явлено такими же вопросами суда и прокурора. Нерѣдко бываетъ такъ, что защитникъ во время судебного слѣдствія рисуетъ карандашемъ что либо на лежащемъ предъ нимъ на шпунтрѣ листѣ бумаги, или читаетъ газету, а при обращеніи къ нему предѣдательствующаго, не имѣть ли онъ предложить свидѣтелю вопроса, онъ отвѣчаетъ нѣтъ, или же для сохраненія приличія, чтобы его не упрекнули въ невнимательности къ дѣлу, предлагаетъ ему первый появившійся вопросъ, часто не подходящій вовсе къ дѣлу».

Нужно ли говорить, что и эти приемы на судѣ защитниковъ, представляютъ собою точно также явленіе обыденное и вѣкъ знакомое. Не даромъ одинъ изъ подсудимыхъ удрученный тяжестью положенія своего на судѣ, при назначенномъ ему отъ суда защитникѣ, котораго онъ увидалъ въ первый разъ только тогда, когда вошелъ уже на судѣ въ залу судебного засѣданія, послѣ вынесеннаго ему присяжными засѣдателями обвинительнаго вердикта присяжныхъ, съ грустью проговорилъ, обращаясь къ своему защитнику: «не дай Богъ никакому доброму человѣку на судѣ попасться, отъ присяжныхъ осужденіе себѣ услышать, съ этой сважейки на народъ своими глазами смотрѣть, а хуже того, не дай Богъ и лиходѣйному человѣку, на судѣ сидючи—казеннаго защитника имѣть».

Однакоже, по чувству справедливости слѣдуетъ сказать, что не всегда и не во всѣхъ случаяхъ, казенная защита можетъ быть отождествлена съ пренебреженіемъ къ своей обязанности и къ исполненію своего долга кое какъ, только для вида и отбытія назойливой лишь очереди. Нѣтъ, можно указать на весьма многихъ представителей присяжной адвокатуры и преимущественно изъ числа пользующихся въ обществѣ извѣстностію и популярностію, которые съ равнымъ усердіемъ, съ равнымъ вниманіемъ относятся къ своему высокому долгу, въ дѣлахъ, какъ по соглашенію съ подсудимыми, такъ и по назначенію отъ суда для такъ называемой, защиты «казенной».

Нерѣдко приемы, употребляемые защитой въ видахъ достиженія своей цѣли, не только что не приводятъ къ ней, но иногда влекутъ для подсудимаго прямо противоположные результаты. Такъ напримѣръ, одна изъ нашихъ корреспондентокъ, касаясь вопроса о томъ, какое значеніе и какую оцѣнку даютъ присяжные засѣдатели упорному молчанію подсудимаго, на вопросъ о его виновности и во все время судебного слѣдствія, между прочимъ говоритъ, что это молчаніе не всегда дурно вліяетъ на присяжныхъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда виновность подсудимаго, представляется вполне доказанною и несомнѣнною. «Но это бываетъ только тогда—читаемъ мы дальше—когда у присяжныхъ слагается убѣжденіе, что подсудимый молчитъ не изъ упорства, не изъ желанія, не смотря на несомнѣнную доказанность его виновности, отрицать ее, а потому, что ему совѣстно признаться въ совершенномъ имъ преступленіи, совѣстно передъ ними не какъ передъ судьями, а какъ передъ людьми, вообще, когда главную роль въ такомъ молчаніи играетъ не боязнь строгой отвѣтственности за свой проступокъ, а естественный стыдъ признаться въ немъ при всѣхъ, или вообще что либо подобное другое, но только характеризующее подсудимаго не какъ закоренѣлаго преступника, а какъ человѣка, желающаго сохранить передъ людьми

свое доброе имя, сдѣлаться снова добрымъ членомъ общества. Если же въ заирательствѣ обвиняемаго, присяжные усмотрятъ что либо другое, какъ напр., стремленіе его, провести ихъ, надуть, и тѣмъ самымъ добыть себѣ оправдательный приговоръ, тогда такіе обвиняемые почти всегда достигаютъ противнаго, получая самый строгій беспощадный обвинительный приговоръ».

Присяжные засѣдатели весьма тонко умѣютъ подмѣчать психическій процессъ, происходящій въ душѣ обвиняемаго. Всякая же попытка со стороны его, стремленіе тѣмъ или другимъ путемъ недобросовѣстно отнестись къ нимъ, всегда служитъ ему же во вредъ. По этому защитники поступаютъ крайне ошибочно и необдуманно, совѣтуя иногда нѣкоторымъ подсудимымъ упорно молчать и заираться, и такимъ приемомъ оказываютъ имъ нерѣдко «медвѣжью услугу».

Всякіе вообще приемы защитниковъ, клонящіеся къ тому, чтобы «обойдти» присяжныхъ, встрѣчаются имъ всегда крайне недружелюбно и ожесточаютъ ихъ только противъ личности подсудимаго, а потому, всѣмъ, болѣе или менѣе опытнымъ защитникамъ, или же страдающимъ нѣкоторою односторонностію во взглядахъ на свои обязанности, можно было бы совѣтовать, въ положеніи своемъ на судѣ, купно съ подсудимымъ, не удаляться вообще отъ правды, и не затемнять ее передъ совѣстью присяжныхъ.

Въ подтвержденіе того, какъ неблагоприятно отзываются на подсудимыхъ такіе приемы ихъ защитниковъ можно указать на слѣдующій случай.

Подсудимый крестьянинъ обвинялся въ убійствѣ своей жены, при обстоятельствахъ, которыя давали ему вѣроятное право быть оправданнымъ присяжными. Таково по крайней мѣрѣ было общее убѣжденіе суда и публики, а потому обвинительнаго исхода для подсудимаго никто не ожидалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ общее впечатлѣніе, произведенное подсудимымъ на всѣхъ присутствовавшихъ въ судѣ было крайне неблагоприятное; мало того, что онъ упорно молчалъ и не отвѣчалъ на вопросы, онъ кромѣ того весьма странно велъ себя въ засѣданіи, прятался безпрестанно за своего защитника отъ присяжныхъ такъ, что они его не могли разсмотрѣть и вообще на сколько умѣлъ по своему личному развитію старался, какъ видно, изобразить изъ себя человѣка помѣшаннаго.

Все это было бы ничто, и можетъ быть, лично подсудимому, присяжные простили бы эту естественную уловку его и желаніе обмануть ихъ, потому, что какой же подсудимый въ сущности не желаетъ избѣгнуть обвиненія. Но что крайне неблагоприятно подѣйствовало на присяжныхъ засѣдателей и возмутило ихъ нравственное чувство, такъ это то, что защитникъ его въ одинъ изъ моментовъ судебного слѣдствія, замѣтивъ, что обвиняемый, вѣроятно, по забывчивости, отклонился отъ разыгрываемой имъ роли, сталъ толкать его подъ скамьею ногой и снова привелъ «къ своей роли». Кромѣ того и во время процесса, присяжные засѣдатели успѣли уже убѣдиться, что подсудимый хочетъ обмануть ихъ и прямо руководится въ этомъ защитникомъ своимъ. Присяжные засѣдатели сами рассказывали, что во время перерыва засѣданія они ясно видѣли, что подсудимый сидѣлъ на своемъ мѣстѣ какъ человѣкъ совершенно здравый, былъ бодръ, выглядывалъ натурально и разговаривалъ съ своимъ защитникомъ совершенно

естественно какъ слѣдуетъ, но лишь только судебное засѣданіе началось, онъ тотъ часъ же входилъ снова въ свою роль, начиналъ жмуриться, корчиться, прятаться за защитника и представлять изъ себя сумасшедшаго, будучи одобряемъ въ томъ защитникомъ.

Сверхъ всеобщаго ожиданія, присяжные обвинили подсудимаго, очевидно подъ неблагопріятнымъ воздѣйствіемъ на нихъ совокупнаго стремленія защитника и самого подсудимаго обмануть и провести ихъ.

Присяжные засѣдатели не могутъ мириться съ такими недостойными приемами, направляемыми лично противъ нихъ, а совѣсть ихъ обладаетъ достаточною способностію для того, чтобы проникать въ душу обвиняемаго и вѣрно подмѣчать въ ней всѣ ея движенія.

Неправда, въ приемахъ защиты, съ цѣлію выгораживанія подсудимыхъ, практикуется иногда нашими защитниками и въ другой формѣ, хотя менѣе неблагоприятной, но влекущей для подсудимаго точно также отрицательные результаты.

Эта форма лицедейской неправды заключается въ томъ, что обвиняемые сознаніямъ своимъ передъ присяжными, придаютъ черезъ чуръ уже приторный характеръ, и опять таки по наущенію защиты. Присяжные, склонные всегда вѣрить простому естественному сознанію подсудимаго, истекающему изъ добрыхъ душевныхъ побужденій его, угадываютъ всегда всякое напускное смиреніе и раскаяніе обвиняемыхъ, выводимые на сцену съ цѣлію обмануть ихъ.

Приводимъ здѣсь частное мнѣніе одной изъ нашихъ корреспондентовъ, относительно того, въ чемъ грѣшатъ иногда приемы защиты, въ тѣхъ случаяхъ, когда разрѣшенію присяжныхъ засѣдателей, предлагается дѣло, по обвиненію женщины подсудимой, въ убійствѣ своего мужа.

Вотъ, что читаемъ мы въ этомъ письмѣ. «Я замѣтила, пишетъ наша корреспондентка, что присяжные засѣдатели относятся вообще снисходительнѣе въ женѣ, убившей своего мужа, нежели на оборотъ. Мнѣ нѣсколько разъ доводилось говорить по поводу этого съ присяжными и получать отъ нихъ слѣдующіе отвѣты: мужъ всегда властвуетъ надъ женою, всегда имѣетъ возможность тѣснить ее, такъ что этимъ самымъ, самъ можетъ вызвать ее на совершеніе противъ себя преступленія; когда же жена тиранитъ мужа, то это уже исключительный случай».

«На мои слова, что бываютъ и такія жены, отъ которыхъ и мужьямъ житья пѣтъ, мнѣ перѣдко отвѣчали, что, дѣйствительно, бываютъ, но что у мужа подъ рукою есть болѣе средствъ справиться съ такой женою, чѣмъ у жены возможности поладить съ тираномъ мужемъ. И дѣйствительно, сколько не слушалось въ нашемъ окружномъ судѣ дѣлъ—мужеубійць, они почти всегда оканчивались оправданіями, не смотря даже на то, какою бы не были по такимъ дѣламъ, составъ присяжныхъ засѣдателей».

«Одно такое дѣло было разъ кассировано, вторично рассматривалось въ нашемъ же судѣ, при другомъ составѣ присяжныхъ, и все таки подсудимая была оправдана».

«Большую частію преступленія такого рода случаются въ крестьянскомъ быту.

гдѣ, дѣйствительно, женщина—жена сильно угнетена, и кромѣ того рѣшительнымъ мотивомъ къ такому преступленію служатъ еще и принудительные браки. Непреодолимое желаніе отдѣлаться отъ нелюбимаго, а перѣдко и ненавистнаго, мужа, главнымъ образомъ наталкиваетъ женщину на мысль объ убійствѣ. Тяжело видѣть вообще передъ собой постоянно несимпатичнаго, отталкивающаго человѣка, а если къ тому же этотъ человѣкъ еще и нелюбимый противный мужъ, требующій себѣ отъ жены постоянныхъ ласкъ и уваженія, тогда положеніе несчастной женщины бываетъ нравственно еще тяжелѣе. Весьма часто страхъ боязни относится къ мужу иначе, вынуждаетъ ее быть съ мужемъ по виду ласковою и сердечною. А такую кажущуюся ласку, какъ фальшь, нѣкоторые изъ защитниковъ рѣшительно не въ состояніи понять, какъ слѣдуетъ, и защищая на судѣ женщину муже-убійцу, въ ложномъ пониманіи того, что въ такихъ отношеніяхъ мужа и жены представляется правдою, и что ложью, выставляютъ ихъ передъ присяжными не въ надлежащемъ свѣтѣ. Нѣкоторые недалковыидные люди иногда и говорятъ, какъ же не обвинить подсудимую, мужъ былъ съ нею ласковъ, она къ нему тоже, за что же она посягнула на его жизнь; но вѣдь бываютъ и такіе случаи, что и при ласковомъ отношеніи нелюбимаго мужа, жена убиваетъ его. Да, тѣмъ то и хуже; ласка нелюбимаго человѣка тяготитъ несравненно сильнѣе, чѣмъ грубое отношеніе, она способна причинять только нравственныя страданія».

«По этому, заключаю я, весьма ошибочно поступаютъ защитники, стремясь въ интересахъ подсудимыхъ женщинъ, замаскировывать на судебномъ слѣдствіи такое ласковое обращеніе мужа къ женѣ, которая его ненавидитъ. Лучше и цѣлесообразнѣе бываетъ для дѣла, взглянуть на эти отношенія мужа къ женѣ съ настоящей точки зрѣнія и освѣтить ихъ передъ присяжными, въ смыслѣ истиннаго ихъ значенія».

Заключимъ настоящую главу указаніемъ на то, что нѣкоторые изъ молодыхъ преимущественно защитниковъ, дозволяютъ себѣ въ своихъ рѣчахъ или предъявлять къ присяжнымъ чрезмѣрную требовательность, или же въ наставительной формѣ дѣлать имъ совершенно неумѣстныя правоученія.

Укажемъ напримѣръ на одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ, который въ окупчательномъ обращеніи своемъ къ присяжнымъ, желая убѣдить ихъ въ невинности своей кліентки, въ заключительномъ словѣ своемъ сказалъ, что если они обвиняютъ подсудимую, то это будетъ «дѣломъ вопіющей несправедливости», и за это, конечно, былъ остановленъ предсѣдательствующимъ.

Другой помощникъ присяжнаго повѣреннаго, закончилъ свою рѣчь такими словами: «въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей мы имѣемъ лучшихъ людей общества; я несомнѣваюсь, что подсудимый мой кліентъ будетъ оправданъ, допустить противное—значитъ придти къ прискорбному убѣжденію, что вы господа присяжные засѣдатели не совмѣщаете въ себѣ тѣхъ качествъ».....

Что хотѣлъ дальше сказать защитникъ, неизвѣстно, потому, что на этомъ словѣ онъ былъ прерванъ и остановленъ предсѣдательствующимъ.

А на одной уѣздной сессіи, мѣстный Демосеень, чуть не заклиная присяж-

ных оправдать его кліента, напомнилъ имъ въ картинномъ изображеніи о судѣ Божіемъ, пообѣщавъ царствіе небесное судьямъ праведнымъ и милостивымъ, и напомнилъ о жестокой карѣ и перспективѣ, быть повѣшенными на вѣрочьяхъ за бедро надъ горящею смолою тѣмъ изъ судей, которые окажутся судьями неправедными.

Вѣроятно, изъ глубокаго интереса, прослушать подобное увѣщаніе до конца, предѣлательствующій не остановилъ этого защитника, и далъ ему возможность «договориться» до конца.

Наконецъ приведемъ еще случай, когда одинъ изъ провинціальныхъ присяжныхъ повѣренныхъ закончилъ передъ присяжными засѣдателями свою рѣчь такими словами: «люди со здравымъ смысломъ, не могутъ не оправдать моего кліента, а такъ какъ я не могу не преклониться передъ вашей умственной и душевной правдой, справедливостью а главное прощательностью, то конечно и ожидаю отъ васъ моему кліенту только оправдательнаго приговора».

Этотъ присяжный повѣренный по крайней мѣрѣ не былъ въ своемъ заключительномъ посланіи одностороннимъ, и слегка взъерошивъ присяжныхъ, онъ вслѣдъ затѣмъ, тотъ часъ же и погладилъ ихъ по головкѣ.....

XLVI.

Незаконпорожденность и безпріютность въ глазахъ присяжныхъ.

Матеріальная обстановка и положеніе подсудимыхъ, какъ мы указывали уже выше, играетъ большую роль во взглядахъ и мнѣніяхъ присяжныхъ относительно подсудимыхъ, а этой стороной неблагопріятныя условія въ жизни, чаще всего встрѣчаются на судѣ, въ положеніяхъ безпріютности, выпадающей на долю разныхъ бездомныхъ и брошенныхъ на произволъ судьбы дѣтей, которыя съ малыхъ лѣтъ несутъ на себѣ тягости бродячей жизни, и такимъ путемъ совершенно естественно вырабатываютъ въ себѣ зачатки будущихъ пороковъ и преступленій. Конечно, въ положеніи такихъ безпріютныхъ людей, большею частію являются на судѣ молодые несовершеннолѣтніе подсудимые, не приученные къ труду, не окрѣпшіе въ жизни и подпавшіе подъ невольный соблазнъ житейскихъ искушеній. Поэтому каждый разъ, когда присяжнымъ засѣдателямъ приходится имѣть дѣло, съ однимъ изъ подобныхъ подсудимыхъ, они никогда не игнорируютъ въ сужденіяхъ своихъ безпомощности ихъ положенія, но не будучи въ тоже время односторонними и снисходительными черезъ мѣру, присяжные въ каждомъ дашномъ случаѣ задаются и другимъ вопросомъ: могъ ли такой безпомощный и несовершеннолѣтній подсудимый, по развитію своихъ духовныхъ и физическихъ силъ, устоять противу соблазна и неушениа преступленія, и выйти на самостоятельную дорогу честнаго труда, одинъ безъ посторонней помощи.

Конечно, по современному строю нашей соціальной жизни, въ которой общественная помощь и поддержка, развиты еще очень слабо, вопросы подобнаго рода присяжные засѣдатели въ большинствѣ случаевъ не только что вынуждаются разрѣшать отрицательно, но оправдывая такихъ подсудимыхъ, оказываютъ даже имъ, почти что всегда, нѣкоторую матеріальную помощь.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1875 года, въ Харьковскомъ Окружномъ судѣ, въ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, разсматривалось дѣло, интересное во многихъ отношеніяхъ. Обвинялся въ разныхъ кражахъ 14-ти-лѣтній мальчикъ, сынъ штабсъ-капитана, дворянинъ Павелъ Ивановъ Алферовъ. Подсудимый—совершенный ребенокъ, съ красивымъ симпатичнымъ выраженіемъ лица, съ пѣчнымъ голосомъ; онъ представленъ былъ на судъ въ арестантской одеждѣ и подъ копеемъ стражи.

Послѣ прочтенія обвинительнаго акта, подсудимый призналъ себя виновнымъ по всемъ пунктамъ обвиненія и, на вопросъ о причинахъ, побудившихъ его къ совершенію столькихъ кражъ, со слезами на глазахъ разсказалъ свою горькую повѣсть. Отецъ и мать его проживаютъ въ Старобѣльскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи; старшіе два брата служатъ на желѣзной дорогѣ въ г. Ворошежѣ. Года два тому назадъ, двоюродная сестра его, живущая въ Харьковѣ, взялась его пристроить, и съ этой цѣлью отдала его въ обученіе къ портному Бардакову. Но жизнь эта показалась ему тяжелою, — шить онъ не умѣлъ, приходилось бѣгать съ утюгомъ, да служить на посылакахъ; онъ бѣжалъ отъ портнаго и очутился на улицѣ безъ всякой помощи; къ сестрѣ идти въ домъ боялся, отецъ и мать далеко. Онъ началъ воровать и попался. Его отдали подъ надзоръ полиціи, и онъ очутился въ пристанищѣ воровъ и мошенниковъ такъ называемомъ «чертовомъ гнѣздѣ», гдѣ обѣдъ стоитъ 5 коп., ночлегъ 3 коп.; надо было ихъ платить. денегъ не было, ну и пошелъ на кражу.

Конечно, присяжные вошли въ положеніе несчастнаго мальчика и оправдали его, къ чему безпомощность и безпріютность его представляли совершенно достаточныя основанія.

Въ столичныхъ, по преимуществу, окружныхъ судахъ появленіе на скамьяхъ подсудимыхъ такихъ несчастныхъ дѣтей представляется явленіемъ болѣе чѣмъ обыденнымъ, и странно, что въ фалангѣ такихъ безпріютныхъ сиротъ, встрѣчаются представители не только низшихъ классовъ, но даже и высшихъ общественныхъ слоевъ.

Намъ извѣстенъ лично случай, съ однимъ молодымъ человекомъ, хорошей фамиліи, девятнадцати лѣтъ отъ роду, который до семнадцати-лѣтняго возраста воспитывался въ пѣгѣ и роскоши при отцѣ своемъ, но затѣмъ когда послѣдній увлекшись какой-то куртизанкой, женился на ней, то вся семья его пошла въ разбродъ. Младшихъ дѣтей отецъ разсвалъ кое куда по пріютамъ, а старшихъ просто прогналъ. Изъ нихъ шестнадцатилѣтняя дочь испробовавъ тщетно свои неподготовленныя въ борьбѣ съ нуждой силы, поступила къ кому-то на содержаніе, а мальчикъ послѣ цѣлаго ряда такихъ же напрасныхъ попытокъ, какъ нибудь устроиться, не будучи способенъ ни къ какому прочному труду, ни къ какой работѣ, свихнулся скоро съ пути и попалъ на скамью подсудимыхъ, совершивъ какой-то подлогъ.

На судѣ, этотъ юноша съ самой непритворной искренностію просилъ, чтобы присяжные засѣдатели осудили его въ Сибирь.

— Осудите меня пожалуйста, умолялъ онъ, пусть меня хоть въ Сибирь сошлютъ, да только сдѣлаютъ тамъ человекомъ, а тутъ я все равно пропаду, я

самъ съ собою ничего не могу сдѣлать, помогите пожалуйста мнѣ, господа присяжные, осудите меня, упрашивалъ мальчикъ, полный отчаянія, что его оправдаютъ, и что онъ останется опять ни при чемъ.

Когда присяжные вынесли однако же ему оправдательный приговоръ, то это до того поразило его, что онъ словно замеръ въ своей позѣ, и только когда его вывели уже въ корридоръ, онъ разразился настоящей истерикой, громко заявляя, что присяжные хотятъ непременно его погубить.

Таково бываетъ иногда отрицательное значеніе совѣстливаго и справедливаго отношенія присяжныхъ къ подсудимымъ, и подобнаго рода противорѣчія въ жизни наблюдаются въ нашихъ судахъ сплошь и рядомъ. Во многихъ уголовныхъ процессахъ, гдѣ безпріютность и беспомощность подсудимыхъ, являются главными факторами преступленій, оправдательные приговоры присяжныхъ нерѣдко наводятъ на очень грустные размышленія о безвыходномъ положеніи, въ которомъ могутъ очутиться присяжные засѣдатели, произнося свой приговоръ по чистой совѣсти. И въ самомъ дѣлѣ, для многихъ изъ подсудимыхъ, вступившихъ на путь преступленія влѣдствіе безвыходности и безпріютности своего положенія, оправдательные приговоры присяжныхъ, какъ результатъ убѣжденія ихъ совѣсти, углубляютъ только то бѣдственное положеніе, въ которомъ они прежде находились. На вопросъ суда, испорченный ли подсудимый человѣкъ или нѣтъ, виноватъ онъ или нѣтъ, присяжные по совѣсти отвѣчаютъ отрицательно не вдаваясь въ постороннія соображенія, и поступая такимъ образомъ по чувству своего судейскаго долга, ставятъ подсудимаго лицомъ къ лицу съ прежнею грозною альтернативой, возвратиться снова къ своему беспомощному состоянію и совершить опять преступленіе, для того, чтобы вновь появиться на скамьѣ подсудимыхъ. Положеніе тяжелое, томительное для подсудимаго, и еще болѣе того нравственно невыносимое для сознанія присяжныхъ засѣдателей, какъ создаваемое ихъ же собственною совѣстью.

Положеніе безпріютства между людьми и какъ бы самого отчужденія отъ общества, поражаетъ собою по весьма естественнымъ причинамъ, значительное число несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и дѣвочекъ преступницъ, изъ числа незаконнорожденныхъ дѣтей. И хотя въ общей массѣ подсудимыхъ, процентъ ихъ представляется очень значительнымъ, но сравнительно съ оправданіями подсудимыхъ изъ законнорожденныхъ, на долю незаконныхъ по рожденію подсудимыхъ, выпадаетъ болѣе значительный процентъ оправдательныхъ приговоровъ. Происходить это отъ того, что по тому положенію, которое занимаютъ въ нашемъ обществѣ незаконнорожденные, по тѣмъ правамъ, которыми они у насъ пользуются, незаконнорожденность и безпріютность являются у насъ синонимами, а эти невыгодныя стороны положенія жизни незаконнорожденныхъ, и побуждаютъ присяжныхъ засѣдателей смотрѣть на нихъ въ высшей степени снисходительно. И дѣйствительно, по чувствамъ человѣчества, они видятъ въ нихъ людей, отмѣченныхъ не по ихъ винѣ, несправедливыми укорами общества, какъ судьи—они сознаютъ въ нихъ невольныхъ и вынужденныхъ нарушителей закона, въ сердцахъ которыхъ ни чья родственная душа, ни чье доброе влияніе, ни чья забота, не постарались

развить добрыя инстинкты, и поставить ихъ на путь добра. Какъ сами отцы семействъ, присяжные засѣдатели видятъ въ этихъ несчастныхъ дѣтяхъ, виновныхъ отверженниковъ отъ несуществующаго для нихъ семейнаго очага, подъ кровомъ котораго они могли бы получить доброе развитіе, понятія о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка, и который согрѣлъ бы юныя сердца ихъ, теплымъ, живымъ и сочувственнымъ къ нимъ отношеніемъ. Тяжелая жизненная обстановка незаконнорожденныхъ, чуждая семейныхъ благъ и привязанности близкихъ и родныхъ сердцу людей, невольно побуждаетъ присяжныхъ засѣдателей, относиться вообще мягче къ положенію несовершеннолѣтнихъ подсудимыхъ изъ незаконныхъ дѣтей, и съ крайнею снисходительностію прощать имъ тѣ нарушенія закона, на которыя особенно часто наталкиваетъ ихъ злополучная судьба.

Въ одномъ оружномъ судѣ, шестнадцатилѣтній мальчикъ изъ незаконнорожденныхъ, питомецъ воспитательнаго дома, преданъ былъ суду присяжныхъ за поджогъ дома своего хозяина, или, лучше сказать, своего воспитателя, который взялъ его изъ округа. Въ данномъ случаѣ положеніе ребенка, повидному, было даже обезпечено, но чистосердечный разсказъ мальчика о невыносимыхъ тягостяхъ, которыя онъ терпѣлъ отъ своего «благодѣтеля», дышалъ такою искреннею, но горькою правдою, и до того возмущилъ нравственное чувство всѣхъ слышавшихъ эту горькую исповѣдь, чахлаго, блѣднаго и видимо измученнаго ребенка, что нѣкоторые изъ присяжныхъ даже прослезились.

— Онъ на мнѣ камни съ поля возилъ... палкой по головѣ билъ... говорилъ сквозь слезы ребенокъ, указывая на свою взъерошенную голову, смертнымъ боемъ сколько разъ колотилъ, зубы разбилъ до крови, ухо оборвалъ, я убѣждалъ на округъ... начальнику... говорю, не могу у своего «шнитателя»... жить, тяжело... забилъ онъ меня совсѣмъ... а меня на округу высѣкали... да назадъ къ нему... а онъ накиннулъ мнѣ веревку на голову къ телятѣ привязалъ, да гужомъ билъ... билъ, сколько влѣзло, поколь не усталъ.

Послѣдствіемъ такого воспитательнаго обращенія съ ребенкомъ, послѣдній совершилъ поджогъ, за который присяжные, конечно, его оправдали.

Такія картины не исключительныя явленія, въ нашихъ окружныхъ судахъ, поэтому не удивительно, что присяжные въ незаконнорожденности обвиняемыхъ видятъ одинъ изъ мотивовъ, говорящихъ въ пользу ихъ, какъ преступниковъ не добровольнаго, а вынужденнаго обстановкою жизни, проявленія злой воли.

Впрочемъ, у насъ вообще не безъ странностей во взглядахъ, и въ этомъ отношеніи мы можемъ указать на мѣстности, гдѣ присяжные засѣдатели на незаконнорожденныхъ, смотрятъ съ своей исключительной точки зрѣнія, и даже называютъ этихъ несчастныхъ характерною вѣткой «дѣвичьихъ сынковъ».

На сессіи въ уѣздномъ городѣ, были однажды судимы два такихъ дѣвичьихъ сынка за кражу, въ которой они сознались.

Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей, совѣщанія присяжныхъ по дѣлу объ этихъ двухъ подсудимыхъ:

«Присяжные крестьяне, повидному, остались довольны ихъ откровеннымъ признаніемъ, однако же, на совѣщаніи общій голосъ сказался не въ ихъ пользу.

Не смотря на нѣкоторые доводы за нихъ. всѣ присяжные твердятъ: «что ни говори, а въ этихъ дѣвущинныхъ сынкахъ проку не бываетъ. народъ балованный, отъ нихъ только и жди завсегда бѣды, да и чего другого ждать отъ нихъ, когда воспитали ихъ бабышки, которыя берутъ ребятъ изъ за денегъ только, что имъ платитъ воспитательный домъ, а тамъ какимъ онъ ни выйдетъ... имъ все равно... коли пустнялся тоже въ бездѣлье да воровство, такъ и жалѣть ихъ нечего, все равно толку отъ нихъ не дождешься, а худую траву лучше изъ поля вонъ—пиши виновны, говорить старшинѣ и обвинили».

«Признаться, жаль было мнѣ парней, а дѣлать нечего... но съ тѣмъ вмѣстѣ, нельзя не согласиться и съ тѣми доводами, что люди не пріученные къ труду, не знающіе ни ремесла, ни хозяйства, склонны лишь къ кабаку, и разгулу — скорѣе другихъ впадаютъ въ проступки, и преступленія».

Упомянутый нашъ корреспондентъ, присяжный засѣдатель такими словами заканчиваетъ свое письмо:

«Много говорится вообще у насъ въ пользу грамотности народа, но мало въ пользу ремесла: между тѣмъ, какъ, мудрость народная давно уже сказала: «не оставь сыну богатства, а оставь ему ремесло».

Въ замѣткахъ одного изъ нашихъ корреспондентовъ—присяжныхъ, читаемъ мы другое описаніе дѣла объ одномъ изъ незаконпорожденныхъ.

«И такъ, вотъ послѣднее дѣло: подсудимый маленькій мальчикъ, — безродный разломавшій шкатулку, и укравшій оттуда деньги. Онъ, въ своемъ сѣромъ арестантскомъ одѣяніи, стоялъ между конвойными за рѣшеткой, какъ мышь между котами. Когда предсѣдатель обратился къ нему съ первыми же обычными вопросами, то онъ, вмѣсто отвѣта, зарыдалъ и уткнулся лицомъ въ свою арестантскую шапку».

«Совѣщанія присяжныхъ объ этомъ мальчикѣ длились довольно долго. Не признать виновнымъ, думали, куда же ему дѣваться — не куда, онъ безродный, между тѣмъ, зима на дворѣ, стужа, признать — страшимся и не знаемъ, какая участь его ожидаетъ, наказать строго жалко, да и не заслуживаетъ онъ, по волей неволей, рѣшились, наконецъ на послѣднее, чему основаніемъ послужило резюме предсѣдателя, въ которомъ онъ высказалъ, что для подсудимыхъ дѣтскаго возраста, имѣются особыя наказанія. И ужъ какъ мы всѣ довольны были за этого мальчика, когда судъ опредѣлилъ ему наказаніе въ монастырь — не помню, на какой срокъ».

Года три тому назадъ, въ одномъ изъ провинціальныхъ окружныхъ судовъ, разбиралось дѣло объ одной четырнадцатилѣтней дѣвочкѣ, которая обвинялась въ томъ, что встрѣтивъ въ городскомъ саду какого-то пріѣзжаго купца, заговорила съ нимъ, завлекла его своимъ хорошенькимъ личикомъ, и убѣдивъ его, что она «знаетъ все и умѣетъ» предложила ему себя. Купецъ соблазнился ребенкомъ, взялъ ее къ себѣ номеръ, гдѣ она и провела съ нимъ ночь, а на утро у купца не оказалось бумажника съ деньгами 600 руб. сер. По жалобѣ этого купца дѣвочка эта была розыскана, и когда при ней нашли почти сплоша всю украденную у купца сумму денегъ, то она не смотря на свой молодой, дѣтскій еще

возрасть, оказалась на столько уже опытною въ дѣлахъ подобнаго рода, что повидимому безъ борьбы и спора съ мольтившимся на нее купцомъ, рѣшилась не выдавать ему его деньги и заявила, что онъ эту сумму добровольно уплатилъ ей, за лишеніе ея невинности. Тоже самое она заявляла и на судѣ, съ цинизмомъ, отъ котораго краснѣли всѣ мужчины. Такая безправственность дѣвочки произвела на всѣхъ присяжныхъ удручающее впечатлѣніе, но однако же присяжные ее не обвинили, а напротивъ оправдали и собрали еще въ пользу ся 40 рублей сереб., на которые она немедленно по освобожденіи изъ суда была помѣщена въ пріютъ, съ уплатой за ней денегъ впередъ за полгода, изъ соранной въ пользу ея суммы.

Какіе же мотивы руководили присяжными въ столь милостивомъ отношеніи ихъ, къ такой несомнѣнно уже безправственной и испорченной дѣвочкѣ.

Отвѣтъ на это будетъ—ея незаконнорожденность и безпріютность.

Въ небольшомъ провинціальномъ городѣ была извѣстна всѣмъ жалкая исторія этой дѣвочки. Побочная дочь одного офицера, она до 2 лѣтъ росла при своей матери, городской швеѣ, а послѣ смерти ея была отдана «на прокормъ на счетъ благотворительнаго комитета» одному городовому, у котораго она пробыла до 7 лѣтъ, послѣ чего тотъ же комитетъ отдалъ ее въ обученіе въ «бурнусное заведеніе», гдѣ съ 12-лѣтняго возраста, хозяйнѣ ея сталъ «пріучать ее къ себѣ», какъ она сама объясняла потомъ на судѣ, и пріучилъ такъ успѣшно, что къ 13 годамъ, дѣвочка была уже достаточно подготовлена для «всеобщаго пользованія» и познавъ въ себѣ привлекательность хорошенькаго личика, изъ бурнуснаго заведенія переселилась въ городской скверъ и на бульвары, составивъ себѣ скоро въ городѣ реноме «бѣлокурки Надюши».

Эту Надюшу скоро всѣ узнали, она пошла быстро въ ходъ, и въ 14 лѣтъ по цинизму пріемовъ, выглядывала уже совершенно беззащитною публичною женщиною.

Въ данномъ случаѣ, несчастное происхожденіе бѣдной дѣвочки было причиною того, что жизнь ея пошла такой печальной чередой, и такъ какъ въ сущности она была всѣмъ чужая и никто ея не интересовался, не исключая и благотворительнаго комитета, который въ 12 лѣтъ ея возраста, выключилъ ее уже изъ списковъ своихъ опекаемыхъ, какъ «развратную», то понятно, ничего лучшаго въ жизни съ нею и не могло случиться.

Если же она, послѣ такой житейской передраги, попала въ пріютъ, то только благодаря личному участию къ ней тѣхъ присяжныхъ засѣдателей, у которыхъ не хватило духа по совѣсти обвинить ее и сказать ей съ совершенно спокойнымъ и убѣжденнымъ голосомъ судьи: «да виновна».

XLVII.

Письменные доказательства на судѣ присяжныхъ.

Въ разряду письменныхъ доказательствъ, предъявляемыхъ во время судебного слѣдствія присяжнымъ засѣдателямъ, принадлежатъ разнаго рода документы и акты, касающіеся непосредственнаго существа дѣла, какъ напр. подложные документы, составляющіе предметы обвиненія, различныя бумаги, представляемыя въ

судъ для сличенія почерковъ, письма, счета копосаменты иногда даже и печатные экземпляры книгъ, журналовъ, газетъ и другихъ изданій, а также подложные кредитные билеты и другія денежные цѣнности.

Всѣ такіе письменные и печатные документы, предъявляются обыкновенно присяжнымъ засѣдателямъ, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, которыя имѣютъ для дѣла значеніе или со стороны ихъ содержанія или же стороны почерка, которымъ они писаны, въ случаѣ если рѣчь идетъ о подложѣ документа. Въ послѣднемъ случаѣ, подложные документы сопровождаются обыкновенно протоколами судебныхъ слѣдователей, въ которыхъ кромѣ подробнаго описанія виѣшнихъ признаковъ ихъ, указываются тѣ данныя, въ силу которыхъ документъ предполагается подложнымъ, приводятся мнѣнія экспертовъ, слышавшихъ подложный документъ съ истиннымъ почеркомъ того лица, которому приписывается составленіе подложной бумажки, перечисляются документы, которые по сходству почерковъ были сличаемы съ подложнымъ актомъ.

Такимъ образомъ, прочтеніе подобнаго протокола судебного слѣдователя, по видимому должно выяснять присяжнымъ исполнѣ то значеніе, которое тотъ или другой документъ долженъ имѣть, въ смыслѣ вещественнаго доказательства. Но этимъ не ограничивается обыкновенно знакомство присяжныхъ засѣдателей, съ вещественными доказательствами письменнаго характера и присяжные обыкновенно сами осматриваютъ ихъ, сличаютъ, сравниваютъ, дѣлаютъ свои личные выводы и заключенія. Независимо того, въ какомъ смыслѣ высказались объ осматриваемыхъ документахъ эксперты, если они были по дѣлу, судебный слѣдователь, составлявшій протоколъ осмотра или сличенія ихъ, и присутствовавшіе при томъ понятые. Такимъ образомъ присяжные засѣдатели путемъ личнаго непосредственнаго своего участія въ осмотрѣ спорныхъ и подложныхъ документовъ имѣютъ возможность провѣрить всѣ тѣ выводы, которые относительно того были сдѣланы, какъ на предварительномъ такъ и судебномъ слѣдствіи. О томъ значеніи, какое при такихъ условіяхъ долженъ имѣть для пользы дѣла личный осмотръ присяжными засѣдателями всякаго рода письменныхъ документовъ, какъ вещественныхъ доказательствъ, мы говорить не будемъ, такъ какъ къ осмотру документовъ примѣнимо все то, что мы говорили уже выше въ одной изъ предыдущихъ главъ, относительно личнаго изслѣдованія присяжными засѣдателями, всякаго рода вещественныхъ доказательствъ а въ томъ числѣ и письменныхъ документовъ. Скажемъ здѣсь только, что письменные документы, по характеру своего не общаго, а исключительнаго значенія, со стороны доступности ихъ по содержанію своему только грамотнымъ и образованнымъ присяжнымъ засѣдателямъ, являются недоступными для оцѣнки и пониманія тѣхъ изъ нихъ, которые не знаютъ совсѣмъ грамотъ, и предъявленіе которымъ всякаго рода письменныхъ документовъ является потому, конечно, совершенно безцѣльнымъ.

Въ другихъ же случаяхъ—какъ это впрочемъ раза два и было уже въ нашей судебной практикѣ—присяжные засѣдатели изъ неграмотныхъ, имѣютъ основаніе даже обижаться на судъ, когда послѣдній предлагаетъ имъ для осмотра какіе либо письменные документы.

Впрочемъ, присяжные засѣдатели изъ неграмотныхъ, обладаютъ иногда достаточною сметкой для того, чтобы усмотрѣть въ подложномъ документѣ такіе признаки подлога, которые прошли незамѣченными не только для другихъ образованныхъ и грамотныхъ присяжныхъ, но даже и для самихъ органовъ слѣдственной и обвинительной власти.

Дѣло шло о подложномъ завѣщаніи, составленномъ отъ имени лица умершаго въ 1865 году. Видимыхъ и несомнѣнныхъ доказательствъ подлога ни на слѣдствіи ни на судѣ обнаружено не было. Присяжные засѣдатели, осмотрѣвъ документъ, возвратили его судебному приставу. Тогда одинъ изъ нихъ неумѣвшій писать и читать «письменное», но понимавшій «печатное», попросилъ еще разъ подложное завѣщаніе и, осмотрѣвъ его на свѣтъ, къ удивленію всѣхъ заявилъ, что на листѣ гербовой бумаги на которомъ было написано это завѣщаніе оказался гораздо позднѣйшій годъ выпуска бумаги, и что потому это завѣщаніе, въ всякихъ сомнѣній должно быть признано подложнымъ, такъ какъ воля лица умершаго въ 1865 году, не могла быть конечно по естественному порядку вещей изложена на бумагѣ позднѣйшаго выпуска 1867 года.

Такимъ образомъ полуграмотный присяжный, обнаружилъ несомнѣнную подложность документа, разоблачить которую не догадался никто изъ его грамотныхъ и образованныхъ со товарищей.

XLVIII.

Нарушеніе присяжными засѣдателями обязанностей ихъ званія.

Говоря о нарушеніи присяжными засѣдателями ихъ обязанностей, какъ судей, передъ лицомъ закона и избравшимъ ихъ обществомъ, слѣдуетъ прежде всего оговориться, что эти нарушенія по самому свойству ихъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи, рѣзко отличающіяся одна отъ другой, по своей относительной для дѣла важности и по своему значенію.

Къ первой категоріи нарушенія присяжными засѣдателями своего судейскаго долга, мы отнесемъ неправосудіе ихъ, являющееся сознательнымъ актомъ неправильнаго осужденія или неправильнаго оправданія кого либо изъ подсудимыхъ, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, изъ которыхъ самую обиденною является подкупъ присяжныхъ засѣдателей.

Говоря о судѣ присяжныхъ, относя ему должную дань уваженія, нельзя въ тоже время не сознаться, что въ нашей судебной практикѣ было уже нѣсколько хотя и крайне рѣдкихъ случаевъ неправосудія присяжныхъ, столь рѣдкихъ, что на нихъ по справедливости нельзя останавливаться, а тѣмъ болѣе включать ихъ какъ матеріаль или факты для оцѣнки и характеристики дѣятельности присяжныхъ. Всѣ эти немногочисленные случаи неправосудія присяжныхъ засѣдателей, не могутъ имѣть особеннаго значенія еще и потому, что въ большинствѣ изъ нихъ, собственно подкупъ присяжныхъ, какъ купля судейской совѣсти, не игралъ никакой роли, а затѣмъ мотивы неправосудія обуславливались совершенно другими причинами. Для насъ въ этихъ немногихъ дѣлахъ представляется несрав-

ненно болѣе важнымъ то явленіе, что по нѣкоторымъ дѣламъ, о неправосудіи присяжныхъ, подкупы ихъ, были обнаружены представителями ихъ же собственной среды, которые безъ всякихъ колебаній указали суду на тѣхъ изъ сотоварищей своего состава, которые путемъ такого недостойнаго отношенія въ своему долгу, конечно прежде всего затронули достоинство и честь своихъ же сотоварищей.

Укажемъ въ этомъ отношеніи на случай, имѣвшій мѣсто въ городѣ Кашинѣ, въ 1876 году и переданный въ «Русскія Вѣдомости» ея корреспондентомъ. По сообщенію этого корреспондента, въ судебномъ засѣданіи по дѣлу волостнаго старшины Куманичкина, и волостнаго писаря Пономарева, обвинявшихся въ иломъ рядѣ преступленій по службѣ, во время судебного слѣдствія, одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей, Преображенскій, заявилъ суду, что другой присяжный засѣдатель Сѣровъ предлагалъ ему 100 рублей серебромъ, за оправданіе Куманичкина и Пономарева. Заявленіе присяжнаго засѣдателя Преображенскаго подтвердилъ третій присяжный засѣдатель Федоровъ. Окружный судъ составилъ протоколъ по поводу этого заявленія и передалъ его прокурору, а присяжныхъ засѣдателей, прикосновенныхъ къ подкупу, исключилъ изъ состава присутствія. По сообщенію корреспондента, огласка этого позорнаго факта возмутила все общество и, конечно, не безъ основанія.

Къ категоріи другихъ нарушеній судебскихъ обязанностей присяжныхъ засѣдателей несравненно менѣе важныхъ по существу, но за то и многочислѣннѣйшихъ, мы относимъ, уклоненія присяжныхъ засѣдателей отъ явки въ засѣданія невнимательное отношеніе ихъ къ слушаемымъ дѣламъ, невоздержность извѣстнаго рода, при исполненіи своихъ обязанностей, и другія тому подобныя болѣе мелочныя нарушенія.

По отношенію къ этимъ проступкамъ присяжныхъ, можно указать, что уклоненія, напримѣръ, отъ участія въ засѣданіяхъ, представляются на столько уже частыми въ дѣятельности нашихъ присяжныхъ, что они приняли чуть не хроническій характеръ. Охотно являющихся въ судебныя засѣданія присяжныхъ засѣдателей, съ теченіемъ времени, дѣлается у насъ все меньше и меньше, при чемъ нежеланіе засѣдательствовать и избавиться отъ этой повинности мотивируется, въ большинствѣ случаевъ, служебными обязанностями, подрывомъ своихъ собственныхъ дѣлъ, а въ сущности лѣнью и отсутствіемъ малѣйшаго желанія послужить общественнымъ интересамъ бесплатно, такъ какъ и намъ лично не разъ доводилось слышать отъ многихъ изъ присяжныхъ, что они гораздо рѣтвѣе относились бы къ своей явкѣ на судъ, если бы за это полагались имъ «суточные деньги».

Особенною, такъ сказать, нетерпимостію къ засѣданіямъ на судѣ, отличаются присяжные изъ купцовъ, всецѣло, поглощенныхъ всегда своими торговыми интересами. Какъ люди въ большинствѣ случаевъ денежные, они узакониваютъ всегда цѣлку свою на судъ купленными докторскими свидѣтельствами, которыя составляютъ въ этомъ отношеніи величайшее зло. Весьма часто случается такъ, что судьямъ бываетъ положительно извѣстно, что тотъ или другой присяжный засѣдатель

купецъ, представившій суду врачебное удостовѣреніе о своей болѣзни, въ сущности находится въ вождѣльномъ состояніи, сидитъ у себя въ лавкѣ и торгуетъ, а между тѣмъ возражать противъ такихъ свидѣтельствъ суду не бываетъ оснований, такъ какъ со стороны законности они представляются непогрѣшимыми, и гербовый то сборъ по нимъ бываетъ вполне уложенъ и подписъ врача засвидѣтельствована, и печать приложена, и номеръ поставленъ, однимъ словомъ, все какъ слѣдуетъ, а со стороны внутренняго содержанія такихъ свидѣтельствъ и говорить нечего. Иногда въ нихъ перечисляются такіе страшные недуги, что казалось бы при наличности ихъ въ пору было ложиться въ гробъ живому, а между тѣмъ одержимые ими здравствуютъ, благоденствуютъ и подсмѣиваются надъ другими.

Наименьшею степенью удаленія отъ исполненія обязанностей присяжныхъ отличаются крестьяне, не смотря на то, что повинность эта въ матеріальномъ отношеніи представляется для нихъ наиболѣе чувствительной.

Намъ лично въ нашей судебной практикѣ пришлось однажды обнаружить, что двое купцовъ для того чтобы избавиться, по мѣсту своей приписки, отъ неполненія обязанностей присяжныхъ засѣдателей, переписались даже на время въ другіе города.

Такая цѣлѣугодность къ обязанностямъ присяжныхъ засѣдателей просто непонятна.

По отношенію къ лицамъ купческаго сословія, представительство которыхъ въ большей части случаевъ, состоитъ изъ лицъ, поглоченныхъ, исключительно своими личными выгодами и расчетами, такое отношеніе къ выполненію общественнаго долга, пожалуй, будетъ понятнымъ, но намъ казалось бы, что этого нельзя было ожидать отъ лицъ нашего высшаго интеллигентнаго общества, а между тѣмъ по единогласному замѣчанію почти всѣхъ судебныхъ дѣятелей, представители этой среды, которая по развитію своему, должна была бы показывать собою другимъ, примѣръ болѣе сочувственнаго отношенія къ своему долгу, наоборотъ, никогда почти не являются на судъ, охотно платя даже налагаемые на нихъ судомъ обыкновенно довольно крупныя штрафы.

Физическая и моральная усталость, дѣйствующая обыкновенно на присяжныхъ изъ простой среды, не привыкшей къ продолжительной или усленной умственной работѣ, влечетъ своимъ послѣдствіемъ то, что присяжные изъ простолюдиновъ въ урочный часъ своего вечерняго сна перѣдко засыпаютъ въ засѣданіяхъ. Нѣкоторые изъ предѣдательствующихъ относятся къ такимъ случайностямъ съ присяжными вполне снисходительно, видя въ этомъ неизбежные результаты ихъ естественнаго утомленія, такъ какъ перѣдко судебныя засѣданія затягиваются далеко за полночь; другіе же съ несоотвѣтствующею строгостію, считаютъ умѣстнымъ относиться къ присяжнымъ въ такихъ случаяхъ, крайне строго, и дѣлать имъ публично выговоры и потапн въ родѣ того, что присяжные засѣдатели приглашаются въ судъ не для того, чтобы спать, и т. д. Но такія притязанія судей бываютъ вполне неумѣстны, такъ какъ съ другой стороны самому суду присяжные засѣдатели въ такихъ случаяхъ могли бы сдѣлать болѣе основатель-

ный упрек, что ихъ нельзя вызывать въ засѣданія для того, чтобы заставлять высказываться въ судѣ нерѣдко по 12 часовъ къ ряду, обращая ночь въ день, какъ это практикуется изъ личныхъ удобствъ, очень многими судьями, назначающими на одинъ день слишкомъ большое число дѣлъ.

Случайнымъ иногда появленіямъ присяжныхъ засѣдателей въ засѣданія суда въ нетрезвомъ видѣ, мы не придаемъ какого либо особаго значенія, такъ какъ такіе случаи бываютъ вообще очень рѣдки, да и сами присяжные, по чувству товарищества, стараются обыкновенно устранять всякую возможность такихъ случаевъ, взаимно одинъ другаго охраняя и предостерегая отъ невоздержности.

А въ одномъ уѣздномъ городѣ, присяжные засѣдатели во избѣжаніе публичнаго срама отъ того, что одинъ изъ ихъ товарищей угостился черезъ жѣру, воспользовавшись удобнымъ случаемъ перерыва, увелъ его въ особое отдѣленіе совѣщательной комнаты, гдѣ помѣщался клозетъ, уложилъ его тѣмъ спать и заперли на ключъ, а суду заявили при перекличкѣ, что онъ неизвѣстно куда ушелъ. Судъ наложилъ на него три рубля штрафа и тѣмъ дѣло можетъ быть и окончилось бы, но уложенный на покой присяжный засѣдатель, оказался изъ числа буйныхъ, беспокойныхъ во хмѣлю, съ «пдравомъ не терпящимъ препятствій». Во время начавшагося уже очереднаго дѣла, въ самый интересный моментъ его, когда подсудимый передавалъ свою трогательную исповѣдь о томъ, какъ онъ своему земляку «ненарокомъ скулу своротилъ» въ совѣщательной комнатѣ присяжныхъ раздался вдругъ «оглушительный» трескъ. Предсѣдатель суда, человекъ крайне нервный, до того испугался, что даже вскрикнулъ, присяжные переглянулись между собою и пришли въ смущеніе. Нѣсколько секундъ спустя, трескъ повторился снова, и вслѣдъ затѣмъ могучая длань заточеннаго, выломивъ дверь изъ клозета, которая съ грохотомъ полетѣла на полъ, а когда судебный приставъ бросился было во входъ въ совѣщательную комнату, то дверь изъ нея въ судебную залу быстро вдругъ распахнулась, и на порогъ ея появился самъ вшивникъ этой передраги безъ скюртука, съ взъерошенной головой, столь предательски выдавшій головою публично какъ себя, такъ и невнимую ловку своихъ переконфуженныхъ товарищей.

Картина вышла крайне эффектная.....

XLIX.

Постановка вопросовъ и отвѣты присяжныхъ засѣдателей.

За окончаніемъ судебного слѣдствія и преній сторонъ, купно съ заключительнымъ словомъ предсѣдательствующаго, наступаетъ главнѣйшій моментъ положенія на судѣ присяжныхъ засѣдателей, завершающій собою дѣятельность ихъ по каждому отдѣльному дѣлу, постановкою отвѣтовъ на тѣ вопросы, которые предлагаются судомъ на ихъ разрѣшеніе. Не смотря на относительно долгую уже практику, и на постоянныя разъясненія предсѣдательствующихъ, наши присяжные до сего времени, не могутъ еще усвоить себѣ вполне правильнаго взгляда на то, какимъ образомъ должны они отвѣчать на вопросы суда и въ чемъ должна выразиться сущность всякаго рода отвѣтовъ ихъ. Дѣятельность нашихъ окружныхъ судовъ, изобилуетъ самыми характернѣй-

шими указаніями того, какъ присяжные засѣдатели то неосновательно, то остроумно, но невѣрно, то непонятно, а иногда и съ явными противорѣчіями самими же себѣ, отвѣчаютъ на вопросы суда о виновности подсудимыхъ. И нельзя сказать, чтобы такую непонятливостію въ составленіи отвѣтовъ отличались бы только присяжные изъ малограмотныхъ и неразвитыхъ людей; напротивъ того, по удостовѣренію лицъ судебного вѣдомства, представители интеллигентной среды нѣсколько не отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ людей, по развитію своему ниже ихъ стоящихъ.

По одному дѣлу присяжнымъ засѣдателямъ былъ предложенъ вопросъ о виновности подсудимаго въ томъ, что онъ совершилъ кражу вещей со взломомъ у амбара замка. На этотъ вопросъ присяжные отвѣчали такъ: «да виновенъ въ кражѣ и во взломѣ», тогда какъ послѣдняя добавка, за утвержденіемъ присяжными засѣдателями вопроса о виновности подсудимаго, по всѣмъ фактическимъ признакамъ преступленія, уже не требовалась.

Иногда такіа добавки присяжныхъ къ отвѣтамъ свидѣлствуютъ, что судъ не достаточно ясно излагаетъ передъ ними признаки разсматриваемаго противозаконнаго дѣянія. Такъ напримѣръ, укажемъ на такой случай. Подсудимый обвинялся въ кражѣ сапогъ изъ запертаго чулана, при чемъ вытащилъ изъ притолоки пробой. Судъ постановилъ на разрѣшеніе присяжныхъ вопросъ о кражѣ со взломомъ, на который присяжные отвѣтили такъ: «да виновенъ, но безъ взлома, а съ выдернутіемъ пробоя». Присяжные, очевидно, не поняли, что выдернутіе пробоя есть тотъ же взломъ, а потому и отвѣтили, что подсудимый ничего не сломалъ, а только вытащилъ пробой.

Одинъ составъ присяжныхъ засѣдателей, исключительно интеллигентныхъ лицъ, со старшиною юристомъ во главѣ, отвѣтивъ на первый вопросъ о виновности подсудимаго «нѣтъ не виновенъ», не извѣстно ужъ по какимъ соображеніямъ счелъ нужнымъ на второй вопросъ, о томъ, дѣйствовалъ ли подсудимый съ разумніемъ отвѣтить: «да съ полнымъ разумніемъ», тогда какъ за признаніемъ подсудимаго невиновнымъ по первому вопросу, разрѣшать послѣдній не предетояло уже никакой надобности.

Иногда добавленіями своими къ утвердительному отвѣту о виновности подсудимыхъ, присяжные отвергаютъ всѣ тѣ признаки преступленія, въ которомъ подсудимый признавъ ими виновнымъ. Таковы напримѣръ, бываютъ отвѣты на вопросы о виновности въ кражѣ: «да виновенъ, но безъ цѣли похищенія», или же на таковой же вопросъ о виновности въ кражѣ отвѣчаютъ: «да виновенъ, но дѣйствовалъ совершенно безсознательно», то-есть другими словами отвергаютъ вполне, существенный признакъ всякаго вообще преступленія—умыселъ, и признаютъ подсудимаго невиновнымъ, вслѣдствіе чего, не смотря на утвердительный вопросъ о виновности подсудимаго, судъ вынуждается признавать его оправданнымъ по суду.

Особенную путаницу въ понятіяхъ присяжныхъ, производятъ вопросы о предварительномъ согласіи, и о различныхъ степеняхъ участія нѣсколькихъ подсудимыхъ, въ содѣяніи одного и того же преступленія. Такъ напримѣръ, признавъ

утвердительно предварительное соглашение между нѣсколькими участниками одного и того же дѣла, присяжные вмѣстѣ съ тѣмъ признають нѣкоторыхъ главными виновниками, и на оборотъ, при отрицательномъ отвѣтѣ на вопросы о предварительномъ согласіи, выдѣляютъ изъ среды виновныхъ зачинщиковъ, смѣшивая ихъ съ главными виновными, а пособниковъ съ участниками.

Впрочемъ, эта сбивчивость въ распредѣленіи ролей подсудимыхъ, представляетъ собою исключительныя трудности не для однихъ только присяжныхъ засѣдателей не юристовъ, но даже и для коронныхъ судей, справедливо указывающихъ, что глава уложенія о наказаніяхъ, трактующая объ участіи въ преступленіи, представляетъ въ себѣ вообще много казуистическаго.

Нѣкоторые изъ присяжныхъ засѣдателей основательно замѣчаютъ, что неудовлетворительность ихъ въ отвѣтахъ на вопросы суда, зависитъ отъ того, что имъ не предоставлено право имѣть въ совѣщательной комнатѣ уложеніе о наказаніяхъ, которое давало бы имъ возможность справляться съ значеніемъ отдѣльныхъ признаковъ преступленій, и это замѣчаніе присяжныхъ представляется исполнѣ основательнымъ. Такъ напр., имѣя подъ руками уложеніе о наказаніяхъ, они могли бы всегда безошибочно опредѣлить разницу или сходство, между кражей со взломомъ, кражей съ подобраннымъ ключемъ, кражей, сопровождавшея вынужденіемъ пробоа и т. д. Такую же точно помощь, уложеніе о наказаніяхъ, оказало бы присяжнымъ при разрѣшеніи ими вопросовъ объ умысленности известнаго противозаконнаго дѣянія, о преднамѣренности или же случайности преступленія.

Не малую путаницу въ понятіяхъ присяжныхъ производитъ то обстоятельство, что судьи недостаточно обстоятельно разъясняютъ имъ всякаго рода сомнѣнія, которыя возникаютъ у нихъ при постановкѣ отвѣтовъ на вопросы суда. И дѣйствительно, всякій разъ, при обращеніи присяжныхъ съ вопроснымъ листомъ обратно въ совѣщательную комнату, для дополнительныхъ совѣщаній, судъ не преподаетъ имъ болѣе или менѣе точныхъ и опредѣлительныхъ указаній, къ разрѣшенію встрѣтившихся въ отвѣтахъ ихъ неправильно-стей, а рекомендуетъ, только имъ въ общихъ словахъ, дать или утвердительный или оправдательный отвѣтъ на вопросъ суда, отвергнувъ въ первомъ случаѣ всѣ отдѣльныя признаки преступленія, которые присяжные признають недоказанными.

Конечно такого рода общіе совѣты и разъясненія, ни мало не выводятъ присяжныхъ засѣдателей изъ ихъ затруднительныхъ положеній, и нерѣдко вторичное возвращеніе ихъ въ совѣщательную комнату, сопровождается для нихъ не только болѣе яснымъ усвоеніемъ ими себѣ того, чего они не понимали, но еще большею запутанностію и затемнѣніемъ, встрѣченныхъ ими недоразумѣній.

Съ вопросомъ о снисхожденіи, присяжные засѣдатели точно также не могутъ иногда справиться и поладить должнымъ образомъ, хотя онъ не можетъ, повидимому, возбуждать никакихъ недоразумѣній. Укажемъ на слѣдующіе два случая изъ нашей судебной практики, которые въ нѣкоторомъ смыслѣ, пожалуй, можно бы даже счесть и за анекдоты.

На сессіи въ губернскомъ городѣ, присяжные засѣдатели, отринувъ виновность подсудимаго въ какомъ то преступленіи, признали его въ то же время заслужи-

вающимъ снисхожденія; когда предсѣдатель суда спросилъ старшину присяжныхъ, какой же смыслъ можетъ имѣть дарованіе подсудимому снисхожденія, когда присяжные его оправдали, то старшина присяжныхъ на этотъ разъ учитель гимназій, нисколько не сконфузился и отвѣтилъ такими словами: «оправдали мы подсудимаго потому, что онъ дѣйствительно не виноватъ въ томъ преступленіи, въ которомъ его обвиняли, а выразили мы ему наше снисхожденіе за то, что онъ безвинно просидѣлъ въ тюрьмѣ десять мѣсяцевъ».

Этотъ отвѣтъ долженъ быть признанъ въ своемъ родѣ въ высшей степени удачнымъ и конечно нелишеннымъ значительной доли правды.

Но за то присяжные другого состава, острамлились однажды на славу, обнаруживъ публично полную свою несообразительность и несостоятельность относительно «снисхожденія».

Какой-то рецидивистъ, по показанію одного изъ спрошенныхъ по его дѣлу свидѣтелей «хищный воръ», судился чуть-ли не за пятую кражу. Предсѣдательствующій въ засѣданіи, отпуская присяжныхъ въ совѣщательную комнату, объяснилъ имъ, что они признавъ подсудимаго виновнымъ, могутъ въ то же время дать ему снисхожденіе, если найдутъ къ тому достаточныя основанія. Составъ присяжныхъ по этому дѣлу изъ мѣщанъ и мелкихъ купцовъ, имѣлъ во главѣ старшиною отставнаго чиновника, который по выходѣ изъ совѣщательной комнаты присяжныхъ, на вопросъ суда о виновности подсудимаго, прочелъ слѣдующій отвѣтъ: «да виновенъ но заслуживаетъ уваженія».

Взрывъ смѣха со стороны публики, послѣдовалъ въ отвѣтъ на эту добавку присяжныхъ, которые конечно и сами не мало удивились тому отвѣту, который они постановили.

Конечно судъ воротилъ присяжныхъ въ совѣщательную комнату, и они по возвращеніи оттуда въ залу засѣданія, вынесли подсудимому одинъ только обвинительный приговоръ, отказавъ ему на этотъ разъ, послѣ публично провозглашеннаго «уваженія» даже и въ «снисхожденіи».

L.

Непоследовательность въ приговорахъ присяжныхъ.

Одна изъ неудовлетворительныхъ сторонъ дѣятельности нашего суда присяжныхъ, заключается въ его непоследовательности, замѣчаемой нерѣдко съ крайнею наглядностію при взаимномъ сопоставленіи приговоровъ присяжныхъ по наиболѣе разнороднымъ и характернымъ дѣламъ.

Судится, напримѣръ, человѣкъ, совершившій покушеніе на кражу со взломомъ, ради того только, чтобы получить теплый уголь въ тюрьмѣ да горячихъ арестантскихъ щей; его присяжные признаютъ виновнымъ, хотя изъ дѣла оказывается, что подсудимый былъ поставленъ въ такое положеніе, что, лишенный крова и пріюта, и не имѣя никакой возможности добыть себѣ работу, принужденъ былъ или наложить на себя руки, или совершить хотя самое мизерное преступленіе, чтобы только получить въ тюрьмѣ кусокъ хлѣба. Судится затѣмъ почтальонъ, утаившій у себя массу писемъ, вскрывавшій ихъ и похищавшій изъ нихъ деньги,

и тѣ же присяжные признають его невиновнымъ, хотя на судѣ онъ и сознается передъ присяжными, что не доставлялъ корреспонденцію просто по лѣности. Судится отецъ, убившій свою дочь въ припадкѣ умоизступленія, ясно доказанномъ какъ продолжительнымъ испытаніемъ въ клиникѣ душевно-больныхъ, такъ и заявленіемъ на судѣ извѣстныхъ своимъ авторитетомъ экспертовъ въ психіатріи, и присяжные выносятъ свое роковое «да, виновенъ». Судится, наконецъ, отецъ семейства, который выдаетъ себя за холостяка, подмазывается къ женщинамъ-вдовамъ, дѣлаетъ ей предложеніе, обманываетъ ее при помощи составленнаго имъ документа, свидѣтельствующаго о томъ, будто начальство разрѣшаетъ ему вступить въ «первый законный бракъ», приобретаетъ довѣріе къ себѣ со стороны своей невѣсты и получаетъ отъ послѣдней 200 р. якобы на свадебную пирушку, а затѣмъ прокучиваетъ эти деньги, и въ залѣ судебного засѣданія громогласно раздается отвѣтъ присяжныхъ: «нѣтъ, не виновенъ»!

Послѣднее дѣло прапорщика Мальцева, разсматривавшееся въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1879 года въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ и закончившееся оправдательнымъ приговоромъ, представляется особенно характернымъ по самому свойству преступленія и личности подсудимаго, а потому мы приведемъ его здѣсь въ подробномъ и обстоятельномъ изложеніи.

Мальцевъ преданъ былъ суду по обвиненію въ мошенничествѣ, выразившемуся въ томъ, что, назвавшись капитаномъ Семеномъ Антоновымъ Михайловымъ, выдавалъ себя за жениха предъ портнихою Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ Сергѣевою, сдѣлалъ ей предложеніе и, когда вопросъ о свадьбѣ былъ уже рѣшенъ, передалъ Сергѣевой копию съ выданнаго будто бы начальствомъ его свидѣтельства на имя капитана Михайлова, разрѣшающаго ему вступить въ бракъ со вдовою Секлетіею Васильевою Сергѣевою, а затѣмъ, подъ предлогомъ расходовъ по свадьбѣ, выпросилъ у нея 200 р. Такъ какъ день свадьбы Михайловъ (Мальцевъ) постоянно откладывалъ почему-то, то его нареченная невѣста Сергѣева навела справки объ образѣ жизни своего жениха. По справкамъ этимъ оказалось, что женихъ — не капитанъ Михайловъ, а прапорщикъ Мальцевъ, и притомъ мужъ живой жены и отецъ семейства. Обманутая имъ невѣста, довольно почтенныхъ лѣтъ, подала жалобу судебному слѣдователю. Нужно замѣтить, что на судѣ виновность подсудимаго была вполне доказана, онъ самъ призналъ, что дѣйствительно выдавалъ себя за жениха Сергѣевой, и съ этою цѣлію назвался капитаномъ Михайловымъ, на какое званіе самъ составилъ себѣ подложное свидѣтельство, и присяжные засѣдатели его оправдали, не смотря на то, что личность подсудимаго предстала въ крайне неблаговидномъ свѣтѣ. Такъ, будучи уже 19 лѣтъ женатъ, онъ имѣлъ дочерей 17 и 12 лѣтъ, и, по его словамъ, увлекся Сергѣевою и вступилъ съ нею въ связь потому, что она плѣнила его своими формами, что однако помимо такихъ поэтическихъ элементовъ, не помѣшало ему выпросить у нее обманомъ 200 р. на пару платья и для свадьбы и на пирушку, каковыя деньги Мальцевъ истратилъ на себя. На судѣ подсудимый довольно безастѣнчиво объяснилъ, что онъ былъ выпивши, а она, т. е. Сергѣева понравилась ему, какъ женщина хорошо сложенная, такъ что,

когда онъ встрѣтился однажды съ нею на лѣстницѣ, въ то время какъ она поднималась то онъ заглядѣлся на нее и далъ ей пройти. Свадьба разстроилась потому, что выманивъ отъ Сергѣевой 200 р. Мальцевъ сталъ скрывать отъ нея, а затѣмъ уже не стѣсняясь сталъ при встрѣчахъ ругаться и смѣяться надъ ней. Личность Сергѣевой предстала на судѣ съ хорошей стороны, какъ женщины честной и трудящейся, и въ этомъ отношеніи, она не могла внушить себѣ какую либо антипатію или непріязненное чувство со стороны присяжныхъ.

Такимъ образомъ, оправдательный приговоръ присяжныхъ слѣдуетъ объяснить только тѣмъ, что они пожалѣли семью обвиняемаго и пожелали вернуть ей ея сбившагося съ пути и прельстившагося «роскошными формами» кормилца. Но вѣдь въ такомъ случаѣ, какъ справедливо замѣтила одна изъ газетъ, каждаго подсудимаго, если только онъ женатъ, придется оправдывать ради семьи, какое бы тяжкое преступленіе онъ не совершилъ.

Одна изъ ежедневныхъ газетъ, по поводу этого процесса и удивившаго всѣхъ оправдательнаго вердикта присяжныхъ, довольно вѣрно высказала, что судъ присяжныхъ долженъ быть судомъ милостивымъ, но въ то же время онъ долженъ быть и судомъ правымъ. «Какая же правота и милость выразились въ настоящемъ оправдательномъ приговорѣ? Правоты въ немъ нѣтъ никакой, равно какъ нѣтъ и милости, а есть только потворство разврату и обману. Какова же послѣ этого будетъ наша общественная нравственность, если мы станемъ потакать разврату и заматерѣлыхъ въ немъ гладить по головкѣ?»

«Присяжные, говоритъ таже газета, какъ судьи совѣсти, не отвѣчаютъ за свои промахи передъ закономъ, но какъ выразители общественнаго мнѣнія и убѣжденій, какъ представители общества, они должны быть ответственны предъ обществомъ же».

Одинъ изъ членовъ окружнаго суда пишетъ намъ слѣдующее:

«Непоследовательность въ приговорахъ присяжныхъ, точно также какъ и всякая случайность въ нихъ болѣе или менѣе неожиданная, является послѣдствіемъ существующей у насъ системы отводовъ, или лучше сказать, подбора присяжныхъ, при которыхъ тотъ или другой приговоръ является результатомъ убѣжденія не людей разныхъ взглядовъ, а однообразнаго вывода по существу дѣла, одномыслящей кучки людей. Поставленные при такихъ условіяхъ приговоры, какъ неизбѣжно основанные на одностороннемъ взглядѣ, подрываютъ довѣріе къ суду совѣсти, безъ котораго всякіе конечные выводы присяжныхъ не могутъ уже считаться отголосками общественной совѣсти, а только представительствомъ извѣстной части ея. Такіе приговоры колеблютъ основы правосудія, и справедливо возбуждаютъ въ умахъ многихъ осужденныхъ подсудимыхъ мысль, что они обвинены неправильно, благодаря только случайному составу присутствія присяжныхъ, и что напротивъ, другіе подсудимые дѣйствительно виновные, были на ихъ глазахъ присяжными неосновательно оправданы».

Въ письмѣ означеннаго нашего корреспондента читаемъ мы далѣе.

«И въ самомъ дѣлѣ, въ нашей судебной практикѣ очень много такихъ случаевъ, гдѣ неоследовательность присяжныхъ сказывается чрезвычайно ярко.

Человѣкъ, совершившій по нуждѣ кражу курицы цѣною въ 40 к., признается виновнымъ и несетъ тяжелое [наказаніе, 2 года содержанія въ арестантскихъ ротахъ, только благодаря тому, что прежде былъ уже наказанъ за 2 такія же ничтожныя кражи. Богатый коммерсантъ не 3, а 5 разъ ликвидировавшій свои дѣла съ убыткомъ для своихъ кредиторовъ и раззорившій многихъ мелкихъ торговцевъ, оправдывается въ злостномъ банкротствѣ при полной доказанности преступленія, исключительно потому только, что большинство присяжныхъ состояло на этотъ разъ по удачному подбору защитниковъ изъ купцовъ, которые на такой способъ обогащенія на счетъ другихъ, смотрятъ съ своей особой точки зрѣнія. Далѣе, семнадцати лѣтній мальчикъ, совершившій въ церкви кражу небольшого огарка восковой свѣчи, признается виновнымъ въ святотатствѣ благодаря тому только, что его судилъ составъ благочестивыхъ купцовъ, а банковый дѣлецъ, растратившій сотни тысячъ чужихъ денегъ и употребившій ихъ на свою коммерцію, великодушно оправдывается тѣми же купцами».

«Много ли здѣсь относительной и сравнительной правды и справедливости».

На вопросъ этотъ приходится отвѣчать отрицательно.

Непоследовательность въ приговорахъ присяжныхъ, не можетъ считаться у насъ даже явленіемъ исключительнымъ; напротивъ, она проявляется иногда въ извѣстной последовательности и даже такъ сказать, систематично.

Укажемъ въ примѣръ на то, что не успѣло еще общество путемъ опомниться послѣ неожиданнаго для всѣхъ оправданія присяжными почтальона Алексѣева, растратившаго и уничтожившаго до 800 писемъ, какъ присяжные засѣдатели того же окружнаго суда, оправдали сортировщика С.-Петербургскаго почтамта Крупышева, который похитилъ денежный пакетъ въ 8000 р. сер., и сознался въ томъ.

А за разныя копѣчныя кражи, голодные и несчастные бѣдьяки—обитатели нашихъ ночлежныхъ домовъ, обвиняются десятками, сотнями, и идутъ безропотно на долгіе сроки въ тюрьмы, въ рабочіе дома, а иногда даже и дальше.

Гдѣ причина такого ненормальнаго явленія, въ дѣятельности нашихъ присяжныхъ, въ чемъ кроется такая аномалія ихъ совѣсти.

II.

Оправдательные вердикты при признаніяхъ подсудимыхъ.

Выше, въ одной изъ предъидущихъ главъ, мы указывали уже на то, что особенныя неудовольствія со стороны общества на судъ присяжныхъ, вслѣдствіе значительнаго числа оправдательныхъ приговоровъ возникаютъ тогда, когда эти оправданія являются по дѣламъ о сознавшихся подсудимыхъ. Лица, смотрящія на дѣло суда съ односторонней точки зрѣнія, проводятъ при этомъ ту мысль, что если человѣкъ призналъ совершеніе имъ какого либо преступленія, то значить онъ и виноватъ, а виноватый человѣкъ, по мнѣнію ихъ, долженъ быть непременно наказанъ, оправданіе же такого подсудимаго они считаютъ актомъ деморализующимъ нравственные взгляды общества на значеніе правосудія. Но такіе выводы, по правдѣ и по справедливости, не могутъ быть признаны правильными, такъ какъ сознаніе подсудимаго въ глазахъ судейской совѣсти не

есть еще полное безусловное выражение его виновности. Законодатель, предвидя что многіе изъ подсудимыхъ будутъ на судѣ признаваться въ своихъ житейскихъ прегрѣшеніяхъ, тѣмъ не менѣе не вмѣнилъ присяжнымъ въ непремѣнную обязанность обвинять такихъ людей; напротивъ, и при сознаніяхъ подсудимыхъ, совѣстливую оцѣнку ихъ дѣяній, предоставилъ тѣмъ же присяжнымъ. Да наконецъ, и по самому нравственному значенію суда присяжныхъ, вопросъ о виновности подсудимаго не можетъ слагаться только изъ одного факта признанія совершившимся того или другаго преступнаго дѣянія. Главный же элементъ при разрѣшеніи вопроса о виновности подсудимаго и заключается въ томъ, чтобы опредѣлять, слѣдуетъ ли подсудимому вмѣнить въ вину совершенное и признанное имъ самимъ противозаконное дѣяніе или нѣтъ. А на этотъ вопросъ присяжные должны отвѣчать по совѣсти. Указывать же человѣческой совѣсти, на чемъ она должна основывать свои выводы, что она должна принимать во вниманіе при оцѣнкѣ дѣянія подсудимаго и чего не должна, немислимо и невозможно, такъ какъ это дѣло ея внутренняго бытія, неподдающагося ни подъ какой контроль. Вотъ почему, невозможно возставать сколько нибудь разумно, противу тѣхъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ, которые завершаютъ собою дѣла съ сознаніями подсудимыхъ.

Заимствуемъ изъ «Новаго Времени» за 1879 годъ замѣтку, касающуюся того же разбираемаго нами спорнаго вопроса.

Вотъ, что читаемъ мы въ ней. «Задача суда, не одно только наложеніе наказанія за совершившееся преступленіе. Судъ, помимо своей непосредственной функціи карательной, долженъ быть высшею школою нравственности для общества. Въ немъ общество вырабатываетъ свои юридическія воззрѣнія; устами его представителей общество высказываетъ свое правосознаніе. Дѣятельность суда, поэтому, не можетъ быть ограничена однимъ только наложеніемъ наказанія. Съ другой стороны, по отношенію къ подсудимымъ, судъ долженъ преслѣдовать задачи не столько карательныя, сколько исправительныя. Онъ долженъ стремиться не столько къ строгому наказанію преступника, а главнымъ образомъ къ тому, какъ бы его исправить и снова вернуть въ общество. Онъ долженъ карать не потому, что кара эта ему пріятна, а потому, что общественная нравственность требуетъ себѣ удовлетворенія за нарушеніе общепризнаннаго правового порядка. И мѣра наказанія и самое наказаніе должны постигать виновнаго равно по столько, по сколько того требуетъ общественное правосознаніе, и ни на одну іоту больше. Выраженіемъ же этого общественнаго правосознанія служатъ: уголовный законъ и приговоры, произносимые обществомъ, устами своихъ представителей».

«Уголовный законъ есть взглядъ общества. Онъ живетъ и развивается вмѣстѣ съ жизнью и развитіемъ самого общества. Понятія, взгляды и убѣжденія общества, подлежатъ тому же естественному закону рожденія, роста, развитія и смерти. Правосознаніе же общества, его взглядъ, выражается въ уголовномъ законѣ и его санкціи, т. е. въ томъ запретѣ,—нарушеніе котораго оскорбляетъ общество. Но спрашивается: какъ же общество можетъ высказать свое правосознаніе, свой

взгляд? Очевидно, не иначе, какъ устами своихъ представителей. Представителями такими являются присяжные засѣдатели».

«Но всего важнѣе для насъ, взглядъ самого законодателя на цѣль и значеніе суда присяжныхъ. «Сущность учрежденія присяжныхъ, говоритъ законодатель, состоитъ именно въ томъ, чтобы судебнымъ приговорамъ, посредствомъ внушенія довѣрія къ судьямъ, дать надлежащую нравственную силу».

«Слѣдовательно всю нравственную силу приговора законодатель видитъ въ учрежденіи присяжныхъ. Значеніе же этихъ послѣднихъ законодатель опредѣляетъ такъ: «судъ присяжныхъ въ такомъ только случаѣ можетъ достигнуть своего назначенія, когда присяжные окажутся дѣйствительно представителями большинства благонадежныхъ гражданъ, въ мнѣніи которыхъ сосредоточится выраженіе чистой совѣсти лучшихъ людей общества».

«Но если приговоръ присяжныхъ есть выраженіе «чистой совѣсти» всего общества, то, спрашивается, какое же основаніе лишать общество права, высказывать по совѣсти же свой приговоръ о подсудимомъ «сознавшемся». Развѣ сущность дѣла отъ этого измѣняется? Для присяжныхъ, для «нравственной силы приговора» нѣтъ и не можетъ быть дѣла до того: сознался ли подсудимый или нѣтъ. Сознаніе облегчаетъ лишь процессуальную сторону дѣла. Критеріумъ же сужденія присяжныхъ, остается все та же ихъ совѣсть. Они могутъ сознавагося оправдать и несознавагося обвинить. Вердиктъ ихъ есть выраженіе общественной совѣсти. Нарушеніе уголовного запрета совершается подъ влияніемъ такихъ разнообразныхъ условій, что одно только сознаніе далеко не можетъ опредѣлять виновности сознавагося. Для этого необходима «совокупность всѣхъ обстоятельствъ дѣла».

Вотъ почему, добавимъ мы, сознаніе подсудимаго должно быть разсматриваемо, только какъ одно изъ средствъ для разрѣшенія вопроса о его виновности, а не какъ несомнѣнное фактическое и нравственное доказательство послѣдней.

Но, конечно, эти общія соображенія, не исключаютъ частныхъ случаевъ, когда неосновательныя оправданія присяжными сознающихся подсудимыхъ, справедливо возбуждаютъ противъ себя общество, такъ какъ въ случаяхъ подобныхъ оправданій, послѣднее имѣетъ достаточныя основанія усматривать акты, недостойныя добросовѣстнаго судейскаго долга.

Въ предъидущей главѣ, мы указывали, напримѣръ, на дѣло письмоносна Алексѣева, который грабилъ и уничтожалъ ввѣряемую ему корреспонденцію, и который сознался въ этомъ преступленіи. На судъ этотъ подсудимый самымъ нахальнымъ образомъ объяснялъ, что онъ уничтожалъ письма потому, что ему лѣнь было ихъ разносить, а также и по той причинѣ, что онъ часто бывалъ въ нетрезвомъ видѣ, и что же, не смотря на полную безнравственность, какъ поступка подсудимаго, такъ и самой личности его, присяжные не усмотрѣли никакого преступленія въ кражахъ писемъ, въ уничтоженіи ихъ, въ похищеніи изъ нихъ вложеній и оправдали его.

Такой приговоръ, дѣйствительно, долженъ быть признавъ возмутительнымъ, и онъ дѣйствительно былъ встрѣченъ обществомъ крайне враждебно, а нѣкто-

рые из печатных органов того времени, весьма основательно бросили в присяжных того состава упрекомъ, въ ихъ «судебной распущенности».

Если же общество не оставляетъ безъ болѣе или менѣе дружнаго протеста, такія неосновательныя оправданія сознающихъ подсудимыхъ, то не служить ли это прямымъ доказательствомъ того, что не выражая никакого болѣе или менѣе очевиднаго порицанія другимъ оправдательнымъ вердиктамъ присяжныхъ, постановленнымъ при тѣхъ же условіяхъ, т. е. при сознаніяхъ подсудимыхъ, тоже общество тѣмъ самымъ склоняется въ пользу того мнѣнія, что эти послѣдніе приговоры оно признаетъ въ смыслѣ совершенно справедливыхъ, милостивыхъ и безпристрастныхъ.

Наконецъ, мы имѣемъ въ виду указать еще на то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, систематическіе оправдательные вердикты присяжныхъ засѣдателей, при сознаніяхъ подсудимыхъ, заключаютъ въ себѣ, такъ сказать, прямое выраженіе общественныхъ взглядовъ, выводовъ и убѣжденій, относительно того или другаго рода преступленій, высказываемыхъ такимъ путемъ, передъ правительственною и законодательною властію.

Какъ у насъ, такъ и въ жизни всѣхъ вообще западныхъ государствъ, наблюдалось и наблюдается постоянно то явленіе, что по нѣкоторымъ родамъ преступленій, существуютъ преимущественныя сознанія подсудимыхъ, а присяжные засѣдатели такихъ подсудимыхъ постоянно оправдываютъ.

Чѣмъ можетъ быть объяснено такое взаимное согласованіе во взглядахъ присяжныхъ засѣдателей и подсудимыхъ на одинъ и тотъ же родъ преступленій, въ которомъ подсудимые не боятся, или по крайней мѣрѣ не избѣгаютъ сознаній, убѣжденные, что присяжные ихъ оправдаютъ, а послѣдніе приговорами своими подтверждаютъ эти ожиданія и надежды обвиняемыхъ, и дѣйствительно оправдываютъ ихъ.

Объясняется это тѣмъ, что присяжные засѣдатели и подсудимые, какъ члены одного и того же общества, живутъ подъ однимъ и тѣмъ же сознаніемъ, что за извѣстное преступленіе, полагается чрезмѣрно строгое наказаніе, не соответствующее свойству его и современннымъ условіямъ общественной жизни. Вслѣдствіе чего, не рѣшаясь карать подсудимыхъ тѣми строгими карами, которыя за такія преступленія положены, присяжные засѣдатели и оправдываютъ ихъ.

Такимъ образомъ, оправдательные вердикты присяжныхъ засѣдателей по дѣламъ подобнаго рода, кромѣ непосредственнаго значенія ихъ, какъ судебныхъ приговоровъ, олицетворяютъ собою еще и другую службу обществу, указывая отъ времени до времени правительственной власти на тѣ и другіе видоизмѣняющіеся въ духѣ времени взгляды и потребности общества, въ сферѣ его уголовной жизни, уголовной юстиціи.

Законодательная же практика западныхъ государствъ указываетъ намъ, что правительства всегда съ успѣхомъ и благопріятными послѣдствіями для жизни народа, пользуются такими указаніями представителей общественной совѣсти.

Мы вправѣ сказать, что это высокое значеніе, эта высокая доля участія, въ

распознаваніи и указаніи общественныхъ потребностей, является въ нѣкоторыхъ случаяхъ достояніемъ и нашихъ присяжныхъ засѣдателей.

ЛII.

Женщины — преступницы на судѣ присяжныхъ.

Благодѣтельныя послѣдствія судебной реформы ни на чемъ не отразились съ такою отчетливостію и ясностію, какъ на положеніи нашихъ женщинъ-преступницъ. Это не слова одни, но несомнѣнные факты, подтверждаемые судебной статистикой, и если любопытный изслѣдователь въ этой области суда надъ женщинами, или женскаго осужденія, обратился бы къ статистическимъ цифровымъ даннымъ, то онъ нашелъ бы, что въ общемъ количествѣ оправдываемыхъ присяжными засѣдателями женщинъ-преступницъ, сравнительно съ числомъ обвиняемыхъ цифра оправданій доходить до 40, 45, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже до 50%.

Конечно, нужны слишкомъ основательныя данныя для того, чтобы присяжные засѣдатели оправдывали чуть не половину всѣхъ женщинъ, предаваемыхъ ихъ суду и эти данныя дѣйствительно существуютъ. Но ошибочное заключеніе сдѣлали бы всѣ тѣ современные мыслители и порицатели присяжныхъ за частыя оправданія, которыя свели бы вопросъ о причинѣ чрезмѣрнаго снисхожденія ихъ къ женщинамъ къ традиціонной «жалости, состраданію и пристрастію, оказываемымъ судьями совѣсти, женщинамъ—преступницамъ, какъ представительницамъ прекрасной половины рода человѣческаго. Такой выводъ былъ бы далеко не вѣренъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ, вопросъ объ обаяніи женщинъ въ дѣлѣ суда, можетъ быть разсматриваемъ развѣ только, какъ исключительное и крайне рѣдкое явленіе. А затѣмъ причины, побуждающія совѣсть присяжныхъ, снисходительно смотрѣть на многія изъ преступленій женщинъ кроются въ другихъ данныхъ, не имѣвшихъ мѣста въ судѣ дореформенномъ, отсутствіе которыхъ и сказывалось въ томъ, что прежніе коронные суды карательную строгость свою въ равной степени проявляли, какъ надъ мужчинами, такъ и надъ женщинами.

Почему тогда это было такъ, а нынѣ—иначе?

На это отвѣчать не трудно. Прежній судъ, это былъ судъ одного лишь факта преступленія; новый судъ—это судъ совѣсти, задающійся не столько изслѣдованіемъ самаго событія преступленія, сколько установленіемъ нравственныхъ мотивовъ, его вызвавшихъ. Убійца женщина передъ прежнимъ судомъ была только убійцей, и прощенія ей не было, а тѣ условія, которыя вызвали ее на это преступленіе, слишкомъ мало интересовали представителей того суда, который каралъ болѣе за самый преступный фактъ. Между тѣмъ передъ совѣстливымъ судомъ присяжныхъ, та же женщина убійца является иногда неповинной мученицей своего преступленія. Присяжные судьи, разбирая мотивы, натолкнувшіе ее на преступленіе, анализируя тайники ея грѣшной души, оправдываютъ перѣдко ее изъ сознанія, что обвиненіе такой несчастной явилось бы актомъ нравственнаго насилія не надъ нею, но надъ самою ихъ судейскою совѣстію. А если оцѣнка нравственной стороны дѣла на судѣ присяжныхъ, имѣетъ такое серьезное значеніе, то по отношенію къ женщинамъ преступницамъ она пріобрѣтаетъ еще большій смыслъ.

Говоря о женщинахъ преступищахъ, мы имѣемъ въ этомъ случаѣ въ виду наиболѣе тяжкія и наиболѣе серьезныя ихъ преступленія, выпадающія на долю ихъ, а именно убійства всякаго рода и изъ всякихъ побужденій, а этотъ видъ преступленій, со стороны женщинъ, какъ справедливо убѣждаютъ насъ въ томъ многочисленныя дѣла нашей судебной практики, порождается въ большинствѣ случаевъ тою неурядицею, которая существуетъ въ семейной обстановкѣ женщинъ и въ частности вызывается иногда невыносимостью ихъ жизни.

И въ самомъ дѣлѣ, сколько серьезныхъ тайнъ, сколько кровавыхъ драмъ кроется въ семейныхъ отношеніяхъ, сколько глубокаго горя, безысходной неприглядной жизни выпадаетъ на долю женщинъ въ обстановкѣ ея домашняго очага. Кому не случалось выслушивать на судѣ перѣдко такія подробности семейныхъ передрагъ, которыя способны и у посторонняго даже человѣка леденить душу. И вотъ, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, процессы такого рода, рисуя намъ картину какого нибудь ужаснаго убійства женою мужа, невѣсткою свекра, въ то же время раскрываютъ предъ нами и тѣ потрясающія подробности «предъидущихъ отношеній», которыя вынудили вытерпѣвшуюся до конца беззащитную женщину, поднять свою руку на тирана мужа, или на изверга свекра. Что такія положенія бывають, и бывають очень часто, особенно въ простонародной средѣ, гдѣ женщина и до сихъ поръ почитается рабой, это, думается намъ, извѣстно всякому даже поверхностному наблюдателю явленій вседневной жизни, и мы, въ подтвержденіе нашихъ словъ, приведемъ примѣры такихъ дѣлъ, гдѣ женщина въ своемъ тяжеломъ званіи преступницы явилась, дѣйствительно, жертвою своего безвыходнаго положенія.

Мы въ засѣданіи Окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

На скамьѣ подсудимыхъ — молодая 18-ти лѣтняя женщина, обвиняемая въ покушеніи на отравленіе своего мужа. Искренность протеста этой женщины была изумительна. Она вышла замужъ не по любви, ее отдали насильно, но она любить другаго и ей, во что бы то ни стало, хочется выйдти именно за него, а это невозможно. Молодая преступница настаиваетъ фосфорныя спички, и настой этотъ хранить въ сундукѣ. Дойдя до рѣшимости совершить преступленіе, она не скрывается. Она говоритъ теткѣ о своемъ намѣреніи, какъ о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ, какъ о чемъ-то неизбѣжномъ, нестрашимомъ. Тетка передаетъ мужу, мужъ отыскиваетъ въ сундукѣ ядовитый настой, — и преступница попадаетъ на скамью подсудимыхъ.

Въ результатѣ чистосердечная и откровенная на судѣ исповѣдь подсудимой, что «жить ей такъ, все одно, не смочь... либо ей капуть, либо ему... куды меня хочете... жить съ нимъ не могу, не люблю его... а онъ меня бить, — бьетъ... а отъ себя не пускаетъ... терпи... говорить, ты на то... жена.

Подсудимая присяжными оправдывается.

Другой случай. Подсудимая крестьянка Василиса, Романова, отравила мышьякомъ свою свекровь и мужа. Она рѣшилась подсыпать имъ яда въ похлебку, потому, что тѣ жестокости, побои и насилія, которыя она переносила десять лѣтъ съ невозмутимымъ смиреніемъ и тупою безропотною погорностію, перешли, наконецъ, гра-

нищу ея человѣческаго терпѣнія и выразилась въ преступномъ протестѣ ея противу своихъ тирановъ.

— Они меня измучили... высушили... объясняла на судѣ подсудимая, голосомъ полнымъ отчаянія, жизнь изъ меня выгнать ладилы, тиранили какъ могли и все молчала... покулъ силы хватить, думала терпѣть... не далъ Господь больше терпѣнія,—ну и... согрѣшила.

И за это выстраданное согрѣшеніе присяжные отпустили Васпансу Романову тоже оправданною, а тяжелая необходимость указала ей дорогу опять таки къ тому же семейному очагу «гдѣ мужъ да свекровь ладилы изъ нее жизнь выгнать».

Не менѣе тяжелое дѣло разбиралось какъ-то въ городѣ Баталпашинскѣ временнымъ отдѣленіемъ Екатеринодарскаго окружнаго суда. Одна казачка, не зная какъ освободиться отъ истязаній своего мужа, отъявленнаго пьяницы, подожгла свою убогую лачугу, сама заявила объ этомъ и попала, конечно, на скамью подсудимыхъ. Но когда судъ, признавъ обстоятельства дѣла, смягчающими вину, оправдалъ подсудимую, то она, со слезами на глазахъ, умоляла судей сослать ее, лишь бы только не идти обратно къ мужу.

Комментаріи къ такому положенію женщины не требуются.

Въ Таганрогѣ судился крестьянинъ Митюра за убійство своей жены. Четырехлѣтнія истязанія, которыя мужъ доводилъ до того, что жена его отъ побоевъ выкинула на 7-мъ мѣсяцѣ послѣ свадьбы, привели къ тому, что жена Митюры, не любя больше своего тирана, отвергала его, какъ мужа, считая позоромъ отдаваться безъ любви человѣку. А человѣкъ ее за это зарѣзалъ...

А вотъ и еще возмутительное дѣло, слушавшееся въ Звенигородѣ и нарисовавшее одну изъ мрачныхъ картинъ положенія женщины въ крестьянствѣ.

Жила въ селѣ Одинцовѣ красавица, Марья Яковлева, тихая, кроткая, прекраснаго поведенія дѣвушка, которая, по выраженію свидѣтелей, «жила такъ, что и ребенка не обидѣла». Эту дѣвушку отдаютъ въ богатую семью замужъ. Старикъ-свекоръ деспотически держитъ бразды правленія, все трепещетъ его взгляда, все преклоняется передъ упрямой волей самодура, не трепетала его только Марья Яковлева. Но злому року угодно было, чтобъ она приглянулась своему свекру, и вотъ начинаются возмутительныя сцены, ухаживанья. Безотвѣтнаго мужа отецъ гоняетъ на заработки въ отдаленныя мѣста, нарочно устраняетъ его отъ жены, чтобъ удобнѣе самому обдѣлывать свои грязныя дѣлишки, однако сноха не поддается и Сергѣй Яковлевъ на всѣ ухаживанья получаетъ настойчивый и категорическій отказъ. Ласки свекра, его поцѣлуи, заигрыванья, объятія—возмущали душу Марьи Яковлевой; жизнь ея стала невыносима; ревнивый свекоръ слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, — даже когда она шла къ колодезю, и тутъ бдительное око не выпускало ее изъ вида. Марья Яковлева рѣшилась отравиться, но несчастную спасли.

Къ прежнимъ мученіямъ прибавились новыя. Свекоръ сталъ бить непокорную сноху и красавица ходила съ синяками, по все-таки не поддавалась развратнику. Наконецъ, тотъ рѣшился завладѣть ею силой. И вотъ, когда Марья Яковлева ложилась спать въ холодной горницѣ, когда она уже раздѣлась, въ

эту горницу вошелъ свекоръ. «Теперь я уже съ тобой не разстанусь», прохрипѣлъ развратникъ, и бросился къ снохѣ. Началась борьба, на Марью Яковлеву посыпались удары, но ей удалось освободиться и она бросилась изъ избы. Въ головѣ упорно стояла мысль о самоубійствѣ.

Марья Яковлева бѣжить къ лѣсу, чтобы повѣситься, но дорогой вспоминаетъ, что у ней нѣтъ веревки. Въ это время, тяжело пыхтя и мелькая яркими фонарями на желѣзной дорогѣ, показался поѣздъ. Несчастливая женщина быстро бѣжить на встрѣчу сокрушительной машины и черезъ минуту валяется на рельсахъ съ проломленной головой, перебитыми ребрами, вся изломанная.

Сергѣй Яковлевъ, конечно, судился, и приговоренъ къ 8 мѣсячному заключенію въ смиренномъ домѣ, но отъ этого жизнь и судьба несчастной Марьи Яковлевой не улучшились. Изъ всѣхъ своихъ житейскихъ золъ она избрала себѣ—лучшее.

А если бы у такой Марьи Яковлевой хватило рѣшимости поднять руку на своего тирана свекра, убить или отравить его, то неужели оправдательный вердиктъ, который ей вынесли бы присяжные засѣдатели, можно было бы назвать приговоромъ несправедливымъ.

Въ одномъ изъ окружныхъ судовъ присяжные оправдали 17 лѣтнюю солдатскую дочь за то, что она разсѣкла ночью топоромъ отцу своему голову и положила его на мѣстѣ.

А за что. Отецъ этотъ вдовецъ, пользуясь своею властію, послѣдовательно изнасиловалъ всѣхъ своихъ взрослыхъ дочерей, которыхъ у него было четыре. Старшія три дѣвушки такъ и погибли въ развратѣ, на который натолкнулъ ихъ родной отецъ. Самая меньшая изъ дочерей, четвертая, не поддавалась ему, оказалась болѣе энергичной, и когда ночью онъ одинъ на одинъ, пользуясь своимъ правомъ, властью и силою, хотѣлъ было связать возжами, для своихъ личныхъ удобствъ непокорную дочь свою, то она вырвавшись изъ его рукъ, схватила топоръ и развозможила имъ отцу голову.

Эта дочь—дѣйствительно убила своего отца... но, судить ли ее за это?....

ЛІІІ.

Къ характеристикѣ присяжныхъ засѣдателей.

Настоящую послѣднюю главу нашихъ очерковъ, посвящаемъ нѣсколькимъ отдѣльнымъ фактамъ выдержкамъ и указаніямъ, характеризующимъ въ томъ или другомъ отношеніи нашъ институтъ присяжныхъ засѣдателей.

Всѣ ли наши присяжные понимаютъ, какъ слѣдуетъ, свои обязанности и съ какой точки зрѣнія смотрятъ на нихъ. Отвѣтимъ на это слѣдующимъ фактомъ. Въ Шуйскомъ уѣздѣ былъ случай, что одинъ изъ присяжныхъ, мужичекъ, которому пришлось засѣдать во время одной сессіи, въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, не имѣя къ этому времени, рѣшился нанять за себя на всю сессію за 7 руб. сер. какого-то отставнаго солдата. Этотъ послѣдній, явившись въ судъ подъ именемъ настоящаго присяжнаго, исправно отсидѣлъ два засѣданія и только на третьемъ изъ нихъ обнаружилась подложность его личности. Какъ наниматель,

такъ и нанявшійся были привлечены къ суду и въ полной наивности сознались въ совершеніи своего преступленія, очевидно не понимая даже всего его значенія.

Въ другомъ случаѣ укажемъ на оборотъ, что присяжные засѣдатели, относясь крайне строго къ дѣлу суда, выразили однажды видимымъ образомъ свое личное неодобреніе составу коронныхъ судей, которые во время судебного засѣданія занимались постороннимъ дѣломъ, не слушали и не слѣдили за тѣмъ, что происходило на судѣ, и такимъ образомъ косвеннымъ образомъ затронули достоинство самихъ присяжныхъ засѣдателей.

Дѣло въ томъ, что на сессіи суда въ уѣздномъ городѣ, присяжные засѣдатели замѣчали постоянно, что судьи, присутствуя за судейскимъ столомъ, представляли вести засѣданіе предсѣдательствующему, а сами, углубясь въ кресла и развернувъ передъ собою во всю величину, номера свѣжихъ газетъ, получаемыхъ съ почты, читали ихъ, не обращая никакого вниманія на слушаемое дѣло. Во время допроса свидѣтелей, присяжные засѣдатели, находя одно обстоятельство въ дѣлѣ неразъясненнымъ, просили судъ о разъясненіи имъ его. Предсѣдательствующій счелъ вопросъ присяжныхъ неумѣстнымъ и именемъ суда отказалъ имъ въ требуемомъ ходатайствѣ. Тогда старшина присяжныхъ всталъ и заявилъ предсѣдательствующему, что просить объ этомъ занести въ протоколъ, такъ какъ отказъ послѣдовалъ не отъ имени суда, а единоличной власти предсѣдательствующаго, остальной же судъ, въ лицѣ двухъ членовъ, не принималъ въ разрѣшеніи этого вопроса никакого участія, такъ какъ судьи во все время ничего не слушали и съ самаго начала дѣла читали газеты. Предсѣдательствующій что то возразилъ на это, но ходатайство старшины присяжныхъ было поддержано во всей силѣ прокуроромъ и защитой.

Въ Саратовскомъ окружномъ судѣ былъ однажды случай, когда присяжные засѣдатели перепугали подсудимыхъ и оправдали того, котораго хотѣли обвинить и на оборотъ обвинили невиноватаго. Подсудимые два парія колонисты Больиръ и Борнъ, 18 и 20 лѣтъ судились за мелкія кражи. Противъ Больира существовала единственная улика въ кражѣ—оговоръ другаго подсудимаго. Защитникомъ Больира былъ присяжный повѣренный, который въ своей рѣчи указалъ присяжнымъ на отсутствіе улики противъ его кліента. По возвращеніи изъ комнаты совѣщаній, старшина вручилъ предсѣдателю вопросный листъ, въ которомъ изложены были отвѣты присяжныхъ и въ томъ числѣ обвинительный приговоръ о Больирѣ и оправдательный о Борнѣ. Судъ удалился для написанія резолюціи,—и въ это время одинъ изъ присяжныхъ заявилъ защитнику, что «мы вашего кліента оправдали». — Какъ оправдали? Вы обвинили его, а оправдали другаго, противъ котораго и были въ дѣлѣ улики! Защитникъ заявилъ объ этомъ суду, предъ которымъ старшина присяжныхъ удостовѣрилъ, что въ отвѣтахъ ихъ на вопросы о виновности подсудимыхъ дѣйствительно вкралась ошибка, происшедшая отъ смѣшенія фамилій, а что на самомъ дѣлѣ, при совѣщаніи, они постановили обвинительный вердиктъ о Борнѣ, а оправдательный о

томъ, котораго защищалъ присяжный повѣренный, т. е. о Больирѣ, въ вопросный же листъ занесены отвѣты совершенно противоположнаго характера, вслѣдствіе неудержанія присяжными въ памяти, которому изъ подсудимыхъ принадлежала фамилія Болыра и которому Борна. Судъ удалился для обсужденія этого обстоятельства и объявилъ свое постановленіе, которымъ въ виду послѣдовавшихъ письменныхъ отвѣтовъ присяжныхъ, игнорировалъ сдѣланное ему заявленіе старшины ихъ о происшедшей при написаніи отвѣтовъ ошибкѣ въ фамиліи, и за сямъ предсѣдательствовавшій объявилъ резолюцію суда, по которой Борнъ, на основаніи прочтеннаго вердикта присяжныхъ, признанъ по суду оправданнымъ, а относительно Болыра примѣнена судомъ 818 ст. Уст. Угол. Судопр. о передачѣ дѣла о немъ на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ, въ виду послѣдовавшаго обвинительнаго вердикта присяжныхъ о безусловно, по мнѣнію суда, невиновномъ.

Въ томъ же окружномъ судѣ случился съ присяжными засѣдателями и другой курьезъ. Во время перерыва засѣданія по одному дѣлу, передъ преніями сторонъ, въ составѣ присяжныхъ засѣдателей оказался вдругъ одинъ лишній присяжный засѣдатель, вмѣсто двѣнадцати, очутилось тринадцать. Этотъ тринадцатый, не вошедшій въ очередь, еще до начала дѣла, зашелъ въ совѣщательную комнату для присяжныхъ и тамъ сидѣлъ и во время перерыва засѣданія, а по возобновленіи засѣданія вышелъ оттуда вмѣстѣ съ другими и занялъ мѣсто въ ряду присяжныхъ, вошедшихъ въ составъ по этому дѣлу.

Изъ множества полученныхъ нами, въ качествѣ матеріала для сборника, писемъ отъ разныхъ лицъ, дѣлаемъ слѣдующія характерныя выписки:

«Съ удовольствіемъ сообщаю вамъ кое-какія свѣдѣнія о дѣятельности нашихъ присяжныхъ засѣдателей—читаемъ мы въ одномъ письмѣ, но покорнѣйше прошу имя мое, какъ автора сообщенія, оставить въ неизвѣстности. Будущее отъ насъ сокрыто, Богъ знаетъ, что будетъ впереди, кому придется быть присяжнымъ, а кому и сѣсть самому на скамью подсудимыхъ, а въ послѣднемъ случаѣ наши присяжные, какъ-то преемственно оберегаютъ другъ друга и шибко не долюбиваютъ вообще всякихъ корреспондентовъ, которые выводятъ наружу ихъ промахи, а иногда и умышенное уклоненіе отъ правды. У насъ, скажу вамъ, былъ однажды такой случай. Корреспондентъ одной небольшой газетки какъ-то сообщилъ въ нее, что присяжные одной сессіи у насъ, немножко изъ за пустяковъ подрались между собой, что, дѣйствительно, было и на самомъ дѣлѣ. Года два спустя этому самому корреспонденту посчастливилось, за какую-то сомнительную подпись попасть на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ подлогѣ, и хотя обвиненіе его не имѣло почти никакихъ основаній, но присяжные припомнили ему его «каверзу» съ другими присяжными отбывавшими сессію два года тому назадъ, и наградили его по ихъ словамъ «за корреспонденство» обвинительнымъ приговоромъ. Бѣдный человекъ чуть было не взвылъ отъ такой неожиданной отместки, но судья наши, повидимому, поняли въ чемъ дѣло, отмѣнили приговоръ присяжныхъ, опредѣливъ передать дѣло на разсмотрѣніе другаго состава, и

зная наши провинціальныя нравы и порядки, во второй разъ назначили къ слушанію дѣло объ этомъ корреспондентѣ уже не у насъ, а въ губернскомъ городѣ, гдѣ онъ и былъ оправданъ».

Это сообщеніе изъ правозъ провинціи представляется далеко не утѣшительнымъ, указывая, что и присяжные засѣдатели, не смотря на всю высоту своей задачи и своего долга, склонны точно также поддаваться интригамъ и довольно грязнымъ приемамъ, недостойнымъ званія судьи.

Въ письмѣ изъ другаго небольшого уѣзднаго городка читаемъ мы слѣдующее: «У насъ вотъ недавно была сессія окружнаго суда, слушалось 16 уголовныхъ дѣлъ, изъ которыхъ многія были очень серьезныя; по многимъ дѣламъ по совѣсти слѣдовало ожидать обвинительныхъ приговоровъ, а вышло на оборотъ: присяжные оправдали почти всѣхъ подсудимыхъ, что крайне удивило и судей и представителей благонамѣренной части публики. А отчего это произошло? Изъ желанія насолить и досадить мѣстному судебному слѣдователю, который по свойственной ему, и весьма разумной привычкѣ, держаться всегда въ сторонѣ, не долюбивалъ водить хлѣбъ-соль съ нашими горожанами, которые обыкновенно готовы сейчасъ всякія отношенія, какія бы они ни были, свести на «кумовство» и «заполучить человѣка въ свою артель». Нашъ судебный слѣдователь зналъ очень хорошо мѣстное общество и, ограждая свою независимость, держался отъ всѣхъ вдали. Вотъ за это-то присяжные изъ горожанъ, по ихъ словамъ, и «допекли» его, оправдавъ на славу свою, цѣлую серію воровъ и мошенниковъ. Когда я спросилъ было одного изъ этихъ присяжныхъ—пишетъ корреспондентъ, чего же вы этимъ хотѣли достигнуть, а вотъ чего — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, купецъ; «мы, значить, на «всеобщее» удивленіе по всѣмъ дѣламъ потрафили: нѣтъ не виновенъ, ну, значить, на судъ сумѣніе наведемъ, какъ, да что, отчего спросить, присяжные, всѣхъ оправдали, а оттого, молъ, что слѣдователь человѣкъ негодящій, дѣла не знаетъ, обслѣдствованіе у него худо выходитъ, доказательство мало; вотъ какъ такую канитель мы ему подведемъ, ну начальство его сейчасъ въ бокъ, а на его мѣсто другаго».

И такого рода приемы въ провинціи тоже не рѣдкость; а отъ многихъ судебныхъ слѣдователей намъ доводилось неоднократно слышать, что и они испытывали на себѣ подобныя же непріязненныя отношенія со стороны мѣстнаго общества за нежеланіе «пѣть общую пѣсню».

Наконецъ въ третьемъ письмѣ сообщаютъ намъ, что присяжные засѣдатели одной изъ провинціальныхъ сессій, будучи еще людьми новыми и опасаясь «опростоволоситься» всѣ свои приговоры постановляли по указаніямъ мѣстнаго судебного пристава, который въ качествѣ лица ограждавшаго неприкосновенность ихъ судейской совѣсти, имѣя съ ними постоянныя общенія, предупредительно указывалъ имъ, кого изъ подсудимыхъ и какъ обвинить и кого изъ нихъ оправдать.

А затѣмъ, лично намъ извѣстенъ такой случай, что въ одномъ изъ столичныхъ окружныхъ судовъ, старшина присяжныхъ засѣдателей, прежде чѣмъ отправиться въ совѣщательную комнату, для постановленія приговора, шопотомъ такъ сказать, конфиденціально спросилъ присутствовавшаго на судѣ товарища

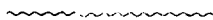
прокурора, въ какомъ смыслѣ желательно ему было бы получить приговоръ присяжныхъ.

Укажемъ еще на курьезъ, сообщенный намъ тоже изъ благословенной провинціи. По окончаніи судебного засѣданія съ присяжными засѣдателями, сторожъ мирового съѣзда, гдѣ происходили засѣданія суда, убирая комнату присяжныхъ засѣдателей нашель на полу записку, написанную карандашемъ на клочкѣ бумаги адресованную несомнѣнно кому либо изъ присяжныхъ, въ которой было написано слѣдующее: «самого этого, что корову свель съ Тупихиной деревни, безпремѣнно обвиноватьте, потому какъ онъ воръ, лѣтось у меня въ лѣсу овцу зарѣзалъ, а третьяго года у кума изъ подъ скирды на покосѣ кисеть съ табакомъ унесъ; а опосля того будетъ тутъ дѣло, съ Харламкиной деревни дѣвки Орька, что быдто она похвальбу имѣла, хозяина сжечь и сожгла его, такъ это на нее одна напастъ, потому объ ней постарайтесь, оправить ее отъ суда, потому знаемъ мы ее, четыре года и окромя хорошаго слова объ ей сказать нельзя».

Если тотъ присяжный засѣдатель, которому эти совѣты бы преподаны, воспользовался ими при подачѣ своего рѣшительнаго голоса, согласно убѣжденію своей совѣсти и если такіе случаи въ тиши нашей провинціальной жизни повторяются и въ другихъ мѣстахъ, то это, конечно, фактъ далеко неутѣшительный.

А что наши присяжные засѣдатели очень нерѣдко «поютъ съ чужаго голоса» и не любятъ обременять себя настолько, чтобы подумавши о дѣлѣ дать свой собственный отвѣтъ изъ своей головы по убѣжденію своей, а не чужой совѣсти этому подтвержденіемъ можетъ служить описаніе того, какъ присяжные купцы по наблюденіямъ г. Никитина, подавали однажды свои голоса, по вопросамъ предложеннымъ на разрѣшеніе ихъ судомъ. «Они примыкали обыкновенно, пишутъ г. Никитинъ, во время совѣщанія туда, куда, какъ говорится, вѣтеръ-дулъ; или же, если только имъ удавалось сѣсть рядомъ—то какъ первый скажетъ, такъ уже и всѣ остальные вторятъ ему. А такъ какъ мнѣнія купцовъ, отличались преимущественно нелѣпостію и эгоизмомъ, то дабы подсудимые не страдали отъ нихъ, другимъ присяжнымъ, приходилось, часто подъ различными предлогами, разсаживать купцовъ врознь другъ отъ друга, отчего они бывали вынуждены выражать каждый отдѣльно, свое собственное мнѣніе по данному вопросу».

Такой способъ подачи голосовъ, «я какъ и другой» представляется, конечно, наиболѣе упрощеннымъ и не особенно головоломнымъ, но вотъ вопросъ, можетъ ли онъ быть названъ исполненіемъ судебного долга, и объ этомъ слѣдовало бы иногда подумывать тѣмъ изъ нашихъ присяжныхъ, которые слишкомъ пассивно относятся къ порученному имъ дѣлу суда.

СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ ВЪ РОССІИ.

ОЧЕРКИ КАРТИНКИ И РАЗСКАЗЫ

I.

Л ю б у ш к а.

Въ небольшомъ уѣздномъ городкѣ предстоялъ пріѣздъ окружнаго суда для открытія сессіи засѣданій, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

На этотъ разъ городское населеніе съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидало начала сессіи, такъ какъ, въ числѣ другихъ дѣлъ, назначено было въ слушанію дѣло о питомицѣ воспитательнаго дома, Любви Ивановой, 18 лѣтъ отъ роду, обвинявшейся въ умерщвленіи своего незаконнорожденнаго младенца.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ не заинтересоваться такимъ дѣломъ? Незаконная мать изъ незаконнорожденныхъ, родила незаконнорожденнаго-же ребенка и гдѣ-то, въ какомъ-то саду, въ густыхъ малиновыхъ кустахъ, лишила его жизни. А сама-то несчастная мать, 18-ти лѣтняя Любушка, красавица, да и только, весь городъ это знаетъ. Стройная, съ миловиднымъ симпатичнымъ личикомъ, чудными, пепельнаго цвѣта, волосами, роскошнымъ станомъ, прелестными формами и какимъ-то особеннымъ, словно бархатистымъ голосомъ. А глаза-то у ней, чудо, а не глаза, взглянуть—лаской подарить. Многіе, бывая у купца Максима Гавриловича, заглядывались на его пригожую, молодую работницу; не малгородскихъ парней сохло, да томилось по красавицѣ Любушкѣ, да воли-то у ней своей не было распорядиться собой—зорко слѣдилъ за ней хозяинъ ея,—берегъ ее, словно для себя, глазъ не спускалъ съ нея, ждалъ.... и дождался.

Чуть-ли не на третьемъ только мѣсяцѣ отъ рожденія своего, Люба взята была пріемъшемъ изъ воспитательнаго дома богатою старухою, купчихой Марѳой Ивановой Закротковой. Старуха выростила сироту, полюбила ее, и, бывало, не нахвалится своей Любушкой. Было-бы Любушкѣ житье и впереди хорошее, и на долю ея, можетъ быть, выпала-бы счастливая судьба, если-бы благодѣтельница ея не умерла вдругъ скоропостижно, оставивъ Любушку на 8 году отъ роду тою-же сиротою.

Куда было дѣвать дѣвочку?

Единственный наследникъ Закротовой, сынъ ея, Максимъ Гавриловичъ, купецъ съ большими оборотами, не рѣшился выгонять Любушку за порогъ дома, съ которымъ она свыкла, какъ съ своимъ, и оставилъ ее при своей семьѣ, но уже не какъ члена своего семейства, а такъ себѣ, «для ради побѣгушекъ».

Жизнь Любушки пошла куда хуже прежняго.

Обиталищемъ ея стала кухня; послѣ ласковаго обращенія съ ней покойной Закротовой, на нее посыпались разные толчки, да колотушки. Люба и не досыпала, и не доѣдала. Сначала еще отъ нея многого и не требовали, а тамъ запрягли ее въ настоящія работницы, и пошла Люба ворочать всякую тяжелую работу на обширномъ купеческомъ дворѣ.

Только на пятнадцатомъ году отъ роду выпало ей какъ будто маленькое облегченіе. Сталъ на Любушку что-то засматриваться самъ хозяинъ. Нѣтъ, нѣтъ, да и пошлетъ за ней, чтобъ со двора пришла къ нему въ покои, будто за дѣломъ, а самъ глазъ съ нея не спускаетъ, точно разиѣнку ей дѣлаетъ.

Такъ было и не разъ.

И семейные хозяйина, и жена его, и вся многочисленная дворня, стали примѣчать, что больно ужъ часто, не въ примѣръ противу прежняго, сталъ хозяинъ Любушку въ покои призывать, то говорить, пусть она цвѣты на горшкахъ переберетъ, а то, вишь, паутины по угламъ набралось много.

Наконецъ, хозяинъ взялъ Любушку въ горницы въ услуженіе, а когда вышелъ ей шестнадцатый годъ, и дѣвушка на диво всѣмъ выравнилась, красавицей стала, — пуще прежняго хозяинъ сталъ на нее засматриваться; а тутъ случай подошелъ: жена его уѣхала съ дѣтьми въ сосѣдній городъ къ отцу погостить, самъ-то хозяинъ остался дома... и не миновала его Люба...

Прошло еще немного времени... Любушку изъ покоевъ... за провинности, знать, опять на дворъ перевели, а со двора... чтобы «зазору отъ дѣвки не было», мѣсяца черезъ четыре, велѣлъ ее хозяинъ совѣмъ расчитать....

Сняли съ нее при расчетѣ старую хозяйскую шубенку, да и выпнали чуть не въ одной рубашкѣ вонъ: иди, дескать, куда хочешь... свѣтъ великъ, не пропадешь... молода, вишь, еще... заработаешь....

А тутъ ужъ какой заработокъ....

Людей стыдно... самой—тяжко... время подходить, одевонки нѣтъ... сама одна... никого родныхъ, а просить... какъ попросить? Всякъ попрекнетъ еще хозяиномъ, стыдно днемъ на улицу показаться.

Стрясась и надъ Любушкой бѣда.

Загнала ее нужда въ какой-то садъ... время пришло, родила она тамъ, сама не помнить какъ... очулась... маленькій-то ужъ не живъ... глянула... народъ бѣжить, полиція...

Пошло дѣло... слѣдствіе завелось... Любушку въ тюрьму посадили, и на эту сессію назначенъ былъ и ей судъ.

Всѣ горожане знали, изъ-за кого, да какъ пропала дѣвчонка... только ска-

затъ виновнику того никто не рѣшался, известно, всякъ сторонился, не мое, вѣшь, дѣло... Богъ съ ней, а теперь на судъ-то, сказываютъ, свидѣтелей вызываютъ, всякое такое дѣло разберуть.... присяга будетъ.... тоже кто знаетъ, что, скажетъ.... кому охота чужой грѣхъ на себя брать... вотъ и интересно всеѣмъ самый этотъ судъ послушать... поглядѣть, станеть-ли Любаша правду про своего обидчика говорить или нѣтъ.... какое ей выйдетъ отъ присяжныхъ рѣшеніе.

Нуще всеѣхъ ожидалъ этого суда самъ Максимъ Гаврилычъ.

— Ужъ хоша-бы дѣло это, такъ-ли, сякъ-ли, скорѣе пронесло, думалъ онъ самъ про себя, одинъ конецъ-бы зналъ, а то вотъ теперь спокойствія тебѣ нѣтъ: ну какъ на самомъ значить, на этомъ судѣ, зачнетъ она всю эту канитель расписывать, какъ да что было — оградить меня на вѣкъ... на слѣдствіи-то не сказала.... а, можетъ, на судѣ-то и запоеть.... въ тюрьмѣ-то научать всему....

Отъ тревоги и волненій почтенный коммерсантъ былъ самъ не свой, тѣмъ болѣе, что послѣдніе дни передъ судомъ, ему и въ ряды показаться нельзя было: со всеѣхъ сторонъ сыпались на него шуточки. «Что, молъ, Максимъ Гаврилычъ, на судъ пойдешь послушать, какъ красочку-красочку Любушку судить стануть.... за добраго молодца».

И бросало-же Максима Гаврилыча въ краску отъ такихъ рѣчей.

Наконецъ пришелъ и день суда.

Народу навалило видимо, невидимо. Зала суда была набита биткомъ. Судебный приставъ еще до суда уморился до седьмага пота, возстановляя порядокъ въ публикѣ, среди которой то и дѣло раздавались крики.

— Ахъ, Господи, ноги отдавили!.. У меня вѣдь мозоли! Невѣжи какіе, что вамъ мѣста мало? пищаль чей-то голосъ.

— А коли тебѣ много мѣста надо, сидѣла бы дома! слышался грубый отвѣтъ.

— Послушайте, любезный... вы полушубкомъ-то мнѣ всю мантію смазали, вѣдь у меня тоже бархатная, не какая-нибудь, вичилась своимъ костюмомъ заштатная чиновница, обращающая къ своему сосѣду, лабазнику.

— Кто это меня изъ подъ стула... ногой трогаетъ? донскивалась, озираясь кругомъ, какая то молодущка въ платочкѣ, въ сущности очень довольная тѣмъ, что ее и тутъ замѣтили.

— Тише, господа, осадите... рѣшетку ломаете... говорить, тише! кричалъ впереди судебный приставъ, осаживая народъ.

А публика все прибывала, да прибывала.

— Очипно ужъ занятно, Лукьянычъ, говорила молодая купчиха своему мужу, хоть потѣнимся, а ужъ подождемъ, сказываютъ, она-то въ признаніи, будетъ все дѣло, какъ есть, разводить.

— Безпремѣнно она проканифолить его на лучшей манеръ, слышался другой голосъ въ толпѣ, ну, и стоять—потому человекъ первое не молодой... второе, ахальство такое сдѣлалъ, а третье, и то сказать... кого обидѣть то нашель—сироту безродную.

— Присяжныхъ сейчасъ сажать стануть... судьи пріѣхали... суду начало...

тише... слышались въ толпѣ разнородные голоса. Въ корридорчикѣ, примыкающемъ къ залѣ засѣданія, слышалось звяканье ружей.

— Привели съ острога Любушку-то... привели ее, сердечную.. небось, жутко ей таперя... съ такого дѣла... а антихристь-то ейный здѣсь, что-ли? сказываютъ, на судѣ-то его пытать будутъ... спрашивалъ чей-то голосъ.

— Мало-ли чего... дураки сказываютъ... а вотъ увидимъ... слышались въ толпѣ отрывочные голоса.

— Судъ идетъ, потрудитесь встать! прокричалъ вдругъ судебный приставъ. Публика заколыхалась, судьи, прокуроръ и защитники заняли свои мѣста. Ввели и подсудимую.

Тихо, какимъ-то неслышнымъ шагомъ, робко опустивъ голову, прикрытая бѣлымъ арестантскимъ женскимъ платкомъ, вошла Любушка въ залу засѣданія и, конвоируемая двумя солдатами, стала на свое мѣсто.

Сѣрый арестантскій халатъ словно придавливалъ ее къ низу. На первыхъ же вопросахъ предсѣдателя, Любушка не выдержала. Когда ее спросили, — кто она такая?—то сознание ея безродности такъ чувствительно отозвалось на ней, такую тяжесть легло на ея душу, что она залилась горячими сиротскими слезами и не могла ничего отвѣтить на этотъ вопросъ.

Наконецъ выбрали присяжныхъ, прочли обвинительный актъ, предсѣдатель приступилъ къ допросу Любушки.

— Признаете ли вы себя виновною въ томъ, что 24 мая 1880 года, волнуемая страхомъ и стыдомъ, вы умышленно лишили жизни своего незаконно-рожденного младенца? обратился къ ней предсѣдатель.

Бѣдная Люба совсѣмъ припала лицомъ къ своему армяку. То блѣднѣя, то краснѣя, она видимо переживала тяжелыя минуты. Въ залѣ воцарилось молчание; всѣ напрягли слухъ, чтобы не проронить ни одного слова молодой преступницы.

— Не виновата я, какъ передъ Богомъ... слышался ея тихій голосъ, не помню, какъ было—сама безъ памяти была... какъ сдѣлалось, ничего не помню.. сомлѣвши была... только дождь какъ полилъ, очнулась я... гляжу, мальчикъ мой не живой, а я его не душила... и на послѣднихъ словахъ она снова залилась слезами.

Присяжные о чемъ-то между собою перешепнулись.

— Желательно знать намъ, обратился старшина присяжныхъ къ предсѣдателю, почему подсудимая въ такомъ положеніи въ чужомъ саду оказалась? Развѣ у ней не было пристанища, квартиры...

— Слышите, подсудимая, обратился къ ней предсѣдатель суда, о чемъ васъ спрашиваютъ присяжные?

— Никого и ничего у меня не было... глухо отвѣтила она, сама я одна... ни пріюта, ни мѣста не имѣла...

Вызвали свидѣтелей, привели ихъ къ присягѣ и начали допрашивать.

Первая очередь выпала на долю кухарки Максимъ Гавриловича, какой-то, какъ видно было, ухарской бабы.

— Что вы знаете по этому дѣлу, обратился къ ней председатель.

— Живу я у хозяйна годъ, ну значить пособляла она мнѣ въ работѣ, только лѣнива была, а тутъ и того больше, не въ моготу ей стало, ну, хозяйнъ и отпустилъ ее, извѣстно—въ тяжеломъ она стала положеніи... какая съ нее корысть...

— Не знаетъ-ли свидѣтельница, кто былъ виновникомъ этого тяжелого положенія? обратился одинъ изъ присяжныхъ къ председателю.

— Не наше это дѣло знать... отозвалась кухарка, при томъ мы не были, и никакихъ такихъ дѣловъ не знаемъ.

— Не пожелаетъ-ли отвѣтить на этотъ вопросъ сама подсудимая? спросилъ другой присяжный заседатель.

Всѣ притаили дыханіе. Вопросъ былъ поставленъ прямо. Взоры всѣхъ устремились на Любу, которая словно задумалась. Наконецъ она подняла голову, повернулась лицомъ къ присяжнымъ и низко поклонилась имъ.

— Не желаю я его срамить... господа присяжные, кто меня несчастной сдѣлалъ... пусть ему Господь мою обиду възмездуетъ... отвѣтила она дрожащимъ голосомъ, сдерживая на глазахъ слезы.

Великодушный отвѣтъ Любушки видимо поразилъ всю публику и самихъ присяжныхъ. Шопотъ одобренія къ ея поступку пробѣжалъ въ публикѣ.

Нѣкоторые лица изъ публики оглянулись при этомъ на заднія скамейки.

А тамъ, на одной изъ нихъ, за шкафомъ, въ укромномъ мѣстечкѣ, скрываясь отъ всѣхъ знакомыхъ глазъ, сидѣлъ, ни живъ, ни мертвъ, главный виновникъ всей этой передраги, Максимъ Гавриловичъ.

Когда Любушкѣ былъ предложенъ послѣдній вопросъ, онъ чуть не замеръ. Отвѣтъ Любы привелъ его въ сознаніе.

— Проща бѣда, знать, не выдастъ теперь.. слава тебѣ Господи милостивый, подумалъ про себя Максимъ Гавриловичъ и порѣшилъ на утро послать «дѣвкѣ на гостинецъ три рубля».

Вторымъ свидѣтелемъ былъ вызванъ бывшій дворникъ Максима Гавриловича.

— Что вы по этому дѣлу знаете? спросилъ его председательствующій.

— Да знаю, что ихъ дѣло это.

— Чье ихъ?

— Самого Максима Гавриловича моего хозяйна, у котораго служилъ я допрежь въ дворникахъ.

— Я васъ спрашиваю не про Максима Гавриловича, а про подсудимую; что вы знаете по дѣлу объ убійствѣ ею ребенка? обратился председатель къ свидѣтелю.

— Ничего такого знать не могу, и говорить мнѣ нечего, потому какъ я присягу принималъ, а что, къ примѣру, она была дѣвушка скромная, окромя церкви, въ праздникъ, никакого у ней хода никуда не было, и къ работѣ была усердна, а что обидѣлъ ее хозяйнъ—это вѣрно. Прихожу я разъ съ лавки домой, а она у меня въ дворницкой плачетъ: «Что ты, моль, Люба, плачешь?» извѣстно, хоша

я ей чужой, а все жалко, за сироту зналъ... «Да, такъ—сказываетъ, сердце болить, что никого у меня на свѣтѣ нѣтъ». — «Да ты, говорю ей, толкомъ-то скажи, кто, моль, тебя обидѣлъ. что-ли?»... ну, она тутъ, слезьми-то заливаюсь, и говорить, «меня, говоритъ, хозяйни обидѣлъ», и больше ничего.

— А не говорила она вамъ, свидѣтель, какъ именно обидѣлъ ее хозяйни? обратился къ дворнику защитникъ подсудимой.

— Нѣтъ, сударь, не говорила... да какое тутъ извищите, говоренье... самъ вижу... плачетъ дѣвка слезми, «обидѣлъ, говоритъ, меня хозяйни»... а какъ дѣвушка обижаетъ... небось, знаете...

— А за что ее хозяйни прогналъ отъ себя? обратился къ свидѣтелю одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей.

— Прогналъ то за что?... на то его воля хозяйская была,—прогналъ, да и все; знать, не потрафила она ему, али ужъ больше службы отъ нее не требовалось... тяжела стала, ну, и прогналъ вонъ... вѣдь онъ, Максимъ-то Гавриловичъ, всякъ знаетъ, безъ души человекъ.

— А она то сама хорошо себя держала?

— Эта дѣвушка-то, она-то?—и свидѣтель мотнулъ головой въ сторону Любушки, поведения, сказать можно, была отъѣннаго... одно слово не слышать ее... рази только поплачетъ, когда, про себя...

Послѣдній свидѣтель былъ городской, который нашелъ Любушку на мѣстѣ преступления и взялъ ее оттуда.

— Что вы знаете по дѣлу?

— Попова куфарка прибѣгла къ господину надзирателю: у насъ, говоритъ, въ саду въ малинѣ стонетъ кто-то, не то человекъ, а можетъ, говоритъ, не шишимора-ли... ладно, говоритъ это она, послали меня надзиратель: «ступай, говорятъ, Коньковъ, огляди, кого найдешь, приводи». Пришелъ это я, она лежитъ, самая эта дѣвушка, и онъ указалъ на Любу, лежитъ она какъ словно помирать прибирается блѣдная, стонетъ, такъ тяжко, поднялъ я ее гляжу... ребеночекъ-то мертвенькій, какъ повидѣла она его, заплакала, пришла къ ему... Хотѣлъ вести ее... ослабла, упала... сходилъ, значить, я на пожарный дворъ, за телѣгой, привезъ ее... а махоньбаго тоже въ кулечекъ и надзирателю представилъ...

— А что она жалѣла своего ребенка, спросилъ прокуроръ свидѣтеля.

— Жалѣла, очино жалѣла... слезами заливалась.

Любушка и въ эту минуту, вспомнивъ о своемъ малюткѣ, горько заплакала, и эти слезы ея запали глубоко въ душу присяжныхъ.

— Зачѣмъ-же она задавила его? спросилъ свидѣтеля тотъ-же прокуроръ.

— Можетъ, невзбачай—сама безъ памяти была.

— Ничего я о томъ времени не помню, слабо проговорила Любушка,—сама была безъ памяти, не знаю, какъ что сдѣлалось.

— А что, свидѣтель, обратился къ городовому защитникъ, когда подсудимая сидѣла у васъ въ полиціи, посылали ей кто-нибудь чрезъ васъ деньги?

— Посылали, точно; рубль давалъ мнѣ Максимъ Гаврилычъ, что на базарѣ

домъ стоитъ. Снеси, говоритъ, ей, чтобъ она глотку-то свою не драла по пустому.

— Что-же вы съ этимъ рублемъ сдѣлали?

— Принесъ къ ей, отдавать сталь... она не взяла.

— Что-жъ она говорила?

— Не нужно, говоритъ, мнѣ отъ него ничего.

— А за что онъ ей рубль посылалъ, не знаете?

— Не знаю.

— А богатый онъ купецъ. Максимъ-то Гаврилычъ?

— Богатѣй его въ городѣ нѣтъ... Всѣ знаютъ.

На этомъ допросъ свидѣтелей окончился.

Вызванный на судъ врачъ-экспертъ высказалъ въ своемъ заключеніи, что хотя новорожденный ребенокъ Любушки и умеръ отъ насилія, но это насиліе могло быть произведено роженицею совершенно безсознательно, благодаря той обстановкѣ, въ которой ей пришлось находиться въ столь трудную минуту, и тѣмъ болѣе, что въ моментъ родовъ она и сама находилась въ безпамятствѣ отъ сильныхъ родовыхъ болей.

Послѣ рѣчей обвинителя, защитника и предсѣдателя, присяжные удалились въ свою совѣщательную комнату.

Судьи ушли къ себѣ; публика, пользуясь перерывомъ, зашевелилась; тамъ и сямъ возникли разговоры, всѣ съ сожалѣніемъ смотрѣли на бѣдную Любу, которая съ момента ухода присяжныхъ не переставала плакать.

На виновника ея несчастія, такъ рельефно обнаруженнаго судебнымъ слѣдствіемъ, сыпалась съ разныхъ сторонъ заочныя проклятія и ругательства.

А самъ онъ, притаившись въ углу за шкафомъ, ожидалъ чѣмъ-то окончится дѣло.

— Маленько досталось мнѣ на судѣ, думалъ онъ, ну, да ничего, таперя сойдетъ все для меня благополучно.... не выдала меня.... все гордости спасибо.... тоже отъ кого-нибудь благороднаго тятеньки она....

Не долго совѣщались присяжные, и минутъ черезъ десять звонокъ изъ совѣщательной комнаты возвѣстилъ, что приговоръ ихъ уже готовъ.

Судебный приставъ засуетился, судьи, прокуроръ и защитникъ заняли свои мѣста, публика поспѣшила на переднія мѣста, всѣ насторожились, и сама Люба выпрямила свою головку, словно съ гордостью и безъ боязни хотѣла она встрѣтить тотъ или другой приговоръ присяжныхъ.

Наконецъ въ залѣ воцарилась тишина.

Присяжные вышли изъ своей совѣщательной комнаты; старшина остановился около судейскаго стола и, наконецъ, когда все стихло, громкимъ голосомъ прочелъ сначала вопросъ суда.

— Виновна-ли виновница Воспитательнаго дома, Любовь Иванова, 18 лѣтъ отъ роду, въ томъ, что 24 мая 1880 года, волнуемая страхомъ и стыдомъ, умышленно лишила жизни своего незаконнорожденнаго младенца, мужскаго пола.

Публика затаила дыханіе, Люба какъ-бы замерла на мѣстѣ, въ ожиданіи рѣшенія своей участи.

— Нѣтъ, не виновна, а виновать во всемъ Максимъ Гавриловичъ.... громко и отчетливо произнесъ старшина присяжныхъ.

Предсѣдатель суда, не ожидавшій, конечно, подобной добавки къ отвѣту присяжныхъ, спохватился было остановить старшину присяжныхъ, но не успѣлъ.

Правдивыя слова присяжныхъ, вылившіяся паружу тагъ неожиданно, и заклеившія публичнымъ позоромъ виновника всего несчастія бѣдной Любы, были уже провозглашены и, конечно, подняли цѣлую бурю восторговъ и рукоплесканій въ публикѣ.

Предсѣдатель едва установилъ порядокъ, съ трудомъ успокоилъ восторги публики отъ такого двойственнаго отвѣта присяжныхъ, но долго еще раздавались въ залѣ тяжелыя, душу надрывающія, рыданія бѣдной Любы. А о чемъ, казалось-бы ей плакать послѣ того, когда ее оправдали. Объ чемъ.... нѣтъ, слезы ея имѣли глубокой, высоко-правственный смыслъ.

Въ ея положеніи—несчастной, безпріютной дѣвушки, на вѣки опозоренной и обезчещенной, оправдательный приговоръ присяжныхъ былъ только актомъ справедливаго примѣненія къ ней закона—не больше; въ словахъ-же присяжныхъ отмѣтившихъ столь глубокимъ презрѣніемъ виновника ея несчастія, выразилось такое совѣстливое и сочувственное отношеніе къ внутреннему несчастію ея оскорбленной души, такое живое, сердечное отношеніе къ личности ея, со стороны представителей общественной совѣсти, что Люба не могла не понять этого; она сразу ощутила все это на своемъ сердцѣ, и цѣлымъ потокомъ нескрешныхъ и горькихъ слезъ своихъ, запечатлѣла передъ лицомъ присяжныхъ свою благодарность, ту благодарность, которую выразить другимъ путемъ она не могла.

Когда Люба успокоилась, къ ней подошелъ старшина присяжныхъ и вручить ей небольшую сумму денегъ, которую отъ соболѣзнованія и участія къ ея несчастію и судьбѣ пожертвовали ей присяжные.

Примѣръ присяжныхъ воодушевилъ публику.

Въ мигъ изъ рядовъ ея потянулись къ ней руки съ посылными приношеніями, и Любѣ набросали на столь цѣлую горку денегъ.

Жертвовали ей и бумажками.... были жертвователи отъ души и копѣечные.

Максимъ Гавриловичъ, сверхъ ожиданія, удостоился выслушать самолично аттестацию о себѣ присяжныхъ засѣдателей. Онъ никакъ не ожидалъ себѣ подобнаго аффронта и оставался въ залѣ суда до конца дѣла, но послѣ такой оцѣнки поступка своего, послѣдшилъ моментально исчезнуть изъ суда, и недѣли двѣ его не было нигдѣ видно, даже на улицѣ.

Совѣсть взяла свое и заговорила въ грѣховодникѣ.

А бѣдная Любушка, хотя и оправданная, вышла изъ суда съ тяжелою и грустною думой.

Передъ ней снова возникалъ въ неотвязной и удручающей формѣ вопросъ о томъ, какъ быть, что дѣлать.... куда пріютиться....

Съ поникшей головой вышла она на улицу.

Вечерѣло.... накрапывалъ дождь..... Жутко и больно было на душѣ у Любы.

Мысль о безпріютности и одиночествѣ давила ее своею тяжестью и вызывала на глаза слезы.

Куда идти? И она пошла вперед наудачу....

Ну, да... свѣтъ не безъ добрыхъ людей....

II.

Смута совѣсти.

Зала судебного засѣданія полна народа.

Судъ еще не выходилъ; масса публики, нетерпѣливо настроенная, ожидаетъ открытія засѣданія. На очереди крайне интересное, по содержанию своему, дѣло объ убійствѣ мужемъ жены своей.

Тамъ, гдѣ какой-нибудь крупный уголовный казусъ сталкивается съ обстановкой чьей-нибудь несчастной жизни, интересъ массы, интересъ публики, вѣроятно, по сочувствію, возбуждается всегда до самыхъ крайнихъ размѣровъ.

Всѣмъ до нельзя интересно бываетъ узнать, какъ это и за что, мужъ убилъ свою жену, что между ними произошло, какой грѣхъ, какая бѣда разразилась между ними, и что довело несчастнаго мужа до такого страшнаго преступленія.

Каждый напряженно ожидаетъ открытія судебного засѣданія по такимъ дѣламъ и перваго слова подсудимаго; каждый сосредоточивается въ эти минуты только на одной мысли о томъ, что-то скажетъ подсудимый, какую поведетъ онъ исповѣдь, какую картину всяческихъ супружескихъ золь и семейныхъ неурядицъ раскроетъ онъ передъ людскою совѣстью, чтобы разоблачить тайны темной семейной драмы.

Убить жену... коротко сказать... а сколько въ этомъ безконечнаго грѣха, сколько неестественнаго, нечеловѣческаго чувства, отвращающаго душу отъ преступника.

— Судъ идетъ! прозвучала вдругъ въ залѣ судебного засѣданія знакомая всѣмъ фраза.

Разомъ все стихло. Мѣрными шагами вошли въ залу судьи, прокуроръ и защитникъ. Всѣ заняли свои мѣста.

Ввели и подсудимаго, молодцоватаго парня, лѣтъ 25. Онъ набожно перекрестился на икону, поклонился судьямъ, присяжнымъ, глянулъ въ сторону собравшейся на него посмотрѣть массы публики, тряхнулъ слегка головой и остановился на своемъ мѣстѣ неподвижно, какъ вкопанный, словно желая сказать: «ну, вотъ теперь я вашъ, судите меня, какъ знаете!»

А присяжные засѣдатели пестрою толпой, въ ожиданіи баллотировки и вызова, стояли уже въ углу залы.

Судъ приступилъ къ вынутію жребія присяжнымъ, и въ то время, когда председательствующій опустилъ уже руку въ урну для вынутія перваго билета, изъ толпы присяжныхъ засѣдателей выдѣлился впередъ одинъ изъ нихъ, и нетвердою, какъ-бы дрожащею поступью нѣсколько блѣдный, видимо встревоженный, съ конвульсивными подергиваніями рукъ, старавшійся при томъ скрыть свое волненіе, подошелъ не смѣлою поступью къ судейскому столу.

— Что вамъ угодно? обратился къ нему председательствующій.

— Я прошу уволить меня... отъ засѣданія... потому что... робко проговорилъ присяжный засѣдатель.

— Ваша фамилія? перебилъ его председатель.

— Купеческій сынъ—Ишполить Флинчиковъ.

— На какомъ основаніи ходатайствуете вы объ освобожденіи васъ отъ засѣданія?

— Я... не совѣмъ здоровъ... кромѣ того у меня... дома... хозяйство... работники... свой присмотръ нуженъ... я только на сегодня... прошу меня освободить... какъ-то не смѣло объяснялъ Флинчиковъ и въ заключеніе своей просьбы даже поклонился суду.

Всѣмъ бросился въ глаза этотъ странный поклонъ присяжнаго; всѣ остальные присяжные засѣдатели, съ отѣнкомъ легкаго пренебреженія, взглянули на своего сотоварища, который, стоя передъ судейскимъ столомъ; упиженно ожидалъ отвѣта на свое ходатайство.

Судь отказалъ ему въ его просьбѣ и приступилъ къ вышутію жеребій.

Флинчиковъ, въ числѣ другихъ, попалъ въ составъ присутствія присяжныхъ, и въ общей вереницѣ со всѣми другими, по приглашенію председательствующаго, подошелъ къ аналою для выполненія обряда присяги.

Въ эту минуту, Флинчиковъ видимо испытывалъ въ душѣ своей какую-то нравственную тревогу. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, руки у него дрожали, глаза испуганно бѣгали по сторонамъ; онъ отиралъ безпрестанно лицо платкомъ, но какъ ни старался казаться спокойнымъ, какъ ни усиливался заглушить ту невѣдомую неурядицу души, которая въ немъ происходила, скрыть своего волненія, конечно, ни отъ кого не могъ. Сотоварищи присяжные, то и дѣло, искоса поглядывали на него съ недоумѣніемъ.

Священникъ надѣлъ епитрахиль, а председатель суда предложилъ ему, въ виду важности дѣла, сдѣлать присяжнымъ предварительное пастырское увѣщаніе. Почтенный старикъ протоіерей, поднявъ глаза на икону, набожно перекрестился и поклонился въ подѣлъ, затѣмъ, взявъ въ руки съ аналоя крестъ, обернулся лицомъ къ присяжнымъ засѣдателямъ.

— Вамъ, избранникамъ общественной совѣсти, предстоить произнести приговоръ по дѣлу о своемъ ближнемъ, началъ онъ свое увѣщаніе, долгъ вашей христіанской совѣсти, гражданская обязанность передъ избравшимъ васъ обществомъ, и та клятва, которую вы сейчасъ произнесете именемъ всемогущаго Бога, обязываютъ васъ, дать суду отвѣтъ по правдѣ и справедливости такъ, какъ внушитъ вамъ ваше искреннее убѣжденіе. Помните, добавилъ пастырь, что невидимый нами Господь, видимо слѣдитъ не только за нашими дѣйствіями, но и за нашими мыслями и побужденіями, и ни малѣйшая неправда, которую мы вздумали бы скрыть у себя на душѣ, никогда не сокроется отъ всевидящаго Бога, для котораго нѣтъ ничего тайнаго въ дѣяніяхъ и помыслахъ нашихъ, что не сдѣлалось-бы явнымъ.

Краткія, но строго внушительныя слова протоіерей, произвели на присяжныхъ огромное впечатлѣніе, но больше всего онъ отразился на Флинчиковѣ,

котораго, словно било въ лихорадкѣ; онъ сдерживалъ свое волненіе, закусывалъ губы, но все было тщетно. На него нельзя было не обратить вниманія: его волненіе не ускользнуло не только отъ его товарищей, но и отъ самого суда.

Само собою первую тревогу его замѣтили и священникъ.

— Въ средѣ вашей, сказалъ онъ между прочимъ, обращаясь къ присяжнымъ, вижу я одного сочлена, видимо изнемогающаго передъ великою отвѣтственностію того долга, къ которому онъ призванъ. Такой страхъ въ сердцѣ христіанина передъ принесеніемъ клятвы именемъ Бога весьма понятенъ, но онъ долженъ пройти, при твердомъ сознаніи выполнить свою клятву, и присягу передъ престоломъ Господнимъ, вполне достойно, какъ подобаетъ, христіанину передъ Богомъ, судъ передъ своею совѣстью, гражданину передъ обществомъ. Послѣ небольшой паузы послѣдовала присяга. Первая дрожь не оставила Филинчикова и во время присяги, а когда ему пришла очередь прикадываться ко Кресту и Евангелію, то руки у него заходили ходуномъ, и онъ съ трудомъ могъ перекреститься.

— Что съ вами, отчего вы такъ встревожены? спросилъ участливо священникъ Филинчикова полупшепотомъ.

— Ничего, батюшка... такъ... какъ-то страшно... никогда въ присяжныхъ не быть... первый разъ... ну, и боюсь... а то ничего...

— Сотворите судъ по совѣсти и успокойтесь, проговорилъ священникъ и благословилъ его.

Затѣмъ присяжные удалились въ свою совѣщательную комнату, выбрали старшину и усѣлись на свои мѣста.

Филинчиковъ, повидимому, успокоился и занялъ одно изъ мѣстъ на передней скамьѣ.

Началось судебное слѣдствіе.

По обвинительному акту, подсудимый обвинялся въ умышленномъ удушеніи ночью жены своей, которую не любилъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ нея жениться на одной дѣвушкѣ, съ которою былъ въ связи.

Противъ подсудимаго было собрано довольно много сильныхъ уликъ, но онъ зашарился въ своей винѣ и неумѣло отвергалъ свою виновность, заявляя, что ночью онъ «точно спалъ съ своею женою вмѣстѣ, но отчего она умерла — онъ не знаетъ, а, должно быть, отъ своей смерти», тогда какъ самое варварское задушеніе ея — даже съ переломомъ ребра, было доказано по дѣлу самымъ несомнѣннымъ образомъ.

Во время показанія одного изъ свидѣтелей, разъяснявшаго суду, какаѣ покойница была хорошая и любящая жена, въ залѣ судебного засѣданія произошелъ вдругъ неожиданный переполохъ. Присяжный засѣдатель Филинчиковъ, пришедшій снова въ сильное волненіе, совершенно неожиданно для суда, для публики и для своихъ товарищей, вскочивъ вдругъ съ своего мѣста, быстро подошелъ къ судейскому столу и заявилъ, что онъ сидѣть не можетъ и уходитъ. Затѣмъ онъ чуть не бѣгомъ бросился къ выходной двери. Все это случилось такъ быстро, что въ публикѣ произошло небольшое смятеніе; нѣкоторые изъ переднихъ рядовъ ея, не

попавъ въ чель дѣло, встали съ своихъ мѣсть, равно, какъ и присяжные, пораженные такимъ поступкомъ своего товарища. Прежде чѣмъ и судьѣ успѣли опомниться, Филинчиковъ былъ уже у выходныхъ дверей и спалился выйти изъ залы.

Одинъ только судебный приставъ, сидѣвшій неподалеку отъ дверей, не потерялся при этомъ и мощной рукой успѣлъ удержать Филинчикова.

— Пустите меня... пустите... не могу я судить... какой я судья... пустите... послышались вдругъ отрывистые крики Филинчикова, который порывался уйдти и бормоталъ что-то хриплымъ голосомъ.

Между тѣмъ послѣ первыхъ минутъ переполоха, на помощь судебному приставу подбѣжали нѣкоторые изъ присяжныхъ и нѣсколько человекъ изъ публики: Филинчикова усадили на стулъ, дали выпить стаканъ воды. Окруженный народомъ, онъ пересталъ порываться и какъ бы въ сознаниі уже своего нравственнаго безсилія, опустил голову на грудь.

Онъ тяжело дышалъ, по временамъ сильно вздрагивалъ, блуждающими глазами озирался кругомъ и наконецъ началъ креститься.

— Что съ вами, господинъ присяжный засѣдатель? обратился къ нему предсѣдательствующій, послѣ того, когда судебный приставъ вывелъ его подъ руку на средину залы.

Филинчиковъ, молчалъ и смотрѣлъ внизъ, нервно вздрагивая.

— Вы нездоровы, мы васъ отпустимъ, можете идти домой, снова обратился къ нему предсѣдательствующій.

Филинчиковъ поднялъ голову, пристально посмотрѣлъ на судей, потомъ на образъ, опустил глаза къ низу и снова затрясся.

— Нѣтъ, я здоровъ... но только я не могу судить его потому, что... и онъ замаялся.

Публика насторожилась, предвидя въ словахъ присяжнаго Филинчикова развязку какой-то страшнѣй тайны; въ залѣ наступила гробовая тишина, всѣ затанли дыханіе... ждали...

— Почему же вы не можете судить подсудимаго, это вашъ долгъ, вы присягали, громко и отчетливо проговорилъ предсѣдательствующій, среди этой тишины, обращаясь къ Филинчикову.

— Потому что... потому что... я самъ такой же убійца... я тоже... убилъ свою жену... глухо и съ усиленіемъ проговорилъ онъ и упалъ на колѣна.

Новое смятеніе въ залѣ. Невольныя восклицанія ужаса раздались въ публикѣ отъ столь неожиданно разыгравшейся на судѣ драмы.

Филинчикова подняли на ноги. Страшное признаніе, которое онъ только что произнесъ и которое тяготило его совѣсть, въ данную минуту, послѣ этой публичной исповѣди, передъ лицомъ своихъ товарищей судей, значительно облегчило и сразу успокоило его.

Онъ объявилъ суду, что не можетъ быть присяжнымъ, потому что восемь лѣтъ тому назадъ, живя въ другомъ городѣ, онъ тоже убилъ свою жену по такимъ-же побужденіямъ, какъ и этотъ подсудимый, но убійство свое скрылъ и объ немъ до сихъ поръ никто даже не зналъ.

— Восемь лѣтъ тапль я у себя на душѣ тяжелый грѣхъ передь покойницей: восемь лѣтъ казнилъ я за нее, покоя себя не имѣлъ, и вотъ когда Господь вывелъ наружу мою совѣсть, привелъ ее къ покаянію, не далъ сотворить новаго грѣха, не допустилъ убійцу быть судьей надъ убійцей... тяжелымъ, но спокойнымъ уже голосомъ съ разстановкой проговорилъ несчастный Филинчиковъ.

— Пусть меня берутъ теперь и судятъ за мою покойную жену, проговорилъ Филинчиковъ, и разразился страшными истерическими слезами.

Въ публикѣ послышались возгласы удивленія, сдержанный шопотъ и переговоры.

Присяжные засѣдатели, пораженные такимъ неожиданнымъ событіемъ, стояли, какъ-бы въ оцѣпенѣніи, но тяжелѣе всѣхъ было въ эту минуту положеніе несознавашагося подсудимаго, на котораго вся эта сцена произвела страшное, потрясающее дѣйствіе.

Угрюмый, сосредоточенный въ самомъ себѣ, стоялъ онъ неподвижно за своей рѣшеткой.

Что дѣлалось въ эту минуту у него на его темной совѣсти...

Вспомнилъ ему словно пророческія слова, только что передь тѣмъ сказанныя священникомъ, при увѣщаніи присяжныхъ.

«Нѣтъ ничего на душѣ человѣческой тайнаго, что не сдѣлалось-бы въ свое время передь Богомъ явнымъ», раздавалось въ ушахъ подсудимаго, и онъ блѣднѣлъ предъ страшнымъ значеніемъ этой истины...

Наконецъ, послѣ небольшого перерыва, судебное засѣданіе о подсудимомъ было возобновлено. .Вакантное мѣсто Филинчикова, заступилъ одинъ изъ запасныхъ присяжныхъ засѣдателей.

Когда предсѣдатель сдѣлалъ послѣ того вызовъ очереднаго свидѣтеля для допроса, то подсудимый заявилъ, что теперь ему ужь никакихъ свидѣтелей не нужно, что онъ дѣйствительно виноватъ и желаетъ покаяться.

И онъ, дѣйствительно, чистосердечно покаялся передь судомъ совѣсти въ своей тяжелой винѣ; искренно сознался во всемъ и выяснилъ передь присяжными всѣ подробности своего тяжелаго преступленія.

Присяжные его осудили, но дали ему снисхожденіе.

Очевидно обвинительный приговоръ присяжныхъ былъ въ эту минуту для подсудимаго легче, нежели та тяжелая борьба совѣсти, которую на его глазахъ переиспыталъ за свой сокрытый грѣхъ несчастный Филинчиковъ.

Въ отвѣтъ на приговоръ присяжныхъ, подсудимый перекрестился и тихо заплакалъ. Совѣсть его была теперь успокоена на столько, на сколько въ силахъ дать ей это успокоеніе человѣческой судь...

Прошелъ годъ, и тою же осеннею сессією, въ томъ-же городѣ, передь судомъ присяжныхъ, по обвиненію въ убійствѣ своей жены, совершенномъ девять лѣтъ тому назадъ, предсталъ, въ качествѣ подсудимаго, Ипполитъ Филинчиковъ.

За цѣлый годъ тюремнаго заключенія до суда, не смотря на свой не старый еще 38-лѣтній возрастъ, онъ сильно осунулся, сгорбился, похудѣлъ и сдѣлался совсѣмъ старикомъ.

Но не тюрьма его такъ высушила и измѣнила, а таже несмолгаемая совѣсть.

Масса народа собралась на его судѣнице. Когда ему предложенъ быть на судѣ вопросъ о томъ, признаетъ-ли онъ себя виновнымъ въ убійствѣ своей жены, совершенномъ девять лѣтъ тому назадъ, или нѣтъ, то онъ отвѣтилъ тяжелымъ вздохомъ, и обильныя слезы потекли по его морщинистымъ щегамъ.

— Виновать... началъ онъ тихо, молодъ былъ... не полюбилась мнѣ жена... а дѣвушка сосѣдняя, купцова дочка, голову мнѣ сокрушила — полюбилъ я ее... жена хуже того опостыляла... задумалъ я, какъ мнѣ съ ней развязаться... выбралъ время... вида ей не показывалъ, поѣхалъ съ ней лѣтомъ на лодкѣ... островокъ на озерѣ тамъ есть... на огородъ свой, будто, посмотрѣть, да дорогой... выпихнулъ... ее... лодку опрокинулъ. Самъ-то хорошо плавать — выплылъ, а она... разъ-другой крикнула... и ко дну... озеро большое — такъ и стонула... и не паша.

Подсудимый замолчалъ и полой своего армяка утеръ слезы.

— Ну, потомъ дальше что было? спросилъ его предѣдательствующій.

— Дальше, да что-же дальше?... Въ народѣ стало извѣстно, всемъ... объяснилъ я, что лодку, будто, вѣтромъ перевернуло... повѣрили мнѣ... такъ и кончилось, никто не зналъ моей вины, и послалъ я ее на своей душѣ 8 лѣтъ, пока на тотъ судѣ въ присяжные не попалъ... знать Господь такъ судилъ... смутила меня совѣсть и выдала. Восемь годовъ мучился я душой, теперь часъ покаянный мой пришелъ... судите меня.

— А дѣвушка-та, гдѣ-же она, женились вы на ней? спросилъ подсудимаго предѣдательствующій.

Филинчиковъ вдругъ зарыдалъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, не далъ Господь чистой душѣ ея за убійцу выйти: умерла она въ томъ-же году... наказалъ меня Господь ея смертью... а она ничего не знала.

Долго совѣщались присяжные въ своей комнатѣ относительно виновности Филинчикова. Въ самую глухую уже полночь раздался оттуда звонокъ, возвѣстившій что приговоръ Филинчикову постановленъ.

Среди гробоваго молчанія прочитанъ былъ старшиною присяжныхъ вопросъ суда, о виновности Филинчикова въ умысленномъ утопленіи своей жены.

— Нѣтъ, не виновенъ, послѣдовалъ отвѣтъ присяжныхъ.

Этотъ отвѣтъ былъ прочитанъ тихимъ подавленнымъ голосомъ. Молча выслушалъ Филинчиковъ этотъ оправдательный вердиктъ присяжныхъ и отнесся къ нему совершенно безстрастно. Передъ судомъ людской совѣсти въ лицѣ Филинчикова стоялъ уже не живой человекъ, готовый за оправдательнымъ приговоромъ вернуться снова къ благамъ той жизни, отъ которой онъ былъ временно оторванъ, а живой мертвецъ, изможденный укорами своей совѣсти.

Никакой человѣческой судъ не могъ-бы никогда наказать его тою жестокою вазною, которою казнили Филинчикова угрызения его совѣсти.

На другой-же день послѣ своего оправданія, Филинчиковъ исчезъ совсѣмъ изъ

города и, какъ говорятъ, ушелъ на Аѳонъ вымаливать себѣ прощенье не передъ людьми, а передъ Богомъ.

III.

Да виновна—нѣтъ не виновна.

Мы разговорились о разныхъ обыденныхъ житейскихъ вещахъ.

Собесѣдникъ мой, почтенный старичекъ, купецъ одного изъ приволжскихъ городковъ точно также какъ и я, былъ не прочь чѣмъ-нибудь занять досужее время.

Оба мы пріѣхали на пароходную пристань спозаранка; до отхода «Вулкана» оставалось еще добрыхъ два часа; случайно какъ-то мы познакомились со старикомъ, сойдясь около своего багажа, завели разговоръ о томъ, о семъ, и, какъ это бываетъ обыкновенно съ дорожными людьми, быстро освоились одинъ съ другимъ и вступили чуть не въ пріятельскія отношенія.

Между прочимъ, въ общемъ разговорѣ рѣчь наша коснулась и новаго суда. Собесѣдникъ мой оказался большимъ почитателемъ суда присяжныхъ.

— Супротивъ прежняго суда, что и говорить, объяснялъ онъ, народу не въ примѣръ легче стало; принужденія ему теперь никакого нѣтъ, хочешь, покаяйся, не хочешь, нѣтъ; самый сущій, положимъ, преступникъ, стыда въ которомъ, можетъ и капли нѣтъ, и того судятъ по-Божьи.

— Да и опасенія ужъ никакого нѣтъ, что невиннаго осудятъ, вставилъ я свое слово, двѣнадцать судей вѣдь, ошибиться-то трудно.

— Ошибиться-то... трудно, говорите вы ошибиться... потому двѣнадцать человѣкъ судятъ... какъ бы раздумывая что-то, проговорилъ собесѣдникъ мой.

— Вотъ на этомъ пунктѣ, сударь, началъ онъ послѣ минутнаго молчанія, увѣренности въ себѣ никогда полной держать нельзя; хорошъ нашъ судъ, да все онъ судъ человѣческій... правда одна безъ отмытки-то у Бога только есть, а у людей... ошибка говорятъ, въ фальшь не ставится... такъ-то такъ, а и въ новомъ судѣ безъ ошибокъ не бываетъ...

— Что же, можетъ быть, и знаете вы какой-нибудь такой случай? перебилъ я моего компаньона.

— Знаю, сударь, знаю... кабы не зналъ, не говорилъ... на старости мнѣ тоже зря-то что болтать...

— Расскажите, пожалуйста!

— Отчего и не рассказать, коли вамъ въ охотку послушать; времени-то еще у насъ впереди много... расскажу, коли угодно.

И старикъ, какъ бы припомнивая предварительныя обстоятельства того случая, о которомъ хотѣлъ рассказать, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія передалъ мнѣ слѣдующее.

— Лѣтомъ нынѣшняго года, будетъ тому ужъ пять годовъ, началъ онъ свой рассказъ, судъ у насъ былъ, какъ слѣдуетъ, съ присяжными, солдатку одну съ подгородней деревни судили, что хотѣла она, будто, мужнину семью всю извести, съ какии-то порошкомъ или отравой квашню съ хлѣбомъ замѣсила.

— А мужъ-то гдѣ ея былъ, и его тоже хотѣла она извести или пѣтъ? перебилъ я старика.

— Вотъ я вамъ по порядку разскажу, какъ дѣло-то было. Солдатка эта до замужества городская была, спрота она круглая, у тетки жила и, значить, хлѣбъ свой сама добывала, на косточкахъ, да на плетешкахъ кружева вязала. Въ самомъ томъ домѣ-то, гдѣ она жила, у хозяина въ кучерахъ парень былъ съ деревни, ну слюбились они съ дѣвушкой-то, такъ-ли этакъ — дѣло не наше, только парень отцу своему объявку въ деревню послалъ: «такъ, молъ, и такъ, невѣсту себѣ нашьемъ». Ладно; пріѣхалъ отецъ со сватомъ къ теткѣ, дѣвку осмотрѣли, облюбовали, да и доподлинно хорошая дѣвушка была, скромная, да работающая; ну, значить, и тетка ея парня того знала: «что-жь, говорить, съ Богомъ». Такъ и порѣшили идти ей за этого парня. Тутъ дѣло они круто повернули, свадьбу сыграли, молодицу забрали къ себѣ, и зажили молодые мирно, да любовно. Знаю я это потому, что парня того хозяинъ своякъ мнѣ, и самъ я, значить, тоже на свадьбѣ былъ.

— Съ чего-же бы ей было такое дѣло затѣвать, семью травить мужнюю, когда она въ хорошую жизнь попала? спросилъ я.

— Съ чего?.. темнаго-то, сударь, много промежъ людской жизни бываетъ; инно, смотришь, бѣлымъ выглядить съ вида-то, а куда оно понутру-то чернымъ оказываетъ. Вотъ, ладно-съ, продолжалъ старикъ, мало-ли времени прошло, — мѣсяца, должно быть, четыре, — приходитъ эта самая Варька... значить, молодая-то... Варварой звали ее... приходитъ она въ городъ къ моему свояку, слезми плачетъ: «помогите, говорить, Трифонъ Ивановичъ, вѣдь мово, да вашего Ваньку, это мужа-то ейнаго, въ солдаты говорить, записали, сдаютъ его, хоша и не очередь, а старшій братъ, что на очереди будто боленъ... потому вишь самому Ваньку ейнаго въ номера записали, чтобъ старшему жеребья избавиться. А тутъ эта самая война зачиналась съ турками: убьютъ его, плачется она, жизни рѣшатъ на войнѣ-то... а сама ужъ такъ-то убивается бабенка — очень ужъ мужа любила. Ну, своякъ мой, какъ всегда этого Ваньку зналъ, да ласкалъ, сейчасъ въ волость, къ волостному: «почему, говорить, его ставите въ номера, а не старшаго брата»? Тѣ ему свою музыку: «мы, говорить, въ порядкѣ по закону дѣлаемъ, а хочеть онъ жаловаться, могить въ семидневный срокъ». А тутъ какой срокъ, какъ пришла эта объявка, что война, дѣла солдатскія, ухъ какъ живо, закрутились; молодуха и всплагнуть не успѣла, какъ угнали ейнаго Ваньку, словно и не было его совсѣмъ.

— Чего-же она не жаловалась?

— Эхъ, сударь, жаловаться-то надо съ головой, да съ толкомъ, а ейное дѣло молодое, да бабье, сама одна, куда она поидеть, да съ одного горя, да слезъ совсѣмъ ума она рѣшилась, — все только плачетъ: «не видать, причитаеть, мнѣ больше Ванюшки, убьютъ его въ басурманной сторонѣ»...

— Ну, а съ чего-же тутъ отравя то завязалась, спросилъ я старика, заинтересованный болѣе сущностью дѣла.

— А слышали вы, сударь, какъ въ нашихъ сторонахъ свекры съ молодыми

невѣстками поступаютъ?.. Да и не у насъ только, а и по многимъ мѣстамъ такъ-то, не по порядку, водится...

— Это на счетъ снохачества, что-ли? догадался я.

— Угадали доподлинно... вотъ и ейный-то свекоръ сына спустилъ... «пусть, говоритъ, онъ тамъ воюетъ»... а самъ противу его Варьки свою войну повелъ; сперва подарочками, да сладкими словечками: «такъ, молъ, и такъ, ты, Варюшка, теперь одна, да и я одинъ, старухи у меня, говоритъ, нѣтъ... а Ванька твой не то живъ будетъ, не то его убьютъ, а хоша, говоритъ, и не убьютъ, солдаты—не мужъ, а я то дома самъ хозяинъ, ты, молъ, меня не чурайся»... Живи съ нимъ, значить, со старикомъ-то... ну, а Варька съ того пуще объ мужѣ заскучала... всякій отпоръ старику. Онъ, значить, видитъ, дѣло на ласку не идетъ, вздумалъ къ строгости ее прибрать, думалъ силой заставить; она къ теткѣ ушла, онъ ее чрезъ старосту къ себѣ вытребовалъ; ну, и пошелъ у нихъ всякій раздоръ, да бѣда...

Положеніе бѣдной Варюшки, съ одной стороны изнывавшей отъ тоски по разлукѣ съ любимымъ мужемъ, а съ другой, преслѣдуемой такими гнусными цѣлями старика-свеkra, было въ самомъ дѣлѣ не легкое.

Изъ дальнѣйшаго разсказа моего собесѣдника я узналъ, что свекоръ Варвары, потерявъ всякую надежду получить расположеніе ея, вздумалъ отомстить ей и въ непродолжительномъ времени возбудилъ противъ нее уголовное дѣло, донеся, что она, Варвара, хотѣла вытравить всю семью его за то будто-бы, что онъ былъ къ ней строгъ, требовалъ отъ нея работы, а она, послѣ ухода въ солдаты мужа, стала загуливать, и т. д.

Вѣроятно это ложное обвиненіе было обставлено довольно обдуманно, потому что когда Варвара предстала на судъ присяжныхъ, по обвиненію ея въ покушеніи на отравленіе семьи своего свеkra и его самого, то присяжные ее обвинили, и судъ присудилъ ее къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы на восемь лѣтъ.

Я крайне заинтересовался этимъ появленіемъ ни въ чемъ неповинной Варвары на судѣ присяжныхъ и осужденіемъ ея.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ я старика, собесѣдника моего, что-же Варвара не оправдывалась, что-ли, на судѣ, что ее обвинили?

— Я, сударь, самъ былъ на томъ судѣ, и, признаться, если бы миѣ на ту минуту въ присяжныхъ довелось быть, самъ-бы обвинилъ ее.

— Да вѣдь ее ложно обвиняли.

— Ложное-то ужъ долгое время послѣ спутя узналось, а на судѣ-то, какъ дѣло шло, никакого сумлѣнія нельзя было имѣть: виновата, да и все.

— Что-же, она говорила что нибудь на судѣ?

— Ничего, сударь, не говорила; ее уличаютъ, а она только одно: «говорите, твердите, что хотите. Вамъ вѣра есть, ну и слава Богу».

— Ну, а сама-то?

— А сама-то, какъ полоумная, молчить, быдто ей все равно... Защитчикъ ей отъ суда назначенъ былъ, такъ отказалась: «миѣ, говоритъ, никого не надо.

все одно пропадать... Ванька, говорить, мой пропалъ, ну, и я пропаду». Такая сдѣлалась, словно какъ ничего ей не страшно и ничего ей не жалко.

— Какъ вы говорите—Ванька пропалъ,—развѣ его убили, что-ли?

— Вотъ я и забылъ сказать-то вамъ, спохватился старикъ — какъ началось этое дѣло объ Варварѣ, какъ только что посадили ее, значить, въ тюрьму, очень она скучала да плакала, да такъ, знать, ужъ Господь на нее свою кару наслалъ, пришло объявленіе въ газетахъ, значить, въ спискѣ пропечатано, что мужъ ейный, съ деревни Новинокъ, Иванъ Сестриновъ, на войнѣ пропалъ безъ вѣсти. Съ этого она, какъ отписали ей съ волости, чуть ума не лишилась... въ больницѣ двѣ недѣли лежала, пищи не принимала: «все равно, говорить, помру, безъ Ваньки мнѣ не жить»; потому и равнодушіе взяло ее: пусть меня, говорить, судятъ, какъ хотять... да такъ и на судѣ ничего не сказала. Ну, а свидѣтели... свекоръ... всякое такое и осудили...

— Кто-же свидѣтели-то были?

— Свидѣтели-то? свекоръ — первое: «лѣнива, говорить, была, мужа проводивши, стала себѣ парбжковъ заводить—мало ей одного, надо говорить, двухъ... мало двухъ, давай все больше; я, говорить, ее на работы... а она наровить въ кусты... я ее добрымъ словомъ, а она охальничать, да вотъ со зла всѣхъ стравить хотѣла, говорить, выдалъ»... ну, да вѣдь ужъ почестъ пять годовъ таперъ времени тому прошло, всего и не вспомнишь.

— А старшій сынъ былъ на судѣ? спросилъ я.

— Нѣтъ, кажись, его не было, потому будто не нашли его нигдѣ, съ дому онъ, неизвѣстно куда, отъ отца ушелъ.

— Кто-же еще противу нее показывалъ?

— Да ужъ, признаться, подробностей-то не помню... да работница тутъ еще старикова, словно, тоже свидѣтельницей была, что видала будто, какъ молодая чего-то сыпала въ дежу, чего, говорить, не знаю, а сыпала.

Въ эту минуту бесѣду нашу про злополучную молодуху Варвару потревожилъ первый сигнальный звонокъ на пароходной пристани.

Мы отправились за билетами, занялись сдачей своего багажа, и черезъ четверть часа «Вулканъ», грузно обернувшись около своей пристани, выплылъ на середину нашей единственной матушки-рѣки; запыхтѣлъ парами, загудѣлъ машиной и понесся внизъ по теченію на всѣхъ парахъ.

На пароходѣ мы снова встрѣтились со старикомъ въ каютѣ втораго класса. Онъ собирался уже было на покой и умасливалъ себѣ койку для спанья.

— Нѣтъ, ужъ вы докончите мнѣ про Варвару-то? присталь я къ нему.

— Докончить, отозвался онъ, пріятно улыбаясь, что-жъ, пожалуй, благо конецъ-то вышелъ у нихъ хорошій.

— У кого, у нихъ?

— Да у Варвары-то съ мужемъ.

— Да вѣдь мужъ-то ея, вы говорили, пропалъ.

— Пропалъ, да не совѣмъ пропалъ... чрезъ годъ послѣ того, какъ Варвару его въ Сибирь услали, объявился онъ вдругъ на родину, съ билетными

пришелъ на поправку, два Егорья себѣ на грудь за храбрость зашибъ, унтера получилъ. Видите, въ сраженіи подъ Плевной раненъ онъ былъ, забыли его въ полѣ забрать, онъ, сердечный, съ перебитой-то рукой двѣ недѣли кое-гдѣ скитался, чтобъ непріятелю не попасться, его въ тѣ поры и показали пропавшимъ; ну, а потомъ какъ добрался до своихъ, рука-то у него загноилась, думали, отнять надо, одначе доктора вылечили его, начальство наградило и отпустило его домой. Какъ объявился онъ у насъ, такъ ахнули всѣ, потому помершимъ давно считали его.

— Какъ-же онъ про жену узналъ? полюбопытствовалъ я.

— Много и на его долю слезъ стало. Какъ пріѣхалъ онъ въ городъ сейчасъ, по прежней памяти, къ моему свояку; тотъ его обласкалъ, встрѣтилъ, а онъ первымъ словомъ,—«гдѣ, говорить, жена моя, да что съ ней?» Тотъ ему и рассказалъ: «далече, говорить, Иванъ, отъ тебя она». Какъ узналъ онъ про всю эту канитель, помѣшался парень совсѣмъ разсудкомъ, хотѣлъ идти отца убить... Знать, сердце-то правду домекнуло, а тутъ нашлись добрые люди, рассказали ему всю правду настоящую и все наружу про старика выводить стали... Ну, оправился маленько Иванъ, да въ волость къ старшинѣ: «я, говорить, дѣла ваши такъ не оставляю... невинна моя жена, а вы ее осудили... за свою вѣрность мужу потерпѣла». Волостные-то было ему страху вздумали напустить, потому писарь-то съ отцемъ его въ кумовствѣ, и много всѣ волостные отцу его въ томъ дѣлѣ помогли... А Иванъ, извѣстно, настоящей-то страхъ на войнѣ повидавши, не испугался; первымъ дѣломъ Варькѣ своей письмо: «живъ, дескать, я здоровъ и объ твоёмъ дѣлѣ хлопотанье зачинаю, чтобъ вернуть тебя съ Сибири, не скучай молъ, а жди»...

— И что-же? Выхлопоталъ себѣ назадъ жену? спросилъ я съ нетерпѣніемъ.

— Большое, сударь, дѣло затѣялъ онъ тогда, по настоящему, какъ говорится, по военному повернулъ; въ Питеръ ѣздилъ, всякіе себѣ хода вездѣ нашелъ, да черезъ полгода изъ Питера рѣшенье и пришло: Варькино дѣло наружу поднять и переслѣдовать.

— Ну, и что-же.

— Завязалась, сударь, на этой переслѣдкѣ большая исторія. Первое, доказали люди, что старикъ-то, Ивановъ отецъ, неправильно втораго сына въ жеребьевку пустилъ, а старшаго отстранилъ, для того видите, такъ онъ съ волостными подстроилъ, чтобы Ивана сбить, потому жена-то его гораздо старику приглянулась, самъ онъ и захотѣлъ на его мѣсто заступить. Второе, какъ Варвара узнала, что мужъ ея вернулся, да дѣло началъ противу отца, сама стала въ Сибири по начальству на него всю правду высказывать, ну, такимъ манеромъ и вывели они старика на чистую воду. Все это дѣло, по которому Варвару судили, да приговорили на каторгу, опровергнули, а тутъ и старшій сынъ домой пришелъ за брата, да за невѣстку вступился: «меня, говорить, отецъ съ дома выжилъ, чтобъ я ему не мѣшалъ: иди, сказалъ, отъ меня, куда хочешь»; одно слово, выжилъ вонъ и удалилъ его отъ дѣла, чтобъ онъ потомъ на него чего слѣдователю не показалъ.

— Такъ Варвара вернулась назадъ? Выхлопоталъ ее Иванъ?

— Вернулась, какже; ужъ какъ ее Иванъ-то ждалъ, какъ пришло ему объявленіе, что женѣ его прекращеніе наказанія вышло, потому безвинно осуждена она была по ложнымъ показаніямъ, просто съ радости онъ словно какъ ребенокъ сдѣлался; да и она тоже съ дороги все ему письма писала; въ какой городъ придеть съ этапомъ и отписываетъ ему: «туда-то пришли», и тогда-то дальше въ дорогу, въ Казань-то ужъ, онъ не стерпѣлъ—поѣхалъ самъ сустрѣнуть ее, тамъ ее съ этапа въ свои руки и взялъ и привезъ.

— Гдѣ-же они теперь?

— Да и теперь въ нашемъ городѣ живутъ мирно, согласно... все-же у свата моего. Сдѣлалъ онъ Ивана артельщикомъ главнымъ въ конторѣ... служить ему правдой и вѣрой, да женой и по днесъ любитъся.

— Ну, а отецъ его?

— Отецъ въ тюрьму былъ посаженъ, да знать Господь покарать его захотѣлъ еще строже — языка онъ тамъ лишился да померъ... Помиралъ-то, сказываютъ, худо да долго; вишь, совѣсть ему заживо скрести стала... представлялись ему разныя видѣнія...

И старикъ набожно перекрестился.

— Такъ-то, сударь, добавилъ онъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, вотъ мы съ вами на счетъ новаго суда разговоръ начали. Хорошъ нашъ судъ, ужъ чего говорить, а все присяжнымъ надо опаску имѣть... до грѣха не долго невиннаго осудить... Одно слово сказать; вотъ она, Варвара-то, живой человекъ; судили ее присяжные, и сумлѣнія никакого на душѣ не имѣли: да, молъ, виновна она; анъ вышло-то — нѣтъ, а вѣдь почестъ около двухъ годовъ самой она этой каторги попробовала; хорошо еще, человекъ-то она молодой, ну и смиловался надъ ней самъ Господь, устроилъ такъ, отмѣтилъ ее, изъ такого дѣла чистою опять вывелъ—потому задаромъ она пострадала.

Я поинтересовался узнать, какъ отнеслись къ Варварѣ тѣ присяжные, которые разбирали ея дѣло и осудили ее.

— Присяжные-то, которые померли, отвѣтилъ мнѣ старикъ, которые поразѣхались, а на мѣстѣ только трое изъ тѣхъ осталось; да вѣдь какъ сказать, вины ихъ не было, а все какъ вернулась она, словно больно имъ за свою душу стало, что такъ они невѣрно осудили; старичекъ изъ нихъ одинъ, такъ тотъ къ Ивану приходилъ, прости, говорить, меня за жену-то. И Варвару просилъ: не вини ты, говорить, насъ, мы не виноваты... сама, молъ больше виновата... извѣстно молчала, а мы, дескать, вашихъ дѣловъ не знаемъ, не говорила тогда ничего, потому пропадать собиралась... заодно безъ Ивана...

— А все, сударь, и въ судѣ, и въ правдѣ, и въ неправдѣ, во всемъ воля Господня... Можеть, кабы Варвару-то въ Сибирь не услали, хуже-бы съ ней тутъ что нибудь сдѣлалось, закончилъ мой старикъ, укладываясь спать, потому ужъ очень тяжело ей было...

— Пожалуй, что и такъ, подумалъ я, а все - таки не легко было Варварѣ выслушать отъ людской совѣсти приговоръ надъ собой: «да, виновна», когда и

душа, и сердце ея; и все измученное въ то время нравственной борьбой существо ея, твердило ей въ ея безпомощномъ состояніи, что этотъ приговоръ суда надъ ней несправедливъ, что она «нѣтъ, не виновна».

Но и то сказать:

Судъ людской... не Божій.

IV.

Легенда о присяжномъ.

Крутымъ и высокимъ обрывомъ, вдоль лѣсистаго берега большой рѣки Пневы дикою и угрюмою мѣстностію, пролегаетъ проселочная дорога изъ деревни Савинокъ на погостъ села Прибылова.

Проселокъ этотъ всѣ мѣстные крестьяне, называютъ большимъ трактомъ потому, что онъ ведетъ прямою дорогою въ уѣздный городъ. Всей лѣвой стороной этой дороги по надбережью рѣки тянется густой чернолиственникъ, а справа глубокимъ и сумрачнымъ оврагомъ, словно цѣпляясь другъ за друга, растутъ по откосамъ и впадинамъ его густыми группами, кусты можжевельника, калины, волчьего дерева, невысокаго орѣшника и разной другой лѣсной поросли.

Внизу въ широкихъ зеленыхъ берегахъ, извиваясь по поемнымъ лугамъ, катить свои тихія волны многоводная Пнева.

Недоѣзжая трехъ верстъ до деревни Савинокъ дорога эта раздвояется. Вправа вдоль берега той же рѣки отдѣляется узенькій проселокъ на лѣсопильный заводъ купца Горюнова, а влѣво, въ прямомъ направленіи къ Савинкамъ, укладываясь все дальше и дальше отъ рѣки, идетъ настоящій трактъ.

Саженей за пятьдесятъ передъ этимъ раздѣломъ, дорога съ обрыва рѣки круто спускается внизъ въ глубокой поперечный долъ и внизу его входитъ въ густую лѣсистую мѣстность, справа и слѣва отороченную непроходимымъ соснякомъ. Густыя сосны съ обѣихъ сторонъ дороги, сильно надвигаются на нее въ этомъ мѣстѣ; съуживаютъ ее до нельзя, и какое-то жуткое, угнетающее чувство охватываетъ душу путника въ то время, когда онъ входитъ, или въѣзжаетъ подъ своды этой природной темной аллеи. Цѣлыми ярусами надъ лѣвой стороной дороги, высятся одна надъ другой, дикія лѣсистыя кручи, этого большаго природнаго оврага, въ нижней части котораго на одной изъ небольшихъ полянокъ словно живой мертвецъ среди живыхъ людей стоитъ окруженный мелкимъ соснякомъ старинный, высохшій, поросшій уже отъ времени мхомъ громадный дубъ, съ распростертыми кругомъ во всѣ стороны такими же сухими и безжизненными вѣтвями.

Жутко и боязно дѣлается на душѣ при видѣ этого высохшаго исполинскаго, гиганта, въ дуплахъ котораго водятся два множествомъ летучія мыши, а на высокихъ расщелинахъ ствола и вѣтвей имѣютъ пріютъ совы, филины и другія невѣдомыя существа легендарнаго суевѣрнаго воображенія и вѣрованія окрестныхъ крестьянъ.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ этого дуба, боковой поворотъ дороги къ рѣкѣ, ведетъ на пильный заводъ, а у самаго поворота глазу прохожаго или пу-

тешественника—туриста бросается вдругъ въ глаза мелькающей и виднѣющейся изъ за невысокихъ кустовъ можжевельника большой деревянный крестъ, врытый въ землю.

А вотъ на противоположной сторонѣ дороги, ближе къ тому мѣсту, гдѣ на зеленѣющей полянкѣ стоитъ сухой дубъ, врытъ небольшой столбикъ, къ которому подъ лубочной прикрѣпкой прибитъ какой-то старенькій деревянный образъ, на которомъ почти совсѣмъ уже не осталось слѣдовъ живописи очевидно смытой дождемъ.

Что значить, чѣмъ объясняется въ этой глухой угрюмой мѣстности присутствіе креста и образа, подъ вліяніемъ какихъ побужденій души, суевѣрныхъ ли воззрѣній, религіозныхъ или иныхъ вѣрованій, окрестными жителями поставленъ былъ здѣсь въ глуши какой-то невѣдомой крестъ, при самой дорогѣ водружена икона, очевидно, какъ эмблема прибрѣжища на этомъ мѣстѣ всякаго путника къ мысли о Богѣ.

Лѣтомъ 1876 года, довелось намъ прожить нѣсколько дней въ деревнѣ Савинкахъ. Исслѣдуя въ качествѣ туриста и любителя природы все окрестныя мѣстности, мы побывали и на берегу рѣчки Пневы, откуда возвращаясь домой прямымъ путемъ, оврагами, набрали прямо на это мѣсто.

— Что это у васъ тутъ крестъ стоитъ въ лѣсу, увидавъ его спросили мы нашего проводника крестьянина деревни Савинокъ.

— Хрестъ-то?... хрестъ, значить, здѣсь отъ нашего общества поставленъ отъ вѣчалъ намъ крестьянинъ, усѣвшись неподалеку отъ него на пенъшекъ и выколочивая о него свою трубочку, чтобы покурить.

— Купецъ, значить, съ завода пильнаго Горюновъ, на этомъ самомъ мѣстѣ жистъ свою покончилъ, добавилъ нашъ проводникъ попыхивая уже изъ своей носогрѣйки, съ города ѣхалъ онъ домой на судѣ присяжнымъ былъ, да вотъ дорогой тутъ невѣдомо отчего и умеръ, лошадь-то съ кабриолеткой его сама одна домой пришла, въ сохранности все и цѣло, а его ужъ тутъ нашли,—тоже и при немъ все въ порядкѣ, и денегъ много въ карманѣ было—цѣлы, часы съ цѣпочкой тоже при немъ и большой перстень такой съ синимъ камнемъ носилъ онъ на рукѣ, одно слово,—все цѣло, а самъ не живой да и все... вотъ на самомъ этомъ мѣстѣ гдѣ хрестъ стоитъ тутъ онъ и лежалъ на землѣ... не живой.

— Что же онъ тутъ похороненъ, что ли Горюновъ-то?

— Никакъ нѣтъ, похоронили его на погостѣ, а тутотка крестъ поставили,—значить, чтобы народу проходящему сумлѣніевъ не было.

— Какихъ сумлѣніевъ... отчего.

— Какихъ... да такихъ, что съ того время, какъ онъ значится тутотка покончился, вотъ ужъ годовъ кольки забылъ, все на этомъ мѣстѣ душа-то евоная енчится, такъ идешь какъ... ну и слышать, то въ кустовѣхъ здѣсь, а то около дуба... енчить голосомъ жалобно, ну боязно всякому, вотъ міромъ крестъ на этомъ мѣстѣ ему поставили, чтобы значить стишило его...

— Съ чего же это онъ такъ енчится, спросили мы нашего спутника, принаравливаясь къ его взглядамъ и словамъ.

— Да съ того, сударь, началъ нашъ проводникъ, что на суду онъ фальшь произвель... присягалъ, присяжнымъ будучи, по всякой правдѣ судить, а на тое мѣсто, сказываютъ сокрушеніе своей душѣ сдѣлалъ, осужденіе отъ себя не по правдѣ далъ... ну знать Господь и не попустилъ... кончилъ онъ этотъ самый Горюновъ-то свой судъ... поѣхалъ домой... а тую ночь громъ былъ сильный... знать отъ дождя спрятался онъ подъ дерево что ли, лошадь то на дорогѣ оставилъ—а самъ подъ защиту, —тутъ его... безъ покаянія... Господия стрѣла-то и положила... какъ ослѣдствовали-то его потомъ—волосъ обоженъ... самъ почерилъ... Божнымъ огнемъ убило... такъ-то...

Я полюбобытствовалъ узнать отъ моего спутника, въ чемъ же выразилась на судѣ неправда Горюнова, какъ присяжнаго засѣдателя.

— Неправедно, сударь, осужденъ онъ далъ мужичку одному, получилъ я въ отвѣтъ. Изволите видѣть, такое дѣло было. Служилъ у него въ лѣсникахъ крестьянинъ одинъ, Игнатъ съ сосѣдней деревни... ну и знать чѣмъ то не потрафилъ онъ ему, прогналъ его Горюновъ и за четыре мѣсяца двадцать рублевъ жалованья удержалъ, потому быдто, просмотрѣлъ самый этотъ Игнатъ, какъ съ завода четыре сажени четвертовыхъ дровъ пропало. Ну, ладно, какъ въ такомъ дѣлѣ вины никакой Игнашки того не было, подаль онъ мировому и вышло отъ мирового рѣшеніе, —Горюнову заплатитъ Игнашкѣ жалованье все, и еще накинулъ мировой на Игнашкину корысть три цѣлковыхъ за веденіе дѣла. Горазъ съ того осерчалъ Горюнкъ, да все знать съ того времени въ мысляхъ у себя противу Игната злобу держалъ, а тутъ на судѣ несчастіе пришло, этому самому Игнату; подрася онъ съ другими на праздникѣ, да невзначай парню одному голову проломилъ, извѣстно, —несчастіе вышло, ну вотъ въ самые эти присяжные попалъ и Горюнкъ, и вышло отъ нихъ всѣхъ рѣшеніе, всѣ значить не виноваты, а обвиновали одного Игнашку и отъ суда рѣшеніе было что значить ему всѣхъ правъ лишеніе и въ сибирскіе предѣлы по смерть жизни...

Товарищъ мой, только что было разошелся, такъ сказать, въ своемъ разсказѣ, какъ вдругъ неожиданный вихрь налетѣлъ на насъ закружилъ пылью и лѣснымъ соромъ и понесся къ сухому дубу, сорвавъ у моего товарища съ головы шапку.

Послѣдній нѣсколько смутился, обернулся во всѣ стороны, набожно перекрестился на нкону и подобравшись съ пня, на которомъ сидѣлъ, далъ мнѣ понять, что «лучше домой идти».

— Дѣло сударь къ вечеру... вишь оно вездѣ тихо... а тутотко налетѣло... обѣ ѣмъ тутъ лучше не говорить... домой пойдемте... да и тучье заходить, обратился ко мнѣ мой товарищъ.

Я посмотрѣлъ на небо; черныя тучи дѣйствительно стали заходить со всѣхъ сторонъ, въ лѣсу сдѣлалось сумрачно, изъ кустовъ потянуло прохладой, низовой вихрь еще раза два пронесся по дорогѣ, а скоро заходилъ и верховой вѣтеръ. Зашумѣли верхушки густаго сосняка, впереди по дорогѣ поднялась пыль... нѣсколько большихъ птицъ, словно убѣгая отъ бури, пронеслось надъ нами и наконецъ издали послышался первый глухой раскатъ грома.

Товарищъ мой какъ то боязливо перекрестился, мы прибавили шагу направ-

ляясь скорѣе изъ лѣса на поляну. Гроза видимо приближалась, тучи сгущались все больше и больше, раскаты грома дѣлались ближе и явственнѣе, наконецъ сверкнула молнія и нѣсколько крупныхъ капель, нанесенныхъ на насъ сильнымъ порывомъ вѣтра, предупѣдомили о томъ, что гроза идетъ на насъ.

Мы еще болѣе ускорили шаги и только что добрались до Савинокъ, какъ страшный ливень разлился надъ деревней съ громомъ и молніей.

Въ уютной, теплой избѣ среди другихъ людей, въ защитѣ отъ непогоды, вдали отъ «того мѣста» мы почувствовали себя какъ то свободнѣе.

Я поинтересовался узнать отъ моего спутника, конецъ исторіи Игната и онъ разсказалъ мнѣ, что послѣ того, когда судъ прочелъ ему такой жестокой приговоръ, а жена его, находившаяся въ залѣ суда, отъ «такихъ страстей заголосила и сомлѣла», то присяжные «загомонили» между собою, заспорили и наконецъ заявили суду, что они хотѣли и Игната оправдать, да ужъ очень съ толка сбиль ихъ этотъ самый Горюнь,—сталъ говорить что Игнашка и пьяница и драчуга и что нужно его для острастки другимъ привинить «пусть маленько посидитъ»!...

— Такимъ манеромъ, передавалъ мнѣ разскащикъ, подумали присяжные ну чтожъ, когда онъ такой буянтъ, пусть маленько посидитъ, небось сосѣдъ то Горюнь его знаетъ лучше, знатъ говорить вѣрно, а какъ за мѣсто посидѣнья вышло ему правъ лишенье да Сибирь, они и взбросились на Горюна: ты молъ насъ обманулъ, мы теперь тебя послухамши, человѣка сгубили, ну разомъ всѣ къ суду заявленье, мы де желаемъ его оправить, насъ молъ на грѣхъ то, этый самый Горюнь навелъ.

— Ну дальше то какъ же было?

— А дальше такъ вышло, судъ резонтовъ этихъ не взялъ во вниманіе, а только вышнему начальству представилъ, ну переслѣдство было ужъ черезъ три мѣсяца. Игната оправдали, отпустили.

— Тогда на судѣ, сударь, большое можно сказать сумлѣніе вышло, вступилъ въ разговоръ нашъ одинъ старичекъ крестьянинъ, какъ это услыхала Игнатовая жена, что присяжные Горюна урекаютъ, что онъ ихъ натравилъ на ейнаго мужа вышла она на залы середину къ Горюну, ты, говоритъ, его по злобости за присудку мирового сгубить хотѣлъ, да потомъ на колѣни на образъ, крестится, плачетъ, а сама то на весь голосъ:—Господи, говоритъ, Милостивый покарай ты его нечистую душу, это Горюнову то, что онъ своей совѣстью покривилъ, присягу свою сломалъ, а сама крестъ на себя да поклонъ, заклинается на его нагубу... всѣмъ индо страшно стало, силкомъ бабу съ суда вывели, а она его все клянеть; сгубилъ, говоритъ, ты моего мужа, дѣтей моихъ осиротилъ, чтобъ тебя говорить сила небесная загубила... закляла его... страсть.

— Ну, какой же конецъ то былъ?

— Такой и былъ конецъ... продолжалъ разскащикъ... поѣхалъ онъ на другой день съ суда то домой... да тутъ въ лѣсѣ... Господь его за неправду... что... душою судейскою покривилъ и... покаралъ... убило его... громомъ небеснымъ... знаменіе правды... Господь свое показалъ....

Смерть присяжнаго засѣдателя Горюнова, послѣдовавшая при столь странныхъ

и случайныхъ обстоятельствахъ и совпаденіяхъ, произвела въ свое время на всѣхъ окрестныхъ жителей сильное впечатлѣніе. Всѣ увидѣли въ ней истинное знаменіе Божіе и наказаніе за злостное неправосудіе Горюнова, какъ судья.

— Умеръ то... кое какъ... да безъ покаянія еще... не дай Господи и врагу такой смерти, говорили про него крестьяне и, проходя тѣмъ мѣстомъ, гдѣ случилась съ нимъ катастрофа, набожно крестились, прося Господа избавить всякую христіанскую душу отъ такой напасти.

Подъ вліяніемъ мистицизма и суевѣрныхъ воззрѣній, окрестные жители совершенно естественно создали себѣ представленіе о мыкающейся душѣ Горюна которая за свой тяжкій грѣхъ не можетъ найти себѣ покоя и енчится да плачется около того мѣста, гдѣ Горюнъ кончился.

Угрюмая и сумрачная мѣстность, еще болѣе способствуетъ такому настроенію мѣстныхъ крестьянъ, которые серьезно увѣряютъ, что какъ идешь тѣмъ мѣстомъ, все слышать, какъ она стонетъ да енчить...

Чтобы облегчить страданія грѣшной души Горюна, круговые крестьяне поставили ему на мѣстѣ его кончины крестъ.

— Супротивъ креста Господня согрѣшилъ онъ, говорятъ они, ну, пусть ему отъ креста будетъ и освобожденіе.

А икону на самой дорогѣ въ Савинки устроили по собственному почину Игнатъ и жена его.

Незлюбивые люди—они простили ему уже давно вину его передъ ними, и каждый годъ на этомъ мѣстѣ служатъ даже по Горюнѣ «панафидку», чтобы Господь простилъ ему его согрѣшеніе.

Столбикъ съ иконой Игната стоитъ на самой дорогѣ въ уѣздный городъ, по которой постоянно съ большей половины уѣзда, стекаются на судъ поселяне, призываемые къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей.

Каждый изъ нихъ, проходя этимъ мѣстомъ вспоминаетъ грѣхъ Горюна, каждый останавливается передъ иконой и каждый горячо молить Бога, чтобы онъ сподобилъ его предстоящій долгъ на судѣ отбыть безупречно по правдѣ и по совѣсти.....

У.

Двумужница.

Въ уѣздномъ городѣ идетъ сессія окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Наканунѣ послѣдняго дня сессіи, на наружной двери залы мирового съѣзда, гдѣ происходило судебное засѣданіе, появилось очередное объявленіе, оповѣщающее, что на завтра назначено къ слушанію дѣло о женѣ штабсъ-ротмистра Вѣрѣ Владиміровой Рон—ской, обвиняемой въ двумужествѣ.

Мѣстное общество давно ожидало разрѣшенія этого томительнаго для всѣхъ дѣла, томительнаго потому, что личность Вѣры Владиміровны пользовалась у всѣхъ самую полную и самую искреннюю симпатію, а несчастное прошлое ея

которое такимъ тяжелымъ гнетомъ, и въ добавокъ совершенно незаслуженно изломало ее и изуродовало ея молодую жизнь, еще болѣе внушало къ ней со-страданіе, заставляло всякую даже чуждую ей душу жалѣть ее, и трепетать по нѣкоторымъ причинамъ за то будущее, которое могло ожидать ее въ ея уголовномъ процессѣ.

Въ короткихъ словахъ ознакомимъ читателя съ личностью и характеристикою нашей двумужницы.

Въ моментъ, когда она должна явиться на судъ, ей всего только 24 года. Она, совсѣмъ еще молодая женщина, мать двоихъ малютокъ дѣтей отъ втораго незаконнаго, но горячо любимаго мужа.

Вѣра Владиміровна восемнадцати лѣтъ отъ роду, кончила курсъ въ одномъ изъ Петербургскихъ институтовъ. Какъ круглая сирота и къ тому же совершенно бѣдная дѣвушка она должна была идти въ гувернантки. Распрощавшись со сле-зами на глазахъ съ своимъ институтомъ, подругами и класными дамами, которыя всѣ любили Вѣру — будемъ пока такъ называть ее — она уѣхала въ Новгород-скую губернію, гдѣ на ея долю выпало мѣсто гувернантки въ одинъ старинный барскій домъ. Въ почтенномъ семействѣ этомъ, Вѣра почувствовала себя хорошо. Ее любили, какъ свою, берегли и ласкали, какъ родную. Но не долго довелось ей пользоваться такою жизнью, удовлетворявшею вполне ея молодую привяз-чивую и добрую душу.

Казалось впрочемъ, что въ жизни Вѣры какъ молодой дѣвушки случился поворотъ къ еще лучшему будущему. На зиму семейство, въ которомъ Вѣра жила, переѣхало въ одну изъ столицъ, для потребностей представленія свѣту двухъ подроставшихъ дочерей — воспитанницъ Вѣры. Балы, рауты, вечера, театры съ массою ихъ разнообразныхъ впечатлѣній, словно въ догонку, заполнили собою внутреннюю жизнь молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ Вѣра выдѣлялась своимъ изяществомъ и миловидностью.

Одинъ изъ этихъ баловъ къ несчастію порѣшилъ ея судьбу. Она плѣнила собой молодаго человѣка, офицера одного изъ кавалерійскихъ полковъ, который послѣ двухъ трехъ кадрили и нѣсколькихъ вальсовъ, признался ей, что жить безъ нея не можетъ, и готовъ умереть у ея ногъ, если она его отвергнетъ. Такія страшныя клятвы и увѣренія, взбудоражили совѣтъ юную головку Вѣры, она подумала и сама, что и она тоже любить, роковое согласіе сорвалось въ минуту неумѣренно и неосновательно взволновавшагося сердца и этомъ моментомъ по-ложено было начало новой, но далеко не счастливой жизни Вѣры.

На неопытной нашей институткѣ повторилась одна изъ обыденныхъ въ жизни печальныхъ исторій. Мгновенное увлеченіе, повлекшее за собою порабощеніе своей жизни повидимому любимому человѣку, слишкомъ скоро сказалось въ тяжелыхъ и неожиданныхъ для Вѣры послѣдствіяхъ.

Прелестный молодой человѣкъ, какимъ показался Вѣрѣ ея женихъ и которому всякая свѣтская дѣвушка не задумываясь отдала бы свою руку, оказался самымъ зауряднымъ человѣкомъ, даже больше того, человѣкомъ не добросовѣстнымъ, пьяницей, мотомъ, картежникомъ. Мало того, что послѣ перваго же мѣсяца за-

мужества Вѣры, онъ далъ ей понять, что она ему надоѣла, что онъ увлекся ею, какъ хорошенькою дѣвушкою, онъ видимо старался стряхнуть съ себя, случайно наложенное на себя супружеское иго, и достигъ этого безъ особеннаго труда и церемоній.

Въ компаніи своихъ полупьяныхъ товарищей, проигравшись однажды до послѣдняго, онъ рѣшился поставить на карту свою хорошенькую жену, чтобы этой крупнои и цѣнной ставкой, воротить свой проигрышъ. Въ глухую полночь, когда запершись въ своей комнатѣ, одна на единѣ съ своимъ горемъ, Вѣра оплакивала свою жизнь, и будущность въ сообществѣ съ такимъ отвратительнымъ мужемъ пьяницей, онъ явился къ ней въ комнату съ однимъ изъ своихъ собутыльниковъ съ тѣмъ, чтобы вручить ему его «выигрышъ». Несчастливая Вѣра, какъ не была всегда подготовлена ко всякаго рода банальностямъ своего мужа, не ожидала однакоже такой низкой и своеобразной оцѣнки себѣ.

Выслушавъ отъ мужа, что онъ проигралъ ее такому-то, она нашлась еще, и не потерялась сказать, что сейчасъ одѣнется и явится къ своему новому властелину, не выказала никакого видимаго упорства, такому распоряженію собою, не допустила тѣмъ мужа до какого либо надъ собою насилія, и такимъ только образомъ отстранила отъ себя всю ту ужасную случайность, которая ее одинокую молодую женщину, могла бы постигнуть, въ сообществѣ ея пьянаго мужа и еще болѣе того его пьянаго товарища.

Улучшивъ затѣмъ удобную минуту, Вѣра стремительно бѣжала среди ночи отъ своего семейнаго очага, захвативъ съ собою одну только перемѣну платья и свой институтскій дѣвичій дипломъ.

Прошелъ годъ, и Вѣра подъ своей дѣвической фамиліей, по диплому институтки снова уже въ губернанткахъ у предводителя дворянства, въ томъ самомъ городѣ, въ которомъ теперь долженъ состояться надъ ней судъ. И здѣсь, въ этой почтенной семьѣ, Вѣра встрѣтила тоже радушіе, тотъ же добрый пріемъ, да иначе нельзя было и относиться къ этой симпатичной дѣвушкѣ. Все молодое существо ея дышало такою нѣжностію, такою правдивостію своего сердечнаго влеченія къ людямъ, что она заставляло невольно любить себя, и цѣнить въ ней массу ея добрыхъ качествъ.

Въ обстановкѣ обширной семьи, среди занятій съ дѣтьми, успѣвшая уже отдохнуть отъ невзгоды своего перваго несчастнаго брака, Вѣра забыла почти совсѣмъ про свое горе, тѣмъ болѣе, что въ теченіи довольно продолжительнаго времени послѣ ухода ея отъ мужа, она убѣдилась, что онъ не расположенъ преслѣдовать и розыскивать ее. А эта мысль ее особенно пугала и тяготила.

Первое свое замужество она хранила на душѣ у себя тяжелою и строгою тайной и никто не зналъ, что Вѣра уже замужняя. Всѣ считали ее дѣвушкою, только что окончившею курсъ института, да это и было такъ естественно. Молодость, дѣвическая наивность Вѣры, всецѣло были еще при ней; всегда веселенькая, игривая, вносящая въ общество обаяніе юности, Вѣра не могла не казаться барышней... и подумать объ ней... что она уже замужняя женщина, никому не могло придти и въ голову.

Иногда только находили на Вѣру минуты тяжелаго сознанія безотрадности ея положенія. Случалось такъ, что даже и въ минуты ея веселаго расположенія духа, налетала на нее мысль о ея разбитомъ чувствѣ, вспоминались ей тяжелые дни, проведенные ею съ мужемъ, а неотвязное сознаніе о томъ, что этотъ мужъ можетъ вдругъ явиться къ ней, предъявить на нее свои права, осрамить ее, уличить въ обманъ, будоражили ея душу и нарушали ея обычный душевный покой.

На масляной недѣлѣ жена предводителя дворянства, большая любительница устраивать общественныя увеселенія, затѣяла домашній спектакль. Въ этомъ спектаклѣ приняла участіе вся городская молодежь, а въ томъ числѣ и Вѣра. Для участія въ спектаклѣ пріѣхало нѣсколько молодыхъ людей изъ губернскаго города. На долю Вѣры выпало играть въ небольшой комедіи роль инженера, которая симпатичностію своею, увлекаетъ молодаго человѣка до того, что онъ въ концѣ концовъ предлагаетъ ей свою руку и женится на ней. Роль эта вполнѣ соотвѣтствовала средствамъ Вѣры, а увлекающагося ею молодаго человѣка, по собственному ея выбору долженъ былъ играть нѣкто Владиміръ Петровичъ Теренинъ, съ которымъ Вѣра была уже отчасти знакома, встрѣчаясь съ нимъ довольно часто въ двухъ, трехъ семейныхъ городскихъ домахъ. Слухи были, что Теренинъ, встрѣчаясь съ Вѣрой, какъ то подолгу заглядывался на нее, краснѣлъ въ ея присутствіи, а эти слухи создали и другіе не менѣе невинные разговоры, что и Вѣра въ обществѣ молодыхъ людей оказываетъ почему то всегда особое предпочтеніе Теренину. Вѣрнаго изъ всего этого было то, что оба они дѣйствительно нѣсколько интересовались другъ другомъ, а это было такъ естественно.

Многочисленныя репетиціи предстоявшаго домашняго спектакля послужили вполнѣ взаимному сближенію Вѣры и Теренина. Болѣе всего сближенію этому, содѣйствовала конечно взаимность ихъ ролей, и на одной изъ послѣднихъ репетицій Владиміръ Петровичъ поцѣловавъ по ходу своей роли ручку Вѣры, какъ то долго не выпускалъ ее изъ своей руки и наконецъ молча и продолжительно поцѣловалъ ее во второй разъ. Вѣра вспыхнула, измѣнилась въ лицѣ, двѣ крупныя слезы выкатились изъ ея глазъ,—и она проворно отбѣжала къ окошку, чтобы никто не замѣтилъ ея смущенія; но это было напрасно, такъ какъ завязка ними между искреннихъ и сердечныхъ отношеній, представлялась для всѣхъ уже совершенно ясною.

По окончаніи самого спектакля, который былъ въ послѣдній день масляницы, Владиміръ Петровичъ долженъ былъ уѣхать въ губернской городъ, мѣсто своей службы; передъ отъѣздомъ онъ зашелъ попрощаться съ Вѣрой, и улучшивъ свободную минуту, когда она осталась съ нимъ на единѣ, онъ сдѣлалъ ей предложеніе. Вѣра чрезвычайно смутилась; отъ наплыва ли радостнаго чувства, отъ сознанія ли невозможности дать просимое счастье тому человѣку, котораго и сама она теперь такъ искренно полюбила, или же отъ еще болѣе тяжелаго сознанія, что это счастье для нея теперь уже не доступно, но только Вѣра не въ силахъ была выдержать себя, и совладать съ собою. Сердечный порывъ ска-

зался въ ней слишкомъ сильно, она истерически зарыдала и бросилась въ спальню самой хозяйки дома, которую, по ея добрымъ отношеніямъ къ ней, считала себѣ родною. Бѣдный Владиміръ Петровичъ смутился не менѣе Вѣры, но на него слезы ея подѣйствовали кромѣ того подавляющимъ образомъ. Онъ неизмѣримо глубоко любилъ ее въ эту минуту, ему было ее почему то особенно жалко, но при этомъ и главнѣе всего, ея неожиданныя для него слезы и нервнѣтельность въ отвѣтъ, промелькнули передъ нимъ роковымъ признакомъ и возможностью.... не отказа ли... и несогласія ея... но отчего... почему... когда ожидать этого онъ могъ менѣе всего.

Черезъ нѣсколько минутъ впрочемъ Владиміръ Петровичъ немного успокоился.

Старшая воспитанница Вѣры, хорошенькая дѣвочка, лѣтъ четырнадцати, съ восторженнымъ личикомъ вбѣжала въ залу и попросила Владиміра Петровича подождать.

— Мамаша и Вѣра Владиміровна сейчасъ выйдутъ къ вамъ, проговорила она съ маленькимъ кокетствомъ, какъ бы выражая своими словами, что и я тоже кое что понимаю, и вспыхнувъ вся маковымъ цвѣтомъ, отошла къ окну изрѣдко вскидывая на Владиміра Петровича не безъ любопытства свои лукавые голубые глазенки.

Наконецъ портьера изъ смежной гостиной зашевелилась. Вѣра вышла подъ руку съ супругой предводителя дворянства, она была крайне смущена и едва сдерживала слезы.

— Словами нашей милой Вѣры Владиміровны, благодаримъ васъ Владиміръ Петровичъ, за честь которую вы ей дѣлаете, отозвалась къ Теренину хозяйка дома и подала ему свою руку.

— Вѣра Владиміровна—любитъ васъ продолжала она ласково, слѣдовательно—будьте спокойны и надѣйтесь, а тревога и слезы ея пусть васъ не слушаютъ. Вы сами знаете какой это важный, шагъ въ жизни. Дайте ей немного одуматься отъ наплыва охватившихъ ее чувствъ, и конечно въ самомъ скоромъ времени вы получите отъ нея отвѣтъ и согласіе на просимое вами счастье. У насъ впереди цѣлый великій постъ, добавила она, мы васъ ждемъ нѣсколько разъ къ себѣ, побывайте у насъ, а теперь дайте любимому вами существу отдохнуть и успокоиться.

Владиміръ Петровичъ молча и почтительно поклонился и пожалъ протянутую ему руку почтенной хозяйки дома. Еще ниже и почтительнѣе поклонился онъ Вѣрѣ. Послѣдняя влажными глазами посмотрѣла на Владиміра Петровича, тихо заплакала и бессознательно, должно быть по влеченію сердца, молча протянула ему обѣ свои ручки.

Какъ обезумѣвшій отъ счастья, припалъ къ этимъ ручкамъ Владиміръ Петровичъ и покрылъ ихъ поцѣлуями. Не выдержала на этотъ разъ и его натура, слезы навернулись на глазахъ и у него, и онъ сдержанно заплакалъ.

—Если Вѣра меня любитъ, почему же не можетъ она дать мнѣ сейчасъ прямого желаннаго отвѣта, подумалъ онъ, и смутно какъ бы не доумѣвая о чемъ-то, а о чемъ онъ и самъ не зналъ., Владиміръ Петровичъ вышелъ изъ залы.

Они разстались.

Опускаемъ, читатель, изъ жизни Вѣры Владиміровны и Владиміра Петровича цѣлыхъ четыре года.

За эти четыре года много переменъ произошло въ ихъ жизни, много чего пришлось имъ переиспытать.

Прежде всего скажемъ, что послѣ памятнаго Вѣрѣ и Владиміру Петровичу масляничнаго домашняго спектакля, Вѣра Владиміровна въ одинъ изъ пріѣздовъ Владиміра Петровича, изъявила согласіе на его предложеніе, и свадьба ихъ состоялась вскорѣ послѣ свѣтлой недѣли въ томъ же году.

Владиміръ Петровичъ съ молодою супругой поселился на постоянное жительство въ томъ же самомъ уѣздномъ городѣ, гдѣ онъ по собственнымъ его словамъ нашелъ свое счастье, занявъ въ уѣздной администраціи одно изъ довольно видныхъ должностныхъ мѣстъ.

Вѣра и Владиміръ зажили полною счастливою жизнью. Второй и третій брачные годы ихъ еще болѣе скрѣпили взаимную привязанность и любовь молодыхъ супруговъ. У нихъ родились сперва сынишка—первенецъ, а затѣмъ Богъ далъ имъ дочку.

Вѣра не чаяла души въ своемъ мужѣ, Владиміръ Петровичъ чуть не на рукахъ носилъ свою женку. Казалось счастье ихъ шло все прогрессивно впередъ, будущность ихъ сулила имъ не мало семейныхъ радостей, полного взаимнаго сочетанія сердецъ, какъ вдругъ и надъ ними разразился страшный житейскій ударъ, однимъ моментомъ своимъ поразившій глубоко какъ несчастнаго мужа, такъ и бѣдную жену его.

Дѣло было зимой во время рождественскихъ праздниковъ.

Въ седьмомъ часу вечера Вѣра и Владиміръ въ обстановкѣ своей семейной жизни пили чай. Маленькій Коля, сидя у ногъ своего отца на коврѣ, перебиралъ свои игрушки, а двухлѣтняя Зиночка карабкаясь на диванѣ около матери играла ея ожерельемъ. Все было тихо и смирно въ этой картинкѣ семейной жизни, какъ вдругъ вѣстникомъ страшнаго извѣстія явилась на порогъ комнаты ихъ молодая горничная.

— Какой то баринъ, должно быть изъ военныхъ, только дурно одѣтые очень... нашу барыню спрашиваютъ, робко и боязливо, точно съ смутнымъ предчувствіемъ чего то злаго проговорила она, обращаясь вообще къ своимъ господамъ.

Вѣра услыжавъ эти слова, едва не уронила изъ рукъ чашку и поблѣднѣла, какъ полотно. Владиміръ Петровичъ быстро вскочилъ изъ за стола и приказавъ горничной никого не пускать въ комнаты, сказалъ, что сейчасъ самъ выйдетъ въ прихожую.

— Милый Володя.... неужели это онъ.... проговорила Вѣра, дрожа всѣмъ тѣломъ и не замѣчая того, какъ слезы катились уже по ея щекамъ.

— Будь спокойна, мой другъ, кто бы это не былъ... проговорилъ Владиміръ Петровичъ твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ... хотя бы это былъ и онъ... я съ тобой... не падай духомъ... никто насъ не разлучить.....

Крѣпко обнявъ свою молодую жену... горячо поцѣловавъ ее въ голову и въ похолодавшія руки, онъ смѣлою и открытою поступью отправился въ заднія комнаты, на встрѣчу предполагаемому врагу своего счастья.

Гордый увѣренностію въ самомъ себѣ, счастливый отраднымъ сознаніемъ, что онъ съумѣетъ защитить свою Вѣру, и рѣшительный на всякій крайній случай для того, чтобы не допустить никого до нея, Владиміръ Петровичъ въ эту минуту олицетворялъ собою дѣйствительно, защитника домашняго очага своего.

Вслѣдъ за выходомъ мужа изъ комнаты, Вѣра инстинктивно подхватила къ себѣ обоихъ дѣтей, и прижавъ ихъ къ себѣ съ напряженнымъ вниманіемъ стала прислушиваться.

Вотъ ей послышался какой то надтреснутый, но знакомый когда то голосъ... произносившій ея имя... ужасъ овладѣлъ бѣдною молодою женщиной... сомнѣній никакихъ не было... это былъ онъ... вотъ долетѣлъ до ея слуха и другой голосъ—голосъ рѣшительный и мужественный... это голосъ ея Владиміра. Я не боюсь съ нимъ никого... успокоиваетъ себя Вѣра мысленно... Владиміръ меня защититъ, онъ меня никому не отдастъ... ни за что.....

— Вонъ... никогда... раздался вдругъ вдали громкій и неистовый голосъ Владиміра Петровича, и вслѣдъ затѣмъ послышалось, какъ одна изъ дверей въ отдаленіи громко и со стукомъ захлопнулась.

Черезъ минуту Владиміръ Петровичъ былъ уже на порогѣ зала.

Блѣдный съ сверкающими глазами, онъ тщетно старался передъ своею женою казаться спокойнымъ.

— Не тревожься, мой ангелъ, будь смѣлѣе и не поддавайся отчаянію... что бы впереди не было... вѣрь въ меня... я съ тобою... до гроба... на вѣки успокоивалъ онъ Вѣру... и любовно хотя и со страхомъ за свое будущее смотрѣлъ ей въ глаза.

— Кто же это былъ... неужели... онъ... полупшепотомъ и какъ бы страхась получить и услышать роковой отвѣтъ, проговорила Вѣра Владиміровна.

— Да, это былъ онъ... не рѣшительно... боясь испугать жену, проговорилъ Владиміръ Петровичъ и еще пламеннѣе, еще сердечнѣе обнявъ припавшую къ нему Вѣру. Последняя прижалась къ нему, словно ища отъ кого-то защиты у мужа и истерически зарыдала.

— Мама... мама, кто тебя обидѣлъ, проговорилъ вдругъ трехлѣтній сынишка Вѣры, видя слезы матери и съ ласкою ребенка, протягивая къ ней съ пола свои ручки; Вѣра еще громче зарыдала и только Владиміръ Петровичъ на этотъ разъ остался твердъ.

А ему нужно было дѣйствовать и дѣйствовать энергично, нужно было обдумать планъ того, какъ и что предпринять, чтобы успокоить Вѣру, чтобы оградить ее отъ возможныхъ и вѣроятныхъ непріятностей, и другихъ болѣе серьезныхъ случайностей со стороны посѣтившаго ихъ нежданнаго гостя, который выпровоженный Владиміромъ Петровичемъ, громко крикнувъ ему изъ за захлопнувшейся за нимъ наружной двери, что онъ отъ своихъ правъ на жену не отказывается и съ этою цѣлію сегодня же, гдѣ слѣдуетъ, «подниметъ объ ней дѣло».

На завтра въ квартиру къ Владиміру Петровичу явилась полиція, для составленія по заявленію отставнаго штабсъ-ротмистра Ронскаго протоколъ о томъ, что жена его Вѣра Владиміровна обязанная ему первымъ не расторгнутымъ съ нимъ бракомъ, вышла при жизни его вторично за мужъ, за кандидата правъ Владиміра Петровича Теренина.

Дѣло началось, завязалось... и смутило въ конецъ, мирное семейное счастье несчастныхъ Владиміра и Вѣры.

Вечеръ. Зала судебного засѣданія мѣстнаго мирового съѣзда освѣщена какъ-бы по праздничному. Послѣ обѣденнаго перерыва, съ 7 часовъ вечера, начнется дѣло Вѣры Владиміровны.

Вся городская интеллигенція въ сильно возбужденномъ состояніи. Всѣ сожалеютъ бѣдную Вѣру. Совсѣмъ она «извелась», говорятъ, отъ томительныхъ ожиданій, хотя со времени возникновенія дѣла о ея двумужествѣ прошло всего не болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Утромъ въ день суда всѣ городскія дамы, барышни, весь обширный кругъ знакомыхъ Терениныхъ, всѣ перебивали у Вѣры Владиміровны. Участіе къ ея положенію общее, всѣ выражаютъ ей свое сочувствіе кто какъ и чѣмъ можетъ, всѣ обнадеживаютъ ее, что дѣло кончится благополучно, но Вѣра уже не прежняя беззаботная институтка. Она знаетъ, что присяжные могутъ ее оправдать— но что же изъ этого, все-таки она не жена Владиміра, а ненавистнаго ей человѣка, который по меньшей мѣрѣ захочетъ ей мстить, показывать надъ ней свое право и не дастъ ей покоя. А дѣти ея... что съ ними будетъ, какіе они... а вдругъ присяжные обвинять... тогда что... ссылка въ Сибирь... клеймо преступницы... разлука съ дорогимъ челоуѣкомъ... съ дѣтьми... позоръ... стыдъ... и за что... за что...

— За что... за что... скажите мнѣ должна я терпѣть столько... говорила въ изнеможеніи несчастная Вѣра, утѣшавшимъ ее знакомымъ... что я сдѣлала дурнаго... за что на меня наслалъ Господь такое несчастье... вѣдь не за то же, что я бѣжала отъ своего тирана мужа, который меня проигрывалъ въ карты... и требовалъ, чтобы я сдѣлалась любовницей его пьяныхъ товарищей.....

И она въ горькомъ сознаніи, безъисходности и беспомощности своего положенія, бросалась то къ дѣтямъ, то отъ дѣтей къ мужу, словно сознавая своимъ любящимъ сердцемъ, что для нея настанетъ скоро минута разставанія съ дорогими для нея существами.

Владиміръ Петровичъ во все время до суда былъ сосредоточенно угрюмъ; онъ душой скорбѣлъ за свою Вѣру, зналъ что не въ правѣ уже и теперь называть ее своею женою, но для него вопросъ о признаніи незаконнымъ его брака, не игралъ никакого существеннаго значенія. Онъ любилъ Вѣру, любилъ своихъ дѣтей и рѣшимость не покидать ихъ никогда, ни въ какомъ случаѣ, устраняла для него всѣ другіе вопросы, связанные съ несчастнымъ положеніемъ его самого и Вѣры. Не страшилъ Владиміра Петровича и законный его соперникъ, котораго онъ ни разу даже не допустилъ до Вѣры, не смотря на неоднократныя его о

томъ требованія. Одного только боялся Владиміръ Петровичъ. Онъ боялся возможнаго и даже вѣроятнаго осужденія Вѣры присяжными, и какъ послѣдствія этого—ссылки ея. Лично, по отношенію къ себѣ, его не страшила и эта ссылка, онъ и туда послѣдовалъ бы за своей Вѣрой и конечно не оставилъ бы ее одну, по его не шутя пугала мысль, что подобный приговоръ губительно подѣйствуетъ на нравственное состояніе Вѣры и убьетъ ее. Онъ опасался, что она невынесетъ этого роковаго: «да виновна», онъ трепеталъ за самую надломленную жизнь ея. А вѣроятность осужденія присяжными Вѣры была весьма возможна. Мысль эта тревожила не только Владиміра Петровича, но не выходила изъ головы и всей мѣстной интеллигенціи.

Присяжные засѣдатели этой сессіи состояли сплошь изъ крестьянъ, отличались крайнею строгостію своихъ приговоровъ, а потому всѣмъ не безъ ужаса мерещилось, что они приговоромъ своимъ не пощадятъ «двумужницу», особенно въ виду тѣхъ понятій и взглядовъ, которые существуютъ въ крестьянской средѣ относительно семейныхъ отношеній, правъ властелина мужа и обязанностей его покорной рабы — жены.

Въ концѣ седьмага часа вечера къ зданію суда то и дѣло подѣзжала публика въ экипажахъ, масса пѣшеходовъ тянулась вдоль боковыхъ тротуаровъ улицы по тому же направленію. Въ началѣ восьмага часа вечера пріѣхали судьи и черезъ нѣсколько минутъ засѣданіе открылось въ обычной установленной формѣ.

Вѣра Владиміровна, одѣтая въ скромное черное суконное платье, стройно обхватывавшее ея станъ заняла мѣсто не на скамьѣ подсудимыхъ, а на стулѣ рядомъ съ своимъ защитникомъ, такъ какъ до суда она находилась не подъ стражей, а на поручительствѣ.

При началѣ предварительнаго слѣдствія, судебная власть распорядилась было арестовать Вѣру Владиміровну, но общественное сочувствіе къ ея положенію, выразившееся въ цѣлой массѣ представленныхъ за нее поручительствъ было на столько велико, что она тотчасъ же была освобождена изъ подъ ареста. Легкая головная кружевная косынка составляла все украшеніе костюма Вѣры Владиміровны, и еще на бархатной ленточкѣ на шеѣ висѣлъ медальонъ съ которымъ она никогда не разставалась. Въ этомъ медальонѣ былъ миниатюрный портретъ дорогаго ей Владиміра. Подъ вліяніемъ тяжелаго ли предчувствія, или же почему либо другому, какъ бы символомъ разлуки съ дорогимъ ей человѣкомъ, Вѣра обвязала на этотъ разъ медальонъ чернымъ крѣпомъ такъ, что онъ на ея платьѣ былъ почти что незамѣтенъ.

Защитникомъ Вѣры Владиміровны явился родной братъ ея втораго мужа, присяжный повѣренный одной изъ столичныхъ адвокатуръ.

Предсѣдательствующій, объявивъ засѣданіе открытымъ, и распорядившись, чтобы въ залу суда никого болѣе не впускали, такъ какъ она была переполнена публикой до нельзя, обратился къ подсудимой съ обычными вопросами.

— Меня зовутъ Вѣра Владиміровна... тихо отвѣтила она.

— Фамилія ваша.

— Теренина.

— Это фамилія вашего втораго незаконнаго мужа, а суду нужно знать вашу фамилію по первому законному не расторгнутому браку.

Вѣра Владиміровна хотѣла что-то сказать, но не смогла, спазмы и слезы подступили у ней къ горлу, она послѣшно вынула изъ кармана платокъ и тихо заплакала.

— Сколько вамъ лѣтъ, обратился къ ней предсѣдательствующій послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, не настаивая уже на первомъ вопросѣ.

— Двадцать четыре года.

— Есть у васъ дѣти.

— Есть двое отъ втораго брака, добавила она тихо.

По провѣркѣ вызванныхъ на судъ свидѣтелей оказалось, что явились всѣ, кромѣ одной, дочери капитана Надежды Львовой изъ С.-Петербурга, повѣстка которой не могла быть вручена по причинѣ ея смерти.

Въ числѣ явившихся свидѣтелей былъ и отставной штабсъ-ротмистръ Ронскій первый законный мужъ Вѣры Владиміровны.

Судъ выбралъ присяжныхъ, которые вошли въ составъ присутствія въ числѣ 12 человекъ крестьянъ. Защитникъ не отвелъ никого изъ нихъ, потому что отводить кого-либо не было смысла.

Началось чтеніе обвинительнаго акта. Всѣ сосредоточили свое вниманіе на существѣ этого конспекта обвиненія. Въ существенныхъ чертахъ обвинительный актъ заключался въ томъ, что Вѣра Владиміровна по первому браку Ранская разошлась съ своимъ мужемъ, съ которымъ она жила несчастливо, вышла за мужъ вторично при жизни перваго мужа, за кандидата правъ Владиміра Петровича Теренина.

Далѣе въ обвинительномъ актѣ было указано на то, что Вѣра Владиміровна выходя вторично за мужъ, скрыла отъ своего втораго мужа первое свое замужество, что и подтверждается тѣмъ, что она представила къ вѣнцу брачнымъ документомъ свой институтскій дѣвичій дипломъ, умолчавъ о своемъ званіи по первому мужу. Хотя же Вѣра Владиміровна и заявила на предварительномъ слѣдствіи, что рѣшилась выдти за мужъ во второй разъ потому, что отъ одной изъ своихъ институтскихъ подругъ, получила письмо изъ Новгорода о смерти будто-бы своего перваго мужа и представила къ дѣлу это письмо, но личность написавшая таковое, была необнаружена, почему письму этому и не можетъ быть придано никакой степени вѣроятія, а напротивъ, лживость его опровергается тѣмъ, что первый мужъ Вѣры Владиміровны, оказался живымъ и по его заявленію и возбуждено было настоящее дѣло. На этомъ основаніи обвинительная власть предъявила къ Вѣрѣ Владиміровнѣ обвиненіе въ двумужествѣ.

Чтеніе обвинительнаго акта кончилось крайне напряженнымъ настроеніемъ всей публики.

Наступила самая интересная и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелая для Вѣры Владиміровны минута процесса.

— Подсудимая г-жа Ранская васъ обвиняютъ въ томъ, что вы при жизни вашего перваго мужа вышли за мужъ за втораго, кандидата правъ Теренина, признаете ли вы себя виновною въ этомъ преступленіи, обратился предсѣдательствующій къ Вѣрѣ Владиміровнѣ.

Тихо и медленно поднялась Вѣра съ своего стула, какъ бы собираясь съ силами, взглянула на своего защитника, бросила взглядъ въ сторону публики, какъ бы ища вездѣ поддержки и сдѣлала шагъ по направленію къ суду.

— Я признаю, что все это дѣйствительно свершилось, но только я ни въ чемъ не виновата, я думала, что мой первый мужъ умеръ, я была введена въ заблужденіе письмомъ подруги, а потому и рѣшилась выдти за мужъ за чело-вѣка, котораго искренно полюбила и который меня полюбилъ. Вѣра остановилась какъ бы соображая что-то.

— Любя его, начала она снова, я никогда не рѣшилась бы составить его несчастіе подобнымъ незаконнымъ бракомъ, если бы не была убѣждена въ томъ, что мой первый мужъ умеръ. Я ни въ чемъ не виновата, моя совѣсть передъ Богомъ и людьми чиста, а принадлежать моему первому мужу я все равно никогда не буду. Я лучше умру, чѣмъ.....

Фразу эту Вѣра Владиміровна произнесла съ какою-то увѣренностію въ себѣ, въ отвѣтъ ея суду прозвучала гордость и рѣшимость любящей женщины, но на послѣднемъ словѣ она не выдержала, быстро опустила она на свой стулъ и зарыдала.

Послѣ нѣсколькихъ успокоительныхъ словъ своего защитника, Вѣра Влади-міровна пришла въ себя, остановилась, словно желая поскорѣе окончить тяжелый долгъ откровенной исповѣди своей передъ судомъ, и попросила сама дозволенія продолжить свое показаніе вполнѣ чистосердечное.

— Расскажите, мы слушаемъ васъ, обратился къ ней предсѣдательствующій.

Въ залѣ воцарилось молчаніе, всѣ насторожились, всѣмъ интересно было выслушать сердечную исповѣдь молодой женщины о такихъ случайностяхъ ея жизни, которыя привели ее на скамью подсудимыхъ.

— Я вышла за мужъ за Г..... начала Вѣра, слишкомъ молоденькой дѣ-вушкой, сейчасъ же почти по выходѣ изъ института, у меня не было ни опыта, ни знанія жизни, меня не предостерегли отъ увлеченія, потому что думали, что я люблю..... а сама я увлеклась потому, что думала, что я любима..... но я ошиблась..... и на второмъ же мѣсяцѣ своего замужества, ночью..... въ одномъ платьѣ должна была бѣжать отъ мужа... изъ опасенія..... насилія..... со сто-роны его и его пьяныхъ товарищей.....

На послѣднихъ словахъ Вѣра пришла въ сильное волненіе. Грудь ея высоко поднималась и опускалась, она то блѣднѣла, то краснѣла.

— Онъ меня проигр..... начала она было, надрывающимъ душу голосомъ, но не смогла докончить своей фразы и залилась слезами.

— Вѣра Владиміровна желала объяснить суду, что ея мужъ проигралъ ее въ карты. Она не могла сама произнести этихъ позорныхъ для нея словъ, но мой долгъ выяснитъ суду всю истину ея несчастнаго положенія, въ которомъ она тогда находилась, и я публично заявлю объ этомъ передъ судомъ, обра-тился защитникъ ея къ присяжнымъ засѣдателямъ.

Въ переднихъ рядахъ публики, гдѣ засѣдали преимущественно дамы, послы-шались сдержанные возгласы, присяжные засѣдатели—простые крестьяне значи-

тельно переглянулись между собой, а старшина их пошептавшись съ своимъ сосѣдомъ, привсталъ съ своего мѣста и обратился къ суду съ вопросомъ: «что значить это правду господинъ защитникъ говорить, али нѣтъ, желательно намъ отъ самой барыни узнать».

— Желаете вы отвѣтить господамъ присяжнымъ засѣдателямъ на ихъ вопросъ, обратился председательствующій къ Вѣрѣ Владиміровнѣ.

— У меня двое дѣтей отъ любимаго мною мужа... человекъ, проговорила она въ слезахъ. Мой защитникъ сказалъ правду, если это неправда, пусть мои дѣти въ жизни будутъ еще болѣе несчастными, нежели я сама, тихо добавила Вѣра Владиміровна и привстала со стула для дальнѣйшихъ объясненій своихъ суду.

— Уйдя отъ мужа я захватила только свой дипломъ, зная, что безъ документа мнѣ жить будетъ нельзя, но по неопытности своей не зная того, что живя отдѣльно отъ мужа, я должна называться его фамиліей, а не своей дѣвичьей.

— Почему, поступивши въ гувернантки на второе мѣсто, вы скрыли свое замужество, а назывались дѣвушкой, обратился председательствующій къ Вѣрѣ Владиміровнѣ.

— Я была молода, мнѣ было стыдно признаваться, что я успѣла уже разойтись съ мужемъ, про меня могли подумать что нибудь дурное, да тѣмъ болѣе, вида у меня отъ мужа никакого не было, а злаго умысла или подготовки къ преступленію тутъ съ моей стороны не было, потому, что я въ то время даже и не видала еще Владиміра и не знала его совсѣмъ.

На дальнѣйшіе допросы судей и прокурора Вѣра Владиміровна объяснила, что когда Владиміръ Петровичъ сдѣлалъ ей предложеніе, то она не задумалась бы тотчасъ же дать ему свое согласіе потому, что и сама любила его, но уклонилась отъ немедленнаго отвѣта потому, что считала себя не свободной. По врожденной же институткамъ привычкѣ дѣлиться съ своими подругами всѣми своими сокровенными радостями и горемъ, она описала все несчастіе свое, уходъ отъ мужа, встрѣчу свою съ Владиміромъ Петровичемъ, любовь его къ ней и ея къ нему взаимность, своей любимой подругѣ Надѣ Львовой, отъ которой и получила скоро отвѣтъ, въ которомъ она писала ей, что мужъ ея на маневрахъ былъ печально убитъ лошадыю и что это вполне достовѣрно.

Вѣра Владиміровна не усумнилась въ истинѣ этого извѣстія и тогда, безъ колебаній, въ первый же пріѣздъ Владиміра Петровича отдала ему свою руку, но не желая омрачать его счастья, не сказала ему тогда же, что она была уже за мужемъ и только вечеромъ въ первый день свадьбы по влеченію своего сердца призналась ему въ томъ.

— Владиміръ меня не осудилъ за это, объясняла она суду, но сказалъ, что будетъ любить меня еще больше, потому что я была несчастна и только попенялъ за то, что въ брачныхъ документахъ я была показана невѣрно дѣвушкой подъ своей дѣвичьей фамиліей.

— Вѣдь вы не доказали того, что это письмо было написано дѣйствительно вашей подругой, обратился прокуроръ съ вопросомъ къ Вѣрѣ Владиміровнѣ, ее вѣдь нигдѣ не розыскали.

— Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ прокурора, защитникъ Вѣры заявилъ суду, что Надежда Львова хотя и не была первоначально розыскана, но что въ настоящее время онъ можетъ представить доказательства того, что Надежда Львова, не вымышленное лице, и что она годъ тому назадъ уже умерла. Затѣмъ онъ передалъ суду удостовѣреніе того института, въ которомъ воспитывались Надежда Львова и Вѣра Владиміровна съ засвидѣтельствомъ, что письмо о смерти перваго мужа Вѣры Владиміровны написано дѣйствительно почеркомъ Львовой. Съ согласія прокурора судъ принялъ это удостовѣреніе за доказательство къ дѣлу и такимъ образомъ оправданія Вѣры Владиміровны представлялись уже вполнѣ основательными и совершенно правдивыми.

Такъ какъ объясненіями Вѣры исчерпана была вся суть дѣла, то стороны наши возможнымъ ограничиться допросами только двухъ свидѣтелей перваго и втораго мужа Вѣры Владиміровны.

Публика насторожилась и обратилась лицомъ ко входнымъ дверямъ. Одновременное появленіе на судѣ двухъ мужей, двухъ соперниковъ молодой подсудимой представляло конечно собою весьма интересный моментъ процесса, отъ котораго во многомъ зависѣло настроеніе присяжныхъ въ пользу или во вредъ подсудимой. Важно было то, который изъ мужей произведетъ на присяжныхъ болѣе убѣдительноѣе впечатлѣніе въ правотѣ своихъ доводовъ.

Первымъ былъ вызванъ Владиміръ Петровичъ. Онъ взошелъ въ залу держа за руки двухъ своихъ малютокъ, которыхъ посадилъ на стулъ около судебного пристава, а самъ нервною и тихою поступью прошелъ на средину залы. Появленіе его съ дѣтьми вызвало въ Вѣрѣ Владиміровнѣ истерическія слезы. Владиміръ Петровичъ ринулся было къ женѣ чтобы успокоить ее, но судъ до того его не допустилъ. Въ безсильномъ сознаніи стоялъ онъ среди залы и, сдерживая душившія его слезы, смотрѣлъ на рыданія и терзанія своей бѣдной жены, около которой суетился его братъ.

Когда Вѣра Владиміровна немного успокоилась, Владиміръ Петровичъ изложилъ передъ судомъ свое показаніе.

Онъ повторилъ тоже самое, что передавала на судѣ и жена его, добавивъ, что обезпокоенный въ первый день своей свадьбы тѣмъ, что сообщила ему жена его, онъ рѣшился провѣрить болѣе тщательно слухъ о смерти ея перваго мужа, сообщенный его женѣ подругой ея, и къ ужасу своему узналъ, что мужъ ея живъ уволенъ за нетрезвое состояніе изъ полка, и что на маневрахъ лошадыю былъ убитъ не онъ, а его однофамилецъ.

— Долго не рѣшался я сказать объ этомъ ужасномъ открытіи женѣ моей, но наконецъ сказалъ, и среди нашего полнаго обоюднаго счастья мы часто терзались мыслию, что оно можетъ быть нарушено появленіемъ этого хотя и законнаго ея мужа, но человѣка чуждаго ей по душѣ и сердцу, такъ закончилъ Владиміръ Петровичъ свое показаніе.

— Господа присяжные, проговорилъ онъ, вдругъ обращаясь къ послѣднимъ, моя жена ни въ чемъ не виновата не погубите ее.

Въ эту минуту Вѣра Владиміровна позабывъ свою роль и положеніе на судѣ бросилась къ Владиміру Петровичу и повисла ему на шею.

Судъ былъ пораженъ этой внезапной сценой, у предсѣдательствующаго не хватило духа поставить этой сердечный порывъ молодой женщины въ рамки закона, отстранивъ ее какъ подсудимую отъ свидѣтеля — мужа.

— Объявляю перерывъ на пять минутъ, чтобы дать возможность подсудимой нѣсколько успокоиться, объявилъ предсѣдательствующій.

Наконецъ, по возобновленіи засѣданія, былъ приглашенъ послѣдній свидѣтель отставной штабъ-ротмистръ Ронскій.

Это былъ невзрачный господинъ съ испитымъ цвѣтомъ лица, въ потасканной формѣ кавалерійскаго офицера. Появленіе его вызвало нервную дрожь во Владимірѣ Петровичѣ и особенно въ Вѣрѣ Владиміровнѣ. Они оба старались не смотрѣть на этого свидѣтеля, а послѣдняя даже отвернулась въ сторону. На предложеніе суда объяснить все, что ему извѣстно, по дѣлу, свидѣтель съ напускной развязностію объяснилъ, что жена его ему измѣнила и что онъ требуетъ возврата ея въ законъ, потому что онъ ея мужъ, а этого господина, и онъ кивнулъ головой въ сторону Владиміра Петровича, онъ знать не желаетъ.

— Чѣмъ же Вѣра Владиміровна вамъ измѣнила спросилъ защитникъ свидѣтеля.

— Ушла отъ меня ночью бросила меня.

— Что же ее къ этому побудило?

— Капризъ женскій, свободы захотѣлось.....

— А не вы сами вынудили ее къ тому?

— Это дѣло мое, я мужъ и отчета никому давать не обязанъ.

— А какъ вы полагаете, ваше право мужа позволяло вамъ жену вашу проигрывать въ карты своимъ товарищамъ, спросилъ защитникъ свидѣтеля.

Послѣдняго видимо передернулъ этотъ вопросъ, онъ почувствовала неловкость своего положенія и отвѣтилъ, что это дѣло его семейное домашнее...

— Я болѣе никакихъ объясненій давать не желаю и требую только возврата моей жены въ законъ, чтобы ее осудили за оскорбленіе моего супружескаго права, проговорилъ онъ въ заключеніе надменнымъ тономъ и гордо заложилъ руку за бортъ своего сюртука. Нечего и говорить, что впечатлѣніе отъ этого свидѣтеля былъ далеко не въ пользу его. Присяжные засѣдатели и тѣ не смотря на свой простой складъ, видимо отнеслись къ нему съ пренебреженіемъ.

Вѣроятно это почувствовала и сама Вѣра Владиміровна. Въ первый разъ повернулась она лицомъ въ сторону своего перваго мужа, пристально остановила на немъ свой взглядъ и презрительно улыбнулась. Послѣдній хотѣлъ было что то сказать, но не смогъ; почувствовавъ свое ничтожество.

— Садитесь, тихо проговорилъ предсѣдательствующій, обращаясь къ нему. Послѣдній повернулся, пошелъ въ глубину залы и хотѣлъ было сѣсть около дѣтей Терениныхъ, но Владиміръ Петровичъ быстрымъ движеніемъ отстранилъ его отъ нихъ и занялъ самъ свободное мѣсто.

Судебныя пренія продолжались не долго, прокуроръ сверхъ ожиданія не отказался однако же отъ обвиненія, защитникъ произнесъ блестящую сердечную рѣчь, видимо подѣйствовавшую на присяжныхъ которые подъ впечатлѣніемъ безпри-

страстнаго резюме предсѣдательствующаго ушли въ совѣщательную комнату ровно въ 10 часовъ вечера.

Для Вѣры и Владиміра Петровича настали самыя томительныя минуты ожиданія. Послѣдній, пользуясь свободою перерыва судебнаго засѣданія во время совѣщанія присяжныхъ, подошелъ къ женѣ своей, и всячески старался ее успокоить и придать ей бодрости. На рукахъ у него была заснувшая Зиночка, а рядомъ съ нимъ придерживаясь за полы его сюртука на своихъ ноженкахъ припелся къ мамѣ первенецъ ихъ Коля. Вѣра Владиміровна, увидавъ дѣтей около себя, расстрожилась еще больше.

Наконецъ дрогнувъ звонокъ изъ комнаты присяжныхъ. Въ залѣ все засуетилось, публика пришла въ легкое смятеніе, Владиміръ Петровичъ поспѣшилъ на свое мѣсто, но маленькій Коля не захотѣлъ уйти отъ матери и остался около нея. Когда судьи заняли свои мѣста, присяжные вышли и старшина ихъ съ вопроснымъ листомъ остановился у стола въ залѣ воцарилась мертвая тишина: но прежде, чѣмъ старшина присяжныхъ началъ читать вопросы суда послышался вдругъ дѣтскій голосокъ маленькаго Коли.

— Мама, пойдемъ скорѣе къ папѣ домой, отчетливо раздался въ залѣ его дѣтскій голосъ и вызвалъ въ публикѣ взрывы нравственнаго одобренія. Ребенокъ точно предчувствовалъ, что скажутъ присяжные на вопросъ о винѣ его матери и дѣйствительно черезъ минуту произнесенъ былъ ими Вѣрѣ Владиміровнѣ, справедливый и выстраданный ею вердиктъ ихъ «нѣтъ не виновна».

Въ ту же минуту Владиміръ Петровичъ былъ около Вѣры и, судорожно рыдая, заключилъ ее въ свои объятія. Среди сочувственныхъ одобреній публики, среди цѣлаго ряда самыхъ сердечныхъ искреннихъ поздравленій, Владиміръ Петровичъ счастливый и довольный исходомъ дѣла увезъ свою Вѣру домой.

Неудачный претендентъ на свое право мужа куда то въ эту минуту ступался и исчезъ.

Совѣсть присяжныхъ не осудила поступка Вѣры, но законъ формальнаго долга неумолимъ. Бракъ ея съ Владиміромъ Петровичемъ былъ признанъ духовнымъ судомъ незаконнымъ, расторгнуть, но конечно этимъ формальнымъ опредѣленіемъ суда, не могла быть расторгнута та внутренняя духовная связь ихъ, которая сказалась въ обоюдномъ ихъ счастьи, въ искренней ихъ любви привязанности и взаимномъ ихъ уваженіи.

Отставной штабсъ ротмистръ Ронскій, проигравъ въ судѣ дѣло о наказаніи жены за «оскорбленіе его права» сдѣлалъ было попытку разными другими путями потребовать ее къ себѣ, вѣроятно для взысканія съ нея по своему, но она ни къ чему не привела.

Впрочемъ, не судилъ ему Богъ тревожить долго Вѣру и Владиміра Петровича и скоро они получили вполне достовѣрное извѣстіе о томъ, что онъ на какой-то холостой пирушкѣ, гдѣ то далеко уже отъ нихъ, опился и умеръ.

А Вѣра и Владиміръ Петровичъ и теперь живутъ прежнею счастливою своею жизнью. Одно только смущаетъ иногда ихъ душевное спокойствіе.... это ихъ

грѣхъ... передъ церковью; говорятъ впрочемъ, что Владиміръ Петровичъ возбудилъ ходатайство въ виду смерти перваго мужа Вѣры, о дозволеніи ему снова сочетаться съ ней бракомъ.

Пожелаемъ ему въ этомъ отъ души, полного и счастливаго успѣха...

VI.

Изъ дневника барышни.

Сегодня въ первый разъ въ жизни была въ судѣ и видѣла, какъ судятъ присяжные. Папа—въ присяжныхъ и, по убѣдительной моей просьбѣ, рѣшился наконецъ взять меня съ собой въ засѣданіе. Но, по правдѣ сказать, мнѣ въ судѣ не понравилось, жарко, душно, виноватые все какія-то неинтересныя лица, кромѣ только одной... я не знаю, кто она... но вѣроятно... барышня... потому что она, была въ гувернанткахъ... и вотъ страмъ-то... не знаю, какъ и сказать... вытасила изъ коммода своей... право... стыдно даже... пятнадцать рублей...

Но за то какъ любезенъ и милъ былъ со мной судебный... опять незнаю какъ его зовуть... вотъ который всѣмъ командуетъ на судѣ, выводитъ, сажаетъ, показываетъ мѣста, распоряжается... онъ съ медалью на цѣпочкѣ и въ мундирѣ. Папа по приходѣ въ судъ поздоровался съ нимъ и потомъ вдругъ представилъ не его мнѣ, а меня ему... верхъ неприличія... я даже покраснѣла и къ чему это понадобилось... къ тому, чтобы этотъ господинъ далъ бы мнѣ хорошее мѣсто... чтобы меня не затолкали.

— Вотъ-съ вамъ подъ опеку мою дочку,—хочетъ посмотрѣть, какъ присяжные судятъ, передалъ ему папа, и ушелъ сейчасъ къ другимъ присяжнымъ... а я осталась съ моимъ кавалеромъ.

Онъ, впрочемъ, оказался очень любезнымъ, сейчасъ же посадилъ меня на лучшее мѣсто, посоветовалъ снять пальто, взявъ его отъ меня, говоря, что въ пальто будетъ жарко, и потомъ безпрестанно все подбѣгалъ ко мнѣ и спрашивалъ, не угодно ли мнѣ чего нибудь... хитрый,—самому хотѣлось только лишнее словечко поймать отъ меня... поговорить со мной... ну конечно... потому что... потому что за мной всѣ ухаживаютъ... это не секретъ... что я... хорошенькая...

Вотъ стыдно... то... сама про себя такъ говорю... да вѣдь это правда... я сама знаю, что я хорошенькая... изъ нашего выпуска я была лучше всѣхъ... и на всѣхъ приѣмахъ въ своемъ классѣ меня ставили всегда впереди... а разъ какъ-то у насъ въ институтѣ былъ какой-то нѣмецкій принцъ... молодой такой... остановился около меня и заговорилъ по французски... говорилъ около десяти минутъ... потомъ, уходя... поклонился мнѣ... протянулъ руку, а когда я подала ему свою *patte*, то—ей Богу—онъ хотѣлъ ее поцѣловать... и поцѣловалъ бы непременно, еслибы не противная классная дама... такъ и пришипилилась къ нему...

А что же мой судъ, вотъ тебѣ и разъ начала про присяжныхъ, а окончила нѣмецкимъ принцемъ...

Ну начну по порядку, какъ слѣдуетъ.

Во первыхъ, этотъ судебный... ужасно мнѣ надоѣлъ... и пока судъ не начинался, онъ все вертѣлся около меня... все только и знаетъ одно... не угодно ли вамъ чего... ахъ, мало ли чего мнѣ угодно... да мнѣ угоднѣ всего, чтобы вы отъ меня отвязались... право, вовсе ужъ не молодъ... спина горбожь... усы какого-то неопредѣленнаго цвѣта... въ ухахъ по цѣлому фунту ваты, губа отвисла... и тоже претензія на ухаживаніе... я потомъ перестала ему и отвѣчать... слава Богу отсталъ...

Ахъ да. Передъ началомъ дѣла какой-то молодой человекъ помѣстился рядомъ со мною на стулѣ. Этотъ былъ изъ присяжныхъ, и по всему видно было, что ему ужасно хотѣлось заговорить со мной... но однако не заговорилъ... не нашелся вѣроятно... я думала, что онъ тоже изъ публики... а оказалось, что это одинъ изъ присяжныхъ...

Наконецъ судъ начался.

Какая скучная процедура... присяжные, свидѣтели... одни слушаютъ... другіе говорятъ... а выражаются какъ, ужасъ, и я не понимаю, какъ это судьи, люди благовоспитанные, дозволяютъ разнымъ мужикамъ, неприличныя слова... а они безъ стѣсненія... чуть не бранятся...

Мнѣ по первому дѣлу было очень жалко подсудимаго.

Какой несчастный человекъ—вѣдь есть же такіе бѣдные люди.

Онъ служилъ на какой-то фабрикѣ... вертѣлъ, по его словамъ, какое-то колесо... и вдругъ попалъ въ него рукой... руку ему сломало... и онъ остался калѣкой, съ фабрики его прогнали, ничего ему за увѣчы не дали... и по его словамъ, не разсчитали даже, какъ слѣдуетъ; у него есть жена и дѣти очень бѣдные, состоянія у нихъ нѣтъ никакого, вотъ онъ и задумалъ хозяину фабрики отомстить... пришелъ ночью къ сараю, гдѣ былъ сложенъ товаръ, и поджогъ его. огонь только что началъ разгораться, какъ набѣжали люди; пожаръ успѣли загасить, такъ что убытка отъ этого не было хозяину никакого, а этого калѣку поймали, и онъ говоритъ, отколотили его ужасно, а потомъ на судъ.

Я не понимаю какъ это можно колотить безрукаго человека. Конечно, онъ сдѣлалъ дурно, что поджогъ, но вѣдь и съ нимъ поступили несправедливо, обвинили его.

Однако же присяжные его обвинили и судъ сослалъ его въ Сибирь. Это ужасно. Куда же теперь дѣнется его несчастная жена съ дѣтьми.

Второго дѣла я совсѣмъ не слушала, хотя и сидѣла въ судѣ. Меня очень заинтересовала одинъ судья, лѣвый отъ председателя. Онъ еще во время слушанія перваго дѣла нѣсколько разъ пристально на меня засматривался, а начиная со втораго дѣла, сдѣлалъ даже нѣкоторыя спеціальныя приспособленія, чтобы удобнѣ меня разсмотрѣть. Ахъ какой же вы, господинъ судья, легкомысленный, творите дѣло суда и засматриваетесь на барышень... развѣ въ этомъ есть чтонибудь общаго. И къ тому же вы, господинъ судья, прибѣгаете къ такимъ фокусамъ, которые въ былое время практиковались и нами въ институтѣ...

У насъ нѣкоторые учителя требовали, чтобы во время чтенія лекцій, мы слушали молча съ опущенными внизъ глазами для того, чтобы ничѣмъ не раз-

влекаться, т. е., собственно говоря, этого требовали не учителя, особенно же въ старшихъ классахъ, а присутствовавшія на урокахъ классныя дамы, старыя дѣвѣы откровенно говоря, ревновавшія насъ, взрослыхъ уже барышень къ молодымъ учителямъ, которыхъ у насъ къ тому же было очень мало. А такъ какъ многія изъ насъ заинтересовывались ими, то бывало чтобъ обмануть классную даму мы и дѣлали такъ, развернемъ книгу, прикроемся ею, будто бы читаемъ, а изъ за книги и смотримъ... куда надо.

Конечно, это были невинныя шутки дѣвочекъ институтокъ, ну намъ это по нашей наивности и простительно, а вотъ вамъ, господинъ судья, носителю такого высокаго долга не къ лицу прикрывать лицо листомъ газеты... показывать видъ будто бы вы читаете, а изъ за листа разсматривать... барышень... или лучше сказать прямо... меня,—это будетъ... откровеннѣе.

Впрочемъ этого еще мало... что еще сдѣлалъ... мой судья...

Что это я написала... мой судья... вотъ слово-то сорвалось... какой же онъ мой... и покраснѣла я... ну право, покраснѣла... слышу, какъ лице загорѣлось... противный судья... а вовсе не... мой.

А онъ, дѣйствительно, не дурень... довольно молодъ еще... лице пріятное, выраженіе глазъ умное... небольшая окладистая борода... вообще виѣшняя представительность... располагающая въ его пользу.

Когда по второму дѣлу присяжные пошли совѣщаться, онъ очевидно нарочно прошелся черезъ всю залу и вышелъ въ корридоръ не тою дверью, въ которую входятъ судьи, а въ ту, черезъ которую впускаютъ публику. Проходя мимо меня, онъ такъ пристально на меня посмотрѣлъ... что мнѣ сдѣлалось даже неловко... и я отвернулась.

Онъ, видимо, заинтересованъ мною и заинтересованъ сильно.

При выходѣ въ дверяхъ онъ столкнулся съ судебнымъ... не знаю, какъ называть его... и сказалъ ему что-то на ухо... послѣдній должно быть не сразу слышалъ его слова, потому что у него въ ушахъ чуть не по вазу ваты и потомъ, вдругъ безцеремонно обернувшись въ мою сторону, показалъ на меня карандашемъ. Я ужасно сконфузилась отъ такого невѣжества... судебного... котораго судья, не подлежатъ уже никакому сомнѣнію, спрашивалъ про меня. Сконфузился и судья... проворно выбѣжавшій изъ залы, но за то любопытство его было удовлетворено.

Онъ узналъ про барышню... которою заинтересовался при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей...

Въ антрактѣ между вторымъ и третьимъ дѣломъ... мой судья... опять это противное мой... какой онъ мой... ну все равно, онъ сдѣлалъ еще шагъ къ сближенію со мной... и ходилъ уже по корридору съ папой... они оказывается познакомились уже на судѣ, во время засѣдательства папы.

Передъ началомъ третьяго дѣла, папа вошелъ въ залу вмѣстѣ съ нимъ... подвелъ его ко мнѣ и представилъ. Не знаю почему, я ужасно покраснѣла и въ эту минуту мнѣ было досадно на него, не знаю сама за что... такъ и хотѣла сказать ему, что стыдно судѣ изъ за газеты... на барышню заглядываться.

Онъ думалъ, что я ему для перваго знакомства подамъ руку и ошибся. Я не подала, а только поклонилась и то небрежно, и даже не заговорила съ нимъ.

А онъ... онъ право не дуренъ и моложе даже того... чѣмъ прежде мнѣ казался.

Теперь мои впечатлѣнія по третьему дѣлу.

Вотъ такъ барышня... эта гувернантка... ахъ какое интересное дѣло... только я его не совсѣмъ хорошо поняла... въ немъ какъ-то не все было ясно... но ясно все таки, что она отворила чужой комодъ... и взяла себѣ оттуда денегъ, кажется... пятнадцать рублей, вотъ стравъ-то... а она барышня настоящая... воспитывалась тоже въ институтѣ... слава Богу, что не въ нашѣмъ, а а то я непременно сейчасъ написала бы всѣмъ подругамъ.

Ну вотъ ее дѣло.

Она жила въ гувернанткахъ въ какомъ-то хорошемъ домѣ, и тамъ какъ-то горничная дѣвушка поймала ее, что она изъ комода самой барыни вытащила кошелекъ съ деньгами. Горничная закричала и ее поймали,—и что же,—на судѣ эта гувернантка объясняла поступокъ свой такъ:

— Я, говорила она, считала этотъ домъ своимъ, и потому деньги взяла изъ комода на свои надобности, не думая чтобы этому придали характеръ воровства.

Не правда ли, какое странное объясненіе своему поступку.

— Почему же вы были такого мнѣнія относительно чужаго дома и чужихъ денегъ, спросилъ эту барышню кто-то изъ судей.

— Потому что старшій сынъ этого дома ухаживалъ за мной и имѣлъ на меня виды, отвѣтила она, нисколько не конфузясь.

Но за то я за нее покраснѣла. Хотя бы это было и такъ... какъ же объ этомъ говорить публично, и при чемъ тутъ деньги изъ чужаго кошелька... право не понимаю.

Этотъ молодой человѣкъ тоже былъ на судѣ. Онъ рассказывалъ, что видовъ на Эмму Николаевну, т. е. на гувернантку своей сестры никакихъ не имѣлъ... а былъ съ ней особенно друженъ... какъ это такъ—особенно друженъ... этого я тоже что-то не понимаю.

Эту Эмму Николаевну присяжные оправдали и по моему неправильно, потому что вина ея была вполне доказана. А мнѣ кажется, что оправдали ее только потому, что она довольно еще молода и, чего нельзя отнять отъ нее, очень хорошенькая и способная производить на мужчинъ сильное впечатлѣніе.

Она, конечно, очень хорошо понимала это и воспользовалась своею виѣшностію какъ можно выгодноѣ для того, чтобы очаровать собою присяжныхъ и дѣйствительно очаровала.

Нужно было посмотреть на нее, что только выдѣлывала она на судѣ. Это былъ цѣлый курсъ кокетства предъ мужчинами. Она-то выгибалась передъ присяжными, то граціозно показывала имъ свои руки, сидя на стулѣ играла ногами выставляя ихъ на показъ, а глаза выдѣлывали у нее просто чудеса, она буквально засыпала своими взглядами всѣхъ присяжныхъ—по очереди. Наконецъ, она стала передъ ними плакать... складывать на груди руки, ну и рѣши-

тельно свела съ ума всѣхъ своихъ судей. Даже и тотъ... лѣвый судья во время третьяго дѣла... перенесъ свои наблюденія... на Эмму Николаевну...

Впрочемъ, что же... для мужчинъ... кокетство дѣвушки... на первомъ планѣ. Неужели и лѣвый судья такой же.

Я думала объ немъ иначе.

Досадно, что оправдали эту... Эмочку... зачѣмъ оправдывать дурные поступки, только благодаря хорошенькому личику, а дѣло этой гувернантки и исходъ его во всей публикѣ поселилъ именно это убѣжденіе.

Хорошо, что папа мой не былъ въ числѣ этихъ присяжныхъ, а то я невольно осудила бы и его.

Дѣло этой Эммы Николаевны патолкнуло меня на мысль о Фемидѣ.

Почему Фемиду изображаютъ всегда съ завязанными глазами?

Потому мнѣ кажется, что богиня суда, а слѣдовательно и судъ должны выносить свои убѣжденія изъ глубины одной только совѣсти, на которую не вліяли бы никакія внѣшнія причины.

У насъ въ институтѣ въ предпоследнемъ классѣ была очень хорошенькая барышня Варя Марини. Училась же она очень дурно и почти никогда не знала уроковъ, а учитель географіи очень за ней ухаживалъ и показывалъ ей видимое расположеніе. Вотъ какъ то разъ вызвалъ онъ ее къ уроку, она отвѣчала очень плохо.

Онъ помокнулъ перо въ чернильницу и развернулъ журналъ, чтобы поставить ей отмѣтку, а самъ не спускаетъ съ нея глазъ. Она сдѣлала ему наконецъ глазки, улыбнулась, сама отъ стыда покраснѣла и получила хорошій баллъ.

Послѣ нея онъ вызвалъ другую барышню, дурнушку—Соню. Она училась очень хорошо, отвѣчала лучше Марини, а учитель все таки поставилъ ей баллъ меньше. Последняя, конечно, очень обидѣлась и обратилась вдругъ совершенно неожиданно къ учителю съ такимъ вопросомъ: отчего аллегорическое изображеніе Фемиды представляется всегда въ видѣ богини съ завязаннымъ глазами.

Учитель, конечно, понялъ, къ чему шель этотъ вопросъ и сказалъ, что послѣдній не имѣетъ никакого соотношенія къ географіи. Тогда наша дурнушка расхрабрилась и отвѣчала учителю, что о завязанныхъ глазахъ Фемиды нужно всегда помнить тѣмъ, кто имѣетъ привычку поступать несправедливо и подчинять себя вліянію внѣшнихъ впечатлѣній.

Если бы можно было, то я съ удовольствіемъ напомнила бы о Фемидѣ и тѣмъ присяжнымъ, которые оправдали эту хорошенькую гувернантку, только потому, что она съумѣла повліять на нихъ своею счастливою наружностію.

Послѣ третьяго дѣла я ходила съ папа по корридору.

— Папа, какъ зовутъ лѣваго судью, съ которымъ вы знакомы, спросила я.

— А тебѣ зачѣмъ?

— Ахъ, Господи! да такъ, отвѣтила я, сконфузаясь.

— Его зовутъ, Александръ Викторовичъ Босаревъ, онъ прекрасный чловѣкъ, хорошо идетъ по службѣ, несмотря на то, что еще молодъ.

Какое-то странное чувство овладѣло мной при этихъ словахъ папа, точно почему-то мнѣ было неловко говорить съ ними о Босаревѣ.

Четвертое дѣло отложили и оно не слушалось, чему я была очень рада, потому что очень проголодалась, да и порядкомъ надоѣлъ мнѣ этотъ судъ, а потому я поторопила папа скорѣй домой.

Когда мы собирались уже уходить изъ залы, Александръ Викторовичъ подошелъ къ намъ попрощаться.

— Какъ понравился вамъ нашъ судъ, съ какими впечатлѣніями выходите вы изъ него съ хорошими или дурными, обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ.

— Съ дурными, отвѣтила я ему.

— Почему же такъ?

— Обвиненнаго калѣку слѣдовало бы оправдать, отозвалась я, а эту барышню... что деньги вытасила... непременно обвинить, и обвинить по строже.

— Пожалуй, отчасти вы и правы... какъ то задумчиво проговорилъ Босаревъ, но неужели же, добавилъ онъ потомъ быстро, кромѣ дурнаго впечатлѣнія вы ничего другаго не выносите изъ нашего суда?

— Ничего, представьте себѣ, ровно ничего, отвѣтила я захохотавъ, потому что мнѣ теперь не до впечатлѣній... папа меня заморилъ... я кушать хочу.

Александръ Викторовичъ разсмѣялся вслѣдъ за мною и пожелалъ мнѣ за обѣдомъ добраго аппетита.

— Мерси, поблагодарила я.

Мой первый кавалеръ, этотъ... судебный... засуетился вдругъ около меня съ моимъ пальто, которое я попросила его принести. Онъ хотѣлъ было протянуть свою любезность до конца и подалъ мнѣ его, чтобы надѣть, но Александръ Викторовичъ вѣжливо отстранилъ его и подалъ мнѣ пальто самъ.

Онъ..... кажется, хорошій человѣкъ..... по крайней мѣрѣ, весьма симпатичный..... и понравился мнѣ.

Папа, вѣроятно, угадалъ мою мысль и попросилъ его бывать у насъ.

Ну-съ, господинъ легкомысленный судья, теперь вамъ не къ чему будетъ прибѣгать, къ пособію газетнаго листа и подъ прикрытіемъ его дѣлать надо мною ваши наблюденія. Вѣроятно, вы не заставите себя долго ждать и постараетесь поскорѣе доставить намъ удовольствіе видѣть васъ у себя.

Александръ Викторовичъ проводилъ насъ по всему корридору до передней. На прощаньи я протянула ему руку.

— Прощайте, проговорила я.

— До свиданія, сказалъ онъ, пожимая мою лапку въ своей пятернѣ и какъ то робко въ тихомолку останавливая на мнѣ свои умные глаза.....

Черезъ 4 мѣсяца въ дневникѣ той же барышни читаемъ мы слѣдующія строки: «сегодня въ день моего рожденія, Александръ Викторовичъ подарилъ мнѣ прелестный букетъ изъ розановъ и вмѣстѣ..... просилъ моей руки. Я дала свое согласіе... онъ въ первый разъ поцѣловалъ мою руку и сказалъ, что

я составляю счастье его жизни. Мы любимъ другъ друга... Теперь мой судья, дѣйствительно уже мой.....

Наша свадьба черезъ 2 мѣсяца.....

VI.

На добрую пользу.

Судебное засѣданіе съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей только что окончилось. Судьи вышли въ свою совѣщательную комнату. Въ залѣ засѣданія около оправданнаго послѣднимъ приговоромъ присяжныхъ парня лѣтъ семнадцати образовался кружокъ изъ публики и оправдавшихъ его присяжныхъ.

— Смотри же, парень, оправили мы тебя отъ суда да отъ тюрьмы, помни, да другорядь въ чужой карманъ за доходомъ не лазь, а нарочи на свой карманъ трудомъ да работой свой грошъ раздобыть — говоритъ нравоучительно одинъ старикъ присяжный обращаясь, къ оправданному.

— Не будетъ въ другой разъ, ужъ когда побожился на суду, что больше не будетъ, значить, вѣрно, слышится за него чей-то голосъ.

— Не буду, извѣстно, не буду... вотъ какъ хрестъ на мнѣ не буду, разувѣряетъ всѣхъ оправданный, низко кланаясь во всѣ стороны.

— Ну вотъ тебѣ на первый обиходъ господа присяжные да купцы изъ публики маленько денегъ пособили... на вотъ возьми, обращается судебный приставъ къ оправданному, проталкиваясь чрезъ толпу и вручая ему двѣ три рублевыхъ бумажки и небольшую горсточку мелкихъ серебрянныхъ и мѣдныхъ денегъ.

— Благодаримъ покорно... благодарю... кланяется снова кругомъ, парень судорожно сжимая въ рукѣ, какъ снѣгъ на голову свалившіяся ему деньги, вѣроятно въ награду за то, что онъ ловко вытащилъ у одной барыни на улицѣ кошелекъ изъ кармана, за что присяжные кромѣ того его еще и оправдали.

— Ну, на тебѣ и отъ меня, обращается къ нему же одинъ изъ присяжныхъ, старикъ крестьянинъ, участвовавшій въ числѣ другихъ въ постановленіи оправдательнаго приговора.

— На тебѣ вотъ, подаетъ онъ ему два другривенныхъ, вынувъ ихъ на глазахъ парня изъ своей мошны, въ которой пронцательный глазъ хищника-карманника усмотрѣлъ цѣлую пачку депозитогъ.

— Судъ идетъ, проговорилъ вдругъ судебной приставъ и въ залу засѣданія вошли судьи.

Началось слушаніемъ новое дѣло.

Публика засуетилась, стараясь занять себѣ получше мѣста. Въ числѣ другихъ вошелъ въ ряды публики, тѣснившейся у прохода, и только что оправданный подсудимый.

Повидимому, ему въ качествѣ посторонняго лица хотѣлось посмотрѣть, какъ присяжные будутъ судить другаго вора.

Наконецъ, судъ выбралъ составъ присяжныхъ.

Не попавшіе въ очередь присяжные размѣстились въ первыхъ рядахъ публики недалеко отъ прохода.

Въ одной изъ скамеекъ подошелъ тотъ старикъ присяжный, который напо- слѣдокъ вынулъ оправданному парню 40 к. серебромъ. Злая ли судьба или случай благоприятствовали этому присяжному, но только онъ усѣлся съ нимъ рядомъ.

Последній подобострастно подвинулся и далъ старику мѣсто.

— Вишь, паря, вотъ оно... за кражу то... какъ... вотъ онъ таперя... словно на вышкѣ, говорилъ старикъ полупешотомъ своему сосѣду, указывая на подсуди- мага... не бось тошно ему сидѣть тамотко... вотъ такъ то ты и помни... какъ тебя самого судили, въ другой разъ не оправать присяжные... таперь мало, колько денегъ тебѣ понаобрали, старайся... скорѣе къ мѣсту пристроиться да за дѣло... а ни ни, чтобы дурнымъ дѣломъ...

Парень слушаетъ и одобрительно покачиваетъ головой.

Началось чтеніе обвинительнаго акта. Публика по обыкновенію насторожилась, вслушиваясь въ каждое слово.

Тихо въ залѣ, только раздается отчетливое чтеніе секретаря.

— Пост... карауль... держи его братцы... въ карманъ... залѣзь, послышался вдругъ въ рядахъ публики чей-то неистовый голосъ.

Народъ повскакалъ съ своихъ мѣсть... за рѣшеткой сдѣлалась суматоха. По сосѣдству съ старикомъ присяжнымъ... двое дюжихъ ребятъ удерживали знако- мага уже намъ парня, въ рукахъ котораго болтались концы стариковой мошны съ деньгами.

Тщетно пытался парень... разжать кулакъ и выпустить изъ руки предатель- скую мошну, его до того однако же не допустили и вывели съ помичной улицы на середину залы.

— Иродъ ты... Бога забылъ... я жъ тебя оправиль... я-жъ тебѣ изъ по- слѣдняго... денегъ далъ... яжъ ему добрый совѣтъ да науку по отцовскому за- дилъ... а онъ на тебѣ... на той же минутѣ въ карманъ мой залѣзь, объяснялъ прерывисто старикъ, указывая на уличеннаго карманника.

Добрые совѣты, оправданіе и помощь деньгами какъ видно пошли этому во- ришкѣ не на добрую пользу.

VIII.

На деревнѣ.

На осеннихъ «досвиткахъ» происходили заручины Грушки съ Апанаской.

Грушка еще совсѣмъ молодая дѣвчонка лѣтъ 15, нельзя сказать, чтобы она обладала красотой деревенской дѣвушки, но она миловидна, и главную красу ея составляетъ присущая, почти еще дѣтскому возрасту ея, шаловливость, игривость и наивность. Кромѣ того Груша для деревни была большая скромница, а это качество въ деревенскихъ красавицахъ очень цѣнится парнями. Но чѣмъ могла пощеголять Груша, такъ это своими прекрасными глазами такъ и западали они въ душу каждому хлопцу и подымали будорагу въ сердцѣ... Люто приходи- лось каждому отъ Грушкиныхъ очей...

Апанаска тоже парень не какойнибудь, а подѣ пару Грушкѣ. Ему 18 лѣтъ.

изъ себя онъ видный, да статный, въ работѣ ловокъ, забористъ въ пѣснѣ, на гитарѣ научился играть, пѣсни поетъ не какія нибудь, а московскія, за Грушкой-то онъ больше года ходилъ... пока не добился дѣвичьяго согласія на заручину, а ужъ какъ онъ любитъ-то Грушку, ни къ кому ее въ свѣтѣ не приравняетъ.

Заручины свои онъ справилъ на славу, сапоги себѣ съ глянцевыми отворотами купилъ, Грушку красными кораллами, да шелковымъ платкомъ подарилъ дѣвкамъ, да хлопцамъ въ деревенскомъ бакалѣѣ одного угощенья на два рубля стравилъ.

А заручины по мѣстному обычаю состоятъ вотъ въ чемъ: Подростки дѣвочки съ 14 и 15 лѣтъ, а парни съ 17 и 18 лѣтъ, съ начала осеннихъ сумерекъ собираются обыкновенно поочереды въ разныхъ избахъ. Дѣвушки приходятъ съ работами и рукодѣльями, а парни приносятъ имъ, кто чего можетъ, на угощенье. До поздней полуночи просиживаетъ на этихъ досвитахъ молодежь, тутъ она взаимно сближается, узнаетъ другъ друга, дѣвушки высматриваютъ себѣ будущихъ жениховъ, а парни намѣчаютъ своихъ избранницъ. На этихъ досвитахъ бываетъ все чинно да смирно и никакія охальства хлопцевъ не допускаются, парни могутъ только «жартовать» т. е. какъ нибудь въ тихомолку и то не на глазахъ у всѣхъ, обнять приглянувшуюся ему дѣвушку и поцѣловать ее — не больше. Если дѣвушка не оскорбляется такими ухаживаньями парня, и не устраняетъ ихъ, то этимъ самымъ она подаетъ ему надежду на взаимность. Наконецъ, если при всей молодой кампаніи, дѣвушка въ круговой пляскѣ, снявъ у себя съ шеи или съ головы платокъ подаетъ его какому либо парню, то это означаетъ, что онъ ей любъ, и что она даетъ ему заручину, т. е. общается, что ни за кого больше замужъ не пойдетъ, потому что любитъ его. Заручинный подарокъ, т. е. платокъ, составляетъ поэтому для парня его гордость и если у дѣвушки было много ухаживателей, то избранникъ ея долженъ тщательно хранить ея подарокъ, потому, что если парень его не сохранить въ цѣлости, то заручина—падаетъ.

Счастливый избрачникъ дѣвушки долженъ непременно справить заручины какимъ нибудь наряднымъ подаркомъ себѣ и своей «любовой», а наличныхъ дѣвушекъ и хлопцевъ угостить, чѣмъ можетъ, за что молодежь поетъ «зарученнымъ» весь вечеръ «зарученныя и хоровыя пѣсни».

Ужъ какъ Апанаска былъ радъ, дождавшись согласія Грушки, обомлѣлъ онъ совсѣмъ отъ радости, какъ подала она ему свой платочекъ: обнялъ онъ ее, отцѣловалъ на всю сласть, а потомъ платочекъ бережно сложилъ, укаталъ его въ комочекъ да въ замшевый кошель свой, а кошель-то за голенище да поясомъ съ себя вокругъ ноги обмоталъ, чтобы кто изъ парней не подшутилъ надъ нимъ, да дорогую заручину не вытащилъ бы у него.

А парней завидующихъ Апанаскѣ было не мало. Вонъ Егорка, старостинъ сынъ тоже около Грушки все набивался; трактирщиковъ племянникъ Фонька никакъ годъ цѣлый все за голенищами ей медъ въ бутылкахъ таскалъ, благо меду-то на дядиномъ погребѣ подикась посмотри сколько, опять тоже старика Спиридона внукъ Яшка, и онъ по Грушкѣ кручину имѣлъ, лѣтось все бывало

вдоль ейшаго огорода какъ волкъ таскался, сохъ, глишь-ка—пересохъ совсѣмъ, да мало ли ихъ сколько было, всѣхъ не сообразишь да по пальцамъ не перечесть, потому Грушка дѣвка ужъ больно запримѣтная, всякому сердцу охочая, да вотъ всѣхъ она отъ себя... прямо такъ... ну, говорить, тебя, не любовь ты мнѣ. Апанаску одного облюбовала да выбрала, милъ пришелся ей парень да любовь, съ того и дорога была Апанаскѣ ейша заручина.

Отъ заручинъ Грушки съ Апанаской прошелъ безъ жалаго годъ. Молодая невѣста выравнилась и стала краше прежняго, Апанаска чуть не цѣлый мѣсяцъ ходилъ къ попу о свадьбѣ договариваться, вѣнчать не хотѣлъ поппъ, невѣста, говорить, очень молода, годами не вышла, ну да Апанаска за себя постоятъ, двѣ недѣли лѣтомъ покосу батюшкѣ отбылъ, уладилъ дѣло, согласился батюшка... съ волостными тоже поладилъ, дали ему отпись, что недоимки на Апанаскѣ нѣтъ, совсѣмъ приготовился онъ къ свадьбѣ, какъ вдругъ бѣда и надъ нимъ страхнула, да какая бѣда-то...

Лѣтомъ дѣло было, съ утра Грушка ушедши была съ батьками на пашню—за село шесть верстъ—скирду метать, вотъ только вечеромъ, какъ домой ворочаться, на околицѣ Апанаскина matka увидавши Грушку, какъ запричитала вдругъ да заголосила... такъ сердце-то у Грушки и спало на низъ...

— Милая ты моя... Грушинька ты моя родная... Апанасушку-то... забрали... отъ насъ—вопила старуха, обливаясь слезами, — съ волости самъ урядникъ... прѣзжалъ... забралъ его сердечнаго... къ становому отвезъ... сказывалъ въ тюрьму его засадятъ... обокралъ быдто онъ въ Сидоровкѣ... хозяина... какъ бишь его Тихоньча... хромоногаго съ краю... милая ты моя Грушинька, ай что съ нимъ таперь будетъ... да нѣшто мой Апанасушка воръ... нѣшто онъ кому лихо сдѣлать, за что его злые люди оплели... оговоръ на него такой накинули... ахти мы бѣдня съ тобой, охъ мы горемычныя... причитала старуха и бросилась на шею своей будущей невѣсткѣ. Пуще того заголосила бѣдная Грушка, отъ этой вѣсти она, словно, какъ замерла, смотреть на Апанаскину matку, какъ не своими глазами, что такое не понимаетъ... какъ такъ, да за что забрали Апанаску... да какъ взвизгнетъ вдругъ: Апанасушка ты мой, куда тебя увели?—ну и разошлась пуще старухи.

* Удивился не мало этой вѣсти и отецъ Грушкинъ.

— Нѣтъ, тутъ не добре, думалъ онъ, дѣло это не такъ, тутъ не ладно, Апанаска не воръ, не такихъ батьковъ онъ, чтобъ воровать, и я свою Грушку за вора-бъ не просваталъ, тутъ, знамо, напасть одна, разсуждалъ самъ съ собою старикъ, нужно дознаться, прознать все этое дѣло.

Между тѣмъ Грушка не переставала голосить, Апанаскина matka не уступала ей ходомъ, а тутъ подошла и Грушкина мать, золовка прибѣжала, да крестная откуда-то взялась, да кума съ крайней хаты, да своячина, да Грушкина поддестренка подвернулась, да какъ завьли всѣ-то, такъ на всю деревню до другаго конца слышно было.

— Ну дѣло, отколь его навѣяло невѣдомо, думалъ про себя Грушкинъ отецъ, и, ни мало не медля, снаряжился до становаго, прознать все дѣло про Апанаску.

А дѣло и впрямь страслось надъ нимъ надъ Анапаской. Съ чего это онъ, думали всѣ, парень такой хорошій, жениться собирался и вдругъ, на тебѣ: въ чужой амбаръ залѣзъ. Закручинилась Грушка, слезно заскучала, прознавши, что Анапаску посадили въ тюрьму, и какъ дѣло было, и что, да какъ въ сосѣдней деревнѣ Сидоровкѣ забрался онъ ночью въ амбаръ, сундукъ разломалъ тамъ, крадежъ пытался сдѣлать, да поймали его — вотъ и все, а тамъ пока слѣдствіе, такъ до суда и посадили Анапаску на казенный харчъ.

Совеѣмъ съ лица спала бѣдная Грушка, конца дѣла ожидаючи, очи всѣ свои выплакала по Анапаскѣ, думается ей, думается, что не такъ здѣсь дѣло, не воръ онъ, Анапаска, на такую дѣль не пойдетъ, что нибудь не спроста, и безъ того ей тошно, да скучно, а тутъ стариковъ Спиридоновъ Яшка опять ей свои подходы сталъ дѣлать, да смѣяться надъ ней: Анапаска, можь, воръ, какой онъ таперь женихъ: сошлютъ его, говорить, въ черную сторону — не воруи, вотъ тебѣ о немъ и сказъ весь, а самъ опять набивается, платокъ заготовилъ — красный да разводами, знаетъ какіе Грушка любить.

А бѣдная Грушка плачетъ да изнываетъ, не любъ ей никто, на Яшку не глядитъ, одно говорить: не былъ Анапаска воромъ и не будетъ... судъ его оправить... вѣрить въ судъ...

Прошелъ мѣсяцъ, прошелъ и другой, на волость объ Анапаскиномъ дѣлѣ отъ становаго объявленіе пришло, и повѣстки на объявку, Грушкѣ, матери ейной, да отцу, да Анапаскину вотчиму, да еще одной дѣвушкѣ изъ ихней деревни Аксюткѣ — столяровой дочкѣ.

Дождалась Грушка того самаго дня, что на судъ идти, всю-то ночь не спалось ей, все объ Анапаскѣ думала, какая ему судьба приключится, какой ему конецъ будетъ, а утромъ встала раненько, на околицу къ дѣвичьему кресту сбѣгала, помолилась, зарокъ дала, коли Анапаску оправдаютъ, кораллы его на образъ въ церковь пожертвовать, ну стало ей немного спокойнѣе.

Собрались всѣ и въ городъ пошли.

Проводила всѣхъ за околицу Анапаскина мать и вернулась домой... зажгла лампадку у себя въ домѣ, Богу помолилась.

Когда Грушка съ своими батьками пришла въ городъ, то первымъ дѣломъ по наказу Анапаски, переданному имъ изъ тюрьмы черезъ какого-то добраго человѣка, она пришла туда, чтобы повидаться съ нимъ, такъ какъ во все время, пока Анапаска сидѣлъ въ тюрьмѣ, ему ни разу не позволили видѣться съ Грушкой и это свиданіе должно было быть первое. Естественное дѣло, что Грушка съ нетерпѣніемъ ждала момента, когда увидится съ Анапаской, такъ какъ къ тому, кромѣ естественнаго желанія увидеть его, присоединялось еще нетерпѣніе узнать отъ Анапаски всю правду, въ чемъ заключается его дѣло, и за что его посадили. Любя его Грушка страдала сознаниемъ, что его Анапаску всѣ считаютъ уже теперь за вора, а она ожидала того момента, когда Анапаска сброситъ съ себя это позорное пятно, но съ болью на сердцѣ недоумѣвала, какъ онъ это сдѣлаеть, потому что ей, какъ и всѣмъ въ околдкѣ, было уже несомнѣнно извѣстно, что Анапаску, дѣйствительно, поймали ночью въ Сидоровкѣ, въ амбарѣ

Тихона хромоногаго въ то время, когда, сломавъ тамъ замокъ у сундука, онъ намѣревался совершить оттуда кражу.

— Съ чего это ему такое въ голову пришло, нешто и вправду Яшка, говорить, что Апанаска воръ, на что ему было въ чужую вѣсть лѣзть, али у него своего достатка мало... думала и передумывала бѣдная Грушка, со слезами на глазахъ, подходя къ мрачному зданію тюрьмы.

Съ большимъ трудомъ, робкая по природѣ, незнакомая съ городскими, а тѣмъ болѣе съ тюремными порядками, Грушка, едва добилась желаемого свиданія съ Апанаской, но за то это свиданіе разомъ ее успокоило, облегчило ее горе, убѣдило ее, что Апанаска не воръ, что Апанаска не виноватъ, что онъ изъ за «зачручины» въ такое дѣло попалъ, за нее же за Грушку пострадалъ, даромъ колѣни времени въ тюрьмѣ высидѣлъ.

Выйдя изъ тюрьмы, Грушка едва успѣвала глотать свои слезы, но это были не тѣ подавленные слезы горя и отчаянія, съ которыми пришла она на свиданіе съ Апанаской, а слезы радости, слезы сознанія, что тяжелыя минуты, вынавшія на долю ея и Апанаски, близятся къ концу, что Апанаска оправдается и сброситъ съ себя поклепъ, подъ который попалъ случайно изъ-за нея же.

Чуть не бѣгомъ воротилась Грушка къ своимъ батькамъ, вся запыхавшись, передала имъ вѣроятно свой разговоръ съ Апанаской, и старики-батьки тоже просіяли. Молча выслушали они Грушку, также молча перекрестились на соборную колокольню, и видимо съ успокоенной душой ожидали уже предстоящаго судбища Апанаски.

А находившаяся тутъ же Аксютка любовно и ласково смотрѣла на свою подругу Грушку, словно радуясь ея радости.

— Аксютка, а Аксютка, и не грѣхъ тебѣ, что ты молчала не сказывала мнѣ ничего, съ отѣнкомъ дружескаго упрека, говорила Грушка, обращаясь къ своей подругѣ.

— Чего сказывать-то, также любовно говорила Аксютка, искоса, съ деревенскимъ кокетствомъ, поглядывая на свою подругу Грушку, и выражая своею самодовольною фигуркой убѣжденіе, что вотъ, дескать, я на судѣ такую штуку скажу, что твоего Апанаску сразу выручу.

— Какъ чего, перебила ее Грушка, да что тебѣ Апанаска наказывалъ, съ тюрьмы въ свидѣтели тебя поставилъ.

— Ну, чтожъ поставилъ—и скажу.

— А мнѣ, что-жъ ты, постылая, не говорила.

— Не говорила... на суду скажу.

— На суду, что мнѣ чего раньше не сказывала. мало, что ли я наплакалась, говорила Грушка, готовая уже снова лить слезы.

— Не сказывала, не по своей волѣ... не велѣлъ...

— Да кто не велѣлъ-то.

— Да кто, твой же Апанаска не велѣлъ... строго наказывалъ, тебѣ жалѣючи...

При послѣднихъ словахъ Аксютки, Грушка не выдержала, судорожно запла-

кала, бросилась на шею Аксюткѣ и просила ее Христомъ Богомъ. «чтобы она все, какъ слѣдуетъ, рассказала, потому, сама знаешь, за что ему пропадать черезъ Яшкины штуки».

А у Аксютки тоже вѣроятно были причины не долюбливать Яшку, и объ дѣвушки, повидимому, твердо рѣшились вывести наружу его «штуку», которую онъ состроилъ съ Апанаской.

Мы въ обычномъ засѣданіи окружнаго суда съ присяжными засѣдателями.

На скамьѣ подсудимыхъ сидитъ Апанаска.

Арестанскій армякъ и два солдата по бокамъ, повидимому его, не особенно стѣсняють. Онъ смотритъ впередъ бодро и весело, видимо, ничего не боится и ждетъ спокойно развязки своего судбища. Лицо его совершенно спокойно, но вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ нѣкоторое нетерпѣніе. Онъ поминутно поглядываетъ на ту дверь, изъ которой должны выйти свидѣтели.

Когда прочли обвинительный актъ, то предсѣдатель обратился къ Апанаскѣ съ вопросомъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ томъ, что ночью изъ запертаго амбара крестьянина деревни Сидоровки, Тихона Хромоногаго, намѣревался совершить кражу и съ этой цѣлью сломалъ у сундука замокъ, вытащилъ уже оттуда 3 платка, съ которыми и былъ задержанъ на мѣстѣ.

— Виноваты вы въ этомъ или нѣтъ? повторилъ кратко свой вопросъ предсѣдатель, обращаясь къ Апанаскѣ.

— Точная правда виновать, что замокъ сломалъ, отвѣчалъ онъ довольно смѣло.

— Зачѣмъ же вы это сдѣлали, воровать задумали, развѣ это хорошо?

— Нужно было такъ, ну и сдѣлали.

— Для чего же нужно вамъ было въ чужой сундукъ лазить, спросилъ предсѣдатель Апанаску, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— А вотъ, господа судьи, господа присяжные, отозвался Апанаска, кланяясь въ сторону судей, вѣры моимъ словамъ не будетъ, а вотъ извольте, свидѣтелей спросить, они скажутъ:—съ нашей деревни я тутъ дѣвушку вызывалъ, она могла все рассказать.

Начался допросъ свидѣтелей.

Первымъ вызвали старика Тихона.

Онъ рассказалъ, что Апанаску, дѣйствительно, поймали ночные сторожа въ его клѣтѣ, онъ у сундука замокъ сломалъ, доброе сталъ таскать, его при платкахъ поймали.

— А, что дядя Тихонъ, обратился къ свидѣтелю Апанаска, платки тѣ, что у меня отобрали съ рукъ, всѣ ваши?

— Въ нашемъ, дитятко сундукъ были, дочки моей сундукъ, значить платки наши, чужими, какъ же имъ оказаться.

— И маленькій по темному полю, съ розовыми цвѣточками тоже вашъ? спросилъ Апанаска.

— Да вѣдь въ нашемъ сундукъ, знать наши, отвѣчалъ старикъ, ну да я тѣхъ платковъ самъ не кушлялъ, спроси дочку, ей лучше знать, отвѣчалъ старикъ.

Вызвали дочку.

— Сколько платковъ вытащилъ у васъ изъ сундука подеудимый, спросилъ ее предсѣдатель суда.

Три платка, бойко отвѣчала она.

— И всѣ три платка твои, перебила ее Апанаска.

— А неужто твои, въ моемъ сундукѣ, да твои, извѣстно наши, довольно нахально отвѣтила она.

— И маленькій платокъ по темному полю розовыми цвѣточками тоже твой.

— Нашелъ о чемъ говорить-то, съ усмѣшкой отозвалась дѣвушка. иѣна-то ему вся—два гроша.

— Тебѣ онъ два гроша стоитъ, а я-то тебя всю, со всѣми твоими требухами, за него не возьму, вотъ что, запальчиво проговорилъ Апанаска. Ты мнѣ дѣло сказывай, тебя спрашиваю, твой это платокъ, али нѣтъ, а не то какая ему отъ тебя цѣна будетъ, присягала ты, ну и говори: твой платъ, али нѣтъ.

Свидѣтельница потупилась внизъ и ничего не отвѣтила.

— Что-жъ отвѣчай... когда меня за этотъ платъ... въ острогъ посадили... знать онъ твой, знать, я и въ правду воръ... на твое доброе польстился... говорилъ Апанаска съ воодушевленіемъ, и въ тонѣ его рѣчи слышалась и какая-то увѣренность въ самого себя и сожалѣніе къ себѣ.

Тихонова дочка по прежнему молчала и ничего не отвѣчала.

— Г. судебный приставъ, потрудитесь вскрыть находящіеся при дѣлѣ, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, три платка, громко проговорилъ предсѣдательствующій.

Платочекъ «по темному полю цвѣточками», видимо, заинтересовалъ всѣхъ. Присяжные засѣдатели изъ простолюдиновъ начали сознавать, что въ этомъ платочкѣ знать и суть вся, и у нихъ стало уже складываться убѣжденіе въ пользу Апанаски, что онъ едва-ли воръ, а что тутъ какая нибудь «приличка» вышла знать, «по женскому положенію», али «по дѣвичьей части».

Когда платки были вскрыты и положены на столъ передъ судомъ, то Апанаска какъ то восторженно придвинувшись немного впередъ, тряхнулъ слегка головой, сдѣлавъ рукою какой то жестъ, собираясь что то сказать, но смолчала, и рукавомъ армяка отеръ набѣжавшую на глазъ слезу.

— Что вы хотѣли сказать, обратился къ нему предсѣдатель.

— Да... хотѣли... безвинно пропадемъ... платокъ... этотъ маленькій... такъ онъ, доподлинно, нашъ... проговорилъ Апанаска, волнуясь... мой онъ... вотъ сейчасъ умереть, мой, закончилъ онъ рѣшительно.

— Свидѣтельница вашъ это платокъ... али нѣтъ... про который говорить подеудимый, обратился предсѣдатель къ Тихоновой дочкѣ.

— Не вѣдаю... тихо проговорила она, не глядя ни на кого.

— Да вы не желаете ли, подеудимый, рассказать сами всю правду по дѣлу, обратился предсѣдатель къ Апанаскѣ, чѣмъ допытываться отъ свидѣтельницы того, чего она говорить не хочетъ.

— Желаю... расскажу... все какъ есть дѣло было, отозвалась Апанаска и гордо выпрямилась впередъ.

— Такъ дѣло было... началъ онъ... какъ самое это зарученіе справилъ я съ дѣвушкой съ нашей деревни—Грушей... и она мнѣ на заручину тотъ самый платъ подарила, чтобъ я его до свадьбы берегъ... ну ладно, вотъ я и берегъ его пуще глаза своего... а тутъ Яшка, такой есть у насъ парень... тоже онъ къ Грушкѣ подходы имѣлъ... ну, какъ значить, она ему отказъ подвела, а со мной заручилась, потому самому этому Яшкѣ охота взяла отомстить мнѣ, ну, ладно... какъ бы это отъ меня платокъ тотъ, Грушкинъ то, скрасть... зналъ онъ, что я завсегда его за голенищемъ ношу, вотъ подговорилъ онъ ребятъ... гуляли мы всѣ разъ... они у меня его... не знаю какъ и самъ, вытащили его, знать, заснувши я былъ... ну, какъ вытащили, Яшка и спрячь его, а потомъ хodomъ ко мнѣ конфузить, какой ты, говорить, женихъ, дѣвка тебѣ платъ подарила на заручье, дѣвичій свой, что на головѣ носила, а ты, говорить, его пропилъ... я, говорить, самъ выдалъ... какъ ты его кабатчику на волости отдалъ... и какъ гдѣ не стрѣнется, все онъ мнѣ про той платъ, что пропилъ я его... дѣвкамъ всѣмъ... да парнямъ... Апанаска, говорить, невѣстину платъ за косушку пропилъ... и такія все рѣчи, чтобъ значить... Грушка услыжала... совсѣмъ ее въ тоску вогналъ.....

Присяжные и судьи съ напряженнымъ вниманіемъ вслушивались въ рассказъ Апанаски, въ которомъ проглядывала завязка одной изъ деревенскихъ интрижекъ.

— Почему же самый этотъ Яшка, такую ему, значить, подсудимому фортель доводилъ супротивъ евоинной невѣсты Груши, отозвался съ вопросомъ одинъ изъ присяжныхъ купецъ.

— А потому господа судьи, отвѣтилъ Апанаска, что золь былъ онъ на меня за Грушку, что я ему дорогу перебилъ, а онъ все къ ней набивался.

— Ну что же разсорилъ онъ васъ съ невѣстой, спросилъ Апанаску одинъ изъ судей.

— Никакъ нѣтъ... не разсорилъ... а только сумлѣніе надѣлалъ... тоску на нее пагналъ, только разъ она и спросила меня, правду, молъ Апанаска, что ты мой платъ пропилъ, я говорю, вретъ Яшка, это одна брехня его... поглянись говорить своимъ батюшкой покойникомъ... я, что-жъ, молъ, поглянусь и поклялся, что его не пропивалъ, и цѣлъ, говорить, онъ у тебя... и цѣлъ, говорю... вотъ на свадьбѣ сама увидишь, молъ, одѣпу его... ну съ того ее успокоилъ, не стала она больше меня про платъ тревожить, вѣру дала мнѣ, потому и сама знала какой онъ Яшка до меня есть и за что злобость на меня имѣеть.

— Такъ это вы что же, по вашимъ словамъ виноваты, въ томъ, что у Тихона кражу совершили для того, чтобы платокъ себѣ воротить, такъ чтоли, спросилъ предсѣдатель Апанаску.

— Такъ точно, судьи праведные, обрадованнымъ голосомъ отозвался онъ, утѣшенный тѣмъ, что «механика» его дѣла, за которую онъ успѣлъ уже насидѣться въ тюрьмѣ, начинаетъ входить въ толкъ и самимъ судей.

— Такъ точно... съ того и на крадежъ пошелъ, продолжалъ Апанаска... какъ задумалъ я всячески, что нужно мнѣ безпремѣнно Грушкинъ платъ розы-

скать, сталъ я визнавать потихоньку, гдѣ что узнаю—всяко говорили, ну, вотъ одна дѣвушка, спасибо ей, съ чужой деревни, какъ то разъ и говорить мнѣ, знаю, говорить, я, гдѣ твой любовью то Грушкинъ платъ лежитъ... только говорить, не выдавай меня, ну побожился ей... съ радостевъ въ ноги поклонился, вотъ говорить мнѣ Апанасушка дѣло какое, была я въ Сидоровкѣ у старостиней жены... крестная она мнѣ... ну, тамъ Фимка была... Тихонова дочка, вотъ говорить эта Фимка и сказываетъ ей, дѣвушкѣ то... у меня, говорить, въ сундуку кладъ лежитъ... какой... а такой говорить, какому изъ парней не надо, всякъ за него три рубля говорить мнѣ, дать... какой же такой кладъ... платъ говорить заручинный,—парень потерялъ, какой, выпрашиваетъ это ее дѣвушка-то, платъ, да чей... Апанаскинъ, говорить... Грушка ему подарила... а онъ сказываютъ, его въ кабакъ... пропилъ, а другіе хлопцы быдто выкупили, а отъ нихъ быдто ужъ Яшка его откупилъ и далъ спрятать его, потому самъ гораздо по Грушкѣ горевалъ, какъ она съ Апанаской заручилась...

Апанаска говорилъ съ такимъ жаромъ и съ такимъ увлеченіемъ о подведенномъ подъ него ревностію Яшки подвохѣ, что у него пересохли горло и губы.

— Ну, дальше... кончайте скорѣе, поторонилъ Апанаску предѣдатель.

— Дальше, значить, какъ прозналъ я все тое, гдѣ мой платъ сохраняется, ну, думаю, дѣвушка тая вѣрно говорить, потому, первое поклялась мнѣ, только говорить, не выдавай, а второе самъ, себѣ думаю, такъ знать и есть, что Яшка для сохранности въ другую деревню платъ отдалъ... ну, а Фимка то ему, Яшкѣ сестра крестовая... такъ, думаю, и есть, надо, значить, платъ отъ нихъ выкрасть... потому тоже и отъ меня его скрали.

— Почему же вы у Фимки платка не попросили, перебилъ Апанаску одинъ изъ судей, она можетъ быть отдала бы его вамъ такъ, а то выкупили бы его у ней... вѣдь она же говорила, что этотъ платокъ для хлопца, который любитъ Грушку—кладъ.

— Ни въ жисть она мнѣ его не отдала бы и за деньги, отозвался Апанаска, изволите слышать, какъ эта самая Фимка на судѣ здѣсь молчить, запрается... говорить, что платокъ этотъ ейный, да окромя, она безъ Яшки не отдала бы мнѣ его, а Яшка ни въ жисть... горазъ ладилъ онъ меня съ Грушкой поссорить, да самому опосля на ней жениться... онъ за тотъ платъ ничего бы съ меня не взялъ, только чтобъ ему Грушку отъ меня отбить.

Дальнѣйшее показаніе Апанаски заключалось въ томъ, что, получивъ положительное удостовѣреніе, что заручина его сохраняется по просьбѣ Яшки у его крестовой сестры Фимки, дочери Тихона Хромоногаго, онъ рѣшился непременно выкрасть платокъ, и съ этою цѣлію трое сутокъ вылежалъ въ «дяди Тихона конопляхъ подлѣ евоинной кѣтки», чтобы выемотрѣть у нихъ «всякое расположеніе». Затѣмъ, выбравъ потемнѣе почку, онъ отправился на кражу, сломалъ замокъ у кѣтки, влѣзъ въ нее, отвернулъ замокъ у Фимкина сундука и сталъ розыскивать завѣтный платочекъ.

— Нашелъ я, значить, три платка, объяснилъ Апанаска, руки у меня заходили, ну, въ потемкахъ въ кѣтки не видать, который мой, чужаго, молъ, мнѣ

не надо, на что мнѣ всѣ три братья,—скажутъ, что я воръ, вотъ вышелъ я къ двери то, отворилъ, чтобы посмотрѣть освѣтлѣе, а на тотъ разъ—караульщики какъ на грѣхъ, прямо на нихъ наткнулся я, по улицѣ они идутъ, сразу они крикъ справили, схватили меня, а я со страстей то, чтобъ мой платъ отъ меня не отобрали, скорѣе ихъ въ карманъ всѣ три, ну, схватили меня, ты... говорятъ воръ, воръ... воровъ сдѣлали... въ тюрьму посадили... такъ то... а невиненъ я... только и виненъ я, что у дяди Тихона два замка сломалъ, ну да я ему откуплю ихъ... а я не ради кражи... платокъ мой, зачѣмъ они у меня его скрали, а мнѣ безъ Грушкина платка и къ вѣщу съ ней нельзя.

— Зачѣмъ же вы обо всемъ этомъ не заявили на предварительномъ слѣдствіи судебному слѣдователю, спросилъ председатель Апанаску, тогда дѣло можетъ быть получило бы другой оборотъ и вы не сидѣли бы въ тюрьмѣ.

— Да тюрьма что... извѣстно не хорошо... ну да стерпимъ... да какъ же тое все рассказать... не хотѣлъ Грушку я до правды доводить, что скрали у меня ейный платъ... ну думаю, скажу ей, какъ дѣло было, для чего я къ Фимкину сундуку прикоснителство имѣлъ... Грушка въ мысль возьметъ къ дурной примѣтѣ, что ейный подарокъ я не берегъ, а она дѣвка сумнительная, а мнѣ думаю, не повѣрятъ, все одно посадятъ, а тутъ Яшка зачнетъ ей про меня, что такой, молъ, Апанаска, платъ твой прошилъ... сообьетъ, думаю, се, все мое дѣло пропадетъ, съ того и порѣшилъ, буду, молъ, поколъ молчать... да вотъ только сегодня ужъ Грушкѣ то въ первой все рассказалъ.

На присяжныхъ чистосердечный рассказъ Апанаски произвелъ хорошее впечатаніе. Они, видимо, повѣрили ему вполне, и можно было безошибочно предсказать, что Апанаска выйдетъ изъ суда оправданнымъ.

Героическій поступокъ его заинтересовалъ всѣхъ; съ другой стороны дѣла всѣмъ хотѣлось скорѣе увидать героиню этого деревенскаго романа, и междуособія между столькими на нее претендентами, искавшими случая, какъ бы уничтожить одинъ другаго, чтобы заполучить въ свою пользу красавицу Грушу.

Опускаемъ показанія «батьковъ» Грушки и вотчина Апанаски. Сущность ихъ показаній свелась къ тому, что онъ паренъ такой, какихъ дай Богъ еще, а что тое дѣло... такъ онъ тутъ только за Грушкинъ платъ стоялъ... такъ онъ и долженъ былъ сдѣлать, вѣрой и правдой за заручину стоять, на все идти, когда онъ дѣвушку любить.

— Какой же онъ бы ей теперь женихъ былъ, говорила Грушкина мать, когда бы онъ свою обиду не зыскалъ, объясняла она, понимая подъ словомъ обиды ту исторію съ платкомъ, которую продѣлалъ съ нимъ Яшка.

— Онъ по закону, ваше благородіе, суды праведные, поступилъ, объяснялъ Грушкинъ отецъ, мы сами тоже молоды были... порядки эти знаемъ... Апанаска паренъ какъ есть, онъ, вишь, стерпѣлъ... а доднесъ Грушкѣ то хоть бы слово про платъ, что его украли у него, только... сегодня рассказалъ... жалѣлъ ее... чтобы тревоги не было.

Судъ вызвалъ свидѣльщицу, дѣвушку Агненью.

— Что вы знаете, свидѣтельница, расскажите по дѣлу, обратился къ ней предсѣдатель суда, васъ вызывалъ въ свое оправданіе подсудимый.....

Аксюша, стройная деревенская красавица плавно подошла къ судейскому столу, вскинула вскользь глаза на Апанаску и зардѣлась.

— Ну, что же вы знаете, рассказывайте?

— Знаемъ мы точно, что платокъ этотъ Грушинъ, отвѣчала она не смѣло.

— Какой платокъ?

— Да вотъ что Фима признается, что будто ее.

— А вы это откуда знаете?

— Сама я видала его у Груши... на заручинахъ ея была... пѣсни пѣла... подала она его Апанаскѣ на моихъ глазахъ.

— Ну-съ, хорошо, еще что?

— Еще то... и она словно сконфузилась, опустила глаза къ низу... и по-видимому соображала, что сказать ли ей это «что то» или нѣтъ.

— Ну говорите... что знаете, надо все говорить, обратился къ ней предсѣдатель суда.

— Этотъ Яшка... онъ самъ признавался мнѣ, какъ хлощевъ научилъ украсть у Апанаски платокъ, онъ мнѣ признавался, а я говорю ему: зачѣмъ ты такъ сдѣлалъ, а онъ мнѣ говорить, потому ты дура... душой обозвалъ, а не знаю за что, а это какъ Апанаску посадили въ тюрьму, такой онъ радъ сдѣлался, куда ему, говорить, дураку жениться, его говорить ужотка либо на Сибирь ушлютъ, либо въ дальнюю тюрьму угонять, еще какъ смѣялся то, воронъ то говорить, съ мѣста, это, вишь, что Апанаску то въ тюрьму, а соколь то на мѣсто, соколомъ онъ себя прозывалъ—и охоту имѣлъ на Грушкѣ жениться.

— Отчего же вы объ этомъ слѣдователю ничего не говорили, обратился къ дѣвухнѣ предсѣдатель суда.

— Да какъ же мнѣ было про него говорить, про него никто не скажетъ, онъ завсегда къ дѣвкамъ съ угощеніемъ, да окромѣ того гармонистъ, а намъ безъ гармониста нельзя никакъ, веселье ли гдѣ, али праздникъ, али засидки, али доситки, вездѣ гармонистъ у насъ первый человѣкъ, ты ему скажи что, али непотрафъ, онъ осерчаетъ, да еще осрамить, не буду, говорить, играть, покуль съ круга мою обидищу не выгоните, ну, извѣстно, другіе и гошить, иди, молъ вонъ, что-жь дѣлать, всѣмъ дескать изъ за тебя одной не пропадать, вотъ онъ какой—Яшка-то.

— Да вѣдь вотъ же теперь вы про него рассказываете правду?

— Теперь мое дѣло другое, мы заручину со старостинымъ сыномъ справили, теперь у меня своя заступа есть, проговорила краснѣя дѣвухка; теперь Яшка мнѣ слова не скажетъ, а сустрѣнется такъ еще поклонится, потому мой Ванька его въ порядкѣ держитъ, не смотритъ на него, что онъ гармонистъ, мы молъ сами въ Питерѣ живали, въ лучшемъ видѣ на гитарѣ играемъ.

— А еще сказывалъ Яшка, продолжала Аксютка, видимо разговорившись, сказывалъ онъ, что платъ въ такое мѣсто спрятать, гдѣ Апанаскѣ и догаду не будетъ, а я тоже прознала, что онъ его Фимкѣ отдалъ, стала ему говорить, что

ты, молъ, Грушку сушишь, Апанаску изъ-за тебя въ тюрьму посадили, пойду, сказываю ему, и расскажу волостному, какой ты есть, а онъ мнѣ грозить сталь: у тебя поги-то, говорить, еще цѣлы, али хочешь по козьи ходить, я тебѣ ихъ, говорить, перебью; ну я тѣ рѣчи бабушкѣ своей сказала, а она своей снохѣ старшой, а у той племянника въ тюрьму за штрапъ на отсидку посадили, такимъ манеромъ Апанаска про рѣчи мои прозналъ и просилъ, чтобъ я на суду на Яшку доказала, а дотоль, говорить пусть, Грушка ничего не вѣдаетъ. Вотъ таперь, какъ передъ Богомъ правду сказала, платокъ этотъ Грушкинъ, а Яшка... вотъ онъ какой... по козьи, говорить, будешь у меня ходить... а я таперь не боюсь его—нонѣ пусть самъ онъ съ оглядкой ходить... такъ-то.

Ажютка окончила свой рассказъ и взглянула на Апанаску. Послѣдній низко и почтительно ей поклонился. Дѣвушка даже сконфузилась отъ такой непривычной любезности парня.

Рассказъ ея подѣйствовалъ, наконецъ, и на упрямую Фимку. Она поднялась сп передней скамьи свидѣтелей, на которой сидѣла, и заявила суду, что спорный платокъ, дѣйствительно, принадлежитъ Апанаскѣ, что это его заручинный платокъ отъ Грушки, что Яшка отдалъ ей его спрятать, «да чтобъ молчала, и не болтала, а не то, знаешь, наши хода»...

— Ужоткось, таперя будетъ мнѣ отъ него, добавила она, гораздо онъ таперь на меня осерчаетъ.

— Про кого это вы говорите, спросилъ ее предсѣдатель.

— Да все про него же, про Яшку,—колоду онъ мнѣ сулилъ на шею... коли скажу... отвѣчала Фимка.

Наступилъ самый интересный моментъ дѣла. Судъ вызвалъ послѣднюю очередную свидѣтельницу—Грушку.

Она явилась въ засѣданіе чистенько и нарядно одѣтою, тихую, робкою поступью подошла къ судейскому столу долго и любовно посмотрѣла на Апанаску и зардѣлась. На глазахъ у ней блеснула слезинка, которую она быстро смахнула кисейнымъ рукавомъ своей рубашки. Грушка на всѣхъ произвела самое пріятное впечатлѣніе, а на лицѣ Апанаски, въ его положеніи арестанта, нельзя было не подмѣтить чувства гордости и самодовольства за свою красавицу Грушку, что вотъ, дескать, хотя я и отсидѣлъ, да ужъ по крайности знаю за кого... посидѣть стоило.

Грушка молча поклонилась суду, ожидая перваго вопроса, и когда предсѣдатель суда предложилъ ей рассказать все, что она знаетъ, то она, прежде всего взявъ въ руки платокъ, который лежалъ на столѣ, въ качествѣ вещественнаго доказательства, заявила, что это ея платокъ, и что не Апанаска ея воръ, а настоящій воръ Яшка.

— Безвинно онъ столько времени отсидѣлъ, господа присяжные, проговорила она, указывая на своего жениха, не по немъ эта одежда, бросила она вскользь глазами на его арестанскій армякъ, не по немъ кличка, что далъ ему Яшка...

— Отпустите, судьи праведные, Апанаску, заключила Грушка свою просьбу, слезами, низко поклонившись присяжнымъ.

Для полноты дѣла нужно было еще спросить и Яшку, онъ вызывался на судъ, но не явился, по показанію Грушки, оттого, что ему «таперь на Апанаску глядомъ не взглянуть,—какое онъ ему лиходѣйство сдѣлалъ».

Не долго совѣщались присяжные, удаленные въ свою комнату, и вынесли, конечно, Апанаскѣ, оправдательный приговоръ.

Когда послѣдняго судъ тутъ же освободилъ изъ подъ стражи, то онъ, выйдя изъ за рѣшетки, не стѣняясь ни судомъ, ни публикой, ни присяжными, поцѣловался съ Грушкой.

Этому порыву обрадовавшагося парня, никто не удивился.—онъ былъ совершенно естественъ.

Когда судъ по оправдательному вердикту присяжныхъ, прочиталъ Апанаскѣ приговоръ, освобождающій его отъ суда, то, казалось, что онъ обрадовался не столько оправданію, сколько возможности получить обратно Грушкинъ платокъ, но затѣмъ онъ крайне сконфузился, узнавъ, что сейчасъ этотъ платокъ ему не отдадутъ, а что получить его онъ можетъ только черезъ 2 недѣли, когда приговоръ суда войдетъ въ законную силу.

— Ужь вы, господа-начальники, обратился онъ съ низкимъ поклономъ къ судьямъ, ненарокомъ кому другому платъ-то не отдайте, я ужь самъ пріѣду за нимъ, а то Яшка,—онъ волкъ-человѣкъ... одно слово, онъ могитъ мнѣ еще фальшь подпустить,—за мѣсто меня объявиться...

Судъ успокоилъ Апанаску, что никому другому платка онъ не отдастъ, и что онъ можетъ за нимъ пріѣзжать самъ.

— Счастливо оставаться, откланялся Апанаска.

— Спасибо вамъ, поклонилась присяжнымъ Грушка, и оба они довольные и счастливые вышли изъ суда, съ грустію посматривая только на то, какъ судебный приставъ торопливо запечатывалъ въ бумагу ихъ «заручинную святыню».

— Вотъ, сказываютъ, поиѣ на деревнѣ народъ просто живетъ, говорилъ одинъ мужичекъ присяжный, выходя вмѣстѣ съ другими изъ залы суда, какой онъ простой народъ, нѣтъ, поиѣ братъ и на деревнѣ народъ всякій порядокъ знаетъ, какъ кому какое лихо подвести; ишь, придумали на парня какое дѣло... чпсто въ грѣхъ его вклепали,—подиткость—съ другимъ судомъ, ну хоша бы у насъ на волости, никогда бы такъ не разобрали, сказали бы прямо—виновать, зачѣмъ, молъ, въ чужой сундукъ залѣзъ, самый, молъ, тотъ воръ, кто замки поломалъ, а вотъ на тое мѣсто, на поиѣннемъ-то суду, воръ—воромъ не вышелъ, а человѣкомъ...

— Умудрились люди... до суда праведнаго... закончилъ онъ, набожно крестясь.

А Апанаска съ Грушкой были уже далеко.

Вотчимъ Апанаски отдалъ ему свою пару лошадокъ съ телѣжкой, на которой пріѣхалъ въ городъ. Усадилъ на нихъ Апанаска, свою Грушку, крѣпко прижалъ къ себѣ свою зазпобу, и понесся домой вихремъ, бокомъ о бокомъ съ Грушкой, разбирая и у себя на умѣ, что вотъ, молъ, у насъ какой судъ праведный: не виновать былъ—правъ и остался...

Дружно уносили впередъ сытые лошадки молодую парочку, крѣпче и ближе

прижималась къ своему Апанаскѣ счастливая теперь Грушка, о прошедшихъ тяжелыхъ дняхъ у нихъ и помину не было, словно какъ они совсѣмъ для нихъ и не существовали...

IX.

Проклятіе.

Изъ отдаленнаго уголка одной изъ нашихъ восточныхъ губерній пишутъ намъ слѣдующее.

«Населеніе нашей мѣстности вообще, а нашего села въ особенности, отличается чрезмѣрною мнительностію и суевѣріемъ. При каждомъ случаѣ въ жизни, когда на чью либо долю выпадаетъ какое либо особенное или почему либо выдающееся обстоятельство, населеніе наше состоящее, въ большинствѣ изъ неграмотныхъ крестьянъ, старается въ каждомъ подобномъ случаѣ непременно угадать или предусмотрѣть какое либо кабалистическое значеніе и смыслъ, предсказаніе въ своемъ будущемъ, тотъ или другой иносказательный отвѣтъ или возмездіе судьбы, добраго или злаго смысла, за какой либо хорошей или дурной поступокъ.

Съ такой точки зрѣнія они смотрятъ иногда на самыя обыденныя явленія, и вслѣдствіе этого между ними чрезвычайно какъ распространены ложные страхи, ложныя опасенія и увѣренность, что всякое несчастіе съ человѣкомъ, есть непременно возмездіе, за какое либо содѣянное имъ зло.

Укажу вамъ на такой случай, имѣющій отношеніе къ дѣятельности присяжныхъ.

Изъ нашего села двое крестьянъ вызваны были въ уѣздный городъ на судъ въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей. Сессія эта была небольшая и каждому изъ нихъ пришлось попасть въ составъ присутствія присяжныхъ раза по два — небольше.

На обратномъ пути домой, оба эти крестьянина ѣхали верхами; дѣло было весною во время начавшагося уже половодья, и, при переѣздѣ черезъ рѣку, подъ однимъ изъ нихъ проломился ледъ — и онъ провалился съ лошадыю въ воду. Последняя, обламывая ледъ, добилась до берега и не утонула, а мужичекъ такъ и не былъ отысканъ.

По поводу его смерти при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ на селѣ сейчасъ же возникли цѣлыя разговоры. Кто говорилъ, что Богъ наказалъ этого мужика за то, что онъ «не по правдѣ, знать, судилъ», кто говорилъ, что онъ идучи на судъ — на важное дѣло, Бога забылъ, молебну, сперва не отслужилъ, пные находили, что, знать онъ согрѣшилъ, горазъ строгость свою, можетъ, надъ кѣмъ показалъ, и, наконецъ, нѣкоторые, придавая смерти этого присяжнаго крестьянина, болѣе общій характеръ и значеніе кары Божіей на все село за какойнибудь грѣхъ, выражали убѣжденіе, что на такой смерти, «невзначайной» однимъ не кончится, а непременно объявится гнѣвъ Божій на комъ на другомъ, а не то и на третьемъ.

На первомъ же сходѣ послѣ этого случая, старики крестьяне, чтобы какънибудь отвратить отъ себя кару Божію за своихъ сельчанъ-присяжныхъ, если-только они въ чемъ на судѣ погрѣшили, призвали оставшагося въ живыхъ то

варища утонувшаго и стали его спрашивать.—какъ, да что тамъ у нихъ на суду было, какъ они дѣла разбирали, и не мѣкаетъ ли онъ «какъ ему, Ивану Петровичу отъ Бога тое дадено утонуть за какой грѣхъ али за какую вину».

На сходку, въ виду ея предстоящаго интереса, а отчасти и кабалистическаго значенія, собралось чуть не все село, нашло много бабъ старыхъ, молодыхъ, дѣвушекъ, дѣтей и, между прочимъ, явилась издавна живущая въ селѣ старуха Степанидиха, пользовавшаяся въ нѣкоторыхъ случаяхъ репутаціею предсказательницы или прорицательницы будущаго.

Крестьянинъ-присяжный, бывшій на сессіи, котораго назовемъ хотя Трофимовымъ, подробно разсказалъ на сходѣ содержаніе тѣхъ двухъ дѣлъ, по которымъ умершій товарищъ его высказался за обвиненіе, при чемъ въ первомъ случаѣ обвиненъ былъ какой-то заправскій воръ, а во второмъ солдатка за удушеніе своего незаконно-рожденнаго ребенка.

Когда Трофимовъ окончилъ свой разсказъ, то Степанидиха—старуха раскольница безбрачнаго толка, выступивъ впередъ и обращаясь къ нему съ видомъ упрека, начала громогласно высказывать, что Иванъ Петровичъ утонуть отъ Бога за то, что не по евангельскому правилу осудилъ безмужницу.

— Грѣхъ, тяжкій грѣхъ, на себя взялъ онъ, говорила она громко въ толпѣ крестьянъ, постукивая объ землю своимъ костылемъ, что осудилъ безмужницу, ей тоже грѣхъ, что она невинную дѣтскую кровь пролила, неслѣдь было ей такъ дѣлать, родила,—ну, и майся, да она мало въ томъ виновата, грѣхъ не ее одинъ, виновать больше тотъ, кто ей прижилъ да бросилъ, вотъ его судить а не ее; перстъ Господень, на судействѣ неправедномъ покаралъ Петровича. Покаялась блудница—стеригла отъ стыда—вотъ ей наказаніе, ну и не суди ее больше.

Такая рѣзкая укоризна, крайне возмутила Трофимова въ лицѣ какъ своею, такъ и утонувшаго своего товарища; онъ сталъ было возражать старухѣ, что никакого грѣха товарищъ его передъ Богомъ на душу не бралъ, что воръ былъ настоящій, сущій воръ, а другая распутная, и что, по присягѣ судейской, ихъ обоихъ слѣдовало осудить.

— А отчего воръ на крадежъ пошелъ?.. Не воровъ онъ родился, бѣднота, знать его, одолѣла, кричала старуха, ты богатъ, а онъ можетъ съ бѣдности да съ голоду пошелъ... Отчего женка тая сблудила,—можетъ отъ такого же хлопца, какъ и ваши,—смотреть только, гдѣ бы дѣвушку тронуть. Бога вы помнить должны, своихъ грѣховъ себѣ не прощайте, а на людскіе милостиво смотрите... чему Господь то научаетъ, — милостивцами быть; ты небось тоже судилъ, строгости свои показывалъ, много... засудилъ-то? обратилась она съ укоризной къ Трофимову.

— Чтожъ судилъ, такъ и судилъ по присягѣ,—извѣстно засудилъ, кого надо, на то и судъ... сами за себя отвѣтимъ, тебя не спросимъ ишь выискалась.

— Осудилъ, ну такъ и тебя Богъ осудить, кричала уже старуха, что ты меня коришь да прекаешь, на себя погляди, ты думаешь, тебѣ пройдетъ, нѣтъ Ванька потопъ, а ты той разъ мимо прошелъ, — погоди покарать, можетъ, и тебя сила небесная, на тебя, а въ дѣтей твоихъ гнѣвъ Господень обрушится. Суди, да судомъ милостивъ будь, а не бахвалься, что судилъ да засудилъ.

— Колдунья ты старая, языкъ твой отсохни, проговорилъ къ старухѣ вышедшій изъ себя Трофимовъ, смутившійся, однакоже, отъ ея зловѣщихъ предсказаній, къ которымъ, какъ мѣстный житель, относился не безъ затаеннаго страха.

— Колдунья... нѣтъ, я не колдунья, я въ Бога вѣрую, погоди, время придетъ, можетъ, скажется на тебѣ, праведно ты судилъ али нѣтъ.

— Да чтобъ тебѣ, проклятой, онѣмѣть, что ты мнѣ пророчишь—то все, гнѣвно закричалъ на старуху Трофимовъ, выведенный ею изъ терпѣнія.

— Клянешь меня, злобно проговорила старуха, — ну, самъ будь проклять.

Проговоривъ эти слова, она молча повернулась и заковыляла къ себѣ домой.

Сцена между Степанидихой и Трофимовымъ удручающимъ образомъ подѣйствовала на сходъ, молча стали всѣ расходиться подъ тяжелымъ предчувствіемъ зла отъ какихъ-то смутныхъ предсказаній старухи, которую на селѣ считали не то за колдунью, не то за «болѣзную душу», которая «всякимъ чужимъ горемъ убивалась». Женщины, расходясь по домамъ, крестилась, мужчины смущенными группами объ чемъ то разсуждали, изрѣдка кое кто взглядывалъ въ слѣдъ за удалявшейся на край села, въ свою избу, старухѣ.

— Заклялась старая не къ добру, проговорилъ одинъ старикъ, набожно крестясь, быть бѣдѣ, Степанидиха не даромъ на сходъ пришла.

Прошли одни только сутки, а на другой день въ ночь, все село было дѣйствительно подавлено страшнымъ происшествіемъ, случившимся въ избѣ несчастнаго Трофимова. Шальной, бѣшеный волякъ, неизвѣстно откуда взявшійся, ворвался среди ночи чрезъ окно въ избу Трофимова, заѣлъ до смерти его семилѣтнюю дочь и искусалъ его самого.

Ужасъ объялъ всѣхъ его односельцевъ при мысли, что пророческія предсказанія старухи сбылись, а она, торжествующая, молча пришла только къ избѣ Трофимова, посмотрѣла внутрь и, также молча среди подавленныхъ ужасомъ своихъ односельцевъ, повернула назадъ и заковыляла съ своимъ костылемъ домой.

Случай этотъ на селѣ имѣлъ огромныя послѣдствія и, не говоря уже о томъ, что мистическіе взгляды мѣстныхъ крестьянъ окрѣпли и значительно увеличились, что старуха Степанидиха приобрѣла на селѣ для себя чуть не пророческую репутацію, мѣстные крестьяне съ обязанностію присяжнаго засѣдателя стали связывать понятіе о такомъ долгѣ который недоступенъ для простаго ума.

Теперь крестьяне этого села, при выпадающей на долю кого-либо изъ нихъ обязанности явиться въ судъ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, всѣми силами стараются уклониться отъ этого, изъ боязни, какъ бы не подвергнуть и себя тѣмъ же послѣдствіямъ въ жизни, которыя выпали на долю ихъ односельцевъ, Петрова и Трофимова.

И, въ самомъ дѣлѣ, не странными ли совпаденіями обстоятельствъ представляются оба случая, выше нами описанные. Нужно же, въ самомъ дѣлѣ, было, чтобы Петровъ и Трофимовъ оба покончили свою земную жизнь при столь исключительныхъ обстоятельствахъ, и послѣ того, когда оба они, только что выполнили обязанности присяжныхъ засѣдателей.

А тутъ еще баба Степанидиха... не то колдунья, не то «болѣзная душа» не то... «смерти отгадница», какъ ее потомъ прозвали односельцы ея...

Судь—дѣло Божье, говорятъ мужички... съ неразумной головой — грѣхъ на судъ идти... не разсудишь умомъ—грѣхъ на себя лишній наложишь... ну, и Богъ нимъ,—съ судовствомъ-то... разсуждаютъ крестьяне этого села, и всячески избѣгаютъ обязанностей присяжныхъ».

Х.

У м а л и ш е н н а я .

Прекраснымъ лѣтнимъ вечеромъ пріѣхалъ я на почтовыхъ въ большое село Перебоево.

— Будете ночевать, сударь, здѣсь, али нѣтъ, обратился ко мнѣ ямщикъ на въѣздѣ.

— А что, спросилъ я его.

— Да такъ вашей милости присоветую, перегонъ-то съ этой станціи большой, на ту станцію пріѣдете поздно, лошади-то здѣсь похуже нашихъ, не скоро доѣдете, до и, на счетъ переночевки, станція эта за первый сортъ: комнаты господскія, чистыя, во всякомъ порядкѣ всегда содержатся, а покушать,—господскаго харча всегда есть у смотрителя, и самоваръ у него подадутъ, одно слово, какъ слѣдуетъ улагодотворять, всегда тутъ господа проѣзжіе останавливаются, объяснялъ мнѣ ямщикъ.

Послѣ цѣлодневной тряски на перекладныхъ, я былъ далеко не прочь заночевать и отдохнуть, тѣмъ болѣе, что невыносимая жара, пыль и овода меня крайне утомили, а потому я не могъ не поддаться великому соблазну,—воспользоваться гостепріимнымъ кровомъ Перебоевской станціи, и безъ всякихъ колебаній сдался на предложеніе ямщика.

— Ну, катая къ станціи, проговорилъ я ему.

Ямщикъ передернулъ возжами, лошади на послѣдяхъ дернули крушной рысью, и минуты черезъ три, перекативъ съ грохотомъ черезъ боковой шоссейный мостокъ, я остановился у зданія почтовой станціи.

На крылечкѣ, по обыкновенію, встрѣтилъ меня смотритель, и, освѣдомившись, что я располагаю ночевать въ Перебоевѣ, оказался въ высшей степени пріятливымъ и любезнымъ. Мигомъ три, четыре ямщика, повытаскали мой небольшой багажъ въ одну изъ пассажирскихъ комнатъ, въ которую прежде, нежели я успѣлъ осмотрѣться, дорожная сунурага смотрителя съ двумя здоровыми батрачками, втащила огромную перишу, нѣсколько подушекъ, и очевидно, чтобы закрѣпить меня въ моемъ намѣреніи остаться на ночлегъ, соорудила мнѣ немедленно логовище для спанья, хотя время было еще не болѣе 8 часовъ вечера.

— Самоварчикъ, господишь, прикажете, или покушать чего,—можно яичекъ подать, молочка можетъ угодно, и горячаго подадимъ щей или супцу, курочка есть отварная, очень хорошо тоже покушать можно, обратилась ко мнѣ смотрительница.

Я попросилъ ее прежде всего приказать подать мнѣ самоваръ, а потомъ чего нибудь поѣсть, чтобы было вкусно и сытно.

Хозяйка осталась вполне довольна моимъ отвѣтомъ и вышла хлопотать, а я, въ ожиданіи самовара, отворивъ одно изъ оконъ своего временнаго обиталища,

выходящих на большую дорогу, расположился около него, и сталъ отъ нечего дѣлать наблюдать, что творится на улицѣ.

Картина, представившаяся мнѣ глазамъ, была однако же самая ординарная, ничего интереснаго не представляла и я, уставившись безцѣльно въ разстилающуюся передъ моими глазами вдоль шоссе, цѣлую перспективу крестьянскихъ домиковъ, сталъ было уже отъ усталости впадать въ дремоту, какъ вдругъ вниманіе мое обратила какая-то женская фигура, въ какомъ-то фантастическомъ костюмѣ, быстро направлявшаяся ко мнѣ съ самой середины шоссе.

Я сталъ пристально всматриваться въ эту женщину. Ея торопливая походка, какія-то конвульсивныя движенія руками, судорожныя подергиванія головы и вообще вся фигура ея, изобличали въ ней какую-то ненормальность ея положенія. А по мѣрѣ того, какъ она приближалась ко мнѣ, то скорымъ шагомъ, то въ припрыжку, я сталъ различать на ея лицѣ такую мимическую игру, такія ужимки, что не усомнился уже въ томъ, что ко мнѣ подходила женщина, если не вполне умалишенная, то не со здравымъ вполне разумомъ.

Недоходя до меня сажени за четыре, эта загадочная женщина остановилась и пристально стала въ меня всматриваться, такъ что мнѣ сдѣлалось неловко отъ этихъ взглядовъ ея.

Я сдѣлалъ шагъ въ бокъ, чтобы скрыть свое лицо отъ незнакомки, тогда она подвинулась вправо и снова вперила въ меня свои живые подвижные глаза.

— Что тебѣ, матушка, нужно, скажи ты кто такая, спросилъ я ее, интересуясь во всякомъ случаѣ узнать, что это за личность.

— А ты кто, спросила она меня, сдѣлавъ впередъ нѣсколько шаговъ.

— Я проѣзжій.

— Проѣзжій... всѣ проѣзжіе... и я проѣзжая... и мой мужъ былъ проѣзжій заговорила она нервнымъ порывистымъ голосомъ... онъ теперь... далеко уѣхалъ... его присяжные... отправили... далеко... далеко... бормотала она и все пристальнѣе и пристальнѣе вглядывалась въ мое лицо, точно будто бы припоминала его...

Мнѣ сдѣлалось опять неловко отъ этихъ живыхъ, но невыносимыхъ глазъ женщины, несомнѣнно уже умалишенной.

— Ты... не проѣзжій... нѣтъ... ты присяжный... ты господишь присяжный старшина... вотъ ты... заговорила она вдругъ такъ часто, что я съ трудомъ успѣвалъ ловить ея слова, ты присяжный... ну... какой твой голосъ... господишь... ты не виноватъ... а онъ, говоритъ, виноватъ Максимъ Андроновъ... виноватъ... чтожъ дѣлать, такъ господа... присяжные осудили... Максимъ Андроновичъ... прощай...

Вмѣстѣ съ послѣднимъ словомъ, женщина эта подобрала полы своего балахона, который спереди на шеѣ былъ завязанъ у нея веревочкой, и кривляя свою фizioномію, стала отъ меня удаляться, бормоча какіе то несвязныя слова.

— Что, сударь, изволили видѣть... оглашенною совѣтъ стала, проговорилъ какой-то ящикъ, подходя къ моему окну со двора, и ткнуть при этомъ кнутомъ въ пространство—по направленію къ уходящей.

— Да кто она такая, спросилъ я его?

— Она то, бывшаго писаря нашей волости, жена... Машей ее зовутъ.

— Что же она сумасшедшая?

— Тронувши, горазъ тронувши.

— Отчего же она съ ума сошла?

— Отъ мужа... мужа горазъ любила, пу и свихнулась.

— А онъ то самъ гдѣ?

— Мужъ то, его сослали, судомъ присяжныхъ въ губерніи судили, приговорили на Сибирь.

Въ это время съ надворья подошелъ ко мнѣ смотритель станціи и любезно раскланялся со мной.

— Изволите наше село оглядывать... ровно да гладко... а больше то ничего, отозвался онъ иронически.

— Машу сейчасъ смотрѣли они... къ имъ подходила... Максима Андроновича поминала, проговорилъ ямщикъ.

— А нашу болѣзную то... да, жалкая бѣдная женщина... совсѣмъ съ ума сошла, что дальше, то хуже... знать такъ ужъ и помирать ей придется, не въ своемъ разсудкѣ, обратился ко мнѣ смотритель.

Меня заинтересовала эта несчастная Маша, и потому, пользуясь свободнымъ временемъ, а также видя изъ обращеній со мной смотрителя, что онъ скуки ради, тоже не прочь покаякать съ заѣзжимъ человѣкомъ, я пригласилъ его для компаніи выпить со мною чаю.

Онъ остался очень доволенъ моею любезностію, отправился подгонять свою прислугу и воротившись объявилъ, что не угодно ли мнѣ будетъ чайку попить на дворѣ.

— Въ комнатѣ то, душно за самоваромъ, да за чаемъ и не такъ въ охотку китайскій пьется, какъ на вольномъ воздухѣ... не въ примѣръ лучше, у насъ тутъ подъ деревцами и приспособлено ужъ на это дѣло, отозвался онъ.

Минуть черезъ десять, подъ большими старинными липами, съ правой стороны станціоннаго крыльа, былъ уже готовъ самоваръ. Услужливая хозяйка нанесла туда булокъ, яицъ, творогу, масла «цыпочку», какъ она выразилась, и разной другой деревенской снѣди.

Я отправился чаепитничать, пригласивъ съ собой смотрителя.

Не успѣли мы еще уѣсться, какъ съ противоположнаго конца села, бѣжала уже къ намъ таже Маша.

Сгорбившись какъ то, выдвигая впередъ правую половину тѣла, отмахивая безпрестанно назадъ руками взъерошенные и сбившіяся на головѣ волосы, она производила и издавала непріятное впечатлѣніе.

— Вотъ и она тутъ, проговорилъ смотритель, наша гостья, указывая на Машу... кто бы ни пріѣхалъ, она всегда провѣдаетъ.

Маша быстро подбѣжала къ намъ, и на этотъ разъ видя, вѣроятно, около меня знакомое ей лице смотрителя, рѣшилась подойти поближе къ самому столу, и приблизившись сзади къ стулу, на которомъ сидѣлъ смотритель, заглянула ему въ лице и оскабилась.

На этотъ разъ я имѣлъ возможность осмотрѣть ее близко и хорошо.

Маша была молодая еще женщина, лѣтъ 28, но наружность ея была отталкивающая можетъ быть отъ того, что она выглядывала очень неопрятной. Кромѣ того, неприятное впечатлѣніе въ ней производила, ея всеобщая худоба. Она выглядывала скелетомъ, обтянутымъ кожей, отчего лице ея въ особенности поражало, такъ сказать, своею угловатостью. Лобъ въ вискахъ казался у ней, какъ то необыкновенно широкимъ, вмѣсто щекъ были ямы, глазныя орбиты выдѣлялись какими то темными впадинами, изъ которыхъ выглядывали тусклые, секундами оживлявшіеся только глаза. Носъ ея походилъ на носъ покойника, умершаго послѣ тяжелой болѣзни. Онъ былъ худъ, тонокъ и остроконаченъ, точно также, какъ и подбородокъ. Но за то, что поражало въ этой умалишенной своею красотой, такъ это ея губы и волосы. Когда она случайно раскрывала ротъ, то худоба ея губъ обнаруживала два ряда, дѣйствительно, безукоризненныхъ бѣлыхъ, словно артистически выточенныхъ зубовъ, которыми съ умалишенной, вѣроятно, была бы не прочь подѣлиться, дозой своего разсудка, любая велико-свѣтская женщина.

Не менѣе прекрасны были когда то и волоса Маши, но теперь они были въ безпорядкѣ сбиты въ какія то войлокообразныя массы, которыя густыми косяками напоззали на лице ея со всѣхъ сторонъ, и она безпрестанно откидывала ихъ рукою назадъ. Подъ хорошимъ гребнемъ, надлежащимъ образомъ убранные и расчесанные, и эти черные, какъ смоль, волоса, невообразимой густоты, длинные до талии, тоже могли бы составить рѣдкое украшеніе любой изящной головки женщины.

Голова Маши была прикрыта какимъ то платкомъ, завязаннымъ на глухо подъ подбородкомъ, но онъ скользилъ по волосамъ, съѣзжалъ на затылокъ, а надѣть его снова на голову и перевязать, у нея не хватало умѣнья.

Весь остальной костюмъ ея состоялъ изъ какого то грязнаго балахона, въ родѣ капога, который у ворота былъ завязанъ веревочкою, а по талии поясомъ. На ногахъ Маши надѣты были старые чулки и стоптанные башмаки, а изъ подъ балахона видѣлись еще не особенной чистоты рубашка и полотняная юбка. Полы на балахонѣ были обшмыганы, и грязью своею не выдѣлялись отъ земли. Маца безпрестанно поднимала одну изъ полъ и, уже не знаю почему, отирала ею глаза свои. Безобразно худыя и длинныя руки, болтавшіяся въ широкихъ рукавахъ ея хитопла, довершали ея жалкую и вмѣстѣ съ тѣмъ отталкивающую фигуру.

Минуты двѣ она простояла неподвижно за стуломъ смотрителя, и, наконецъ, слегка дотронулась до него рукою.

Онъ обернулся.

Маша вопросительно указала на меня рукою.

— Это присяжный засѣдатель на судъ ѣдетъ... нарочно сказалъ смотритель.

Маша замотала головой и замахала руками.

— Присяжный... на что... ему теперь... поздно... Максима Андроновича... ужъ осудили... опоздалъ... опоздалъ... заговорила она речитативомъ... и остановилась вдругъ пристально на стоявшихъ на столѣ кушаньяхъ.

— Кто это Максимъ Андроновичъ, спросилъ я смотрителя.

— А это мужъ ея и есть, котораго осудили въ каторжныя работы на 8 лѣтъ.

— За что?

— Да дѣло было тутъ, въ нашей же волости, отсюда верстъ пять другое село... Вирючево, тамъ ея мужъ былъ волостнымъ писаремъ.

При словѣ Вирючево, Маша засмѣялась, обнаруживъ свои ослѣпительной бѣлизны зубы, и потянулась слегка рукой къ столу.

Я догадался, что ей хочется ѣсть, и подаль ей булку и пару яицъ. Булку она взяла, а отъ яицъ отказалась. Пристально посмотрѣла она на меня, и на секунду въ глазахъ ея сверкнулъ сознательный взглядъ благодарности.

— А что чаю ей можно дать, она съумѣетъ обойтись съ горячимъ, обратился я къ смотрителю, наливая наши стаканы.

— Можно, она на этотъ счетъ осторожна, отвѣтилъ смотритель.

Я налилъ чаю и ей въ большую бѣлую кружку изъ подъ молока, положилъ туда сахару и подаль ее Машѣ.

Она быстро схватила ее въ руки, и такъ же быстро отойдя отъ стола, расположилась отъ насъ шагахъ въ двадцати на землѣ, около ствола одной изъ липъ.

— Несчастная, проговорилъ смотритель, глядя на нее съ сожалѣніемъ... теперь и кружкѣ чая рада, а жила когда то въ достаткѣ да въ довольствѣ... матушка жизнь, что дѣлаетъ... какъ людей переворачиваетъ... проговорилъ онъ.

Мнѣ хотѣлось поскорѣе ознакомиться съ личностью Маши и ея печальною участію. Пользуясь словоохотливостью смотрителя, я попросилъ его рассказать мнѣ ея исторію, и онъ передалъ мнѣ, дѣйствительно, одну изъ потрясающихъ житейскихъ драмъ.

— Машей, зовемъ мы ее всѣ здѣсь на селѣ, началъ онъ свой рассказъ, а настоящее то ея имя польское Казимира Викентьевна по отцу, а по мужу Петропавловская. Мужъ то ея, Максимъ Андроновичъ, служилъ гдѣ то въ прикащикахъ, въ западныхъ губерніяхъ, тамъ женился на ней. Она изъ бѣднаго дворянскаго рода, осталась тамъ сиротой, жила гдѣ то въ услуженіи, онъ и женился на ней по семнадцатому году ея жизни, хороша была ужъ очень она. Вы не смотрите теперь на нее, теперь что, побрезгаешь на нее взглянуть, а была она красавицей, да и только. Глаза то у ней съ ума всѣхъ сводили. На моихъ глазахъ помню я еще ее, перевелся къ намъ Максимъ Андроновичъ, въ нашу волость писаремъ, надоѣло ему по господамъ служить, ну, пріѣхалъ къ намъ, теперь восемь лѣтъ тому назадъ, было ей тогда съ небольшимъ двадцать лѣтъ, такъ первую красавицей она у насъ была, вѣрьте, всѣ на нее заглядывались, не чета теперешней Машѣ.

— Что же такое случилось въ ихъ жизни, любилъ ее мужъ-то, перебилъ я смотрителя.

— Любилъ, сударь, какъ любилъ-то, изъ за этой любви самъ въ каторгу

пошелъ и ее несчастною оставилъ. Да дѣло-то вышло ошибкой, приревновалъ онъ ее, да неправильно, самъ ошибся, и не виноватаго убилъ. Изволите видѣть, какъ это все произошло-то промежъ нихъ, продолжалъ смотритель. Самый этотъ, Максимъ Андроновичъ, здѣсь въ Бирючевѣ былъ, помѣстившись волостнымъ писаремъ. Молодой еще онъ къ намъ пріѣхалъ, лѣтъ такъ подъ двадцать пять было ему, а ей двадцать съ небольшимъ, ну, однимъ словомъ, пара ихъ по всему, и любили они другъ дружку, и жили ладно, только на второй годъ поставили въ нашу волость артиллерію, и у насъ, въ Перебоевѣ, квартировала батарея одна. Только былъ въ этой батарее молодой офицерикъ одинъ изъ поляковъ, Брониславомъ его звали, забылъ ужъ фамилію-то его. Ну, а Максимъ Андроновичъ, хотя и былъ по должности только писаремъ, однакоже званіе дворянское за нимъ было, и достатки кое-какіе имѣлъ, господа не чурались его, заходили къ нему, бывали; а тутъ, понятно, и всякій къ нему шелъ, искалъ случая компанію съ нимъ завести—жонка у него была заглядѣнье, ну, а молодежь, офицерство, знаете, пріударить за хвостикомъ любить. Такъ и этотъ Брониславъ захаживалъ къ нимъ, ну, какъ потомъ оказалось, Маша-то, т. е. Казимира Викентьевна и съ нимъ, какъ и съ другими была любезна и весела и посмѣяться любила ну, и только, а чтобы на счетъ чего-нибудь серьезнаго, Боже избави и никто и не подумалъ бы про нее этого, потому что мужа своего очень любила.

На этихъ словахъ смотрителя, Маша тихохонька подошла къ намъ, и, поставивъ на столъ свою кружку, стала вслушиваться въ рассказъ его, и отъ меня не ускользнуло, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ ловила она его рѣчь. Когда онъ произнесъ ея настоящее имя, она опустила глаза къ низу, точно соображала что-то, при имени Брониславъ вздрогнула и вся выпрямилась, а когда раза два при ней было повторено имя ея мужа, то она забѣжала за дерево, и, нагнувшись тамъ, стала что-то дѣлать.

— Плачешь... вѣдь, вотъ разсудка нѣтъ... а понимаетъ... жалѣть мужа, какъ про него заговоришь при ней, отозвался ко мнѣ шепотомъ смотритель.

И, въ самомъ дѣлѣ, Маша понимала нашъ разговоръ.

Тяжело должно быть положеніе несчастной умалишенной, смутно отдающейея иногда воспоминаніямъ о своемъ прошломъ, потерянномъ счастіи.

— Скажите пожалуйста, обратился я къ смотрителю, чтобы завязать прерванный рассказъ его, за что же мужъ ея убилъ этого Бронислава.

— Подшутить захотѣли, сударь, надъ нимъ товарищи, да и устроили шутку, написали ему будто со стороны, письмо, чтобы онъ присматривалъ за полячкомъ, а то онъ-де ужъ очень близко къ молодой супругѣ пристроился. Ну, получилъ Максимъ Андроновичъ это письмо, а горячъ онъ былъ, помутился разсудокъ у него, задумалъ поймать жену, уѣхалъ разъ съ вечера, будто на волость, а самъ сумерками поздно домой, а на тотъ вечеръ, какъ на грѣхъ, этого самого Бронислава и принеси нелегкая. Только Максимъ Андроновичъ тишкомъ въ садъ пробрался, да изъ за кустовъ въ окно, а въ это время Брониславъ-то, собираясь уходить, возьми, да въ ручку Машу-то и поцѣлуй, ну помутило у Андронича очи

сейчасъ онъ за дверь припрятался, только что офицеръ на порогъ, а онъ его изъ пистолета, да на мѣстѣ и положилъ.

А Маша опять была уже около насъ, снова слушала разсказъ зрителя и при послѣднихъ словахъ его, очевидно припомнивъ этотъ страшный моментъ въ ея жизни, какъ-то неистово вскрикнула, и, подобравъ полы своего хитона, быстро понеслась отъ насъ прочь.

— Мучится, сударь, бѣдная... проговорилъ зритель... временемъ проходить, все понимаетъ... плачется... а смерти Богъ не даетъ... вотъ ужъ пять лѣтъ,—а все она въ одномъ положеніи.

— Что же, судили, потомъ писаря, спросилъ я.

— Какъ же, судили съ присяжными, въ нашемъ окружномъ разбиралось дѣло, ну признали его виновнымъ въ убійствѣ, въ каторгу осудили, вотъ съ того времени и приключилось это съ ней, какъ услышала она такое рѣшеніе, въ безпамятство впала, три недѣли безъ чувствъ была, какъ деревянная, а потомъ въ себя пришла, да ужъ безумницей вотъ такъ и осталась.

— Что же его такъ строго осудили-то, перебилъ я зрителя.

— Потому строго, сударь, что присяжные этого молодого Бронислава во вниманіе взяли: что совѣмъ онъ былъ еще молодой мальчикъ, ну и вины никакой на немъ противу его жены не оказалось, а такъ онъ зря человѣка, какъ собаку убилъ, не разобравши путемъ. Сама-то, Казимира Викентьевна это Маша-то, тогда ужъ маленько съ горя тронулась, потому, конечно, болѣзно ей было, что изъ за нее неповинно мужъ ея кровь пролилъ, да ее безвинную подозрѣніями замаралъ, а пуще того съ того раза заскучала она, что мужа ея осудили, а любила его; ну, а какъ дернули его въ каторгу, ей и вышло тутъ-же изъ ума рѣшеніе. Вотъ съ тѣхъ поръ она и мыкается по свѣту.

— Что же неужели у ней пріюта нѣтъ, спросилъ я его.

— Сначала было ее въ больницу помѣстили, вещишки все, кое какія у ней да у мужа были, продали ну, годъ полечили; ну, а потомъ денегъ не стало, обратили ее сюда назадъ, гдѣ жила, сначала было общество запротивилось, ну, а потомъ порѣшили на сходѣ, пусть дескать живетъ при насъ, для мужа ея сдѣлали это больше, потому былъ онъ для всѣхъ хорошій человѣкъ, любили его, ну, и къ тому изъ Сибири письмо на общество прислалъ, чтобы пріютили его жену у себя, старики и согласились.

— Такъ она здѣсь и живетъ всегда.

— Тутъ у насъ и лѣто и зиму, жалбуютъ ее всѣ, кормятъ даромъ; куда придетъ, всякій ее пріютитъ; ну, да она лѣтомъ больше все на улицѣ, а то въ поле уйдетъ, къ рѣчкѣ часто ходитъ, сядетъ на кочку и сидитъ, долго сидитъ. Думаешь... она почти совѣмъ нѣтъ... ночью все больше ходитъ; ну, а по зимамъ въ очередную по избамъ ее пускаютъ, гдѣ недѣлю проживетъ—тамъ ее кормятъ, обмываютъ, одежку починяютъ,—и въ другую избу, да такъ до лѣта, а лѣтомъ опять, на волю...

— А сама она помнить про мужа.

— Иной разъ, какъ будто вспоминаетъ... да онъ ей часто съ Сибири письма пишетъ.

— И что же, она читаетъ ихъ, понимаетъ.

— Читать читаетъ... не разучилась... должно и понимаетъ... иногда, какъ почта къ намъ на станцію прїѣдетъ, сама придетъ, — спрашиваетъ: а мнѣ письмо есть... ну, какъ есть, подашь ей... другой разъ сейчасъ конвертъ порветъ, читать станетъ, — разъ заплакала даже..., а то возьметъ, да не читавши порветъ...

— А объ ней пишутъ письма кто нибудь мужу ея.

— Этими ужъ батюшка здѣшніи занимаются, что мѣсяць, то Максиму Андроновичу объ ней вѣдомость посылаютъ, какъ она живетъ... очень онъ объ ней тужить да горюеть, прислалъ разъ батюшкѣ письмо, нельзя ли, говорить, съ нее какъ, съ сумасшедшей-то, портретъ снять, да ему туда предоставить, поглядѣлъ бы, говорить, на нее, какая она, ну батюшка ее, какъ добраго человѣка, одѣли, матушкино платье дали ей, обмыли, причесали, въ городъ привезли къ фотографщику, чтобы снять съ нея карточку, только какъ навелъ онъ на нее инструментъ свой, какъ закричить она «присяжный, присяжный» забунтовалась, забушевала, платье на себѣ перервала, стекла переколотила, насилу успокоили ее, да такъ ни съ чѣмъ и увезли.

— А что-же это она все присяжныхъ поминаетъ, вотъ и меня въ первый разъ присяжнымъ назвала, спросилъ я смотрителя.

— Не любить она присяжныхъ съ тѣхъ поръ, какъ мужа ея осудили; все сердится, — понимаетъ, кто ее мужа лишилъ; вотъ, черезъ нашу станцію присяжные часто въ городъ въ судъ ѣздятъ, какъ скажутъ ей ямщики, что вотъ, молъ, присяжныхъ веземъ, такъ она сейчасъ бѣгомъ дальше отъ нихъ, чтобы и не видать.

— На самомъ-то судѣ, когда ее мужа обвинили, она было бросилась на старшину, суцій припадокъ съ ней сдѣлаясь, едва сдержали.

— А отчего же ее Машей зовутъ, а не ея настоящимъ именемъ, полюбопытствовать я.

— Неизвѣстно, такъ сама себя стала называть.

— Съ которыхъ же поръ?

— А вотъ съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ ума помраченье на нее пришло, забыла знать свое имя-то, да и не русское оно, ну и начала, сама себя Машей звать.

Въ разговоръ съ смотрителемъ, вдоволь наѣвшись и напившись чая, я не замѣтилъ, какъ время дошло до 10 часовъ вечера. Меня стала, наконецъ, одолевать усталость, да и комары принялись насъ кусать порядкомъ. Я встала и отправилась къ себѣ на ночлегъ на гостепримныя перины и мягкіе пуховики смотрительницы.

— Спокойной вамъ ночи, сударь, проговорилъ смотритель, а завтра утречкомъ по холодку къ семи часамъ лошадки вамъ будутъ готовы, чайку напьетесь, — и съ Богомъ.

Мы разошлись.

Тихій, ровный; матовый полусвѣтъ луны облилъ меня, когда я вышелъ изъ гущи тѣнисто и густо надвинувшихся надо мною липъ.

Въ воздухѣ пахло свѣжестью и ароматомъ. Луна робко выглядывала изъ-за тучекъ своимъ яснымъ и мерцающимъ полукругомъ. Гдѣ-то не далеко на ночлегъ звякнулъ колокольчикъ пушенной, вѣроятно, на пачь телки или жеребенка. Вдали надъ рѣкой прокричалъ кречетъ; тихо было кругомъ, невозмутимая тишина царствовала въ природѣ, и среди этой тишины я подошелъ своему открытому окну, чтобы запереть его на ночь. Вдругъ изъ-за угла амбара промелькнула передо мною какая-то тѣнь. Пристально всмотрѣвшись, я узналъ въ ней Машу; сначала тихо-тихо, потомъ все шибче и шибче, и, наконецъ, бѣгомъ, бросилась она по направленію къ рѣкѣ, протекавшей сзади села, бормоча при этомъ какія-то несвязныя, непонятныя слова. Миѣ вчужѣ сдѣлалось жаль эту разбитую случайностію молодую жизнь.

Рано по утру услыхалъ я на дворѣ, около своего окна какой-то особенный шумъ и разговоры.

Я всталъ, наскоро одѣлся и подошелъ къ окну.

Нѣсколько человекъ ямщиковъ, во главѣ съ смотрителемъ, объ чемъ-то горячо разсуждали. Тутъ же былъ и десятникъ съ бляхой.

— Что это у васъ случилось, обратился я къ смотрителю.

— Да вотъ оказія съ Машей.

— А, что такое?

— Да нынче ночью руки на себя наложила, въ рѣкѣ утопилась, зашла на мостъ, да съ самой-то выси — внизъ головой.

— Дивное дѣло, заговорилъ десятникъ, таперъ изъ за нея въ отвѣтъ будешь передъ начальствомъ; сколько лѣтъ жила, ничего такого не было, а нынче ночью караульщики у амбара стояли, глядятъ, — она бѣжитъ середкой улицы, съ чего это, думаютъ они, заигралась такъ наша Маша... глядятъ — а она съ села, прямо по дорогѣ, да все ходѣе, прямо на мостъ; тутъ только домегнулись они, не задумала ли она, оглашенная, чего дурнаго, бѣгомъ за ней, она отъ нихъ на мостъ вбѣжала, да сразу черезъ перила головой внизъ. Покуль они подбѣжали, ея ужъ и не видать стало; справили крикъ, ночью искали, — не нашли... сразу ее подъ сваи затагнуло... вотъ только таперъ утромъ вытащили... мертвую и безъ балахона. Балахонъ-то знать снесло водой.

Мой дальнѣйшій путь предстоялъ черезъ тотъ же мостъ, съ котораго несчастная Мапа совершила свою послѣднюю житейскую экскурсію.

Я проворно напился чаю и подгоняемый любопытствомъ, выѣхалъ со станціи, подсадивъ съ собою до моста и смотрителя.

Близъ моста мы остановились. На правомъ луговомъ берегу, внизу восьми саженой мостовой насыпи, собралось чуть не все село. Мы быстро соскочили и подбѣжали къ толпѣ. На берегу, на разостланной старой рогожкѣ, подъ надлеженіемъ двухъ караульщикоу съ двумя традиционными палками въ рукахъ, лежалъ обмоченный трутъ Маши. Всклочечная прежде голова ея приняла теперь болѣе благообразный видъ, такъ какъ смоченныя водой ея волосы пристали къ тѣлу. Глубокія впадины ея глазъ были закрыты, блѣдное высохшее лицо приняло какой-то пергаментный оттѣнокъ, отъ нея несло трутомъ. Разорвавшаяся

на переди рубашка, обнажила рядъ выдавшихся реберъ ея совершенно высохшей груди.

— Болѣзная ты наша... Машенька ты убогая... аль кто тебя обидѣлъ... али тебѣ жить не въ могуту стало... что ты надъ собой грѣхъ свершила... слышались изъ толпы женщинъ сострадательные голоса.

Но вотъ, отъ села показалась вскачь телѣга. Сотскій привезъ заготовленное для Маши на мірской счетъ ея послѣднее убѣжище. Подняли ее сердечную нѣсколько человѣкъ за четыре угла рогожки, на той же рогожкѣ положили въ гробъ, одною половинкой прикрыли ее, закрыли крышкой, пристукнули двумя деревянными гвоздочками и поставили на повозку.

— Ну Ванька катай таперъ въ Управу, на погость, да только на канавѣ не переверни ее, крикнулъ сотникъ мальчишкѣ подводчику лѣтъ четырнадцати, который, зобравшись на повозку, сѣлъ на краюшекъ гроба и сразу пустилъ галопомъ шуструю лошаденку, которая, напрягаясь изо всѣхъ силъ, быстро поднялась крутымъ подъемомъ берега, и скоро останки Маши загромыхали по шоссе.

— Была Маша, и нѣтъ ея, проговорилъ смотритель, усаживая меня въ дорогу.

— Прощайте, крикнулъ я ему, проѣзжая уже тѣмъ самымъ мостомъ, который на восьми саженьхъ высился надъ величавою Провой, принявшей въ себя мученическую душу несчастной Маши.

Долго потомъ она не выходила у меня изъ головы, долго не могъ я забыть печальныхъ подробностей, сообщенныхъ мнѣ изъ ея несчастной жизни словоохотливымъ смотрителемъ.

ХІ.

И з ъ м е с т и.

Тяжела и отвѣстvena передъ своею совѣстью обязанность присяжнаго за сѣдателя. Только тотъ, кто самъ бывалъ присяжнымъ, можетъ вполне это понять. Но есть еще и другія болѣе серьезныя положенія этого званія. Присяжнымъ за сѣдателямъ приходится разрѣшать дѣла всякаго сорта людей, не исключая и разнаго рода тяжкихъ преступницевъ. А кто не знаетъ, что это за люди. Между ними весьма часто попадаются разные бѣглые каторжники, бродяги, для которыхъ своя и чужая жизнь—ничто. Кромѣ того, лишенные уже послѣднихъ остатковъ своей совѣсти, они теряютъ всякія человѣческія чувства, обращаются въ такихъ изверговъ, отъ которыхъ можно ожидать всего. Для нихъ никакой приговоръ не страшенъ, они ничего не боятся, и не только не стараются вызвать къ себѣ хотя малѣйшее сочувствіе или снисхожденіе со стороны присяжныхъ для того, чтобы ослабить въ большинствѣ случаевъ силу наказанія, нѣтъ, они объ этомъ не думаютъ, они, для болѣе снисходительнаго отношенія къ нимъ присяжныхъ, прибѣгаютъ къ другимъ мѣрамъ — къ угрозамъ, а иногда отъ угрозъ переходятъ и къ дѣлу.

Въ уѣздѣ, въ которомъ я, постоянно живу, какъ мѣстный землевладелецъ, разсказывалъ намъ одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей, издавна существовалъ извѣстный воръ, котораго, не знаю ужъ почему, прозвали всѣ Челобаномъ. И ренюе этого Челобана было весьма обширное. Какъ гдѣ случится какой-нибудь крадежъ, такъ сейчасъ первымъ дѣломъ справляются не былъ ли гдѣ по близости Челобанъ. Такимъ образомъ знали всѣ, что Челобанъ воръ, сколько разъ ловили его на кражахъ отдавали подъ судъ, а онъ только посмѣивался, посидитъ въ тюрьмѣ, посидитъ, выпустятъ его, онъ опять за свое и такъ безъ конца, а на зимніе мѣсяцы, такъ онъ иногда нарочно подгонялъ такую кражу, чтобъ его непременно посадили, потому что зима не лѣто, воровать не удобно да и голодно, и кромѣ того въ полѣ да въ лѣсу вѣдь не выспишься, а онъ до такой степени стяжалъ уже себѣ печальную извѣстность, что даже родной его отецъ — крестьянинъ, имѣвшій свое хорошее хозяйство, не пускалъ его къ себѣ на порогъ, отказался отъ него совсѣмъ — значить хорошъ былъ Челобанъ.

Наконецъ обществу надоѣло уже терпѣть его проказы и оно постановило приговоръ объ удаленіи его въ Сибирь. Отлично. Сослали его и годъ цѣлый у насъ на уѣздѣ было тихо, какъ вдругъ съ весны втораго года, проказы на уѣздѣ повторились снова, и наконецъ, въ народѣ заговорили, что Челобанъ вернулся изъ Сибири, да еще и не одинъ, а привелъ съ собою для нашего блага трехъ такихъ же какъ и самъ онъ удалыхъ товарищей.

Скоро эти слухи фактически подтвердилось тѣмъ, что въ одну изъ осеннихъ ночей, Челобанъ въ качествѣ начальника шайки, съ тремя товарищами своими напалъ на одного богатаго крестьянина мельника, живущаго только съ семьей своей на самой мельницѣ въ довольно глухомъ мѣстѣ на рѣчкѣ Ладнѣ въ большомъ бору.

Челобанъ, какъ мѣстный житель, имѣлъ такой расчетъ: напасть ночью на одинокаго мельника, перевязать его семью, ограбить а не то и убить. — и затѣмъ удалиться. Можетъ быть этотъ планъ и удался бы, но на счастье мельника у него заночевали съ вечера за недостаткомъ воды, шесть человекъ крестьянъ помощниковъ, при помощи которыхъ старику удалось не только задержать, но и перевязать какъ Челобана такъ и всѣхъ его товарищей, не ожидавшихъ конечно такой внезапной засады.

Можно, конечно, представить себѣ, на сколько озлился Челобанъ за свою двойную неудачу, на мельника и на тѣхъ крестьянъ, которые помогли ему задержать его съ товарищами. Онъ тутъ же пригрозилъ имъ, что они его попомнятъ, что онъ хоть передъ самой смертью, да уйдетъ опять изъ Сибири и отблагодаритъ ихъ всѣхъ какъ слѣдуетъ.

Когда дѣло Челобана и его компаніи, поступило въ окружный судъ, и было назначено къ слушанію въ нашемъ уѣздномъ городѣ, то на мою долю выпало явиться въ засѣданіе суда на всю эту сессію, для участія въ разсмотрѣніи дѣлъ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя.

И вотъ становой приставъ привезъ мнѣ повѣстку окружнаго суда. Откровенно скажу, что извѣстіе о призывѣ меня на эту сессію, въ теченіи которой

должно было разсматриваться, и дѣло Челобана, меня нѣсколько покорило. Вотъ подумалось мнѣ сейчасъ, жилъ я себѣ тихо, спокойно, въ сторонѣ отъ большой дороги, въ своемъ хуторочкѣ, Челобанъ слава Богу миновалъ меня всегда, а можетъ быть и не зналъ даже о моемъ существованіи, и вдругъ теперь на судѣ доведется съ нимъ познакомиться, а такое знакомство во первыхъ не лестно а во вторыхъ и крайне рисковано. Жребій можетъ выбаллотировать меня въ составъ присутствія присяжныхъ по его дѣлу; такому субъекту только и можетъ быть вынесенъ одинъ обвинительный приговоръ, а при такихъ условіяхъ вѣроятность подвергнуться мести подобнаго негодая, чему нибудь въ родѣ поджога а не то и убійства, является сама собою. Такой злодѣй, какъ Челобанъ, Сибири не боится. Для осуществленія своего замысла онъ найдетъ случай уйти изъ ссылки, вернуться на дорогую родину и отомстить всѣмъ тѣмъ, кто тѣмъ или другимъ путемъ повредилъ ему.

Дня за два передъ моимъ отъѣздомъ въ городъ на судъ, пришелъ ко мнѣ на хуторъ крестьянинъ сосѣдняго села Потанова, старичекъ Иринархъ Прокофьевъ, который точно также вызывался на эту сессию въ присяжные засѣдатели.

— Что скажешь, Иринархъ Прокофьевичъ, съ какими вѣстями добрыми или дурными, обратился я къ нему.

— Да къ тебѣ батюшка, Василій Ивановичъ, помудрить да подумать, какъ быть... добраго чего мало, больше по худому...

— Что такъ... объ чемъ будешь рѣчь держать.

— Да на счетъ, чтобы дурныхъ дѣловъ миновать.

— Напримѣръ?

— Да, въ присяжные, батюшка, требуютъ меня, вотъ горе какое, ну, сказывалъ мнѣ становой, что и твоей милости тоже повѣстка есть... такъ вотъ зашелъ къ тебѣ, какъ скажешь.

— Да и я получилъ повѣстку, вѣрно, ну, а получилъ, надо ѣхать.

— Надоть, сказываешь, а нельзя не поѣхать.

— Конечно, нельзя, штрафъ заплатишь, да и не хорошо.

Сосѣдъ мой задумался и закручинился.

— Примѣрно таперъ, Василій Ивановичъ, не объявлюсь я на судъ, сказывалъ писарь мнѣ на волости, штрафъ деньгами заплатишь, ну, много, много, говоритъ, съ мужика возьмутъ рублей двадцать, ну, двадцать пять, а теперь я такъ думаю, какъ явишься на судъ, да попадешь на дѣло то, слышали небось, Челобана, вѣдь, ноѣ судить будутъ; ну какъ осудишь его, да осерчаетъ онъ, такъ можетъ онъ такой тебѣ штрафъ прописать, что нищимъ по міру съ дѣтми пустить, всякаго хозяйства рѣшить, вотъ такого-то штрафа больше боишься, а какъ думаешь, Василій Ивановичъ—ты поначетнетѣй насъ, какъ присовѣтуешь, спросилъ меня старикъ.

Сосѣдъ мой не безъ основанія высказывалъ боязнь подвергнуться чувствительному штрафу со стороны Челобана. Будучи передъ тѣмъ въ городѣ, я и самъ слыхалъ, что Челобанъ открыто говорилъ въ тюрьмѣ, что коли только его обвинять, такъ онъ «всѣхъ своихъ судьевъ по міру пустить, потому ему все равно пронадать».

— А, что развѣ Челобанъ какіе-нибудь слухи пускалъ про свое дѣло, спросилъ я Ирнарха.

— Какіе Василій Ивановичъ слухи, прямо въ тюрьмѣ похваляется, что старика Кузьму, это мельника-то, безпремѣнно онъ сожжетъ, а не я, говоритъ сожгу, такъ у меня товарищей на свободѣ много есть, а на счетъ, говоритъ, присяжныхъ, у меня тоже съ ними много церемоніевъ не будетъ, обвинять они меня, а потомъ, говоритъ, передъ мною, виноватымъ-то, сами же каяться будутъ.

— Кому же это онъ говорилъ и гдѣ, спросилъ я Ирнарха.

— Народъ—всѣ говорятъ, онъ изъ острога въ городъ къ одному купцу за деньгами посылалъ, а не дастъ, говоритъ, такъ я его изловлю на Кудихинскомъ мосту, какъ онъ къ полюбовницѣ поѣдетъ, къ остаховской писарихѣ, да въ воду; такъ и говоритъ, такой аспидъ, вѣдь, про всякаго, все порядки знаетъ, какъ его не бояться, лучше, какъ онъ меня не знаетъ, а я его, по крайности жить будешь спокойно, а то съ нимъ сна рѣшишься, спать не спи, а жди, когда онъ пѣтухомъ объявится къ тебѣ.

— Такъ, чтожъ ты думаешь не ѣхать на судъ, спросилъ я Ирнарха.

— Да, такъ думаю, батюшка, лучше не ѣхать, ну его въ сторону.

Конечно, противъ этого я не могъ своему сосѣду ничего возражать, и если бы не мое общественное положеніе, какъ человѣка все же развитаго и образованнаго, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ личные свои интересы обязанъ приносить въ жертву интересамъ общественнымъ, то, можетъ быть, и я не поѣхалъ бы на судъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи раздѣляя вполне и выводъ, и взгляды, и убѣжденія моего старика сосѣда.

Въ назначенный день, въ 9 часовъ, я былъ уже въ городѣ и тамъ узналъ, что присяжныхъ засѣдателей явилось вообще очень мало, такъ какъ Челобанъ нагналъ на всѣхъ своими угрозами панической страхъ, и судить его, а слѣдовательно и имѣть съ нимъ дѣло, охотниковъ было очень мало.

Дѣло Челобана слушалось на третій день сессіи, и въ этотъ день не явилось къ засѣданію еще двое изъ присяжныхъ изъ числа тѣхъ, которые аккуратно являлись въ первые два дня сессіи. Судъ надъ Челобаномъ едва состоялся, такъ такъ если бы не явился еще одинъ засѣдатель, то по некомплекту присяжныхъ засѣдателей оно было бы отложено.

На мое именно великое несчастье, я былъ выбаллотированъ въ составъ присутствія присяжныхъ по его дѣлу и избранъ старшиною, и вотъ опасность своего положенія, позналъ я въ тотъ моментъ, когда по выходѣ изъ совѣщательной комнаты, объявилъ суду свое званіе, имя и фамилію, какъ избраннаго старшины.

Челобанъ такъ и впился въ меня глазами, одинъ изъ товарищей его что то шепнулъ ему на ухо, а послѣдній не то увѣренно, не то одобрительно кивнулъ головой.

Челобанъ не только что не старался, какъ это дѣлаютъ обыкновенно другіе подсудимые, заискать въ присяжныхъ расположенія, нѣтъ, онъ прямо отнесся

къ намъ рѣзко, и даже дерзко, очевидно, желая показать публикѣ, а прежде всего, намъ же самимъ, что онъ насъ не боится, и что де недурно бы присяжнымъ прежде всего о самихъ себѣ подумать.

Вотъ, напримѣръ, эпизодъ.

Когда председатель суда спросилъ Челобана и его участниковъ, не желаютъ ли они кого либо изъ присяжныхъ отвести, то онъ съ наглою развязностію и съ усмѣшкой отвѣчалъ: «на что намъ отводить, намъ все одно, какихъ присяжныхъ не набрали, какіе есть, такіе и будутъ, для насъ это единственно».

Въ тонѣ Челобана слышалась увѣренность, что онъ праву отвода никакого значенія не придаетъ, что для него существуетъ другое болѣе существенное его право—устрашенія присяжныхъ.

Вѣроятно, и сами судьи вошли въ положеніе тѣхъ присяжныхъ, которые убоаясь Челобана, не явились на засѣданіе, потому, что оштрафовали ихъ всѣхъ на очень не значительную сумму.

Во все время судебного слѣдствія, Челобанъ велъ себя крайне дерзко, открыто, глумился надъ старикомъ—мельникомъ, Кузьмою, посмѣиваясь, что все одно, онъ его на той мельницѣ «изжарить», а когда судъ сдѣлалъ ему внушительное замѣчаніе, чтобы онъ не позволялъ себѣ грубостей, и держался приличіе, то Челобанъ съ усмѣшкою отвѣчалъ, что «мы сами себя знаемъ безъ указки».

Подробностей судебного слѣдствія передавать не буду, такъ какъ, не тацѣль моего разказа, а позволю себѣ нарушить нѣсколько свой долгъ, присяжнаго засѣдателя и старшины, и приподниму для посторонняго глаза завѣсу съ того, что происходило у насъ въ совѣщательной комнатѣ, когда мы удалились туда съ вопроснымъ листомъ, для постановленія приговора надъ Челобаномъ и его товарищами.

Присяжные всѣ были подавлены своимъ положеніемъ и сильно смущены злодѣйскою фізіономіей Челобана.

О виновности его въ побѣгъ изъ Сибири, въ составленіи шайки для грабежа и въ открытомъ нападеніи на домъ мельника Кузьмы мы и не думали совѣщаться, вопросы эти каждый изъ насъ рѣшилъ давно уже утвердительно и мы надъ ними не трудились ни одной минуты.

Совѣщанія наши на этотъ разъ имѣли исключительно другой характеръ.

— Ну, что же, господа, давайте считать голоса да читать отвѣты, обратился я къ своимъ товарищамъ послѣ того, какъ мы вошли въ совѣщательную комнату, я думаю, совѣщаться намъ не объ чемъ, добавилъ я.

— Извѣстно нечего... какія тутъ совѣщанія... виноваты кругомъ... ихъ бы злодѣевъ этакихъ на висѣлицу... объ чемъ тутъ разсуждать... послышались отъ вочные голоса изъ среды присяжныхъ.

— Нѣтъ, я не согласенъ, заявилъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, единъ присяжный купецъ. Вы говорите, что не объ чемъ намъ совѣщаться, не объ чемъ разсуждать, отозвался онъ... нѣтъ есть объ чемъ... обо многомъ.

— Обь чемъ же, спросилъ я его не безъ нѣкотораго недоумѣнія.

— А вотъ, примѣрно, обь чемъ. Есть у васъ дѣти, обратился онъ къ своему сосѣду по столу, съ которымъ сидѣлъ рядомъ.

— Есть.

— И у васъ есть, обратился онъ ко мнѣ.

— Наградилъ Господь изрядно.

— А желательно вамъ дѣтей своихъ сиротами оставить.

— Нѣтъ не желательно, отвѣтилъ я, понявъ уже къ чему идутъ вопросы.

— Ну, коли не желательно вамъ дѣтей своихъ сиротами оставить, мнѣ терпѣть, другому, третьему, отъ всякаго ипаго лиха уйти, такъ намъ нужно потолковать о самихъ себѣ, чтобы оградить себя отъ тѣхъ злодѣевъ, что тамъ вонъ за рѣшеткой сидятъ и ожидаютъ насъ.

Присяжные оживились. У каждаго изъ нихъ эта мысль, какъ затаенная боль давила душу, но изъ чувства дѣликатности, по отношенію къ своему долгу и обязанности, ни одинъ изъ нихъ не рѣшался вывести ее наружу, навлечь на себя осужденіе за такую заботу лично о самомъ себѣ, а иные и просто изъ опасенія даже, поднимать вопросъ о вѣроятности отместки Челобана. чтобы разговоры эти «и изъ среды самихъ присяжныхъ, какъ бы не дошли до Челобана».

Присяжный купецъ, опередилъ въ этомъ отношеніи другихъ, и поставилъ вопросъ ребромъ.

— Что-жь, конечно, обь этомъ надо подумать... надо судъ, начальство просить, оградить насъ... послышался чей то голосъ.

— Вздоръ, непутовое говорите вы, отозвался другой присяжный... что же начальство... вамъ, казаковъ что ли на постой поставить, охранять вашу обывательскую душу отъ злодѣевъ.

— Постой, не постой... а все же распоряженіе... можно становому дать... примѣрно на счетъ... выражалъ свое мнѣніе третій.

— И на счетъ, примѣрно, становаго... тоже напрасно... онъ и самъ, думается мнѣ, не плошь насъ думаетъ, какъ бы ему на зубъ къ этому Челобану не попасть, слышалъ я еще мнѣніе.

— Да, позвольте, господа, вмѣшался я, обь чемъ вы споръ завели... вѣдь и Челобанъ и товарищи его сидятъ теперь, и, какъ видите сидятъ прочно—въ кандалахъ, что же вы опасаетесь ихъ, что они могутъ вамъ сдѣлать.

— Да здѣсь то точно ничего они не сдѣлаютъ, а вотъ въ темномъ лѣсѣ... да въ темну ночь... ну, тогда другой разговоръ... а развѣ они долго будутъ сидѣть... выйдутъ или отправятся въ Сибирь, хоть на самые раскаторжные рудники, уйдутъ они и оттуда, непременно уйдутъ, вотъ тогда думать то поздно будетъ.

— Извините за выраженіе, господа, обратился ко всѣмъ вообще присяжнымъ нѣкто тоже изъ землевладѣльцевъ, мало насъ съ молоду учили, а потому всѣ мы дураками вышли, вотъ тѣ, что поумнѣ насъ, тѣ благоразумно уклонились отъ суда, на засѣданіе не явились и чисты. По три рубля штрафу заплатятъ

они, что судъ на нихъ наложилъ, и никакого имъ горя больше нѣтъ, а вотъ мы тутъ ломайся да думай, какъ шкуру свою уберечь отъ злодѣя... а отъ злодѣя трудно избавиться.

Никто изъ насъ не сомнѣвался въ чисто практической правдивости высканныхъ нашимъ товарищемъ неслестныхъ вообще для насъ словъ, а потому никто и ему не возразилъ. Всѣ только вздохнули лишній разъ, и съ неспокойною душою стали торопить меня написать скорѣе отвѣты на вопросы суда и выходить въ залу «чтобы ужъ какой ни есть конецъ скорѣе былъ и изъ головы вонъ этого самого Челобана, да съ глазъ долой его».

Отвѣты были написаны обвинительные, конечно, единогласно. Мы вышли въ залу суда. По порученію суда, я прочелъ сначала вопросы, а потомъ наши вердикты обвинительные для всѣхъ подсудимыхъ, и утвердительные по всѣмъ пунктамъ обвиненій.

— Благодаримъ покорно, послышался вдругъ голосъ Челобана, господина старшину, по смерть жизни не забуду за его добродѣтель.

— Подсудимый, замолчите... строго проговорилъ, обращаясь къ нему предсѣдатель.

— Что-жъ замолчимъ... огрызнулся Челобанъ... замѣсто словъ... дѣломъ себя покажемъ, пригрозилъ онъ.

Конечно, эти дерзости и угрозы Челобана произвели на присяжныхъ, а въ особенности на меня, не особенно пріятное впечатлѣніе, но такъ какъ въроятное осуществленіе ихъ, стояло у меня еще не за плечами, то я по окончаніи сессіи, воротившись домой признаться скоро и забывъ про нихъ совершенно.

Между тѣмъ, Челобана и его товарищей выслали въ Сибирь, въ каторжныя работы.

У насъ снова стало тихо.

Прошелъ цѣлый годъ безобидной жизни нашего уголка. Прошелъ и другой— все было благополучно.

На третій годъ, встаю я какъ то утромъ, а мой рабочій староста, взойдя ко мнѣ объявилъ, что Ладневская мельница позапрошлую ночь сгорѣла.

— Какъ такъ, отъ чего, спросилъ я съ удивленіемъ,—Челобана у меня и въ головѣ не было.

— Подождли,—не иначе—старикъ то едва живой отъ огня ушелъ.

— Не можетъ быть.

— Вѣрно, сударь, говорю, да подождли то хитро, сразу съ трехъ концовъ, дверь запоркой снаружи приперли, да лыкомъ провертѣли, а къ окнамъ—какъ думаютъ, скákatъ стануть—солумы нанесли да зажгли—живьемъ изморить ладили... только и спаслись люди, что въ мельничную дверку спустились... это гдѣ жерновой то ходъ, а то такъ бы и сгорѣли.

— Кто же это такъ... спросилъ я недоумѣвая, кто бы это могъ сдѣлать такое зло старику Кузьмѣ, самому безобидному въ нашей мѣстности человѣку.

— Не изволите мѣкать, спросилъ меня староста.

— Не знаю я; да кто же.

— Челобаново дѣло это сударь... отвѣчалъ онъ мнѣ... Челобанъ старика порѣшилъ, зло свое припомнилъ.

— Что ты... да развѣ... здѣсь онъ.....

— Знать бѣжалъ, сударь, съ Сибири... на прошлой недѣлѣ видали его въ городѣ, съ нашей деревни Трошка спозналъ его, божится что онъ, пилъ, говорить, въ корчмѣ водку, борода, говорить, ужь выбрита у него, трудно, говорить, и признать.

По неволѣ вспомнилъ и я про Челобана и про сдѣланную имъ лично мнѣ угрозу.

— А что у насъ въ порядкѣ все, нужно смотрѣть теперь въ оба, проговорилъ я старостѣ, припомнивъ лично сдѣланную мнѣ угрозу Челобана, вѣдь если онъ Кузьму сжегъ, такъ меня и доподлинно сожжетъ.

— Точно, сударь, съ доглядомъ нужно таперь жить, проговорилъ мой староста, ну да къ намъ тоже трудно ему подойти, собаки-то у насъ люты гораздъ, одна Бойка десяти стоитъ, а про Діанку ужь и не говори, они ночью, то и дѣло рыщутъ, на что лучше сторожей.

Собаки у меня, дѣйствительно, были прекрасныя, но главное ихъ достоинство было то, что онѣ ни отъ кого ничего не принимали въ пищу, кромѣ какъ только отъ ночнаго сторожа, съ которымъ были неразлучны; вмѣстѣ съ нимъ жили, вмѣстѣ спали и ѣли, и сопутствовали ему всегда въ его ночныхъ осмотрахъ. Ему удалось какъ-то приучить собакъ не ѣсть ничего изъ чужихъ рукъ и даже случайно найденнаго ими, а это качество моихъ собакъ устраняло, конечно, всякую возможность злоумышленникамъ, отравить ихъ.

Вечеромъ, того же дня я призвалъ къ себѣ своего сторожа и предупредилъ его, чтобы онъ былъ повнимательнѣе.

— Ничего, сударь, не извольте сумлѣваться, успокоивалъ онъ меня, потому какъ завсегда этотъ самый Бойка всю ночь кругомъ бѣгаетъ, что темнѣй, то дальше ищетъ, а примѣрно Волчокъ, какъ отъ сада угла зачнетъ, такъ вплоть до огуменка, по самымъ, значить, опаснымъ мѣстамъ все бѣгаетъ, гдѣ всякому злодѣю ходу лучше, словно, какъ понимаетъ тварь; Діанка, та больше со мною, бѣгать-то она не любитъ, ну, а ужь на счетъ прослышки, за версту человѣка учуетъ, передавалъ онъ мнѣ съ воодушевленіемъ, какъ истый любитель псовъ и умѣлый цѣнитель ихъ достоинствъ.

Первыя двѣ ночи послѣ того, я все какъ-то тревожно спалъ, но потомъ за былъ про Челобана и снова успокоился, а недѣли черезъ двѣ послѣ того ночью меня разбудилъ мой приказчикъ.

— Что ты, съ испугомъ вскочилъ я?

— Да пришелъ вашей милости доложить, нужно бы встать, сторожъ сейчасъ былъ у меня, за гунномъ говорить собаки гораздъ брехъ подняли, знать, дослѣдили кого, онъ ихъ звать, онѣ нейдутъ, должно видать кого, али на слѣдъ напали, одинъ-то побоялся онъ туда идти, пришелъ ко мнѣ, взбудилъ, попросилъ подослать кого нибудь къ нему, самъ побѣгъ къ собакамъ.

— Чтожъ ты послалъ, спросилъ я торопливо одѣваясь.

— Вздудилъ Ваську, да Дмитрія, побѣгли туда, кучерь тоже съ ними убѣгъ, какъ бы, говоритъ, жеребую кобылу со гумень не увели.

Я быстро одѣлся, а лучше сказать, накинулъ платье кое какъ, схватилъ двустволку, и въ сопровожденіи приказчика, побѣжалъ по указанному имъ направленію.

Еще издалека услыхалъ я завыванье моихъ псовъ, которое дружно поддерживала цѣлая стая деревенскихъ собакъ, разбудившая и на деревнѣ кое кого изъ хозяевъ; двое изъ нихъ съ ночнымъ деревенскимъ сторожемъ присоединились къ намъ дорогой, и мы, уже въ пятеромъ, побѣжали впередъ.

Далеко за гумномъ, въ открытомъ яровомъ полѣ, нашли мы моего сторожа и моихъ работниковъ.

— Ну, что видали кого нибудь, поймали что ли, закидалъ я ихъ вопросами.

— Двое было сударь, отозвался мой сторожъ, самъ видалъ, по овсу и слѣдъ видѣнъ, побѣгли къ лѣсу, собаки увязались за ними, звалъ, звалъ ихъ назадъ— пропали. Собакъ моихъ, дѣйствительно, не было, и только издали долетали до насъ звонкія патыкванія моего Боя.

Преслѣдовать злоумышленниковъ въ данную минуту было безцѣльно, какъ по темнотѣ ночи, такъ и потому, что оказавшіеся дѣйствительно на моемъ овсѣ слѣды четырехъ человѣческихъ ногъ, шли по направленію къ громадному казенному лѣсу, въ которомъ и днемъ было бы трудно кого либо отыскать.

Я сдѣлалъ для острастки два залпа изъ ружья, сторожъ прошелъ впередъ въ глубину поля, насвистывая собакъ, съ которыми и вернулся минутъ черезъ десять; смысленные псы умно смотрѣли на насъ, умильно ласкались ко всѣмъ, и, кажется, если бы только у нихъ даръ языка, то вотъ онѣ сейчасъ бы рассказали кого и гдѣ видѣли.

На утро я обошелъ всю свою усадьбу и саженьяхъ въ десяти за коноплянникомъ, въ глубокой межевой ямѣ, нашелъ помятую въ ней траву. Несомнѣнно, что злоумышленники залегали здѣсь и ожидали удобнаго момента для того, чтобы поджечь мое гумно, но это имъ не удалось только потому, что ихъ учуяли собаки. Отъ этой ямы слѣды ихъ шли въ разныхъ направленіяхъ, и между прочимъ вышли и на овсяное поле.

Порѣшивъ, что это пробирался ко мнѣ, несомнѣнно, Челобанъ, я на утро заявилъ о томъ въ станъ, гдѣ моему посланному сказали, что Челобанъ, дѣйствительно, объявился въ нашихъ мѣстахъ, что онъ бѣжалъ изъ Нерчинска, куда былъ сосланъ на заводы, и что о томъ имѣется уже увѣдомленіе отъ мѣстнаго начальства, съ просьбою принять мѣры къ задержанію и поимки его на мѣстѣ родины, куда онъ вѣроятно направился.

Предположеніе это подтвердилось вполнѣ; Челобанъ явился на родину выполнить свои угрозы. Старика Кузьму онъ сжегъ, и пустилъ его по міру. Хотѣлъ онъ сжечь, вѣроятно, и меня, но это ему не удалось вполнѣ... говорю вполнѣ потому, что недѣли черезъ двѣ послѣ бывшей у меня ночной тревоги, на трехъ отдаленныхъ моихъ пожняхъ, въ одну и ту же ночь, сгорѣли принадлежащія мнѣ три восьмисаженныхъ скирды прекраснаго луговаго сѣна, которыя могли сгорѣть только отъ поджога.

Что этотъ поджогъ былъ не случайный, а явился послѣдствіемъ злаго умысла, это было совершенно ясно. Злоумышленниковъ по отношенію къ себѣ, я изъ среды мѣстнаго населенія не имѣлъ, а загорѣлся случайно, и при томъ въ одну и ту же ночь, три скирды моего сѣна, стоявшія на разныхъ пожняхъ на значительномъ къ тому же одна отъ другой разстояніи, очевидно не могли. Челобану удалось все таки отомстить мнѣ за мое старшинство въ присяжныхъ засѣдателяхъ по его дѣлу убыткомъ, который въ погорѣвшемъ сѣнѣ я считаю до 1000 рублей.

Долго и тщетно послѣ того полиція и мѣстные жители искали и ловили Челобана. Онъ не давался въ руки, какъ какой нибудь владъ, хотя отъ времени до времени о присутствіи своемъ въ нашихъ мѣстахъ заявлялъ то кражами, а то и грабежами, на проѣзжихъ дорогахъ.

Наконецъ, слухи о немъ какъ-то притихли, преступленія стали рѣже, и мы успокоились, увѣренные, что Челобанъ куда нибудь перекочевалъ отъ насъ...

Такъ ли это или нѣтъ... неизвѣстно, но вотъ уже четыре года у насъ, слава Богу, тихо... про Челобана больше не слыхать.

Одинъ только старикъ Кузьма часто вспоминаетъ этого злодѣя.

Да и не мудрено.

Кузьму онъ окончательно раззорилъ и изъ богатаго, достаточнаго мужика, сдѣлалъ его... нищимъ.

Ладневская мельница такъ и осталась невозстановленною въ своихъ обгорѣлыхъ руинахъ.

ХII.

Тайна сердца.

Одна изъ обычныхъ сценокъ, только что прошла въ засѣданіи окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Передадимъ ее въ подробностяхъ судебныхъ и внѣ судебныхъ.

Въ благородномъ семействѣ Николая Аркадьевича Львова, чиновника, кажется, шестаго класса, молодого еще человѣка, впрочемъ, какъ онъ самъ себя величаетъ, хотя ему далеко уже перевалило за 40 лѣтъ, занимающагося «частными дѣлами» случилась неприятная исторія.

У супруги его, Клеопатры Николаевны, изъ запертаго комода, отпертаго вѣроятно подобраннымъ ключемъ, пропало денегъ 10 руб. сер. Сумма эта недостаткамъ Николая Аркадьевича представляется крайне ничтожной, и онъ, конечно, изъ-за нея не сталъ бы «мараться» и заводить дѣло, но онъ строгій поборникъ законности, и разъ усвоеннымъ себѣ принципамъ никогда не измѣняетъ.

Онъ находитъ, что покрывать кражу не слѣдуетъ, что это безчестно, мало того—это противузаконно со стороны укрывательства, и даже вредно, въ смыслѣ общественнаго значенія, потому что прощать кражи, въ особенности когда ихъ совершаетъ своя же собственная прислуга, рѣшительно не слѣдуетъ.

А въ настоящемъ случаѣ, не столько сама Клеопатра Николаевна, дама 38 лѣтъ, изъ комода которой пропали деньги, сколько Николай Аркадьевичъ, запо

дозрилъ въ этой кражѣ у нихъ, 10 руб. сер., свою горничную, Капитолину Осипову, которую господа называли ласкательнымъ именемъ Капочки, а самъ Николай Аркадьевичъ почему-то называлъ еще ее иногда и «фру-фру».

Капочка была еще молоденькая женщина, жена солдата, находившагося въ военной службѣ, страстно ее любившаго, и чуть не еженедѣльно присылавшаго ей изъ Петербурга письма, куда онъ только что, годъ тому назадъ, скоро послѣ своей свадьбы, поступилъ на службу въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ.

Капочка точно также любила своего мужа, и, провожая его въ Петербургъ, плакала, утѣшала, какъ могла, и успокоивала, что она будетъ себя «блестити, какъ слѣдуетъ», чтобы онъ про нее ничего дурнаго не думалъ. А опасенія молодого гвардейца за свою молоденькую жену представлялись тѣмъ болѣе естественными, что она была очень не дурна собой, и увлеченъ ею было вовсе не трудно. На что уже солидный чиновникъ 6 класса Николай Аркадьевичъ, и тотъ въ интимномъ, холостомъ кружкѣ своихъ товарищей высказывался не разъ, что у него горничная, настоящая барышня, мила, наивна, игрива, изящна и завлекательна, какъ точный типъ героини французской комедіи, названіемъ которой онъ окрестилъ Капочку.

Не смотря, однако же, на то, что Николай Аркадьевичъ въ такихъ поэтическихъ и идеальныхъ формахъ, расхваливалъ передъ своими товарищами Капочку, это не помѣшало ему какъ-то заявить въ полицію, что Капочка изъ комода его супруги, во время отсутствія послѣдней изъ дома, украла 10 руб. серебромъ.

Полиція явилась, обыскала Капочку, по настоянію Николая Аркадьевича, даже въ самыхъ потайныхъ мѣстахъ ея собственной персоны, но ничего не нашла, оштрафивъ только до ворня волосъ молодую женщину.

Не менѣ того, въ виду прямого обвиненія Николая Аркадьевича, Капочку забрали въ полицію, посадили за рѣшетку, слѣдствіе прошло обычнымъ путемъ всѣ свои фазисы, и наконецъ, мѣсяца черезъ два, Капочка предстала на судъ присяжныхъ.

Рѣшетка ли, за которой Капочка сидѣла, или же нравственныя терзанія ея за то, что она украла деньги у своихъ господъ, которые ее такъ ласкали, но только Капочка за эти два мѣсяца совсѣмъ извелась, румянецъ пропалъ у нея на щекахъ, прежде веселенькіе глазки ея смотрѣли теперь какъ-то уныло, она была блѣдна, какъ-то странно задумчива и, видимо, испытывала на душѣ тяжелыя ощущенія.

Да, это, пожалуй, и понятно: легко ли ей было, въ самомъ дѣлѣ, предстать на судѣ воровкою 10 руб. денегъ у своихъ господъ.

Но если бы посторонній наблюдатель попристальнѣе заглянулъ въ глаза этой «воровкѣ», а затѣмъ перенесъ бы свои наблюденія въ комнату свидѣтелей, гдѣ, въ ожиданіи допроса, сидѣлъ съ своей супругой Николай Аркадьевичъ, то такой наблюдатель и безъ ознакомленія съ дѣломъ, едва ли бы не сказалъ, что Капочка не воровка, и что Николай Аркадьевичъ, готовясь предстать передъ судомъ въ качествѣ достовѣрнаго свидѣтеля по совѣсти, видимо, не находится, въ своей тарелкѣ, и только наружно старается сохранить присутствіе духа.

— Коля, да, что съ тобой, заботливо спрашивала его Клеопатра Николаевна.

— Ахъ, ничего особеннаго... ну понимаешь, мнѣ въ моемъ общественномъ положеніи, не особенно-то пріятно являться на судъ свидѣтелемъ, изъ-за какихъ нибудь тамъ десяти рублей, становиться на очную ставку съ какой-то горничной... если бы не изъ принципа... то ни за что на свѣтъ... я не завелъ бы этого дѣла... а то еще и въ газеты попадешь... а тамъ знакомые прочтуть... встрѣтишься съ кѣмъ нибудь... очень пріятно... а, Николай Аркадьевичъ... что это у васъ... батюшка... горничная обокрала, десять рублей вытащила... очень жаль, очень жаль... точно, будто въ этихъ десяти рубляхъ, весь мой хлѣбъ насущный...

Клеопатра Николаевна вѣрила своему супругу, и, какъ женщина недалекаго ума и ограниченной проницательности, не могла разгадать, какую, въ самомъ дѣлѣ роль играли въ этомъ дѣлѣ ея мужъ и бѣдная Капочка.

А на судѣ, передъ присяжными, разыгрывалась сцена изъ той же комедіи.

— Подсудимая, Капитолина Осипова, вы признаете себя виновной въ томъ, что у господъ своихъ изъ запертаго комода украли десять рублей серебромъ, сурово обратился къ ней предсѣдатель суда.

— Не признаю, я денегъ не воровала, на что онѣ мнѣ, тихо отвѣчала Капитолина, я жалованье получала хорошее, а понадобилось бы еще у меня мужъ есть, онѣ прислалъ бы мнѣ.

Призовите свидѣтелей, скомандовалъ предсѣдатель суда, и черезъ нѣсколько минутъ, передъ судейскимъ столомъ, появились Николай Аркадьевичъ и его супруга.

Защитникъ подсудимой, отвелъ ихъ обоихъ отъ присяги, какъ потерпѣвшихъ.

Николай Аркадьевичъ бойко и съ апломбомъ, какъ и подобаетъ человѣку его ранга, объяснилъ суду безъ запинки, что, во время отсутствія его жены изъ дома, онѣ сидя въ своемъ кабинетѣ, услыхалъ черезъ двѣ комнаты, какъ въ спальнѣ жены его щелкнулъ замокъ у комода, и когда онѣ на цыпочкахъ осторожно прошелъ къ спальнѣ, то чрезъ дверную щель видѣлъ, какъ въ кухню моментально проскользнула горничная Капитолина. Комодъ былъ уже въ это время запертъ, а, когда супруга его вернулась изъ гостей, то онѣ передалъ ей объ этомъ. Последняя отворила комодъ, пересчитала въ немъ деньги и въ нихъ не оказалось десяти рублей серебромъ, а такъ какъ въ то время въ квартирѣ кромѣ Капитолины никого не было, такъ какъ кухарка съ утра была еще отпущена въ гости и не возвращалась, да къ тому же, онѣ Николай Аркадьевичъ самъ лично видѣлъ, что изъ спальни выскочила именно Капитолина, то отсюда одинъ выводъ, что деньги были похищены именно горничною.

Свидѣтель кончилъ.

— Подсудимая, желаете вы возразить что нибудь. спросилъ предсѣдательствующій Капитолину.

— Невиновата я... неправда это... со слезами на глазахъ проговорила Капитолина, денегъ я не брала, это на меня господа ложно показываютъ.

— Почему же это, не желаете ли вы объяснить суду, если вы, по вашимъ

словамъ невиноваты въ кражѣ, то изъ какихъ же побужденій хозяйинъ вашъ сталъ бы возводить на васъ такую ложь, спросилъ предсѣдатель суда Капитолину.

Послѣдняя ничего не отвѣтила на этотъ вопросъ, но долго и продолжительно посматрѣла въ упоръ на Николая Аркадьевича.

Еслибы присяжные засѣдатели были на этотъ разъ нѣсколько проникательнѣе, и сдѣлали бы попытку проникнуть своею совѣстью за предѣлы видимыхъ только, такъ сказать внѣшнихъ обстоятельствъ этого дѣла, то можетъ быть они прочли бы очень многое въ этомъ нѣмомъ упрекѣ, который подсудимая остановила на своемъ бывшемъ хозяйинѣ.

Но присяжные, къ несчастію Капитолины, оказались людьми самаго обыкновеннаго пошиба. Они повѣрили на слово господину, чиновнику 6-го класса, не дали себѣ труда заглянуть поглубже въ его высокородную душу, а на Капитолину не обратили должнаго вниманія, и чуть ли даже не объяснили ея молчаніе упорствомъ и зашпательствомъ.

Клеопатра Николаевна почти ничего не прибавила къ дѣлу своимъ показаніемъ. Она засвидѣтельствовала о фактѣ только со словъ мужа своего, и подерживала вполнѣ его выводы.

— Не виновата я, грѣхъ за меня барину будетъ, проговорила Капиталина полупшепотомъ, и какъ-то безсильно и тяжело вздохнула.

И въ этомъ вздохѣ можно было тоже уловить многое къ разъясненію того положенія безпомощности, въ которомъ находилась Капитолина, но присяжные пропустили безъ вниманія и его.

Казенный защитникъ тоже оказалъ мало пользы для Капитолины. Онъ безпрестанно посматривалъ на часы, видимо, торопился куда-то, и послѣ двухъ, трехъ словъ, сказанныхъ кое-какъ небрежно безъ души, отпросился у суда удалиться по какой-то экстренной, неотложной надобности, выразивъ при этомъ, конечно, совершенно основательное предположеніе, что, вѣроятно, подсудимая противу его удаленія возражать не будетъ.

Капиталина, конечно, ничего не возражала, да она объ защитникѣ и не думала.

Смутныя... тяжелыя мысли... бродили въ эту минуту въ ея головѣ, невыносимо, тяжело было у ней на груди... она думала о мужѣ своемъ... о томъ, какъ онъ ее любитъ... какъ онъ ей дорогъ... какъ они вѣнчались... на счастье... у вѣнца они... весело ей... счастлива она... вотъ они вдвоемъ... вмѣстѣ... не на смотряся... другъ на друга... а вотъ и слезы... мужа сдали... уѣхалъ... угнали его... она одна осталась... скучно ей... въ люди пошла... служить... объ Ванѣ своемъ все тосковала... берегла себя... для него... а тутъ вдругъ новое... горе... стыдъ... страхъ... милый... Ваня узнаеть... какъ быть... что дѣлать... я невиновата... кабы Ваня-то все вѣдалъ... да правду... узналъ... узнаеть... узнаеть...

И на послѣдней мысли она остановилась. Бодро приподняла Капитолина голову и осматрѣлась кругомъ. Въ эту минуту присяжные выходили изъ своей совѣщательной комнаты.

— Да виновна, прочиталъ ихъ старшина, по прошествіи нѣсколькихъ секундъ.

Капитолину обвинили. Господа ее ушли, не дождавшисъ конца дѣла. Судъ прочелъ ей обвинительный вердиктъ—въ рабочій домъ на 1 годъ.

Грустно и безсильно, но не злобно улыбулась такому приговору Капитолина. Въ эту минуту она была христіанкой... простила своему врагу...

Капитолину, какъ обвиненную, увели обратно въ тюрьму. Первый актъ этой небольшой житейской трагикомедіи окончился.

Посмотримъ, каковъ былъ второй, а онъ не замедлялъ начаться и окончиться грустнымъ эпилогомъ.....

Утро. Солнышко давно уже взошло на горизонтъ. На городской башнѣ пробило 7 часовъ.

Въ женскомъ отдѣленіи мѣстной городской тюрьмы, арестантки только что встали, убираютъ свои палаты, метутъ полъ, у которыхъ при себѣ дѣти, тѣ прибираютъ ребятешекъ. Дежурная по отдѣленію приготовляетъ на серединѣ камеры длинный столъ для обычнаго утренняго завтрака. По числу заключенныхъ на столѣ раскладываются ложки и порціи хлѣба. Наконецъ, принесено и горячее варево въ круглой глиняной чашкѣ.

— Ну давайте ѣсть... бабыньки, собирайтесь... ѣсть хочется, суетится около стола дежурная.

— Сбирайтесь... скорѣе... Машка, да брось ты ребятъ-то Малашка... скоро-ль ты... остынетъ варево-то... сами потомъ браниться будете, ворчить она.

Арестантки мало по малу собираются кругомъ стола, занимаютъ мѣста противъ своихъ ложекъ, наконецъ, усѣлись всѣ... одно мѣсто оказывается еще не занятымъ.

— Кого же это нѣтъ еще, пересчитываетъ по пальцамъ всѣхъ арестантокъ дежурная.

— Да тоей... какъ ее... Капитолины нѣтъ, что вчера са осудили... замѣчаетъ одна изъ молодыхъ бабенокъ...

— Гдѣ-жъ она?

— Да, знать, вышла до нужды... нѣтъ, въ умывальную пошла... какое ей въ умывальную... на что, она утресъ со мной мылась... поищите... да куда она дѣлась, слышится возгласы арестантокъ.....

Дежурная приготовившаяся уже было первую хлѣбнуть заманчиваго варева, бросаетъ съ досадою ложку и бѣжитъ, ругаясь на чемъ свѣтъ стоитъ, искать «прости Богъ, дьявола».....

Черезъ минуту, какъ сумасшедшая, врывается, она въ камеру, блѣдная какъ полотно.

— Бабыньки, Капитолина то... порѣшила собой... въ умывальной за шкафомъ на полу не жива лежитъ... кровь видать... знать, сердечная зарѣзалась.

Бабы арестантки сомѣли... всѣ бросились изъ за стола... варево было забыто... вся ватага ринулась въ умывальную, и черезъ нѣсколько минутъ по-

слышались кое какія отрывочныя причитанія, нѣкоторыхъ изъ товарокъ по заключенію, несчастной Капитолины.

Она, дѣйствительно, лишила себя жизни, зарѣзавшись ножемъ.

Въ тюрьмѣ поднялась суматоха... дали знать полиціи, слѣдователю... власти наѣхали, осмотрѣли покойницу, пошли распросы, какъ, что, отчего, и изъ всего этого можно было съ достовѣрностію узнать только то, что Капитолину поразилъ до нельзя обвинительный приговоръ, который ей вчера вынесли присяжные.

— Гораздъ, ваше благородіе, она авчерась весь вечеръ скучала, рассказывала слѣдователю одна изъ арестантокъ, наиболѣе дружившая съ покойной, ужъ такъ то убивалась она, все поминала, какъ мужъ то ейный узнаеть, что съ нимъ сдѣлается, а сама плачетъ... невинна, говоритъ, я ни въ чемъ, дарма меня обвинили, ни за что терплю... всю ночь почестъ не спала, все сидѣла да плакала, только къ утру ковырнулась, да и то не надолго; я проснулась еще рано, было, гляжу, а она у окошка пишетъ письмо... ну, пишетъ молъ... а сама то опять заснула, пускай, молъ, пишетъ... писать—не слезы лить.

— А что она писала... письмо что ли... гдѣ оно, спросилъ нетерпѣливо судебный слѣдователь, вамъ ничего она не отдавала... письма какогoнибудь... обратился онъ къ смотрителю тюрьмы.

— Ничего положительно.

— Да у ней, ваше благородіе, тутъ вещишки, есть кое-какія... можетъ не туда ли спрятала она, отозвалась къ судебному слѣдователю, одна изъ арестантокъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, нѣкоторыя изъ нихъ полѣзли подъ налати и вытащили оттуда небольшой узелокъ вещей, принадлежавшихъ Капитолинѣ, и подали его слѣдователю.

Послѣдній нетерпѣливо развязалъ его, и среди нѣсколькихъ штукъ женскаго бѣлья завернутаго въ ситцевое платъе, нашелъ заготовленное совсѣмъ, къ отправленію въ С.-Петербургъ письмо, на которомъ была налѣплена уже и почтовая марка.

— Въ С.-Петербургъ, Литейная улица, домъ № 14, Иринѣ Осиповнѣ Корочкиной, въ квартиру госпожи Бѣлявской, прошу передать горничной Иринѣ прочиталъ судебный слѣдователь адресъ на конвертѣ письма, и затѣмъ быстро вскрылъ самое письмо.

Приводимъ его содержаніе въ подлинникѣ.

— Увѣдомляю васъ, милая сестрица Ирина Осиповна, писала въ письмѣ своемъ покойница Капитолина, что я сегодня осудилась и слезми теперь обливаюсь, какъ безвинно меня, сами знаете, осудили. Невиновата я... и тяжко терпѣть... сами знаете, я писала вамъ... объ своемъ положеніи, какъ меня хозяинъ мой... баринъ... на грѣхъ смущалъ, чтобъ я съ нимъ жила... а какъ я въ памяти сердца, вамъ всегда писала... отказъ барину дала... уйдти отъ мѣста хотѣла... а они съ того въ отместку, что быдто я ихъ обокрала... дѣло ложное завели и на суду всячески это показали про деньги, быдто я выкрала... только слезы мои, да горе

мое знаютъ, какъ тяжко мнѣ; хотѣла было на суду все сказать, изъ какихъ дѣловъ баринъ на меня обязанность показалъ, да смѣлости не хватило... ну, какъ думаю, не повѣрятъ мнѣ... страмоту только на себя накинута... барину повѣрятъ, а мнѣ нѣтъ... опять же, гораздъ, на судъ праведный понадѣялась... а на тое мѣсто теперь обвинили... еще больше того думала, скажу такое на судъ всю правду, какъ баринъ на меня зарился... уговаривалъ со собою жить... Ваню жалко... думаю, какъ ни есть, узнаетъ про тое, сумлѣние на себя возьметъ. можетъ подумаетъ, и правду она супротивъ меня согрѣшила... такъ подумала, лучше, молъ, смолчу... а оправить меня, буду я совсѣмъ чистая... а теперь, вотъ, ошиблася, слезы выплакала, не знаю какъ быть, обвиновали меня зря... безвинно... пропадать теперь должна... а Ваню то, какъ сердечнаго жалко... узнаетъ онъ про мою долю... пропадетъ совсѣмъ... безвинно терпѣть должна... какъ мнѣ теперь быть, да что дѣлать, не соображу никакъ. Не говорите поколь Ванѣ ничего, что осудилася я, а отпишите мнѣ скорѣе, какъ быть, что али жалобу произносить на судъ... ваша сестра, Капитолина.

Письмо это было все въ пятнахъ отъ слезъ. Видно было, что Капитолина горячо и долго надъ нимъ плакала, но рѣшившись ждать отъ сестры своей отвѣта на это письмо, не дождалася, однако же его, и угрожъ покончила съ собой.

Муки сердца переселили въ ней самое желаніе жизни.

Долгое время спустя, послѣ смерти Капитолины, честное имя ея и невинность по дѣлу, были вполнѣ восстановлены, сознаниемъ бывшаго ея барина Николая Аргадыевича, который не выдержалъ упрековъ убитаго горемъ мужа Капитолины и чистосердечно покаялся передъ нимъ, что жена его умерла честной женой, ни въ чемъ неповинной женщиной, и что письмо ея къ сестрѣ справедливо отъ перваго до послѣдняго слова.

Судьи праведные, судьи совѣсти на этотъ разъ ошиблись, и не разгадали ту тайну сердца несчастной молодой женщины, которая вынудила ее на роковое для нея молчаніе на судѣ.....

ХІІІ.

Голосъ издалека.

Сообщаемъ выписку изъ письма, полученнаго нами изъ Нерчинска.

«Здѣсь вдалекѣ отъ тѣхъ мѣстностей, которыя давно уже пользуются благодѣніями гласнаго суда присяжныхъ, мы не менѣе того заочно чтимъ этотъ судъ, и имѣемъ объ немъ достаточныя понятія. Масса преступниковъ, ежегодно прибывающихъ въ наши мѣстности, разноситъ въ народѣ понятія о судѣ присяжныхъ разказами о томъ, какъ ихъ судили, какъ надъ ними судъ осуществился въ милостивой или строгой формѣ, т. е. по вашему, это значить со снисхожденіемъ или безъ снисхожденія. Въ нашей мѣстности преимущественно на ходятся и ссылаются сюда тяжкіе преступники, приговариваемые на каторгу; казалось бы, что они должны быть озлоблены противу суда ихъ, наказавшаго, но въ большей части случаевъ это бываетъ на оборотъ.

Мнѣ довелось бесѣдовать разъ со старикомъ преступникомъ, который попалъ

сюда на каторгу по приговору присяжных за убійство жены своей; его осудили на 10 лѣтъ.

— Тяжело было, небось, тебѣ, выслушать такой приговоръ, спросилъ я его.

— Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ онъ мнѣ, тяжело было не приговоръ мнѣ этотъ услыхать, заслужилъ я его, потерпѣть и покаяться долженъ, а горше того было на суду въ глаза честнымъ людямъ смотрѣть.

— Осудили меня, продолжалъ онъ,—я, значить, передъ своей душой покаянiе приму, а меня, присяжные, каторжнаго... говорятъ, снисхожденiе дать... милость оказать... вотъ что, сударь, дорого, а не судъ, кажинному человѣку этотъ судъ можетъ въ душу пройти.

Я безъ прибавленiй передаю вамъ слова каторжника.

Этотъ каторжникъ, передавая мнѣ про милость, которую оказали ему присяжные, даровавъ снисхожденiе, крестился. Хорошъ ли, значить, или дуренъ тотъ судъ, который у васъ дѣйствуетъ, пробуждая въ преступникахъ такiя чувства.

У насъ сталкиваются иногда въ одномъ мѣстѣ, при одной работѣ каторжные изъ разныхъ мѣстъ, иные изъ числа осужденныхъ старыми судами, и иные изъ числа осужденныхъ присяжными засѣдателями. И вотъ, между такими двумя лагерями происходитъ нерѣдко споры, а то и драки, какой или чей судъ лучше. Всякiй отстаиваетъ «свой судъ».

А какiе мотивы приводятся за; и противъ того и другаго суда.

— Тебя кто судилъ, какой судъ, спрашиваетъ своего товарища каторжникъ осужденный присяжными.

— Какой судъ, а такой, котораго ты не чувалъ.

— И не дай Богъ чувствовать.

— А чего-жъ и съ новымъ судомъ, а все попалъ сюда.

— Попалъ, да на ишiй манеръ, чѣмъ ты.

— Какой ишiй?

— Такой, что мы съ снисхожденiемъ, а ты.

— А мы... насъ судьи то настоящiе, господа судили, а у тебя небось на половину изъ сиволаныхъ было.

— Дуракъ... нешто въ судьяхъ толкъ... душа то небось одна, что у господъ что у нашего брата—мужиковъ.

Наконецъ споръ разрѣшается авторитетомъ нѣсколькихъ постороннихъ, не-причастныхъ къ спору каторжныхъ, которые объявляютъ, что супротивъ суда присяжнаго другаго суда нѣтъ лучше, потому первое двѣнадцать судьевъ, второе «никакого судьямъ, ни отъ кого принужденiя нѣтъ».

Выходитъ, что и каторжники отлично понимаютъ въ чемъ заключается «свобода совѣсти» присяжныхъ.

Но вотъ странное явленiе. Въ то время, когда каторжные и другiе ссыльные съ такимъ уваженiемъ относятся къ суду присяжныхъ и такъ обязательно на основанiи своего собственнаго участiя въ дѣлѣ, понимаютъ и выясняютъ всегда передъ сторонними людьми съ большою охотою достоинства этого суда, болѣе

развитые классы людей въ нашемъ обществѣ. относятся къ нему довольно холодно и находятъ, что судъ присяжныхъ имѣеть болѣе недостатковъ, чѣмъ достоинствъ.

По отношенію именно къ Сибири, при современномъ устройствѣ ея и умственномъ уровнѣ населенія, подобное мнѣніе можетъ быть, пожалуй, объяснено тѣмъ, что наше общество, т. е. подразумѣваю мѣстное, по свойству своихъ взглядовъ и потребностей, довольствуется еще пока болѣе грубою формою суда.

Въ средѣ нѣкоторыхъ изъ нашихъ интеллигентныхъ лицъ, нерѣдко можно услышать такое мнѣніе, что судъ присяжныхъ, развращаетъ народъ своею слабостью и потачкою преступникамъ, и когда однажды въ газетахъ проскользнулъ слухъ, дошедшій и до нашихъ палестинъ о томъ, что правительство озабочивается скорѣйшимъ введеніемъ судебной реформы, между прочимъ, и въ Сибири, то многіе изъ нашихъ второстепенныхъ администраторовъ не на шутку приуныли и стали доказывать, что въ странѣ, гдѣ «плети черезъ палачей» не утратили еще своего гражданства, долженъ существовать судъ дореформенный изъ правительственныхъ чиновниковъ, а не судъ тѣхъ гражданъ, изъ которыхъ многіе ведутъ свое родоначаліе отъ тѣхъ же ссыльныхъ и каторжныхъ.

Я не изъ числа администраторовъ, никакими высшими взглядами и соображеніями не обладаю, а потому рѣшительнаго мнѣнія по этому предмету никакого высказать не могу, но вотъ, въ самомъ дѣлѣ замѣчательный фактъ; преступники всякаго рода и, слѣдовательно, люди во всякомъ уже случаѣ, менѣ нравственные, наконецъ, простолюдины нашей мѣстности вообще, крестьяне, поселенцы, всѣ они тяготеютъ къ суду присяжныхъ, и можно съ увѣренностію сказать, что въ средѣ ихъ существуетъ самое искреннее желаніе воспользоваться скорѣе благодѣяніями этой формы суда.

Ни на комъ, какъ на тяжкихъ преступникахъ не отражаются съ такою рельефностію слѣды высоко нравственнаго вліянія и значенія суда присяжныхъ. Закоренѣлые злодѣи въ разсказахъ о томъ, какъ происходилъ надъ ними судъ, какъ присяжные разбирали дѣло, спрашивали ихъ,—дѣлались людьми въ полномъ смыслѣ слова.

Я никогда не забуду, какъ одинъ каторжный долгосрочникъ, осужденный за убійство съ поджогомъ, передавая мнѣ подробности своего ужаснаго дѣла, между прочимъ, выразилъ самъ удивленіе, что присяжные дали ему снисхожденіе.

— Поймите, сударь, сами... звѣря я собой тогда показалъ... невинную челоуѣческую душу загубилъ... каковъ теперь въ томъ... а они присяжные... больше купцы все были... въ Макарьевѣ меня судили... виновать, говорятъ очинно виновать, а снисхожденія дали... знать и въ мою то душу грѣшную заглянуть не побрезгали... и въ ней нашли чтось.....

И этотъ каторжникъ плакалъ, когда передавалъ мнѣ, что присяжные его «отмѣтили» своею милостію.

Вирочемъ, что же я сообщаю вамъ такіа «новости».

Думается мнѣ, что вамъ онѣ лучше извѣстны, чѣмъ намъ здѣсь въ нашей отдаленной глуши».

XIV.

Л е н я.

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, въ одномъ изъ окружныхъ судовъ, съ участвомъ присяжныхъ засѣдателей, разбиралось дѣло объ одномъ чиновникѣ, который былъ преданъ суду за совершенный имъ по службѣ подлогъ. Этотъ подлогъ самъ по себѣ незначительный, имѣлъ, однако же, нѣкоторые дурныя послѣдствія для потерпѣвшаго лица, и вотъ эти то послѣдствія, главнымъ образомъ, и представляли для подсудимаго вѣроятность обвиненія его присяжными для того, чтобы поступить справедливо и послѣдовательно по отношенію къ лицу, потерпѣвшему отъ преступленія.

Въ числѣ вызванныхъ на судъ свидѣтелей находилась и жена подсудимаго, молодая еще женщина, лѣтъ двадцать восьми, которая при переключкѣ свидѣтелей, явилась въ залу суда въ сопровожденіи своей дочки, дѣвочки лѣтъ восьми, приведенною ею съ собой потому, что ее не съ кѣмъ было оставить у себя на квартирѣ.

Дѣвочка, увидавъ своего отца, который находился подъ предварительнымъ арестомъ, быстро отошла отъ матери и бросилась къ нему. Подсудимый обрадовался, увидавъ дочку свою, ласково погладилъ ее по шелковистой головкѣ нагнулся и поцѣловалъ ее.

Эта простенькая семейная сцена, разыгравшаяся здѣсь на судѣ, такъ неожиданно, лучше сказать, невольно, пришлась всѣмъ, находившимся въ залѣ суда, по душѣ. Неподдѣльное дѣтское чувство ребенка къ своему, хотя бы и преступному отцу, вызвало совершенно естественно, нѣкоторую долю расположенія и къ послѣднему.

Когда предсѣдатель суда, послѣ прихода свидѣтелей къ присягѣ, предложилъ имъ удалиться въ особую комнату, а жена подсудимаго подошла къ дочкѣ, чтобы вести и ее съ собой, то послѣдняя, поглядѣвъ сперва на мать, а потомъ на отца, пожелала остаться при немъ.

— Мама, можно мнѣ пока съ наной... приговорила она шопотомъ, но все-таки довольно слышно... онъ одинъ... я съ нимъ посижу...

— Ну оставайся... да не шали... чуть слышно отозвалась ей мать, и поспѣшно удалилась изъ залы вмѣстѣ съ другими свидѣтелями.

— Позвольте маленькой дочкѣ моей остаться при мнѣ, обратился подсудимый къ предсѣдателю суда, давно не видала отца, соскучилась, хочеть побыть со мной... можетъ предчувствуетъ, что придется разстаться... закончилъ онъ, сдерживая слезы и поглаживая по головкѣ свою маленькую дочку, которая не то испуганно, не то вопросительно смотрѣла на своего отца.

— Васъ какъ зовутъ, обратился предсѣдатель къ дѣвочкѣ.

— Лена, отвѣтила она.

— А сколько вамъ, Лена, лѣтъ?

— Восемь.

— Хотите около отца быть?

— Хочу... папу люблю... папу жалко, проговорила она и на глазах ея блеснули двѣ слезинки.

— Ну, хорошо, сидите; слушайте.

Леня, видимо, обрадовалась этому дозволенію, она приютилась въ ногахъ отца своего, усѣвшись на приступокъ образуемый судейскимъ возвыщеніемъ, и стала внимательно осматриваться и прислушиваться ко всему, что происходило на судѣ.

Когда прочли обвинительный актъ, то она съ напряженнымъ вниманіемъ выслушала его и, казалось, все силы своего дѣтскаго ума напрягла къ тому, чтобы понять, что сдѣлалъ ея отецъ и за что его судятъ. Головка ея при допросѣ самого подсудимаго, отца ея, свидѣтелей, экспертовъ, сличавшихъ подложный документъ, безпрестанно оборачивалась въ разныя стороны, то туда, то сюда. Она вглядывалась въ лице каждаго говорившаго на судѣ свидѣтеля, и чего не могла изъ показаній этихъ понять и сообразить умомъ то дополняла своимъ дѣтскимъ инстинктомъ, дѣлая по своему выводы о томъ, кто обвиняетъ ея отца и кто заступаетъ за него.

Во время довольно суровой обвинительной рѣчи, — дѣвочка, долго и пристально всматривавшаяся въ обвинителя, вдругъ расплакалась, такъ, что ее пришлось вывести съ матерью въ корридоръ.

На присяжныхъ слезы ребенка, конечно, не могли не подѣйствовать, и общее впечатлѣніе при взглядѣ на присяжныхъ говорило, что они симпатизируя дѣвочкѣ, невольно склоняются долею участія своего и къ ея провинившемуся отцу.

Леня не долго оставалась въ корридорѣ, и скоро снова появилась въ залѣ, смѣло прошла по ней и усѣлась тихо и молча на старомъ мѣстѣ.

Въ это время говорилъ свою рѣчь повѣренный гражданскаго истца, требовавшій возмѣщенія съ подсудимаго убытковъ въ 1,500 р. сер.

Леня выслушала эту рѣчь серьезно. Умные глазенки ея, казалось, такъ и говорили: «откуда же папѣ взять столько денегъ, когда у него ничего нѣтъ».

Затѣмъ она особенно оживилась во время рѣчи защитника, и нѣсколько разъ даже улыбнулась, а по окончаніи защитительной рѣчи, вѣроятно, для выраженія защитнику своей благодарности, перешла съ правой стороны отца на лѣвую, къ стулу, на которомъ помѣщался защитникъ.

Хотя присутствіе Лени на судѣ во все время судебного слѣдствія и не внесло въ обстоятельства дѣла, ничего новаго, ничего ни убавило, ни прибавило, но для нравственной характеристики отца ея и оцѣнки его, какъ человѣка, придало очень много существеннаго матеріала. Такимъ образомъ, если присяжные во время судебного слѣдствія убѣдились вполне въ томъ, что подсудимый дѣйствительно совершилъ преступленіе — въ чемъ онъ впрочемъ и самъ же не заперся, — что онъ дѣйствительно причинилъ потерѣвшему матеріальный убытокъ, на значительную сумму, то все-таки и вмѣстѣ съ тѣмъ, они не могли не составить себѣ убѣжденія, что этотъ подсудимый далеко не преступникъ, что онъ

человѣкъ только «слабый», склонный выпить лишнее и не удержаться во время, на извѣстной степени порядочности, но что, въ тоже время, онъ хорошій семьянинъ, добрый мужъ и любящій отецъ.

Послѣднее такъ осязательно доказала на судѣ маленькая Ляня.

По окончаніи первыхъ рѣчей, стороны помѣнялись возраженіями, при чемъ потерпѣвшій замѣнивъ лично собою повѣреннаго своего, еще съ большою энергіею и настойчивостью сталъ приводить, еще какіе-то новые факты, къ изобличенію подсудимаго и къ подтвержденію своего иска.

Въ самый разгаръ его рѣчи, въ самую страстную ея минуту, когда потерпѣвшій, повидимому, забылъ все, и занятъ былъ только одною мыслью, какъ бы получить съ подсудимаго свои 1,500 р. сер. денегъ, Ляня, слѣдившая со вниманіемъ за его словами и, очевидно понимая ихъ значеніе, быстро встала вдругъ съ своего мѣста и направилась къ оратору—истцу.

— Дяденька, милый дяденька... прости моего папу... онъ бѣдный... проговорила она, вдругъ взявъ его за рукавъ... я выросту большая... большая... все тебѣ заплачу, послышался ея дѣтскій, умоляющій голосъ... и вслѣдъ затѣмъ, разразившись неуправимыми слезами, Ляня схватила руку смущеннаго истца и хотѣла ее поцѣловать.

Трудно передать словами, что произошло въ эту минуту въ залѣ суда.

Судьи прослезились... присяжные бросились къ дѣвочкѣ и стали успокоивать ее... съ подсудимымъ отъ сильнаго волненія чуть не сдѣлался обморокъ, а публика неистово закричала, вызывая Леню... милую дѣвочку... и выражая ей такое сочувствіе, такую озацію, ея дѣтски наивному, но удивившему всѣхъ поступку, что предсѣдатель суда долго не могъ возстановить въ залѣ порядокъ и спокойствіе.

Наконецъ шумъ стихъ, въ залѣ засѣданія, воцарилась тишина.

Ляня по прежнему сидѣла уже около своего отца и только изрѣдка вздрагивала, не будучи въ силахъ остановить скоро, прорывавшіяся еще въ ней слезы.

— Господинъ истецъ, не угодно-ли вамъ продолжать вашу прерванную рѣчь, провозгласилъ громко предсѣдатель суда.

Въ залѣ наступила гробовая тишина, напряженіе публики достигло своей высшей точки.

— Я отказываюсь отъ своего иска, и прощаю подсудимому его долгъ миѣ.

Новый взрывъ въ публикѣ привѣтствовалъ одобрительно поступокъ потерпѣвшаго, и когда онъ молча повернулся и пошелъ назадъ къ своему мѣсту, то сочувствіе къ его поступку выразилось тѣмъ, что присяжные засѣдатели какъ бы по мановенію чьему-либо, привстали съ своихъ мѣстъ и слегка поклонились ему.

Примѣру присяжныхъ послѣдовала и публика, привставшая съ своихъ мѣстъ и встрѣтившая гражданского истца стоя.

Черезъ нѣсколько минутъ зала суда огласилась отвѣтомъ присяжныхъ «нѣтъ не виновенъ»; подсудимый былъ освобожденъ изъ подъ стражи, и снова очутился среди своей семьи.

Съ самыми искренними слезами, горячо обливаясь, ласкалъ онъ свою Леню, вынося ее на рукахъ изъ залы суда.

— Милая... Леня... умница... ребенокъ глядь, а какую заступу взяла... выручила отца, умница Леня... дай Богъ тебѣ счастья... одно слово, Божье дитя... погоди умомъ развернется... Леня... славная Ленька... слышались со всѣхъ сторонъ изъ разныхъ слоевъ публики, одобрителъные отзывы, когда счастливый отецъ, со слезами на глазахъ, проносилъ корридоромъ суда, своего защитника — ребенка.

— Однихъ разговоровъ мало, я бы «мендаль» ей... дѣвочки-то на шею повѣсилъ... вотъ какъ потому стоитъ... умомъ домекнула, какъ свое дѣло взять... батьку выправить, проговорилъ на выходѣ изъ суда какой-то парень.

— Стоитъ... стоитъ... что и говорить, послышалось нѣсколько одобрителъныхъ голосовъ.

Со времени описаннаго нами случая, прошло уже двѣнадцать лѣтъ. Тогдашняя восьмилѣтняя Леня, теперь уже девятнадцатилѣтняя барышня Елена Владиміровна.

Объ ней слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

Вырученный ею отъ суда, ея дѣтскою находчивостію отецъ, котораго она такъ любила, скоро умеръ, оставивъ ее сиротой, а чрезъ два года умерла и мать ея, она — утонула на Волгѣ при крушеніи одного парохода.

Такимъ образомъ въ 10 лѣтъ отъ роду, Леня осталась уже круглой сиротой, безъ всякаго пріюта и безъ родныхъ, въ совершенно чуждомъ ей городѣ, но судьба послала ей добраго попечителя въ лицѣ того самого гражданскаго истца, котораго она побѣдила на судѣ, по дѣлу своего отца, не софизмами, не краснорѣчіемъ, а силою своего дѣтскаго, любящаго сердца.*

Онъ помѣстилъ Леню на свой счетъ въ губернскую женскую гимназію, далъ ей прекрасное воспитаніе, и на его средства она окончила курсъ наукъ. Въ послѣдній годъ пребыванія ея въ гимназіи, онъ умеръ, оставивъ «своей Ленѣ» небольшой капиталъ, обезпечивающій ей вполне ея будущность.

Въ восемнадцать лѣтъ, Леня стояла уже прочно на пути къ самостоятельному труду. Ей предстояло избрать его...

Говорять, что впечатлѣнія сознательнаго дѣтскаго возраста оставляютъ глубокіе слѣды въ характерахъ и въ будущемъ призваніи дѣтей.

Это подтвердилось вполне на Еленѣ Владиміровнѣ.

Она часто хотя и смутно вспоминала обстановку того судебного засѣданія, въ которомъ ей довелось въ первый разъ присутствовать, и въ которомъ она исполнила такую трудную для другихъ, но легко давшуюся ей, задачу защиты.

Впослѣдствіи, бывая въ засѣданіяхъ другихъ окружныхъ судовъ, она пристрастилась вообще къ дѣлу суда, которое сдѣлалось ей дѣломъ близкимъ сердцу, и она посвятила ему себя всецѣло, въ скромной роли стенографистки.

Если вамъ случалось бывать въ засѣданіяхъ . . . скаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, то быть можетъ; вы останавливали свое вниманіе на молоденькой стройной барышнѣ блондинкѣ, одѣтой всегда въ чер-

номъ, и всегда со вниманіемъ слушающей дѣла и вносящей ихъ въ свои замѣтки.

Эта барышня — Леня...

XV.

Въ арестантской камерѣ.

Небольшая камера одного изъ уѣздныхъ остроговъ переполнена по обыкновению всякаго рода арестантами.

Особеннаго рода типичныхъ представителей на этотъ разъ въ камерѣ нѣтъ. Заключенные почти что все, мѣстные крестьяне, попавшіе въ тюрьму за разные прегрѣшенія, въ родѣ кражъ со взломомъ, да дракъ съ нанесеніемъ увѣчій.

Да и по наружному-то виду посмотрѣть, все они народъ добродушный, отъ тѣнковъ злобы, нравственной порчи не видно на ихъ лицахъ.

На завтра въ городѣ начинается временная сессія окружнаго суда. Тѣ изъ арестантовъ, которымъ не пришла еще пора судиться, смотреть довольно беззаботно; изрѣдка слышатся среди ихъ шутки, прибаутки, на ряду съ вырывающимся иногда крѣпкимъ по привычкѣ словцомъ.

Но вотъ передъ нами одинъ изъ арестантовъ, выдѣляющийся своимъ видомъ отъ другихъ и не соответствующій общему, довольно веселому настроенію остальныхъ.

Ему лѣтъ сорокъ пять, онъ изъ подгородней слободы, зовутъ его Николѣй Михайловъ Стариковъ. Угрюмо сидитъ онъ одинокой у открытаго рѣшетчатого окна, выходящаго на тюремный дворъ, и, видимо, думаетъ тяжелую думу.

На завтра будетъ разбираться его дѣло. Честнымъ и исправнымъ мужемъ и плательщикомъ былъ онъ всегда, никогда никто не видалъ и не слыхалъ отъ него никакой обиды, никогда никто не могъ попрекнуть Старикова какимъ либо дурнымъ дѣломъ, да, видно, и въ правду на людяхъ говорится, что отъ тюрьмы, да отъ сумы подь—напередъ никто не отказывайся, потому на свѣтѣ всяко бываетъ. Такъ и со Стариковымъ, приключилось невзначай грѣшное дѣло.

Былъ онъ на ярмаркѣ, подгулялъ, голова-то сдѣлалась, словно не своя, а чужая, да дорогой мимо деревенскаго кладбища въ лѣсу идучи, увидалъ онъ у воротъ на столбѣ кружку для денегъ на поминъ христіанскихъ душъ. Трезвый-то онъ, можетъ быть, и отъ себя семитку положилъ туда, на поминъ своихъ «родителейъ» да «сродственникововъ», а пьяному-то ему тогда другое въ голову втемяшилось. На что, молъ, покойникамъ деньги, они себѣ лежи, да полеживай, а деньги, молъ, дѣло живое любятъ.

И сталъ Стариковъ въ умѣ пересчитывать у себя, на что онъ теперь деньги потратилъ бы, кабы у него онѣ вдругъ оказались.

На гумнѣ уголь протекъ—залатать нужно, думалъ онъ, возъ, другой соломы купить, а своей-то нѣтъ. Покровъ праздникъ подходитъ, пиво варить надо, водки купить, гости придуть, а денегъ нѣтъ. Ржишки да картошки продалъ бы, да мало уродило, поди и самимъ до осени недочуватка будетъ. Опять же, за вторую половину оброчныя и подати наказывалъ староста приготовить, а гдѣ ихъ взять-

то. Вонъ за Мирономъ Ивановичемъ зиму всю съ рощи возилъ и ему дрова вдвоемъ съ парнишкой, на машину ставилъ онъ, четвертную съ красной получить съ него слѣдуетъ, не отдастъ, водить да и на тебя; приди, говорить, завтра, а завтра придешь, дома его нѣтъ, а захватишь, какъ ни на есть, зайди, говорить, черезъ недѣлку, да такъ къ нему и ходишь, аспидъ онъ сущій, а не человѣкъ, жадный да скупой: ему рубль-то бѣдному человѣку отдать, да и рубль-то заработанный, все равно, что половину души съ себя вытянуть, а ссориться съ нимъ, да на судъ подавать, опять таки къ добру не потрафишь; съ волостными да становымъ онъ всякое знакомство ведетъ, да и самому при нуждѣ, какъ подъ крутую минуту, все онъ, хоть и возьметъ за рубль два, а все же дастъ, по крайности выручить; вотъ такъ-то, и крутись, а тутъ въ кружкѣ-то... небось, кольки нибудь есть, подумывалъ Стариковъ, глядя на кружку и потрогивая ее... вѣрно есть... по осени-то мельникъ сказывалъ... Худобинская барыня прїѣзжала по дочкѣ понафиду служила... пушала чтось въ кружку, а она барыня боязняя... знаетъ тоже, кому какъ подать... Бога гривной не обидить.

Постоялъ, постоялъ Стариковъ, поглядѣлъ кругомъ не идетъ ли кто, да не ѣдетъ ли по дорогѣ... тихо... никого... не видать, ну и ладно... знать, рука на добрый часъ, подумалъ онъ... шапку снялъ, перекрестился... камень поднялъ на дорогѣ... разъ стукнулъ по кружкѣ... другой... и рассыпала кружечка предъ нимъ свои достатки... много понасыпалось на землю денегъ... бросился Стариковъ скорѣе подбирать ихъ, не накрылъ бы кто... да мало насчиталъ онъ ихъ; только все грошники, да копѣечки, да все ржавые какіе то, на 17 копѣекъ насчиталъ Стариковъ съ грошемъ. Вотъ тебѣ и богатство, подумалъ онъ, знать, Худобинская-то барыня корысть свою не въ кружку спущала, а прямо въ руку попу сунула, навралъ мельникъ, что самъ видалъ... анафема, только въ грѣхъ ввелъ, что съ этими деньгами-то сдѣлаешь соображалъ онъ, направляясь съ кладбища и перебирая ихъ рукою въ своей шапкѣ.

— Куда ихъ, гумна, небось, не покроешь, думалъ онъ, хмѣлю къ празднику на пиво не купишь, подати не заплатишь, ну ихъ порѣшилъ онъ — въ кабакъ, да пропить — такъ и сдѣлалъ.

А въ кабакѣ-то сидѣлецъ — откуда у тебя, говорить, все такія монетки, такими нонѣ никто, говорить, не платитъ, знать стибрилъ гдѣ, да за старостой, ну объявилось все начальство деревенское, дознали, что, да какъ, да гдѣ обокралъ Стариковъ, въ станъ его сволокли; оттуда къ слѣдователю, въ тюрьму посадили, пять мѣсяцевъ, никакъ больше, отсидѣлъ ужъ онъ, а завтра на судъ, а стыда-то, сраму что, арестанты и тѣ смѣются.

— Ну, братъ, помажутъ же тебя господа присяжные за 17 копѣекъ, ужъ помажутъ.

И въ правду помажутъ, подумываетъ Стариковъ, и крчунится онъ за себя, да за жену, да за дѣтей, легко сказать, пять-то мѣсяцевъ ужъ отсидѣлъ, все хозяйство съ рукъ ушло: гумно завалилось, за подати двухъ коровъ продали, а Миронъ Ивановичъ чужому горю еще порадовался. Пришла къ нему Старикова жена, хоть сколько нибудь деньжонокъ попросить, а онъ въ отвѣтъ-то ей, такъ-

то гладко: какихъ, говоритъ, тебѣ, денегъ надоть, я твоему мужу, говоритъ, до копѣйки всё отдалъ, онъ съ-пьяну-то должно забылъ, на мои денежки очи себѣ заливаючи, воръ, говоритъ, твой мужъ, на покойническіе гроши польстился, а теперь ко мнѣ еще разъ за деньгами, отдалъ, говоритъ, я, всё ему, ничего не знаю, прогналъ онъ бабу вонъ, напредъ къ себѣ пушать не велѣлъ, а будешь, говоритъ, ходить, велю собаку на тебя спустить... знаешь, молъ, Султанку, слы-хала небось, какъ онъ у меня приученъ бабын хвосты теревить.

Сидитъ Стариковъ у окна, да думаетъ, что-то дастъ ему Господь завтра, клянетъ онъ себя, зарекается, коли его Господь на этотъ разъ ослобонитъ, никогда больше по праздникамъ не ходитъ.

— Что для Никифоръ пустыми зубами-то пощелкиваешь, съ насмѣшкой отозвался къ нему одинъ изъ молодыхъ арестантовъ.

— Не трошь его Ванька, како таперъ щелканье, таперъ онъ счетомъ занн-мается, сколько ему за 17 копѣчекъ годовъ отсидки будетъ, проговорилъ дру-гой арестантъ.

— Дураки вы оба-то, отозвался на ихъ слова съ одной изъ заднихъ ска-меекъ третій арестантъ, развѣ такія деньги крадежомъ прозываются, что за нихъ отсидка; небось я знаю, прошлымъ лѣтомъ Ваньку съ деревни Скорнопя-товой судили, такъ защитникъ его сказывалъ одное дѣло крадежь, а отъ Бога, говоритъ укралъ, хоша, говоритъ, на грошъ, все единственно святотатствомъ прозывается и за тое никакой отсидки нѣтъ, а прямо правъ лишенье, да на Сибирь, а мало что присяжные по строже, такъ за 17 то копѣекъ и каторги запробуешь, рассчитаь, значить, такой подведуть, по двѣ копѣйки на годъ только.

Несчастный Стариковъ дрогнулъ, услыхавъ такія рѣчи. Въ простотѣ душев-шевной самымъ худшимъ для себя послѣдствіемъ онъ полагалъ отсидку, а тутъ вдругъ впереди предстонтъ ему за 17 копѣекъ возможность даже и каторги, вѣчной разлуки съ женою, дѣтьми и родиной.

Молча поглядѣлъ онъ на своихъ сотоварищей по камерѣ, вспомнилась ему въ эту минуту его баба Агафья, да ребятишки, лошаденку, что дрова возила, и ту жалко стало; коровенокъ, что становой продалъ, и тѣхъ вспомнилъ Ста-риковъ, кудлатая жучка съ желтымъ хвостомъ и та мелькнула у него въ головѣ, при мысли о томъ, что, ну какъ ему взаправду придется со всѣмъ разстаться, и на сумрачномъ лицѣ его передернулись какъ то губы, а на рыжую взъеро-шенную бороду его скатилась мужничья, но горячая слеза.

— Эво братъ и заскучалъ спозараногъ, обратился къ нему съ утѣшеніемъ, одинъ изъ болѣе пожилыхъ арестантовъ, чего ты, Никифоръ, гораздъ-то кручи-нишься, не такія дѣла дѣлають люди, да и то Господь милостивый управляетъ, нонѣ братъ, самъ знаешь, народъ-то божескій—по совѣсти судять... самп присяж-ные... одно слово, не робѣй... да собственнымъ признаніемъ дѣвствуй, первое это на судѣ дѣло... признался ты, мало сколько другой черноты, али ахальства на тебѣ нѣтъ... ну 'и оправать присяжные.

— Дай-то Господи, проговорилъ тихо Стариковъ, баба-то моя, вишь, у попа была, три цѣлковыхъ ему, замѣсто 17 копѣекъ, на церковь отдала, яргу при-

дала, только чтобъ опъ на судѣ-то не гораздъ налегаль, да попадѣ четыре дни огородину полола, четыре холста выѣлила, къ празднику окорочекъ былъ, той снесла, льну пясточками, то одну, то двѣ, да яницъ перетаскала что, ужъ и забыли мы, опять же Ванька мой дарма имъ все лѣто скотину пасъ, совѣмъ раззорили они насъ... рассказывалъ Стариковъ.

— Ну, да по крайности попъ то, обѣщалъ тебѣ судѣйствовать, спросилъ Старикова кто-то изъ арестантовъ.

— Обѣщалъ, буду, говорить, его выправлять.

— Ну, коли попъ сказалъ выправить, такъ и жди, ты попа сноровку знаешь, ублажи его какъ слѣдуетъ, и все твое дѣло чисто будетъ, утѣшали Старикова арестанты.

— Одначе братъ за 17 то копѣекъ, думается мнѣ, много ты откупнаго далъ, отозвался съ усмѣшкой кто-то изъ арестантовъ.

— Ничего братцы мои, обратился къ товарищамъ своимъ какой-то шутникъ, не жалко мнѣ такъ, какъ этого самого окорока, что жена Старикова попу отдала; таперъ бы намъ его въ щи, на сколько бы его разовъ хватило, и значить, въ лучшемъ видѣ, за упокой души, али за твое ослобоженіе помянули бы мы тебя, поправился онъ, обращаясь къ Старикову.

— А что, братцы, давайте мы съ дяди Никифора магарычъ возьмемъ, что если его отъ суда оправятъ, продолжалъ кто-то.

— Дашь, дядя Никифоръ, обратился къ нему одинъ изъ молодыхъ арестантовъ, коли тебя присяжные оправдаютъ, дашь, ей-ей не хуже попа Богу мы за тебя помолился.

— Что-жъ, братцы, дамъ, ничего, кажись, не пожалѣлъ бы таперъ, отозвался нѣсколько повеселѣвшій дядя Никифоръ.

— Ну, а что дашь то?

— Что дамъ-то, ну, свинью буду колоть, если что ослобонюсь, полпуда свѣжины со всѣмъ удовольствіемъ предоставлю вамъ.

— А еще чего?

— Ну творогу бадейку.

— Творогъ-то, что, вода одна, замѣтилъ кто-то.

— Ну гороху четверку.

— Гороху-то... что-жъ хорошо, у васъ на деревнѣ горохъ то крупный, да къ гороху меду фунтикъ захвати, мы какъ на манерь кутыи тебя помянемъ, али твоихъ покойничковъ, что ты забидѣлъ.

— Ну ладно, отозвался Стариковъ.

— Это что-жъ, и все... да этого мало... ты попу-то, вишь, сколько задавалъ... а намъ съ тебя не грѣхъ взять... небось на свою душу твой грѣхъ перенять должны... грѣхъ то у тебя самый каторжный... покойничковъ обидѣлъ... на ихъ достатки позарился... слышались шутильные голоса ихъ среди арестантовъ.

— А ты вотъ что, дядя Никифоръ, чтобъ ужъ намъ не обидно было... предоставь ты намъ еще фунтъ табаку на артель, да чаю хоша осьмушку, да «го-

рячаго» скляночку принеси, вотъ ужъ тогда очинно мы будемъ тобой довольны, да еще накажи бабѣ своей по ватрушкѣ поминальной намъ спечь, мы, знаешь, и за твое освобожденіе и поминальное за покойниковъ справимъ... будетъ такъ... штоль.....

— Ну, ладно, будетъ, только-бъ Господь ослобонилъ.

— Ну, а будетъ, такъ не сомнѣвайся, и, значить, мы тебя завтра съ поздравленіемъ домой проводимъ.

На другой день, въ 10 часовъ утра, съ парюю конвойныхъ, Никифоръ Стариковъ отправился на судъ, а въ четыре часа дня онъ былъ уже возвращенъ назадъ въ острогъ, для сдачи только арестантской сермяги и для немедленного освобожденія, такъ какъ присяжные его оправдали.

— Ну что какъ дѣла, дядя Никифоръ... оправили что-ль... оправдался... аль нѣтъ, закидали его со всѣхъ сторонъ однокамерные арестанты.

— Оправили, ослобонили совсѣмъ, дай имъ Богъ здоровья, господамъ присяжнымъ, отозвался Стариковъ веселый и довольный.

— Ты насъ то, дядя, благодари... мы чай тоже не мало за тебя труда взяли... почитай всю ночь, да покулъ ты въ судѣ былъ, все раба Божія Никифора поминали, чтобы ему Господь грѣхъ его пропустилъ.

— Благодаримъ покорно и васъ братцы, низко кланялся имъ Стариковъ на всѣ стороны.

Въ тотъ же часъ Стариковъ, сдавъ арестантскій армякъ, сталъ, собираться къ выходу, подтвердивъ всѣмъ своимъ товарищамъ по камерѣ, что онъ сряду предоставитъ имъ все, что обѣщаль.

Арестанты поблагодарили его, а все таки на прощанье обшарили всѣ его карманы и отобрали у него себѣ на магарычъ кисеть съ табакомъ, двадцать копѣекъ серебромъ денегъ, и хорошіе прочные его сапоги, въ замѣнъ, которыхъ чтобъ не стыдно было домой показаться, дали ему старые опорки, а сапоги продали тюремному надзирателю за три рубля, и деньги раздѣлили между собою поровну.

Черезъ недѣлю послѣ освобожденія Никифора Старикова, жена его Агафья на хилой лошаденкѣ съ цѣлымъ возомъ подавнія подѣхала къ воротамъ городского острога.

— Какъ бы мнѣ, касатикъ, тутъ до седьмой камеры объявиться, обратилась она съ вопросомъ къ стоявшему на посту часовому.

Тотъ ничего не отвѣтилъ на слова бабы, молча позвонилъ у воротъ въ колокольчикъ, а между тѣмъ у рѣшетчатого окна верхняго этажа тюрьмы, появилось нѣсколько любопытныхъ арестантскихъ головъ.

— Тетка... эй бабушка... тетинька... отъ кого ты... кому, слышались сверху голоса арестантовъ.

— Седьмому номеру касатики... отъ Никифора Стариковыча... можетъ знаете... отвѣчала баба, поглядывая къ верху и ощупывая кругомъ свой возъ, словно цѣль ли онъ.

— Какъ не знать... съ одной чашки то хлебали, небось... а ты кто сама ему будешь... жена что-ль... слышались вновь голоса.

— Жена... жена...

— Значить тетка Агафья...

— Самая я и есть...

Черезъ минуту повозка тетки Агафьи была окружена цѣлою гурьбою арестантовъ, которые, подъ наблюдениемъ надзирателя, выгружали въ свою артель всё обѣщанные Стариковымъ продукты.

Выгрузка произошла благополучно... только «горячай» въ бутылкѣ не прошелъ чрезъ цензуру и вмѣсто арестантскихъ рукъ попалъ за голенище сапога надзирателя.

Порожнякомъ поѣхала Агафья домой, сердечно довольная, что судьи—миловитицы ея мужа ослобонили и посылая только самый искренній попрекъ попу да попадѣ, да «этими самымъ острожникамъ», которые ея мужа за семнадцать коп. серебромъ «ну, обобрали какъ... здорово».....

XVI.

П о р у ч и т е л ь .

Камера уѣзднаго судебного слѣдователя.

Впереди у окна непрезентабельный столъ, накрытый старымъ поружѣлымъ сукномъ, въ углу шкафъ съ бумагами.

Около двери, немного вправо, стоитъ обвиняемая, кокетливо одѣтая молодая дѣвушка, модистка, съ довольно бойкимъ взглядомъ.

Поодаль отъ нея помѣщается городской съ бляхой.

Судебный слѣдователь только что прочиталъ обвиняемой свое постановленіе, по которому она, въ обезпеченіи своей личности, должна представить за себя до окончанія дѣла, поручителя въ суммѣ 25 руб. сер.

— Гдѣ-же мнѣ взять-то его, этого самаго поручителя? спрашиваетъ она слѣдователя.

— Это ужъ ваше дѣло, гдѣ знаете, поищите, отвѣчаетъ онъ, вотъ съ городовымъ сходите, а не найдете поручителя, то будете подвѣргнуты аресту.

— Гдѣ бы найти-то его... поручителя, обращается встревоженная дѣвушка къ городовому, какъ бы надѣясь на его въ этомъ отношеніи знанія и опытность.

— Гдѣ найти — проси кого знаешь — отвѣчаетъ ей городской... вотъ сходи... къ Платону Иванычу... знаешь, что на Юрловкѣ то его домъ... желѣзомъ торгуетъ...

— Это, что на суду-то лѣтось, какъ дѣла разбирали присяжнымъ былъ, что ли, какъ бишь его засѣдателемъ, тотъ или нѣтъ... вопросительно отозвалась дѣвушка къ городовому.

— Знамо тотъ, онъ самый и есть.

— Губа еще верхняя у него дрябаетъ...

— Дрябаеть... одно слово самый онъ, какъ на суду побываль въ присяжныхъ, въ охотку ему стало... съ той поры все, на поруки всѣхъ беретъ... только къ ему и водимъ пояснять городозой.

— Ну, пойдёмъ...

Дѣвушка съ городовымъ ушла.

Черезъ полчаса они возвращаются оба назадъ.

— Ну, что, нашли поручителя? предлагаетъ ей вопросъ судебный слѣдователь.

— Нашли-съ, сейчасъ идутъ... насилу упростила... здѣшній купецъ, самъ домохозяинъ, Платонъ Ивановичъ.

Поручитель, мушина лѣтъ пятидесяти, купецъ, входитъ въ камеру, набожно крестится на икону и обращается къ слѣдователю съ вопросомъ.

— Къ вашему благородію требовать меня изволили?

— Я васъ не требоваль.

— Какже-съ, самая эта дѣвушка съ городовымъ и пришедши говорятъ: пожалуйста къ слѣдователю въ поручители какіе-то.

— Ну да, это она васъ просить за нее поручиться.

— А примѣрно, за какимъ онѣ дѣломъ состоятъ? интересуется узнать поручитель.

— Дѣло пустое — она чужое пальто заложила и деньги растратила.

— Такъ-съ, отвѣчаетъ купецъ, вымѣриваетъ глазами дѣвушку и заглядываетъ на ея очень недуренькое личико.

— А отвѣту, примѣрно, никакого мнѣ за нее не будетъ?

— Никакого, только чтобъ она не скрылась отъ суда.

— Скрыться ей нельзя, потому при мѣстѣ, тоже состоитъ, рази вотъ бываетъ промежь ихъ сестры, сбѣжить съ гѣмъ-нибудъ.

Дѣвушка конфузится, краснѣетъ, а Платонъ Ивановичъ еще болѣе пялить на нее глаза.

— Нѣтъ, сударь... лучше не возьмусь за нее, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, отзывается вдругъ совершенно неожиданно поручитель, кабы она, примѣрно, несуразная изъ себя-то была, ну тогда не страшно, отъ дома нигуда не уйдетъ, а то, изволите видѣть, какіе глаза-то у ней, стрѣлы сущія, съ поволокой; сама говоритъ, а сама искушаетъ. Вильнетъ хвостомъ... а потомъ и нищи ее... Лѣтось у насъ тоже, вотъ такая же швейка не хуже ее, быстроглазая... Эскадронъ отъ насъ на маневры, и она за нимъ тоже, зная, на маневры такъ и сбѣжала...

— Счастливо оставаться, сударь... лучше отъ грѣха да отвѣта подальше, не возьмусь я за нее... отозвался поручитель и вышелъ за дверь.

Дѣвушка понурила головку.

— Проси... буркнулъ ей городской... можетъ и возьмется, поклонись...

Модисточка выбѣжала за купцомъ, и минуты черезъ три воротились обратно, красная, какъ маковъ цвѣтъ.

— Ну чтоже-съ? обратился къ ней слѣдователь.

— Не берутъ такъ-съ, безъ ничего... начала она конфузливо и потупила глазки...

— То есть, какъ такъ?..

— Не берутъ... контрибуцію въ свою пользу большую назначаютъ, еще тише и стыдливѣе проговорила она... а ужь мнѣ это очень обидно, тоже себя пожалѣть надо.

— Ну, время, да и народъ нонѣ, прости Господи, сталъ, — выжили сущіе, проговорилъ вполголоса городской. Старый самъ-то человекъ... присяжнымъ еще засѣдателемъ быть, на суду засѣдалъ, а тоже вишь съ дѣвчонки контрибуцію спрашиваетъ... покорыствовался и тутъ...

Такъ поручительство изъ за «контрибуціи» и не состоялось.

Бѣдная модисточка горько заплакала... Кому охота идти въ тюрьму... Слѣдователь пожалѣлъ ее и отпустилъ на свободу безъ поручительства.

XVII.

К а т р а .

I.

Въ одномъ изъ благословенныхъ уголковъ Малороссіи, скоро послѣ введенія тамъ новаго суда, въ большомъ селѣ Баньковкѣ случилось довольно загадочное происшествіе.

У молодого крестьянина Тараса Грыгуля, года два тому назадъ только что женившася, неизвѣстно куда пропала, или, лучше сказать, дѣвалась его молодая жена Катерина.

Это исчезновеніе Катерины, или, какъ ее на селѣ называли, Катры, произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Около половины мая мѣсяца, Тарасъ заюродился вмѣстѣ съ нѣсколькими другими односельцами своими, перевести изъ села одному купцу, партію хлѣбныхъ сѣмянъ въ ближайшій губернской городъ, верстъ за полтораста разстоянія.

Возчики еще съ вечера наложили себѣ каждый на воза опредѣленное число мѣшковъ, а съ утра каждый прямо уже отъ себя двинулся въ путь для того, чтобы собраться по обыкновенію цѣлымъ обозомъ на переправѣ черезъ большую рѣку въ двухъ верстахъ отъ села.

Тарасъ на двухъ возахъ выѣхалъ изъ дому часовъ въ 6 утра.

Батки проводили его за порогъ хаты на улицу, а Катра пошла за мужемъ «до околицы».

— Я только съ нимъ до оврага, подсоблю ему коней спустить и сряду домой, крикнула она своей свекрови и пошла рядышгомъ съ мужемъ.

Съ той минуты Катра исчезла изъ села и больше уже не возвращалась.

Старуха свекровь ея уже утромъ, когда скотину пригнали съ поля на «полуденное», отправилась по селу искать ее, выспрашивая вездѣ, не видать ли кто Катры, и получала вездѣ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что никто нигдѣ ее не видалъ. Старуха направилась дальше, прошла всю дорогу до перевоза: нигдѣ Катры нѣтъ, и не видно ея.

— Здорово, дѣдушка Оома, обратилась она, войдя въ избу старика крестьянина, арендатора перевоза, четверо сыновей котораго день и ночь работали на рѣкѣ, едва успѣвая управляться на двухъ паромахъ и удовлетворять требованія всѣхъ проѣзжающихъ.

— А, здравствуй, Власьевна—куда тебя, какъ живешь, аль черезъ рѣку нужно... ребята-то мои всѣ, кажись, на томъ берегу.

— Нѣтъ, Оомушка, нигуда мнѣ, родимый, не нужно, къ тебѣ вотъ, кормилецъ, пришла, поспросать кое что...

— Объ чемъ такое, удивленно спросилъ старикъ, вскинувъ свои сѣдые глаза на Власьевну.

— Да на счетъ Катры нашей.

— Катры?

— Ну, да, Тараскиной женки; увязалась она мужа провожать; сегодня утресъ о седьмомъ часу онъ выѣхалъ, пошла она съ нимъ, да вотъ съ тоей поры ея и нѣтъ, домой не приходитъ... не видалъ ли ее.

— Не видалъ ее, старая, не видалъ, отвѣчалъ старикъ глубокомысленно, сказывали хлопцы мои, ребята ваши съ житомъ что ли, поѣхали, въ окошко видалъ я, словно и Тараска вашъ былъ съ ними, много ихъ всего-то тутъ подводъ ѣхало, а Катры не видалъ, точно не видалъ, говорилъ старикъ разводя руками.

Власьевна вышла изъ избы, прошла по берегу рѣки на бечевникъ, куда стариковы хлопцы только что пристали съ двумя паромами.

Съ тѣми же распросами обратилась она къ нимъ и получила тотъ же отвѣтъ, что Катры они не видали, а что Тараска съ двумя подводами, въ числѣ другихъ Баньковцевъ, точно былъ, и вмѣстѣ съ другими же поѣхалъ за рѣку.

— Рожа только у Тараски была что-то словно, какъ не своя, такой онъ былъ, быдто какъ не спокойный, отозвался къ Власьевѣ одинъ изъ стариковыхъ хлопцевъ.

— Неспокойный... съ чего же ему быть неспокойнымъ... тихо проговорила какъ бы про себя Власьевна, и не сказавъ больше ни одного слова, быстро обернулась отъ ребятъ, и молча торопливою походкою направилась домой въ гору.

— Знать Тараска-то Катру... на облѣскѣ, видно, шандарахнулъ... здѣсь въ кустахъ... загуливала Катра-то отъ него... сказывали всѣ... и бивалъ онъ ее за тое... ну знать и добилъ... проговорилъ старшій хлопецъ старика, обращаясь къ своимъ братьямъ, и въ глубинѣ души, тоскливо пожалѣвшій отъ себя Катру, такъ какъ и самому ему не разъ приходилось заглядываться на нее, такая она изъ себя-то была хорошая...

Старуха Власьевна, не заходя домой, прошла прямо къ своему старостѣ и объявила ему, что Катра не знамо куда дѣбалась, что нѣтъ ея, что ушла она за мужемъ, Тараску проводить, на перевозѣ, былъ онъ уже одинъ, а ея и слѣдовъ нѣтъ.

Староста не особенно горячо принявъ сообщенное ему старухой извѣстiе о пропажѣ Катры. Онъ зналъ, что за Катрой бывало обыкновенiе кое куда поха.

живать, а тутъ, думаетъ, мужъ-то ея уѣхалъ, ей это на руку. куда нибудь и навернулась.

Но не высказывая этихъ предположеній своихъ старухъ. онъ посовѣтовалъ ей спокойно подождать вечера, а то и утра, потому, «можетъ быть, послѣ ночи она и сама собой объявится».

Прошелъ вечеръ, прошла ночь, утро настало, полуденное пришло, а Катры нѣтъ.

Пуще прежняго встревожилась Власьева и ея мужъ. Распространившееся еще наканунѣ по селу извѣстiе, что Катра пропала, возбудило во всемъ селѣ разные толки, слухи и пересуды.

Въ избу Катриныхъ батьковъ то и дѣло забѣгали бабы и дѣвки. узнать вернулась ли молодая. А Катры все не было.

Подъ влiянiемъ возникавшихъ на селѣ разныхъ слуховъ. и самъ сельскiй староста придалъ, наконецъ, изчезновенiю Катры болѣе серьезное значенiе: въ полдень онъ самъ взошелъ въ избу Власьевны, самъ спросилъ ее. какъ теперь быть и что дѣлать, объ чемъ-то переговорилъ съ ней шепотомъ, развелъ руками, и въ тотъ же день вечеромъ выгналъ все село искать Катру по всемъ окрестностямъ.

А слухи да пересуды объ изчезновенiи Катры, начиная отъ самыхъ шуточныхъ и невинныхъ, принимали все болѣе и болѣе темный и даже мрачный оттѣнокъ. Стали поговаривать, не Тараска ли ее куда нибудь сировадилъ, а тутъ еще перевозчиковы хлопцы отъ себя рѣчь пустили, что «Тараска тое самое утро, какъ переправлялся съ обозомъ, былъ какъ не свой, будто чего спужавшись и говорилъ, словно, не своими словами».

Три дня и три ночи производились вездѣ по окрестностямъ поиски Катры, а ея все-таки нигдѣ не оказывалось. На четвертыя сутки нарочный сотскiй полетѣлъ въ стащъ съ извѣстiемъ о пропажѣ Катры, Тарасовой женки. а къ вечеру того же дня пришелъ изъ стана приказъ, какъ только объявится Тараска домой, сразу его арестовать.

II.

Объ этомъ приказанiи становаго, былъ предувѣдомленъ, старикъ Тома на перевозѣ.

На седьмой день своего выѣзда, когда Тарасъ возвращался домой вмѣстѣ съ другими своими односельцами, то стариковы хлопцы при первомъ же свиданiи съ ними на паромѣ, предварили его, что объ немъ «дѣло начинается»...

— Какое дѣло? удивленно спросилъ Тарасъ?

— Какое—не вѣдаешь.

— Знамо, не вѣдаю.

— Да на счетъ Катры.

— Чого на счетъ Катры?

— Да куда ты ее подѣвалъ?

— Подѣвалъ... Катру... съ недоумѣнiемъ спрашивалъ Тарасъ, глядя на всѣхъ удивленно.

Хлопцы не повѣрили ему, что онъ ничего не знаетъ, и тотчасъ же дали знать о немъ сотскому, который, по распоряженію пристава, ожидалъ прибытія Тараса въ стариковой избѣ.

Не успѣлъ Тарасъ опомниться отъ той новости, которую сообщили ему хлопцы, не успѣлъ онъ коней своихъ свести съ парома, какъ сотскій съ двумя десятскими былы уже около него.

Быстро перевязали они ему руки, усадили на повозку и, не говоря ни слова, погнали на село.

Въ волостномъ правленіи, куда его тотчасъ же доставили, Тараску ожидалъ уже становой.

Набросившись на него, какъ на уличеннаго уже преступника, становой наговорилъ ему тысячу угрозъ и страстей, и поставилъ ребромъ вопросъ: «куда онъ дѣвалъ свою жену—Катру».

— Не могу знать, ваше благородіе, куда она дѣвалась, отвѣчалъ Тарасъ, страшно смущенный.

— Врешь, ты знаешь гдѣ она...

— Что хотите дѣлайте, не знаю.

— Ты убилъ ее, да спряталъ... надоѣла она тебѣ, варваръ ты этакой, кричалъ становой.

При словѣ «убилъ», Тарасъ вздрогнулъ, весь поблѣднѣлъ, затрясся какъ въ лихорадкѣ и какъ бы припалъ книзу.

Предъявленное къ нему такъ внезапно и столь серьезное обвиненіе видимо поразило его. Онъ не зналъ, что отвѣчать, спутался, смѣшался, а это замѣшательство еще болѣе того убѣждало всѣхъ, что онъ, дѣйствительно, совершилъ то страшное злодѣяніе, которое ему приписывалось, и которое онъ, повидимому повернулъ такъ ловко, что не оставилъ для правосудія никакихъ слѣдовъ его.

Не добившись отъ Тараса никакого признанія, становой приставъ отпиравилъ его въ тюрьму.

Дѣло поступило къ судебному слѣдователю, началась обычная процедура предварительнаго слѣдствія. Слѣдователь напрягалъ всѣ усилія къ тому, чтобы раскрыть преступленіе, но ничего обнаружить не могъ. Тарасъ упорно молчалъ, не признавалъ себя виновнымъ въ убійствѣ своей жены, увѣрялъ, что онъ ее любитъ, что никогда у него не поднялась бы на нее рука, и что если онъ иногда и бивалъ ее за ея вѣтренность, и за то, что она «больно до господь охоту имѣла», но все таки не переставалъ ее любить, и сокрушается о томъ, куда бы она могла дѣваться.

Но судебный слѣдователь не вѣрилъ Тарасу. Запирательство его еще болѣе возбуждало въ немъ желаніе обнаружить преступленіе, онъ еще энергичнѣе принялся за розыски уже самой Катры. Правда, непритворныя иногда слезы Тараса о своей женѣ зарождали во временахъ и въ душѣ слѣдователя сомнѣніе, что можетъ быть, Тарасъ ее и не убивалъ, что не сбѣжала ли она отъ него, и не скрывается ли отъ мужа, котораго промѣняла, можетъ быть, на когонибудь другаго, но сомнѣнія и мысли такого рода, быстро исчезали и уступали опять мѣсто

полной увѣренности, что Катра убита, и что убійца ея Тарась. Цѣлыи рядъ публикацій о повсемѣстномъ розыскѣ Катры живой или мертвой не привелъ, однако же ни къ чему.

А такъ какъ никакихъ прямыхъ уликъ послѣ того къ обвиненію Тараса въ убійствѣ Катры предварительнымъ слѣдствіемъ обнаружено не было, то въ концѣ лѣта, судебный слѣдователь вынужденъ былъ освободить Тараса изъ тюрьмы и самое дѣло о немъ представить къ прекращенію.

Осень и зиму Тарась прожилъ дома у отца и матери и безпрестанно куда-то все ѣздилъ. Говорили, что онъ очень скучалъ о женѣ, старался ее розыскать, но и его розыски были тщетны.

Нѣкоторые изъ его односельцевъ вѣрили искренности его горя и желанію найти свою Катру, другіе выражали, напротивъ, то мнѣніе, что Тарась «тоже не дуракъ», притворяется ловко, хочетъ «народъ провести», чтобы объ немъ всякое подозрѣніе было брошено и забыто, благо удалось ему схоронить хорошо концы.

Но вотъ на другой уже годъ, раннею весной, послѣ одной изъ первыхъ выгоногъ скота въ поле, сельскій пастухъ среди дня съ испугомъ прибѣжалъ на село, и объявилъ старостѣ, что собака его «учуяла и нашла мертвеча».

Мигомъ извѣстіе это распространилось по всему селу, народъ гурьбой повалилъ за пастухомъ и, къ ужасу своему, все сельское населеніе въ одной изъ лѣсныхъ ямъ наполненныхъ еще весеннею водою, увидало останки совершенно разложившагося уже человѣческаго трупа, нѣкоторыхъ частей котораго при немъ совсѣмъ не оказалось.

Слѣдовъ лица на трупѣ никакихъ уже не было. Узнать личность трупа было невозможно, но когда при помощи багровъ и веревокъ онъ былъ вытасченъ изъ ямы на сухое мѣсто, то надвинувшіеся къ нему люди, рассмотрѣвъ его, убѣдились, что это была женщина и женщина молодая, объ чемъ свидѣтельствовали ея длинныя каштановыя волосы.

При внимательномъ осмотрѣ, на трупѣ этой женщины, кругомъ шеи оказалась намотанною въ петлю ременная возжа, а въ правомъ вискѣ зияла пробитая насквозь рана. Одежды на трупѣ никакой не было, только кое-гдѣ сохранились еще слѣды бѣлой рубахи да и та была вся изодрана.

Правой руки и обѣихъ ногъ при покойницѣ не оказалось. Онѣ уже внослѣдствіи времени были найдены въ лѣсу не подалеку обгрызанными.

Это заставило предполагать, что трупъ былъ извѣденъ дикими звѣрями, которые кромѣ того обглодали на немъ почти всѣ мягкія части тѣла, растащивъ такимъ образомъ, по лѣсу по клочкамъ и бывшую на трупѣ одежду.

Ужась объялъ всѣхъ крестьянъ, когда они усмотрѣли эту несчастную жертву несомнѣннаго убійства.

Кто была убитая?

Вопросъ этотъ возникъ одновременно въ умѣ всѣхъ Баньковцевъ. Всѣ они по этому поводу остановились на одной мысли, но никто изъ нихъ не рѣшался первый ее высказать.

— Ну, бабы, молодицы, впередъ, проговорилъ вдругъ староста, глядите бабы по волосамъ, не признаете ли чьи они... не договорилъ онъ своего вопроса.

Бабы старыя и молодыя, дѣвки на возрастъ и подростки, выдвинулись впередъ сплошною стѣною и окружили покойницу.

Нѣкоторыя изъ нихъ нагнулись ближе и стали всматриваться въ трупъ. Толпа молча насторожилась, всё ожидали чьего нибудь перваго слова.

— Что-жъ молчите, небось догадъ то есть, сказывайте, Катра это али нѣтъ? поставилъ староста свой вопросъ прямо и открыто.

Въ толпѣ пробѣжалъ шепотъ, бабы и дѣвки переглянулись.

— Быдто она, Архипычъ... волосы словно, какъ ее... Катрины волосы... она, доподлинно она... чего доподлинно говоришь, когда не видала... зря не могли говорить... чего зря, когда доподлинно Катрины волосы и крестъ у нея на шеѣ былъ такой мѣдненькій... ну, да, ты видала... бери грѣхъ на душу... можетъ это и не Катра... нѣшто на ней написано таперь кто она... чего не написано, когда ейные волосы... вотъ хоть помирать мнѣ... Катра, слышались изъ толпы бабъ отрывочные голоса, за которыми загалдѣла и вся масса народа.

— Зря то что болтать, Архипычъ, слышался вдругъ изъ толпы мужиковъ, обращаясь къ старостѣ, чей то разумный голосъ. Катра это, али нѣтъ, это то Богъ одинъ знаетъ, а вотъ допрежь всего доподлинно дознаться надо, возжина чья на шеѣ у ей, вотъ это толкъ будетъ.

Мужики одобрительно отозвались на этотъ весьма основательный вопросъ. Возжа была немедленно снята съ головы покойницы и повѣшена на суку дерева.

— Ну глядите, братцы, не признаете ли чья она, обратился ко всѣмъ староста.

Головы всѣхъ поднялись на злополучную возжу, опять наступило минутное молчаніе, но вотъ изъ толпы выдѣлился какой-то молодой парень и весь блѣдный и дрожащій выдвинулся впередъ.

— Вотъ старики, проговорилъ онъ, обращаясь къ народу, вѣрьте мнѣ, али нѣтъ, а возжа Тарасова, хоть помирать мнѣ сейчасъ, его возжа, вѣрно, знаю...

— Ну таперь и мою рѣчь послушайте, проговорилъ другой парень, соедѣ по избѣ съ домоу Тараса, когда лѣтось поѣхалъ онъ съ мѣшкомъ на двухъ возахъ, на кажинной лошади были возжи, а вернулся объ одной возжѣ, еще я въ ту пору пыталъ его спрашивать; куда ты Тарась, молъ, другія возжи подѣваль, а онъ мнѣ отказалъ такъ: «не твое дѣло куды я свое доброе подѣваль».

Эти случайно выяснившіяся обстоятельства, мигомъ сгруппировали противъ Тараса цѣлую массу уликъ. Въ толпѣ мужиковъ и бабъ возникло противъ него страшное озлобленіе, всѣ стали кричать, гдѣ Тараска, тащи его, ребята, сюда, злодѣя, душегубъ онъ этакій—такъ то бѣдную уходилъ, тащи его сюда... на расправу.

Тараски въ толпѣ не оказалось.

Мигомъ нѣсколько человекъ крестьянъ съ сотскимъ, были отряжены на село чтобы разыскать его и доставить сюда.

Это распоряженіе громады относительно Тараса, внушило всему бабьему населенію несомнѣнное убѣжденіе, что передъ ними лежитъ, дѣйствительно, несчастная Катра, злодѣйски и измѣннически убитая рукой мужа, въ то время, когда изъ добраго побужденія она вышла его провожать.

Бабы въ одинъ голосъ подняли вой, всѣ стали поминать Катру, имя ея переходило изъ устъ въ уста, начались причитанья, завыванья на распѣвъ, кто крестился набожно, кто желалъ Катрѣ царствія небеснаго.

А смрадные останки, безобразно распростертые на землѣ, лежали недвижно, не давая ни малѣйшаго намека къ безошибочному разрѣшенію вопроса о томъ, кому они принадлежать.

— Идетъ, ведутъ, слышались вдругъ голоса, и изъ за угла лѣсной поляны показался блѣдный, какъ смерть, Тарасъ, влекомый посланными за нимъ людьми.

Широкимъ потокомъ разступилась предъ нимъ толпа и тотчасъ же замкнула его въ свой кругъ.

— Ну, Тараска, повидай таперь свою Катру, глянько на нее, вотъ она на тебя смотреть, проговорилъ староста, подводя Тараску къ труну и указывая ему на него.

Тарасъ обомлѣлъ, отшатнулся было назадъ отъ давленницы, зашатался, но однакоже устоялъ на ногахъ.

— Невиновать я православные... нѣтъ на моей душѣ вины противъ Катры не душилъ и не билъ я ее... проговорилъ онъ глухимъ надорваннымъ голосомъ, обращаясь къ толпѣ и въ знакъ почтенія своего къ ней снялъ съ себя шапку.

— Кто же это ее уложилъ сюда, спросилъ его староста.

Тараска молча подошелъ къ труну, пристально посмотрѣлъ на него и преодолевъ въ себѣ видимое чувство отвращенія, взявъ въ руки прядь волосъ съ головы трупа и тщательно ихъ ощупалъ и осмотрѣлъ.

— Куда хотите меня... старики... это не Катра... проговорилъ онъ уже спокойно и рѣшительно... не она... это... Катра... ты... моя... гдѣ ты... и онъ зарыдалъ.

— Не Катра, вишь, тебѣ знамо отпираться, а возжа чья, куда возжу дѣвалъ слышались отрывочные голоса изъ толпы.

— И возжа не моя.

— Да, что съ нимъ братцы толковать, вяжи его да въ станъ, тамъ начальство разберетъ виновенъ ты али нѣтъ, твоя ли это Катра, али какая чужая проговорилъ староста.

И черезъ нѣсколько минутъ Тараска во второй ужъ разъ отправился въ станъ, въ качествѣ убійцы своей жены.

Вновь возгорѣлось объ немъ дѣло, снова началось слѣдствіе, и въ непродолжительномъ времени, несчастному Тараскѣ, обставленному весьма сильными уликами противу своей Катры, пришлось предстать передъ судомъ присяжныхъ и дать отвѣтъ въ своемъ вольномъ или невольномъ прегрѣшеніи. Смутился несчаст

ный Тараска такому обороту дѣла, словно какая то мрачная тѣнь облекла его своимъ покровомъ, затуманила его рассудокъ.

III.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ относительно личности Катры.

Ея прошлое терялось въ какой-то туманной неизвѣстности. По крайней мѣрѣ, никто изъ мѣстныхъ жителей не зналъ въ точности происхожденія Катры, но многіе, не старики даже, помнили, что Катра еще совсѣмъ маленькимъ ребенкомъ привезена была господами на Баньковскую мызу, что господа ее любили да берегли, особливо самъ старый баринъ, жила она у нихъ «промежъ какъ своя».

Затѣмъ тоже недавнее преданіе говорило, что годовъ черезъ пять послѣ того, старый Баньковскій баринъ — графъ умеръ, остались послѣ него молодые господа, которые скоро разѣхались, кто куда.

Катра осталась на мызѣ, такъ тамъ и зажила при управляющемъ и при какомъ положеніи, неизвѣстно. Извѣстно, дѣвочка подросточекъ она еще была, ну, на работу ее не гоняли, одѣвали чистенько, кормили, была къ ней старуха нянька приставлена годовать Катру, и жила она съ ней въ господскомъ флигелѣ.

Сказывали тогда всѣ, что Катра—покойнаго старика дочь, что прижилъ онъ ее въ Москвѣ, гдѣ у него жила на полномъ иждивеніи молоденькая цыганочка, Катя, въ честь которой названа была и дочка ея Катра. Старикъ графъ любилъ Катю, и когда она, умряя еще въ очень молодыхъ годахъ, просила его, чтобы онъ Катру не отвергнуть, то онъ поклялся ей всѣмъ святымъ, что пока живъ будетъ, Катру не оставитъ и сдержалъ свое слово.

Пока онъ былъ живъ, Катрѣ было хорошо. Ребенокъ былъ поставленъ если не на одну ногу съ законными дѣтьми графа, то во всякомъ случаѣ не былъ оттолкнутъ отъ семьи и считался какимъ-то придаточнымъ ея членомъ.

Старикъ, озабочиваясь будущіестью Катры, хотѣлъ было обезпечить ея жизнь нѣкоторою долей своего благопріобрѣтеннаго имѣнія и капитала, но не успѣлъ этого сдѣлать, какъ внезапная и неожиданная для всѣхъ смерть, застала его въ располухъ и разрушила всѣ его планы относительно Катры.

Болѣе равнодушно посматрѣли на ея будущіесть законные наследники старика.

У нихъ недоставало рѣшимости сразу оттолкнуть отъ себя Катру и лишитъ ее всего, совѣсть да и боязнь людскаго укора не дозволили имъ поступить такъ съ беззащитною теперь дѣвочкою, но они выполнили свой планъ болѣе послѣдовательно, осторожно и благоразумно.

Сперва Катра оставлена была на воспитаніи въ господскомъ Баньковскомъ домѣ подъ надзоромъ приставленной къ ней старухи-няньки, «поколь она подрастетъ». Затѣмъ старуха нянька умерла, новую къ Катрѣ приставить забыли, а передали ее на попеченіе управляющаго. Пока дѣвочка была мала, она жила «ни при чемъ», а какъ стала подрастать и входить въ болѣе или менѣе сознательное отношенія къ окружающей ее обстановкѣ, то, чтобы она «чего въ голову не взяла», ее стали по маленьку къ работѣ приучать, отъ болѣе чистой переводили постепенно къ болѣе грубой, стали называть ее «сиротой»... внушать ей, что папенька да маменька у ней въ другой графской вотчинѣ на хозяйствѣ

жили да померли, потому баринъ-старикъ жалѣя и взялъ ее Катру къ себѣ. Затѣмъ Катру постепенно втягивали понемногу въ нѣкоторыя нетягостныя для нея работы; при случайныхъ прїѣздахъ господъ въ Баньковку, она въ господскомъ домѣ въ качествѣ «своей» уже не допускалась, а только жила на нѣсколько привилегированномъ положеніи у самого прикащика, который, при наступленіи ея семнадцатилѣтняго возраста, достоинно оцѣнилъ въ ней, ея свѣжесть, молодость и красоту.

Молодые господа не только, что посматрѣли снисходительно на такія отношенія своего управляющаго къ сестрицѣ своей по крови, но и съ своей стороны, прїѣзжая по временамъ на лѣто въ имѣніе, не забывали и лично для себя срывать съ хорошенькой Катры, тоже своего рода дань, перевода ее «на время» въ свои покои и улущая ея виѣшнюю обстановку.

Въ высшей степени простодушный и легкій характеръ Катры, давалъ ей возможность переносить такія комбинаціи въ жизни безъ особеннаго горя.

Она даже чувствовала себя своеобразно счастливою, сама себя считала хорошенькою игрушкою, которою все занимались, жила впечатлѣніями дня, ничего не думала о будущемъ, еще менѣе того задавалась мыслью о своемъ прошломъ, брала отъ жизни то, что она ей давала и что выпадало на ея долю, и отъ себя вносила въ жизнь другихъ то, что могла давать въ смыслѣ наслажденій, непрочныхъ минутныхъ, временныхъ...

Но объ чемъ нибудь прочномъ, она не думала, да и не умѣла думать.

Молодые господа, въ минуты увлеченія своего хорошенькою Катрою, не даромъ называли ее «бабочкой», которая не задумываясь прельщаетъ всехъ своимъ блескомъ и красотою, но за то такъ же скоро и погибаетъ.

Они впрочемъ по совѣсти, не искали этой гибели Катры а напротивъ хотѣли ее устроить, и вотъ, когда она въ качествѣ живой игрушки, успѣла уже имъ порядочно понадоѣсть, да и самъ прикащикъ значительно поостылъ къ ней то они сообща рѣшили устроить, наконецъ, судьбу Катры, назначивъ ей маленькое приданое, кажется, рублей въ шестьдесятъ, на которое явилось сейчасъ же нѣсколько претендентовъ изъ мѣстныхъ сельскихъ парней.

Катра очень равнодушно встрѣтила извѣстіе о томъ, что ей нужно замужъ идти; когда нужно, такъ нужно, порѣшила она и оставила только за собою право, выбрать себѣ мужа по душѣ.

Этотъ выборъ ея палъ на Тараса Грыгуя. Ихъ повѣнчали. Катру съ ругъ на руки сдали окончательно съ господскаго дома на село, въ домъ родителей ея мужа, и потекла въ неприглядной долѣ ея сѣренькая, будничная жизнь, полная недостатка, бѣдности и лишеній въ небогатой крестьянской семьѣ.

Не могла со всеѣмъ этимъ помириться наша Катра, привыкшая къ болѣе лучшей обстановкѣ въ жизни, не по нутру ей была тяжелая работа, которую ее заставляли дѣлать. не веселыя думы навѣвала на нее постоянная брань и ворчливость свекрови и свекра. Мужа своего она любила, но любила тѣмъ своеобразнымъ чувствомъ, которое составляетъ достоинствѣ всехъ поверхностныхъ, не глубокихъ натуръ.

Любя его, она могла сейчас же и забыть про него, отдаться на время другому и снова вернуться къ прежнему чувству.

Отчасти такой оттѣнокъ въ чувствахъ Катры являлся послѣдствіемъ ея прежней жизни, въ которой, ни чьей серьезной привязанности она не видала и считала себя принадлежащею тому, кто временно увлекался ею и, патѣшившись вдоволь, оставлялъ ее. Она считала такой порядокъ чуть ли не нормальнымъ для себя, строгія обязанности жены были для нея непонятны, она гораздо лучше понимала общественное значеніе свое какъ хорошенькой женщины, которою всѣ могутъ восхищаться, любоваться и пользоваться.

Въ смыслѣ этого правясь мужчинамъ, она не отвергала и мужа своего, котораго по своему тоже любила.

И вотъ подъ вліяніемъ такихъ зачатковъ въ пониманіяхъ и въ взглядахъ Катры, жизнь ея въ убогой крестьянской семьѣ, пошла далеко какъ неправильно.

Отъ работы она отказывалась не потому, что была лѣнива, а потому, что работа не спорилась у нея. Забота о кускѣ пасушнаго хлѣба, никогда не приходила ей въ голову, потому что понятія о жизни шли у нея далѣе вопроса о матеріальномъ существованіи.

Инстинкты ли воспринятыя ею отъ рожденія, болѣе ли отвлеченныя или нравственныя требованія ея отъ жизни, но только она не могла мириться съ грубой и матеріальной обстановкой, ея окружавшей, и искала, удовлетворенія себѣ внѣ стѣнъ своего домашняго, законѣлаго очага.

И вотъ сначала рѣдко, а тамъ все чаще и чаще стала исчезать Катра изъ дома мужа.

Вмѣсто работы пойдетъ она въ поле, наберетъ нѣсколько букетовъ полевыхъ цвѣтовъ и отправляется съ ними въ городъ продавать господамъ.

А господь тамъ много, да все молодежь, офицеры.

— Баринъ, купите цвѣточковъ, подойдетъ она къ какому-нибудь окну.

— Куплю, куплю, зайдѣ ко мнѣ слышится въ окно привѣтный голосъ.

Катра заходитъ отдастъ цвѣты, ей щедро платятъ деньгами, а не то и звучнымъ поцѣлуемъ.

— Какъ тебя зовутъ, молодушка?

— Катра, отвѣчаетъ она, потупивъ свои темные глаза въ землю и изрѣдка вскидывая ими къверху.

— Какая ты, Катра, хорошенькая, слышится тотъ же голосъ... какъ бы робко произносящій это признаніе.

Катра краснѣетъ, ничего не отвѣчаетъ.

— Катра... можно... тебя... поцѣловать... милая.

Катра молчитъ, еще ниже опускаетъ она свои глаза.

Но вотъ раздался поцѣлуй, одинъ, другой...

— Будетъ... тебѣ, баринъ... будетъ... слышится стыдливый и сдержанный голосъ Катры... будетъ... лучше въ другой разъ придѣ.

— А придешь... приходи, Катра, и... цвѣтовъ принеси...

— Принесу... приду... какихъ тебѣ... цвѣтовъ... я сама цвѣтъ первый... лукаво хохочетъ она, сознавая прелесть и обаяніе своего хорошенькаго личика, и съ избыткомъ вознагражденная деньгами за небольшой букетъ цвѣтовъ. выходитъ она и идетъ дальше.

Узнаетъ Тараска, про Катру, что она въ городѣ была, да цвѣты по господамъ носила,—съ попрекомъ къ ней, потому любить ее, куда, скажетъ, ходила ты, на что Катра по господамъ захаживаешь, нѣшто я тебѣ не люблю, а она только усмѣхается бывало; что-жь и я тебя люблю, а нѣшто отъ господъ мнѣ что сдѣлается, цвѣтовъ либо ягоду наберу, они мнѣ подарятъ, я тебѣ же рубашку сошью; и нуждушки ей нѣтъ, что молодые господа только что сейчасъ цѣловали и ласкали ее, она сама съ лаской къ Тараскѣ, обвинитъ его, приголубитъ. въ глаза смотреть, глядишь, сердце то у него къ ней и пройдетъ.

А тамъ, смотришь, выдастся денекъ, придетъ Тараска съ работы, къ избѣ подходить, думается ему, дома ли Катра, а ее ужъ давно нѣтъ, ходитъ она по лѣсу, беззаботно пѣсни распѣваетъ, опять собираетъ цвѣты, сама про себя думаетъ, кому ихъ сегодня снести... спесу тому барину... что въ зеленомъ домку живеть надъ рѣкой, онъ щедро платитъ, и застыдится сама... что ей такая мысль въ голову взошла... покраснѣла Катра... ну ихъ, говорить... деньги, на что онѣ мнѣ... спесу, думаетъ, тому... молодому... черному... офицеръ онъ молодой... любовью меня назваль... подарила я ему цвѣты... не далъ онъ мнѣ денегъ ничего, а пуще того дорого заплатилъ... ты сама, говорить, краше всѣхъ цвѣтовъ... обнялъ и долго не пускалъ... такой изъ себя добрый, кабы ты, говорить, Катра изъ нашихъ была, изъ господъ... женился бы я на тебѣ... не мужичкой, говорить, тебѣ быть... ишь ты какая тоненькая и бѣленькая... и мысли одна другой сокровеннѣе перебѣгаютъ въ головѣ Катры.

То ей вдругъ жалко мужа сдѣлается, что она отъ него по господамъ ходить жалко ей его и любить она въ эту минуту Тараску, и сама не можетъ разобратъ себя, отчего и отъ господъ ей не отбиться, ласкають и они ее, и ихъ то жалко... и вправду, думаетъ она про себя... не мужичка я... ишь какія у меня руки то, лице не бабье... коса... глаза... и мысленно она любитъ сама собой... краснѣетъ, глаза къ низу опускаетъ, самой себя стыдно, не даромъ покажется она въ городѣ, заглядываются на нее всѣ... молодые то господа души въ ней не чають.

А то временемъ павернутся ей и другія мысли.

Сама я знаю, думаетъ она, что господскаго я рода... такъ только судьба у меня обернулась... отдали меня за Тараску... и какимъ то внутреннимъ неразгаданнымъ чувствомъ сознаетъ въ эту минуту Катра, что не того требуетъ ее душа отъ мужа, что можетъ ей дать, ее добрый но простой Тараска, не тою любовью, не тѣмъ сочувствіемъ можетъ она удовольствоваться, которыя доступны Тараскѣ, а другими, которыхъ, какъ она сама сознаетъ, не понять ей Тараскѣ.

И усиленно, чтобы какъ нибудь нибудь забыться, бѣгаетъ Катра по лѣсу. поетъ полной грудью свои любимыя пѣсни... сплететъ себѣ вѣнокъ, надѣнетъ

его на голову, потомъ сбросить, набереть чегонибудь, ягодъ или цвѣтовъ и опять въ городъ... тамъ ее, гдѣ приголубятъ, гдѣ приласкаютъ, гдѣ чаемъ напоятъ, а деньги она брать перестала...

Не деньги ей нужны были, не корысти жаждала ея неугомонная душа....

А тѣмъ временемъ Тараска, вернувшись домой опечаленный, смотритъ кругомъ и не находитъ своей Катры.

— Матушка, гдѣ Катра, не видала ли ее, спросить онъ мать свою.

— Нѣшто не-знаешь... что про нее спрашиваешь... мужъ со двора на работу, а жена въ люди... злобно отвѣчаетъ старуха сыну, мужемъ то ты только прозывается даромъ, обращается она къ нему съ укоризной, ты бы ей бестыжія то очи выхлесталъ, людей стыдно, послухай что говорятъ, вѣдь на людей стыдно смотрѣть, только и рѣчи на селѣ, что твоя Катра въ городѣ по господамъ ходитъ, да мужу оброкъ зарабатываетъ, работать бы ее заставилъ, плетью бы отстегалъ, какъ люди женъ учатъ, баба ты, а не мужъ.

А Тараска слушаетъ упреки матери, много сознаетъ онъ правды въ ея словахъ, а все же ему жалко Катры.

День за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ отбивалась Катра отъ дома и отъ мужа, все больше и больше, стала наконецъ она, пропадать по цѣлымъ днямъ, а то ужъ и ночи проводила, не вѣсть Богъ, гдѣ.

Терпѣль долго Тараска, мучился, сдерживался но и ему не въ мочь стало поведение жены. Видитъ совсѣмъ жена отбивается, а тутъ, что ни день, мать и отецъ съ попреками, сталъ онъ помаленьку съ горя запивать, нѣтъ, нѣтъ, да и ударить жену, пошло у нихъ дѣло на разладъ, въ народѣ говорить стали, что Тараскина жена, гораздъ, форсу взяла, отъ господъ переняла, а другіе принимая сторону Катры, находили, что Тараска самъ больше виноватъ, распустилъ, молъ, жену, а теперъ сталъ ее бить.

Можетъ быть, эта размолвка между супругами и привела бы къ обычному между ними разрыву, но безобидность характера и того и другой, сглаживали обыкновенно ихъ взаимныя недоразумѣнія.

Часто послѣ крушой ссоры, опять наступало между ними затишье, Катра также ласково смотрѣла на своего мужа, онъ съ прежнею любовію относился къ ней, а тамъ стояло ей только куданибудь исчезнуть на сутки, снова возникала между ними вражда, снова Тараска клялъ свою жизнь, билъ Катру, а та бѣжала опять въ городъ искать себѣ сугубаго утѣшенія у кого либо изъ знакомыхъ господъ.

А въ числѣ послѣднихъ, особеннымъ расположеніемъ Катры, даже больше того, сердечною привязанностію ея, пользовался одинъ молодой офицеръ квартировавшей въ городѣ баттарей.

При всякомъ своемъ горѣ, Катра всегда шла къ нему, и сближеніе ихъ установившееся уже довольно прочно, едѣвалось, конечно, извѣстнымъ Тараскѣ, и особенно беспокоило его.

Если побоями, угрозами, убѣжденіями,—наконецъ, Тараска успѣлъ отвратить Катру отъ всѣхъ другихъ знакомыхъ ей господъ, то по отношенію къ этому

последнему избраннику ея, онъ ничего не могъ сдѣлать. Не покидая прямо своего мужа, Катра не стѣснялась уже открыто посѣщать квартиру офицера, оставалась у него по двое и по трое сутокъ, видимо охладѣвала къ своему мужу и напротивъ больше и больше привязывалась къ его сопернику.

Но вотъ, на счастье Тараски, произошелъ такой случай. Однажды Катра, послѣ двухдневной отлучки изъ дома, воротилась домой вся въ слезахъ и не стѣняясь своимъ чувствомъ, сказала мужу, свекру и свекрови, что «теперь чередъ пришла ей быть ихъ рабою».

Съ выраженіемъ искренней скорби и сожалѣнія, она передала мужу, что «той» уѣзжаетъ совсѣмъ со службы домой, что у него батюшка померъ и оставилъ ему имѣніе.

Тараска возликовала. Молодой соперникъ его, дѣйствительно, скоро вышелъ въ отставку и уѣхалъ. Катра проводила его съ горячими слезами, но послѣ того, по видимому, успокоилась, — и дѣло между супругами мало по малу наладилось опять.

Но только недалновидный Тараска, не предусмотрѣлъ всѣхъ вѣроятныхъ послѣдствій увлеченія его молодой жены.

Оказалось, что симпатіи Катры къ молодому офицеру и послѣдняго къ ней, установились на столько прочно, что эта постигшая ихъ разлука послужила къ большому еще сближенію ихъ сердецъ.

Молодой офицеръ пріѣхавъ въ имѣніе своего умершаго отца и устроившись тамъ, первый вспомнилъ о Катрѣ и написалъ ей самое нѣжное, пламенное письмо, которое къ несчастію Катры, по какой-то роковой случайности попало въ руки Тараски.

Успокоившееся было на время его сердце, по прочтеніи этого письма, вновь взбудоражилось естественнымъ чувствомъ ревности; къ этому присоединилось озлобленное самолюбіе, сознаніе объ утраченной навсегда любви своей Катры.

Тараска не выдержавъ, отъ упрековъ перешелъ къ дѣлу, и въ первый разъ въ жизни, серьезно поколотилъ свою Катру.

Цѣлый день, и она въ первый разъ замужества своего, проплакала отъ мужа, уединившись куда то въ лѣсъ; къ вечеру, впрочемъ, возвратилась она домой но выглядывала какъ то странно, точно будто бы что-то обдумывая, соображая какую-то мысль.

Это было за недѣлю передъ тѣмъ временемъ, когда Тараска долженъ былъ ѣхать съ обозомъ въ дорогу.

Въ теченіи всей этой недѣли, Катра была грустна, задумчива, и отношенія ея къ мужу приняли какой то натянутый, ненормальный характеръ.

Наканунѣ его отъѣзда, когда они вечеромъ остались вдвоемъ, Тараска приласкалъ Катру, просилъ ее, пока онъ будетъ въ дорогѣ, не «шкодить душой», помнить свой долгъ къ нему и поощрять привести ей «гостинца».

Какъ то грустно и принужденно улынулась Катра на эту ласку мужа, но поощрала ему, что исполнить его просьбу.

А между тѣмъ, сокровенныя и затаенныя ея мысли, были далеки отъ этого.

Утромъ, въ день отъѣзда Тараски, Катра зачѣмъ то бѣгала къ шинкарю-жиду, и воротилась оттуда такая довольная да веселая.

Что это съ ней... чего это Катра радуется... не письмо ли она опять черезъ жиду получила, подумалъ Тараска, и безвременная веселость жены, нагнала на него тоску и раздумье... словно самъ не свой сдѣлался онъ.

Съ этой тоской на душѣ, выѣхалъ онъ и со двора. Жутко было у него на сердцѣ въ эту минуту, точно чуяло оно что-то не доброе, не смотря на то, что давно не видалъ Тараска свою Катру такую веселою и довольною.

Веселою да довольною проводила она мужа со двора, далеко ушла—и за околицу и за оврагъ... попрощалась тамъ съ своимъ Тараской, попрощалась... въ послѣдній да остатній разокъ.....

IV.

Опять передъ нами обычная сцена засѣданія суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

На скамьѣ подсудимыхъ сидитъ знакомый намъ Тараска по обвиненію его въ убійствѣ своей жены, Катры.

Сгорбился, сморщился Тараска, въ тюрьмѣ посидѣвши, совсѣмъ старикомъ сталъ.

Вяло отвѣчаетъ онъ на всѣ вопросы суда, туло озирается кругомъ, безстрастно относится ко всему окружающему, точно будто во всей этой уголовной процедурѣ онъ не причастное лицо—чужой человѣкъ.

Прослушаемъ обвинительный актъ, выясняющій присяжнымъ засѣдателямъ предварительныя условія этого дѣла, и тѣ обстоятельства, которыя ставятся подсудимому въ видѣ уликъ.

Въ двадцатыхъ числахъ мая мѣсяца 1872 года, послышался мѣрный и ровный голось секретаря суда, крестьянинъ села Баньковки, Тарасъ Грыгуль, два года тому назадъ женившійся на приписной дворовой дѣвушкѣ бывшего помѣщика, графа Ладановскаго, Екатеринѣ Ивановой, отправился въ дорогу съ двумя возами различныхъ хлѣбныхъ сѣмянъ. Онъ выѣхалъ изъ дома въ седьмомъ часу утра, при чемъ упомянутая жена его, Екатерина Иванова, отправилась провожать своего мужа и послѣ этого домой уже не возвращалась и въ теченіи почти года не была нигдѣ розыскана.

Исчезновеніе Екатерины Ивановой, при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, дало поводъ всѣмъ мѣстнымъ жителямъ заподозрить Тараса Грыгуля въ умерщвленіи дорогою своей жены и въ сокрытіи гдѣ нибудь ея трупа, такъ какъ за послѣднее время отношенія между молодыми еще супругами, приняли крайне рѣзкое направленіе, вслѣдствіе того, что Екатерина Иванова стала открыто вести предосудительный образъ жизни, измѣняя постоянно своему мужу и уходя иногда отъ него на нѣсколько даже сутокъ.

Первоначальныя предположенія объ убійствѣ Екатерины Ивановой мужемъ ея нашли себѣ подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что, спустя почти годъ послѣ исчезновенія ея, въ одной изъ лѣсныхъ ямъ, по направленію той дороги, которою ѣхалъ Тарасъ Грыгуль съ своими возами, найденъ былъ совершенно

пестлѣвшій уже и разтерзанный звѣрями трупъ женщины, по росту и цвѣту волосъ схожій съ Екатериною Ивановою.

По осмотру этого трупа, кругомъ шеи его оказалась обмотанною мертвою петлей ременная возжа, а лѣвый високъ трупа пробить, какъ надо полагать, какимъ нибудь твердымъ тѣломъ.

По заключенію врача, означенный трупъ принадлежитъ женщинѣ молодой, въ возрастѣ отъ 18 до 22 лѣтъ, которая, судя по степени разложенія даже хрящевыхъ ея частей, убита была около года тому назадъ. Смертельный ударъ нанесенъ ей былъ въ височную кость, а затѣмъ, посредствомъ затынутой на шею возжи, трупъ, вѣроятно, былъ оттащенъ съ мѣста убійства.

На основаніи приведенныхъ выше обстоятельствъ дѣла, подозрѣніе въ убійствѣ Екатерины Ивановой пало на мужа ея, Тараса Грыгуля, который, измученный невѣрностію жены своей, воспользовался, вѣроятно, удобнымъ моментомъ отдѣлаться отъ нее, и убилъ ее въ то время, когда она провожала его въ дорогу, а потсмъ, совершивъ это убійство, оттащилъ трупъ жены своей въ сторону лѣса и сбросилъ его въ яму.

Хотя же Тарасъ Грыгуль и не призналъ себя виновнымъ въ приписываемомъ ему преступленіи, но къ изобличенію его въ томъ и къ установленію несомнѣннаго факта, что найденный въ лѣсу трупъ убитой женщины, есть, именно, трупъ Екатерины Ивановой, представляются по дѣлу, кромѣ всего вышеизложеннаго, еще слѣдующія обстоятельства.

Перевозчики на рѣкѣ Воронѣ, въ двухъ верстахъ отъ села Баньковки, удостовѣрили, что Тарасъ Грыгуль во время переѣзда на паромѣ, казался имъ сильно встревоженнымъ, былъ точно, какъ самъ не свой.

Двое изъ односельцевъ Грыгуля засвидѣтельствовали, что возжа, оказавшаяся на трупѣ женщины, принадлежитъ Грыгулю, а ближайшій сосѣдь его по избамъ засвидѣтельствовалъ, что Грыгуль возвратился домой безъ возжей на одной лошади.

Кромѣ того, почти все односельцы Грыгуля удостовѣрили, что онъ жилъ особенно же въ послѣднее время, съ женою своею, очень не хорошо, часто билъ ее за то, что она повадилась ходить въ городъ «по господамъ», а между тѣмъ самъ довелъ ее до того тѣмъ, что былъ съ нею чрезмѣрно слабъ.

Наконецъ, къ разъясненію мотива, побудившаго Тараса Грыгуля, если не съ обдуманномъ заранѣ намѣреніемъ, то въ запальчивости и въ раздраженіи послыгнуть на жизнь своей жены, Екатерины Ивановой, можетъ быть приведено слѣдующее обстоятельство.

Въ послѣднее время передъ катастрофой, Екатерина Иванова особенно близко сошлась съ отставнымъ поручикомъ, Леонардомъ Колосовымъ, служившимъ прежде въ той части войска, которая была расквартирована въ городѣ, близъ села Баньковки. Эти отношенія между Колосовымъ и Екатериною Ивановою, были извѣстны ея мужу, Тарасу Грыгулю, который не могъ, или былъ не въ силахъ, прервать ихъ, и которыя прекратились временно только тогда, когда Колосовъ оставивъ службу, вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ свое имѣніе. Но затѣмъ Тарасъ Грыгуль до-

зналъ о существованіи переписки между его женою и Колосовымъ, одно изъ писемъ котораго попало ему въ руки, и было причиною весьма грубой размолвки, произшедшей между супругами. Въ день отъѣзда своего изъ дома въ дорогу, Тарасъ Грыгуль точно также узналъ, что жена его снова получила письмо отъ Колосова чрезъ посредство еврея, арендатора корчмы въ ихъ селѣ, Шмуйлы Зонпера. Обстоятельство это, указывавшее несомнѣнно на то, что Екатерина Иванова не думала прерывать съ Колосовымъ прежнихъ своихъ преступныхъ сношеній, возбудило въ Грыгулѣ, который любилъ свою жену, естественное чувство ревности и озлобленія, подъ вліяніемъ которыхъ онъ и рѣшился убить ее въ то время, когда она пошла его провожать, что и исполнилъ въ лѣсу при удобномъ моментѣ.

На основаніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ дѣла, Тарасъ Грыгуль обвинялся въ убійствѣ своей жены, Екатерины Ивановой.

— Подсудимый, вы слышали обвинительный актъ, признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ преступленіи, которое вамъ приписываютъ, обратился предсѣдатель къ Тарасу Грыгулю.

— Не могу знать... ни въ чемъ я не виноватъ... кабы я тое зналъ, куда моя Катра дѣлась, самъ бы пошелъ ее искать...

— Да, вѣдь, она васъ провожала?

— Проводила только до оврага... попрощался я съ ней... и пошла она домой... еще мнѣ въ слѣдъ поглядѣла... и въ мысляхъ у меня не было, чтобы ее извести.

— Да, вѣдь, вы ее не любили?

— Нѣтъ, любилъ и по теперь люблю.

— А колотили ее?

— Случалось за дѣло, со всякимъ бываетъ.

— Кто же убилъ вашу жену?

— А кто знаетъ, что она убита, замѣтилъ Тарасъ Грыгуль. Можетъ, она и теперь жива, кто можетъ тое вѣдать.

— А какъ же ее нашли въ лѣсу въ ямѣ убитою.

— То не Катра... не моя Катра... волосы не ея... это, Богъ ее знаетъ, кто, а не Катра моя... взволнованнымъ голосомъ отвѣтилъ Тарасъ.

— А какъ же на ней возжа ваша оказалась?

— Такихъ возжей у насъ въ каждомъ селѣ много... всѣ на одинъ ладъ по мужницкому положенію себѣ дѣлаютъ... не у одного меня такія возжи...

— А отчего вы на перевозѣ были такъ встревожены, спросилъ его предсѣдатель.

— Потому довѣдался, что въ той день утромъ письмо она получила отъ барина, съ которымъ прежде жила, сердце ущемило, обѣщала, что не будетъ, а сама ему писала и онъ ей... черезъ жида дѣлалось... письма другъ другу по сылали.

— Ну, вотъ, вы за то съ горяча ее и убили.

— Никакъ нѣтъ, не убивали мы ее, не повинень я въ ней.

Допросъ Тараса не могъ выяснитъ ничего существеннаго. Онъ ни въ чемъ не признавался, отвергалъ тождество его жены съ найденнымъ въ лѣсу трупомъ неизвѣстной женщины, и относился вполнѣ безучастно къ своему положенію.

Также безучастно держалъ онъ себя и въ то время, когда допрашивались по его дѣлу свидѣтели. А свидѣтельскія показанія были все не въ пользу его.

Такъ, напримѣръ, его сосѣдь по избѣ, утверждалъ со всей положительностію, что Тарасъ Грыгуль вернулся домой объ одной возжѣ, и что возжа найденная на покойницѣ, есть, именно, другая Грыгулева возжа.

Нѣсколько женщинъ въ одинъ голосъ утверждали, что найденная въ лѣсу покойница есть, именно, Тарасова женка, что онѣ это вѣрно знаютъ и, коли не правду говорятъ, такъ «дай имъ Богъ утра не дожждаться».

Тарасъ ни одной изъ этихъ свидѣтельницъ ничего не возражалъ, только молча вздыхалъ, вглядываясь иногда тупо и безнадежно на присяжныхъ.

— Что же вы не опровергаете показанія свидѣтельницъ, обратился къ нему предсѣдатель суда. Онѣ вѣдь васъ обвиняютъ, а вы молчите.

— Что же мнѣ говорить, я не могу имъ запретить, пусть говорятъ, что хотятъ, а мое дѣло не виновное... одинъ Богъ видитъ...

— Ну вотъ скажите, куда дѣвалась одна ваша возжа, обратился къ Тарасу Грыгулю, предсѣдатель, желая вызвать его на разговоръ.

— Потерялъ, коротко отвѣчалъ онъ.

— Какъ же можно потерять возжу съ лошади, полюбопытствовалъ узнать одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей.

— Заднюю лошадь съ возжей я снялъ, заарканилъ, возжу на передокъ положилъ, да дорогой и вытрясъ отвѣчалъ Тараска.

Объясненія его были хотя и кратки, но основательности отвергать въ нихъ было нельзя. Однако же, присяжные засѣдатели видимо склоняли свои убѣжденія противу подсудимаго, но главнымъ образомъ не на основаніи обстоятельствъ дѣла, а на основаніи той характеристики, которую односельцы его дали, какъ ему, такъ и женѣ его Катрѣ.

Такъ напримѣръ, выясняя взаимныя отношенія супруговъ, одинъ старикъ-крестьянинъ показалъ, что «Катра была бабенка добрая, загула не любила; а коли ходила по молодымъ господамъ, такъ оттого, что тѣ ее ласкали да берегли больше мужняго».

— Кабы такой да Катрѣ, мужъ, человѣкъ-то разсудительный, говорилъ одинъ изъ свидѣтелей, такъ изъ нея былъ бы толкъ иной, дѣло ея молодое, коли что и дурно сдѣлала, мужъ во время останова, ну, накажи, когда хочешь, да своимъ умолю, да своей волей, а ей не диво было на сторону бросаться, когда отъ мужа она никакой праведности да заступы николи не имѣла, а мать-то его только ее поѣдомъ и грызла, да самой мало, сына своего на нее патравляла.

— Опять же, говорила одна свидѣтельница крестьянка, бывалочи съ Катрой— да лаской, такъ, что хошь, съ ней сдѣлаешь, гораздъ у нее сердце было доброе, а у него обхожденія до нея настоящаго не было, она къ нему другой разъ подъ веселый да добрый часъ съ лаской такъ: «Тараска я тебя, молю люблю», а онъ—

ну, чтожъ говоритъ. Любишь и ладно, такими рѣчами только отбивалъ ее отъ себя, ну, сердца-то ей своего жаль, что, молю, ему пустовать, она къ молодымъ господамъ, а тѣ ей всякую ласку.

— Доподлинно всѣмъ намъ извѣстно, говорила другая свидѣтельница, что хаживала она по господамъ, бывало, скажешь ей, какъ молю тебѣ, Катрочка не стыдно, мужъ у тебя есть, а ты на сторону, а она заплачетъ слезми, да таково отвѣтить, мужъ-то, говоритъ, есть у меня, да души-то у него настоящей для меня нѣтъ. Не изъ за денегъ она по господкамъ ходила, а и въ правду, знать, мужъ ей душой не потрафлялъ.

Съ особеннымъ возмущеніемъ, отзывались всѣ свидѣтели о самомъ фактѣ убійства Катры: они находили и открыто выражали ему въ глаза, что онъ убилъ ее измѣннически, «камнемъ, значить, сердечной ей прошибъ голову, эдакую, прости Богъ, злобость на себя взять, вышла она его провожать, а онъ то ее со всего маху: тутъ ужъ какая же можетъ душа у него быть, не хватить духу и гадину такъ пришибить, и то жалко, а то человѣка, да еще жену, какъ же ему вѣры дать, а онъ тоже говоритъ—любилъ говорить Катру... любилъ!»!

А Тарасъ молчалъ и не возражалъ ни слова.

Точно, будто онъ уже самъ себя осудилъ: точно, будто бы онъ не искалъ оправданія.

Такимъ образомъ общее впечатлѣніе отъ судебного слѣдствія было далеко не въ пользу Тараса, и не только присяжные засѣдатели, но и вся публика, присутствовавшая въ судѣ, была вполнѣ убѣждена, что Тарасъ, дѣйствительно, убилъ свою жену, что трупъ, найденный въ лѣсу близъ села Баньковки, былъ, именно, трупъ несчастной Катры.

Покончимъ описаніемъ этой тяжелой процедуры суда.

Присяжные совѣщались не долго и, на вопросъ суда о виновности Тараса въ убійствѣ своей жены Екатерины Ивановой, въ запальчивости и раздраженіи, отвѣчали утвердительно.

Отвѣтъ этотъ никого не удивилъ, такъ какъ всѣ его ожидали.

Судъ приговорилъ Тараса къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ заводахъ на шесть лѣтъ.

— Оно, извѣстно, строго... парня жалко... а все же праведно... и то сказать, жену убилъ свою... родную... проговорилъ въ толпѣ публики чей-то голосъ.

Строгий обвинительный приговоръ этотъ, Тарасъ встрѣтилъ точно также безстрастно и безучастно къ самому себѣ.

Видимымъ образомъ, онъ не проявилъ ни въ чемъ ни волненія своего, ни тревоги отъ такого неблагоприятнаго для него исхода дѣла, но что дѣлалось у него въ это время на душѣ—осталось, конечно, для всѣхъ тайной...

Признавалъ ли онъ приговоръ надъ нимъ людской совѣстно справедливымъ, или несправедливымъ — сказать трудно.

А есть такія натуры, которыя, при всей человѣческой несправедливости къ нимъ, умѣютъ страдать только молча,—молча и безропотно переносятъ свое горе, и только на единѣ съ самими собой и своею совѣстью скорбятъ о тѣхъ тя-

железых и перѣдко не заслуженныхъ мукахъ, которыя постигаютъ ихъ въ жизни, выпадаютъ на ихъ долю...

Не даромъ современный уголовный законъ къ молчанію подсудимаго относится съ величайшимъ уваженіемъ.

Молчать, значить, иногда—страдать, страдать невыносимо такъ, какъ умѣютъ страдать только немногіе.

Въ молчаніи страдающаго человѣка, выражается все безконечное величіе души его.

V.

Обвинительный приговоръ присяжныхъ засѣдателей относительно Тараса Грыгуля, по вступленіи его въ законную силу, былъ обращенъ къ исполненію и на весну съ партіей другихъ ссыльныхъ, онъ былъ отправленъ на каторгу. Силы-ли душевныя измѣнили ему, злая-ли тоска заѣла его сердце, а, можетъ быть и какая-либо другая, не разгаданная еще въ то время, причина, подѣйствовала губительно на его нравственный и физическій организмъ, но только онъ не вынесъ этого жестокаго удара своей жизни, и на пути въ Сибирь заболѣлъ скоротечной чахоткой.

Будучи уже въ какой-то попутной больницѣ, Тарасъ, предчувствуя, вѣроятно, скорую свою кончину, написалъ на родину письмо къ своему отцу и матери. Прощаясь съ ними, съ роднымъ селомъ своимъ, Тарасъ, между прочимъ, писалъ, что онъ не виновенъ въ смерти жены своей, что онъ никогда не могъ бы убить ее, потому что крѣпко любилъ свою Катру и, наконецъ, просилъ, въ случаѣ, если когда-либо Катра объявится домой, сказать ей, чтобы она за свои грѣхи передъ нимъ, по крайней мѣрѣ, помянула бы его душу. «А я ужъ не жилецъ на свѣтѣ... начальству на каторгѣ не работникъ, писалъ въ своемъ письмѣ Тарасъ, мнѣ, можетъ, жить нѣсколько дней, помирать приходится, кабы былъ какой грѣхъ на мнѣ, таперь бы я покаялся, а грѣха нѣтъ на мнѣ никакого, осудили и наказали меня безвинно».

Нечего и говорить, что это письмо Тараса произвело на селѣ цѣлый переполохъ.

Никто не могъ уже усомниться теперь въ правдивости словъ человѣка, котораго отдѣляло отъ смерти, очевидно, всего только нѣсколько дней. Въ особенности же письмо это поразило всѣхъ тѣхъ односельцевъ Тараса, которые давали на судѣ неблагоприятныя для него показанія.

Еще большее смятеніе произвело письмо Тараса въ средѣ Баньковцевъ въ то время, когда въ мѣстномъ волостномъ правленіи, получено было изъ Сибири, отъ тамошняго начальства, для объявленія роднымъ «ссылно-каторжнаго Тараса Грыгуля» извѣстіе, что, на пути слѣдованія въ Сибирь, онъ умеръ отъ скоротечной чахотки.

Послѣ этого, никто уже не сомнѣвался въ томъ, что Тарасъ Грыгуль пострадалъ безвинно, что онъ явился жертвою случайныхъ только и роковыхъ для него совпаденій, или же собственнаго своего неумѣнія доказать свою невиновность.

И дѣйствительно, приговоръ присяжныхъ надъ Тарасомъ Грыгулемъ оказался одной изъ роковыхъ судебныхъ ошибокъ.

Письмо, полученное родными Тараса, въ связи съ извѣстіемъ о постигшей его смерти, послужило поводомъ для того, чтобы привести въ несомнѣнную извѣстность — дѣйствительно ли онъ былъ осужденъ невинно.

И вотъ снова начались по бѣлому свѣту розыски Катры, на ряду съ которыми, мѣстному становому приставу пришла счастливая мысль провѣрить, не находится ли Катра у Леонарда Колосова, съ которымъ она находилась въ болѣе или менѣе тѣсныхъ и близкихъ отношеніяхъ.

Становой приставъ, какъ мѣстный житель, очень хорошо зналъ, что Колосовъ былъ сильно увлеченъ Катрой, ему было извѣстно и то, что онъ писалъ ей уже изъ своего имѣнія письма, что послѣднее письмо получено было ею въ то утро, когда мужъ ея отпирался въ дорогу съ возами.

Отсюда явилось весьма основательное предположеніе, что Колосовъ могъ сманить къ себѣ Катру, а послѣдняя для того, чтобы не оставить послѣ себя никакихъ слѣдовъ и скрыть свое мѣстопребываніе отъ мужа и родныхъ его, воспользовалась представившимся ей удобнымъ моментомъ, и проводивъ мужа скрылась изъ дома, направляясь къ Колосову, справедливо разчитывая, что исчезновенію ея въ первые дни изъ дома, не будетъ придано никакого особеннаго значенія.

Это предположеніе подтвердилось вполне.

Катра оказалось въ живыхъ. Въ обстановкѣ обезпечивавшей ей вполне довольное содержаніе, она отыскана была у Леонарда Колосова, живущей на правахъ полновластной хозяйки. Катра попала здѣсь въ свою роль.

Вмѣсто обычной крестьянки, она предстала передъ пріѣхавшимъ въ имѣніе Колосова, для дознанія, чиновникомъ полиціи, изящною и элегантно одѣтою молодой женщиною.

Нечего и говорить, что Катра и ея обожатель Колосовъ, были поражены тѣмъ извѣстіемъ, которое имъ пришлось услышать.

Полторы тысячи верстъ разстоянія, которыя отдѣляли Катру отъ мѣста ея родины, не помѣшали однакоже хотя и поздно уже, розыскать ее, какъ косвенную виновницу неправильнаго осужденія Тараса.

Совѣсть смутила Катру, она невольно вспомнила своего несчастнаго мужа, быстро пронеслись передъ ней въ головѣ всѣ тѣ моменты изъ его жизни, въ которыхъ онъ «неумѣлымъ сердцемъ» дарилъ ее своими ласками и своею любовью.

Она почувствовала себя передъ нимъ тяжелой преступницей, рѣшилась немедленно покинуть Леонарда, и отправиться въ Баньковку, чтобы тамъ, наединѣ съ своею совѣстью «безъ грѣха» противу покойнаго, исполнить въ точности его завѣтъ, оплакать безвременную и по ея лишь винѣ, постигшую Тараса смерть.

Катра свято исполнила этотъ долгъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потребность уже своей души и своего сердца.

Кто же была другая невольная виновница обрушившейся надъ Тарасомъ

судебной ошибки, та несчастная убитая женщина, которая оказалась на пагубу Тараса въ лѣсной ямѣ близъ села Баньковки.

Это осталось неизвѣстнымъ... какъ остаются въ неизвѣстности весьма многія житейскія уголовныя тайны.

ХVIII.

Посмертный судъ.

Судебное засѣданіе съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей только что открылось.

Вы входите въ залу суда и недоумѣваете.

Скамья подсудимыхъ, сверхъ обыкновенія, пуста, на ней никого нѣтъ. Кто же подсудимый, гдѣ онъ, кого будутъ судить, спрашиваете вы самого себя и, не безъ нѣкоторой доли неудовлетвореннаго любопытства, усаживаетесь въ числѣ публики на одной изъ скамеекъ.

Отсутствіе въ уголовномъ дѣлѣ отвѣтчика подсудимаго — какъ одну особенность судебного засѣданія, вы замѣтили. Усаживаясь на своемъ мѣстѣ, вы окидываете взглядомъ собравшуюся на это судбище публику, — и замѣчаете другую особенность.

Публика сплошь чистая: дамы, мушоны, представители, такъ называемаго, средняго общества, поражаютъ васъ, исключительностію на этотъ разъ своего костюма. Черный цвѣтъ и одинъ только черный, встрѣчаете вы во всѣхъ костюмахъ.

А вотъ, на одной изъ переднихъ скамеекъ, видите вы пожилую даму съ тремя молодыми дѣвушками, очевидно, ея дочерьми. Всѣ онѣ въ этой массѣ исключительно чернаго цвѣта, отдѣляются еще несомнѣнными плерезами глубокаго траура.

— Судъ приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣла, объ умершемъ отставномъ полковникѣ такомъ-то, обвиняемомъ въ растратѣ ввѣренныхъ ему по службѣ суммъ и казеннаго имущества, громко провозглашаетъ предсѣдательствующій и разъясняетъ отчасти ваше недоумѣніе.

Но какъ же, все таки, судить умершаго, когда смерть естественно прекращаетъ всякіе расчеты съ жизнью, думается вамъ все-таки, — какой смыслъ, какая цѣль такого суда надъ лицомъ, недоступнымъ уже ни для чего человѣческаго.

Остатки недоумѣнія вашего, разъясняются послѣдующимъ объясненіемъ предсѣдательствующаго.

— Господа присяжные засѣдатели, обращается онъ къ нимъ, на долю вашу выпалъ своего рода исключительный случай, произнести приговоръ о винѣ или невинности умершаго уже подсудимаго. Лично для него, вашъ приговоръ не имѣетъ, и не можетъ имѣть никакого значенія, но правосудіе требуетъ его отъ васъ, ради нравственныхъ интересовъ оставшихся послѣ умершаго жены и дѣтей. Законъ признаетъ за ближайшими родственниками подсудимаго, право, въ случаѣ смерти его, до окончанія надъ нимъ суда, требовать осуществленія на дѣлѣ этого суда, ради того, чтобы возстановить во всей безупречной неприкосновенности доброе имя, память, достоинство и честь дорогаго для нихъ лица.

Въ такихъ случаяхъ, присяжные засѣдатели обязываются точно также прослушать все дѣло, и затѣмъ объявить свой приговоръ по совѣсти.

— Объяснивъ вамъ такимъ образомъ задачу вашу по настоящему дѣлу — такъ закончилъ председательствующій свою небольшую рѣчь, и приглашаю васъ съ особенною осмотрительностію отнестись ко всѣмъ тѣмъ доказательствамъ, которыя будутъ вамъ предъявлены по дѣлу, помни, что подсудимаго на лицо нѣтъ, что онъ умеръ, а потому и лишень возможности, дѣлать какія бы то ни было возраженія и опроверженія.

Холодная, сдержанная но справедливая рѣчь председательствующаго, производитъ въ данномъ дѣлѣ на присяжныхъ засѣдателей сильное впечатлѣніе. Они сознають, что роль ихъ въ этомъ дѣлѣ еще возвышеннѣе, еще важнѣе. Правосудіе, въ лицѣ ихъ должно произнести рѣшительное слово оправданія или осужденія надъ человѣкомъ умершимъ.

Публика настраивается точно также, и какъ то особенно торжественно и сосредоточенно; отъ всей этой заочной обстановки суда, вѣетъ чѣмъ то необыкновеннымъ не ординарнымъ не привычнымъ.

— Приготовьтесь же, господа присяжные засѣдатели внимательно прослушать дѣло для того, чтобы постановить вашъ справедливый приговоръ надъ умершимъ, провозглашаетъ председательствующій.

Началось чтеніе обвинительнаго акта.

Умершему подсудимому вмѣнялась въ вину, въ видѣ растраты, недостача денегъ и другаго казеннаго находившагося у него на рукахъ имущества. Обстоятельство это представилось, повидимому, доказаннымъ, рядомъ приведенныхъ въ подтвержденіе того фактовъ, но показаніями свидѣтелей съ большею вѣроятностію было установлено, что умершій подсудимый, лично для себя ничѣмъ не попользовался, и что онъ явился только слабымъ орудіемъ въ рукахъ другихъ лицъ, выше его стоявшихъ, которыя пользуясь его деликатностію и своею властью, брали отъ него «частнымъ образомъ» казенное имущество и деньги, въ долгъ и на время, а потомъ не отдавали.

Вообще всѣ свидѣтели по дѣлу давали свои показанія какъ то вяло и неохотно, видно было что и имъ въ самомъ дѣлѣ, тяжело было бросать словомъ осужденія и обвиненія въ человѣка, который не можетъ ужъ представить за себя никакихъ оправданій. Къ тому же личность подсудимаго предстала на судѣ передъ присяжными засѣдателями въ самомъ безупречномъ видѣ, какъ ветерана-воина, отслужившаго въ военной службѣ 40 лѣтъ, нѣсколько разъ опасно и сильно раненаго въ бояхъ, какъ прекраснаго мужа, нѣжнаго и любящаго отца.

Въ концѣ судебного слѣдствія, председательствующій предложилъ вдовѣ умершаго сказать суду, что она находитъ нужнымъ въ оправданіе своего мужа.

Сдерживавшая во все время судебного слѣдствія свои невольныя слезы, бѣдная вдова при этомъ напоминаніи, исполнить свой прижизненный долгъ жены предъ умершимъ мужемъ, глухо и громко зарыдала. Тысячи разнообразныхъ чувствъ пробудились въ это время на ея душѣ и болѣзненно отозвались на осиротѣвшемъ ея сердцѣ. А когда она случайно взглянула при этомъ на окру-

жавшихъ ее трехъ взрослыхъ дочерей, то новый приступъ сердечнаго горя постигнулъ къ ней, и она, въ изнеможеніи, опустилась на стулъ, поддерживаемая дѣтьми своими.

Наступила тишина.

Публика съ достоинствомъ и уваженіемъ, отнеслась къ этому безграничному горю жены и матери.

Никто изъ рядовъ ея, ни малѣйшимъ звукомъ не нарушилъ эту воцарившуюся въ залѣ мертвую тишину, которая какъ нельзя болѣе гармонировала съ общимъ настроеніемъ всего суда.

Наконецъ, вдова успокоилась, и утѣшенная гордымъ, хотя и тяжелымъ сознаніемъ, что для нея наступаетъ минута, когда она должна войти въ защиту памяти своего умершаго мужа, съ которымъ провела двадцать пять слишкомъ лѣтъ счастливой супружеской жизни, она тихимъ но твердымъ шагомъ отдѣлилась отъ своихъ дочерей и подошла нѣсколько ближе къ судейскому столу.

— Мой покойный мужъ... начала она дрожащимъ голосомъ... былъ честный человѣкъ и для него казенный грошъ, казенная копѣйка... были дороже своихъ рублей, онъ безвинно пострадалъ... попалъ подъ это дѣло... оно его свело въ могилу... меня лишило дорогаго... мужа... дѣтей моихъ... отца... лучшимъ доказательствомъ, что онъ былъ честенъ и не воспользовался... казеннымъ рублемъ служить то, что онъ умеръ... бѣднякомъ... мы его едва могли схоронить на свои средства... у насъ не осталось ничего... вся забота покойнаго была постоянно только та, чтобы не оставить послѣ себя семью свою въ нищетѣ... онъ всегда скорбѣлъ объ этомъ душой... и, когда надъ нимъ возникло это несчастное дѣло, онъ упалъ духомъ отъ мысли, что намъ придется лишиться и того пенсіона, который онъ выслужилъ себѣ... сорокалѣтней службой своею, здоровьемъ... своею кровью...

На этихъ словахъ вдова покойнаго остановилась.

Слезы начали душить ее, и она не могла больше продолжать.

Она усиливалась сдержаться отъ рыданій, но не смогла и упала на руки дочерей своихъ...

Присяжные были потрясены этою сценою. тяжелой скорби жены объ умершемъ мужѣ, и такъ ясно выразившейся заботы любящей матери, о будущности дѣтей своихъ.

— Теперь вся моя надежда на васъ, госнода присяжные засѣдатели, обратилась она къ нимъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія. Еслибы мужъ мой былъ живъ, то несомнѣнно онъ оправдался бы... онъ опровергнулъ бы тѣ обвиненія которыя на него введены... онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ этого суда, который дважды назначался и дважды откладывался, и эта оттяжка, отсрочка въ рѣшеніи дѣла... эта томительная неизвѣстность будущаго не столько за себя... сколько за дѣтей своихъ, истощила въ конецъ его силы и здоровье. Онъ не въ силахъ былъ вынести всю эту нравственную пытку, которая обрушилась на него и надломленная въ конецъ его жизнь ему измѣнила: будучи уже безнадежно больнымъ, лежа уже недвижимымъ въ постели, онъ въ послѣдніе дни своей жиз-

ни и даже за два часа передъ смертью, просилъ меня... взялъ съ меня... клятву, чтобы я довела его дѣло до суда, и очистила бы его чистое и незапятнанное имя... и я исполнила теперь передъ вами этотъ завѣтъ... эту посмертную волю моего заслуженнаго мужа. Онъ всегда дорожилъ своимъ честнымъ именемъ, дороже всего на свѣтѣ... свою честь... свое благородство, никогда въ жизни не промѣнялъ бы онъ ни на какія сокровища въ мѣрѣ.

Молча и съ достоинствомъ поклонилась она въ заключеніе своихъ словъ, и сѣла на свое мѣсто.

Наступило резюме предсѣдательствующаго столь же холодное и безстрастное, какъ и первоначальная рѣчь его. Онъ говорилъ не много, но все сказанное было ясно, точно и убѣдительно...

Присяжные удалились въ свою совѣщательную комнату; вдова подсудимаго въ этотъ моментъ набожно перекрестилась и съ умиленіемъ остановила свои глаза на висѣвшемъ въ углу залы образѣ, передъ которымъ теплилась, мерцающая розовыми отблесками, небольшая лампадка.

Тяжелыя ощущенія переживала въ эти минуты несчастная, убитая горемъ вдова. Вѣроятно присяжные засѣдатели хорошо поняли это, потому что не заставили себя долго ожидать, и не болѣе какъ черезъ четверть часа по удаленіи своемъ въ совѣщательную комнату они дали знать звонкомъ, что приговоръ ихъ уже готовъ.

Вдова умершаго вздрогнула и быстро поднялась съ своего мѣста. Снова обратилась она мысленно къ Богу и, въ ожиданіи выхода присяжныхъ, вышла на передъ залы, сопровождаемая дочерьми своими.

Присяжные вошли. Старшина ихъ съ завѣтнымъ листомъ въ рукахъ остановился у стола. Жена и дочери умершаго инстинктивно, какъ бы выражая свою покорность судьбѣ, преклонили головы.

— Нѣтъ не виновенъ, раздался въ залѣ мѣрный голосъ старшины.

Цѣлымъ потокомъ радостныхъ и горестныхъ слезъ, встрѣтила вдова покойнаго, этотъ приговоръ присяжныхъ и заключила въ свои объятія дочерей своихъ.

Публика, состоявшая на этотъ разъ исключительно изъ знакомыхъ умершаго ветерана, быстро окружила вдову его и дочерей, выражая имъ свое сочувствіе... и уваженіе къ памяти умершаго.....

Но поздравлять ихъ съ оправдательнымъ для покойнаго исходомъ дѣла... ни у кого не достало духа.

Всякій понималъ, какъ тяжело было бы женѣ и дочерямъ выслушивать въ эту минуту... подобныя поздравленія.

Память невинно пострадавшаго человѣка, была все же достойнымъ образомъ почтена, хотя и посмертнымъ уже, но совѣстливымъ и справедливымъ приговоромъ его согражданъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Въмѣсто предисловія.

По поводу настоящаго изданія	Стр. 3
--	-----------

II. Судебные очерки.

I. Введеніе въ Россіи суда присяжныхъ	7
II. Вліяніе суда присяжныхъ на общество	14
III. О порядкѣ исполненія присяжными засѣдателями ихъ судейской присяги.	31
IV. Отношенія суда къ присяжнымъ	48
V. Судебныя ошибки и вѣроятность ихъ въ приговорахъ присяжныхъ	67
VI. Общія и очередные списки присяжныхъ засѣдателей .	83
VII. Письменные замѣтки присяжныхъ на судѣ.	105
VIII. Внѣшняя обстановка на сессіяхъ присяжныхъ засѣ- дателей.	115
IX. Счастливые дни на судѣ присяжныхъ.	135
X. Неудобства лѣтнихъ сессій	139
XI. О матеріальномъ пособіи недостаточнымъ присяжнымъ засѣдателямъ.	151
XII. Нападки на судѣ присяжныхъ	166
XIII. Тайна совѣщаній присяжныхъ засѣдателей	187
XIV. Экспертиза въ глазахъ присяжныхъ	205
XV. Отводы присяжныхъ засѣдателей	225
XVI. Вещественныя доказательства на судѣ присяжныхъ. .	248
XVII. Вліяніе строгости наказаній на приговоры присяж- ныхъ.	267
XVIII. Выборъ старшины присяжныхъ.	288
XIX. Физическія и нравственныя утомленія присяжныхъ . .	301
XX. Значеніе старшины присяжныхъ въ составѣ присут- ствія.	308

	<i>Стр.</i>
XXI. Разъясненія присяжнымъ засѣдателямъ ихъ правъ и обязанностей	315
XXII. Изъ мемуаровъ и дневниковъ присяжныхъ засѣдателей.	323
XXIII. Предсѣдательскія резюме.	335
XXIV. Вопросъ о снисхожденіи на судѣ присяжныхъ	340
XXV. Обвинительныя рѣчи и ихъ значеніе.	346
XXVI. Случайности въ приговорахъ присяжныхъ.. . . .	358
XXVII. Заграничная пресса о дѣятельности суда присяжныхъ въ Россіи.	363
XXVIII. Присяжные засѣдатели, какъ общественные дѣятели.	365
XXIX. Обстановка совѣщаній присяжныхъ.	371
XXX. Типы присяжныхъ засѣдателей.	374
XXXI. Состояніе опьяненія по взглядамъ присяжныхъ.	380
XXXII. Причины оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ.	383
XXXIII. Случаи оскорбленій присяжныхъ подсудимыми.	408
XXXIV. Акты и документы предварительныхъ слѣдствій.	412
XXXV. Неправильныя осужденія и передачи дѣлъ другимъ составамъ присяжныхъ.	416
XXXVI. Выдающіяся личности присяжныхъ засѣдателей.	421
XXXVII. Свидѣтельскія показанія на судѣ присяжныхъ	424
XXXVIII. Общія и частныя взгляды присяжныхъ засѣдателей на преступленія.	434
XXXIX. Сторонніе элементы, вліяющіе на приговоры присяжныхъ	455
XI. Молодость и несовершеннолѣтіе въ глазахъ присяжныхъ засѣдателей.	459
XII. Недоразумѣнія между присяжными.	461
XIII. Дѣятельность присяжныхъ во время судебного слѣдствія.	464
XIV. Исключительныя оправдательныя мотивы.	466
XV. Строгіе обвинительные приговоры.	470
XVI. Защита на судѣ присяжныхъ	474
XVII. Незаконпорожденность и неприютность въ глазахъ присяжныхъ	485
XVIII. Письменные доказательства на судѣ присяжныхъ.	490
XIX. Нарушеніе присяжными засѣдателями обязанностей ихъ званій	492

XLIX. Постановка вопросовъ и отвѣтовъ присяжныхъ засѣдателей	495
L. Непослѣдовательность въ приговорахъ присяжныхъ	498
LI. Оправдательные вердикты при сознаниихъ подсудимыхъ	501
LII. Женщины-преступницы на судѣ присяжныхъ	505
LIII. Къ характеристикѣ присяжныхъ засѣдателей	508

III. Очерки, картинки и рассказы.

I. Любушка	513
II. Смута совѣсти	521
III. Да виновна—нѣтъ не виновна	527
IV. Легенда о присяжномъ	533
V. Двумужница	537
VI. Изъ дневника барышни	552
VII. На добрую пользу	558
VIII. На деревнѣ	559
IX. Проклятіе	572
X. Умалишенная	575
XI. Изъ мести	584
XII. Тайна сердца	593
XIII. Голосъ издалека	599
XIV. Леня	602
XV. Въ арестантской камерѣ	606
XVI. Поручитель	611
XVII. Катра	613
XVIII. Посмертный судъ	633